This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Slav 4353.50.2

Harvard College
Library

FROM THE BEQUEST OF

SUSAN GREENE DEXTER

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

Digitized by Google

Slav 4353.50.2

HARVARD COLLEGE LIBRARY
BEALER FUND
JAN 7 1931

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

Digitized by Google

ЖИЗНЬ ШУПОВА,

ЕГО РОДНЫХЪ И ЗНАКОМЫХЪ.

АВТОБІОГРАФІЯ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Часть первая.

I.

Семейныя преданія и смутныя воспоминанія дѣтства.

«Во времена Іоанна Грознаго въ Россію прибылъ одинъ изъ благородныхъ нѣмецкихъ рыцарей, по прозванію Шупъ, и вступилъ въ русскую службу. У него было шесть сыновей, отъ которыхъ произошли разныя достоуважаемыя дворянскія фамиліи. Судьба послѣднихъ была весьма различна. Въ XVII столѣтіи одна изъ нихъ—а именно Шупениковы—едва не утратила дворянскаго достоинства, такъ какъ ея представитель, поселившійся въ деревнѣ, по крайней бѣдности и незнанію грамоты, попалъ въ крѣпостную зависимость, и только стараніями дальнихъ родственниковъ, случайно узнавшихъ объ его участи, было доказано его настоящее происхожденіе, и его дочери, прямо изъ курной избы, попали въ Смольный монастырь. Другая фамилія — графы Шупинскіе—ополячилась, стала въ непріязненныя отношенія къ своему отечеству и долго навлекала несправедливыя нареканія на своихъ вѣрныхъ отчизнѣ сродниковъ. Третья получила княжескій титулъ и подняла носъ передъ старшею линіею своего рода, даже вздумала хвалиться своимъ старшинствомъ и хитро составила для своихъ цѣлей книжонку, подъ заглавіемъ: «Родъ князей Шупинкиныхъ»; но злокозненная выдумка осталась тщетною: книжонка валяется на толкучемъ рынкѣ, а мы — Шуповы — попрежнему удерживаемъ за собой право считаться—увы! только считаться — первыми, такъ какъ нашъ родъ ведется отъ старшаго сына Шупа безъ перерывовъ, незаконнорожденій и почти безъ измѣ-

Digitized by Google

ненія трехъ фамильныхъ именъ: Павла, Константина и Андрея. По крайней мѣрѣ, если измѣненія и бывали, даже очень нерѣдко, то каждый разъ, когда въ нашей семьѣ находились налицо представители трехъ именъ, тогда она достигала высшей степени своего процвѣтанія, и мы стали дорожить этими именами, убѣдившись по опыту, что они — извините за мѣщанское выраженіе!—пришлись по-дому. У всѣхъ Константиновъ Шуповыхъ были старшіе сыновья Павлы. У Павловъ — если они не умирали, къ прискорбію родителей, въ дѣтствѣ—были сыновья Константины и Андреи. Андреи оставались холостяками, частію не по своему желанію, или, женившись, умирали бездѣтными. Правда, трое изъ Андреевъ были женаты и имѣли дѣтей, но ихъ браки были неровные, заключенные безъ согласія родителей, и повели только къ семейнымъ распрямъ, окончившимся тѣмъ, что ослушники лишились наслѣдства. Одно подобное дѣло съ ослушнымъ Андреемъ, происками послѣдняго, дошло до свѣдѣнія правительства, тянулось десятки лѣтъ, пережило ослушника и его дѣтей, умершихъ въ нищетѣ, и покончено тѣмъ, съ чего надо было начать: за неимѣніемъ налицо одной изъ тяжущихся сторонъ, другая была оставлена въ покоѣ, получивъ по праву наслѣдства спорную часть имѣнія. Наше состояніе надолго, можетъ-быть, навсегда, разстроилось этой тяжбою, обогатившею цѣлое поколѣніе судей, подьячихъ и писцовъ... Обыкновенно же по смерти бездѣтныхъ Андреевъ имѣніе переходило къ братьямъ Павламъ, что всегда было кстати, ибо наша дворянская семья не имѣла привычки сколачивать гроши, копить деньгу на черный день. Не получая почему-то особенныхъ денежныхъ наградъ за нашу полезную дѣятельность, непризнанные относительно нашихъ административныхъ и воинскихъ талантовъ, вездѣ обгоняемые выходцами изъ мѣщанъ, подьячихъ и семинаристовъ, обиженные до глубины души пожалованіемъ княжескаго титула красивому Шупинкину, — мы рѣшились поддерживать свое достоинство истинно-дворянскою щедростью и непреклонной гордостью въ столкновеніи со всѣмъ окружающимъ, были ли то какія-нибудь власти, или выскочки въ родѣ Шупинкина, или просто цѣлыя сословія. Шуповы вездѣ являлись доблестными. Въ 1812 году одному изъ нашихъ предковъ удалось прославиться незабвенною услугою, оказанною отечеству. Онъ спасъ до 50 семей мелкопомѣстныхъ дворянъ отъ голодной смерти, поселивъ ихъ въ своей деревнѣ, гдѣ они и прожили до изгнанія Наполеона. Но и

Digitized by Google

тутъ судьба оказалась къ нему мачихой. Отечество, занятое устройствомъ комитетовъ для раненыхъ, для вдовъ и сиротъ, не наградило ничѣмъ нашего предка; спасенные дворяне отплатили самою черною неблагодарностью, распустивъ на двѣсти верстъ постыдный пасквиль про своего благодѣтеля, и, наконецъ, несчастный страдалецъ былъ принужденъ просить у мѣстныхъ властей защиты отъ собственныхъ крестьянъ... Скверное, господа, было тогда время!.. Сломленный всѣми этими событіями, несчастный Павелъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ съ горькими мыслями о непрочности земной славы, о человѣческой неблагодарности, погибъ мизантропомъ, оставивъ жену съ пятерыми дѣтьми и роялистомъ-гувернеромъ въ крайне затруднительномъ положеніи...»

Такія свѣдѣнія о нашемъ родѣ можно было получить отъ каждаго изъ его наличныхъ членовъ мужескаго и женскаго пола; разница заключалась въ томъ, что въ разсказахъ мужчинъ проявлялось болѣе суровой, такъ сказать, погодинской сжатости, а въ разсказахъ женщинъ преобладала карамзинская наклонность къ истерикѣ. Сущность же повторялась съ такою точностью, что можно было думать о существованіи рукописной лѣтописи. Однако, лѣтописи не имѣлось; вмѣсто нея въ семьѣ хранилась картина, представлявшая родословное дерево, выросшее изъ живота лежащаго на землѣ рыцаря Шупа; эта картина не мало занимала меня въ дѣтствѣ. Разсказы же сохранились въ младенческо-наивной формѣ преданія, что̀ придавало имъ особенную прелесть. Слушая ихъ, невольно вспоминалъ человѣкъ знакомыя слова: «отецъ передавалъ сыну, сынъ своимъ дѣтямъ, и такъ переходило изъ рода въ родъ, покуда люди не развратились...» Вы знаете, что за развращеніемъ послѣдовала письменность. Я первый рѣшился изложить на бумагѣ сущность нашей семейной исторіи и описать подробно ея новѣйшія событія. Это произошло, вѣроятно, отъ того, что я развратился и пересталъ вѣрить въ возможность сохранять историческіе факты въ изустномъ преданіи...

Въ большой гостиной Шуповскаго дома сидѣли господинъ въ военной формѣ, ему было лѣтъ тридцать пять, и женщина лѣтъ шестидесяти, съ довольно свѣжимъ лицомъ, имѣвшимъ особенное свойство не блѣднѣть и не краснѣть въ теченіе всего дня, что дѣйствовало весьма непріятно на свѣжаго человѣка и порождало въ его головѣ странный вопросъ: что̀ таится подъ этой маской? Барыня эта была ста-

Digitized by Google

рою дѣвственницей, носила фамилію Шуповой и приходилась родной теткой господину, сидѣвшему съ ней въ гостиной, — Константину Павловичу Шупову. Собесѣдники молчали. Мужчина задумчиво чертилъ вензеля на оберткѣ французской книжки, барыня равномѣрно покачивала головой и, подъ такъ качанью, касалась пальцами до ручки кресла, какъ будто напѣвая въ умѣ какой-то веселенькій и вызывающій на пляску мотивъ. Но это только такъ казалось, бѣдняжка по волѣ судьбы вѣчно находилась въ этомъ положеніи поющей про себя артистки: у нея, со времени непріятностей въ деревнѣ брата Павла, начала отъ испуга трястись голова и съ тѣхъ поръ она всячески старалась скрыть трясеніе, представляя его признакомъ веселаго расположенія духа. Состояніе тѣмъ болѣе непріятное, что съ нимъ соединились страшныя для шуповскихъ сердецъ воспоминанія. Бывало, начнетъ кто-нибудь изъ Шуповыхъ разсуждать о своей любви къ мужикамъ, и взглянетъ случайно на барыню, а она таково весело головкой со стороны на сторону покачиваетъ, да улыбается — ядовито она улыбалась!—и стихнетъ, неизвѣстно почему, сконфуженный ораторъ. Въ минуту, съ которой начинается разсказъ, о подобныхъ разговорахъ не было и помину. Въ домѣ царствовала тишина, люди (т. е. прислуга, пользующаяся исключительною привилегіею носить это названіе) ходили на цыпочкахъ, говорили болѣе руками и глазами, и, можетъ-быть, только гдѣ-нибудь въ отдаленномъ коридорѣ какая-нибудь горничная ругала преобидными словами распрегадкаго лакея за его непрошенные щипки и щекотанья, выражавшіе крайнюю степень галантности всѣхъ русскихъ крѣпостныхъ лакеевъ. Мертвая тишина всегда предшествуетъ живому событію, какъ ночь — дню, какъ сонъ пробужденью; то же было и здѣсь: въ домѣ ожидалось рожденіе человѣка, и не просто такъ себѣ какого-нибудь человѣка-пѣшки, а лица, уже во чревѣ матери предназначеннаго для занятія мѣста въ историческихъ преданіяхъ, короче—рожденіе Шупова.

Въ гостиную неслышными шагами вошелъ докторъ.

— Ну, что? — нетерпѣливо спросилъ Константинъ Павловичъ.

Докторъ важно пожалъ плечами.

— Ждемъ.

— Этому конца не будетъ!

— Вы смѣшны, — замѣтила не безъ ѣдкости барыня. — Это не дѣлается по командѣ.

Digitized by Google

— Не опасна она? — освѣдомился Шуповъ, не обративъ вниманія на слова тетки.

— О, нѣтъ! — флегматически процѣдилъ докторъ и глубокомысленно посмотрѣлъ на часы, словно что-то соображая.

Ученый мужъ, подобно самымъ простымъ смертнымъ, любилъ и умѣлъ ломаться въ тѣ минуты, когда онъ чувствовалъ, что и онъ есть *нѣчто*, а не ничто.

Всѣ задумались, по всей вѣроятности, объ участи будущаго человѣка и, прилично предмету размышленій, помолчали.

— Однако, это будетъ ужасно! — почти безсознательно воскликнулъ хозяинъ.

— Что ужасно?—спросила тетка.

— Четвертый Павелъ,—неужели и онъ умретъ?

— Можетъ-быть, дѣвочка?—утѣшилъ докторъ.

— Можетъ-быть, очень можетъ-быть, — согласился Шуповъ.—А если мальчикъ? вѣдь это четвертый Павелъ!

— Дайте другое имя, если васъ смущаетъ только оно.

— Это невозможно!

— Почему же?

— Потому что *онъ* долженъ быть Павломъ.

Подъ словомъ *онъ* Шуповъ подразумѣвалъ: мой наслѣдникъ—и въ его головѣ промелькнула достойная всякой похвалы родительская мысль: братъ умретъ, тетка умретъ, дядя умретъ, и все сосредоточится въ нашихъ рукахъ.

— Но отчего же долженъ?—допрашивалъ докторъ.

— Вы, докторъ, этого не поймете, — полунасмѣшливо, полусострадательно произнесла барыня, глядѣвшая на докторишку, навѣрное бывшаго студентишкомъ, свысока, и только въ крайнихъ случаяхъ говорившая съ нимъ. — О перемѣнахъ именъ тутъ не можетъ быть и рѣчи.

Докторъ пожалъ плечами; ему было совершенно неизвѣстно, что съ рожденіемъ Павла должно начаться по шуповскимъ соображеніямъ, основаннымъ на прежнихъ опытахъ, процвѣтаніе семьи.

— Возьми въ крестные отцы перваго встрѣчнаго, — наставительно посовѣтовала тетушка.

— Что же изъ этого будетъ?

— Ребенокъ будетъ жить.

— Глуп...—началъ Константинъ Павловичъ.

— Ты ошибаешься,—холодно прервала тетка нечестивую фразу племянника. — У дѣда Павла умерли два Константина, и когда родился третій, то дѣдъ взялъ въ крестные

Digitized by Google

отцы перваго встрѣчнаго, и мой отецъ, а твой дѣдъ, остался живъ. Кажется, ты не могъ забыть, такія вещи не забываются!

Шуповъ закусилъ губу, должно быть, почувствовавъ всю справедливость упрека за невниманіе къ преданіямъ и правиламъ жизни, выработаннымъ шуповскою мудростью. И что же было бы, если бы эти правила забылись? Каждый сталъ бы дѣйствовать по своему слабому разумѣнію, принимался бы за все зря, безъ твердаго сознанія, что такой-то его поступокъ требуется самою хранящею насъ судьбою; на землѣ насталъ бы полнѣйшій разладъ. Не такъ поступали Шуповы. Рядомъ съ основательнымъ знаніемъ французскаго языка и завѣтною, хотя и тщетною надеждой попасть ко двору, они принимали отъ отцовъ указанія, какъ поступать въ тѣхъ или другихъ сомнительныхъ случаяхъ жизни, и тѣмъ стяжали въ своемъ кругу должное уваженіе. Всѣмъ шуповскимъ знакомымъ было извѣстно, что Шуповы бросали горсточку соли черезъ плечо лакея, если онъ просыпалъ соль; это дѣйствіе съ отличнымъ успѣхомъ предупреждало ссору, конечно, не съ лакеемъ, — его и безъ ссоры можно было посѣчь,—а съ кѣмъ-нибудь другимъ. На шуповскихъ столахъ никогда не зажигалось разомъ трехъ свѣчей, предвѣстницъ смерти. По журналу шуповскаго дворецкаго можно было усмотрѣть, что Шуповы никогда не отправлялись въ дальній путь по понедѣльникамъ, такъ какъ понедѣльнику самою судьбой назначено быть тяжелымъ днемъ, и, отправляясь въ путь, сначала присаживались всей семьей на нѣсколько минутъ, потомъ же наблюдали, чтобы въ воротахъ никто не попался съ пустой посудиной, какъ-то: съ ведрами, кадками, мисками и т. п. Говорятъ даже, что въ былыя времена у Шуповыхъ ставился на окно башмакъ подошвою къ стеклу, въ то время, когда на улицѣ выла собака передъ покойникомъ, т. е. уткнувъ морду внизъ и царапая лапами землю (передъ пожаромъ собаки воютъ, поднявъ морду вверхъ, не царапая земли, и тогда на окно не башмаки выставляются), но это правило уничтожено, за ненужностью, съ тѣхъ поръ, какъ выстроились шуповскія хоромы, отъ которыхъ отгоняются всевозможныя собаки.— И совершенно непостижимая странность! Шуповы стали въ этомъ случаѣ опасно либеральничать, подсмѣивались надъ тѣми, которые, за неимѣніемъ хоромъ и швейцаровъ, еще пускали въ ходъ прогоняющій смерть башмакъ... Но, сдѣлавъ это необходимое отступленіе, я отклонился отъ сцены въ гостиной; перехожу къ ней снова.

Digitized by Google

— Вы бы сходили, докторъ, къ ней, — сказалъ Константинъ Павловичъ.

Докторъ повиновался. Хозяинъ снова принялся за черченіе вензелей, тетушка, по обыкновенію, мысленно напѣвала веселенькій мотивъ. Прошло четверть часа, полчаса, часъ. Наконецъ, въ комнату явился лакей.

— Ну, что?—встрепенулся Шуповъ.

— Пришла какая-то женщина, говоритъ, что ей нужно васъ видѣть.

— Кто такая?

Брови Константина Павловича нахмурились.

— Не могу знать-съ, въ траурѣ...

— Въ траурѣ? Гони, гони каналью!

Шуповъ вышелъ изъ себя и выразился немного рѣзко, забывъ, что онъ не въ казармѣ, а въ своихъ хоромахъ.

— Отвратительный народъ эти попрошайки. Вѣдь вѣрно по случаю рожденія пришла канючить на бѣдность. И въ такое время въ траурѣ! Пріучила ихъ Мари на свою голову,—заговорила тетка съ такимъ жаромъ, что было видно, какъ близко касался предметъ до ея дѣвственнаго сердца.

— Что это, предзнаменованье, что ли?

— Очень можетъ быть, весьма можетъ быть! А все Мари виновата со своими благодѣяніями. И на что и кому благодѣтельствуетъ? Нищимъ, тунеядцамъ, лѣнтяямъ! Я думаю, всѣ они воры страшные, пьютъ мертвую... И тебѣ, голубчикъ, я удивляюсь, ты ни во что не входишь, ты у себя какъ въ гостяхъ...

Въ комнату вошелъ другой лакей и прервалъ рѣчь барыни, принявшую язвительный тонъ и грозившую окончиться войной.

— Что?—послышался вопросъ.

— Все благополучно-съ.

Барыня презрительно и какъ-то злобно усмѣхнулась надъ стереотипной лакейской фразой.

— Павелъ?—спросилъ Шуповъ.

— Мальчикъ-съ.

— Ступай! Тетушка, вы пройдете къ Мари, а я пойду сейчасъ же искать крестнаго отца.

Шуповъ рѣшился прежде застраховать ребенка отъ смерти и уже потомъ разсмотрѣть его и дать ему первый отцовскій поцѣлуй; онъ былъ не идеалистъ, не дорожилъ поцѣлуями и рѣдко расточалъ ихъ.

Первое попавшееся Константину Павловичу лицо былъ

Digitized by Google

одинъ изъ петербургскихъ чиновниковъ, котораго и пригласили окрестить ребенка. Такимъ образомъ, я родился на свѣтъ, былъ окрещенъ первымъ встрѣчнымъ и, благодаря этой затѣѣ, остался жить, не послѣдовавъ благому примѣру Павловъ, перваго, второго и третьяго.

Человѣческая память очень похожа на безпорядочный архивъ, гдѣ каждому бросается въ глаза ни на что не годное дѣло о расквашенномъ носѣ полицейскаго солдата, пострадавшаго въ схваткѣ съ пьяною бабою, между тѣмъ какъ нѣтъ никакой возможности отыскать дѣло о какомъ-нибудь терпѣливомъ мученикѣ, сгубленномъ всякими людскими неправдами. То же самое случилось и съ моей памятью. Я вполнѣ ясно помню длинную-предлинную, тощую, какъ щепка, фигуру мадамъ Бурдонъ, моей первой гувернантки, пробудившей во мнѣ впервые военныя наклонности и страсть къ битвамъ; но за этимъ своего рода расквашеннымъ носомъ совершенно исчезаетъ образъ моей матери, являющейся мнѣ какою-то призрачною тѣнью, безъ ясныхъ очертаній. Сколько я ни стараюсь теперь всмотрѣться въ этотъ образъ,—онъ попрежнему остается смутнымъ, и вижу я въ немъ только одно опредѣленное выраженіе: это выраженіе страдальчески-кроткой покорности! Я не люблю покорности ни въ какомъ видѣ, но если бы тѣнь матери явилась безъ этого выраженія, то я разлюбилъ бы ее,—это, кажется, странно, но вполнѣ понятно для меня: она не могла, не должна была существовать съ другимъ выраженіемъ на лицѣ среди той обстановки, гдѣ я ее видѣлъ. Объ этой-то обстановкѣ я и буду говорить...

Помнится мнѣ большой барскій домъ, роскошно убранный, съ швейцаромъ на парадной лѣстницѣ, со множествомъ крѣпостныхъ слугъ въ комнатахъ, лакеи во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, полы вездѣ натерты воскомъ, у оконъ задернуты внизу бѣлыя, синія и зеленыя, смотря по мебели, шелковыя занавѣсочки, прикрѣпленныя бронзовыми кольцами къ бронзовымъ прутьямъ. Съ улицы и изъ противоположнаго дома не можетъ заглянуть къ намъ никакой мусоръ человѣческаго рода, никакой шлепающій по грязи пасынокъ городской жизни. Изъ нашихъ комнатъ тоже не видно проходящихъ людей, какъ изъ школьнаго класса, и не мозолятъ нашихъ глазъ ихъ рваныя рубища и невѣрныя болѣзненныя походки. Виденъ отъ насъ только верхній этажъ огромнаго, плохо выкрашеннаго дома по ту сторону улицы. Тамъ постоянно грязны стекла, отливающія всѣми

Digitized by Google

цвѣтами радуги, на окнахъ множество горшечковъ съ геранiями, бальзаминами и бѣлыми китайскими розами, тамъ поютъ чижи и канарейки, часто появляются дѣтскiя лица, замаранныя леденцами и чернымъ хлѣбомъ. Иногда эти дѣти высовываются изъ окна—бывало даже страшно за нихъ, казалось, такъ вотъ и вылетятъ на мостовую—они спускаютъ бумажныхъ змѣйковъ на ниткахъ и мыльные пузыри. За ними, кажется, никто не смотритъ. Рты у нихъ всегда чѣмъ-нибудь набиты, и оттого, какъ у обезьянъ, вѣчно оттопырена одна щека, наполненная ѣдой. Мнѣ хотѣлось заглянуть въ этотъ домъ, узнать, отчего тамъ такъ много людей, отчего несется оттуда и визгъ, и грохотъ, словно всѣ живущiе въ немъ къ чему-то приготовляются, что-то подлаживаютъ, чтобы совершить какое-нибудь важное дѣло. Я уже успѣлъ въ то время прочесть исторiю крестовыхъ походовъ, написанную для дѣтей, и мнѣ казалось, что въ большомъ домѣ собрались крестоносцы и готовятся къ походу, что имъ некогда умыть и одѣть дѣтей, что они сунули послѣднимъ хлѣба и леденцовъ, лишь бы дѣти не мѣшали ихъ приготовленiямъ. Нашъ тихiй домъ съ своимъ соннымъ порядкомъ и чинностью представлялся мнѣ дворцомъ султана, который и не чаетъ, что затѣяли крестоносцы, и спокойно спитъ въ своихъ душистыхъ покояхъ. Задумчиво сидя гдѣ-нибудь въ углу дѣтской, я переживалъ самыя страшныя битвы, побѣждалъ враговъ и, покрытый ранами, несомый на носилкахъ, потухающимъ взоромъ глядѣлъ на цвѣты, которыми усыпали мой путь... Далеко уносила меня фантазiя отъ праздничной обстановки, среди которой я и моя сестра ходили какъ маленькiя куклы на пружинахъ, чинно и сдержанно. Играли мы только въ дѣтской, если же намъ приходила охота побѣгать по заламъ, гдѣ полъ былъ гладокъ, какъ ледъ, то мадамъ Бурдонъ дѣлала намъ выговоръ и уводила насъ въ дѣтскую, пугая, что пожалуется отцу.—«Это пахнетъ мѣщанствомъ», говорила она на французскомъ дiалектѣ, заставая насъ играющими въ лошадки или смотрящими изъ-за занавѣсокъ на большой домъ. Только лѣтомъ немного освобождались мы отъ этого полицейскаго солдата и проводили бо́льшую часть дня съ матерью, которую на время избавляли отъ своихъ посѣщенiй разные знакомые.

Мы любили мать и особенно охотно играли зимой въ ея кабинетѣ. Тамъ было множество цвѣтовъ, книгъ съ картинами, у окна стояла клѣтка съ попугаемъ. Въ эту комнату

Digitized by Google

мы приходили сами, когда не было гостей; звали же насъ въ нее, когда пріѣзжала знакомая читателю тетка. Моя сестра помнила во всю жизнь, что тетка, во время посѣщеній, бранила передъ матушкою нашего отца за картежную игру и еще за что-то, чего сестра не понимала въ тѣ годы.

— Надо же это когда-нибудь кончить, объ этомъ весь городъ трубитъ,—говорила тетка.

— Весь городъ! но развѣ *они* лучше живутъ?—съ презрѣніемъ воскликнула матушка.

— Не о томъ рѣчь, кто живетъ лучше, кто хуже. Но онъ разоряется на нее; дозволять это съ вашей стороны непростительная слабость, въ васъ нѣтъ энергіи...

— Тетушка!..

— Наконецъ, я не понимаю вашихъ отношеній къ нему, вашихъ чувствъ, вы хладнокровно уступаете мужа какой-нибудь...

— Тетушка! здѣсь дѣти,—перебивала матушка.

Тетка умолкала и черезъ нѣсколько минутъ замѣчала совершенно простодушнымъ тономъ:

— Развѣ мадамъ Бурдонъ уѣхала, что они здѣсь?

— Нѣтъ, они всегда со мною.

— Охота возиться!—тетушка надувала губы и сильно трясла головой.

Она и не подозрѣвала, что мы играли роль громоотвода, а она сама роль молніеносной тучи.

Тотъ, о комъ, по ея словамъ, трубилъ весь городъ, вселялъ въ насъ страхъ и трепетъ. Слыша его металлическій голосъ, мы дрожали; ровный, звучный, оглушающій, онъ проносился по всѣмъ комнатамъ, когда отецъ кричалъ на кого-нибудь. Впрочемъ, я невѣрно выразился: отецъ никогда не кричалъ; крикъ предполагаетъ усиліе, болѣзненную раздражительность кричащаго, надсаживанье имъ собственной груди,—этого не бывало съ отцомъ, онъ гремѣлъ безъ усилій надъ собою, какъ громъ, доходя отъ едва слышнаго шопота до оглушающихъ звуковъ. Особенно памятна мнѣ одна сцена ужаса. Однажды я и сестра, украдкою отъ мадамъ Бурдонъ, убѣжали въ залу. Вдругъ къ подъѣзду подкатилъ экипажъ, мы въ первую минуту растерялись, потомъ бросились бѣжать; но было уже поздно: у самыхъ дверей зала, въ коридорѣ, послышался голосъ отца.

— Что ты дѣлаешь, ска-а-тина? спишь?—гремѣлъ отецъ на швейцара, который былъ не на своемъ мѣстѣ, а попался ему въ коридорѣ.

Digitized by Google

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Врешь, мерзавецъ! Я те-бя на конюшнѣ запорю, отчетливо и безпощадно произнесъ отецъ, сдѣлавъ удареніе на словѣ «тебя».—Гдѣ ты былъ, когда я пріѣхалъ?

— Я относилъ къ барынѣ письма.

— А Андрюшка же гдѣ былъ?

— Не могу знать-съ.

— Позвать Андрюшку! Я васъ проучу, мерзавцы!

Отецъ взялся за ручку двери, ведущей въ залъ.

Мы притаились въ углу.

— Зачѣмъ вы здѣсь?—гнѣвно спросилъ отецъ.

— Мы, рара...—началъ я, трясясь всѣмъ тѣломъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь? зачѣмъ вы здѣсь? Я васъ спрашиваю,—говорилъ отецъ глухимъ шопотомъ, наклонившись къ намъ и сверкая глазами.—Мадамъ Бурдонъ гдѣ?—онъ схватился за ручку сонетки и началъ трезвонить.

Мы дрожали въ углу. Въ домѣ царствовала могильная тишина, только визгливо звенѣлъ колокольчикъ... Наконецъ, сонетка съ трескомъ лопнула и осталась въ рукѣ отца, жалобнымъ стономъ звякнулъ въ послѣдній разъ колокольчикъ, словно призывая кого-то на помощь... Отецъ рванулся впередъ съ криками:—«Бурдонъ, Андрюшка, Гришка!» Никто не являлся на зовъ, всѣ забились въ углы... Эта сцена и эти прятки повторялись не разъ и не два.

— Другъ мой, Константинъ!—послышался кроткій и мелодическій голосъ матери.

Ея рука опустилась на плечо отца, онъ отшатнулся отъ нея съ гнѣвомъ и, кажется, готовъ былъ уничтожить эту жертву.

— Что это значитъ? что дѣлается у меня въ домѣ, сударыня? всѣ сговорились бѣжать отъ меня? Я ихъ запорю!

— Ну, полно, мой другъ!—прервала его матушка и поднесла его руку къ своимъ губамъ.—Дѣти, идите къ себѣ въ комнату!

Мы пошли. Я побѣжалъ въ дѣтскую, а сестра не могла побѣдить любопытства и приникла къ замочной скважинѣ. Ей казалось, что отецъ станетъ убивать матушку, и она приготовилась защитить ее. Матушка была въ бѣломъ платьѣ, худенькая, стройная, съ темными волосами, гладко зачесанными, съ густой и тяжелой косой. Послѣ нашего ухода она обвила одною рукою шею отца, другою снова взяла его руку и поднесла къ своимъ губамъ, потомъ повернула его лицо къ себѣ, стала на него смотрѣть, какъ

Digitized by Google

будто желая что-то прочесть въ его глазахъ. Онъ стоялъ какъ ягненокъ, опустивъ въ землю глаза. Наконецъ, они сѣли. Сестра почти не слыхала ихъ разговора: до ея слуха долетали только отрывистыя фразы.

— Ну, ты не будешь болѣе сердиться? Вѣдь они всѣ тебя боятся, ты ихъ запугалъ. Милый мой, зачѣмъ ты себя раздражаешь? Вѣдь это и тебѣ вредно, и людей ожесточаетъ противъ тебя. Ты вѣрно былъ недоволенъ смотромъ?—говорила матушка.

— Всѣмъ, всѣмъ!—какъ-то отчаянно-глухо произнесъ отецъ.—Это каторжная жизнь, хуже каторжной! И служба, и люди, и обстоятельства,—все, все невыносимо!

— Полно. Погляди на меня, ты не сердишься? Нѣтъ? Другъ мой, миленькій!..

Матушка цѣловала и руки, и губы, и глаза отца, и жалась къ нему, какъ ребенокъ, съ улыбкой на губахъ.

— Славная ты женщина, добрая женщина!—проговорилъ онъ.—Я не умѣю тебя цѣнить...

— Тс! молчи!—она весело зажала его ротъ своею рукою.

Онъ ее поцѣловалъ, и какое-то странное, непонятное для сестры въ тѣ годы выраженіе страсти пробѣжало по его лицу. Сестра убѣжала въ дѣтскую. Черезъ полчаса насъ позвали къ завтраку. За столомъ отецъ былъ веселъ и шутилъ, даже говорилъ съ лакеемъ, чего въ обыкновенное время онъ не дѣлалъ, считая неприличнымъ говорить съ прислугой.

— Куда вы спрятались, когда я пріѣхалъ?—спрашивалъ онъ у мадамъ Бурдонъ.

— Я не пряталась, но я не слыхала, что вы меня звали,—сконфуженнымъ голосомъ отвѣчала она.

— Хитрите!—погрозилъ ей отецъ.

— Право, нѣтъ.

— Гроша не стóятъ, какъ я погляжу, всѣ люди передъ моею Мари. А ужъ тебѣ когда-нибудь достанется, Андрюшка, за то, что ты зайца разыгрываешь!—замѣтилъ отецъ лакею, подававшему блюдо.

— Воля ваша-съ!—съ необычайною смѣлостью брякнулъ Андрюшка, и въ его лихой головѣ, навѣрно, промелькнуло извѣстное нецензурное присловье къ этой лакейской фразѣ, по крайней мѣрѣ, такъ можно было думать, судя по его улыбкѣ.

— Знаю, что моя воля,—произнесъ отецъ.—Призови сегодня портного и сапожника; барыня говоритъ, что у васъ одежды порядочной нѣтъ. Надо заказать. Слышишь?

Digitized by Google

— Слушаю-съ.

— Вы все молчите. Вѣдь не ходить же мнѣ самому осматривать вашъ гардеробъ! Вы сами должны говорить, чего у васъ недостаетъ.

«Скажи-ка тебѣ нашъ братъ, такъ и костей своихъ не соберешь», думалъ Андрюшка. Въ этотъ день вся прислуга сіяла; баринъ дѣлалъ все, о чемъ люди тайкомъ просили барыню. Матушка улыбалась, хотя ее душилъ кашель. Вечеромъ отецъ уѣхалъ въ театръ. Когда мы пошли прощаться на ночь съ матушкой, она полулежала въ креслѣ; ея глаза были красны отъ слезъ, руки мертвенно-неподвижно лежали на колѣняхъ, батистовый платокъ былъ мокръ.

— Перекрести насъ, мама, мы спать идемъ.

Матушка очнулась.

— Спите, дѣти, покойно,—сказала она и перекрестила насъ.

Когда она цѣловала меня, на мой лобъ упала слеза.

— Мама, ты плачешь?—спросилъ я.

— Нѣтъ, мой другъ, это отъ кашля слезы текутъ,—улыбнулась она.

— А отъ чего ты кашляешь?

— Простудилась, дитя мое. Ты помолись обо мнѣ, я и буду здорова.

— Я буду, мама, молиться.

— И я, и я буду молиться, мы оба будемъ молиться,—заговорила сестра.

— Христосъ съ вами, дѣти!

Матушка проводила насъ до дверей и прислонилась къ косяку. Она долго слѣдила за нами, покуда мы шли по освѣщеннымъ комнатамъ.

— Я буду за маму молиться,—сказалъ я сестрѣ.

— И я тоже.

— Знаешь, что? Мы ляжемъ и будемъ въ постеляхъ долго-долго, всю ночь будемъ молиться, а такъ намъ долго не позволятъ...

И мы молились...

«Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на пути грѣшныхъ не ста, и на сѣдалищи губителей не сѣде...» читалъ дьячокъ черезъ три мѣсяца послѣ описанной сцены. Зала была обита черной фланелью, посрединѣ стоялъ бѣлый глазетовый гробъ, въ гробу лежала женщина въ бѣломъ, кругомъ теплились восковыя свѣчи, толпились

Digitized by Google

разносословные люди, слышались французскія фразы сожалѣнія и незатѣйливыя, но искреннія русскія восклицанія: «благодѣтельница наша, голубка чистая, ангелъ небесный!..» Въ этомъ чуялось сознаніе потери... Женщина эта была моя мать. Недалеко отъ гроба, прислонясь къ стѣнѣ, стоялъ, какъ статуя, мужчина въ бѣломъ военномъ мундирѣ и тупо глядѣлъ на покойницу.

— Константинъ Павловичъ, вы бы сѣли,—говорили ему родные.—Онъ садился.—Вы бы пошли въ гостиную подышать свѣжимъ воздухомъ.—Онъ выходилъ въ гостиную, становился къ окну и барабанилъ по мраморному подоконнику.

— Панихида началась, пожалуйте,—докладывалъ барину лакей.

Баринъ шелъ на панихиду.

Такъ прошло три дня, на четвертый совершалось послѣднее отпѣваніе. Наконецъ, кончилось и оно, принесли крышу гроба и стали закрывать покойницу.

— Не закрывайте маму, не запирайте ее въ этотъ ящикъ!— крикнули въ одинъ голосъ я и сестра.

Отецъ очнулся, схватилъ насъ обѣими руками, упалъ на колѣни и зарыдалъ, какъ дитя.

— Несчастныя дѣти!—вырвалось изъ его груди.

Точно, несчастныя дѣти! Но, можетъ-быть, ни одинъ человѣкъ изъ пышнаго собранія слетѣвшихся ради поминокъ господъ не понялъ, сколько правды, самой страшной правды, заключалось въ этомъ восклицаніи; едва ли понималъ это и самъ отецъ.

Гробъ торжественно вынесли изъ дома, и съ нимъ вынесли и прежнюю жизнь этого дома. Насталъ какой-то переломъ въ семейномъ быту, всѣ вдругъ почувствовали, что чего-то недостаетъ, стали хлопотать, какъ бы устроить новую жизнь, искали формы, куда ее отлить, и въ этихъ исканіяхъ пронеслись годы, тяжелые годы моего дѣтства.

II.

Я знакомлюсь съ нашей прислугой и знакомлю съ ней читателя.

Послѣ смерти матушки, отецъ, какъ-будто, боялся своего дома и пропадалъ изъ него по цѣлымъ днямъ, даже по нѣскольку дней, возвращаясь въ свое жилище, чтобы выспаться, переодѣться, захватить денегъ и всполошить всѣхъ страшнымъ шумомъ. «Поѣхалъ разгуливать!» говорила при-

Digitized by Google

слуга, заслышавъ звуки его голоса, и, видимо, радовалась его отъѣзду. Мадамъ Бурдонъ попрежнему занималась съ нами уроками въ назначенные часы и гуляла съ нами по Дворцовой набережной, для пищеваренія, но остальное время дня проводила за чтеніемъ французскихъ романовъ и оставляла насъ безъ присмотра, на полной свободѣ. Иногда заѣзжала къ намъ, неизвѣстно зачѣмъ, наша тетка и, покачавъ со стороны на сторону головой, сказавъ нѣсколько ничего незначащихъ фразъ, убиралась во-свояси. Она могла бы быть столько же полезною для насъ, сидя дома. Сестра,— ей шелъ пятнадцатый годъ,—сильно потрясенная утратой, сдѣлалась какъ-то не дѣтски серьезна и задумчива. Она просиживала по часамъ въ кабинетѣ матушки, читала находившіяся тамъ книги, отрыла дневникъ матери, не разлучалась съ этой страдальческою исповѣдью и часто неутѣшно плакала надъ нею. Ея серьезность была непонятна для меня,—мнѣ еще не было восьми лѣтъ,—и я думалъ, что сестра сердится на меня, когда она не соглашалась на мою просьбу поиграть попрежнему.

— Ты дитя, Поль,—говорила мнѣ она.

— А развѣ ты большая?

— Я большая, я все знаю.

— Ничего ты не знаешь; ты и училась хуже меня у мадамъ Вурдонъ, только на фортепьяно бренчать умѣешь,— сердито упрекалъ я сестру.

— Я ее ненавижу, и никогда не стану хорошо учиться у нея, и ты не сталъ бы учиться, если бы ты былъ большой. На что мнѣ ея французскія басни? Что я стану дѣлать съ ея діалогами? Они и никому не нужны, это всѣ большіе знаютъ, умные знаютъ...

— А вотъ я пожалуюсь ей, она и накажетъ тебя, большую-то! Тебѣ и будетъ стыдно,—угрожалъ я.

— Ты злой, ты злой! Ты на папу похожъ, ты хотѣлъ бы, чтобы всѣ отъ тебя плакали, вотъ ты какой!

— Такъ ты и папу бранишь? Постой же!

— Да, да, браню! Если бы папа не былъ злой, наша добрая мама не умерла бы, не бросили бы насъ, какъ собаченокъ, было бы кому насъ приласкать. Ты тоже злой, ты тоже не любилъ маму, тебѣ ея не жаль, ты радъ, что безъ нея бѣгать можно!

Изъ сверкающихъ гнѣвомъ глазенокъ сестры катились крупныя капли слезъ, лицо горѣло огнемъ и какъ-то трепетало; она была необыкновенно хороша. Упреки задѣвали

Digitized by Google

меня за живое и, рыдая, я просилъ у нея прощенья, клялся, что я любилъ матушку, что люблю и ее. Я припадалъ губами къ ея рукѣ, и на мою голову одна за другою лились горячія слезы, сыпались поцѣлуи; мнѣ чудилось, что меня снова ласкаетъ моя любимая мать...

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ разговоровъ я оставилъ сестру въ покоѣ, и между нами установились довольно странныя, полныя поэзіи, отношенія: она смотрѣла на меня какъ мать, кротко и снисходительно, я уважалъ ее и искалъ случая угодить ей, заслужить ея одобреніе и ласку. Съ дѣтской наивностью пряталъ я свою порцію лакомствъ для того, чтобы отдать ее сестрѣ; если она не брала моего приношенія, то я дѣлался грустнымъ. Мнѣ казалось, что пирожное и конфеты должны непремѣнно утѣшить сестру, такъ сказать, подсластить горечь ея жизни. Такимъ образомъ, я остался совсѣмъ одинокимъ, и меня потянуло въ людскую, въ переднюю, въ общество нашей прислуги. Тамъ слышались живые разговоры, громкій смѣхъ, и мнѣ захотѣлось узнать, отчего эти люди веселы, и развеселиться самому. Мало-по-малу я коротко познакомился со всѣми личностями этого своеобразнаго міра. До сихъ поръ свѣжо во мнѣ воспоминаніе о нашей старой ключницѣ Аринѣ Прокофьевнѣ, носившей чепецъ съ широчайшими оборками, объ Андрюшкѣ—разлюбезномъ человѣкѣ, какъ онъ величалъ себя, о накрахмаленномъ камердинерѣ отца, Григорьѣ Ивановичѣ, изъ вольнонаемныхъ, и о моемъ миломъ, неоцѣненномъ дядькѣ Митричѣ, старомъ младенцѣ, котораго я почти не замѣчалъ при жизни матушки. Съ наслажденіемъ слушалъ я въ зимніе вечера сказки Арины Прокофьевны, дрожалъ отъ ужаса при разсказахъ о змѣѣ-горынычѣ, кощеѣ безсмертномъ, трехъ роковыхъ дорогахъ, волкѣ крылатомъ, холодѣлъ всѣмъ тѣломъ, когда Арина Прокофьевна очень искусно шипѣла по-змѣиному, свистала по-разбойничьи и, поразительно вѣрно поддѣлывалась подъ голосъ бабы-яги, стуча вмѣсто песта ногою, сопѣла: «фу-фу, здѣсь русскимъ духомъ пахнетъ...» тутъ ужъ я окончательно замиралъ. Долго ежился въ своей постели, завернувшись головой въ одѣяло и тщетно стараясь уснуть. Если бы міру были очень нужны трусы, то я посовѣтовалъ бы только одно: съ колыбели, лѣтъ до пятнадцати, каждый день разсказывать человѣку эти сказки тѣмъ монотонно-воющимъ, гробовымъ голосомъ, которымъ разсказывала мнѣ ихъ Арина Прокофьевна, во всѣхъ другихъ случаяхъ очень голосистая

Digitized by Google

женщина, и, въ концѣ-концовъ, получился бы идеалъ трусости, безотчетной, глупой, но непобѣдимой никакими доводами разсудка. И я хватилъ этого чувства на свою долю; наводила на меня страхъ темная комната, всячески старался я скрыться ночью отъ своей собственной рубашки, лежавшей на стулѣ и озаренной луной, и еще болѣе боялся того неизвѣстнаго человѣка, который съ недѣлю преслѣдовалъ меня, шурша по полу своими невидимыми ногами; долго я не могъ повѣрить, что этотъ человѣкъ былъ просто миѳъ, игра моего воображенія, и что шуршали по полу не его ноги, а мои собственные панталоны, сдѣланные не въ мѣру длинными: панталоны обрѣзались и давнымъ-давно износились, а страхъ оставался во мнѣ попрежнему и многими годами пережилъ ихъ. Можетъ-быть, я сталъ бы и совсѣмъ трусомъ, если-бы Арина Прокофьевна была для меня болѣе привлекательна, чѣмъ Андрюшка и Митричъ.

Андрюшка—разлюбезный человѣкъ—былъ острякъ, волокита, франтъ и хлыщъ лакейской. Въ дѣтствѣ онъ обучался пѣснопѣнію (я говорю его словами) и числился пѣвчимъ при нашей деревенской церкви, потомъ откомандированъ въ столицу, получилъ лакейскій чинъ и указъ состоять при баринѣ. Его смуглое лицо было и красиво, и некрасиво, горничныя сходили отъ него съ ума, господа говорили про него съ отвращеніемъ: чисто холопская рожа. Его черные масляные глаза были прекрасны, но имѣли несчастное свойство отвратительно вертѣться и метаться изъ стороны въ сторону, какъ мыши въ мышеловкѣ, точно имъ хотѣлось поскорѣе куда-нибудь удрать и спрятаться. Носъ, самъ по себѣ, довольно приличный носъ, не очень толстый, не совсѣмъ тонкій, ежеминутно сжимался и раздувался, какъ кузнечный мѣхъ, и, казалось, что-то вынюхивалъ. Губы, полныя, алыя, были, какъ онъ говорилъ, для поцѣлуевъ созданы, но я никогда не рѣшился бы ихъ поцѣловать, потому что онъ ихъ безпрестанно облизывалъ. Рѣчь его была нашпигована двустишіями изъ билетиковъ отъ леденцовъ и куплетами изъ пѣсенниковъ. Отвѣты онъ дѣлалъ по большей части въ риѳму вопросамъ, и говорилъ нѣсколько нараспѣвъ. Простой русскій народъ охотникъ отвѣчать въ риѳму; онъ особенно дорожитъ нѣкоторыми ходячими фразами, именно потому, что онѣ заканчиваются созвучіемъ; эту-то привычку Андрюшка довелъ до крайняго предѣла и, разумѣется, опошлилъ. Вообще все, что попадалось ему на языкъ или подъ руку, принимало

Digitized by Google

видъ невообразимой пошлости; съ посторонними предметами онъ дѣлалъ то же, что со своей физіономіей. Бывало спросятъ его: «Куда ты идешь, Андрюшка?» онъ неизмѣнно отвѣчаетъ: «Ахъ, туда идетъ Андрюшка, гдѣ веселая пирушка!..»—Попроситъ его кто-нибудь:

— Андрюша, сходи за меня въ магазинъ.

— А на тебѣ что за чинъ?—отвѣчаетъ Андрюшка.

— Да развѣ тебѣ трудно?

— Если бы трудно, другъ ты мой сердечный, тараканъ запечный, такъ для тебя потрудился бы, а то дѣло-то плевое и сапогъ трепать не стоитъ. Вотъ, если тебѣ угодно пѣсню, такъ это, сдѣлайте такое ваше одолженіе, споемъ.

— Провались ты и съ пѣсней къ лѣшимъ, дармоѣдъ!

— Ѣдимъ, да не ваше, такъ это дѣло наше; а вы бы и дали, да у самихъ нѣтъ,—огрызнется Андрюшка.

Если просьба произносилась лицомъ женскаго пола, то Андрюшка вмѣсто услуги потчивалъ просительницу леденцами или орѣхами. Орѣхи у него всегда находились при себѣ. Онъ грызъ ихъ, какъ бѣлка, и такъ какъ шелуху нельзя было бросать въ передней, то пряталъ ее въ карманъ, и потомъ, высунувшись изъ окна, подстерегалъ перваго проходившаго по улицѣ мальчишку.

— Мальчуганъ!—ласково кричалъ онъ, завидавъ жертву своей выдумки.—Хочешь орѣшковъ?

— Дай, дяденька!—отзывался тотъ, съ сіяющимъ лицомъ подставляя шапку.

— Держи, тетенька!—кричалъ Андрюшка и высыпалъ въ шапку мальчугана шелуху, съ звонкимъ хохотомъ захлопывая форточку.

На улицѣ раздавалась брань: «чортъ, лѣшій, чтобъ тѣ подавиться!..» Онъ заставлялъ всѣхъ шарманщиковъ играть передъ домомъ и потомъ бросалъ имъ тщательно нарѣзанные кружки картофеля, моркови и свеклы, аккуратно завернутые въ бумагу... Слыша непечатную ругань обманутаго музыканта, онъ преспокойно говорилъ: «Ишь, какъ нѣмчура распѣтушился, туда же, хочетъ показать, что онъ не курица!» Вообще у него брань не висла на воротѣ и онъ скорѣе шелъ къ ней навстрѣчу, чѣмъ убѣгалъ отъ нея. Впрочемъ, и бѣжать-то было некуда: его вездѣ и всѣ ругали, и свои братья-лакеи, и проходящіе люди, которыхъ онъ задѣвалъ своими недвусмысленными остротами, и лавочники, и даже горничныя,—сходившія по немъ съ ума, разорявшіяся на подарки для него, жертвовавшія ему

Digitized by Google

собою,—ругали его до слезъ, до истерическихъ рыданій и плеванья въ физіономію разлюбезнаго человѣка. Бывало отецъ ругаетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, а Андрюшка тянется передъ нимъ въ струнку, глазомъ не сморгнетъ, и только изрѣдка дернетъ: «Виноватъ-съ! воля ваша!» Все это дѣлается съ явнымъ поползновеніемъ *комедь сломать*. Накричится отецъ досыта и выгонитъ его вонъ, а Андрюшка придетъ въ людскую и начинаетъ представлять, какъ баринъ его пропекалъ. «Я те-бя запорю!»—кричитъ онъ, точно по нотамъ, подобно отцу, растягивая слово: «тебя», и возгласъ выходитъ неподражаемо-похожимъ на отцовскій. По окончаніи сцены, изъ груди актера всегда вырывался уморительно-глухой вздохъ и фраза: «Не повѣрите, братцы, настоящая Сибирь-съ! И что эта за жизнь распрегорькая; подсластить нешто орѣшками?» Кажется, именно за эту-то выносливость и недостатокъ озлобленія, никто,—а въ особенности старики,—не уважалъ Андрюшку. Разумѣется, онъ платилъ всѣмъ тою же монетою. Зная скандалезную хронику большей части города, будучи ходячей газетой въ лакейской, онъ съ скептическимъ недовѣріемъ смотрѣлъ на нравственность всего человѣчества... Разлюбезный человѣкъ былъ далеко не чистъ на руку, но проходился почти исключительно по части съѣстного, лакейскихъ галстуковъ, манишекъ и прочаго бѣлья; онъ былъ эпикуреецъ, не признавалъ возможности подавлять свои прихоти и воровалъ, чтобы удовлетворить какую-нибудь изъ своихъ мелкихъ нуждъ, но отнюдь не по страсти къ воровству: для этого онъ былъ слишкомъ лѣнивъ. Скопить кражею денегъ онъ не могъ, ибо и законно-пріобрѣтенныя проѣдалъ. Все его имущество состояло изъ гитары и разбитой скрипки. Около себя Андрюшка былъ неряшливъ, хотя и франтоватъ, густо напомаженъ, завитъ, но это дѣлалось не для чистоты, а ради другихъ цѣлей; подъ верхней одеждой, подъ бѣлой манишкой и нарукавниками таилось страшно грязное и рваное бѣлье, которое прачка не хотѣла брать въ стирку, говоря, что оно въ корытѣ останется. По соображеніямъ Андрюшки, въ его положеніи имущество было излишнимъ. «Некому оставлять,—говорилъ онъ:—такъ по крайности хоть на семъ свѣтѣ въ полномъ удовольствіи поживемъ». На вопросъ: отчего онъ не женится?—онъ отвѣчалъ:

— Да я ужъ женатъ.

— Гдѣ же твоя жена?

— Которая?

Digitized by Google

— Развѣ у тебя ихъ много?

— До Москвы не перевѣшаешь? Я ихъ всѣмъ волчій паспортъ далъ, такъ онѣ и странствуютъ!

Бывали минуты, когда онъ, сидя одиноко въ передней, повидимому, впадалъ въ горькое раздумье, должно-быть, о жизни, которую называлъ настоящей Сибирью; но это былъ чистѣйшій оптическій обманъ, онъ изволилъ въ это время вести слѣдующую бесѣду съ самимъ собою: «Вопросъ: отчего ты босъ?—отвѣтъ: лаптей, сударь, нѣтъ!—Вопросъ: что ты несъ?—отвѣтъ: того ужъ нѣтъ!»—Тема варьировалась донельзя... И вѣдь сидитъ иногда такимъ образомъ съ часъ и занимаетъ себя пріятнымъ разговоромъ! Обыкновенно эти упражненія прерывались замѣчаніемъ Митрича: «Прощелыга ты, прощелыга!»—«Зато говорю, какъ книга!» фыркнетъ Андрюшка и хлопнетъ дверью.

Меня въ ту пору очень занималъ этотъ полнѣйшій представитель городского лакейства изъ крѣпостныхъ, беззаботно-развратнаго и до крайности втянувшагося въ праздность. Но Митричъ, отчасти ревнуя меня къ сопернику, старался уводить меня отъ Андрюшки, говоря, что тотъ сдуру бухнетъ и такое словцо, какого мнѣ и знать не должно. Слыша это разсужденіе, я мучился любопытствомъ услышать именно это словцо, котораго мнѣ и знать не должно.—«Это, батюшка, совсѣмъ пропащій человѣкъ, какъ есть непотребный»,—говорилъ дядька и услаждалъ меня своими умными, но, тѣмъ не менѣе, опасными бесѣдами.

Митричъ, до поступленія въ нашъ домъ, отслужилъ узаконенный для солдатъ срокъ въ арміи; оторванный навсегда отъ семьи и родной избы, исколесивъ съ полкомъ русскую землю изъ конца въ конецъ, натерпѣвшись всякихъ житейскихъ невзгодъ, онъ, какъ это бываетъ со всѣми старыми холостяками-солдатами, если они не запьютъ съ горя, сдѣлался самою нѣжною нянькою, усвоивъ всѣ ея дурныя и хорошія качества. Вообще, въ человѣкѣ живучѣе всего чувство любви; если оно ни разу не могло проявиться въ своей естественной формѣ, то оно обращается на какой бы то ни было предметъ, будетъ ли это старая военная кляча, голубь со сломаннымъ крыломъ, бездомный сиротанищій, или воспитанникъ-барченокъ. Извѣстно, что старые холостяки подъ конецъ жизни или озлобляются, по неимѣнію подъ рукой доступнаго для любви предмета, или дѣлаются нянъками ребятишекъ своихъ женатыхъ друзей и знакомыхъ, съ грустно-добродушной улыбкой, играя съ

Digitized by Google

дѣтьми, говорятъ они: «старый, да малый—одно и то же!» Славное существо—человѣкъ, но рѣдко удается ему быть понятымъ, еще рѣже любимымъ!.. То же было и съ Митричемъ: онъ едва не молился на меня. Ѣздилъ я на немъ верхомъ, запрягалъ я его въ стулья, заставлялъ бѣгать, строилъ онъ изъ картъ домики, выдѣлывалъ изъ пальцевъ зайчиковъ на тѣни, разсказывалъ о походахъ, представлялъ въ лицахъ, какъ турокъ отъ русскихъ бѣжалъ, и посвящалъ меня въ тайны нашей семейной исторіи.

— Ты и у папаши былъ дядькою?—спрашивалъ я его, никакъ не умѣя сообразить, сколько ему лѣтъ, и представляя, что онъ всегда былъ такимъ старикомъ.

— И что вы, батюшка! Я самъ былъ тогда молодымъ парнемъ, когда вашъ папашенька родился, — отвѣчалъ Митричъ.

— Кто же у него былъ дядькою?

— У нихъ не дядька былъ, а губернеръ, паршивый, жидкій такой французишка; богохульникъ, скаредъ страшнѣющій, а туда же, бывало, за бабьими хвостами бѣгаетъ.

— Зачѣмъ же онъ за ними бѣгалъ?—съ дѣтскимъ любопытствомъ спрашивалъ я, не понимая смысла рѣчи болтливаго старика.

— Рано вамъ, батюшка, знать это,—замѣчалъ дядька, не во-время увидѣвъ свою оплошность.

Я надувалъ губы и думалъ: «Для чего же онъ и началъ говорить, если мнѣ рано знать это, и какіе это такіе бабьи хвосты бываютъ?» мучило меня любопытство.

Митричъ замѣчалъ мое неудовольствіе и начиналъ утѣшать меня анекдотомъ въ жизни губернера.

— А ужъ натерпѣлся онъ страху, какъ французъ въ Москву пришелъ. Наши крестьяне давно на него злобились и собирались его убить. Пронюхалъ онъ это—и забейся, чортова онъ кукла, въ чуланъ. День его нѣтъ, другой нѣтъ,—стали вашъ покойный дѣдушка, царство ему небесное, безпокоиться, а пуще взбаломутилась покойница бабушка, имъ-то ужъ онъ очень милъ былъ...

— Отчего же, Митричъ?

— Гм, гм!.. Да такъ, извѣстно, дѣло женское, такъ имъ и жалче было,—поправлялся старикъ.—Ну-съ, и доложили имъ люди, что онъ въ чуланъ схоронился. Пришли господа, глядятъ, а онъ, оглашенный, залѣзъ въ пустую кадку и сидитъ въ ней, скорчился, словно котъ на лежанкѣ, вотъ какъ ее истопятъ. Стали его окликать,—ни гу-гу, молчитъ.

Digitized by Google

Надоѣло барину съ нимъ лясы точить, взялъ онъ его за вихоръ и началъ изъ кадки-то поднимать, будто куль какой-нибудь; такъ вѣдь нѣтъ того, чтобы выйти, а онъ еще съежился, да своей рукой баринову-то руку отстраняетъ,— оставь, молъ. Видно, знаетъ кошка, чье мясо съѣла! Разсердился баринъ и какъ началъ его таскать въ кадкѣ-то изъ стороны въ сторону, вертитъ его, что твое мороженое! Такъ выскочилъ, небось, бестія, какъ встрепанный, только головой замоталъ. Ужъ нахохоталась же дворня, такъ смѣхомъ и сорвали на немъ злобу крестьяне, не убили его...

Изъ этихъ бесѣдъ я мало-по-малу познакомился съ дѣдушкой, съ бабушкой и съ ихъ причтомъ. Митричъ постоянно проговаривался о вещахъ очень скандальныхъ. Я узналъ, что бабушка послѣ смерти дѣдушки тотчасъ вышла замужъ за гувернера, что онъ былъ волокита, безбожникъ, что онъ билъ бабушку и вколотилъ ее въ гробъ. Послѣ я узналъ о немъ еще болѣе, и кстати скажу здѣсь про него нѣсколько словъ, чтобы читатель зналъ, подъ чьимъ вліяніемъ развились отецъ и дядя Андрей.

Господинъ Моро—такъ звали гувернера—былъ роялистъ, эмигрантъ; подобно сотнямъ такихъ же, какъ онъ, ни на что не пригодившихся въ своемъ отечествѣ ветошекъ, онъ былъ брошенъ судьбою въ нашу гостепріимную землю. Онъ съ ужасомъ говорилъ о Дантонѣ, Маратѣ и Робеспьерѣ, и, по всей вѣроятности, совершенно невинно и незамѣтно для себя самого игралъ ихъ роль относительно нашихъ господъ, не гильотинируя, но убивая нравственно головы своихъ воспитанниковъ. Оживить ихъ онъ не могъ по очень простой причинѣ: самъ-то онъ прогнилъ до мозга костей. Родившись въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, развиваясь въ кругу тогдашней развращенной французской знати, онъ затвердилъ наизусть мѣста изъ «Pucelle» Вольтера и не понялъ довольно скучныхъ для него «Essais sur les moeurs» etc. того же автора; въ знаменитыхъ «Questions» его занимали статьи: des moeurs d'Auguste, l'amour socratique и тому подобныя, другія же доводили до зѣвоты; отъ подобнаго чтенія онъ перешелъ къ книжонкамъ, издававшимся въ Лондонѣ, въ 32 долю листа, съ невообразимыми картинками, еще болѣе невообразимою моралью. L'histoire d'une fille perdue, l'histoire de Juliette et de sa soeur Justine и т. п. вещи, немыслимыя въ наше время, появлялись тогда открыто и имѣлись въ библіотекѣ каждаго фран-

Digitized by Google

пузскаго барина. Онѣ отвратительны, но онѣ, какъ нельзя лучше, рисуютъ ту эпоху, въ которую появлялись, и тѣхъ людей, которые ихъ читали. Моро ихъ зачитывалъ до ветхости, до дыръ. Разумѣется, подобный господинъ не имѣлъ ни вѣрованій, ни убѣжденій, ни сознанія жизненныхъ цѣлей. Сдѣлавшись воспитателемъ дѣтей, онъ могъ сдѣлаться только палачомъ ихъ ума и нравственности... Возвращаюсь къ Митричу. Его ласки и старческая добродушная болтовня привязали меня къ нему; съ дѣтскимъ простодушіемъ думалъ я иногда: какъ хорошо было бы, если бы у меня былъ такой отецъ. Размышлялъ я: отчего онъ такой бѣдный, отчего отецъ кричитъ и на него, на старика, почему мало уважаетъ его прислуга, и болѣе всего занималъ меня вопросъ: отчего совсѣмъ другимъ человѣкомъ выглядитъ Григорій Ивановичъ? Послѣдній былъ аристократомъ людской, держался гордо и величественно, прислуживая намъ, онъ, какъ-будто, одолжалъ насъ, дѣлалъ намъ милость. Ходилъ онъ плавною, неторопливою поступью, говорилъ внятно и внушительно, строго дѣлалъ замѣчанія остальной прислугѣ и никогда не сидѣлъ съ нею въ передней, не смѣялся ея остротамъ и балясамъ. Андрюшку онъ просто-на-просто презиралъ, особенно съ той поры, какъ Андрюшка пришилъ его, Григорья Ивановича, во время дремоты къ стулу. Съ Митричемъ онъ обращался небрежно, какъ покровитель, и иногда давалъ ему три или четыре копейки на нюхательный табакъ. Встрѣчая меня въ передней или лакейской, онъ спокойно и холодно замѣчалъ: «Не годится, сударь, вамъ здѣсь быть. Мои дѣти и холопскія, да я имъ никогда не позволю съ лакеями вожжаться». Надменный тонъ и смыслъ его рѣчи конфузили меня, и я, какъ мокрая курица, уходилъ въ дѣтскую.

— Что, Митричъ, богатъ Григорій Ивановичъ? — спрашивалъ я.

Кстати замѣчу здѣсь, что я не рѣшался называть Григорья Ивановича просто Григорьемъ, какъ звалъ его отецъ, въ свою очередь не рѣшавшійся кликать его Гришкой, какъ кликалъ швейцара. Даже мадамъ Бурдонъ ломала свой языкъ и звала его: «Григоръ Фанычъ».

— Нажился-таки порядкомъ, — отвѣчалъ со вздохомъ Митричъ. — Отчего ему и не быть богатымъ, извѣстное дѣло, вольный; худо здѣсь хапать, пошелъ въ другое мѣсто; самъ себѣ господинъ!

— А развѣ ты не вольный?

Digitized by Google

— Вольный-то вольный, да куда меня, старую ворону, возьмутъ?

Разговоръ нашъ обрывался, и я раздумывалъ снова о судьбѣ нашихъ слугъ, о волѣ и неволѣ, о счастьи Григорья Ивановича и бѣдности Митрича. Въ дѣтскій умъ западали какія-то мысли, которымъ черезъ нѣсколько лѣтъ суждено было потухнуть въ моей головѣ и потомъ еще черезъ нѣсколько лѣтъ воскреснуть снова, сдѣлаться яснѣе, отчетливѣе...

Къ концу описываемаго года Григорій Ивановичъ съ каждымъ днемъ дѣлался надменнѣе, недоступнѣе; ему уже два мѣсяца отецъ не платилъ жалованья, и онъ служилъ намъ какъ бы изъ состраданія. Однажды онъ явился ко мнѣ съ просьбою поразспросить его сынишку, хорошо ли тотъ знаетъ по-французски.

— Развѣ онъ учится по-французски? — съ изумленіемъ спросилъ я.

— Какъ же, учится! Ихъ въ Аннинской школѣ и полатыни учатъ. Только я не знаю, каково онъ по-французски-то знаетъ.

— Такъ вы попросили бы мадамъ Бурдонъ его спросить.

— Что мадамъ Бурдонъ; онъ передъ нею сробѣетъ, со своимъ братомъ-ребенкомъ онъ развязнѣе будетъ,—важно рѣшилъ камердинеръ.

Онъ, повидимому, желалъ не экзамена, но имѣлъ умыселъ похвастать передо мною знаніями своего сына и, не имѣя возможности унизить моего отца, унизить хоть меня. Это была его невинная месть за задержку жалованья. Я, дѣйствительно, смутился, услышавъ, что сынъ нашего слуги учится по-латыни, мое дѣтское самолюбіе проснулось впервые и что-то похожее на стыдъ заволновало мое крошечное сердце. Чего именно я стыдился, въ этомъ я не могъ дать себѣ отчета. Десятилѣтній сынишка Григорья Иваныча явился ко мнѣ, я сталъ его разспрашивать, что онъ знаетъ. Мальчикъ объяснилъ, что онъ учится въ школѣ четыремъ языкамъ, алгебрѣ и геометріи, что онъ скоро,—черезъ годъ начнетъ учиться по-гречески; онъ, подобно своему отцу, былъ какъ-то искусственно развязенъ и хвасталъ передо мною. Непонятное чувство пробудилось во мнѣ: я вдругъ возненавидѣлъ этого мальчишку. Я заставилъ его довольно грубымъ тономъ прочитать мнѣ страницу изъ французской книги, злобно придираясь къ каждому слову, говоря, что у него мужицкій выговоръ, спрашивалъ у него самыя трудныя

Digitized by Google

фразы и радовался его смущенію. У меня было непреодолимое желаніе ущипнуть или побить ребенка, но я смущался присутствіемъ его отца и удержался отъ рукопашнаго боя. По всей вѣроятности, я срѣзался бы на этомъ пунктѣ.

— Вашъ сынъ совсѣмъ не знаетъ по-французски, онъ и читать не умѣетъ, — сказалъ я Григорью Иванычу. — Въ Франціи мужики лучше читаютъ.

— Ой ли? — съ недоумѣніемъ и ѣдкостью спросилъ камердинеръ.

— Да, да, онъ вѣрно не учится въ школѣ, вѣрно лѣнтяй, — поторопился я прибавить, и въ головѣ мелькнула мысль: «вотъ онъ его выпоретъ дома».

Но дѣло вышло иначе.

— Онъ-то учится, а вы-то что? — покачавъ головой, съ безпощаднымъ презрѣніемъ вымолвилъ Григорій Ивановичъ и, взявъ сына за руку, вышелъ изъ моей комнаты. «Въ папеньку выродился!»—ясно разслышалъ я, когда за посѣтителями закрывалась дверь, — я неподвижно замеръ на срединѣ комнаты и опустилъ голову... «Какъ собаченокъ бросили!»—мелькнули въ моей головѣ слова сестры, и изъ глазъ брызнули слезы...

А дѣла отца въ это время шли изъ рукъ-вонъ плохо. Ключница жаловалась, что баринъ не даетъ денегъ на расходы и нечѣмъ кормить насъ и прислугу. Камердинеръ и мадамъ Бурдонъ, уже прозванная мною Бурдой и Бурдашкой, не получали жалованья за послѣдніе мѣсяца, грозили покинуть свои мѣста. Кредиторы осаждали подъѣздъ съ утра до ночи; одинъ изъ нихъ, толстый купчина, бывшій когда-то крѣпостнымъ моего дѣда, осматривалъ внутренность дома и, кажется, размышлялъ, гдѣ и что поставить. Отецъ пропадалъ изъ дому попрежнему, игралъ въ карты, кутилъ съ актрисами... Митричъ смущалъ меня какими-то вѣщими предсказаніями.

— Эхъ!—кряхтѣлъ онъ, стаскивая вечеромъ мои сапоги.

— Что, Митричъ?—спрашивалъ я.

— Да то, что прогоримъ мы совсѣмъ!

— Развѣ у насъ пожаръ?—съ испугомъ восклицалъ я.

— Эва! что пожаръ? плевое дѣло! Папенька-то больно закрутился.

— Какъ это, Митричъ, закрутился?

— Да, значитъ, совсѣмъ-таки съ домомъ порѣшилъ.

Я опять недоумѣвалъ.

Digitized by Google

— Вытуритъ насъ этотъ бородачъ, дѣдушкинъ выкормышъ, что кажиный день пріѣзжаетъ, да папеньку не застаетъ, и переѣдетъ онъ самъ, немытое его рыло, въ экія хоромы! Господи ты, Боже мой!..

Я начиналъ смекать, въ чемъ дѣло; бородачъ мнѣ представлялся однимъ изъ крестоносцевъ, собиравшихся изъ большого дома на нашъ. Я выражалъ свое мнѣніе Митричу.

— Чего вы ни выдумаете, Павелъ Константиновичъ!— недовольнымъ голосомъ говорилъ старикъ, прибирая мое платье и переходя съ одной и той же вещью отъ стула къ шкапу и обратно. — Спать вамъ пора, какъ я вижу, такъ вы и бредите. И вѣдь экую штуку выдумали!..

Старикъ, ворча, уходилъ изъ комнаты, но я оставался при своемъ мнѣніи, и снова играло мое воображеніе...

Походы бородача на отца удались, какъ нельзя лучше. Отецъ уступилъ ему домъ, не совсѣмъ, не въ полное владѣніе, но по контракту на время, покуда не выплатится долгъ. Вѣсть объ этомъ чрезвычайномъ событіи быстро облетѣла весь городъ, начались толки, сплетни, бросанье грязью; всѣ считали отца погибшимъ безвозвратно, и поэтому щадить его не было причины. Это сломило его, онъ захворалъ; по совѣту докторовъ, а еще болѣе изъ желанія на время скрыться изъ города, онъ рѣшился ѣхать за границу. Нужно было достать денегъ. Для этой цѣли распустили всю дворню, отецъ отправился въ деревню, захвативъ съ собою меня, сестру и тетку, названную мною кивакалкой; у нея мы должны были жить во время отсутствія отца.

Опять переворотъ, опять исканіе новыхъ формъ жизни, сознаніе нелѣпости прошлаго и горькое чувство разлуки съ насиженнымъ гнѣздомъ, съ роднымъ домомъ, гдѣ мы родились, съ улыбкой взглянули впервые на солнце, на людей, смѣялись, радовались, плакали. Только испытавшіе это чувство разлуки со своимъ домомъ поймутъ вполнѣ его горечь. Какая-то свинцовая завѣса падаетъ на жизнь, которая велась въ этомъ жилищѣ, новые жильцы смываютъ послѣднія пятна, оставленныя въ немъ старыми жильцами, перебиваютъ обтяжку мебели, переставляютъ вещи въ новомъ порядкѣ, провѣтриваютъ комнаты... И некому, и не для чего помянуть, какая борьба велась въ нихъ, какъ гибла слабая женщина, спасая своею грудью своихъ людей, лаская и цѣлуя ихъ врага, и медленно гасла съ улыбкой при людяхъ, со слезами въ одиночествѣ; какое впечатлѣніе произвела эта жизнь и эта гибель на другую женщину,

Digitized by Google

почти еще ребенка, и что за мысли посѣяла въ молодой головкѣ послѣдней?.. Въ день отъѣзда всѣ начали искать сестру, она куда-то скрылась, я побѣжалъ въ кабинетъ матушки. Сестра стояла тамъ на колѣняхъ передъ кресломъ матери и припала головой къ его подушкѣ.

— Леля, что съ тобой?—воскликнулъ я.

— Голубчикъ, вѣдь мнѣ никогда больше не быть у мамаши. Завтра здѣсь чужіе будутъ. Всѣ, всѣ забудутъ ее!— рыдая, говорила она и цѣловала это кресло, какъ будто оно было частью нашей матери.

Впрочемъ, съ кѣмъ же ей было прощаться, кромѣ этого кресла, кромѣ этой комнаты? Надо мной плакалъ Митричъ, около меня сновалъ Андрюшка, а она была одна, никѣмъ не любимая, грустная и забытая. Мы сѣли въ экипажъ и поѣхали...

Прошлое прошло безъ слѣда...

Вотъ мелькаютъ передо мной наши родныя поля, волнуются еще зеленые всходы хлѣбовъ, виднѣются вдали лѣса... Вотъ отецъ опускаетъ стекло кареты, я и сестра высовываемъ свои дѣтскія личики, дышимъ свѣжимъ воздухомъ... Вотъ останавливается экипажъ, мужики кланяются, кто-то цѣлуетъ наши руки: мы въ деревнѣ. На балконѣ барскаго дома появляется розовенькая фигура не то старика, не то юноши; въ его рукахъ скрипка.

— А! ну, пріѣхали!—говоритъ онъ, свѣсившись съ балкона. — А я, братъ, сегодня въ горѣ: у меня соловей околѣлъ.

Отецъ пожимаетъ плечами и идетъ съ нами въ комнаты.

— Это, папаша, какой музыкантъ?—спрашиваемъ мы.

— Это вашъ дядя,—отвѣчаетъ отецъ.

III.

Въ деревнѣ лѣтомъ рай, если люди похожи на ангеловъ.

Довольно старый барскій домъ съ безчисленными пристройками и службами, съ фантастическими бельведерами и балконами невообразимой архитектуры домашняго изобрѣтенія, густой запущенный садъ съ искусственными руинами изъ новаго кирпича, съ покрытыми зеленью прудами и поросшими травой аллеями; покривившіяся избы крестьянъ; обширные засѣвы ржи, овса и гречи; чернѣющіе вдали лѣса и голубая широкая лента рѣки съ множествомъ проплывающихъ въ отдаленіи барокъ, дощаниковъ и рыбачьихъ лодокъ, съ вѣчными чайками и изморившимися подъ лямкой

Digitized by Google

бурлаками, съ веселымъ пискомъ и крикомъ то тамъ, то сямъ проносящихся птицъ и безконечно-тоскливою, хватающею за сердце русскою пѣснею-плачемъ; — эта смѣсь приволья и богатства съ безвыходной забитостью и безпомощной бѣдностью разомъ поражаетъ каждаго свѣжаго человѣка, и не знаетъ онъ, засмѣяться ли ему дѣтски-безпечнымъ смѣхомъ, привѣтствуя эту благодать, или съ потупленной головой пройти стыдливо передъ этой картиной, какъ проходимъ мы передъ забитымъ бѣднякомъ, краснѣющимъ за свою забитость и стыдящимся протянуть руку за помощью... Такая картина открылась передъ нами, когда я и сестра вышли на балконъ и, не внемля замѣчаніямъ тетки-кивакалки, перевѣшивались то въ ту, то въ другую сторону. Разумѣется, насъ, какъ дѣтей, поразила только красота картины.

— Гляди, гляди, какая избушка стоитъ!—кричалъ я.

— А вотъ лодочка съ мужичкомъ плыветъ, далеко-далеко плыветъ,—указала мнѣ сестра, заслоняя глаза отъ солнца.

— И мы съ тобой туда поѣдемъ, я очень люблю на лодкѣ кататься.

— Да ты никогда и не ѣздилъ на лодкѣ.

— Нѣтъ, ѣздилъ, ѣздилъ.

— Неправда, не ѣздилъ... Зачѣмъ ты лжешь? — загорячилась сестра.

— Ѣздилъ!

— Послушай, если ты еще будешь лгать, такъ я тебѣ уши надеру.

— Тебя накажутъ, тебя накажутъ за то, что ты споришь, какъ кухарка,—кричалъ я съ азартомъ, помня уроки мадамъ Бурдонъ о мѣщанской привычкѣ спорить.

— Скверный лгунъ!

— Кухарка!

Сестра отвернулась отъ меня и отошла на другой конецъ балкона, я обернулся къ ней спиной. Это была первая наша ссора, первый мой неуважительный поступокъ съ сестрой. Въ такомъ положеніи мы простояли до той минуты, когда насъ позвали къ завтраку. Мы вошли въ столовую, гдѣ уже сидѣла вокругъ стола вся наша семья.

«Забудь печаль, взгляни въ окно,
Тамъ свѣтомъ все озарено
И воздухъ свѣжъ. Тамъ можетъ грудь
Отъ прошлыхъ пытокъ отдохнуть..
И что былое,—если вновь
Мы слышимъ вѣчной жизни зовъ?..»

Digitized by Google

гармоническимъ голосомъ говорилъ дядя, задумчиво облокотившись на столъ и склонивъ на руку свою прекрасную голову. Мы не застали начала бесѣды, и хотя я могъ бы передать его по дневнику дяди, передающему всѣ событія этой главы, но это совершенно не нужно для читателя.

— Стихи хороши, но къ дѣлу не идутъ. Ты всегда смотрѣлъ на жизнь, какъ мечтатель, прожилъ безъ заботъ, безъ потрясеній, у тебя не было семьи,—сказалъ отецъ.

— Потрясенія! семья!—дядя заботливо потеръ лобъ, какъ будто у него подъ черепомъ забрался какой-то комаръ и засосалъ его мозгъ.—Нѣтъ, братъ, это невозможно, рѣшительно невозможно!—заговорилъ онъ отрывисто и взволнованнымъ голосомъ.—На жизнь надо смотрѣть философски. Эгоизмъ прежде всего. Волненіе—медленное самоубійство. Вѣдь это дурь, сумасшествіе! Жизнь дана для жизни, а не для смерти. И что такое потрясенія?—освѣжительная гроза, ливень послѣ засухи: сегодня скорбь, а завтра радость!

— Но съ Мари я утратилъ все, я не нахожу нигдѣ мѣста. Эта скорбь не обѣщаетъ радости на завтра.

Отецъ говорилъ небрежно, нехотя.

— Мари была женщина, и ты не могъ разсчитывать на ея безсмертіе.

— Значитъ: забыть?

— Утѣшиться!.. И развѣ съ нею умерли всѣ женщины? Неужели увядшій цвѣтокъ долженъ вызывать слезы, если кругомъ красуются тысячи такихъ же цвѣтовъ, какимъ былъ онъ?

— Такъ жениться?

— Пожалуй, да; но полюбить—во всякомъ случаѣ.

Отецъ пожалъ плечами.

— А денежныя обстоятельства?—съ раздраженіемъ спросилъ онъ, играя ножомъ.

— Въ этомъ я не знаю толку; но приказчикъ вѣрно достанетъ тебѣ денегъ.

— Сколько лѣтъ мы не видались съ тобою?

— Восемь.

— И ты остался все тѣмъ же...

Отецъ поискалъ подходящее слово.

— ...поэтомъ,—подсказала тетушка, усмѣхаясь.

— Именно поэтомъ.

— Поэзія тѣмъ и хороша, что она не умираетъ и вѣчно оживляетъ своихъ любимцевъ.

— Бросая ихъ, когда они поступаютъ на службу, или...

Digitized by Google

— Зачѣмъ же служить?

— Хорошо тебѣ! Но вѣдь я представитель нашего рода, не забиться же мнѣ въ деревню, чтобы черезъ два поколѣнія съ нами случилось то же, что съ Шупениковыми.

Дядя снова началъ тереть лобъ.

— Да, да, долгъ! Ты меня извини, я совершенно упустилъ это изъ виду.

Наступило молчаніе.

— Вы хорошо знаете русскій языкъ? — вдругъ рѣзкимъ гономъ произнесъ отецъ, никого не называя по имени, но устремивъ глаза на конецъ стола.

— Я-съ русскій, — послышался оттуда отвѣтъ, произнесенный обиженнымъ голосомъ.

Я только въ эту минуту замѣтилъ, что въ концѣ стола помѣщалась худенькая фигура сельскаго священника. Онъ пришелъ, чтобы отслужить молебенъ по случаю нашего пріѣзда, но отецъ сказалъ: «мы не на житье пріѣхали въ эту глушь»,—и изъ вѣжливости пригласилъ священника къ завтраку.

— Я знаю, что французы не бываютъ русскими священниками,—иронически проговорилъ отецъ.—Но я спрашиваю: хорошо ли вы знаете русскій языкъ?

— Вы, вѣроятно, хотите сказать: *правила* русскаго языка,—уже съ полнымъ достоинствомъ и твердо замѣтилъ тотъ.

— Я всегда говорю то, что хочу сказать. Не зная правилъ, нельзя знать языка,—внушалъ отецъ.

— Однако, мужики...

— Однако, «отселева и оттелева», «тово», «воно-какъ оно» и «энтакой» не есть русскій языкъ и говорить эти слова не значитъ умѣть говорить по-русски,—прервалъ отецъ такимъ тономъ, какъ-будто съ каждымъ словомъ давалъ по удару своему противнику.

Священникъ опустилъ голову.

— Ну?—вопросительно процѣдилъ отецъ, остановивъ на противникѣ свои глаза.

Какъ сейчасъ помню, что именно въ это мгновеніе я впервые разглядѣлъ отцовскіе глаза, и по мнѣ пробѣжала дрожь. Оловянно-голубоватые, большіе, безпощадно холодные, они словно хотѣли вымучить изъ противника каждое слово, каждый звукъ.

— Я знаю правила русскаго языка, — почти шопотомъ

Digitized by Google

промолвилъ священникъ, опустивъ глаза въ тарелку, какъ бы желая спрятаться отъ инквизиторскаго взгляда.

Тетка злобно улыбалась, покачивая изъ стороны въ сторону головой.

— Съ этого надо было начать. Такъ вы будете въ продолженіе лѣта заниматься съ Павломъ Константиновичемъ и Еленой Константиновной русскимъ языкомъ и священной исторіей.

Завтракъ кончился, всѣ встали.

— Когда вамъ угодно, чтобы я началъ занятія?

— Мнѣ угодно, чтобы вы начали ихъ завтра.

Священникъ сталъ откланиваться; онъ былъ молодъ, и въ его обращеніи еще проглядывала неловкость семинариста.

— Благословите меня, батюшка,—произнесла сестра, подходя къ нему.

Онъ, краснѣя, перекрестилъ ее и поцѣловалъ въ голову, когда она цѣловала его руку. Я послѣдовалъ ея примѣру безъ всякой задней мысли. По лицу священника пробѣжало свѣтлое выраженіе кроткой любви.

— Это что-то новое! — сказалъ отецъ, нахмуривъ брови, когда ушелъ священникъ. — Гдѣ вы этому научились, сударыня?

— Всѣ должны подходить подъ благословенье священниковъ, это мама говорила; она ихъ никогда не обижала,— твердымъ и вызывающимъ голосомъ промолвила сестра, дѣлая удареніе на послѣдней фразѣ.

— Вотъ оно что! — отвѣтилъ отецъ на этотъ наивный дѣтскій протестъ и пошелъ въ свой кабинетъ для переговоровъ съ приказчикомъ.

Дядя пошелъ ловить рыбу и сказалъ, чтобы я пришелъ къ нему. Захвативъ фуражку, я побѣжалъ черезъ садъ къ рѣкѣ. Изъ отцовскаго кабинета неслись страшные звуки брани. Я пріостановился.

— Я тебя выучу! Я тебѣ покажу, какъ собирать оброки. Капиталъ нажилъ, сына откупилъ на волю. Ты думаешь, что и ты бариномъ сталъ! Я тебѣ покажу, какой ты баринъ? Недоимки! Платить не могутъ! А изъ какихъ денегъ твой сынъ въ городѣ лавку снялъ? А?

Я все слушалъ и ждалъ, что скажетъ приказчикъ.

— Чтобы мнѣ было все собрано до копейки въ недѣлю! Слышишь?—гремѣлъ отецъ.

— Слушаю-съ! — гробовымъ голосомъ отвѣтилъ приказчикъ, точно произнесъ надъ кѣмъ-то: со святыми упокой!

Digitized by Google

Я поспѣшилъ выбраться изъ сада и пришелъ къ рѣкѣ. Тамъ на берегу сидѣлъ дядя въ соломенной шляпѣ съ широкими полями, въ свѣтломъ галстучкѣ, въ лѣтнемъ костюмѣ. Онъ не то ловилъ рыбу, не то любовался природой, наслаждаясь своимъ сладкимъ бездѣльемъ. Изящно одѣтый, съ засученными для чего-то рукавами, изъ-подъ которыхъ виднѣлась рубашка ослѣпительной бѣлизны съ дорогими запонками, онъ былъ прекрасенъ; его добродушное и умное лицо носило слѣдъ раздумчивости, какъ-будто въ его головѣ созрѣвали великія думы. Эти великія думы выливались изрѣдка въ звучныхъ стихахъ, печатавшихся въ журналахъ того времени, въ нихъ трактовалось о красотахъ природы, о ея тихомъ покоѣ и слышались постоянные призывы туда, туда... Я пошолъ къ нему.

— А, Поль, пришелъ! Хорошо здѣсь?—спросилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ я.

Я оглянулся кругомъ, и опять заняли меня лодки, барки, поля и все это, озаренное солнечнымъ свѣтомъ, пахнуло благотворно на мою душу. Долго всматривался я въ каждый предметъ и съ каждой минутой находилъ все новыя картины и прелести. Между тѣмъ къ намъ подошли незамѣченные нами пять или шесть мужиковъ.

— Отецъ родной! не дай въ обиду! — заговорилъ одинъ изъ нихъ и бухнулся передъ ногами дяди на землю; его примѣру послѣдовали и другіе.

Дядя вскочилъ.

— Встаньте, встаньте! Что вы, братцы?—произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Не дай въ обиду! Житья нѣтъ,—говорили они одинъ за другимъ.

— Да въ чемъ дѣло, ребята?

— Приказчикъ обноситъ насъ передъ бариномъ. Оброковъ, говоритъ, платить не хотимъ...

— Ну, смѣнить его, смѣнить каналью! — загорячился дядя. — Клеветать вздумалъ, ахъ, онъ подлецъ, ахъ, мошенникъ!

— Мы какъ есть все до копеечки представимъ, вотъ только съ хлѣбомъ управимся...

— Какъ же это, братцы, значитъ, за вами недоимки есть?

— Есть, точно есть, нечего грѣха таить, какъ не быть,— послышались голоса.—Только ужъ мы все до копеечки представимъ, вотъ...

Дядя началъ тереть лобъ, комаръ снова засосалъ его мозгъ.

Digitized by Google

— Но вѣдь барину нужны деньги теперь, такъ вы ужъ выплатите теперь, а приказчика онъ смѣнитъ.

— Да гдѣ же у насъ деньги теперь? Какія теперь деньги! Вишь ты лѣто-то...

— Ну, ужъ вы оборотитесь какъ-нибудь, братцы. Этакъ нельзя.

— Выручи, отецъ родной, заступись!

— Да что же я могу сдѣлать? Брату деньги нужны, понимаете вы, братцы, что ему деньги нужны?

— Какъ не понять... Это извѣстное дѣло...

— Ну, вотъ видите ли, что жъ я могу тутъ сдѣлать? Ну, подумайте, что я могу сдѣлать?

Мужики понурили головы.

— Точно что оно... Что тутъ подѣлаешь?—заговорили они и вдругъ снова бухнулись въ землю со словами: заступись!

— Эхъ, братцы, если бы я былъ при деньгахъ, я бы выплатилъ за васъ, вы бы мнѣ возвратили послѣ, дѣло бы и сладилось, а то я самъ не при деньгахъ. Что жъ тутъ подѣлаешь? Вѣдь ничего не подѣлаешь!

— Точно что ничего не подѣлаешь,—согласились мужики.

— Вы ужъ какъ-нибудь извернитесь; а приказчика мы смѣнимъ.

— Что приказчикъ! Извѣстное дѣло, приказчикъ! Мы ему зла не хотимъ, другой на первыхъ порахъ еще хуже будетъ,—заговорили они.

— Такъ что же, братцы, развѣ вы хотите, чтобъ этотъ остался?

— Это ужъ все едино. Мы насчетъ оброка-то, что онъ говоритъ, что мы платить не хотимъ...—замялись просители.

— Нѣтъ ужъ, вы извернитесь,—промолвилъ дядя и поспѣшно распрощался съ ними.

Подъ этой сценой, записанною отъ слова до слова въ его дневникѣ, слѣдуютъ разсужденія о неразвитости мужиковъ и великолѣпные планы устроить народныя школы, если найдутся на этотъ конецъ деньги. Былыя времена!

— Дядя, за что папаша требуетъ съ нихъ денегъ?—спросилъ я дядю дорогою.

Мнѣ было очень жаль мужиковъ.

— Это оброкъ; они не заплатили его сполна.

— Развѣ нищіе платятъ деньги?

— Это не нищіе, это твои крестьяне.

— Какъ мои?—воскликнулъ я.

— Да, то-есть будутъ твоими, когда ты будешь совер-

Digitized by Google

шеннолѣтнимъ. Это мужики изъ имѣнія твоей матери, ты ея наслѣдникъ; я думаю, ты это слышалъ отъ отца.

— Такъ я не хочу брать съ нихъ денегъ, мнѣ ихъ не нужно,—заговорилъ я.—Мамаша сама давала нищимъ. Я этого не хочу, у нихъ ноги босыя...

Я волновался и готовъ былъ зарыдать; мнѣ вдругъ вспомнилась матушка, въ ушахъ зазвучали ея сѣтованія о бѣдныхъ людяхъ, припомнилось ея кроткое обращеніе со всѣмъ, что̀ бѣдно и забито: неодолимая тоска сжала мое сердце.

Дядя, между тѣмъ, теръ свой лобъ.

— Ты не говори объ этомъ отцу,—вкрадчиво-ласковымъ голосомъ замѣтилъ онъ.

— Развѣ ты его боишься? У него глаза страшные,— вопросительно сказалъ я.

— Не боюсь, но ты не говори...

— Нѣтъ, ты его боишься,—утвердительно промолвилъ я, поддаваясь какому-то злобному чувству.

— Фу! что за глупости ты говоришь!

— Да, да, ты боишься его, а еще большой такой, длинный, а трусишь!

Мнѣ кровь хлынула въ голову, голосъ дрожалъ отъ злости, хотя я не могъ дать себѣ отчета, за что именно я злюсь. Мнѣ только черезъ мѣсяцъ должно было исполниться девять лѣтъ.

Мы подходили къ дому.

— Ты съ ума сошелъ?

— Трусъ, трусишка, длинный!—дразнилъ я дядю.

— Это что̀ за исторія? — раздался строгій голосъ надъ моимъ ухомъ, я и дядя обернулись: за нами стоялъ отецъ.

— Ничего, глупости,—поспѣшилъ промолвить дядя.

Я увидалъ оловянные глаза и уже дрожалъ всѣмъ тѣломъ, вся храбрость пропала.

— Павелъ, я тебя спрашиваю?

— Я не хочу оброка, не хочу оброка! Мамаша сама подавала нищимъ,—зарыдалъ я.

— Какого оброка? Откуда?

— Я наслѣдникъ...

— Ты наслѣдникъ моихъ старыхъ штановъ!—отчетливо крикнулъ отецъ и обратился къ брату.—Ну-съ, что же это за исторія?—процѣдилъ онъ сквозь зубы.

Юлить было невозможно. Начались объясненія. Отецъ выслушалъ все подробно и на минуту задумался.

— Каковъ! — раздался змѣиный вопросъ съ террасы, и

Digitized by Google

болѣе ничего не прибавила тетка, даже не показалась на сцену дѣйствія, но одно это слово рѣшило все, вывело отца изъ раздумья.

— Розогъ!—крикнулъ онъ, вводя меня за плечо въ домъ Розги были принесены.

— Раздѣвайся!

Я медлилъ.

— Ну!—нетерпѣливо поторопилъ отецъ, не глядя на меня.

Черезъ минуту послышался приказъ: «ложись!», еще черезъ минуту началось сѣченье. Я пробовалъ вскочить, меня велѣли держать. Мнѣ было мучительно стыдно этихъ незнакомыхъ людей. Сначала я кричалъ до хрипоты, потомъ тихо плакалъ и молилъ, какъ послѣдній нищій, о пощадѣ, наконецъ, у меня не стало голоса, боли больше не чувствовалъ, но ощущалъ страшный жаръ во всемъ тѣлѣ, а меня все сѣкли... По мнѣ начали бѣгать мурашки, я сталъ холодѣть... Я очнулся въ своей комнатѣ на постели; попробовалъ сѣсть — не могъ, хотѣлъ перевернуться — тоже не удалось; я началъ плакать.

— Голубчикъ, миленькій, не плачь!—раздался надъ моимъ ухомъ голосъ сестры.

— Леля, это ты?—спросилъ я, не имѣя возможности разглядѣть ее, такъ какъ въ комнатѣ были закрыты ставни.

— Я, только ты говори тише,—шептала она.—Тебѣ больно?

— Я умру, Леля, непремѣнно умру.

— Нѣтъ, миленькій, не умирай! Меня безъ тебя убьютъ. Мы вмѣстѣ будемъ жить, будемъ любить другъ друга. Ты меня прости, что я тебя утромъ бранила...

Леля цѣловала мои руки, стоя на колѣняхъ у моей кровати, и долго-долго всячески старалась утѣшать меня, хотя всѣ ея утѣшенія были отрывчаты и безсвязны; видно было, что и она страдала не меньше меня. Я тихо уснулъ подъ ея лепетъ и проспалъ въ горячечномъ бреду до утра.

Проснувшись рано, я почувствовалъ жгучую боль, и передо мною ожили снова всѣ происшествія минувшаго дня. Съ всѣмъ пыломъ дѣтской фантазіи я представлялъ себѣ новыя муки, которымъ, по моему мнѣнію, подвергнетъ меня отецъ: онъ представлялся мнѣ палачомъ! Я сталъ придумывать, какъ бы спастись, куда бы убѣжать, подъ чью защиту. Оказалось, что бѣжать некуда, что защиты для меня не имѣется въ цѣломъ мірѣ. Я началъ размышлять, кого я болѣе ненавижу изъ своихъ родныхъ: тетку, отца или дядю? Дѣтское чутье подсказало: дядю. Причина для его обвине-

Digitized by Google

нія была найдена весьма наивная. «Меня не сѣкли,—говорилъ я себѣ:—покуда не явился дядя, не явись онъ и теперь, меня и здѣсь не за что было бы сѣчь, значитъ онъ хуже всѣхъ. Сверхъ того, папа любилъ маму, а дядя не велитъ ее любить, говоритъ, что она должна была умереть. Онъ хуже всѣхъ». Черезъ долгіе годы я нашелъ другія причины убѣдиться, что дядя былъ дѣйствительно хуже всѣхъ, но въ ту пору съ меня было вполнѣ достаточно и этой, чтобы возненавидѣть этого прекраснаго, сладкорѣчиваго и кроткаго господина-поэта. Попробовалъ я молиться, но боль не давала возможности спокойно читать молитву. Такъ прошло время до тѣхъ поръ, пока меня позвали къ чаю. Едва переступая, опустивъ голову на грудь, стыдясь взглянуть на незнакомую мнѣ прислугу, которая уже успѣла меня высѣчь, вошелъ я въ столовую. Мнѣ налили чаю. Всѣ старались не обращать на меня никакого вниманія, какъ на какую-то вселяющую отвращеніе гадину. Вы знаете, читатель, это натянутое, скверное и безнравственное положеніе, когда большіе выпорютъ ребенка и, мучась пошленькимъ и гаденькимъ самолюбьицемъ, молчаливо выжидаютъ, когда онъ самъ подойдетъ къ нимъ вымаливать прощеніе; по большей части именно это вымаливанье прощенья и бываетъ цѣлью сѣченья, не приносящаго никому никакой пользы. Вообще, мы очень любимъ, чтобы намъ кланялись; вѣрно это происходитъ оттого, что у всѣхъ насъ давно болитъ спина отъ старыхъ поклоновъ... Но и въ этомъ скверномъ положеніи нашлось для меня утѣшенье: сестра очень бойко подошла ко мнѣ и, поцѣловала меня, не обращая вниманія на гнѣвный взглядъ тетки. Послѣдняя шепнула что-то отцу, указавъ глазами на насъ. Отецъ съ нетерпѣніемъ передернулъ плечами.

— Ты вернешься со мною въ Петербургъ,—сказалъ онъ.—Отъ тебя всѣ отказываются, негодяй!

— Да, да,—поспѣшила утѣшить меня тетка.—Ужъ я-то ни за что не возьму его къ себѣ послѣ этой исторіи; онъ, особенно если съ нимъ будетъ его сестрица, такихъ чудесъ натворитъ, что придется бѣжать изъ своего дома отъ нихъ.

— Я съ своей стороны тоже не намѣренъ тратить изъза него здоровья и терять спокойствіе,—прибавилъ дядя, стараясь не смотрѣть на меня.

Они вообще не упоминали моего имени, не указывали на меня и говорили обо мнѣ, какъ о какомъ-то отсутствующемъ лицѣ, вѣроятно, для вящшаго позора.

Digitized by Google

— Въ кантонисты его нужно отдать, чтобы тамъ проучили, — рѣшилъ отецъ, но въ его голосѣ не было ни рѣшительности, ни злобы.

Я сидѣлъ съ потупленной головой, не подозрѣвая, что весь этотъ разговоръ былъ подготовленъ для того, чтобы я, ошеломленный грозными рѣчами, расчувствовался и попросилъ прощенія у публики. Она, бѣдная, мучилась въ эти минуты едва ли не сильнѣе меня, а я, какъ неопытный актеръ, высѣченный въ первый разъ, не зналъ, какъ надо развязать драму. Отецъ, не привыкшій говорить иносказательно, умышленно подготовлять сцены, первый измѣнилъ тактику.

— Проси прощенья у дяди!—приказалъ онъ.

Я посмотрѣлъ на него, его лицо было серьезно, но далеко не злобно въ эту минуту; потомъ взглянулъ на дядю, тотъ сидѣлъ, развалившись въ креслѣ, и, кажется, готовился протянуть мнѣ руку для цѣлованія; онъ улыбался. Мнѣ вспомнились мои утреннія размышленія, дядя со своею сладкою улыбкою показался еще противнѣе. Я опять опустилъ голову и продолжалъ молчать.

— Ну, что же ты?—спросилъ отецъ.

— Папа! голубчикъ! — надрывающимся голосомъ вскричалъ я: — засѣки меня, если хочешь, а у него я не стану прощенья просить: онъ улыбается.

Отецъ широко раскрылъ глаза и мелькомъ взглянулъ на дядю; тотъ растерялся и завозился въ креслѣ, еще пошлѣе расширяя свой ротъ улыбкой.

— Это что значитъ?

— Вези меня, куда хочешь, хоть въ кантонисты, но не оставляй здѣсь. Я не стану просить у него прощенія. Ты не сѣкъ меня прежде, ты за него меня высѣкъ!

— Я тебя и теперь высѣку.

— Сѣки!—я всталъ со стула и взялся за первую пуговицу курточки, готовясь ее разстегнуть.

Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на меня, ожидая, что будетъ. Отецъ холодно взглянулъ на дядю и на тетку и тихо сказалъ мнѣ:

— Пей чай, а тамъ посмотримъ, что дѣлать.

— Каковъ характерецъ?—прошипѣла тетка.—И это еще девятилѣтній ребенокъ!

— Хорошо, если бы большіе болваны постарались походить на него,—отчетливо выговорилъ отецъ.

Теткѣ показалось, что оплеуха досталась именно *ей*; дядя

Digitized by Google

былъ вполнѣ увѣренъ, что это его съѣздили по физіономіи, и оба сочли непремѣнною обязанностью надуться.

Съ этой минуты въ домѣ воцарилась тишина. Тетка только кивала головой, словно напѣвая про себя: «хорошо, хорошо, отплачу». Дядя разговаривалъ очень мало, писалъ въ дневникѣ о воспитаніи дѣтей вообще и о дѣтскихъ характерахъ въ особенности, и говорилъ всѣмъ *вы*—признакъ крайняго неудовольствія; даже одинъ разъ сказалъ отцовой собакѣ: подите на дворъ!.. Впрочемъ, за послѣднее я не ручаюсь, можетъ-быть, это выдумала моя сестра, старавшаяся всѣми средствами развеселить меня. Отецъ былъ угрюмъ, но, незамѣтно для самого себя, обращался со мною внимательнѣе обыкновеннаго. Съ его необузданнымъ и дикимъ характеромъ надо было умѣть ладить, и я моею выходкой нечаянно подладился подъ него; это-то и обратило гнѣвъ на милость и привело къ развязкѣ, которой никто не предвидѣлъ и не желалъ.

Черезъ три недѣли отецъ позвалъ меня къ себѣ и спросилъ: хочу ли я приготовляться для поступленія въ корпусъ и жить покуда въ домѣ моего крестнаго отца, или желаю жить у тетки? Я поспѣшилъ изъявить согласіе на первое предложеніе, хотя и не имѣлъ никакого понятія о крестномъ отцѣ.

— Ты долженъ будешь учиться и не бить баклушъ,— строго замѣтилъ онъ.

— Я давно хочу учиться,—отвѣчалъ я.

— Ну, если будешь прилеженъ, то мы будемъ друзьями, слышишь?

— И ты меня простишь?—спросилъ я, не зная, какія чувства питаетъ ко мнѣ отецъ: ненависть или любовь.

— Я на тебя и не сердился; я вспыльчивъ. Дядя, такъ тотъ на тебя и теперь дуется, да на всякое чиханье не наздравствуешься,—порѣшилъ онъ.

Сестру опечалило извѣстіе о близкой разлукѣ со мною, я старался ее утѣшить обѣщаніями писать къ ней; самъ же я не чувствовалъ слишкомъ сильной грусти при мыслѣ о разлукѣ съ нею, отчасти по ребяческой беззаботности, отчасти же потому, что видѣлъ близкое исполненіе моего желанія,—начало ученья, возможность сравняться съ сыномъ Григорья Ивановича. Я уже воображалъ себя и первымъ математикомъ, и отчаяннымъ латинистомъ; все это казалось мнѣ такимъ легкимъ дѣломъ, что и задумываться о немъ не стоитъ: захотѣлъ и сдѣлалъ. Прошла еще недѣля, деньги

Digitized by Google

были собраны всѣми неправдами, хлѣбъ продался на корню, и мы съ отцомъ собрались въ путь, конечно, не въ понедѣльникъ и потому неудачи нечего было бояться. Посидѣли минутъ съ пять, встали; начали прощаться. Тетка холодно простилась со мною, я забылъ поцѣловать у нея руку. Дядя назвалъ меня Павломъ Константиновичемъ и шаркнулъ передо мною ножкой... Сестра неутѣшно плакала, провожая меня на крыльцо.

— Черезъ два мѣсяца увидимся!—кричалъ я ей, когда тронулся экипажъ.

— Пиши ко мнѣ!—кричала она...

Здѣсь оканчивается періодъ моего дѣтства; я начинаю не просто расти, но и развиваюсь; мой умъ вступаетъ въ свои права. Я мыслю, гляжу пристальнѣе на окружающіе меня предметы и дѣла людей; моими поступками управляютъ уже не одни первыя побужденія, но и сознаніе, что то или другое хорошо или дурно. Конечно, я еще не понимаю, что такое жизнь и къ чему долженъ стремиться человѣкъ, но у меня уже есть стремленьице выучиться тому, что знаетъ сынъ Григорья Ивановича. Какъ ни мало это стремленьице, однако, оно волнуетъ меня, подталкиваетъ на дѣло, я живу во имя его, а не для одной ѣды и питья. Толковый воспитатель именно въ это время могъ бы воспользоваться моимъ пробужденіемъ и повести меня на хорошій путь...

Теперь, читатель, въ жилище моего крестнаго папеньки, перваго встрѣчнаго чиновника, благодѣтеля рода Шуповыхъ!

IV.

Чиновникъ Люлюшинъ, его жена и дѣти.

Іюль мѣсяцъ. Солнце палитъ безъ милосердія. Раскаленные, какъ печи, высокіе каменные дома пышутъ нестерпимымъ жаромъ на узкія загроможденныя строительнымъ матеріаломъ улицы. Удушливый, сухой вѣтеръ поднимаетъ извесковую пыль, несетъ ее по разобранной мостовой, врывается съ нею въ растворенныя окна, покрывая бѣлымъ слоемъ столы и стулья, вихремъ взвиваетъ ее выше и, смѣшивая съ дымомъ,—валящимъ клубами изъ трубъ,—сѣрою сѣтью держится надъ городомъ, застилая голубое небо отъ глазъ облитыхъ потомъ, изморившихся чиновниковъ, бѣгущихъ въ департаменты съ мыслью: разрѣшитъ ли имъ начальство отпускъ на 28 дней;—отъ некрасивыхъ женщинъ, спѣшащихъ съ рынка, разсчитывающихъ, не обчелъ ли ихъ мясникъ, не успѣвшихъ снять папильотки, расплести ко-

Digitized by Google

сички надъ лоснящимися лбами и пышно взбить послѣдніе клочки рѣдѣющихъ волосъ,—отъ оборванныхъ, являющихся почти въ природной наготѣ мостильщиковъ, штукатуровъ и барочниковъ, уже успѣвшихъ поѣсть хлѣбушка съ квасомъ и спящихъ сномъ праведниковъ на мостовой подъ шумъ несущихся на дачи экипажей и крики передового, очищающаго дорогу для пожарныхъ, спѣшащихъ на пожаръ въ Ямскую...

Въ такой день прибылъ я съ отцомъ въ Петербургъ и былъ ошеломленъ этою картиною, какъ будто увидалъ ее впервые, хотя ровно за мѣсяцъ она не поражала меня; но тогда я не зналъ еще деревни, не дышалъ ея освѣжающимъ воздухомъ. И, все-таки, я бѣжалъ изъ нея... Мы остановились въ гостиницѣ, отецъ на скорую руку поѣлъ и уѣхалъ къ моему крестному отцу, оставивъ меня одного. Я сидѣлъ въ раздумьи у окна; гдѣ-то на улицѣ мучительно ныла шарманка, заглушаемая еще болѣе мучительнымъ воемъ расчувствовавшейся собаки; недалеко отъ моего окна, вися въ воздухѣ, распѣвалъ заунывную пѣсню штукатуръ, изрѣдка ругая крупнымъ словцомъ мужика, хладнокровно сидѣвшаго на мостовой и поддерживавшаго веревку, поднимавшую ругателя; съ Невскаго проспекта несся какой-то смутный гулъ ѣзды, криковъ, движенія... Я впервые почувствовалъ свое одиночество. Изъ моихъ глазъ лились слезы, горькія, жгучія слезы неодолимой тоски, скуки и безпомощности. Если бы въ эту минуту кто-нибудь, хоть глупецъ, хоть развратный негодяй приласкалъ меня, сказалъ бы слово привѣта,—я отдалъ бы ему за эту ласку, за это слово свою дѣтскую душу, отдалъ бы на всякое дѣло, навсегда, безвозвратно, всецѣло... Послѣ не-разъ видѣлъ я, какъ покупали негодяи дѣтскія души именно въ такія минуты— и въ ребенкѣ погибалъ будущій человѣкъ...

Черезъ два часа отецъ возвратился съ чемоданомъ и велѣлъ мнѣ собираться къ переѣзду на квартиру крестнаго отца. Въ нѣсколько минутъ мои вещи перешли изъ отцовскаго чемодана въ мой собственный—это первая *моя* собственность — и черезъ часъ меня и мой чемоданъ уже перевозили на новое жилище. Мы остановились противъ нашего собственнаго дома и стали взбираться по лѣстницѣ большого дома, занимавшаго меня въ былые дни. Во второмъ этажѣ мнѣ встрѣтились два знакомые по лицамъ мальчугана, которыхъ я когда-то видѣлъ изъ-за занавѣсокъ спускающими мыльные пузыри. «Вотъ они, дѣти-то кресто-

Digitized by Google

носцевъ!—подумалъ я.—А что, если они меня поколотятъ?» Въ четвертомъ этажѣ мы остановились и позвонили у дверей, на которыхъ была дощечка домашняго издѣлія—о чемъ я узналъ послѣ — съ надписью: «Надворный совѣтникъ Абрамъ Семеновичъ Люлюшинъ».

— А! милости просимъ, дорогіе гости! Скоро, скоро собрались; по-военному, батюшка, по-военному! — зачастила сладчайшимъ голосомъ мясистая госпожа, отворившая намъ двери; въ то же время я почувствовалъ на своей щекѣ горячее дыханіе и услышалъ звукъ мокраго поцѣлуя, сопровождавшійся восклицаніемъ: «здравствуйте, душенька!»

Люлюшина — это была она — повела насъ въ гостиную черезъ переднюю, отдѣленную перегородкой отъ кухни: въ комнатѣ припахивало чадомъ и отдавало прѣлымъ, жаренымъ и варенымъ. Эти запахи словно нарочно вырывались изъ кухни въ гостиную, чтобы успокоить посѣтителя и заявить ему на первыхъ же порахъ, что здѣсь не голодаютъ люди, а ѣдятъ—и плотно, и много ѣдятъ.

— У извозчика вещи,—лаконически сказалъ отецъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. Колька, сбѣгай за вещами Павла Константиновича.

Колька былъ сынъ Люлюшиныхъ, мальчикъ лѣтъ одиннадцати.

— Ему не снести чемодана, — замѣтилъ отецъ, смѣривъ глазами мальчугана.

— Такъ онъ дворнику велитъ; вы дадите ему на чай?— вопросительно прибавила хозяйка.

— Ну да, разумѣется,—нетерпѣливо промолвилъ отецъ.

— Бѣги же! чего ты ротъ-то разинулъ? Охъ, дѣти, дѣти!—вздохнула Люлюшина, качая головой.

— Вы мнѣ напишите адресъ учителя вашихъ дѣтей, чтобъ я могъ съ нимъ переговорить и условиться.

— Сейчасъ, сейчасъ, только безъ очковъ-то я не могу написать,—съ замѣтнымъ замѣшательствомъ замялась хозяйка.—И гдѣ это мои очки запропастились?

— Да я самъ напишу, вы мнѣ скажите только, гдѣ онъ живетъ.

— Извольте, извольте, вотъ вамъ карандашикъ и бумажечка.

Люлюшина старалась быть въ высшей степени любезною и нѣжничала даже съ карандашомъ и бумагой, придавая имъ уменьшительныя названія.

Отецъ записалъ адресъ и уѣхалъ. Люлюшина повела меня

Digitized by Google

въ *мою* комнату и предложила услуги разобрать мои вещи. Я охотно согласился на предложеніе.

— Какой же вы красавчикъ стали, весь въ папеньку,— говорила она, засновавъ отъ чемодана къ комоду и отъ комода къ чемодану.—Давно, давно Абрамъ Семенычъ хотѣлъ васъ повидать; вѣдь крестный сынокъ вы ему, свое, родное, стосковался онъ по васъ. Послѣдній-то годокъ послѣ смерти вашей маменьки,—царство ей небесное и покой вѣчный!— не видалъ онъ васъ; дѣла у него, знаете, времени свободнаго нѣтъ, ну, и не удавалось повидаться. Вотъ ужъ, какъ говорится: близко живемъ, да рѣдко бываемъ! Вѣдь вашъ-то домикъ изъ окошечка отъ насъ виденъ, а не могъ собраться, рѣшительно не могъ Абрамъ Семенычъ. Носочки-то плоховаты, плоховаты! надо бы новые сдѣлать; вотъ увидимъ, что папаша скажетъ.

Я рѣшительно не зналъ, у кого носочки плоховаты, у меня, у моего отца, или у Абрама Семеныча; впослѣдствіи оказалось вѣрнымъ первое... Бесѣда Аграфены Степановны Люлюшиной была чрезвычайно похожа на звуки, издаваемые кофейной мельницей, когда она управляется разозлившеюся на господъ и вымещающею свою злобу на этомъ невинномъ инструментѣ кухаркою. Сначала эти звуки раздражаютъ нервы, потомъ, мало-по-малу, человѣкъ привыкаетъ къ нимъ, ему дѣлается даже сладко, какъ коту, у котораго щекотятъ между ушей, онъ понемногу жмуритъ глаза и тихо, тихо дремлетъ, а въ ушахъ раздается: тръ-та-та-та, — и съ каждой минутой все глуше и глуше становится эта музыка, въ воображеніи рисуются прихотливыя картины, не имѣющія ничего общаго съ окружающимъ...

— Ахъ, мерзкая! ахъ, мерзкая!—вдругъ оглушила меня Аграфена Степановна пронзительнымъ крикомъ, а я уже начиналъ дремать, пригрѣтый солнцемъ. Я разинулъ ротъ, недоумѣвая, кого она ругаетъ: но передо мною уже была растянута одна изъ принадлежностей моего туалета и къ самому носу поднеслось какое-то темное пятно. — Не вымыла, такъ и оставила негодница, вѣдь это вы, вѣрно, гдѣ-нибудь на ягоду сѣли, и такъ и оставила, мерзкая! Вотъ ужъ, какъ говорится: ты ихъ хоть озолоти, а онѣ для тебя и настолько не порадѣютъ. — Аграфена Степановна отмѣряла на своемъ мизинцѣ, насколько онѣ не порадѣютъ. — Онѣ и мамашу-то вашу, я думаю, въ гробъ свели. Шутка ли восемь комнатныхъ слугъ, девятая прачка, десятый дворникъ, одиннадцатая судомойка,

Digitized by Google

двѣнадцатый водовозъ... Да я и съ одною-то кухаркою постоянно больна, вѣрите ли, едва ноги таскаю... Еслибъ не дѣти, бросила бы все и ушла бы въ монастырь, Господу Богу служить. Абраша — что? мужчина! и одинъ бы прожилъ спокойно. Вотъ ужъ, какъ говорится: одна голова не бѣда, вездѣ мѣсто найдетъ.

«Тръ-та-та-та!» — раздавалось въ моихъ ушахъ, и снова слипались глаза и въ воображеніи носились смутныя картины...

Въ такихъ поучительныхъ разговорахъ прошло время до пріѣзда отца. Ему показали комнату, гдѣ мнѣ суждено было провести неизвѣстное число дней, недѣль и мѣсяцевъ, и объявили, что носочки плоховаты и надо новые сдѣлать. Отецъ выдалъ на этотъ предметъ деньги. Насъ оставили однихъ.

— Вотъ тебѣ деньги на твои мелкіе расходы и прихоти, — сказалъ отецъ, давая мнѣ пятнадцать рублей, размѣненныхъ на мелочь и положенныхъ въ кошелекъ. — Если ты ихъ истратишь завтра же, то у тебя не будетъ ни копейки, можетъ-быть, въ теченіе года, значитъ, лучше тянуть ихъ долго, чѣмъ истребить въ одинъ день. Не хвастай ими и не показывай ихъ никому, чтобы не дать повода ихъ выманить. Будь твердъ и самостоятеленъ, главное—будь твердъ. Учись прилежно, я нанялъ тебѣ учителя. Учись жить. Люди гадки, почти всѣ гадки, это ты увидишь самъ, можетъ-быть, уже видишь и теперь. Ну, и старайся быть лучше ихъ. Я не люблю людей, но и они меня не любятъ; ты старайся, чтобы тебя любили, чтобы не ругали. Вѣдь, я думаю, ты самъ слышалъ, что меня ругали?

Я не понималъ вполнѣ этого военнаго краснорѣчія, похожаго на барабанную дробь; отецъ не умѣлъ ясно выражать свои идеи, а я не умѣлъ угадывать недосказанное. Но послѣдній вопросъ отца поразилъ меня, и я сдѣлалъ движеніе, чтобы возражать.

— Что? Неправда, скажешь? Глупости! Нечего тутъ нѣжничать! Ты малъ, но ты уже узналъ многое... уже знаешь, что ты наслѣдникъ матери!—Въ этихъ словахъ звучала горькая иронія, точно онъ говорилъ мнѣ: ты приготовляешься быть моимъ врагомъ.—Ты долженъ готовиться сдѣлаться старшимъ изъ Шуповыхъ. Ну, и иди своей дорогой. Я усталъ. Тебѣ станутъ льстить, какъ богачу, станутъ тебя надувать, вооружать противъ родни, это въ порядкѣ вещей. Но ты долженъ теперь же знать, что каждый

Digitized by Google

человѣкъ хочетъ жить и живетъ своимъ умомъ, другіе не должны ему мѣшать; если онъ имъ не нравится,—они могутъ съ нимъ разойтись, но не вмѣшиваться въ его дѣла. Такъ и мы съ тобой, куда бы мы ни пошли и что бы ни дѣлали—это все равно, ты только долженъ учиться и не быть негодяемъ, я же обязанъ дать тебѣ отчетъ только въ дѣлахъ наслѣдства, оставленнаго тебѣ матерью. Я это говорю тебѣ теперь, потому что мы можемъ не увидаться нѣсколько лѣтъ. Прощай!

Я зарыдалъ: мнѣ казалось, что онъ бранитъ меня за что-то.

— Папа, голубчикъ, я тебя очень люблю, такъ люблю, какъ любила тебя мама!

Лицо отца дрогнуло, но не болѣе.

— Прощай, прощай, сынъ мой!—поспѣшно произнесъ онъ, поцѣловавъ меня, и торопливо вышелъ вонъ.

Онъ хотѣлъ, чтобы я былъ твердымъ, не похожимъ на бабу.

— Проводили папашу, ангелочекъ мой! Полноте плакать; папаша будетъ, Богъ дастъ, здоровъ, мамашу новую привезетъ,—утѣшала Аграфена Степановна.

— Не надо мнѣ никакой мамаши,—сквозь слезы отвѣтилъ я.

— И то правда! Ужъ никто не замѣнитъ родной матери, только дѣти-то этого не понимаютъ, пока мать жива; жизнь ей всю отравляютъ, въ гробъ ее сводятъ. А пожили бы съ мачихой, такъ узнали бы, что за горесть на свѣтѣ. Вотъ ужъ, какъ говорится: мачиха хлѣбъ рѣжетъ, да ножомъ грозитъ! Что, вороны, рты-то разинули? глядите, какъ сироты-то плачутъ! — пугнула она своихъ сыновей. — Ну, полноте, батюшка! Поиграйте съ моими ребятишками. Вотъ мой старшій сынъ Николай, а вотъ послѣдышекъ Шура. Играйте, голубчики; мнѣ пора на столъ накрывать, сейчасъ Абраша придетъ.

Мальчики предложили мнѣ поиграть въ карты или въ лото, но я не умѣлъ играть ни въ то, ни въ другое, и потому они рѣшили, что на первый разъ я буду смотрѣть, какъ они играютъ, и, такимъ образомъ, постигну таинства этой забавы. Я задумчиво сталъ слѣдить за игрой, мои мысли унеслись далеко, и въ игрѣ я не понялъ рѣшительно ничего. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ мой крестный отецъ. Не снимая форменной фуражки, онъ прямо прошелъ къ своему письменному столу и сталъ разбирать бумаги.

Digitized by Google

— Груша, курьеръ не приносилъ отъ генерала бумагъ?— крикнулъ онъ женѣ, находившейся въ кухнѣ.

— Нѣтъ еще, Абраша,—отозвалась она.

— Ну, такъ вели поскорѣе подавать обѣдать; я самъ сбѣгаю за ними послѣ. Кто это опять мой карандашъ чинилъ?

— Это я, папоцка,—отвѣтилъ Шура.

— То-то: я! изводите только доброе; третій карандашъ въ этомъ мѣсяцѣ вынимаю. А спроси: на что чините? такъ, небось, и не отвѣтишь. Видно не своимъ горбомъ достаете! А! ужъ вы и перебрались?—произнесъ Люлюшинъ, увидѣвъ меня, и снялъ фуражку и перчатки.

Мы сѣли за столъ.

— Я думаю, хорошо теперь въ деревнѣ?

— Очень хорошо,—отвѣтилъ я.

— Вотъ: нашему брату такъ некогда разъѣзжать по деревнямъ.

Тѣмъ наша бесѣда и кончилась. Абрамъ Семенычъ принялся съ жадностью голоднаго волка истреблять пылающій супъ, говядину и соусъ, сдѣлавъ выговоръ за то, что соусъ холоденъ, хотя и обжигалъ имъ губы. Аграфена Степановна, стараясь поправить ошибку мужа, вела со мною любезные разговоры и сочла непремѣнною своею обязанностью повторить нѣсколько разъ, что Абраша очень, очень желалъ меня видѣть; Абраша въ это время оставался совершенно спокойнымъ, вѣроятно, полагая, что рѣчь идетъ не о немъ, а о какомъ-нибудь другомъ Абрамѣ, моемъ родственникѣ. Мнѣ, несмотря на мою молодость, было очень трудно повѣрить увѣреніямъ Люлюшиной, потому что мы съ Абрамомъ Семенычемъ были почти столько же знакомы другъ съ другомъ, сколько и съ китайскимъ императоромъ. Раза четыре въ жизни видѣлъ я крестнаго отца и то мелькомъ, когда онъ приходилъ съ разными просьбами къ моему отцу, онъ же видѣлъ меня близко послѣ моихъ крестинъ только однажды и, кромѣ односложныхъ фразъ: «здравствуйте! здоровы ли вы?»—не сказалъ мнѣ во всю жизнь ни одного слова. Мы были чужіе, и Люлюшинъ, какъ дѣловой человѣкъ и далеко не сентиментальный чиновникъ, кажется, вполнѣ вѣрно понималъ наши отношенія; можетъ-быть, считалъ меня дойною коровою, но родственникомъ— ни въ какомъ случаѣ. Его супруга точно такъ же понимала это въ душѣ, но, съ свойственною нашимъ женщинамъ мягкостью и любезностью, хотѣла доказать даже дойной ко-

Digitized by Google

ровѣ, что ее будутъ доить ради родственной привязанности. Черезъ часъ послѣ обѣда пришелъ учитель. Занятія должны были идти въ моей комнатѣ и, хотя она, по словамъ Аграфены Степановны, принадлежала исключительно мнѣ, но съ перваго же дня моего поселенія здѣсь, въ ней поселились и дѣти хозяевъ со своими книгами и тетрадями, подъ тѣмъ предлогомъ, что вмѣстѣ заниматься намъ будетъ удобнѣе... Но зачѣмъ же перенесли въ мою комнату кровать для нихъ? Неужели вмѣстѣ и спать удобнѣе? Спали же они прежде въ спальнѣ отца и матери? Аграфена Степановна говорила, что, можетъ-быть, я немного трусъ и потому спать съ ея дѣтьми мнѣ будетъ не такъ боязно. Вотъ они, родственныя-то отношенія! Нашъ учитель—Алексѣй Васильевичъ Филипповъ—былъ молодой студентъ, весьма небогатый, судя по его потертому платью; онъ получалъ отъ Люлюшиныхъ за ежедневныя занятія съ дѣтьми шесть рублей въ мѣсяцъ. По его застѣнчивымъ, немного угловатымъ манерамъ и по нервному, то рѣзкому, то смиренному обращенію съ нами и съ хозяевами было замѣтно, что онъ еще связанъ по рукамъ и по ногамъ обстоятельствами, не успѣлъ еще выбраться на настоящій путь и не сумѣлъ стать на ту точку, гдѣ человѣкъ, сознавая свое личное достоинство, дѣлается спокойнѣе, ровнѣе и свободно относится ко всѣмъ окружающимъ лицамъ, не льститъ и не потакаетъ мужикамъ и нищимъ за то, что они мужики и нищіе, не дуется на генераловъ и баръ и не старается оборвать ихъ за то, что они генералы и бары. Онъ даже училъ какъ-то странно, то волновался отъ лѣности учениковъ, принимая ее за какое-то личное оскорбленіе, за невниманіе къ его усиліямъ, то хладнокровно говорилъ не знающему уроковъ ученику: сегодня не выучили, такъ попробуйте завтра приготовиться, всего вдругъ нельзя сдѣлать; то толковалъ о необходимости давать полную волю дѣтямъ относительно ученья и не принуждать ихъ ни къ чему, то сердился, если мы хотѣли сами выбрать для себя задачу изъ сборника ариѳметическихъ задачъ. Усѣвшись за столъ, онъ окинулъ меня пытливыми глазами, вѣроятно, нашелъ во мнѣ сходство съ отцомъ, и началъ разспрашивать, что я знаю.

— Я ничего не знаю, — отвѣчалъ я, вспомнивъ о знаніяхъ сына Григорія Иваныча.

— Какъ ничего? И читать не умѣете?

— Это я зналъ, когда мнѣ было пять лѣтъ.

Digitized by Google

— Подъ диктовку хорошо пишете?

— Пишу, только съ ошибками.

— А ариѳметику, священную исторію учили хоть немного?

— Ариѳметику знаю до десятичныхъ дробей, священную исторію всю—по краткому руководству.

— По-французски и по-нѣмецки учились читать и писать?

— Я говорю на этихъ языкахъ.

— Какъ же вы сказали, что вы ничего не знаете? Это самъ похвастать захотѣлось, бариномъ-всезнайкой прикинуться?—учитель произнесъ эти слова такимъ тономъ, въ которомъ ясно проглядывало его нерасположеніе къ барству, можетъ-быть, усиленное утреннимъ визитомъ отца; онъ, кажется, хотѣлъ съ перваго же раза воевать съ барченкомъ, давать ему щелчки и топтать въ грязь, конечно, все это съ благою цѣлью: сдѣлать изъ побиваемаго — честнаго гражданина... Однимъ словомъ, учитель былъ, какъ я уже сказалъ, неуходившійся, неустоявшійся юноша.

Я смутился и не зналъ, какъ бы выяснить свою мысль, но онъ уже язвилъ меня.

— Вы, вѣрно, и мазурку умѣете танцовать, и на фортепьяно разныя пьески выигрываете, и постигли искусство держаться прямо?

Изъ этихъ словъ я понялъ только то, что меня ни съ того, ни съ сего бьетъ незнакомый человѣкъ; у меня задрожали губы, глаза начало заволакивать: я еще не выплакалъ всѣхъ своихъ слезъ и едва удерживался отъ нихъ теперь.

— Да, да, я все это знаю, все знаю!—заговорилъ я прерывающимся голосомъ.—Но развѣ я виноватъ, что меня ничему больше не учили? что другіе знаютъ въ мои лѣта и по-латыни, и геометрію, и алгебру учатъ?

— Чего вы расходились?—насмѣшливо замѣтилъ онъ.

— Меня всѣ не любятъ! И вы бранить стали...

— Развѣ васъ притѣсняли?—наивно спросилъ онъ.

— Меня бросили, всѣ бросили, и сестру бросятъ, какъ собаченку...

— А-а!—задумчиво произнесъ учитель.—Успокойтесь,—ласково сказалъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, уже считая обязанностью любить угнетеннаго, хоть бы онъ былъ мошенникъ.—Я очень нервный человѣкъ, меня сердитъ, когда я слышу барское хвастовство... Мнѣ показалось, что и вы хотите похвастать... Вы на меня не сердитесь...—Онъ говорилъ отрывисто, волнуясь, и, кажется, внутренно таскалъ себя за волосы.—Такъ вы хотите серьезно учиться всему?

Digitized by Google

— Да.

— Хорошо, попробуемъ...

И вотъ, съ этой минуты я дѣлаюсь предметомъ опытовъ: меня пробуютъ развить, пробуютъ заставить мыслить въ извѣстномъ направленіи, подбираютъ для моего чтенія книжечки одного рода, однихъ взглядовъ, въ концѣ-концовъ, изъ меня должна выйти тройная эссенція этихъ взглядовъ...

По окончаніи урока дѣти подали учителю журналы.

— Какъ это вамъ не надоѣстъ заботиться о баллахъ? Развѣ вы для нихъ учитесь, а не для своей пользы, не для своей выгоды?

— Мамаша браниться станетъ, если вы не поставите балловъ. Она подумаетъ, что мы худо учились и хотимъ ее обмануть.

— Развѣ вы ее обманывали когда-нибудь, что она можетъ васъ подозрѣвать?

— Не обманывали, да ужъ она такая родилась, никому не вѣритъ, все говоритъ, что ее обманываютъ.

Учитель какъ-то нервически передернулъ плечами и выставилъ въ журналы баллы, каждому ученику за каждый урокъ по пяти. Мы пошли въ гостиную, гдѣ сидѣла Аграфена Степановна за шитьемъ больничнаго бѣлья и Абрамъ Семеновичъ за перепиской бумагъ. Меньшой Люлюшинъ бѣжалъ первымъ, съ криками: «мамоцка, у меня все пятерки».

— Умникъ, Шура, двѣ копейки получишь! Балуете вы его, Алексѣй Васильевичъ! А у тебя что?—спросила Люлюшина у старшаго сына, шедшаго сзади насъ.

— Тоже пятерки-съ.

— То-то! смотри у меня! — погрозила мать. — Ты ужъ большой, долженъ учиться. Запорю, если въ гимназію экзамена не выдержишь.

На глазахъ ребенка сверкнули слезы, но онъ постарался ихъ скрыть и ушелъ въ другую комнату.

— Вы напрасно его пугаете, Аграфена Степановна: онъ экзаменъ сдастъ отлично, первымъ,—вступился учитель за своего ученика.

— Знаю, батюшка, да все острастка нужна. Вѣдь не схвачу же я его, и въ самомъ дѣлѣ, сдуру и не почну пороть ни съ того, ни съ сего; а какъ пригрожу, такъ онъ и будетъ бояться.

— Страхомъ вы ничего не сдѣлаете, а научите только обману и лжи, надо ласкою...

— Ха-ха-ха! Охъ, вы, молодежь! Наживите-ка своихъ

Digitized by Google

дѣтей, позовите насъ крестить, а тамъ мы и посмотримъ, какъ вы ихъ гладить будете—по шерсти или противъ шерсти... ха-ха-ха! — въ этомъ смѣхѣ и въ тонѣ рѣчи слышалось полнѣйшее пренебреженіе къ совѣту учителя.

— Молодецъ, Груша! Хе-хе-хе! — насмѣшливо промолвилъ Абрамъ Семеновичъ, продолжая писать.

Учитель взялся за фуражку.

— Куда вы? Не пущу! пейте у насъ чай.

— Мнѣ нужно до...

— Ни-ни-ни! Вздоръ! Оставайтесь, полчаса не Богъ знаетъ что составятъ,—урезонивала Аграфена Степановна.

Учитель повиновался и усѣлся противъ хозяйки у ея рабочаго столика. Вскорѣ подали чай, намъ роздали по ломтю хлѣба съ масломъ и по два сухаря. Принявъ отъ учителя въ третій разъ опорожненный стаканъ, Люлюшина предложила ему четвертый. Учитель отказался. Она настаивала. Согласія, все-таки, не получалось.

— Не хотите теперь, такъ я вамъ немного погодя налью,—рискнула хозяйка на послѣднее средство.

— Нѣтъ-съ, ужъ вы мнѣ совсѣмъ не наливайте, я...

— Вѣрно у насъ чай-то не хорошъ, батюшка, гдѣ ужъ намъ!—обидчивымъ голосомъ произнесла Аграфена Степановна.

— Ей-Богу, хорошъ, да не могу я больше выпить,—чуть не плача увѣрялъ ее учитель, зная, что она хочетъ задать ему паровую ванну ради любви къ нему, дешевому и толковому наставнику ея дѣтей.

— Ну ужъ, Богъ съ вами; можетъ, вы и правду говорите, да у васъ, у ученыхъ, по лицу не узнаешь,—рѣшила хозяйка и приказала кухаркѣ пить чай, принимаясь за мытье чашекъ, которыя, ради цѣлости, мылись въ комнатѣ.

— А что, какъ нынче стоитъ въ цѣнѣ говядина?—спросилъ учитель, вѣроятно, желая этимъ пріятнымъ для хозяйки вопросомъ разсѣять остатки дурного впечатлѣнія, произведеннаго отказомъ отъ четвертаго стакана чаю.

— И не спрашивайте! Деруть, мошенники мясники, что имъ вздумается.

— Да какъ же такъ—вѣдь такса есть?

— То-то и бѣда, что такса. При ней и торговаться не думай. А вы разсудите, таксу-то кто устанавливаетъ? Мясники же! Вотъ оно дѣло-то и выходитъ дрянь. Дайте-ка мнѣ оцѣпить моего Шуру, такъ я его въ милліонъ поставлю, а вотъ вы, можетъ, и гроша за него не дадите.

Digitized by Google

— Да, точно что плохо.

— Ужъ какъ плохо-то, такъ я вамъ и представить не умѣю! Я и то говорю Абрашѣ: ужъ ты какъ себѣ знаешь, а я ѣсть говядины не стану.

— Какъ же безъ говядины?—испугался учитель.—Этакъ вы совсѣмъ отощаете: вонъ Абрамъ Семеновичъ въ должность ходитъ, дѣти на дворѣ бѣгаютъ, имъ нужна питательная пища, мясное.

— Да что вы, Христосъ съ вами, выдумали! Развѣ я басурманка какая, что дѣтей, да мужа на овсянкѣ морить стану, аберсупами имъ кишки полоскать? Я про себя говорю; все одно фунтомъ въ день меньше выходить станетъ.

— А здоровье? А силы? Не приходится и вамъ безъ говядины сидѣть.

— Что тутъ не приходится. Я сама говядина.

Я съ удивленіемъ взглянулъ на Аграфену Степановну, которую до этой минуты не имѣлъ никакого права считать говядиной. Мнѣ бросились въ глаза ея руки, открытыя до локтей, на которыхъ нельзя было открыть ни малѣйшаго слѣда костей, и широкое, толстое лицо, раскраснѣвшееся отъ чаю, съ ямками на щекахъ и двойнымъ подбородкомъ. «А, можетъ-быть, она, и въ самомъ дѣлѣ, говядина!»—подумалось мнѣ, и по лицу скользнула улыбка. Учитель взялъ фуражку и всталъ, чтобы идти домой, но это не такъ легко было сдѣлать.

— Что это, вы ужъ во-свояси собираетесь?—спросила хозяйка.

— Пора. Нужно еще почитать кое-что.

— Охъ вы, читальщики! Зачитаетесь вы когда-нибудь, помяните мое слово!—пугала она молодого человѣка.

— Авось не зачитаюсь,—съ улыбкой храбрился онъ.

— А ужъ зачитаетесь! Не мало я на своемъ вѣку примѣровъ видѣла. Да вотъ, недалеко ходить, Абрамъ Семеновичъ ровно восемь мѣсяцъ отъ книгъ былъ помѣшанъ.

— Неужели?—невольно воскликнулъ учитель и боязливо посмотрѣлъ на хозяина, серьезно читавшаго бумаги.

— Право, не лгу! Ровно восемь мѣсяцевъ былъ помѣшанъ...

— Нѣтъ, Груша, семь,—отозвался изъ-за бумагъ Абрамъ Семеновичъ.

— А ну-ка посмотримъ, что восемь,—подбоченясь продолжала хозяйка.

— Кажется, семь.

Digitized by Google

— Ужъ не спорь, Абраша! Вѣдь я же хорошо помню. Наканунѣ твоего помѣщательства я забеременила Ксешей, а когда тебя вылѣчили, такъ отъ самаго отъ этого грома я и разрѣшилась, не доносивъ ея мѣсяцъ,—бойко проговорила Аграфена Степановна и невольно посвятила меня въ одну изъ тайнъ физіологическихъ законовъ.

Вообще всѣ физіологическія отправленія я очень скоро узналъ въ этомъ домѣ. Тутъ все дѣлалось нараспашку.

— Отчего же громъ былъ при выздоровленіи Абрама Семеновича?—спросилъ учитель, должно-быть, подозрѣвая, что въ эту торжественную минуту заговорило и само небо, какъ это бываетъ въ мелодрамахъ.

— А вотъ, видите ли, я вамъ все разскажу сначала... Да сядьте вы, что столбомъ-то передо мною стоите! Шура, возьми у учителя фуражку, чтобъ она мнѣ глазъ не мозолила.

Учителю пришлось сѣсть, хотя фуражки онъ и не отдалъ, надѣясь скоро отдѣлаться: у него дома навѣрное было много дѣла.

— Жили мы тогда еще въ Кіевѣ,—начала хозяйка.— Былъ у насъ домишка на курьихъ ножкахъ, до крыши рукой достать, только самимъ жить, да и семья-то у насъ была не малая. Батюшка съ матушкой, я, Абраша, сестра его у насъ жила, дѣтей четверо, да хлопецъ. Шумъ, да возня это у насъ цѣлый день: батюшка мой сапоги тачаетъ, матушка съ бубликами возится, продавала ихъ покойница, я съ сестрой Абраши обѣдъ сготовляю, либо иглой что-нибудь ковыряю, хлопецъ то чинитъ что-нибудь, то въ огородѣ копается, ребятишки уроки справляютъ, чтобы выучиться къ той порѣ, какъ отецъ придетъ, да нѣтъ, нѣтъ и раздерутся. Ну, ихъ къ Богу! бѣда съ дѣтьми. Едва уймешь. Извѣстное дѣло, дитё неразумное. Такъ-то это у насъ шумъ да трудъ, а спорыньи нѣтъ: то того недостаетъ, то другого взять негдѣ, а о третьемъ подчасъ лучше и не спрашивай! И стало Абрашѣ такъ тоскливо на все это смотрѣть. «Покоя, говоритъ, нѣтъ, бьешся, какъ рыба объ ледъ, рукъ не покладаешь, а что вырабатываешь,—на улицу срамъ выйти, одежонки порядочной нѣтъ». Ужъ это онъ заговаривался, потому что у него сюртучокъ форменный еще новешенекъ былъ... Сталъ онъ, батюшка, отъ людей прятаться, духовныя книги читать. Охъ, ужъ худая это примѣта! Посмотрю я, бывало, къ нему въ щелочку, а онъ сидитъ и читаетъ, сидитъ и читаетъ, и нѣчто на бумагѣ

Digitized by Google

чертитъ. Просто страхъ! Разъ безъ него посмотрѣла я, что онъ чертитъ, гляжу — гробы съ балдахинами, вотъ какъ, примѣрно, на генеральскихъ похоронахъ бываетъ... Ну, мы покачиваемъ всѣ головами, однако, ничего не примѣчаемъ особеннаго: и въ должность онъ ходитъ, и дѣла справляетъ. Только вотъ однажды...

— Да вотъ послушайте, какая штука-то вышла! — не утерпѣлъ Абрамъ Семеновичъ и далъ всѣмъ почувствовать, что приближается катастрофа.

Вообще же онъ держалъ себя во время разсказа такъ, какъ будто рѣчь шла о совершенно постороннемъ человѣкѣ, чужомъ для него.

— Ужъ ты молчи, Абраша, я доскажу. Вотъ однажды пишетъ онъ докладную бумагу генералу и подаетъ ее ему; глядитъ генералъ, а на бумагѣ написано: «Ваше превосходительство! что, братъ, кукишъ съѣлъ?»

— Ей-Богу, такъ вотъ и написалъ!—мотнувъ энергически головою, воскликнулъ Абрамъ Семеновичъ и, кажется, даже теперь удивился своей смѣлости. Я и дѣти захохотали, учитель улыбнулся какъ-то странно.

— Ну, разумѣется, назначили слѣдствіе: нашли, что въ упомѣшательствѣ, отправили въ больницу. Такъ вѣдь убѣжалъ домой, забился въ чуланъ и не выходитъ оттуда. Мы ему и пить, ѣсть, и бѣлье чистое носимъ—не беретъ ничего, сидитъ на корточкахъ и молчитъ. День прошелъ, другой прошелъ, — проголодался онъ, мой бѣдняжка; вижу я, шкандыбаетъ къ моему окну. «Подайте, Христа ради!» говоритъ, да такъ-то жалобно говоритъ, что у меня сердце надрывается. «Господи, думаю, отъ своего-то хлѣба, да Христовымъ именемъ побирается: Развѣ мы тебя поиерекали голубчика, что ты въ нашемъ домѣ съ сестрою живешь?..» У Аграфены Степановны и теперь навернулись слезы; Абрамъ Семеновичъ вздохнулъ и, вѣроятно, вполнѣ искренно пожалѣлъ того человѣка, о которомъ шла рѣчь.

На нѣсколько мгновеній воцарилось молчаніе.

— Хорошо. Томился онъ это такимъ манеромъ у насъ въ чуланчикѣ, побираясь Христа ради. Самъ изморился и насъ всѣхъ изморилъ. Ходила покойница-матушка вокругъ церквей на колѣняхъ, свѣчку къ головѣ прилѣпляла, лѣкарей звали,—нѣтъ облегченья! Вотъ и приходитъ къ намъ одна старушка: «Я, говоритъ, его вылѣчу!» Обрадовались мы. «Бери, что хочешь, говоримъ, только вылѣчи». Начала она его лѣчить. Набрала травъ, велѣла ихъ сварить въ

Digitized by Google

водѣ, остудила въ холодникѣ, вылила настой въ ведро и забралась съ нимъ на чердакъ. Только приходитъ Абраша къ моему окну за подаяніемъ. «Подайте, Христа ради», говоритъ. Я ему подаю краюху хлѣба. «Прими, говорю, что Богъ послалъ». А старуха-то съ чердака какъ бухнетъ на него водою изъ ведра-то, онъ такъ и бросился бѣжать. Весь мокрый забился въ чуланчикъ, дрожитъ, и дрожитъ отъ холода. Мы испугались-было, какъ бы онъ чего надъ собою не сдѣлалъ, да старуха успокоила. На другой день та же исторія, на третій то же, да такъ-то она его девять дней окачивала! На десятый велѣла купить большой горшокъ и большое корыто. Купили мы ей большой горшокъ и корыто. Только пришелъ Абрашка за подаяніемъ, она велѣла его схватить и связать; связали его, положили на землю и прикрыли корытомъ. Отошла старуха отъ корыта шаговъ на пять, да изо всей силы и пустила въ него горшкомъ! Свѣту мы не взвидѣли отъ грома, я такъ и думала, что Абраша, мой голубчикъ, подъ корытомъ преставится... Съ этого-то переполоха я и Ксешу прежде времени родила.

— Ну, а Абрамъ Семеновичъ? — спросилъ учитель, не вѣря глазамъ, что тотъ самъ своею особою сидитъ передъ нимъ и здоровымъ, и живымъ.

Мы надрывались отъ смѣха.

— Выздоровѣлъ, попрежнему служить сталъ, такимъ усердным сдѣлался, что черезъ годикъ мы и поправились, разжились немного, отдѣлились отъ батюшки и отъ матушки. Потомъ, бывало, генералъ надъ нимъ подсмѣивался: «Такъ какъ же это я, братецъ, кукишъ-то съѣлъ?»

— Вотъ, право, не лгу, такъ и спрашивалъ! — опять энергически мотнулъ головой Люлюшинъ.

Учитель всталъ, но на столъ уже подавали ужинъ и ему поневолѣ пришлось остаться.

А какъ вы думаете, читатель, для чего разсказывала Аграфена Степановна эту исторію? — Для того, чтобы накормить учителя! И каждый разъ воспоминала она что-нибудь изъ прошлаго, разсказывала и занимала наставника своихъ дѣтей, и когда повторяла уже разсказанное, то засаживала его за рисованье узоровъ для бѣлья, мѣтокъ для платковъ; но цѣль достигалась почти всегда, и, по уходѣ наставника, я всегда слышалъ однѣ и тѣ же фразы.

— Ну, хоть червяка заморилъ,—говорила Аграфена Степановна.—Я думаю, и не обѣдалъ сегодня, поди-ка въ карманѣ-то вѣтеръ свищетъ. Охъ, охъ, хоть накормить голод-

Digitized by Google

наго, да тѣмъ своимъ милосердіемъ Господу Богу угодишь и въ грѣхахъ оправдаешься!..

Она широко крестилась, глядя въ передній уголъ, гдѣ теплилась лампада, и въ то же время прикрывала зѣвающія уста... День кончался...

V.

Продолженіе предыдущей главы.

Не стану утомлять читателя передачею всѣхъ разсказовъ, которыми, во имя искупленія своихъ грѣховъ и спасенія души, занимала Аграфена Степановна учителя, протягивая время до ужина; не стану отдавать подробнаго отчета о ходѣ моего образованія, но постараюсь въ общемъ очеркѣ представить ту жизнь и тѣ личности, среди которыхъ привелось мнѣ прожить слишкомъ годъ. Онѣ не должны быть пропущены безъ вниманія. Я всегда былъ твердо увѣренъ, что глупое лицо послѣдняго лакея, подвязывавшаго въ дни нашего младенчества салфетку подъ нашъ подбородокъ во время обѣда, имѣетъ точно столько же правъ занимать мѣсто въ исторіи нашей жизни, какъ та первая книга, которую мы прочли украдкою, едва разбирая по складамъ заключавшіяся въ ней мысли. Во времена моего безотраднаго дѣтства я относился враждебно къ той жизни и къ тѣмъ личностямъ, о которыхъ поведу рѣчь въ этой главѣ, часто плакалъ отъ нихъ горькими слезами: но теперь, когда я намыкался по бѣлу-свѣту и насмотрѣлся на все, на что можетъ насмотрѣться каждый изъ насъ, если онъ не поспѣшитъ въ испугѣ закрыть свои глаза передъ страшной дѣйствительностью,—теперь, говорю, положа руку на сердце, я совершенно безпристрастно отношусь къ нимъ и, принимаясь за описаніе ихъ, чувствую, что перо не дрожитъ въ моей рукѣ и грудь не волнуется тревожнымъ чувствомъ пробудившейся злобы. Я спокоенъ. Прошедшее является передо мною простой картиной, которую я когда-то, очень давно, видѣлъ весьма близко,—и не болѣе. Ея содержаніе темно, печально, но наблюдатель не имѣетъ никакого права сердиться на это. Мало ли есть на свѣтѣ темныхъ, печальныхъ картинъ!..

Люлюшины, какъ читатель могъ усмотрѣть изъ откровеннаго разсказа Аграфены Степановны, прошли путемъ лишеній и невзгодъ, и только съ грѣхомъ пополамъ достигли того извѣстнаго благосостоянія, которымъ пользуются всѣ титулярные, надворные и коллежскіе совѣтники, пристроив-

Digitized by Google

шіеся къ тепленькимъ мѣстечкамъ. Они по бѣдствуютъ, но голодаютъ, отъ ихъ ежемѣсячнаго дохода остается даже излишекъ; но они еще не настолько увѣрены въ прочности своего благосостоянія, чтобы пользоваться и наслаждаться жизнью; передъ ними, какъ передъ похитителями чужой короны, вѣчно носится призракъ *чернаго дня*, и они откладываютъ копейку на этотъ день, бьются именно изъ-за этой копейки; чѣмъ больше откладывается этихъ копеекъ, тѣмъ полнѣе радость откладывателей, но отъ этой радости вѣетъ не спокойною увѣренностью, а тревожной боязнью передъ будущимъ; они, если можно сдѣлать такое сравненіе, шьютъ саванъ, привѣтствуя рожденіе ребенка. Всѣ члены семьи Люлюшиныхъ, каждый по-своему, были тѣми своеобразными практиками, какихъ сотнями тысячъ производитъ нашъ общественный бытъ; характеристическая черта такихъ практиковъ та, что они далѣе своего носа ничего не видятъ и вѣчно дѣйствуютъ ради сегодняшней выгоды, хотя бы она грозила тысячами бѣдъ въ будущемъ. Въ былыя времена, подъ гнетомъ бѣдности, Люлюшины толкались во всѣ стороны, честнымъ трудомъ и трудовымъ потомъ,— ахъ, это было очень давно! — старались достигнуть желанной цѣли—богатства. Много было грустнаго и комическаго въ этихъ первыхъ, до крайности-наивныхъ попыткахъ; они, повидимому, хотѣли создать сутки въ тридцать-шесть рабочихъ часовъ и пріучить желудки ѣсть только по праздникамъ! На первыхъ порахъ узкій и односторонній умъ Абрама Семеновича, тогда еще совсѣмъ юнаго, едва не погибъ, видя тщетность всѣхъ усилій, и временно угасъ: семья въ отчаяньи опустила руки, раздавала послѣдніе мѣдные гроши лѣкарямъ, на церкви, на свѣчи... Немного позже, сознавая, что обогащеніе идетъ мучительно-медленно, семья пускается въ аферы, нанимаетъ большую квартиру и отдаетъ по комнатамъ постороннимъ людямъ; но комнаты стоятъ по мѣсяцамъ пустыми, одни жильцы не платятъ денегъ, другіе заводятъ буйство и развратъ, аферистамъ приходится платить и за тѣхъ, и за другихъ извѣстную дань полиціи: въ итогѣ оказывается не прибыль, а убытокъ. Между тѣмъ ежегодно родятся дѣти, такъ какъ бѣдняки, совершенно по неизвѣстнымъ наукѣ причинамъ, плодовиты до крайности, и ежегодно же, уже по извѣстнымъ для всѣхъ причинамъ, умираютъ новорожденные: крестины, панихиды, похороны, поминки — у всѣхъ голова кругомъ идетъ. Все требуетъ денегъ, денегъ, во что бы то ни стало денегъ!

Digitized by Google

Сестра Абрама Семеновича находится первая въ этомъ критическомъ положеніи, совѣтуетъ продать кое-какой лишній скарбъ и купить лошадь, чтобы пускать ее въ извозъ. Совѣтъ принятъ. Дѣло идетъ сначала хорошо, но потомъ съ каждымъ днемъ извозчикъ привозитъ прибыли все меньше и меньше, денегъ недостаетъ на кормъ лошади и на починку экипажа; въ порывѣ горя виновница этой затѣи рѣшается на неслыханный доселѣ поступокъ: обрѣзаетъ себѣ волосы, надѣваетъ извозчичью одежду и три дня подъ рядъ ѣздитъ въ извозъ, чтобы провѣрить работника, простужается и смертью оканчиваетъ жизнь... Люлюшины ставятъ надъ ея прахомъ крестъ съ лаконическою эпитафіей: житія ея было 36 лѣтъ,—и предаютъ проклятію аферы. Абрамъ Семеновичъ, мрачный, озлобленный, переѣзжаетъ въ ту улицу, гдѣ былъ нашъ домъ, и, махнувъ рукою на все, впадаетъ въ какое-то отупѣніе и грызется съ женой за каждый лишній грошъ, точно онъ пересталъ любить, возненавидѣлъ свою толстую Грушу, отраду жизни, нѣжнѣйшую изъ женъ. Груша тайно плачетъ, ее терзаетъ мысль, что любимый, ненаглядный Абраша ее разлюбилъ, она сряду сорокъ дней ставитъ по свѣчѣ за престолъ, даетъ Абрашѣ пить какую-то приворотъ-траву и начинаетъ чувствовать ненависть къ своему новорожденному младенцу Колькѣ, родившемуся въ пятницу, въ полночь, и, слѣдовательно, обреченному судьбою вносить за собою повсюду раздоръ и несчастіе... И именно въ эту-то пору нежданно-негаданно судьба приготовляла награду терпѣливой семьѣ. Сначала она постепенно освобождаетъ семью отъ всѣхъ дѣтей, кромѣ Кольки, потомъ, въ день моего рожденія, наталкиваетъ моего отца на Абрама Семеновича. Послѣдній дѣлается моимъ воспріемникомъ отъ купели и получаетъ теплое мѣсто. Долги оплачиваются, въ сберегательную кассу носится ежемѣсячно по 4, по 6 и по 8 рублей. Всѣ въ восторгѣ, всѣ счастливы, всѣ любятъ другъ друга, и вѣрнымъ свидѣтельствомъ того, что всѣ любятъ другъ друга, является Шура, дитя, такъ любимое родителями, какъ можетъ любить только юная чета своего первенца. Люлюшинъ весь отдается *дѣлу*, показываетъ свой талантъ, и, слыша, что другіе пускаются въ какія-нибудь аферы или честнымъ трудомъ, да своимъ горбомъ хотятъ нажить капиталъ, скептически говоритъ: дудки!!..

Пристально осматривающій постороннихъ людей, заискивающій съ ними, если они ему нужны, холодный передъ

Digitized by Google

ними, если они безполезны, желчный съ подчиненными, молчаливый передъ начальствомъ и со всѣми сухой, какъ бумага, на которой онъ строчитъ доклады генералу, точный, какъ машина, въ исполненіи своей работы, какъ машина втянувшійся безъ разсужденій въ дѣло, состояло ли оно въ томъ, чтобы расплющить кусокъ желѣза, или такъ коснуться до хрупкаго стекла, чтобы оно и не зазвенѣло — Люлюшинъ внѣ своихъ дѣлъ не имѣлъ ничего общаго съ симъ міромъ. Въ дѣлахъ были для него поэзія, и отрада, и огорченіе, и нестерпимыя муки. Какъ строки перваго признанія въ любви, заучивалъ онъ иное дѣло отъ доски до доски и наизусть докладывалъ его генералу; иногда, поддаваясь наплыву страсти, читалъ эти дѣла передъ женой, дѣлая ударенія на особенно сильныхъ мѣстахъ канцелярской бляузы. Какъ страстному любовнику снится въ волшебныхъ сновидѣніяхъ образъ милой, такъ снились Люлюшину его дѣла. Однажды у него разлилась жёлчь, и стали пухнуть ноги, онъ слегъ въ постель, его исповѣдывали и пріобщали Св. Таинъ, но дѣлъ онъ не бросилъ. Объ этомъ доложили генералу, тотъ только рукой махнулъ: «пусть занимается! отнять отъ него дѣла — значитъ убить его; старикъ подумаетъ, что мы его сбываемъ отъ себя». Такъ и оставили его работать полумертваго. И, какъ нарочно, въ это время въ его рукахъ находилось одно изъ самыхъ прибыльныхъ дѣлъ по подрядамъ: объ этомъ знала и Аграфена Степановна.

— Боюсь я, Груша, что не доживу до окончанія дѣла,— слабымъ голосомъ шепталъ больной.

— Ужъ и я объ этомъ думала, голубчикъ ты мой, кормилецъ нашъ,—хныкала Аграфена Степановна, слезливо сморкаясь.

— Бѣда, голубушка, рѣшительно бѣда! вѣдь все другіе заберутъ, загребутъ жаръ чужими руками, — стоналъ умирающій.

— И не говори мнѣ лучше, Абраша, не надрывай ты моего сердца! безъ ножа зарѣжешь ты насъ; руки у меня ни на что не поднимаются,—мучилась жена...

Однако, Люлюшинъ выздоровѣлъ, къ величайшей радости семьи. Аграфена Степановна снова начала *владать*, какъ она выражалась, домомъ, удвоила энергію, чтобы наверстать тѣ дни, въ которые у нея ни на что руки не поднимались. Развязался снова ея неугомонный языкъ, расходились безустанныя ноги, и всѣ почувствовали, что въ домѣ есть хозяйка.

Digitized by Google

Аграфена Степановна въ пору нашего знакомства была, что называется, сдобною булкою. Бѣла, кругла, немного рыхла и удивительно способна разжиматься, если ее кто или что-нибудь придавитъ. Особенно шли къ ней широкое матерчатое платье цвѣта *мысакà* и чепецъ съ огромными бантами изъ бѣлыхъ лентъ. Въ этомъ нарядѣ ее можно было замѣтить между десятками другихъ женщинъ, казавшихся передъ нею какими-то жалкими стрекозами съ перехватомъ посрединѣ. Этого перехвата, то-есть тальи, не было и признаковъ у Аграфены Степановны: природа немного мудрила надъ нею и обстрогала ее безъ всякихъ вычуровъ простымъ рубанкомъ, не позаботившись даже погладить напилкомъ нѣкоторыхъ неровностей въ родѣ родимаго пятна съ волосами въ уголкѣ между носомъ и щекой и трехъ бородавокъ на лѣвой рукѣ. Аграфену Степановну эти неровности не печалили, она отчасти даже радовалась имъ, разсуждая, что если Богъ на улицѣ смерть пошлетъ, то по этимъ примѣтамъ Абраша узнаетъ, куда свезутъ ея тѣло. Въ гости Аграфена Степановна ходила рѣдко, охотнѣе ѣздила на похороны, чѣмъ на крестины, такъ какъ на первыхъ поминки бываютъ очень сытныя, хотя кушанье отъ кухмистера большею частью и походитъ на вчераннее, на вторыхъ же, по русскому обычаю, необходимо нужно заплатить бабкѣ за бокалъ шампанскаго, по крайней мѣрѣ, рубль, что совсѣмъ не согласовалось съ разсчетливостью нашей героини. Но неизмѣнно, несмотря ни на какую погоду, Аграфена Степановна по субботамъ посѣщала маскарадъ, т. е. баню. Изъ этихъ маскарадовъ она приносила тысячу новостей и пробавлялась пережевываньемъ ихъ отъ субботы до субботы, сообщая по очереди всѣмъ знакомымъ; такимъ образомъ, время летѣло для нея не скучно и не чувствовалось недостатка въ книгахъ, которыхъ въ домѣ не существовало; т. е. на чердакѣ въ корзинкѣ валялось до двадцати томовъ, но ими дорожили не какъ книгами, а какъ вещью, пригодной къ продажѣ, въ случаѣ нужды. У себя въ домѣ Аграфена Степановна умѣла придать себѣ значеніе и вѣсъ, ея боялись даже дворники; а всѣмъ извѣстно, какіе нетрусливые люди дворники большихъ петербургскихъ домовъ, не блѣднѣющіе даже передъ самимъ квартальнымъ надзирателемъ. Люлюшина вела съ ними постоянную и ожесточенную войну изъ-за помоевъ и дровъ, но еще сильнѣе она воевала съ кухарками. Онѣ смѣнялись среднимъ числомъ три раза въ годъ и всегда за воровство

Digitized by Google

плъ за излишнюю привязанность къ двоюроднымъ братьямъ—солдатамъ изъ ближайшихъ казармъ. При поступленіи въ домъ новой прислуги, Аграфена Степановна иначе не называла ее, какъ голубушкой, хвалила ее передъ гостями и учителемъ, называла золотомъ, а не дѣвкой, и сулила золоту такой подарокъ къ празднику, что стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такого подарка это золото и во снѣ не видала. Черезъ мѣсяцъ хозяйка начинала легонько точить свое золото за неумѣнье стирать тонкое бѣлье, мыть хорошую посуду и заправлять праздничную кулебяку. «Ну, кто же этакъ дѣлаетъ, милая?—не безъ особенной ѣдкости внушалось кухаркѣ, названной въ пику *милою*.—Тебя нигдѣ въ порядочномъ домѣ держать не станутъ. Ты, вѣрно, прежде гдѣ-нибудь у мастеровыхъ жила?» Еще черезъ мѣсяцъ Шура, любимецъ матери, откомандировывался, по ея волѣ или просто по своей охотѣ, подсматривать за дѣйствіями непріятеля, тайкомъ бѣгалъ въ лавочку перевѣшивать хлѣбъ, муку, масло, подслушивалъ непріятельскіе разговоры съ сосѣдними слугами и сообщалъ результаты своихъ наблюденій на ухо Люлюшиной. Она въ это время вдругъ наружно стихала, дѣлалась сосредоточеннѣе, холоднѣе въ обращеніи съ врагомъ, но ни на минуту не упускала его изъ виду, слѣдила за нимъ, какъ хорошая собака за зайцемъ. «Мерзавка-то моя,—говорила она гостямъ и учителю:—цѣлый день дрыхнетъ; воровать стала, шашни завела—прости Господи! съ какимъ-то солдатомъ—и это въ моемъ домѣ, гдѣ дѣти есть! Терплю, терплю, покуда другой на примѣтѣ нѣтъ, а ужъ какъ только найду, такъ я ей отпою, выведу ее на чистую воду». Иногда изгнаніе происходило прежде пріисканія новой прислуги, по экстренному случаю. Такъ случилось въ первый мѣсяцъ моего пребыванія съ семьѣ Люлюшиныхъ. Въ домѣ производилась стирка бѣлья; по окончаніи ея, Аграфена Степановна не досчиталась одной моей рубашки; этого было совершенно достаточно, чтобы дать врагу генеральное сраженіе.

— Признавайся, ты украла рубашку?—гремѣла Люлюшина.

— Вотъ вамъ Христосъ! хоть образъ со стѣны снять, такъ не брала рубашки,—клялась Акулина, дѣвка ражая, плотная, какъ рѣпа, только-что привезенная съ огорода.

— Врешь, врешь!

— Пусть лопнутъ мои глаза, если я ее видѣла! Да пусть мнѣ дѣтей не рожать, если я ее брала!

— Да ты замужъ-то прежде выйди, безстыжіе твои глаза,

Digitized by Google

а потомъ о дѣтяхъ думай, — упрекнула Аграфена Степановна.

— Не ваше дѣло, выйду или нѣтъ. Рады, небось, что сами-то выскочили,—огрызнулась Акулина суровымъ тономъ.

— Ахъ, ты, мошенница! Ахъ, чуяло мое сердце, что у тебя любовникъ есть. Ему и стащила рубашку!—рѣшила Аграфена Степановна, не сообразивъ въ пылу битвы, что моя рубашка едва ли была въ пору Акулинину любовнику, если таковой имѣлся.

— Ой, ой, ой!—завыла Акулина нечеловѣческимъ голосомъ, закрывъ лицо руками и мотая во всѣ стороны головой.— Опозорили вы мою сиротскую головушку. Богъ вамъ отплатитъ, что вы обижаете сироту безпріютную.

— Вонъ, вонъ, разбойница! чтобъ и духомъ твоимъ не пахло.

— И уйду, и уйду, отсохни мои ноги, если я загляну къ вамъ. За три версты обѣгу, глаза закрою, чтобы вашего постылаго дома не видать.

— Молчи, негодница!

— А вотъ не буду молчать, не буду молчать! Я вамъ не крѣпостная досталась. Всѣмъ разскажу— и другу, и недругу, какіе вы есть люди на свѣтѣ...

— Молчи! тебѣ говорятъ, не то языкъ кулакомъ отобью!

— На-ко-ся!—воскликнула съ яростью бѣдная сирота и подставила къ самому носу Аграфены Степановны указательный палецъ правой руки.

Это чрезвычайное событіе такъ поразило Люлюшину, что она вдругъ не нашлась, что̀ сказать и что̀ сдѣлать, и, очнувшись, увидала, что Акулина уже скрылась изъ дома. Тутъ роль перемѣнилась: Аграфена Степановна сама прикинулась казанскою сиротою и со слезами запричитала: «Господи, за что̀ ты меня наказуешь? Спала да выспала себѣ горе, какого и во снѣ не снилось! Всякій-то можетъ меня обидѣть, некому за меня, беззащитную, заступиться. А за кого мучусь, за другихъ—чужое добро берегла, взяла на свои руки обузу. За дѣтей мучусь; не будь ихъ на свѣтѣ, все бы бросила, въ монастырь бы пошла, Господу Богу служить пошла бы...» Въ эту трогательную минуту Аграфенѣ Степановнѣ подвернулся подъ руку Колька, ему достался порядочный подзатыльникъ и послышалась угроза: «Чего бѣгаешь-то, какъ угорѣлый? Мать за васъ убивается, а вамъ и горя мало, неблагодарные! Погоди, погоди, голубчикъ, дай мнѣ передохнуть, ужъ я тебя выпорю, непре-

Digitized by Google

мѣнно выпорю». Колька сталъ блѣднѣе своей рубашки и съ крупными слезами на глазахъ побрелъ въ мою комнату.

Тутъ-то я и познакомился впервые съ Колькой, хотя видѣлъ его ежедневно въ теченіе мѣсяца...

— Дура, дура старая!—въ волненіи шепталъ онъ дрожащими губами и сѣлъ къ окну.

— Васъ хотятъ высѣчь?—спросилъ я, полагая, что для Кольки сѣченье такая же страшная новость, какою оно было для меня еще такъ недавно.

— Я ей руки исцарапаю, если она меня еще вздумаетъ сѣчь!—съ угрозой проговорилъ онъ.—Чего отецъ-то смотритъ? Что онъ мнѣ гривенники даетъ, когда выигрываетъ въ карты! Лучше бы не велѣлъ ей меня пороть. Не можетъ съ кухарками ужиться, а у другихъ по десяти лѣтъ кухарки живутъ. Она думаетъ, что я не видалъ, какъ она рубашку сама спрятала? Сашкѣ обновку хочетъ подарить, нашлялся бы и въ рваномъ бѣльѣ, не великъ баринъ!

— Развѣ она спрятала мою рубашку?—съ изумленіемъ спросилъ я.

— Что?—сердито воскликнулъ Колька.

Я повторилъ свой вопросъ.

— Ну да, спрятала! Ты думаешь, что она честная?—съ недѣтскою серьезностью сурово спросилъ онъ и въ первый разъ сказалъ мнѣ: *ты*,—до сихъ поръ мы говорили другъ другу: *вы*.—Не такія бываютъ честныя! Вонъ у Пети Панова такъ честная мать, у ней даромъ рады жить люди, у ней дѣтей не бьютъ, ее и въ лавочкѣ не ругаютъ, а нашу ругаютъ;—много ли съ отцомъ и съ матерью наворовалъ? говорятъ. А развѣ я ворую, развѣ я большой? Я не виноватъ. Кольку сорванцомъ зовутъ, разбойникомъ Кольку зовутъ. Пусть зовутъ, а Колька воромъ не будетъ, вотъ что! Колька чужихъ рубахъ брать не станетъ!—злобно рыдая, прерывающимся голосомъ говорилъ онъ.

Я сѣлъ рядомъ съ нимъ и сталъ утѣшать, какъ умѣлъ и какъ могъ.

— Ты тоже не будешь воромъ?—наивно спросилъ онъ, немного успокоившись.

Я побожился, что никогда и не думалъ и никогда не буду воровать.

— Ну, такъ ты, значитъ, будешь хорошимъ, тебя ругать не будутъ, попрекать не станутъ. Безъ воровства можно жить, тебѣ я тебѣ разскажу, какъ можно жить безъ воровства.

Съ этими словами Колька началъ очень серьезно разви-

Digitized by Google

вать передо мною теорію жизни безъ воровства, созрѣвшую въ его дѣтской головѣ, безъ помощи чужихъ наставленій и безъ чтенія книгъ. Это была до крайности наивная теорія, ее даже какъ-то неловко называть этимъ именемъ, и я до сихъ поръ не могу вспомнить о ней безъ веселой улыбки. По его соображеніямъ слѣдовало работать, цѣлый день работать, бумаги писать въ должности, сапоги или платье шить дома,—все работать и на выработанныя деньги нанимать маленькую, самую маленькую комнату и жить одному, чтобы дѣтей не было; одѣваться просто, ну, совсѣмъ просто, вотъ какъ мужики одѣваются, и не покупать чепцовъ съ бѣлыми бантами,—хотя я и не понялъ, для чего пригодился бы мнѣ, напримѣръ, чепецъ съ бѣлыми бантами, но промолчалъ и вполнѣ согласился, что именно только при такой жизни можно обойтись безъ него,—потомъ слѣдовали пункты о томъ, чего не должно дѣлать: не должно вина пить, не должно въ карты играть, именины и праздники справлять, на гулянья и въ театры ѣздить, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, его мысли сложились подъ вліяніемъ окружавшей его жизни, и онъ отрицалъ ее вполнѣ, безъ всякой пощады и безъ смущенія, не желая удержать изъ нея хоть на память какой-нибудь лоскутокъ. Мы заключили съ нимъ условіе жить именно по этому плану, когда вырастемъ большіе, и вслѣдствіе этого сдѣлались друзьями. Условіе, вмѣсто печати, скрѣпилось горячимъ поцѣлуемъ, послѣ чего Колька снова началъ меня поучать. Наша первая бесѣда длилась до прихода изъ должности Люлюшина. Колька разсказалъ мнѣ, какой скверный мальчишка былъ его братъ, какъ онъ любилъ подслушивать и наушничать, какъ его ругаютъ на дворѣ мальчишки и лавочники. «Когда я вырасту,—говорилъ онъ:—и если у Сашки не будетъ денегъ, то я дамъ ему ихъ, но прежде три дня заставлю его каяться, на хлѣбѣ и на водѣ продержу, чтобы онъ зналъ, каково казнять мошенниковъ...»

— Развѣ ты это знаешь?—спросилъ я.

— Я, братъ, все знаю!

Эти слова имѣли большое значеніе: Колька, дѣйствительно, зналъ *все*. Онъ сообщилъ мнѣ, какъ на свѣтѣ нищіе подаяніемъ Христовымъ живутъ, какъ шарманщики маленькихъ дѣтей ломаться учатъ и чьи это дѣти, какъ разсчитываются хозяева съ фабричными мальчишками и какъ тяжело жить послѣднимъ, какъ наживаются обманами сидѣльцы въ лавочкахъ и какъ хлѣбы пекутся,—короче, я нашелъ въ немъ такого опытнаго наблюдателя и знатока

Digitized by Google

городской жизни, что пришелъ въ изумленіе. Вспоминая теперь о томъ, я удивляюсь, какъ уживалась въ немъ дѣтская чистота съ знаніемъ самыхъ грязныхъ предметовъ. Въ его головѣ эта жизнь рождала то странные и наивные, то не по лѣтамъ серьезные вопросы.

— Одного я не понимаю,—серьезно и задумчиво говорилъ онъ мнѣ однажды:—за что это собакъ и лошадей мучатъ?

— Да вѣдь и людей мучатъ, Колька,—отвѣчалъ я.—Ты самъ же мнѣ говорилъ...

— Людей! Такъ люди души свои за это за самое спасутъ. Вотъ и я теперь, если бы умеръ, такъ святымъ бы сталъ,—съ нѣжной улыбкой промолвилъ онъ полушутя.—А у собакъ и у лошадей души нѣтъ.

Со дня нашей дружбы мнѣ стало не то, чтобы очень пріятно жить въ домѣ Люлюшиныхъ, но все-таки было гораздо отраднѣе, чѣмъ за нѣсколько дней до того. Колька—онъ требовалъ, чтобы я звалъ его такъ, а не иначе,—сдѣлался моимъ утѣшителемъ и наставникомъ въ житейскихъ дѣлахъ; правда, лежа со мною въ постели, онъ открывалъ мнѣ такія вещи изъ своихъ познаній, что, можетъ-быть, мнѣ было еще слишкомъ рано ихъ знать, но черезъ долгіе годы я убѣдился, что эти знанія скорѣе спасли, чѣмъ испортили меня. Еще одно обстоятельство утѣшило меня въ это время. Юный учитель, рѣшившись дѣлать надо мною опыты развитія, записался наročно для меня въ библіотекѣ для чтенія и носилъ мнѣ книги. Вѣрный своей идеѣ, онъ распредѣлялъ слѣдующимъ образомъ предназначенныя для прочтенія произведенія: сперва давалъ мнѣ описаніе кругосвѣтныхъ путешествій, потомъ книги по естественной исторіи, далѣе повѣсти изъ русскаго быта, наконецъ, Донъ-Кихота. Я читалъ охотно, почти всегда вслухъ, чередуясь съ Колькой. Иногда слушателями являлись Аграфена Степановна и Абрамъ Семеновичъ, прерывавшій чтеніе односложными восклицаніями, какъ, напримѣръ: «Шельмецъ! Экъ его дерикую и т. д.». Учитель радовался моему развитію, хотя, впрочемъ, развитіе почти было незамѣтно; но вѣдь онъ былъ совсѣмъ юный человѣкъ и видѣлъ передъ собою то, что ему хотѣлось видѣть, то-есть созданіе своего горячаго воображенія, геніальнаго мальчика, хватающаго подъ его руководствомъ звѣзды съ неба. И часто, бѣдняга, платился онъ за это увлеченіе! Бывало, бѣда, если онъ поставитъ мнѣ пятерки, а Шурѣ четверки. Аграфена Степановна сейчасъ надуется и говоритъ взволнованнымъ голосомъ:

Digitized by Google

— Ужъ гдѣ нашимъ такъ учиться, кровь не та, не дворянская...

— Глупости!—восклицаетъ Абрамъ Семеновичъ, не вполнѣ разслышавъ слова жены.—Выпороть, вотъ тебѣ и будетъ кровь!..

— Ну, ужъ нѣтъ, Абраша, ты не говори!..

— Да помилуйте, что же тутъ волноваться, что ребенокъ одинъ разъ не вполнѣ хорошо приготовилъ урокъ?—утѣшаетъ учитель.

— Знаемъ, батюшка, знаемъ; это вы успокоить хотите насъ, да поздно, поздно... Я все вижу, даромъ, что за стѣнкой сижу, все вижу...

Аграфена Степановна едва дышитъ.

— Что же вы видите?

— Ничего, такъ, батюшка... Материнское сердце все чуетъ, все чуетъ...

Слѣдовалъ глубокій вздохъ и наступила мучительная пауза.

— Не смѣю васъ удерживать, батюшка: вѣрно куда-нибудь опять торопитесь,—добавляла послѣ паузы Аграфена Степановна.

— Да, да, спѣшу!— сконфуженно и угловато раскланивался, отвѣтилъ учитель, и безъ того собиравшійся уйти, но задумавшійся надъ вздохами хозяйки.

Въ эти минуты онъ готовъ былъ бросить къ чорту и уроки, и мое развитіе, и никогда не возвращаться въ домъ Люлюшиныхъ. И вотъ именно за то, что онъ возвращался, я прощаю ему всѣ его ошибки и неровности... Другой не воротился бы, пожалѣлъ бы себя, тѣмъ болѣе, что юность всегда сильнѣе дорожитъ своею гордостью, чѣмъ матеріальными выгодами. И частенько приходилось ему изъ-за меня быть оставленному, въ видѣ наказанія, безъ чаю и безъ ужина, и, такимъ образомъ, невольно вспоминать золотые дни своего минувшаго дѣтства. Онъ былъ первымъ еще плохо напечатаннымъ экземпляромъ человѣка дѣла, а не слова, видѣннымъ мною въ жизни, и какъ вспоминаютъ о первомъ неясномъ лепетѣ младенца, такъ вспоминаю я о немъ съ ясной улыбкой и нѣжной любовью.

VI.

Продолженіе предыдущей главы.

«Вѣдь это просто цинизмъ—описывать такія личности и сцены!» восклицаетъ читательница, одаренная нѣжностью

Digitized by Google

чувствъ и слабыми нервами, докончивъ чтеніе предыдущей главы. «Неужели?» изумляюсь я ея восклицанію. А я до сихъ поръ привыкъ считать цинизмомъ совершенно другое. Мнѣ казался нестерпимымъ циникомъ читатель, закрывающій умышленно глаза, чтобы не видать грязи жизни, хотя онъ очень хорошо знаетъ, что отъ этого грязь не превратится въ золото и попрежнему будетъ марать его самого и его общество, будетъ марать даже въ бо́льшей степени, потому что онъ и его общество, закрывъ глаза, лишается возможности обходить ее. По моему мнѣнію, этотъ цинизмъ самый отвратительный, хладнокровный, беззаботный, ликующій, и онъ-то опаснѣе всего для общественнаго быта; при немъ не можетъ быть ни улучшеній, ни развитія, ни прогресса. Мои герои не хуже, не злѣе Тамариныхъ, Печориныхъ, Рудиныхъ и tutti quanti, но послѣднихъ мы видали только въ гостиныхъ, при постороннихъ людяхъ, и рѣшительно не знаемъ, каковы они были въ домашней, въ будничной жизни. А между тѣмъ, эта жизнь важнѣе; вѣдь не такіе же мы гуляющіе люди, что цѣлый вѣкъ рыскаемъ только по гостямъ, живемъ же мы и дома, живемъ даже бо́льшую часть нашей жизни. Вотъ эта-то часть и занимаетъ меня. Мнѣ нѣтъ почти никакого дѣла до того, что́ происходитъ на *сценѣ*, я иду за кулисы. Гляжу, какъ люди смываютъ съ своихъ лицъ румяна, снимаютъ напудренные парики, стаскиваютъ съ затекшихъ ногъ сапоги съ высокими каблуками, и смѣюсь отъ всей души, находя въ нихъ сходство съ ошпаренными цыплятами... Но вы, читательница, можетъ-быть, не согласны съ моимъ пріемомъ? О, въ такомъ случаѣ закрывайте мой романъ на этой же страницѣ, еще плотнѣе закройте свои глаза, и тѣшьтесь мыслью, что все обстоитъ благополучно въ прекраснѣйшемъ изъ міровъ, слѣпо проходите мимо негодяевъ, мимо измученныхъ страдальцевъ, мимо честныхъ людей, ищущихъ товарищей для честнаго дѣла; проходите мимо всего со своимъ циническимъ спокойствіемъ, со своею цинически-хладнокровною улыбкою, и ждите, что когда-нибудь честные люди бросятъ грязью не въ этихъ несчастныхъ негодяевъ, неразвитыхъ, не умѣющихъ мыслить, обойденныхъ образованіемъ, а въ васъ, чистенькихъ, гладенькихъ, сладко мечтающихъ о прелестяхъ жизни и возвышенныхъ чувствахъ! Я же съ своей стороны не вычеркну ни одного слова жёсткой правды изъ своей повѣсти, я знаю, что какъ бы много ни было въ ней этихъ словъ, мыслящій человѣкъ не придетъ отъ нихъ въ ужасъ, и чѣмъ болѣе услышитъ

Digitized by Google

онъ ихъ, тѣмъ привѣтливѣе, тѣмъ довѣрчивѣе встрѣтитъ тѣ немногіе свѣтлые образы, безъ которыхъ не обойдется мой разсказъ. Именно то и даетъ намъ силы жить, что между сотнями нравственно-погибшихъ людей, какъ яркія звѣзды во мракѣ ночи, одна за другою, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, выходятъ прекрасныя личности честныхъ людей... Итакъ, безъ смущенья, безъ краски ложнаго стыда, продолжаю начатое.

Потекла моя жизнь сонно и однообразно, день за днемъ, по избитой колеѣ, по чиновничьему маршруту. Ложась спать, я могъ угадать, не будучи пророкомъ, что будетъ завтра, въ которомъ часу подадутъ чай, какъ при этомъ Аграфена Степановна будетъ разсказывать невообразимо-нелѣпый сонъ и постарается объяснить его значеніе, а Абрамъ Семеновичъ станетъ на поясницу жаловаться; когда сварятъ кофе и сколько воды подольютъ въ него для кухарки, что приготовятъ къ обѣду и какъ выберутъ для Абраши и Шуры лучшіе куски жареной говядины, и какъ я съ Колькой буду жадно смотрѣть на который-нибудь изъ этихъ кусковъ и душевно скорбѣть, что онъ достался не мнѣ. Это чувство совершенно новое, возможное только тамъ, гдѣ подается столько кусковъ говядины, сколько лицъ сидитъ за столомъ. Зналъ я, что Абраша въ пять часовъ придетъ изъ должности и, не снимая фуражки и перчатокъ, подойдетъ къ письменному столу съ вопросомъ: «Груша, бумагъ отъ генерала не приносили?» и неизмѣнно отвѣтитъ на это Груша: «Нѣтъ еще, Абраша». Потомъ Абраша будетъ бранить кухарку за то, что соусъ простылъ, и Груша непремѣнно замѣтитъ: «Охъ, ты, мой горячій, тебѣ все холодно!» Зналъ, что въ шесть часовъ придетъ учитель и будетъ послѣ урока слушать разсказы Аграфены Степановны, если она не надуется и не вздумаетъ лишить его чаю. Тамъ, глядишь, придетъ и суббота, въ баню пойдетъ Люлюшина съ Шурой, вечеромъ кухарка дождей купитъ, и знаешь, что завтра испечется вкусный-превкусный пирогъ, знаменіе воскреснаго дня, обрядъ, таинство нашей жизни. Все скучно и вяло, какъ слогъ докладныхъ бумагъ, все однообразно, какъ писарскій почеркъ въ этихъ бумагахъ, по которому не узнаешь, кто ихъ писалъ: Матвѣевъ ли, или Алябьевъ, или какой-нибудь другой обезличенный; все пошло, какъ наша пошлая жизнь, выработавшая извѣстныя отдѣльныя формочки для мужиковъ, для купцовъ, для чиновниковъ, для военныхъ и называющая всякое поползновеніе выйти изъ этихъ формо-

Digitized by Google

чекъ сумасбродствомъ или отрицаніемъ порядка. Сильнѣе всего давитъ это однообразіе дѣтей. Они еще не успѣли ни во что втянуться, у нихъ кипитъ кровь, играетъ пылкое воображеніе, развивающіяся силы требуютъ движенія, перемѣнъ, новостей; хочется имъ изъ чинно-стоящихъ у стѣнъ стульевъ сдѣлать экипажъ и запрячь въ него какую-нибудь кухонную скамью, хочется попробовать раскрасить по своему вкусу и по своимъ соображеніямъ первую попавшуюся подъ руки картинку и дорыться, во что бы то ни стало, изъ чего сдѣлана та или другая игрушка, что̀ заключается внутри ея. Но все это противорѣчитъ порядку; родители не велятъ превращать стулья въ экипажи, приказываютъ только любоваться картинкой и отнюдь не смѣть анатомировать карточныхъ куколъ, лошадей и коровъ; дѣти украдкою бѣгутъ на лѣстницу, на дворъ, на улицу, ссорятся съ первымъ встрѣчнымъ мальчишкой, вступаютъ въ борьбу съ нимъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ возвращаются домой, прикрывая рукою подбитый глазъ... Могло бы быть иначе... Такъ точно иногда еще юный человѣкъ цѣлые мѣсяцы влачитъ свою сонную жизнь, втискивая себя насильно въ условную формочку, и вдругъ, при полученіи награды, забирается съ пріятелями въ трактиръ сыграть партію на бильярдѣ, выпиваетъ чрезъмѣру винца и водочки, пляшетъ трепака передъ публикой, раздираетъ обо что-то свой благопристойно вылощенный въ службѣ вицъ-мундиръ, подбиваетъ свою пристойно выскобленную бритвой физіономію и съ поникшей головой, шатаясь, возвращается къ своей супругѣ... «Натрескался!» кричитъ она, обшаривая его карманы, но—увы!—они пусты... Со стыдомъ является онъ въ должность и синяки подъ его глазомъ громко трубятъ всѣмъ и каждому: прорвался, братцы, вышелъ изъ формочки!—Съ достодолжнымъ презрѣніемъ отворачиваются сильные духомъ подвижники формочки отъ слабаго духомъ ея послушника и смиренномудренно приноситъ онъ покаяніе, еще ниже нагибаясь передъ старшими, еще ровнѣе выводя буквы докладовъ, еще ранѣе забираясь въ должность и подвергая себя искусу молчанія... О, подвижники земли Русской!

Но однообразіе жизни не могло бы заставить меня убѣгать изъ комнатъ Люлюшиныхъ, если бы къ нему не присоединились и другія очень непріятныя вещи. Уже съ первыхъ дней нашего знакомства мнѣ пришлось услышать нѣсколько интересныхъ, но нисколько не пріятныхъ для меня разговоровъ.

Digitized by Google

— Э, да у васъ, сударыня моя, семьи прибыло, — говорилъ Аграфенѣ Степановнѣ Илья Иванычъ Птичкинъ, дряхлый экзекуторъ и сослуживецъ Абрама Семеновича.

— Какъ же, крестника Абраша къ себѣ взялъ; сирота онъ, батюшка, мамаша умерла, папаша за границей живетъ,—ну, мы и взяли его къ себѣ.

— Похвально, похвально, сударыня моя! Знавалъ я, доложу вамъ, въ 1812 году одного бригадира, въ отставкѣ находился, жилъ онъ въ Семеновскомъ полку, въ четвертой ротѣ, у Агаѳоклеи Марковны Синицыной, моей родной тетки по матушкѣ, и былъ у него тоже крестникъ-сирота; такъ, можете вы себѣ представить, сударыня моя: онъ его пуще сына родного любилъ и лелѣялъ, воспитаніе ему далъ, языкамъ научилъ, въ титулярные совѣтники вывелъ! — Сухой старикашка набилъ себѣ въ носъ щепоть табаку и обтеръ губы.—А, осмѣлюсь я васъ спросить, занимается ли онъ у васъ науками?

— Какъ же, батюшка; нашъ учитель ему уроки даетъ наравнѣ съ нашими дѣтьми.

— Какъ нельзя лучше, сударыня моя! Еще великій Ломоносовъ сказалъ: «Науки юношей питаютъ, отраду старцамъ подаютъ!» Вотъ тоже, доложу вамъ, удивительная судьба хоть бы и Ломоносова. Изъ рыбаковъ, такъ сказать, и до какихъ почестей дослужился: императрица, сударыня моя, сама своею особою удостоила его своимъ милостивымъ посѣщеніемъ. А все наука!—Старикъ снова, проникаясь уваженіемъ къ наукѣ, заколотилъ свой носъ табакомъ. — Безъ лести, доложу вамъ, вы примѣрная мать и супруга, сударыня моя!

Аграфена Степановна, прилично случаю, вздохнула и навѣрное думала про себя: «Ахъ ты, старый хрѣнъ, хоть бы убирался поскорѣе, только руки отъ дѣла отрываешь. Напился кофею, ну и шелъ бы во-свояси».

— Только, сударыня моя, не учите вы ихъ астрономіи,— ни съ того, ни съ сего брякнулъ тощій экзекуторъ.

— Ужъ гдѣ намъ, батюшка, астрономіи учить, поди-ка и учитель-то нашъ ея не знаетъ, вѣдь онъ изъ бѣдныхъ.

— И хорошо, и прекрасно! Повѣрьте, доложу вамъ, что это тамъ насчетъ звѣздъ небесныхъ пишутъ, такъ это, сударыня моя, все враки, ибо ни одинъ смертный не достигъ неба,—всему предѣлъ положенъ! И если относительно воздушныхъ шаровъ и трубъ разныхъ, сударыня моя, такъ это только до извѣстной границы. Наука дѣло похвальное, но

Digitized by Google

мудрость Божія неисповѣдима—и прахъ передъ нею разумъ человѣческій!

Аграфена Степановна снова вздыхала, экзекуторъ въ послѣдній разъ законопачивалъ свой носъ табакомъ и, отыскавъ сухой уголокъ на грязномъ клѣтчатомъ платкѣ, высмаркивался и обтиралъ губы. Посѣщеніе оканчивалось; Аграфена Степановна разговаривала сама съ собою вслухъ:

— Ахъ, дуй его горой, изморилъ онъ меня совсѣмъ съ своими разговорами. Плечо все отбилъ и какія руки-то у него костлявыя. Вотъ ужъ, какъ говорится: не умѣетъ человѣкъ однимъ языкомъ болтать!

Черезъ нѣсколько дней Аграфену Степановну посѣтила какая-то чиновница и застала хозяйку за вязаньемъ носковъ.

— Всегда, всегда за работой, труженица, муравей!—затарантила гостья сладенькимъ голоскомъ.

— Нельзя безъ работы: Богъ труды любитъ,—отвѣтствовала Аграфена Степановна, лобызаясь съ гостьей и приказывая кухаркѣ сварить кофе не въ счетъ абонемента.

— И не говорите! И вѣдь все для дѣтей, все для дѣтей?

— Нѣтъ, это я не своимъ дѣтямъ, матушка; это вотъ крестнику Абраши носочки надвязываю; взяли мы его, ну, а у него носочки-то плоховаты; извѣстное дѣло, родной матери нѣтъ, такъ вотъ я и надвязываю.

— Добрая, добрая, филантропка, анъ-енъ-мо! И когда вы все это успѣваете?

— Вотъ оттого и сижу дома цѣлыми днями, не то, что въ гости, а и за надобностью на рынокъ не соберусь: тутъ не разбѣгаешься очень,—кольнула хозяйка гостью, оскорбившись иностранными словами, которыя, бѣсъ ихъ знаетъ, что значили.

— Ахъ, ма-шеръ, вы не тужите объ этомъ, право не тужите!—утѣшала гостья, движеніемъ головы назадъ надвигая на себя слѣзавшую на спину шляпу.—Вотъ я по необходимости сегодня вышла, и такъ непріятно, такъ непріятно! Надо было побывать у Михѣевыхъ, мнѣ тамъ сезонъ назначила гувернантка, которую онѣ рекомендуютъ мнѣ, и, представьте себѣ,—понапрасну ходила! Гувернантка эта дрянь, нищая какая-то, въ такомъ абильѣ явилась, что я за нее со стыда сгорѣла. «Не могу, говорю Михѣевой,—взять ее къ себѣ, не могу; у меня горничная лучше одѣта, представьте себѣ—горничная!» Михѣева обидѣлась. «Въ гувернанткѣ, говоритъ, знаніе, а не одежда главное». «Ахъ,

Digitized by Google

говорю, ма-шеръ, и знаніе и одежда, и знаніе и одежда, мы не въ лѣсу живемъ, не въ Адамовы времена...» Ну, и непріятности вышли... Нѣтъ, вы не тужите, что вы не выходите изъ дому, вѣдь вы добро дѣлаете, сидя дома, вы благотворительствуете.

— Что за благодѣянія! руки, слава Богу, еще есть, такъ отчего же не потрудиться...

— Нѣтъ, нѣтъ, благодѣяніе! Вы филантропка, я васъ знаю, добрая, добрая!

Филантропка оставила гостью обѣдать, и вплоть до вечера я слышалъ, какъ превозносили Аграфену Степановну за надвязыванье моихъ носочковъ, хотя изъ бумаги, купленной на отцовскія деньги, мнѣ надвязали только шесть паръ носковъ, а у остальныхъ членовъ семьи появилось по дюжинѣ новыхъ. По уходѣ гостьи, хозяйка ругала ее за волчій аппетитъ... Иногда, слушая подобные разговоры, я хотѣлъ крикнуть: «Что вы меня жалѣете и славите Аграфену Степановну? Я не даромъ у ней живу!» Но проклятый языкъ не повиновался, мною овладѣвала непонятная робость, воскресало сознанье безпомощности, и съ поникшей головой стоялъ я гдѣ-нибудь у стола, слушая, какъ трудно и дорого содержать чужого ребенка и какъ счастливъ сирота, имѣющій такого крестнаго отца, какъ Люлюшинъ. Если бы мнѣ лучше жилось въ нашемъ домѣ, если бы всѣ члены моей семьи, во имя своихъ же собственныхъ интересовъ, не запугали, не оттолкнули меня, то бойко обличилъ бы я ложь, или, живя у тетки, совсѣмъ не слыхалъ бы подобной лжи, но я былъ брошенъ и во мнѣ проявились задатки рабскаго характера: я притихалъ наружно, кипѣлъ внутренно безсильной злобой, не заставлялъ протестомъ замолчать противника, но, при первой возможности, убѣгалъ отъ него на лѣстницу, даже на дворъ, гдѣ играли ребятишки, оставляя его ораторствовать безъ меня; такое поведеніе формулируется такъ: гори хоть весь свѣтъ, только бы я не видалъ огня.

На дворѣ у меня появились новые знакомцы — все дѣти крестоносцевъ — грязные, растрепанные, сильные тѣломъ и духомъ, бойко ругавшіеся, еще бойчѣе тузившіе другъ друга. Передо мною впервые открылся мірокъ свободныхъ дѣтей,— говорю: свободныхъ, потому что крестоносцы, занятые добываніемъ насущнаго хлѣба, оставляли ребятишекъ безъ всякаго присмотра. Послѣдніе играли, бранились, дрались и жили совершенно самостоятельною жизнью, иногда зарабатывая копейку своими услугами большимъ, вели торгъ

Digitized by Google

бабками, лакомствами, полученными гдѣ-нибудь, выговаривали для себя у лавочниковъ условную плату леденцами за то, что они ходили за покупками въ ихъ лавочки, а не въ другія, давали взаймы за извѣстную плату свои игрушки и ссужали деньги на проценты. Тутъ были и своеобразныя плутни, и своеобразные характеры, и своеобразныя понятія о чести. Какой-нибудь мальчикъ, играя въ *пятнашки*, весьма серьезно упрекалъ другого за то, что тотъ его запятналъ въ домy, т. е. за условною чертою, и отстаивалъ свое право до тѣхъ поръ, пока общій приговоръ дѣтей не раздавался въ пользу обиженнаго. Какая-нибудь *бабка*, ловко украденная однимъ, заставляла другихъ судить укравшаго ее и съ криками: «вонъ, вонъ жилу!» изгонять его на извѣстное время изъ своей среды. Всѣ они безъ исключенія были страшнѣйшіе демократы и никогда не пропускали безъ насмѣшекъ и поддразниванія ни одного чистенько одѣтаго и гладко причесаннаго ребенка, игравшаго роль барчёнка, и обыкновенно такое дитя стараюсь улизнуть отъ нихъ и обойти гдѣ-нибудь стороною, словно эта чистенькая одежда и гладко причесанные волосы отняли у него долю силы и храбрости, связали его руки и ноги. Демократы были не прочь залучить его къ себѣ, но за это онъ платился своимъ карманомъ, долженъ былъ, волей или неволей, соглашаться на ихъ просьбы угостить ихъ лакомствомъ, и потомъ, когда запасъ истощался, ему уже приходилось платить своими боками за минутную дружбу съ ними. Онъ плакалъ, а ему кричали: «подѣломъ тебѣ, не суйся къ намъ!» Я, конечно, не вмѣшивался въ игры, но любилъ посмотрѣть на нихъ съ крыльца или изъ окна на лѣстницѣ. Колька, игравшій прежде на дворѣ, всегда бывалъ со мною и не шелъ къ своимъ бывшимъ пріятелямъ, за что нѣкоторые изъ нихъ показывали ему языки, одинъ же изъ самыхъ смѣлыхъ и самыхъ хитрыхъ— Ѳедька косой, осмѣлился придти къ намъ на площадку лѣстницы и заговорить съ нами.

— Что вы, братики, не гуляете по двору?—спросилъ онъ насъ ласковымъ голосомъ, глуповато улыбаясь.

— Намъ и здѣсь хорошо,—отвѣтилъ Колька.

— А тамъ не въ примѣръ лучше. Вотъ ребятки въ чехарду собираются играть, такъ вы бы пошли. Ей-ей, братики, хорошо!—еще слаще говорилъ онъ нараспѣвъ, кося глазами и наклоняя умильно голову на бокъ.

— Ну, и играйте, если хотите. Что намъ-то до васъ за дѣло?

Digitized by Google

— А, вотъ что!

Съ этимъ восклицаніемъ Ѳедька далъ подзатыльника Колькѣ, такъ что тотъ ткнулся лбомъ въ мое лицо и подбилъ мнѣ глазъ.

— Что, поцѣловались? — съ звонкимъ хохотомъ кричалъ Ѳедька, слетая съ лѣстницы.

Мы оба съ синяками шли въ комнаты.

— Посмотрите на себя, Николай Абрамовичъ, въ зеркало,—говорила торжественнымъ тономъ Люлюшина. — На что вы похожи?

Николай Абрамовичъ, или просто Колька, стоялъ, опустивъ голову и ковырялъ какую-то дыру на рубашкѣ.

— Да и вы-то, Павелъ Константиновичъ, хороши! вамъ еще стыднѣе бѣгать по лѣстницамъ; слава Богу, вы дворянскихъ родителей дитё. И кто же это васъ такъ съѣздилъ?

— Слесаревъ-съ Ѳедька,—сконфуженно отвѣчалъ я.

— Ну, вотъ, видите ли, слесаревъ Ѳедька какой-нибудь смѣетъ васъ бить, стыдитесь! — продолжала Люлюшина и вдругъ не выдержала, перешла въ обычный тонъ.—А тебя, разбойникъ, я выпорю! Ты, Колька, у меня три дня не сядешь на...

У Кольки навернулись слезы, и онъ поспѣшно пошелъ въ мою комнату, чтобы тамъ выругать мать и облегчить свое сердце.

На другой день я утѣшился тѣмъ, что побѣдилъ слесарева Ѳедьку, поймалъ его на лѣстницѣ, подбилъ ему оба глаза и сѣлъ на него верхомъ, колотя его въ спину.

— Да ну же, будетъ съ тебя, чортъ! Слышишь ли, дьяволъ, будетъ! брюхо раздавилъ,—кричалъ Ѳедька.

— Проси прощенья!—кричалъ я въ азартѣ.

— Ну, чортъ тебя подери, скотина! ну, не буду, ей-ей не буду драться.

— Нѣтъ, ты прощенья проси.

— Ну, прости, вотъ-тѣ Христосъ, не буду.

Слесаревъ Ѳедька, разумѣется, вралъ и при первой возможности поколотилъ меня снова, но я, боясь его раздразнить, простилъ на этотъ разъ врага и побѣдоносно слѣзъ съ него.

Увы! читатель, изъ благовоспитаннаго мальчика я началъ дѣлаться уличнымъ забіякой; но скука, непроходимая скука научитъ всему, а тутъ еще къ скукѣ присоединялось желаніе убѣжать изъ комнаты отъ жалкой роли, которую поневолѣ пришлось играть мнѣ.

Наступило двадцать первое августа, день именинъ Абрама

Digitized by Google

Семеновича. Уже за недѣлю начались разсужденія, кого звать на завтракъ, кого на обѣдъ, кого на ужинъ; имя каждаго знакомаго сопровождалось какимъ-нибудь весьма нелестнымъ для него эпитетомъ, и про всѣхъ вообще говорилось, что они рады налетѣть на чужое доброе, полопать на шармака. Наканунѣ началось въ квартирѣ мытье половъ, сметаніе пыли и паутины со стѣнъ и потолковъ, диванъ въ гостиной былъ разобранъ и изъ него выварнвались кипяткомъ его неугомонные жильцы—клопы, чтобы алчныя созданія не вздумали въ торжественный день отвѣдать густой крови какого-нибудь столоначальника или полакомиться свѣжими соками его прекрасной супруги. Вообще, хотя кровавыя жертвы и уничтожены, но до сихъ поръ у насъ передъ каждымъ праздникомъ приносятся въ жертвоприношеніе пауки, клопы и блохи, должно-быть именно для этой цѣли заботливо питаемые и хранимые въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Изъ овощныхъ, мясныхъ и зеленныхъ лавокъ носилась провизія. Колька шепталъ мнѣ, что мы будемъ ѣсть три дня послѣ именинъ остатки этихъ телятинъ, пироговъ, колбасъ, арбузовъ и яблоковъ, что на четвертый день мамаша будетъ упрекать кухарку за истребленіе послѣднихъ объѣдковъ, тонко намекнетъ ей на любовника и погрозитъ сдѣлать вычетъ изъ жалованья, что папаша будетъ цѣлый мѣсяцъ кряхтѣть и охать, ругая того, кто первый выдумалъ справлять именины. Предсказанія Кольки исполнились въ точности; онъ былъ великій сердцевѣдъ и знатокъ семейной чиновничьей жизни. Въ торжественный день былъ отслуженъ молебенъ на дому за здравіе именинника, подалась закуска, потомъ былъ роскошный обѣдъ съ кулебякой, неизбѣжной на именинахъ телятиной, замѣняющейся на Рождествѣ гусемъ, на Пасхѣ окорокомъ. За обѣдомъ шли сначала служебные разговоры о повышеніяхъ, наградахъ и доходахъ; дамы въ это время о чемъ-то шептались и выражали на лицахъ оттѣнки всѣхъ чувствъ: то казалось, что онѣ отвѣдывали кислятины, то представлялось, что онѣ лежатъ въ обморокѣ; потомъ пошли толки о политикѣ про Австрію и Францію; далѣе зашла рѣчь о литературѣ. Чиновница, знавшая по-французски, хвалила романы, другая, не знавшая по-французски, сдѣлала гримасу и объявила, что она одну критику читаетъ, кто-то назвалъ Гоголя мошенникомъ за его «Ревизора», на что Абрамъ Семеновичъ замѣтилъ: «По дѣломъ досталось городничему. Ты прежде справки подробныя наведи, болтунамъ-то не

Digitized by Google

вѣрь и въ домъ ихъ не пускай, да потомъ и ноѣзжай представляться ревизору. Преполезная штука эта комедія!» За этой чиновничьей критикой послѣдовалъ тостъ за здоровье именинника, и кто-то рыгнулъ на всю комнату, отчего обѣдъ кончился весело и всѣ оживились. Наконецъ, насталъ вечеръ, раскрылись ломберные столы, началась игра по маленькой. Мы—дѣти—спокойно и чинно играли въ лото, и я менѣе всего ожидалъ въ этотъ день важныхъ событій; однако, я ошибся въ разсчетѣ. Часовъ въ восемь въ мою комнату вошелъ новый маленькій гость, я взглянулъ на него и остолбенѣлъ; я видѣлъ этого гостя одинъ разъ въ жизни, но его лицо навсегда врѣзалось въ мою память какими-то рѣзкими и непріятными чертами: это былъ сынъ Григорья Ивановича. Вслѣдъ за нимъ вошелъ и его отецъ.

— А, Павленька, здравствуйте! — фамильярно сказалъ Григорій Ивановичъ, изящно одѣтый, съ дорогими запонками на рубашкѣ, съ модной цѣпью на жилетѣ.—Каково поживаете здѣсь? Учитесь, я думаю, не попрежнему?— разспрашивалъ онъ.

Я стоялъ, какъ истуканъ, и не могъ, даже и не желалъ отвѣчать ему.

— Э, какой вы молчаливый нынче стали, не то, что прежде,—улыбался онъ:—видно здѣсь не свой домъ и не своя волюшка.

Съ этими словами онъ вышелъ въ другую комнату и усѣлся играть въ карты. Онъ уже приписался въ купцы и снялъ гостиницу, сдѣлался важнымъ лицомъ. Въ дѣтской продолжали играть въ лото, но я пересталъ, какъ только за столъ сѣлъ сынъ нашего бывшаго камердинера. Мое маленькое сердце било тревогу въ груди, я чувствовалъ себя дворянчикомъ, Шуповымъ, и мнѣ снова захотѣлось поколотить этого мальчишку. Прошло нѣсколько времени, къ намъ явилась Аграфена Степановна.

— Полноте, дѣти, въ лото играть, въ залѣ барышни есть, имъ скучно, потанцуйте съ ними. Кто-нибудь на фортепьянахъ поиграетъ.

Мы пошли въ залъ. Въ обыкновенное время это была спальня, но теперь изъ нея вынесли кровать Люлюшиныхъ, и она сдѣлалась заломъ. Началось исканье играющихъ на фортепьяно. Одна дѣвица оттоваривалась болью въ пальцѣ, другая очень наивно сказала, что она играетъ только по своимъ нотамъ, третья еще наивнѣе—совѣстя-

Digitized by Google

лась играть при гостяхъ; всѣ оттоворки были слѣдствіемъ желанія каждой поплясать хоть съ дѣтьми.

— Павлушенька, поиграйте хоть вы,—обратилась ко мнѣ Люлюшина.

Она знала, что я игралъ двѣ-три пьески для танцевъ.

— Да, да, вотъ и прекрасно будетъ! Павленька бойко играетъ,—замѣтилъ Григорій Ивановичъ изъ-за картъ:—а между тѣмъ молодые люди потанцуютъ.

— Нѣтъ-съ, я не умѣю играть,—отвѣтилъ я съ запинкою, и въ моей головѣ мелькнула мысль:—ни за что не буду играть для его сына.

— Какъ не умѣете? да вы же играли, я сама слышала.

— Нѣтъ, не умѣю.

— Полноте, не стыдитесь, здѣсь все свои. Ну, пойдемте, голубчикъ,—добавила Аграфена Степановна, взявъ меня за руку и подводя къ фортепьяно.

— Я не стану играть,—настойчиво проговорилъ я.

— Ай да Павленька! Хорошо дѣлаетъ удовольствіе своему крестному папашѣ,—покачалъ головой Григорій Ивановичъ.

— Се не па бьенъ, монъ анфанъ,—сладенькимъ голоскомъ увѣщавала меня знакомая читателю чиновница, нагнувшись къ моему лицу.

— Стыдно, доложу вамъ, сударь мой, очень стыдно, въ нѣкоторомъ родѣ, лишать цѣлое общество удовольствія ради, такъ сказать, своего каприза. Въ 1826 году я, доложу вамъ, зналъ одного молодого человѣка, титулярнаго совѣтника, жилъ онъ...—говорилъ сухой экзекуторъ, усердно закупоривая свой носъ табакомъ, и, наклонившись ко мнѣ съ другой стороны, успѣлъ разсказать исторію о титулярномъ совѣтникѣ.

— Видите, васъ всѣ стыдятъ, садитесь-ка и играйте,—добавила Аграфена Степановна, и ея голосъ, первый разъ, обращаясь ко мнѣ, принялъ строгое выраженіе, напоминавшее ея неизмѣнную фразу: «я тебя выпорю!» Это меня взорвало.

— Я вамъ сказалъ, что я не стану играть для Григорьева сына,—громко и грубо проговорилъ я.—Папа не для того деньги вамъ за меня платитъ.

Съ этими словами я вырвалъ свою руку изъ руки Люлюшиной, пошелъ въ свою комнату и заперъ за собою двери на ключъ.

Пусть каждый представитъ себѣ весь эффектъ этой сцены и выраженія лицъ Аграфены Степановны, гостей и въ осо-

Digitized by Google

бенности Григорья Ивановича, названнаго мною просто Григорьемъ. Скандалъ былъ полный, въ комнатѣ перешёптывались, экзекуторъ разсказывалъ, невѣдомо кому, исторію за исторіей о разныхъ титулярныхъ совѣтникахъ и бригадирахъ. Черезъ нѣсколько минутъ хозяйкѣ удалось уладить дѣло, и чиновница съ больнымъ пальцемъ согласилась играть.

— Только ужъ я буду играть девятью,—сказала она.

— Да хоть однимъ играйте, матушка, только бы что-нибудь выходило для танцевъ,—успокоили ее.

Веселье воцарилось сiова. Я, между тѣмъ, въ одеждѣ легъ на постель и предавался разнымъ поучительнымъ размышленіямъ. Часа черезъ два ко мнѣ вздумала войти Люлюшина, и увидала, что двери замкнуты; она сердито постучала въ нихъ и недовольнымъ голосомъ крикнула мнѣ:

— Отворите! что вы тамъ затворились?

— Я спать хочу,—лаконически отвѣтилъ я.

— Вотъ еще выдумали спать, когда гости не уѣхали!

— Что мнѣ до нихъ за дѣло? Это моя комната,—совершенно спокойно возразилъ я и далъ себѣ слово не поддаваться.

Хозяйка увидѣла, что дѣло плохо, что въ ея домѣ люди скоро дѣлаются практиками и воютъ съ волками по-волчьи.

— Полно те, миленькій, дуться!—перемѣнила она тонъ.— Потѣснитесь на сегодня для своего крестнаго папаши, вы его и такъ очень огорчили, бѣднаго,—говорила она шопотомъ, чтобы разговоръ не дошелъ до гостей, отдѣленныхъ отъ насъ узкимъ коридорчикомъ.

Я отперъ дверь.

— Пойдемте въ залъ, потанцуйте.

— Я туда больше не пойду.

— Экой какой вспышка! Огонь, огонь! Правду говорилъ Григорій Иванычъ, что весь въ папеньку. Ну, такъ я вамъ сюда чай принесу, и пусть дѣти тоже здѣсь напьются.

Дѣти собрались ко мнѣ въ комнату; имъ принесли чай. Всѣ сѣли около стола къ своимъ чашкамъ, а я преспокойно продолжалъ лежать на постели, не разсуждая, вѣжливо или нѣтъ такое положеніе.

— Вишь, надулся какъ,—сказалъ сынъ Григорья Ивановича, указывая дѣтямъ на меня:—словно индюкъ какой!

— Если ты будешь разговаривать, такъ я тебя въ шею вытолкаю изъ *моей* комнаты, слышишь ты?—крикнулъ я ему, и въ моемъ голосѣ зазвучала отцовская нота.

Digitized by Google

— Попробуй!—бойко отвѣтилъ противникъ.—Такъ я сейчасъ своему отцу пожалуюсь.

— Убирайся же!—крикнулъ я, неистово вскакивая съ постели и багровѣя отъ злости.—Холопъ! Лакейскій сынъ!

Сынъ Григорья Ивановича весь въ слезахъ побѣжалъ жаловаться на меня отцу; тотъ шопотомъ сталъ объясняться съ Люлюшинымъ. Черезъ четверть часа онъ уѣхалъ съ вечера, не докончивъ пульки и передавъ свое мѣсто другому игроку.

Вспоминая все теперь, я невольно краснѣю за себя, и становится мнѣ жаль бѣднаго мальчика, но ненавижу я его попрежнему, за что—это знаетъ читатель.

На другой день, послѣ именинъ, Аграфена Степановна начала коситься на меня, давала мнѣ всего съѣстного меньше, чѣмъ своимъ дѣтямъ, и говорила: «зачѣмъ вы тутъ снуете? шли бы въ *свою* комнату!» Колкостямъ нѣтъ конца, но я бойко сношу ихъ, почему-то мнѣ кажется, что я теперь сильнѣе, что она сама немного боится меня и не посмѣетъ болѣе хвастать передъ людьми благодѣяніями Абраши. Маска сорвана. Я разсуждаю о великихъ вопросахъ: отчего отецъ кричалъ на Григорья Ивановича и, все-таки, обѣднѣлъ, а Григорій Ивановичъ молчалъ и разбогатѣлъ. Тѣ же вопросы являются относительно нашего деревенскаго приказчика и бородача, дѣдушкина выкормыша, вытурившаго насъ изъ дома. Спрашиваю я у себя, отчего Люлюшинъ какъ будто боится Григорья Ивановича и, будучи надворнымъ совѣтникомъ, жметъ ему руки. Доискиваюсь, боится ли кого-нибудь самъ Григорій Ивановичъ или нѣтъ? Вечеромъ, лежа рядомъ съ Колькой, я сообщаю ему свои мысли и требую разрѣшенія вопроса: отчего это такъ дѣлается?

— Это потому, что они не честны!—говоритъ Колька, и снова шире и полнѣе прежняго развиваетъ планъ честной жизни.

Мы близко, чрезвычайно близко подходимъ съ нимъ къ одной изъ величайшихъ истинъ, но еще не можемъ выразить ее простыми словами: всякая подлость непрактична. Въ нашемъ дѣтскомъ лексиконѣ еще нѣтъ слова: непрактичность, и нѣтъ около насъ ни одного человѣка, который могъ бы разъяснить наши недоумѣнія и подсказать слово. Мы, можетъ-быть, дороемся до него, но послѣ тяжкихъ усилій, послѣ страшной нравственной ломки, ни на что не нужной, повидимому. Но это такъ кажется, ломка благотворна, она выработаетъ нашъ духъ, пріобрѣтенныя ею

Digitized by Google

убѣжденія войдутъ въ нашу плоть, и уже мы не станемъ бояться за ихъ существованіе: они умрутъ только съ нами.

— Славно намъ, тепло такъ!—говоритъ Колька, прижимаясь ко мнѣ, и не чуетъ дитя, какъ много любви въ его сердцѣ, какъ долго искала эта любовь исхода.

А между тѣмъ Кольку зовутъ сорванцомъ, зовутъ разбойникомъ...

VII.

Въ ней читатель вполнѣ познакомится съ моей тетушкой.

Въ концѣ сентября я получилъ изъ деревни письмо сестры, извѣщавшее, что тетка пріѣдетъ съ нею черезъ недѣлю въ Петербургъ. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я этого дня; наконецъ, за мною прислали лакея. Радостно было мое свиданіе съ сестрой, точно мы не видались нѣсколько лѣтъ. Тетушка обрадовалась мнѣ по-своему.

— Ты можешь ходить ко мнѣ по праздникамъ,—сказала она, протягивая мнѣ руку для цѣлованія:—только, пожалуйста, веди себя скромно и не шуми. Я вообще не люблю мальчишекъ и не выношу шума, а потому, если ты будешь вести себя неприлично, то я не стану брать тебя къ себѣ.

Я увѣрилъ ее, что постараюсь не сердить ее и быть благоразумнымъ. На первый разъ она заставила меня разобрать облатки по названіямъ дней, написаннымъ на нихъ, размотать вмѣстѣ съ сестрою нѣсколько мотковъ разноцвѣтнаго некрученаго шёлку. Занятые этимъ душеспасительнымъ дѣломъ, мы усѣлись съ сестрой въ углу тетушкинаго кабинета и передавали другъ другу свои впечатлѣнія, оставленныя въ насъ тремя мѣсяцами разлуки. Со всею дѣтскою откровенностью описалъ я сестрѣ семью Люлюшиныхъ и жизнь въ ихъ домѣ, съ гордостью объявилъ я о своей побѣдѣ надъ слесаревымъ Ѳедькой и сыномъ Григорья Ивановича; съ неподдѣльнымъ восторгомъ отозвался о Колькѣ и развилъ вполнѣ планы послѣдняго о честной жизни, сообщивъ всѣ мельчайшія подробности этой жизни. Сначала сестра слушала очень внимательно мою болтовню, то журила меня за глупые поступки, то хвалила за способность переносить непріятности, но когда дѣло дошло до плановъ честной жизни, тогда она задумалась; ея руки перестали разматывать шёлкъ, глаза устремились безцѣльно впередъ, она забылась.

— Леля!—окликнулъ я ее, потому что мнѣ надоѣло сидѣть съ растопыренными подъ моткомъ шёлка руками.

Digitized by Google

— А?—вздрогнувъ, отозвалась она, какъ будто очнувшись отъ тяжелаго сна.

— Что же ты не разматываешь шёлкъ?

— Я совсѣмъ о другомъ думала.

— Значитъ, ты и не слыхала, что я говорилъ?

— Нѣтъ, слы-ы-шала!—протяжнымъ голосомъ отвѣтила она.—Вотъ ты счастливъ,—продолжала она:—очень счастливъ! Ты мальчикъ, ты можешь такъ жить, а я не могу такъ жить.

— Отчего же ты не можешь? Очень можешь!—съ полной увѣренностью убѣждалъ я ее.

— Не могу,—еще протяжнѣе произнесла она, отрицательно качая головою.—Дѣвочки одни не могутъ жить, дѣвочкѣ одной не позволятъ жить.

— Ахъ, какая ты смѣшная! да ты со мной и съ Колькой можешь жить, вотъ и будешь не одна,—разрѣшилъ я сомнѣніе.

— Я и работать не умѣю, я ничего не знаю...

— Научишься: мы съ Колькой научимъ...

— Все-таки не позволятъ.

— Такъ ты убѣги!—далъ я основательный совѣтъ.

— Куда?—спросила она и принялась снова разматывать шёлкъ, заботливо отдѣляя каждую соринку, приставшую къ нему.

Повидимому, это дѣло вдругъ овладѣло всѣмъ ея вниманіемъ, и весь мой дѣтскій лепетъ былъ уже не въ состояніи навести сестру на разсужденія о томъ, какъ мы будемъ жить вмѣстѣ. Мнѣ надоѣло наше занятіе и стало досадно, что она не интересуется болѣе моими планами, я умолкъ. Мои глаза были еще недовольно зорки, чтобы подмѣтить на ея лицѣ слѣды невыносимой тоски, давившей ее въ эту минуту, но врядъ ли и болѣе наблюдательный глазъ подмѣтилъ бы эти слѣды; сестра, несмотря на свою молодость, умѣла владѣть собою, и, сверхъ того, ея совершенно дѣтская манера говорить заставляла всѣхъ считать ее ни о чемъ не думающимъ, ни отъ чего не страдающимъ ребенкомъ. Иные люди смотрѣли на нее даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, считая ее не по лѣтамъ глупенькимъ созданіемъ. Она развивалась внутри себя, невидимо, одиноко и не могла получить навыка болтать, какъ большая часть нашихъ дѣвушекъ; теперь наставала пора учиться говорить.

Съ этого воскресенья я каждую недѣлю однажды бывалъ у тетки. Для сестры взяли гувернантку, миссъ Кембденъ.

Digitized by Google

Гувернантка оказалась сухою и черствою женщиною, какою можетъ быть только англичанка, но дѣло свое она знала отлично и основательно, преподавала сестрѣ различные предметы науки, въ забвеніи остался только русскій языкъ. Сестра полюбила наставницу искренно, и между ними установились до крайности странныя отношенія. Сестра съ восторгомъ отзывалась о гувернанткѣ, смотрѣла ей въ глаза, угадывала ея желанія, а гувернантка, холодно принимая ея ласки, спокойно спрашивала ее: «Вы уже приготовили уроки?» это значило: если у тебя не все сдѣлано, то принимайся за дѣло, ласками же со мною ничего не подѣлаешь. Въ свободное отъ занятій время, по будиямъ, сестра читала вслухъ газеты передъ теткой, занимавшейся вязаньемъ никому и ей первой не нужныхъ кошельковъ и вышиваньемъ еще менѣе необходимыхъ подушекъ, украшавшихся шелкомъ, шерстью и бисеромъ. Утромъ, по праздникамъ, когда миссъ Кембденъ уѣзжала въ гости, я и сестра сидѣли въ гостиной тетки и праздно слушали болтовню различныхъ посѣтителей. Уйти въ комнату сестры мы не смѣли, потому что сидѣнье въ гостиной было, по соображеніямъ старухи, необходимымъ дополненіемъ воспитанія; мы пріучались къ манерамъ образованныхъ людей и должны были постигнуть, о чемъ и какъ говорятъ эти люди, чтобы современемъ не явиться между ними дикарями и провинціалами. Какъ намъ скучно было это дополненіе воспитанія — вы себѣ и представить не можете!

Странное созданіе была тетка! Ей было за шестьдесятъ лѣтъ, но она была бодра, цвѣтъ ея лица, какъ извѣстно читателю, никогда не измѣнялся и былъ свѣжъ; каковъ онъ былъ въ тѣ часы утра, когда въ ея комнату проникала только ея любимая горничная, этого никто не зналъ и не осмѣлился бы знать, чтобы не поссориться навсегда съ теткой. Одѣвалась она очень просто и не любила, чтобы люди показывали, что они понимаютъ стоимость этой простоты, состоявшей изъ лишеннаго всякой отдѣлки простого батистоваго, атласнаго или бархатнаго платья, изъ простого воротничка брюссельскихъ кружевъ, застегнутаго совершенно простымъ брильянтомъ, изъ такихъ же простыхъ нарукавниковъ съ такими же простыми пуговицами. Однимъ словомъ, все на ней было чрезвычайно просто, и никогда она не рѣшилась бы надѣть роскошный браслетъ, ярко бросающуюся въ глаза брошку, отдѣлать кружевомъ или

Digitized by Google

лентами свое простое платье. Все это она называла на своемъ языкѣ ненужностями или кусочками арлекина.

— Это для какой пьесы костюмъ? — серьезно спрашивала она, разсматривая въ лорнетъ модную картинку изъ послѣдняго нумера парижскаго журнала.

— Это, ma tante, не для пьесы костюмъ, а платье, какое всѣ носятъ въ Парижѣ,—отвѣчали ей.

— Неужели?—ядовито удивлялась старуха.—Впрочемъ, чему же и удивляться! въ Парижѣ теперь только одни актеры и актрисы и живутъ; этотъ костюмированный сбродъ уже семнадцать лѣтъ разыгрываетъ пародію аристократизма!

Всѣ знали, что тетка дулась на Луи-Филиппа и не признавала его королемъ Франціи до самаго конца его царствованія. Не знаю, насколько отравляло это жизнь Луи-Филиппа, но фактъ непризнанія, тѣмъ не менѣе, существовалъ во всей своей силѣ. Вообще, тетушка не терпѣла мѣщанства ни въ чемъ, хотя сама была аристократкою изъ Москвы, то-есть по преданію, и то только потому, что она такъ *думала* и имѣла кой-какія денежныя средства убѣдить въ этой истинѣ своихъ друзей. Друзья ея состояли изъ разныхъ стариковъ, занимавшихъ видныя мѣста, и ихъ дѣтей, гвардейцевъ и камеръ-пажей; первые, даже переселяясь въ деревню, считали своимъ долгомъ вести съ ней дѣятельную переписку, и, такимъ образомъ, доставляли почтамту и фабрикантамъ канцелярскихъ принадлежностей порядочный барышъ. Всѣ они были ея родственниками и иногда очень близкими, напримѣръ: троюродными племянниками мужа ея двоюродной сестры, нѣкоторые были еще ближе, и потому всѣ были поставлены въ необходимость говорить ей: ma cousine или ma tante. Всѣ они вмѣстѣ съ нею дѣятельно бранили Луи-Филиппа и Бѣлинскаго. Читатель можетъ удивиться такому сопоставленію именъ, но оба эти человѣка были личными врагами тетки, и поклонникъ котораго-нибудь изъ двухъ лишался права бывать въ ея гостиной. Этими чертами можно бы вполнѣ закончить характеристику внѣшней стороны жизни старой барыни; но у нея была и другая, закулисная, внутренняя жизнь. Во-первыхъ, тетушка имѣла въ ближайшемъ отъ ея дома храмѣ опредѣленное мѣсто, гдѣ ставился стулъ и разстилался коверъ и откуда она прогоняла кого бы то ни было, и любила, въ виду всѣхъ прихожанъ, принимать изъ рукъ священника даровую просфору. Во-вторыхъ, тетушка до обморока боялась смерти и зажмуривала глаза,

Digitized by Google

если ей встрѣчались похороны, и еще сильнѣе боялась она своей любимой горничной, по причинамъ, никому и ей самой неизвѣстнымъ. Въ-третьихъ, тетушка плакала, если заболѣвалъ ея шпицъ, что доказывало доброту и мягкость ея сердца, и ненавидѣла тунеядцевъ, нищихъ, что доказывало ея самородное знаніе политической экономіи и нелюбовь къ лѣни. Въ-четвертыхъ, тетушка ежедневно поминала своихъ сродниковъ ровно часъ, скороговоркою пересчитывая: Павла, Константина, Андрея, Павла, Павла и т. д. Въ-пятыхъ, среди этихъ именъ умершихъ родственниковъ одно имя принадлежало совершенно постороннему человѣку, не бывшему даже троюроднымъ племянникомъ мужа ея двоюродной сестры, совсѣмъ чужому, какими были для нея Луи-Филиппъ и Бѣлинскій. На ея лицѣ не появлялось ни тѣни внутренней боли. Да и отчего же пробуждаться въ ея сердцѣ чувству боли? Вѣдь это былъ совсѣмъ чужой человѣкъ! Знала она его въ 1806 году, онъ былъ хорошъ собою, молодъ, уменъ; она слыла въ Москвѣ одною изъ первыхъ красавицъ. Они полюбили другъ друга, но онъ былъ бѣденъ и нечиновенъ, она была богата и предназначалась чиновнымъ женихамъ. Онъ попросилъ ея руки, ея отецъ отвѣтилъ: «послужи и заслужи». Больше ничего не было сказано, но этихъ словъ было весьма достаточно, чтобы рѣшить участь двухъ человѣкъ, благонамѣренно покорныхъ родительской волѣ. Юноша рѣшился служить и вступилъ въ дѣйствующую армію. Улучивъ время, они простились безъ свидѣтелей, онъ сжалъ ея руки, осыпалъ ихъ поцѣлуями, она зарыдала, обвила его шею горячими, горячими руками и первый разъ въ жизни ея губы коснулись губъ посторонняго человѣка, и жгучимъ былъ этотъ поцѣлуй, такимъ жгучимъ, что не цѣловала она никогда болѣе никого изъ постороннихъ. Въ этомъ поцѣлуѣ была вся жизнь! На минуту она была счастлива... А тамъ пошли опять балы, началась отечественная война, началось шитье патріотическихъ нарядовъ на родной покрой сарафановъ, предался опалѣ нашъ родной французскій языкъ, сталъ изучаться новоизобрѣтенный русскій, газеты приносили извѣстія о битвахъ, о жертвахъ, пахло кровью... Всѣ чуяли приближеніе катастрофы, рѣшенія вопроса: быть или не быть, идти въ Азію или оставаться въ Европѣ, — бородинское сраженіе рѣшило все. *Онъ* погибъ. Она записала его въ поминальную книжку и съ этого дня отчитывала: «Павла, Константина, Андрея, Павла», и еще одно

Digitized by Google

ния совершенно чужого человѣка... Если кто-нибудь упоминалъ при ней о фамиліи Латуховыхъ, то она спрашивала: «Это не изъ тѣхъ ли Латуховыхъ, которыхъ сынъ убитъ подъ Бородинымъ?» Отъ стереотипной фразы вѣяло могильнымъ холодомъ, какъ отъ надгробной надписи, гласящей: родился тогда-то, и такого-то числа волею Божіею помре. Вотъ вамъ и вся жизнь! Пишите о ней романъ съ раздирающими душу сценами, проливайте надъ ними слезы, клѣйте героевъ, проклинайте отцъ; но, ради сохраненія своей нѣжной, сахарной чувствительности, не глядите на лицо героини, оно, какъ каменное изваяніе японскаго идола, тупо и слѣпо будетъ смотрѣть на васъ своими узенькими глазами, какъ будто спрашивая: «да о чемъ же вы плачете, дураки?»

А кругомъ тетки волновалась молодежь, дѣлая видъ, что она живетъ, что ей весело, шутила, смѣялась, поглядывала масляными глазами на мою сестру, думая про себя: «а и за этой скоро можно будетъ пріударить!» Особенно интересенъ въ этомъ случаѣ былъ одинъ офицеръ, сильно заботившійся о моей сестрѣ и, кажется, томившійся только однимъ вопросомъ: «да скоро ли ты вырастешь?»

— Ну, какого вы мнѣнія о моей кузинѣ? — спрашивалъ онъ у миссъ Кембденъ.

— Настойчива, и потому можетъ дѣлать все, что захочетъ,—давала аттестатъ мраморная статуя съ англійскими буклями около щекъ, весьма похожими на палки, обвернутыя рыжей шерстью.

— У меня въ домѣ нельзя хотѣть дурного и потому она можетъ хотѣть только хорошаго, — ловко поясняла тетушка, видя недоумѣніе офицера, и, такимъ образомъ, не порицая сестру, хвалила себя.

— Кузина, я рѣшительно прихожу отъ васъ въ восторгъ, — со смѣхомъ говорилъ троюродный братецъ, такъ ловко возившій за собою саблю по Невскому проспекту, что можно было подумать, что онъ похитилъ съ барокъ тачку съ несмазаннымъ колесомъ и везетъ ее за собою. — Когда вы кончите ученье, я предложу вамъ руку и сердце.

— Жакъ!—восклицала въ ужасѣ тетушка.

— Что же, ma tante, я говорю это кузинѣ, чтобы она еще лучше училась, зная, какая награда достанется ей за трудъ.

Кузенъ былъ чрезвычайно уменъ и отлично образовалъ себя въ модныхъ ресторанахъ.

Digitized by Google

— Ты нестерпимъ.

— Почему же? Вѣдь Hélène, я думаю, уже не дитя. Правда, кузина, вы не дитя?

— Леля, иди въ свою комнату,—приказывала тетка.

— Ma tante, вы поселите между нами вражду, изгоняя по моей милости прелестную кузину,—ломался троюродный братецъ, и былъ вполнѣ увѣренъ, что онъ хоть гдѣ такъ не ударитъ лицомъ въ грязь: совсѣмъ порядочный человѣкъ!

Сестра тихими шагами и съ грустнымъ лицомъ выходила изъ гостиной, считая себя униженной, и открывала въ своей комнатѣ свою библію—дневникъ матери.

Читала сестра въ своей библіи, и страшнымъ гнѣвомъ горѣли ея глаза, огнемъ пылало ея восхитительное лицо. Сложивъ руки на груди, ходила она взадъ и впередъ по своей комнатѣ, и думала: «Если я скажу теткѣ, чтобы она не принимала этихъ кузеновъ, она отвѣтитъ: «не сидѣть же мнѣ одной изъ-за тебя!» — Если мнѣ сказать кузену, чтобы онъ не говорилъ со мной, онъ расхохочется, назоветъ меня звѣркомъ, недотрогой, какъ онъ это дѣлалъ уже не разъ. Не выходить изъ своей комнаты? тетушка этого не позволитъ. Господи! хоть бы были у меня такія язвительныя слова, которыя могли бы заставить молчать кузена; научи меня, Господи, такимъ словамъ! Научи меня говорить!» — молила сестра и искала язвительныхъ словъ, придумывала цѣлыя сцены, гдѣ одно лицо говорило за кузена, другое за нее; въ концѣ кузенъ побѣждался и умолкалъ въ смущеніи. Такъ выходило по соображеніямъ сестры, но на дѣлѣ было совершенно другое.

— Ну, что, кузина, какъ идутъ ваши уроки? Я думаю, вы стали вдвое прилежнѣе въ ожиданіи предстоящей награды? — снова острилъ кузенъ, появляясь въ гостиной тетки.

— Жакъ, ты опять за старое?—упрекаетъ послѣдняя.

— Ну-съ, кузина? — повторяетъ онъ, не слушая теткиныхъ замѣчаній.

— Вамъ, кузенъ, кто задаетъ эти уроки?—спрашиваетъ сестра; ея голосъ немного дрожитъ.

— Какіе уроки? —ничего не понимая, спрашиваетъ кузенъ.

— Дѣлать мнѣ такіе вопросы, — поясняетъ сестра, при-
тая язвительное слово.
азвѣ для этого непремѣнно нуженъ учитель?
опуган сами ни одного слова не могутъ выдумать,—

Digitized by Google

колко и твердо выговариваетъ сестра и думаетъ, что кузенъ побѣжденъ, сейчасъ провалится сквозь землю, такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдовало въ ея сценѣ, сочиненной наканунѣ.

— Елена, ты забываешься! — сурово восклицаетъ тетка, не выносящая скандаловъ.

— Простите ее, ma tante! Это она, вѣроятно, слышала отъ какой-нибудь горничной и подумала, что можно перенести эту фразу изъ передней въ гостиную, дитя!—язвитъ кузенъ, дѣйствительно обидѣвшійся отвѣтомъ сестры.

— Иди въ свою комнату! — приказываетъ тетка неумолимымъ тономъ.

Сестра молчитъ и не находитъ въ своей головѣ отвѣта; послѣдняя фраза кузена не была ею предугадана, въ отвѣтъ на нее у сестры еще нѣтъ язвительныхъ словъ. Завтра сестра найдетъ ихъ и на эту фразу, но кузенъ выдумаетъ что-нибудь новое, непредвидѣнное, и сестра будетъ побѣждена снова. А кругомъ ея весело лепечутъ, кокетничаютъ и смѣются кузины-институтки. Извѣстно, когда сходятся горничныя, то онѣ сплетничаютъ про своихъ господъ. Когда сходятся институтки, то онѣ сплетничаютъ про своихъ классныхъ дамъ и уже послѣ говорятъ о разныхъ *душкахъ*, т. е. кузенахъ своихъ подругъ и знакомыхъ молодыхъ людяхъ, таскающихся по пріемнымъ днямъ въ институты. Такими же разговорами занимали и сестру кузины-институтки. Онѣ по ниточкѣ разбирали всѣ недостатки своихъ бывшихъ классныхъ дамъ и, несмотря на молодость, всегда мягкую и любящую, злословили, какъ старыя беззубыя дѣвы. Сестру эта безцѣльная болтовня, этотъ первый плодъ глупаго воспитанія и безсодержательной жизни— выводила изъ терпѣнія.

— Неужели же у васъ не было ни одной хорошей классной дамы, въ родѣ моей гувернантки?—спрашивала она.

— Ахъ, нѣтъ, милочка, была одна. Мари Гребешкова была просто *кисанька*. Зелененькая такая.

— Какъ зелененькая?

— Такъ зелененькая, блѣденькая такая кисанька, ей папа maman говорила: васъ надо кормить больше, чтобы вы пополнѣли...

— Ну, что-жъ, и кормили ее?

— Ахъ, что ты, милочка! какъ можно! Она была такая идеальная, поэтическая.

— Глупая вѣрно.

Digitized by Google

— Вотъ прекрасно: глупая! Она намъ романы тихонько отъ maman давала читать, такъ умѣла цѣловать...

— Что въ поцѣлуяхъ-то?—передергивая плечомъ, замѣчала сестра.

— Какой ты ребенокъ, милочка! Ты ничего не понимаешь...

— Понимать-то нечего! — съ пренебреженіемъ отвѣчала сестра и уже безмолвно, не возражая, слушала дальнѣйшую болтовню институтокъ про зеленькую классную даму, про эту *кисаньку, кису* и *котика*.

На время сестру заинтересовала фигура одной изъ ея родственницъ, молодой красавицы, державшейся холодно и гордо. За нею ухаживали десятки молодыхъ людей, писали посланія ей, ея ручкамъ, ея зеркальцу и т. д., но она не обращала вниманія ни на писателей стиховъ, ни на самые стихи. Сестрѣ понравилось ея дышавшее силой правильное лицо, и она вздумала сблизиться съ нею. Однажды онѣ ходили однѣ по залѣ.

— Зачѣмъ ты говоришь съ кузеномъ? — сказала сестрѣ прекрасная родственница, съ перваго дня знакомства обращавшаяся съ Лелей, какъ съ ребенкомъ, и старавшаяся ее развить.

— Я и рада бы не говорить съ нимъ,—сказала сестра:—но онъ всегда пристаетъ ко мнѣ. Я его не люблю

— И никого не должно любить, это глупости.

— Какъ никого?

— Никого, они всѣ глупы, и изъ нихъ ничего не выйдетъ.

— Я то же думала.

— Это вѣрно. Многіе изъ нихъ просили моей руки, но я рѣшительно сказала отцу, что выйду только за генерала или за...

— За старика?—воскликнула сестра.

— За старика! По крайней мѣрѣ, я буду знать, чѣмъ я буду, въ какомъ кругу буду жить; а эти годъ-два послужатъ и выйдутъ прапорщиками въ отставку. Это было бы мило: жена такого-то отставного прапорщика!—съ презрительною усмѣшкой вымолвила красавица.

Сестра широко открыла глаза и поняла, что онѣ съ самаго начала не поняли одна другую, говорили о предметѣ съ разныхъ точекъ зрѣнія. И немудрено, красавицѣ было двадцать-два года, сестрѣ шестнадцать съ половиною, первая ни о чемъ не думала серьезно, сестра пережила мыслью необыкновенно много... И съ этою прекрасною дѣвушкою

Digitized by Google

пришлось разойтись сестрѣ, и еще прилежнѣе занялась она чтеніемъ книгъ и уроками. Родственницы, видя ея небрежное и холодное обращеніе съ ними, дулись на нее и старались какъ-нибудь уколоть ее. Забывая, о чемъ онѣ говорили съ ней за нѣсколько дней, какія тайны повѣряли ей, онѣ стали называть ее глупенькимъ ребенкомъ и умышленно прерывали разговоры при ея приходѣ.

— Тсс... mesdames, при Лелѣ объ этомъ нельзя говорить, она еще дитя,—говорили онѣ вслухъ другъ другу и, улыбаясь, обращались къ ней съ вопросомъ:—ты уже кончила свои уроки?

Судя по себѣ, онѣ полагали, что больнѣе всего для сестры будетъ названіе ребенка.

— Нѣтъ!—отвѣчала сестра:—я на минуту вышла сюда.

Съ этими словами она уходила въ свою комнату и проводила въ ней все утро, если теткѣ не приходила блажная мысль вытребовать ее въ гостиную, во что бы то ни стало.

Такъ идутъ дни, недѣли, мѣсяцы... Мелко до пошлости, до одурѣнія мелко колютъ, язвятъ и тревожатъ сестру различные кузены, кузины, тетушки и дядюшки. И между тѣмъ, всѣ они любятъ ее, очень любятъ. Кузенъ даритъ ей въ именины бонбоньерку съ конфетами, кузина привозитъ шесть паръ перчатокъ, дядя радуетъ блестящими сережками... Такъ носятся лѣтомъ непрошеные даровые виртуозы—комары надъ человѣкомъ, легшимъ отдохнуть отъ труда въ своемъ саду. Сначала чувствительныя насѣкомыя снуютъ надъ нимъ и громко поютъ хвалебные гимны: мы тебя любимъ, мы тебя любимъ, добрый ты, сладкій ты человѣкъ! Добрый человѣкъ начинаетъ ворочаться, раздраженный гимномъ, и чувствуетъ, что одинъ изъ виртуозовъ уже успѣлъ всосаться въ его щеку жгучимъ поцѣлуемъ; гонитъ его добрый человѣкъ и слышитъ, что въ это мгновеніе два другіе виртуоза безпощадно цѣлуютъ его въ лобъ, а третій норовитъ забраться въ самый носъ. Въ одурѣніи вскакиваетъ любимецъ виртуозовъ и гонитъ ихъ прочь, а они, легко взвиваясь и мелькая въ лучахъ солнца, снова поютъ... И врядъ ли уснетъ этотъ человѣкъ хоть на минуту сладкимъ полуденнымъ сномъ... А день такой славный, теплый, и все полно мира и кроткой любви... Горячѣе всѣхъ привязался къ сестрѣ самый главный капельмейстеръ—тетушка. Она нашла въ сестрѣ игрушку, которой не находила столько лѣтъ. Только сестрѣ она позволяла приносить шпица, только ее заставляла разматывать шёлкъ

Digitized by Google

и шерсть, только ей сообщала свою радость, услышавъ о волненіяхъ во Франціи, и надежды на близкую гибель своего личнаго врага, Луи-Филиппа. Это была холодная привязанность, равнявшаяся привязанности къ щипцу, котораго, изъ любви къ нему, заставляли терпѣть муку и ходить по четверти часа на заднихъ лапкахъ,—равнявшаяся привязанности къ любимой горничной, которой изъ любви къ ней никакъ не позволили въ былыя времена выйти замужъ, уславъ ея жениха. Разумѣется, сестру эта любовь не могла тронуть, и она попрежнему оставалась холодною къ теткѣ, хотя и была благодарна за то, что ее серьезно стали учить музыкѣ и взяли для этой цѣли одного извѣстнаго учителя. Уже въ маѣ 1848 года сестра—ей минуло семнадцать лѣтъ—играла, какъ опытная піанистка, что заставило тетку блеснуть успѣхами воспитанницы и дать въ ея именины музыкальный семейный вечеръ. Главною его героинею была моя сестра. На нее съ этого дня уже глядѣли не какъ на ребенка, а какъ на дѣвушку, готовую идти подъ вѣнецъ. Не одна пара глазъ съ любопытствомъ осматривала ее, точно еще наканунѣ эта дѣвушка была совсѣмъ другимъ существомъ, точно на ея лобъ уже налѣпили обычную надпись: продается съ аукціона,—кто дастъ больше? Кузенъ-гвардеецъ подлетѣлъ къ ней и хотѣлъ что-то сказать.

— Извините, кузенъ, мнѣ надо переговорить съ моимъ учителемъ, — сказала она и отошла въ другую сторону съ артистомъ.

Такимъ образомъ, на свѣтѣ сказалось одною глупостью меньше.

— Исполните ли вы мою просьбу,—говорила она учителю:— если я попрошу васъ дать мнѣ отзывъ о моемъ знаніи музыки и даже рекомендовать меня въ учительницы?

— Вы шутите? вы никогда не будете добывать этимъ хлѣба,—отвѣтилъ старикъ.

— Ну, а если бы я васъ попросила?

— О, въ такомъ случаѣ я исполнилъ бы вашу просьбу.

— Ну, такъ пришлите мнѣ завтра же письмо, гдѣ говорилось бы, что я могу учить дѣтей.

— Вамъ оно нужно, чтобы показывать его знакомымъ? Вывѣска?

— Право, нѣтъ, но оно мнѣ очень, очень нужно.

— Это капризъ?

— Нѣтъ, это необходимость, если бы вы только знали...

Сестра въ волненіи остановилась, не досказавъ фразы.

Digitized by Google

— Хорошо, я вамъ пришлю письмо, но вы странное дитя!—качая головою, промолвилъ старикъ и поспѣшилъ извиниться, что назвалъ ее дитятей.

Она горячо пожала его руку.

На слѣдующій день сестра встрѣтила меня какъ-то особенно весело.

— Поль, голубчикъ, я буду тоже честно жить. Я теперь могу уроки музыки давать,—говорила она съ сіяющимъ лицомъ и показала мнѣ письмо артиста.

— Но вѣдь тебѣ не позволятъ тетка и папа?

— Теперь не позволятъ, но послѣ я сама это сдѣлаю.

— Какъ сама?

— Да, сама. Когда мнѣ будетъ восемнадцать лѣтъ, тогда я ни у кого не спрошу позволенія и сдѣлаю это сама.

— Развѣ, Леля, тогда они не посмѣютъ тебѣ запретить?

— Тогда я буду совсѣмъ большая, и имъ до меня не будетъ дѣла,—говорила Леля, и ея глаза блестѣли радостью и надеждой.

Я началъ снова строить планы будущей жизни втроемъ: я, сестра и Колька, по моему мнѣнію, не должны были разлучаться, должны были работать и не зависѣть ни отъ кого. Все это казалось мнѣ очень легкимъ и вполнѣ возможнымъ, я еще былъ ребенокъ и не подозрѣвалъ, что жить втроемъ намъ будетъ очень скучно. Главная хорошая сторона въ этихъ планахъ была та, что они заставили всѣхъ насъ усерднѣе учиться, набираться такъ или иначе разныхъ познаній, чтобы послѣ имѣть возможность работать.

VIII.

Читатель услышитъ про бунтующаго гимназиста.

Теперь я долженъ возвратиться снова къ семьѣ Люлюшиныхъ и разсказать, что тамъ сдѣлалось въ теченіе описываемаго года. Еще въ августѣ Колькѣ—это лицо важнѣе всего для меня, и потому начинаю съ него — пришлось экзаменоваться въ гимназіи. Экзаменъ былъ сданъ бойко, и экзаменующійся попалъ въ число принятыхъ мальчиковъ. Съ перваго же дня, когда онъ появился на улицѣ въ мундирѣ съ краснымъ воротникомъ, его стали дразнить уличные мальчишки *красною говядиной*. Этимъ прозвищемъ съ самаго основанія гимназій дразнятъ всѣхъ гимназистовъ, какъ дразнятъ бурлаковъ вопросомъ: кто васъ спуталъ? Кажется, пора бы гимназистамъ хладнокровно переносить эту кличку, что и дѣлаютъ пробывшіе въ гимназіи нѣ-

Digitized by Google

сколько лѣтъ мальчики; но новички, подобно бурлакамъ, на первыхъ порахъ не выдерживаютъ обиды своему мундиру, и тѣ, которые потрусоватѣе, грозятъ забіякамъ издали кулаками или кажутъ фигу въ карманѣ, а тѣ, которые побойчѣе, прямо расправляются съ обидчиками. Колька былъ изъ бойкихъ и на первый разъ поколотилъ слесарева Ѳедьку, потомъ еще двухъ забіякъ, и, такимъ образомъ, домашними средствами усмирилъ цѣлый кварталъ мелкаго народа, очистилъ себѣ безопасный путь отъ дома до гимназическаго зданія и началъ такъ важно ходить по этому пути, точно передъ его маленькой особой преклонилъ колѣни весь Петербургъ. Ученье въ первомъ классѣ было для него не трудно: во-первыхъ, онъ прошелъ уже дома все то, что преподавалось тамъ; во-вторыхъ, нашъ учитель попрежнему посѣщалъ насъ и, въ случаѣ нужды, могъ поддержать ученика своими указаніями. Допекала мальчугана одна переписка разныхъ басенъ и стишонковъ на трехъ языкахъ; иногда переписывать приходилось столько, что на это уходилъ весь вечеръ, и, дописавъ послѣднюю страницу, Колька важно расхаживалъ по комнатѣ, махая усталою рукой, и громко ругался:

— Вишь, черти, точно сговорились, вдругъ сколько навалили! То такъ ничего нѣтъ, а то и не оберешься работы! Просто рука затекла.

Но это было сносно, тѣмъ болѣе, что онъ любилъ работать. И не совѣщаться же, въ самомъ дѣлѣ, учителямъ, когда и сколько задавать уроковъ: задали всѣ вдругъ помногу — хорошо, не задалъ ни одинъ ничего—и то хорошо, да еще и лучше. Горе пришло совсѣмъ съ другой стороны. Съ самаго начала ученики, засидѣвшіеся въ первомъ классѣ, такъ-называемые *старички*, приняли Кольку и другихъ гимназистовъ-новичковъ не очень ласково; щипки, давленіе масла, кража карандашей, грифелей и тетрадей ознаменовали вступленіе дѣтей въ новый міръ. Семья всегда успѣваетъ испортить въ конецъ дѣтей и потомъ жалуется на школу, что она не можетъ исправить ихъ пороковъ, что эти пороки во все послѣдующее время только растутъ и растутъ. На щипки и давленье масла Колька отвѣтилъ собственными кулаками и, оттузивъ одного изъ старичковъ, крикнулъ на весь классъ:

— Скоты вы, слушайте! Кто меня хоть пальцемъ тронетъ, тому я рожу на сторону сворочу. Я не затѣмъ сюда пришелъ, чтобъ вы меня били. Видите—какой?

Digitized by Google

При этихъ словахъ Колька показалъ непріятелямъ сжатый кулакъ. Кулакъ оказался, дѣйствительно, почтеннымъ членомъ и внушилъ уваженіе къ себѣ многихъ изъ старичковъ, тайкомъ взглянувшихъ на свои кулаки и мысленно сравнившихъ: чей больше? Но мелкое воровство карандашей, грифелей и тетрадей не прекратилось. Колька рѣшился терпѣть это неизбѣжное зло и объявилъ дома, когда у него случилась первая покража, зная, что у отца ящики ломятся отъ даровыхъ канцелярскихъ принадлежностей, и значитъ не стоитъ много заботиться о нихъ. Сперва его ругнули за неосторожность и ротозѣйство, но дополнили недостающее. Потомъ Аграфена Степановна оттрепала его за волосы и выразила подозрѣніе, что ея сынъ торгуетъ этими вещами въ гимназіи. Кольку задѣло за живое это подозрѣніе, онъ нагрубилъ матери, попрекнулъ ее, что она по себѣ судитъ, и былъ высѣченъ. Онъ рѣшился при первой новой пропажѣ объявить о ней инспектору. Случай не замедлилъ представиться. Жалоба была принесена. Инспекторъ холодно и немного презрительно выслушалъ воспитанника и замѣтилъ ему, что, во-первыхъ, фискальство есть гнуснѣйшій изъ пороковъ и что фискаловъ въ гимназіи не терпятъ— онъ не упомянулъ, почему и какимъ путемъ онъ знаетъ объ всемъ происходящемъ въ классахъ,—во-вторыхъ же, прибавилъ онъ, каждый долженъ наблюдать за своими вещами самъ, иначе пришлось бы для каждаго ученика нанимать особеннаго дядьку, что очень невыгодно. Послѣднее было остроумно и заставило улыбнуться самого инспектора. Шутникъ былъ Степанъ Васильевичъ Щукинъ! Сталъ Колька смотрѣть за своими вещами, высматривая изъ-за угла, какъ котъ, не крадется ли къ его сумкѣ вороватый мышенокъ-гимназистъ; наконецъ, мышенокъ попался въ лапы кота и узналъ, какъ больно расправляются эти лапы съ ворами. Колька прибилъ его, зная, что фискалить нельзя. Событіе черезъ полчаса сдѣлалось извѣстнымъ инспектору, не терпящему фискаловъ. Люлюшина наказали и пригрозили, что если онъ еще вздумаетъ самоуправствовать, то его выгонятъ вонъ. Попробовалъ Колька испытать еще одно средство: когда у него пропала чистая тетрадь, назначенная для французскихъ басенъ, онъ переписалъ басни въ грязную тетрадь, но учитель французскаго языка оставилъ его до 5 часовъ въ наказаніе за неряшливость и на его объясненіе замѣтилъ ему:—если у васъ украдутъ тетрадь, то вы должны сдѣлать новую.

Digitized by Google

— Мой отецъ не можетъ давать мнѣ каждую недѣлю по тетради.

— До этого *намъ* нѣтъ дѣла,—отвѣтилъ учитель, отвѣчая словомъ «намъ» за всю гимназію.

Колька сталъ втупикъ; другого исхода не было, какъ самому начать красть такія же вещи, какія крали у него. Отъ этого Кольку спасли его планы о честной жизни, и онъ началъ отказывать себѣ во всемъ, чтобы скопить деньги. Дастъ ли Колькѣ отецъ гривенникъ изъ выигранныхъ денегъ—Колька припрячетъ гривенникъ; сунетъ ли Аграфена Степановна сыну двѣ съ половиной копейки на булку—для Кольки у нея всегда недоставало гроша или копейки—и эти деньги не проѣстъ, а просидитъ утро на пищѣ св. Антонія; онъ не рветъ исписанныхъ тетрадей, но бережетъ ихъ, чтобы продать на вѣсъ въ лавочку; на масленой недѣлѣ онъ упрашиваетъ отца не везти его въ балаганы, а дать натурою ту сумму, которой стоитъ это удовольствіе,—его обсчитываютъ на двугривенный, но онъ радъ и тому: могло бы быть и хуже.

— Шельмецъ Колька будетъ! — радостно восклицаетъ Абрамъ Семеновичъ, и его лицо сіяетъ родительскимъ восторгомъ.

Это похвала. А Колькѣ очень тяжело, совсѣмъ скверно.

— Вишь ты, какимъ я скаредомъ сталъ!—съ горечью говоритъ онъ мнѣ и злобно усмѣхается.

— Неужели и всѣ въ гимназіи такіе?—спрашиваю я.

— Чего всѣ? Развѣ у нихъ такіе отцы и матери? Вотъ Пановъ, такъ того мать не забранитъ, если у него и всю сумку украдутъ.

Колька завидуетъ Панову.

— Стало-быть, твои хуже всѣхъ?

— Есть и почище! — лаконически восклицаетъ онъ и вдругъ разражается неудержимымъ смѣхомъ.

— Чему ты смѣешься?—удивляюсь я.

— А помнишь, какъ старый хрѣнъ, нашъ экзекуторъ, по грязи въ однѣхъ калошахъ шелъ и сапоги подъ мышкой несъ, чтобы они не износились? Какъ онъ ихъ у насъ на лѣстницѣ потихоньку надѣвалъ.

— Такъ что же?

— Ну, вотъ и Колька такъ будетъ дѣлать, когда больной будетъ!

За этими словами слѣдуетъ новый взрывъ смѣха, и Колька

Digitized by Google

никакъ не можетъ себя представить съ сапогами подъ мышкой, шлепающимъ по грязи въ однѣхъ калошахъ.

Я тоже начинаю хохотать, и мы оба представляемъ въ лицахъ экзекутора, подражаемъ ему, дѣлая видъ, что нюхаемъ табакъ, и нѣтъ на нашихъ лицахъ ни малѣйшаго слѣда того горя, которое за минуту тревожило насъ. Эта способность забывать, эта склонность къ юмору могутъ считаться единственными спасительницами дѣтскихъ характеровъ, безъ нихъ ребенокъ въ нашей жизни очерствѣлъ бы слишкомъ рано.

Къ учителямъ, послѣ столкновенія съ инспекторомъ и французомъ, Люлюшинъ питаетъ не вражду, но недовѣріе; однако, онъ еще стоитъ за нихъ передъ старичками—этими мефистофелями въ гимназическихъ мундирахъ, соблазнителями новичковъ. Онъ даже успѣваетъ однажды во-время разрушить злодѣйскій заговоръ, составленный съ намѣреніемъ изгнать изъ класса свистомъ и топаньемъ нѣмца, по прозванью свиное рыльце. Дѣло дѣлается очень просто—раздѣленіемъ класса на двѣ партіи, изъ которыхъ одна, сильнѣйшая, подъ предводительствомъ Кольки призываетъ другую, слабѣйшую, къ порядку; она при первомъ свисткѣ кричитъ: тише! при второмъ заставляетъ одного изъ своихъ членовъ дать *киселя* свистуну и получившій *киселя* свистунъ во все продолженіе класса только хрипитъ отъ боли, но уже не свищетъ и тѣмъ убиваетъ въ зародышѣ всякую энергію въ своихъ единомышленникахъ. *Свиное рыльце*, ничего не подозрѣвая, диктуетъ бунтовщикамъ розовую идиллію:

Einmal Mutter Lise
Zur neubegrünter Wiese...

и, какъ котъ, жмуритъ свои и безъ того узенькіе свиные глазки...

На Кольку косятся, его остерегаются, думая, что изъ благонамѣреннаго онъ сдѣлался просто любимцемъ инспектора, но опасенія не оправдываются: черезъ нѣсколько недѣль Колька дѣлается врагомъ учителей, ругаетъ и «свиное рыльце», и «солдатскую подметку», и «директоршинъ колпакъ», преподающій въ гимназіи французскій языкъ. Вотъ какъ это случилось. Однажды учитель ариѳметики задаетъ задачу изъ собранія ариѳметическихъ задачъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Всѣ первоклассники принимаются за работу, кто подглядывая въ конецъ книги, гдѣ выставлены рѣшенія, кто доходя своимъ

Digitized by Google

собственнымъ умомъ до требуемаго числа. Наконецъ, дѣло сдѣлано, десятки рукъ подняты кверху, въ знакъ окончанія работы. Учитель заглядываетъ въ конецъ книги, запоминаетъ цифры и идетъ осматривать тетради.

— Вѣрно! невѣрно!—лаконически говоритъ онъ, пересматривая рѣшенія и ставя отмѣтки; доходитъ до Кольки.—Невѣрно! — изрекается приговоръ, и въ журналъ вклѣпляется нуль.

— У меня вѣрно,—замѣчаетъ Колька.

— Я тебѣ сказалъ, что невѣрно,—на ходу отвѣчаетъ учитель.

— А я знаю, что вѣрно,—споритъ бунтующій гимназистъ.

— Ты еще спорить со мной! Я тебя въ карцеръ посажу,—уже дрожа отъ гнѣва, кричитъ математикъ и деретъ Колькино ухо; ухо горитъ, но Колька не умолкаетъ.

— Въ книжкѣ ошибка въ рѣшеніи,—восклицаетъ онъ.—Повѣрьте мою задачу.

Учитель со злостью рыветъ у него тетрадь, провѣряетъ задачу, убѣждается, что ошибка дѣйствительно въ книгѣ, а не у Кольки. Онъ сердито бросаетъ тетрадь, отходитъ къ другимъ ученикамъ, но никому не переправляетъ балловъ. Въ головѣ происходитъ страшная возня: «Сколько разъ давалъ я себѣ, дураку, слово,—ругается онъ мысленно:—запомнить нумера этихъ проклятыхъ задачъ съ опечатками—и все забываю, скотина! И этотъ подлецъ туда же вздумалъ ершиться!..»

— Поставьте мнѣ другой баллъ,—прерываетъ Колька поучительныя размышленія педагога.

— Тебѣ надо розогъ дать, а не другой баллъ!—рѣшаетъ математикъ, раздраженный поведеніемъ бунтующаго гимназиста, своею оплошностью, а, можетъ-быть, еще болѣе домашними обстоятельствами, которыя хотя вовсе не касаются до учениковъ, но постоянно отзываются на нихъ въ нашихъ училищахъ.

Если учителю насолитъ жена или кухарка, то ужъ, навѣрное, пять или шесть невинныхъ учениковъ получатъ по нулю.

«Билетъ *грязный* принесу!—думаетъ Колька, употребляя гимназическій терминъ.—Мать, пожалуй, въ субботу вмѣсто бани порку задастъ...» И идетъ герой жаловаться къ инспектору. Дѣло обсуживается властями, рѣшается общимъ приговоромъ: поставить Люлюшину пять за рѣшеніе задачи и посадить его, Люлюшина, за грубости въ карцеръ.

Digitized by Google

— Скверное теперь время,—говоритъ въ коридорѣ инспекторъ учителю математики.—Читали, что во Франціи-то?

— Читалъ, читалъ!—мрачно отвѣчаетъ математикъ и думаетъ про себя: «непремѣнно зачеркну сегодня эти проклятыя задачи съ опечатками».—Науки погибнутъ, застой настанетъ!—продолжаетъ онъ вслухъ.

— Вы это для чего на платкѣ узелокъ завязали?—съ улыбкой спрашиваетъ инспекторъ.

— Такъ, для памяти,—немного смѣшавшись, но тоже улыбаясь, отвѣчаетъ математикъ.

— Проказникъ, проказникъ!—треплетъ его по брюху инспекторъ.

Математикъ становится въ позу Венеры стыдливой, и оба довольны другъ другомъ, чисты сердцемъ и свѣтлы духомъ. Боже мой, какъ можетъ быть счастливъ человѣкъ на землѣ!

— Передъ погодой вѣрно разыгрались!—шепчутъ снующіе въ коридорѣ гимназисты, охотники подслушивать учительскіе разговоры, а Колька съ поникшей на грудь головой, подъ карауломъ унтера, шествуетъ въ карцеръ...

И математикъ, ожидающій близкаго упадка науки и скорбящій объ этомъ, дѣлается непримиримымъ врагомъ преданнаго ученью Кольки, перваго ученика въ классѣ, будущаго свѣтила гимназіи...

— Это потому, что они не честные!—говоритъ Колька и тяжело вздыхаетъ.

Онъ уже чувствуетъ, что его жизнь будетъ тяжелою жизнью. А въ семьѣ все идетъ по-старому, по избитой колеѣ, по чиновничьему маршруту.

Учитель развиваетъ меня по своимъ любимымъ книжкамъ, заставляетъ разсказывать прочитанное, писать объясненія различныхъ словъ, радуется моей понятливости, пророчитъ, что изъ меня выйдетъ хорошій человѣкъ, если я всегда буду серьезно заниматься. Я радуюсь тому, что знаю ариѳметику, и географію, и клочки исторіи, и латинскій языкъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что я его знаю, вызубривъ четыре спряженія и бойко отдергивая стихами исключенія въ третьемъ склоненіи. Зачѣмъ меня этому учатъ—я не спрашиваю, и вполнѣ увѣренъ, что въ корпусѣ эти исключенія будутъ необходимо нужны, а въ жизни и еще необходимѣе. Аграфена Степановна попрежнему няньчится съ третьимъ въ мое пребываніе золотомъ, ниспосланнымъ ей небомъ въ лицѣ кухарки Анисьи, и ни

Digitized by Google

та, ни другая не заботятся о приближеніи междоусобной войны. Золото вполнѣ вѣритъ въ возможность получить обѣщанный къ Святой подарокъ; Аграфена Степановна хотя и не вѣритъ въ это, но дѣлаетъ видъ, что вѣритъ, даже увѣряетъ въ этомъ самоё-себя и терзается, ежедневно повторяя всѣмъ и каждому: «Себѣ во всемъ откажу, ничего къ празднику не куплю, а ей изъ послѣдняго сдѣлаю обновку; такъ умѣла она меня успокоить, при ней только я свѣтъ Божій увидала!» Абрамъ Семеновичъ строчитъ спѣшныя дѣла и разсчитываетъ въ умѣ, сколько дадутъ ему къ Святой награды, и, подъ вліяніемъ этой свѣтлой, поэтической мысли, обѣщается съѣздить на Ѳоминой въ театръ. Даже иногда, сильно расчувствовавшись, спрашиваетъ онъ у всѣхъ, включая и меня, чего бы намъ хотѣлось, заставляетъ придумать, какую прихоть желали бы мы исполнить. Эти допросы немного тревожатъ Люлюшину, она побаивается, чтобы Абраша вдругъ не сдѣлался мотомъ, и спѣшитъ отвѣтить за всѣхъ:

— Ахъ, Абраша, чего тутъ спрашивать! Что бы ты намъ ни сдѣлалъ, мы за все будемъ благодарны.

— Да нѣтъ, однако, чего бы вы желали?—мучитъ онъ ее, поддаваясь неодолимому стремленію къ мотовству.

— Ей-Богу, намъ и желать-то нечего,—говоритъ она, не давая дѣтямъ разинуть рта.

Дѣти стоятъ, понуривъ головы.

— Ну, коли не хотите сказать, такъ я самъ выдумаю, почище васъ выдумаю!—говоритъ онъ, посмѣиваясь, и ему сладка эта идиллія. Онъ ходитъ по комнатѣ, мечтаетъ, и улыбка бродитъ по его сухому лицу.—Что, братъ, есть у когонибудь изъ гимназистовъ въ твоемъ классѣ часы?—спрашиваетъ онъ у Кольки.

— У двоихъ есть.

— И настоящіе, ходятъ?

— Ходятъ.

— А поди-ка тебѣ завидно?

Колька молчитъ.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ, завидно ли тебѣ или нѣтъ? Небось, хотѣлъ бы имѣть часы?

— Да,—какъ-то неохотно говоритъ Колька.

— То-то же! Погоди, братъ, и на нашей улицѣ скоро будетъ праздникъ!

Абрамъ Семеновичъ ухмыляется, трепля по плечу сына, и не замѣчаетъ, что его Груша тихонько творитъ крестное

Digitized by Google

знаменіе, опасаясь за умъ своего мужа. «Все промотаетъ!» шепчутъ ея уста.

Праздникъ наступаетъ, золото изобличается въ кражѣ двухъ кухонныхъ полотенецъ, и подарокъ улетаетъ въ область сновъ и мечтаній. Награда, наконецъ, получена, у Люлюшныхъ пиръ, и на Ѳоминой недѣлѣ они берутъ ложу въ Александринскомъ театрѣ. Абрамъ Семеновичъ покуда крѣпится, но онъ уже нахмурился, какъ сентябрьскій вечеръ, а на дворѣ весело, снѣгъ таетъ... О подаркахъ, разумѣется, нѣтъ и помину... Аграфена Степановна, какъ чувствительная надворная совѣтница и примѣрная мать семейства, считаетъ долгомъ проплакаться въ театрѣ и толкнуть подъбокъ Кольку съ возгласомъ: «казнись, разбойникъ, какъ сироты на свѣтѣ бѣдствуютъ!» Абрамъ Семеновичъ скептически замѣчаетъ на это: «все враки! поди-ка, ѣсть было нечего голоштанному, такъ и сочинилъ эту штуку!» Уходя изъ театра, онъ ругаетъ того, кто первый выдумалъ ѣздить въ театръ.

— Нѣтъ, ты не говори этого, Абраша; очень чувствительно Каратыгинъ изображаетъ,—заступается за искусство Аграфена Степановна.

— Заплати-ка, матушка, мнѣ такія деньги, какія ему платятъ, такъ я почище представлю!—сердито возражаетъ Абраша.—А вотъ мы, дураки, сами еще ему деньги носимъ!

Онъ разражается злобнымъ саркастическимъ смѣхомъ надъ человѣческой глупостью. Испуганный этимъ смѣхомъ, встрѣчный прохожій оступается и попадаетъ въ грязную лужу, обрызгивая водою Аграфену Степановну. «Экъ его разобрало!» думаетъ прохожій, выбираясь изъ лужи, и не знаетъ, что въ эту минуту все человѣчество было осмѣяно петербургскимъ чиновникомъ, не знаетъ, что у этого чиновника уже начинаетъ разливаться желчь, и завтра онъ сляжетъ въ постель. А вѣдь все искусство и условія городской жизни виноваты: не будь ихъ, и Абрамъ Семеновичъ мирно докушалъ бы въ этотъ вечеръ убогіе остатки обѣда и еще болѣе мирно подлегъ бы къ своей тучной супругѣ съ тихимъ вопросомъ: «спишь, Груша?» какъ это дѣлалось всегда, по словамъ Кольки, спавшаго въ той же комнатѣ до нашего знакомства съ нимъ... Грустная жизнь, скверная жизнь! И кто васъ спасаетъ, дѣти?..

Такъ идетъ годъ. Вы знаете, сколько въ немъ дней? И каждый-то надо пережить, каждый оставитъ что-нибудь на душѣ... Къ концу года Колька трудится еще прилежнѣе,

Digitized by Google

повторяетъ давно-выученные уроки, выдерживаетъ экзаменъ вторымъ, переходитъ въ слѣдующій классъ, но подарка не получаетъ, числясь неблагонравнымъ ученикомъ.

— Говорила я, что ты разбойникъ, разбойникомъ и остался!—кричитъ Аграфена Степановна на сына; у него на глазахъ навертываются слезы, но онъ не плачетъ, а спѣшитъ уйти въ мою комнату и бормочетъ про себя: «дура, дура старая!..»

— Ты не плачь, Колька,—уговариваю я его.

— Чего мнѣ плакать?—отвѣчаетъ онъ.—Меня только злость разбираетъ. А то чего мнѣ плакать! Не видалъ я ихъ подарка, что ли? Тьфу мнѣ подарокъ. Колька будетъ умнымъ, ученымъ будетъ, хорошимъ ученымъ будетъ.

И опять ночью, лежа въ постели, слышу я его голосъ надъ своимъ ухомъ и открываю полусонные глаза: весь облитый бѣлесоватымъ луннымъ свѣтомъ іюньской ночи, Колька стоитъ въ одной рубашонкѣ у моей кровати и ждетъ, когда я раскрою одѣяло и подвинусь къ стѣнѣ, чтобы дать ему мѣсто лечь со мною. А ночь тихая, ясная, тысячами мерцающихъ звѣздъ глядитъ въ окно, и, какъ легкій паръ, проносятся въ воздухѣ бѣловатыя облака.

— Ахъ, если бы мы были съ тобою въ деревнѣ, Колька!—восклицаю я.

— Всю бы ночь проходили мы съ тобою,—размышляетъ онъ.—На лѣсъ насмотрѣлся бы я, на ту рѣку, что ты видѣлъ... Скучно будетъ мнѣ, когда тебя не будетъ,—шепчетъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Некому будетъ приласкать меня... Я къ тебѣ буду потихоньку въ корпусъ бѣгать, гостинцы буду носить...

— Колька, я не хочу въ корпусъ, я съ тобой хочу жить, говорю я и скрываю на его груди свое лицо, уже блестящее отъ слезъ; онъ цѣлуетъ меня въ голову и тихо утѣшаетъ:

— Мы послѣ будемъ жить вмѣстѣ, когда ты выйдешь изъ корпуса, работать будемъ... Гляди, голубчикъ, сколько звѣздочекъ на небѣ горитъ! Ласково, ласково глядятъ онѣ на насъ, это Богъ радуется, что мы другъ друга любимъ, очень любимъ.

Его голосъ звучитъ неподдѣльнымъ и чистымъ, какъ это небо, восторгомъ...

— Колька, я тебя люблю больше всего на свѣтѣ, больше всего на свѣтѣ люблю!..

Digitized by Google

IX.

Полная совершенно неожиданныхъ событій.

— На прошлой недѣлѣ вашъ отецъ женился за границей на вдовѣ генерала Тохтамышева,—торжественнымъ тономъ объявила тетка мнѣ и сестрѣ.

Это было въ іюнѣ.

Сестра задумчиво опустила голову; я заплакалъ.

— Чего же тутъ плакать?—спросила тетка.—Леля останется жить у меня, ты поступишь въ корпусъ, и перемѣнъ никакихъ не случится.

— Папа разлюбилъ мамашу!—сквозь слезы вымолвилъ я.

— Вотъ нашелъ причину о чемъ плакать!—нетерпѣливо воскликнула старуха.—Разлюбилъ! Просто женился, не жить же ему вѣчно вдовцомъ. Ты чрезвычайно глупъ!

Попотчивавъ меня такимъ комплиментомъ, она, въ видѣ наказанія за мою глупость, заставила меня разматывать шерсть. Эта работа была для меня истиннымъ испытаніемъ, потому что по неизвѣстнымъ причинамъ я не могъ брать въ руки шерсти безъ той нервной дрожи, которую ощущаютъ многіе люди, если при нихъ проведешь ногтемъ по штукатуркѣ или пробкою по стеклу. Съ злостью разматывалъ я шерсть и размышлялъ о будущемъ, о судьбѣ моей сестры и о своей собственной; мачиха представлялась мнѣ какимъ-то звѣремъ, и невольно вспоминались слова Аграфены Степановны о томъ, что мачиха хлѣбъ рѣжетъ и ножомъ грозитъ, что родной матери никто не замѣнитъ. Это, кажется, было первое изреченіе Люлюшиной, съ которымъ я вполнѣ соглашался, не провѣривъ на практикѣ его правды. Прошло еще нѣсколько дней и недѣль, насталъ августъ. Однажды ко мнѣ внезапно, какъ снѣгъ на голову, явился Андрюшка, франтоватый, прилизанный, въ новой ливреѣ. Я ему обрадовался до крайности и встрѣтилъ его, какъ нѣжно-любимаго друга. Его холопское лицо напомнило мнѣ недавнюю по времени, но сильно отдалявшуюся отъ меня, по множеству событій и впечатлѣній, жизнь въ родномъ домѣ, оно напомнило драгоцѣнныя лица любимой матери и Митрича, на глаза невольно навертывались слезы.

— Андрюшка, какъ ты ко мнѣ попалъ!—воскликнулъ я, ласково подбѣгая къ нему.

— Прямо съ неба-съ упалъ!—отвѣтилъ Андрюшка тѣмъ же разухабистымъ тономъ, какимъ онъ отвѣчалъ мнѣ слишкомъ годъ тому назадъ.

Digitized by Google

— Полно! — немного грустно проговорилъ я, видя, что моя радость нисколько не обрадовала его, не пробудила въ его черствомъ сердцѣ никакого чувства. — Садись, разскажи, откуда ты пришелъ?

— Что вы, Павелъ Константинычъ, мы и постоимъ, такъ ногъ не отстоимъ, а вы извольте-ка одѣваться, да къ папенькѣ отправляться.

— Какъ? Папа здѣсь?—спросилъ я.

— Какъ разъ въ самую точку попали! Потому-то меня сюда и прислали, велѣли въ цѣлости и сохранности васъ на домъ представить,—балаганилъ Андрюшка, расплываясь въ словахъ и перекидывая ихъ, какъ дѣти перекидываютъ мячъ съ одной руки на другую.

Я поспѣшно сталъ одѣваться, разспрашивая Андрея объ отцѣ, о мачихѣ, гдѣ они живутъ и какъ? Разумѣется, Андрюшка не отвѣтилъ съ толкомъ ни на одинъ вопросъ и только старался отвѣчать въ рифму; дальнѣйшее до него не касалось.

— Не знаешь ли ты, куда дѣвался Митричъ?—не позабылъ я спросить слугу.

— Въ деревнѣ бабьихъ ребятъ няньчитъ, грудью ихъ кормитъ, да грязныя пеленки стираетъ.

— Давно онъ туда уѣхалъ?

— Да теперь, я думаю, до мѣста доѣхалъ, а вотъ вы, поди-ка, и никогда не доѣдете, если такъ копаться будете.

Дѣйствительно, несмотря на всѣ мои старанія, мое одѣванье не шло; я былъ взволнованъ. Черезъ часъ я мчался въ щегольскомъ экипажѣ съ Андрюшкой на козлахъ. Въ другое время меня заняла бы эта поѣздка, я, вѣрно, развалился бы съ гордымъ видомъ въ коляскѣ, какъ это дѣлаютъ всѣ мальчики, которымъ судьба позволяетъ кататься въ экипажахъ и обдавать грязью или пылью пѣшкомъ плетущихся смертныхъ, но теперь мнѣ было не до того. Моя голова находилась въ какомъ-то чаду, точно все это былъ какой-то глупый и смутный сонъ—и Андрюшка на козлахъ, и экипажъ, и прошлое, и настоящее, и какъ-то страшно было очнуться, чтобы взглянуть въ будущее. Сильно забилось мое сердце, когда я входилъ въ гостиную отцовской квартиры, отцовской, замѣтьте, но не моей; время, обстоятельства, все научило меня отличать его вещи отъ моихъ вещей, его желанія отъ моихъ желаній; мнѣ нужно было полной и горячей любви, онъ требовалъ безотвѣтной, гробовой покорности. Комната была полна посѣтителей, род-

Digitized by Google

ственниковъ отца и мачихи; они всѣ знали о днѣ его пріѣзда, и только я съ сестрой, его дѣти, даже не подозрѣвали, что для него нанималась въ это время квартира, собирались слуги... Войдя въ комнату, я въ смущеніи остановился у дверей, не зная, куда направить шаги; я опустилъ и руки, и голову.

— Ха-ха-ха, какъ онъ растерялся!—весело засмѣялся кто-то.

— Иди сюда, Поль!

Этими словами заставилъ меня очнуться отецъ. Я пошелъ къ нему. Онъ сидѣлъ въ креслѣ около дивана.

— Рекомендую тебѣ моего сына,—сказалъ онъ, цѣлуя меня и обращаясь къ красивой женщинѣ среднихъ лѣтъ, сидѣвшей на диванѣ. Она протянула мнѣ руку, я хотѣлъ ее поцѣловать, но она подняла мою голову и поцѣловала меня въ лобъ.

— Онъ на тебя похожъ,—промолвила она отцу, разсматривая меня, и я узналъ по звуку ея голоса, что при моемъ приходѣ захохотала именно она.

— Кажется,—отвѣтилъ отецъ.

— Только у него глаза черные.

— ... Итакъ, вы думаете, я не правъ, выбирая мѣсто службы именно въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ?—спокойно сказалъ отецъ, продолжая, повидимому, разговоръ, начатый передъ моимъ приходомъ.

— Конечно—да, вы будете скучать въ Москвѣ. Теперь тамъ рѣшительно нѣтъ жизни,—отвѣтилъ господинъ, къ которому обращался отецъ съ вопросомъ.

— А здѣсь, по-вашему, есть жизнь?

— Въ этомъ, вѣроятно, не сомнѣваетесь и вы?

— Не сомнѣваюсь, но просто признаю фактъ отсутствія жизни.

— Здѣсь климатъ убійственный,—вмѣшалась мачиха.

— Жизни нѣтъ здѣсь, какъ и во всей Европѣ,—продолжалъ отецъ, не обративъ вниманія на слова жены.

— Однако, чему же вы припишете измѣненіе событій, движеніе?

— Лицо самаго мертваго изъ покойниковъ перемѣняетъ и цвѣтъ, и форму, перемѣняетъ даже будучи засыпано землей и придавлено надгробнымъ мавзолеемъ,—сурово и холодно говорилъ отецъ.—Тотъ чадъ, который мы выносимъ въ головѣ послѣ шумныхъ споровъ въ собраніяхъ, послѣ глупѣйшихъ мелодрамъ, послѣ длиннѣйшихъ концертовъ геніаль-

Digitized by Google

ныхъ музыкантовъ, скорѣе похожъ на опьянѣніе, чѣмъ на жизнь...

— Положимъ, что вы правы, хотя я и не согласенъ съ вами, но въ Москвѣ ко всему этому прибавляется—какъ неизбѣжный десертъ къ столу—скука.

— Скука, скука! да вѣдь я не зѣваю отъ скуки только во снѣ; впрочемъ, я даже и въ этомъ не вполнѣ увѣренъ.

Господинъ пожалъ плечами и, вѣроятно, подумалъ: «экъ его пробрало въ Европѣ-то!»

— А я вполнѣ увѣрена, что въ Москвѣ мнѣ будетъ даже и не скучно,—произнесла мачиха.—Тамъ живутъ всѣ мои родные, друзья дѣтства... Право, весело.

— Вотъ, видите, какъ различны вкусы!—иронически улыбнулся отецъ.

Обо мнѣ, казалось, всѣ совсѣмъ забыли, а у меня уже затекала одна нога отъ неподвижнаго стоянья и, боясь отца, я не рѣшался уйти. Я исподлобья разсматривалъ гостей и вслушивался съ дѣтскимъ любопытствомъ въ оживленные разговоры. Въ одномъ концѣ небольшой гостиной собралась группа изъ двухъ гвардейцевъ и трехъ барышень; они, должно-быть, не признавали возможности скучать и громко смѣялись, слушая какой-то плачевно-скудоумный анекдотъ, вычитанный, какъ всѣ анекдоты, изъ французскихъ книжицъ. Слушатели, можетъ-быть, сами успѣли прочесть его прежде или просто слышали его отъ того же разсказчика, потому что подсказывали ему впередъ фразы, но, все-таки, имъ было весело, очень весело. Въ другомъ углу разсуждали два старца о чемъ-то весьма важномъ и экстренномъ: старецъ высокій, густоволосый и тощій, державъ за пуговицу старца низенькаго, плѣшиваго и толстаго, вѣроятно, изъ предосторожности, чтобы тотъ скоропостижно не удралъ отъ него, и слышно было, что онъ заставлялъ толстаго непремѣнно поставить себя на мѣсто Гизо, на что толстый никоимъ образомъ не соглашался; такимъ манеромъ разговоръ принялъ очень живое направленіе и дѣлался все громче и громче; этимъ было тоже очень весело. Около отца и мачихи сидѣла тетка и два господина, разсуждавшіе, какъ скучно жить въ Москвѣ, и доказывавшіе, какъ весело въ Петербургѣ. Въ сторонѣ отъ всѣхъ сидѣла моя сестра. Она, подобно мнѣ, прислушивалась къ общему говору и, какъ я узналъ послѣ, поняла весь его смыслъ, тогда какъ я подслушалъ одни безсвязныя слова. Простоявъ довольно долго въ странномъ положеніи статуэтки, поставленной для укра-

Digitized by Google

шенія комнаты, я рѣшился отойти отъ отца и подойти къ сестрѣ. Мы начали вполголоса разговаривать.

— Нравится тебѣ она?—спросилъ я шопотомъ.

— Молчи! услышатъ!

Этимъ окончился нашъ разговоръ о мачихѣ. Время приближалось къ обѣду, т.-е. къ пяти часамъ.

— Папа, мнѣ пора домой, сейчасъ къ намъ учитель придетъ,—сказалъ я на ухо отцу, подойдя къ его креслу.

— Ха-ха-ха, какъ онъ наивенъ, дитя! — по-французски воскликнула мачиха, услышавъ шопотъ.—Ха-ха-ха! — продолжала она смѣяться.

— Ты и безъ того дома. Учитель уже знаетъ, что ты не будешь болѣе у него учиться,—отвѣтилъ отецъ, распоряжавшійся по-военному, какъ говорила Аграфена Степановна.

— А Колька какъ же?—воскликнулъ я.

— Какой Колька?—спросилъ отецъ.

— Мой Колька! Мы всегда обѣщались жить вмѣстѣ.

— Это что за нѣжности? какъ ты обабился, братъ!—недовольнымъ тономъ замѣтилъ отецъ.

Мои губы начали дрожать, это не ускользнуло отъ отцовскаго вниманія.

— Ты не вздумай заревѣть!—сурово прошепталъ онъ мнѣ. Я склонилъ голову и отошелъ отъ него.

Гости, между тѣмъ, почти всѣ разъѣхались, кромѣ тетки и одного старика, дяди мачихи, котораго ни я, ни сестра не замѣтили прежде, осматривая комнату и находившихся въ ней гостей. Онъ сидѣлъ совсѣмъ одинъ между окномъ и отворенною дверью, ведущею въ столовую, и сладко дремалъ въ этой импровизированной кельѣ, страшно тараща свои красноватые глаза съ вѣками безъ рѣсницъ, его лицо было синевато-блѣдное, сухое и морщинистое, около щекъ и ушей висѣли прямые сѣдые волосы, словно смоченные водой и прилипшіе къ кожѣ; тѣла у него не было. Этотъ господинъ былъ до крайности похожъ на закоченѣвшаго въ водѣ утопленника. Я бы и не замѣтилъ его, но когда мы пошли обѣдать, то я увидалъ его тощія ноги, высунувшіяся изъ-за открытой половинки дверей. Я заглянулъ на него, онъ даже не сморгнулъ глазами, тараща ихъ попрежнему: я поспѣшилъ удалиться.

— Проси дядю къ столу,—сказалъ мнѣ отецъ и указалъ глазами по направленію, гдѣ сидѣлъ старикъ.

Пожалуйте обѣдать,—какъ-то боязливо произнесъ я.

Digitized by Google

Старикъ попрежнему таращилъ глаза и не шевелился. Я еще боязливѣе повторилъ свое приглашеніе и рѣшился дотронуться до его руки, она была холодна, мнѣ показалось, что онъ умеръ.

— Пфа!..—встряхнувшись всѣмъ существомъ, произнесъ онъ.—Кто ты такой?

Я объяснилъ, кто я.

— Сколько лѣтъ?

Я объяснилъ и это.

— Что тебѣ надо?

Послѣдовало еще объясненіе.

— Пфа!.. Я и не видалъ, какъ время до обѣда пролетѣло.

Довольный тѣмъ, что время летитъ такъ быстро и незамѣтно, онъ еще разъ повторилъ: «пфа!»—какъ-то нервически вздрогнулъ и потащилъ свои ноги къ обѣденному столу. Самъ не знаю почему, я все время обѣда сидѣлъ съ потупленными глазами, и меня очень безпокоили прилипшіе къ кожѣ волосы старика, напоминавшіе волосы утопленника.

— А что ты думаешь насчетъ Лели?—спросила тетка у отца.

— То-есть какъ это что я думаю?—переспросилъ отецъ.

— Оставишь ее у меня?

— Нѣтъ, она поѣдетъ съ нами въ Москву.

— Зачѣмъ же?

— Странный вопросъ! не жить же ей въ чужомъ домѣ, когда есть свой.

— Но, другъ мой, во-первыхъ, для чего тебѣ обременять себя заботами о ней, у тебя и безъ того найдется ихъ много; во-вторыхъ, здѣсь она можетъ сдѣлать выгоднѣйшую партію, наконецъ, я такъ къ ней привыкла...

— Эти послѣднія слова звучали какою-то тихою просьбою, на лицѣ старухи не было и слѣда обычной ядовитой усмѣшки, и все оно приняло человѣчное выраженіе, сквозившее даже изъ-подъ бѣлилъ и румянъ.

— Это невозможно!—отрѣзалъ отецъ.

— И мнѣ будетъ пріятнѣе, если Леля будетъ жить у насъ,—прибавила мачиха.

— У васъ будутъ свои дѣти.

— Ха-ха-ха! я объ этомъ еще и не думала!—сострила мачиха.

— Но если?..

Digitized by Google

— Они нисколько не помѣшаютъ ни Лелѣ, ни мнѣ любить и заботиться другъ о другѣ.

— Но какъ же я-то одна останусь?—вдругъ воскликнула тетка, и въ этихъ словахъ послышались звуки неподдѣльнаго ужаса.

— Жили же вы прежде одни?—отвѣтилъ отецъ, пожавъ плечами.

— Жи-ла!—съ разстановкой и протяжно произнесла старуха и затрясла головой силыѣй обыкновеннаго.

Теперь для нея была невыносимо мысль опять жить одной... Разумѣется, невыносимое вынеслось,.. жизнь еще глуше, еще скучнѣе потянулась въ ея домѣ.

А утопленникъ сидѣлъ попрежнему, чавкая беззубыми деснами мягкую пищу, при чемъ издавались такіе звуки, какіе можно произвести, если сложить накрестъ двѣ потныя ладони и тихонько разжимать и сжимать ихъ снова. Съ нимъ никто не говорилъ, и это еще болѣе убѣждало меня, что онъ существо не отъ міра сего. Часовъ въ девять отпили чай, онъ услышалъ бой часовъ.

— Пфа!.. Часы!..—вздрогнувъ всѣмъ своимъ существомъ, произнесъ онъ и закопошился въ креслѣ, словно отдирая себя отъ него.

— Домой ѣдете, дядя?—спросила мачиха.

— Пфа!.. Пора!.. Совсѣмъ не видалъ, какъ пролетѣло время... Завтра въ совѣтъ... Пфа!..

Утопленникъ вздрогнулъ снова и, присѣдая, потащилъ за собою разбитыя ноги съ подогнутыми и закоченѣвшими въ этомъ положеніи колѣнями.

И навсегда исчезла передо мной еще одна тѣнь одного изъ китайскихъ кумировъ въ обширной области тѣней, гдѣ никто не замѣчаетъ, какъ летитъ время, потому что тамъ нѣтъ ни времени, ни страстей, ни переворотовъ.

Съ тоскливыми думами легъ я спать, легъ одинъ, безъ своего Кольки, и долго-долго думалъ о немъ, что-то онъ дѣлаетъ, не прибила ли его Аграфена Степановна, раздраженная уменьшеніемъ жизненныхъ средствъ по случаю прекращенія моего пребыванія въ ея домѣ. Во снѣ мнѣ снилось, что утопленникъ поймалъ костлявыми руками Кольку за волосы и держитъ его въ воздухѣ, спрашивая: «Пфа! кто ты такой? Пфа!.. Сколько тебѣ лѣтъ? Какъ ты смѣешь называться Колькой? Пфа!..» И рука утопленника вытягивается, его пальцы уже не держатъ Кольку за волосы, обвиваются, какъ веревки, вокругъ его шеи, и Колька ви-

Digitized by Google

сить въ воздухѣ... Въ ужасѣ просыпаюсь я: въ комнатѣ пусто, темно и могильно-тихо, даже нѣтъ въ ней часовъ и потому не слышно равномѣрныхъ ударовъ маятника. «Извозчикъ!» пронзительнымъ голосомъ крикнулъ кто-то на улицѣ и огласилъ воздухъ сотнями пьяныхъ проклятій и омерзительной брани. Дрожа и кутаясь въ одѣяло, я засыпаю снова, и снова снится мнѣ, что Колька стоитъ передо мною, весело смѣется и ласкаетъ меня, у него на шеѣ едва виднѣется синеватая полоса, надавленная пальцами утопленника; я цѣлую это больное мѣсто, горячо цѣлую, а Колька смѣется такъ бойко, такъ весело, точно ему не было больно... Я просыпаюсь опять: въ комнатѣ свѣтло, Андрюшка со своей холопски-широкой улыбкой стоитъ передо мною и поталкиваетъ меня.

— Оттуда гимназистишка пришелъ,—говоритъ онъ, указывая своими масляными глазами—откуда.

Я соскакиваю съ постели и бросаюсь навстрѣчу Колькѣ, входящему въ комнату.

— Колька, голубчикъ, я тебя сейчасъ во снѣ видѣлъ!—кричу я, цѣлуя его.—Какъ ты сюда попалъ?

— Вчера еще узналъ у лакея твоей тетки, гдѣ ты живешь,—прерывающимся отъ ходьбы голосомъ отвѣчаетъ онъ.—Прибѣжалъ—больше, пожалуй, не увидимся.

— А какъ же, вѣдь ты опоздаешь въ гимназію?—очнувшись, спрашиваю я его.

— Ничего! скажу, что проспалъ. Только часъ лишній продержатъ. Мнѣ ничего. Мнѣ тебя еще разочекъ хотѣлось увидать.

Андрюшка чему-то глупо, невообразимо-глупо ухмыляется.

— Вы хоть бы панталончики надѣли,—говоритъ онъ:—а то папаша, пожалуй, придутъ-съ, да и со стороны-то не хорошо-съ.

Мы хохочемъ съ Колькой и еще слишкомъ часъ не можемъ наговориться другъ съ другомъ.

Это было послѣднее наше свиданіе въ дѣтствѣ; черезъ годъ мы встрѣтились снова, но мы были уже не дѣтьми, хотя, повидимому, ничего не измѣнилось, и выросли мы немного, и стали не слишкомъ опытнѣе и умнѣе прежняго; но въ этотъ годъ передъ нами прошло больше новыхъ лицъ и событій, испыталось больше скуки и горя, и были мы поставлены въ необходимость жить своимъ умомъ... Объ этомъ послѣ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого свиданія начались сборы

Digitized by Google

въ Москву. Тетка уже привыкла къ одинокой жизни, еще по ошибкѣ называла иногда Лелей свою горничную, но отучалась и отъ этого. Опять улыбалась она язвительно и, примирившись съ падшимъ Лун-Филиппомъ, дулась на Ламартина, говоря, что она не предполагала, чтобы онъ-то былъ такимъ человѣкомъ, поэтъ-то! Мачиха ласково обходилась съ нами, постоянно громко смѣялась неизвѣстно чему и удивлялась, что отецъ скучаетъ и ругаетъ жизнь, или, лучше сказать, совершенно не признаетъ существованія жизни. Мы съ сестрой безъ боязни смотрѣли впередъ, не ожидая ни особенныхъ притѣсненій, ни особенныхъ невзгодъ. Мачиха была неспособна на роль тирана и преслѣдователя.

— Трогай! чего заснулъ!—кричитъ Андрюшка, до поту лица набѣгавшись около экипажа и докричавшись до сипоты.

Онъ ничего не дѣлалъ, но усталъ больше всѣхъ. Ямщикъ стегаетъ лошадей, и мы несемся изъ Петербурга. Передъ нами мелькаютъ вымазанные грязно-сѣрой и розовой краской дома, желтыя больничныя зданія, бѣлыя церкви; снуютъ озабоченные пѣшеходы, шлепающіе по грязи, оттаптывающіе свои ноги ради дневного пропитанія, мозолящіе языки, чтобы не разучиться говорить и безъ всякой другой цѣли; на Обуховскомъ проспектѣ баба, похожая на громадный узелъ стараго тряпья, поплевываетъ на гнилыя яблоки и обтираетъ ихъ грязной тряпкой, выуженной изъ какой-нибудь помойной ямы петербургскимъ тряпичникомъ; напротивъ Технологическаго института сладко дремлетъ саечникъ у своего лотка, раскрывъ ротъ и подложивъ между стѣной дома и своей головой замасленную, какъ пирогъ, такую же теплую и толстую ватную фуражку; ему, вѣрно, грезится богатая выручка, а можетъ-быть, снится жена и едва умѣющія лепетать дѣти, покинутыя имъ въ деревнѣ... И все заканчивается видиѣющимися вдали крестами Митрофаньевскаго кладбища...

Мы перекрестились.

X.

Странности новыхъ знакомыхъ и жизнь въ родительскомъ домѣ.

Тотчасъ, по пріѣздѣ въ Москву, отецъ вступилъ въ гражданскую службу и занялъ мѣсто довольно видное, хлопотъ о немъ было немного, потому что Шуповы рѣдко по-

Digitized by Google

лучали отказы на свои просьбы. Такъ какъ у насъ не было въ Москвѣ собственаго дома, то пришлось нанимать квартиру. Она была отдѣлана съ тою же изысканною роскошью, какою блестѣли когда-то наши петербургскія хоромы. У отца было много знакомыхъ въ Москвѣ, у мачихи еще больше, и, такимъ образомъ, шумная жизнь началась снова въ нашемъ семействѣ. Мачиху я не любилъ, считая ее похитительницею мужа моей матери. Я зналъ, что матушка никогда не воскреснетъ, но права на любовь и на всякую память удерживалъ за ней; мнѣ хотѣлось, чтобы ея стулъ за семейнымъ столомъ оставался пустымъ и возвѣщалъ всѣмъ, что одинъ изъ главныхъ членовъ семьи отсутствуетъ, и что никто не смѣетъ самовластно занять этого почетнаго мѣста матери. Впрочемъ, не я одинъ, а всѣ дѣти вообще смотрятъ такъ на покойниковъ, еще не зная житейской и юридической истины, что со смертью человѣка погасаютъ всѣ его права. Какова же была похитительница правъ моей матери?

Я чрезвычайно затрудняюсь описаніемъ ея характера, потому что его не было совершенно, или, если онъ и былъ, то былъ до крайности мелокъ, неуловимъ, ускользающъ, какъ тѣ мошки, которыя вьются надъ нами въ жаркіе лѣтніе дни, сверкая пылью въ яркихъ лучахъ солнца. Онѣ безвредны, или, лучше сказать, не могутъ хотѣть вредить, но при нихъ нужно закрывать и ротъ, и глаза, не видѣть и не говорить, чтобы не проглотить десятокъ этихъ невинныхъ созданій и не почувствовать боли въ глазу или тошноты. Такихъ мошекъ и такихъ характеровъ тьма-тьмущая; съ помощью микроскопа ихъ можно разглядѣть, и я рѣшаюсь на это. Мачиху можно бы назвать страшною женщиною, если бы въ такъ-называемомъ свѣтѣ могли существовать странные люди и странныя вещи; но въ немъ положительно все обыкновенно, а не странно, и истинно-свѣтскій человѣкъ давно пересталъ удивляться чему бы то ни было — и мадоннѣ Рафаэля, и попойкѣ съ камеліями. Если бы передъ нимъ кто-нибудь вздумалъ, ни съ того, ни съ сего, перекувырнуться и пропѣть: «кукареку!» — онъ спокойно закурилъ бы сигару и сказалъ бы: «ловко!» и даже не освѣдомился бы, у кого бралъ кувыркающійся господинъ уроки въ этомъ искусствѣ. Итакъ, мачиха не была странною женщиною. Она была не зла и не добра, помогала охотно бѣднымъ, когда они приходили съ рекомендательными письмами отъ важныхъ лицъ, дающихъ часто вмѣсто по-

Digitized by Google

данія эти письма, что обходится гораздо дешевле, и безъ заботно опрокидывала экипажемъ дряхлаго бѣдняка, не успѣвшаго посторониться отъ ея лошадей. Слугъ она не притѣсняла, позволяла имъ воровать, отдавала имъ свои обноски и въ то же время не вступалась за нихъ передъ отцомъ, не обращала вниманія на ихъ жизнь, даже едва ли обращала вниманіе на ихъ лица, судя по тому, что она долго звала новаго лакея Андреемъ, не замѣчая, что это вовсе не Андрей, а Павелъ, и когда Андрей выздоровѣлъ, то еще съ недѣлю звала его Павломъ, не замѣчая, что это не Павелъ, и очень смѣялась, когда ей объяснили ошибку. Съ искреннимъ отвращеніемъ и нѣкоторою брезгливостью смотрѣла она на развратныхъ женщинъ, отца любила спокойною и ровною любовью, вполнѣ согласовавшеюся съ ея далеко не страстною и не кипучею натурою, но все это не помѣшало ей, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву, тѣсно сблизиться съ какимъ-то Александромъ Иванычемъ Хвостовымъ, неизмѣннымъ членомъ всѣхъ московскихъ баловъ, всѣхъ лихихъ попоекъ молодежи и всѣхъ собраній мудрыхъ старичковъ, гдѣ обсуждаются важнѣйшіе вопросы политики и науки. Александръ Ивановичъ — его звали всѣ по имени и многіе даже не знали его фамиліи — поспѣвалъ вездѣ, увозилъ отвсюду цѣлый коробъ новостей и поставлялъ ихъ желающимъ за плату натурою, т. е. за обѣдъ, ужинъ, чай и т. д. Это былъ своего рода тряпичникъ. Онъ служилъ гдѣ-то у кого-то какимъ-то чиновникомъ по особымъ порученіямъ. Это дало поводъ остроумнымъ московскимъ барынямъ называть его Александромъ Иванычемъ по особымъ порученіямъ, что, въ свою очередь, дало поводъ ему повторять, кстати и некстати, эту остроту беззубой тупости, и, такимъ образомъ, вызывать постоянно смѣхъ, отзывавшійся чѣмъ-то скучнымъ и жалкимъ, потому что вся честная компанія дошла до того одурѣнія и апатіи, что ей было не надъ чѣмъ даже смѣяться. Свѣтъ, подобно мнѣ, не находилъ въ мачихѣ ни одной ни положительной, ни отрицательной характерной черты, и потому очень любилъ ее, и въ видѣ награды, какъ знакъ отличія отъ другихъ безполезныхъ, далъ ей названіе веселой женщины. Награждая ее этимъ прилагательнымъ, онъ очень хорошо зналъ, что она не была и веселою: она искала случая потанцовать, похохотать, повеселиться, изъ чего и можно заключить, что въ сущности ей было даже и не весело, иначе ей было бы не зачѣмъ искать случая повеселиться. Кто веселъ отъ природы или отъ постоянныхъ

Digitized by Google

удачъ, тотъ веселъ всегда; читая скучнѣйшую книгу, онъ хохочетъ, представляя себѣ, какую зѣвоту наводитъ на всѣхъ ея авторъ; видя чужія слезы, онъ какъ-то бодро-добродушно утѣшаетъ плачущаго и, приходя домой, весело потираетъ руки, радуясь, что у него нѣтъ такой причины для слезъ. Но это характеръ, а у мачихи, какъ я сказалъ, не было характера, зато ее и любили. Итакъ, она искала случая придраться къ веселью, а Александръ Иванычъ искалъ случая придраться къ намеку на даровой обѣдъ или ужинъ, гдѣ онъ тихонько пряталъ въ карманъ конфеты и даже не брезгалъ пирожками, и умѣлъ развеселить собесѣдниковъ, какъ никто другой. Они неизбѣжно должны были сдѣлаться друзьями. Ходили слухи, что они были дружны и прежде, еще при жизни генерала Тохтамышева, но московскіе слухи—это Дюма-отецъ, описывающій Россію. Отца нисколько не встревожили ни эти слухи, ни эта дружба, и онъ очень усердно сталъ посѣщать Марью Васильевну Сушилову, любезнѣйшую изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ на Руси женщинъ. Она отлично говорила по-французски, лучше всѣхъ нашихъ барынь, знала всѣ простонародныя парижскія выраженія, точно сама торговала рыбой на парижскихъ рынкахъ, и подъ смычокъ Мюзара плясала канканъ визави съ королевою Помаре; еще лучше управляла она лошадьми, точно провела дѣтство подъ надзоромъ русскаго ухаря-ямщика; она прочла всѣ романы Жоржъ Занда и читала даже Руссо, сама написала днѣ-три повѣсти, два-три стихотворенія по-русски и, заручившись всѣмъ этимъ, собрала около себя кружокъ умной и ученой молодежи, злила свѣтъ, сдѣлавшись характерною личностью, и гордо носила свою хорошенькую головку по разнымъ гостинымъ, съ улыбкой поглядывая на длинный хвостъ, состоявшій изъ ея поклонниковъ; все это нисколько не мѣшало ей брать непомѣрные оброки съ деревни, бить башмакомъ свою горничную и, лежа въ милой позѣ съ папиросой, въ кругу молодежи, съ довольно подозрительнымъ восторгомъ говорить про моего отца: «Я его люблю, въ немъ есть что-то дикое, онъ пахнетъ варваромъ!» По-французски эта фраза выходила шикарнѣе и душистѣе, чѣмъ по-русски.

Такимъ образомъ, всѣ остались довольны, и въ нашемъ домѣ все шло, какъ нельзя лучше. Пріѣзжая домой, отецъ спокойно спрашивалъ у лакея:

— Барыня дома?

— У себя-съ.

Digitized by Google

— Одна?

— Никакъ нѣтъ-съ, у нихъ Александръ Ивановичъ Хвостовъ.

— А-а!

Съ этими словами отецъ проходилъ на свою половину. Мачиха часто предлагала слугѣ такіе же вопросы.

— Баринъ дома?

— Никакъ нѣтъ-съ, уѣхали.

— Не знаешь, куда?

— Къ Марьѣ Васильевнѣ Сушиловой.

— Скажи ему, когда пріѣдетъ, что я прошу его къ себѣ.

Баринъ пріѣзжалъ, лакей докладывалъ о томъ, что, молъ, барыня проситъ васъ къ себѣ. Супруги ласково встрѣчались, обсуживали вопросы: ѣхать или не ѣхать на такой-то званый вечеръ къ такому-то знакомому барину, и какое платье лучше сдѣлать для этого вечера, такъ какъ два раза въ одномъ и томъ же нарядѣ выѣзжать на вечера въ свѣтѣ не полагается. На третій день, послѣ домашняго совѣта, супруги вмѣстѣ ѣхали на балъ, на мачихѣ красовались золотые колосья и чудные батистовые васильки, эмблемы сельской жизни и невинности; качаясь при малѣйшемъ ея движеніи, они словно что-то шептали другъ другу и напоминали о другихъ колосьяхъ и другихъ васильках, которыхъ требуется много-множество, чтобы окупить каждый изъ нихъ. На балу отецъ радушно жалъ руку Александру Ивановичу, мачиха разсыпалась въ любезностяхъ передъ Марьей Васильевной и громко смѣялась.

Весело, незлобиво, простодушно!..

Устроивъ, такимъ образомъ, къ взаимному удовольствію, свою жизнь, старшіе не могли не позаботиться и о младшихъ. Такая заботливость о судьбѣ младшихъ совершенно согласна съ нашимъ славянскимъ добродушіемъ... Вопросъ о воспитаніи меня и сестры занялъ отца и мачиху на нѣсколько дней въ первые дни московской жизни. Отецъ хотѣлъ взять гувернантку.

— Нѣтъ, мой другъ, — отрѣзала мачиха: — я не люблю подсматривающихъ глазъ въ моемъ домѣ, и сверхъ того, всѣ онѣ скверныя поводонія. Да и Леля, кажется, все знаетъ, зачѣмъ же ей гувернантка, ее пора вывозить въ свѣтъ.

— Нечего торопиться! Надо прежде по-русски писать ее выучить, — отрѣзалъ отецъ.

Digitized by Google

— Такъ возьми учителя на время, онъ же можетъ учить и Поля до его поступленія въ корпусъ.

— Чортъ знаетъ, какой попадетъ! Развѣ посовѣтоваться съ Марьей Васильевной?

— Вотъ и прекрасно, у нея тамъ вся ученость собирается.

Совѣтъ окончился. Марья Васильевна предложила въ учителя молодого магистра московскаго университета.

— Не молодъ ли онъ? — спросилъ съ сомнѣніемъ отецъ.

— Я боюсь, не старъ ли онъ, не сухъ ли для вашей дочери,—отвѣтила Марья Васильевна.

— Однако, ему двадцать-восемь лѣтъ, по вашимъ словамъ?

— Мужчинѣ столько лѣтъ, сколько пережила его мысль.

— А женщинѣ столько, сколько показываетъ ея лицо?— шутилъ отецъ. — И потому я даю вамъ восемнадцать лѣтъ.

— Да развѣ я женщина? Я просто мальчишка,—говорила, откинувъ назадъ свои локоны и засмѣявшись, Марья Васильевна.

— Ганимедъ?—спросилъ отецъ.

— А вамъ хотѣлось бы быть Юпитеромъ?

Этотъ интересный разговоръ длился долго и рѣшилъ нашу участь, хотя именно о насъ-то въ немъ почти не упоминалось. Юпитеръ гораздо больше заботился о добромъ расположеніи своего Ганимеда, чѣмъ о судьбѣ своихъ дѣтей, хотя Ганимедъ и безъ того былъ постоянно готовъ къ его услугамъ.

Такимъ образомъ, я и сестра попали подъ вліяніе новой личности. Мнѣ было не новостью заниматься подъ надзоромъ мужчины, но сестра сильно конфузилась на первыхъ порахъ и требовала, чтобы мачиха присутствовала въ классной комнатѣ во время уроковъ. Сначала мачиха исполняла это требованіе, сидѣла въ нашей комнатѣ съ романомъ въ рукахъ на диванѣ и, конечно, ничего не слыхала и не видала изъ происходившаго въ комнатѣ, но скоро и эта нетрудная роль ей наскучила. Она объявила отцу, что наблюдать рѣшительно не зачѣмъ, что учитель серьезенъ, и сверхъ того и безъ ея присутствія онъ не останется tête-à-tête съ сестрою, будетъ стѣсненъ третьимъ лицомъ, т. е. мною. И этотъ вопросъ былъ порѣшенъ; я, ничего не зная, принялъ роль пугала, какія ставятся въ огородахъ, на страхъ вороватымъ воробьямъ и другой мелкой птицы. Но часто мелкая птица присматривается къ пугалу, неподвижно распро-

Digitized by Google

стершему въ воздухѣ свои деревянныя руки, начинаетъ съ воровской боязливостью облетать его и въ отдаленіи пощипывать зелень, потомъ, мало-по-малу, дѣлается смѣлѣе, кружится все ближе и ближе къ нему, и, наконецъ, усѣвшись на мохнатую шапку чучела, съ торжествомъ чиститъ на головѣ своего врага перья утомленныхъ летаньемъ крылышекъ, а пугало все попрежнему таращитъ деревянныя руки, ничего не подозрѣвая и не видя.

Семенъ Иванычъ Похвистневъ — такъ звали учителя — принадлежалъ къ кружку той молодежи сороковыхъ годовъ, которая съ жадностью слушала каждое слово своихъ учителей — Бѣлинскаго и его друзей. Она была связана съ тѣмъ или съ другимъ изъ этихъ учителей узами дружбы, и потому читала не только одни напечатанные клочки теорій и идей, но читала и самыя теоріи и идеи, зная, что заключается между строками печатныхъ статей. Она принадлежала по большей части къ дворянству, уже бѣднѣвшему, но еще не обнищавшему, и потому имѣла доступъ во всѣ лучшія гостиныя; тамъ она развивала идеи учителей, разносила и популяризировала ихъ въ обществѣ, которое ей еще не опротивѣло, отъ котораго она еще ждала чего-то и не успѣла затвориться въ свой кабинетъ и замолкнуть на долгіе годы. Похвистневъ попалъ въ нашъ домъ именно въ то время, когда случился поворотъ въ жизни этой молодежи: она уже потеряла бо́льшую часть своихъ представителей, сошедшихъ въ могилу, и носила на себѣ печать озлобленья и безнадежной грусти, которымъ суждено было въ будущемъ расти все сильнѣе и сильнѣе. Нашъ учитель еще попрежнему посѣщалъ общество, еще говорилъ смѣлыя рѣчи даже у госпожи Сушиловой, какъ будто тамъ можно было кого-нибудь развить, что-нибудь сдѣлать; но это онъ только напускалъ на себя храбрость и иногда среди жаркаго разговора вдругъ бросалъ въ лицо собесѣдниковъ какую-нибудь злую насмѣшку и умолкалъ. Сушилову это приводило въ восторгъ, ея чуткій носъ почуялъ и тутъ запахъ варварства, и она заарканила этого варвара. Нѣсколько времени они вмѣстѣ наслаждались жизнью и кутили въ полномъ смыслѣ этого слова, и на тройкѣ ѣздили, и цыганъ слушали, и дома плясали на шумномъ балу. Черезъ мѣсяцъ юноша сказалъ ей:

— Теперь довольно, Марья Васильевна; у меня работы слишкомъ много, такъ навряд можно ли будетъ каждый день къ вамъ бѣгать.

— Ты, Симонъ, не понимаешь любви!

Digitized by Google

— Ну, съ вами-то объ этомъ предметѣ можно и не разсуждать. Я думаю, вѣдь и вамъ я-таки пріѣлся?

Марья Васильевна поглядѣла на него и захохотала своимъ безпечнымъ дѣтскимъ смѣхомъ.

— Значитъ, теперь по четвергамъ будешь являться? — спросила она.

— Значитъ, что такъ.

Такъ окончился его недолговременный романъ съ Марьей Васильевной; тутъ не было увлеченія, онъ трезво смотрѣлъ на барыню; но въ это время онъ переживалъ самые тяжелые дни своей жизни и чувствовалъ потребность забыться на мигъ, ему нужно было опьянѣть на-время, чтобы не сдѣлаться пьяницей навсегда, какъ это сдѣлалось со многими другими; нужно было найти способъ бодрѣе пережить невзгоды. Другого лучшаго исхода, чѣмъ связь съ Сушиловой, не было; онъ былъ уже почти одинокимъ изъ своего кружка и сознавалъ шаткость своего положенія. Его нервы были раздражены, и онъ только крѣпился покуда, представляя изъ себя непобѣжденнаго бойца, въ сущности же онъ былъ побѣжденъ, не могъ быть не побѣжденъ, и началъ искать покоя, новой жизни, новой дѣятельности. Въ такомъ неестественномъ тревожномъ состояніи встрѣтился онъ съ нами. Со мной онъ проходилъ тѣ же предметы, которымъ я учился у Алексѣя Васильича Филиппова. На меня онъ не могъ имѣть никакого вліянія по очень простой причинѣ: онъ не умѣлъ говорить со мною, несмотря на свою доброту. У насъ, по извѣстнымъ историческимъ обстоятельствамъ, открылись университеты и академіи наукъ тогда, когда еще не существовало элементарныхъ школъ; по тѣмъ же обстоятельствамъ у насъ явилось много людей, способныхъ развивать глубокія идеи нѣмецкихъ мыслителей и не знавшихъ основательно азбуки наукъ, не имѣвшихъ возможности быть дѣльными практиками-учителями для дѣтей. Юноши умѣли философствовать, но не умѣли составить ни одного самостоятельнаго учебника, и дѣти до сихъ поръ ждутъ наставниковъ и воспитателей. Это можно бы назвать парадоксомъ, если бы дѣло не было ясно всѣмъ и не бывшимъ въ семинаріи, если бы вслѣдствіе его, будучи, повидимому, вполнѣ развитыми, мы не оказывались совершенно несостоятельными въ практической дѣятельности, не терпѣли въ ней постоянныхъ пораженій отъ менѣе развитыхъ, отсталыхъ и иногда безчестныхъ людей-дѣльцовъ. Таковъ былъ и Семенъ Иванычъ, ему нужны были взрослые ученики, а не дѣти. Съ

Digitized by Google

сестрой онъ занимался русскимъ языкомъ и исторіей литературы и заставлялъ сестру писать разборы лучшихъ русскихъ произведеній. Они смотрѣли другъ на друга церемонно, находились въ неловкомъ положеніи; ученица была слишкомъ велика, учитель слишкомъ молодъ. Внервые сблизилъ ихъ простой случай. Это было въ январѣ, т. е. черезъ четыре мѣсяца послѣ нашего знакомства. У насъ былъ вечеръ, на который пригласили и учителя. Какой-нибудь бѣднякъ, бѣгающій изъ-за хлѣба на уроки, не попалъ бы на вечеръ, а этотъ имѣлъ кое-какое состояніе, былъ дворянинъ, хорошо образованъ и пользовался покровительствомъ Маріи Васильевны, а слѣдовательно и благосклоннымъ вниманіемъ отца. Сестра не выѣзжала по волѣ на вечера къ знакомымъ, но присутствовала на домашнихъ. Она, по обыкновенію, была грустна и неразговорчива, глядѣла исподлобья, дикаркой. Въ одномъ изъ кадрилей ей пришлось танцовать съ учителемъ. Онъ былъ особенно въ ударѣ и далъ волю своему языку, рисовалъ передъ ученицей портреты гостей. Въ его рѣчахъ были мѣткость и ядовитость, двѣ-три черты освѣщали отвратительнымъ свѣтомъ каждаго изъ пляшущихъ и болтающихъ господъ.

— Вы напрасно трудитесь и тратите свое остроуміе,— замѣтила ему сестра.—Ихъ портреты давно написаны Грибоѣдовымъ, и развѣ одной Сунѣловой недостаетъ въ его коллекціи. Она ждетъ своего портретиста.

— Вы, кажется, не любите Сунѣлову?

— Я никого не люблю.

— Ну, это совсѣмъ плохо. Въ наказаніе вы должны къ слѣдующему уроку разобрать «Горе отъ ума», такъ какъ оно подало поводъ къ произнесенію грѣшной фразы.

Сестра улыбнулась и передернула плечами.

— Я не шучу!—смѣясь, промолвилъ Семенъ Ивановичъ.

На слѣдующій урокъ сестра подала ему разборъ комедіи состоящій изъ слѣдующаго лаконическаго приговора: «Всѣ дѣйствующія лица комедіи глупы, а Чацкій глупѣе ихъ всѣхъ».

— Коротко и ясно,— разсмѣялся Похвистневъ.—Но вы, Елена Константиновна, осудили ихъ очень опрометчиво. Фамусовъ, напримѣръ, совсѣмъ не дуракъ, и, можетъ-быть, былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ дѣльцовъ въ своемъ родѣ.

— Объ этомъ не говоритъ комедія,—отвѣтила сестра.— Я думаю, каждый глупецъ въ чемъ-нибудь можетъ быть уменъ, но умнымъ его все же нельзя назвать. Умный дол-

Digitized by Google

женъ быть вездѣ уменъ. А Фамусовъ такъ глупо воспиталъ свою дочь, что самъ вызвалъ для себя извѣстную трагическую развязку, при которой онъ восклицаетъ: «Что будетъ говорить княгиня Марья Алексѣвна!»

— Значитъ, по-вашему, онъ долженъ былъ сдѣлать изъ своей дочери вѣрный слѣпокъ съ самого себя?

— Да, если бы онъ былъ уменъ. Каждый долженъ воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы они пошли непремѣнно по его дорогѣ.

— То-есть, разбойникъ долженъ воспитать разбойниковъ, подлецъ—подлецовъ?

— Непремѣнно, если ихъ умъ сознаетъ дѣльность ихъ собственнаго дѣла. Иначе для чего же разбойничать и подличать, вѣдь дѣти могутъ уничтожить слѣды отцовскаго дѣла? Тогда игра не стоитъ свѣчъ?

— Бѣда, если бы вашу мысль привели въ исполненіе, — шутливо промолвилъ учитель.—Тогда все доброе погибло бы и настало царство подлецовъ, мошенниковъ и другихъ первобытныхъ людей.

— Не страшно! Они слишкомъ глупы и не сумѣютъ этого сдѣлать. Я въ этомъ увѣрилась по своимъ книгамъ... Но вы сказали «первобытныхъ людей», означая этимъ что-то гадкое... Развѣ человѣкъ гадокъ по природѣ?

— Да, онъ грубый, непрактическій эгоистъ въ дикомъ состояніи, не практичнѣе звѣря. Волкъ не пожираетъ волка и только во время голода отнимаетъ у него добычу, а первобытный человѣкъ и добычу отниметъ у своего собрата, и позавтракаетъ имъ самимъ. Ангеломъ-то его только поэтики представляютъ, ничего не читавшіе, ни о чемъ серьезно не думавшіе и своимъ умомъ доходящіе до сотворенія міра, какъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Ревизорѣ».

— Я этого не предполагала, — задумчиво промолвила сестра.

— Ну-съ, а Чацкій-то почему глупъ? Не потому ли, что проповѣдуетъ передъ Фамусовыми? Но я васъ предупреждаю, это сказано прежде васъ.

— Нѣтъ! а потому, что онъ не умѣетъ работать, дѣла дѣлать.

— Вы, Елена Константиновна, еще не знаете, какъ бываетъ иногда трудно дѣлать дѣло: есть промежутки времени, когда положительно можно только разглагольствовать въ родѣ Чацкаго. Это очень грустно, но вполнѣ вѣрно. Переходными эпохами называютъ такіе поганые промс-

Digitized by Google

жутки,—съ грустной иронiей произнесъ Семенъ Ивановичъ.

— Теперь такое время?

— Да.

— Зачѣмъ же вы даете уроки, а не ограничиваетесь разговорами у Сушиловой?

Учитель на минуту задумался.

— Да, право, я не знаю, не назвать ли и это дѣло битьемъ баклушъ?

— Развѣ вамъ попадались одни глупые ученики, не понимавшiе ни одной честной мысли?

— О, нѣтъ!

Учитель и ученица какъ-то странно взглянули другъ на друга и умолкли. Они поняли, что договорились до чего-то новаго, высказали невольно мнѣнiе другъ о другѣ.

— Нѣтъ, Елена Константиновна,—снова началъ онъ:— они и другiе люди не глупы. Но ихъ умы развились односторонне, вслѣдствiе постоянныхъ удачъ. Всеобщiй сонъ и недѣятельность общества остановили ихъ развитiе. Вообще человѣкъ дуренъ и, къ тому же, способенъ успокоиваться, почувствовавъ въ томъ или другомъ случаѣ свое превосходство надъ окружающими его личностями и обстоятельствами, и это-то успокоенiе есть первый предвѣстникъ его несостоятельности гдѣ-нибудь при новыхъ условiяхъ, вѣстникъ его паденiя. Чѣмъ дальше будетъ онъ тревожиться за судьбу своихъ плановъ, тѣмъ больше будетъ предусматривать опасностей для нихъ, тѣмъ полнѣе разовьется онъ, тѣмъ будетъ онъ, по-вашему, умнѣе, по-моему, развитѣе. Главное—не надо успокоиваться, надо думать, находиться на сторожѣ, размышлять, не поддаваться баловству случая, который, какъ старая нянька, всѣми средствами старается насъ усыпить своими ласковыми пѣснями и сказками, чтобы мы вѣчно оставались на его баюкающихъ рукахъ.

— Значитъ, надо быть вѣчно въ страхѣ, вѣчно недовольной собою?

— Да.

— Но, вѣдь, это мучительно? Гдѣ же отрада?

— Въ сознанiи, что сегодня вы стали немного развитѣе, чѣмъ вчера, что сегодня какая-нибудь другая Елена Константиновна имѣетъ менѣе, чѣмъ вчера, причинъ обвинять насъ въ глупости, какъ обвиняли вы героевъ комедiи.

— Можетъ-быть, вы и правы.

Она задумалась.

Digitized by Google

— Я, однако, никакъ не предполагалъ, что вы такъ много передумали о жизни,—сказалъ сестрѣ Похвистневъ, прощаясь съ нею.

— У меня не было другого дѣла, и поневолѣ думалось обо всемъ.

— Это самое лучшее дѣло, Елена Константиновна: оно подготовляетъ честныхъ людей.

Не много понялъ я изъ ихъ разговора, онъ былъ слишкомъ серьезенъ и скученъ для меня, а на сестру онъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Вечеромъ этого дня она раздумывала о немъ и съ удивленіемъ видѣла, что говорила съ постороннимъ человѣкомъ откровенно и много, какъ будто онъ былъ ея старымъ другомъ. Это было первый разъ въ жизни. Ея лицо то горѣло огнемъ, то блѣднѣло, въ ея головѣ происходила новая работа мысли, возбужденная первымъ честнымъ человѣкомъ, попавшимся навстрѣчу дѣвушкѣ. Ночь прошла безъ сна и—страннее дѣло—думалось сестрѣ больше о словахъ Семена Иваныча, чѣмъ о немъ самомъ, онъ покуда былъ для нея только хорошею новою книгой—и не болѣе того.

XI.

Сестра начинаетъ жить самостоятельно.

Учитель удивился развитію сестры, но еще болѣе удивилась она сама себѣ, высказавъ впервые выработанныя ею идеи и взгляды на людей. Она сама не подозрѣвала до этихъ поръ, до чего она додумалась. Каждый изъ насъ могъ испытать на себѣ это странное психологическое явленіе, если его уму пришлось работать безъ посторонней помощи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Одинокій человѣкъ, брошенный на произволъ судьбы, бесѣдующій только съ самимъ собою, думаетъ, всматривается въ жизнь и людей, вырабатываетъ своеобразные взгляды и мнѣнія; но онъ никогда не подведетъ имъ итога до тѣхъ поръ, покуда не явится ему на помощь другая мыслящая и сочувствующая личность. Она, заставивъ его высказаться, вдругъ озаритъ какимъ-то новымъ свѣтомъ его умъ и принудитъ сгруппировать отдѣльныя идеи въ одно гармоническое цѣлое. Эта минута бываетъ рѣшительнымъ переломомъ въ жизни такого человѣка; юноша наканунѣ — онъ становится мужемъ сегодня, послѣдніе слѣды тревожнаго состоянія, бывающаго удѣломъ каждаго, кто не подвелъ итоговъ своимъ мыслямъ, смѣняются спокойствіемъ, вытекающимъ изъ яснаго обзора

Digitized by Google

своихъ умственныхъ богатствъ. Въ умственной жизни человѣка эта минута бываетъ тѣмъ же, чѣмъ бываетъ ежегодная повѣрка матеріальныхъ средствъ въ торговыхъ домахъ. Банкиръ или купецъ не становится богаче послѣ повѣрки, но онъ узнаетъ мѣру своихъ богатствъ, а это главное; тутъ можно разсчитывать и надѣяться на будущее, можно приниматься за новое дѣло. То же случилось и съ сестрою. Она до перваго откровеннаго разговора съ учителемъ казалась дѣвочкою, послѣ нѣсколькихъ подобныхъ разговоровъ она какъ будто выросла. Ея лицо изъ грустнаго сдѣлалось строгимъ, молчаливость смѣнилась рѣзкими сужденіями и смѣлыми отвѣтами. То, о чемъ прежде она только думала, теперь твердо высказывалось ею, она сдѣлалась личностью. «Пора жить по-своему!»—сказала она себѣ и подняла голову. Ни мачиха, ни отецъ не могли замѣтить этой перемѣны съ перваго разу, но, мало-по-малу, она почувствовалась и ими. Сестра, отговариваясь головною болью, отказалась присутствовать на первомъ изъ домашнихъ собраній, послѣдовавшемъ за памятнымъ для нея разговоромъ: это приписали домашніе простому капризу. Сестра рѣшилась не выходить къ гостямъ и на слѣдующій разъ.

— Глупости!—сказалъ отецъ.—Ты выйдешь къ гостямъ.

— Мнѣ очень скучно съ ними, и потому я лучше не выйду.

— Я тебѣ говорю, что ты должна выйти; я этого хочу, и, значитъ, нечего разсуждать о томъ, скучно ли тебѣ или нѣтъ.

— Но мнѣ-то не хочется,—твердо отвѣтила сестра.

— Ты съ ума сошла?

— Нѣтъ, но мнѣ надоѣли любезности этихъ глупыхъ людей, и я хочу быть одна.

— Ха-ха-ха!—захохотала мачиха.—Не думаешь ли ты идти въ монастырь спасаться?

— Моя мать не ушла въ монастырь, но на балы не ѣздила, избѣгала этого общества, и если отецъ не принуждалъ ее, то не станетъ принуждать и меня.

— Посмотримъ!—угрюмо промолвилъ отецъ, не выносившій спокойно воспоминаній о матери.

— Вѣдь ты, папа, не сталъ бы кувыркаться передъ публикой? А мнѣ говорить съ ними то же самое, что тебѣ кувыркаться передъ народомъ.

— Прошу, сударыня, безъ нравоученій! Это чортъ знаетъ что такое.

Digitized by Google

Отецъ зашагалъ въ раздумьи по комнатѣ, мачиха попробовала поспорить съ сестрою и убѣдить ее, но получила нѣсколько односложныхъ отвѣтовъ: да и нѣтъ,—и умолкла.

Позволеніе остаться на этотъ разъ въ своей комнатѣ не было дано сестрѣ, но не было сдѣлано и запрета исполнить это желаніе. Отецъ, желавшій всегда поставить на своемъ, разыгралъ, по примѣру всѣхъ настойчивыхъ людей, смѣшную роль въ жмурки, сдѣлалъ видъ, что онъ просто не замѣчаетъ отсутствія сестры на вечерѣ, и нарочно сѣлъ играть въ карты, чтобы не выходить въ гостиную и залу, гдѣ толпились женщины и молодые люди. Но отсутствіе сестры не ускользнуло отъ вниманія гостей; къ мачихѣ подлетѣла на крылышкахъ какая-то нѣчная институтка съ вопросомъ;

— А гдѣ же Елена Константиновна?

— Она у себя въ комнатѣ, у нея голова разболѣлась.

— Бѣдненькая! я думаю, ей ужасно скучно,—пропищала нѣчная институтка, вытянувъ свое рыльце въ сострадательное выраженіе.

— Однако, она, должно-быть, очень слабенькая; она и прошлый разъ, кажется, была больна?— немного ядовито замѣтила какая-то барыня, похожая на печеное яблоко, посыпанное мелкимъ сахаромъ.

— Да, слаба,—отвѣтила, краснѣя, мачиха, и ея мелкая душонка пронюхала въ этомъ вопросѣ намекъ на то, что мачихи всегда притѣсняютъ падчерицъ.

— Надѣюсь, что вы совѣтовались съ докторомъ?— продолжало шипѣть печеное яблоко голосомъ, полнымъ участія къ сестрѣ.

— Нѣтъ! это просто слѣдствіе капризовъ, какъ мнѣ кажется.

— О-о? я никакъ не думала чтобы она была способна на это, она такая робкая, застѣнчивая.

— Застѣнчивость есть признакъ въ высшей степени развитаго самолюбія,—рѣшилъ какой-то салонный философъ, слышавшій только послѣднія слова фразы печенаго яблока.

— Но не всегда. Та особа, о которой мы говорили, застѣнчива совершенно по другимъ причинамъ,—объясняло печеное яблоко философу, и между ними завязался ученый разговоръ о характерахъ людей, въ которомъ печеное яблоко дѣлало весьма тонкіе намеки на то, о чемъ совсѣмъ не зналъ философъ, и было видно, что они предназначались не для его, а для чьихъ-то другихъ ушей.

Digitized by Google

Лицо мачихи во время этой бесѣды то краснѣло, то блѣднѣло. Въ мелкой душонкѣ зародилось желаніе отмстить падчерицѣ за эти тяжелыя минуты, но для мести нужно имѣть характеръ, а у мачихи, къ счастію сестры, его не было, и затѣя ограничилась простыми шпильками и глупой домашней дрязгой, отъ которой такъ и вѣяло мѣщанствомъ.

— За что вы дуетесь? — иронически спросила мачиха сестру, когда на слѣдующій день мы сидѣли за чайнымъ столомъ въ присутствіи отца.

— Я не дуюсь, — отвѣчала сестра, вставшая, какъ нарочно, въ самомъ веселомъ расположеніи духа.

— Нѣтъ, вы дуетесь! Кажется, пора привыкнуть думать, что о васъ заботятся болѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

— Я вамъ очень благодарна.

— Хороша благодарность! Не далѣе какъ вчера, я, Богъ знаетъ, чего наслушалась по вашей милости! Оставались бы въ Петербургѣ, если вамъ не хотѣлось жить здѣсь.

— Я не просилась сюда, меня взяли.

— Что, ты изъ себя крѣпостную дѣвку разыгрываешь?— крикнулъ отецъ, цыкнувшій изъ терпѣнія.

Сестра посмотрѣла на него такими глазами, какими смотрятъ на сумасшедшихъ.

— Я, наконецъ, выйду изъ терпѣнія и отправлю ихъ туда!—рѣшилъ онъ.

Не знаю, почему попалъ и я въ опалу, хотя былъ не виноватъ ни тѣломъ, ни душой: но отца ввело въ заблужденіе слово *вы*, обращенное къ сестрѣ, и онъ подумалъ, что жена ругаетъ насъ обоихъ, и потому мы достойны ссылки. «Ахъ, если бы отправили въ Петербургъ!»—подумалось мнѣ, и бойкое воображеніе начало рисовать картину моей встрѣчи съ Колькой. Но сестра при угрозѣ отца вздрогнула и покорно опустила голову, не вымолвивъ ни одного слова.

— Отчего ты не попросила отца отправить насъ въ Петербургъ?—спросилъ я ее, когда мы остались съ нею одни.

Она покраснѣла.

— Зачѣмъ, Поль?—промолвила она мнѣ послѣ минутнаго молчанія.—Ты и безъ того уѣдешь осенью въ корпусъ, а я останусь здѣсь...

— Вотъ и худо будетъ! — воскликнулъ я. — А тамъ бы мы были вмѣстѣ, стали бы жить, помнишь, какъ говорили?

— Ты дитя, Поль!

— Отчего дитя? Развѣ ты не хочешь больше честно жить!

Digitized by Google

— Хочу, хочу, миленькій, любимый! — заговорила она, покрывая поцѣлуями и лаская меня, и я чувствовалъ, какъ горѣли ея губы, какъ пылало ея обворожительное лицо, все покрытое яркимъ румянцемъ и сіявшее любовью. Отчего это оно стало теперь такъ часто разгораться, и почему она такъ горячо ласкаетъ меня и для чего хочетъ остаться въ Москвѣ?

— Что это такъ долго не идетъ Семенъ Иванычъ? — спрашиваетъ она тревожно и глядитъ въ окно.

— Можетъ-быть, нездоровъ, — отвѣчаю я.

— Какъ, что ты? Развѣ онъ жаловался на нездоровье въ послѣдній разъ, когда приходилъ къ намъ? — съ испугомъ допрашиваетъ она, блѣднѣя.

— Нѣтъ.

— Такъ зачѣмъ же ты меня пугаешь, злой мальчишка! — строптиво произноситъ она и нахмуриваетъ свои темныя брови.

Я опять не понимаю, почему я ее испугалъ болѣзнью Семена Иваныча.

Вообще, въ это время мнѣ приходилось часто не понимать многаго, становиться втупикъ передъ совершавшимся вокругъ меня. Это была самая безплодная и скучная пора въ моей жизни. Я игралъ роль безсмысленной и безчувственной улитки, и потому, какъ могъ замѣтить читатель, я рѣшилъ выдвинуть здѣсь на первый планъ личность моей сестры и самоотверженно поставить свою особу на задній планъ, въ тѣнь. Въ человѣческой жизни нерѣдко бываютъ такіе періоды полнѣйшей нравственной бездѣятельности и опустѣнія; неизбѣжные, они опаснѣе всего въ жизни ребенка. Онъ долженъ быть постоянно заинтересованъ жизнью, поддаваться ея новымъ впечатлѣніямъ, любить ее хотя за разнообразіе событій, если онъ не можетъ любить ее за отрадныя ласки окружающихъ его людей и за веселье дѣтскихъ игръ и забавъ; иначе ребенокъ тупѣетъ, дѣлается маленькимъ старикашкой-мечтателемъ и живетъ воспоминаніями о прошломъ, а это ядъ для его дѣтскаго ума. Прошлое—утрата, а утраты не должны существовать для ребенка, для него нужны одни пріобрѣтенія, новости. Въ эту безотрадную пору и я жилъ воспоминаніями о семьѣ Люлюшиныхъ, и эта гадкая семья, съ ея чисто-животными стремленіями и безсмысленной скаредностью, казалась мнѣ во сто кратъ лучше и привлекательнѣе нашего образованнаго семейнаго быта съ его блескомъ и чинностью

Digitized by Google

порядкомъ. Я и тутъ чуялъ взаимную вражду всѣхъ людей между собою, и она тѣмъ тяжелѣе дѣйствовала на меня, чѣмъ больше старались ее прикрыть оболочкою приличій, чѣмъ меньше понималъ я ея источникъ. Люлюшина, бывало, разругаетъ и даже прибьетъ своего Кольку, но и Колька отведетъ душу, нагрубитъ матери, и оба, высказавшись вполнѣ, безъ затаенной злобы смотрятъ другъ на друга; они понимаютъ, что при первой возможности они освободятся одинъ отъ другого и, можетъ-быть, сдѣлаются послѣ полезными другъ для друга. Это не хорошія, но зато прямыя, простыя отношенія; тутъ людямъ просто тѣсно жить вмѣстѣ по несходству характеровъ и для ихъ ссоръ есть причина. А здѣсь каждый таитъ въ себѣ свои непріязненныя чувства, какъ какой-нибудь драгоцѣнный кладъ, старается незамѣтно уколоть другого, надѣвая маску привѣтливости, и спѣшитъ вырваться изъ дому. Отецъ стремился отвести душу у Марьи Васильевны и зналъ, что это пріятно мачихѣ, ибо даетъ ей возможность побесѣдовать наединѣ съ Александромъ Иванычемъ. Сестра уходила къ себѣ въ комнату, чтобы не ссориться съ отцомъ и мачихою; ее обвиняли за это, говоря, что она дуется, и между тѣмъ тайно радовались ея отсутствію и тому, что она не торчитъ передъ глазами, не мѣшаетъ старшимъ, не связываетъ ихъ. Все это было тѣмъ болѣе гадко, что не было никакой необходимости мачихѣ вѣнчаться съ отцомъ и послѣднему брать насъ въ свой домъ. Здѣсь люди, какъ будто нарочно, притянули другъ друга за волоса, чтобы мучиться самимъ и мучить другихъ. Половину всего этого понималъ и я, мнѣ было гадко. Даже прислуга, которую я когда-то такъ горячо любилъ за сказки Арины и за нѣжныя ласки Митрича, сдѣлалась мнѣ противною и показала другую сторону своего характера. Я уже у Люлюшиныхъ оскорбился, когда Андрюшка такъ холодно встрѣтился со мною и не отвѣтилъ на мой ласковый привѣтъ; теперь онъ сталъ мнѣ отвратителенъ. Во время отсутствія отца онъ таскался по разнымъ мѣстамъ и, освободясь отъ всякаго надзора, лишась послѣдняго чувства боязни передъ наказаніемъ, бросилъ грызеніе орѣшковъ и началъ попивать. Раза два, когда отецъ и мачиха бывали въ гостяхъ, я пробовалъ заговаривать съ нимъ. Съ разными шуточками и прибауточками онъ вздумалъ поучать меня различнымъ мерзостямъ, разсказывалъ мнѣ до мельчайшихъ подробностей любовныя похожденія. Его развращенное въ концѣ воображеніе требовало соль-

Digitized by Google

пыхъ картинъ, и онъ, любуясь своимъ искусствомъ, съ артистической любовью рисовалъ ихъ передъ ребенкомъ. Отъ этого его не удерживала даже боязнь передъ отцомъ, которому я могъ передать содержаніе его разсказовъ; но и то сказать: онъ зналъ, что отецъ не говоритъ со мною. Мнѣ шелъ одиннадцатый годъ, и очень легко могло быть, что я заинтересовался бы этими картинами, если бы, къ счастію, я не чувствовалъ полнѣйшаго отвращенія къ пьянымъ людямъ, доходившаго до крайности и оставшагося во мнѣ и донынѣ; а отъ Андрюшки почти всегда по вечерамъ несло кабакомъ.

— Ты, кажется, пьянъ,—замѣчалъ я ему.

— Нѣтъ-съ, пьяные не такіе бываютъ, а я только хмеленъ въ-полсвиста.

— Ты лучше выспался бы, покуда папа не пріѣхалъ, опять ругать будетъ.

— Да одному скучно спать-съ.

Я отвернулся и отъ этой личности. Другая же прислуга, новая, незнакомая, смотрѣла на меня какъ на барченка, и, по очень понятной причинѣ, избѣгала разговоровъ со мною, подозрѣвая, что я хочу что-нибудь выпытать у нея, подсмотрѣть. Медленно шли дни за днями, скучны были для меня даже уроки Семена Иваныча, и не боялся я, подобно сестрѣ, что онъ заболѣетъ и не придетъ на урокъ, а онъ и въ самомъ дѣлѣ захворалъ. Прошелъ день, другой, недѣля прошла, а учителя все нѣтъ. Отецъ получилъ отъ него письмо, извѣщавшее о болѣзни Похвистнева. Сестра сдѣлалась чрезвычайно грустна и тревожна, на слѣдующій день ея глаза были красны: должно-быть, она плакала ночью.

— Ты попросился бы у отца сходить къ Семену Иванычу,—ласково сказала она мнѣ.—Больныхъ надо навѣщать.

Я рѣшился исполнить ея желаніе и объяснилъ свою просьбу отцу.

— Глупости! — отвѣтилъ онъ. — Выздоровѣетъ, такъ и самъ придетъ. И откуда взялась у тебя такая любовь къ нему?

— Больныхъ надо навѣщать, — отвѣтилъ я, какъ попугай, словами сестры.

— Не хочешь ли ты, чтобы я тебя отдалъ сидѣлкою въ больницу? Дуракъ!

На это нечего было возражать; отецъ никогда не перемѣнялъ своихъ рѣшеній, и я былъ слишкомъ запуганнымъ существомъ, чтобы настаивать на своемъ. Прошла еще не-

Digitized by Google

дѣля; сестра ходила какъ тѣнь и о чемъ-то глубоко раздумывала. Ея лицо привело въ смущеніе даже мачиху, и она освѣдомилась о здоровьи падчерицы, но, получивъ утѣшительный отвѣтъ: «я здорова»,—успокоилась. Въ одинъ изъ послѣднихъ дней апрѣля я и Леля сидѣли въ классной комнатѣ; она, облокотясь на столъ, читала книгу, я помѣстился у ея ногъ на скамейкѣ и, прилегши головой на ея колѣни, слѣдилъ за ея глазами; они не двигались, какъ это бываетъ у читающаго человѣка, но были устремлены на одну точку; мало-по-малу на рѣсницы набѣжала одна слеза, потомъ другая, и потекли по щекамъ. Леля не двигалась.

— Леля, ты плачешь? о чемъ?—спросилъ я, не поднимая головы.

Мнѣ, пригрѣтому лучами полуденнаго солнца, было такъ сладко покоиться на ея колѣняхъ.

— Скучно мнѣ, милый мой, очень скучно.

— И мнѣ, Леля, тоже часто бываетъ скучно. Неужели на свѣтѣ всѣмъ такъ скучно жить?

— Нѣтъ, голубчикъ, это только намъ съ тобою какъ-то не живется. Милый ты мой...

И она тихо-тихо прижалась губами къ моей головѣ, взявъ ее обѣими руками; на мое лицо одна за другою капали слезы...

— Здравствуйте, Елена Константиновна! — произнесъ кто-то.

— Ахъ!..—вырвалось восклицаніе изъ груди сестры, и въ немъ послышались и радость, и смущеніе, и любовь, и казалось, что она готова броситься въ объятія человѣка, привѣтствовавшаго ее.

Это былъ Семенъ Иванычъ, сильно похудѣвшій во время болѣзни.

— И вы были больны?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ!—застѣнчиво отвѣтила она, закраснѣлась и потупила глаза.

— Но вы похудѣли...

Они оба остановились на срединѣ комнаты и замолчали въ непонятномъ смущеніи.

Можетъ-быть, въ этомъ молчаніи было гораздо болѣе значенія, чѣмъ въ тысячахъ объясненій...

— Я сейчасъ принесу тетради, Семенъ Иванычъ,—сказалъ я, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Они остались одни. Когда я возвратился съ тетрадями и книгами, то учитель стоялъ близко противъ сестры и дер-

Digitized by Google

жалъ ея руку. Ея лицо горѣло. Урокъ какъ-то не шелъ на этотъ разъ, учитель не слыхалъ моихъ вопросовъ и отвѣчалъ невпопадъ, повѣряя мои ариѳметическія задачи, онъ чрезвычайно затруднялся сложить пять и шесть, и, наконецъ, додумался, что изъ этого выйдетъ четырнадцать. Я его поправилъ, онъ сдѣлалъ новую ошибку, покраснѣлъ и объявилъ, что мои задачи вѣрны, хотя я и самъ уже отыскалъ въ нихъ ошибку. Сестра ничего не дѣлала и читала въ продолженіе часа одну и ту же страницу въ моей географіи, которая, должно-быть, ее очень заинтересовала, но, заглянувъ мелькомъ въ книгу, я увидѣлъ, что сестра ее держитъ верхомъ книзу.

Съ этого дня, безъ вѣдома старшихъ, кончились ученыя занятія сестры съ учителемъ. Они во время уроковъ просто экзаменовали другъ друга, высказывали свои убѣжденія и взгляды, спорили, соглашались и вырабатывали новыя идеи. Мнѣ въ это время задавались грамматическіе разборы, ариѳметическія задачи и другія письменныя работы, чтобы я не могъ мѣшать бесѣдамъ своими вопросами. Учитель разсказалъ откровенно всю свою жизнь, то веселую и даже разгульную, то грустную до слезъ, но по большей части трудовую, бодрую и честную.

— Неужели у васъ нѣтъ никого родныхъ? — спросила сестра, прослушавъ разсказъ.

— Нѣтъ, Елена Константиновна, никого нѣтъ. Былъ у меня братишка, славный мальчуганъ, няньчился я съ нимъ, славно было слѣдить за его развитіемъ, слушать его лепетъ, да и тотъ такъ умеръ.

— Такая жизнь, я думаю, очень тяжела?

— Да, не легка. Скучно. Года два тому назадъ было еще сносно, литературой я занимался, статьи писалъ, а теперь и руки не поднимаются писать для себя. Жениться мнѣ надо, зажить гдѣ-нибудь въ губернскомъ городѣ тихо, спокойно у домашняго очага....

— И ничего не дѣлать?

— Нѣтъ-съ, на бездѣлье я неспособенъ, призванья къ этому нѣтъ. Я учительскаго мѣста ищу гдѣ-нибудь въ гимназіи.

— А! это не дурно.

Такихъ разговоровъ было много въ теченіе двухъ-трехъ недѣль. Наканунѣ двадцатаго мая, дня рожденія сестры, учитель сказалъ:

Digitized by Google

— Завтра вамъ минетъ восемнадцать лѣтъ, вы будете совершеннолѣтнею.

— Да, это начало новой жизни,—отвѣтила она.

— Думаете ли вы найти средства устроить ее по-своему?

— Конечно. Насильно съ человѣкомъ ничего нельзя сдѣлать.

— Если у него есть энергія сопротивляться; но бываютъ случаи, когда его долгими испытаніями доводятъ до невозможности сопротивленія.

— Это трудно. Если человѣкъ, дѣйствительно, чего-нибудь хочетъ, по твердому убѣжденію, то его ничто не принудитъ идти на другой путь. Я не уважаю тѣхъ людей, которые берегутъ свое здоровье и изъ боязни соглашаются на подлость.

— Вы знаете, что это и мое мнѣніе; но опять повторяю вамъ: на это нужно имѣть силы и энергію, безъ нихъ лучше не приниматься за дѣло. Первая неудавшаяся попытка разрушаетъ всѣ остальныя надежды. Не испробовавъ себя на дѣлѣ, человѣкъ еще вѣритъ въ свои силы; потерпѣвъ неудачу, онъ останавливается и махаетъ руками на все.

— За себя я не боюсь: у меня отцовская твердость.

— Да, съ этой твердостью и онъ могъ бы сдѣлать много хорошаго.

— Могъ бы!—повторила сестра, задумчиво качая головой.—Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ его жаль!—почти безсознательно добавила она.

Однажды, въ концѣ мая, учитель явился къ намъ съ необыкновенно радостнымъ и оживленнымъ лицомъ.

— Елена Константиновна,—сказалъ онъ веселымъ тономъ:—я получилъ мѣсто въ гимназіи и черезъ мѣсяцъ или черезъ полтора долженъ ѣхать.

— Значитъ, планъ удался.

— Какъ нельзя лучше. А вы все обдумали?

— Все.

— Хорошо. Хотите теперь начать послѣдній урокъ? Больше я не буду давать вамъ уроковъ, у меня теперь хлопотъ будетъ много.

При словахъ: «послѣдній урокъ», учитель засмѣялся.

— Пожалуй, но какъ это смѣшно: послѣдній урокъ!—сестра засмѣялась звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ, какъ она никогда не смѣялась прежде.

Я ровно ничего не видалъ смѣшного въ томъ, что учитель разстается съ нами, даетъ намъ послѣдній урокъ, и

Digitized by Google

удивлялся ихъ смѣху. «Вѣрно они не любятъ другъ друга, что радуются этому», думалось мнѣ.

Вѣрно очень не любятъ!

XII.

Развязка, которою никакъ не можетъ кончиться романъ.

Вечеромъ того же дня, когда учитель давалъ намъ послѣдній урокъ, сестра отправилась въ кабинетъ отца. Она была серьезна и отчасти сурова.

— Мнѣ нужно съ тобою поговорить, папа,—сказала она.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ, потому что никто не имѣлъ права входить къ нему въ комнату безъ особаго приглашенія.

Родственныхъ отношеній въ нашей семьѣ не было, а существовали какія-то китайскія церемоніи, называемыя общественными приличіями; ихъ было тоже, я думаю, до семидесяти тысячъ.

— Я иду замужъ,—проговорила сестра.

— Что?—переспросилъ отецъ.

Она повторила свои слова.

— Поди, Леля, къ себѣ; я пошлю за докторомъ, ты нездорова,—промолвилъ онъ съ неподдѣльнымъ испугомъ,—такъ поразили его эти слова,—и протянулъ руку къ колокольчику.

— Не безпокой людей; я совершенно здорова, и потому пришла объясниться съ тобой.

— За кого же вы идете замужъ, сударыня? Не за бывшаго ли своего учителя?—съ злобной ироніей спросилъ отецъ, начинавшій, мало-по-малу, понимать, что это не бредъ, не сонъ, а дѣйствительность.

— Да, за него.

— Вонъ!—крикнулъ отецъ.—Тебя сейчасъ же запрутъ въ твоей комнатѣ, сгніешь тамъ! Слышишь ты.

Онъ весь трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ты напрасно кричишь и сердишься. Уморить меня въ моей комнатѣ ты не смѣешь, этого тебѣ не позволятъ, да ты и самъ не сдѣлаешь этого. Если же ты мнѣ просто не позволишь выйти за него, то я убѣгу съ нимъ.

— Посмотримъ, кто станетъ васъ вѣнчать! Никто не станетъ!

— И не надо,—твердо произнесла сестра и нахмурила брови.

Digitized by Google

— Что?! И тебѣ едва минуло восемнадцать лѣтъ? — съ ужасомъ воскликнулъ отецъ.—Развратница!

— Не смѣй называть меня этимъ именемъ! — вспылила сестра.—Развратъ—имѣть при живой женѣ любовницу, развратъ—имѣть при живомъ мужѣ любовника. Вотъ развратъ! Вѣдь я все знала, когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, когда я слышала сплетни тетки, видѣла слезы матери, когда я читала ея дневникъ!

Сестра зарыдала глухо, безъ всхлипываній, безъ истерическихъ кривляній, но у нея разрывалась грудь.

— Безсовѣстная!

— Что?—спросила она.—Я бѣгу именно оттого, что мнѣ скверно, стыдно здѣсь жить. Зачѣмъ ты женился? Вѣдь ты не любишь ее, вѣдь и она не любитъ тебя, не любила никогда. Зачѣмъ ты давишь меня и брата безпощадно? Вѣдь ты не золъ? это и мама говорила, и я знаю. Вѣдь я тебя всегда такъ любила! Но ты не умѣешь жить, не умѣешь любить...

— Молчи! Я тебя убью, змѣенышъ!

— Ну, что же, по крайней мѣрѣ, разомъ покончишь дѣло.

Сестра съ какимъ-то отчаяніемъ пошла къ дверямъ.

Отецъ быстро вскочилъ и подбѣжалъ къ ней, схватилъ ея руку и стиснулъ ее въ своей рукѣ. Сестрѣ показалось, что онъ хочетъ изломать ея руку, по ея тѣлу отъ ужаса пробѣжала дрожь.

— Ты и маму такъ убилъ?—спросила она задыхающимся голосомъ.

— Дѣвочка! дѣвочка!—вырвались изъ груди отца мучительные крики, и онъ оттолкнулъ отъ себя сестру.—Ступай!—глухо произнесъ онъ и бросился на диванъ.

Всю ночь напролетъ сестра и отецъ провели безъ сна въ своихъ комнатахъ. Что передумалъ каждый изъ нихъ, это можетъ представить себѣ читатель. На другой день сестра явилась къ чаю блѣднѣе своего носового платка, отецъ не вышелъ совсѣмъ и пилъ чай въ кабинетѣ. Прошелъ еще день и еще одинъ, а отецъ, все-таки, не показывался въ общихъ комнатахъ. Онъ пилъ и ѣлъ у себя въ кабинетѣ, ѣздилъ въ должность и возвращался домой, не показываясь никому, кромѣ прислуги. Послѣдняя дрожала отъ страха, на ней вымещалось все, и чай былъ не хорошъ, и обѣдъ не вкусенъ, и Андрюшка неловокъ, и за все это въ людей летѣли салфетки, тарелки и чашки, хотя онѣ-то ужъ рѣшительно ни въ чемъ не были виноваты. Мачиха

Digitized by Google

ничего не понимала и, кажется, подозрѣвала, что отецъ опять промотался и боится нашествія кредиторовъ; она уже трепетала не за свою будущность, ибо имѣла свое состояніе, но за скандалъ, за толки, и тоже ходила пасмурнѣе осенней ночи.

Черезъ недѣлю отецъ, какъ будто случайно, прошелъ черезъ комнату, гдѣ сидѣла сестра.

— Надумалась ты?—спросилъ онъ мимоходомъ.

— Мнѣ нечего думать, я на все рѣшилась и жду твоего согласія.

Онъ быстро прошелъ въ свой кабинетъ и хлопнулъ дверью. Прошла еще недѣля, опять мучительная, какъ и предшествовавшая ей. Объ учителѣ не было и помину, онъ не являлся и не писалъ къ сестрѣ. Ей, какъ многимъ русскимъ женщинамъ, пришлось подставить за него свою грудь и выдержать всю грозу... Наконецъ, отецъ вышелъ въ общую комнату и сѣлъ къ чайному столу.

— Елена выходитъ замужъ,—сказалъ онъ сквозь зубы, ни на кого не глядя.

— За кого это?—удивилась мачиха.

— За своего бывшаго учителя,—отвѣтилъ отецъ.

— Ха-ха-ха! ты шутишь?—спросила мачиха.

— Такими вещами, сударыня, не шутятъ.

— Ха-ха-ха! нѣтъ, милый, ты нездоровъ.

— Точно, нездоровъ, очень нездоровъ! а она, все-таки, выходитъ за учителя, и надо торопиться дѣлать приданое. Когда свадьба?—спросилъ онъ у сестры, не поворачивая головы.

— Что это, Елена Константиновна, вы, кажется, сами завербовали себѣ жениха?

Сестра не отвѣчала.

— И это все не шутки?—еще разъ повторила мачиха.

— Я тебѣ сказалъ же,—грубымъ, мужицкимъ тономъ произнесъ отецъ:—что такими вещами не шутятъ и тутъ поздно шутить!

— Развѣ уже такъ далеко зашло?—съ испугомъ и брезгливостью воскликнула мачиха, и въ ея головѣ, повидимому, промелькнуло какое-то гнусное подозрѣніе.

Сестра вопросительно и пристально взглянула на отца.

— Тьфу!—плюнулъ онъ и, бросивъ на жену полный отвращенія взглядъ, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Можетъ-быть, въ эту минуту онъ наполовину примирился съ сестрой и понялъ, что она лучше другихъ.

Digitized by Google

Тотчасъ же послѣ этого разговора, женщина безъ всякаго характера послала французское письмо слѣдующаго содержанія:

«Добрый другъ Александръ Ивановичъ!

«Насъ постигло страшное несчастіе: дочь моего мужа выходитъ замужъ за своего бывшаго учителя, Семена Иваныча Похвистнева. Пріѣзжайте ко мнѣ сегодня вечеромъ и, какъ другъ нашего дома, раздѣлите со мною наше общее горе.

Остаюсь...» и т. д.

Не успѣлъ нашъ лакей сойти съ лѣстницы отъ Александра Иваныча, какъ тотъ обогналъ его и, сѣвъ на первыя попавшіяся дрожки, погоняя возницу, помчался къ одному изъ своихъ знакомыхъ семействъ, которое имѣло пріятное обыкновеніе завтракать въ двѣнадцатомъ часу.

— Новость, ужасная новость!—кричалъ Александръ Иванычъ, вбѣгая къ своимъ знакомымъ и торопливо пожимая имъ руки.

— Ну, вѣрно не ужаснѣе нашествія французовъ на Москву,—скептически промолвилъ басомъ толстый хозяинъ, отставной полковникъ.

— Вѣрно Ламартинъ умеръ!—вздохнула хозяйка и грустно покачала головой, оплакивая въ душѣ покойнаго Ламартина.

— Я думаю, просто курица въ Москвѣ-рѣкѣ утонула,—замѣтилъ хозяйскій сынъ, съ пренебреженіемъ пожимая плечами.

— Хуже, хуже!—кричалъ Александръ Иванычъ.—Константинъ Павлычъ... нѣтъ—дочь Константина Павлыча женится на своемъ студентѣ!

— Ну, братъ, недаромъ барыни зовутъ тебя особымъ приключеніемъ,—захохоталъ жирный хозяинъ, и его брюхо затряслось, какъ мѣшокъ, привязанный къ возу.

— Ахъ, Жанъ, такое ли теперь время, чтобы шутить!—попрекнула его жена.

— За какого студента идетъ?

— Да это сплетня! не можетъ быть!—заговорили разные голоса.

— Право, право, не лгу. За Николая Семеныча Свистунова, за своего бывшаго учителя идетъ.

— Помилуйте, да ее училъ Семенъ Иванычъ Похвистневъ,—замѣтилъ хозяйскій сынъ, бывшій другомъ нашего учителя.

Digitized by Google

— Да нѣтъ же, я сейчасъ получилъ письмо; тамъ не эта фамилія,—заспорилъ Александръ Иванычъ.

— Ахъ, это все равно! Студентъ—однимъ словомъ!—ужаснулась хозяйка.

— Какой онъ студентъ? онъ уже магистръ, профессоромъ скоро будетъ,—заступился сынъ.

— Такъ былъ студентомъ, это рѣшительно все равно,—рѣшилъ Александръ Иванычъ.—Константинъ Павлычъ, кажется, хочетъ застрѣлиться.

— Несчастный отецъ! Ты съѣзди къ нему, Жанъ, уговори, утѣшь его,—волновалась хозяйка, обращаясь къ своему тучному мужу.

— Съѣзжу, матушка, съѣзжу послѣ, не бѣжать же мнѣ, сломя голову, теперь; а ты вели подать завтракъ, я думаю, особое-то приключеніе не успѣло порядкомъ и перекусить. Ха-ха-ха!—затряслось снова полковничье брюхо.

Позавтракавъ вплотную, Александръ Иванычъ полетѣлъ къ другимъ знакомымъ; что было говорено у нихъ—для меня это покрыто мракомъ неизвѣстности, но, вѣроятно, къ новости прибавились еще другія украшенія, ибо здѣсь надо было заплатить ему не за завтракъ, а за цѣлый московскій обѣдъ.

У насъ же начались приготовленія къ свадьбѣ, разъѣзды по магазинамъ, покупка вещей, заказыванья платья и бѣлья, шептанье слугъ, пріѣзды знакомыхъ, оханья, аханья. На сестру всѣ глядѣли не то съ удивленіемъ, не то съ состраданіемъ. Барыня—печеное яблоко, сочла непремѣнною обязанностью сдѣлать намекъ мачихѣ, что этотъ неровный бракъ, вѣроятно, есть исполненіе ея желанія. Улучивъ всѣми неправдами свободную минуту, «печеное яблоко» обратилось къ сестрѣ:

— Мнѣ васъ душевно жаль, Елена Константиновна. Я вполнѣ понимаю ваше положеніе, оно ужасно...

— Вы насчетъ чего говорите?—спросила сестра.

— Будемъ говорить откровенно: этотъ бракъ вызванъ вашею мачихою...

— О, нѣтъ!

— Вы добры, вы хотите ее защитить, это дѣлаетъ вамъ честь. Но послушайтесь моего стараго совѣта: будьте тверды и не губите себя. Вамъ стоитъ сказать подъ вѣнцомъ: «не согласна!»—и все будетъ кончено въ вашу пользу.

— Я васъ увѣряю...

— Хорошо, хорошо,—ласково замотало головой «пече-

Digitized by Google

кое яблоко», удаляясь отъ сестры.—Помните мой совѣтъ, и все будетъ прекрасно.

— Но вы ошибаетесь, я васъ увѣряю,—говорила сестра вслѣдъ «печеному яблоку», а «печеное яблоко» улыбалось и лукаво, и ласково мотало головой.

Такъ и не открылась истина.

Отца взбѣсили всѣ эти посѣщенія, разговоры, удивленія. Онъ надѣлалъ дерзостей толстому Жану, присланному отговаривать отца отъ самоубійства. Тучный кулекъ своей жены пріѣхалъ домой не въ духѣ.

— Вѣдь я говорилъ, что дѣло не важнѣе нашествія французовъ на Москву,—говорилъ онъ дома:—такъ не повѣрили, а вышло по-моему. Шуповъ-то и не думаетъ себя разстрѣливать, а, пожалуй, кого-нибудь другого готовъ подстрѣлить, какъ послѣднюю куропатку. Сорванецъ-голова!

Наканунѣ свадьбы сестра прошла въ кабинетъ отца.

— Благослови меня, папа. Завтра благословеніе будетъ простымъ обрядомъ, а мнѣ тяжело, если мы останемся врагами, если ты будешь ненавидѣть меня,—ласково заговорила она, и ея сердце боязливѣе сжималось теперь, чѣмъ въ день рокового объясненія.

Тогда она могла поставить на своемъ своею твердостью, теперь примиреніе зависѣло вполнѣ отъ отца.

— Ты меня состарила на десять лѣтъ своимъ поступкомъ. Я посѣдѣлъ. Видишь? Этимъ ты съ избыткомъ заплатила мнѣ за нѣсколько обидныхъ словъ, сказанныхъ въ порывѣ гнѣва. Ты мнѣ показала, что ты презираешь меня, ты попрекнула меня, что я убилъ твою мать!

— Сказаннаго, отецъ, не воротишь. Мы оба были раздражены и наговорили другъ другу того, что̀ не легко высказывается въ обыкновенное время. Я тебя не презираю и не обвиняю въ убійствѣ матери. Сохрани меня Богъ отъ этого! Но я презираю то общество, гдѣ ты живешь, и знаю, что оно убило мою мать. Я ищу исхода изъ него, я не хочу гибнуть.

— Исхода, исхода! Но гдѣ же, дитя, найти его?

— Тамъ, гдѣ люди живутъ просто, гдѣ они работаютъ. Вѣдь у насъ мишура, поддѣльный аристократизмъ, чванство безъ всякихъ правъ на него и полнѣйшая праздность. Я сойду съ этихъ балаганныхъ подмостковъ для того, чтобы работать и имѣть право жить.

— И ты увѣрена, что будешь счастлива?

— Вполнѣ.

Digitized by Google

— Хорошо! Но, во всякомъ случаѣ, ты не будешь имѣть права сказать, что я погубилъ и тебя.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!

Сестра обняла отца и снова, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, она услышала отъ него знакомыя слова:

— Все скверно—и люди, и обстоятельства, и жизнь. Живи иначе, но врядъ ли есть хорошая жизнь.

Онъ поцѣловалъ сестру въ лобъ и осѣнилъ крестомъ. Она взглянула на него и увидѣла на этомъ лицѣ слѣды чувства проснувшейся на мигъ любви. На минуту оно показалось ей однимъ изъ лучшихъ лицъ, какія ей встрѣчались въ жизни, и невольно подумалось: оно могло бы быть такимъ всегда!—Могло бы!..

Сестру обвѣнчали. Свадьба была скромная, безъ бала. Отецъ принялъ на себя роль добраго отца и говорилъ всѣмъ, что этотъ бракъ есть исполненіе его воли, не давалъ повода думать, что въ семействѣ случилась катастрофа, но всѣ и не думали этого, а просто-напросто были увѣрены въ существованіи грустнаго факта. Съ учителемъ отецъ обошелся холодно и сухо и, прощаясь съ нимъ вечеромъ, спросилъ его:

— Когда вы уѣзжаете изъ Москвы?

— Черезъ четыре дня.

— И прекрасно!

Черезъ четыре дня молодые собрались въ дорогу. Они были веселы и счастливы, ни тѣни неудовольствія или злобы не промелькнуло на ихъ лицахъ, когда они прощались съ отцомъ и мачихою. Сестра горячо поцѣловала меня на прощаньи; я расплакался.

— Значитъ, мы никогда не увидимся, Леля!

— Какъ не увидимся! Увидимся, миленькій!—утѣшала она меня, еще не зная, какъ и при какихъ обстоятельствахъ придется намъ свидѣться въ будущемъ.—Учись хорошо, будь умнымъ и честнымъ. Не расходись со своимъ Колькой, онъ хорошій мальчикъ.

Она еще и еще разъ поцѣловала меня, а я, молчаливо рыдая, стоялъ съ поникшей головой и ничего не видѣлъ и ничего не слышалъ. Кто-то еще поцѣловалъ меня, уже не такъ горячо, какъ сестра.. Что-то говорили, утѣшали меня... На улицѣ загремѣли колеса отъѣзжающаго экипажа... Я бросился на свою постель и долго-долго рыдалъ, одинъ, забытый всѣми, никому не нужный, никѣмъ не любимый. «Господи! зачѣмъ живутъ никому не нужныя дѣти!» воскли-

Digitized by Google

цалъ я нѣсколько разъ, судорожно кусая уголъ подушки и истерически вздрагивая всѣмъ тѣломъ.

XIII.

Заключеніе первой части.

Отецъ и мачиха рѣшились оставить меня безъ учителя до моего поступленія въ корпусъ, до котораго оставалось два мѣсяца. Я зналъ больше, чѣмъ требовалось знать для вступительнаго экзамена, и опасаться за меня было нечего. Повидимому, не было ничего худого въ томъ, что ребенку даютъ время для отдыха. Но вотъ вопросъ: отдохнетъ ли ребенокъ, если онъ будетъ совершенно одинокъ, если его давитъ грусть, если онъ не знаетъ, не можетъ выдумать, чѣмъ бы заняться? Не будетъ ли ему этотъ отдыхъ страшнѣе наказанія? Вѣдь взрослыхъ преступниковъ наказываютъ тѣмъ, что оставляютъ ихъ однихъ, не назначаютъ имъ никакой опредѣленной работы и молча поятъ и кормятъ ихъ. То же сдѣлали и со мной, но я не былъ преступникомъ, я даже не былъ взрослымъ. Пробовалъ я читать книги, день читалъ, другой читалъ,—онѣ мнѣ опротивѣли, я удивлялся, какъ могъ я прежде находить въ нихъ что-нибудь интересное, и пришелъ къ заключенію, что глупѣе и скучнѣе книгъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Будь я мѣщанскимъ ребенкомъ, я сталъ бы что-нибудь клеить, мастерить какія-нибудь игрушки, но наша жизнь не могла научить меня этому. Пробовалъ я лежать по цѣлымъ утрамъ на окнѣ и безсознательно глядѣть на улицу, на проходящихъ,—тоже наскучило. Пробовалъ спать вплоть отъ утренняго чая до завтрака и отъ завтрака до обѣда, но меня страшно разбранили за мою заспанную физіономію, и самъ я убѣдился въ неловкости этой выдумки, заплативъ за нее ночной безсонницей, окончившейся подъ утро горячечнымъ жаромъ и бредомъ. «Хоть бы захворать, что ли!» подумалось мнѣ, такъ вѣдь нѣтъ, не захворалъ! Отецъ велѣлъ мнѣ прогуливаться въ сопровожденіи Андрюшки. Начались прогулки. Сначала онъ ходилъ со мною рядомъ и вздумалъ забавлять меня своими циническими разсказами: къ нимъ подавала ему поводъ первая встрѣтившаяся на улицѣ женщина, первая картинка, выставленная на окнѣ магазина и попавшаяся намъ на глаза. Меня разозлило нахальство лакея, и я приказалъ ему ходить сзади меня и молчать; онъ—оскорбился и надулся. Съ этого дня я ходилъ на три шага впереди Андрюшки, а онъ, засунувъ руки въ кар-

Digitized by Google

маны своихъ штановъ, заломивъ на бокъ фуражку и насвистывая какую-нибудь пѣсню, небрежно тащился за мною своею перевалистою лакейской походкой. Каждый изъ насъ принималъ видъ, что онъ идетъ самъ-по-себѣ, и что оба мы господа. Андрюшка иногда останавливался у оконъ магазиновъ и глазѣлъ на вещи, дѣлая видъ, что ему нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до того маленькаго господина, который идетъ впереди, а маленькій господинъ, въ отплату за такое невниманіе къ его особѣ, спѣшилъ нечаянно завернуть въ первую улицу и испугать большого господина, дѣлая видъ, что онъ вдругъ такъ-таки совсѣмъ пропалъ. Эти путешествія были до крайности комичны и, при воспоминаніи о нихъ теперь, мнѣ кажется, что мы оба были тогда похожи на полоумныхъ и, вѣроятно, не одинъ прохожій съ удивленіемъ поглядывалъ на насъ и, пожимая плечами, думалъ про себя: «Что за чудаки? Точно сумасшедшіе!» Можетъ-быть, въ этомъ предположеніи была своя доля страшной правды. Что такое, какъ не сумасшедшій, этотъ важно прогуливающійся лакей, заложившій руки въ карманы штановъ, пропитанный запахомъ кабака, плохо заглушаемымъ даже запахомъ помады, разящимъ отъ его волосъ, погруженный по-уши въ грязный развратъ и сладко мечтающій о сальныхъ картинахъ этого разврата? И развѣ не сумасшедшій этотъ ребенокъ, еще не умѣющій любить, но уже ненавидящій родной свой домъ, думающій только объ одномъ, какъ бы вырваться изъ этого дома, хоть въ корпусъ, хоть въ омутъ, но только бы вырваться, увидѣть другихъ людей, чужихъ, непривѣтныхъ, грубыхъ, но не своихъ полированныхъ родныхъ и знакомыхъ? Это сумасшедшіе, сумасшедшіе, прохожій,—и не дай Богъ тебѣ довести хоть единаго изъ своихъ ближнихъ до подобнаго сумасшествія, для котораго еще не придумала больницъ и лѣкарствъ наша жизнь.

Часто въ эти дни вглядывался я, отъ нечего дѣлать, въ лицо отца, какъ будто желая въ его чертахъ прочесть свою судьбу и запомнить ихъ навсегда, чтобы знать по малѣйшимъ ихъ измѣненіямъ, чего онъ хочетъ и какъ надо говорить съ нимъ. И еще страшнѣе прежняго казалось мнѣ теперь выраженіе этого лица. Ребенокъ, не зналъ я еще тогда, что и отцу тяжела жизнь, тяжелая для всѣхъ, что и онъ не виноватъ,—и обвинялъ его одного за все. Да проститъ мнѣ Богъ это дѣтское заблужденіе! Горькіе опыты давно научили меня прощать людей и подходить даже къ

Digitized by Google

самымъ преступнымъ личностямъ съ чувствомъ сожалѣнія и кроткой любви: я самъ такъ часто ошибался, такъ низко падалъ!.. Отецъ въ послѣднее время страшно измѣнился, обрюзгъ, немного посѣдѣлъ, немного сгорбился и казался старше своихъ лѣтъ. Прежняя живая энергія, уже смѣнившаяся мрачностью при возвращеніи изъ-за границы, смѣнилась теперь выраженіемъ презрѣнія, равнодушія и холодности. Его нижняя губа какъ будто отвисла, глаза впали и тупо смотрѣли изъ-подъ нависшихъ бровей въ упоръ на встрѣчнаго. Отъ него вѣяло холоднымъ отвращеніемъ ко всему окружающему. Теперь онъ, казалось, не станетъ кричать на человѣка и бѣсноваться, но просто безъ пощады придавитъ его, если это будетъ нужно, по его мнѣнію. Такъ вѣрнѣе, такъ короче, крики безплодны—надо дѣйствовать. Однимъ словомъ, онъ вдругъ сдѣлался похожимъ на тѣхъ важныхъ стариковъ, которые заморозили въ себѣ всѣ нѣжныя чувства, ни отъ чего не волнуются, ничему не удивляются, твердо исполняютъ свои желанія и питаютъ презрѣніе ко всему, что еще молодо, нестойко и страстно. Въ ихъ присутствіи становится холодно, дрожь пробѣгаетъ по тѣлу и замираетъ на губахъ первое горячее слово, голова клонится невольно подъ этимъ ледянымъ взглядомъ. Но вѣдь были же молоды и они? Неужели же они не увлекались, не кипѣли страстью?.. «Все врешь! ты такой же подлецъ, какъ и всѣ», слышалось въ односложныхъ возраженіяхъ отца своимъ собесѣдникамъ. «Какой отецъ страшный!»—думалось мнѣ.—Но почему же Григорій Ивановичъ смѣлъ оскорблять его сына? Почему сестра вышла замужъ противъ его воли? Почему Андрюшка, безъ его позволенія, пьетъ, крадетъ и разсказываетъ мнѣ гадкія вещи? Почему мачиха не боится его и дружна съ Александромъ Ивановичемъ? И какъ смѣютъ всѣ смѣяться надъ этимъ, даже прислуга?» Не могъ я доискаться отвѣтовъ на эти вопросы, вызванные самой жизнью, не могъ отвѣтить себѣ, почему отецъ такъ страшенъ и, все-таки, всѣ поступаютъ противъ его воли, и даже я, дитя, хочу освободиться отъ этой воли.

— Зачѣмъ ты чавкаешь, какъ собака? — говорилъ мнѣ отецъ холоднымъ тономъ во время обѣда.

Я переставалъ ѣсть и, потупившись, сидѣлъ за столомъ.

— Что ты волченкомъ смотришь? Кто тебя этому научилъ?—еще холоднѣе допрашивалъ онъ.—Музыку, что ли, для тебя нанять, чтобы тебѣ было весело?

— Мнѣ не скучно,—глухо и мрачно лгалъ я ему.

Digitized by Google

— Ха-ха-ха!—смѣялась мачиха.—Какимъ замогильнымъ голосомъ произнесъ онъ это: мнѣ не скучно! Точно его погребаютъ заживо. Ему бы тѣнь отца Гамлета на театрѣ играть.

— Въ корпусъ, что ли, не хочешь ѣхать?

— Нѣтъ, мнѣ очень хочется.

— То-то же. Смотри у меня!

И эта угроза выговаривалась безъ горячности, безъ кипучаго гнѣва, убійственно-равнодушно, а у меня на глаза навертывались слезы, и я употреблялъ нечеловѣческія усилія, чтобы онѣ не полились ручьемъ въ мою тарелку, проклиналъ свою бабью чувствительность, ругалъ себя въ душѣ, хотѣлъ быть грубымъ и черствымъ. Я старался ни о чемъ не думать, или думалъ о томъ, что вотъ на столѣ тарелки и графины стоятъ, что у Андрюшки галстукъ криво повязанъ, а у мачихи волосы взбиты—однимъ словомъ, я самъ развлекалъ себя, какъ развлекаютъ иногда тоскующихъ людей пустѣйшею болтовнею, чтобы они только не имѣли времени думать о своемъ не пустомъ горѣ.

Такъ глухо и однообразно шли дни рокового мѣсяца, и казалось, конца не будетъ каждому изъ нихъ, точно они состояли не изъ двадцати-четырехъ часовъ, а изъ цѣлаго года. «Еще недѣля,—говорилъ я себѣ, ложась спать:—это никогда не кончится!» «Еще пять дней»,—охалъ я черезъ день, и тревожной радостью забилось мое сердце, когда, ложась въ постель, я сказалъ себѣ: «завтра уѣду!..»

Настало утро мутное, сѣрое, а мнѣ оно казалось яснымъ и розовымъ. Быть-можетъ, никто и никогда не торопился такъ на первое свиданіе съ любимой женщиной, какъ торопился я къ отъѣзду изъ родительскаго дома...

— Скоро ты будешь готовъ?—спросилъ отецъ.

— Я давно собрался,—отвѣтилъ я, выходя къ нему съ фуражкою въ рукѣ.

— На тебя какая-то особенная расторопность напала сегодня; это немного странно, вѣдь ты не на балъ ѣдешь,—замѣтила мачиха обидчивымъ тономъ.

— Глупости!—сурово произнесъ отецъ.

— Однако, это обидно...

— Не мѣшайтесь, сударыня, не въ свое дѣло!.. Книги велѣлъ собрать Андрюшкѣ?

— Онѣ уложены еще вчера.

— Прощайся съ матерью.

Я подошелъ къ мачихѣ.

Digitized by Google

— Прощай!—проговорила она, подставляя мнѣ руку для цѣлованія.

И ни благословенія, ни слезъ, ни пожеланій не было на этомъ прощаніи. Мачиха проводила отца и меня до дверей комнаты и не вышла даже въ переднюю. Еще суше простился я съ прислугою, совершенно чужой для меня, не любившей меня такъ же, какъ не любилъ и я ее. И за что было намъ любить другъ друга? Она видѣла во мнѣ такого же крѣпостного человѣка моего отца, какимъ былъ каждый изъ ея членовъ, значитъ во мнѣ нечего было даже заискивать...

Я и отецъ сѣли въ экипажъ. Андрюшка вскарабкался на козлы къ ямщику, тотъ свистнулъ и стегнулъ по лошадямъ: «эй, вы, голубчики!» И понеслись мы сначала по мостовой московскихъ улицъ съ криками: «пади! берегись лупоглазый!» потомъ по московскому шоссе между полей, лѣсовъ и окрестныхъ деревень съ темными избами, съ темною жизнью. Мелькали села, люди, экипажи, станціи, какъ смутные призраки ночныхъ сновидѣній, не оставляющіе никакихъ впечатлѣній въ душѣ человѣка, мѣнялись лошади, то бойкія, то изморившіяся въ ѣздѣ, то съ норовомъ, — такъ годы нашей жизни то мчатъ насъ вихремъ среди живыхъ событій и сладкихъ встрѣчъ по пути развитія, то скучно и медленно волочатъ насъ по липкой грязи вседневныхъ нуждъ и мелкихъ оскорбленій, то заносятъ насъ въ ухабы и рытвины, сваливаютъ въ грязныя канавы, полныя тинистой воды, оставляя по себѣ воспоминаніе только тѣмъ, что ломитъ наши кости, грудь еле дышитъ, да на тѣлѣ виднѣются синяки отъ ушибовъ. Но какъ бы то ни было, а все же тащите насъ впередъ, годы-кони, авось куда-нибудь и доѣдемъ!

Вотъ и Петербургъ! Какъ-то сбоку и случайно сверкаетъ солнце, прорвавшись сквозь грязныя тучи. Это прообразъ моей будущей судьбы, полной случайныхъ радостныхъ встрѣчъ и случайнаго счастія, озарившихъ меня свѣтомъ въ непроглядномъ мракѣ пустоты, пошлости и горя. Опять мелькаютъ въ сторонѣ кресты Митрофаніевскаго кладбища, эти вѣстники вѣчныхъ страданій и смерти, проводившіе меня годъ тому назадъ при отъѣздѣ въ Москву. Опять творю крестное знаменіе, завидѣвъ ихъ, но творю тайно, чтобы отецъ не звалъ меня ханжой. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ страха передъ будущимъ и въ головѣ шевелится одна мысль: «Мы будемъ жить въ одномъ городѣ съ Колькой».

Digitized by Google

— Стой, чучело!—кричитъ Андрюшка на ямщика.—Эй, любезный, вели кому-нибудь пособить мнѣ втащить чемоданъ!—кричитъ онъ швейцару гостиницы, просунувшись до половины въ двери параднаго крыльца, а мы уже взбираемся по лѣстницѣ, устланной ковромъ.

Прислуга по неизвѣстнымъ причинамъ суетится около насъ и, кажется, хочетъ пособить намъ втащить свои особы на лѣстницу или поддержать наши ноги, что ли, или сдѣлать что-нибудь такое, чтобы мы разомъ прониклись уваженіемъ и къ гостиницѣ, и къ ея хозяину, и къ ея служителямъ, и полюбили всѣхъ ихъ искреннею любовью, выражающеюся подаяньемъ на водку. Мы входимъ въ номеръ, и я узнаю его. Это та самая комната, гдѣ я два года тому назадъ плакалъ, сидя у окна, передъ поступленіемъ въ домъ Люлюшиныхъ. «О, если бы меня опять отдали къ нимъ!»— мысленно восклицалъ я.

А день тихо гаснетъ, отъ домовъ ложатся широкія тѣни на мостовую улицы и на противоположныя зданія, облака еще горятъ послѣдними лучами далеко заходящаго солнца, но еще нѣсколько минутъ—и они потухли, приняли цвѣтъ остывшей золы и на клочкѣ виднѣющагося между нихъ неба уже затеплилась, засверкала ясная первая звѣздочка, наконецъ, темнѣетъ и она... Все глуше и глуше становится смутный, какъ подземный стонъ, шумъ ѣзды, движенія и говора; еще гдѣ-то передъ лабазомъ ноетъ шарманка, какая-то баба подъ эти звуки и въ разладъ съ ними визгливо поетъ циническимъ голосомъ городскую лакейскую пѣсню,— и вдругъ мгновенно все умолкаетъ—и шарманка, не дотянувшая послѣдней нотки, и недопѣтая пѣсня... Должно-быть, лабазникъ далъ денегъ этимъ отвратительнѣйшимъ нищимъ изъ празднаго люда городской жизни и сталъ затворять свой лабазъ. Теперь они пойдутъ въ кабакъ...

— Ложись спать! — приказываетъ отецъ. — Завтра надо рано ѣхать въ корпусъ.

— Покойной ночи, папа, — робко выговариваю я, и почему-то вдругъ мое сердце сдавила тяжелая грусть, налегла на него, какъ камень.

— Прощай!

Тихо уснулъ я, дитя, и не чуялъ, что этимъ днемъ оканчивалось мое дѣтство, что черезъ нѣсколько дней я буду кадетомъ и начну новый періодъ своей жизни, который переживаютъ только дѣти, заброшенныя куда-нибудь въ учебное заведеніе, казенное или неказенное — это рѣши-

Digitized by Google

тельно все равно, и позабытыя всѣми родными и знакомыми. Это не юность, но и не дѣтство; это какой-то тревожный сонъ, гдѣ ребенокъ знакомится со всѣмъ, что̀ есть грязнаго въ жизни, и не знакомится только съ самою жизнью. Она посылаетъ туда свои призраки, доходитъ туда, какъ смутное эхо, но никогда не показываетъ своего настоящаго голоса. Туда идутъ люди не по глубокому убѣжденію, но потому, что однимъ нужно гдѣ-нибудь учиться, другимъ нужно гдѣ-нибудь служить, чтобы получать жалованье и не умереть съ голода. Тамъ есть и бурныя страсти, и самыя чистѣйшія добродѣтели, и самые гнусные пороки, потому что ничто необходимое не вызвало ихъ на свѣтъ, а они явились какъ-то такъ, сами собою, чтобы тревожить, очерствлять и губить характеры живущихъ тамъ людей. Эти люди могли бы разойтись безъ сожалѣнія, и расходятся они безъ горя, если однихъ изгоняютъ за негодностью, если другіе находятъ гдѣ-нибудь другое мѣсто, гдѣ можно жить, не боясь голодной смерти... Однимъ словомъ, это школа, училище, корпусъ—то-есть призракъ жизни.

Ему-то надѣюсь я посвятить слѣдующую часть моей автобіографіи.

Digitized by Google

Часть вторая.

I.

Я не выдерживаю экзамена.

— Послушай! Что ты остановился, осел? — крикнулъ отецъ кучеру, высовывая голову изъ окна извозчичьей кареты.

Мы подъѣзжали въ эту минуту къ корпусу и были отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, когда встрѣтилось неожиданное препятствіе.

— Да вонъ народъ! — лаконически отвѣтилъ возница, лѣниво полуоборотивъ голову къ моему отцу.

— Ну, крикни, чтобы раздался!

— Да нельзя, хоронятъ!

Кучеръ указалъ кнутовищемъ на приготовлявшуюся погребальную процессію передъ корпуснымъ зданіемъ.

Отецъ поглядѣлъ по указанію кучера и отворилъ дверцы.

— Добра не будетъ! — пробормоталъ онъ сквозь зубы, вѣроятно, поддаваясь силѣ шуповскихъ преданій, и сказалъ мнѣ:—вылѣзай!

Я поднялся съ мѣста и на мгновеніе остановился въ дверяхъ экипажа, чтобы съ этихъ импровизированныхъ подмостковъ взглянуть на пеструю картину, развернувшуюся передъ моими глазами. Передъ корпуснымъ зданіемъ была тьма-тьмущая народа, впереди котораго стояли въ строю солдаты, кадеты и музыканты, еще ближе ихъ къ дому стояли дроги, запряженныя четверкою лошадей въ траурныхъ попонахъ, и занимали свои мѣста факельщики въ поношенныхъ шляпахъ съ черными повязками и въ порыжѣвшихъ узенькихъ шинеляхъ, похожихъ на распашные

Digitized by Google

капоты съ пелеринками. Въ дверяхъ подъѣзда показались пѣвчіе, священникъ, офицеръ съ бархатною подушкою, на которой лежали два ордена, и, наконецъ, гробъ съ привинченными къ нему каской и саблей, несомый офицерами. Музыканты заиграли погребальный маршъ. Толпа сняла фуражки и начала креститься. Надрывающіе сердце звуки музыки жалобно слились съ не менѣе надрывающимъ пѣніемъ пѣвчихъ. Въ этомъ было что-то торжественное. Гробъ поставили на дроги, процессія тронулась... Я сошелъ со своихъ подмостковъ и подумалъ: «Хорошо хоронятъ военныхъ!» Въ эту минуту мнѣ очень хотѣлось быть въ корпусѣ, быть военнымъ. Я и отецъ стали продираться сквозь толпу любопытныхъ, что было довольно трудно: бо́льшая часть изъ нихъ, вѣроятно, считала насъ за такихъ же зѣвакъ, какъ и они сами, и потому упорно отстаивала свои мѣста, только нѣкоторые изъ смѣтливыхъ мужиковъ, замѣтившихъ, что мы пріѣхали въ каретѣ, говорили своимъ сосѣдямъ, толкая ихъ подъ бока:

— Пропустите! не видите, что ли, что баринъ на похороны пріѣхалъ!

Пробравшись въ корпусъ, мы принуждены были подождать корпусное начальство, оно пошло проводить покойника до ближайшаго угла улицы. Въ пріемной комнатѣ уже толпилось множество родителей, дядюшекъ, тетушекъ и опекуновъ привезенныхъ на экзаменъ дѣтей. Дѣти жались къ старшимъ и косо поглядывали другъ на друга, точно сознавая, что каждый лишній ребенокъ есть лишнее бревно, лежащее на дорогѣ къ корпусу. Какой-то господинъ въ неуклюжемъ сюртукѣ, повидимому, помѣщикъ, вступилъ въ разговоръ съ отцомъ.

— Что, сынка привезли отдавать въ корпусъ? Да? Я тоже своего шалопая привезъ изъ деревни... Довольно ему баловаться-то! Изъ французскаго-то будутъ экзаменовать? А?.. Думаете, что будутъ? Плохо! Мой не учился. Говорилъ женѣ, что надо подготовить, такъ нѣтъ, хозяйство — время нѣтъ! А вашъ-то знаетъ? Что онъ, больной, что ли? Или такъ худенькій? — говорилъ скороговоркою господинъ, повторяя отвѣты моего отца и дѣлая озабоченную физіономію. Я и его сынишка смотрѣли другъ на друга *козлами*, точно приготовляясь вступить въ единоборство. Чѣмъ больше прибывало людей въ пріемную комнату, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе я начиналъ робѣть, что̀ очень понятно въ положеніи каждаго ребенка за минуту передъ первымъ публичнымъ экза-

Digitized by Google

меномъ и еще болѣе понятно при моемъ отчужденіи отъ общества, при моей запуганности и дикости.

— Папа, меня при всѣхъ будутъ экзаменовать? — спросилъ я.

— Разумѣется, при всѣхъ, не въ темную же комнату тебя увести,—отрывисто отвѣтилъ отецъ.

Я растерялся еще болѣе.

Часовъ въ двѣнадцать начался экзаменъ. Экзаменующихся увели въ классы, родители остались въ пріемной. Въ сущности испытаніе было очень не строгое и не большое, но для меня каждая ариѳметическая задача казалась какой-то шарадою, каждое слово при диктовкѣ казалось какимъ-то іероглифомъ, который могъ бы разобрать развѣ какой-нибудь знаменитый ученый, но ужъ никакъ не я. Священникъ началъ спрашивать меня краткій катихизисъ и священную исторію—я краснѣлъ и сбивался.

— Вы у какого законоучителя учились?—спросилъ онъ.

— У меня были учителя Филипповъ и Похвистневъ,—отвѣтилъ я.

— Изъ какой церкви?

— Они не изъ церкви, они студенты.

— Вы у нихъ и священной исторіи учились?

— Да.

— Плохо вы учились,—качая головою, проговорилъ священникъ, ласково проводя рукою по моей головѣ.

Я самъ понялъ въ эту минуту, что этимъ предметамъ я плохо, или, лучше сказать, вовсе не учился, а они были необходимы для экзамена.

— Ну, а сколько въ трехъ десяткахъ единицъ?—спросилъ меня шутливымъ тономъ съ добродушною улыбкою учитель, экзаменовавшій меня изъ ариѳметики.

Онъ въ эту минуту разсматривалъ невѣрно рѣшенныя мною задачи и, мало-по-малу, начиналъ хмуриться.

Его простой вопросъ смутилъ меня до-нельзя. Я задумался и — странное дѣло! — задумался не о томъ, какъ бы вѣрно и скоро отвѣтить на вопросъ, а о томъ, что рядомъ со мною сидѣлъ другой нарядно-одѣтый экзаменующійся ребенокъ и насмѣшливо улыбался, глядя на меня. Отвѣтъ былъ у меня на языкѣ, но я не могъ выговорить ни одного слова, мои губы дрожали, какъ въ лихорадкѣ.

— Ну, что же-съ?— повторилъ сурово экзаменаторъ, отталкивая листокъ съ моими задачами.

— Не знаю-съ,—наивно вымолвилъ я.

Digitized by Google

— Да, я вижу, что вы и этого не знаете,—проговорилъ онъ, пожимая плечами, и холодно отошелъ къ другимъ дѣтямъ.

— Послушайте,—произнесъ я почти шопотомъ, когда онъ отошелъ:—тридцать!

— Надумались!—раздался насмѣшливый отвѣтъ.

— Экой ты глупый!—шепнулъ мнѣ нарядный мальчуганъ, и онъ снова посмотрѣлъ на меня съ язвительной улыбкой.

«Глупый», повторилъ я мысленно и задумался. «Глупый? нѣтъ, не глупый я, а ничего мнѣ теперь не подѣлать тутъ», продолжалъ я размышлять. И снова началъ я пристально разсматривать свои задачи, удивляясь, почему это я не могъ исполнить какъ слѣдуетъ ихъ рѣшенія, вѣдь, кажется, все такія простыя вещи были, все такое ясное для меня, а вотъ, все-таки, не вышло!.. Ужъ видно я, въ самомъ дѣлѣ, такой глупый, тупица!

— Это, однако, удивительно! —вы говорите по-французски отлично, а между тѣмъ такъ плохо переписали отмѣченный мною кусокъ изъ книги, точно вы никогда и не писали по-французски,—говорилъ экзаменаторъ-французъ.

— Я оробѣлъ...

— Да, помилуйте, чего же? Плохой вы будете военный. Ну, попробуйте теперь прочитать вотъ это.

Я отлично прочелъ указанное мѣсто.

— Прекрасно! Право, странно. Можно ли быть такимъ робкимъ? Это не хорошо. Вы не баба.

Экзаменъ кончился. Дорогой отецъ разспрашивалъ меня, какъ я отвѣчалъ, зналъ ли что-нибудь.

— Кажется, зналъ,—отвѣтилъ я.

— Кажется, зналъ!—передразнилъ онъ мои неохотно произнесенныя слова.—Что ты сегодня точно мокрая курица!

— Я ничего.

— Я ничего! Отвѣчать не умѣешь! Болитъ у тебя что-нибудь, что ли?

— Нѣтъ.

— Такъ что же съ тобой?

— Скучно мнѣ!

— Вотъ нашелъ время скучать, когда дѣло дѣлать надо!— Смотри у меня, если тебя не примутъ! Не думаешь ли ты, что я тебя въ Москву обратно повезу, на печи валяться, нянчить тебя стану? И не воображай! Скучно! Еще отъ земли не видно, а туда же... скучать умѣютъ!

Я ничего не думалъ, ничего не возражалъ, а весело мнѣ все же не сдѣлалось...

Digitized by Google

На другой день отецъ одинъ поѣхалъ справляться, принятъ ли я, или нѣтъ. Оказалось, что—*нѣтъ*. Хорошій баллъ стоялъ только за французскій языкъ, изъ котораго можно было безъ убытка для себя получить единицу. Въ утѣшеніе отцу посовѣтовали подготовить меня къ будущему году. Отецъ поблагодарилъ за совѣтъ и поскакалъ въ гостиницу, гдѣ мы остановились. Началась буря... Тяжело вспоминать горькія сцены изъ дѣтской жизни! Сколько въ эти минуты погибло хорошихъ сторонъ нашего характера, сколько утратилось мягкости и нѣжности, сколько скопилось безплодной жёлчи и злобы! Не родимся же мы негодяями, а многіе ли спасаются? Богъ съ ними, съ этими горькими минутами дѣтства!

Отецъ для большей торжественности поѣхалъ со мною къ теткѣ-кивакалкѣ и устроилъ семейный совѣтъ, гдѣ я игралъ роль подсудимаго и гдѣ обсуживались заранѣе рѣшенные въ головѣ отца вопросы: куда отдать для исправленія этого негоднаго подсудимаго, казнить его, или помиловать, то-есть: сѣчь, или не сѣчь? Оказалось, что сѣчь не требуется. На этотъ пунктъ рѣшенія имѣли вліяніе наше пребываніе въ гостиницѣ и нежеланіе тетки, чтобы экзекуція происходила въ ея домѣ. Отдать же подсудимаго рѣшились въ какое-нибудь частное учебное заведеніе, гдѣ воспитываются дѣти порядочныхъ людей. Разумѣется, рѣшеніе семейнаго совѣта не состоялось безъ приличныхъ случаю внушеній мнѣ о моей негодности, о томъ, что я погибшій человѣкъ, что мнѣ дѣлаютъ милость, заботясь обо мнѣ и не приводя въ исполненіе давно произнесенной угрозы упрятать меня въ кантонисты. Отецъ хлопоталъ, ѣздилъ, отыскивалъ училище, гдѣ можетъ воспитываться сынъ благородныхъ родителей, брюзжалъ при встрѣчахъ со мною, говорилъ, что онъ меня видѣть равнодушно не можетъ, и, наконецъ, покончилъ всѣ хлопоты, устроивъ меня въ одно изъ довольно большихъ частныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ приготовляли юношество къ поступленію въ юнкера, въ университетъ и т. д. Курсъ ученія равнялся гимназическому, хотя и былъ нѣсколько разнообразнѣе, сообразно съ цѣлями училища. Я съ сожалѣніемъ вздохнулъ о кадетскомъ мундирѣ съ цвѣтными погончиками и галунчиками, навсегда исчезнувшими передо мною въ области сновъ и мечтаній, гдѣ намъ съ вами, читатель, нечего дѣлать и куда я не думаю васъ вести. На первыхъ порахъ съ трудомъ мирился я съ синевато-сѣрыми сюртучками, съ черненькой фуражкой безъ козырька и съ

Digitized by Google

черною курточкою, украшенною черными же пуговицами и мысомъ назади; казались онѣ мнѣ гадки и не такъ значительны, какъ кадетскій, бросающійся въ глаза, нарядъ, даже тогда, когда я одѣвался въ нихъ въ четырехъ стѣнахъ занимаемой нами комнаты въ гостиницѣ, и ужъ никакъ не думалъ я щеголять ими передъ публикой. Но, видно, ничего не подѣлаешь! Зачѣмъ было конфузиться? Не сконфузься я—и былъ бы кадетомъ.

II.

О томъ, какъ легко втянуться въ новую жизнь.

— Что, сова, очумѣла, на дорогѣ стоишь?—крикнулъ кто-то надъ моимъ ухомъ, далъ мнѣ толчка въ бокъ и, не обращая вниманія, какъ я клюнулся носомъ въ стѣну, пошелъ своею дорогой.

Я очнулся...

Черезъ минуту я теръ себѣ лобъ, но не отъ боли, а какъ будто желая убѣдиться, что все окружающее меня дѣйствительно не сонъ. Передо мною тянулся и, какъ мнѣ почему-то казалось въ ту пору, тянулся гораздо далѣе петербургскихъ заставъ, рядъ одноцвѣтныхъ, несносно правильныхъ комнатъ-коридоровъ со стѣнами безъ всякихъ украшеній и развлекающихъ глазъ ненужностей, этихъ первыхъ признаковъ свитаго человѣкомъ *для себя* и для *своихъ* дѣтей гнѣзда. Еще сильнѣе бросалась въ глаза эта нагота тому, кто уже успѣлъ заглянуть въ квартиру, находившуюся въ концѣ комнатъ-коридоровъ: въ ней свилъ себѣ гнѣздо содержатель школы, и его жилище дышало жизнью и привѣтно встрѣчало посѣтителя. Если же посѣтитель встрѣчалъ въ этихъ нежилыхъ комнатахъ какія-нибудь вещи, то, не тратя ни минуты на раздумье, онъ убѣждался въ крайней, неизбѣжной необходимости этихъ вещей уже по одному официальному ихъ виду и строгой точности въ размѣщеніи; даже на мгновеніе ему непремѣнно должно было придти въ голову, что комната — простой футляръ, защищающій вещи отъ атмосферическихъ перемѣнъ. Если посѣтитель видѣлъ кровать съ желѣзнымъ прутомъ, жестяною визитною карточкою и фуражкою въ изголовьи, шкапикъ возлѣ подушки и табуретъ въ ногахъ, выкрашенные одной и той же краской, то, зажмуривъ глаза и отсчитывая по два шага на кровать и по два на промежутокъ со шкапикомъ и табуретомъ, онъ могъ пройти до противоположной стѣны и, остановившись на этомъ мѣстѣ, положимъ, послѣ двухсотъ шаговъ, имѣлъ

Digitized by Google

право, не ошибаясь, сказать:—здѣсь стоитъ по пятидесяти означенныхъ вещей на каждой сторонѣ. Потомъ, глядя на жестяныя визитныя карточки, играющія роль билетовъ, прибиваемыхъ къ дверямъ нашихъ жилищъ, посѣтитель могъ сказать, кому принадлежитъ каждая отдѣльная коллекція означенныхъ вещей и, еще не видавъ ихъ обладателя, получалъ о немъ извѣстную долю понятій, напримѣръ: цвѣтъ визитной карточки—красный, синій, бѣлый—говорилъ вамъ о баллахъ за прилежаніе и поведеніе ея обладателя, присутствіе фуражки заявляло о его добромъ здоровьѣ и о томъ, что онъ не гуляетъ въ данную минуту подъ надзоромъ гувернера, а величина ея указывала на объемъ его головы, изъ чего каждому предоставлялось выводить какія угодно заключенія. Въ этихъ однообразныхъ комнатахъ-коридорахъ бѣгали десятки столь же однообразныхъ мальчиковъ въ однообразно-неуклюжихъ сапогахъ, съ однообразно-остриженными и причесанными волосами. Всѣ эти мальчики такъ походили другъ на друга, что безъ привычки было бы трудно отыскать ихъ въ массѣ, вотъ хоть того шалуна, который такъ любезно вывелъ меня изъ задумчивости.

О чемъ же я думалъ среди этой живой суздальской картины, на которой одна и та же кисть, обмакнутая въ одну и ту же краску, проѣхалась по всѣхъ предметамъ? Удивлялся ли, что такъ скоро попалъ въ этотъ міръ школы, что экзаменъ прошелъ, какъ сонъ? Или заставили меня задуматься слова отца: «веди себя скромно, смотри весело, а не волченкомъ, не будь упрямъ: послушаніе важнѣе всего»? Не сравнивалъ ли я этотъ совѣтъ съ наставленіемъ, сказаннымъ за два года и требовавшимъ отъ меня самостоятельности, не доискивался ли причины различія этихъ двухъ противоположныхъ моралей? Или просто ныло и болѣло мое сердце оттого, что никто не заботится обо мнѣ, что никто не любитъ меня, что я безъ всякой вины, какъ старый хламъ, выброшенъ отцомъ на казенные хлѣбы изъ родного дома, гдѣ пьютъ, ѣдятъ и веселятся чужіе люди? Право, не знаю, которая изъ этихъ возможныхъ думъ болѣе занимала меня, но только помню одно, что чувство тоски было до того велико, что даже не давало мнѣ возможности мечтать, то-есть спастись бѣгствомъ изъ непривѣтнаго настоящаго въ прекрасное, по моему плану созданное, будущее. Люди, при помощи такого обманыванія себя, очень часто переносятъ безъ большихъ страданій свое скверное положеніе и потерю любимыхъ созданій. Тяжелое

Digitized by Google

чувство во мнѣ все росло и начинало переходить въ страхъ, а кругомъ меня шумѣла, дралась, хохотала, ругалась толпа такихъ же, какъ и я, ребятъ. Они третьяго дня, вчера, можетъ-быть, сегодня рано утромъ, простились со своими матерями, со своими отцами; я простился съ моимъ только за нѣсколько минутъ,—вотъ вся разница между нами. Значитъ, родительскіе дома, изъ которыхъ насъ отдали сюда, легко позабыть; значитъ, втянуться въ эту жизнь, окраситься въ общій цвѣтъ—еще легче?

— Тише! тише!—раздался чей-то голосъ, покрывшій десятки дѣтскихъ голосовъ: въ коридоръ вошелъ инспекторъ, насъ всѣхъ повели въ классы.

Классы кончились. Колокольчикъ возвѣстилъ время обѣда. Кушанье было сытное, не слишкомъ дурное, говядина еще не имѣла поползновенія превратиться въ мочалки, масло не совсѣмъ прогоркло и сохраняло, при помощи соли, сносный вкусъ; двѣ трети жителей земного шара ѣдятъ такой обѣдъ только по праздникамъ, и то не всегда, но я еще не настолько проголодался, чтобы рѣшиться ѣсть эти двусмысленныя блюда послѣ нашихъ роскошныхъ обѣдовъ, и съ ужасомъ замѣтилъ, что мой маленькій сосѣдъ спокойно вынулъ изъ своей порціи супа что-то черненькое, что мнѣ показалось тараканомъ; но теперь, вспоминая, воскрешая передъ собой форму этой черненькой вещи, я думаю, что это былъ просто уголекъ, хотя, если разсудить строго, то вѣдь и тараканъ могъ измѣнить свою фигуру въ супѣ?

— У васъ тараканъ былъ въ супѣ?—рѣшился я спросить у маленькаго хладнокровнаго человѣка.

— Нѣтъ, *это изюминка.*

— Какая изюминка?

— А ужъ объ этомъ спроси у Тараса: онъ всякую черную штуку изъ кушанья на зубъ пробуетъ, да изюминкой называетъ.

Меня поразило въ моемъ сосѣдѣ то, что онъ отвѣтилъ на оба мои вопроса разными голосами: на первый поддѣльнымъ басомъ, на второй—дѣтскимъ голосишкомъ.

— Неужели этотъ Тарасъ и таракановъ ѣстъ?—спросилъ я.

— Да отчего же ихъ и не ѣсть, коли они на изюминку похожи?

При этомъ мальчуганъ разсказалъ мнѣ разными голосами, какъ одинъ постникъ обращалъ въ карася порося, то-есть поросенка. По забубенному языку, какимъ говорятъ только опытные школьники, да длинноусыя личности въ потертыхъ

Digitized by Google

венгеркахъ,—присутствующія на всѣхъ россійскихъ ярмаркахъ и по чину представляющія нѣчто очень близкое къ отставному школьнику,—по угловато-молодецкимъ манерамъ, по двусмысленнымъ прибавленіямъ къ анекдоту, видно было, что мой сосѣдъ не новичокъ, а опытный молодой человѣкъ, и что мнѣ нужно до него дорасти. По всей вѣроятности, я тотчасъ же проникся бы къ нему уваженіемъ и, по свойственной мнѣ и многимъ людямъ слабости характера, постарался бы подражать ему во всемъ, если бы онъ во время нашего разговора не уронилъ себя въ моихъ глазахъ, начавъ рисовать пальцемъ узоры на поданной ему чистой тарелкѣ, на которой жирные слѣды вчерашняго обѣда удержались въ видѣ приправы къ сегодняшнему.

— Ишь ты, свой вензель нарисовалъ!—промолвилъ мой собесѣдникъ, проникнувшись удивленіемъ къ своему искусству и заглядывая на тарелку то съ той, то съ другой стороны, вѣроятно, для того, чтобы найти правильное освѣщеніе для вензеля.

— А какъ ваша фамилія?

— Золотовъ.

— Давно въ училищѣ?

— Да я, кажись, въ немъ и родился!

Колокольчикъ заключилъ обѣдъ и прервалъ нашу бесѣду. Нѣсколько минутъ спустя, насъ повели по классамъ. Учителей почти нигдѣ не было. Они, зная русскую неаккуратность, разсуждали, что въ первые дни никакъ не соберутся всѣ воспитанники и потому нельзя будетъ начать ученье; воспитанники же, зная, въ свою очередь, что учителя, оправдывая свою русскую лѣнь, разсудятъ именно такъ, тоже считали излишнимъ торопиться на первыя лекціи. Такимъ образомъ, явившіеся учителя, видя, что ихъ лѣнивые товарищи дѣйствительно правы, и что приходить въ школу не стоило, занялись ковыряньемъ перышкомъ въ зубахъ, нѣкоторые даже засовывали въ ротъ два пальца — большой и указательный,—очень искусно вытянутые и сложенные въ видѣ щипцовъ, и отъ скуки перебрасывались нѣсколькими фразами съ учениками, подтрунивая надъ тѣми, кто засѣлъ въ классѣ на второй годъ. Бо́льшая часть воспитанниковъ дремала, и только нѣкоторые трудились набивать табакомъ гильзы, въ сладкой надеждѣ получить за набитую сотню пять папиросъ. Заходящее солнце бросало послѣдніе косые лучи въ классныя окна и, озаряя столбы крутящейся и сверкающей пыли, пригрѣвало тѣхъ, кто случайно попалъ

Digitized by Google

подъ струю свѣта. Въ коридорѣ раздавались мѣрные, какъ удары маятника, шаги калмыка-сторожа, прозваннаго самоѣдомъ и, за мнимую неподкупность, опредѣленнаго въ сторожа къ импровизированному карцеру, и изрѣдка весело стучали каблуки вырвавшагося на минуту изъ класса и бѣжавшаго въ спальню ребенка. Тамъ онъ спугнетъ сладко задремавшаго на окнѣ и, какъ говорятъ на Руси, *удящаго головой рыбу* дядьку, дернетъ за хвостъ и заставитъ перепрыгнуть черезъ руки случайно завернувшую со двора кошку, выпьетъ изъ кружки глотка два воды и остатками обольетъ узорами полъ, потомъ съ минуту задумчиво полюбуется на этотъ узоръ и, что-то внезапно вспомнивъ, снова рѣзвыми ножками побѣжитъ въ классъ оканчивать нищевареніе... Скука!.. Но,—чу!—раздается рѣзкій звонъ колокольчика, спящіе просыпаются, трудящіеся прячутъ папиросы, всѣ бѣгутъ по коридорамъ, шумъ, гвалтъ въ комнатахъ,—и черезъ мигъ все мелкое населеніе, какъ попало надѣвая фуражки, несется играть на дворъ.

Я не думалъ вмѣшиваться въ игру и стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ; вдругъ одинъ школьникъ ударилъ меня по плечу и побѣжалъ прочь, крикнувъ: «пятнашка!» Я проворчалъ сквозь зубы: «дуракъ!»—и оставался стоять въ твердомъ намѣреніи не играть, но ко мнѣ подлетѣло еще нѣсколько человѣкъ изъ играющихъ и всѣ хоромъ начали дразнить меня: «пятнашка! пятнашка!» Это вывело меня изъ терпѣнія, я кинулся на нихъ—они разсыпались въ разныя стороны. Я остановился—они окружали меня снова; пришлось поневолѣ догнать, ударить кого-нибудь и поспѣшить увернуться отъ его удара. Этого было вполнѣ довольно, я попалъ въ число играющихъ, за мной гонялись болѣе, чѣмъ за другими, и мнѣ приходилось бѣгать безъ отдыха. Игра походила сначала на травлю, но потомъ за мной уже и не гонялись, а я все бѣгалъ-бѣгалъ и самъ напрашивался, чтобы меня запятнали. Мнѣ казалось весело бѣгать среди толпы дѣтей, изъ которыхъ *покуда* каждый былъ готовъ, по первому сигналу, избить меня, потому что я новичокъ и потому что никто и никогда не говорилъ этимъ дѣтямъ, что люди—братья и что мы должны встрѣчать беззащитнаго незнакомаго человѣка лаской. Звонъ колокольчика положилъ конецъ игрѣ, и мы всѣ пошли въ столовую ужинать. Когда я сходилъ съ лѣстницы въ спальню, то мои глаза уже слипались.

— Что, братъ, нажгли тебя, проманежился?—спросилъ

Digitized by Google

меня знакомый читателю Золотовъ и пребольно хлопнулъ меня по плечу, должно-быть, въ знакъ расположенія ко мнѣ.

— Да, я очень усталъ.

— Это ничего, выспишься лихо!

— Я и то едва иду, такъ спать хочется.

Въ эту минуту Золотовъ подставилъ мнѣ ногу, и я полетѣлъ съ двухъ послѣднихъ ступеней.

— Ну, вотъ и разогналъ сонъ!—засмѣялся шутникъ, исчезая въ полутемной спальнѣ.

Торопливо раздѣвшись, я улегся и началъ сладко засыпать, свернувшись въ клубокъ, когда мнѣ приказали повернуться на правый бокъ и положить руку сверхъ одѣяла. Кто приказалъ? зачѣмъ приказалъ? — не знаю; мнѣ слишкомъ сильно хотѣлось спать, и потому, исполнивъ приказаніе, несмотря на холодъ въ спальнѣ, которую еще не топили, я и не думалъ разсуждать объ этомъ предметѣ. И слава Богу!

Рано утромъ пронзительно взвизгнулъ колокольчикъ и нѣсколько секундъ продолжалъ звенѣть среди всеобщей тишины, раздражая успокоившіеся за ночь нервы. Мой сосѣдъ промолвилъ сквозь зубы: «чтобъ тебѣ лопнуть!» и, прибавивъ такое словцо, какого я и отъ Андрюшки не слыхивалъ, сталъ одѣваться. Я послѣдовалъ его примѣру. Отворяя свой ящикъ, я замѣтилъ, что въ немъ не было ни копейки денегъ. Я побѣжалъ къ дежурному гувернеру Иванову.

— У меня деньги украли.

— Сколько?—спросилъ онъ.

— Двѣнадцать рублей.

— Жаль, что не двадцать четыре, — сказалъ, улыбнувшись, Ивановъ.

Онъ вообще слылъ за остряка.

Я ничего не понялъ изъ этого отвѣта: для меня въ эту минуту была важна не сумма денегъ, а то, что эти украденныя деньги составляли весь мой капиталъ.

— Другой разъ не держи денегъ у себя, а отдавай ихъ на руки кому-нибудь изъ гувернеровъ,—добавилъ онъ.

— Тебя, голубчикъ, еще высѣчь бы надо, чтобы ты здѣсь воровъ не разводилъ, — ласковымъ голосомъ произнесъ другой гувернеръ, Мальцевъ, подошедшій къ намъ.

Онъ потрепалъ меня за ухо, взявъ его ногтями, и началъ разговаривать съ Ивановымъ.

Digitized by Google

— Вѣдь это, вѣроятно, кто-нибудь изъ новичковъ сдѣлалъ,—замѣтилъ Ивановъ.

— Можетъ-быть,—разсѣянно отвѣтилъ Мальцевъ, задумчиво провожая глазами каждаго проходившаго по коридору ученика.

— Вотъ такихъ-то дѣтей и извольте дѣлать нравственными, когда ихъ уже въ конецъ испортили дома,—рискнулъ пофилософствовать гувернеръ, почитывавшій иногда фельетоны.

— Что нравственность! Выпороть разъ пять, вотъ и отучится.

— Но...

— Нѣтъ, нѣтъ! вы взгляните вотъ на этого негодяя?—воскликнулъ Мальцевъ, хватая за руку Иванова, и указалъ на одного мальчугана, за которымъ онъ уже давно слѣдилъ глазами: съ такимъ ужасомъ, я думаю, глядѣлъ только Макбетъ на тѣнь Банко.—Какова походка! каковы манеры! а фигура-то! горохомъ его, что ли, дома кормили? Поди сюда!—Мальцевъ поманилъ пальцемъ смѣшную фигурку.—Взгляните на этотъ животъ!

— Ха-ха-ха!—засмѣялся Ивановъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы взгляните хорошенько на этотъ животъ! вы его пощупайте!

— Ха-ха-ха!—продолжалъ смѣяться Ивановъ.

— Да-съ, вамъ смѣшно! ну, а сдѣлайте изъ этого живота приличнаго свѣтскаго господина... Тутъ-съ и розга безсильна. Кто мнѣ поручится, что онъ отъ нея похудѣетъ? Кто?

— Но...

— Нѣтъ-съ, вы мнѣ скажите: кто мнѣ поручится, что онъ похудѣетъ отъ розги?.. Вотъ тутъ-то ваша философія и никуда не годится!—торжественно упрекнулъ Мальцевъ Иванова.

Я стоялъ во время этого разговора въ нѣсколькихъ шагахъ отъ разговаривающихъ, среди собравшихся учениковъ, и, кажется, все еще не терялъ надежды на отысканіе моихъ денегъ; наконецъ, звуки колокольчика заставили меня очнуться и идти вмѣстѣ съ другими пить чай.

— Зачѣмъ ты къ *амбасадеру* ходилъ? — спросилъ меня Золотовъ.

Онъ говорилъ въ эту минуту совершенно новымъ голосомъ, какъ-то въ носъ, и я нашелъ въ этой манерѣ сходство съ голосомъ Иванова.

Digitized by Google

— Къ какому амбасадеру?

— Извѣстно къ какому, у насъ одинъ Ивановъ — амбасадеръ.

Золотовъ началъ разсказывать своимъ голосомъ, какъ Ивановъ хвасталъ, что онъ знакомъ съ французскимъ амбасадеромъ, и за это самъ получилъ эту кличку. Меня въ эту минуту очень мало интересовалъ разсказъ Золотова, но его еще менѣе печалило мое горе.

— Лучше бы товарищество угостилъ, жаднаи собака!— сказалъ онъ мнѣ, вмѣсто утѣшенія, услышавъ о пропажѣ.

Снова раздался звонъ колокольчика и начался классъ священника, потомъ французъ и нѣмецъ, звонокъ и звонокъ, звонокъ и обѣдъ, и все это такъ плотно слѣдовало одно за другимъ, такъ жадно рвало на мелкія части день, не оставляя ни одного клочка каждому изъ насъ на употребленіе по личному вкусу, что къ вечеру чувствовалась только истома во всемъ тѣлѣ, не лишенная какой-то непонятной пріятности, и шевелилось одно и только одно желаніе поскорѣй лечь въ постель: о снѣ хлопотать было нечего, потому что онъ одолѣвалъ насъ и безъ того.

Послѣ шести такихъ дней долженъ былъ придти воскресный день, свободный для нѣкоторыхъ счастливцевъ, но онъ приходилъ только для того, чтобы ребенокъ понялъ, что онъ теперь не Ваня, не Гриша, не Поль, а школьникъ, школьникъ и школьникъ, что онъ уже и ходитъ иначе, можетъ-быть, лучше, но иначе, чѣмъ другія дѣти, и ѣстъ дома не такъ, какъ его братья и сестры, а съ волчьимъ аппетитомъ, о чемъ ему спѣшатъ сообщить его родители, что его рѣчь бьетъ по уху прежнихъ его товарищей странными выраженіями: «зубрить изъ батьки, ѣсть говядку, отгуливать уроки», и такъ далѣе, что, наконецъ, ему кажутся остроумными и поминутно приходятъ на память,—изгоняя изъ нея пушкинскія строфы,—разныя *мѣстныя* стихотворенія въ родѣ пародіи на «Воздушный корабль» Лермонтова.

Все это смѣшитъ родителей и знакомыхъ ребенка, вызываетъ шуточки съ ихъ стороны. Больно колютъ эти шуточки ребенка въ первые праздники, онъ хочетъ не заслуживать ихъ, но теченіе окружающей жизни уноситъ его за собою и все болѣе и болѣе оставляетъ на немъ своихъ знаковъ и клеймъ. Замѣчая это, ребенокъ начинаетъ выслушивать новыя шуточки на свой счетъ уже не съ болью, не съ краскою стыда, а съ раздраженіемъ старается показать всѣмъ, что онъ *по*

Digitized by Google

своей волѣ сдѣлался такимъ, что *ему* нравится быть такимъ, заступается за свою школу потому, что—худа ли, хороша ли она, но она-то не смѣется надъ нимъ. Видя, какъ удивляются его школьному аппетиту, онъ съ гордостью разсказываетъ, какъ у нихъ одинъ товарищъ сто штукъ шмандкуховъ съѣлъ, и выражаетъ сожалѣніе, что онъ еще не дошелъ до такой ловкости, хотя и не теряетъ надежды дойти до нея. Примѣчая смѣхъ надъ своими своеобразными выраженіями, онъ еще щедрѣе пересыпаетъ ими свою рѣчь, доводитъ ее до какого-то ухарства и невообразимой пошлости. Родители, знакомые, общество видятъ все это и, ни о чемъ не размышляя самостоятельно, не отыскивая причинъ каждаго явленія, слѣдуя какимъ-то понятіямъ по преданію, даютъ маленькому человѣчку кличку «школьникъ»— и успокаиваются.

Такъ выработался и я къ концу перваго года въ *школьника*. Тетка, три-четыре раза въ теченіе года взявшая меня въ отпускъ, говорила мнѣ съ язвительною улыбкою своимъ шипящимъ голосомъ:

— Что это ты такъ ногами стучишь? вѣдь ты не въ школѣ!

Я старался пройти тише, проклиная толстыя подошвы, хотѣлъ не стучать ногами, но это мнѣ плохо удавалось, я непремѣнно за что-нибудь задѣвалъ и разбивалъ какую-нибудь вещь: голыя стѣны классовъ и коридоровъ, грубая и прочная школьная мебель отучили меня отъ осторожности.

— Что съ тобой? Ты скоро стѣны съ мѣста сдвинешь. Какъ тебя въ училищѣ терпятъ! — слышалось восклицаніе сердитой на свою старость старухи.

Я машинально начиналъ вертѣть въ рукахъ какой-нибудь попавшійся въ руки мотокъ шерсти; такое верченье попавшихся предметовъ было нашимъ обыкновеннымъ класснымъ занятіемъ отъ скуки. Тетка уже молча и съ холоднымъ презрѣніемъ брала мотокъ изъ моихъ рукъ и клала его куда-нибудь подальше отъ меня.

— Они тамъ всѣ такіе, ma tante, — говорилъ какой-нибудь гвардеецъ или лицеистъ изъ моихъ двоюродныхъ братцевъ.

— Если это правда, то у нихъ тамъ нѣтъ ничего цѣлаго.

— Ломать-то тамъ нечего! Пустыя стѣны? скамьи? неужели вы думаете, что для какихъ-нибудь мальчишекъ станутъ развѣшивать драпри, разставлять севрскій фарфоръ?..

Digitized by Google

— Я ничего не думаю, — перебила тетка, оскорбленная тономъ собесѣдника: — но если тамъ нечего ломать, то у меня есть что ломать, и самое лучшее—это не брать его въ отпускъ. Неужели Константинъ-то не могъ найти болѣе приличной школы?

— Да школы всѣ одинаковы, ma tante...

— Что ты мнѣ разсказываешь! Послѣ этого дѣтей порядочныхъ родителей и отдавать некуда!.. Вотъ еще!..

Я имѣлъ въ эти минуты видъ приговореннаго къ смерти человѣка, блѣднѣлъ, краснѣлъ и, чувствуя отвращеніе и къ кузену, и къ теткѣ, и къ ея дому, начиналъ любить школу: тамъ хоть ходить свободно можно. Описывать первый годъ школьной жизни вполнѣ я не стану, потому что я не знаю, каковъ онъ былъ, какъ прошелъ, хотя совершенно ясно помню предыдущія и послѣдующія событія. Да едва ли найдется хоть одинъ ребенокъ, который помнилъ бы *вполнѣ ясно*, а не какъ сквозь сонъ, первый годъ училищной жизни. Этотъ годъ—болѣзнь, ломка, ошибка, подлаживанье себя подъ общій строй, тревожное ожиданіе чего-то, до того тревожное, что вздрагиваетъ иной ребенокъ въ это переходное время при малѣйшемъ внезапномъ шумѣ, иногда безсознательно, но съ озабоченнымъ лицомъ выглядываетъ въ окно, словно поджидаетъ кого-то. Не ждетъ ли онъ, что вотъ-вотъ зальются веселымъ звономъ бубенцы, сперва гдѣ-то далеко, потомъ все ближе и ближе, зазвенятъ по промерзлой землѣ копыта изморившихся лошадей, изъ-за ближайшаго угла, ныряя по ухабамъ, вдругъ появится и подъѣдетъ къ школьному крыльцу родной тарантасъ-ковчегъ, набитый подушками, узлами, коробками, кадочками и людьми, взглянетъ на окно, не то глупо, не то плутовато улыбаясь, знакомый съ первыхъ дней чуднаго дѣтства ямщикъ и качнетъ какъ-то въ бокъ головою, словно желая сказать: «Что же вы, баринъ, оплошали, не идете встрѣчать маменьку? вѣдь она за вами пріѣхала!»

Да, нѣтъ! не жди этого, вѣдь тебя отдали подъ чужой надзоръ, бѣдный ребенокъ... Не жди!..

III.

Воспоминанія сквозь сонъ.

Съ первыхъ же дней школьной жизни я понялъ, что мнѣ чужды, что меня не любятъ и дѣти, завлекшія меня въ игру травлей, и гувернеръ Ивановъ, пожалѣвшій, что у меня мало украли, и старшій гувернеръ Мальцевъ, потрепавшій

Digitized by Google

мнѣ ухо за то, что я воровъ развожу. Съ каждымъ днемъ это сознаніе усиливалось и подтверждалось новыми доказательствами. Въ концѣ перваго мѣсяца въ нашемъ классѣ началась одна изъ тѣхъ примѣрныхъ дѣтскихъ битвъ, которыя постепенно переходятъ въ серьезныя драки и оканчиваются подбитыми глазами, плачемъ и жалобами начальству со стороны тѣхъ болѣзненныхъ избалованныхъ ребятъ, которые уже въ дѣтствѣ отличаются невыносливостью, мелочною мстительностью и стремленіемъ стоять подъ чьимъ-нибудь крыломъ. Одному изъ такихъ дѣтей — нѣкоему Рогозину — досталось не на шутку; онъ пошелъ жаловаться, ускользнувъ тайкомъ изъ класса. Явился Мальцевъ, начался допросъ, обличителями дѣла служили подбитые глаза Рогозина и два разбитыя стекла.

— Кто первый началъ?—спросилъ Мальцевъ у Рогозина.

Рогозинъ назвалъ одного изъ старыхъ учениковъ Громова, четырехъ новичковъ и меня.

— Нѣтъ-съ, Николай Ивановичъ, я не дрался, — бойко произнесъ Громовъ, услыхавъ свою фамилію. — Спросите у кого хотите, я не дрался.

— Онъ не дрался; Рогозинъ вретъ,—послышалось нѣсколько голосовъ класснаго хора, на помощь котораго разсчитывалъ Громовъ.

— Всѣ вы, голубчики, хороши! вотъ вы у меня гдѣ сидите,—Мальцевъ показалъ на свою дряблую и желтую шею, тыкая въ нее костлявымъ пальцемъ съ обкусаннымъ ногтемъ.—Доберусь я до васъ. Будетъ вамъ въ субботу баня!

— Я, Николай Ивановичъ, право-съ, ничего не дѣлалъ! Рогозинъ на меня вретъ,—говорилъ Громовъ:—онъ у меня карандашъ выпрашивалъ, я ему не далъ, вотъ онъ и вретъ на меня. Я не виноватъ, я ему не могъ карандашъ отдать.

— Громова и въ классѣ не было во время шума, это все новички затѣяли,—загудѣлъ снова хоръ.

— Привыкли въ бабки играть!—негодующимъ и презрительнымъ шопотомъ ввернулъ какой-то запѣвало.

— Что же ты врешь?—обратился Мальцевъ къ Рогозину.

— Можетъ-быть, я ошибся-съ,—пробормоталъ Рогозинъ, испуганный вмѣшательствомъ хора, замѣтившій нѣсколько очень неутѣшительно показываемыхъ ему кулаковъ и дрожащій, какъ котенокъ, облитый холодной водой.

— Хорошо, хорошо. Я со всѣми раздѣлаюсь, всѣхъ васъ проберу,—рѣшилъ Мальцевъ.

Онъ вышелъ изъ класса, гдѣ поднялся невообразимый

Digitized by Google

шумъ, несмотря на присутствіе учителя. Старые ученики накинулись на Рогозина, ругая его за Громова, обвиненные новички начали кричать, что они ни въ чемъ не виноваты, что ихъ самихъ били; на это имъ отвѣтили, что по-дѣломъ вору и мука. Ни одного голоса не послышалось за нихъ. Тутъ вполнѣ ясно проявилось раздѣленіе класса на двѣ партіи, изъ которыхъ одна составляла какъ бы одну сплошную массу, а другая состояла изъ отдѣльныхъ, чуждыхъ между собою личностей, осмѣиваемыхъ, даваемыхъ другими на жертву. Въ субботу къ намъ торжественно явился Мальцевъ, *придерживавшійся субботъ*, по школьному выраженію; въ классѣ зловѣще прошумѣли слова: «порка будетъ!»—и все стихло, какъ въ могилѣ. По сухому и жёлчному лицу гувернера скользнула улыбка самодовольствія: человѣкъ былъ радъ, что нагналъ страха на непріятельскій лагерь, какимъ считала эта отжившая личность дѣтскій кружокъ. Онъ сталъ спокойно обходить столы и, съ разными шуточками и плоскими остротами, пальчикомъ вызывалъ, кого ему было нужно. Собравъ около себя десять человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, онъ прочиталъ намъ очень грозное и крѣпкое наставленіе.

— Вотъ я васъ, голубчики, проберу, вы вотъ гдѣ у меня сидите,—окончилъ онъ свою рѣчь обычною фразою, показывая на шею, и велѣлъ намъ взять другъ друга подъ-руки и попарно слѣдовать за нимъ въ комнату, гдѣ производилось сѣченье.

Какимъ-то холодомъ вѣяло отъ этой тихо и мирно идущей, прямой, сухой, деревянной фигуры въ черной одеждѣ, отъ этой головы, сплюснутой съ боковъ, покрытой коротко-остриженными, стоящими щетиной сѣдыми волосами; еще сквернѣе дѣйствовали на душу его шуточки, а онъ—проказникъ!—любилъ пошутить во время сѣченья, и на первыхъ же порахъ пріучилъ дѣтей смотрѣть на наказаніе, какъ на скверную комедію, выдуманную ради развлеченія старшими. Къ несчастію, онъ, имѣя вліяніе на директора, пользовался почти неограниченною властью. Съ обычными церемоніями раздѣли одного изъ приведенныхъ учениковъ, сняли съ него для чего-то и галстукъ, разложили горемыку на скамьѣ и выпороли. Мальчишка кричалъ на все зданіе, вслѣдствіе этого Мальцевъ былъ въ духѣ и не ругался, какъ онъ дѣлалъ, если бывалъ сердитъ: теперь, напротивъ того, когда раздѣли и расположили второго ученика, гувернеръ началъ похлопывать высѣченнаго по больному мѣсту

Digitized by Google

и, смѣясь добродушнымъ смѣхомъ, спрашивалъ: «что, больно?» Разложили третьяго, Мальцевъ подошелъ къ нему и началъ надъ нимъ читать наставленіе, потомъ приказалъ ему встать и одѣться. Та же участь постигла всѣхъ остальныхъ и меня. Мальцевъ любовался этою картиною... Я всталъ со скамьи его врагомъ, мое лицо горѣло отъ стыда, отъ злобы. Я чувствовалъ, что меня не наказали, но насмѣялись надо мною. Большіе никакъ не хотятъ понять, что и у ребенка есть *своя честь*, что и его можно опозорить, и что опаснѣе всего неосторожная игра съ этой дѣтской честью. Мои чувства раздѣлялись почти всѣми другими дѣтьми, изъ которыхъ каждый былъ готовъ сдѣлать какую-нибудь непріятность гувернеру, нисколько не уважалъ, хотя и боялся его, и распускалъ про него циническіе, грязные анекдоты, мало-по-малу, пріучаясь не уважать начальство. Этого-то Мальцевъ и не понималъ и воображалъ, что онъ дѣйствуетъ такъ во имя долга, что онъ всесиленъ, что дѣти слушаются его взгляда... А они на всѣхъ стѣнкахъ писали: «Мальцевъ—живодеръ—подлецъ!..»

На другой день послѣ этой субботы за мной пришелъ лакей тетки.

— Ея превосходительство желаютъ, чтобы вы поздравили ихъ съ праздникомъ! — произнесъ онъ важнымъ тономъ свою обычную чопорную фразу.

— Сейчасъ, Иванъ Никифорычъ, я сбѣгаю къ гувернеру,— отвѣтилъ я семидесятилѣтней развалинѣ и побѣжалъ къ Мальцеву.

Онъ лежалъ на диванѣ въ своемъ уютномъ кабинетѣ. Одинъ изъ его сыновей сидѣлъ на немъ верхомъ, другой пріютился между его спиною и спинкою дивана, обвилъ ручонками его сухую шею и цѣловалъ его лицо, третій тянулъ его къ себѣ и кричалъ:

— Мой папа, папа мой!

— Нѣтъ, мой, мой!—еще громче кричалъ сидѣвшій за спиною отца.

— И твой, и твой, всѣхъ васъ,—говорилъ, улыбаясь, Мальцевъ и гладилъ курчавыя головки своихъ дѣтей.

Я остановился въ дверяхъ, пораженный этою сценой, мое сердце сжалось отъ какой-то странной боли.

— Что тебѣ?—спросилъ онъ, замѣтивъ меня.

— За мною пришли, позвольте идти къ моей теткѣ.

— Вѣчно не во-время. Не можешь развѣ сказать, чтобы по субботамъ приходили?—съ раздраженіемъ замѣтилъ онъ

Digitized by Google

и неохотно всталъ съ дивана, чтобы написать свидѣтельство о моемъ ученіи и поведеніи за недѣлю.

Я стоялъ, понуривъ голову.

— Покатай меня!—начали кричать дѣти, привыкшія возиться въ школѣ съ учениками и переходившія изъ рукъ въ руки, со спины на спину.

Одинъ изъ нихъ влѣзъ мнѣ на спину и началъ меня погонять. Волей-неволей мнѣ пришлось пробѣжать съ нимъ кругомъ комнаты. За первымъ послѣдовалъ второй и, наконецъ, третій. Мальцевъ, улыбаясь, стоялъ, прислонившись къ письменному столу, и ждалъ, когда я кончу катать его дѣтей.

— Ну, теперь довольно... разыгрался и забылъ, что идти надо,—сказалъ онъ, когда третій сынишка слѣзъ съ моей спины:—усталъ...

— Нѣтъ-съ, они легкіе, — отвѣтилъ я, и мнѣ стало стыдно передъ самимъ собою.

— Ты насъ покатаешь еще?

— Покатаю вечеромъ...

— Ну, ступай, дружокъ, — ласково произнесъ гувернеръ и потрепалъ меня по щекѣ. — Не шали, веди себя порядочно! Прощай, дружокъ!

Еще скверніе стало у меня на душѣ, еще сильніе чувствовалъ я свое одиночество и безпомощность и не могъ найти ни друга, ни покровителя, а свои нравственныя силы были еще слабы и шатки,

Въ одно изъ воскресеній я сидѣлъ совершенно праздно и одиноко на окнѣ въ школьномъ коридорѣ, вопреки приказанію идти играть на дворъ. Въ тѣ времена, въ нашемъ училищѣ, какъ и во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ классахъ еще не давали книгъ для чтенія, особенно въ младшихъ, и нежелающій играть долженъ былъ поневолѣ терпѣть страшную скуку или пускаться на поиски за развлеченіями, болѣе опасными, нежели чтеніе книгъ. Такъ скучалъ и я въ свободные дни, такъ скучалъ и въ это воскресенье. Глядя на дворъ, я не вдругъ замѣтилъ, что къ тому же окну подошелъ воспитанникъ лѣтъ шестнадцати изъ другого класса, довольно красивый собой, съ нерѣшительнымъ, но добродушнымъ выраженіемъ лица. Онъ сталъ разсѣянно глядѣть въ окно, изрѣдка посматривая на меня. Мало-по-малу, меня стали смущать эти взгляды; я старался глядѣть въ другую сторону и, между тѣмъ, продол-

Digitized by Google

жалъ чувствовать, что онъ смотритъ на меня, что онъ разсматриваетъ меня, какъ вещь.

— Какъ ваша фамилія? — спросилъ онъ меня какъ-то вскользь, невзначай, точно онъ не со мной говорилъ.

Школьное «ты» онъ замѣнилъ вѣжливымъ «вы».

— Шуповъ!—точно тѣмъ же тономъ отвѣтилъ я.

— А-а!—счелъ нужнымъ удивиться онъ.

Мы помолчали. Меня опять тревожили взгляды.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Одиннадцать.

— Гм!

Опять молчаніе и взгляды.

— Вы вѣрно въ отпускъ не ходите?

— Нѣтъ, рѣдко.

— Отчего же? развѣ отца и матери нѣтъ?

— Отецъ есть, да въ Москвѣ.

— А-а!

Пауза.

— И родныхъ здѣсь нѣтъ?

— Тетка есть, да она меня рѣдко беретъ, не любитъ.

— Бѣдняжка!

Въ этомъ словѣ прозвучала ласка и въ то же время оно произнеслось такимъ искусственнымъ тономъ, что сначала мнѣ показалось, что воспитанникъ смѣется надо мною, но онъ сдѣлалъ грустную физіономію.

— Хотите яблока?—предложилъ онъ мнѣ, вынимая изъ кармана яблоко.

Я, краснѣя, поблагодарилъ его и совѣстился взять яблоко; мнѣ показалось, что онъ считаетъ меня за нищаго и подаетъ мнѣ милостыню, а, между тѣмъ, мнѣ очень хотѣлось познакомиться, чего, по неимѣнію денегъ, я давно не дѣлалъ. И какое розовое, красивое было это крымское яблоко! Онъ настоялъ на своемъ, разумѣется, безъ особеннаго труда. Чтобы показать ему, что я не нищій и отчасти для оправданія себя передъ своею собственною совѣстью, я сталъ разсказывать о своихъ родныхъ, которыхъ фамиліи были извѣстны, которые были очень богаты; довольно тонко я намекалъ на то, что у этихъ родныхъ подаются не одни какія-нибудь крымскія яблоки, а нѣчто болѣе дорогое и рѣдкое, что я вотъ и въ корпусъ могъ попасть, если бъ экзаменъ удалось выдержать, что мой отецъ былъ военнымъ. Онъ слушалъ меня разсѣянно, видно было, что мои разсказы его не занимаютъ.

Digitized by Google

— Что родные!—мелькомъ воскликнулъ онъ.—Ты сытъ не будешь оттого, что они теперь ѣдятъ тамъ какіе-нибудь соусы въ разсолахъ!

Я покраснѣлъ, и хотя не зналъ, какое это кушанье: соусы въ разсолахъ, но съ истиной замѣчанія согласился невольно.

Въ эту минуту въ классы начали собираться со двора воспитанники, и мой новый знакомый поспѣшилъ уйти, сказавъ мнѣ, что онъ будетъ моимъ другомъ и станетъ иногда заходить ко мнѣ и что его фамилія Соболевъ.

Въ теченіе недѣли Соболевъ раза четыре приносилъ мнѣ то яблоко, то шоколадъ, то пряники. Въ слѣдующее воскресенье онъ пришелъ къ тому же окну, гдѣ я сидѣлъ въ предъидущее, и мы ходили часа полтора по коридору, болтая о всякой-всячинѣ. Соболевъ, подобно мнѣ, не имѣлъ въ Петербургѣ родныхъ, кромѣ какой-то тетки-чухонки, жившей на Литейной и дававшей деньги подъ вѣрные залоги и за большіе проценты. Разумѣется, она не могла радоваться даровому нахлѣбнику и оставляла племянника въ училищѣ по праздничнымъ днямъ. Онъ былъ въ тѣхъ лѣтахъ, когда юноша перестаетъ тѣшиться исключительно игрою и желаетъ, кромѣ физической дѣятельности, дѣятельности ума и сердца. Для ума нужны книги, для сердца нужна какая-нибудь привязанность. Жизнь не давала ему ни того, ни другого. Онъ тревожился, совался въ разныя стороны и не находилъ нигдѣ желанной дороги. Мнѣ было очень отрадно то радушное участіе, которое онъ принималъ во мнѣ; мнѣ вспоминался Колька, и я радовался находкѣ друга, не подозрѣвая, что я для него служу простой куклой, игрушкой. Часы пролетали незамѣтно въ нашихъ бесѣдахъ, и когда наступалъ часъ сбора воспитанниковъ въ классы, то Соболевъ уходилъ.

— До свиданья!—говорилъ онъ, цѣлуя меня.

— До свиданья!—весело отвѣчалъ я и жилъ надеждою увидаться и поболтать съ нимъ въ теченіе недѣли.

Такъ шли дни, недѣли, мѣсяцы. Соболевъ носилъ мнѣ гостинцы, ласкалъ, баловалъ меня, какъ маленькаго ребенка: онъ нашелъ во мнѣ игрушку. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ его въ назначенные часы. Мало я видѣлъ любви въ жизни, и потому искалъ вездѣ только ее. Я выросъ почти въ одиночествѣ и потому *не умѣлъ играть*, скорѣе избѣгалъ веселыхъ кружковъ, чѣмъ бѣжалъ къ нимъ. Появленіе Соболева заставило вполнѣ проявиться отличительнымъ чертамъ

Digitized by Google

моего характера, и я отдался одному и отошелъ отъ всѣхъ. На меня косились. Раза два въ классѣ пробовали сбить меня во время уроковъ. Старались задѣть меня, раздразнить и подвести подъ наказаніе; конечно, моими врагами были только пансіонеры, вольноприходящіе ученики заботились объ одномъ, какъ бы удрать поскорѣе домой, когда кончатся классы. Я чувствовалъ, что изъ всѣхъ новичковъ продолжаютъ преслѣдовать только двухъ-трехъ и въ томъ числѣ меня, что меня ненавидятъ, и еще сильнѣе цѣнилъ любовь Соболева и чувствовалъ отвращеніе къ шумному дѣтскому кружку. Но это не была та дружба, которая связывала меня съ Колькой. Съ одной стороны, различіе возрастовъ заставляло меня остерегаться въ разговорахъ съ новымъ другомъ, я не рѣшался описывать ему наши планы честной жизни и другія дѣтскія мечты, не рѣшался возиться съ нимъ, какъ съ Колькой. Съ другой стороны, вѣчные яблоки, пряники, ласки избаловали меня, и иногда я просто дулся, если онъ приходилъ съ пустыми руками или пятью минутами позже обыкновеннаго; я игралъ съ нимъ въ *молчанку*, то-есть не отвѣчалъ на его вопросы ни *да*, ни *нѣтъ*. Выражаясь любимымъ школьнымъ словцомъ, я сдѣлался *нахальнымъ*.

Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней ко мнѣ пришелъ Колька въ своемъ неуклюжемъ, сшитомъ изъ отцовскаго сюртука, мундирѣ, съ кудрявыми и взъерошенными, по обыкновенію, волосами. Онъ смотрѣлъ очень смѣшно. Одинъ изъ моихъ одноклассниковъ, проходя по пріемной комнатѣ и желая раздразнить меня, задѣлъ Кольку, проговоривъ: «красная говядина!» У насъ ученики обыкновенно смѣялись надъ формой гимназистовъ, считая нашу черную одежду болѣе *благородною и приличною*. Для Кольки было этого довольно: онъ вспыхнулъ и показалъ забіякѣ кулакъ. Тотъ прошелъ въ спальню и вызвалъ двухъ товарищей на травлю; они всѣ появились въ пріемной и, прогуливаясь по ней, хоромъ запѣли: «красная говядина! красная говядина!» Колька сказалъ мнѣ наскоро: «прощай!» — и пошелъ; поровнявшись съ забіяками, онъ звонко и со всего размаха ударилъ зачинщика по щекѣ и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ опомниться, вышелъ вонъ. Школьники попробовали жаловаться на меня, но ихъ жалоба была пропущена мимо ушей, и они рѣшили раздѣлаться со мною своими средствами. Вечеромъ, во время игры на дворѣ, меня окружили, одинъ мальчишка взялъ меня за голову, другой за ноги, повалили на землю, и тре-

Digitized by Google

тій приготовился играть роль палача; вѣроятно, жизнь приготовила его покуда только къ этой роли. Прежде, чѣмъ онъ вошелъ въ исполненіе своей обязанности, его самого схватила чья-то рука за шиворотъ и откинула въ сторону. Моимъ спасителемъ оказался Соболевъ, не выпускавшій меня изъ вида и видѣвшій всю эту сцену.

— Свинья!—крикнулъ кто-то не дѣтскимъ голосомъ.

— Болванъ!—отвѣтилъ онъ.

— Кто тебя звалъ сюда вмѣшиваться не въ свое дѣло?—спросилъ воспитанникъ, обругавшій Соболева.

Это былъ высокій черноволосый, худощавый юноша; его звали Хохряковымъ, онъ былъ старшимъ въ нашей спальнѣ или, лучше сказать, въ одномъ ея отдѣленіи.

— А для чего они хотѣли прибить Шупова?

— А тебѣ-то что за дѣло? Развѣ Шуповъ такая дрянь, что нанялъ тебя заступаться за него? Каждый самъ за себя можетъ стоять.

— Одному не справиться со всѣми.

— Если *всѣ* бьютъ, такъ, значитъ, стоитъ того, значитъ онъ порядочный негодяй!

— Вы философствуете,—подтрунилъ Соболевъ.

— Лучше бы и ты философствовалъ, а не...

Хохряковъ не кончилъ фразы, плюнулъ, потомъ неторопливо взялъ меня за руку и пошелъ со мною отъ собравшейся кучки воспитанниковъ.

— Не совѣтую тебѣ быть дружнымъ съ Соболевымъ,—произнесъ онъ серьезнымъ тономъ.—Эта дружба доведетъ тебя въ счастливомъ случаѣ до розогъ, въ несчастномъ—до исключенія изъ училища.

Я широко раскрылъ глаза.

— Отчего?—спросилъ я, недоумѣвая.

— Отчего?..—Хохряковъ нахмурилъ брови и помолчалъ.—Потому что онъ подлецъ!

— Нечестный? — спросилъ я, поддаваясь завѣтнымъ мыслямъ.

Хохряковъ пристально посмотрѣлъ на меня, какъ будто желая узнать, понялъ ли я его слова, и отвѣчалъ:

— Да.

Хохряковъ ошибался: я ничего не понялъ изъ его словъ, кромѣ того, что въ счастливомъ случаѣ за дружбу съ Соболевымъ меня выпорютъ.

— Ну, такъ я не буду съ нимъ дружить.

— И прекрасно сдѣлаешь. Да не только съ нимъ, а и

Digitized by Google

съ другими не будь друженъ: здѣсь товарищество, а дружба ни къ чорту не годится.

Я поблагодарилъ новаго знакомаго за совѣтъ, и съ этого дня сталъ избѣгать встрѣчи съ Соболевымъ. Мнѣ было очень тяжело мое положеніе, иногда я забывался и опять принималъ гостинцы отъ своего друга. Его злило мое поведеніе, онъ говорилъ мнѣ: «ступай къ своему Хохрякову!» и въ кружкѣ пансіонеровъ называлъ меня *потомкомъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій*. Эта длинная кличка, которой за разъ не выговоришь, стала неразлучна съ моимъ именемъ; и знаніе французскаго языка, и нежеланіе играть на дворѣ, и простудный кашель, все приписывалось тому, что я былъ чей-то потомокъ. «Что ты носъ-то подымаешь?» кричали мнѣ, толкая меня въ бокъ или въ спину. Болѣе всего странно то, что другіе оставляли за собой право гордиться своими родственниками, знаніемъ иностранныхъ языковъ. Мои познанія еще болѣе вооружали товарищей противъ меня. Какъ-то разъ всѣ сговорились отказаться отъ урока у француза подъ тѣмъ предлогомъ, что никто не могъ выучить заданнаго, но учитель, ничего не слушая, сталъ вызывать по фамиліямъ учениковъ. Двое или трое отказались, очередь дошла до меня: я отвѣтилъ. Черезъ минуту что-то странное зашевелилось въ моей головѣ, мнѣ показалось, что я не долженъ былъ отвѣчать, что я сдѣлалъ подлость; на моемъ лицѣ показался яркій румянецъ, но я началъ оправдывать себя передъ совѣстью тѣмъ, что они не спросили *моего* совѣта и не уговорились со *мною*. Послѣ меня нашлось еще нѣсколько человѣкъ, знавшихъ урокъ, но классъ не простилъ только меня, потому что я отвѣтилъ первый и испортилъ все дѣло: учитель началъ послѣ меня *крутить нули*. Вечеромъ меня поймали въ коридорѣ и вздули не на шутку, теперь некому было спасти меня.

На другой день я, плача, жаловался Хохрякову, что мнѣ житья нѣтъ въ школѣ, разсказалъ вчерашнюю исторію и очень наивно, но вполнѣ твердо объявилъ, что желаю, молъ, утопиться. Послѣдняя фраза, несмотря на всю свою драматичность, прошла мимо ушей холоднаго Хохрякова.

— И всегда, братъ, будутъ дуть тебя, если будешь плохимъ товарищемъ,—отвѣтилъ онъ мнѣ въ утѣшеніе.

— Такъ неужели же мнѣ за нихъ нули получать?

— Можешь и не получать нулей за нихъ, только тогда плати за пятерки своими боками.

Digitized by Google

— Да вѣдь и лгать нечестно?

— Очень, братъ, нечестно. А за правду они тебя, все-таки, вздуютъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—спросилъ я, не видя исхода.

Хохряковъ посмотрѣлъ на меня и покачалъ головою.

— Ты, кажется, не мастеръ кулаками расправляться?

— У меня нѣтъ силы.

— Ну, такъ будь хорошимъ товарищемъ, безъ силы съ ними ничего не подѣлаешь. Здѣсь, братъ, дружба ни къ чорту не годится. Пожалуй, за шмандкухены и найдешь друзей, а дуть тебя, все-таки, будутъ. Здѣсь товарищество!

— Значитъ, надо и нули получать за него?

— Значитъ.

— И лгать надо?

— И лгать надо... Но, все-таки, повторяю тебѣ, боками все можно выкупить...

Я задумался. Еще нѣсколько времени пробовалъ я стоять вдали отъ этого стоглаваго тирана, называемаго товариществомъ, наконецъ, неожиданный случай, совершенно посторонній дѣлу, рѣшилъ мою участь.

— Ты знаешь какого-нибудь Люлюшина?—спросилъ меня въ одинъ прекрасный день Мальцевъ.

— Знаю,—отвѣчалъ я.

— Кто онъ такой?

— Надворный совѣтникъ.

— Оселъ!

Я вытаращилъ глаза отъ этого комплимента.

— Станетъ надворный совѣтникъ съ тобой переписываться!

— Такъ это, вѣрно, Колька.

— Гдѣ онъ учится?

— Въ гимназіи.

— Въ какой?

Я назвалъ гимназію.

— Его надо выпороть! онъ ругаетъ школьное начальство въ письмѣ къ тебѣ...

— Онъ не писалъ ко мнѣ...

— Молчи, мерзавецъ! Еще врать вздумалъ, когда письмо у меня въ рукахъ. Заодно, вѣрно, съ нимъ?

Я разинулъ ротъ и остолбенѣлъ. Заварилась скверная каша, мнѣ досталось порядочно, Кольку хотѣли посадить въ гимназіи въ карцеръ. Мы болѣе не видались, не переписывались въ теченіе долгаго времени. Колька понялъ,

Digitized by Google

что ему слишкомъ рано и не о чемъ писать къ нашимъ гувернерамъ.

И вотъ я остался совершенно одинъ; но на шагъ отъ меня стояла толпа, называемая товариществомъ; мнѣ стоило сдѣлать этотъ шагъ, чтобы нажить десятки сообщниковъ, заступниковъ, наставниковъ въ дѣлѣ разныхъ скверныхъ затѣй. Чтобы сдѣлать этотъ шагъ, стоило только убить свою волю и подчиниться общей волѣ, отвѣчать уроки тогда, когда отвѣчаютъ и другіе, ненавидѣть учителей, которыхъ ненавидятъ и другіе, бить ребятишекъ, которыхъ бьютъ и другіе... Ребенокъ, я не понималъ, что это одинъ изъ видовъ самоубійства и—перешагнулъ. Черезъ мѣсяцъ меня любили, и я вмѣстѣ съ прочими безъ церемоніи и безъ застѣнчивости кричалъ какому-нибудь богачу-лакомкѣ: «Будь товарищемъ, угости мороженымъ!» И товарищъ угощалъ, забирая въ долгъ мороженое и радуясь возможности похвастать тѣмъ, что ему всѣ въ долгъ вѣрятъ, и тѣмъ, что онъ всѣхъ угощаетъ: въ маленькомъ человѣчкѣ проглядывалъ будущій хлыщъ, хвастающій шармеровскимъ фракомъ или гремящій саблею по Невскому, мотающій послѣдніе гроши на попойки съ товарищами у Дюссо и вызывающій отвращеніе въ порядочныхъ людяхъ...

Такъ черезъ мѣсяцъ послѣ поступленія въ училище я былъ школьникомъ, то-есть потерялъ всѣ наружные признаки, отличавшіе меня отъ другихъ товарищей; черезъ десять мѣсяцевъ я былъ *членомъ товарищества*, т.-е. потерялъ всѣ внутреннія, характеристическія черты своей личности. Зато мнѣ было весело...

IV.

Товарищескіе кружки и Хохряковъ.

Къ началу второго учебнаго года я уже совершенно вошелъ въ кружокъ воспитанниковъ и вмѣстѣ съ товариществомъ творилъ разныя штуки, подсказывалъ одноклассникамъ во время уроковъ, отказывался заодно съ другими отвѣчать заданное, пряталъ подъ каѳедру или за печку лѣнтяевъ и, подобно всѣмъ, кричалъ учителю, что эти господа больны и лежатъ въ комнатѣ, отведенной для больныхъ легкими болѣзнями, покуривалъ въ трубу папиросы, отъ которыхъ меня тошнило, дежурилъ у дверей въ качествѣ класснаго сигналиста, не боялся никакихъ наказаній за это «служеніе общему дѣлу» и съ хохотомъ присоединялся къ толпѣ пансіонеровъ, собравшейся бить фискала

Digitized by Google

или просто плохого товарища, совершенно не тревожась отъ мысли, что за нѣсколько мѣсяцевъ и я былъ въ такомъ же положеніи, какъ этотъ несчастный ребенокъ. Люди всѣхъ возрастовъ вообще очень легко забываютъ свое прошлое, не выносятъ изъ него почти никакихъ уроковъ и, испытавъ на себѣ боль отъ ударовъ палки, при первой возможности бьютъ ею другихъ. Это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока люди будутъ умѣть только мечтать и не будутъ умѣть думать... Товарищество не оставило меня безъ наставленій: отъ него я узналъ до мельчайшихъ подробностей закулисную жизнь, привычки и характеры директора школы и другихъ начальствующихъ лицъ,—и такимъ образомъ, увидавъ ихъ смѣшныя стороны, потерялъ къ нимъ всякое уваженіе и получилъ возможность прибѣгать въ критическія минуты къ различнымъ уловкамъ, чтобы спастись отъ наказанія. Правда, иногда эти уловки приносили столько же несомнѣнной пользы, сколько приноситъ приворотъ-трава въ дѣлахъ любви...

Я узналъ, что толстѣйшаго, наивнѣйшаго Владиміра Петровича Фитилькина, содержателя школы и директора ея, можно *заговорить*,—и наказаніе смягчится, даже иногда отмѣнится, и говорить-то требовалось не Богъ знаетъ что, а просто то, что на языкъ попадетъ: добродушный Фитилькинъ, извѣстный всѣмъ подъ именемъ Тараса, не вдругъ смекалъ, про что говорятъ, и потому внимательно слушалъ до конца всякую чепуху.

Про него ходилъ довольно характеристическій анекдотъ: одинъ изъ бойкихъ воспитанниковъ, заговаривая ему зубы, какъ выражалось товарищество, предложилъ ему слѣдующій вопросъ: «какая это родня Владиміръ Петровичъ: Устинья, Фетинья, двоюродная Аксинья, Сидоръ Макару родной Харитонъ?» Тарасъ только глаза выпучилъ, слушая эту плоскость.—«Эвто, братецъ, до меня не касается, я исторіей занимаюсь!»—пренаивно воскликнулъ онъ черезъ минуту. Этотъ же господинъ, поймавъ воспитанниковъ за куреніемъ папиросъ, воскликнулъ: «Эвто дѣти благородныхъ родителей и курятъ табакъ!» Съ этой минуты его начали называть ребенкомъ неблагородныхъ родителей, такъ какъ онъ самъ никогда не выпускалъ изо рта сигары. Читателю извѣстно, что онъ пробовалъ на зубъ таракановъ изъ кушанья и называлъ ихъ *юзюминкой*. Послѣ сѣченья онъ постоянно подставлялъ свою руку къ губамъ высѣченнаго и заставлялъ ее поцѣловать и поблагодарить за сѣченье. Вообще, начи-

Digitized by Google

ная съ его сальнаго, заплывшаго лица, служившаго какъ бы простымъ продолженіемъ его громадной, блестящей плѣши, все въ немъ вызывало невольный смѣхъ въ зрителяхъ, который трудно было удержать даже въ самыя бурныя минуты, когда Тарасъ старался распечь виновныхъ и, задыхаясь отъ волненія, уморительно фыркая губами, произносилъ только: «Эвто, эвто, эвто... тьфу!..» Узналъ я также, что передъ гувернеромъ Грековымъ стоило только молчать и, вытянувшись въ струнку, изрѣдка отвѣчать: «слушаю-съ!» — и гнѣвъ перейдетъ, мало-по-малу, на милость. Зналъ я, что передъ Мальцевымъ не отмолчишься, болтовней не много выиграешь и вообще ничего не подѣлаешь, и что онъ *проберетъ* виновнаго въ первую изъ субботъ. Даже учителей, не жившихъ въ училищѣ, имѣвшихъ мало отношеній къ намъ, я зналъ, какъ свои пять пальцевъ, при помощи товарищества. Мнѣ, напримѣръ, было извѣстно, что учитель Матвѣй Матвѣичъ Матвѣевъ, у котораго, по выраженію одного изъ моихъ друзей, во время лекцій мухи засыпали на губѣ, ходилъ въ одну субботу въ оперу, а въ другую — въ баню, и что въ ту субботу, когда онъ ходилъ въ баню, лекцій не бывало и, значитъ, можно было не приготовлять уроковъ. Потомъ я зналъ, что этотъ же неподвижный, краснощекій, какъ херувимъ на вербѣ, выглядывавшій, какъ изъ рамки, изъ своихъ узенькихъ черныхъ бакенбардъ, Матвѣй Матвѣичъ зналъ въ лицо только одного человѣка въ классѣ, и этотъ человѣкъ былъ онъ самъ, остальные же были ему вполнѣ неизвѣстны, и потому незнающій уроковъ всегда могъ, не робѣя, отвѣчать про самого себя: «боленъ!» Обманъ обнаруживался только въ томъ случаѣ, если незнающій урока ребенокъ былъ слишкомъ смѣшливъ и не выносилъ безъ хохота этой сцены личнаго рапорта о своемъ отсутствіи, но и тутъ иногда бывало спасенье.

— Чему вы?—дѣлалъ Матвѣевъ полувопросъ, продолжая, по обыкновенію, магнетизировать какую-нибудь точку на стѣнѣ и не двигаясь ни однимъ членомъ.

— Да вотъ стѣна!—отвѣчалъ ему спрашиваемый ничего не объясняющимъ полуотвѣтомъ.

— Н-д-э-э!—получеловѣческимъ звукомъ заключалъ Матвѣевъ интересный разговоръ, и въ томъ же тонѣ продолжалъ прерванное спрашиванье уроковъ: мухи, разумѣется, продолжали спать на его выкрашенныхъ красной помадой губахъ.

Для того, чтобы еще болѣе облегчить намъ ученье, еще

Digitized by Google

менѣе ставить нулей и тревожить свою обожаемую личность, онъ позволилъ разъ и навсегда троимъ изъ класса отказываться отъ уроковъ, не навлекая этимъ наказанія. Такимъ образомъ, онъ былъ не очень-то страшенъ для насъ: мы еще не умѣли бояться того, что онъ усыплялъ наши умственныя способности, пріучалъ насъ къ бездѣятельности, къ легко сходившему съ рукъ обману, къ набиванію папиросъ, къ пошлымъ разсказамъ и къ опаснымъ мечтаніямъ во время классовъ. Подобныхъ флегматиковъ-учителей было мало, хотя всѣ они отличались именно этимъ качествомъ, только въ меньшей степени развитымъ. Всѣ они позволяли отказываться отъ уроковъ, вѣря на-слово, что у насъ пропадаетъ *все* свободное время на гимнастику, танцы и неизбѣжныя прогулки подъ надзоромъ гувернеровъ, и жалѣя насъ. Всѣ они плохо знали лица своихъ воспитанниковъ, потому что видѣли ихъ рѣдко и имѣли безчисленное множество постороннихъ, болѣе серьезныхъ, какъ они говорили, занятій. Всѣ они позволяли отговариваться отъ уроковъ болѣзнью и пребываніемъ въ комнатѣ для больныхъ и справлялись о правдѣ отговорокъ рѣдко, зная, что ложь накажется черезчуръ строго, и отчасти боясь лишній разъ потревожить себя. Каждый изъ нихъ преподавалъ сухо, вяло, потому что онъ преподавалъ не свое, а считывалъ съ готоваго учебника и понималъ, что эту немудреную обязанность могъ бы исполнить и знаменитый самоѣдъ, сторожившій нашъ карцеръ, если бы самоѣдъ умѣлъ читать. Нѣкоторые, напримѣръ, учитель географіи Диттманъ, иногда дрались, и довольно больно, отыскивая спрятавшихся за печку или подъ каѳедру лѣнтяевъ,—но это были исключенія, и самъ Диттманъ, благополучно переживъ второй ударъ, по совѣту докторовъ прекратилъ рукопашный бой съ учениками. Для самаго непривычнаго къ наблюденію глаза было замѣтно это различіе и даже враждебность двухъ властей; одна, занимавшаяся воспитаніемъ, предводительствуемая директоромъ или, лучше сказать, его женой, была тревожна, вѣчно воевала; другая, занимавшаяся образованіемъ и предводительствуемая черненькимъ либераломъ, инспекторомъ Максимовымъ, спустила рукава, закрыла глаза и, ради гуманности, за извѣстное жалованье, сладко всхрапывала отъ экзаменовъ и до экзаменовъ. Товарищество не примыкало ни къ той, ни къ другой и бунтовало противъ обѣихъ.

Всѣми этими свѣдѣніями наградило меня товарищество,

Digitized by Google

но еще ярче, еще выпуклѣе представилъ мнѣ эту картину Хохряковъ, полюбившій меня за мои познанія, за любовь къ чтенію, за нѣкоторую долю развитія. Эти качества способствовали нашему сближенію, несмотря на разницу возрастовъ. Но Хохряковъ не такъ любилъ меня, какъ Соболевъ; тутъ не было ни пряниковъ, если хотите, тутъ даже не было въ началѣ и любви; онъ просто увидалъ во мнѣ мальчика, которому грозитъ опасность соболевской дружбы, котораго называютъ *порядочнымъ*, названіе—понятное только нашимъ школьникамъ, и рѣшился избавить этого ребенка отъ ошибокъ, можетъ-быть, не миновавшихъ его самого. Онъ ввелъ меня въ свой кружокъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ постоянныхъ и нѣсколькихъ временныхъ членовъ.

Школьные кружки не лишены интереса. Въ нашемъ училищѣ ихъ было много. Я полагаю, что они существуютъ и во всѣхъ другихъ училищахъ, а потому и не считаю лишнимъ говорить о нихъ. Они не составляли чего-нибудь замкнутаго, не возникали вслѣдствіе какой-нибудь ясно сознанной цѣли, а являлись какъ-то сами собою, расширялись, уменьшались, раздроблялись, но существовали всегда. Начало ихъ возникновенія очень просто: два-три воспитанника, которыхъ не брали родители домой въ лѣтнее время, дѣлали складчину, чтобы вмѣстѣ *чаить* на дачѣ, куда пріѣзжалъ содержатель училища съ горстью учениковъ; послѣ дачной жизни, возвратившись въ городъ, они стояли уже ближе другъ къ другу, чѣмъ къ другимъ товарищамъ, сладко вспоминали о лѣтнихъ чаепитіяхъ, что̀ заставляло ихъ и здѣсь иногда попивать чай, забравшись въ больничную комнату, или куда-нибудь въ столь же привольное и укрытое отъ надзора мѣсто. Дрянной чай, выпитый въ атмосферѣ, пропитанной запахомъ лѣкарствъ, казался имъ вкуснѣе самаго лучшаго, потому что выпивался на волѣ, въ ту минуту, когда имъ захотѣлось, а не въ урочный часъ, не по звонку. Это не ускользало отъ вниманія другихъ товарищей, не принадлежавшихъ къ кружку, и нѣкоторые изъ нихъ сходились съ членами кружка и вступали въ него, разумѣется, безъ всякихъ формальностей, а просто какъ бы вы вошли въ домъ новыхъ знакомыхъ. Связь съ кружкомъ могла продолжаться до выхода изъ училища и могла разорваться послѣ перваго чаепитія, тоже безъ всякихъ формальностей. Кромѣ этого образованія кружковъ, было и другое: воспитанники, имѣвшіе порядочные голоса или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвавшіе себя въ этомъ, дѣлались

Digitized by Google

пѣвчими или, правильнѣе, пѣвцами, такъ какъ они приготовлялись не для пѣнія въ церквахъ, сходились на спѣвки, сближались и, наконецъ, соединялись въ неразрывный кружокъ; безъ чаепитій не обходилось и тутъ, хотя содержатель школы и преслѣдовалъ чаепитіе. Въ то время, когда я поступилъ въ училище, кружковъ было много, не принадлежали къ нимъ по большей части богатые воспитанники, ходившіе въ отпускъ, и нѣкоторые стоявшіе особнякомъ отъ товарищества пансіонеры-гордецы. Кромѣ невинныхъ чаепитій, въ каждомъ кружкѣ были свои завѣтныя темы для разговоровъ, свои характеристическія наклонности, проявлявшіяся довольно рѣзко, были также свои любимыя мѣста, въ родѣ нашего мѣста въ сухой канавѣ, проведенной между школьнымъ дворомъ и небольшимъ садикомъ содержателя школы. Тутъ обсуживались впервые важные вопросы о горькомъ маслѣ въ макаронахъ, объ изобрѣтенномъ Мальцевымъ «голландскомъ соусѣ» изъ старыхъ соленыхъ огурцовъ, поданномъ въ августѣ мѣсяцѣ, затѣвалось по этому случаю извѣстное въ лѣтописяхъ міра голландское возстаніе и макаронный бунтъ. Иногда вмѣсто этихъ вопросовъ, особенно въ весеннее время передъ выпусками, тутъ являлись какія-то замасленныя тетради съ завѣтными плодами неизвѣстныхъ или печально-извѣстныхъ поэтовъ, показывались картинки не менѣе интереснаго содержанія, часто домашней работы, подчасъ кружокъ сообща шелъ куда-то въ гости; подобные казусы случались по субботамъ. Развитіе въ этихъ кружкахъ, не направленное никѣмъ въ извѣстную хорошую сторону, шло естественнымъ путемъ въ одну сторону, къ хожденію сообща въ гости. Но въ этихъ кружкахъ была одна хорошая сторона: они служили точками опоры для товарищества и ждали только руководителей, чтобы идти на новый путь. Хохряковъ, школьникъ съ головы до пятокъ, школьникъ даже по своему вѣчному негодованію на училище, былъ руководителемъ одного изъ кружковъ, существовавшаго въ нашемъ училищѣ въ мое время.

Хохряковъ былъ до крайности желчное, болѣзненное созданіе, но у него была широкая кость, львиная голова, покрытая густыми черными волосами,—всѣ признаки, что онъ созданъ былъ изъ желѣза, которое переѣла ржавчина. Онъ почему-то, несмотря на свою русскую фамилію, считалъ себя болгариномъ, родился на Кавказѣ, провелъ тамъ свое дѣтство и во всю послѣдующую жизнь не могъ забыть своей родины. Его натура жаждала полной свободы, онъ любилъ

Digitized by Google

природу, любилъ поэзію; былъ безъ ума отъ лермонтовскаго «Мцыри»; какъ сильно развитая личность, онъ былъ застѣнчивъ до дикости, до грубости. Бывало, спроситъ его своимъ грубымъ басомъ отецъ-директоръ Фитилькинъ, простодушнѣйшій изъ смертныхъ, не читавшій во всю свою жизнь ничего, кромѣ исторіи древнихъ азіатскихъ народовъ:

— Что ты это читаешь? Пустяки, поди-ко!

Хохряковъ, унесшійся воображеніемъ за тридевять земель отъ училища, точно съ неба свалится, смутится и чуть замѣтно начинаетъ кусать себѣ губы, не зная, что отвѣчать, а добродушнѣйшій Фитилькинъ еще грубѣе спрашиваетъ его, тыкая своимъ квадратнымъ пальцемъ въ книгу:

— Ну, да о чемъ же тутъ пишутъ-то, скажи по крайней мѣрѣ!

— Прочтите, такъ и узнаете, — злобно и дерзко отвѣчаетъ Хохряковъ, отдергивая книгу, точно боясь, что прикосновеніе этого жирнаго пальца осквернитъ ея поэзію.

— Экой ты, братецъ, мужикъ! — замѣчаетъ Фитилькинъ и отходитъ прочь.

Организмъ Хохрякова былъ сильный, но онъ требовалъ воздуха, движенія,—не прогулокъ по городу, не гимнастики, не танцевъ разъ въ недѣлю, но движенія на скачущемъ конѣ, движенія въ черной работѣ, съ молотомъ, съ топоромъ въ рукахъ; тамъ онъ былъ бы здоровъ, здѣсь онъ чахъ и такъ замѣтно для всѣхъ и для самого Хохрякова, что иногда самъ Фитилькинъ, не отличавшійся тонкимъ обращеніемъ, сносилъ желчныя выходки болѣзненнаго юноши и молчаливо отходилъ отъ него прочь — въ этомъ проявлялась вся человѣчность его грубой, неотесанной натуры. Самъ Хохряковъ, имѣвшій привычку глядѣть въ зеркало и, такъ сказать, считать по измѣненіямъ своего лица часы своей жизни, говорилъ о себѣ съ ироніей, бросавшей въ дрожь:

— А что, господа, вѣдь эту зиму я еще потаскаюсь съ вами по городу. Ледъ-то на Невѣ сталъ, такъ, значитъ, до весны теперь нужно жить, — говорилъ онъ однажды въ своемъ кружкѣ.

— Полно, ты вѣчно о смерти толковать!

— Эхъ, братъ, жить хочется, потому и не могу не порадоваться отсрочкѣ.

— Да ты, можетъ-быть, и насъ переживешь.

— Конечно, если васъ всѣхъ похоронятъ въ одинъ день съ Вачунадзе...

— А что онъ?

Digitized by Google

— Сейчасъ умеръ, директора извѣстили.

— А вчера и онъ радовался, какъ ему сказали, что ледъ на Невѣ всталъ, — проговорилъ кто-то и невольно смолкъ, встрѣтивъ сердитые взгляды нѣкоторыхъ товарищей и увидавъ лицо Хохрякова, сдѣлавшееся отъ этой зловѣщей фразы бѣлѣе его носового платка.

Не замѣчала опасности, не вѣрила его положенію только его мать, жившая постоянно на югѣ Россіи и не видавшая сына со дня его поступленія въ училище, куда платили за него какіе-то богатые родственники. Она была барыня изъ хорошей фамиліи, гордая, умная; она прекрасно обдѣлывала свои дѣла, управляла всѣми своими дѣтьми и ихъ имѣніемъ изъ любви къ нимъ, немного ханжила, принимая странницъ и юродивыхъ, слушая ихъ разсказы въ свободныя отъ занятій по имѣнію минуты; всѣми этими качествами она стяжала уваженіе своего муравейника. Хохряковъ часто писалъ ей, что онъ не можетъ выносить долѣе петербургскаго климата, что онъ не созданъ для этой школы, не желаетъ приготовляться въ юнкера, что его призваніе быть мастеровымъ-механикомъ, но мать постоянно отвѣчала ему въ своихъ нѣжнѣйшихъ и пропитанныхъ строгою моралью и кротостью письмахъ: «Ты еще такъ молодъ, мой другъ, что не можешь судить о томъ, что̀ худо и что̀ хорошо. Напрасно ты, говоря о вредности для тебя петербургскаго климата, приводишь въ примѣръ меня: я стара, и потому мнѣ климатъ можетъ вредить, но молодое здоровье привыкаетъ ко всему. Твои опасенія за грудную боль очень понятны, ты переживаешь ту пору жизни, когда у всѣхъ людей немного побаливаетъ неокрѣпшая грудь и всѣ они приписываютъ это чахоткѣ; на тридцатомъ году жизни ты отъ всей души посмѣешься надъ теперешними своими опасеніями. Но во всякомъ случаѣ береги себя и бойся простуды. Надѣйся на Бога, учись исполнять свои обязанности, переноси все съ терпѣніемъ, и не слушай тѣхъ мерзавцевъ, которыхъ посылаетъ дьяволъ во всѣ кружки общества для искушенія и смущенія людей...»

Таковъ былъ Хохряковъ, такова была его судьба. Подобныя личности не проходятъ безслѣдно по землѣ и, какъ бы ни была коротка ихъ жизнь, всегда успѣваютъ подчинить кого-нибудь своему вліянію. Онъ незамѣтно подчинилъ себѣ свой кружокъ.

— Это, господа, чортъ знаетъ, что такое!—говорилъ онъ, выходя изъ-за обѣденнаго стола. — Экономка четыре дня подъ рядъ даетъ намъ прогорклое масло!

Digitized by Google

— Да, порядочная гадость, точно свѣчное сало,—подхватилъ кто-то изъ окружающихъ.

— Хуже свѣчного сала; то хоть отъ кашля пьютъ, а отъ этого у меня изжога въ горлѣ и кашель начался. Вѣдь грудь-то моя, а не экономкина, другой она не дастъ!

— Э! что тутъ толковать, вѣдь ничего не подѣлаешь, — флегматически произнесъ одинъ пансіонеръ.

— Что?!—вспылилъ Хохряковъ.—Не передѣлаешь? Фитилькинъ ей деньги за насъ платитъ, да ей же и дрянью насъ кормить позволять, — нѣтъ, братъ, жирно будетъ! Не передѣлаешь! а зачѣмъ же ее поставили? Не для того ли, что хотятъ, чтобы все было хорошо сдѣлано? Тебя хоть грязью корми, такъ ты все будешь ѣсть, подличать привыкъ, свинья!

— Чего ты ругаешься!

— А какъ же тебя не ругать? Платитъ тебѣ она, что ли, за то, чтобы ты за нее заступался?

— Развѣ я заступаюсь?

— Заступаешься! Заступаешься, если не хочешь на нее Фитилькину пожаловаться.

— Вотъ, стану я одинъ жаловаться, чтобъ въ карцеръ посадилъ Тарасъ или выпоролъ, да руку для цѣлованья подставилъ!

— Какъ одинъ? Всѣ согласны. Это только тебя подкупили, вѣрно, дочь ея понравилась, жениться на ней хочешь, ждешь, когда ея мать приданое наворуетъ...

— Э, да онъ въ самомъ дѣлѣ на нее масляными глазками смотритъ у обѣдни... Ты, братъ, ужъ не того ли?— подхватили голоса школьниковъ, обрадованныхъ первымъ сальнымъ намекомъ Хохрякова.

Остроты и шутки посыпались градомъ на защитника экономки. Хохряковъ далъ всѣмъ полную волю насладиться разными пошлостями и молчалъ до тѣхъ поръ, когда пришло время расходиться по классамъ.

— Такъ, значитъ, господа, рѣшено: завтра мы жалуемся Фитилькину?—произнесъ онъ.

— Разумѣется, рѣшено,—подхватили голоса.

Никто и не подозрѣвалъ, что Хохряковъ ловко велъ ихъ за собою. Нѣкоторые, расходясь, очень весело напѣвали школьный романсъ:

Антонида и Тарасъ
Правятъ школою у насъ...

Во время классовъ Хохряковъ начиналъ разговаривать со священникомъ, съ учителемъ русской словесности, спо-

Digitized by Google

рилъ съ ними, наводилъ ихъ на тѣ вопросы, которые тревожили его, а его тревожилъ каждый вопросъ, на который онъ набрелъ случайно и не нашелъ отвѣта. Въ листкахъ его записной тетради, хранящихся у меня, вы найдете десять строкъ о Буддѣ, подъ ними записаны слова изъ Байрона, далѣе разъясняется вопросъ: обманщикъ ли Магометъ или энтузіастъ? Потомъ слѣдуютъ переводы Прометея Гёте, одной страницы изъ Прудона, рядъ знаменитыхъ фразъ, въ родѣ: de chacun selon ses facultés et à chacun selon ses besoins и т. д. Перечитывая эти замѣтки, невольно поддаешься неодолимо-грустному чувству, потому что изъ нихъ ясно видно, какъ многое тревожило мозгъ юноши и какъ было мало у него средствъ добраться до дѣльныхъ и «прямыхъ отвѣтовъ на проклятые вопросы»... Учителя не замѣчали его маневровъ, не замѣчали, что ими руководитъ ученикъ, и въ слѣдующіе классы уже сами касались поднятыхъ имъ въ предыдущій классъ вопросовъ.

— Меня кто-то спрашивалъ, кажется, вы, Хохряковъ, про характеръ сочиненій Вольтера,—говорилъ учитель русской литературы Струковъ: — я не успѣлъ отвѣтить на вопросъ, между тѣмъ, мы какъ разъ касаемся теперь того времени исторіи нашей литературы, которое совпадаетъ съ дѣятельностью Вольтера, и потому мы поговоримъ о немъ. Его религіею—былъ деизмъ, его философіей—сенсуализмъ, его моралью—терпимость.

— Что такое деизмъ?—спрашивалъ Хохряковъ.

Учитель объяснялъ. Двое-трое изъ учениковъ настораживали уши, остальные радовались въ душѣ, что Хохряковъ *умѣетъ заговаривать* Струкова, и набивали подъ столомъ папиросы, играли въ карты или просто, въ припадкѣ хорошаго настроенія духа, вырѣзывали различные узоры на школьныхъ столахъ, осторожно сдували стружки, замазывали вырѣзанное чернилами, иногда залѣпляли замазкой изъ толченаго мѣла, любовались своимъ произведеніемъ и ухмылялись глупѣйшими улыбками, поддаваясь какимъ-то идіотическимъ мечтаніямъ. Въ слѣдующій классъ эта ватага, по обыкновенію, не знала урока, и если учитель вызывалъ кого-нибудь изъ ея членовъ и ставилъ ему за незнаніе нуль, то лѣнтяй приходилъ въ азартъ.

— Это чортъ знаетъ, что такое! — кричалъ этотъ господинъ.—Нули умѣетъ крутить, а объяснять уроковъ не хочетъ, задаетъ отсюда да досюда, чортова перечница! поневолѣ трудно учить уроки.

Digitized by Google

— Чего тебѣ тутъ объяснять?—спрашивалъ Хохряковъ.— Кто былъ Державинъ? Дѣйствительный тайный совѣтникъ былъ, стихи писалъ въ свободное время...

— Это я и самъ знаю...

— Такъ чего же тебѣ еще надо? Слушалъ бы лучше о томъ, чего не знаешь, чего въ запискахъ нѣтъ.

— Гдѣ намъ въ философію пускаться!

— Ну, такъ спалъ бы, добрый человѣкъ, во время лекцій. Вѣдь тебѣ много знать не надо, ты въ гарнизонъ смотришь...

— А ты на тотъ свѣтъ?

— Свинья!

Половина этихъ разговоровъ и сценъ была извѣстна мнѣ, хотя я не принадлежалъ къ тому классу, гдѣ былъ Хохряковъ. Знакомство съ нимъ быстро развивало во мнѣ задатки, положенные уроками двухъ домашнихъ учителей, чтеніемъ книгъ и прошлой жизнью. Въ моихъ мечтахъ уже являлся не простой идеалъ честной жизни, но являлось и прямое желаніе быть подобнымъ Хохрякову, первымъ между товарищами. Иногда я представлялъ себя ораторомъ, окруженнымъ всею школою, мнѣ чудилось, что всѣ меня слушаютъ, всѣ мнѣ повинуются. Но чего же я хочу, что я приказываю имъ? Вотъ этого-то я и не могъ придумать, всѣ мои мысленныя рѣчи останавливались на словахъ: господа, живите честно! Далѣе я не шелъ. Чтобы сдѣлаться передовымъ, нужно было заслужить любовь старшихъ и товарищества; въ этомъ состояла вся задача моей жизни въ теченіе трехъ лѣтъ.

V.

Продолженіе предыдущей.

Описывать школьную жизнь день за днемъ, годъ за годомъ нѣтъ никакой возможности. И дни, и годы во всѣхъ школахъ такъ похожи между собою, какъ слѣпки одной и той же печати. Правда, одинъ слѣпокъ выйдетъ отчетливѣе, другой тусклѣе, на третьемъ явятся двѣ-три ямки, два-три неожиданныхъ бугорка, но всѣ эти различія такъ неуловимо-мелки, что стоитъ огромнаго труда собрать ихъ въ одно цѣлое, и, все-таки, это цѣлое будетъ похоже на вылинявшую вышитую шерстью картину и, конечно, не заинтересуютъ никого ея крестики и petits points. Если бы я писалъ не свою автобіографію, а обличительный романъ, то я непремѣнно разсказалъ бы до мельчайшихъ подробностей, какъ,

Digitized by Google

во время ежегодныхъ публичныхъ экзаменовъ и ревизій, на насъ и на наши кровати надѣвалось необыкновенно хорошее бѣлье, какъ насъ кормили въ эти дни лучше обыкновеннаго, какъ всѣ, начиная съ Фитилькина и до послѣдняго гувернера, бывали въ эти дни встревожены, блѣдны и обходительны съ нами и даже съ школьною прислугою, какъ, наконецъ, въ одну изъ этихъ ревизій меня чуть не посадили въ карцеръ за то, что у меня недоставало одной пуговицы на курткѣ. Могъ бы я разсказать, какъ нѣкоторые учителя; дрожа за свою участь, обманывали заодно съ нами экзаменаторовъ, подсказывая на экзаменахъ, позволяя пороть всякую чепуху, лишь бы она бойко отвѣчалась, и иногда объявляя впередъ, что и кого они спросятъ. Все это могло бы быть описано не безъ ѣдкости, не безъ извѣстнаго юмора, потраченнаго на передачу общеизвѣстныхъ школьныхъ исторій и анекдотовъ, въ родѣ разсказа о переводѣ французской фразы: hâtons, célébrons la gloire d'Achille. Но для моей автобіографіи вмѣсто этихъ описаній нужно упомянуть только одно то, что событія каждой ревизіи и каждаго экзамена понижали въ нашихъ глазахъ и учителей, и гувернеровъ, служили какъ бы ступенями лѣстницы, по которымъ спускались эти власти въ какую-то грязную яму. Мы понимали, что онѣ трусятъ и держатся на мѣстахъ только посредствомъ ловкаго обмана, что ихъ подозрѣваютъ въ этомъ обманѣ, ибо ревизуютъ, и что, рано или поздно, обманъ откроется, и ихъ столкнутъ съ мѣстъ, что самъ наивный Фитилькинъ опутанъ ихъ сѣтями и не видитъ, какъ они вредятъ его училищу дряннымъ исполненіемъ возложенныхъ на нихъ обязанностей. Теряя къ нимъ уваженіе, мы переставали ихъ слушаться и, разумѣется, все чаще и чаще подвергались наказаніямъ и озлоблялись. Послѣднее сильно отражалось въ разговорахъ кружковъ. Но, кромѣ этихъ крупныхъ и общихъ фактовъ, были еще мелкіе, частные случаи, ронявшіе въ нашихъ глазахъ начальниковъ. У насъ, напримѣръ, былъ одинъ гувернеръ, шведъ Ньюландъ, добрѣйшее, но ограниченнѣйшее существо. Онъ не сдѣлалъ въ жизни никому вреда, но въ воспитатели не годился уже по одной своей физіономіи. Хотя это и странно, но золотушность его родителей рѣшила навсегда его участь при рожденіи; онъ былъ смѣшонъ со своими бѣлыми жидкими волосами, веснушками и подслѣповатыми глазами, надъ которыми бѣлѣлись одинокіе волоски рѣсницъ. Смѣшному человѣку очень трудно пробудить любовь къ себѣ и еще

Digitized by Google

труднѣе снискать уваженіе въ средѣ дѣтей: ребенокъ всегда юмористъ. Смѣшная фигура Ньюланда бросилась въ глаза всѣмъ, и всѣ рѣшили безъ справокъ, что онъ долженъ быть глупъ. Первые подсмѣивались надъ нимъ воспитанники, ихъ примѣру послѣдовали его товарищи. Этого было довольно: Ньюландъ сдѣлался мишенью для шутокъ и остротъ.

— Правда ли, Ньюландъ, что вы однажды приказали высѣчь воспитанника въ той гимназіи, гдѣ вы были?—спрашивалъ его Ивановъ-амбасадеръ, прогуливаясь съ нимъ среди толпы взрослыхъ пансіонеровъ.

— О, та!—восклицалъ Ньюландъ своимъ ломанымъ языкомъ; лица воспитанниковъ уже дрожали отъ сдерживаемаго смѣха.—Это былъ страшный день, я сгорячился, я приказывалъ сѣчь и потомъ вдругъ потумалъ себѣ: што ты, Фердинандъ, тѣлаешъ? И зовсѣмъ мое серсе замирало отъ ужасъ; я упѣжалъ...

Вся толпа неизвѣстно чему хохотала, какъ безумная. И Ивановъ, и эти юноши, не знавшіе основательно ни одного языка, кромѣ своего родного, считали удивительно смѣшнымъ то, что иностранецъ худо объясняется по-русски. Имъ въ голову не приходило спросить себя: а какъ мы объяснимся въ случаѣ нужды по-французски или по-нѣмецки?

— И съ тѣхъ поръ вы никого не сѣкли? — продолжалъ спрашивать амбасадеръ, желая еще болѣе потѣшить воспитанниковъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ шведъ: — я бралъ на другой день отпускъ и сталъ клопотать...

— Что? что?

— Сталъ клопотать о другомъ мѣстѣ.

— Господа, Ньюландъ открылъ новый глаголъ, происходящій отъ насѣкомаго,—остритъ одинъ изъ воспитанниковъ.

Среди дѣтей, подшучивавшихъ надъ бѣднымъ шведомъ, нашелся одинъ ребенокъ, изъявившій къ нему какое-то особенное расположеніе, и въ припадкѣ откровенности разсказавшій ему нѣкоторыя печальныя подробности изъ своего прошедшаго житья-бытья. Шведу стало жаль этого хорошенькаго, смирнаго ребенка. Въ одинъ изъ праздниковъ шведъ принесъ ребенку гостинца, въ другой—взялъ его въ отпускъ въ свою квартиру. Эта квартира состояла изъ кухни съ отгороженной передней и изъ гостиной съ отгороженною спальнею. Въ гостиной, между прочею мебелью-развалинами, стоялъ плоскій, какъ блинъ, чернаго отъ времени цвѣта, клеенчатый диванъ, на которомъ спалъ и мечт-

Digitized by Google

талъ въ свободное время Ньюландъ. Въ спальнѣ стояли двѣ кровати съ плоскими, какъ этотъ диванъ, тюфяками, на которыхъ спали мать и сестра Ньюланда. Все въ этомъ жилищѣ, начиная съ него самого, было бѣдно, ветхо, уныло,—но у него была своя роскошь—это чистота. Мать Ньюланда поразила ребенка, выросшаго въ богатой и важной семьѣ, своимъ чистымъ, но бѣднымъ и уродливымъ чепцомъ и своимъ коленкоровымъ платьемъ, которое, вѣроятно, по отсутствію юбокъ, какъ-то смѣшно болталось около ея жидкой фигуры. Сестра Ньюланда привела въ остолбенѣніе ребенка отсутствіемъ тѣла; она вся состояла изъ костей, обтянутыхъ сухою желтоватою кожею; во рту у нея были черные зубы и пустыя мѣста, напоминавшія о нѣсколькихъ выбывшихъ товарищахъ этихъ черныхъ зубовъ; на рукахъ у нея были большіе бугры, оставленные ревматизмомъ и сдѣлавшіеся коричневыми отъ мазей. Все это было слѣдами страданій, болѣзней, невзгодъ, но все это имѣло смѣшной видъ, смѣшную форму, а люди рѣдко видятъ что-нибудь далѣе формы: члены семьи слыли смѣшными людьми. Мать тотчасъ, по приходѣ ребенка, засуетилась, чтобы угостить его кофеемъ съ сдобными булками; сестра засуетилась, чтобы занять ребенка разговорами и чѣмъ-нибудь развлечь его; она для этой цѣли начала вынимать и показывать ему разныя картинки, вѣроятно, изъ той древней азбуки, по которой она училась, и разныя бисерныя работы, вѣроятно, назначавшіяся въ древнія времена для подарковъ ожидавшимся тогда женихамъ; бѣдная золотушная дѣвушка даже подарила ребенку одну изъ этихъ вещицъ, а именно: бисерный чехолъ на зубочистку съ воткнутымъ въ него сухимъ и желтымъ гусинымъ перомъ. Въ два часа гостя накормили незатѣйливымъ, но сытнымъ обѣдомъ, отъ котораго пахло и корицей, и гвоздикой, и ванилью; обѣдъ окончился кондитерскимъ пирожнымъ: это было необычайнымъ событіемъ въ домѣ, но вѣдь и гость въ немъ былъ тоже необычайнымъ событіемъ: быть-можетъ, за это пирожное семья лишала себя на завтра необходимаго второго блюда, — на жалованье гувернера въ частной школѣ нельзя широко жить. Послѣ обѣда Ньюландъ набилъ трубку, взялъ спичку, поднесъ ее къ посыпанной пескомъ коробочкѣ и вопросительно обратилъ голову къ матери:

— Ви дозволяйтъ.

— О, куритъ.

Они говорили по-русски, хотя это было для нихъ трудно,

Digitized by Google

по говорить по-шведски при ребенкѣ, не знавшемъ этого языка, имъ казалось невѣжествомъ.

— Ви мнѣ позволить?—спросила мать Ньюланда, приколовъ на головѣ чепецъ и садясь за чтеніе библіи.

Ребенокъ недоумѣвалъ и внутренно смѣялся надъ этою старухою, державшею въ воздухѣ чепецъ наподобіе мужской фуражки.

— Маменька спрашиваетъ, позволите ли вы ей снять чепецъ,—объяснила сестра Ньюланда.

— Пусть снимаетъ!—отвѣтилъ ребенокъ, и по его губамъ скользнула улыбка; онъ закусилъ ихъ, чтобы не захохотать, когда увидалъ голову старушки безъ чепца; она была почти лишена волосъ и сзади торчалъ какой-то крысиный хвостикъ, завязанный въ узелокъ.

— Не хотите ли вы поиграть въ карты? — спросила сестра Ньюланда.

— Пожалуй.

— Фердинандъ, будемъ въ карты играть?

— Корошо. Вотъ поджидай, мы тебя будемъ обигривать,—засмѣялся весело Фердинандъ, выкурившій съ такимъ сладострастнымъ наслажденіемъ трубку, съ какимъ могутъ курить только нѣмцы, шведы и турки.

Началась игра. Братъ и сестра смѣялись до колотья и до слезъ и тому, что одинъ изъ играющихъ сдѣлалъ ошибку, и тому, что одна карта въ колодѣ легла лицомъ кверху, и тому, что розыгрышъ вышелъ, и тому, что одинъ изъ нихъ остался въ дуракахъ. Мать дочитала урочную страницу и присоединилась къ игрокамъ, потомъ еще веселѣе всѣ напились кофе и вечеромъ чаю. За чаемъ всѣ предались не то грустнымъ, не то веселымъ воспоминаніямъ о томъ, какъ бралъ изъ школы какой-то финнъ Готлибъ самого Ньюланда во дни его дѣтства. Всѣ наперерывъ сообщали ребенку малѣйшія подробности изъ жизни этого Готлиба, какъ будто хотѣли прославить его на весь міръ, заставить міръ воздвигнуть памятникъ этому человѣку за то, что онъ приласкалъ когда-то ихъ Фердинанда.

— Ти славный мальшикъ пудешь,—сказалъ Ньюландъ, сидя въ креслѣ и положивъ руки на плечи ребенка, который стоялъ между его колѣнями.

Этими словами кончился день. Бѣдный шведъ радовался, что онъ весело провелъ замѣчательный день въ своей жизни: въ этотъ день онъ праздновалъ годовщину своего рожденія.

Digitized by Google

На другой день въ томъ классѣ, гдѣ находился этотъ ребенокъ, съ одного конца до другого, переливался неудержимый смѣхъ. Одинъ воспитанникъ держалъ надъ своей головой фуражку и говорилъ: «ви мнѣ позволить?» Эта фигура напоминала мать Ньюланда, снимающую чепецъ передъ чтеніемъ библіи. Другой воспитанникъ приставлялъ ко рту растопыренные пальцы и спрашивалъ: «ви дозволяйтъ?» Эта фигура напоминала Ньюланда, начинающаго курить трубку. Третій воспитанникъ всасывалъ въ себя свои щеки: это похудѣвшее лицо должно было походить на лицо сестры Ньюланда... Несчастный ребенокъ имѣлъ счастливый даръ схватывать смѣшную сторону и имѣлъ несчастную слабость, ни о чемъ не думая, передавать свои наблюденія другимъ. Вся эта комедія дошла до Ньюланда. Онъ нахмурилъ свои бѣлыя брови.

— Что вы, господинъ Ньюландъ, такіе скучные сегодня?—безцеремонно спросилъ у него ребенокъ.

— Поти прочь, несчастній!

— Почему я несчастный?

— Поти прочь, тебѣ каворятъ, не то я тебя проконю...

— Что это вы, лѣвой ногой встали сегодня?—еще фамильярнѣе спросилъ ребенокъ, считавшій себя короткимъ знакомымъ Ньюланда.

— Я тебя пудетъ наказывайтъ.

— Развѣ вы смѣете, если я ничего не сдѣлалъ?

— А-а! Я не смѣйтъ! Итемъ къ директоръ! — шведъ, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, схватилъ грубо за руку мальчугана и потащилъ его за собою, задыхающимся голосомъ крича:—а, я не смѣйтъ! я не смѣйтъ! ти тумаешь, что я и у тебя пудетъ позволенія проситъ?

Передъ дверями директорской квартиры Ньюландъ остановился.

— Проси прошенья!—крикнулъ онъ.

— Я ничего не сдѣлалъ.

— Проси прошенья! проси прошенья!

— Не стану!

Ньюландъ взглянулъ на ребенка и съ омерзѣніемъ оттолкнулъ его отъ себя, какъ какую-нибудь гадину.

— Ступай!—сказалъ онъ и подошелъ къ окну, которое было въ коридорѣ.

Ребенокъ, какъ изъ лука стрѣла, полетѣлъ въ классъ, а Ньюландъ остался въ коридорѣ, прислонивъ горячій лобъ къ холодному стеклу; говорятъ, что онъ плакалъ...

Digitized by Google

Этотъ несчастный ребенокъ былъ я...

Съ этого дня шутить и смѣяться надъ Ньюландомъ сдѣлалось опаснымъ: онъ началъ жаловаться директору. Воспитанники уже начинали его ненавидѣть. Однажды, во время дачной жизни, какой-то шутникъ разсказывалъ товарищамъ, что Ньюландъ въ своей свѣтелкѣ куритъ по вечерамъ трубку и поетъ слѣдующую пѣсню:

Бабушка летаетъ,
Птишка поетъ,
Бѣтному Ньюланду
Спать не даетъ.

Была ли это выдумка школяра, былъ ли это дѣйствительный фактъ,—не знаю, но только съ этой минуты бѣдному гувернеру не было прохода, онъ вездѣ и отъ всѣхъ слышалъ эту пѣсню, слышалъ ея проклятый напѣвъ, звучавшій нестерпимою насмѣшливостью... Вообразите себѣ, что васъ облѣпили сотни мухъ и ползаютъ по васъ, и щекотятъ ваше тѣло, вообразите себѣ, что это будетъ происходить каждый день и продолжаться годы,—тогда вы поймете положеніе Ньюланда. Черезъ годъ онъ былъ неузнаваемъ: это былъ сварливый, придирчивый, жестокій начальникъ, онъ любилъ сѣчь и любилъ, чтобы подъ розгой кричали, бились и рыдали его жертвы, вымаливая прощенье. Въ дѣтяхъ онъ видѣлъ просто своихъ враговъ и велъ съ ними безнравственную войну. Дѣти, разумѣется, давали ему отпоръ, насколько могли.

Я могъ бы разсказать множество фактовъ о томъ, какъ и почему начиналась вражда и неуваженіе между дѣтьми и старшими. Въ мірѣ нѣтъ ничего труднѣе воспитанія. Здѣсь одна, часто просто вздорная, ошибка со стороны учителей и воспитателей роняетъ ихъ въ глазахъ ребенка; пріучаетъ его къ неуваженію, а потомъ къ желанію побѣдить непріязненную личность. И то мгновеніе, въ которое ребенокъ впервые почувствовалъ желаніе воевать съ учителями и воспитателями, бываетъ по большей части минутою нравственной гибели ребенка, началомъ его вредныхъ шалостей, упорной лѣни не отъ врожденной сонливости, а вслѣдствіе каприза и дѣтски наивнаго стремленія отравить покой врага, взбѣсить его своимъ поведеніемъ, жертвуя за это своею спиною, потерею стыда и боязни наказанія. Надо до чрезвычайности осторожно анализировать факты, чтобы стать судьею между дѣтьми и наставниками, и если вы будете безпристрастны, то всегда найдете, что виноваты вторые,

Digitized by Google

считающіе святое дѣло воспитанія пустою игрою, доставляющею средства къ существованію. Имъ въ голову не приходитъ, что малѣйшая ошибка съ ихъ стороны губитъ навсегда характеры десятка дѣтей, приготовляетъ обществу негодныхъ и часто вредныхъ гражданъ. Имъ и въ голову не приходитъ, что, вмѣстѣ съ званіемъ учителей и воспитателей, они берутъ въ свои руки будущность цѣлаго поколѣнія людей, что тотъ, кто на десятомъ году жизни мститъ и тѣшится воткнутою въ стулъ врага-учителя булавкою, очень легко можетъ на тридцатомъ году жизни потѣшиться ножомъ въ дѣлѣ съ врагами. Тутъ не скачки, а переходъ съ одной ступени на другую. Учитель, это—духовный отецъ, или палачъ. Когда подумаешь обо всемъ этомъ серьезно, то и какой-нибудь Матвѣй Матвѣичъ Матвѣевъ или Ньюландъ становятся далеко не смѣшными, а просто страшными, бросающими въ дрожь дѣятелями, какъ бросаетъ въ дрожь буффъ или арлекинъ въ роли палача...

Но всѣ эти истины, къ несчастію, такъ стары, такъ общеизвѣстны, что дальновидные критики именно за нихъ назовутъ мою біографію скучною, а читатели сочтутъ своею обязанностью пропустить эту страницу безъ прочтенія и, попрежнему, не думая о сданныхъ въ архивъ вопросахъ, нетерпѣливо станутъ искать глазами *сцены съ разговорами*, по числу которыхъ мѣряется достоинство современныхъ литературныхъ произведеній. Мы всѣ очень любимъ болтовню!.. Нечего дѣлать, перейдемъ къ сценамъ съ разговорами...

Прошло еще три года школьной жизни. Въ это время я получилъ отъ сестры и отъ отца письма, разумѣется послѣ гувернера и директора, которыхъ очень интересовала моя переписка съ родными, у директора же оставались и присылаемыя мнѣ деньги; мнѣ забирались потомъ по мелочи. Разъ пять въ теченіе каждаго года бывалъ я у тетки и каждый разъ слышалъ отъ ея чопорнаго семидесятилѣтняго лакея одну и ту же стереотипную фразу: «Ея превосходительство желаютъ, чтобы вы поздравили ихъ съ праздникомъ». Въ одинъ изъ этихъ торжественныхъ дней меня очень удивило, что ко мнѣ явился не старый, а молодой лакей, и замѣнилъ знакомую фразу болѣе простыми и ясными словами: «Васъ велѣно привести къ тетушкѣ!» Я спросилъ о чопорномъ старикѣ; мнѣ отвѣтили, что онъ умеръ. Еще болѣе удивился я, когда въ слѣдующій торжественный праздникъ ко мнѣ не явился и молодой лакей тетки, а черезъ

Digitized by Google

нѣсколько дней пришло письмо отъ отца, запечатанное черной печатью и извѣщавшее о смерти самой тетки.

— Не испугайся,—сказалъ мнѣ Фитилькинъ, заботливо призвавъ меня къ себѣ и отдавая письмо. —Тутъ тебѣ пишутъ объ одной не очень пріятной новости. Твоя тетка была очень, очень опасно больна...

Директоръ пріостановился. Я стоялъ совершенно покойно и ждалъ продолженія рѣчи.

— Вылѣчить ее было нельзя, она умерла.

— А-а!—въ какомъ-то отупѣніи промолвилъ я. — Когда же ее хоронить будутъ?

— Ее уже похоронили въ прошлую среду, какъ можно думать, судя по письму.

— Такъ это, вѣрно, ее и везли мимо нашего класса подъ краснымъ балдахиномъ,—рѣшилъ я, вспомнивъ процессію, видѣнную мною въ среду.

— Какъ видно, такъ тебя не очень печалитъ ея смерть!

— Нѣтъ, мнѣ жалко...

Я остановился и покраснѣлъ: мнѣ нисколько не было жалко тетку.

Послѣднія письма отца приходили не изъ Москвы, но изъ нашей родной Шуповки, почему я и могъ заключить, что отецъ переселился въ деревню; это подтвердилъ мнѣ и Митричъ, жившій гдѣ-то въ Петербургѣ и изрѣдка посѣщавшій меня. Онъ былъ по лицу такимъ же, какъ и прежде; но его ноги плохо ходили и слезы, при малѣйшемъ волненіи набѣгавшія на глаза, говорили, что и надъ этой развалиной пронеслось еще нѣсколько лѣтъ. Эти года прошли не безъ слѣда и надо мною, я сталъ очень высокъ ростомъ, сдѣлался очень развязнымъ молодымъ человѣкомъ, заботился о красивой стрижкѣ волосъ и чесалъ ихъ одинаково съ амбасадеромъ, считавшимся свѣтскимъ человѣкомъ. Меня любило товарищество. Я велъ себя хорошо, потому что около меня стоялъ Хохряковъ. Онъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался ко мнѣ; иногда его просто сердило, если кто-нибудь мѣшалъ нашимъ прогулкамъ вдвоемъ по двору. Въ его душѣ накипѣло столько горя и жёлчи, что другъ и повѣренный ему становился необходимымъ, товарищество начинало тяготить его своимъ безпечнымъ весельемъ, своими безплодными продѣлками. Между тѣмъ организмъ Хохрякова быстро разрушался. Послѣ утомительнаго прогулками для составленія гербаріевъ и коллекцій насѣкомыхъ и веселаго свободой, чистымъ воздухомъ

Digitized by Google

лѣтняго времени, мой другъ слегъ въ постель; лѣтнія прогулки уходили его окончательно, а ему до выпуска, до поступленія въ юнкера, оставался только годъ. Настали дни почти двухнедѣльной бездѣятельной жизни въ городѣ, послѣ дачи. Я въ это время тоже былъ не очень здоровъ и лежалъ въ комнатѣ для больныхъ, хотя могъ бы со своею болѣзнею и не быть тамъ, но мнѣ не хотѣлось отлучаться отъ моего друга. Часто къ нему собирались и другіе товарищи, иногда мы играли въ карты, иногда просто болтали разный вздоръ, потѣшая умирающаго. Я не знаю ничего болѣе печальнаго, какъ смерть юноши, окруженнаго здоровыми, полными надеждъ товарищами, желающаго жить, терзаемаго мыслью о неизбѣжной близкой смерти. Каждое его слово, каждый взглядъ рѣжутъ ножомъ по-сердцу.

— Вотъ, господа, умирать приходится, а вѣдь можно бы еще пожить,—говорилъ онъ, улыбаясь своею горькой усмѣшкой и отбрасывая назадъ отросшіе во время болѣзни черные кудрявые волосы.

Мы молчали.

— И отчего это такъ жить хочется, хотя вся жизнь прошла гадко и, вѣрно, пошла бы еще хуже, потому что дальше въ лѣсъ, больше дровъ?.. Вѣдь и не жаль мнѣ никого...

— Какъ никого, а мать?—спросилъ кто-то.

— Мать меня похоронила, отдавая за полторы тысячи верстъ въ училище. Мы съ ней не видались девять лѣтъ, не бѣда, если и дольше не увидимся. Вотъ, тебя немножко жаль, Шуповъ...

Однажды Фитилькинъ явился къ больному, подошелъ къ его кровати и сталъ съ нимъ говорить, стараясь его ободрить:

— Вотъ, Богъ дастъ, поправишься къ веснѣ, такъ тебя твоя матушка на свой счетъ на кумысъ свезетъ.

— Охъ, Владиміръ Петровичъ, туда и провожать никто не пойдетъ, лучше ужъ на Смоленское, оно ближе, — сшутилъ умирающій.

Между тѣмъ, Фитилькинъ, котораго сильно тревожилъ больной, такъ какъ у насъ не оставались опасно больные, далъ знать его матери о положеніи больного; ее поразило это извѣстіе, какъ громъ. Она поспѣшно пріѣхала въ Петербургъ. Я сидѣлъ недалеко отъ кровати Хохрякова, когда она въ первый разъ вошла къ нему въ комнату и остановилась въ недоумѣніи посрединѣ, глядя на сына. Девять

Digitized by Google

лѣтъ страшно измѣнили его. Она отдала его пухленькимъ, краснощекимъ и загорѣлымъ десятилѣтнимъ ребенкомъ, теперь передъ нею лежалъ блѣдный, худой, высокій ростомъ молодой человѣкъ съ строгими чертами умнаго и выразительнаго лица.

— Ваничка,—воскликнула она и бросилась къ нему.

— Тише, у меня шпанская муха на груди,—произнесъ больной ледянымъ голосомъ и защитилъ свою изрытую мушками грудь рукою.

Въ этихъ словахъ былъ какой-то страшный смыслъ, кажется, цѣлая бездна открылась передъ несчастною матерью. Можетъ-быть, ей вспомнились въ эту минуту и письма сына, и ея отвѣты на нихъ. Она посидѣла съ часъ у его кровати, онъ лежалъ въ полузабытьи и потомъ тихо уснулъ. Она едва слышнымъ поцѣлуемъ поцѣловала его блѣдный лобъ и на цыпочкахъ вышла вонъ.

Черезъ нѣсколько дней она снова была у него и, узнавъ отъ доктора, какъ страшно мучился ея сынъ въ прошлую ночь, начала плакать. Это раздражило больного.

— Чего тутъ плакать?—сказалъ онъ.—Я вамъ двадцать разъ писалъ, что я не созданъ для здѣшняго климата, что и въ той школѣ я не хочу быть, что меня уморитъ здѣшняя жизнь,—ну, вотъ и уморила.

— Другъ мой, кто же это могъ предвидѣть!

— Кто, кто? Я предвидѣлъ! Такъ мнѣ вѣрить не хотѣли, думали: «Онъ притворяется, мерзавецъ.» Кто далъ вамъ право подозрѣвать меня во лжи, считать подлецомъ? И можете ли вы меня любить, если я подлецъ, обманщикъ въ вашихъ глазахъ? Чего-жъ тутъ плакать? Однимъ негодяемъ будетъ меньше!

Мать сидѣла молча, по ея щекѣ катилась одинокая слеза. Несчастная женщина видѣла, что больной находится въ состояніи нервнаго раздраженія, и не имѣла средства успокоить его.

— Ну, этого не могли предвидѣть, такъ другого могли ожидать,—продолжалъ онъ.—Примѣръ былъ: брата въ юнкера противъ воли отдали, на войнѣ убитъ. Тоже юноша былъ! И его оплакивали. А все изъ-за того, что можно было насъ съ рукъ сбыть, воспитать даромъ. Надо же и платить за это.

— Господи, до чего я дожила!—прошептала мать.

Она была до того жалка въ эту минуту, что становилось страшно за нее.

— А я и не жилъ, да вотъ въ гробъ иду! Вы думаете мнѣ

Digitized by Google

легко? Вѣдь я жить хотѣлъ бы... Вѣдь второй жизни не будетъ...

Больной въ изнеможеніи опустился на подушку и началъ бредить, потомъ, мало-по-малу, утихъ. Въ комнатѣ царствовала гробовая тишина, минуты медленно уходили за минутами...

— Умеръ!—проговорилъ одинъ изъ товарищей, прошедшій мимо кровати Хохрякова и заглянувшій ему въ лицо.

Насъ, распивавшихъ чай въ *больницѣ*, какъ мы величали комнату для больныхъ, не имѣвшихъ никакого уваженія къ мертвому тѣлу, какъ-то ошеломило это слово, и мы со страхомъ взглянули на мать покойника. Она сидѣла молча, съ поникшей головой, съ опущенными на колѣни руками, и перебирала пальцами носовой платокъ... Я завернулся съ головой въ одѣяло, чтобы не видѣть и не слышать ничего, мнѣ хотѣлось не жить въ эти минуты; даже не было во мнѣ столь свойственнаго юности любопытства узнать, что будетъ дальше. Такія минуты рѣдко повторяются въ жизни, остаются въ памяти навсегда и тысячу разъ вызываютъ на размышленія, приводятъ къ новымъ заключеніямъ и, въ концѣ концовъ, постоянно навѣваютъ ужасъ, ужасъ и ужасъ...

VI.

Я напиваюсь пьянымъ.

Только послѣ смерти Хохрякова понялъ я, какъ я его любилъ, какъ онъ былъ мнѣ нуженъ именно въ это время, когда мнѣ пошелъ шестнадцатый годъ, то-есть настало время быстраго умственнаго и физическаго развитія. Въ этотъ періодъ жизни человѣку хочется жить полнѣе и шире, у него является неодолимое стремленіе къ чему-то неизвѣстному. Въ этотъ періодъ въ нашемъ обществѣ у юношей или развивается мечтательность до безобразныхъ размѣровъ, до писанья въ день двадцати стихотворныхъ посланій *къ ней*, или закипаютъ необузданныя страсти, слѣдствіемъ которыхъ бываютъ первыя ошибки, первые пороки и мелкій развратъ, отъ которыхъ менѣе всего можетъ спасти закрытое учебное заведеніе. Всѣ это видятъ, и никто не хочетъ явиться въ эти минуты спасителемъ юношей, потому что до нихъ никому нѣтъ дѣла, никто не хочетъ заинтересовать ихъ какою-нибудь честною дѣятельностью, чтобы они знали, какъ провести свободное отъ ученья время. Попрежнему въ этотъ періодъ заставляютъ ихъ только долбить сухіе учебники, не объясняя, на что можетъ пригодиться эта школь-

Digitized by Google

ная суть, попрежнему кажется имъ пустою прихотью старшихъ преподаваніе исторіи и географіи, которыя, по ихъ соображеніямъ, ни на что не нужны; еще менѣе нужными кажутся какому-нибудь будущему дипломату алгебра и геометрія; химія занимаетъ всѣхъ своими *забавными* опытами, но серьезно занимается ею одинъ изъ ста человѣкъ. Разумѣется, на всѣ эти и подобныя имъ *ненужныя* науки каждый старается посвятить какъ можно менѣе времени и остальные свободные часы наполняетъ чѣмъ можетъ. Ну, а чѣмъ можетъ у насъ наполнить юноша свои свободные часы, особенно если онъ живетъ въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи, а не дома? Въ свободные часы онъ не можетъ идти изъ училища въ театръ; не можетъ заняться какимъ-нибудь ремесломъ, хотя каждый чувствуетъ охоту что-нибудь поточить, попилить, поклеить; не можетъ онъ провести вечеръ въ обществѣ опытныхъ, старшихъ возрастомъ людей, разрѣшить съ помощью ихъ свои неясные сомнѣнья и вопросы, потому что ни одинъ учитель, гувернеръ, инспекторъ или какая-нибудь другая школьная власть не допуститъ въ свое общество этихъ юношей, потому что юноши надоѣли этимъ служащимъ безъ призванія господамъ, потому что съ юношей надо быть осторожнымъ, нельзя при немъ предаваться картежной игрѣ, оргіямъ, разнузданнымъ рѣчамъ, которыя заставляютъ насъ краснѣть, достигнувъ нашего слуха на Сѣнной площади, и которыя вызываютъ веселый смѣхъ въ каждой холостой компаніи, составляютъ ея соль. Юношамъ остается одно: чтенье дрянныхъ романовъ, мечтанье и развратъ. Ну, и не пеняйте, если ваши дѣти годны только на тасканье за женской юбкой!..

Послѣ смерти Хохрякова мнѣ было нечего дѣлать въ его кружкѣ. Стремленье къ сальностямъ, къ кутежу стало замѣтнѣе проявляться въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ не стало его руководителя. Сверхъ того, это были воспитанники, оканчивавшіе свои учебные годы, и потому они считали долгомъ дѣлать опыты того, что они будутъ дѣлать въ большихъ размѣрахъ, будучи на волѣ. Начальство начинало на нихъ коситься и ждало перваго случая, чтобы наказать примѣрно. Съ грустью проходилъ я мимо того мѣста въ сухой канавѣ, гдѣ обыкновенно помѣщался кружокъ Хохрякова, гдѣ всѣ давно привыкли къ моему присутствію, хотя я и былъ моложе ихъ. Однажды, когда я проходилъ мимо этого завѣтнаго мѣста, меня окликнули:

— Шуповъ, иди къ намъ!

Digitized by Google

Я узналъ голосъ Соболева и подошелъ.

— Хочешь папиросу?—спросилъ меня другой пансіонеръ Грабовскій, знавшій, какъ и всѣ другіе, что я не могу курить.

— Дѣвочки не курятъ, господа,—подшутилъ Соболевъ, знавшій тоже, что у меня болитъ голова отъ папиросъ.

Я всхныкулъ и взялъ папиросу, мнѣ хотѣлось обругать этого господина, но еще болѣе хотѣлось плакать отъ досады и отъ душившаго меня дыма.

— Э! такъ ты, пожалуй, и отъ рюмки вина не откажешься?

— Если захочу, такъ выпью.

— Видно, теперь некому командовать тобою, умеръ наставникъ и благодѣтель.

— Какой наставникъ?

— Хохряковъ, будто ты не понимаешь!

— Онъ никогда не былъ моимъ наставникомъ, я не ребенокъ.

— Ну, такъ мы приглашаемъ тебя къ себѣ сегодня вечеромъ,—смѣясь замѣтилъ Грабовскій.

— Да, да, приходи чай пить!—подхватили голоса обрадованныхъ возможностью сыграть шутку воспитанниковъ.—Надо тебя угостить!

— Да онъ не придетъ, побоится, что вино будетъ.

— Приду,—отвѣтилъ я, поддаваясь чувству ложнаго стыда, не допускавшаго меня уйти отъ людей, явно смѣявшихся надо мною.

У меня уже кружилась голова отъ табаку.

Вечеромъ, дѣйствительно, меня зазвали въ одну изъ укрытыхъ отъ надзора комнатъ пить чай. Комната эта принадлежала одному изъ школьныхъ служителей и давалась намъ не даромъ. За чаемъ была и бутылка вина, какъ кажется, купленнаго ради потѣхи надо мною. Кругомъ меня что-то говорили, чему-то громко смѣялись, я смѣялся еще громче, такъ что Соболевъ, тоже смѣясь, зажалъ мнѣ ротъ рукою. Грабовскій сострилъ, что сегодня праздникъ Луки, цѣлованіе соболевской руки. Я началъ ругаться.

— Ну, полно ругаться!—крикнулъ кто-то: я уже не узнавалъ голосовъ.—Поѣдемъ съ нами къ нашей тетушкѣ.

— Нѣтъ, господа, онъ побоится ѣхать къ ней.

— А вотъ поѣду!—крикнулъ я, топая ногою.

— Ха-ха-ха! - захохотало нѣсколько голосовъ.—Да она тебя высѣчетъ!

Digitized by Google

— Поѣду!—кричалъ я.

— Полно орать. Онъ совсѣмъ пьянъ отъ трехъ рюмокъ, отведите его спать.

Ругая кого-то и слыша чьи-то увѣщанія, пришелъ я въ спальню и улегся спать неизвѣстно какъ, неизвѣстно когда. Такія продѣлки не проходятъ даромъ, тѣмъ болѣе, когда гувернеры не дремлютъ. На другой день меня позвали къ директору. У него сидѣлъ Мальцевъ. Оба они были хмурые, безмолвные. Мальцевъ началъ меня допрашивать, что я вчера дѣлалъ, гдѣ былъ вечеромъ, что тамъ дѣлали другіе и кто эти другіе...

— Такъ ты ушелъ спать въ девять часовъ?—спросилъ Фитилькинъ.

— Да!—отвѣчалъ я.

Въ эту минуту въ комнату влетѣлъ—онъ всегда леталъ—черненькій либералъ-инспекторъ, составлявшій вѣчную оппозицію Мальцеву и иногда не безъ пользы для школы, гдѣ онъ представлялъ первую ласточку, пророчившую весну. Онъ желалъ сдѣлаться популярнымъ и потому постоянно горячился за свои идеи при воспитанникахъ.

— Гувегнеговъ смѣнить, надзигателей смѣнить надо!—вполголоса заговорилъ онъ съ директоромъ на своемъ птичьемъ языкѣ, замѣняя всюду букву р буквою г. Этотъ выговоръ какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ его вертлявою, маленькою фигуркою.—Тутъ-съ сѣченье, гозга, кагцегы, заключенье ничего не помогутъ. Это-съ все будетъ вгеменное...

— Что вы мнѣ толкуете о смѣнѣ гувернеровъ! Въ карманѣ новые-то у меня сидятъ, что ли? Надзоръ надо усилить! вотъ что надо сдѣлать.

— Это-съ не пгесѣчетъ зла. Надзогъ газовьетъ только способность обманывать.

— Ну, такъ что же, по-вашему: позволить имъ на шею къ намъ сѣсть, кнутикомъ насъ погонять?

— Я этого-съ не тгебую, не желаю! Я смѣны гувегнеговъ тгебую.

Я не знаю, чѣмъ кончился этотъ разговоръ. Фитилькинъ поспѣшилъ отвести меня въ сторону, оставилъ инспектора говорить съ Мальцевымъ и изъ предосторожности поставилъ меня къ разговаривающимъ спиною, вѣроятно, полагая, что я слышу глазами, и началъ читать мнѣ наставленіе, вертывая угрозы и тыкая меня своимъ жирнымъ, квадратнымъ пальцемъ то въ лобъ, то въ грудь, то въ плечо, со-

Digitized by Google

образно съ содержаніемъ рѣчи и поддерживая такимъ образомъ дѣятельность моего ума и чувства. Вспоминая теперь эту сцену, я благодарю небо, что оно надѣлило Фитилькина такими жирными, похожими на резиновыя трубочки, пальцами.

Меня посадили на три дня въ карцеръ; но прежде я долженъ былъ, вмѣстѣ со вчерашними кутилами, присутствовать на экзекуціи, совершенной надъ Соболевымъ. Ему предложилъ Фитилькинъ на выборъ два наказанія: изгнаніе изъ школы или розги. Соболевъ выбралъ послѣднее. Это былъ послѣдній взрослый воспитанникъ, высѣченный въ нашемъ училищѣ, скоро и совсѣмъ начала выводиться изъ употребленія розга. Соболева выпороли, но Фитилькинъ посовѣстился дать ему свою руку для цѣлованія. Многое передумалъ я въ карцерѣ; эта грязная каморка, исписанная непозволительными пошлостями, оберегаемая знаменитымъ самоѣдомъ, три дня одиночества, сознаніе гадости моего поведенія подѣйствовали на меня сильно. Стало мнѣ совѣстно, что мое ученье идетъ все хуже и хуже, что я почему-то не могу заниматься и, сидя за книгою, думаю о постороннихъ предметахъ. Я далъ себѣ слово быть прилежнымъ, но дѣло отъ этого не пошло лучше, наука мнѣ была противна, я считалъ ненужными всѣ преподаваемые предметы, былъ разсѣянъ и находился постоянно въ тревогѣ. Прогулки по городу послѣ сидѣнья въ классахъ должны бы были укрѣплять меня, но онѣ, напротивъ того, утомляли меня, и послѣ каждой прогулки я впадалъ въ бездѣйствіе, предавался мечтамъ.

Я рѣшился, наконецъ, написать отцу, что мнѣ скучно быть по воскресеньямъ въ училищѣ, что при жизни тетки я ходилъ иногда къ ней, а теперь мнѣ некуда ходить, что, наконецъ, я почти одинъ остаюсь по праздникамъ въ школѣ, то чтобы онъ позволилъ мнѣ бывать у Людюшиныхъ. Отецъ отвѣтилъ: «Глупости! ты чушь порешь! Ты окруженъ десятками такихъ же мальчишекъ, какъ и ты, и, значитъ, въ твоей волѣ играть съ ними и не скучать. Если бы ты подумалъ о томъ, что ты пишешь, то тебѣ не пришлось бы краснѣть теперь за высказанную тобою глупость». Этотъ отвѣтъ заставилъ меня махнуть рукою на все и сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ были другіе, то-есть безпечнымъ, немыслящимъ, отдающимся всѣмъ случайностямъ существомъ. Я снова пустился въ разныя продѣлки, лѣтомъ согласился съ тремя товарищами *чаить* и составилъ свой кружокъ. Къ намъ

Digitized by Google

присоединилось еще нѣсколько воспитанниковъ. Лѣтнее время летитъ быстро; прогулки, ловля бабочекъ, рыбы, собиранье и сушенье цвѣтовъ, купанья—все это заставляетъ двигаться, ни о чемъ не думать, кромѣ близкаго отдыха. Вообще въ такой жизни нѣтъ времени опомниться и осмотрѣться, если только человѣкъ вполнѣ отдастся теченію окружающей его жизни. Я игралъ въ нашемъ кружкѣ очень важную роль; острилъ искуснѣе другихъ, въ спорахъ оставался побѣдителемъ, имѣя очень громкій голосъ; хвасталъ знаніемъ разной дряни; серьезно разсуждалъ о томъ, что на зиму запущу волосы, что короткая стрижка гадка и выходитъ изъ моды; сильно завидовалъ въ душѣ усамъ одного изъ товарищей и щипалъ свою верхнюю губу, на которой не было и пуха. Я сорилъ деньгами и былъ кругомъ въ долгу, мое обращеніе съ прислугой было нестерпимо-дурно.

— Когда-нибудь ты нарвешься на бойкаго лакея,—угрожали мнѣ мои товарищи, когда я слишкомъ забывался въ обращеніи съ школьной прислугой.

— Вотъ еще выдумали! Этимъ холопамъ только деньги шати, такъ они съ радостью будутъ подставлять щеки подъ оплеухи. У нихъ и пословицы-то какія: «какъ ни зови, только хлѣбомъ корми», или «брань на вороту не виснетъ!»

— Однако...

— Однако, я вымазалъ дегтемъ мальчишку нашего самоѣда и пустилъ его въ этомъ видѣ на улицу, да вѣдь не пожаловался же самоѣдъ на меня за это?

— Ты куда выйдешь?—спросилъ меня, перемѣняя разговоръ, мой старый знакомый Золотовъ, сдѣлавшійся довольно странною личностью: онъ былъ склоненъ къ загулу, къ кутежу, и въ то же время сильно сочувствовалъ честнымъ идеямъ, которыя начинали въ это время проникать въ наше общество.

— Въ гусарскіе юнкера, душа моя, думаю выйти,—промолвилъ я.—Мнѣ оставалось два года до выпуска.

— Содержаніе дорóго.

— Такъ что-жъ такое? У меня деревня, вѣроятно и капиталъ найдется. Отецъ мало тратитъ на мое воспитаніе и, значитъ, проценты все растутъ.

— А какъ отецъ-то не дастъ тебѣ ничего изъ этого капитала?

— Развѣ онъ смѣетъ! Имѣніе мое, мнѣ мать его оставила.

— То-то ты закутишь, какъ вырвешься на волю! Теперь-то тебя присадили, голубчика!

Digitized by Google

— Кто присадилъ?—вспылилъ я.

— Какъ кто?

— Ну да, куда? кто? я тебя спрашиваю,—кричалъ я.— Я самъ не хотѣлъ ходить по праздникамъ въ отпуски, а захочу, такъ и буду ходить.

— Да куда, вѣдь у тобя родныхъ здѣсь нѣтъ?

— А куда захочу, туда и пойду, хоть въ кабакъ!—и я захохоталъ удалымъ смѣхомъ.—Я, братъ, военнымъ буду, а не какимъ-нибудь штафиркой, какъ ты!..

Я въ этотъ день не пилъ вина, но я былъ пьянъ; уже нѣсколько мѣсяцевъ я былъ пьянъ безъ помощи вина. Это было опьянѣніе необузданной безшабашной удали, въ которую вылились всѣ мои нравственныя силы, неимѣвшія ни другого дѣла, ни другого пути. И съ какимъ отвратительнымъ хохотомъ, съ какой самонадѣянностью говорилъ я о своемъ предполагаемомъ противодѣйствіи отцу и какъ игралъ именемъ этого человѣка, котораго одинъ взглядъ едва не заставлялъ меня падать въ обморокъ.

VII.

Я встрѣчаюсь съ обществомъ и дѣйствительною жизнью.

Чтобы исполнить свое желаніе и ходить въ отпускъ помимо позволенія отца, я написалъ письмо къ Колькѣ, прося его зайти поскорѣе ко мнѣ. Мы съ нимъ видались въ послѣднее время рѣдко, встрѣчались очень радостно, братски цѣловали другъ друга и, походивъ по школьному коридору, разставались какъ-то грустно и вмѣстѣ съ тѣмъ холодно. Причиной этого было то, что мы съ Колькой уже стояли на разныхъ берегахъ и сойтись покуда не было возможности. Кольку, знавшаго всю грязь и мерзость городской жизни, пугалъ цинизмъ моихъ рѣчей; онъ не выносилъ безъ краски стыда этого ухарскаго тона моихъ неистощимыхъ анекдотовъ. Его суровые разсказы о гимназіи, о домашнихъ дѣлахъ скользили мимо моихъ ушей, не задѣвая меня за живое; съ такимъ же невниманіемъ слушалъ я его восторженныя рѣчи о какомъ-то учителѣ Шуповѣ, и только посмѣялся предположенію Кольки, что какой-нибудь учителишка можетъ-быть нашимъ родственникомъ. Все это оскорбляло и раздражало Кольку. Онъ ходилъ ко мнѣ все рѣже и рѣже, но оставить меня, повидимому, не могъ, какая-то непонятная для него самого въ то время сила привязывала его ко мнѣ, несмотря на всю мою пошлость. Въ коридорѣ, гдѣ мы ежедневно ходили, часто происходили странныя сцены,

Digitized by Google

понятныя и понятныя только намъ съ Колькой: я боюсь говорить о нихъ подробно, такъ онѣ странны для постороннихъ. Мы ссорились, говорили другъ другу рѣзкія, непріятныя слова, окончательно рѣшались никогда не встрѣчаться, и потомъ въ обычный день я стоялъ долгіе часы у окна и смотрѣлъ на дорогу, ожидая, не появится ли Колька. Если онъ не появлялся, мнѣ дѣлалось тяжело, невыносимо-тяжело, хотя я и увѣрялъ себя, что его не люблю, и вотъ я писалъ къ нему: «Колька, я не имѣю никакого права просить тебя придти ко мнѣ, но я нездоровъ, и потому, ради Бога, приди ко мнѣ еще одинъ разъ». И Колька приходилъ... Мнѣ хотѣлось въ эти минуты плакать, просить у него за что-то прощенія, цѣловать его руки; но мнѣ было *стыдно*, и встрѣча была холоднѣе, чѣмъ бы слѣдовало ожидать по письму, а прощаніе снова походило на ссору...

— Что тебѣ нужно, голубчикъ?—спросилъ Колька, явившись въ школу послѣ полученія послѣдняго письма.

— Да вотъ, Колька, въ отпускъ мнѣ хочется ходить, такъ скажи своей матери, чтобы она пріѣхала взять годовой отпускной билетъ.

— Гм!.. право не знаю, согласится ли она,—нерѣшительно замѣтилъ онъ.

— Вотъ еще! отчего не согласится? Развѣ ей трудно доѣхать до нашего училища и взять билетъ? Больше ничего не нужно.

— Знаю, что больше ничего не нужно,—задумчиво проговорилъ онъ и, помолчавъ съ минуту, спросилъ меня:—не могу ли я взять билетъ?

— Вотъ еще выдумалъ? Такъ тебѣ и дадутъ!

— Но вѣдь я теперь не ребенокъ, а студентъ...

— Все же не дадутъ, ты холостой.

— Да вѣдь я съ отцомъ и съ матерью живу, могу отъ ихъ имени взять билетъ.

— Ахъ, да говорятъ тебѣ русскимъ языкомъ, что не дадутъ!—крикнулъ я, начиная злиться.

— Чего же ты кричишь-то? Экая проклятая привычка! Куда же ты будешь ходить въ отпускъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Къ вамъ.

— Къ намъ?!—съ испугомъ воскликнулъ Колька и весь вспыхнулъ.

Онъ началъ ходить быстрѣе по коридору, и видно было, что въ его головѣ роились мысли, которыхъ онъ не могъ высказать.

Digitized by Google

— Слушай,—началъ онъ, глядя не на меня, а въ сторону.—Ни отецъ, ни мать не согласятся брать тебя въ отпускъ даромъ. Ты долженъ это знать.

— Что же, развѣ я ихъ объѣмъ? Сама же твоя мать всегда трезвонила, что тарелка супу не разоритъ ее; впрочемъ, если нужно, такъ я ей, пожалуй, буду платить поденно. Это интересно! Ха-ха-ха!

Колька вспыхнулъ.

— Мнѣ твои разсужденія не нужны,—горячо замѣтилъ онъ.—Я тебѣ сказалъ фактъ, который ты доженъ знать.

— Вотъ-съ какъ! Ну-съ, такъ какъ я теперь знаю этотъ *фактъ*,—передразнилъ я его:—то я васъ избавлю отъ своихъ посѣщеній и буду ходить къ товарищамъ, которые хотя и не друзья мнѣ, а просто товарищи, но наперерывъ приглашаютъ къ себѣ, не требуя за это ни гроша.

Я не понималъ, что Кольку мои слова рѣзали, какъ ножомъ. Я ходилъ огромными шагами по коридору, и бѣдный Колька, не учившійся шагистикѣ, едва успѣвалъ бѣгать за мною. Мнѣ даже не было совѣстно передъ сторожемъ, сидѣвшимъ у окна въ коридорѣ и слышавшимъ наполовину нашъ разговоръ.

— Ты, голубчикъ, не понимаешь еще жизни.

— Ну, прошу безъ поученій!—крикнулъ я.—Это просто свинство!

— Чего ты кричишь? Пріучили васъ въ школѣ горломъ брать. Для этого ума не много нужно, а только грудь здоровая нужна.

— Чего ты наставленія мнѣ читаешь? Убирайся къ чорту!

Колька пожалъ плечами и спросилъ меня холоднымъ тономъ:

— А годовой билетъ брать или нѣтъ?

— Если ваша матушка будетъ такъ добра,—отвѣтилъ я, ломаясь и желая быть ѣдкимъ:— то пусть возьметъ.

— Она возьметъ,—все тѣмъ же тономъ, глядя мнѣ въ глаза, произнесъ Колька и простился со мною, не подавая мнѣ руки.

Я не пошелъ провожать его, какъ дѣлалъ это всегда, и, повернувшись на каблукахъ, направился въ спальню, насвистывая маршъ. Выходя изъ коридора, я обернулся назадъ и увидалъ Кольку: онъ стоялъ въ противоположныхъ дверяхъ и глядѣлъ мнѣ вслѣдъ. Мое лицо вспыхнуло, я хотѣлъ, поддаваясь первому движенію, вернуться къ нему, но онъ пожалъ плечами и тихо вышелъ вонъ.

Digitized by Google

На другой день Люлюшина пріѣхала взять мнѣ годовой билетъ.

— Какъ вы выросли, душенька,—затарантила она, встрѣтивъ меня и цѣлуя въ губы.—Какъ я рада, что вы будете иногда ходить къ намъ! И зачѣмъ это вашъ папаша безпокоился мнѣ на извозчика присылать, я и пѣшкомъ бы могла сходить за билетомъ.—Я остолбенѣлъ и въ ту же минуту понялъ, что Колька далъ ей изъ своихъ денегъ на извозчика. «Дуракъ!—говорилъ я мысленно:—не могъ онъ мнѣ сказать, что его матери на водку нужно за труды дать! Я и самъ бы далъ ей». Я не понималъ въ тѣ годы, что даромъ никто не обязанъ бѣгать для меня, еще менѣе понималъ я то чувство, которое всегда заставитъ трезваго сына заслонить мать, хотя бы она была пьяна, и подставить свою грудь за отца, хотя бы онъ былъ виноватъ,— то святое чувство, которое такъ тѣсно и крѣпко связываетъ семью въ великій союзъ. Я уже не имѣлъ семьи, мои понятія объ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ ограничивались тѣмъ, что я считалъ послѣднихъ обязанными дѣлать все для дѣтей, безъ всякаго права на благодарность и любовь. Я и почти всѣ мои товарищи, не видавшіе своихъ семей по нѣсколько лѣтъ, считали эти понятія вполнѣ вѣрными, логическими, разсуждая на своемъ циническомъ, выработавшемся, вслѣдствіе отсутствія общества и женщинъ, языкѣ: «мы не просили ихъ рожать насъ на свѣтъ!»

Наконецъ-то началось мое знакомство съ дѣйствительною жизнью и съ тѣмъ многочисленнымъ классомъ петербургскаго общества, котораго члены по большей части любятъ говорить о своихъ предкахъ только до дѣда. Они совсѣмъ не любятъ говорить о *своей* прошлой служебной карьерѣ, во время которой они запаслись благопріобрѣтеннымъ имуществомъ; кстати и некстати говорятъ: «нашъ братъ, помѣщикъ!»—хотя они въ своей деревнѣ были именно столько времени, сколько нужно было для первыхъ хозяйственныхъ распоряженій во дни ея покупки; ихъ старшія дѣти часто очень плохо пишутъ по-русски, но меньшія воспитываются въ корпусахъ и институтахъ и даже говорятъ ради шика нараспѣвъ по-французски, не подозрѣвая, въ простотѣ сердечной, что въ Парижѣ только трактирная прислуга, модистки, да русскіе позволяютъ себѣ psalmodier la langue. Здѣсь отцы семейства, поигрывающіе въ картишки, тающіе въ балетѣ и трепещущіе подъ башмаками женъ; здѣсь

Digitized by Google

жены, мѣряющія свое счастіе аршусомъ абонированной въ складчину ложи въ оперѣ, числомъ шелковыхъ платьевъ и золотыхъ вещей; сыновья-хлыщи, сыновья-фаты, завидующіе чужому рысаку и чужой любовницѣ, ищущіе невѣсть съ деньгами, чтобы завести и рысака, и любовницу, остроумные остроуміемъ переведеннаго съ французскихъ романовъ, не слѣдящіе ни за наукою, ни за политикой, ни за общественными дѣлами, слѣдящіе только за женскою юбкой, за числомъ пикниковъ, попоекъ и скандаловъ, не берущіе, какъ брали ихъ отцы, взятокъ въ рубль, но охотно принимающіе приношенія во сто рублей, смѣющіеся надъ отцами, хлопотавшими за этотъ рубль, и не дѣлающіе лишняго шага за взятые сто рублей; здѣсь институтки-дочери, затаскавшія свои лица вмѣстѣ съ бальными платьями, притупившія свои чувства въ праздной мечтательности, плачущія надъ пошлымъ романомъ и холодно выгоняющія изъ дома несчастную горничную, неловко подавшую имъ стклянку съ румянами; здѣсь мелкіе балики, крошечные концертики, съ виртуозами подозрительнаго свойства, презрѣніе къ статскимъ, если они не служатъ въ иностранномъ министерствѣ, презрѣніе къ военнымъ, если они служатъ не въ гвардіи, не въ уланахъ и не въ гусарахъ; здѣсь дѣвушки пробуютъ кокетничать въ свободное время съ мальчиками, съ дѣтьми, такъ какъ это не опасно, а между тѣмъ, все же практика, играютъ во вздохи, въ поцѣлуи, въ ревность; здѣсь мишурное богатство снаружи—и нищета, грязь, грубость за кулисами, въ спальнѣ... Расплата съ кредиторами, лавочниками, слугами, каретниками всегда впереди, въ будущемъ... Вотъ та жизнь, которую увидалъ я. У Золотова со мною любезничала его сестра Лиза, дѣвушка, которой въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ шелъ двадцать первый годъ. Она закатывала передо мною глазки, жала мнѣ руку крѣпче обыкновеннаго, жаловалась на судьбу, представляя себя жертвою матери, и однажды очень нѣжно приклонилась головой на мое плечо. Все это окончилось нѣсколькими поцѣлуями, нѣсколькими нулями въ училищѣ и насмѣшками надъ остановившейся на двадцать-первомъ году дѣвой, которую я промѣнялъ на сестру кадета Скворина, шестнадцатилѣтнюю дѣвушку. Я былъ влюбленъ въ нее, даже началъ кропать посланія къ *ней* и иногда лишній часъ ворочался въ постели, думая о *ней*, желая быть вѣчно съ *нею*; все это было и прошло, и скверно. А между тѣмъ, служащіе братья моихъ товарищей смѣялись и трунили надо

Digitized by Google

мною, остроумно называли меня теоретикомъ любви и, не вѣря, что я еще не совсѣмъ развратился, съ презрѣніемъ слышали мое признаніе, что я не знаю толку въ винѣ и не умѣю отличить дрянной мадеры отъ хорошаго хереса: они имѣли полное право презирать меня за это, потому что они сами вполнѣ обладали всѣми качествами содержателей винныхъ погребовъ.

Въ это же время судьба столкнула меня еще съ однимъ семействомъ. Читатель знаетъ, что меня навѣщалъ изрѣдка Митричъ. Онъ совершенно ослабѣлъ, плохо видѣлъ, плохо слышалъ и частенько являлся ко мнѣ подъ хмелькомъ. Я началъ подозрѣвать, что онъ побирается милостыней, потому что трудно было предположить, чтобы кто-нибудь держалъ его въ услуженіи. Эти подозрѣнія заставили меня спросить его, гдѣ онъ живетъ.

— У нашей матушки-барыни,—отвѣтилъ старикъ.

— У какой барыни?—спросилъ я и назвалъ фамилію одной изъ нашихъ родственницъ.

— Нѣтъ-съ, Павелъ Константиновичъ, я не у нихъ живу,—проговорилъ онъ съ видомъ смущенія.

— Такъ у кого же? Какъ ее зовутъ?

— И-и, батюшка, да на что вамъ это знать?

— Я хочу знать!—топнувъ ногою, крикнулъ я старику.

Я перетолковалъ по-своему его смущеніе, счелъ его слѣдствіемъ обмана и потому хотѣлъ добиться до правды.

— Экіе вы стали вспыльчивые, точно папенька,—качая головой промолвилъ онъ.—Ну, что съ вами дѣлать, ну, у Александры Ивановны я живу. Богаче вы, что ли, отъ этого стали?

— У какой Александры Ивановны? Кто она такая?

— Барыня-съ.

— Да почему же ты ее назвалъ *нашею*? У насъ нѣтъ въ роднѣ никакой Александры Ивановны.

— Эхъ, Павелъ Константиновичъ, бить меня, стараго хрыча, надо! Языкъ мой—врагъ мой! не слѣдовало мнѣ говорить объ этой барынѣ. Бѣда, если папенька узнаетъ, что я вамъ проболтался.

Старикъ, которому было на роду написано возбуждать невпопадъ мое любопытство, былъ видимо смущенъ и этимъ подталкивалъ еще болѣе меня на разспросы.

— Да скажи же, кто она такая!

— Что же вамъ сказать-то? Вы еще совсѣмъ дитя, только ростомъ-то, на лѣсъ глядя, вытянулись; не приходится вамъ всего разсказывать.

Digitized by Google

Я разозлился, услышавъ, что я ребенокъ. Вѣчное пребываніе въ кругу мальчиковъ сдѣлало меня грубымъ, вѣчные споры съ разными школьными служителями, не дѣлавшими ничего, если на нихъ не прикрикнешь, сдѣлали меня строптивымъ и готовымъ кричать за каждую бездѣлицу. Я раскричался, и теперь мнѣ и въ голову не приходило, что я долженъ уважать этого старика, носившаго меня на рукахъ.

— Если ты мнѣ не скажешь, такъ я самъ узнаю, гдѣ ты живешь. Говори же, не то худо будетъ, я вѣдь и отцу напишу!

Митричъ покачалъ головой.

— Ты, вѣрно, милостыней побираешься...

— Да, съ вашихъ благодѣяній пойдешь по-міру...

Я вспыхнулъ и болѣе тихимъ голосомъ спросилъ снова объ этой барынѣ.

— Она вашего дяденьки...

— Жена, что ли?

— Почти-что, только...

— А! любовница!—захохоталъ я.—Чего же ты боялся, ты думалъ, что я не знаю, что такое любовница? Ха-ха-ха!

— Какъ вамъ не знать-съ, Павелъ Константинычъ, еще удивительно, что у самихъ нѣтъ любовницы... Всему-то васъ научили... Если бы покойница маменька-то видѣла; ну, да, славу Богу, умерла во-время!.. Только не любовница Александра-то Ивановна, а законная жена вашего дяденьки она была, только теперь они въ разводѣ...

— А-а! вѣрно развратная!

— Полноте, сударь, вздоръ молоть!—необычайно строго произнесъ старикъ.—Не приходится вамъ такъ о людяхъ говорить. Александра Ивановна отмѣнная барыня, посмотрите-ка, какой у нея сынъ, не вамъ чета, ученый, матери помогаетъ, ея племянницу воспитываетъ, меня, старика, пріютилъ; а куда бы я пошелъ безъ него?

— Развѣ они бѣдные?

— Не богаты... Дядюшка-то вашъ ихъ бросилъ, ему и горя мало, что его сынъ убивается, горбъ гнетъ.

— Гдѣ они живутъ?

— На что вамъ знать?

— Я хочу познакомиться съ ними, мы родня.

Между нами завязался жаркій споръ, окончившійся тѣмъ, что я узналъ адресъ моихъ родственниковъ. Зачѣмъ онъ былъ мнѣ нуженъ? Мнѣ хотѣлось непремѣнно увидать эту

Digitized by Google

женщину, брошенную дядею. Въ моемъ воображеніи, развитомъ романами и пошлыми разсказами молодежи, мелькали какія-то сальныя картины, вызванныя словами: разводъ, брошенная мужемъ жена; я думалъ, что увижу эти картины въ дѣйствительности, войдя въ домъ своихъ родственниковъ. Потомъ, мечтая о знакомствѣ съ ними, я представлялъ себѣ картину ихъ бѣдности и создавалъ планъ, какъ я упрошу дядю помочь имъ, помириться съ ними и какъ, въ концѣ-концовъ, буду ихъ благодѣтелемъ. Мнѣ хотѣлось *слыть добрымъ*. Многіе найдутъ въ этомъ желаніи одно пустое тщеславіе, но, повѣрьте, что тотъ человѣкъ еще не вполнѣ испорченъ, котораго тщеславіе подталкиваетъ на добро; значитъ, въ немъ еще не оборвалась та человѣческая струна любви, которую стоитъ только потянуть, чтобы она зазвучала сильнѣе другихъ. Я попросилъ Митрича спросить позволенія у Александры Ивановны для моего посѣщенія. Черезъ недѣлю я получилъ приглашеніе.

— Не пишите вы только папенькѣ объ этомъ,—говорилъ Митричъ.—Шкуру онъ съ меня сдеретъ, если узнаетъ, что я надѣлалъ.

— Ахъ ты, трусъ, а еще противъ турокъ дрался! Развѣ я обязанъ отдавать отцу отчетъ въ своихъ дѣлахъ? Что хочу, то и дѣлаю: мнѣ скоро семнадцать лѣтъ минетъ!

Отправляясь къ своимъ родственникамъ, я представлялъ себѣ ихъ бѣдность, никакъ не предполагая, что Митричу кажутся бѣдными всѣ тѣ, кто живетъ бѣднѣе моего отца, и потому меня удивили признаки довольства въ ихъ жилищѣ. Первый разъ, когда я вошелъ въ него, полный грязныхъ мыслей, меня поразила и сконфузила простота и привѣтливость всѣхъ членовъ семьи. Никто не намекнулъ мнѣ, что я не имѣлъ никакого права напрашиваться на ихъ знакомство, что я сдѣлалъ этимъ глупость, невѣжливость и пошлость, что я явился напоминаніемъ тѣхъ отношеній, о которыхъ, можетъ-быть, въ теченіе многихъ лѣтъ всѣ старались не вспоминать, не думать. Я былъ вполнѣ школьникомъ, видѣлъ только призракъ жизни и не понималъ житейскихъ отношеній, не зналъ, что у каждаго человѣка есть множество больныхъ мѣстъ, старыхъ ранъ, полузабытыхъ проступковъ, что въ жизни надо быть чрезвычайно, до мелочности осторожнымъ, чтобы не разбередить этихъ ранъ, не напомнить этихъ проступковъ и не сдѣлаться палачомъ своихъ ближнихъ. Со мною обошлись ласково, пожалѣли, что я воспитываюсь внѣ дома, пригласили

Digitized by Google

меня посѣщать ихъ по праздникамъ и сказали, что въ числѣ ихъ знакомыхъ я найду одного человѣка, знакомаго мнѣ.

— Кого это?—спросилъ я.

— Николая Люлюшина.

— Какъ? развѣ онъ знакомъ съ вами?

— Да, но вѣдь онъ, кажется, говорилъ вамъ объ этомъ? У Тони очень много знакомыхъ студентовъ и гимназистовъ изъ тѣхъ гимназій, гдѣ онъ учитъ,—сказала Александра Ивановна.

Я тутъ только вспомнилъ, что Колька нѣсколько разъ спрашивалъ у меня, нѣтъ ли въ нашей семьѣ родственника Антона Шупова? Я вспомнилъ, какъ хвалилъ его Колька, какъ восхищался его умомъ, и почему-то смутился. Чтобы не показать своего смущенія, я старался быть смѣлымъ и развязнымъ, и началъ разсказывать анекдотцы и отпускать остроты, не подозрѣвая, что всѣ эти рѣдкости были не только разсказаны, но даже и перепечатаны сто разъ прежде моего рожденья на свѣтъ. Никто ни одной улыбкой, ни однимъ взглядомъ не выдалъ, какъ я смѣшонъ, со своимъ желаніемъ открыть Америку въ девятнадцатомъ столѣтіи. Только глазки пятнадцатилѣтней Анн, племянницы Александры Ивановны, смотрѣли на меня съ любопытствомъ и удивленіемъ, какъ на заморскаго звѣря. Мнѣ было очень неловко чувствовать на себѣ этотъ взглядъ, я краснѣлъ и злился за то, что краснѣю. Но еще болѣе взбѣсила меня эта дѣвчонка въ ту минуту, когда я выходилъ въ переднюю, простившись съ хозяевами. Она спросила свою тетку:

— Зачѣмъ онъ приходилъ, тетя?

Я ясно разслышалъ этотъ вопросъ и всю дорогу до школы онъ мучилъ меня, и никакъ не могъ я найти на него отвѣта, угадать, что сказала на него Александра Ивановна. Мои щеки горѣли отъ стыда, и въ головѣ поминутно мелькала мысль:

«Скверная дѣвчонка!»

На слѣдующее воскресенье я снова отправился послѣ обѣда къ своимъ родственникамъ. Комната была полна молодежи. Всѣ были оживлены, говорили, спорили; нѣкоторые, повидимому, ссорились и черезъ минуту вели попрежнему очень дружескія бесѣды. Мой двоюродный братъ былъ душою кружка. Каждый вопросъ, поднимаемый имъ, казалось, былъ ему чѣмъ-то роднымъ, и потому его рѣчь дышала страстью; иногда онъ вскакивалъ, защищая какую-

Digitized by Google

нибудь изъ своихъ идей. Мнѣ было странно слышать эти разговоры: я видѣлъ, что люди горячатся, спорятъ, и не понималъ причины ихъ споровъ и важности, хоть, напримѣръ, того, что правъ или нѣтъ, приноситъ пользу или вредъ какой-то Фейербахъ, сказалъ ли что-нибудь новое или повторилъ только старые толки о своемъ предметѣ какой-то Штраусъ. Имена, предметы, книги, о которыхъ они толковали, — все было мнѣ неизвѣстно. Часовъ въ семь явился Колька. Антонъ дружески пожалъ ему руку и указалъ на меня. Колька подошелъ ко мнѣ; я покраснѣлъ, вспомнивъ наше послѣднее свиданіе.

— Ты, я думаю, удивился, что я здѣсь?—спросилъ я его.

— Нѣтъ, Антонъ предупредилъ меня, что ты будешь здѣсь сегодня.

— Ты давно знакомъ съ ними?

— Теперь третій годъ пошелъ. Онъ мнѣ доставилъ два года тому назадъ уроки...

— Но ты былъ тогда гимназистомъ?

— Такъ что же! У насъ, да и въ другихъ гимназіяхъ тоже, многіе гимназисты даютъ уроки. Я вотъ и Анѣ давалъ уроки математики, покуда Иванъ Иванычъ былъ боленъ.

Колька указалъ на одного изъ студентовъ, котораго звали Иванъ Иванычъ.

— Это ея учитель?

— Да, и онъ, и почти всѣ, кто здѣсь есть, ее учатъ. Это *его* друзья.

Колька указалъ на Антона.

Мнѣ становилось съ каждой минутой все болѣе и болѣе не по-себѣ, я чувствовалъ, что всѣ эти люди почему-то выше меня. Еще болѣе смутило меня то, что Колька, какъ онъ мнѣ сказалъ, зналъ прежде о нашихъ родственныхъ отношеніяхъ и не говорилъ мнѣ о нихъ по просьбѣ Антона, узнавъ, что я не подозрѣваю о нихъ.

— А вы проиграли пари, — сказала Аня, подходя къ Колькѣ.—Я работу кончила.

— Ну, такъ, значитъ, ничего не читали?

— И читала, даже очень много читала...

— Не вѣрьте, Коля, — проговорила Александра Ивановна.—Это дядюшка вздумалъ ее баловать и изволилъ ей вслухъ читать каждый вечеръ.

— Да жаль мнѣ ее стало, что она тебѣ гривенникъ проиграетъ, вѣдь ей самой на орѣхи годится,—замѣтилъ старикъ, дядя Александры Ивановны.

Digitized by Google

Это былъ старикъ съ крыловской физіономіей, полулукавой, полудобродушной и немного лѣнивой. Свѣтились яркимъ огнемъ только одни глаза, оттѣненные нависшими, густыми бровями.

Въ десять часовъ я ушелъ въ училище и вздохнулъ свободно, когда вышелъ изъ этого дома, гдѣ всѣ были вполнѣ свободны, веселы и просты. Въ училищѣ я разсказалъ товарищамъ, что былъ у своей тетки, которую выгналъ отъ себя дядя, и съ комической стороны представилъ ея сына, передразнивъ, какъ онъ горячится, какъ вскакиваетъ, говоря длинные монологи. Еще съ бо́льшимъ юморомъ представилъ я *дѣвчонку* Аню, игравшую роль большой и вмѣсто куколъ занимавшуюся чтеніемъ серьезныхъ книгъ; мой цинизмъ дошелъ и тутъ до сальныхъ намековъ. А между тѣмъ, на слѣдующее воскресенье меня тянуло въ этотъ *смѣшной* кружокъ. Я не пошелъ и потомъ цѣлый вечеръ дулся и злился неизвѣстно за что и на кого. Въ слѣдующее воскресенье я забрался къ Шуповымъ въ 5 часовъ. Съ непонятнымъ для меня самого любопытствомъ вслушивался я въ разговоры. Меня удивило, что когда рѣчь зашла о воспитаніи въ нашемъ училищѣ, то Антонъ разсказывалъ о немъ съ такою вѣрностью, какъ-будто онъ самъ провелъ въ немъ дѣтство: онъ зналъ мельчайшія подробности нашей закулисной жизни. Съ такою же увѣренностью и, вѣроятно, знаніемъ дѣла, говорилъ онъ о воспитаніи въ институтахъ: мнѣ было непонятно, какъ можетъ человѣкъ знать эти вещи, которымъ не учатъ въ училищахъ. Около семи часовъ Аня вздумала затѣять игру въ фанты. Сперва играющими оказались я, Колька, Аня, два гимназиста, одна изъ ея подругъ и дядюшка-старикъ; потомъ онъ крикнулъ:

— Да полноте спорить: горло охрипнетъ. Лучше будьте, какъ мы, дѣтьми. Право покойнѣе!

Всѣ засмѣялись и приняли предложеніе. Начался смѣхъ, шутки, дурачества. Александра Ивановна смѣялась вмѣстѣ съ другими своимъ грустнымъ смѣхомъ. Ея глаза съ еще большею любовью глядѣли на любимаго сына, который беззаботно тѣшился съ нами. Въ восемь часовъ подали чай. Всѣ усѣлись около чайнаго стола. Мы еще смѣялись и болтали вздоръ, а Антонъ говорилъ съ Колькой о театрѣ.

— Изъ моей головы никогда не выходитъ то мѣсто изъ «Лукреціи Боржіа»,—сказалъ онъ задумчивымъ голосомъ:— когда посреди веселой, счастливой, безпечно пирующей

Digitized by Google

молодежи, въ сопровожденіи монаховъ, поющихъ погребальную пѣснь, является она и говоритъ пирующимъ: vous êtes chez moi!

Въ комнатѣ что-то брякнуло. Антонъ обернулся и взглянулъ на мать, которая выронила ложку и была блѣднѣе своего носового платка. Колька покачалъ головою съ видомъ упрека.

VIII.

Шуповы не изъ Шуповки.

Семейство моихъ родственниковъ — не изъ Шуповки, какъ говорилъ одинъ изъ нихъ,—состояло изъ Александры Ивановны, ея сына Антона, называемаго ею Тоней, ея пятнадцатилѣтней племянницы Ани и ея стараго дяди, учителя въ отставкѣ, Ѳедора Ивановича Звонарева. Александра Ивановна была худенькою, казавшеюся моложе своихъ лѣтъ женщиною. Она выросла въ бѣдной семьѣ, жила въ молодости въ гувернанткахъ у одного изъ нашихъ родственниковъ, потомъ на ней женился дядя Андрей; она прожила съ нимъ пять лѣтъ и, наконецъ, разошлась, переѣхавъ къ своему старому дядѣ. Дядя Андрей, женившійся по страстной любви, на время разссорившійся, по случаю неравнаго брака, со многими изъ своихъ родныхъ, не счелъ нужнымъ прекращать прежнія связи и не только покровительствовалъ одной танцовщицѣ, но и появлялся вездѣ съ какою-то француженкою, Гонориной. Ему казалось очень удобнымъ дѣлить свое праздное время между этими тремя женщинами, изъ которыхъ двѣ наканунѣ его свадьбы пили съ его друзьями за здоровье его будущей супруги. Но онъ разсчитывалъ, не спросивъ согласія третьей женщины. Эта третья женщина, какъ только узнала истину, предложила мужу разорвать связи съ двумя другими или съ нею самою. Дядя рыдалъ, клялся, что онъ разорветъ связи съ этими падшими созданіями, что это не любовь, а шалость, что подобныхъ женщинъ не любятъ, написалъ по этому случаю прелестное стихотвореніе, которое въ провинціи поютъ понынѣ, подъ заглавіемъ «Весенняя гроза», и на другой день послѣ грозы, встрѣтясь на Невскомъ съ Гонориной, твердо рѣшился—попировать съ нею въ послѣдній разъ. Увы! за этимъ послѣднимъ разомъ слѣдовали безчисленныя повторенія послѣдняго раза: дѣло въ томъ, что Гонорина никакъ не могла въ одинъ вечеръ выучиться пѣть «Весеннюю грозу»...

Digitized by Google

— А твоя жена, mon petit André, должно-быть, большая чудачка,—говорила француженка.

— О, она чудесный ребенокъ! какъ она очаровательна, когда она плачетъ своими весенними слезами, ты себѣ и представить не можешь!—воскликнулъ въ восхищеніи дядя.

Нашлись люди, которые увлеклись этимъ восторгомъ и рѣшились добиться не слезъ, а улыбки отъ чудеснаго ребенка. Александрѣ Ивановнѣ начали говорить друзья ея мужа, что вѣрностью въ супружествѣ платятъ за вѣрность, что за измѣну можно и измѣнить, что они сочувствуютъ ей, жалѣютъ ее. Эти непрошенныя и довольно нахальныя сожалѣнія кололи ее въ самое сердце. Между тѣмъ, ея мужъ, чтобы страстно любимая имъ жена была покойна, нѣсколько разъ повторялъ ей, что старыя связи порваны, и, сидя у ея ногъ, цѣлуя ея руки, вполнѣ искренно сознавался въ душѣ, что она восхитительнѣе сотни нарумяненныхъ танцовщицъ и искусственно-страстныхъ Гонориныъ. Ну, а на другой день все шло опять по-старому и внѣ дома, и въ домѣ. Александрѣ Ивановнѣ онъ сдѣлался противенъ. Она никакъ не могла согласиться съ обществомъ и признать поэтичнымъ одно изъ стихотвореній своего мужа, которое носило названіе «Мотылекъ» и описывало, какъ это крылатое существо летаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, восхищаясь въ каждомъ его своеобразными прелестями и являясь цѣнителемъ великихъ красотъ созданья: она называла эту мораль—развратомъ. Но еще болѣе отвратительна была для нея трусость мужа, еще нестерпимѣе былъ ей обманъ съ его стороны. Она разошлась съ нимъ. Онъ сдѣлался боленъ, доктора посовѣтовали ему ѣхать на воды, онъ поѣхалъ, и добрая, человѣколюбивая Гонорина самоотверженно послѣдовала за больнымъ. «Вотъ любовь, вотъ женщина!»—говорили про Гонорину люди, которые знали кротость дяди, его любовь къ Александрѣ Ивановнѣ и его стихотворныя посланія къ ней, которые плакали надъ его послѣднимъ «Прости». Всѣ безпощадно осудили, забросали грязью несчастную жену, распуская темные слухи, что ей самой была нужна *свобода*. Никто не замѣтилъ, что женщина болѣе всего свободна, въ ихъ смыслѣ, въ домѣ развратничающаго и порхающаго по цѣлымъ днямъ мужа. Никто не замѣтилъ, что Гонорина поѣхала слушать концерты въ Баденъ-Баденъ, а Александра Ивановна спустилась въ бѣдный уголъ стараго дяди и принялась за трудъ, чтобы воспитать сына. Александра Ив-

Digitized by Google

новна никогда не защищалась отъ клеветы, но двадцать пять лѣтъ послѣдующей жизни оправдали ее вполнѣ. Ея враги перестали, наконецъ, пятнать ея нравственность, но просто рѣшили, что она сумасбродная, экзальтированная женщина, утрировавшая понятія о супружескихъ отношеніяхъ, что если бы всѣ обращали вниманіе на эти мелочи, то никто бы и не жилъ со своими мужьями. Александра Ивановна и противъ этого не защищалась, даже не обличала своихъ противниковъ въ развращенности понятій, не говорила о томъ, что не всякая женщина можетъ играть роль жены на случай дурной погоды... Она, какъ многія женщины, поступая вѣрно по инстинкту, повинуясь чувству, не считала нужнымъ и возможнымъ оправдывать свои поступки съ теоретической точки зрѣнія. Отсюда происходило то, что ея поступки были всегда лучше, отважнѣе и полнѣе ея словъ.

Вотъ все, что я могъ узнать о прошломъ Александры Ивановны, о которомъ она не любила говорить. Исторія эта очень проста, но у бѣдной женщины навсегда надломилось сердце отъ этой простой исторіи. Она сдѣлалась немного нервною и очень грустною. Грусть проглядывала даже въ тѣ минуты, когда Александра Ивановна смѣялась, или, лучше сказать, улыбалась, потому что глаза оставались печальными и во время смѣха. Жизнь ей самой была не нужна, но она дорожила жизнью для сына, на котораго она не могла наглядѣться. Зато и любовь Антона къ матери равнялась обожанію, онъ гордился ею. Все его существо носило на себѣ слѣды ея женскаго вліянія. Онъ, подобно ей, былъ чрезвычайно отваженъ на дѣлѣ и нерѣшителенъ въ теоріи, боясь увлечь кого-нибудь въ крайность. Онъ много отвергалъ на практикѣ, но если ему приходилось говорить объ этихъ предметахъ, то онъ ихъ или признавалъ, или, по крайней мѣрѣ, говорилъ, что лучше ихъ признавать, чѣмъ отвергать. Онъ былъ удивительнымъ учителемъ, другомъ учениковъ, но онъ возставалъ, если при немъ слишкомъ рѣзко обвиняли учителей, дѣйствовавшихъ иначе, указывалъ на вліяніе среды. Такой человѣкъ, разумѣется, дѣйствовалъ очень благотворно на юношество; онъ не запугивалъ молодежь крайностями, послѣ него она могла развиваться самостоятельно, не подвергаясь особенной ломкѣ, могла доходить до послѣднихъ заключеній своимъ умомъ, такъ какъ учитель, указывая путь, не назначалъ границъ. Вѣчнымъ его противникомъ

Digitized by Google

въ спорахъ и самымъ искреннимъ другомъ былъ Колька, представшій передо мною въ этомъ обществѣ совершенно въ новомъ свѣтѣ. Онъ называлъ Антона «господиномъ сочувствующимъ» и «покровителемъ заѣденныхъ средою натуръ».

— Вы, Коля, комплименты дѣлаете Антону,—замѣтила Александра Ивановна.

Это было почти черезъ годъ послѣ начала нашего знакомства.

— Напротивъ, я этимъ вполнѣ обозначаю, какъ мало въ немъ справедливости и человѣколюбія,—отвѣтилъ Колька.

— Какъ такъ? Человѣкъ, защищающій падшихъ и испорченныхъ средою,—не человѣколюбивъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, Александра Ивановна, по моему мнѣнію, не справедливъ, не человѣколюбивъ! Заѣденныя средою натуры, эти пьянствующіе и ораторствующіе дармоѣды общества должны быть казнимы...

— Коля, вы меня пугаете! — шутливо замѣтила Александра Ивановна.

— Не такъ страшно! — съ замѣтною ѣдкостью и болѣзненной раздражительностью произнесъ Колька, споривши уже серьезно. — Вы знаете, что я понимаю подъ словами казнь не тѣлесное наказаніе, не тюрьму, не пытки, а ту казнь, которой подвергаютъ общественные кружки и теперь ненравящихся имъ людей; казнь отчужденіемъ, исключеніемъ изъ своей среды. Вы знаете, что это, дѣйствительно, казнь! Я хотѣлъ бы, чтобы и заѣденныя средою личности не находили мѣста въ кругу честныхъ людей, чтобы ихъ не принимали даже изъ состраданія...

— Коля, это безчеловѣчно!

— Однако, вы поступаете именно такъ въ извѣстныхъ случаяхъ, и поступаете справедливо. Всѣ вы требуете исключенія разбойника изъ вашей среды и не называете этого безчеловѣчнымъ, хоть и разбойникъ не болѣе, какъ заѣденная средою личность...

— Какое сравненіе! Разбойникъ...

— Позвольте,—перебилъ Колька.—Вамъ этотъ примѣръ кажется не подходящимъ, вы поставили перегородки между заѣденными натурами и называете однихъ просто заѣденными, другихъ преступными. Исключеніе послѣднихъ изъ общества вы считаете справедливостью. Ну, а лѣнивая и пьянствующая кухарка никакъ не можетъ быть названа преступницей только за эти качества, а отчего же вы со

Digitized by Google

прогоняете отъ себя и не продолжаете платить ей жалованье за ея лѣнь и пьянство? Отчего же это тоже справедливо?

— Э, братецъ, ты очень ловко съѣхалъ съ теоріи на практику,—засмѣялся Антонъ.—Требованіе справедливости и наши поступки двѣ вещи разныя. Твой примѣръ ничего не доказываетъ, кромѣ нашей неснисходительности, пожалуй, заѣденности и неспособности поддержать и исправить падшихъ, и подобные поступки нельзя назвать дѣлами справедливости.

— Ошибаешься, ошибаешься!—воскликнулъ Колька.—Если, изгоняя разбойника, мы справедливы, потому что охраняемъ интересы невинныхъ въ его испорченности людей, то, изгоняя отъ себя пьяную и лѣнивую прислугу, мы тоже остаемся справедливыми, потому что охраняемъ интересы своей невинной въ испорченности этого существа личности.

— Невинной, невинной! Что ты толкуешь объ этомъ? Всѣ мы виноваты, что между нами есть заѣденныя, испорченныя натуры...

— Ну, душа моя, это старая пѣсня, и каждый знаетъ, что, будучи въ нѣкоторой мѣрѣ виновниками существованія заѣденныхъ натуръ, мы точно въ той же мѣрѣ и наказываемся ихъ существованіемъ, и кромѣ этого наказанія не должны подвергать себя новымъ наказаніямъ, оставаясь справедливыми. Оставляя у себя пьяную прислугу, ты подвергаешь себя именно такому добавочному, несправедливому наказанію. Принимая къ себѣ въ домъ, заступаясь за заѣденную личность, показывая ей свое участіе и сожалѣніе, ты дѣлаешь ту же несправедливость.

— О, такою несправедливостью можно гордиться, она есть источникъ любви къ ближнимъ!—воскликнула Александра Ивановна.

— Нѣтъ-съ, Александра Ивановна, этою, какъ и всякою другою, несправедливостью нельзя гордиться! Она есть просто слѣдствіе нашей нерѣшительности, нежеланія навлечь лишней ссоры, лишняго врага. Мы тратимъ долю нашего времени, долю нашихъ денегъ и большую часть нашей кисло-сладкой, слезливой любви на эти личности въ то время, когда у насъ есть другія обязанности, когда мы должны поддерживать тѣхъ, которыхъ еще не заѣла среда. Вы считаете великимъ подвигомъ поддерживать падшихъ людей и не замѣчаете, что этимъ самымъ вы лишаете своей любви честнаго тру-

Digitized by Google

женика, оставляете его безъ поддержки посреди страшныхъ искушеній, посреди враждебнаго общества, посреди невыносимыхъ нуждъ и трудовъ. «У него есть силы, говорите вы,—ему не нужна наша помощь, но надо пожалѣть падшихъ и сбившихся съ пути». Вслѣдствіе этого разсужденія, вы отнимаете у бѣднаго труженика долю его трудового, купленнаго потомъ и кровью хлѣба, и, въ видѣ милостыни, подаете этимъ лѣнтяямъ, сибаритамъ праздности, потому что ихъ заѣла среда и отучила отъ труда. И вотъ они сыты, они пьяны, ихъ жалѣютъ, а бѣдный труженикъ умираетъ съ голода. Герой гибнетъ безъ всякаго ободренія, безъ всякаго привѣта, а декламирующій и плачущій въ пьяномъ видѣ заѣденный вызываетъ сочувствіе и слезы въ публикѣ... Филантропы! Вы думаете, что честному легко быть честнымъ при такой гуманности!

Никто не отвѣчалъ на эти горькія слова, но всѣ понимали, что они—вѣрны или невѣрны, но куплены тяжелымъ опытомъ, а не вычитаны изъ книжекъ.

— Но знаете ли вы, Антонъ,—съ грустью продолжалъ черезъ минуту Колька:—что до тѣхъ поръ, пока общество и, главнымъ образомъ, литература будутъ сочувствовать этимъ жиденькимъ натурамъ, до тѣхъ поръ будутъ гибнуть всѣ сильные люди, до тѣхъ поръ всякая энергія будетъ оставлять честныхъ людей.—За что я буду трудиться до изнеможенія, если долю моего хлѣба будетъ ѣсть лѣнтяй? Зачѣмъ я буду честнымъ среди искушеній, если будутъ сочувствовать только нравственно сломившимся подъ бременемъ обстоятельствъ личностямъ? И я развивался въ той же средѣ...

Множество подобныхъ споровъ и разговоровъ услышалъ я въ кружкѣ моихъ родственниковъ и нерѣдко, возвратившись въ школу, ходилъ по какому-нибудь коридору и размышлялъ обо всемъ слышанномъ. Въ этомъ обществѣ никто не щадилъ другъ друга, каждый высказывалъ свои мысли свободно, для всѣхъ важно было только одно, это—освобожденіе хотя отъ одного ложнаго понятія и возможность сдѣлать шагъ къ истинѣ. Конечно, съ первыхъ же дней начали тамъ обрывать меня, когда я выражалъ понятія, привитыя мнѣ жизнью. Несмотря на рѣзкость возраженій, я начиналъ чувствовать ихъ справедливость и уже любилъ кружокъ двоюроднаго брата и его самого. Уже черезъ два мѣсяца послѣ начала нашего знакомства я бывалъ у него каждый праздникъ и забирался наканунѣ. Я и двоюродный

Digitized by Google

братъ говорили другъ другу *ты*. Я начиналъ чувствовать, что я дѣйствительно нахожусь въ кругу родныхъ. Иногда во мнѣ пробуждалось грустное чувство, и я завидовалъ счастью своего брата; одинъ разъ это чувство пробудилось сильно, до боли. Какъ-то вечеромъ при мнѣ у Александры Ивановны подали къ чаю особенно приготовленныя булки съ анисомъ.

— Помнишь, дядя, какъ отецъ любилъ ихъ?—спросила она своего стараго дядю.

— Да, и вѣдь непремѣнно нарѣжетъ, бывало, ихъ квадратиками и увѣряетъ, что такъ вкуснѣе,—смѣясь добродушнымъ смѣхомъ, промолвилъ старикъ.

Мнѣ тотчасъ же бросилась въ глаза смѣшная сторона этихъ воспоминаній о гастрономическихъ привычкахъ человѣка черезъ двадцать семь лѣтъ послѣ его смерти.

— Вотъ счастливая-то память!—замѣтилъ я сидѣвшему около меня Колькѣ. Мы сидѣли на другомъ концѣ комнаты.— Мы ужъ, вѣрно, не будемъ помнить черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти нашихъ родственниковъ, какъ они держали вилку и какъ клали въ ротъ пищу.

— Потому что у тебя нѣтъ родни, какъ у подкидыша, брошеннаго на улицу,—нервнымъ и грознымъ голосомъ произнесъ Антонъ, стоявшій за моимъ стуломъ и не замѣченный мною.

— Я...—началъ я съ смущеніемъ, вспыхнувъ отъ злости за его грубый тонъ.

— Ты,—перервалъ Антонъ:—смѣешься надъ тѣмъ, чего не понимаешь! У васъ, гдѣ-нибудь въ Шуповкѣ, родные грызутъ другъ друга, надуваютъ другъ друга, отравляютъ жизнь другъ другу, оттого вы и не понимаете родственныхъ отношеній, оттого вамъ и кажется это смѣшно, оттого вы и считаете семейство за вздоръ...

— Но,—совершенно не владѣя собою отъ злобы, замѣтилъ я:—помнить объ этихъ квадратикахъ просто глупость...

— Я тебѣ говорю, что ты не понимаешь ничего въ этомъ Моя мать, когда ея отецъ разорился, не рѣшившись сдѣлать подлость, выносила ночью ведра съ помоями, полы мыла, бѣлье стирала, чтобы помочь семьѣ пережить тяжелый годъ. Черезъ годъ она кончила курсъ ученья и пошла въ гувернантки, она ходила въ ситцевомъ платьѣ, сама чинила ночью свои башмаки, вызывала этимъ насмѣшки горничныхъ, вызывала выговоры вашихъ Шуповыхъ изъ Шуповки и переносила все, чтобы ея отецъ могъ ѣсть вотъ эти лю-

Digitized by Google

бимыя имъ булки съ анисомъ... Потомъ, когда ее измучили, когда ей пришлось одной воспитывать меня, то опять явился не какой-нибудь Шуповъ изъ Шуповки, не твой отецъ, а вотъ этотъ бѣдный старикъ, бѣдный учитель. Онъ бился изо всѣхъ силъ, чтобы у моей матери и у меня былъ кусокъ хлѣба... Неужели ты думаешь, что мы не въ правѣ дорожить каждымъ мелкимъ воспоминаніемъ изъ жизни другъ друга? Неужели ты думаешь, что эти воспоминанія смѣшны, глупы?

Я сидѣлъ, опустивъ голову, и не могъ говорить. Онъ меня раздавилъ своими словами, я смутно чувствовалъ разницу нашихъ положеній.

— Да и есть ли мелочи въ нашихъ воспоминаніяхъ? Не есть ли возможность ѣсть эту сдобную булку съ анисомъ уже крупный фактъ въ жизни бѣдняка? У него иной простой обѣдъ стоитъ дороже роскошнѣйшаго барскаго стола, стоитъ иногда нѣсколькихъ дней жизни! Вотъ тебѣ примѣръ: во время моего дѣтства бывали дни, когда у насъ не было въ домѣ ни куска хлѣба. Мать торопилась и не могла кончить работы, занять было негдѣ, а ѣсть хотѣлось. Тогда дядя отбиралъ и завязывалъ въ узелокъ нѣкоторыя изъ своихъ книгъ, которыя были его единственными друзьями и утѣшителями въ жизни, и несъ ихъ на толкучій продавать. Молча дѣлалъ онъ это, не говорилъ, чего это ему стоило, молчала и моя мать, боясь при первомъ словѣ заплакать и встревожить меня. Часто сидѣлъ я въ эти минуты за книгою, долбя урокъ, но мои мысли носились далеко, въ моихъ глазахъ рябило отъ слезъ, и я не различалъ буквъ... На другой день я не зналъ урока, меня наказывали, называли лѣнтяемъ, на меня надѣвали колпакъ съ позорной кличкой, оставляли дольше другихъ въ классѣ... Ну, вы, Шуповы изъ Шуповки, ѣли ли вы когда-нибудь такіе дорогіе обѣды? И какъ думаешь, смѣшно ли или нѣтъ, что я до сихъ поръ помню, какія купанья были за этими обѣдами, какъ дядя приносилъ матери любимый ею сыръ?.. Смѣшно или нѣтъ, если я знаю ихъ привычки и вкусы, если я дорожу этимъ знаніемъ?

Я въ глубинѣ души завидовалъ этому счастливому сыну, и снова сжималось мое сердце при мысли, что меня не любитъ отецъ,—я далъ бы полжизни теперь за эту любовь...

Вотъ каковы были Шуповы не изъ Шуповки и ихъ кружокъ. Ихъ рѣчи имѣли огромное вліяніе на мое развитіе и вообще на молодежь. Но вполнѣ хладнокровные, позабывшіе

Digitized by Google

прошлое старики часто пожимали плечами, слушая эти горячія рѣчи, подсмѣивались надъ ихъ страстностью и иронически говорили:

— Охъ, вы, молодежь, волнуетесь изъ каждаго пустяка, точно отъ этого весь міръ зависитъ...

— Да, да, именно отъ этихъ пустяковъ весь міръ зависитъ!—съ горячностью вступался Колька.

— Полноте! это просто вамъ такъ кажется, потому что у нынѣшней молодежи, у всего молодого поколѣнія больное воображеніе.

— Больное? Но, значитъ, были причины для его болѣзни, значитъ, его измучили до болѣзненной раздражительности?.. Вотъ эти-то причины и надо устранить, отъ этихъ-то причинъ и зависитъ весь міръ...

— Ну да, поскачете, поскачете, да и ножки устанутъ...

— А, это другое дѣло!.. Вы еще постарайтесь насъ пришибить, такъ мы и скорѣе не только уходимся, но и въ могилы уляжемся.

— Охъ, ужъ этотъ змѣенышъ!—говорили старики, отходя отъ Кольки.

IX.

Расплата за прошлое.

Я уже сказалъ, что мое знакомство съ обществомъ началось игрою въ любовь съ Золотовой, продолжалось ухаживаньемъ за Скворциной, наконецъ, я почувствовалъ нѣчто въ родѣ благоговѣнія къ Анѣ и украсилъ ея именемъ и вензелями всѣ геометрическіе чертежи, на которыхъ уже съ нѣкоторыхъ поръ, помышляя о поступленіи въ юнкера, я не писалъ ничего, кромѣ подписи: «корнетъ Павелъ Шуковъ», снабженной довольно замысловатой спиралью, которую я хотѣлъ довести до поразительнаго шика. Разумѣется, эти сердечныя дѣла замѣтно мѣшали успѣшному ходу моего ученья. Оно шло все хуже и хуже. На экзаменахъ я срѣзался и только теперь замѣтилъ съ ужасомъ, что мнѣ приходится просидѣть еще лишній годъ въ школѣ, что надо вынести отцовскій гнѣвъ, что другіе товарищи, хотя и не всѣ, выйдутъ на будущій годъ и поступятъ въ юнкера, а я останусь школьникомъ, буду, можетъ-быть, краснѣть при встрѣчѣ съ ними. Я бросилъ на время всѣхъ знакомыхъ и сдѣлался мрачнымъ. Въ это время я былъ глупъ до пошлости и писалъ дневникъ, гдѣ на каждой страницѣ виднѣлись фразы въ родѣ слѣдующихъ: «О, если бы мнѣ теперь уме-

Digitized by Google

реть и не дожить до будущаго года, не видѣть счастія другихъ! О, какъ меня убиваетъ та мысль, что всему этому причиной ты, божественная Аня, очаровавшая мое сердце, которую я хотѣлъ бы боготворить, а теперь долженъ проклинать!

Но я тебя люблю понынѣ
За то, что ты передо мной
Явилась ангеломъ въ пустынѣ,
Угрюмой, мрачной и пустой.

Такъ писалъ я о пустой пустынѣ въ училищныхъ тетрадяхъ, выданныхъ для алгебраическихъ задачъ, и не чувствовалъ, что изъ меня началъ формироваться полнѣйшій типъ провинціальнаго фата, что мои стихи нисколько не уступали въ пошлости слѣдующимъ знаменитымъ стихамъ одного изъ моихъ товарищей, вышедшаго въ полкъ:

Выхожу я изъ палатки,
Мѣсяцъ свѣтитъ во всѣ лопатки...
Ты скажи мнѣ, вѣтеръ бурный,
Гдѣ-то буду я дежурный...

А изъ деревни, между тѣмъ, получилось громовое письмо, отецъ угрожалъ своимъ пріѣздомъ и расправой. Я растерялся совсѣмъ и только теперь понялъ, что, въ случаѣ надобности, меня могутъ и посѣчь, несмотря на мои годы и на сердечныя дѣла.

Антонъ и Колька явились въ это тяжелое для меня время моими утѣшителями. При помощи ихъ ободреній и совѣтовъ я бодрѣе принялся за работу при началѣ новаго учебнаго года. Подъ вліяніемъ этихъ людей я съ каждымъ днемъ чувствовалъ менѣе нѣжности къ шнурочкамъ гусарскаго мундира, и если мнѣ случалось иногда въ минуту умственной спячки углубиться въ расчеркиванье знакомой подписи «корнетъ Павелъ Шуповъ», то, опомнившись, я краснѣлъ передъ самимъ собою и поспѣшно разрывалъ листъ съ этими подписями, боясь подсматривающаго насмѣшливаго глаза. Въ моихъ ушахъ въ эти минуты звучали слова Кольки:

— У васъ тамъ каждый считаетъ себя въ правѣ ничего не дѣлать, ни о чемъ не думать и приготовляется къ общественной дѣятельности тѣмъ, что года два передъ выпускомъ всюду подмахиваетъ: прапорщикъ или столоначальникъ Пѣтушковъ.

Собранья и разговоры въ домѣ моихъ родственниковъ, чтеніе книгъ и журналовъ, все это дѣйствовало на меня

Digitized by Google

благотворно, и если мой характеръ оставался попрежнему неровенъ, если мое обращеніе съ окружающими нерѣдко было грубо, если мои споры часто походили на крикливую брань, на желаніе *перекричать* противника, то все-таки мой умъ начиналъ видѣть худую сторону этихъ поступковъ, и я уже сердился на себя и старался загладить ошибки, проповѣдуя новыя идеи, схваченныя на лету и еще не вошедшія въ мою плоть и кровь. Я въ то время очень походилъ на тогдашнюю русскую литературу: старался либерализмомъ прикрыть свои нелиберальныя привычки и игралъ въ эту игру, что называется, на *шереметевскій счетъ*, не думая, что каждая партія должна окончиться расплатой. Большая часть моихъ товарищей были тогда въ такомъ же положеніи и вели точно ту же игру. На семнадцатомъ году жизни люди не очень охотно сидятъ подъ замкомъ и начинаютъ тяготиться школьными скамьями и классными стѣнами, вытертыми и залосненными спиною поставленныхъ въ уголъ; эти пятна, которыя каждый въ правѣ считать своимъ произведеніемъ, начинаютъ вызывать краску стыда и вселять отвращеніе, какъ розга, которою насъ сѣкли. Разумѣется, почти всѣ юноши постарались познакомиться хоть съ кѣмъ-нибудь и начали, болѣе или менѣе часто, ходить по праздникамъ въ отпускъ; по обыкновенію, у школьниковъ старшаго класса оказалось вдругъ безчисленное множество дядюшекъ и тетушекъ, разумѣется, столь же близкихъ имъ, какъ вы и я близки первому встрѣчному. Въ кружкахъ этихъ дядюшекъ и тетушекъ непремѣнно была молодежь, а у молодежи свои завѣтныя надежды, свои любимыя убѣжденія, развившіяся особенно сильно при тогдашнемъ пробужденіи общества. Каждый изъ воспитанниковъ, изъ этихъ плѣнниковъ, вырвавшихся на свободу, писалъ въ это время къ своимъ родителямъ восторженныя письма о своихъ новыхъ знакомыхъ, и родители съ чисто-русскимъ простодушіемъ благодарили петербургскихъ знакомыхъ своихъ дѣтей. Никто изъ этихъ родителей не думалъ освѣдомляться о характерахъ, о мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ этихъ добрыхъ людей, принимавшихъ безкорыстное участіе въ шестнадцатилѣтнихъ юношахъ, никто не думалъ, что, можетъ-быть, годъ знакомства съ этими людьми откроетъ навсегда пропасть между закоренѣлыми въ своихъ понятіяхъ отцами и впечатлительными, воспріимчивыми дѣтьми, никто не думалъ, что въ послѣднемъ случаѣ эти дѣти будутъ имѣть *печальное* право сказать этимъ отцамъ: «а зачѣмъ же вы

Digitized by Google

не слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ, зачѣмъ не вели насъ за руку на свой путь, какъ ведетъ заботливая нянька еще не умѣющаго ходить ребенка? Вамъ было некогда, вамъ было лѣнь—ну, и не пеняйте на насъ, что люди, любящіе не на словахъ, а на дѣлѣ свои убѣжденія, завербовали насъ въ свои ряды! Мы уже по одному тому считаемъ ваши убѣжденія ложными, что вы не считали нужнымъ бодрствовать и днемъ, и ночью, охраняя ихъ цѣлость въ умахъ вашихъ сыновей. Вѣрованья, убѣжденья, любовь, не вызывающія къ дѣятельности, не дѣлающія изъ человѣка стража, охраняющаго ихъ цѣлость, вербующаго имъ поклонниковъ,—есть ложь! Потому что только за ложь человѣкъ боится стоять и бороться».

Да, господа, это *печальное* право, и жаль до слезъ тѣхъ дѣтей, которымъ оно принадлежитъ... Подумайте, хорошо ли вы слѣдили за вашими дѣтьми? Повѣряютъ ли они вамъ, какъ друзьямъ, свои сокровенныя мысли и мнѣнія? Знаете ли вы, куда обращены ихъ симпатіи? Или вамъ некогда слѣдить за этимъ, службой заняты? Ну, а послѣ будете ли вы имѣть право проклинать ихъ, если они будутъ не съ вами, а противъ васъ? Эти вопросы еще не сданы въ архивъ.

Въ описываемое время въ училищѣ вѣяло новымъ духомъ, и оно переживало самое тяжелое время, переходя отъ старыхъ порядковъ къ новымъ: многое въ немъ было въ это время гадко, но возмущаться этимъ мы не имѣемъ никакого права, потому что гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ, тамъ кого-нибудь и оцарапаютъ. Инспекторъ въ это время, кажется, не пилъ, не ѣлъ и не спалъ, а только бѣгалъ и языкомъ болталъ, ему очень хотѣлось до чего-то добѣгаться, до чего-то доболтаться. «Теперь,—говорилъ онъ учителямъ про насъ:—надо ихъ подтягивать, надо выбросить, выкинуть изъ школы лѣнтяевъ и негодяевъ, какъ мусоръ, какъ хламъ. Послѣ преобразованія училища я хочу начать дѣло только съ отборными во всѣхъ отношеніяхъ учениками». Онъ бѣгалъ на лекціи чаще прежняго, дѣлалъ выговоры учителямъ, даже иногда не скупился на дерзости, показывалъ всѣмъ, что онъ знаетъ и математику, и географію, и древніе языки, что онъ отличный филологъ и не испугается разговора о химіи или физикѣ, что онъ представилъ недавно проектъ паровика новаго устройства и жалѣетъ, что ему некогда кончить статью объ одеждѣ въ древней Руси. Онъ таскалъ подъ мышкой какія-то бумаги,

Digitized by Google

иногда вдругъ, пролетѣвъ съ быстротою вѣтра по коридору, останавливался у перваго попавшагося окна и быстро записывалъ въ своей записной книжкѣ какія-то великія мысли, мелькнувшія въ его геніальной головѣ. Никто не зналъ содержанія этихъ замѣтокъ: одни думали, что онъ записывалъ, сколько надо заплатить прачкѣ за послѣднюю стирку бѣлья; другимъ казалось, что ему не даетъ покоя «вопросъ о происхожденіи Руси», но и тѣ, и другіе были убѣждены, что это, во-первыхъ, человѣкъ либеральный, что, во-вторыхъ, это человѣкъ громадныхъ свѣдѣній, ходячій лексиконъ, что, въ-третьихъ, онъ пойдетъ далеко, что этого должно желать и что, значитъ, нужно заблаговременно подлѣзываться къ нему. Онъ безъ умолку ораторствовалъ на еженедѣльныхъ, до сихъ поръ небывалыхъ, педагогическихъ совѣтахъ, въ которыхъ трактовалось обо всемъ, касавшемся училища, гдѣ слышалась не одна умная рѣчь, и гдѣ Фитилькинъ постоянно заключалъ пренія съ свойственнымъ ему простодушіемъ одною и тою же фразою: «Все это, господа, фантасмагорія!»—«Что, Владиміръ Петровичъ,—говорилъ ему Мальцевъ:—видно, стары мы стали, глупы стали! на покой пора! ребятишекъ кашей кормить!» Мы, школьники, еще продолжали попрежнему грубо и гадко обращаться со школьной прислугой и со всѣми, кто не былъ начальникомъ, но уже приходили въ негодованіе отъ каждаго грубаго слова Фитилькина и еще нетерпѣливѣе шумѣли за столомъ изъ-за горькаго масла. Въ завѣтныхъ тетрадяхъ съ сальными стишками начали появляться другія произведенія; теперь уже не нужно было Хохрякова, чтобы мы шли по новой дорогѣ; его мѣсто замѣнилъ духъ времени. Золотовъ затѣялъ рукописный журналъ съ карикатурами и получилъ позволеніе начальства. Въ первомъ нумерѣ появились карикатуры невиннаго содержанія и еще болѣе невинныя статьи, изъ которыхъ одно стихотвореніе принадлежало мнѣ; въ немъ описывалось мое катанье *съ милой* въ гондолѣ по каналамъ Венеціи. По поводу этого стихотворенія съ милой я удостоился похвалы Иванова-амбасадера.

— Хорошо, хорошо, продолжай, и Пушкинъ не лучше тебя началъ!—сказалъ Ивановъ.—Только, смотри, уроковъ не забывай изъ-за стиховъ. Стихи—стихами, а дѣло—дѣломъ. Долгъ прежде всего!

Фитилькинъ былъ совершенно другого мнѣнія, какъ и слѣдовало ожидать, зная его трезвую, практическую натуру.

Digitized by Google

— Вотъ и видно по стихамъ,—сказалъ онъ, тыкая меня въ лобъ своимъ квадратнымъ пальцемъ:—что у тебя на умѣ-то дѣвчонки! Молоко на губахъ не обсохло, а туда же съ любовницей на яликѣ кататься хочешь!

Инспекторъ со снисходительною улыбкой отозвался о содержаніи перваго нумера журнала, поговорилъ о томъ, что первообразъ журнала мы находимъ въ Римѣ въ acta diurna или acta publica, что первая газета издавалась въ Венеціи, что gazetta есть венеціанская монета, служившая цѣной летучаго листка, что было бы смѣшно производить слово газета отъ итальянскаго gazza, что значитъ—сорока; далѣе онъ перешелъ на французскіе журналы XVIII вѣка и, наконецъ, объявилъ, что онъ очень доволенъ нашимъ стремленіемъ къ литературнымъ занятіямъ.

— Это иггушки, это забава,—ораторствовалъ онъ, поясняя, по обыкновенію, слово съ буквою *р* словомъ безъ буквы р:—но забава ума, не игра въ карты, не подлость, не пьянство. Это слабый лепетъ гебенка, дитяти, но дитя будетъ взрослымъ, большимъ, будетъ и говогить, скажетъ свое слово...

Во второмъ нумерѣ появился въ карикатурѣ Фитилькинъ, съ неизмѣримымъ брюхомъ, съ сигарой во рту; на подписи не забыли и его любимое *эвто* и его знаменитую фразу: «эвто дѣти благородныхъ родителей и курятъ табакъ! Подъ карикатурою красовалась надпись: дитя неблагородныхъ родителей. Фитилькинъ, какъ и слѣдовало ожидать, пришелъ въ азартъ отъ карикатуры.

— Я говорилъ, я говорилъ,—кричалъ онъ инспектору, дергая его то за одну, то за другую пуговицу сюртука:—что эвто до добра не доведетъ. Дѣла не дѣлаютъ, а стишки пишутъ, картинки рисуютъ! Эвто, эвто, эвто просто... тьфу!

Инспекторъ сдѣлалъ легкій выговоръ намъ и между тѣмъ намекнулъ, что Фитилькинъ самъ отчасти виноватъ, что онъ не умѣлъ внушить къ себѣ уваженія; выговоръ кончился шутливой фразой:

— Смотрите вы, юмогисты, шутники, своихъ не згодегтивать, не осмѣивать!

Юмористамъ показалось возможнымъ продернуть и самого инспектора. Въ слѣдующемъ нумерѣ явился онъ самъ своею особою на одной картинкѣ въ видѣ мухи, летающей надъ увязшимъ въ грязи тарантасомъ и отирающей лапкою потъ; на другой картинкѣ онъ являлся въ видѣ господина съ двумя лицами, стоящаго между училищнымъ начальствомъ

Digitized by Google

и воспитанниками и говорящаго, приставивъ къ обоимъ лицамъ руки, въ видѣ щитовъ: я за васъ!

Инспекторъ пришелъ въ ярость. Карикатуры были не новы, но мѣтко задѣли его слабыя стороны. Журналъ прекратился, троихъ воспитанниковъ наказали.

— Я говорилъ вамъ,—внушалъ инспектору Фитилькинъ:— что это все не доведетъ до добра. Мальчишки правильно писать не умѣютъ, а вы имъ позволили журналъ издавать!

— Литегатугныя занятія и научили бы ихъ писать,— отвѣтилъ глупостью инспекторъ на серьезное замѣчаніе Фитилькина.

— Ну, да, хороша литература! Посмотрите вы, что они читаютъ, это чортъ знаетъ что! Чего-чего вы не найдете въ ихъ ящикахъ...

— Газвѣ вы видѣли?—щуря глаза, спросилъ инспекторъ, точно онъ былъ дѣвственною невинностью въ отношеніи школьныхъ обычаевъ.

— Не видалъ, а знаю! Стану я осматривать всякую гадость!

— Да-съ, съ этимъ надо кончить. Я хочу выбгосить всѣхъ негодяевъ, какъ мусогъ, какъ хламъ, иначе ничего не удастся сдѣлать.

— Ага, теперь и вы то же поете, что я говорилъ. Видно, это за живое задѣло,—замѣтилъ Фитилькинъ.

— Тепегь-съ есть цѣль, цѣль есть. Я пгосто не хочу вливать новое вино въ стагые мѣхи.

Этотъ разговоръ, подслушанный директорскимъ лакеемъ, переданный имъ хорошенькой горничной Мальцевыхъ, перешелъ какимъ-то образомъ отъ нея къ одному воспитаннику старшаго класса, а отъ него и ко всѣмъ намъ. На другой день у насъ исчезли наши тетрадочки. Это взбѣсило всѣхъ пансіонеровъ, считавшихъ законнымъ держать запрещенныя вещи. Два-три человѣка подлили въ огонь масла, распустивъ, по всей вѣроятности, ложные слухи о томъ, что у нихъ пропали и деньги.

— У насъ осматривали ящики?—говорилъ Золотовъ гувернеру.

— Да, осматривали.

— Но зачѣмъ же насъ не позвали въ это время, мы бы, по крайней мѣрѣ, деньги изъ нихъ вынули. Мой отецъ не имѣетъ средствъ давать мнѣ каждый разъ денегъ, когда у меня ихъ будутъ воровать. Это просто подлость!

— Вы забываетесь, Золотовъ!

Digitized by Google

— Что тутъ толковать объ этомъ! И вы бы на моемъ мѣстѣ то же запѣли.

— Вамъ еще остается до выпуска годъ и два мѣсяца... покуда вы еще школьникъ, и очень можетъ быть, что хорошій аттестатъ улетитъ отъ васъ, если вы не удержите своего языка,—пригрозилъ гувернеръ, нисколько не думавшій объ исполненіи своихъ словъ и не оправдывавшій въ душѣ поступка инспектора и Фитилькина.

На слѣдующей недѣлѣ у насъ снова были завѣтныя тетради. Фитилькинъ снова сдѣлалъ ревизію въ нашихъ шкапахъ. Всѣ снова разгорячились и зашумѣли. Между тѣмъ директоръ позвалъ къ себѣ Золотова.

— У тебя тамъ есть замкнутая шкатулка въ ящикѣ,— сказалъ директоръ:—то принеси изъ нея тетрадь со стихами.

Золотовъ поблѣднѣлъ. Онъ никакъ не думалъ, что директоръ знаетъ о томъ, что лежитъ въ его шкатулкѣ, но тотчасъ же въ его головѣ мелькнула мысль, что это просто испытаніе.

— У меня нѣтъ въ ней тетрадей,—отвѣтилъ онъ.

— Полно глупости говорить, вѣдь я знаю, что есть. Принеси.

Золотовъ повиновался и принесъ двѣ тетради.

— Что же это ты, братецъ, не все вдругъ принесъ?— спросилъ Фитилькинъ.

— У меня больше ничего нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? У тебя должны быть еще тетрадь и книжка. Принеси ихъ.

— Право, нѣтъ!—началъ Золотовъ, знавшій, что содержаніе удержанныхъ тетради и книги можетъ навлечь сильныя непріятности.

— Я тебѣ даю благородное слово, что я ихъ не буду читать. Ты можешь самъ при мнѣ бросить ихъ въ каминъ,—успокоилъ его директоръ.

Золотовъ принесъ требуемыя вещи и бросилъ ихъ въ огонь. Онъ не трогался съ мѣста, пока они горѣли. Директоръ замѣтилъ это и улыбнулся.

— Вотъ,—произнесъ онъ:—ты мнѣ, старику, не довѣряешь, а довѣряешь каждому мерзавцу, если онъ носитъ имя товарища. Надо, братецъ, не на то смотрѣть, кто сидитъ съ тобой на одной скамьѣ, а на то, каковъ человѣкъ!

— А-а!..—невольно вырвалось восклицаніе у Золотова, точно его озарилъ внезапный свѣтъ, и въ его головѣ зароились мысли о томъ, что всѣ его поступки, всѣ его рѣчи извѣстны директору.

Digitized by Google

Его лицо то краснѣло, то блѣднѣло. Множество необдуманныхъ, дерзкихъ рѣчей припомнилось ему и ему стало страшно; потомъ вспомнились поступки мелкаго развратника, и бѣднягѣ сдѣлалось такъ стыдно, что онъ хотѣлъ провалиться сквозь землю. Это была пытка; его глаза, устремленные на огонь, казалось, читали въ этомъ перебѣгающемъ и суетливомъ пламени исторію прошлаго.

— Ну, теперь ты можешь идти, все сгорѣло,—промолвилъ старикъ Фитилькинъ, особенно добродушный въ этотъ день; онъ перевернулъ щипцами золу и разрушилъ послѣдніе слѣды брошенныхъ въ огонь вещей.

Сконфуженный Золотовъ пробормоталъ какую-то благодарность, раскланялся, и только въ коридорѣ почувствовалъ, что его лицо мокро, онъ не зналъ, что это катилось: потъ или слезы. Казалось бы, и всему конецъ, миръ и спокойствіе могли продолжаться до выпуска; но Золотовъ разсказалъ всю исторію въ нашемъ кружкѣ, и между нами поднялся гвалтъ

— Узнать имя подлеца!—кричалъ я.

— Исключить его изъ училища!

— Да, да, исключить!—вторили голоса.

Мы написали письмо къ директору и просили его избавить насъ отъ товарища-наушника, или, въ случаѣ неисполненія нашей просьбы, грозили жалобой родителямъ. Долго шли толки и споры о формѣ письма, никто не разсуждалъ, что мы не имѣли права писать его ни въ той, ни въ другой формѣ; наконецъ, оно было готово, и всѣ стали подписываться. Всѣ подписались, но отъ подписи отказался Рогозинъ. Сначала онъ привелъ пустыя отговорки для своего оправданія, потомъ, плача и хныкая, признался, что онъ не можетъ подписать письмо, потому что это значило бы требовать своего собственнаго исключенія. На этомъ признаніи можно бы было и кончить дѣло, насладившись криками: «Только вы меня не бейте, ради Бога, не бейте, вамъ же хуже будетъ!» Въ этихъ крикахъ было много комизма, и позоръ врага долженъ бы былъ насъ удовлетворить вполнѣ, если бы у насъ въ головахъ было хоть немного практическаго здраваго смысла. Я и Золотовъ стали доказывать, что этого открытія мало, что если Рогозинъ останется между нами, то эта безнаказанность соблазнитъ и другихъ идти по его пути.

— Просто исключимъ его, господа, изъ своего общества, вотъ ему и наказаніе,—говорилъ одинъ воспитанникъ, надѣленный болѣе другихъ здравымъ смысломъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, это не наказаніе; онъ всегда найдетъ себѣ товарищей между подлецами!—кричалъ я.—Онъ будетъ нарочно показывать, что его и не безпокоитъ изгнаніе изъ нашего кружка.

— Разумѣется, разумѣется,—говорилъ Золотовъ:—это и другихъ соблазнитъ.

Мы пошли къ директору.

— Знаете ли вы, что вы дѣлаете?—спросилъ директоръ.— Исключить Рогозина я могу не иначе, какъ исключивъ кого-нибудь и изъ васъ.

Мы настаивали на своемъ и ораторствовали изо всѣхъ силъ.

— Мнѣ, право, жаль и васъ, Шуповъ, и васъ, Золотовъ. Вамъ только годъ остается до выпуска!

Черезъ недѣлю въ школѣ не было ни Рогозина, ни Золотова, ни меня, ни другихъ двухъ школьниковъ, равно съ нами виновныхъ. Рогозинъ имѣлъ связи, директоръ боялся его родныхъ, имѣвшихъ вліяніе на судьбу школы, и потому принесъ насъ въ жертву этимъ господамъ, обиженнымъ исключеніемъ ихъ родственника.

— Вотъ мы и на подножный кормъ въ свои деревни ѣдемъ,—говорилъ, смѣясь, Шевичъ, мой исключенный товарищъ, когда мы садились въ вагонъ Николаевской желѣзной дороги.

Я поблѣднѣлъ при этихъ словахъ, и только теперь вполнѣ ясно понялъ, что я ѣду домой къ отцу. Меня бросило въ дрожь...

X.

Передъ лицомъ родныхъ.

— Поздравляю съ выпускомъ!—произнесъ отецъ съ саркастическою улыбкою и нахмурилъ брови, смѣрявъ меня глазами.

Я въ эту минуту входилъ въ гостиную нашего деревенскаго дома. Я былъ высокъ ростомъ, не по лѣтамъ мужественъ, и, можетъ-быть, въ моемъ лицѣ въ первую минуту нашей встрѣчи проглядывало то выраженіе, которое отецъ привыкъ видѣть передъ собою, только смотрясь въ зеркало. Онъ постарѣлъ, его брови угрюмо нависли на глаза, немного ввалившіеся, но попрежнему суровые.

— Какъ все это произошло, мой другъ?—сладко и привѣтливо спросилъ дядя, пожимая мнѣ руку.

— Ахъ!—какъ-то въ носъ и нараспѣвъ произнесла ма-

Digitized by Google

чеха.—Чего тутъ разспрашивать? Мальчишка, пьянство, новыя идеи,—ну, разумѣется, и надо было такъ кончить; удивительно, что не попалъ въ солдаты!—кончила она, какъ будто сожалѣя, что школа не могла меня отдать въ солдаты и что я такъ счастливо отдѣлался.

Она понюхала какого-то спирта, налила другого на кончикъ платка и завязала этотъ кончикъ въ узелъ, потомъ потерла себѣ виски. Въ ея немного опухшемъ лицѣ было выраженіе апатіи и какого-то нервнаго, безпредметнаго неудовольствія, точно она сердилась и на погоду, и на свой аппетитъ, и на то, что нужно говорить, и что люди не угадываютъ чужихъ мыслей безъ словъ. Она говорила медленно, вѣроятно отъ лѣни, но неизвѣстно, зачѣмъ она начала гнусить, или, можетъ-быть, у нея былъ постоянный насморкъ. Попрежнему, или, лучше сказать, болѣе прежняго, это была женщина безъ всякаго характера, но женщина невыносимая.

— Теперь коровъ здѣсь пасти будешь?—спросилъ отецъ.

— Я не придумалъ еще, что дѣлать,—отрывисто отвѣтилъ я, раздраженный этимъ пріемомъ въ родительскомъ домѣ.

— Такъ придумай, да поскорѣй! Жить въ деревнѣ ты можешь только въ качествѣ пастуха, другого дѣла тебѣ не исполнить, ты даже въ волостные писаря не годишься, потому что писать безъ ошибокъ не умѣешь.

— Отлично учился!—прогнусила мачеха и съ неудовольствіемъ и раздражительностью поправила подушку, подложенную подъ ея голову.

— Пишешь т-ѣ-б-е, и воображаешь, что это по-русски.

Я всталъ.

— Куда ты?

— Правда не нравится!—простонала мачеха и снова разсердилась на подушку.

— Я усталъ,—отвѣтилъ я.

— А-а!

— Позволь, мой другъ, я провожу тебя въ твою комнату,—предупредительно предложилъ свои услуги дядя.

Вообще онъ былъ ласковъ со мною и глядѣлъ на меня съ участіемъ. Я съ юношеской довѣрчивостью поддался этой ласковости, и мнѣ подумалось, что дядя измѣнился. Я пожалъ его руку.

— Я тебѣ вполнѣ сочувствую, мой другъ, но что дѣлать? Онъ суровъ, хандритъ, она его связала,—заговорилъ онъ.—

Digitized by Google

У насъ нѣтъ развода, и потому женитьба часто дѣлается казнью...

Прошелъ день, другой, третій, наконецъ, отецъ сказалъ мнѣ за обѣденнымъ столомъ на четвертый день:

— Кажется, довольно тебѣ бить баклуши, я намѣренъ отдать тебя въ юнкера, у меня есть еще связи, и ты...

— Я никуда, кромѣ университета, не пойду, — твердо перебилъ я его.

Онъ началъ играть ножомъ по тарелкѣ.

— Какъ же это, не зная правильно писать по-русски, ты попадешь въ университетъ, гдѣ требуется и латынь?— язвительно спросилъ онъ.

— Я приготовлюсь...

— Во сколько лѣтъ?

— Въ годъ.

— А въ семь лѣтъ не могъ затвердить, какъ надо писать: тебѣ?

— У насъ всѣ не лучше пишутъ...

— Нашелъ оправданіе!—прогнусила мачеха.

— Это онъ правду говоритъ, я знаю многихъ изъ ихъ школы, которые не совсѣмъ правильно пишутъ,—вступился дядя.

Отецъ посмотрѣлъ на него убійственно-холоднымъ взглядомъ и снова обратился ко мнѣ.

— Если же ты не приготовишься въ годъ—тогда что?

— О, онъ и въ десять не приготовится! — обрадовалась мачеха моей предполагаемой лѣни.

— Тогда...—началъ я.

— Тогда,—произнесъ отецъ, отчетливо выговаривая каждое слово: — я тебя выпорю на конюшнѣ, какъ послѣдняго холопа, и потомъ отдамъ въ юнкера. Слышишь! — добавилъ онъ, вставая изъ-за стола и уходя въ другую комнату.

Я посмотрѣлъ на него, и мнѣ стало какъ-то неловко.

Отъѣздъ въ Петербургъ назначили черезъ два мѣсяца. Я въ это время все ближе и ближе сходился съ дядей и начиналъ любить его за его добродушныя мечты, плохо различая, какъ далеко отъ мечтаній до поступковъ. Мнѣ казалось, что онъ однихъ убѣжденій съ Антономъ, со мною. Я никакъ не понималъ, что этотъ человѣкъ однихъ убѣжденій съ каждымъ членомъ всего народонаселенія Россіи, что онъ умѣлъ складываться по желанію другихъ, чтобы не тревожить себя, что онъ могъ быть другомъ эмансипатора и представлять alter ego отъявленнаго крѣпостника.

Digitized by Google

Торжествуя свою побѣду надъ отцомъ, вслѣдствіе вѣтренности своего характера, я началъ снова мечтать о своей роли примирителя дяди съ Александрой Ивановной. Однажды, во время нашихъ прогулокъ по саду, я сказалъ дядѣ:

— Дядя, вѣдь я знакомъ съ ними.

— Съ кѣмъ, мой другъ? — спросилъ онъ, ничего не подозрѣвая.

— Съ Александрой Ивановной и Тоней.

Дядя осунулся и завертѣлъ пуговицу у сюртука.

— Зачѣмъ же ты ихъ бросилъ? Имъ трудно жить. Вѣдь это безнравственно, ты обязанъ поддерживать своего сына. Дѣти не виноваты и не должны нести наказанія за ссоры родителей.

Я совершенно хладнокровно читалъ эту мораль и не чувствовалъ всего комизма моего положенія. Идеи совершенно вѣрныя, высказанныя мною, еще не были моими идеями, но я хотѣлъ ошеломить ими дядю и примирить съ семьей.

Дядя вертѣлъ пуговицу.

— Объ этомъ надо поговорить съ твоимъ отцомъ,—произнесъ онъ и потеръ себѣ лобъ; у него опять возился комаръ подъ черепомъ.

— О чемъ?

— Какъ же это такъ вдругъ познакомился? Шпіонство! Послѣ этого и жить нельзя!.. Былъ спокоенъ столько лѣтъ и вдругъ!.. Познакомился!..—отрывисто говорилъ онъ, разсуждая съ самимъ собою и уже не обращая вниманія на меня.

— Да чего ты волнуешься?—спросилъ я.

— Оставь меня, пожалуйста!—проговорилъ онъ, входя на террасу, и заходилъ взадъ и впередъ.

Прошло нѣсколько минутъ, къ намъ вышелъ отецъ, хмурый, какъ осенній вечеръ. Онъ вышелъ отъ мачехи.

— Я хочу съ тобой поговорить,—сказалъ дядя.

— Говори, если хочется! — отвѣтилъ отецъ, бросая на столъ фуражку и, сѣвъ къ столу, началъ по немъ барабанить пальцами и насвистывать маршъ.

— Мнѣ нужно съ тобой однимъ поговорить.

— А-а!—процѣдилъ сквозь зубы отецъ и вопросительно поглядѣлъ на меня.

Я не трогался съ мѣста.

— Ну, что же? — процѣдилъ онъ снова, глядя на меня въ упоръ.

Никогда въ жизни не могъ я вынести этого свинцоваго взгляда и теперь опустилъ рѣсницы и пошелъ изъ комнаты.

Digitized by Google

— Павелъ ходитъ къ Александрѣ Ивановнѣ,— объявилъ дядя, когда я вышелъ.

— Ей теперь подъ пятьдесятъ?

— Да.

— Дуракъ!—рѣшилъ отецъ.

— Онъ началъ мнѣ говорить о ней, хлопочетъ объ ея участи, между тѣмъ у насъ все кончено съ обоюднаго согласія. Значитъ, она требовать ничего не можетъ и не потребуетъ. Я это знаю... Зачѣмъ же онъ вмѣшивается не въ свое дѣло? Развѣ я могу бросить Машу? Она такъ меня любитъ! Вѣдь это онъ, вѣрно, узналъ и уморить меня хочетъ, нарочно растравляя мои старыя раны. Вѣдь это варварство! Это ни на что не похоже! Надо положить этому конецъ. Ты какъ думаешь устроить?

— Что устроить?—спросилъ отецъ, переставъ на минуту свистать.

— Чтобы онъ не говорилъ мнѣ о ней, не тревожилъ меня.

Отецъ позвонилъ. Явился Андрюшка.

— Позвать Павла Константиныча.

— Слушаю-съ.

Андрюшка явился ко мнѣ.

— Васъ зовутъ-съ.

— Хорошо.

Черезъ минуту я былъ снова на террасѣ.

— Что нужно сдѣлать съ человѣкомъ, который пришелъ въ чужой домъ и сталъ распоряжаться въ немъ?—спросилъ отецъ, какъ будто подражая одному изъ древнихъ пророковъ, который заставлялъ самого грѣшника изречь приговоръ за сдѣланный имъ грѣхъ.

Я не былъ такъ догадливъ, какъ тотъ согрѣшившій человѣкъ, и не зналъ, что отвѣчать.

— Что-жъ бы ты сдѣлалъ съ нимъ?

Я молчалъ.

— Ну?

— Выгналъ бы его вонъ, — отвѣтилъ я, зная, что такъ или иначе отвѣтъ будетъ вымученъ, и допросчикъ ни-за что не подскажетъ его, хотя бы отвѣтъ стоилъ мнѣ жизни.

— И тебя выгонятъ, если ты будешь мѣшаться въ чужія дѣла, но прежде я тебя выпорю! Понялъ?

Я молчалъ.

— Тебя спрашиваютъ: понялъ?

— Понялъ,—едва шевеля языкомъ, отвѣтилъ я.

Digitized by Google

Отецъ забарабанилъ пальцами по столу и засвисталъ маршъ. Очень хорошо у него выходили эти марши! Дядя стоялъ спиною къ комнатамъ у перилъ террасы и глядѣлъ въ даль, которая оканчивалась широкимъ кустомъ акаціи, едва не задѣвавшей за дядинъ носъ. Я стоялъ посреди террасы и не зналъ, что дѣлать. Мои ноги, казалось, были налиты свинцомъ. Тысячи мыслей, смутныхъ, неуловимыхъ, вихремъ крутились въ моей головѣ. Она невольно клонилась внизъ, точно какой-то тяжелый молотъ опустился на нее, и медленно, убійственно-медленно, безпощадно, безостановочно давитъ ее всею своею невыносимою тяжестью, и подъ этимъ гнетомъ все смутнѣе, все страшнѣе становился хаосъ мыслей, наконецъ, я уже ни о чемъ не думалъ. Не знаю, долго ли пробыли бы мы въ этомъ положеніи, если бы насъ не вывелъ изъ одеревянѣнія возгласъ Андрюшки:

— Обѣдъ поданъ!

Отецъ всталъ первый, за нимъ тронулся дядя, неровной походкой и потирая свой лобъ. Тихо побрелъ я за ними. Обѣдъ прошелъ. Походилъ я по своей комнатѣ, развернулъ какую-то книгу и сталъ читать. Читалъ-читалъ, страницъ двадцать прочелъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего взглянулъ на заглавіе—оказалось, что это календарь 1845 года. Я началъ снова ходить по комнатѣ. Меня позвали пить чай. Напился чаю, пошелъ гулять, дошелъ до рѣки, машинально раздѣлся, выкупался, одѣлся и легъ на траву. Кругомъ меня стояла торжественная тишина лѣтняго вечера. Прошло съ полчаса времени, вдругъ съ дороги послышались звуки какого-то разудалаго, невѣрнаго голоса, и черезъ нѣсколько минутъ мимо меня прошелъ пьяный, оборванный парень въ ухарски-заломленной на-бокъ шапкѣ.

Не видалъ ли ты телушку,
Сама черненькая,
Вымя бѣленькое?..

Пѣлъ онъ, дѣлая чрезвычайно плутоватое лицо, и, повидимому, несмотря на всѣ усилія, не могъ найти въ своей головѣ ни начала, ни продолженія этихъ трехъ строкъ, завертѣвшихся у него на языкѣ. Щуря глаза и притопывая, онъ подошелъ ко мнѣ, подбоченился и крикнулъ, подражая солдатскимъ манерамъ:

— Здравія желаемъ, ваше благородіе!

— Здравствуй,—нехотя отвѣчалъ я.

— Что вы думаете, что я пьянъ? Прикажите: Антипка,

Digitized by Google

пройди по одной доскѣ!—пройду! Ей-ей, пройду! Не угодно? Ну, такъ я вамъ пѣсню спою:

Не видалъ ли ты телушку...

— Ступай, ступай!—прервалъ я его; онъ начиналъ меня злить своею пьяною навязчивостью.

— И того не угодно? Ну, счастливо оставаться, ваше благородіе!

Пьяный парень удалился и чрезъ мигъ явился передо мною снова.

— А я бы вамъ, ваше благородіе, отлично спѣлъ эту самую пѣсню!—жалобнымъ голосомъ проговорилъ онъ.

— Ступай!—крикнулъ я.

— Ну, ну, иду!

Напѣвая свою «телушку», парень отошелъ отъ меня. Эта сцена вывела меня изъ того страшнаго состоянія, въ которомъ я находился въ теченіе нѣсколькихъ долгихъ часовъ; съ той минуты, когда происходила сцена на террасѣ, я рѣшительно ни о чемъ не думалъ. Если вы, читатель, находились хоть однажды въ такомъ положеніи одеревянѣнія, то вы поймете весь его ужасъ. Ходить, пить, ѣсть — и ни о чемъ, рѣшительно ни о чемъ не думать,—это близко къ сумасшествію. Давно стихла въ отдаленіи разбудившая меня пѣсня, а я все еще лежалъ на травѣ, сжимая голову обѣими руками, и рыдалъ, какъ ребенокъ. Я не плакалъ въ теченіе шести лѣтъ. «Гдѣ же выходъ?—отрывисто и вслухъ спрашивалъ я себя, судорожно кусая конецъ своего платка.— Хлестаковщина, невѣжество, ненависть семьи! Умереть бы, что ли? И зачѣмъ мнѣ жить? Что я сдѣлаю для общества? Гдѣ силы, гдѣ средства, гдѣ умѣнье, чтобы принести ему пользу? Я неучъ, я русской грамоты порядочно не знаю, и даже нѣтъ у меня умѣнья трудиться! И отчего же не умереть? Кто меня любилъ, кто меня любитъ?» Послѣдній вопросъ началъ безотвязно повторяться въ моей головѣ—и вотъ воображеніе взяло верхъ надъ разсудкомъ; передо мною понеслись чудныя, полныя поэзіи картины, одни образы смѣнялись другими, вспоминалась мнѣ благословляющая на жизнь любовь матери, ожило передо мной ея страдальческое, измученное, но кроткое лицо; не успѣлъ я всмотрѣться въ него, какъ уже передъ моими глазами носился задумчивый, но полный энергіи и жизни, призракъ сестры, слышались ея ласковыя рѣчи, вспоминались послѣднія прощальныя слова: «будь честнымъ человѣкомъ, не расходись

Digitized by Google

съ Колькой!...» А вотъ и онъ, суровый, безпощадный, бранящій людей, толкующій о томъ, что не должно никого прощать, и прощающій всѣхъ, готовый на дѣлѣ обнять весь міръ. «Они всѣ любили меня, думалось мнѣ, неужели этого мало?..» И вдругъ почудилось мнѣ, что кто-то смѣется, смѣется серебристымъ веселымъ смѣхомъ, въ которомъ нѣтъ ни одной грустной нотки. Я узналъ этотъ голосъ—это Аня... Зачѣмъ явилась она въ моемъ воображеніи въ тотъ мигъ, когда я подводилъ итогъ любящимъ меня существамъ? Развѣ она любитъ меня? Не знаю, но мнѣ не хотѣлось разстаться съ этимъ новымъ призракомъ, я всматривался въ его сіяющія жизнью и радостью черты, я хотѣлъ вѣчно, вѣчно любоваться ими, и мнѣ мучительно захотѣлось жить. «Аня, Аня, спаси меня!» вырвалось изъ моей груди... Мнѣ какъ-то грустно стало теперь, когда я написалъ эти слова. Они выходятъ на бумагѣ пустой фразой экзальтированнаго юноши, а между тѣмъ съ ними связана, ими начинается моя лучшая пора жизни, за которую я не краснѣю, они, они спасли меня, потому что они были—любовь.

Мнѣ вдругъ стало весело, я отыскалъ на рѣкѣ первую рыбачью лодку, отвязалъ ее и поѣхалъ по рѣкѣ. Въ моей головѣ звучали чудные, мѣрные, какъ плескъ волны о прибрежные камни, стихи:

Горитъ огонекъ за рѣкою,
Вся въ блесткахъ струится рѣка,
На лодкѣ весло удалое,
На цѣпи не видно замка...

въ эту минуту любилъ и поэзію, и стихи Фета, и Аню, и весь Божій міръ, и какъ онъ прекрасенъ съ этими яркими звѣздами, ясными, какъ глаза ребенка, съ этимъ волшебникомъ-мѣсяцемъ! Какъ весело, тихо качаясь въ лодкѣ, неслышно нестись по рѣкѣ, задѣвать головой за нависшія вѣтви уснувшихъ плакучихъ ивъ и дышать широко молодою, здоровою грудью, и пить свѣжій ночной воздухъ!.. Теперь, вспоминая эти минуты, я люблю болѣе этихъ звѣздъ, болѣе этого мѣсяца, выносливую и чудную, какъ любовь, юность...

Перерожденія человѣка никогда не совершаются вдругъ, вчерашній негодяй не сдѣлается честнымъ человѣкомъ за ночь, но есть минуты, съ которыхъ можно надѣяться на перерожденіе человѣка. Такою минутою былъ этотъ вечеръ на берегу рѣки. На другой день мнѣ нездоровилось, я простудился наканунѣ. Мои мысли приняли снова скверное направленіе. Я то обвинялъ въ душѣ отца, то ругалъ себя

Digitized by Google

за желаніе вмѣшиваться въ чужія дѣла, даже оправдывалъ дядю, потомъ вдругъ онъ становился мнѣ отвратителенъ со своимъ стремленіемъ, во что бы то ни стало, сохранить свой аппетитъ и сонъ, со своимъ отсутствіемъ человѣческихъ чувствъ и убѣжденій. Видъ отца разрушалъ мои грезы о любви; опять я сознавалъ, что я хуже крѣпостного человѣка, что я не могу ничего сдѣлать по своей волѣ, меня бросало и въ жаръ, и въ холодъ отъ его ледяныхъ фразъ, и при каждой мечтѣ о счастіи меня мучили предчувствія, и какой-то голосъ шепталъ: vous êtez chez moi!

XI.

«Съ новымъ годомъ—съ новымъ счастьемъ!»

Въ исторіи всего человѣчества, въ исторіи государствъ, въ исторіи отдѣльныхъ человѣческихъ личностей есть года, которые не забываются никогда, о которыхъ вспоминаютъ съ оживленіемъ, съ нѣжною любовью и радостью даже тогда, когда жизнь сдѣлалась уныла и безотрадна. Вотъ сухой, черствый старикъ, ради чиновъ и наградъ загубившій свою честность, ради корыстныхъ видовъ продавшій нѣкогда себя и покоряющійся до сихъ поръ ненавистной женѣ, начальнической любовницѣ, заклейменной цѣлымъ городомъ позорнымъ именемъ развратницы,—онъ встрѣтилъ своего стараго друга и вспомнилъ о своихъ студенческихъ годахъ, о первыхъ честныхъ порывахъ, о безкорыстныхъ стремленіяхъ; его глаза вспыхнули огнемъ, въ его груди встрепенулось сердце, онъ забылъ и свои недуги, и свои пороки, и грязные помыслы, онъ снова на мгновеніе превратился изъ гніющаго мертвеца въ человѣка, онъ прекрасенъ! Вотъ сгорбленная старуха, въ грудѣ ненужныхъ лавочныхъ квитанцій и нижайшихъ докладовъ какого-нибудь старосты Лексѣя Лександрова она нашла выцвѣтшія строки перваго признанія въ любви, она остановила на нихъ глаза; ея мысли унеслись далеко, передъ нею несутся чудныя картины: весна, садъ, свиданье, шопотъ любви... Она, проводившая десятки лѣтъ въ перебранкахъ и сплетняхъ съ старою горничною, въ душеспасительныхъ бесѣдахъ со странницами и расчесываньи шерсти слезливой болонки, страдающей вѣчными насморками и кашлемъ,—она мечтаетъ! На письмо, покрытое поцѣлуями шестнадцатилѣтней дѣвушки, орошенное слезами двадцатилѣтней проданной старику женщины, падаютъ слезы семидесятилѣтняго на мгновеніе ожившаго трупа. Вотъ отставной солдатъ, одинокій,

Digitized by Google

безпріютный, спившійся съ круга, готовый на всякую мерзость за штофъ водки,—онъ вспомнилъ двѣнадцатый годъ, и его лицо блеснуло благороднымъ одушевленіемъ, онъ снова горячо разсказываетъ, какъ *они* отстояли матушку-Россію, какъ рвались въ битву, будто на пиръ: въ это мгновеніе онъ чувствуетъ себя снова не выкидышемъ холоднаго, презирающаго его общества, но членомъ одной великой семьи, сыномъ любимой матери, за которую и онъ пролилъ свою каплю крови. Если бы эти люди умерли въ такія минуты, то они умерли бы счастливыми, чистыми и не унесли бы въ другую жизнь однихъ проклятій землѣ, а между тѣмъ эти минуты—только воспоминанія, только тѣни и призраки праздничныхъ лѣтъ жизни... О, великіе праздники жизни, зачѣмъ вы такъ рѣдко повторяетесь? Неужели для того, чтобы сильнѣе были впечатлѣнія, оставляемыя вами? Неужели для того, чтобъ человѣкъ не баловался? Страшная иронія судьбы!

Такими праздниками были для меня слѣдующіе годы...

Шумно и весело въ семьѣ Антона, моего новаго учителя, встрѣтилъ я наступленіе 1857 года. Недалеко отъ меня смѣялась въ кругу подругъ своимъ безпечнымъ дѣтскимъ смѣхомъ Аня, подлѣ меня сидѣлъ мой другъ Колька, кругомъ говорили, смѣялись и шумѣли еще нѣсколько студентовъ, учителей и подругъ Ани. У всѣхъ были надежды, всѣ съ жадностью ловили новости, толковали о разныхъ проектахъ, всѣ чувствовали себя ближе другъ къ другу, потому что у всѣхъ была на умѣ мысль о дѣлѣ, а когда у общества есть общее серьезное дѣло, то и враги на время забываютъ свои личныя дрязги, свою личную вражду. Въ это время нерѣдко приходили на память друзьямъ Колькѣ его стихи. Читатель извинитъ меня, что я ихъ выпишу, это нужно:

Выпьемте дружно на ты;
Старый студентскій обычай
Свѣтлыя будитъ мечты,
Освобождая отъ глупыхъ приличій.

Будемъ не братьями. Нѣтъ!
Съ дня, когда Каинъ убійцей сталъ брата,
Именемъ этимъ играетъ весь свѣтъ,
Словно названьемъ постыднымъ разврата.
Прочь это имя! Оно
Часто пророка связуетъ въ ворами
И тяготѣетъ на немъ, какъ пятно;
Будемъ свободными, будемъ друзьями!

Выпьемте дружно на ты и т. д.

Digitized by Google

Мы за стремленье къ трудамъ,
Къ подвигамъ честнымъ, такъ любимъ другъ друга,
И измѣнившій позорно имъ—самъ
Выйдетъ, краснѣя, изъ нашего круга.
Вольный въ дѣлахъ человѣкъ
Съ людьми долженъ сходиться свободно...
Пусть же повсюду отнынѣ вовѣкъ
Царствуетъ дружбы союзъ благородный!

Выпьемте дружно на ты и т. д.

Такова была потребность дружбы, союза, что эта *непоющаяся пѣсня*, какъ звалъ ее Колька, что эти шероховатыя строки западали навсегда въ память прочитавшаго ихъ хоть два раза, хотя никто изъ этихъ юношей не былъ поклонникомъ стиховъ, не считалъ чѣмъ-нибудь важнымъ мѣрную строку, заостренную риѳмой, и уже многіе изъ нихъ начали слыть черствыми, грубыми... Недолго оставалось ждать *повальной* клички нигилистовъ...

— Танцовать, танцовать давайте!—пригласила Аня.

Всѣ бросились раздвигать столы, стулья, кто-то предложилъ вмѣсто люстры повѣсить мебель, чтобы она не мѣшала, дядюшка заигралъ на фортепіано какой-то старомодный чопорный кадриль, но танцы отъ этого пошли не хуже. Мѣрно и звучно раздался первый ударъ часовъ, возвѣщавшій полночь...

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ!—раздались голоса.

И дядюшка, не докончивъ послѣдней ноты, и танцующіе, не докончивъ послѣдней фигуры, смѣшались въ одну грушу и, наливъ стаканы медомъ, чокались другъ съ другомъ, кто-то даже крикнулъ: «ура!» Это вызвало неудержимый и продолжительный смѣхъ.

— Должно быть, мы славно проведемъ этотъ годъ, если судить по началу,—сказалъ одинъ студентъ, когда уже мы всѣ сѣли за ужинъ.

— Разумѣется, славно, и всѣ другіе года теперь будемъ проводить хорошо,—сказалъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и немного драматическимъ паѳосомъ Антонъ.

— Гдѣ твои недавнія мрачныя опасенія за будущее!— насмѣшливо спросилъ Колька.

— Они понемногу разсѣялись, я съ каждымъ днемъ убѣждаюсь, что будущее будетъ прекрасно...

— Твоими бы устами да медъ пить! — проговорилъ еще насмѣшливѣе Колька.

— Что же тебѣ кажется, что я...

Digitized by Google

— Мнѣ кажется, что ты и я,—перебилъ Колька:—и мы всѣ отлично встрѣтили наступленіе 1857 года...

— Ну?

— Ну, и что изъ этого ничего не слѣдуетъ, что завтра можетъ быть и солнце, и дурная погода...

— Однако, у насъ есть надежды на будущее.

— Ну, а у меня ихъ нѣтъ.

— Вольному воля!—раздражительно замѣтилъ Антонъ.

— Я именно это и хотѣлъ сказать, мой милый. Вольному воля,—великая истина! Тебѣ нравится приправлять свою жизнь то опасеніями вмѣсто перца, то надеждами вмѣсто сахара, а я сталъ ее принимать такою, какова она есть, съ тѣхъ поръ, когда убѣдился, что моя надежда получить несуществующее наслѣдство отъ миѳическаго дядюшки никуда не годится.

Мы кончили ужинъ. Антонъ въ волненіи заходилъ по комнатѣ, свѣтлое настроеніе было въ немъ разрушено. Колька замѣтилъ это и улыбнулся.

— Господа,—продолжалъ онъ еще язвительнѣе.—У меня есть тетка, которая постоянно говоритъ: «если дождя не будетъ, то я пойду погулять»,—и ждетъ до тѣхъ поръ, пока пойдетъ дождь, ну, а въ дождь гулять нельзя. Потомъ она постоянно жалуется, что ей не удается подышать воздухомъ: то страшно, что дождь застанетъ, то приходится переждать, когда онъ кончится. Потомъ есть у меня дядя, который въ теченіе сорока лѣтъ чувствуетъ приближеніе смерти и потому не принимается ни за какое дѣло, отказывается отъ всѣхъ удовольствій. «Сохрани Богъ, говоритъ онъ, пожалуй смерть на пиру застанетъ...»

— Что же изъ этого?—съ нетерпѣніемъ спросилъ Антонъ.

— Да то, душа моя, что самое лучшее пользоваться хорошею погодою и идти гулять, наслаждаться жизнью, покуда она наша, и не имѣть никакихъ надеждъ на будущее.

— Однако, ты имѣешь опасенія за будущее, это тоже надежда своего рода, только мрачная, ты скорѣй похожъ на своихъ родственниковъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что я опасаюсь за будущее, что у меня есть мрачныя предчувствія? Я просто совсѣмъ не гляжу въ далекое будущее, потому что это смѣшно. Каково оно будетъ—узнаемъ послѣ. А покуда довольно настоящаго. Вотъ вся философія.

Антонъ пожалъ плечами и улыбнулся; черезъ нѣсколько

Digitized by Google

минутъ и онъ, и Колька присоединились къ остальному обществу и были попрежнему друзьями.

— Что тебѣ была за охота смутить мое счастливое настроеніе духа?—спросилъ Антонъ Кольку, спустя нѣсколько времени.

— Да не могу я, душа моя, выносить, когда человѣкъ дѣлаетъ изъ себя смѣшное лицо, а ты, какъ и всѣ другіе, всегда бываешь смѣшонъ съ своими надеждами и опасеніями, печалясь, если будущее кажется тебѣ темнымъ, радуясь, если оно кажется свѣтлымъ. Сверхъ того, всѣ эти опасенія и надежды опасны: онѣ мѣшаютъ пользоваться настоящимъ счастіемъ, угрожая будущими бѣдами, другія, окрашивая въ розовый цвѣтъ будущее, заставляютъ тебя отчасти спустить рукава, отчасти раскиснуть, сдѣлаться сибаритомъ, и ты погибнешь отъ перваго удара судьбы, потому что ты самъ подвернешься подъ него, думая, что судьба хочетъ помазать твою голову розовой помадой...

— Знаешь ли что, иногда мнѣ просто не вѣрится, что тебѣ двадцать второй годъ, ты кажешься гораздо старше...

— Это очень не мудрено: я вдвое старше своихъ лѣтъ...

— Какъ такъ?—смѣясь, спросилъ Антонъ.

Всѣ обратили вниманіе на Кольку.

— Потому, мой другъ, что мой годъ за два считался: я и по наукамъ прохаживался, и казачкомъ въ родительскомъ домѣ служилъ, вѣдь у насъ крѣпостныхъ людей не было,— промолвилъ Колька своимъ обычнымъ не то веселымъ, не то ироническимъ тономъ.

— Оттого-то у тебя и нѣтъ ни капли воображенія, что ты постоянно былъ въ черной работѣ, — сказалъ студентъ Яковлевъ.

— И отлично, что оно не слишкомъ развито. Я врагъ всякихъ призраковъ. Я очень радъ, что у меня не было няньки-сказочницы.

— Если бы я не чувствовалъ положительнаго отвращенія къ Диккенсову Градгринду, требовавшему только фактовъ, фактовъ и фактовъ, то я назвалъ бы тебя этимъ именемъ.

— Градгриндъ, какъ всякое лицо, преслѣдуемое авторомъ, вышелъ непривлекателенъ, а факты все-таки лучше грёзъ, и вѣрно не послѣднія сдѣлали Англію великимъ государ-[illegible] —серьезно произнесъ Колька. — Безъ воображенія [illegible]ествовать, но отстаивать его, воевать и засту-[illegible]его, возвышать его на счетъ простого здороваго [illegible]лѣпость: сѣйте хлѣбъ, а васильки будутъ; мало

Digitized by Google

ли ихъ будетъ, много ли, — это не важно, безъ нихъ съ голоду не умремъ.

— Ты очень быстро соображаешь, но твои взгляды узки, ты, можетъ-быть, и ясно видишь, но только на близкомъ разстояніи,—сказалъ Яковлевъ.

Колька передернулъ плечами.

— Ты ошибаешься,—сказалъ онъ. — Вы всѣ сидите въ полутемной комнатѣ, передъ вашимъ носомъ стѣна, вы устремляете на нее полусонные глаза, воображеніе начинаетъ играть, вы мечтаете, передъ вами вмѣсто этой дрянной каменной стѣны рисуются въ воздухѣ волшебныя картины, чудное, какъ сказка, будущее; вы улыбаетесь, вы счастливы... На вашемъ языкѣ это называется имѣть обширный кругозоръ, быть дальновиднымъ. Вы жалѣете меня, говоря, что я близорукъ, что я хотя и яснѣе васъ вижу, но не дальше своего носа. А знаете ли вы, что вы и на этомъ разстояніи ничего не видите,—что та стѣна, которую я вижу, гораздо дальше отъ меня, чѣмъ отъ васъ тѣ роскошныя картины, которыя видите вы, которыя находятся въ васъ самихъ, въ вашемъ мозгу, въ вашихъ глазахъ?.. Ахъ вы, дальновидные слѣпцы!

— Мнѣ иногда кажется, что ты отчасти правъ,—задумчиво произнесъ Антонъ:—но согласиться съ тобою вполнѣ, право страшно.

— Непривычка!

XII.

Въ квартирѣ Люлюшиныхъ.

Но какъ же я устроилъ свою жизнь? Гдѣ жилъ?.. У Люлюшиныхъ, любезный читатель, опять у перваго встрѣчнаго чиновника, у моего крестнаго папеньки. Но теперь я былъ не ребенокъ, не Павленька, а Павелъ Константиновичъ, молодой человѣкъ, которому суждено скоро сдѣлаться обладателемъ порядочнаго имѣнія. Моя комната теперь принадлежала дѣйствительно мнѣ, и никто, кромѣ Кольки, помѣщавшагося тоже въ ней, не считалъ себя въ правѣ входить въ нее безъ моего позволенія или согласія. Какъ я люблю эту простую комнату въ одно окно! Въ ней вы можете прожить сколько вамъ угодно времени и не видать ничего, что дѣлается внѣ ея; для этого стоитъ только не высовывать головы за окно на грязный дворъ, похожій на обширную глубокую могилу, въ которую безпощадно сбросило небо сотни живыхъ людей, ползающихъ по дну мо-

Digitized by Google

гилы, выглядывающихъ въ безчисленныя окна, пробитыя повсюду, взбирающихся по лѣстницамъ, продѣланнымъ въ ея стѣнахъ, словно стремящихся снова добраться до этого неба, хлопочущихъ, суетящихся въ ней до той поры, пока надоѣстъ ихъ шумъ и гамъ этому небу, и отправитъ оно ихъ на одиночное заключеніе въ другія узкія и темныя подземныя тюрьмы, откуда не видно и его такъ чудно дѣйствующей на душу синевы. Но изъ этой же комнаты, даже лежа на постели въ самомъ отдаленномъ отъ окна углу, вы можете видѣть небесную лазурь; люди, заслонившіе эту лазурь отъ сибаритовъ, устроившихъ свой рай въ первомъ этажѣ, не рѣшились заслонить ее какою-нибудь безобразною грудою кирпичей отъ мучениковъ послѣдняго этажа, совершающихъ подвигъ уже однимъ тѣмъ, что послѣ всѣхъ дневныхъ трудовъ, едва дыша усталою, чахоточною грудью, едва переступая страдающими отъ ревматизма ногами, они должны пройти еще полторы сотни ступеней, чтобы поужинать и лечь въ постель. Въ этой комнаткѣ нѣтъ ставень, и никогда не задергиваются занавѣски, не опускаются шторы, потому что она слишкомъ далека отъ грязнаго дна могилы и не могутъ въ нее заглянуть подсматривающіе, недоброжелательные взгляды или забраться голодные воры, а закрываться отъ неба—это значило бы наказывать себя, лишаться удовольствія видѣть, какъ тихо и безслѣдно исчезаютъ тучи, какъ ярко загораются ясныя звѣзды и какъ исчезаютъ и онѣ за ослѣпительнымъ блескомъ ласкающаго и грѣющаго солнца. Часто будили меня его горячіе лучи, и въ полудремотѣ казалось мнѣ иногда, что это сонъ, что мнѣ стоитъ совсѣмъ проснуться — и исчезнутъ изъ моихъ глазъ и эти незатѣйливые стулья, стоящіе въ теченіе многихъ лѣтъ въ одномъ и томъ же порядкѣ и сдѣлавшіе знаки на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ,—и этотъ ломберный столъ, играющій роль письменнаго и хранящій чернильныя пятна, сдѣланныя когда-то моею еще дѣтскою, неосторожною рукой,—и эти кисейныя занавѣски съ пробранными цвѣтами, похожими на заштопанныя мѣста, и съ заштопанными мѣстами, похожими на пробранные цвѣты; и, наконецъ, Колька, облокотившійся на локоть въ своей постели и пристально читающій книгу...

— Что, господинъ лѣнивецъ, изволили проснуться?— спрашиваетъ онъ, замѣтивъ, что я открылъ глаза.

— Нѣтъ! это не сонъ!—успокаиваю я себя вслухъ.

— Что не сонъ?

Digitized by Google

— Мнѣ показалось, что я еще нахожусь въ училищѣ и что вижу во снѣ эту комнату,—отвѣчаю я, не думая вставать:—мнѣ такъ тепло въ моей постели.

— Мнѣ самому иногда не вѣрится, что ты снова здѣсь. Странно, какъ трудно оторваться отъ человѣка, котораго мы полюбили въ дѣтствѣ. Вѣдь вотъ ты въ школѣ былъ отвратительнѣйшимъ мальчишкою.

— Спасибо за комплиментъ!—смѣюсь я.

— Нѣтъ, душа моя,— серьезно отвѣчаетъ Колька:—это истинная правда. Ты былъ отвратительнѣйшимъ мальчишкою, а меня все что-то тянуло къ тебѣ; сколько разъ я давалъ себѣ слово не видаться съ тобой, сознавая, что ты не стоишь моей дружбы, что привязанность къ тебѣ начинаетъ дѣлать меня смѣшнымъ въ моихъ собственныхъ глазахъ, что любить человѣка за прошлое—глупо, слишкомъ сахарно. Ну, а иногда получу отъ тебя письмо и вотъ лежу, какъ теперь, на постели въ этой комнатѣ, и вспоминаются наши дѣтскіе планы, мечты, честныя надежды, все, что было искренно и свято, и снова, бывало, захочется видѣть тебя, и снова вѣрится, что жизнь не совсѣмъ загубила тебя, что ты еще придешь въ эту комнатку, потому что

Въ этой комнаткѣ счастье было,
Дружба свѣтлая выросла здѣсь...

— Господа, пора вставать, чай поданъ! — раздается голосъ Аграфены Степановны.

И странное дѣло! мнѣ кажется милымъ даже этотъ голосъ. Что? это слабость, маниловщина? Или точно она лучше другихъ?

— Павелъ Константиновичъ,—заискивающимъ голосомъ начала Аграфена Степановна, когда мы явились къ чайному столу:—у меня есть до васъ просьба.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я, улыбаясь и зная навѣрное, о чемъ поведется рѣчь, потому что это было въ день субботній.

— Позвольте мнѣ сегодня ради субботы что-нибудь на скорую руку къ обѣду приготовить, вотъ хоть бы кислыя щи и кашу. Право, за недѣлю столько уборки накопилось, что и не управиться,—боязливо привела она причину, чтобы отстоять щи и кашу.

— О!..—началъ я и не кончилъ, уступивъ слово Колькѣ.

— Эхъ, маменька, дѣлайте, что угодно, чего тутъ спрашивать! Что сготовите, то и будемъ ѣсть,—произнесъ онъ, оставивъ меня на моемъ *о*.

Digitized by Google

— Да вѣдь вотъ, можетъ-быть, Павелъ Константинычъ разсердится, можетъ-быть, имъ не понравится,—слабо вступилась Аграфена Степановна, зная впередъ всю эту сцену.

— О!..—началъ я снова.

— Ну, не понравится, такъ можетъ убираться къ чорту, то-есть я хотѣлъ сказать, въ другое мѣсто обѣдать,—рѣшилъ Колька, снова остановивъ меня на неудачномъ *о*.

— Ахъ, что ты, что ты, натощакъ-то чернаго поминаешь!—боязливо осматриваясь, замѣтила Люлюшина. — Ужъ я и не рада, что при тебѣ начала, ты ужъ вотъ всегда такой, сейчасъ разгорячишься, — говорила она, перетирая чашки.

— О, вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь изъ-за меня,— успѣлъ я произнести желанную фразу.

Черезъ пять минутъ я смѣялся въ своей комнатѣ надъ этой сценой.

— Право, досадно! — говорилъ Колька. — Ну, для чего каждый разъ спрашивать? Вѣдь, если бы, въ самомъ дѣлѣ, щи да кашу тебѣ подала, а то и говядину тамъ подъ хрѣнъ положитъ, и селедочекъ съ разными грибочками подастъ, и еще какой-нибудь дряни... Ну, и прекрасно бы, такъ вѣдь ужъ такая натура; дай, молъ, унижусь, извинюсь, намекну, что ужъ гдѣ намъ, дуракамъ, медъ пить, хорошій столъ держать, а потомъ и удивлю разными грибочками, что вотъ, молъ, у меня какой обѣдъ даже въ субботу! Ну, а скажи ты, что не позволяешь готовить щей и каши, такъ тебѣ надѣлаютъ колкостей, скажутъ, что для тебя обычаевъ не могутъ на шестидесятомъ году перемѣнять, что особой стряпки изъ твоихъ денегъ нельзя нанимать, и хоть ты выѣзжай, а щи да каша въ субботу будетъ, — конечно, между прочимъ...

— Ха-ха-ха!—засмѣялся я.

— Чему ты смѣешься?—съ удивленіемъ спросилъ Колька, разгорячившійся серьезно.

— Колька, да вѣдь и ты смѣшонъ, волнуясь періодически каждую субботу,—произнесъ я.

— Совершенная правда, голубчикъ! ты еще не затвердилъ наизусть моихъ субботнихъ *разсужденій на случай?*

— Приблизительно знаю.

— Ну, такъ ты въ будущій разъ начни мнѣ суфлировать, авось это меня отучитъ отъ періодическихъ волненій. Вотъ привычка-то что значитъ!

Мы въ это время одѣвались, а черезъ нѣсколько минутъ

Digitized by Google

вышли на улицу, чтобы идти въ медико-хирургическую академію, куда ходилъ и я въ качествѣ вольнослушателя.

— Удивительно, душа моя, не свободенъ до сихъ поръ разсудокъ человѣка отъ безсознательныхъ поступковъ,—говорилъ Колька, продолжая на дорогѣ начатый разговоръ.— Это яснѣе всего бросается въ глаза въ дѣлѣ привычекъ. По привычкѣ иногда повторяешь такія мелочи, такія пошлости, что право становится досадно и совѣстно за разсудокъ. Люди до сихъ поръ мало обращали на это вниманія, но если бы они были наблюдательнѣе, то имъ приходилось бы часто краснѣть за себя, за свои такъ-называемыя «невольныя движенія», за свое танцованье подъ дудку совершенно посторонниихъ, повидимому, причинъ. Я, напримѣръ, пріучилъ себя въ дѣтствѣ не просто молиться, а читать извѣстное число извѣстныхъ молитвъ въ извѣстномъ порядкѣ. Я считалъ это подвигомъ и дѣлалъ по обѣщанію. Но слушай, что изъ этого вышло. Я читалъ ихъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ это дѣти, стараясь поскорѣе оттрезвонить, не выговаривалъ словъ, а бормоталъ какіе-то звуки. И—я тебя увѣряю въ этомъ—всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ я зѣвалъ и думалъ: «надо за это поклонъ положить». Потомъ на другомъ мѣстѣ я начиналъ размышлять: «а вѣдь я хорошо дѣлаю, что такъ долго молюсь». Далѣе опять на опредѣленномъ мѣстѣ меня начинала тревожить мысль: «что-то, уснулъ ли Сашка?» И, наконецъ, поднимаясь съ колѣнъ и стирая пыль съ штанишекъ, я говорилъ себѣ: «а вѣдь это грѣхъ, что я о другомъ думаю». Вотъ, душа моя, первое, что остановило мое дѣтское вниманіе на привычкѣ, на подчиненіи нашихъ мыслей и поступковъ постоянно повторяющимся обстоятельствамъ.

— Ты правъ,—замѣтилъ я:—я никогда не былъ наблюдателенъ, мнѣ *некогда* было думать, но теперь и я вспоминаю совершенно ясно, что, ложась спать, я постоянно начиналъ мечтать съ одной и той же фразы: «когда я выросту большой и буду богатъ...» И можешь себѣ представить, до чего сильно это укоренилось, что недавно, ложась спать, я погрузился въ мечтанія именно съ этой фразы: «когда выросту большой»!.. Ужъ, кажется, больше нельзя вырасти! Ха-ха-ха!

— Не смѣйся, это очень печально. Это подчиненіе нашихъ нравственныхъ и физическихъ движеній постоянно повторяющимся совершенно внѣшнимъ причинамъ показываетъ яснѣе другихъ явленій, какъ долго будетъ человѣче-

Digitized by Google

ство дѣлать глупости и мерзости, оставаясь совершенно невиннымъ въ этихъ поступкахъ. Чтобы отвратить эти явленія, надо возбуждать постоянно свой умъ, слѣдить за каждымъ своимъ шагомъ, надо разнообразить обстановку жизни, но все это такъ трудно покуда. Взгляни на большую часть чиновниковъ. Каждый изъ нихъ, посѣщая всякій день должность, непремѣнно совершаетъ извѣстный обрядъ привычныхъ движеній, привычныхъ фразъ. Одинъ непремѣнно сморкается и кашляетъ, садясь на свой стулъ, хотя бы онъ могъ въ данную минуту не дѣлать ни того, ни другого, но онъ къ этому привыкъ, иначе онъ не можетъ начать свою дневную службу; другой непремѣнно потретъ руки и вздрогнетъ всѣмъ тѣломъ, здороваясь со своими сослуживцами, хотя это движеніе совершенно не нужно и въ другомъ мѣстѣ онъ не сдѣлаетъ этихъ движеній, что доказываетъ, что они вызваны извѣстной обстановкой. Да что говорить о чиновникахъ!— вглядись въ игру актеровъ, въ манеры профессоровъ во время лекцій. Зачѣмъ, напримѣръ, жестъ Андреева, когда онъ говоритъ фразу: «сгруппировать въ одно цѣлое»,—онъ непремѣнно раскроетъ всѣ пальцы и начинаетъ медленно сводить ихъ вмѣстѣ, скользя ими по каѳедрѣ, точно сгребая соръ въ одну кучу. Не думай, что онъ хочетъ уяснить наглядно этимъ жестомъ группировку фактовъ; нѣтъ! у него даже и мысли объ этомъ нѣтъ, онъ просто подчиняетъ свои движенія часто повторяющейся фразѣ, замѣни эту фразу другою, равнозначущею ей по мысли, и онъ не станетъ сгребать пальцами кучи сора,—это ты можешь заключить изъ того, что онъ не повторяетъ своего движенія, когда говоритъ: «соединить вмѣстѣ». А вотъ мы и до аудиторіи добрались...

Читателю, вѣроятно, стало ясно, почему Колька такъ любилъ спорить, повидимому, изъ пустяковъ. Во-первыхъ, онъ дѣйствительно видѣлъ, что пустяками и мелочами держится весь міръ. Во-вторыхъ, онъ спорилъ съ цѣлью провѣрить себя и свои мнѣнія, онъ слѣдилъ за собою, хотѣлъ словить себя на каждой ошибкѣ. Послѣдняго въ нашемъ обществѣ совершенно не понимаютъ и удивляются, если человѣкъ не довольствуется тѣмъ, что своимъ умомъ дошелъ до сотворенія міра, а хочетъ еще провѣрить справедливость своихъ заключеній; Кольку это страшно бѣсило, и нерѣдко говаривалъ онъ даже своимъ друзьямъ:

— Для васъ истина ничего не значитъ, васъ нисколько не интересуетъ степень вѣрности вашихъ убѣжденій, еще

Digitized by Google

менѣе стараетесь вы распространить ихъ между другими. Вотъ хотите, я вамъ докажу это на дѣлѣ, дамъ представленіе!

И онъ началъ, при появленіи новаго собесѣдника высказывать убѣжденія, діаметрально противоположныя съ убѣжденіями послѣдняго. Господинъ, избранный на жертву, постоянно возражалъ сначала довольно рѣзко и горячо, потомъ все слабѣе и слабѣе, наконецъ, поддакивалъ или ловко заключалъ все тѣмъ, что никакіе споры никогда не кончаются.

— Ну, что, господа, не правду ли я говорилъ?—торжествовалъ Колька.—Вѣдь я его не убѣдилъ, а онъ уже поспѣшилъ согласиться со мною на *словахъ*. Если бы здѣсь были его ученики съ неустоявшимися мнѣніями, то они, видя, что онъ соглашается, видя, что я торжествую, перешли бы на мою сторону, сдѣлались бы моими послѣдователями. Ну, развѣ можно любить свои убѣжденія, способствуя вербовкѣ противниковъ этимъ убѣжденіямъ? Развѣ это любовь?

— Ты ошибаешься, это совсѣмъ не значитъ, что мы не любимъ нашихъ убѣжденій, а просто доказываетъ, что ты искуснѣе насъ споришь, ловчѣе выдаешь парадоксы за истину. Мы соглашаемся въ данную минуту, потому что не находимъ вдругъ средствъ сбить тебя, но...

— Та-та-та, постойте! Но вѣдь это значитъ, что я моими парадоксами дѣйствительно на минуту успѣваю заставить васъ согласиться со мною, съ моими убѣжденіями!

— Да, на минуту, конечно, но послѣ...

— Но послѣ должна слѣдовать въ вашемъ мозгу борьба, потому что онъ не разстается въ минуту безъ всякой боли съ скопленнымъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ кладомъ убѣжденій. Во время этой внутренней борьбы вы должны обдумать всѣ мои возраженія, должны взвѣсить ихъ, согласиться съ ними или найти на нихъ отрицательный отвѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ вы должны, при первой новой встрѣчѣ со мною, начать споръ, чтобы защитить свои убѣжденія новыми доказательствами и, если возможно (да это всегда возможно!), заставить меня отречься отъ лжи и перейти на вашу сторону. Но этого ничего не бываетъ съ вами. Вы просто остаетесь при своихъ старыхъ убѣжденіяхъ, подкрѣпленныхъ тѣми же старыми доказательствами, которыя я разбилъ въ прахъ; вы не ищете средствъ доказать, что я совершилъ побѣду при помощи парадоксовъ... Ну, развѣ это любовь къ убѣжденіямъ, развѣ это не доказываетъ, что они не только не вошли въ вашу плоть и кровь, но даже

Digitized by Google

ниткой къ вамъ не привязаны, а сидятъ въ вашемъ мозгу какъ-то такъ, вотъ какъ птица, случайно залетѣвшая въ слуховое окно... Женитесь, господа, поскорѣй, вы созданы на племя!

— Началъ ругаться дѣдушка Никола!—смѣялись друзья Кольки.

Никто изъ нихъ не считалъ себя въ правѣ сердиться на него, потому что всѣ они были настолько благоразумны и понимали, какъ серьезно глядитъ онъ на все, какъ близко принимаетъ каждый вопросъ, и всѣ знали, что если рѣзкое слово часто произносилось имъ, то оно произносилось изъ любви къ дѣлу, отъ накипѣвшей желчи, а не изъ желанія нанести кому-нибудь личную обиду.

Въ домѣ на него смотрѣли какъ на важнаго барина, хотя онъ и избѣгалъ всячески этой роли и страшно тяготился ею, но Аграфена Степановна считала долгомъ доказать сыну именно такимъ образомъ, что она начала цѣнить его заслуги. Онъ бывалъ свободенъ только по праздникамъ и ночью по буднямъ. Въ теченіе дня онъ успѣвалъ побывать въ академіи, и въ публичной библіотекѣ, и на урокахъ. Онъ изъ своихъ денегъ одѣвался и платилъ за себя въ домѣ, иногда давалъ брату на экстренныя траты, въ родѣ покупки бѣлыхъ лайковыхъ перчатокъ для бала. Эта дѣятельность, умѣніе зашибать грошъ, даже нѣкоторая доля умѣнія выторговать у скупого редактора надбавку къ платѣ за статьи или лишній четвертакъ за уроки, примирили съ нимъ мать. Она, по ея собственному выраженію, во всю жизнь не покладавшая рукъ, оцѣнила, наконецъ, своего сына и часто говорила знакомымъ: «Вѣдь вотъ мой Николай Абрамовичъ— она постоянно такъ называла его за глаза — непокоренъ, ласки отъ него большой не увидишь, а не мотъ, не лѣнтяй и отцу съ матерью помощникъ». Конечно, въ этой своеобразной похвалѣ не слышалось горячей материнской любви; въ ней слышалось только признаніе въ человѣкѣ хорошихъ качествъ, но покуда было довольно и этого, тѣмъ болѣе для Кольки, котораго сотни людей считали холоднымъ человѣкомъ, которому ставили въ преступленіе его практичность, котораго не стыдились называть *промазомъ* даже очень развитые люди за то, что онъ не считалъ нужнымъ трудиться даромъ, за то, что онъ считалъ время—деньгами и презиралъ общество именно за отсутствіе этого сознанія, за готовность холопски услуживать, одолжать другихъ за милостивую улыбку. Странный взглядъ на Кольку, высказанный

Digitized by Google

его матерью, имѣли и многіе другіе. Кухарка немного насмѣшливо называла его «нашимъ принцемъ», но всѣ въ домѣ знали, что для него она обѣжитъ весь городъ ночью, потому что за каждую экстренную услугу онъ платилъ и деньгами, и благодарностью, потому что онъ никогда не сдѣлалъ ей ни одного выговора. Разныя чиновницы переставали передъ нимъ сплетничать вслухъ и начинали сплетничать шопотомъ, говоря: «Николай Абрамовичъ-то не любитъ нашихъ разговоровъ», и думая про себя: «точно прибить хочетъ, такъ смотритъ!» Но онѣ обращались всегда именно къ нему, если нужно было написать какую-нибудь просьбу или посовѣтоваться насчетъ дѣла, онѣ знали, что въ этихъ случаяхъ онъ смотритъ не звѣремъ. Юныя дочери чиновниковъ, юные чиновники и въ томъ числѣ Александръ Люшинъ, перешедшій изъ гимназіи въ департаментъ, называли его «выскочкой» и—ужъ это совсѣмъ пошло—«критикомъ» и охотно плясали по великимъ праздникамъ подъ его музыку. Старики, садясь играть въ карты, говорили какимъ-то не то насмѣшливымъ, не то извиняющимся тономъ: «Вы ученый, поди-ка смѣетесь надъ нами, что все въ картишки дуемся, а вѣдь, право, только за ними и отдохнешь!»—«Да что же вы именно передо мной оправдываетесь? Я и самъ иногда люблю поиграть въ карты!»—говорилъ Колька.

Въ кругу друзей, какъ я уже сказалъ, его звали черствымъ, сухимъ дѣльцомъ съ ограниченнымъ кругозоромъ и просили во всякомъ затруднительномъ случаѣ его совѣтовъ и, что всего удивительнѣе, слушались совѣтовъ недальновиднаго дѣльца. Кто же его любилъ простою и искреннею любовью, не стѣсняясь его превосходствомъ надъ собою? Всѣ до единаго мальчишки, жившіе съ нимъ въ одномъ домѣ, и тѣ, которые росли съ нимъ, и тѣ, которые родились при немъ, и которыхъ онъ училъ по праздникамъ грамотѣ. Не могу удержаться, чтобы не разсказать курьезнаго анекдота по этому случаю. У его учениковъ бывали часто очень сильно выпачканные грязью и снѣгомъ сапоги, и Аграфена Степановна начала не на шутку ворчать, сердясь, что даровые ученики Кольки пачкаютъ въ праздники ея полы. Колька нисколько не огорчился этимъ и приказалъ ученикамъ всегда снимать въ передней сапоги и проходить босикомъ въ нашу комнату, гдѣ они тотчасъ же и надѣвали свои, или, лучше сказать, отцовскіе сапоги; та же исторія происходила при уходѣ. Къ Колькѣ приходили его старин-

Digitized by Google

ные дворовые друзья, теперь взрослые парни, за медицинскими совѣтами, «за книжечкой почитать» (какъ выражались они), иногда попросить въ займы небольшую сумму денегъ. Многіе изъ нихъ говорили ему *ты*, и ни одному изъ нихъ не приходило въ голову стѣсняться передъ нимъ или говорить съ нимъ стоя, и ждать приглашенія сѣсть.

— По чемъ сукно-то покупалъ?—щупая рукавъ новаго пальто Кольки, говорилъ ему однажды при мнѣ одинъ изъ его дворовыхъ друзей, спускаясь съ нами по лѣстницѣ.

— По четыре съ полтиной.

— Важное пальто!—удивлялся дворовый другъ, оглядывая Кольку со всѣхъ сторонъ.—Поди-ка на свои деньги сшилъ, али отецъ подарилъ?

— Нѣтъ, на свои.

— Молодецъ ты, право! Вотъ меня отецъ не хотѣлъ учить, ну, и вышелъ халатникомъ-мастеровщиной,—сравнивалъ дворовый другъ свою судьбу съ судьбою Кольки: ему и въ голову не приходило различіе званій ихъ отцовъ.

— Э, братъ, будешь и ты въ тонкомъ сюртукѣ щеголять, только не лѣнись, да вина не пей. Скверно, братъ, въ твои лѣта вино пить,—серьезно произнесъ Колька.

Дворовый другъ вопросительно и недовѣрчиво взглянулъ на Кольку, точно желая прочесть на его лицѣ, спроста ли онъ это говоритъ, или что-нибудь такое особенное знаетъ.

— Ты не вѣрь, если тебѣ что говорили,—сконфуженно проговорилъ дворовый другъ.

— А что?

— Да что? На-дняхъ хмеленъ я былъ, можетъ, ты слышалъ, такъ вѣдь это я вотъ съ товарищами на именинахъ...

— А теперь, поди-ка, гроша за душой нѣтъ, да, я думаю, и отецъ-то тебѣ...

— Ужъ что тутъ говорить, лукавый попуталъ!

— А ты не позволяй ему тебя путать, такъ оно, право, будетъ лучше.

— Ты въ которую сторону?—спросилъ дворовый другъ, выходя изъ воротъ.

— Направо.

— Ну, а мнѣ налѣво. Прощай!

Два друга разошлись въ разныя стороны; одинъ, раздумывая о своемъ негодномъ поведеніи, несъ къ давальцу заказные сапоги, другой, грустно размышляя о судьбѣ народа, шелъ въ медико-хирургическую академію.

Смѣшнѣе и, если хотите, поэтичнѣе всего въ этихъ отно-

Digitized by Google

шеніяхъ было то, что дворовые друзья почему-то присвоили себѣ право гордиться Колькой.

— Вишь ты, Колька-то какой славный выросъ,—говорили они между собою, стоя у воротъ и указывая глазами на Кольку, идущаго по улицѣ.—Вмѣстѣ въ бабки играли!

— Поди-ка теперь носъ поднялъ?—съ любопытствомъ спрашивалъ собесѣдникъ изъ другого дома.

— Чего ему носъ-то поднимать? Мы, почитай, что роднѣе братьевъ, вмѣстѣ дрались, вмѣстѣ и мирились. Не разъ насъ тумаками другъ за друга кормили...

И, можетъ-быть, дѣйствительно, эта-то кулачная печать навсегда скрѣпила ихъ дружбу, оставила Кольку Колькою и не сдѣлала его Николаемъ Абрамовичемъ. Эти отношенія, несмотря на свою искренность и почти неизбѣжность при условіяхъ развитія Кольки, навлекали на него самыя сильныя обвиненія: про него говорили, что онъ «оригинальничаетъ», что это натянутыя отношенія, что онъ ими скорѣе роняетъ себя, чѣмъ возвышаетъ въ глазахъ *умныхъ* людей.

Вѣроятно, не менѣе, если и не такъ просто, наивно и безотчетно, любилъ Кольку и еще одинъ человѣкъ—это я. И такъ какъ Колька былъ моимъ истиннымъ воспитателемъ въ это время, то я и считаю нужнымъ говорить о немъ подробно. Его слова, его поступки были тою ученою книгою, которую я вытвердилъ наизусть для того, чтобы не забывать никогда, и ужъ вѣрно ни одна наука не принесла мнѣ столько пользы, какъ эта живая книга.

XIII.

Продолженіе предыдущей.

Я едва успѣвалъ перечитывать книги, приносимыя Колькой. Сначала для меня это чтеніе было истиннымъ наказаніемъ. То я встрѣчалъ сотни незнакомыхъ словъ, то не могъ понять мысли писателя по незнанію азбуки той или другой науки, то просто стѣснялся *слогомъ*, способомъ выраженія, серьезностью языка, къ которой не могли пріучить меня ни два-три прочитанные романа, ни разговоры о красотѣ гусарской формы и событіяхъ послѣдняго урока или прогулки по городскимъ улицамъ. Мнѣ, напримѣръ, очень хотѣлось прочесть нѣкоторыя сочиненія Фейербаха, о которыхъ я слышалъ много споровъ; но представьте мое положеніе, когда, прочитавъ нѣсколько страницъ, я ясно увидѣлъ, что я просто наслаждаюсь процессомъ чтенія, что моя мысль не можетъ летѣть за мыслью автора, не спотыкаясь, не запутываясь

Digitized by Google

въ лабиринтѣ его безчисленныхъ вводныхъ предложеній, поясняющихъ предшествующія или устанавливающихъ точку зрѣнія, съ которой смотритъ авторъ книги на предметъ въ данную минуту. Они, если можно сдѣлать такое сравненіе, какъ площадки на лѣстницѣ, болѣе всего бросались мнѣ въ глаза, и я останавливался именно на нихъ, не подозрѣвая, что они-то менѣе всего приближаютъ меня къ цѣли. Въ головѣ моей дѣлался такой хаосъ, какой сдѣлался бы въ головѣ каждаго человѣка, который вздумалъ бы, напримѣръ, прочитать въ какой-нибудь книгѣ только подстрочныя примѣчанія. Долго пришлось мнѣ биться съ первыми страницами книги, чтобы привыкнуть къ языку ея автора и понять, что эти вводныя предложенія необходимы, что безъ нихъ мысль писателя выразилась бы не точно, но что мысль читателя должна видѣть въ нихъ не болѣе, не менѣе того, что видитъ каждый музыкантъ въ движеніи дирижерскаго жезла. Много времени приходилось мнѣ иногда употреблять на то, чтобы *научиться читать* ту или другую книгу. Наконецъ, усилія увѣнчались успѣхомъ, при поступленіи въ университетъ мнѣ уже было не трудно слушать лекціи профессоровъ. Непріученный прошлою жизнью къ настоящей умственной дѣятельности, я еще продолжалъ охать и ахать въ душѣ о трудности моихъ занятій, когда Колька началъ подсмѣиваться надъ моей барской лѣнью и увѣрялъ меня, что я посвящаю большую часть дня лежанію на диванѣ и наблюденію за путешествующими по потолку мухами.

— Помилуй, Колька, я столько читаю!—попробовалъ я оправдаться однажды, когда нападеніе было почему-то особенно сильно.

— Вотъ нашелъ отговорку! Чтеніе удовольствіе такое же, какъ театръ, а не работа. И я читаю, и Аня читаетъ, и сотни студентовъ читаютъ, а между тѣмъ одни изъ нихъ книги переводятъ, другіе уроки даютъ дѣтямъ...

— Но мнѣ деньги не нужны, зачѣмъ же я стану тратить время на переводы или на уроки?..

— Ну, вотъ и пользовался бы случаемъ, училъ бы даромъ дѣтей. А то лежишь байбакомъ!

— Ну, ну, не ругайся. Дай мнѣ только немного времени осмотрѣться въ университетѣ, а тамъ я займусь съ дѣтьми.

На другой день послѣ этого разговора Колька потащилъ меня въ гости къ моимъ родственникамъ.

— А, какъ кстати вы пришли,—сказала мнѣ Аня, встрѣчая меня обычною веселою и ясною улыбкой

Digitized by Google

— А что такое? Развѣ у васъ есть до меня касающееся дѣло?—спросилъ я.

— Да. Меня просила одна бѣдная женщина, не могу ли я найти черезъ Тоню дешеваго учителя для ея сына, чтобы приготовить ребенка въ гимназію. Я ей сказала, что найду дарового. Вѣдь вы вѣрно не откажетесь?

— О! конечно, конечно!—поспѣшилъ я отвѣтить, радуясь въ душѣ, что могу исполнить *первую* просьбу Ани.—А мы только вчера еще толковали съ Колькой о томъ, что мнѣ надо приняться за уроки. Какъ это странно, что такъ скоро представился случай приняться за дѣло. Право, странно!—раздумывалъ я.

— Ха-ха-ха,—не могъ удержаться отъ смѣха Колька.

— Чему ты смѣешься?—спросилъ я.

Аня покачала ему головой.

— Такъ, голубчикъ!..

— Нѣтъ, пожалуйста, скажи.

— Голубчикъ,—смѣясь, произнесъ онъ:—вѣдь это я по желанію Ани служилъ застрѣльщикомъ и облегчалъ для нея атаку.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то нехорошо, въ головѣ промелькнула мысль, что они еще считаютъ меня хуже самихъ себя, что дѣйствительно я хуже ихъ, что мнѣ еще нужны толчки... Я поблѣднѣлъ и съ упрекомъ взглянулъ на Аню, точно хотѣлъ ей сказать: «и ты-то, Аня, сомнѣваешься во мнѣ!» Она во весь этотъ вечеръ говорила только со мною и была ласковѣе обыкновеннаго, но разговоръ какъ-то не клеился, мнѣ было не по-себѣ.

— Поль, вы не сердитесь на меня?—тихо спросила Аня при уходѣ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—вы оба были совершенно правы...

— Я, право, не думала васъ оскорбить; если-бъ я знала... Я клянусь вамъ, что другой разъ, если у меня будетъ до васъ просьба, я буду просить васъ самихъ.

Въ ея всегда веселомъ, звучащемъ смѣхомъ голоскѣ, послышались слезы.

Я пожалъ ея руку, мнѣ хотѣлось и плакать въ эту минуту, и смѣяться, и расцѣловать Аню. Это было наше первое признаніе въ любви.

Я началъ давать уроки.

Я и Колька были такъ сильно и искренно заняты дѣломъ, что не замѣчали перемѣны, которая замѣчалась другими во всемъ существѣ Абрама Семеновича. Съ каждымъ

Digitized by Google

днемъ онъ дѣлался все мрачнѣе и тревожнѣе, выдавалъ скупѣе деньги на домашніе расходы, чаще прежняго игралъ въ карты и просто бѣсился, если проигрывалъ, что бывало нерѣдко.

— Акимъ-то Акимычъ,—говорилъ онъ съ азартомъ за домашнимъ чаемъ:—опять выигралъ. Онъ, я думаю, всякую недѣлю въ ломбардъ деньги-то носитъ! А я-то, я-то, какъ курамъ на смѣхъ, каждый разъ проигрываю. Вѣдь вотъ и выигранный пятачокъ выпросилъ у Акима Акимыча, и въ зубахъ его держалъ во время игры, и нищимъ ни разу не подалъ изъ выигранныхъ денегъ, а нѣтъ, точно что заколодило.

— Охъ, Абраша, ужъ лучше бы ты не игралъ...

— Вотъ добру учишь, другіе игрой капиталы наживаютъ, а я не играй! Хороша жена, добрая совѣтница!

Аграфена Степановна попробовала пустить въ ходъ старое средство, которымъ она отучала Абрама Семеновича навремя отъ игры: она начинала при Абрамѣ Семеновичѣ жалѣть его при всѣхъ, кто хоть на минуту посѣщалъ ее.

— Бѣдный мой Абраша,—причитала она:—все проигрываетъ, ужъ такой, видно, онъ несчастный человѣкъ уродился, или это только временно полоса на него такая нашла. Другимъ счастье, другимъ радость, а ему, голубчику, нѣтъ, какъ нѣтъ! Хоть бы разочекъ выигралъ, хоть бы это его потѣшило, а то вѣдь смотрѣть на него жалко...

Эти причитанія въ былое время надоѣдали до того Абраму Семеновичу, что онъ переставалъ играть, только бы не слыхать ихъ, но теперь не помогали и они. Еще явилась одна особенность въ Абрамѣ Семеновичѣ, онъ началъ толковать объ иностранныхъ лотереяхъ, разспрашивалъ всѣхъ, можно ли навѣрное выиграть, взявъ на нихъ билетъ; вообще весь его разговоръ страннымъ образомъ вертѣлся на одномъ,—на желаніи вдругъ нажить значительную сумму денегъ. И иногда онъ погружался въ такія мечты объ этомъ, что въ немъ трудно было узнать того сухого практика, какимъ всѣ привыкли его видѣть. Его узкій умъ опять былъ чѣмъ-то сбитъ съ толку и путался, чтобы найти исходъ изъ какого-то невѣдомаго труднаго положенія.

— Здоровъ ли ты, Абраша?—тревожилась Аграфена Степановна, глядя, какъ онъ задумчиво ходитъ изъ угла въ уголъ и разсуждаетъ съ самимъ собою.

— Здоровъ!—отрывисто отвѣчаетъ онъ, сердясь, что жена путаетъ его въ его размышленіяхъ.

Digitized by Google

— Ой, скрываешь ты отъ меня!—говорила она.—Ужъ что-то больно хмурымъ ты ходишь.

— Что же, матушка, пѣсни мнѣ пѣть, что ли?

— Не пѣсни, Абраша... Ты и прежде пѣсенъ не пѣлъ... Ну, такъ теперь и подавно не стану пѣть!

Аграфена Степановна умолкала, встрѣчая сердитый взглядъ мужа, и тихо качала головой. Однажды, это было весной въ концѣ перваго года моего пребыванія въ университетѣ, мы съ Колькой полулежали въ своей комнатѣ, и читали и не читали, какъ это часто бываетъ, когда человѣкъ находится въ счастливомъ настроеніи духа и даетъ себѣ позволеніе полѣниться послѣ трудовъ. У насъ удачно прошли экзамены, мы были покойны и веселы и задумывали прокатиться или, лучше сказать, проходиться лѣтомъ по Финляндіи. Отложивъ книгу, мы стали толковать о предполагаемомъ путешествіи и разсчитывали, сколько надо отложить на это денегъ.

— Николай, мнѣ надо съ тобой поговорить,—вдругъ совершенно неожиданно раздался голосъ Абрама Семеновича.

Мы взглянули на дверь и увидали просунувшееся къ намъ въ комнату озабоченное и болѣе обыкновеннаго желтое лицо Люлюшина.

Колька всталъ и пошелъ въ другую комнату. Черезъ полчаса онъ воротился назадъ блѣдный и взволнованный.

— Что съ тобой?—спросилъ я.

— Отца завтра арестуютъ,—отвѣтилъ онъ.

— За что?—съ изумленіемъ воскликнулъ я.

— Воровали во время войны!..

Онъ сѣлъ къ столу и сжалъ голову обѣими руками. Я тихо вышелъ въ другую комнату. Въ спальнѣ раздавались всхлипыванья и отрывчатыя восклицанія Аграфены Степановны, собиравшей торопливо серебро и золотыя вещицы и завязывавшей все это въ узелки... Черезъ часъ Колька вышелъ въ общія комнаты; онъ былъ спокоенъ, распоряжался, уговаривалъ мать не прятать вещей, не плакать, надѣяться на него.

— Ну, если силъ не хватитъ,—говорилъ онъ:—то брошу академію, поступлю на службу въ департаментъ, у меня будетъ больше свободнаго времени на уроки...

— Голубчикъ, да вѣдь тебѣ только годъ до выпуска остается!—говорила, плача, Аграфена Степановна.

— Ну, такъ что же, не голодать же вамъ изъ-за меня

Digitized by Google

на старости! Впрочемъ, что я говорю! Все устроится хорошо, на первый случай у меня найдутся деньги, а тамъ всѣ работать будемъ прилежнѣе, баклушъ не будемъ бить, я и Сашку за работу присажу. Ну, полноте же, мама, плакать, не деньги насъ нажили, а мы ихъ!—необычайно ласковымъ голосомъ проговорилъ онъ и первый разъ въ теченіе многихъ лѣтъ поцѣловалъ руку матери. Аграфена Степановна совсѣмъ растерялась въ это мгновеніе отъ неожиданной ласки сына, она зарыдала еще сильнѣе и, взявъ обѣими руками голову сына, цѣловала его и въ лобъ, и въ глаза, и въ губы.

— Голубчикъ ты мой!—вырывалось по временамъ у нея восклицаніе.

Какъ-то особенно мирно и хорошо прошелъ этотъ вечеръ наканунѣ страшнаго несчастья, всѣ точно не боялись этого несчастья, точно оно принесло какую-то особенную благодать въ домъ, какъ очищающая воздухъ гроза. И точно, это была очищающую гроза: она должна была истребить нечестно нажитыя воровскія деньги и сплотить семью въ одно цѣлое, показать, что было человѣческаго въ сердцахъ этихъ людей, освободить это человѣческое отъ грязи, скопившейся въ теченіе многихъ лѣтъ подъ гнетомъ нужды, тяжкихъ испытаній и глупыхъ предразсудковъ. На другой день имущество Люлюшиныхъ было описано и взято въ казну, оставлены только вещи первой необходимости, въ число которыхъ, напримѣръ, не вошелъ теплый салопъ, потому что дѣло было весною. Начались допросы, не спрятали ли чего-нибудь. Одинъ изъ закадычныхъ друзей и кумовьевъ Люлюшиныхъ, созданіе съ подлѣйшимъ выраженіемъ трусости въ холопски-заискивающемъ и улыбающемся во весь ротъ лицѣ, тоненькимъ дискантикомъ папскаго пѣвчаго объявилъ присутствующимъ:

— Я видѣлъ на Аграфенѣ Степановнѣ въ тотъ день, когда онѣ крестили мою Глашу, часы съ амалью и цѣпочку съ такою же брошкою, ихъ-съ въ описи не значится.

— Ахъ, батюшка,—попробовала солгать Аграфена Степановна:—да развѣ все, что мы надѣваемъ, принадлежитъ намъ? Иногда и занимаешь вещи.

— Нѣтъ-съ, кумушка, я у васъ тогда освѣдомлялся, что вы изволили заплатить за эти вещи и гдѣ купили ихъ. Вы это изволили запамятовать-съ.

— Тьфу! безстыжіе твои глаза!—не могла утерпѣть Аграфена Степановна.—Не я ли твою Глашку поганую...

Digitized by Google

— Маменька!—произнесъ Колька, измѣняясь въ лицѣ.

— Извини, голубчикъ, не могла удержаться. Вѣдь отецъ мнѣ эти часы подарилъ за то, что я Сашку родила!—грустно произнесла Люлюшина.

— Да мнѣ кажется, что и капиталъ, показанный Абрамомъ Семенычемъ, далеко не точенъ,—вмѣшался другой изъ искреннихъ друзей дома.

Колька вопросительно взглянулъ на мать. Она поняла этотъ взглядъ и, кажется, испугалась измученнаго выраженія сыновняго лица, блѣднаго, какъ полотно.

— Все, все, голубчикъ, все до копеечки показали!—воскликнула она.—Христомъ-Богомъ божусь тебѣ, что все!

Колька совершенно хладнокровно обратился къ допросчикамъ:

— Если вы вѣрите этому господину и сомнѣваетесь въ правдѣ нашихъ показаній, то вы можете, по закону, привести насъ къ присягѣ, чѣмъ продолжать унижать этихъ достойныхъ господъ, заставляя ихъ играть гнусную роль подлыхъ доносчиковъ.

Вечеромъ онъ безмолвно легъ въ постель и уткнулся въ подушку лицомъ, на другое утро онъ былъ попрежнему спокоенъ, но лицо измѣнилось такъ, что можно было думать, что онъ пролежалъ съ мѣсяцъ въ тяжелой болѣзни.

— Пожалуйста, голубчикъ,—сказалъ онъ мнѣ:—постарайся намекнуть у Шуповыхъ, чтобы они не обращали вниманія на мое лицо и вообще не говорили бы объ этомъ дѣлѣ.

— Они, я думаю, и безъ того будутъ такъ деликатны...

— Нѣтъ, Александра Ивановна считаетъ меня за родного и, вѣрно, вздумаетъ утѣшать... Ну, а съ меня довольно и того, что я пережилъ этотъ день, воспоминанія совсѣмъ не нужны...

Вотъ единственныя слова, которыя дали мнѣ понять, что творилось въ его душѣ въ это время.

Люлюшинъ уже сидѣлъ въ это время въ ордонансъ-гаузѣ. Его дѣло было скверное; продѣлки, за которыя онъ попался, были совершены не имъ, но онъ зналъ о нихъ и изъ своихъ личныхъ видовъ допускалъ ихъ совершать, побираясь мелкими крошками, падавшими съ большого стола великихъ плутней. Клубокъ этихъ плутней былъ очень искусно запутанъ, до конца добраться было очень трудно, въ сѣти попадались и большіе жуки, и мелкія мошки, въ родѣ Люлюшина, и лѣнтяи, и воры, а болѣе всего оказались винов-

Digitized by Google

ными на допросахъ неодушевленные предметы, въ родѣ волею Божіею сгорѣвшихъ сараевъ съ запасами, въ родѣ испорченныхъ дорогъ, не допускавшихъ доѣхать во-время до мѣста назначенія, наконецъ, въ родѣ расходящагося льда на рѣкахъ, останавливающаго, губящаго и уничтожающаго безслѣдно и товары, и путешественниковъ, и дѣловыя бумаги.

Поступая въ университетъ, я уже былъ достаточно подготовленъ къ желанію вести дѣятельную жизнь. Университетская жизнь того времени должна была непремѣнно поглотить меня вполнѣ сходками, толками о студентской кассѣ, о концертахъ и литературныхъ вечерахъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ, о сборникѣ, о литографированіи лекцій и т. д. Но на второй годъ я увидалъ, что мнѣ нельзя дѣятельно и слѣдить за сходками, и давать уроки, которыхъ было все больше и больше при помощи Ани, рекомендовавшей мнѣ то того, то другого бѣднаго ученика. Я рѣшился пожертвовать первымъ и занялся уроками, изъ которыхъ одни давались даромъ, за другіе приходилось брать небольшую плату, чтобы не стѣснять родителей учениковъ. Я былъ очень доволенъ и, разумѣется, гордился въ глубинѣ души своею дѣятельностью, хотя не сознавался въ этой гордости даже передъ самимъ собою и старался увѣрить себя, что я дѣлаю хорошее дѣло, не считая это за заслугу, что я дѣлаю это потому, что это долгъ; потому что я созналъ вполнѣ и сроднился съ этимъ убѣжденіемъ. Вообще, это была очень обыкновенная игра въ прятки человѣка со своею собственною совѣстью... Но, мало-помалу, моя гордость исчезла, когда я увидалъ, что всѣ окружающіе меня, начиная съ Ани, работаютъ еще прилежнѣе меня, одинъ изъ-за денегъ, другой даромъ, одинъ давая уроки, другой переводя книги, третій составляя лекціи для литографированія; когда я увидалъ бѣдняка, прошедшаго пѣшкомъ въ одномъ сюртукѣ пятьсотъ верстъ для того, чтобы попасть въ университетъ, когда я узналъ, что у него нѣтъ ни гроша денегъ и что онъ долженъ трудиться тотчасъ по прибытіи въ городъ, тогда я понялъ, что мой трудъ—забава. Въ массѣ-то было попрежнему не мало лѣнтяевъ и хлыщей въ бѣлыхъ жилеткахъ, рыскавшихъ по кондитерскимъ, развратничавшихъ и державшихъ у себя на хлѣбахъ дрянныхъ холоповъ-бѣдняковъ, соглашавшихся работать за своихъ патроновъ-благодѣтелей и приходить ранехонько въ университетъ, чтобы разложить на первой ска-

Digitized by Google

мейкѣ бумажечки съ надписанными на нихъ фамиліями патроновъ, такъ что послѣдніе могли спать вплоть до начала лекціи и все-таки имѣли первыя мѣста въ аудиторіи. Нѣкоторые изъ этихъ холоповъ-прихлебателей даже успѣли опериться, сшили на барскія деньги сюртуки изъ тонкаго сукна, поддакивая во всемъ своимъ патронамъ, попали въ партію бѣложилетниковъ и стали впереди честныхъ юношей, какъ становится впереди бѣднаго ремесленника важный и откормленный, какъ индюкъ, камердинеръ... Но гдѣ же безъ печальныхъ исключеній? И можно ли требовать, чтобы вся предыдущая жизнь нашего общества дала только хорошіе плоды? Не правильнѣе ли просто удивляться, что она еще успѣла дать нѣсколько хорошихъ плодовъ, что не все сгнило?.. Итакъ, общее настроеніе, какъ я уже сказалъ, было хорошо и выражалось простыми словами: стремленіе къ дѣлу и труду.

Но какъ ни сильно поглощала меня дѣятельность, однако, я не забывалъ ни разу спросить, возвращаясь домой: нѣтъ ли ко мнѣ письма? Я радовался, какъ ребенокъ, если получалъ утвердительный отвѣтъ. Это были коротенькія записочки, иногда въ нихъ писалось просто: «приходите, Поль, сегодня вечеромъ къ намъ, надо статью Добролюбова прочитать. Ваша Аня». Иногда въ этихъ записочкахъ горячо и рѣзко выговаривали мнѣ за какую-нибудь необдуманную фразу, сказанную наканунѣ. Но каково бы ни было содержаніе этихъ записочекъ, я ожидалъ ихъ, на меня производило какое-то удивительное впечатлѣніе это стереотипное простое окончаніе: «Ваша Аня...» Мнѣ хотѣлось иногда и пѣть, и танцовать, и расцѣловать кого-нибудь, и часто, не удерживая своего восторга, я встрѣчалъ Кольку съ распростертыми объятіями.

— Что, голубчикъ, вѣрно Аня письмо хорошее прислала?— спрашивалъ онъ, улыбаясь.

Я краснѣлъ и смѣялся.

— Право, мнѣ иногда завидно смотрѣть на тебя,—сказалъ онъ мнѣ однажды, ложась отдохнуть на постель, куда присѣлъ и я. Онъ былъ, по обыкновенію, крайне утомленъ трудами дня, раздраженъ разными непріятностями на урокахъ, на лекціяхъ.—Передъ тобою,—продолжалъ онъ:—и возможность широкой дѣятельности и личное счастье, все, что можетъ желать человѣкъ, а передо мною ничего!

— Но, Колька, вѣдь и ты будешь дѣятелемъ...

— Дѣятелемъ!—воскликнулъ онъ, поднимаясь на локтѣ.—

Digitized by Google

Изъ-за куска насущнаго хлѣба уроки даю, статьи компилирую, остерегаюсь сказать лишнее слово, чтобы не потерять уроковъ, чтобы изъ редакціи вонъ не выгнали, молчу, когда подлецъ-редакторъ вычеркиваетъ мои мысли, не подходящія подъ его грошовый либерализмъ, и все потому, что... Ну, потому, что я не хочу быть подлецомъ въ отношеніи къ матери! Нѣтъ, братъ, не дѣятель я!—опускаясь на подушку, горько кончилъ онъ.—Можетъ-быть, двѣ-три изъ моихъ мыслей западутъ въ головы моихъ учениковъ, да и то едва ли, вѣдь я не могу прослѣдить за дѣтьми до конца ихъ развитія, разстаюсь съ ними, приготовивъ ихъ въ учебныя богадѣльни, за дальнѣйшія мои хожденія къ нимъ мнѣ платить не станутъ, ну, а даромъ мнѣ ходить некогда! Мнѣ копейку зашибить надо, недаромъ меня пролазомъ зовутъ!

Тутъ было нечего отвѣчать.

— Ну, пусть бы и было такъ,—продолжалъ онъ, минуту спустя. — Такъ хоть бы личное-то счастье было возможно, а то и оно невозможно. О женитьбѣ и думать не смѣй. Вѣдь это глупости, что горе и нужду вдвоемъ легче сносить! Да если бы и такъ, то какое право я имѣю жениться, не имѣя средствъ воспитать дѣтей? Какое право я имѣю обрекать ихъ на горе, на нищету, на невѣжество, на нравственную гибель, быть палачомъ собственныхъ дѣтей? Вѣдь это не жизнь, а каторга! А гдѣ выходъ? Вотъ Сашка, такъ тотъ вѣрно женится, и его не обвиню даже я.

Колька говорилъ въ эти минуты такимъ тономъ, какъ будто онъ упрекалъ меня за свою судьбу, но и я, и всѣ его знакомые давно привыкли къ этому тону и знали, на что и на кого онъ негодуетъ.

— А знаешь ли, Колька, мнѣ часто казалось, что ты любишь Аню,—сказалъ я.

— Аню? Нѣтъ, голубчикъ, я ея не люблю, то-есть не люблю такъ, какъ я понимаю любовь; если бы я ее любилъ, то пересталъ бы ходить къ нимъ. Аня—чудесное дитя; въ самыя тяжелыя минуты, слыша ея смѣхъ, я улыбаюсь и на половину забываю горе, но она горя не видала, она была слишкомъ счастлива, ея лицо весело и ясно, какъ лучшій майскій день...

— Но, Колька, это-то и хорошо, если молодое лицо ясно и весело.

— Нѣтъ, душа моя, ты меня не понялъ. Я люблю молодыя, веселыя и ясныя лица, я имъ завидую, но въ нихъ

Digitized by Google

нѣтъ еще ручательства за то, что они не погибнутъ подъ первою грозой. Я хотѣлъ бы любить женщину, которая страдала и уцѣлѣла подъ бурей... На такой я, пожалуй, и женился бы: вдвоемъ мы успѣли бы завоевать счастье дѣтямъ...

Колька тихо уснулъ черезъ нѣсколько минутъ. Я долго глядѣлъ на его лицо, оно было прекрасно, но худо, блѣдно, изнурено; взглянувъ на него, легко было понять, что судьба проѣхала всѣми колесами своей тяжелой колесницы по существу этого юноши, и онъ уцѣлѣлъ только чудомъ, только при помощи того могучаго разума, который одинъ можетъ укрѣпить насъ въ минуты горя и ставить насъ выше проходящихъ невзгодъ. Долго любовался я чертами этого лица съ широкимъ лбомъ и насмѣшливо улыбавшимися даже во снѣ губами, точно вызывавшими на бой и судьбу, и людей... въ этой усмѣшкѣ была сила. Легкій стукъ въ двери вывелъ меня изъ раздумья.

— Войдите!—сказалъ я.

Въ комнату вошла Аграфена Степановна и, увидавъ, что Колька уснулъ, на цыпочкахъ подошла ко мнѣ.

— Чай поданъ,—шопотомъ произнесла она.—Жаль мнѣ его будить-то, моего голубчика, умаялся онъ, сердечный, а ночью-то, я думаю, опять писать будетъ. Хоть бы Богъ меня прибралъ поскорѣе, такъ полегчало бы ему.

— Что вы, что вы!—воскликнулъ я, испуганный глубокоискреннимъ и трогающимъ за сердце голосомъ матери.

— Колинька,—произнесла она, дотрагиваясь до его плеча.

— А!—вздрогнувъ, проснулся онъ.

— Чай поданъ!

— Иду!

Мы пошли пить чай.

— Не утомляй ты себя, голубчикъ, такъ сильно,—говорила она за часомъ. — Ужъ лучше я хлѣбъ съ водой буду ѣсть, чѣмъ твою жизнь,—заключила она фразой, найденной въ глубинѣ материнскаго сердца.

— Полноте, маменька! Кто вамъ сказалъ, что я себя утомляю для васъ? — весело и бодро сказалъ онъ. — Это я похудѣлъ, потому что послѣдніе экзамены близко, такъ дѣла много, а вотъ дождемся лѣта, такъ я буду толще, чѣмъ вы прежде были. А вы-то зачѣмъ худѣете?

— Ужъ вѣрно тоже послѣдніе экзамены держу!—сказала, улыбнувшись грустною улыбкою, Аграфена Степановна.

Она была неузнаваема. Рѣзкія манеры, громкій голосъ,

Digitized by Google

толщину, вселяющую уваженіе фигуру — все унесъ одинъ памятный день, и за все унесенное онъ напомнилъ ей, что она мать, и далъ ей чуднаго сына.

XIV.

Совершеннолѣтіе.

Прошелъ второй годъ моей университетской жизни. Колька удачно сдалъ послѣдніе экзамены и остался при академіи. Мнѣ долженъ былъ минуть въ это лѣто 21 годъ. Семейство Антона жило на дачѣ. Я и Колька постоянно ѣздили къ нимъ по праздникамъ, иногда на два, на три дня. Колька то уходилъ на охоту, то вмѣстѣ съ Антономъ удилъ рыбу, я проводилъ бо́льшую часть времени съ Аней и Александрой Ивановной. Наканунѣ дня моего рожденія мы отправились на дачу. Аня какъ-то особенно обрадовалась намъ въ этотъ вечеръ. Одѣтая въ бѣлое легкое платье, съ гладко причесанными, по обыкновенію, волосами, она напоминала тотъ день, когда послѣ долгой болѣзни къ намъ пришелъ Семенъ Ивановичъ. Мое лицо горѣло. Послѣ чаю я и Аня вздумали идти гулять. Мы шли съ нею молча, о чемъ мы думали — не знаю, но намъ было почему-то неловко: и говорить хотѣлось, и не знали мы, какъ говорить. Мы сѣли. Я первый прервалъ молчаніе.

— Аня!

— Что?

— Скажите мнѣ откровенно: любите ли вы меня?

— Милый мой, зачѣмъ ты это спрашиваешь?

Я уже отыскалъ руку Ани и покрывалъ ее поцѣлуями; съ минуту Аня находилась въ какомъ-то забытьѣ, не трогаясь съ мѣста, и только потомъ я почувствовалъ, что ея губы прильнули къ моему лбу. Но о чемъ же она плакала? Отчего у меня лились слезы? Потомъ мы опять молча ходили по саду, только теперь рука Ани покоилась на моей рукѣ, и намъ было такъ хорошо, что разговоры были бы излишни... Такъ молча несетъ человѣкъ сосудъ съ дорогимъ виномъ, боясь разсѣяться и пролить каплю дорогого напитка; такъ молча наслаждается онъ созерцаніемъ чудной картины природы, внезапно открывшейся передъ его глазами, и когда онъ заговоритъ, то это значитъ, что минута самаго сильнаго восторга, захватывающаго духъ, прошла...

Я легъ спать, но уснуть не могъ, у меня явилось желаніе говорить, потребность передать свое счастье постороннему человѣку. Я сѣлъ на кровать къ Колькѣ и разсказалъ

Digitized by Google

ему... Что разсказалъ? Что люблю Аню? Что она любитъ меня? что я женюсь на ней по выходѣ изъ университета? Но это все было давно извѣстно ему, и все-таки я ухитрился протолковать обо всемъ этомъ до трехъ часовъ утра!..

— Какъ я радъ, что ему только разъ въ жизни исполнится двадцать одинъ годъ! — сказалъ Колька на другой день, сидя за чайнымъ столомъ.

— А что?—спросила Александра Ивановна.

— Да то, что по этому торжественному случаю онъ промучилъ меня до трехъ часовъ своею болтовнею.

Я опустилъ глаза, Аня покраснѣла и очень прилежно начала крошить въ чашку крендель.

— Вотъ это мило! о чемъ же вы разсуждали? Это любопытно узнать,—сказала Александра Ивановна.

— Ужъ, право, и не припомню; кажется, онъ торговался и уславливался со мною насчетъ цѣны за уроки...

— За какіе уроки?

— Которые я буду давать его дѣтямъ, когда онъ *вырастетъ* большой и женится.

Я, а за мною всѣ собесѣдники, начали смѣяться.

— Аня, ты это для кого кренделей въ чашку накрошила?—спросилъ старикъ, дядя Александры Ивановны, заглядывая въ чашку Ани.

— Для себя,—отвѣчала Аня, краснѣя.

— Помилуй, матушка, да развѣ у тебя зубовъ нѣтъ?..

— Нѣтъ, я такъ очень люблю...

— Вотъ удивительно-то! Я тебя съ пеленокъ знаю, а никогда не замѣчалъ, чтобы ты дѣлала подобную кашу, да еще и любила ее. Ужъ и тебѣ не минулъ ли сегодня двадцать первый годъ?..

Все послѣдующее время было смѣсь серьезныхъ думъ и ребяческихъ поступковъ, надеждъ на будущее и минутныхъ опасеній за это будущее. Мнѣ вдругъ сдѣлалась удивительно дорога моя жизнь, я не на шутку боялся легкаго кашля и незначительной головной боли, и очень часто пробовалъ вздохнуть полнымъ вздохомъ, чтобы удостовѣриться, что у меня здорова грудь, что послѣ вздоха нигдѣ не колетъ. Уѣзжая на недѣлю въ Финляндію, я очень серьезно собралъ всѣ записки Ани и запечаталъ ихъ въ пакетъ, на которомъ подписалъ:

«Передать, въ случаѣ моей смерти,
Аннѣ Николаевнѣ
Рёдеръ».

Digitized by Google

— Ты это почему умирать вздумалъ? — спросилъ меня Колька, взглянувъ черезъ мое плечо на надпись.

— Не вздумалъ, а вѣдь можетъ же случиться такое несчастье,—сказалъ я, дѣлая прилично случаю плачевное лицо.

— Ну, а насчетъ поминокъ и сорокоуста распорядился?

— Ты шутишь, а между тѣмъ у меня есть теперь священная обязанность заботиться, чтобы Аня не была компрометирована.

— Разумѣется, мой другъ, теперь у тебя должно быть множество заботъ...

Мы взглянули другъ на друга и засмѣялись.

Въ эти же дни у меня пропалъ галстукъ на дачѣ у моихъ родственниковъ; я, конечно, не очень заботился объ этомъ шелковомъ лоскуткѣ, но меня чрезвычайно поразило, когда, возвратившись изъ поѣздки, я увидѣлъ мой шарфъ на шеѣ у Ани, торопившейся при моемъ появленіи спрятать его въ карманъ.

— Какъ онъ къ тебѣ попалъ?—спросилъ я.

Аня вся покраснѣла и чуть не заплакала, находясь въ необходимости признаться.

Въ это же время меня начала серьезно безпокоить мысль о деревнѣ, оставленной матерью въ наслѣдство сестрѣ и мнѣ. Я зналъ, что наши крестьяне находятся въ сквернѣйшемъ положеніи, краснѣлъ, читая разныя обличительныя статьи и повѣсти изъ крестьянскаго быта, точно онѣ были направлены противъ нашей семьи, еще болѣе краснѣлъ, слушая разговоры въ обществѣ о крестьянскомъ вопросѣ, и чувствовалъ въ то же время, что я не сумѣю помочь этимъ людямъ, что меня легко обмануть первому краснобаю-старостѣ или приказчику, что, наконецъ, я буду просто смѣшонъ въ роли благодѣтельнаго помѣщика, не знающаго, что̀ такое плугъ, что̀ соха, сколько нужно имѣть земли крестьянину, чтобы не умереть съ голода, и что называется въ той или другой губерніи хорошимъ или дурнымъ урожаемъ, почемъ продаются жизненные припасы въ той или другой мѣстности, какъ они продаются и тому подобное... Однимъ словомъ, я не зналъ ничего, что нужно знать помѣщику. Ни школа, ни университетъ, ни петербургская жизнь со всѣмъ своимъ дѣловымъ и озабоченнымъ видомъ не дали мнѣ никакихъ практическихъ совѣтовъ, никакихъ необходимыхъ свѣдѣній о крестьянскомъ бытѣ, о его нуждахъ и о возможности порядочно устроить дѣла деревни; все, чему нашли нужнымъ научить меня,—это были десятка полтора

Digitized by Google

русскихъ пѣсенъ, составлявшихъ одинъ изъ билетовъ — таково техническое выраженіе — исторіи русской словесности. Но неужели болѣе ничего не долженъ знать юноша изъ быта своего народа, или этотъ народъ ничѣмъ не замѣчателенъ, ничѣмъ не занятъ кромѣ пѣсенъ?.. Серьезныя статьи по крестьянскому вопросу, которыя я успѣлъ прочесть, вполнѣ ознакомили меня съ бытомъ народа на Западѣ, показали, что ихъ авторы очень прилежно читали иностранныя сочиненія по этому вопросу, но чего мнѣ нужно было, того я не нашелъ въ этихъ статьяхъ. Онѣ были писаны не для юношей, не получившихъ элементарныхъ понятій въ этомъ дѣлѣ, а для людей, знакомыхъ практически съ дѣломъ и могущихъ вывести заключенія, сравнивая бытъ другихъ народовъ съ бытомъ нашего; такіе подготовленные люди могли иногда читать и между строками мысли писателей, для такихъ людей были понятны и простыя статистическія цифры, а для меня все это совершенно было не понятно. Одно время я рѣшился прибѣгнуть къ наивному средству, надъ которымъ послѣ смѣялся отъ всей души: я вздумалъ читать русскія повѣсти, написанныя съ цѣлью познакомить публику съ народомъ и его бытомъ. Но все ихъ достоинство ограничивалось десятками странныхъ, подслушанныхъ и нанизанныхъ въ одну фразу словъ, употребляемыхъ мужиками на базарахъ. Прочитавъ нѣсколько такихъ повѣстей, я вполнѣ согласился съ Колькой, который называлъ повѣсти изъ народнаго быта «діалогами, служащими пособіемъ для желающихъ дурно сыграть въ балаганѣ роль мужика». Съ грустью и досадой убѣдившись, что я довольно знакомъ съ жизнью Манчестера и не знаю ничего изъ жизни родной Шуповки, я рѣшился въ перепискѣ съ зятемъ и сестрою объяснить имъ свои мысли о томъ, что съ нашей стороны просто подлость медлить и оставлять дѣла въ прежнемъ положеніи, что не худо было бы, если бы и зять, и сестра пріѣхали на будущее лѣто къ отцу, куда обѣщался пріѣхать и я.

Въ началѣ іюня 1860 года я былъ уже въ деревнѣ отца. Онъ принялъ меня, по обыкновенію, безъ особенной радости, спокойно, холодно, какъ будто мы разстались вчера вечеромъ въ ту минуту, когда разошлись по спальнямъ. Мнѣ было не по-себѣ отъ этого разсудительнаго пріема, безъ нѣжностей, безъ маленькой экзальтаціи, бывающей при горячихъ родственныхъ встрѣчахъ; по правдѣ сказать, я и не долженъ былъ ожидать другого пріема, но извѣстно,

Digitized by Google

какъ много надеждъ на внезапныя перемѣны къ лучшему, на теплоту людской души, на торжество любви надъ непріязнью хранится въ молодой душѣ, какъ долго вѣритъ молодость въ исполненіе этихъ чистыхъ, еще не убитыхъ долгимъ опытомъ надеждъ. «Нѣтъ,—думаетъ она, глядя на суровое лицо:—этотъ человѣкъ еще полюбитъ, и за что ему меня ненавидѣть? Онъ суровъ потому, что у него горе на душѣ, но я ему скажу свое привѣтливое слово, и онъ преклонитъ ко мнѣ свою скорбную голову. Я буду его утѣшительницею». И какъ же не думать ей этого? Какъ не надѣяться на это, когда она готова обнять весь міръ, обрадованная первымъ отвѣтомъ такой же молодой души на ея страстный призывъ, когда она вся сверкаетъ и блещетъ, какъ ясный весенній день, и счастьемъ, и любовью, и благодушіемъ... Но горе тѣмъ, кто и въ эти минуты отталкиваетъ отъ себя протянувшую объятія юность!

За вечернимъ чаемъ отецъ объявилъ мнѣ, глядя на меня испытующимъ взглядомъ:

— Ты знаешь, что твоя сестра ѣдетъ сюда?

Я не счелъ нужнымъ скрывать сущность дѣла и отвѣтилъ:

— Знаю, и просилъ ее пріѣхать сюда.

— А-а!

— Ахъ, она и ребятъ, вѣрно, привезетъ съ собою,—простонала мачеха, закутанная и завязанная въ разные платки, какъ ненужный хламъ, приготовленный въ продажу маклаку.— Я не выношу дѣтскаго крика.

— Ея дѣти не такъ малы и, вѣроятно, не будутъ возиться около васъ,—сказалъ я.

Отецъ прищурилъ глаза и взглянулъ на меня какъ-то странно. Прошло нѣсколько минутъ молчанія; наконецъ, отецъ прервалъ его и началъ спрашивать меня, какъ и что я намѣренъ дѣлать относительно деревни. Я высказалъ откровенно свое мнѣніе о томъ, что надо облегчить судьбу нашихъ крестьянъ, что мнѣ довольно тѣхъ денегъ, которыя, по его словамъ, положены въ опекунскій совѣтъ на мое имя и которыя достанутся мнѣ отъ продажи лишняго лѣса. Отецъ презрительно улыбнулся.

— Благодѣтелемъ хочешь быть!

— Не благодѣтелемъ, а просто хочу исполнить свою обязанность и перестать краснѣть передъ людьми.

— Какіе они всѣ совѣстливые нынче, — простоналъ ненужный хламъ, завязанный въ платки.

Digitized by Google

— Ты научился бы прежде говорить съ ними, а то они тебя осмѣютъ, когда ты начнешь разсуждать съ ними о дѣлѣ, — сказалъ отецъ, посмѣиваясь, какъ смѣются надъ дѣтьми, играющими роль большихъ.

— Кто же виноватъ, что я не умѣю говорить съ ними?— воскликнулъ я, чувствуя, что кровь бросилась мнѣ въ лицо.— Неужели ты, отецъ, не знаешь, что дѣти родятся, совсѣмъ не умѣя говорить, и что отъ родителей зависитъ, на какомъ языкѣ и нарѣчіи, и какъ будетъ говорить ребенокъ?

— Великая истина!—сострадательно улыбаясь, произнесъ отецъ, начиная прилежно чистить ногти.—Васъ подобнымъ мудростямъ въ университетѣ учатъ, или ты самъ сдѣлалъ это открытіе?

— Ну, мнѣ кажется, онъ-то ничего не откроетъ,—съ величайшимъ трудомъ проговорила мачеха, точно она придумывала, изъ какихъ буквъ состоитъ каждое слово сказанной фразы.

— Я думаю, ты самъ знаешь эту истину не хуже меня,— отвѣчалъ я, не обращая вниманія на мачеху, напрасно трудившуюся надъ составленіемъ своей фразы.—Потому-то меня и удивляетъ твой упрекъ, что ты знаешь эту истину.

— Помилуй, я и не подозрѣвалъ ея до настоящей минуты!

— Тѣмъ хуже! но я еще разъ повторяю, что отъ тебя зависѣло не только научить меня говорить съ мужиками, не вызывая ихъ смѣха, но даже научить говорить съ самимъ тобою, не вызывая съ твоей стороны этого обиднаго тона, этихъ...

— О?!—искусственно удивился отецъ.

— Да, обиднаго тона и этихъ насмѣшливыхъ восклицаній! Вообще, отецъ, будемъ говорить о дѣлѣ и постараемся не раздражать другъ друга. Во мнѣ множество ошибокъ...

— Какая умилительная скромность...

— Да, множество ошибокъ; мой характеръ испорченъ и отвратительно гадокъ; я строптивъ, грубъ, дерзокъ и въ то же время трусливъ, я боюсь какого-нибудь искусственно-грознаго взгляда; я не умѣю холодно прятать свое неудовольствіе подъ улыбающуюся маску: можетъ-быть, это честно, но это ведетъ иногда къ печальнымъ послѣдствіямъ; я не могу быть откровеннымъ, довѣрчивымъ съ человѣкомъ, если онъ старше меня лѣтами, если у него на головѣ сѣдой волосъ: меня запугали эти люди, и потому я не могу воспользоваться ихъ совѣтами, купленными опытностью и практи-

Digitized by Google

кою; значитъ, мнѣ придется, можетъ-быть, и въ будущемъ еще и ошибаться, и падать...

— Какъ все это страшно!

— Да, да, это страшно! но когда я родился, во мнѣ, вѣроятно, не было задатковъ всѣхъ этихъ ошибокъ, и въ твоей власти было предотвратить не только ихъ развитіе, но и зарожденіе; ты могъ изъ меня сдѣлать все, что тебѣ было угодно, но ты не хотѣлъ...

— Tu l'as voulu! Какъ это драматично!

— Ахъ, у меня голова начинаетъ болѣть,—пожалуйста, говори потише!—съ усиліемъ произнесла мачеха и позвонила, чтобы велѣть принести уксусу сколькихъ-то разбойниковъ.

— Я не нахожу ничего драматическаго во всемъ этомъ,—сказалъ я, стараясь овладѣть всѣми своими силами.—Но я этимъ хотѣлъ разъ навсегда объяснить тебѣ, что я плачу тою же монетою, которую мнѣ даютъ. Уступать я не намѣренъ, если я во всю жизнь не встрѣтилъ ни любви, ни ласки,—той простой ласки, которой не лишаютъ послѣдняго щенка, взятаго изъ состраданія въ домъ, той ласки, которою ты надѣляешь свою лошадь, гладя ее по шеѣ...

— Ты, кажется, хочешь плакать?—спросилъ отецъ, окончивъ чистку ногтей.

Этотъ вопросъ заставилъ меня очнуться. Это была холодная вода, обливавшая мою пылавшую голову.

— Плакать-то теперь не о чемъ!—холодно и съ горькою улыбкой произнесъ я, выходя изъ комнаты.

Черезъ полчаса я рыдалъ, какъ ребенокъ, до истерики въ своей комнатѣ. Все мое молодое существо, жаждавшее только привѣта и ласки, было потрясено этимъ разрывомъ. Меня мучило, что даже непокорный Колька могъ помириться и сдѣлаться любимымъ сыномъ своей матери, а что я, никогда не противорѣчившій въ дѣтствѣ отцу, не могъ заслужить ни любви, ни ласки, ни простой терпимости, что я мѣшалъ ему, какъ наслѣдникъ имѣнія матери, какъ вещь, о которой нужно было заботиться, какъ существо, смѣющее думать по-своему... Страшныхъ усилій стоило моему сердцу найти горькіе отвѣты на язвительныя и хладнокровныя выходки отцовской ироніи, которою была полна его уже потерявшая настоящую силу душа. У меня горѣла и кипѣла кровь, когда я отвѣчалъ ему, я чувствовалъ рѣзкую боль въ груди, а у него не дрогнула ни одна жилка, не замерло ни одно слово. Я былъ еще гибкое желѣзо, а онъ—зака-

Digitized by Google

ленная, твердая сталь. И какъ страшно мнѣ стало отъ этого контраста, когда, еще рыдая, я увидѣлъ, что отецъ весело сѣлъ на лошадь и съ собакой отправился въ поле. Я поспѣшно отеръ свои слезы, швырнулъ въ сторону мокрый платокъ и, насвистывая веселую пѣсню, пошелъ гулять.

— А, Андрюшка, ты все еще любезничаешь?—засмѣялся я нервнымъ смѣхомъ, встрѣтивъ на лѣстницѣ Андрюшку, вертѣвшагося около какой-то женщины.

— Никакъ нѣтъ-съ, это мы насчетъ дѣловъ-съ,—отвѣтилъ Андрюшка, у котораго уже проглядывалъ не одинъ сѣдой волосъ.

— Ну да, о дѣлахъ! вѣдь я все видѣлъ. Ну, поцѣлуй-ка ее при мнѣ, да покрѣпче!

Андрюшка звонко поцѣловалъ молодую женщину; мы всѣ засмѣялись, и я громче всѣхъ... Мнѣ хотѣлось, чтобы отецъ слышалъ мой смѣхъ, хотѣлось, чтобы ему передали объ этомъ смѣхѣ... Въ эту минуту я охотно выпилъ бы вина, еще охотнѣе бросился бы въ какой-нибудь омутъ... Это было близко къ помѣшательству.

«Между нами все кончено!—проговорилъ я, задумчиво проходя по саду.—Если бы можно было цѣною всего моего состоянія купить его любовь, я отдалъ бы все! Нѣтъ, все золото міра не купить этой любви, если человѣкъ убилъ ее въ своемъ сердцѣ. Почему это сестра умѣла говорить съ нимъ, почему она не разорвала съ нимъ связи? Но какъ мнѣ тяжело, какъ невыносимо тяжело!..»

XV.

Затишье.

На четвертый день послѣ этой исторіи съ отцомъ, пріѣхала моя сестра съ мужемъ и дѣтьми, мальчикомъ восьми и дѣвочкою семи лѣтъ. Я изумился, увидавъ Лелю; передо мною стояла почти тридцатилѣтняя прекрасная женщина, въ ея лицѣ знакомое мнѣ выраженіе недоумѣнія и задумчивости было смѣнено строгостью и грустью, минутами она просто казалась суровою. Она ласково встрѣтилась съ отцомъ, съ мачехою и съ дядей, горячо обняла меня и подвела ко мнѣ дѣтей, сказавъ мнѣ:

— Приласкай ихъ, мой другъ, они уже любятъ тебя.

Въ ея рѣчахъ слышалось что-то строгое. Зять тоже говорилъ не горячась, какъ это бывало въ прошлые дни, не высказывая, какъ въ прежнее время, своихъ крайнихъ убѣжденій. Я молчаливо слушалъ ничего незначащіе разго-

Digitized by Google

воры и обрадовался, когда кончился вечеръ. «Неужели они измѣнили своимъ убѣжденіямъ? Неужели сестру ничто не волнуетъ?—думалось мнѣ.—Она теперь такъ хладнокровно говоритъ обо всемъ—и о добрѣ и о злѣ. Это загадка!» Кто-то постучался ко мнѣ въ двери.

— Войдите!—сказалъ я.

Въ комнату вошла сестра.

— Какъ я ждала, чтобы они всѣ улеглись,—сказала она:—при нихъ нельзя откровенно говорить, имъ смѣшно всякое проявленіе чувства.

Она взяла меня за руку и сѣла возлѣ меня на диванъ.

— Счастлива ли ты, Леля?—спросилъ я ее, цѣлуя ея руки.

— Я счастлива,—протяжно произнесла она, напомнивъ мнѣ этимъ задумчивымъ и нерѣшительнымъ тономъ былые годы.

— Значитъ, и твой мужъ счастливъ?

— О, да, да!—поспѣшила она прибавить.—Я хотѣла сказать: мы счастливы,—снова задумчиво произнесла она.—Но дай Богъ, чтобы твоя жизнь была шире, полнѣе нашей, чтобы тебѣ не пришлось часто повторять слова моего мужа.

— Какія же это слова, Леля?

— У насъ вотъ, видишь ли, есть свой кружокъ, точно такихъ же счастливыхъ своею честностью людей, какъ мы, дѣлающихъ посильное добро. Они собираются къ намъ разъ въ недѣлю. Мой мужъ всегда говоритъ мнѣ до ихъ прихода: «Ну, соберутся сегодня инвалиды, будутъ жалобы!» И всегда, мой другъ, онъ угадываетъ, десятки жалобъ на жизнь, на невозможность бороться съ тѣми или другими обстоятельствами, слышатся изъ всѣхъ угловъ и потомъ становится какъ-то грустно, какъ-то тяжело наше счастье... Тамъ одинъ честный учитель не можетъ побѣдить партіи отсталыхъ учителей, здѣсь одинъ порядочный чиновникъ предчувствуетъ конецъ своей борьбы со зломъ, не имѣя силъ распутать сѣть, сплетенную мерзавцами около него... Вездѣ, мой другъ, разъединеніе честныхъ и союзъ безчестныхъ... Но твоя жизнь пойдетъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ другихъ условій. Воздухъ расчищается. Твоя жена, вѣроятно, не будетъ принуждена ограничивать свою дѣятельность домашними хлопотами и посвященіемъ двухъ-трехъ семей, которымъ въ сущности почти нѣтъ средства помочь частной филантропіей. Мнѣ иногда страшно тяжело, когда я

Digitized by Google

думаю, что мы всѣ можемъ быть покуда только филантропами. Вѣдь это игра, препровожденіе времени, стремленіе потѣшить себя слезами благодарности, видомъ чужой радости... Это, мой другъ, потѣха, не серьезное дѣло... Мы облегчаемъ участь одной семьи, не замѣчая, что рядомъ съ нею гибнутъ сотни такихъ же несчастныхъ и болѣе честныхъ, не выставляющихъ на показъ своихъ ранъ, семей, что и облагодѣтельствованная нами семья погибнетъ черезъ годъ, черезъ два, ну—послѣ нашей смерти, потому что другіе филантропы помогаютъ съ тѣми же результатами другимъ бѣднякамъ и не замѣтятъ ея... За будущее нѣтъ никакого ручательства, каждый общественный переворотъ имѣетъ вліяніе на число филантроповъ, на число жертвъ... Вотъ теперь уже вдвое болѣе бѣдняковъ, не получающихъ пенсій отъ благодѣтелей, потому что благодѣтели лишились крестьянъ... И если бы хоть много было филантроповъ... а то...

Я слушалъ, опустивъ голову, эту задумчивую, полную грусти рѣчь, и мнѣ казалось, что рядомъ со мною сидитъ Леля, молоденькая, вѣчно занятая своими неразрѣшимыми вопросами.

— Говорятъ, мой другъ,—продолжала она:—что частная филантропія прекрасна своей поэзіей, благотворной силой, что если ты жертвуешь въ кассу какого-нибудь благотворительнаго заведенія, то твоя душа остается суха и черства, не волнуется свѣтлыми чувствами, что, напротивъ того, видя благодарность и слезы облагодѣтельствованной семьи, ты становишься лучше, мягче, ты растрогаешься... Другъ мой! это не правда, это говорятъ гордые, испорченные люди, надѣвшіе маску кротости и смиренія, это говоритъ матеріализмъ отвратительныхъ эгоистовъ! Они въ филантропіи ищутъ сильныхъ ощущеній для своей мелкой душонки, которая за рубль подаваемой милостыни ищетъ и проситъ театральнаго представленія... Пусть они прикидываются идеалистами, но это грубый, гадкій матеріализмъ!.. Мнѣ было бы отраднѣе пожертвовать въ кассу благотворительнаго заведенія и привѣтствовать счастье обезпеченныхъ имъ людей, не имѣя права требовать ни ихъ благодарности, ни ихъ слезъ, людей, равныхъ со мною; мнѣ было бы отрадно, что я не заставила ихъ гнуть передо мною голову.

— Леля, для этого нужно, чтобы всѣ честные люди были дѣятельны, чтобы они дѣйствовали въ одномъ духѣ, были союзниками, а не старались бы только хвастать своею честностью...

Digitized by Google

— Да. Но то-то и грустно, что до сихъ поръ большая часть изъ нихъ играютъ комедію... Впрочемъ,—промолвила она черезъ нѣсколько минутъ молчанія:—я еще разъ повторяю, что мы счастливы. Я благодарю Бога за наше счастье, я не нахожу словъ для этого благодаренія. Я прошу у Бога прощенія за минуты невольнаго ропота. Я ропщу за недостатокъ дѣятельности: что же долженъ дѣлать тотъ, у кого нѣтъ и личнаго счастья, кто не имѣетъ и куска хлѣба? Это все остатки молодой непокорности, нетерпѣнья, непривычки нести свой крестъ. И какое имѣемъ мы право требовать полнаго счастья?..

Я съ изумленіемъ взглянулъ на Лелю: ея лицо было строго и сурово. Это выраженіе было ново для меня, точно столько же, сколько былъ новъ смыслъ послѣднихъ рѣчей.

— Душа моя, будемъ надѣяться,—поспѣшилъ я прервать ее:—что и передъ вами откроется поле болѣе широкой дѣятельности, только не нужно покоряться судьбѣ...

— Нѣтъ, мы инвалиды!—произнесъ мужской голосъ, и рука моего зятя опустилась на мое плечо.—Мы будемъ безъ зависти смотрѣть на вашу дѣятельность и попросимъ для себя только богадѣленъ!

— Что это—покорность?

— Нѣтъ, это выводъ, купленный опытностью...

— Но, можетъ-быть, и намъ придется придти къ этому выводу и повторить то же нашимъ дѣтямъ?

— Можетъ-быть, можетъ-быть...

— Это, однако, невыносимо!

— Невыносимо?.. Ну, тѣмъ лучше, если не вынесешь, раньше въ могилу ляжешь, раньше успокоишься... Впрочемъ,—съ грустью добавилъ онъ:—все это кажется такъ ужасно въ молодости, а послѣ... послѣ ты будешь радъ помириться на личномъ счастьѣ, на чистой совѣсти, на надеждѣ видѣть вполнѣ счастливыми и способными къ широкой дѣятельности своихъ дѣтей...

— Надежда, которая, по всей вѣроятности, обманетъ и меня...

— Очень можетъ быть, очень можетъ быть...

Мы замолчали на нѣсколько минутъ, потомъ пожали другъ другу руки и простились на ночь. Я долго ходилъ по комнатѣ, потомъ вышелъ на балконъ; воздухъ былъ теплъ и душистъ, въ небѣ сверкали тысячи звѣздъ, кругомъ царила торжественная тишина ночи... «Какая чудная ночь!» вырвалось у меня изъ груди, и эта грудь начала дышать

Digitized by Google

спокойнѣе, мысли унеслись въ Петербургъ къ Анѣ, чудныя картины будущей нашей жизни въ одномъ изъ германскихъ университетскихъ городовъ, потомъ дѣятельной жизни въ Петербургѣ понеслись передо мною, и забылъ я, что кругомъ меня были разбросаны избы перебивающихся со дня на день крестьянъ, что, можетъ-быть, въ эту чудную ночь раздаются и стоны, и рыданія въ одной изъ этихъ избъ около умирающаго работника, кормильца цѣлой семьи. «Что же это, или я созданъ только для личнаго счастья, или другого счастья нѣтъ на землѣ? Неужели каждый изъ насъ, тѣшась филантропіей и не признаваясь себѣ въ своемъ узкомъ эгоизмѣ, не способенъ болѣе ни на что, какъ на наслажденіе своими мелкими радостями и повтореніе страшной фразы: chacun chez soi, chacun pour soi»?..

Семенъ Ивановичъ, какъ я и ожидалъ, принялъ на себя всю заботу о дѣлахъ по имѣнію. Я прожилъ съ его семействомъ до сентября мѣсяца въ деревнѣ, принадлежавшей нашей матери. Господскій домъ въ селѣ былъ запущенъ, многія комнаты были заколочены и не имѣли оконныхъ рамъ, въ другихъ не было мебели и валялся какой-нибудь убогій съ двумя передними ножками стулъ, лежавшій на полу въ такомъ странномъ положеніи, точно онъ присѣлъ отъ ужаса, когда пришли люди воровать его товарищей, и остался навсегда на своемъ мѣстѣ, какъ старый инвалидъ, чтобы напоминать будущимъ поколѣніямъ, каково было исчезнувшее войско прочихъ стульевъ. На террасѣ между досокъ проросла трава, и при нашемъ входѣ съ печальнымъ стономъ заскрипѣли половицы, и съ одуванчиковъ полетѣлъ во всѣ стороны пухъ, какъ будто испугавшись дѣтей, бойко пробѣжавшихъ въ садъ, откуда съ любопытствомъ глядѣли на террасу вѣтви старыхъ деревъ и о чемъ-то шептались съ длиннымъ побѣгомъ хмеля, взобравшимся по сѣрой колоннѣ до навѣса террасы, опрокинувшимся оттуда внизъ и игравшимъ вѣтромъ и качавшимся подобно шаловливому деревенскому мальчугану, повисшему на невысокой крышѣ и устроившему изъ себя живыя качели. Очистивъ и устроивъ пять комнатъ, мы рѣшились оставить покуда остальныя въ ихъ странномъ, не лишенномъ прелести безпорядкѣ, что доставило сильное удовольствіе дѣтямъ, которыхъ занималъ и скрипъ пола, и просторъ, и инвалидъ-стулъ, который они приставляли къ стѣнѣ, приказывая ему стоять прямо, и бѣжали отъ него, зная, что инвалидъ тотчасъ повалится. Часто задумчиво глядѣли мы съ сестрой, какъ поднимала

Digitized by Google

фестонами ея Оля свое и безъ того коротенькое платье, какъ маленькій Володя важно шелъ подъ руку съ своею сестрою, изрѣдка поглядывая на картину, висѣвшую на стѣнѣ и представлявшую нашего дѣда и нашу бабку, сходящихъ, въ костюмахъ XVIII столѣтія, съ лѣстницы роскошной террасы, уставленной цвѣтами, устланной ковромъ, украшенной статуями. Трудно было повѣрить, что это та самая терраса, гдѣ теперь вьется одинокій хмель, гдѣ вмѣсто ковровъ растетъ трава, а отъ прежнихъ статуй уцѣлѣла только одна красная, спустившая съ себя бѣлую краску нога Амура, въ которую, должно-быть, навалилось разнаго сора, остатковъ листьевъ и прутьевъ—и все это превратилось въ чудеснѣйшую черную землю, изъ которой росъ одинокій колосъ...

— Тебѣ, я думаю, это ново? — спросила меня сестра однажды, задумчиво улыбаясь и указывая на игры дѣтей.

— Да, Леля, мы съ тобой не играли, у насъ не было дѣтства,—отвѣтилъ я.—Оттого-то мы и вышли такіе изломанные. Я здѣсь впервые понимаю въ этой глуши прелесть безпечнаго дѣтскаго смѣха, дѣтскихъ игръ, выдумокъ и хитростей!.. Взгляни, какъ они заняты превращеніемъ своихъ костюмовъ въ костюмы нашихъ дѣда и бабки... Какъ Оля интересна въ своей поддернутой юбочкѣ.

— Вотъ это-то я и называю нашимъ счастьемъ.

— Да, да, Леля, это счастье, это великое счастье, но его недостаточно, чтобы наполнить всю жизнь человѣка...

— Но все-таки, мой другъ, ты долженъ согласиться, что, завоевавъ только это счастье, мы уже сдѣлались счастливѣе нашего отца...

— О, конечно...

— И если судьба ничего не дастъ намъ болѣе, то будемъ, по крайней мѣрѣ, воспитывать нашихъ дѣтей, сдѣлаемъ ихъ честными людьми. Это тоже дѣятельность; насъ она не удовлетворяетъ вполнѣ только потому, что мы изломаны, какъ ты сказалъ...

Во всѣхъ этихъ рѣчахъ была какая-то странная смѣсь желанія помириться съ жизнью и нетерпѣливыхъ порывовъ къ болѣе широкой дѣятельности. Въ словахъ сестры то слышалась покорность, то горькій ропотъ на судьбу, но въ обоихъ случаяхъ тонъ былъ грустенъ, въ немъ слышались сдержанныя слезы. Семенъ Ивановичъ съ утра до обѣда возился съ бумагами, толковалъ съ мужиками, совѣтовался со мною и очень радовался, что дѣло шло успѣшнѣе, чѣмъ

Digitized by Google

можно было ожидать. Онъ рѣшился взять на мѣсяцъ отпускъ и пробыть до конца сентября въ деревнѣ, рѣшилъ, что пріѣдетъ въ нее снова на Рождествѣ, на Пасхѣ и на будущее лѣто. Я отправился въ началѣ сентября въ Петербургъ. Прощаясь съ деревенскимъ затишьемъ, я сказалъ ему душевное спасибо, потому что настроеніе души моей было лучше, я начиналъ думать серьезнѣе; жизнь представлялась мнѣ гораздо многосложнѣе, чѣмъ прежде; я понялъ, что и мы съ Аней будемъ похожи на зятя и сестру, если не перемѣнится кругомъ насъ обстановка, что нужно быть дѣятельнѣе, что не должно покоряться, что мы сами произнесемъ себѣ приговоръ и откажемся отъ лучшей будущности въ тотъ день, когда назовемъ себя инвалидами, то-есть безсильными личностями въ общемъ дѣлѣ. Значитъ, постоянное бодрствованіе и борьба со зломъ—должны быть вѣчнымъ нашимъ девизомъ.

XVI.

Гроза.

Послѣдній годъ университетской жизни шелъ быстро, занятій было много, споровъ и толковъ въ обществѣ еще больше. Вражда между извѣстною частью стараго поколѣнія и извѣстною частью новаго дѣлалась все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Многое изъ этой вражды было смѣшно, многое печально, но въ большей части случаевъ было скверно. Нерѣдко самыя ожесточенныя словесныя битвы давались не изъ-за убѣжденій, а изъ-за предсѣдательскаго мѣста въ гостиной, занимаемаго тѣмъ или другимъ представителемъ одного изъ двухъ враждующихъ поколѣній. Иногда остроумное, повторенное въ обществѣ слово юноши приводило въ ярость беззубаго старикашку, и онъ старался найти въ этомъ словѣ и паденіе нравовъ, и неуваженіе къ порядку, и все, что вамъ угодно, но только не простую безгрѣшную остроту, которой житія было два вечера и одно утро. Иногда юноша, не имѣя никакихъ убѣжденій, но наслушавшись рѣзкихъ словъ въ обществѣ убѣжденныхъ юношей, схватывалъ на лету нѣсколько крайнихъ мнѣній, бѣжалъ съ ними въ общество, какъ съ какимъ-нибудь кладомъ, и, встрѣтивъ отпоръ этимъ мнѣніямъ, ершился, очертя голову, шелъ далѣе, защищая краденыя и плохо понятыя мнѣнія, сверкалъ глазами, стискивалъ кулаки, трепалъ волосы. Все это сильно пахло раздраженіемъ мелкихъ самолюбьицъ крошечныхъ великихъ людей. Всѣ эти сцены болѣзненно дѣйство-

Digitized by Google

вали на Кольку. Онъ не выносилъ лжи, не выносилъ игры убѣжденіями. «Я,—говорилъ онъ:—скорѣй пожму руку откровенно дѣлающему свое дѣло подлецу, чѣмъ плюгавому лгунишкѣ-попугаю, передразнивающему человѣческую рѣчь, или постящемуся отъ страха старику-развратнику». Онъ не считалъ нужнымъ сдерживать себя ни передъ молодежью, ни передъ стариками, вслѣдствіе чего и дряблая молодежь, и страдающіе подагрой старики стали на него коситься. Старики упрекали его за отрицаніе; онъ фактъ за фактомъ доказывалъ имъ, что и они отрицали все отрицаемое имъ, начиная съ пустой внѣшности до самой сущности предметовъ, и отрицали на дѣлѣ и что теперь они просто испугались своего отрицанія, потому что въ старости храбрость теряется, потому что смерть близка.

— Вы,—говорилъ онъ одному старику, пописывавшему въ теченіе почти пятидесяти лѣтъ статейки въ стихахъ и въ прозѣ:—вы нашли нужнымъ публично порицать насъ за отрицаніе, употребляя это слово въ таинственномъ смыслѣ и, такимъ образомъ, отпугивая отъ насъ людей. Но вы не замѣчаете, что это не честно, что мы не можемъ привести своихъ доказательствъ для оправданія нашего отрицанія, что мы на темное обвиненіе, сказанное передъ тысячами людей, можемъ отвѣчать только въ частномъ разговорѣ съ глазу на глазъ, что вы не опровергаете нашихъ печатныхъ мнѣній, а читаете между строками, и эти-то мысли, прочитанныя между строками, возводите въ преступленіе.

— Вы ошибаетесь!—возразилъ старикъ:—если я стрѣляю въ бандита изъ-за стѣны, то тутъ нѣтъ ничего безчестнаго.

— Съ которыхъ это поръ каждый имѣетъ право называть своего противника бандитомъ?

— Не каждый и не каждаго! Но если противникъ походитъ своими поступками на бандита, то его и можно называть этимъ именемъ. Вы отрицаете и науку, и поэзію, и искусство, и... все, чѣмъ держится людское общество, а на такой поступокъ способенъ только бандитъ... Но вы не обижайтесь, молодой человѣкъ, я очень понимаю, что это минутное заблужденіе, и, къ тому же, въ мои лѣта можно быть рѣзкимъ.

— Пожалуйста, не извиняйтесь! Невѣжливость и послѣ извиненія останется невѣжливостью, да у насъ не объ этомъ шла рѣчь. Во-первыхъ, кто вамъ сказалъ, что мы отрицаемъ все, чѣмъ держится людское общество? А, во-вторыхъ, какъ это вы сами не замѣчаете, что мы подводимъ только итоги предметамъ, которые отрицались вами?

Digitized by Google

— Какъ такъ? Это интересно!

— Очень просто. Я не стану разбирать частной жизни вашего поколѣнія, не стану доказывать вамъ по длиннымъ мемуарамъ вашихъ современниковъ, что вы отрицали на дѣлѣ то, что мы отрицаемъ въ теоріи, хотя на этомъ полѣ я могъ бы васъ спибить на всѣхъ пунктахъ; но я вамъ укажу только на одинъ общеизвѣстный фактъ: прочтите напечатанныя стихотворенія, начиная съ пушкинскихъ и кончая современными, даже вашей маленькой пѣсенкой, которую знаютъ наизусть всѣ гимназисты, на которыхъ вы такъ сердиты, которыхъ вы подводите за поклоненіе вашему таланту подъ розги...

— О...—началъ старикъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Подождите,—перебилъ Колька:—я не кончилъ. Въ этихъ стишкахъ вы отрицаете все, чего даже и не думали еще отрицать, вы отрицаете, воплощая свое отрицаніе въ образы, высказывая его въ лирическихъ произведеніяхъ. Но для этого нужно, чтобы все ваше существо и его настроеніе гармонировали съ этимъ отрицаніемъ, иначе нельзя написать порядочнаго лирическаго произведенія, а ваши очень недурны. Мы же отрицаемъ тѣ же предметы, дѣлая выводы, опыты, вопросы; мы отрицаемъ не потому, что отрицаніе вошло въ нашу плоть и кровь, но потому, что жизнь представила факты, вызывающіе его, и мы взвѣшиваемъ, повѣряемъ эти факты... Теперь вы можете говорить.

— О,—началъ старикъ съ того же восклицанія и съ тою же насмѣшливою, сострадательною улыбкою, которую онъ сохранялъ, подобно кладу, во время Колькиной рѣчи.— Можно ли, молодой человѣкъ вступать въ споръ, не зная силы доказательствъ? Можно ли надѣяться игрушечною сабелькой побѣдить непріятеля? Вамъ еще нужно учиться и учиться, чтобы спорить!

— Вы это о чемъ изволите говорить?—холодно спросилъ Колька, котораго трудно было смутить грубостью или колкостью; ему нужны были мысли, а тонъ, форма для него были столько же дороги, какъ скорлупа отъ орѣха.

— О вашемъ доказательствѣ, объ этомъ смѣшномъ доказательствѣ!—съ снисхожденіемъ, качая головой, говорилъ старикъ.—Право, мнѣ жаль нападать на васъ! Моя пѣсенка и стихотворенія Пушкина и другихъ поэтовъ нашего поколѣнія—не что иное, какъ шутки, минутные капризы.

— Что?!—воскликнулъ Колька, блѣднѣя.—Шутки, ми-

Digitized by Google

нутные капризы, которые по вашей милости развратили молодое поколѣніе, запавъ въ его память, какъ запрещенные плоды, и научивъ его не уважать предметы, для отрицанія которыхъ оно еще не имѣло достаточныхъ данныхъ! Шутки, минутные капризы, за которые сѣкли этихъ бѣдныхъ дѣтей, невиноватыхъ нисколько, что вы вздумали пошутить такъ некстати!

— Вѣрно и васъ за нихъ сѣкли, что вы такъ на нихъ сердиты?—не во-время пошутилъ старикъ и хлопнулъ по плечу Кольку, считая такую любезность вполнѣ позволительной для своего крупнаго чина.

— Сѣкли-съ, сѣкли, и за то-то я васъ и ненавижу!—уже не владѣя собою, произнесъ Колька и всталъ.—Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, что вы говорите ложь! Можетъ ли быть шуткой стихотвореніе, гдѣ вы ругаете тѣ предметы, которыхъ вы не думали отрицать? Развѣ можно найти хоть одного честнаго сына, который назвалъ бы свою мать, своего отца клеймящимъ именемъ развратниковъ, негодяевъ, зная, что они честны и чисты. Развѣ можно шутить такими вещами?

— Но, молодой человѣкъ, увлеченіе молодости...

— Нѣтъ-съ, стыдитесь это говорить! Когда мнѣ былъ двѣнадцатый годъ, когда я еще не имѣлъ никакихъ убѣжденій, я и тогда ни разу не оскорбилъ своей матери позорной клеветою, я никогда не шутилъ тѣмъ, что я думаю, напримѣръ, убить отца... Моя душа была чиста, и не было въ ней мѣста подобнымъ, бросающимъ въ дрожь, шуткамъ... По молодости лѣтъ! стыдитесь этой оттоворки! Скажите лучше, что вы ни о чемъ не думали, что вы загрязнили свои души съ пеленокъ, что вамъ досадна ваша старость и наша чистая молодость...

— Ну, чистая! знаемъ мы ее!

— Да, чистая! Неужели вы думаете, что я говорю о какихъ-нибудь хлыщахъ, рыскающихъ по кофейнямъ? Эти то же поютъ, что и вы.

— Вы дерзки! Съ вами порядочный человѣкъ не станетъ спорить.

— Однако, не я назвалъ васъ бандитомъ... И странно, право, что вы рѣшаетесь нападать на молодое поколѣніе, точно оно все состоитъ изъ выкидышей, выросшихъ въ лѣсахъ Америки и потомъ внезапно брошенныхъ, подобно язвѣ, въ вашъ кругъ, чтобы погубить васъ. Вы представляете изъ себя такихъ загнанныхъ, обиженныхъ и оскорблен-

Digitized by Google

пыхъ, точно у молодого поколѣнія вся сила и власть. Вы порицаете его, не боясь того, что вамъ каждый можетъ сказать: да вѣдь это ваши же воспитанники!

— Нѣтъ; не наши! Не мы воспитали въ этомъ духѣ это поколѣніе, а та горсть мерзавцевъ, съ которою мы не имѣемъ ничего общаго.

— Хорошо же заботились вы о своихъ дѣтяхъ, если допустили до того, что ваши дѣти полюбили болѣе вашихъ враговъ, чѣмъ васъ самихъ. Право, отлично!

Страшно-тяжело дѣйствовали на душу эти споры, въ нихъ видѣлось не одно желаніе разъяснить истину, но желаніе уничтожить противника. Никого не безпокоило желаніе сдѣлать изъ противника союзника, что всегда возможно, если обѣ стороны честно преданы убѣжденіямъ, а не завидуютъ, что юноша хочетъ имѣть такія же человѣческія права, какъ и старикъ. Мнѣ становилось день ото дня грустнѣе и грустнѣе, я понималъ, что при подобномъ ходѣ дѣлъ невозможна никакая дѣятельность, и въ то же время боялся желать развязки... Колька дѣлался день ото дня суровѣе и мрачнѣе. Въ это время ему пришлось пережить еще одно испытаніе: его отца сослали. Аграфена Степановна ни минуты не остановилась на вопросѣ: ѣхать или не ѣхать за мужемъ? и тотчасъ, по рѣшеніи его дѣла, стала собираться въ дорогу, безъ лишнихъ фразъ, покорно и тихо.

— Прощай, Количка, прощай, голубчикъ! Саша, поцѣлуй меня! Милые вы мои! Никогда мы больше не увидимся!— проговорила мучительнымъ голосомъ Аграфена Степановна въ минуту отъѣзда и, рыдая, упала на грудь Кольки.— Никогда не увидимся! Живые мы съ отцомъ идемъ въ могилу!..

— Нѣтъ, полноте... мы еще увидимся! Весело увидимся!— отвѣтилъ Колька, улыбаясь посинѣвшими губами.

— Колька, пойдемъ,—сказалъ я, когда поѣздъ желѣзной дороги былъ уже далеко.

— Пойдемъ!—почти шопотомъ проговорилъ онъ и, шатаясь, оперся на мою руку.—Живые ушли въ могилу.

Первый разъ въ жизни я видѣлъ въ этотъ день, какъ плакалъ Колька, и не дай Богъ мнѣ видѣть еще разъ его слезы!.. Съ недѣлю онъ былъ боленъ. Онъ никакъ не могъ освоиться съ мыслью, что его отецъ и мать будутъ терпѣть нужду, будутъ горевать въ то время, когда онъ еще живъ.

— Нѣтъ, чортъ возьми, все брошу, пусть погибаетъ моя

Digitized by Google

молодость, а здѣсь не останусь. И что мнѣ здѣсь дѣлать?

— Что это вы, Николай Абрамовичъ, и крылья складываете,—подсмѣивались надъ нимъ знакомые, слыша его желаніе уѣхать.

— Да вѣдь у меня не бѣличья натура.

— То-есть какъ это?

— Въ колесѣ не люблю бѣгать...

— А тамъ просторъ будетъ, вѣроятно, полная свобода?

— Не свобода, но хоть кому-нибудь пользу принесу. Да тамъ и свободы больше. Тамъ меня хоть бандитомъ за крайность моихъ убѣжденій не назовутъ, а будутъ смотрѣть за образомъ моей жизни. И если я тамъ буду дѣлать честное дѣло, трудиться на своемъ пути, то вѣрно принесу гораздо больше пользы, чѣмъ здѣсь, надсаживая грудь въ безплодныхъ спорахъ съ попугаями, убивая свое здоровье...

— Но если каждый изъ насъ побѣжитъ съ поля битвы, то вѣрно не мы удержимъ за собой побѣду.

— Я, признаюсь откровенно, совсѣмъ не понимаю, зачѣмъ и вышли на это поле вы-то,—сказалъ Колька.—А что касается до меня, то я не думаю сходить съ этого поля, но просто считаю болѣе удобнымъ не бить баклушъ между вами. Если будетъ возможно, то я охотно перекинусь нѣсколькими словесными выстрѣлами съ непріятелемъ; если не будетъ возможности, то буду заниматься работой муравья...

Лѣтомъ я уѣхалъ въ деревню... Горячо обнялъ меня Колька и сказалъ мнѣ, что, вѣроятно, мы долго не увидимся. Въ серединѣ октября я получилъ тревожное письмо отъ Ани,—звавшее меня въ Петербургъ. Я поскакалъ на зовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Колька получилъ новое мѣсто безъ всякихъ хлопотъ съ своей стороны. Антонъ потерялъ уроки въ гимназіяхъ и въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ. Его поразила эта потеря сильно. Ему пришлось ограничиться до крайности въ своихъ расходахъ.

— Антонъ,—рискнулъ я сказать ему однажды:—отчего ты не попробуешь написать къ своему отцу...

— Зачѣмъ ты мнѣ говоришь это? Мнѣ и безъ того тяжело и скверно на душѣ.

Эти простыя слова глубоко подѣйствовали на меня.

— Уѣзжай, пожалуйста, въ деревню,—сказала Аня, когда мы сидѣли за чайнымъ столомъ.—Дай пройти этому тяжелому времени.

— Такъ ты рѣшительно не хочешь выходить замужъ теперь?—спросила Александра Ивановна.

Digitized by Google

— Нѣтъ, тетя, я вмѣстѣ съ вами буду работать покуда.

— Это, право, Аня, излишняя жертва,—сказалъ Антонъ.

— Это не жертва, а мнѣ просто хочется, чтобы Поль кончилъ всѣ деревенскія дѣла, чтобы мнѣ не нужно было ѣхать туда... Я не хотѣла бы встрѣчаться...

Аня замолчала, не кончивъ рѣчи. Мы всѣ молча допили чай. Я началъ закупать необходимыя мнѣ книги, провелъ два мѣсяца, выписывая въ публичной библіотекѣ нужные мнѣ матеріалы для диссертаціи на магистра, и, наконецъ, уѣхалъ въ деревню, гдѣ погрузился въ тихую, спокойную жизнь. Какъ послѣ какой-то страшной грозы или тяжелаго и грознаго сна, у меня была тяжела голова, ныла грудь, и не было охоты развлечь себя, забыться въ шумномъ обществѣ. Все перебралъ я за это время въ своей памяти: и дѣтство, и училищную жизнь, и споры въ обществѣ, то обвинялъ себя, то другихъ и съ тяжелой грустью видѣлъ повсюду слѣды пустой, безцѣльной, ничѣмъ не оправдываемой вражды, нетерпимости, неуваженія людей другъ къ другу. Менѣе всего хотѣлось мнѣ въ это время оправдывать отцовъ или дѣтей, я просто понималъ, что многіе изъ тѣхъ и другихъ просто жалки и равно безсильны въ дѣлѣ мысли и трезваго, хладнокровнаго обсужденія вещей; я видѣлъ, что долго не будетъ исхода изъ этого положенія, долго не поймутъ человѣкъ, что его личный интересъ требуетъ мира, требуетъ дѣятельности для распространенія своихъ убѣжденій, что вражда спавшихъ отцовъ къ проснувшимся дѣтямъ не только вредна, но отвратительна, страшна до ужаса. Часто, въ эти дни, проведенные въ одиночествѣ, въ глуши, бродя по безмолвному, еще осыпанному инеемъ, старому лѣсу, упрекалъ я себя въ нетерпимости въ дѣлахъ съ отцомъ, и все яснѣе и яснѣе становилось во мнѣ убѣжденіе, что я могъ пропускать молча всѣ его выходки и продолжать идти тѣмъ путемъ, который я считалъ честнымъ, что хотя мои слова были искренни и правдивы, но я не могъ ожидать отъ нихъ ни пользы для себя, ни исправленія для отца. «Мы могли быть дѣятелями на разныхъ путяхъ и все-таки мирно смотрѣть другъ на друга»,—говорилъ я,—и все чаще и чаще ѣздилъ я въ Шуповку, все спокойнѣе сносилъ язвительныя выходки и обидную иронію отца, не соглашаясь съ нимъ, не противорѣча ему. Послѣдніе дни зимы смѣнились весною, весна лѣтомъ, пріѣхала въ деревню сестра съ семействомъ, старый домъ оживился дѣтскимъ смѣхомъ, веселыми играми...

Digitized by Google

Не разъ, гуляя съ сестрой по большой дорогѣ, мы встрѣчали вблизи нашего дома отца, и каждый разъ онъ какъ-то сердито поворачивалъ лошадь назадъ, недовольный тѣмъ, что мы встрѣчали его. Въ одинъ изъ жаркихъ и душныхъ лѣтнихъ дней, гуляя по саду съ зятемъ и его семьей, я замѣтилъ, что собирается дождь и гроза; хотя еще солнце и ясно свѣтило надъ нашимъ домомъ, но вдали уже начинали сверкать огненныя стрѣлы, и гремѣлъ легкій громъ. Вѣтеръ вдругъ усилился, началъ крутить и завивать пыль, тучи понеслись быстро, скапливаясь въ одну черную массу. Мы поспѣшили на террасу, и черезъ нѣсколько минутъ солнце спряталось совсѣмъ, и дождь полилъ, какъ изъ ведра. Оля и Володя вбѣжали тоже на террасу и заливались смѣхомъ, отряхивая капли попавшаго на нихъ дождя. Еще не успѣлъ замолкнуть ихъ громкій смѣхъ, какъ вдругъ сотнями брызгъ сверкнула, какъ бѣшеная, прорвавшая тучи молнія и заметалась, точно не зная, куда кинуться, вырвавшись на свободу; въ ту же минуту надъ нашими головами оглушительно, съ какими-то дикими визгами грянулъ громъ и нѣсколько секундъ катился въ воздухѣ... Дѣти вскрикнули и прижались къ сестрѣ.

— Ничего, ничего! Что вы испугались?— проговорила она и поспѣшила сѣсть; она была блѣдна и взволнована этимъ неожиданнымъ страшнымъ ударомъ, и испугомъ дѣтей.

— Этотъ ударъ не прошелъ даромъ,—промолвилъ зять.

— Да, не дай Богъ попасть подъ такой громъ и дождь,— сказала сестра:—онъ въ минуту промочитъ до костей.

— Чему яснымъ доказательствомъ могу служить я,— произнесъ за нами мужской голосъ, и никто изъ насъ не хотѣлъ вѣрить, что мы не ошиблись, узнавъ эти звуки.

— Дѣдушка!—тихо прошептали дѣти и стали за кресло Лели. Они его боялись.

— Здравствуй, отецъ!—сказалъ я, первый опомнившись отъ удивленія.—Какъ ты измокъ; пожалуйста, переодѣнься.

— Не въ твой ли сюртукъ? Ты вдвое тоньше меня,— довольно сурово промолвилъ онъ, точно сердясь на мою худобу.

— У меня есть широкое пальто и шаровары...

— Пожалуй.

Мы пошли въ комнату, занимаемую мной. Я досталъ все, что было нужно изъ платья и бѣлья. Отецъ обвелъ глазами комнату и точно сосчиталъ всѣ книги, лежавшія на столахъ, на полкахъ и на полу. Я на минуту вышелъ.

Digitized by Google

— Это ты что пишешь?—спросилъ онъ, когда я вошелъ. Онъ стоялъ у моего письменнаго стола.

— Диссертацію на магистра.

— Давно началъ? — небрежно добавилъ онъ, точно его нисколько не интересовалъ мой отвѣтъ.

— Да, давно; видишь, сколько написалъ?

Я показалъ на кипу бумаги.

— Ты только этимъ и занимаешься?

— Нѣтъ, пишу статьи въ журналы.

— А-а!

Мы вышли на террасу.

— Вотъ не думалъ быть здѣсь,—сказалъ, хмурясь, отецъ:— да гроза загнала.

Мы поняли, что онъ желаетъ насъ увѣрить, что у него не было желанія пріѣхать къ намъ. Мы начали общій разговоръ, отецъ отвѣчалъ отрывисто, хмурился, сердился, что дождь не перестаетъ, однако, согласился остаться обѣдать. Между тѣмъ тучи разсѣялись, яркое солнце заиграло по мокрымъ листьямъ и мокрому песку, въ кустахъ зачирикали птицы, и мокрый воробей, чрезвычайно похожій на промокшаго худенькаго франта во фракѣ, попробовалъ проскакать по аллеѣ и, не въ силахъ будучи тащить свою отяжелѣвшую особу, остановился посреди и началъ отряхаться и выжиматься, тормоша свои крылышки.

— Посмотри, посмотри, какой онъ косматый!—крикнулъ Володя.

— Ахъ, какой смѣшной!

— Побѣжимъ къ нему!

И дѣти стрѣлою понеслись къ воробью по мокрой аллеѣ.

— Они у тебя могутъ простудиться,—замѣтилъ отецъ.

— Нѣтъ, они къ этому привыкли...

— Однако, все же... Дѣти!—крикнулъ онъ имъ.

— Что вамъ угодно?— спросили они, явившись на балконъ и боязливо подойдя къ дѣду.

Онъ совершенно не зналъ, что имъ сказать; его, кажется, смутило, что веселый смѣхъ ихъ вдругъ смѣнился этимъ боязливымъ выраженіемъ, что они сами стали похожи на этого смѣшного воробья.

— Не бѣгайте по саду, теперь сыро, — сказалъ отецъ, стараясь придать своему голосу мягкость, но это не удалось, и его совѣтъ вышелъ похожъ на приказаніе.

Дѣти боязливо отошли въ сторону и сѣли въ уголкѣ... На террасѣ какъ-то не клеился разговоръ.

Digitized by Google

Вечеромъ отцу предложили сыграть въ карты, онъ не отказался; на другой день онъ уѣхалъ домой такимъ же хмурымъ, какимъ былъ всегда. Мы старались не говорить объ этомъ странномъ визитѣ. Я на недѣлѣ заѣзжалъ въ Шуповку, но не засталъ отца. Черезъ мѣсяцъ онъ снова заѣхалъ къ намъ «по дорогѣ», какъ онъ поспѣшилъ объявить намъ.

— Останься, отецъ, у насъ до завтра,—сказалъ я ему.

— А что завтра?—спросилъ онъ, хмуря брови.

— Мое рожденіе.

— А-а! Я и не зналъ, но у меня завтра есть дѣло—я, кажется, обѣщался быть у Голубцовыхъ.

— Ну, что-жъ за бѣда, къ Голубцовымъ можно въ другой разъ съѣздить, а вѣдь день моего рожденія разъ въ годъ бываетъ.

— Хорошо, я пробуду у тебя утро, а вечеромъ къ нимъ.

Но онъ провелъ у насъ и утро, и вечеръ слѣдующаго дня. Черезъ недѣлю онъ снова былъ у насъ.

— Отецъ, я хочу жениться, — сказалъ я, когда мы были одни.

— Это твое дѣло, ты теперь независимъ.

— Знаю, что независимъ; но мнѣ кажется, отецъ, что время тебѣ позабыть, если я виноватъ передъ тобою, и понять, что и я, и сестра любимъ тебя, что мы хотѣли бы, чтобы ты былъ здѣсь, какъ дома, старшимъ, чтобы ты давалъ совѣты.

— Это безполезно, ты самъ мнѣ говорилъ, что ты не вѣришь совѣтамъ стариковъ, что ты ненавидишь ихъ за то, что они стары,—язвительнымъ тономъ говорилъ онъ.

— Правда, правда, отецъ, мнѣ до стариковъ нѣтъ дѣла, но я хотѣлъ бы вѣрить одному старику, хотѣлъ бы примириться съ нимъ прежде, чѣмъ у меня будутъ дѣти. Я хотѣлъ бы, чтобы эти дѣти могли смѣло принять твое благословеніе, не боясь ни тебя, ни меня...

— На комъ же ты хочешь жениться? — спросилъ отецъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— На племянницѣ Александры Ивановны.

— А-а! Такъ, значитъ, ты давно ее любишь?

— Да.

— Это дѣлаетъ честь твоему постоянству и твоей скрытности,—въ этихъ словахъ снова звучала насмѣшка.—Впрочемъ, если она похожа на тетку характеромъ, то она должна быть честная дѣвушка.

Digitized by Google

— Значитъ, ты совѣтуешь?

— Ты свободенъ... Я могу тебѣ сказать одно: женись лучше на ней, чѣмъ на одной изъ нашего круга, на какой-нибудь въ родѣ м... м...

Отецъ вдругъ остановился; я постарался сдѣлать видъ, что не понялъ недосказаннаго слова. Это былъ не миръ, но уже между нами не было ссоры, уже дѣти не такъ боялись его, иногда онъ цѣловалъ ихъ, но не при насъ, иногда онъ давалъ имъ гостинца, но не приказывалъ говорить объ этомъ намъ.

— Какой дѣдушка страшный, — говорили между собою дѣти:—почему онъ боится и мамашу, и дядю Поля, и папу?

— Потому что у него нѣтъ гостинца для нихъ, онъ и думаетъ, что они разсердятся на него,—рѣшила Оля.

Мы улыбались съ сестрой, слыша эти говорившіяся на ухо, но громкимъ голосомъ, дѣтскія рѣчи.

— Ты замѣчаешь, какъ онъ постарѣлъ? — спрашивала меня сестра.

— Да, онъ бодрится еще, но онъ очень слабъ.

— Неужели скоро...

И мы оба боялись мысли потерять отца... А вѣдь мы, кажется, никогда не любили его... По крайней мѣрѣ, такъ думалъ онъ.

XVII.

Заключеніе.

Дни, недѣли, мѣсяцы смѣняли другъ друга, исчезали во мракѣ прошедшаго, изглаживались изъ памяти, какъ смутные сны, и уносили съ собою и долю старой непріязни двухъ поколѣній, и долю горя, и хмурыя, грозовыя тучи, постепенно скопившіяся надъ головами моихъ друзей, а, значитъ, и надо мною. Отъ старыхъ ранъ, отъ старыхъ недуговъ въ иномъ сердцѣ оставалась едва замѣтная тупая боль, и то слышалась она только передъ дурной погодой. Каждое новое письмо изъ Петербурга отъ Антона и Ани было спокойнѣе предыдущаго и давало надежду, что слѣдующее будетъ еще яснѣе, еще отраднѣе. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я, посѣщая время-отъ-времени Петербургъ, услышать отъ Ани желанное слово: «останься!» Съ такимъ же нетерпѣніемъ я искалъ въ ея письмѣ завѣтнаго: «пріѣзжай!» Но каждый разъ мои ожиданія обманывались, мнѣ писали: «Подождемъ, мой другъ, пріучимся къ серьезному труду, ознакомимся съ жизнью и постараемся сдѣлаться спокой-

Digitized by Google

ными». Я нѣсколько разъ порывался увѣрить Аню, что и послѣ нашей свадьбы мы будемъ прилежно работать, что мы не сдѣлаемся лѣнтяями; но, строго обдумавъ дѣло, видѣлъ, что я лгу передъ своею совѣстью, что до сихъ поръ мы трудились съ Анею много, но шутя, не для денегъ, что работа не сдѣлалась еще нашею привычкою, что наше личное счастье поглотитъ насъ совсѣмъ. Теперь же мы учились работать серьезно, не по прихоти, но по необходимости: она—чтобы помочь семейству пережить незамѣтно тяжелое время, я—чтобы подготовить себя вполнѣ къ слушанію лекцій въ Германіи и чтобы привести въ порядокъ свое имѣніе. Сверхъ всего этого была еще одна цѣль, которой я думалъ достигнуть, отложивъ свадьбу и проживая въ деревнѣ: это примиреніе съ отцомъ. Но, Боже мой, чего-чего не говорили въ обществѣ, почему-то нетерпѣливо ожидая нашей свадьбы, точно въ этотъ день должна быть иллюминація въ городѣ; эти ожиданія не охладѣвали даже оттого, что мы увѣряли всѣхъ, что свадьба будетъ безъ бала, безъ гостей.

«Мы, какъ я вижу изъ твоихъ писемъ и по собственному опыту, доставляемъ большое развлеченіе почтенной публикѣ изъ нашихъ муравейниковъ, отлагая на неопредѣленное время нашу свадьбу,—писала мнѣ Аня.—Многіе изъ моихъ знакомыхъ вполнѣ увѣрены, что ты бросилъ меня и женился на другой, другія добрыя души подозрѣваютъ насъ въ чемъ-то скверномъ, но смѣшнѣе всего для меня вздохи нѣкоторыхъ непохороненныхъ старухъ о томъ, что въ ихъ время не такъ любили, что невѣста ночей не спала, какъ бы только поскорѣе выйти замужъ, и что женихъ чуть домъ не переворачивалъ, только бы ускорить приготовленія къ браку... Ну, разумѣется, вся эта іереміада кончается обвиненіемъ насъ въ холодности, въ недостаткѣ любви; меня больше всего смѣшитъ это обвиненіе, когда я вспомню, что страстная любовь въ нашихъ бабушкахъ пробуждалась совершенно внезапно при видѣ незнакомаго жениха, приведеннаго свахою или заботливыми родителями, что одно и то же»...

Дни, недѣли, мѣсяцы, между тѣмъ, смѣняли другъ друга...

Я успѣлъ познакомиться въ это время съ бытомъ народа и съ жизнью губернскаго города, сдѣлалъ значительные успѣхи въ своихъ занятіяхъ, заслужилъ, мало-по-малу, если не любовь, то расположеніе отца; онъ уже охотно ѣздилъ со мной на охоту, такъ же охотно пріѣзжалъ съ охоты но-

Digitized by Google

чевать ко мнѣ, и иногда, забывшись, оставался два-три дня въ моемъ домѣ. Съ каждымъ днемъ этотъ человѣкъ, попрежнему, *по привычкѣ,* сохраняя свой пугающій взглядъ, дряхлѣлъ и падалъ духомъ. Онъ еще бросалъ грозные или убійственные взгляды, слыша пошлыя разсужденія и поэтическія выходки дяди или сопѣнье вѣчно недовольной мачехи, завязывавшейся, подобно старому хламу, въ узелъ платковъ и шалей; но внутренно отецъ мучился отъ этихъ пошлостей, онѣ начинали его убивать—и между тѣмъ онъ не могъ ни раздѣлиться съ дядей, ни разойтись съ мачехой, ни вернуться въ Москву, чтобы позабыть въ шумѣ общества свои домашнія дѣла,—для всего этого онъ чувствовалъ, что прошлая жизнь и кутежи отзывались на его здоровьѣ. Нерѣдко, заставъ меня за работой, онъ, какъ будто боясь, что я отвыкну отъ занятій и измѣнюсь въ нѣсколько минутъ лишняго отдыха, говорилъ мнѣ:—«Занимайся, пожалуйста, и не стѣсняйся изъ-за меня, я отдохну до обѣда». Онъ ложился на диванъ, и я чувствовалъ, что онъ слѣдитъ за мною съ любопытствомъ, какъ будто для него удивительно и странно видѣть передъ собою работающаго Шупова...

— Отецъ, знаешь ли новость?—сказалъ я ему однажды, обрадованный отвѣтомъ, полученнымъ отъ сестры на одно изъ моихъ писемъ.

— Что такое?

— Сестра и зять ѣдутъ навсегда въ деревню; онъ беретъ отставку и хочетъ агрономомъ сдѣлаться.

Лицо отца на минуту озарилось лучомъ радости, но онъ поспѣшилъ овладѣть собою, по привычкѣ нахмурилъ брови и спросилъ меня, какъ-будто вскользь:

— Вѣроятно, ты просилъ принести эту жертву, чтобы...—отецъ замялся и черезъ нѣсколько секундъ добавилъ:—чтобы управлять твоимъ имѣніемъ и охранять твои интересы во время твоего отсутствія?

— Да, отецъ, чтобы охранять мои интересы,—сказалъ я, улыбаясь и глядя ему въ глаза.

Мы, кажется, поняли другъ друга.

— Благодарю тебя,—промолвилъ онъ, пожимая руку.—Ты впрочемъ былъ правъ, полагая, что эта новость будетъ мнѣ пріятна: Леля такъ напоминаетъ твою мать, я люблю видѣть ее подлѣ себя.

Онъ благодарилъ меня за сообщеніе новости и боялся признаться, что онъ благодаритъ совсѣмъ за другое, а не

Digitized by Google

за то, что могъ исполнить любой посторонній человѣкъ, которому были извѣстны планы моего зятя.

Когда я ѣхалъ, въ маѣ 1864 года, въ Петербургъ, то моя совѣсть была совершенно покойна. Цѣлуя отца, я не лгалъ передъ нимъ... Мнѣ кажется, что изъ его глазъ скатилась слеза; мнѣ кажется, что его рука дрогнула въ моей рукѣ; мнѣ кажется, что онъ безъ причины оперся на плечо сестры и взялся другою за колонку крыльца, когда отъѣзжалъ мой экипажъ... Во всякомъ случаѣ, когда я вспоминаю теперь отца, то вспоминаю его именно съ этимъ выраженіемъ безсилія, слабымъ старикомъ съ длинными сѣдыми волосами, съ глубокими морщинами на лбу и нависшими бровями, болѣе свидѣтельствующими о пережитомъ горѣ, о неудачной, сгубленной жизни, чѣмъ о стараніи придать своей физіономіи пугающій и отталкивающій видъ; рука этого старика представляется мнѣ попрежнему широкою, желѣзною, и попрежнему могла бы она испугать своею силою врага, но она уже тихо покоится на плечѣ молодой, повидимому, слабой женщины, какъ будто считаетъ это слабое существо своею необходимою опорою; около этого старика стоятъ дѣти и смотрятъ въ его не то грустные, не то суровые глаза, какъ будто ожидая, что онъ взглянетъ на нихъ и тихо улыбнется; эти младенцы уже вызываютъ его улыбку, они сильнѣе его... И точно, старикъ взглянулъ на нихъ, онъ улыбнулся и снова глядитъ вдаль, провожая глазами экипажъ, взвивающій по дорогѣ пыль и уносящій молодого человѣка, котораго еще никогда и никто въ жизни не провожалъ въ дорогу, до котораго прежде никому не было дѣла...

— Какой чудный день, папа!—говоритъ старику его дочь, глядя на яркіе лучи солнца, играющіе на окружающихъ предметахъ, озаряющіе и сѣдые волосы старика, и золотистыя кудри младенцевъ, и разбитый стволъ дуба, и обвивающій его хмѣль.

— Да, чудный день!—отвѣчаетъ старикъ, и, кажется, онъ счастливъ, несмотря на то, что гдѣ-то въ другомъ деревенскомъ домѣ стонетъ и брюзжитъ какое-то похожее на женщину и близкое этому старику существо, завязанное въ узелъ, какъ негодный хламъ.

Онъ счастливъ...

Можетъ-быть, впервые въ жизни? Его дочери вспоминаются ея собственныя слова: «Это лицо могло бы быть такимъ прекраснымъ всегда!»

Digitized by Google

— Другъ мой, Лоля, отнынѣ оно и будетъ такимъ всегда, всегда, до тѣхъ поръ, пока будетъ помнить хотя одинъ человѣкъ о существованіи послѣдняго Константина Павловича Шупова.

Перенеситесь теперь, читатель, въ одинъ изъ прирейнскихъ городковъ, пріютившійся между горъ, покрытыхъ виноградниками; представьте себѣ теплые лѣтніе дни, свѣтлое небо, безконечныя цѣпи горъ, быстрый Рейнъ съ его мелкими зеленоватыми волнами, съ его безчисленными замками и развалинами на прибрежныхъ горахъ и холмахъ, съ его легендами, которыя разскажетъ вамъ любая нѣмка, путешествующая на пароходѣ, наслаждающаяся волшебными видами, восторженная, перенесшаяся всей душой въ средніе вѣка, повидимому, знакомая до мельчайшихъ подробностей съ характерами, привычками, лицами и фигурами каждаго изъ этихъ рыцарей, ходившихъ въ крестовые походы для освобожденія гроба Господня, грабившихъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ, нападавшихъ на сосѣдніе замки, повторявшихъ въ послѣднемъ случаѣ очень серьезно игру въ «кошку и мышку», ломавшихъ копья за чудныхъ женщинъ, державшихъ этихъ женщинъ, какъ рабынь, подъ замками, что не мѣшало имъ (какъ это видно изъ баллады Шиллера и изъ чудесной картины, хранящейся въ замкѣ прусскаго короля, въ Штольценфельсѣ) умирать подъ окнами этихъ женщинъ, постригшихся въ монахини; все это, какъ я сказалъ, съ восторгомъ и безъ вашихъ просьбъ сообщитъ вамъ любая нѣмка, витающая душой въ среднихъ вѣкахъ, навсегда отдавшая свое сердце покойнымъ рыцарямъ, что нисколько не мѣшаетъ ей вязать во время разсказовъ носки съ узорами послѣдней моды для своего супруга aus den neuesten Zeiten. Представьте себѣ безчисленныя прогулки то въ простой лодкѣ, то на пароходѣ съ неизбѣжной нѣмкой по этому волшебному Рейну, тихіе вечера въ небольшомъ домикѣ съ садомъ, тихія и веселыя бесѣды въ кругу родныхъ и знакомой молодежи, пріѣхавшей на лѣтнее время въ этотъ городишко, и вы поймете то спокойное счастіе или, лучше сказать, «отдыхъ на станціи», которымъ наслаждались мы съ Анею въ 1864 году, уѣхавъ на другой день свадьбы въ Германію и захвативъ съ собою всю семью Ани. Мы позволили себѣ эту роскошь, потому что хотѣли быть вполнѣ спокойными хоть на время, не тревожась даже простою мыслью о томъ, что, можетъ-быть, во время нашего отсутствія захвораетъ кто-нибудь

Digitized by Google

изъ нашихъ. Часто долетали до насъ въ этотъ уголокъ письма изъ разныхъ концовъ далекаго отечества, но нетерпѣливѣе всего ожидали мы одного письма отъ человѣка, который былъ для насъ дороже всѣхъ другихъ друзей, и именно этотъ-то человѣкъ не давалъ знать о своемъ существованіи ни словомъ, ни строчкою. Иногда это молчаніе пугало насъ... Одинъ разъ, возвратившись съ прогулки, я и Аня увидали на столѣ письмо съ знакомымъ почеркомъ.

— Это отъ него!—воскликнула Аня.

— Да, да, что-то онъ пишетъ?—говорилъ я, ломая печать, радуясь письму и волнуясь отъ мысли, что, можетъ-быть, онъ несчастливъ.

«Наконецъ-то, любимые баловни случая, я могу писать къ вамъ, не нарушая вашего счастья своими жалобами и стонами. Я послалъ ихъ къ чорту и пою теперь веселыя пѣсни. Толкаясь между народомъ, исполненнымъ силы и спокойствія, бодро и трезво трудящимся часто просто изъза куска насущнаго хлѣба, я теперь понялъ вполнѣ, какъ смѣшны, какъ пахнутъ ребячествомъ наши тревоги, волненія и стоны по поводу какого-нибудь старичишки, уколовшаго насъ шпилькою своихъ беззубыхъ упрековъ и обвиненій, какъ много растратили мы силъ именно на отраженіе этихъ нападеній, тогда какъ должно было пропускать ихъ мимо ушей до тѣхъ поръ, пока они были словами и не переходили въ дѣло. Столичная душная жизнь, тѣсныя квартиры, гдѣ мы были заперты и толкались, подвертываясь подъ тумаки и брань родителей, въ теченіе большей части нашего дѣтства, недостатокъ свѣжаго воздуха, полей, садовъ и благотворнаго вліянія природы, мелкія несправедливости учителей-чиновниковъ, учителей-взяточниковъ, учителей-неучей, домашняя цинически открытая передъ ребенкомъ грязь, полнѣйшая апатія общества въ дѣлѣ мысли, вѣчное его измѣреніе ума и достоинствъ званіемъ, чиномъ, мундиромъ и лѣтами, все это сдѣлало насъ нервными, раздражительными, сварливыми. Мы совершенно перестали понимать, что надъ несправедливымъ обвиненіемъ, покуда оно имѣетъ видъ сплетни, можно и должно смѣяться, какъ смѣется мужикъ, прокармливающій семью и платящій оброки, когда его называетъ лѣнтяемъ играющій въ карты, кормящій любовницъ и прихлебателей, нигдѣ не служащій экономистъ домашней выдѣлки. Ослабивъ наши нервы, насъ отучили стоять выше клеветы. А между тѣмъ, это-то «спокойствіе силы» и нужно для дѣятелей. Я теперь часто улы-

Digitized by Google

баюсь, когда вспоминаю, что я спорилъ съ выжившими изъ ума старыми обносками человѣчества и юными попугаями, обрадовавшимися, что имъ удалось передразнить человѣческую рѣчь, и заболтавшими языками. Я думалъ, что это не безполезно, я думалъ ихъ убѣдить! А Антонъ-то, Антонъ-то убивался, жалѣя и отстаивая весь этотъ хламъ, на который онъ сочинилъ ярлыкъ съ надписью: «заѣденныя натуры»! Все это теперь смѣшно, а между тѣмъ, всѣ эти раздраженія не прошли безплодно для моего здоровья, да, я думаю, и Антонъ не поздоровѣлъ, когда обласканные имъ заѣденные начали побрасывать въ него камушки. Впрочемъ, ему подѣломъ досталось, какъ крестьянину, сжалившемуся надъ замерзшей змѣей. Мнѣ едва удалось снова возстановить свои силы. Странно сказать, но я теперь счастливъ, я дѣятельно занимаюсь практикой, учу дѣтей, читаю, дѣлаю опыты, пишу, мать ухаживаетъ за мною, и можно сказать навѣрное, что если мы проживемъ сто лѣтъ вмѣстѣ, то во все это время ни я, ни она не скажемъ другъ другу непріятнаго слова, и тѣмъ пріятнѣе мнѣ это согласіе, что оно не пахнетъ ни маниловщиной, ни прѣлымъ воздухомъ, которымъ, вѣроятно, пахло въ комнатахъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Бѣдный отецъ совсѣмъ потерялся; бываютъ дни, когда онъ безъ отдыха ходитъ по комнатѣ и ворчитъ, что мать помѣшала ему выиграть огромный кушъ денегъ въ карты, что я не взялъ для него билета на одну изъ иностранныхъ лотерей; его разстроенному воображенію этотъ поступокъ съ моей стороны представляется местью за то, что во времена моего дѣтства онъ не подарилъ мнѣ къ Пасхѣ обѣщанныхъ часовъ! Но эти припадки проходятъ скоро, и онъ дѣлается молчаливъ и тихъ и иногда разсказываетъ нѣсколькимъ посѣщающимъ насъ знакомымъ про то время, когда онъ былъ помѣшанъ, и какъ его вылѣчила знахарка. Эти разсказы навѣваютъ грусть и на меня, и на мать, и она не спѣшитъ перебить отца, чтобы передать своими словами любимый разсказъ... Разумѣется, видя положеніе отца, его освободили отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей, хотя и не позволили выѣхать отсюда, да, впрочемъ, для него это и не нужно, для него все равно, гдѣ ни умереть. Я, по обыкновенію, живу и радостями, и печалями настоящаго, не заглядывая въ будущее, а потому не пишу вамъ о своихъ планахъ и надеждахъ: ихъ попрежнему не имѣется. Конечно, если бы добрый нашъ Антонъ былъ на моемъ мѣстѣ, то, чувствуя увѣ-

Digitized by Google

личеніе своихъ физическихъ и духовныхъ силъ, видя прибавленіе своихъ познаній, замѣчая приростаніе матеріальныхъ средствъ, онъ создалъ бы себѣ плѣнительную картину своего торжественнаго возвращенія въ Петербургъ; но я не создаю себѣ этой картины уже по одному тому, что въ настоящее время я не желалъ бы перенестись въ вашъ Петербургъ даже за очень большія деньги. Довольно съ меня и двухъ послѣднихъ лѣтъ, проведенныхъ въ немъ. Посылаю вамъ всѣмъ дружескій поклонъ и жму ваши руки.

Вашъ Колька».

Послѣ этого письма намъ стало легче, и уже въ тотъ же день вечеромъ мы смѣялись надъ своими недавними опасеніями.

— Не смѣшно ли, что мы боялись за него? — говорилъ Антонъ. — Развѣ такіе люди погибаютъ нравственно? Для ихъ погибели нуженъ deus ex machina, чтобы упрятать ихъ въ могилу.

Теперь остается два вопроса: что будетъ далѣе съ дѣйствующими лицами моей автобіографіи? Можно ли надѣяться на ихъ счастіе? Можно, любезный читатель, если вамъ не вздумается уморить меня чахоткою, какъ умеръ Инсаровъ, и заставить Аню пропасть безъ вѣсти, какъ пропала жена этого господина, если вы не вздумаете заставить Кольку дѣлать операцію, обрѣзать палецъ и умереть преждевременною смертью, подобно Базарову, если вы не захотите заставить мою Лёлю влюбиться въ какого-нибудь проѣзжаго юношу и бросить на время Семена Иваныча, подобно героинѣ «Подводнаго камня», если вы, однимъ словомъ, не захотите сдѣлать съ нами какой-нибудь такой убійственной продѣлки, отъ которой погибаютъ на мгновеніе всякія людскія надежды на будущую счастливую жизнь... Но одного вы не можете сдѣлать, несмотря на всю безграничную и всемогущую власть воображенія въ широкомъ мірѣ фантазіи, создающаго и разрушающаго цѣлые города, уничтожающаго цѣлыя государства, и объ этомъ я вамъ впередъ шепну на ухо, чтобы избавить васъ отъ лишняго и безплоднаго труда: «Вы не можете превратить насъ въ подлецовъ». Кромѣ этого, вы можете дѣлать со мной и съ моими друзьями все, что вамъ угодно, потому что мы сами стоимъ съ вопросомъ, вступая въ двери будущаго; мы знаемъ только одно то, что мы сами отворили эти двери, что никакія бабушки не ворожили намъ, никакія четвероюродныя тетушки «со связями» не подсылали разныхъ холоповъ общества,

Digitized by Google

чтобы расчистить намъ дорогу, облегчить намъ взобраться по лѣстницѣ и растворить передъ нами двери. Что мы сдѣлали, то мы сдѣлали сами! Устремляя взоръ въ будущее, я желалъ бы, чтобы всѣ мы были счастливы и сумѣли бы сдѣлать хоть что-нибудь для своихъ дѣтей, чтобы эти дѣти не имѣли горькаго права быть нашими противниками, по какой бы дорогѣ мы ни шли, какихъ бы убѣжденій мы ни были; чтобы эти дѣти не переживали тѣхъ страшныхъ минутъ, которыя пережилъ я, встрѣчаясь съ отцомъ: пусть всѣ члены семьи научатся уважать и любить другъ друга, ну, а тамъ, можетъ-быть, они научатся уважать и посторонних, не связанныхъ съ ними узами крови, людей.

А знаете ли, читатели, кто несчастнѣе всѣхъ дѣйствующихъ лицъ этого романа? Человѣкъ, вѣчно спокойный и улыбающійся, вѣчно соглашавшійся со всѣми (говоря о посторонних предметахъ), вѣчно выдававшій себя за друга всего міра, за поклонника природы, за поэта, за впечатлительную душу, вѣчно игравшій роль пестраго мотылька, порхающаго по душистымъ цвѣтамъ, украшающимъ поле жизни и носящимъ названіе женщинъ, однимъ словомъ: — мой дядя. Онъ несчастнѣе всѣхъ, потому что у него есть семья, друзья, любовницы, сотни читателей, а между тѣмъ онъ умретъ одинокимъ, брошеннымъ, забытымъ, потому что все въ его жизни было — ложь. Эта мать-природа не улыбалась ему, такъ какъ ей не нужны его выдуманные въ кабинетѣ стишки, такъ какъ она не знала его, такъ какъ онъ любилъ ея портреты, а не ее самое, боясь промочить ноги на ея болотѣ, испортить подъ ея дождемъ свой модный сюртучокъ, такъ какъ онъ не полилъ ее своимъ потомъ и кровью, не купилъ этой цѣною духовнаго родства съ нею, не научился понимать ея живой языкъ, такъ какъ она знала, что онъ боится остаться ночью въ ея густомъ, торжественно говорящемъ и съ бѣгущими въ небѣ облаками, и съ роющими подъ землею ручьями лѣсу, что онъ любитъ ее, какъ картинку; не разъ она насмѣшливо пугала эту дряннную, жидкую, презираемую ею натуру своимъ громкимъ, потрясающимъ, какъ изъ подземной груди вырывающимся хохотомъ-плачемъ, внезапно раскатывающимся по каждому дереву, по каждой вѣткѣ, по каждому листу громаднаго лѣса... Она показывала, что она мать-кормилица міра, могучая женщина, а не простая картинка... Въ минуту его смерти, она, можетъ-быть, еще безжалостнѣе подсмѣется надъ нимъ, въ глухую полночь, по обыкновенію,

Digitized by Google

сверкнувъ передъ его окномъ яркою зарницею, махая и воя сотнями длинныхъ вѣтвей деревъ, оглушая воздухъ адскими криками ночного сторожа — филина, и слабой рукой закроетъ отъ нея глаза больной и едва слышнымъ голосомъ постарается крикнуть: «Закройте ставни!» И съ этимъ крикомъ, съ проклятіемъ воющему вѣтру, съ проклятіемъ любовницамъ, не любящимъ играть роль сидѣлокъ, онъ умретъ. Насмѣшкою прозвучитъ надъ его могилою похвальное слово съ неизбѣжной цитатой изъ стихотворенія на смерть великаго Гёте, и будетъ оскорбительнѣе брани вырѣзанный на надгробной плитѣ его же стихъ:

Люди страшною враждою
За любовь мою платили;
Но, природа-мать, съ тобою
Мы съ улыбкой имъ простили.

Потому что это—ложь! Потому что это—клевета.

Digitized by Google

НАДЪ ОБРЫВОМЪ.

РОМАНЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

I.

У мухортовскихъ господъ ожидали пріѣзда молодого барина. Этотъ торжественный случай съ самаго ранняго утра поднялъ на ноги всю дворню въ помѣщичьемъ домѣ. Болѣе всего суеты замѣчалось въ правомъ боковомъ флигелѣ, гдѣ долженъ былъ поселиться на мѣсяцъ молодой баринъ. Здѣсь переставлялась съ мѣста на мѣсто мебель, обметалась со всего пыль, протирались стекла. Въ сущности, приготовленія были вовсе не сложны, такъ какъ въ домѣ уже съ мѣсяцъ жила сама госпожа Мухортова, мать молодого барина, и все было давно уже приведено въ порядокъ. Дворня, повидимому, просто придралась къ случаю, чтобъ выказать свое рвеніе и поразмяться, такъ какъ мѣсяцъ, проведенный въ деревнѣ, былъ мѣсяцемъ отдыха какъ для самой госпожи Мухортовой, такъ и для ея вѣрныхъ слугъ; а ихъ у нея было не мало. Софья Петровна Мухортова, вдова заслуженнаго генерала, урожденная княжна Щербина-Щедровская, была старою барынею, сохранившею всѣ привычки провинціальнаго барства и, прежде всего, привычку окружать себя цѣлою ордою толкавшагося въ людскихъ, слонявшагося по парадныхъ комнатамъ и почти ничѣмъ не занятаго народа. Теперь весь этотъ народъ толпился во флигелѣ съ озабоченными физіономіями, передвигая по десяти разъ одну и ту же вещь, стирая по десяти разъ пыль съ одного и того же мѣста.

Во всей этой ненужной вознѣ не принимала участія только одна молоденькая дѣвушка съ гладко-зачесанными, густыми русыми волосами, съ длинными загнутыми вверхъ рѣсницами, съ правильными чертами чисто русскаго лица. Она сидѣла у открытаго окна, склонившись надъ пяльцами,

Digitized by Google

и, повидимому, усердно вышивала. Но, наблюдая за ней, можно было замѣтить, что она, то и дѣло, взглядывала въ окно и, сощуривая свои большіе голубые глаза, всматривалась вдаль; изъ окна, выходившаго на дворъ, была видна желѣзная рѣшотка съ такими же воротами, а за нею тянулась лента большой дороги, теперь вся залитая свѣтомъ полуденнаго солнца. На дворѣ стояла знойная весна.

— Что это ты, Полинька, ужъ не хочешь ли первая Егору Александровичу на шею броситься, что отъ дороги-то глазъ не отводишь?—неожиданно раздался въ комнатѣ рѣзкій и визгливый голосъ.

Молоденькая дѣвушка вздрогнула отъ неожиданности и повернула лицо къ заговорившей съ нею особѣ.

Это была высохшая, желтая, морщинистая женщина лѣтъ сорока пяти съ ввалившеюся грудью и жиловатою длинною шеей. Она была одѣта немного пестро, съ претензіями на моду, съ множествомъ бантиковъ изъ полинялыхъ лентъ. Ея жиденькіе волосы были сильно взбиты и лежали на низенькомъ лбу затѣйливыми фестонами надъ нарисованными бровями.

— Съ чего вы это взяли, Агаѳья Прохоровна?—спросила ее молодая дѣвушка.

— Да какъ же? вышивать осталась на галдареѣ, а сама все на дорогу смотришь, не ѣдетъ ли нашъ соколъ?—ядовито продолжала Агаѳья Прохоровна.—Я тутъ цѣлый часъ сижу, да къ тебѣ присматриваюсь, просто одурь взяла... Только ужъ смотри, не смотри, а толку мало: не попасть воронѣ въ высокія хоромы. Побаловать онъ съ тобою побалуетъ, а ужъ жениться-то—на холопкѣ не женится.

У молодой дѣвушки щеки покрылись еще болѣе яркимъ румянцемъ, и на глаза навернулись слезы.

— Богъ васъ знаетъ, что вы такое говорите,—тихо, подавленнымъ голосомъ сказала она и со вздохомъ снова принялась за вышиванье.

Старая дѣва ядовито засмѣялась.

— Скажите! не знаетъ, что говорятъ! Невинность въ мѣшочкѣ!..

Она какъ-то фыркнула со злобой въ сторону и торопливо принялась за прерванное на минуту вязанье шерстяного платка. Въ комнаткѣ съ минуту слышалось только щелканье деревянныхъ вязательныхъ спицъ.

— Носы-то вы всѣ очень ужъ задрали,—продолжала, спустя минуту, старая дѣва, съ озлобленіемъ перебирая

Digitized by Google

вязательными спицами.—Насѣли на Софью Петровну всей родней и думаете, что и Мухортово ваше, и вы сами мухортовскіе господа. Погодите еще, голубчики, рано распѣтушились... Можетъ-быть, еще самимъ по шапкѣ дадутъ... И хорошо сдѣлаютъ! а то отъ васъ благороднымъ людямъ житья нѣтъ... Какъ собаки, прости Господи, проходу не даете... Гришка ужъ на что щенокъ, еще драть надо его, а туда же! Давеча иду искупаться и слышу, какъ онъ говоритъ кучеру Дорофею: «въ холодной водѣ, дяденька, поди, не отмоешь такую шкуру, въ щелоку бы надо...». Тьфу! побѣжала къ Софьѣ Петровнѣ жаловаться, а тутъ твоя тетушка, Елена Никитишна почтеннѣйшая, и ну хохотать... Дура старая, право, дура... Что она меня — выжить, что ли, отсюда хочетъ? Такъ я и сама уѣду, когда вздумаю... Я не дворовая здѣсь, я въ гости пріѣхала, потому что мнѣ жаль Софью Петровну... одна она здѣсь!.. Не съ вами же ей компанію водить, не господа еще...

Въ эту минуту раздался стукъ копытъ и колесъ. Поля быстро вскочила съ мѣста и двинулась къ окну, невольно прижавъ руку къ сильно забившемуся сердцу. Старая дѣва замѣтила это движеніе.

— Бѣги, бѣги, бросься на шею!—визгливымъ, насмѣшливымъ тономъ проговорила она.

Поля сконфуженно, безсильно опустилась на стулъ.

— Что, видно, силы-то нѣтъ?.. Эхъ ты! Говорю я тебѣ, что ни за грошъ пропадешь,—продолжала Агаѳья Прохоровна и, придвинувъ стулъ поближе къ молодой дѣвушкѣ, болѣе мягко прибавила.—Я тебѣ же добра желаю. Знаю я этихъ господъ. Поиграютъ съ вашей сестрой и бросятъ. Что хорошаго-то? Теперь не прежнія времена, когда вашу сестру за своихъ же дворовыхъ съ брюхомъ замужъ выдавали, и все такое...

Она наклонилась къ дѣвушкѣ, и ея лицо приняло заискивающее выраженіе.

— Ты мнѣ скажи, голубка, что? какъ у васъ тамъ? Зашло-то далеко?

— Оставьте вы меня въ покоѣ!—болѣзненно вздохнула дѣвушка. — Вамъ-то что за дѣло? Разузнать все хочется, чтобъ по всей губерніи потомъ сплетничать.

— Скажите, пожалуйста! Сплетничать!—воскликнула Агаѳья Прохоровна съ раздраженіемъ.—Да чего же мнѣ больше знать, чѣмъ я знаю. Захочу и стану вездѣ разсказывать. Интересу-то только мало въ васъ... Вашъ же щенокъ

Digitized by Google

Гришка сказывалъ, что видѣлъ въ замочную скважину, какъ ты съ Егоръ Александровичемъ цѣловалась...

— Врете вы!—крикнула потерявшая всякое терпѣніе дѣвушка.

— Не я вру, а Гришка вретъ... да еще бабушка на-двое сказала, вретъ ли...

— Низкая вы душа, вотъ вы что!

— Ахъ, Боже мой, какая сердитая, да не страшная! Ты-то, простая душа, барской любовницей хочешь быть... И то сказать, мать твоя тоже беременною отъ барина была, когда за твоего отца, за Прокофья-то, ее выдали... Черезъ шесть мѣсяцевъ и ты родилась... Барская родня вы всѣ... Хамы...

Потомъ, взглянувъ съ презрѣніемъ и злобой на молодую дѣвушку, она прибавила:

— А вотъ, если бы ты не грубила, когда благородные люди съ тобой разговариваютъ, такъ я бы тебѣ сказала, что мнѣ Софья Петровна говорила насчетъ своихъ прожектовъ женить своего Егора Александровича.

— Женить!—воскликнула съ испугомъ Поля.

— Да-съ, женить!.. И невѣста ужъ есть... Не ты, не ты, голубушка!.. Говорить-то только я съ тобой теперь не желаю, послѣ твоихъ грубостей... На край свѣта отъ васъ уѣхала бы...

Старая дѣва свернула свое вязанье, вздернула высоко голову и съ гордымъ видомъ зашагала къ выходу. Молодая дѣвушка, опустивъ на колѣни руки, замерла на мѣстѣ.

Агаѳья Прохоровна направилась къ лѣвому флигелю, носившему у Елены Никитишны, мухортовской домоправительницы, названіе «странноприимнаго покоя». Когда въ деревню пріѣзжала генеральша Мухортова, къ ней тотчасъ же собирались разныя приживалки и странницы. Кормить этотъ людъ, потѣшаться надъ нимъ, выслушивать всякія деревенскія сплетни, это было одной изъ слабостей Софьи Петровны. Войдя въ среднюю комнату странноприимнаго покоя, Агаѳья Прохоровна прошла на маленькую террасу, выходившую въ глухую боковую часть сада, охватывавшаго барскій домъ съ трехъ сторонъ. Здѣсь на ступеняхъ сидѣла опустившаяся и обрюзгшая пожилая женщина, вся въ черномъ, съ головой, покрытой, несмотря на полуденный зной, большимъ шерстянымъ чернымъ платкомъ. Услыхавъ за собою шаги, женщина тяжело и глубоко вздохнула, сжавъ въ трубочку толстыя губы и поднявъ вверхъ заплывшіе

Digitized by Google

жиромъ глаза. Ея лицо вдругъ приняло, на всякій случай, набожное выраженіе, точно она молилась въ душѣ.

— Что вздыхаешь, мать Софронія?—небрежно спросила Агаѳья Прохоровна, присаживаясь тоже на ступеньку.

— О мірѣ, мать моя, о мірѣ сокрушаюсь,—отозвалась мать Софронія, снова тяжело вздыхая.

— Да, ужъ нечего сказать, нынче свѣтъ!—раздражительно проговорила Агаѳья Прохоровна. — Не смотрѣла бы на людей!

Она помолчала съ минуту.

— Сегодня меня съ самой ранней зари на чорта посадили!—со злобой отрывисто произнесла она.—Только проснулась, Гришка дерзостей надѣлалъ... такихъ, такихъ, что и теперь всю мутитъ!.. Безъ портокъ въ его годы-то еще мальчишки ходятъ, а онъ туда же, дерзости! Пошла жаловаться Софьѣ Петровнѣ, такъ Елена Никитишна меня же вышутила! Шутиха я имъ досталась!.. Потомъ пошла смотрѣть флигелекъ Егора Александровича, какъ тамъ все и прочее, а Прокофій, старый хрѣнъ, вдругъ мнѣ и выпалилъ: «вамъ тутъ не мѣсто: молодой баринъ еще пріѣдетъ, да увидитъ, такъ разсердится: приживалокъ-то, да салопницъ, сами знаете, онъ не жалуетъ!» Это я-то приживалка, я-то черносалопница! И тоже точно королевича какого ждутъ, возню подняли, все скребутъ и моютъ. Въ трубу все выпустятъ, тогда и въ грязи еще находятся! Невѣста-то еще пойдетъ за него, либо нѣтъ, а безъ женитьбы... долгу-то тоже больше, чѣмъ волосъ на головѣ. А тоже не всякая пойдетъ, видя, какъ домъ-то весь хамы въ свои руки захватили, да что онъ и самъ съ хамкою связался... А еще ученый, философъ!..

— Охъ, грѣхи, грѣхи!—съ набожнымъ вздохомъ проговорила Софронія. — Правда ужъ, что хамы всѣмъ правятъ. Не угоденъ имъ—и Софьѣ Петровнѣ не милъ будешь...

— Ужъ чего! По ихъ дудкѣ пляшетъ!—произнесла Агаѳья Прохоровна съ презрѣніемъ.—И ты посмотри, сколько ихъ, и все одна семья. Ты посчитай: губернаторша мухортовская, Елена Никитишна, — разъ, потомъ двоюродный ея братецъ, Прокофій, дворецкій, — два, принцесса его доченька, Пелагея Прокофьевна, — три, Гришка щенокъ, крестникъ Елены Никитишны,—четыре, Дорофей, кучеръ, тоже своякъ имъ—это пять, да почитай что всѣ — и Митюшка-поваръ, и Глашка-горничная, и Анна-скотница, да всѣ, всѣ роденька Елены Никитишны... Вотъ ужъ истинно саранча насѣла...

Digitized by Google

Только вотъ не знаю, кто теперь при Егорѣ Александровичѣ камердинеромъ состоитъ. Кажется, у нихъ некого было изъ своихъ-то къ нему приткнуть...

Она вдругъ что-то вспомнила и засмѣялась.

— Впрочемъ, и то сказать, между собою родня, да и Мухортовымъ не чужіе. Елена-то Никитишна, извѣстно,— дѣдушкинъ грѣхъ, мухортовская кровь. Ну, и Прокофій-то, говорятъ, когда еще въ казачкахъ состоялъ, старой барынѣ ужъ больно потрафить умѣлъ, а потомъ жену взялъ на третьемъ мѣсяцѣ беременную. Пелагея-то тоже вѣдь барскаго рода... Только такимъ-то... вотъ у насъ попъ такой-то дочери вдовой солдатки имя Епистимьи далъ. Солдатка взвыла, а онъ и говоритъ: «какія же имена я послѣ того законнымъ дѣтямъ буду давать? Твоя незаконная, пусть Епистимьей и будетъ». Такъ ее и зовутъ теперь Епистимья, да Епистимья... Другого и прозвища нѣтъ...

— Ужъ что говорить! Извѣстно, по грѣхамъ и наказаніе,—сонливо согласилась Софронія.

— А наши хамы думаютъ и точно, что они мухортовскіе сродственники,—продолжала горячиться Агаѳья Прохоровна.—А такихъ-то сродственниковъ ради одного стыда держать бы въ домѣ не слѣдовало! И вѣдь какъ забрали въ руки Софью Петровну! Такъ ею и вертятъ, такъ и вертятъ... До чего только дойдетъ: какъ крѣпостные-то были, такъ можно было эту орду содержать, да ублажать, а теперь капиталы-то подбираться что-то стали, имѣнье-то заложено-перезаложено... Тоже вѣдь Елены Никитишны братецъ управлялъ, охулки на руку не положилъ, теперь только за прекращеніемъ живота вакансію оставилъ... Кого-то выберутъ въ управители... Да, ужъ нечего сказать, въ разоръ разорили господъ. Только развѣ женитьбой и поправятся...

Въ это время послышалось легкое сопѣнье съ присвистомъ. Агаѳья Прохоровна, круто оборвавъ рѣчь, взглянула на свою собесѣдницу: та сладко спала, медленно кивая головой. Агаѳья Прохоровна съ досадой сплюнула и шумно поднялась съ мѣста. Софронія проснулась и, сладко зѣвая, спросила:

— Что? али завтракать звали?

— Ну, да, такъ тебя и позовутъ сегодня завтракать. Принцъ-то, Егоръ-то Александровичъ, нашу сестру не любитъ!—досадливо сказала Агаѳья Прохоровна.

— Такъ какъ же?—растерянно спросила Софронія.

Digitized by Google

— А вотъ погоди, покланяйся Еленѣ Никитишнѣ, чтобъ соблаговолила что-нибудь дать...

Въ эту минуту въ комнатѣ послышались шумные шаги, и что-то сильно зазвенѣло. Обѣ женщины обернулись разомъ.

Въ комнату вошелъ мальчуганъ лѣтъ двѣнадцати съ подносомъ. Онъ почти бросилъ подносъ на столъ и, обращаясь къ обѣимъ женщинамъ, рѣзко и грубо сказалъ:

— Ѣсть принесъ!

И тотчасъ же повернулся къ нимъ спиною и вышелъ.

— А, каковъ подлецъ Гришка!.. Ѣсть принесъ!.. Точно псамъ какимъ, прости Господи,—воскликнула Агаѳья Прохоровна, отплевываясь.

— Первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми, сказалъ Господь нашъ,—съ покорнымъ вздохомъ произнесла Софронія.—Что-жъ, пойдемъ, мать, закусимъ, а тамъ и соспуть можно до обѣда...

— Экъ тебя развезло, поѣходя спишь!—сказала Агаѳья Прохоровна.

— Ночь-то молишься, устанешь тоже,—отвѣтила, позѣвывая, Софронія.

— Молишься!—проворчала Агаѳья Прохоровна, враждебно посматривая на нее, точно хотѣла сказать: «знаю я, какъ ты молишься, за десять комнатъ храпъ слышенъ!»

II.

Въ это время въ столовой, отдѣланной дубомъ и уставленной цвѣтами, уже сидѣли за завтракомъ Мухортовы: сама Софья Петровна, очень красивая, видная, хотя уже значительно обрюзгшая женщина лѣтъ пятидесяти; ея сынъ, Егоръ Александровичъ, молоденькій гвардейскій офицеръ, съ тонкими чертами лица, съ темно-сѣрыми глазами, съ вьющимися темно-русыми волосами, съ едва пробивавшимся на верхней губѣ пушкомъ, и братъ ея покойнаго мужа, Алексѣй Ивановичъ Мухортовъ, бывшій военный, а теперь агрономъ и земецъ, тучный весельчакъ, перевалившій за пятый десятокъ. На Софьѣ Петровнѣ было шелковое платье цвѣта суроваго полотна; оно было сшито по послѣдней модѣ и щедро отдѣлано шелковыми плетеными кружевами подъ цвѣтъ матеріи; изъ-подъ длиннаго шлейфа съ широкими плиссе виднѣлись густо собранныя, ослѣпительно бѣлыя кружева; на гладко, но не безъ искусства причесанныхъ, сильно уже посѣдѣвшихъ волосахъ, сверхъ широко-

Digitized by Google

заплетенной косы, была накинута косынка изъ кружевъ того же цвѣта, какъ платье и его отдѣлка; длинныя лопасти косынки, спускавшіяся за ушами, ниспадали на грудь и здѣсь, связанныя крупнымъ бантомъ, были приколоты изящной брошью, изображавшей пучокъ колосьевъ съ брильянтами вмѣсто зеренъ. На Егорѣ Александровичѣ былъ надѣтъ щеголеватый бѣлый китель, замѣчательно ловко охватывавшій стройную фигуру молодого гвардейца. Щеголеватость и изящество проглядывало здѣсь во всемъ: въ нарядѣ хозяевъ, въ украшеніяхъ столовой, въ сервировкѣ стола, даже въ одеждѣ прислуживавшаго за столомъ Прокофья, серьезнаго и почтеннаго на видъ старика, въ бѣломъ галстукѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ черномъ фракѣ, и въ одеждѣ Елены Никитишны, приготовлявшей на спирту кофе въ серебряномъ кофейникѣ, одѣтой въ коричневое шерстяное платье съ такой же пелеринкой и въ бѣломъ чепчикѣ съ коричневыми шелковыми завязками; ея полную и бѣлую шею охватывалъ гладкій, бѣлый воротничокъ, а изъ-за такихъ же гладкихъ бѣлыхъ манжетъ выставлялись выхоленныя, мягкія и бѣлыя руки. Полную противоположность съ этимъ изяществомъ, щеголеватостью и степенною сдержанностью представлялъ только Алексѣй Ивановичъ Мухортовъ: это былъ коротконогій, короткошеій, короткорукій, крайне подвижной толстякъ въ короткихъ сѣрыхъ панталонахъ, вытянутыхъ на колѣняхъ и измятыхъ подъ колѣнями, и въ такомъ же пиджакѣ или, какъ выражается онъ самъ, балахонѣ, залитомъ на груди жиромъ, капавшимъ во время обѣдовъ и завтраковъ съ длинныхъ усовъ совершенно лысаго, вѣчно жестикулировавшаго, вѣчно покрытаго потомъ, вѣчно лоснящагося старика.

— Я тебѣ очень благодарна, Алексисъ,—говорила протяжно и немного нараспѣвъ Софья Петровна:—что ты тотчасъ пріѣхалъ...

— А ты думала, что я пріѣду, когда свѣтопреставленіе будетъ?—отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, засмѣявшись жирнымъ, утробнымъ смѣхомъ, всколыхавшимъ его животъ.— Дѣла, такъ ихъ надо дѣлать скорѣй...

— О, эти противныя дѣла!—съ томнымъ вздохомъ проговорила Софья Петровна и подняла глаза къ потолку.

— Да, какъ сажа бѣла,—по-русски замѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, махнувъ рукою.

Разговоръ велся на французскомъ языкѣ, замѣтно стѣс-

Digitized by Google

вявшемъ Алексѣя Ивановича. Софья Петровна усмѣхнулась и укоризненно покачала головой.

— Ты неисправимъ, Алексисъ,—замѣтила она.

— Что-жъ, матушка, что правда, то правда!—сказалъ толстякъ, разводя руками.

— Знаю, что правда,—со вздохомъ сказала генеральша:— но зачѣмъ же людямъ знать...

— Да, дядя,—вмѣшался въ разговоръ Егоръ Александровичъ: — неужели дѣйствительно дѣла наши ужъ такъ безнадежны?..

— Ахъ ты, фертикъ! — проговорилъ по-русски Алексѣй Ивановичъ и, увидавъ молящій взглядъ Софьи Петровны, расхохотался и сплюнулъ.

Генеральша укоризненно покачала головой.

— Неужели такъ безнадежны,—передразнилъ дядя племянника, заговоривъ опять по-французски.—А ты думалъ, что ты съ матушкой мотать будешь, а дѣла будутъ все улучшаться? Нѣтъ, братъ, нынче не такія времена. Нынче, хочешь жить—умѣй работать, да такъ работать... Вотъ ты посмотри...

Толстякъ протянулъ къ племяннику свои руки.

— Когда молотилки рабочіе, на зло мнѣ, стали ломать,— этими руками я и молотилъ, и двумъ рабочимъ скулы свернулъ,—пояснилъ Алексѣй Ивановичъ, снова прожорливо принимаясь за ѣду, заткнувъ за воротникъ рубашки уголъ упавшей на его колѣни салфетки.

По лицу племянника скользнула брезгливая усмѣшка. Софья Петровна вздохнула.

— Но вѣдь это только хозяйственныя занятія,—продолжалъ толстякъ: — а на мнѣ еще сколько общественныхъ обязанностей лежитъ. Ты посчитай: я членъ земской управы, я и за школами слѣжу, я и опекунъ въ сосѣднемъ имѣніи, надъ дѣтьми Борисоглѣбскихъ, я и почетнымъ мировымъ судьею былъ, я и въ банкѣ губернскомъ принимаю участіе, я и подрядъ взялъ на постановку дровъ на желѣзную дорогу.

Исчисляя свои обязанности, толстякъ, отложивъ ножъ и вилку, поднялъ руки и сталъ загибать свои жирные пальцы одинъ за другимъ, такъ что, въ концѣ концовъ, противъ племянника были подняты два широкіе здоровенные кулака.

— Ахъ, ты, американецъ!—разсмѣявшись, проговорилъ племянникъ.

— Да, будешь американцемъ, когда людей—разъ-два, да

Digitized by Google

и обчелся,—сказалъ толстякъ, опять порывисто принимаясь за ѣду. — Вы вотъ тамъ, въ Питерѣ, въ канцеляріяхъ сидите, на парадахъ журавлинымъ шагомъ выступаете, а ѣсть-то вамъ, поди, нужно приготовить?.. Мы вотъ здѣсь и работай, чтобъ на всѣхъ васъ хлѣба хватало, чтобъ мужики подать вносили вамъ на жалованье. Не работай мы здѣсь, у всѣхъ у васъ дѣла-то безнадежны бы стали.

Алексѣй Ивановичъ говорилъ по-французски не бойко и помянутно прорывался русскими фразами. Это замѣтно безпокоило Софью Петровну, и она наконецъ сказала:

— Пойдемте пить кофе на террасу, тамъ можно свободнѣе говорить...

Всѣ встали и пошли на большую террасу, гдѣ среди цвѣтущихъ растеній стояла мягкая и удобная мебель. Прокофій принесъ кофе и оставилъ господъ однихъ.

— Ну, теперь, Алексисъ, ты можешь не стѣсняться,— сказала Софья Петровна съ добродушной и снисходительной усмѣшкой.

— Да я, матушка, и тамъ не стѣснялся,—наивно отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ.—Или ты думаешь, что твои люди не знаютъ лучше тебя твоихъ дѣлъ? Слава Богу, до нынѣшней весны твоей же Елены Никитишны братецъ дѣлами твоими подъ моимъ присмотромъ управлялъ. Тоже, бывало, придетъ и чуть не реветъ дуракъ: «Какъ же, говоритъ, закладывали имѣніе, чтобы машины купить, чтобы постройки сдѣлать, а ухлопали все на балы да на домашніе спектакли!..» Какъ же, матушка, твоей-то челяди не знать твоихъ дѣлъ, на глазахъ у всѣхъ мотали...

— Алексисъ, пощади!—вѣдь мнѣ двухъ дочерей надо было выдать,—съ упрекомъ сказала Мухортова.

— Такъ и надо было для этого мотать? Можетъ-быть, онѣ бы скорѣе вышли замужъ, если бы имѣніе-то было въ порядкѣ...

Егоръ Александровичъ, откинувшись удобно на мягкомъ креслѣ, подравнивалъ въ это время крошечнымъ ножомъ свои красивые ногти. Приподнявъ немного голову и устремивъ тревожный взглядъ на дядю, онъ спросилъ:

— Такъ что же теперь придется дѣлать, если дѣла въ такомъ состояніи?

— Поселиться здѣсь придется, работать, да прежде всего вотъ это вышвырнуть вонъ,—отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, проводя рукой въ воздухѣ.

— Что это?

Digitized by Google

— А вотъ эти всѣ камеліи, азаліи, родо-дендроны... Тьфу! и не выговоришь даже!.. Теперь не оранжереи, не парники, не теплицы нужны, а хлѣбъ да капуста...

Софья Петровна презрительно усмѣхнулась.

— Ты говорилъ еще о другомъ исходѣ,—замѣтила она.— Я говорила объ этомъ Жоржу...

— Ахъ да, женитьба на Протасовой!—въ одинъ голосъ воскликнули дядя и племянникъ.

— Что-жъ, это дѣло!—сказалъ дядя.

— Я ея почти не знаю,—раздражительно замѣтилъ племянникъ.

— Ты же игралъ съ нею въ дѣтствѣ, потомъ ты ее видалъ у Барбъ, Жоржъ, когда Протасовы пріѣзжали въ Петербургъ,—сказала мать.—Протасовъ, правда, изъ купцовъ вышелъ въ люди...

— Ошибаешься, матушка, просто изъ сиволапыхъ мужиковъ,—поправилъ дядя.

— Но она очень милая особа, образована, богата,— продолжала генеральша, какъ бы пропустивъ мимо ушей замѣчаніе Алексѣя Ивановича.

— Ты напрасно перечисляешь ея достоинства, я все равно могу жениться только по расчету,—холодно сказалъ сынъ.—Ты знаешь, что моя сердечная привязанность уже помѣщена въ другія...

— Жоржъ!—съ укоризною воскликнула мать.—Я тебя просила не говорить объ этомъ! Я этого не знаю, не вижу, не хочу видѣть! Зачѣмъ ты хочешь мучить меня?

Она въ волненіи обратилась къ Алексѣю Ивановичу и начала жалующимся тономъ будирующей институтки:

— Ну, разсуди самъ, Алексѣй, зачѣмъ мнѣ знать всѣ эти пошлости и шалости? Мало ли ихъ у каждаго изъ васъ, противныхъ мужчинъ?

— Сюзетка какая-нибудь завелась?—спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Ахъ, нѣтъ,—съ тяжелымъ вздохомъ сказала генеральша.—Хуже! Я очень, очень недовольна Жоржемъ въ этомъ случаѣ... Ужъ если начали говорить, то надо говорить все... Видишь ли, мы изволили соблазнить Полину...

— Какую Полину?—спросилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Ты помнишь, дочь Прокофія. Ты ее видѣлъ... Я любила и люблю эту дѣвушку, какъ родную. Сажала ее въ классную, когда студентъ училъ моихъ Барбъ и Зизи. Думала пристроить за какого-нибудь чиновника. Вѣдь дядя

Digitized by Google

Какъ могъ бы найти въ своемъ министерствѣ такого чиновника. Приказалъ бы тамъ кому-нибудь... И вдругъ слышу, что Жоржъ изволитъ дурачиться съ нею...

Софья Петровна говорила теперь такимъ тономъ, какъ будто жаловалась маленькая дѣвочка на то, что ее обидѣли.

— Что же, жениться намѣревался?—спросилъ со смѣхомъ Алексѣй Ивановичъ...

Егоръ Александровичъ вспылилъ.

— Тутъ шутки вовсе неумѣстны!—проговорилъ онъ.—Люди въ моемъ положеніи на горничныхъ не женятся. Но я нисколько не скрываю, что я ее очень люблю...

— И соблазнилъ ее обѣщаніями жениться?—спросилъ дядя.

Въ глазахъ молодого человѣка сверкнулъ недобрый огонекъ. Генеральша пожала плечами.

— Она вовсе на это и не разсчитывала сама... Да и никто объ этомъ не думаетъ... но мнѣ непріятно, что это въ моемъ домѣ.

— Ну, не новость... Это только свидѣтельствуетъ, что Егорушка по дѣдушкѣ пошелъ,—сказалъ Алексѣй Ивановичъ.

Мухортова вздохнула и покачала головой съ упрекомъ.

— Ты, Алексисъ, смотришь на все ужасно легко. Тогда были другія времена, другіе нравы. Тогда на это никто не обращалъ вниманія. Теперь дѣло другое. Я ужасно, ужасно опечалена этой исторіей...

— Выдать ее замужъ, вотъ и все,—рѣшилъ толстякъ.

— Она ни за кого не пойдетъ,—рѣшительно замѣтилъ Егоръ Александровичъ, не отрывая глазъ отъ подчищаемыхъ имъ ногтей.

— Пойдетъ!—сказалъ дядя не менѣе рѣшительно.—Да это пустяки. Нужно прежде всего самому на что-нибудь рѣшиться, иначе вѣдь по-міру придется идти. Теперь вамъ нужно ухлопать не одинъ десятокъ тысячъ, чтобъ выкупить имѣніе и привести въ порядокъ хозяйство, а эти деньги на землѣ не валяются. Протасовъ будетъ радъ отдать за тебя дочь...

— Я думаю!—сорвалось съ языка Егора Александровича презрительное восклицаніе.

— Ну, ты о себѣ-то много не мечтай!—сказалъ Алексѣй Ивановичъ.—Такихъ-то женіховъ много, смазливыхъ голышей, но не у всѣхъ есть дяди Жаки, министры. Вотъ что важно для Протасова. Онъ банки устраиваетъ, онъ

Digitized by Google

подрядовъ ищетъ. Потому-то ты для него и находка. Ему, все равно, на взятки нужно ухлопать десятки тысячъ, такъ лучше ихъ зятю отдать и черезъ него заручиться протекціями.

Генеральша не то съ скучающимъ, не то съ брезгливымъ выраженіемъ проговорила:

— Барышники вы здѣсь какіе-то!

— Ну да, а вамъ бы только готовыя нѣнки со всего снимать!—отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ.—Впрочемъ, дѣло не въ томъ. А вы скажите, когда мнѣ къ вамъ Протасовыхъ привезти? Нужно ковать желѣзо, пока горячо. Закинетъ Протасовъ удочку въ министерствѣ, давъ взятку, тогда вы на кой чортъ?

Генеральша нетерпѣливо передернула плечами.

— Я думаю, самое лучшее зазвать къ намъ дѣвочку съ одной изъ ея тетокъ послѣзавтра на обѣдъ. Вы тоже пріѣдете. Ты-то, впрочемъ, уже видаешься съ ними?..

Мухортова утвердительно кивнула головой.

— Ну, и отлично. Надо только вотъ его свести съ барышней поближе... Устрою обѣдъ, приглашу ихъ, вы пріѣдете и начнемъ варить кашу.

Егоръ Александровичъ горько усмѣхнулся.

— Не худо бы и меня спросить,—замѣтилъ онъ.

— Чисти, Егорушка, ногти, а ужъ дѣло-то мы будемъ дѣлать,—отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, похлопывая его по плечу.—Купать тебѣ надо, да и вкусы-то у тебя, поди, изысканные... Чистое это Божеское наказаніе, когда денегъ въ карманѣ нѣтъ... Я вонъ, какъ волъ, сталъ работать ради этихъ вкусовъ...

III.

День пріѣзда молодого барина былъ тревожнымъ днемъ въ мухортовомъ домѣ. Съ утра пришлось все мыть и чистить, потомъ былъ завтракъ, къ обѣду пріѣхали жена, сынъ и дочери Алексѣя Ивановича и только часовъ въ девять все смолкло. Гости разъѣхались, генеральша удалилась на свою половину. Въ деревнѣ она обыкновенно ложилась очень рано: ляжетъ въ постель, призоветъ кого-нибудь изъ приживалокъ, побесѣдуетъ съ ними, пока Елена Никитишна убираетъ ея платья, потомъ милостиво отпуститъ словоохотливыхъ женщинъ, возьметъ французскій романъ и въ тишинѣ, при мягкомъ свѣтѣ лампы, укрывшись розовымъ шелковымъ одѣяломъ, вся въ кружевахъ,

Digitized by Google

читаетъ далеко за полночь, унесясь воображеніемъ то въ Парижъ, то въ Лондонъ, то въ дѣвственные лѣса Америки. Гдѣ-гдѣ она ни побываетъ въ иную ночь и какихъ приключеній не насмотрится. Иногда ужасъ охватываетъ ее, когда она вмѣстѣ съ героями романа попадаетъ въ руки злодѣевъ; порою льются изъ ея глазъ горячія слезы, когда страдаетъ угнетенная невинность; подчасъ же всю ее охватываетъ такое сладостное чувство, когда романическій *онъ* хватаетъ романическую *ее* въ свои объятія, впивается въ *ея уста своими* страстными устами и влечетъ ее въ укрытый отъ любопытныхъ взоровъ уголокъ,—и кажется ей, генеральшѣ Мухортовой, при видѣ таинственныхъ точекъ въ романѣ, что она сама еще можетъ увлечься, что въ ней еще не все угасло...

На этотъ разъ она тоже позвала къ себѣ и мать Софронію, и Агаѳью Прохоровну.

— Я васъ, мои милыя, сегодня почти и не видала,— мягко сказала она.—Ужъ извините, день такой выдался. Въ родственномъ кругу нужно было о многомъ поговорить...

— Ахъ, что вы, благодѣтельница, извиняетесь!—воскликнула Агаѳья Прохоровна и бросилась цѣловать въ плечо генеральшу.

Софронія поцѣловала ее въ другое плечо.

— Кормили ли васъ?—участливо спросила генеральша.

— Всѣмъ довольны, ваше превосходительство, мать наша,—униженнымъ тономъ сказала Софронія:—Елена Никитишна, дай ей Богъ здоровья, всего наслала...

— На Егора Александровича-то только и глазкомъ не удалось взглянуть,—замѣтила Агаѳья Прохоровна сладенькимъ голосомъ.—Я думаю, совсѣмъ женихъ, какъ есть...

— Еще бы!—сказала генеральша.

— Вотъ погоди, Агаѳья Прохоровна, увидитъ, опять «крысинымъ хвостомъ» станетъ звать,—со смѣхомъ сказала Елена Никитишна.

— Пусть ихъ тѣшатся!—отвѣтила Агаѳья Прохоровна слегка зашипѣвшимъ голосомъ.—Тоже шутникъ былъ ребеночекъ... Да вѣдь это отъ радости душевной, а не отъ злобы, какъ иной хамъ, не здѣсь будь сказано, издѣвается...

И, сдѣлавъ совсѣмъ ехидное лицо, она прибавила:

— Вотъ женить бы здѣсь Егора Александровича! Хоть однимъ глазкомъ взглянула бы на свадьбу.

Елена Никитишна, прибирая послѣднія вещицы, еще разбросанныя на туалетѣ, насмѣшливо замѣтила:

Digitized by Google

— Сватать невѣсту, вѣрно, хочешь?

— Отчего жъ и не посватать?—отвѣтила Агаѳья Прохоровна.—Вотъ денисьевскія барышни—краля въ кралѣ и отецъ въ генералахъ состоитъ. Тоже львовская барышня изъ себя субтильная...

— Ахъ, что это за невѣсты!—со вздохомъ сказала Мухортова.

Агаѳья Прохоровна назвала еще нѣсколько фамилій сосѣднихъ помѣщиковъ, но ея зоркіе глаза тотчасъ угадали, что не этихъ дѣвушекъ прочатъ въ невѣсты. Она терялась въ догадкахъ. Кого же, если не ихъ? Въ окрестностяхъ, кажется, больше и дѣвицъ не было.

— Ну, покойной ночи!—сказала Мухортова.—Устала я сегодня!

— Какъ не устать, какъ не устать, благодѣтельница!—сказала Агаѳья Прохоровна.

— Шутки ли, какъ за день-то умаешься,—замѣтила въ свою очередь Софронія, незамѣтно зѣвая въ руку.

Обѣ женщины прикоснулись губами къ плечамъ генеральши и на цыпочкахъ вышли изъ комнаты. Генеральша, отпустивъ и Елену Никитишну, взялась за романъ.

— Теперь и соснуть можно,—сказала Софронія, направляясь въ боковой флигель.

— Ахъ, нѣтъ! вечеръ такой благодатный, что и спать не хочется,—отвѣтила Агаѳья Прохоровна.—Я еще помечтать пойду въ садъ. Страсть какъ я люблю мечтать въ эту пору...

Онѣ прошли въ «странноприимный покой». Агаѳья Прохоровна отворила дверь на балконъ.

— Вонъ луна свѣтитъ, звѣзды мерцаютъ, ароматъ плыветъ,—проговорила она пѣвучимъ голосомъ:—и не спала бы я, кажется, до бѣла дня въ такія ночи... Молодости, чувствъ этихъ самыхъ во мнѣ много...

Она широко вдохнула воздухъ, закативъ ввалившіеся и поблекшіе глаза. Вечеръ дѣйствительно замѣчательно хорошъ: тихій, теплый и ясный, онъ манилъ на воздухъ. Садъ былъ весь въ цвѣту: все было пропитано ароматомъ. Легкой и неслышной поступью крадущейся кошки сошла Агаѳья Прохоровна въ садъ, обогнула барскій домъ и незамѣтно очутилась противъ праваго бокового флигеля, гдѣ помѣщался Егоръ Александровичъ.

Во флигелѣ была освѣщена только одна комната—спальня молодого Мухортова. Изъ этой комнаты такъ же, какъ и

Digitized by Google

въ «странноприимномъ покоѣ», вела дверь на террасу. Только здѣсь терраса была густо уставлена цвѣтами. Шторы въ комнатѣ еще не были спущены, и Агаѳья Прохоровна могла видѣть, какъ молодой Мухортовъ, съ папиросой въ зубахъ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Прошло нѣсколько минутъ. Послышались чьи-то мелкіе шаги въ саду. Агаѳья Прохоровна притаилась за деревомъ. Вдоль стѣны флигеля скользнула чья-то тѣнь. Агаѳья Прохоровна увидала фигуру женщины, поднимавшейся по ступенямъ террасы. Раздался легкій стукъ въ дверь. Мухортовъ быстро подошелъ къ двери, отперъ ее и, вскрикнувъ отъ неожиданности, сжалъ въ своихъ объятіяхъ Полю.

— Голубчикъ, истомилась я... весь день не видала васъ!—раздался шопотъ Поли, прижавшейся къ его груди.

— Ахъ, безстыдница, безстыдница! Сама къ нему ходитъ!—мысленно вскричала въ волненіи Агаѳья Прохоровна.

— Пойдемъ въ комнату, здѣсь можетъ кто-нибудь застать,—сказалъ Егоръ Александровичъ.

— Пусть!.. Мнѣ-то что? Никого я не боюсь... Всѣ и такъ знаютъ... Да и пусть знаютъ,—говорила Поля.

Она опять прижалась губами къ его лицу; онъ тихо ввелъ ее въ комнату. Агаѳья Прохоровна чуть не ползкомъ стала пробираться къ окну. Въ эту же минуту передъ ея лицомъ стала постепенно опускаться штора. Агаѳья Прохоровна торопливо стала подкрадываться къ другому окну. Но и тутъ тоже опустилась штора, а вслѣдъ за нею упали тяжелыя портьеры у дверей.

— Ахъ, срамница! Ахъ, срамница!—озлобленно твердила старая дѣва, хлопотливо и петербѣлливо отыскивая хоть какой-нибудь щелки.

Заглянуть въ комнату не было никакой возможности. Агаѳья Прохоровна отошла отъ флигеля, взглядывая на окно. На бѣлыхъ, ярко освѣщенныхъ шторахъ мелькали тѣни двухъ фигуръ; черезъ нѣсколько минутъ не стало видно и этихъ отраженій. Въ саду и въ домѣ была полнѣйшая тишина. Гдѣ-то далеко слышалось лошадиное ржанье, пѣтухъ пропѣлъ спросонья на птичникѣ. Опять все стихло, точно замерло. Въ воздухѣ стало свѣжѣе. Откуда-то потянуло сыростью. Агаѳья Прохоровна вздрогнула.

— Нѣтъ, ужъ я тебя, голубушка, дождусь!—проментала она и сѣла на скамью.—Будь я не я, если я тебя не укараулю, да не выведу на свѣжую воду...

Digitized by Google

Не прошло и десяти минутъ, какъ Агаѳья Прохоровна почувствовала, что скамья отсырѣла. Она вскочила и, быстро оправивъ промокшія юбки, стала снова ходить, какъ дежурный часовой, около дома. Гдѣ-то въ комнатахъ пробили часы: било двѣнадцать. У Агаѳьи Прохоровны ноги устали отъ ходьбы. Она рѣшалась опять сѣсть на сырую скамью. Въ ея груди учащенно билось сердце. Ей поскорѣй хотѣлось накрыть «подлую дѣвчонку». Наконецъ, портьеры въ комнатѣ Егора Александровича раздвинулись, отворилась дверь, и на порогѣ появились молодые люди. Егоръ Александровичъ еще разъ обнялъ Полю. Она, набросивъ на голову платокъ, стала спускаться съ террасы... Агаѳья Прохоровна знала, по какой дорожкѣ должна пройти Поля, и быстро обошла другой дорогой, чтобы встрѣтить молодую дѣвушку. Поля шла, ни на что не обращая вниманія, и дошла до большой террасы, занимавшей половину главнаго фасада барскаго дома. Вдругъ раздался у ея ногъ крикъ испуга, и со ступеней поднялась, присѣвшая на нихъ, Агаѳья Прохоровна.

— Тьфу ты, Господи! Съ нами крестная сила! Чуръ меня!—вскричала старая дѣва.

Поля вздрогнула и отступила на шагъ.

— Кто это?—продолжала Агаѳья Прохоровна.—Ты, Пелагея, ночью по саду бродишь.

— А вы?—спросила Поля.

— Такъ, я тутъ сидѣла, у дома, набожнымъ размышленіямъ предавалась... А ты? Ужъ не къ Егору ли Александровичу изволила ходить? — насмѣшливо закончила старая дѣва.

Поля бойко подняла голову.

— Ну, а если бъ и къ нему? Вамъ-то что? — спросила она задорно.—Ну, была у него, была. Что же такое?

— Ахъ, ты, срамница, ахъ, срамница! Да если бы Софья-то Петровна это узнала...

— И знаетъ, знаетъ, всѣ знаютъ, — рѣзко сказала Поля. — Вотъ въ томъ-то и бѣда ваша! Жаловаться-то некому! Ни отъ кого мой грѣхъ не скрыть, и никого я не боюсь. Передъ всѣмъ міромъ скажу, что люблю Егора Александровича и хожу къ нему, и не боюсь никого!

Агаѳья Прохоровна даже руками развела.

— Да ты, дѣвка, не въ своемъ умѣ! Головы ты своей не сносишь!..

— Ахъ, что мнѣ моя голова теперь! Пока онъ любитъ, до тѣхъ поръ и жива...

Digitized by Google

Она стала быстро подниматься на террасу.

— А жаловаться станете, — сказала она, остановившись на минуту и обернувшись къ Агаѳьѣ Прохоровнѣ:—самимъ же хуже будетъ. Софья Петровна сына на васъ не промѣняетъ, а онъ—жить мы другъ безъ друга не можемъ!..

Она говорила съ увѣренностію въ его любовь, вся сіяющая отъ счастія, вся еще охваченная обаяніемъ его ласкъ. Агаѳья Прохоровна растерянно смотрѣла ей вслѣдъ. Короткая весенняя ночь уже начинала блѣднѣть, въ саду слышались предразсвѣтные голоса пробуждавшихся птицъ.

— Ну, Содомъ и Гоморъ, истинно говорю: Содомъ и Гоморъ! — проговорила Агаѳья Прохоровна, разводя въ стороны руками. — И погибайте вы всѣ, окаянные, и слезы объ васъ не выроню... Ахъ, развратники, ахъ, развратники!

ВТОРАЯ ГЛАВА.

I.

— Куда я иду?... Люблю одну, разсчитываю жениться на другой... И все потому, что первая мнѣ не пара, а вторая можетъ поправить мои денежныя дѣла!.. Какъ все это пошло, какъ все это низко! — въ сотый разъ повторялъ мысленно Егоръ Александровичъ, волнуясь и сердясь на себя, и въ его душѣ поднималось ощущеніе брезгливости чистоплотнаго человѣка, замѣтившаго внезапно, что онъ весь забрызганъ грязью.

Мухортовъ не могъ сказать, что онъ безукоризненно честный человѣкъ, такъ какъ въ прошломъ онъ жилъ жизнью тепличнаго, выхоленнаго растенія, защищеннаго отъ всякихъ стихійныхъ случайностей, бурь и грозъ. Но онъ могъ смѣло сказать, что покуда онъ не совершилъ никакой подлой сдѣлки со своею совѣстью, такъ какъ идти на эти сдѣлки ему до этой поры вовсе было не нужно. Вѣсть о разореніи была первой бурей, налетѣвшей на него, и она поразила его, какъ громъ, грянувшій въ безоблачномъ небѣ. Вся движимая и недвижимая собственность Мухортовыхъ принадлежала Егору Александровичу, но, даже сдѣлавшись совершеннолѣтнимъ, выдѣливъ мать и сестеръ, онъ никогда не интересовался ни размѣрами этой собственности, ни приносимыми ею доходами, предоставивъ матери продолжать распоряжаться всѣмъ имуществомъ, какъ она распоряжалась имъ въ годы опеки надъ сыномъ. Практическая жизнь интересовала молодого человѣка менѣе даже,

Digitized by Google

чѣмъ свѣтская жизнь. Свѣтской жизни онъ отдавалъ хотя какую-нибудь дань, по необходимости, являлся иногда на балахъ, въ блестящихъ салонахъ, на пирушкахъ золотой молодежи. Мать убѣждала его, что это нужно «для поддержанія связей». Отбывъ волей-неволей эту повинность, онъ запирался въ своемъ кабинетѣ и отдавался чтенію любимыхъ поэтовъ, философовъ, историковъ, проводилъ время въ обществѣ студентовъ. Въ его головѣ начинали созрѣвать планы серьезныхъ научныхъ трудовъ, и съ какимъ-то благоговѣйнымъ чувствомъ подготовлялся онъ къ дѣятельности ученаго, какъ къ священнодѣйствію, еще не довѣряя своимъ собственнымъ силамъ и въ то же время испытывая радостное чувство при мысли, что, можетъ-быть, и онъ когда-нибудь станетъ рядомъ съ тѣми, кому онъ теперь поклоняется самъ. Просматривая какъ-то біографію Бокля, онъ вдругъ точно прозрѣлъ: вотъ именно та жизнь, которой жаждалъ онъ,—ученье въ тишинѣ кабинета, вдали отъ всякихъ житейскихъ дрязгъ, долголѣтняя серьезная работа, созданіе крупнаго, зрѣло обдуманнаго труда. У него какъ разъ есть все необходимое для такой жизни: средства для существованія безъ работы изъ-за куска хлѣба, мать, завѣдующая дѣлами, охота къ чтенію, развитая въ немъ еще въ дѣтствѣ его дорогимъ наставникомъ и другомъ, старикомъ-швейцарцемъ Жеромомъ Гурò, когда-то состоявшимъ при Мухортовѣ въ качествѣ гувернера... И вдругъ, среди этихъ радужныхъ грёзъ, когда онъ уже окончательно рѣшилъ вопросъ объ отставкѣ, о поступленіи въ университетъ, вѣсть о разореніи заставила его упасть съ неба на землю.

— Жоржъ, Жоржъ, это ужасно! Мы стоимъ на краю пропасти! Мы погибли! — восклицала Софья Петровна, передавая сыну вѣсть объ этомъ событіи, мелодраматически ломая руки.

Еще наканунѣ она давала балъ, поглотившій не одну тысячу рублей.

Егоръ Александровичъ даже не могъ понять сразу, о чемъ ему говоритъ мать.

— Успокойся!—проговорилъ онъ.—Чтò съ тобою?.. Ты вѣчно все преувеличиваешь... Не могло же такъ все погибнуть вдругъ?.. Можетъ-быть, можно еще поправить какъ-нибудь дѣла... Конечно, можно!..

Онъ самъ плохо понималъ, чтò онъ говоритъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Алексисъ пишетъ, что все погибло...

Digitized by Google

что имѣніе не сегодня, такъ завтра продадутъ съ молотка... Это ужасно, ужасно! — восклицала генеральша и металась на софѣ, какъ отъ приступовъ невыносимой боли. — И завтра, завтра нужно еще уплатить по счетамъ модистки!..

— Да ты не волнуйся и объясни, что случилось, — уже нетерпѣливо допрашивалъ сынъ.—Какъ это такъ, вдругъ...

Его лицо покрылось смертельною блѣдностію.

— Ахъ, развѣ я знаю... развѣ я понимаю что-нибудь въ этихъ дѣлахъ! — брезгливо сказала Софья Петровна, какъ будто рѣчь шла о чемъ-то грязномъ и сальномъ.

Она вела дѣла въ теченіе пятнадцати лѣтъ.

— Я знаю одно, что Алексисъ пишетъ ужасныя вещи... по міру пойдемъ... публиковать о продажѣ будутъ... Публиковать о нашемъ разореніи!.. И всѣ, всѣ прочтутъ въ газетахъ...

Съ ней сдѣлался истерическій припадокъ.

Впервые въ жизни Егора Александровича охватило чувство страха. Несмотря на всѣ усилія, онъ не могъ отдѣлаться отъ этого чувства. Онъ злился на себя, онъ съ презрѣніемъ называлъ себя мысленно человѣкомъ-тряпкой, мелкой натуришкой, но, тѣмъ не менѣе, страхъ передъ будущимъ охватывалъ его всего, мѣшалъ ему думать, соображать. Въ головѣ проносились только какіе-то отрывки мыслей, соображеній, картинъ, безъ всякой логической связи. Нищій, что онъ станетъ дѣлать? Онъ ни къ чему не способенъ! Надо будетъ покончить все разомъ! О, какъ трудно, какъ тяжело умирать, когда такъ хочется жить! А Поля? Бѣдная дѣвушка! Онъ погубилъ ее нравственно, теперь онъ долженъ заставить ее испытать весь ужасъ матеріальныхъ лишеній. Если бы ему удалось обезпечить хоть ее. А что если она сдѣлается матерью? Вѣдь это будетъ его ребенокъ, обреченный при рожденіи на нищету, на гибель. Да, прежде всего нужно спасти эти два существа. Но что же дѣлать?

— Жоржъ, дядя пишетъ... — начала опять, въ томъ же тонѣ героини французскаго романа, генеральша: — дядя предлагаетъ... Но мнѣ страшно даже сказать... Ахъ, нѣтъ, это ужасно... Это страшная жертва!.. Онъ тамъ въ деревнѣ нашелъ какую-то невѣсту тебѣ...

— Ахъ, до невѣстъ ли теперь, — раздражительно воскликнулъ Мухортовъ.

— Я понимаю, дитя мое, какъ это ужасно... въ твои годы и жениться, не любя, безъ страстнаго увлеченія!..

Digitized by Google

Алексисъ, конечно, этого не можетъ понять... онъ такъ огрубѣлъ тамъ въ деревнѣ... Но онъ пишетъ, что это можетъ насъ спасти...

— Спасти?—почти безсознательно повторилъ Егоръ Александровичъ.

— Да, она очень богата... Ты ее знаешь... это Мари Протасова. Правда, ея отецъ изъ купцовъ, но онъ образованный, жилъ долго въ Англіи... и въ чинахъ... Нынче кѣдь имъ дадутъ чины... Статскій совѣтникъ, кажется... Право, не знаю навѣрное... Что-то въ этомъ родѣ... Впрочемъ, со стороны матери у Мари Протасовой очень почтенная родня, изъ старыхъ дворянъ...

Въ ея голосѣ звучала нотка презрѣнія. Мухортовъ ходилъ по комнатѣ, почти не слыша, что говорила мать, погруженный въ свои думы.

— Если бы я могла просить тебя, умолять на колѣняхъ объ этой жертвѣ!—продолжала Мухортова, поднимая закатившіеся глаза и трепетныя руки къ потолку. — Но развѣ я смѣю!.. Я женщина, я мать, я понимаю, чего будетъ это стоить тебѣ... О, эти браки безъ любви!.. Развѣ я сама не была жертвой всю жизнь?.. Но мы должны спасти свою честь...

Сынъ разсѣянно отвѣтилъ:

— Что-жъ, если это единственный исходъ!

— О, Жоржъ, Жоржъ! Я буду на колѣняхъ молиться за твое счастье! — воскликнула генеральша. — Богъ услышитъ молитвы матери!..

— Ты понимаешь, я не могу еще ничего сообразить, обдумать,—нетерпѣливо отвѣтилъ Мухортовъ, всегда раздражавшійся при видѣ трагическихъ ломаній матери.—Это все слишкомъ неожиданно!

— А я, а я? Развѣ я ожидала? Развѣ я могла ожидать?

— И какъ не стыдно дядѣ Алексѣю... Не предупредилъ... не предостерегъ заранѣе,—задумчиво замѣтилъ сынъ.

— Ахъ, онъ говоритъ, что предупреждалъ... Но развѣ я могла вѣрить?.. Они тамъ всегда такъ въ деревнѣ: вѣчно угрожаютъ, жалуются на безденежье, на неурожаи... И вѣчно у нихъ какіе-то платежи!.. Я не читала даже этихъ іереміадъ... Сколько лѣтъ все угрожалъ!.. А теперь... О, это, какъ громъ, поразилъ меня... Я все, все вынесу, но не позоръ!.. Позоръ меня убьетъ.

И затѣмъ полился цѣлый потокъ трогательныхъ просьбъ о жертвѣ и трагическихъ восклицаній о позорѣ. Егоръ

Digitized by Google

Александровичъ соглашался сдѣлать все, зависящее отъ него, но онъ говорилъ, точно во снѣ. Мать, занятая только собою, не замѣчала состоянія его духа и слышала одно его согласіе съ планомъ дяди Алексѣя Ивановича.

— Я на этихъ же дняхъ должна бѣжать отсюда, — съ трагизмомъ продолжала Мухортова, любившая употреблять страшныя слова. — У насъ есть срочные долги... Придутъ кредиторы... Нѣтъ, нѣтъ, я не способна лгать и притворяться!.. Я должна уѣхать на время, и если тебѣ удастся жениться — наша фамильная честь будетъ спасена... Ради Бога, Жоржъ, бери скорѣй отпускъ, пріѣзжай въ деревню... Покуда все не уладится—я не буду жить!..

Въ домѣ начались суетливые сборы къ отъѣзду въ деревню. Генеральша была серьезно убѣждена, что ей остается одно спасеніе въ бѣгствѣ, и легкомысленно повторяла себѣ: «Ахъ, это точно въ романѣ». Мухортовъ бродилъ среди страшнаго хаоса въ своей квартирѣ, какъ тѣнь, не находя успокоенія, и, смотря на укладыванья въ чемоданы и сундуки вещей, испытывалъ ощущеніе бѣглеца, спасавшаго свои послѣдніе пожитки отъ наступающихъ враговъ и сознающаго, что, въ сущности, спасти уже ничего нельзя. Ему крайне смутно представлялось его собственное положеніе: онъ не зналъ и теперь настоящаго состоянія своихъ дѣлъ и только слышалъ раздирательные стоны матери о томъ, что они стоятъ на краю пропасти, что ихъ ждетъ позоръ. Его душевное настроеніе было такъ же смутно и тягостно и черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Мухортовой въ деревню, когда туда, по условію, долженъ былъ отправиться и онъ. О женитьбѣ онъ старался не думать, хотя его самого бѣсило это стремленіе не глядѣть прямо въ глаза обстоятельствамъ, это стремленіе обмануть самого себя; онъ чувствовалъ, что онъ поступаетъ подобно глупымъ птицамъ, прячущимъ, въ виду опасности, головы подъ крылья; онъ тоже пряталъ голову подъ крыло, боясь прямо сказать себѣ, что онъ идетъ на безчестную сдѣлку, ради матеріальныхъ выгодъ. Это его возмущало и лишало вѣры въ свои нравственныя силы; хорошо онъ будетъ жить въ будущемъ, если при первой житейской невзгодѣ онъ уже идетъ на подлую сдѣлку...

И что это за дѣвушка, на которой онъ долженъ жениться?..

Онъ очень смутно представлялъ ее себѣ. Онъ помнилъ, что когда-то, въ дни его отдаленнаго дѣтства, лѣтъ десять

Digitized by Google

пли одиннадцать тому назадъ, къ нимъ въ Мухортово изрѣдка пріѣзжали какія-то полупомѣшанныя и чопорныя старыя дѣвы Ададуровы въ ярко-красныхъ и ярко-синихъ платьяхъ, въ широчайшихъ кринолинахъ, съ грубо накрашенными бровями, щеками и губами, и съ ними пріѣзжала маленькая черномазенькая дѣвочка Маша. Это былъ странный ребенокъ, походившій на отощавшую въ неволѣ обезьянку; то она сидѣла, съежившись, угрюмо и молчаливо, какъ ушедшая въ раковину улитка, и въ эти минуты казалось, что у нея болитъ грудь, что она скоро зачахнетъ; то вдругъ она становилась дико и необузданно развязною и приводила въ ужасъ всѣхъ гувернантокъ и барынь, лазая по деревьямъ и плетнямъ, подскакивая верхомъ на палочкѣ, какъ уличный мальчишка, и въ эти минуты она казалась просто безумной дикаркой, звѣрькомъ, способнымъ защищать зубами свою свободу.

— C'est une fille mal élevée,—говорили про нее дамы.

Эту фразу о Машѣ повторяли на всѣ лады и прибавляли къ этому, со вздохомъ:

— И то сказать, она растетъ такъ одиноко, въ такомъ забросѣ!

Егора Александровича въ тѣ годы очень мало интересовала эта дѣвочка: онъ страдалъ глазами и велъ отчужденную отъ дѣтскихъ кружковъ жизнь въ обществѣ Жерома Гуро, читавшаго ему вслухъ иногда по цѣлымъ днямъ величайшія произведенія европейскихъ геніевъ. Изъ всѣхъ встрѣчъ съ этой дѣвочкой, Мухортовъ запомнилъ только одну. Какъ-то разъ эта дѣвочка, наскакавшись и набѣгавшись вволю, подбѣжала къ большой террасѣ мухортовскаго дома и увидала Жоржа: онъ сидѣлъ одинъ на ступеняхъ лѣстницы съ зеленымъ зонтомъ, защищавшимъ отъ свѣта его больные глаза. Дѣвочка остановилась передъ нимъ, какъ вкопанная, въ нѣмомъ изумленіи, потомъ вздохнула и жалобнымъ, протяжнымъ голосомъ проговорила:

— Бѣдный слѣпенькій, хочешь я тебя повожу?

Потомъ его часто, въ шутку, называли «бѣднымъ слѣпенькимъ»...

Затѣмъ онъ совсѣмъ забылъ Машу Протасову и только годъ тому назадъ увидалъ ее снова у своей сестры Барбъ на балу, — увидалъ мимоходомъ, мелькомъ. Маша превратилась уже въ Марью Николаевну и была не маленькимъ тщедушнымъ ребенкомъ, а свѣжею, какъ только-что распустившаяся роза, дѣвушкой съ здоровымъ, загорѣлымъ, по-

Digitized by Google

деревенски, цвѣтомъ кожи, съ роскошными черными волосами, съ серьезными и строго правильными чертами лица, съ большими задумчивыми черными глазами. За ней увивалась цѣлая толпа блестящей молодежи. Мухортовъ обмѣнялся съ нею парою незначительныхъ фразъ и запомнилъ только слова своей сестры, сказавшей ему:

— Маша Протасова сегодня опять, какъ улиточка, ушла въ свою раковину!.. Странное созданіе!.. Совсѣмъ не умѣетъ держать себя въ обществѣ...

Далѣе случай какъ-то развелъ ихъ, помѣшалъ имъ встрѣтиться,—и вдругъ теперь онъ, Мухортовъ, долженъ играть роль влюбленнаго въ нее, влюбить ее въ себя, свататься за нее! Онъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы не разбирать вопроса, насколько это нравственно и честно,—дѣлалъ именно то, что было всего труднѣе для него, привыкшаго, подъ вліяніемъ одиноко проведеннаго, болѣзненнаго дѣтства, подъ вліяніемъ Жерома Гуро, копаться въ своей душѣ, отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ своихъ душевныхъ движеніяхъ. Онъ старался теперь даже увѣрить себя, что онъ считаетъ такую женитьбу въ порядкѣ вещей. Свое волненіе онъ пробовалъ приписать только одной заботѣ объ участи Поли.

Дѣйствительно, что будетъ съ нею, если онъ не женится? Не ждетъ ли ее нищета, не погибнетъ ли она и, можетъ-быть, не одна, а съ ребенкомъ? Но что ждетъ ее, если онъ женится? Перенесетъ ли она это? Да, это было для него страшнѣе всѣхъ другихъ вопросовъ...

II.

Связь съ Полей была единственнымъ темнымъ пятномъ въ свѣтломъ прошломъ Мухортова. Онъ сошелся съ этой дѣвушкой нежданно, негаданно. За нѣсколько минутъ до этого событія онъ возмутился бы, если бы кто-нибудь сказалъ ему, что это событіе случится. Онъ, какъ сейчасъ, помнитъ эту роковую минуту. Дѣло было на Пасхѣ. Онъ пріѣхалъ домой поздно вечеромъ, нѣсколько возбужденный шампанскимъ, и встрѣтилъ въ коридорѣ, проходя въ свою комнату, Полю.

— А я съ тобой еще не христосовался нынче!—съ веселой улыбкой сказалъ онъ дѣвушкѣ и подошелъ къ ней.

Онъ обнялъ ее и въ ту же минуту почувствовалъ на своихъ губахъ градъ страстныхъ поцѣлуевъ, вмѣсто трехъ обычныхъ холодныхъ поцѣлуевъ христосованья.

Digitized by Google

— Поля! — прошепталъ онъ въ волненіи, съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ.

— Голубчикъ, простите! — тоже тихо, но порывисто и страстно проговорила она. — Не могу я скрываться... люблю я...

Она залилась слезами и, схвативъ его руки, уже покрывала ихъ горячими поцѣлуями. Онъ смутился, растерялся. До этого времени онъ велъ почти аскетическую жизнь, настойчиво сторонясь отъ женщинъ. Ему казались безчестными интрижки съ чужими женами за спинами обманываемыхъ мужей; въ немъ пробуждали брезгливое чувство связи съ продажными женщинами, ласкающими за деньги сегодня одного, завтра другого. Надъ нимъ сильно подтрунивали пріятели, говоря, что онъ далъ обѣтъ дѣвственности. Онъ впервые слышалъ теперь страстный шопотъ любви. Передъ нимъ стояла полная здоровья, молодости и чистоты дѣвушка. Онъ забылъ все и вполнѣ отдался первому порыву этой неожиданно пробудившейся страсти. Не прошло и часу, какъ онъ уже отрезвѣлъ отъ этого опьяненія и почти со слезами, цѣлуя руки этой дѣвушки, просилъ у нея прощенія, проклиналъ себя.

— Что вы, что вы, милый, дорогой! — страстно заговорила она.—Я сама на это шла... Мнѣ все равно!.. Любите меня только... хоть немного...

Она стала говорить, какъ давно она его любитъ, какъ давно только онъ и снится ей во снѣ и на-яву. Онъ, можетъ-быть, и не замѣчалъ, какъ она слѣдила за нимъ, какъ не спускала съ него глазъ. Въ коридорѣ подстерегала она его, когда онъ возвращался домой, чтобы взглянуть на него хоть глазкомъ. Это была страсть, поглотившая все ея существо, наполнявшая всѣ ея мысли. Она его любила, какъ только простая дѣвушка могла любить красавца-барина...

Сначала никто въ домѣ и не подозрѣвалъ, что случилось. Гришка, въ качествѣ домашняго шпіона, первый подсмотрѣлъ, какъ баринъ цѣлуется съ Полей, и тотчасъ же оповѣстилъ объ этомъ «крестную». Въ награду за сообщеніе крестная надрала ему ушенки. Тѣмъ не менѣе, она стала сама наблюдать за Полей. Какъ человѣкъ опытный въ любовныхъ дѣлахъ, она быстро убѣдилась въ истинѣ словъ Гришки. Не прошло и двухъ дней послѣ этого открытія, какъ все стало уже извѣстнымъ и генеральшѣ. Въ домѣ начались тревожныя перешептыванья. Генеральша на тысячи ладовъ восклицала капризнымъ тономъ:

Digitized by Google

— Ахъ, противный мальчишка!.. Тоже мужчиной сдѣлался!.. Подумайте!..

Въ домѣ князей Щербино-Щедровскихъ и господъ Мухортовыхъ ни для кого не казалось страннымъ въ былыя времена, когда кто-нибудь изъ господъ обращалъ особенное вниманіе на одну изъ дворовыхъ дѣвушекъ. Дѣлалось это, по большей части, очень просто.

Баринъ, положимъ, говорилъ:

— Послать ко мнѣ Глашу!

Затѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ призывалъ кого-нибудь изъ слугъ и говорилъ:

— Тебѣ пора жениться; женись на Глашѣ!

Тѣмъ все и кончалось. Облагодѣтельствованный барскимъ выборомъ, дворовый женился; баринъ былъ отцомъ посажёнымъ; баринъ крестилъ дѣтей. Такъ дѣлалось прежде. Теперь же всѣ точно сконфузились, когда съ Полей случился «грѣхъ». Долгое время всѣ дѣлали видъ, что никто этого не замѣчаетъ, и въ то же время всѣ усердно подкарауливали молодыхъ людей, точно еще не вѣря въ совершившійся фактъ. Всѣхъ мучилъ одинъ, никому не приходившій въ голову въ былыя времена, вопросъ:

— Что же будетъ дальше?..

Всѣ безъ исключенія сознавали, что Егоръ Александровичъ не можетъ призвать и не призоветъ никого изъ слугъ, чтобы сказать:

— Тебѣ пора жениться; женись на Полѣ!

Всѣ сознавали и то, что Поля, вѣроятно, никакъ не согласилась бы на подобный бракъ, если бы даже Мухортовъ и могъ устроить его. Всѣ инстинктивно чувствовали, что, несмотря на то, что связь господъ и дворовыхъ повторялась съ незапамятныхъ лѣтъ въ домѣ князей Щербино-Щедровскихъ и господъ Мухортовыхъ, — связь Поли съ Егоромъ Александровичемъ была явленіемъ новымъ, небывалымъ, влекущимъ за собою не мало заботъ и хлопотъ. Это явленіе до того смутило всѣхъ, что Елена Никитишна втихомолку даже всплакнула; Прокофій какъ-то напился пьянъ (что съ нимъ бывало часто) и, бушуя, ругался за то, что въ нынѣшнія времена отецъ и за косу дѣвку оттаскать не можетъ; Софья Петровна сентиментально замѣтила сыну, что она имъ очень недовольна. Спокойнѣе всѣхъ были сами любовники. Егоръ Александровичъ старался не думать о будущемъ, давая въ душѣ юношескіе обѣты, что и въ будущемъ онъ не броситъ Полю. Поля, со

Digitized by Google

своей стороны, иногда смущалась мрачными думами, но стоило ему приласкать ее, и всѣ эти думы разсѣивались передъ свѣтомъ охватывавшаго ее счастья. Люди привыкаютъ ко всему. Черезъ два мѣсяца въ мухортовскомъ домѣ начали привыкать и къ тому, что Егоръ Александровичъ живетъ съ Полей. Всѣ какъ будто старались увѣрить себя, что эти отношенія такъ и будутъ продолжаться всегда, что никакихъ печальныхъ послѣдствій не предвидится...

Въ это время, между тѣмъ, назрѣло то, о чемъ еще болѣе, чѣмъ о грѣхѣ Поли, старались не думать, не говорить въ домѣ: событіе это было—разореніе. Дѣла Софьи Петровны Мухортовой были уже давно не въ блестящемъ положеніи, что̀ не мѣшало ей жить широко и безпутно. Генеральша, впрочемъ, могла себя оправдать тѣмъ, что иначе она и не можетъ жить. Нельзя же ей не принимать дядю Жака, князей Щербино-Щедровскихъ, разныхъ другихъ Мухортовыхъ, всю свою богатую или заслуженную родню. Долгое время Мухортова при помощи Алексѣя Ивановича кое-какъ изворачивалась, закладывая и перезакладывая имѣніе, продавая по частямъ лѣсъ. Наконецъ, она дошла до того предѣла, когда изворачиваться дальше было нельзя. Въ это-то время Алексѣй Ивановичъ, даже не спросивъ Егора Александровича, закинулъ удочку къ одному изъ своихъ компаньоновъ по разнымъ подрядамъ и круто заявилъ Мухортовой, что Протасовъ—заводчикъ, подрядчикъ и банковый дѣлецъ, ворочающій милліонами, — вѣроятно, охотно отдастъ за ея сына свою дочь. Эта женитьба была единственнымъ средствомъ спастись, т. е. выкупить имѣніе, начать новое хозяйство, обезпечить себя вполнѣ въ близкомъ будущемъ. Выбора въ средствахъ къ спасенію не было, приходилось согласиться на эту сдѣлку. Мухортова согласилась. Она уговорила и сына согласиться на эту «жертву». Однако, ни Софья Петровна, ни Егоръ Александровичъ не говорили объ этомъ громко въ своемъ домѣ. Объ этомъ не говорилъ никто и среди дворни, хотя всѣ угадывали, что Егора Александровича собираются на комъ-то женить; не даромъ же знала Елена Никитишна, что̀ значитъ слово «марьяжъ». Но всѣмъ, начиная съ господъ и кончая слугами, было какъ будто совѣстно сознаться, что женитьба Егора Александровича — дѣло рѣшенное. Среди разныхъ другихъ соображеній возникла снова и мысль о томъ, что̀ будетъ съ Полей? Это заставляло иногда трогательно вздыхать Софью Петровну, высоко закатывавшую глаза къ по-

Digitized by Google

толку. Это же заставляло иногда Елену Никитишну, совершенно одиноко занимавшуюся какой-нибудь работой, безсознательно замѣчать вслухъ:

— Ахъ, дѣвка, дѣвка, что ты надѣлала!

Но, волнуясь и тревожась, всѣ, тѣмъ не менѣе, старались умалчивать о предметѣ своихъ тревогъ и волненій, дѣлали видъ, что ничего особеннаго не должно случиться. Молчали объ этомъ даже Поля и Егоръ Александровичъ. Она молчала потому, что она не хотѣла вѣрить въ возможность его близкой женитьбы, отдавшись всецѣло страстному чувству, охватившему ее, и махнувъ рукой на все остальное. Она увѣряла даже сама себя, что всѣ слухи о женитьбѣ Егора Александровича пустяки, такъ какъ онъ первый сказалъ бы ей объ этомъ. Она была убѣждена или старалась убѣдить себя въ этомъ. Онъ же молчалъ потому, что ему неловко было сказать ей правду. Мягкій и добрый по натурѣ, мечтатель и идеалистъ, жившій въ мірѣ книгъ, онъ боялся чисто по-женски всякихъ потрясающихъ сценъ, а потрясающія сцены — онъ это предвидѣлъ — непремѣнно должны были произойти, какъ только онъ объявитъ Полѣ о своей женитьбѣ. Могла ли она принять спокойно извѣстіе о его женитьбѣ? Она разрыдается, будетъ умолять его не жениться, придетъ въ отчаяніе, наложитъ на себя руки! Ему хотѣлось отдалить минуту этого объясненія, придумать средства успокоить бѣдную дѣвушку, любившую его такъ безпредѣльно, такъ страстно. Онъ былъ для нея идоломъ, божествомъ. Она не могла наглядѣться на него. Каждое его желаніе было для нея закономъ. Скромная, стыдливая, чистая, она не останавливалась ни передъ чѣмъ, чтобы наслаждаться его любовью, чтобы пробыть лишнюю минуту съ нимъ...

А время между тѣмъ шло. Насталъ день обѣда у Алексѣя Ивановича, гдѣ Егоръ Александровичъ долженъ былъ сойтись поближе съ Марьей Николаевной Протасовой.

Не безъ тяжелаго чувства поѣхалъ Мухортовъ на этотъ обѣдъ—на смотрины невѣсты. Всю дорогу онъ презрительно подшучивалъ надъ этимъ оригинальнымъ, въ его положеніи, сватовствомъ, но на душѣ у него было далеко не спокойно. Ему было не то гадко идти на такую сдѣлку, не то досадно на свое безвыходное положеніе. Не безъ горечи иногда онъ спрашивалъ себя въ душѣ: «ну, а вдругъ сорвется? Вдругъ она, эта мужичка, не соблаговолитъ принять мое предложеніе?» Онъ ощущалъ къ ней что-то въ родѣ ненависти,

Digitized by Google

хотя еще почти вовсе не зналъ ея. Эти чувства накипали еще сильнѣе подъ плаксивыя, томныя замѣчанія вѣчно-безтактной матери о томъ, что онъ долженъ постараться понравиться, что онъ долженъ быть любезнымъ. Эти фразы раздражали его, точно кто-то давалъ ему щелчокъ за щелчкомъ.

Мухортовы пріѣхали на обѣдъ къ Алексѣю Ивановичу первыми; ихъ встрѣтили жена, дочери и сынъ хозяина. Съ первыхъ же словъ Егоръ Александровичъ угадалъ, что вся семья отлично знаетъ о цѣли этого обѣда, и почувствовалъ себя еще болѣе неловко. Семья Алексѣя Ивановича (его жена Антонида Павловна, его сынъ Павелъ, его дочери Люба и Зина) была такою же откормленною и беззаботною, какъ онъ самъ; всѣ эти жирные, довольные судьбой, практичные люди, казалось, сожалѣли Егора Александровича за то, что онъ очутился въ незавидномъ положеніи, и душевно, съ добродушіемъ сытыхъ людей, желали ему помочь. Его же бѣсило ихъ сытое довольство и ихъ непрошенное участіе; онъ, какъ капризный ребенокъ, злился даже на то, что вся семья дяди звала его, Егора Александровича, Егорашей, точно въ этой кличкѣ было что-то оскорбительное для него. Ему нужно было вооружиться всей своей свѣтской сдержанностью, чтобы быть покойнымъ и невозмутимымъ по виду. Наконецъ, пріѣхала и невѣста. Она пріѣхала по обыкновенію съ одной изъ своихъ тетокъ, Ольгой Евгеніевной Ададуровой. Егоръ Александровичъ, представленный дядею дамамъ, быстро окинулъ ихъ глазами. Марья Николаевна, какъ ему показалось, еще болѣе похорошѣла за послѣдній годъ; но ему сразу бросились теперь въ глаза ея нѣсколько рѣзкія манеры и странный тонъ, слишкомъ развязный для салона. Ольга Евгеніевна была сухая, сморщенная, но густо накрашенная, напоминавшая издали рождественскую маску, старуха, съ тупымъ выраженіемъ лица, съ нестерпимой привычкой переспрашивать, вслѣдствіе легкой глухоты, каждую фразу. Ее Егоръ Александровичъ узналъ сразу, хотя не видалъ давно. Ему показалось даже, что онъ еще въ дѣтствѣ видѣлъ ея красное платье съ бѣлыми широкими полосами, широко расходившееся въ стороны на громадномъ кринолинѣ. Съ первыхъ же словъ, когда всѣ усѣлись на террасѣ, она, лорнируя Егора Александровича, стала разспрашивать его, вертятся ли въ Петербургѣ столы? Онъ съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее, не зная, что отвѣтить.

Digitized by Google

— Да вы сами-то развѣ въ спиритизмъ не вѣрите?— спрашивала Ольга Евгеніевна и тотчасъ же сухимъ, наставительнымъ тономъ обратилась къ Софьѣ Петровнѣ: — Это все нигилизмъ. Мари тоже не вѣритъ. А какъ же не вѣрить?.. Въ Петербургѣ дочери священника Чудакова какой хотите столъ заставятъ вертѣться.

— Вѣроятно, сильныя барышни!—съ усмѣшкой замѣтилъ Егоръ Александровичъ.

— Какъ вы сказали?—спросила Ададурова, продолжая безцеремонно разсматривать его въ лорнетъ, какъ вещь.— Сильныя барышни? Вовсе не остроумно! Тутъ не сила, а вѣра нужна. Безъ вѣры ничего нельзя сдѣлать... И стуки у Чудаковыхъ въ домѣ такіе, что разъ самъ отецъ Николай... Вы отца Николая знаете?

— Не имѣю чести...

— Что вы сказали? Не имѣете чести знать? Очень, очень жаль! Такихъ людей отыскивать надо молодымъ людямъ, учиться у нихъ надо! Всѣмъ теперь ясно, до чего насъ довело нынѣшнее безвѣріе... Отецъ Николай почтенный человѣкъ, ученый; трактатъ теперь пишетъ, въ какомъ видѣ будетъ загробная жизнь и какъ мы тамъ будемъ жить. Три тома уже написалъ... Такъ вотъ вышелъ онъ разъ утромъ въ столовую и говоритъ дочерямъ: «вы тамъ, какъ хотите, а чтобы по ночамъ у меня этихъ духовъ не слышно было; я не потерплю...»

Егоръ Александровичъ уловилъ рѣзкое нетерпѣливое движеніе Марьи Николаевны, стоявшей въ сторонѣ съ дочерьми Алексѣя Ивановича. Въ ея глазахъ сверкнулъ гнѣвъ. До его слуха ясно долетѣли слова:

— Любовниковъ, вѣрно, по ночамъ принимали!..

Онъ всталъ, подошелъ къ группѣ барышень, обратился къ Протасовой и любезно заговорилъ съ нею.

— Это чортъ знаетъ, что такое! — раздражительно сказала она съ первыхъ же словъ.—Во всякую ерунду готовы вѣрить. Выживутъ изъ ума и носятся со всякою чепухою...

Егоръ Александровичъ широко открылъ глаза: дѣвица была нѣсколько черезчуръ энергична. Она развязно продолжала:

— Поневолѣ дѣвушки будутъ рваться изъ дома, когда съ одной стороны матушки и тетушки шамкаютъ о душахъ умершихъ, а батюшки и дядюшки высчитываютъ, сколько можетъ дать барышей та или другая душа живыхъ. И иногда сама просто бѣжать готова да и...

Digitized by Google

Мухортовъ усмѣхнулся.

— Вамъ, я думаю, вырваться не трудно,—замѣтилъ онъ.

— Ну, это смотря,—отвѣтила она бойко и сдѣлала презрительную гримасу.—Замужество? Ну, такъ за старикашку какого-нибудь я не пойду. За молокососа, если онъ влюбится въ меня, какъ сумасшедшій, тоже не выйду...

— Это почему?—невольно спросилъ Егоръ Александровичъ.

— Ахъ, это скучно! Онъ вѣчно и будетъ ходить, какъ тѣнь, за моей юбкой. Бракъ долженъ давать полную свободу мужу и женѣ, а не стѣснять ихъ, какъ цѣпь каторжниковъ.

Она проговорила это, какъ прилежныя дѣвочки отвѣчаютъ отлично вызубренный урокъ.

По лицу Мухортова опять скользнула усмѣшка.

— То-есть, онъ можетъ идти направо, а она налѣво?—спросилъ онъ.

— Ну, да, если имъ такъ захочется! Мужъ и жена должны быть равноправными, а не крѣпостными другъ у друга.

— У васъ оригинальные взгляды на бракъ! — замѣтилъ онъ.

— Я знаю одно, что я бы не стѣснила съ этими взглядами мужа, ни ему не позволила бы стѣснять себя,—отвѣтила она.—Да я и никому не позволю себя стѣснять...

Потомъ она обернулась къ одной изъ дочерей Алексѣя Ивановича и спросила:

— А вашъ плантаторъ куда скрылся?

— Папа?.. Онъ отправился на спичечную фабрику; тамъ сейчасъ несчастіе случилось: мальчикъ утонулъ; пошелъ за водой, вздумалъ выкупаться и утонулъ,—отвѣтила старшая дочь Алексѣя Ивановича.

— Ахъ, пойдемте туда,—сказала Марья Николаевна.—Я давно хотѣла осмотрѣть вашу спичечную фабрику. Отецъ мнѣ о ней говорилъ: «Нынче, говоритъ, всякая мерзость въ рукахъ ловкаго человѣка доходъ даетъ».

Зина и Люба сконфуженно переглянулись между собой.

— Нѣтъ, Мари, туда неловко идти,—замѣтила Зина.—Тамъ ужасный воздухъ и кромѣ того...

Она наклонилась къ Протасовой и что-то, смѣясь, шепнула ей. Марья Николаевна захохотала.

— Скажите, чего боятся!

Она обратилась къ Егору Александровичу:

Digitized by Google

— Стыдно, видите ли, что рабочіе ходятъ чуть не голые. Она пожала плечами.

— Развращенное у васъ, какъ у институтокъ, воображеніе! Мнѣ это рѣшительно все равно. Пойдемте, Егоръ Александровичъ, вдвоемъ, если онѣ не идутъ.

Мухортовъ поспѣшно согласился. Его заинтересовала эта дѣвушка. Бойкость, развязность, откровенность и даже разнузданность, все это сразу бросалось въ глаза. Ему живо теперь вспомнилась черномазенькая Маша, къ ужасу всѣхъ женщинъ лазавшая на деревья и скакавшая верхомъ на палочкѣ. Ловко подобравъ одной рукой платье, она пошла съ Мухортовымъ скорыми, крупными шагами, въ ногу съ нимъ. Дорогой къ фабрикѣ она много болтала и, между прочимъ, замѣтила про барышень Мухортовыхъ:

— И что это у нихъ за стыдливость? Вотъ чего я никогда не знала! Ну, голый человѣкъ, такъ голый, пьяный, такъ пьяный, мерзавецъ, такъ мерзавецъ! А имъ вѣчно флёръ надо накидывать и на тѣло, и на нравственность.

— Да, но есть вещи, которыхъ дѣвушка не должна бы знать или видѣть,—осторожно замѣтилъ онъ.

— Ну, это еще вопросъ! Да дѣло не въ томъ,—такъ это или нѣтъ, а въ томъ, что всѣ все и видятъ, и знаютъ, только однѣ въ щелку подсматриваютъ, а я открыто предпочитаю смотрѣть.

Она усмѣхнулась.

— Вы бы порылись въ душахъ этихъ скромницъ, послушали бы ихъ разговоры между собою. Актрисы и притворщицы—вотъ и все! Прикрываются фиговыми листочками, чтобы никто не замѣтилъ, что за ними дѣлается.

Когда они дошли до фабрики, Марья Николаевна смѣло вошла въ мастерскія, гдѣ работали почти безъ одежды дѣти и подростки, среди убійственной жаркой атмосферы. Фабрика походила скорѣе на скверно построенный сарай, чѣмъ на мастерскую. Протасова поговорила съ рабочими, справилась, какъ что дѣлается, вошла въ самыя мелочныя подробности. Потомъ, выйдя изъ мастерскихъ, она направилась къ рѣчкѣ, на берегу которой лежало подъ рогожею тѣло утонувшаго мальчугана. Она смѣло открыла рогожу, посмотрѣла на утопленника и спросила у сидѣвшаго тутъ же и курившаго коротенькую трубку мужика:

— Большая семья у него?

Какая семья... пареньку двѣнадцать годковъ всего

Digitized by Google

было,—отвѣтилъ мужикъ.—Матка и отецъ есть.., двое братьевъ и сестренка махонькая есть...

— Что-жъ, бѣдные, вѣрно?

— Нѣшто богатеи послали бы на фабрику? — отвѣтилъ мужикъ.

Затѣмъ она начала разспрашивать, сколько рабочимъ платится на спичечной фабрикѣ, съ какихъ лѣтъ начинаютъ работать, много ли умираетъ народу. Поговоривъ минутъ съ пять съ мужикомъ, она обернулась къ Егору Александровичу:

— Выгодное дѣло это у Алексѣя Ивановича. Гроши затрачиваетъ, а рубли собираетъ! Вотъ они наши американцы-то; куда ни обернись, вездѣ у нихъ Калифорнія подъ руками. Быстро состояніе составитъ...

— Чужимъ потомъ и кровью,—вставилъ Мухортовъ.

Въ немъ все видѣнное имъ пробудило брезгливое чувство.

— А то какъ же иначе? Прежде оброками выбивалъ деньги, теперь работой!—отвѣтила Протасова.

— Васъ, повидимому, это не возмущаетъ?—спросилъ онъ.

Она расхохоталась.

— А васъ развѣ возмущаетъ?—задорно спросила она.

— Конечно! Это безчеловѣчно,—началъ онъ горячо.

Но она рѣзко и грубо перебила его.

— А вы шампанское пьете и устрицъ ѣдите?—спросила она. — И не возмущаетесь? Вѣдь деньги-то и на это изъ народа выбиты.

И, сдѣлавъ презрительную гримасу, она добавила:

— Я, право, не понимаю, почему нравственнѣе жить на чужой счетъ, стараясь закрыть глаза, чѣмъ жить на чужой же счетъ, сознаваясь въ этомъ. Я привыкла все называть настоящимъ именемъ; эксплоататоръ, такъ эксплоататоръ, воръ, такъ воръ!

Потомъ она съ усмѣшкой прибавила:

— Вотъ ваши кузины въ обморокъ бы здѣсь упали, а абонемента въ итальянскую оперу все-таки потребовали бы отъ папаши. Ну, а я—въ итальянскую оперу и я ѣзжу, но я знаю, точно знаю, чѣмъ платится за абонементъ, сколько Сидоровъ и Ивановъ должны идти ради этого по-міру.

Егоръ Александровичъ никакъ не могъ разобраться, чего больше въ этой дѣвушкѣ: естественной прямоты или искусственнаго цинизма, придуманнаго или вычитаннаго. Онъ навелъ рѣчь, нѣтъ ли у нея завѣтныхъ плановъ относительно будущаго; не думаетъ ли она сдѣлаться какой-нибудь

Digitized by Google

благотворительницей, не мечтаетъ ли о женскомъ трудѣ? Ему представилось, что передъ нимъ стоитъ одна изъ такъ-называемыхъ «эмансипированныхъ дѣвицъ» или изъ «quasi-нигилистокъ», въ родѣ Кукшиной въ зародышѣ.

— Благотворительность?—спросила она съ изумленіемъ, широко открывъ свои черные глаза. — Это — та же кража рубля въ одну сторону и раздача копеекъ въ другую. Если бы было противоположное, то благотворители сами стали бы предметомъ благотворительности.

О женскомъ трудѣ она коротко замѣтила:

— Я же не нуждаюсь! Мнѣ работать—это значитъ отбивать работу у бѣдныхъ! Женщинамъ въ моемъ положеніи остается только жить, то-есть пользоваться удобствами жизни, наслаждаться, вотъ и все...

— И вы думаете, что это не наскучитъ?—спросилъ онъ.

— Вовсе не думаю!.. Я очень хорошо знаю, что эта жизнь, въ концѣ-концовъ, доводитъ до разныхъ безумій; однѣ развращаются, другія дѣлаются спиритками или хапжами, третьи подательницами грошей; даже пить начинаютъ многія... Но вѣдь не раздать же мнѣ все нищимъ, чтобы сдѣлаться самой нищею?.. Развѣ только изъ-за желанія сильныхъ ощущеній. Къ несчастью, я впередъ знаю, что̀ вышло бы изъ этого, и вовсе не желаю продѣлывать подобныхъ экспериментовъ съ собою...

По ея лицу вдругъ скользнула тѣнь.

— Теперь мнѣ стоитъ кличъ кликнуть—и сотни людей будутъ у моихъ ногъ, а сдѣлайся я нищей, всѣ скажутъ...

Она вдругъ разсмѣялась, съ горькой ироніей.

— Помните у Гейне:

Какъ несетъ чеснокомъ отъ графини,
Отъ m-me la comtesse Gouldefeld.

Молодые люди возвратились въ домъ Мухортовыхъ къ самому обѣду.

Когда послѣ обѣда дядя Алексѣй Ивановичъ отвелъ въ сторону племянника и спросилъ его:

— Ну, какъ она тебѣ показалась?

Егоръ Александровичъ засмѣялся.

— Дикая кобылица какая-то!—отвѣтилъ онъ съ несвойственною ему грубостью.

Алексѣй Ивановичъ даже руками развелъ.

— Ты что же это... Вотъ выдумалъ!.. На утекъ, что ли, хочешь, Егорушка?

Digitized by Google

— Нѣтъ, дядя, сватайте! Она хоть прямо говоритъ, что стѣснять мужа не будетъ...

Онъ нервно шутилъ и смѣялся, а въ его душѣ была какая-то тревога и горечь. Онъ сознавалъ, что эта дѣвушка способна сказать ему прямо и дерзко: «сколько вы хотите содрать съ моего отца, взявъ меня за себя?» Отъ нея можно было этого ждать и хуже всего было то, что онъ, Мухортовъ, не сумѣетъ, не можетъ ничего отвѣтить на этотъ вопросъ. Да, онъ точно готовъ жениться на ней, чтобы содрать съ ея отца тысячъ сто или больше на поправку имѣнія.

Вернувшись домой, онъ хотѣлъ объясниться съ Полей, поговорить съ нею о своей невѣстѣ, громко насмѣяться надъ послѣдней, увѣрить Полю, что онъ никогда не полюбитъ эту дѣвушку. Но явилась Поля, и вмѣсто объясненій посыпались поцѣлуи. Мухортову хотѣлось скорѣй забыть, что онъ готовится продать себя...

III.

Вопросъ о женитьбѣ Мухортова особенно сильно заволновалъ всѣхъ, когда былъ назначенъ обѣдъ въ мухортовскомъ домѣ для Протасовыхъ. Въ этотъ день вдругъ точно прорвалась какая-то плотина и всѣмъ, начиная съ Агаѳьи Прохоровны, стало ясно, что Мухортовъ женится, и на комъ женится. Въ домѣ шли необычайныя приготовленія къ пріему гостей. Даже сама Софья Петровна, всегда невозмутимо-спокойная въ подобныхъ случаяхъ, не мало волновалась и заботилась, чтобы ничто не было забыто. Уже утромъ, сидя съ сыномъ въ столовой за чаемъ, она нѣсколько разъ обращалась къ слугамъ то съ тѣмъ, то съ другимъ приказаніемъ.

— Прокофій, скажи Гришѣ, чтобы онъ непремѣнно ожидалъ у воротъ,—говорила она, обращаясь къ старому дворецкому. — Какъ завидитъ гостей, пусть тотчасъ же доложитъ мнѣ, чтобъ не заставить ждать; а то вы всѣ здѣсь разбредетесь, васъ не дозваться.

— Слушаю-съ,—степенно отвѣтилъ Прокофій.

— Да ты сейчасъ же поди и накажи Гришѣ, а то забудешь. Память-то тебѣ нынче измѣняетъ...

Прокофій вышелъ.

— Ты, Елена, посылала въ городъ за фруктами?—обратилась генеральша къ Еленѣ Никитишнѣ.

— Все привезено,—отвѣтила старуха.

Digitized by Google

Мухортова вздохнула и обратилась къ сыну:

— Вотъ Алексисъ упрекаетъ, что на оранжереи тратимся. А какіе у насъ теперь оранжереи? Прежде всѣ фрукты свои были, а теперь...

Потомъ она опять что-то вспомнила и обратилась къ Еленѣ Никитишнѣ:

— Пожалуйста, Елена, присмотри, чтобы у всѣхъ были свѣжія перчатки. Прокофій совсѣмъ изъ ума выживаетъ; въ прошлое воскресенье Богъ знаетъ въ какихъ перчаткахъ служилъ у стола, точно изъ трубы вынулъ, и всѣ пальцы развороченные... Хорошо еще, что свои только были за обѣдомъ.

— Старъ, совсѣмъ старъ становится! — проговорила Елена Никитишна.

Егоръ Александровичъ горько усмѣхнулся.

— Я тебя впервые вижу такой взволнованной, — замѣтилъ онъ матери по-французски. — Точно царей ждемъ къ обѣду...

— Ахъ, Жоржъ, мы переживаемъ такія рѣшительныя минуты!—съ грустью и пафосомъ отвѣтила она, закидывая голову назадъ. — Надо сдѣлать все, чтобы это знакомство кончилось побѣдой. Алексисъ еще разъ вчера повторилъ мнѣ, что мы на краю пропасти. Это ужасно!

Она на минуту закрыла рукой глаза, точно стараясь не видѣть разверстой передъ нею пропасти.

— Конечно, я увѣрена, что ты, если захочешь, одержишь побѣду. А все же какъ-то жутко. Алексисъ меня такъ запугалъ въ послѣднее время, что мнѣ все мерещатся какіе-то ужасы. Сны даже страшные вижу... право!

Она взглянула на часы и испугалась: было уже одиннадцать часовъ, а на ней былъ еще надѣтъ утренній нарядъ. Ей нужно одѣваться. У нея процессъ одѣванія занималъ всегда такъ много времени. Она встала и пошла поцѣловать въ голову сына.

— Бѣдный мой мальчикъ, я знаю, что и тебѣ не легко,— сказала она томнымъ голосомъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, тоже поднявшись съ мѣста и выходя изъ столовой. Какое-то враждебное чувство противъ матери шевелилось въ его душѣ.

Въ столовой продолжался звонъ посуды. Елена Никитишна заставляла при себѣ перебрать все парадное серебро и хрусталь, чтобы убѣдиться въ ихъ чистотѣ. Потомъ она также тщательно освидѣтельствовала столовое бѣлье.

Digitized by Google

Пересматривая все, она въ то же время перебрасывалась отрывочными фразами съ приходившей и уходившей прислугой. На минуту въ столовую забѣжалъ Гриша.

— Ты это что? Тебѣ приказано у воротъ ждать? — сказала Елена Никитишна.

— Да я услышу, крестная!—отвѣтилъ онъ.

— Ступай! ступай!

— А кого ждутъ-то?

— А вотъ пріѣдутъ—увидишь!

— Важныхъ господъ?

— Ахъ, ты, пострѣленокъ! Говорятъ тебѣ: иди!

— Агаѳья Прохоровна говоритъ...

— Брысь, каналья!

Гриша скрылся.

— Видно, сегодня рѣшать будутъ,—со вздохомъ обратилась Елена Никитишна къ Прокофію.

— Что это рѣшать?—спросилъ Прокофій.

— Самъ-то не понялъ?.. Женить хотятъ Егора Александровича на Протасовой... Тоже нашли партію... Дѣдъ-то ея на моихъ глазахъ кабакъ содержалъ... Егору-то Александровичу не хочется, да женятъ... Дѣла-то ужъ очень плохи стали... Ну, смотри ты, старый, какіе ты стаканы въ буфетъ поставилъ?.. Ахъ, право, въ хлѣву бы васъ держать... На, перетри!..

Она вынула нѣсколько немытыхъ стакановъ и отставила ихъ въ сторону, придвинувъ къ Прокофію.

— Вотъ какъ-то только они нашу Полю пристроятъ? — со вздохомъ сказала она.

— Бить бы ее надо; косу выдрать, вотъ что! — суровозамѣтилъ Прокофій, порывисто перетирая стаканы.

— Дуракъ неотесанный, такъ дуракъ и есть! Пользы-то что за косу таскать? Красоты отъ этого ей, что ли, прибавится?.. Не доглядѣли, такъ ужъ теперь не воротишь!..

На минуту разговоръ оборвался. Прокофій сосредоточенно теръ стаканы, ворча себѣ подъ носъ: «ишь, проклятые, какъ испакостились, не оттрешь!» Елена Никитишна углубилась въ пересмотръ бѣлья.

— Конечно, теперь Полѣ, можетъ-быть, и приданое, и все такое дадутъ,—продолжала Елена Никитишна.—Такъто тоже ничего бы не дали...

— Ишь чему обрадовалась! — проворчалъ Прокофій. — Стыда-то нѣтъ. Одной ногой въ гробу стоишь, а такія рѣчи говоришь!

Digitized by Google

— О, типунъ тебѣ на языкъ! Самъ на ладанъ дышитъ, а другихъ хоронитъ!..— отплюнулась Елена Никитишна.— И какія я такія рѣчи говорю? Ну, забаловалась дѣвка, такъ этого не вернешь... Надо думать, какъ ее пристроить...

— Пристроишь!—отозвался сердито Прокофій.

— Впервые у насъ, что ли?

— Сама-то гуляла, такъ и другимъ потакаешь!

— Тьфу ты, тьфу! Песъ старый!—обозлилась Елена Никитишна.—Нашелъ чѣмъ меня попрекать! Я, можетъ-быть, слезьми обливалась, когда меня на грѣхъ-то силой повели... Вы-то всѣ только радовались тогда, потому черезъ меня въ люди вылѣзли... А теперь попрекаты!.. На себя обернулся бы... Ты-то тоже зналъ, чай, кого бралъ...

Прокофій въ свою очередь отплюнулся.

— Съ тобой не сговоришь! Покойницу въ гробу, и ту не забыла...

— На твои же рѣчи, дуракъ, отвѣчаю...

Въ эту минуту въ комнату неторопливо вошелъ человѣкъ въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, съ бакенбардами въ видѣ котлетъ. Это былъ Данило Николаевичъ Волковъ, камердинеръ Егора Александровича. Сразу трудно было рѣшить—лакей это или чиновникъ; степенность, сдержанность, солидность, внѣшняя порядочность, все это сразу бросалось въ немъ въ глаза. Ему было лѣтъ двадцать восемь, хотя онъ смотрѣлъ гораздо старше своихъ лѣтъ. Лакейская жизнь не молодитъ, а онъ служилъ въ лакеяхъ съ семнадцати лѣтъ. На его затылкѣ уже виднѣлся зачатокъ плѣши съ мѣдный пятакъ величиною.

— Прокофій Даниловичъ, васъ Егоръ Александровичъ зовутъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Прокофію, и потомъ обратился къ Еленѣ Никитишнѣ:—Выдайте шоколадъ, поваръ просилъ передать, что для мороженаго нужно, да поскорѣй просилъ...

— Не горитъ, подождетъ?—отвѣтила сухо Елена Никитишна.—До обѣда-то еще далеко.

Данило Николаевичъ переминался съ ноги на ногу, не рѣшаясь, повидимому, о чемъ-то заговорить.

— Правда это, Елена Никитишна, что я слышалъ,— началъ онъ. — Конечно, это Агаѳья Прохоровна болтаетъ, а все же... Говорятъ, что Егоръ Александровичъ женится на Марьѣ Николаевнѣ Протасовой.

— А тебѣ-то что?—спросила Елена Никитишна, пытливо взглянувъ ему въ лицо.

Digitized by Google

Онъ, поднявъ брови, сдѣлалъ совсѣмъ скромную мину невинной овцы.

— Такъ-съ... Мнѣ что же! — отвѣтилъ онъ и еще осторожнѣе и смиреннѣе прибавилъ: — я только потому, что какъ же тогда Пелагея Прокофьевна?

Елена Никитишна даже оставила разборку столоваго бѣлья и скрестила около тальи руки.

— А Пелагея Прокофьевна тутъ при чемъ же?—сурово спросила она, и ея глаза сверкнули угрозой.

Но Волковъ выдержалъ ея взглядъ и со вздохомъ заключилъ:

— Что жъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь...

И тотчасъ же прибавилъ:

— И зачѣмъ это такую, съ позволенія сказать, сволочь генеральша допускаетъ въ домъ, какъ эта Агаѳья Прохоровна или эта мать Софронія... И невиннаго человѣка этакіе аспиды замараютъ, а не то, что... Тутъ ужъ, конечно, и со стороны видно...

Елена Никитишна презрительно усмѣхнулась.

— Ишь, какіе глазастые выискались!.. А видишь, такъ и молчи...

— Это точно-съ,—скромно согласился Данило.—Только жаль дѣвицу... Такая, можно сказать, красавица и кротости...

Елена Никитишна еще презрительнѣе сверху внизъ взглянула на него и спросила насмѣшливымъ тономъ:

— Жениться, что ли, изъ жалости хочешь?

— Отчего же бы и не жениться?—почти радостно воскликнулъ лакей.

Елена Никитишна покачала головой.

— Губа-то, видно, не дура!..

Потомъ, отвертываясь отъ него, она проворчала:

— Нѣтъ, за такую-то невѣсту покланяться нужно...

— И покланялся бы,—началъ Данило.

Но она перебила его:

— Ну, ну, бери шоколадъ! Самъ торопилъ, а теперь ласы точишь... Ступай.

Она говорила грубо, какъ привыкшая властвовать барыня съ слугой. Волковъ взялъ плитки шоколаду и вышелъ. Его слова сильно взволновали Елену Никитишну, точно онъ открылъ ей нѣчто новое. Продолжая рыться въ буфетѣ, она съ порывистыми движеніями ворчала про себя:

«Выискался какой! Губа-то, видно, точно не дура, языкъ не лопатка, знаютъ, гдѣ сладко! Я бы не прочь жениться!

Digitized by Google

Что и говорить: кусокъ лакомый! Софья Петровна и Егоръ Александровичъ Полю не оставятъ, приданое дадутъ, нужа пристроятъ. Кому это не лестно. А Даниле чего лучше! Такъ бы сейчасъ въ купцы и полѣзъ. Скаредъ человѣкъ! Ужъ теперь, ничего не видя, въ холопскомъ своемъ званіи, на проценты деньги господамъ даетъ. Четвертную займутъ, двѣ возвращаютъ. Жоха! Далеко пойдетъ».

На минуту она перестала перебирать вещи и съ видомъ усталости присѣла, подперевъ голову рукой. Какая-то новая мысль вертѣлась въ ея головѣ.

«Въ самомъ дѣлѣ, какъ это никому намъ въ голову не приходило, что за Данилу можно выдать Полю? Не за чиновника же ее выдать? Да съ чиновникомъ и нужды натерпится, знаемъ мы эту дрянь; а Данило копейку сбережетъ, Полѣ-то только онъ по сердцу не придется. Ну, да и то сказать: кто ей теперь по сердцу будетъ, когда она отъ Егора Александровича въ омраченіи находится? Сердце-то у нея горячее, а разсудку нѣтъ. Обезумѣла совсѣмъ!»

Елену Никитишну неожиданно вывелъ изъ раздумья голосъ Поли. Молодая дѣвушка, блѣдная, какъ полотно, пугливо озираясь, поспѣшно вошла въ столовую и прямо обратилась къ теткѣ:

— Тетушка, голубушка, вы здѣсь?.. Что я сейчасъ слышала отъ Агаѳьи Прохоровны и отъ Данилы... Вѣдь это не правда?..

— Что ты, что ты?.. Что слышала-то?—отрывисто проговорила Елена Никитишна, испуганная внезапнымъ появленіемъ племянницы и выраженіемъ ея лица.

— Да вотъ они говорятъ... будто Егоръ Александровичъ женится... что...

— Ну?

— Что эта самая Протасова и есть его невѣста?

— Ну, да, женится, — отвѣтила Елена Никитишна.— Тебѣ-то что?.. Охъ, дѣвка, дѣвка, совсѣмъ ты ошалѣла!.. Понятіевъ лишилась... Вѣдь не на тебѣ же ему жениться... Вотъ то-то...

Поля страстно перебила тетку:

— Знаю, что не на мнѣ!.. Да вѣдь онъ ей не любитъ?.. Какое же это счастье будетъ, если не любитъ?..

— А ты почему знаешь, что не любитъ? Можетъ, и любитъ!

— Развѣ я не понимаю! Двухъ разомъ не любятъ... Ужъ это никогда!.. Да нѣтъ, можетъ, это они со злобы... Не мо-

Digitized by Google

жетъ этого быть... Навѣкъ онъ себя несчастнымъ сдѣлаетъ...

Елена Никитишна разсердилась.

— Ахъ, дура, дура! Нашла о чемъ убиваться! Ты о себѣ-то думай! Надурила, такъ...

— Что я!.. Мнѣ ужъ о себѣ нечего думать! Загубила себя... не воротишь... Мнѣ умереть бы, если онъ...

— А ты не дури!.. Умереть-то еще успѣешь, а пока жива, думай, какъ жить... Вотъ пристроимъ, замужъ выдадимъ!

— Что вы, что вы, тетушка! — съ ужасомъ воскликнула Поля, замахавъ руками. — Какъ замужъ? Нѣтъ, ужъ не замужница я... Вы мнѣ только скажите, слышали ли вы сами, что точно...

Елена Никитишна хотѣла что-то отвѣтить и вдругъ шопотомъ проговорила:

— Молчи... Самъ Егоръ Александровичъ идетъ... Уходи!..

Дѣйствительно, съ террасы въ столовую входилъ Егоръ Александровичъ. Онъ обратился къ Еленѣ Никитишнѣ.

— Елена Никитишна, васъ maman зоветъ...

Потомъ, замѣтивъ Полю, онъ не безъ удивленія сказалъ:

— И ты здѣсь?

Елена Никитишна заперла буфетный шкапъ и направилась на половину Софьи Петровны.

Молодые люди остались вдвоемъ. Поля старалась скрыть свое смущеніе, свои заплаканные глаза.

— Что съ тобой?—спросилъ Егоръ Александровичъ, не безъ тревоги.—Ты на себя не похожа?..

— Я?.. Нѣтъ... Это такъ,—отвѣтила отрывисто Поля.

— Какъ *такъ?* Ты нездорова?

Онъ подошелъ къ ней поближе. Она бросилась къ нему.

— Егоръ Александровичъ... дорогой мой... скажите, скажите... вѣдь это не правда?—порывисто спросила она, хватая его за руки.

— Что?—въ волненіи спросилъ онъ и тотчасъ же понялъ, что ей все извѣстно. — А, тебѣ уже успѣли разсказать! Что же дѣлать, Поля!.. Ты понимаешь, я не могу теперь на тебѣ жениться... Но вѣрь...

Она страстно перебила его:

— Голубчикъ вы мой, я не о томъ!.. И въ мысляхъ этого не было!.. Вотъ вамъ крестъ!.. Развѣ я не понимаю. Но какъ же на ней, на Протасовой... Вы ея не знаете...

— Что дѣлать, Поля, — перебилъ онъ ее въ свою очередь.—Необходимость заставляетъ... она богата...

Digitized by Google

— Да развѣ въ деньгахъ счастье?.. Не будете вы съ ней счастливы... сгубитъ она васъ.

— Милая, ты все обо мнѣ... Ты-то какъ...

— Я что! Вы обо мнѣ не думайте... Себя вы поберегите, добрый вы мой, хорошій вы мой... Душу бы я за васъ отдала, на все бы пошла.

Она покрыла поцѣлуями его руки. Онъ хотѣлъ ее обнять, расцѣловать и боялся.

— Полно, полно, не волнуйся,—сказалъ онъ въ смущеніи. — Мнѣ надо идти... Сюда еще войдутъ, пожалуй... Послѣ... вечеромъ приходи, когда уѣдутъ...

— Да вы не соглашайтесь!.. Богъ съ ней и съ ея деньгами! — говорила Поля. — Успѣете еще... найдете другую... За васъ всякая пойдетъ... Будь у меня милліоны, я бы за васъ пошла... Кажется, все, все отдала бы...

— Ну, послѣ, послѣ, поговоримъ... Обоимъ намъ не сладко...

Онъ торопился уйти отъ нея. Ему было страшно, что ихъ могутъ застать здѣсь вдвоемъ.

Поля опустилась на стулъ, закрывъ лицо руками. Она забыла, что здѣсь было не мѣсто плакать. Не прошло десяти минутъ, какъ въ столовую снова завернулъ Данило Волковъ.

— Прокофій Даниловичъ... Елена Никитишна, — проговорилъ онъ съ порога и, точно удивляясь ихъ отсутствію, прибавилъ:—да гдѣ же они? Всѣ разбѣжались... А это вы, Пелагея Прокофьевна... Что это: плакать изволили? Да, да, все о томъ же... Вотъ дѣла-то какія вышли... Да вы не тужите!.. Замужъ еще выйдете... Кажется, если бы вы мнѣ словечко одно сказали, я бы... въ огонь и въ воду...

Молодая дѣвушка порывисто встала. Ея лицо теперь выражало гнѣвъ и презрѣніе.

— Да я лучше петлю на шею надѣла бы!—воскликнула она, быстро проходя мимо Волкова къ выходу.

Въ его глазахъ сверкнула злоба.

— Ну, петлю-то успѣешь еще надѣть, а прежде замужъ вотъ за меня выйди,—проговорилъ онъ съ ироніей.—Другого такого-то случая я въ десять лѣтъ не дождусь, а она—петлю на шею!.. Послѣ дависъ сколько угодно, когда замужъ выйдешь...

По его лицу скользнула недобрая, циничная усмѣшка...

IV.

Нетерпѣливо ожидаемые гости уже съѣхались къ Мухортовымъ. Софья Петровна, въ качествѣ свѣтской женщины,

Digitized by Google

умѣвшая вообще быть любезною хозяйкой, на этотъ разъ, казалось, старалась превзойти себя. Она замѣтила Марьѣ Николаевнѣ Протасовой, что та «сегодня просто очаровательна»; она дала обѣщаніе Ольгѣ Евгеніевнѣ попробовать повертѣть съ нею столы; она кидала умоляющіе взгляды на сына, чтобы побудить его начать атаку богатой невѣсты. Алексѣй Ивановичъ Мухортовъ, его жена и дѣти въ свою очередь дѣлали все зависящее отъ нихъ, чтобы внести въ общество оживленіе и въ то же время оставить какъ-нибудь Егора Александровича одного съ Марьей Николаевной. Имъ очень хотѣлось, по добротѣ душевной, спасти и пристроить «Егорушку». Вся семья считала его «такимъ глупенькимъ», такъ какъ онъ вѣчно только книжки читалъ. Въ то же время они искренно любили его за доброту.

Позже всѣхъ пріѣхалъ Протасовъ. Это былъ высокій, державшійся очень прямо, еще не старый мужчина съ серьезнымъ и холоднымъ лицомъ. Онъ, видимо, старался казаться англичаниномъ—это проглядывало въ покроѣ его одежды, въ его прическѣ, въ его разсчитанно-сдержанныхъ манерахъ. Съ первыхъ же словъ онъ ввернулъ фразу: «въ бытность мою въ Лондонѣ» и потомъ много и дѣльно говорилъ о коммерческомъ геніи Англіи. Англія, гдѣ онъ случайно провелъ лучшіе годы ранней юности, — почти дѣтства,—была его конькомъ.

Обѣдъ прошелъ довольно оживленно и весело, такъ какъ всѣ Мухортовы наперерывъ старались показать, что въ ихъ семьѣ всѣ люди «добрые малые». Это былъ своего рода подкупъ. Какъ только кончился обѣдъ, Протасовъ обратился къ Алексѣю Ивановичу, напомнивъ, что послѣдній хотѣлъ показать какія-то новыя машины Мухортовыхъ. Алексѣй Ивановичъ началъ объяснять чуть ли не въ сотый разъ Протасову, что Мухортово въ сущности золотое дно, но что для «постановки» его нужно затратить не одинъ десятокъ тысячъ. Поясняя это, Алексѣй Ивановичъ имѣлъ въ виду еще разъ доказать Протасову, что сдѣлка, то-есть бракъ молодыхъ людей, представляетъ выгоды для обѣихъ сторонъ: Протасовъ дастъ деньги, Мухортовы поднимутъ имѣніе. Кромѣ того, для Протасова имѣла, конечно, еще большее значеніе и родственная связь Мухортовыхъ «съ дядей Жакомъ». Отъ «дяди Жака» въ значительной степени зависѣли всѣ коммерческія предпріятія Протасова. Старики всесторонне и осмотрительно обсуждали этотъ вопросъ, какъ будто дѣло и точно шло не о женитьбѣ, а о денежной

Digitized by Google

сдѣлкѣ — и только. Жена Алексѣя Ивановича, Софья Петровна, и Ольга Евгеніевна тотчасъ же послѣ обѣда усѣлись играть въ карты. Сынъ и дочери Алексѣя Ивановича вдругъ куда-то ускользнули, и Егоръ Александровичъ волей-неволей очутился съ глазу на глазъ съ Марьей Николаевной. Ему нужно было быть любезнымъ съ молодой дѣвушкой и «подвинуть дѣло впередъ». Это было не особенно легко сдѣлать на этотъ разъ. Марья Николаевна явилась съ отцомъ къ Мухортовымъ въ такомъ настроеніи, что Егоръ Александровичъ сразу вспомнилъ о томъ, что эта дѣвушка иногда уходитъ, какъ улитка, въ свою раковину. Это настроеніе было замѣтно не только по выраженію ея лица, по ея вялымъ манерамъ, но даже и по тому, что она, несмотря на теплый весенній день, куталась въ наброшенный на ея плечи тонкій оренбургскій платокъ, точно ее знобило.

— Вамъ сегодня, кажется, нездоровится? — спросилъ ее Мухортовъ, когда они остались вдвоемъ.

— Мнѣ?.. Нѣтъ! — разсѣянно отвѣтила она. — Холодно что-то... Это со мной часто бываетъ... Станетъ вдругъ такъ скверно на душѣ, тоскливо... а потомъ дрожь начинаетъ пробирать... Съ вами этого не случается?

— Нѣтъ.

Они помолчали.

— Пройдемтесь по саду, — предложилъ Егоръ Александровичъ.

Она лѣниво и апатично поднялась съ мѣста и пошла съ нимъ.

— Это съ вами и въ дѣтствѣ случалось,—сказалъ онъ.— Вы часто у насъ то рѣзвились не въ мѣру, то вдругъ какъ-то съеживались, уходили въ себя...

Она бросила на него мимолетный взглядъ.

— Вы развѣ это еще помните? — спросила она не безъ удивленія.

— О, какъ же!—поспѣшно сказалъ онъ и прибавилъ:— воспоминаніе о васъ живо сохранилось въ моей памяти...

Она грустно остановила его:

— Полноте!.. Зачѣмъ фразы! Ни въ комъ я не оставила живыхъ воспоминаній...

Онъ хотѣлъ что-то возразить, но она прибавила:

— Я слышала отъ Павлика, Зины и Любы, что вы мягкій и добрый человѣкъ, но это вовсе не обязываетъ васъ помнить о дѣвочкѣ, которая только тѣмъ и была замѣчательна, что ее считали mal élevée да называли жалкою...

Digitized by Google

Онъ не нашелъ, что отвѣтить ей; его поразилъ ея глубоко грустный тонъ, хватавшій за сердце. Они прошли нѣсколько времени молча. Она заговорила первая.

— Какъ тяжело сознавать съ самаго дѣтства свое одиночество, свою отчужденность, — проговорила она. — Я никогда никого не любила и всегда чувствовала, что никто не любитъ меня. Иногда забудешь это и являешься какой-то дико-безшабашной, а потомъ опять вспомнится это, и съежишься, уйдешь въ себя, пробираетъ дрожь... Расти безъ любящей матери — это истинное несчастіе для человѣка... особенно для дѣвушки...

— Но какъ же вы говорите, что васъ никто не любилъ?— сказалъ Мухортовъ.—У васъ были отецъ, тетки, подруги...

Она нетерпѣливо пожала плечами.

— Отецъ—дѣлецъ; онъ, можетъ-быть, любилъ бы сына, но меня, дочь,—онъ почти не обращалъ на меня вниманія; тетки—онѣ, кажется, родились съ поврежденными мозгами; подруги же, которыхъ мнѣ давали отецъ, стремившійся въ высшій кругъ, и тетки, не забывшія, что онѣ принадлежатъ къ потомкамъ хоть и захудалаго, но все же древняго рода,—развѣ эти подруги могли любить дурно воспитанную дѣвочку?..

Она усмѣхнулась.

— У меня, правда, есть одна подруга, которую я люблю и которая меня любитъ, но, къ несчастію, съ ней о многомъ нельзя говорить; она многаго не понимаетъ...

— Кто же это?

— Дочь моей кормилицы, бывшей потомъ у насъ коровницей... Я въ дѣтствѣ любила бѣгать смотрѣть, какъ доятъ коровъ, и пить парное молоко... Здѣсь я познакомилась съ дочерью мамки... Она двумя годами старше меня... мы съ ней и теперь дружны... Это единственный человѣкъ, любящій меня... она и ея сынишко, мой крестникъ... Она уже три года какъ замужемъ...

— Да, это грустно,—сказалъ Мухортовъ.—Но ваша жизнь впереди... вы еще полюбите... выйдете замужъ...

Онъ въ смущеніи оборвалъ рѣчь, казалось, онъ и самъ испугался своихъ словъ, и испугалъ ими свою собесѣдницу. По ея лицу скользнула горькая усмѣшка.

— Замужество въ моемъ положеніи не что иное, какъ простая сдѣлка,—отвѣтила она просто.—Я выгодная невѣста.

Мухортова точно кольнуло въ сердце. Онъ замѣтилъ горячо:

Digitized by Google

— Такъ нельзя смотрѣть! Развѣ вы не можете полюбить, развѣ васъ не могутъ полюбить? Если смотрѣть съ вашей точки зрѣнія, то нельзя и вѣрить.

— Я и не вѣрю,—отвѣтила она сухо.

Онъ растерялся. Для чего это она говоритъ? Или она поняла его намѣреніе и хочетъ сразу прекратить всякія искательства съ его стороны? Значитъ, все кончено? сорвалось? Ему было стыдно. Онъ не привыкъ играть унизительныя роли. Они шли и молчали. Это молчаніе становилось тягостнымъ. Она опять заговорила первая.

— И что̀ хуже, что̀ обиднѣе всего,—сказала она, и въ тонѣ ея послышались и горечь, и презрѣніе:—такъ это то, что тѣ, которые сватаются за меня, даже не доставятъ себѣ труда сдѣлать такъ, чтобы я повѣрила имъ... Имъ даже этого не нужно: имъ нужно взять приданое, а люблю ли я ихъ, довѣряю ли я имъ—имъ все равно... У меня вѣдь много уже было жениховъ: увидитъ человѣкъ разъ или два и идетъ къ отцу просить моей руки... Еще счастіе, что отецъ далъ мнѣ, наконецъ, полную свободу...

Мухортовъ испытывалъ нѣчто такое, какъ будто ему давалъ кто-то пощечину за пощечиной. Онъ былъ блѣденъ и серьезенъ.

— Вы знаете, я вѣдь уходила отъ него,—продолжала она.—Шесть мѣсяцевъ прожила въ углу у своей Мареуши... Сдѣлала скандалъ на весь уѣздъ... Отецъ не выдержалъ и сдался.

Она усмѣхнулась.

— Напрасно поторопился... сама бы пришла съ повинною... Я вѣдь все же бѣлоручка и крестьянскій трудъ не подъ силу мнѣ... Вонъ жать пробовала, такъ чуть руку не отрѣзала...

Она подняла свою тонкую, прекрасную руку и указала на бѣлый шрамъ.

— Гдѣ ужъ намъ бороться съ нищетой!—со вздохомъ сказала она.

Они медленно возвращались къ террасѣ. Когда послышались ихъ шаги на ступеняхъ террасы, всѣ присутствующіе обернулись съ сіяющими и вопросительными лицами къ молодымъ людямъ, прервавъ оживленный разговоръ о томъ, что имѣніе Мухортовыхъ превосходно и можетъ дать при хорошемъ хозяйствѣ отличные доходы, и о томъ, что дядя Жакъ все можетъ сдѣлать, что захочетъ; а онъ захочетъ сдѣлать все, о чемъ его попроситъ Софья Петровна. Этотъ

Digitized by Google

оживленный разговоръ, сопровождаемый веселымъ смѣхомъ, прямо приводилъ къ тому, что сдѣлка выгодна для обѣихъ сторонъ и должна состояться непремѣнно, если только молодые люди пойдутъ на нее, а что они пойдутъ на нее— въ этомъ никто не сомнѣвался. Не даромъ же они такъ долго загулялись съ-глазу-на-глазъ. И всѣ точно окаменѣли, увидавъ этихъ приближавшихся къ ихъ группѣ молодыхъ людей: впереди шла Марья Николаевна съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ грустно-опущенными внизъ глазами, кутаясь въ свой платокъ; за нею шелъ медленными шагами Егоръ Александровичъ, также блѣдный и необычайно серьезный, почти суровый. Софья Петровна пугливо взглянула на Алексѣя Ивановича; тотъ передернулъ плечами.

— А мы васъ искали, искали!—заговорили барышни Мухортовы, подбѣгая къ Протасовой.

— Да?—какимъ-то страннымъ тономъ спросила она.— Зачѣмъ же?

— Да какъ же, скрылись вдвоемъ...

— И вамъ стало страшно за меня?—спросила съ иронiей Протасова.

Алексѣй Ивановичъ между тѣмъ сорвался съ мѣста и, забывъ всякія приличія, уже шопотомъ разспрашивалъ Егора Александровича:

— Ну, что, что?

— Нужно быть подлецомъ, чтобы просить ея руки!— отвѣтилъ коротко Егоръ Александровичъ.

Толстякъ въ изумленіи развелъ руками...

ТРЕТЬЯ ГЛАВА.

I.

Стояла душистая, тихая и беззвучная весенняя ночь. Мухортовскій садъ былъ весь залитъ луннымъ свѣтомъ. На террасу праваго флигеля отворилась дверь, и лунный свѣтъ озарилъ двѣ фигуры. Это были Егоръ Александровичъ и Поля. Онъ былъ въ бѣломъ кителѣ, она въ свѣтло-сѣромъ платьѣ. Они ярко выдѣлялись среди зелени разставленныхъ на террасѣ растеній, стоя въ отворенныхъ дверяхъ, какъ въ рамѣ, окруженные золотистымъ фономъ освѣщенной комнаты Мухортова. Послышался страстный шопотъ прощанія.

— Милый, дорогой мой, такъ не женитесь? Не женитесь на ней?

— Нѣтъ, нѣтъ, я же сказалъ тебѣ.

Digitized by Google

— И меня не бросите?
— Поля! какъ тебѣ не грѣхъ!
— Знаю, знаю!..

Она порывисто обвила въ послѣдній разъ его руками, горячо поцѣловала его и скользнула неслышными торопливыми шагами съ ступеней террасы. Онъ постоялъ съ минуту, смотря, какъ мелькало ея свѣтлое платье среди деревьевъ, потомъ вздохнулъ и вошелъ въ комнату. Онъ заперъ дверь, прошелъ въ раздумьи по кабинету и остановился передъ письменнымъ столомъ. Здѣсь стоялъ акварельный портретъ старика съ развѣвавшимися въ стороны сѣдыми волосами, съ воспаленными старческими глазами. Всматриваясь въ этотъ портретъ, Егоръ Александровичъ становился все грустнѣе и грустнѣе. Этотъ старикъ былъ единственнымъ человѣкомъ, знавшимъ душу Мухортова. Впервые теперь Егоръ Александровичъ почувствовалъ, что онъ одинокъ, вполнѣ одинокъ. Одинокимъ онъ былъ вездѣ и всегда: въ обществѣ матери, въ кругу товарищей, даже на свиданіяхъ съ только-что ушедшей дѣвушкой. Онъ задумался о ней. Что она давала ему? Ласки, поцѣлуи, страстныя наслажденія и только! Ее не интересовалъ его душевный міръ, такъ какъ она его не понимала; его не заинтересовали бы, вѣроятно, ея интересы, если бы они были у нея, но у нея ихъ вовсе не было, такъ какъ она вся жила одной любовью къ нему, къ Егору Александровичу. Невольно въ памяти Мухортова воскресло прошлое...

Нѣчто странное, небывалое совершилось въ его душѣ. Еще нѣсколько дней тому назадъ онъ думалъ о своей женитьбѣ «по расчету» на почти незнакомой ему дѣвушкѣ съ брезгливостью, но и только. Ему гадко было сознаться, что онъ долженъ жениться на первой встрѣчной ради поправленія своего матеріальнаго положенія, но, тѣмъ не менѣе, онъ готовъ былъ идти на эту сдѣлку, какъ на нѣчто неизбѣжное. Онъ не задумался даже о томъ, насколько счастлива будетъ избранная имъ дѣвушка. И стоило ли объ этомъ думать? Десятки молодыхъ людей изъ его круга женятся такъ, и ихъ жены счастливы. Въ подобныхъ бракахъ никто не видитъ ничего выходящаго изъ ряду вонъ, ничего чудовищнаго. И вдругъ, когда всѣ окружающіе его, Егора Александровича, были убѣждены, что ему стоитъ сдѣлать шагъ, и все будетъ кончено, съ его языка сорвалась фраза: «Нужно быть подлецомъ, чтобы сдѣлать ей предложеніе». Почему? Онъ самъ не сознавалъ этого, когда произнесъ эту

Digitized by Google

фразу. Она не была плодомъ серьезнаго размышленія, плодомъ опредѣленнаго убѣжденія; она сорвалась у него съ языка подъ вліяніемъ какого-то смутнаго ощущенія стыда за свое намѣреніе; этотъ стыдъ былъ вызванъ первой откровенной бесѣдой съ этой дѣвушкой. Егоръ Александровичъ впервые почувствовалъ, что есть люди, передъ которыми стыдно лгать. Ему теперь казалось, что если бы онъ сталъ лгать передъ Протасовой, то ему было бы больно, физически больно; эту боль онъ испытывалъ теперь при одной мысли о необходимости лгать. Это было странное, непонятное для него ощущеніе, но оно было въ немъ. Въ его воображеніи рисовалась теперь ярко картина, какъ онъ пришелъ бы просить руки Протасовой, какъ онъ сталъ бы говорить о своей любви, какъ вспыхнуло бы отъ стыда его лицо, а она—она, сознавая, что онъ лжетъ, взглянула бы на него съ болѣзненнымъ упрекомъ. Онъ уже подмѣтилъ этотъ взглядъ, полный грусти и горечи, когда онъ попробовалъ сказать ей, что помнитъ ее еще ребенкомъ. Онъ покраснѣлъ и смутился отъ этого взгляда; еще больше смутился бы онъ, когда пришлось бы настойчиво лгать о своей любви. Но Протасова не ограничилась бы однимъ этимъ взглядомъ, она прямо сказала бы ему: «Вы вѣдь вовсе не любите меня!» О, тутъ можно провалиться сквозь землю. Нѣтъ, никогда, никогда, онъ не сдѣлаетъ подобнаго шага; хотя бы пришлось умереть съ голоду...

Умереть съ голоду... Впервые Мухортовъ взглянулъ вполнѣ серьезно на свое положеніе, и на него напалъ паническій страхъ. До этого времени онъ жилъ, какъ тысячи разныхъ матушкиныхъ сынковъ: въ домѣ шла широкая жизнь, мать и сестры, дяди и тетки, кузены и кузины, всѣ сорили деньгами направо и налѣво, не подводя итоговъ, черпая пригоршнями деньги изъ неизсякаемаго источника всякихъ благъ—изъ имѣній: случался неурожай—въ имѣніе писалось о продажѣ лѣса; недоставало и этого — имѣніе закладывалось; проѣдалась ссуда—имѣніе закладывалось во вторыя руки. Извѣстіе о томъ, что неизсякаемый источникъ изсякъ — было совершенной неожиданностью, какимъ-то страшнымъ сномъ, отъ котораго хотѣлось пробудиться и со смѣхомъ увѣриться, что это невозможно въ дѣйствительности. Теперь Егоръ Александровичъ уже понималъ, что это не сонъ, что это страшный, неотразимый фактъ. Какое-то горькое чувство шевельнулось въ его душѣ противъ матери. Она легкомысленно тратила деньги безъ счета и пріі-

Digitized by Google

учала сына къ тому же мотовству. Правда, онъ не сдѣлался такимъ мотомъ, какимъ онъ могъ бы сдѣлаться при такой системѣ воспитанія, но тутъ мать была ни при чемъ, тутъ явился на помощь юношѣ случай. Два года у Егора Александровича болѣли глаза, такъ что ему почти нельзя было заниматься. Докторъ, призванный къ двѣнадцатилѣтнему ребенку, сказалъ: «О, эти глаза съ поволокою прелестны, но очень опасно шутить съ ними; мальчикъ долженъ оставить на время ученье, иначе онъ можетъ ослѣпнуть». Ученье было оставлено, и къ мальчику былъ приставленъ гувернеръ, долженствовавшій, насколько возможно, развивать и учить ребенка, не давая ему въ руки книгъ. Съ этой минуты начался новый фазисъ въ развитіи ребенка. Гувернеръ, старый швейцарецъ, сталъ много гулять съ мальчуганомъ и еще больше читать ему вслухъ. Долгія прогулки посвящались серьезнымъ бесѣдамъ, объясненіямъ, ознакомленію съ природой и людьми; долгія чтенія открывали передъ мальчикомъ новый міръ человѣческой мысли. Жеромъ Гуро́ держался того убѣжденія, что для ребенка хорошо всякое великое произведеніе, если ребенокъ его хотя сколько-нибудь понимаетъ, и потому читалъ мальчику не однѣ какія-нибудь сказки Перро или Робинзона, а познакомилъ его и съ «Королемъ Лиромъ», и съ «Макбетомъ», и съ «Донъ-Кихотомъ», и съ «Разбойниками». На пятнадцатомъ году Жоржъ Мухортовъ былъ знакомъ серьезно и основательно со всѣмъ, что̀ создали лучшаго великіе геніи-писатели. Онъ ихъ полюбилъ страстно, какъ можно любить только лучшихъ друзей въ лучшіе годы жизни. Онъ бѣжалъ отъ шумныхъ собраній къ этимъ друзьямъ и къ тому, кто познакомилъ его съ этими друзьями, къ старику съ широкими красными руками, съ слезящимися отъ избытка чувствительности и отъ старости глазами, съ всклоченными сѣдыми волосами, съ небрежнымъ туалетомъ—то съ развязаннымъ галстукомъ, то съ запачканной нюхательнымъ табакомъ манишкой, то съ разстегнутыми пуговками у брюкъ. Софья Петровна начинала приходить въ ужасъ: ея Жоржъ не умѣлъ держать себя въ обществѣ; ея Жоржъ былъ дикаремъ; ея Жоржъ былъ неряшливъ. Надо было отпустить поскорѣй этого противнаго старикашку Гуро́, выжившаго изъ ума; надо было отдать Жоржа въ кавалерійское училище, чтобы лошади заставили забыть разныхъ философовъ, а верховая ѣзда придала ловкость онѣмѣвшимъ среди сидѣнья за книгами членамъ. Егоръ Александровичъ живо помнилъ минуту про-

Digitized by Google

щанія съ Гуро́. У старика дрожали губы, когда онъ сталъ говорить своему воспитаннику приготовленное наканунѣ, какъ приготовляются проповѣди пасторовъ, витіеватое прощальное слово, а по впалымъ щекамъ его медленно текли слезы, болѣе краснорѣчивыя, чѣмъ слова.

— Ты уменъ,—говорилъ старикъ:—остроуменъ даже. Но, мой другъ, сколько умныхъ и остроумныхъ людей были злодѣями. Воспитай въ себѣ добрыя чувства и честность. Вотъ что всего нужнѣе въ жизни для всякаго, для простого смертнаго и для генія. Лучше бы не родиться генію, если онъ не любитъ человѣчества, если онъ не знаетъ чувства чести. Отъ ошибокъ не застрахованъ никто, но, сдѣлавъ ошибку, старайся, по возможности, исправить ее, и, главное, слѣди за собою зорко, чтобы не сдѣлать сознательно злого и безчестнаго дѣла...

По мѣрѣ того, какъ старикъ говорилъ, губы его вздрагивали все сильнѣе и сильнѣе, слезы катились обильнѣе по щекамъ, наконецъ, онъ совсѣмъ потерялъ способность произносить слова и, не докончивъ своей, затверженной еще наканунѣ рѣчи, поднялъ старческія, трепещущія, красныя руки на голову юноши.

— Видитъ Богъ, что я желалъ тебѣ добра,—прошепталъ онъ, разомъ оборвавъ недосказанную рѣчь.

Жоржъ схватилъ его руки и покрылъ ихъ поцѣлуями, рыдая навзрыдъ...

Спустя часъ, когда онъ, немного успокоенный, вошелъ въ гостиную, мать замѣтила ему съ презрительной усмѣшкой:

— Фи! тебя табакомъ перепачкалъ monsieur Гуро́!

И она съ гадливой гримасой указала на табачное пятно, оставленное на сорочкѣ юноши. Жоржъ вспыхнулъ и почти съ ненавистью проговорилъ:

— Какая ты бездушная!

Потомъ онъ повернулся и вышелъ вонъ. Ему казалось, что мать его глумилась надъ святыней лучшихъ чувствъ, толкуя въ такую тяжелую для него минуту о какомъ-то пятнѣ на сорочкѣ...

Но какъ далеки были эти годы, эти чувства теперь! Великихъ геніевъ смѣнили лошади; жизнь въ тишинѣ библіотеки замѣнилась жизнью въ манежѣ; бесѣды съ чудакомъ-философомъ отодвинулись куда-то далеко передъ сальными разсказами о преждевременномъ развратѣ золотой молодежи. Недавно еще все будило умъ, теперь все пробуждало чувственность. И вѣчная верховая ѣзда, и скабрезные разго-

Digitized by Google

воры, и сальныя карточки, и пріятельскія пирушки, и бальная атмосфера, пропитанная запахомъ одуряющихъ духовъ, полная голыхъ женскихъ рукъ и плечъ,—все, казалось, было приспособлено къ тому, чтобы даже мечтатель-юноша мало-по-малу превратился въ разнузданное животное, отдающееся только всѣмъ своимъ похотямъ. Извѣстная чистоплотность, извѣстное физическое отвращеніе къ женщинамъ, къ которымъ ѣздятъ всѣ и каждый, иногда цѣлыми партіями, спасали долго Егора Александровича отъ разврата. Но это же довело его до того, о чемъ онъ вспоминалъ иногда просто съ ужасомъ, до сближенія съ Полей. Онъ не искалъ себѣ оправданій за этотъ проступокъ въ томъ, что онъ сошелся съ ней случайно, не думая, не гадая, не ухаживая за ней, а просто въ минуту страстнаго возбужденія; онъ не оправдывалъ себя и тѣмъ, что она сразу отдалась ему, безъ сопротивленія, съ увлеченіемъ, такъ какъ она чуть не съ дѣтства была влюблена въ него; онъ не старался успокоить свою совѣсть и тѣмъ, что дѣвушка знала, на что она идетъ, и шла добровольно, говорила, что въ этой любви было все ея счастіе, что больше ей ничего не нужно. Онъ сознавалъ только то, что ея жизнь навсегда испорчена имъ и что загладить своей ошибки онъ не можетъ. Жениться? Эта мысль ни на минуту не приходила ему въ голову, такъ немыслимъ былъ этотъ союзъ, вслѣдствіе различія его и ея положеній. Продолжать вѣчно жить съ нею въ незаконной связи? Именно это въ порывѣ увлеченія обѣщалъ онъ ей, говоря, что онъ ее никогда не броситъ, этимъ удовольствовалась бы вполнѣ она. И вдругъ, нежданно, негаданно, повидимому, безъ всякихъ внѣшнихъ поводовъ, онъ остановился теперь на вопросѣ: можетъ ли его удовлетворять всегда этотъ союзъ? Что связывало его съ этой дѣвушкой? Она приходила къ нему, или онъ пробирался къ ней, начинались поцѣлуи и ласки—и только. Это была чисто физическая связь. Она не поняла бы ничего изъ того, что интересовало его, о чемъ онъ думалъ, надъ чѣмъ онъ просиживалъ цѣлыя ночи; онъ ни разу не заглянулъ въ ея душевный мірокъ, и, можетъ-быть, даже боялся заглянуть въ этотъ мірокъ, опасаясь встрѣтить тамъ ту страшную пустоту, какую можно найти у дѣвушекъ ея положенія. Въ этомъ міркѣ не было ни страстныхъ стремленій къ чему бы то ни было, ни завѣтныхъ надеждъ и желаній, ни глубокихъ думъ о какихъ бы то ни было вопросахъ, людскихъ отношеніяхъ; дѣвушка росла въ барскихъ хоромахъ. была

Digitized by Google

одѣта, обута, сыта; ее баловали и ласкали всѣ; никто, въ сущности, не задумывался о ея судьбѣ; всѣ знали, что ей хорошо живется, что она выйдетъ впослѣдствіи замужъ, если подвернется подходящій человѣкъ, а подходящій человѣкъ непремѣнно подвернется, такъ какъ она была хороша и скромна, за ней дадутъ хорошее приданое и даже пристроятъ жениха, если будетъ нужно. Оторванная отъ народа и не приставшая ни къ какому кругу людей, о чемъ могла она думать, кому могла она сочувствовать? Если съ нѣкоторыхъ поръ о чемъ-нибудь и начала думать эта дѣвушка, такъ это о красотѣ, о добротѣ, о ласковости молодого барина. Когда впервые стала она заглядываться на него?— она не давала себѣ отчета въ этомъ, но, должно быть, давно. По крайней мѣрѣ она сама не помнила того времени, когда бы онъ не казался ей лучше и милѣе всѣхъ людей. Стоило ему случайно натолкнуться на нее и, подъ вліяніемъ молодого возбужденія, приласкать ее, чтобы она сама бросилась въ его объятія. Съ этой минуты мысль о немъ наполнила весь ея душевный міръ, она ходила, какъ бы въ сладкомъ полузабытьѣ, съ свѣтлой улыбкой на лицѣ, нося въ душѣ только его образъ, только воспоминанія о каждомъ его словѣ, о каждой его ласкѣ. Теперь Егоръ Александровичъ, какъ-то помимо своей воли, задумался надъ вопросомъ: «что же будетъ съ ней, если мнѣ придется ее оставить?» Оставить? Зачѣмъ же? Но нельзя же продолжать эту связь, когда женишься? Отчего нельзя? Еще чуть ли не вчера онъ былъ убѣжденъ, что можно. Но это гнусно обманывать молодую жену, отдающуюся своему мужу съ полной вѣрой въ его любовь. Почему же это кажется гнуснымъ сегодня и не казалось гнуснымъ вчера? И, наконецъ, именно сегодня ему нечего вообще задумываться объ этомъ вопросѣ, такъ какъ предполагавшаяся женитьба не можетъ состояться, искать же еще новую невѣсту съ крупнымъ приданымъ онъ вовсе не думаетъ. Онъ даже не понимаетъ, какъ онъ вообще согласился попробовать идти на эту сдѣлку? Ну, а что же дѣлать, если не идти на эту сдѣлку! Работать, какъ совѣтовалъ дядя? Да развѣ онъ умѣетъ такъ работать? Въ душѣ Мухортова поднималась какая-то горечь. Онъ то ходилъ въ раздумьи по своему кабинету, то безсознательно останавливался передъ письменнымъ столомъ и глядѣлъ на портретъ Жерома Гуро.

— Что бы ты сказалъ, старина, если бы заглянулъ въ мою душу?—проносилось въ головѣ Егора Александровича.

Digitized by Google

Старикъ смотрѣлъ на него кроткими и добрыми глазами. Егору Александровичу стало невыносимо тяжело. Онъ снова и снова сознавалъ, что подлѣ него теперь нѣтъ рѣшительно ни одного человѣка, могущаго поддержать его, какъ когда-то поддерживалъ его Гуро. А поддержка была такъ нужна именно теперь. Онъ стоялъ надъ обрывомъ, одинъ невѣрный шагъ, и онъ могъ погибнуть нравственно,—погибнуть, презирая самого себя за гнусныя сдѣлки со своею совѣстью...

II.

Софья Петровна дала слово Протасовымъ пріѣхать къ нимъ на обѣдъ черезъ три дня. Она напомнила объ этомъ обѣщаніи сыну. Онъ съ озабоченнымъ видомъ, думая о чемъ-то другомъ, коротко замѣтилъ ей:

— Я поѣду, но мнѣ кстати по дорогѣ надо будетъ заѣхать къ дядѣ, потолковать о дѣлахъ.

— О дѣлахъ?—съ удивленіемъ спросила Мухортова.

— Да, надо же взглянуть когда-нибудь бѣдѣ прямо въ глаза,—отвѣтилъ сынъ.—Вѣдь мы только толкуемъ о томъ, что мы стоимъ на краю пропасти, а въ сущности мы даже не знаемъ, стоимъ ли мы только на краю ея, или уже летимъ въ нее неудержимо внизъ головою...

Генеральша томно и медленно вздохнула.

— Ахъ, лучше и не заглядывать туда...—отвѣтила она, закрывая на минуту глаза рукою.—Но я надѣюсь, что ты произвелъ впечатлѣніе на Мари...

Сынъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Онъ избѣгалъ всякихъ разговоровъ съ матерью объ этомъ щекотливомъ предметѣ, чутьемъ угадывая, что мать не пойметъ его чувствъ.

— Я не желаю ни покупать невѣсты, ни продаваться,—отвѣтилъ онъ коротко и сухо.

Мать испугалась и широко открыла глаза.

— Развѣ ты раздумалъ?.. Да нѣтъ, это невозможно!.. Дядя же говорилъ, что другого исхода нѣтъ,—заговорила она растерянно.—Ахъ, Жоржъ, неужели эта связь мѣшаетъ тебѣ?.. Вѣдь нельзя же, милый...

— Не будемъ покуда говорить объ этомъ,—перебилъ онъ попрежнему коротко и сухо, какъ бы отрывая всякую возможность къ продолженію разговора.

Мать и сынъ отправились къ Протасовымъ. Немного въ сторонѣ было имѣніе Алексѣя Ивановича. Доѣхавъ до него, Егоръ Александровичъ приказалъ кучеру остановиться и сказалъ матери, что онъ явится къ Протасовымъ черезъ

Digitized by Google

часъ, черезъ два, пѣшкомъ. Онъ направился къ дому дяди.

Старикъ Мухортовъ въ своемъ коломянковомъ сѣромъ балахонѣ стоялъ на надворномъ крыльцѣ и о чемъ-то горячо спорилъ съ двумя работниками, сильно жестикулируя и пересыпая рѣчь отборною непечатною бранью, поминая и сыновей, и матерей. Онъ кричалъ такъ громко, что его голосъ былъ слышенъ издалека. Онъ очень удивился, увидавъ племянника.

— Я тебѣ помѣшалъ,—спросилъ Егоръ Александровичъ.

— Нѣтъ, я уже кончилъ... Хозяйственныя распоряженія кое-какія дѣлалъ,—отвѣтилъ старикъ.

Молодой человѣкъ слегка улыбнулся.

— А я думалъ, что ты уже тамъ, у своей прелестницы,—сказалъ старикъ. — Надѣюсь, что блажь-то прошла изъ головы! И съ чего ты взялъ, чудакъ, отказываться?..

— Я заѣхалъ поговорить съ тобой о дѣлѣ,—проговорилъ Егоръ Александровичъ, не отвѣчая на вопросъ.

— О дѣлѣ? О какомъ такомъ дѣлѣ?—удивился дядя.

— Пойдемъ въ домъ,—сказалъ Егоръ Александровичъ.

Старикъ наскоро отдалъ послѣднія строгія приказанія работникамъ, пригрозивъ опять и «бараньимъ рогомъ», и «мѣстами, куда Макаръ телятъ не гоняетъ, а воронъ костей не заноситъ», помянулъ еще разъ родителей и сродственниковъ и повелъ племянника въ свой кабинетъ. Здѣсь было цѣлое столпотвореніе: массы бумагъ, шнуровыхъ книгъ, образцы какихъ-то сѣмянъ, картофеля, какая-то машина, спичечныя коробки разныхъ образцовъ — все это было нагромождено такъ, что трудно было отыскать свободное мѣсто на стулѣ или на диванѣ.

— Ну, какія такія дѣла могутъ быть у тебя, Егорушка?—спросилъ шутливо дядя, отирая потъ. — Вотъ у насъ такъ дѣла! Съ утра сегодня съ работниками всѣхъ родителей поминаю и не могу доказать подлецамъ, что цѣны имъ не слѣдъ поднимать, если зиму голодать не хотятъ...

— Не можешь ли ты обстоятельно выяснить положеніе нашихъ дѣлъ?—спросилъ племянникъ, не слушая его.

— Ха-ха-ха! Вотъ выдумалъ! Чего тутъ выяснять: прогорѣли совсѣмъ, вотъ и выясненіе,—отвѣтилъ дядя такимъ тономъ, точно онъ говорилъ о какой-нибудь комической исторіи. — Впрочемъ, ты долженъ это знать, такъ какъ я все подробно писалъ твоей матери.

— Ты думаешь, она читала твои дѣловыя письма?—сказалъ Егоръ Александровичъ съ презрительной усмѣшкой.

Digitized by Google

— Ну, а ты?

— Я никогда не вмѣшивался въ дѣла.

— А кутить умѣлъ?

— Ты ошибаешься... Я жилъ, относительно, очень скромно... Но дѣло не въ томъ... Мнѣ нужно знать точно и опредѣленно, можно ли вывернуться въ нашемъ положеніи... Къ сожалѣнію, мнѣ ты никогда и ни о чемъ не писалъ... и я теперь не знаю, что начать...

— Да вѣдь это рѣшенный вопросъ: ты женишься...

— Я сказалъ, что я не женюсь,—коротко отвѣтилъ Егоръ Александровичъ.—Мнѣ нужно знать, есть ли другой исходъ?

— Да ты съ ума сошелъ! — воскликнулъ старикъ почти съ испугомъ.—Въ какое положеніе ты меня ставишь передъ Протасовымъ. Вѣдь онъ на это разсчитываетъ...

Онъ хотѣлъ что-то сказать еще, но Егоръ Александровичъ перебилъ его:

— Можно ли покрыть долги продажей большей части имѣнія, оставивъ себѣ такую часть, которая давала бы средства къ скромному существованію?

— Да ты что задумалъ, Егорушка?—спросилъ съ тревогой старикъ, кажется, серьезно подозрѣвая, что молодой человѣкъ сошелъ съ ума.

— Видишь ли, что. Я хотѣлъ бы честно расплатиться съ долгами. Если у меня останутся кое-какія крохи, я поселюсь здѣсь, бросивъ службу въ полку. Здѣсь со временемъ можно будетъ, конечно, пристроиться какъ-нибудь, если я попривыкну къ здѣшней жизни...

Дядя смотрѣлъ на него широко открытыми глазами. Это было для него нѣчто новое.

— А мать?

— У матери есть пенсія...

— Но она же не привыкла кое-какъ жить, замашки широкія...

— Мало ли у кого какія замашки, но если другого выхода нѣтъ... Впрочемъ, дядя Жакъ питаетъ къ ней такія родственныя чувства, что не оставитъ ее, — сказалъ молодой Мухортовъ, и какая-то нехорошая нотка прозвучала въ этихъ словахъ.—Я серьезно прошу тебя сообразить все, что можно сберечь, ликвидируя дѣла... Я хочу расквитаться навсегда съ долгами, но мнѣ надо знать, съ чѣмъ я могу начать новую жизнь. Если не останется ровно ничего, то мнѣ, конечно, нечего и думать объ отставкѣ, а придется перейти въ армію и не думать объ университетѣ. Это нужно

Digitized by Google

рѣшить на дняхъ же, такъ какъ въ гвардіи я во всякомъ случаѣ не могу больше служить...

Алексѣй Ивановичъ потеръ рукою потный лобъ, точно онъ все еще не могъ сообразить вполнѣ того, что происходитъ.

— Право, Егорушка, въ толкъ я ничего не возьму, но ожидалъ я отъ тебя этого, — говорилъ онъ, ходя по комнатѣ. — Какъ же такъ, все уладили, все пошло, какъ по маслу, и вдругъ... У насъ тоже съ Протасовымъ свои планы были... этакая неловкость выходитъ... Да тебѣ и не выжить тутъ... Гдѣ тебѣ!

— Да ты же меня совсѣмъ не знаешь,—просто замѣтилъ Егоръ Александровичъ.—Наконецъ это мое дѣло: выживу я или нѣтъ. Ты только сообрази чисто-дѣловую сторону; я сдѣлалъ бы это и самъ, но всѣ бумаги, касающіяся имѣнія, у тебя, я ничего тутъ не соображу одинъ...

Егоръ Александровичъ говорилъ спокойно и серьезно. Алексѣй Ивановичъ раза два снова наводилъ рѣчь на женитьбу, но племянникъ упорно подтверждалъ, что онъ никогда не женится на Протасовой, хотя бы ему грозила нищета. Почему — этого онъ не объяснялъ, сказавъ просто, что онъ не любитъ ее, а жениться безъ любви онъ не намѣренъ. Старикъ только покачивалъ головой и наконецъ со вздохомъ замѣтилъ:

— Смотри, Егорушка, не прогадай! Послѣ близокъ будетъ локоть, да не укусишь... А впрочемъ...

По лицу старика скользнула ироническая улыбка.

— Попробуй... поскачи по-нашему... Скоро вы устаете, питерскіе франты...

Егоръ Александровичъ ничего не возражалъ и сталъ прощаться съ дядею.

Онъ пѣшкомъ направился къ Протасовымъ. Они жили въ старинномъ помѣщичьемъ домѣ. Домъ принадлежалъ когда-то тремъ теткамъ Марьи Николаевны, сестрамъ ея матери, дѣвицамъ Ададуровымъ. Домъ производилъ непріятное впечатлѣніе по своей скучной архитектурѣ,—это была какая-то прямолинейная большая казарма, выкрашенная казенной желтой краской съ бѣлыми плоскими колонками около подъѣзда, съ прямыми окнами. За домомъ тянулся столѣтній мрачный и однообразный паркъ. Въ комнатахъ вѣяло тою же строгостью, однообразіемъ и скукою. Старинная тяжелая мебель стояла «по ранжиру», точно вросла въ полъ. Бѣлый залъ въ два свѣта казался пріемной комнатой въ какомъ-

Digitized by Google

нибудь присутственномъ мѣстѣ. Въ гостиныхъ выцвѣтшіе штофные стулья и диваны, казалось, были набиты не волосомъ, а кирпичами. Но каждая вещь говорила, что все это стоитъ здѣсь «съ временъ очаковскихъ и покоренья Крыма». Три тетки Марьи Николаевны Протасовой: Аглая, Серафима и Ольга Евгеніевны Ададуровы, тоже больше напоминали вѣкъ Екатерины, чѣмъ наше время. Чванныя, сухія, отдалившіяся отъ всего живого, старыя дѣвы въ своихъ яркихъ платьяхъ и въ давно вышедшихъ изъ моды кринолинахъ, были бы очень смѣшны, если бы отъ каждаго ихъ слова не вѣяло скукой. Онѣ жили съ незапамятныхъ временъ въ своемъ имѣніи; было время, когда онѣ чуть не потеряли этого имѣнія, проѣвъ послѣднія крохи; въ это время явился къ нимъ на помощь Протасовъ, посватавшійся за ихъ младшую сестру. Долго колебались они согласиться на этотъ неравный бракъ, но перспектива разоренія и продажи имущества заставила ихъ принести эту «жертву». Младшая Ададурова вышла за Протасова, имѣніе было приведено въ порядокъ; Протасовъ же, кромѣ хорошенькой жены, пріобрѣлъ довольно сильныя связи и протекціи въ Москвѣ, гдѣ Ададуровы всегда проводили три зимнихъ мѣсяца ежегодно. Протасовъ овдовѣлъ давно, обзавелся въ Петербургѣ побочной семьей, и его дочь росла подъ надзоромъ трехъ старухъ-тетокъ, не умѣвшихъ никогда справиться съ дѣвочкой. Онѣ говорили со вздохами, что въ ней сказывается плебейская кровь, когда она убѣгала къ деревенскимъ мальчишкамъ и дѣвчонкамъ, лазила на деревья, играла въ лошадки, или ходила въ поле жать съ бабами. Тетки чуть не прокляли ее, когда она почти ребенкомъ, года полтора тому назадъ, вдругъ убѣжала отъ нихъ изъ Москвы отъ какого-то престарѣлаго жениха-генерала и пріютилась у своей подруги-крестьянки. Эта исторія надѣлала шуму, смутила даже вѣчно холоднаго и невозмутимаго Протасова. Отыскавъ дочь, онъ попробовалъ пригрозить ей, но сразу наткнулся на желѣзную волю, на характеръ такой же твердый, какъ его собственный. Старикъ сдался и разъ навсегда далъ слово не приневоливать дочь въ дѣлѣ замужества. Это все, что отвоевала она себѣ. Съ той поры ей стало дышаться легче и вольнѣе, хотя скука и тоска остались прежнія.

Въ гостиной Ададуровыхъ, пройдя черезъ анфиладу пустынныхъ комнатъ, Егоръ Александровичъ засталъ трехъ раскрашенныхъ хозяекъ дома, свою мать и двухъ какихъ-то

Digitized by Google

измятыхъ и пожелтѣвшихъ старцевъ со звѣздами на груди. Оба старца говорили, пришепетывая, и глубокомысленно пережевывали свои губы въ минуты молчанія. Они говорили о событіяхъ временъ Александра Благословеннаго и сообщали анекдоты, смѣшившіе людей лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. Съ перваго раза Егору Александровичу показалось, что онъ попалъ въ кабинетъ движущихся восковыхъ фигуръ, гдѣ показываются публикѣ представители прошлыхъ вѣковъ. Несмотря на жаркій весенній день, окна въ гостиной были заперты, такъ какъ одинъ изъ старцевъ, маленькое и распухшее, какъ отъ водянки, созданіе, прерывая свои анекдоты, замѣчалъ:

— А все-таки здѣсь откуда-то дуетъ. Ты замѣчаешь, Пьеруша?

При чемъ другой старецъ, длинный и худой, какъ палка, владѣвшій только однимъ огромнымъ глазомъ, обводилъ взглядомъ комнату, ворочая на длинной и тонкой шеѣ свою голову, какъ на пружинѣ, и произносилъ:

— Да, Женюша, дуетъ! Но все заперто! Странно!

Это были графы Пьеруша и Женюша Слытковы, два близнеца, прожившіе до пятидесяти лѣтъ подъ опекой матери. Когда настадъ годъ ихъ совершеннолѣтія, они просили оставить мать ихъ опекуншею, «такъ какъ,—писали они въ прошеніи объ опекѣ,—они по слабоумію сами управлять дѣлами не могутъ». Эта опека прекратилась, когда имъ минуло пятьдесятъ лѣтъ, — прекратилась за смертью матери, которую они горько и долго оплакивали, хотя всѣ ихъ бесѣды съ нею сводились къ тому, что она спрашивала ихъ: «Вѣдь вы у меня глупыши?» — Они же отвѣчали ей: «Да, глупенькіе!» Тѣмъ не менѣе, глупыши достигли до чина тайныхъ совѣтниковъ, ни разу, впрочемъ, не посѣтивъ того присутственнаго мѣста, гдѣ числились на службѣ. Злые языки въ свѣтѣ говорили, что имъ дали чины за дѣвственность и благонравіе. Они остались на всю жизнь старыми холостяками, ни разу не разлучались другъ съ другомъ, жили одиноко, по виду напоминали скопцовъ, и только въ послѣднее время у нихъ поселился сынъ ихъ покойной сестры, камеръ-юнкеръ Николай Александровичъ Томиловъ— извѣстный въ кругу знакомыхъ и родныхъ подъ именемъ «врачнаго Коко». Къ нему должны были перейти не только ихъ богатства, но, вѣроятно, и титулъ, такъ какъ родъ графовъ Слытковыхъ прекращался съ Пьерушей и Женюшей.

Попавъ въ этотъ кружокъ, Егоръ Александровичъ по-

Digitized by Google

чувствовалъ себя очень скверно и съ ужасомъ замѣтилъ, что здѣсь не было даже Марьи Николаевны, то-есть единственнаго существа, съ которымъ онъ могъ бы перекинуться живымъ словомъ. Ему было не только досадно, что она его оставила на жертву этому обществу,—ему почему-то показалось, что это было сдѣлано не безъ умысла... Не хотѣла ли она помучить? Или, можетъ-быть, тутъ было своего рода глумленіе надъ нимъ—надъ искателемъ богатой невѣсты. Это задѣло его самолюбіе, и онъ рѣшился лучше остаться въ этой душной гостиной, чѣмъ идти искать Протасову.

Присутствующіе между тѣмъ, почти не обративъ на него вниманія, продолжали бесѣду, перешедшую теперь къ вопросу о необъяснимыхъ видѣніяхъ.

— Я какъ сейчасъ помню, это было передъ четырнадцатымъ декабремъ,—продолжалъ разсказывать, пришепетывая, Женюша Слытковъ:—мы собрались у генерала Арбузова. Были: я, Василій Богдановичъ Адамовичъ, два князя Вадбольскихъ и Зубовъ. Разговоръ коснулся наполеоновскихъ войнъ и численности его арміи въ сраженіи подъ Эйлау. Арбузовъ и Адамовичъ горячо заспорили. Наконецъ Арбузовъ и говоритъ:—«Да что же ты споришь, Василій Богдановичъ, когда я читаю исторію этого времени. Книга даже раскрыта у меня въ кабинетѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ говорится о числѣ войскъ».—«А я готовъ биться объ закладъ, хоть бы чорту душу пришлось отдать,—сказалъ Адамовичъ:—что правъ я».

Побились объ закладъ, и всѣ двинулись въ кабинетъ.

— Удивительная исторія!—началъ, захлебываясь, Пьеруша, ворочая голову на длинной шеѣ и обводя всѣхъ однимъ круглымъ и большимъ, какъ у неоперившейся птицы, глазомъ.

— Нѣтъ, ты погоди, Пьеруша, дай мнѣ досказать,—серьезно и строго остановилъ его порывъ Женюша.—Вотъ идемъ мы въ кабинетъ, отворяемъ двери и видимъ: у стола сидитъ самъ Арбузовъ и держитъ развернутую книгу. Мы переглянулись: всѣ были блѣдны, какъ полотно. Арбузовъ, то-есть настоящій Арбузовъ, стоящій съ нами, тяжело дышалъ. Онъ тихо подошелъ къ своему двойнику, всталъ за его спиною и заглянулъ черезъ его плечо въ книгу.—«Виноватъ, Василій Богдановичъ,—громко проговорилъ онъ.—Ты правъ! Недоброе пари заставилъ я тебя предложить»... Призракъ моментально исчезъ при этихъ словахъ,—подошли мы къ столу: книга лежитъ на столѣ, и никого нѣтъ.

Digitized by Google

— Удивительная исторія! — уже совсѣмъ восторженно воскликнулъ снова Пьеруша, опять обводя общество своимъ одинокимъ глазомъ.—Женюша всегда ее такъ разсказываетъ. Всегда! И когда—слушайте, это ужасно знаменательно!—пришелъ онъ домой,—я не былъ на этомъ вечерѣ, горло болѣло,—пришелъ онъ домой, взглянулъ я на него и говорю: «Женюша, съ тобой случилось необычайное событіе!»—«Ты почему, Пьеруша, знаешь?»—спрашиваетъ онъ.—«Я не знаю, но я чувствую»,—отвѣтилъ я.—«Ты правъ»,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, а ты разскажи, Пьерушка, про исторіи въ Петербургѣ у Лотгаммеръ, какъ стулья тамъ ходили,—сказалъ Женюша.—Домъ этотъ на углу Большой Садовой и Могилевской улицъ, донынѣ существуетъ и квартира...

Егоръ Александровичъ задыхался: его душила злоба на молодую хозяйку дома, оставившую его на жертву этимъ старцамъ. Однако, онъ все же далъ себѣ слово не выходить изъ этой комнаты на поиски бѣглянки. Но это ему не удалось исполнить. Софья Петровна, изнывавшая за сына, сдѣлала неловкость и спросила у одной изъ хозяекъ дома:

— А гдѣ скрывается Марья Николаевна?

— Мари, должно-быть, на террасѣ съ monsieur Томиловымъ,—отвѣтила старуха и крайне сухо обратилась къ Егору Александровичу:—Пройдите туда, если угодно, она, вѣрно, тамъ.

Егоръ Александровичъ закусилъ отъ досады губу, но волей-неволей долженъ былъ идти отыскивать молодую дѣвушку.

Онъ вышелъ на террасу. Здѣсь, внизу, на ступеняхъ, сидѣла Марья Николаевна въ странной позѣ: она обхватила руками одно колѣно и смотрѣла безцѣльно передъ собою; эта поза была скорѣе прилична мальчугану или юношѣ, но никакъ не барышнѣ. Около молодой дѣвушки стоялъ худощавый и болѣзненный господинъ съ очень некрасивымъ, неподвижнымъ лицомъ, обрамленнымъ съ боковъ небольшими баками. Ему было лѣтъ тридцать, но его темные волосы, зачесанные не безъ искусства, были крайне рѣдки, и несмотря на тщательную прическу, сквозь нихъ просвѣчивало тѣло. Его сѣрые глаза, смотрѣвшіе черезъ стекла pince-nez, были холодны и тусклы. Это былъ Коко Томиловъ, какъ узналъ потомъ Мухортовъ. Онъ что-то разсказывалъ Марьѣ Николаевнѣ, но она видимо не слушала его, смотря безцѣльно передъ собою. Егоръ Александровичъ

Digitized by Google

сталъ спускаться по лѣстницѣ. Протасова замѣтила его только тогда, когда онъ уже совсѣмъ близко подошелъ къ ней.

— А, это вы! — сказала она, лѣниво протягивая ему руку.—Бѣжали изъ общества мертвецовъ, которыхъ забыли похоронить?

— Не бѣжалъ бы, если бы они сами не изгнали меня, заставивъ отыскивать васъ,—отвѣтилъ онъ.

— А, вотъ что!—проговорила она.—Значитъ, они заинтересовали васъ?

— Да, оригинальная коллекція развалинъ,—сказалъ онъ небрежно.—Я ихъ слушалъ не безъ любопытства.

Томиловъ, не представленный Мухортову, отошелъ въ сторону, какъ-то враждебно и косо окинувъ его взглядомъ съ ногъ до головы. Протасова сдѣлала гримасу.

— Ну, я по доброй волѣ и минуты не провела бы съ ними,—продолжала она начатый разговоръ, не обращая вниманія на удалившагося Томилова, и въ ея тонѣ послышалась иронія.

— Да вѣдь и я не по доброй волѣ явился въ ихъ общество,—отвѣтилъ Мухортовъ съ извѣстной рѣзкостью.

Она вопросительно взглянула на него. Ему показалось въ этомъ взглядѣ не то презрѣніе, не то насмѣшка.

— Волей-неволей приходится отдавать визиты,—поясилъ онъ съ несвойственною ему неделикатностью, почти дерзостью.— Къ тому же въ деревнѣ нельзя и выбирать, куда ѣздить, куда не ѣздить...

— Я предпочитаю ужъ лучше вовсе не ѣздить никуда,—сказала она:—силой иногда куда-нибудь вывезутъ, и то вѣдь это рѣдко бываетъ.

— Я, вѣроятно, также послѣдую вашему примѣру,—замѣтилъ онъ.—Я только буду счастливѣе васъ, такъ какъ меня некому силой возить въ гости.

— Ну, да вамъ такъ недолго придется здѣсь жить...

— Вы ошибаетесь, я поселюсь здѣсь надолго...

— Вы?

— Да.

— А служба?

— Я выхожу въ отставку.

Она посмотрѣла на него не безъ удивленія.

— Зачѣмъ? Устали служить?

Въ ея тонѣ была нескрываемая насмѣшливость.

— Нѣтъ, просто потому, что мои средства не позволяютъ служить въ гвардіи,—просто отвѣтилъ онъ.

Digitized by Google

По ея лицу скользнула улыбка, нехорошая улыбка, задѣвшая его за живое.

— А развѣ отставка поправитъ ваши средства?—спросила она.

— Еще бы. Здѣсь жизнь дешева вообще, и можно до послѣдней степени ограничить свои потребности,—отвѣтилъ онъ.—Можетъ-быть, мнѣ удастся попривыкнуть и къ сельскому хозяйству, если, конечно, останется что-нибудь для этого хозяйства.

— То-есть какъ это что-нибудь останется?—спросила она въ недоумѣніи.—У васъ же большое имѣніе...

— И еще бо́льшіе долги,—отвѣтилъ онъ.—Я долженъ продать все, что́ потребуется продать для уплаты этихъ долговъ.

Ея лицо сдѣлалось совершенно серьезнымъ. Она немного сдвинула брови и видимо находилась въ сильномъ недоумѣніи. Она только наканунѣ узнала, что Мухортовъ намѣревается свататься за нее. Она страшно разсердилась на него. Если бы онъ подвернулся ей въ ту минуту, она надѣлала бы ему страшныхъ дерзостей. Ей и теперь стоило не малаго труда сдержать себя хотя немного при встрѣчѣ съ нимъ и не надѣлать ему дерзостей. Теперь его слова сбили ее съ толку. У нея было непреодолимое желаніе прямо задать ему вопро́съ о его желаніи просить ея руки, хотя она и сознавала, досадуя, впрочемъ, за это на себя, всю неловкость этого вопроса. Но, тѣмъ не менѣе, она не выдержала и съ ироніей сказала:

— А мнѣ говорили о какихъ-то другихъ вашихъ планахъ...

Онъ пристально, почти дерзко взглянулъ на нее, точно дѣлая ей вызовъ, точно говоря ей: «что же вы не договариваете? попробуйте!» Она впервые смутилась отъ холоднаго и серьезнаго взгляда этого человѣка и глянула въ сторону.

— У меня нѣтъ и не будетъ никакихъ другихъ плановъ,—отвѣтилъ онъ твердо и отчетливо.

Разговоръ вдругъ оборвался. Между молодыми людьми повѣяло какимъ-то холодомъ. Они почуяли одинъ въ другомъ враговъ...

III.

Егоръ Александровичъ, вернувшись домой, тотчасъ же съ лихорадочной поспѣшностью засѣлъ за разборъ разныхъ счетовъ и отчетовъ, доставленныхъ ему дядею, и не безъ

Digitized by Google

страха раздумывалъ, сумѣетъ ли онъ одолѣть всѣ эти ряды цифръ. Дѣло для него было совершенно новое. Но это нужно было сдѣлать, чтобы уяснить себѣ, какъ поступать дальше. Не уяснивъ себѣ этого, онъ испытывалъ такое ощущеніе, какъ-будто на немъ были надѣты колодки, мѣшавшія ему свободно двигаться. Работа должна была занять у него не день, не два, и онъ сознавалъ, что ему придется потратить много времени даромъ, такъ какъ онъ не умѣлъ приняться за дѣло, какъ слѣдуетъ. Тѣмъ не менѣе, онъ рѣшился добиться результатовъ безъ чужой помощи, почему-то стыдясь просить указаній у дяди. Его постоянное пребываніе въ своемъ кабинетѣ за бумагами сильно смущало Софью Петровну. Она не знала, что хочетъ предпринять сынъ, для чего ему понадобилось просмотрѣть эти противныя дѣла. Въ то же время ее мучило подозрѣніе, что Егоръ Александровичъ дѣйствительно хочетъ отказаться отъ женитьбы на Протасовой. Почему? Мухортова не находила отвѣта на этотъ вопросъ. Ее томила тоска. Ей грезились во снѣ и наяву Баденъ-Баденъ, Біаріцъ, Трувилль. Она вдругъ стала чувствовать, что у нея и тутъ болитъ, и тамъ ноетъ, и здѣсь колетъ. Какъ бы хорошо теперь уѣхать куда-нибудь на воды. Это такъ необходимо для ея здоровья. Но объ этомъ и думать нечего, если Жоржъ не женится. Она металась и не находила себѣ мѣста. Ее даже не развлекала болтовня Елены Никитишны, Агаѳьи Прохоровны, матери Софроніи. Мрачное настроеніе генеральши не ускользнуло отъ зоркихъ глазъ ея приживалокъ и дворовыхъ. Объ этомъ шушукались во всѣхъ углахъ. Агаѳья Прохоровна интересовалась этимъ болѣе всѣхъ.

— Матушка, Софья Петровна, что это вы, ангелъ нашъ, все нынче въ омраченіи находитесь?—говорила она какъ-то, развлекая лежавшую въ своемъ будуарѣ на кушеткѣ совсѣмъ больную генеральшу.—Смотрю это я на васъ, благодѣтельница, и думаю: нѣтъ, нѣтъ, это не наша Софья Петровна, не она, не она! Ей-Богу!

— Да, милая, точно я на себя не похожа,—со вздохомъ произнесла Софья Петровна и томно закатила глаза.—Радостей-то мало...

— А что такое, ангелъ вы нашъ?.. Не случилось ли чего, помилуй, Господи!—воскликнула въ волненіи Агаѳья Прохоровна и учащенно заморгала глазами.

— Хотѣлось, вотъ, Жоржа женить,—лѣниво отвѣтила Мухортова.—Тоже при жизни еще пристроить бы желала...

Digitized by Google

— Матушка, ангелъ вы нашъ, да вы это что же о смерти-то говорите!—поспѣшно воскликнула Агаѳья Прохоровна и бросилась цѣловать ручку генеральши.—Вамъ жить, да жить еще надо. Насъ-то кто же хоронить будетъ безъ благодѣтельницы. Поверхъ земли безъ васъ-то мы наваляемся! Спаси васъ, Господи!

Она быстро начала креститься.

— Все же, кто знаетъ, что случится! Предчувствіе у меня!—произнесла Софья Петровна такимъ печальнымъ тономъ, точно она и дѣйствительно умирала.—Да, предчувствіе. Подъ ложечкой это, знаешь, такъ засосетъ, засосетъ, ну, и идутъ въ голову такія мысли... Да, хотѣлось бы при жизни видѣть Жоржа счастливымъ.

— Ну, и что же? и что же?

— Не хочетъ... Нашла ему и невѣсту—не нравится.

— А-ахъ, а-ахъ!—протяжно вздохнула Агаѳья Прохоровна, качая съ соболѣзнованіемъ головой.—Не нравится! И съ чего бы? Развѣ, можетъ, у самого Егора Александровича другая невѣста намѣчена? Ну, тогда другія, конечно, по вкусу и не придутся.

— Нѣтъ, гдѣ же!—сказала генеральша.

— И точно, гдѣ же!..

Агаѳья Прохоровна подперла подбородокъ правою рукою и, покачивая въ раздумьи головой, замѣтила, какъ бы про себя:

— Ужъ не можетъ же быть, чтобы это изъ-за этого... Нѣтъ, это что и говорить, не можетъ быть, пустяки совсѣмъ!

— Ты это про что, Агаѳья Прохоровна?—спросила генеральша.

— Такъ, ангелъ вы нашъ, глупыя мысли пришли въ голову... Извѣстно, гдѣ же у насъ умнымъ мыслямъ быть... Сами мы глупыя, и мысли у насъ глупыя...

— Да ты говори! Что такое?

— Я вотъ про Полю, что она-то не пристроена еще...

Агаѳья Прохоровна вдругъ словно спохватилась и торопливо прибавила:

— Благодѣтельница, виновата! Языкъ мой—врагъ мой! Можетъ, вы и не знаете ничего про Полю!

Мухортова махнула безнадежно рукою.

— Все, все знаю!

— Ну, такъ вотъ не безпокоится ли Егоръ Александровичъ, что она-то не пристроена? Вѣдь это бываетъ. Ко-

Digitized by Google

нечно, не ему на ней жениться, не помѣха она ему при свадьбѣ, а все же, пока не пристроена она, сердце-то по ней и сохнетъ. Добръ онъ! Была бы чужемужняя жена—дѣло другое было бы, отрѣзанный ломоть...

— Это правда, конечно,—въ раздумьи согласилась генеральша.

Ей самой приходила въ голову эта мысль.

— Вотъ Данило Волковъ, камердинъ Егора Александровича, я думаю, въ ногахъ бы вывалялся, чтобы жениться на ней.

— Ты полагаешь? Но онъ же, вѣроятно, все знаетъ?

— Ахъ, благодѣтельница, это вы по своимъ благороднымъ чувствамъ разсуждаете, а ему что, что онъ знаетъ? Въ ихъ сословіи это ни за что не считается. Просто такъ себѣ: тьфу!.. Да и то сказать, чего же тутъ такого? Не съ мужикомъ какимъ-нибудь жила, а баринъ приласкалъ, такъ вѣдь это за счастье онъ почитать долженъ, потому и ее, и его не оставятъ господа.

— Ахъ, развѣ я кого-нибудь обижала!—воскликнула съ чувствомъ Мухортова.—На меня-то ужъ роптать люди не могутъ! О, нѣтъ...

— Что и говорить! Что и говорить! Благородные люди такой жизни были бы рады! Какъ у Христа за пазухой живутъ!

Софья Петровна помолчала и потомъ спросила:

— Такъ ты думаешь, что Данило былъ бы согласенъ?

— Ничего я навѣрное, ангелъ вы нашъ, не знаю, потому не мое это дѣло. Что мнѣ въ чужія дѣла соваться? Меня бы не обижали, а я человѣка не трону. Живи онъ, какъ знаетъ... Но думаю я по своему глупому разсужденію, что долженъ бы Данило только радоваться и Бога благодарить за такое счастіе.

Генеральша вздохнула.

— Надо будетъ съ Еленой поговорить...

— Благодѣтельница, только не выдавайте вы меня, что я это говорила,—сказала Агаѳья Прохоровна униженнымъ тономъ.—Не любятъ люди, чтобы въ ихъ дѣла чужіе носъ совали. Можетъ-быть, у нея свои планты есть. Въ чужую душу не влѣзешь...

— Ахъ, что ты глупости говоришь! Стану я разсказывать!

— Тоже понимаютъ вѣдь, что пока Пелагея не замужемъ, будетъ она въ рукахъ Егора Александровича дер-

Digitized by Google

жать. Къ чужемужней женѣ сердце-то его сейчасъ охладѣетъ...

Агаѳья Прохоровна поспѣшила оставить Мухортову одну и, пробираясь въ странноприимный покой, не утерпѣла, забѣжала къ Данилѣ Николаевичу Волкову.

— Готовьте дары-то, да на свадьбу зовите,—бойко сказала она ему, заглядывая въ его комнату.

— А что, Агаѳья Прохоровна?—торопливо спросилъ онъ, соскакивая съ дивана, гдѣ лежалъ съ газетой въ рукахъ.

— А то же, что у генеральши рѣчь пойдетъ съ Еленой Никитишной о вашемъ бракосочетаніи,—отвѣтила Агаѳья Прохоровна, присѣдая въ дверяхъ.—За хлопоты-то сумѣйте по обѣщанному отблагодарить.

— Мы свое слово держать умѣемъ,—развязно отвѣтилъ онъ.—Какъ же разговоръ-то у васъ вышелъ?

— Ну, послѣ, а то еще шпіоны выслѣдятъ, дѣло напортятъ,—отвѣтила она, быстро удаляясь отъ дверей съ поднятой гордо головой.

Софья Петровна между тѣмъ глубоко раздумывала о словахъ Агаѳьи Прохоровны. Ей самой не разъ приходили эти мысли въ голову. Дѣйствительно, Егоръ Александровичъ броситъ тотчасъ же Полю, какъ только она сдѣлается чьею-нибудь женою. Не станетъ онъ дѣлиться ею съ лакеемъ. Фи! Этого только недоставало! Это, вѣроятно, понимаютъ и Поля, и Елена Никитишна. Ужъ и точно, не думаютъ ли онѣ прибрать къ рукамъ Жоржа? Надо похлопотать, какъ бы сбыть дѣвушку. Ахъ, какъ все это скучно, несносно!

Не прошло и получасу послѣ ухода Агаѳьи Прохоровны, какъ уже въ будуарѣ у Мухортовой шелъ разговоръ съ Еленой Никитишной.

— Я съ тобой, Елена, хотѣла поговорить о Полѣ,—сказала Софья Петровна.—Ужасно безпокоитъ меня ея положеніе.

Елена Никитишна махнула безнадежно рукой.

— Ужъ и не говорите, сама я ночей не сплю! Докуролесила дѣвчонка до того, что хуже и быть не можетъ...

— А что?—съ испугомъ спросила генеральша.

— Извѣстно, что! Оба молоды, матерью, пожалуй, будетъ.

— Елена, что ты говоришь!—съ ужасомъ вскричала Мухортова.—Это ужасно, ужасно!.. И скоро?

— Не знаю, ничего не знаю! Отъ нея ничего не допытаешься, а вижу, что дѣло не ладно.

Digitized by Google

— Боже мой, этого только недоставало! Незаконный ребенокъ! Это ужасно!.. А я думала пристроить бы ее за кого-нибудь...

— Пристроить! Вонъ и женихъ есть, да развѣ съ нею сговоришь!..

Елена Никитишна опять махнула рукой.

— Женихъ? Кто это?—полюбопытствовала генеральша.

— Данило сватается.

— Данило? Что же, онъ человѣкъ трезвый, порядочный...

— Да ей-то все равно, кто ни сватайся, хоть принцъ заморскій, все равно не пойдетъ.

Софья Петровна покачала укоризненно головой.

— Ахъ, Елена, Елена, развѣ можно такъ говорить. Развѣ дѣвушка понимаетъ что-нибудь въ этихъ дѣлахъ! Надо уговорить, резоны представить. Вѣдь и всѣ мы почти всегда не по своей волѣ шли замужъ. Развѣ я по своей волѣ, по страсти шла? Такъ я не она!.. Если бы волю-то намъ дать, такъ мы бы... Да вотъ она сама примѣръ: дали мы волю, и что вышло?

— Знаю я, сама знаю это! Да нынче насильно-то къ вѣнцу не потащишь...

Мухортова пришла въ ужасъ.

— Ахъ, что ты, что ты, Елена! Развѣ можно такія слова говорить: насильно! Да я первая возмутилась бы! Надо убѣжденіемъ подѣйствовать! Надо резоны представить! А то насильно, вотъ выдумала. Совсѣмъ ты стара становишься, тоже изъ ума выживаешь! Насильно!..

Генеральша была возмущена.

— Говорила я съ ней, да развѣ ее уговоришь,—отвѣтила Елена Никитишна.

— Ты говорила уже?

— Да, такъ, стороною, — пояснила Елена Никитишна, уклоняясь отъ прямого и откровеннаго отвѣта.

Она уже нѣсколько разъ пробовала усовѣщивать «дѣвку», подъ вліяніемъ какого-то смутнаго страха, чуя, что въ домѣ дѣлается что-то неладное. Практическій смыслъ прямо подсказывалъ ей, что нужно ковать желѣзо, пока оно горячо, что теперь еще можно «сорвать» что-нибудь съ господъ на приданое, а что послѣ, можетъ-быть, будетъ уже поздно. Сорвать можно было, только выдавъ Полю замужъ; обезпечивать судьбу обольщенной дѣвушки, не выдавая ее замужъ,—этого еще не случалось въ практикѣ мухортовскихъ господъ и дворни и, кромѣ того, просить объ этомъ

Digitized by Google

было неловко, такъ какъ подобная просьба могла быть принята за недовѣріе къ господамъ. И на волѣ у Елены Никитишны остались понятія и взгляды крѣпостной.

— Ну, и что же? — продолжала разспрашивать Софья Петровна.

— И слушать не хочетъ! Вотъ уже, истинно, нажили горе! Конечно, если бы самъ Егоръ Александровичъ ей сказалъ, можетъ-быть, она и согласилась бы.

Генеральша ухватилась за эту мысль. Дѣйствительно, это было проще всего. Онъ долженъ уговорить эту молодую дѣвушку и загладить свой проступокъ.

— Я съ нимъ поговорю...

— Не станетъ только онъ ее уговаривать!—съ сомнѣніемъ возразила Елена Никитишна.

— Ну, вотъ еще выдумала! Долженъ же онъ понять, что надо уладить это дѣло... Наконецъ, я мать, я могу ему приказать... Ты съ своей стороны, Елена, постарайся разъяснить ей ея положеніе, а я поговорю съ Жоржемъ... Надо кончать скорѣе!..

— Ахъ, дѣвка, дѣвка, сколько она хлопотъ надѣлала!— вздохнула Елена Никитишна.

— Ну, не горюй, Елена, что дѣлать! Авось, все уладится!.. Повѣрь, что я постараюсь сдѣлать все, зависящее отъ меня... Ну, а ты помоги со своей стороны...

Генеральша милостиво отпустила Елену Никитишну и твердо рѣшила переговорить съ сыномъ. Въ послѣднее время онъ какъ будто избѣгалъ разговоровъ съ матерью, и генеральша совершенно не знала его плановъ относительно будущаго. Она знала только, что онъ для чего-то просматриваетъ «противные» отчеты по имѣнію и не понимала смысла этихъ занятій. Чего ужъ просматривать старые счеты, если стоишь на краю пропасти?..

Улучивъ удобную минуту, она пригласила сына къ себѣ на половину и сказала ему:

— Жоржъ, мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобою...

Онъ не безъ удивленія взглянулъ на нее, но тотчасъ же замѣтилъ:

— Я очень радъ, потому что и мнѣ нужно поговорить съ тобою.

— Я насчетъ Поли,—начала генеральша, когда Егоръ Александровичъ опустился въ кресло около ея кушетки.

— Насчетъ Поли?—съ еще большимъ удивленіемъ спросилъ онъ.—Что такое случилось?

Digitized by Google

— Кажется, ты долженъ бы знать лучше меня, въ какомъ она положеніи.

— А,—со вздохомъ проговорилъ Мухортовъ.—Я знаю... то-есть подозрѣваю... этого нужно было ждать...

— Меня огорчаетъ, мой другъ, твое равнодушіе,—сказала съ упрекомъ мать.

— Почему ты знаешь, что я равнодушно отношусь къ этому?—спросилъ онъ.—Но воротить прошлаго нельзя, и сколько бы я ни волновался, поправить дѣла тоже нельзя.

— Нужно. поправить!—тономъ строгаго наставника замѣтила генеральша, дѣлая особое удареніе на словѣ «нужно».

Потомъ она прибавила:

— Да, намъ надо позаботиться о ея судьбѣ и о судьбѣ ея ребенка... твоего ребенка... Это нашъ святой долгъ!..

— Я именно это и хочу сдѣлать, но прежде всего мнѣ нужно привести въ порядокъ наши собственныя дѣла,—сухо отвѣтилъ сынъ.

— Что же общаго между нашими дѣлами и ею?—пожимая плечами, произнесла генеральша.—Странное сопоставленіе!.. Мы должны постараться ее пристроить за кого-нибудь, вотъ въ чемъ нашъ долгъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Хорошо заглаживанье проступка: сдѣлать ее еще несчастнѣе. Она, впрочемъ, никогда не выйдетъ ни за кого замужъ.

— Надо ее уговорить.

Онъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Это безполезно! Да на ней никто и не женится,—сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой.—Кому же нужна брошенная любовница, да еще съ ребенкомъ...

— О, мой другъ, повѣрь, что въ ихъ кругу на это смотрятъ не такъ, какъ у насъ. Дадимъ приданое, найдется и женихъ, и она...

— Вотъ именно этотъ-то вопросъ меня и занимаетъ теперь,—началъ онъ.

— Такъ ты думалъ ее пристроить?—обрадовалась генеральша.

— Нѣтъ, я не о ней говорю, а о деньгахъ,—сухо отвѣтилъ сынъ.—Я почти окончилъ провѣрку отчетовъ по управленію имѣніемъ... Но я не знаю еще одного. Сколько у тебя долговъ въ Петербургѣ?

— Гдѣ же мнѣ помнить,—съ пренебреженіемъ сказала Мухортова.

Digitized by Google

— Ихъ надо вспомнить; иначе придется плохо... Ты что-то говорила передъ отъѣздомъ сюда о модисткѣ?

— Да, тамъ я должна пустяки какіе-то... пятьсотъ или семьсотъ рублей... Тамъ еще какой-то долгъ обойщику... тоже пустяки...

— Это вовсе не пустяки, потому что у меня и такъ почти ничего не остается,—замѣтилъ Егоръ Александровичъ.—Мнѣ надо знать точно цифру твоихъ долговъ, и я тебя серьезно попрошу дать мнѣ въ этомъ отчетъ... Я, конечно, свято расплачусь за тебя, но это будетъ въ послѣдній разъ...

Его тонъ былъ необычайно твердъ и рѣзокъ. До этой минуты онъ никогда такъ не говорилъ съ матерью.

— Жоржъ, что съ тобой?—воскликнула генеральша и сама возвысила голосъ.—Какимъ тономъ ты говоришь это? Я не привыкла...

Онъ перебилъ ее.

— Я тебя попрошу не волноваться! — стараясь быть сдержаннымъ, заговорилъ онъ.—Ты еще недавно сама говорила о необходимости спасти честь нашей фамиліи. Именно это я и рѣшился сдѣлать, не пятная себя новымъ безчестьемъ—продажею себя. Только теперь я вижу, что мы съ тобою дѣйствительно летѣли головами въ пропасть, ты—по незнанію дѣлъ, я по глупому стремленію не заниматься этими дѣлами.

— Ты меня обвиняешь?

— Я гораздо болѣе обвиняю себя, потому что, отстраняясь отъ дѣлъ, я все же пользовался всѣми удобствами, бывшими намъ не по средствамъ... Притомъ я долженъ былъ понять, что ты не имѣешь призванія къ дѣламъ...

— Что же ты хочешь дѣлать?

— На-дняхъ предстоятъ платежи процентовъ по залогу имѣнія. Я продамъ все, и если что останется за уплатою долговъ—я здѣсь же куплю клочокъ земли и поселюсь на немъ. По моимъ соображеніямъ, если у тебя петербургскіе долги не слишкомъ велики, мнѣ останется столько, что въ пять-шесть лѣтъ я стану, можетъ-быть, на ноги, устрою себѣ безбѣдную жизнь. Ты же—въ эти годы ты можешь жить на свою пенсію...—у дяди Жака, наконецъ... а если вздумаешь жить у меня бо́льшую часть года, то у тебя хватитъ даже средствъ проводить два-три мѣсяца въ годъ въ Петербургѣ по-своему... Конечно, мы должны распустить всю орду слугъ и приживалокъ, обирающихъ насъ теперь...

Digitized by Google

Въ его голосѣ не слышалось ни волненія, ни горечи. Онъ говорилъ, какъ человѣкъ, ясно сознававшій свое положеніе—положеніе, если и не блестящее, то не безысходное. Генеральша молчала, точно пораженная громомъ, не понимая вполнѣ, что происходитъ вокругъ нея.

— Вотъ почему,—продолжалъ онъ:—всякія мечты о выдачѣ замужъ Поли, о награжденіи ея за мой проступокъ нужно откинуть въ сторону. На это у меня нѣтъ средствъ. Что я ее не брошу—это понятно само собою. Она останется при мнѣ...

— Жоржъ!—воскликнула съ ужасомъ Мухортова, какъ бы очнувшись отъ тяжелаго сна.—Ты будешь жить здѣсь вдвоемъ съ нею, сдѣлаешь ее...

— Не будемъ говорить о моихъ дѣлахъ: они касаются только меня, меня одного!—перебилъ онъ ее.—Намъ прежде всего нужно распутать наши общія дѣла, и это въ значительной степени зависитъ отъ тебя, какъ я уже сказалъ, такъ какъ я не желалъ бы, чтобы векселя и счеты изъ Петербурга посыпались мнѣ, какъ снѣгъ, на голову...

Софья Петровна неожиданно разрыдалась и, ломая руки, застонала.

— Жоржъ, Жоржъ, ты рѣшился убить меня! Я не переживу этого! О, какъ ты жестокъ, какъ мало ты любишь меня!

— Полно! Зачѣмъ ты говоришь эти фразы,—нетерпѣливо сказалъ онъ.—Люди переживаютъ и худшія несчастія. Мы, по крайней мѣрѣ, можемъ выйти еще чистыми изъ всей этой исторіи. Это даже не несчастіе, а только урокъ...

Потомъ, видя, что мать продолжаетъ истерически рыдать, онъ поднялся съ мѣста и сказалъ:

— Я пошлю къ тебѣ Елену Никитишну, помочь тебѣ...

Онъ вышелъ, не оборачиваясь, изъ комнаты. Онъ былъ убѣжденъ, что вопроса о выдачѣ Поли замужъ больше не поднимутъ...

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

I.

Егоръ Александровичъ успѣлъ уже давно разобраться въ дѣлахъ, и теперь для него весь вопросъ заключался въ томъ, чтобы повыгоднѣе продать имѣніе. Ему хотѣлось сохранить за собою, если возможно, клочокъ своей родовой земли, прилегавшей къ владѣніямъ Алексѣя Ивановича. Здѣсь ему не только нравилась мѣстность, но и было то

Digitized by Google

удобство, что ему можно было тутъ, не тратясь на постройки, найти себѣ пріютъ. Въ этой части мухортовскаго имѣнія стоялъ отличный, заново отдѣланный, деревянный домъ. Этотъ домъ, носившій названіе «охотничьяго домика», былъ нѣкогда построенъ для отца Егора Александровича и, хотя не отличался грандіозными размѣрами, но былъ довольно просторенъ и прочснъ. Еще недавно тутъ жилъ братъ Елены Никитишны, бывшій управляющимъ въ имѣніи. Домъ стоялъ на возвышенной мѣстности. Около него протекала небольшая рѣка Желтуха, по берегу ея тянулась деревня съ деревянною церковью и кладбищемъ на краю. Обдумавъ все свое будущее, Егоръ Александровичъ отправился къ Алексѣю Ивановичу, чтобы сообщить ему все, что онъ придумалъ, и попросить его совѣтовъ. Когда онъ пришелъ въ домъ дяди, его особенно привѣтливо встрѣтили кузины и кузенъ; но Егоръ Александровичъ сразу замѣтилъ въ ихъ лицахъ какое-то особенное участіе и жалость. Такъ добрые люди смотрятъ на разныхъ «несчастненькихъ». Егору Александровичу, неизвѣстно почему, вспомнилась та сцена съ Машей Протасовой, когда дѣвочка сказала ему: «Бѣдный слѣпенькій, хочешь, я тебя повожу». По его лицу скользнула невольная улыбка. Родственники разомъ вскрикнули, вглядываясь въ него:

— Егораша, что съ тобой, голубчикъ?

Мухортовъ удивленно и вопросительно взглянулъ на нихъ.

— На тебѣ лица нѣтъ! Ты нездоровъ былъ?

Егоръ Александровичъ самъ не зналъ, что онъ такъ измѣнился въ какую-нибудь одну недѣлю.

— Нѣтъ, сидѣлъ много за дѣлами, такъ вѣрно съ непривычки отощалъ,—отвѣтилъ онъ, усмѣхаясь.—Вотъ начнется охота, поправлюсь... Дядя дома?

— Дома, дома!—отвѣтили родственники, тревожно переглядываясь между собою, и тутъ же прибавили:—Ты бы бросилъ всѣ эти дѣла, гдѣ ужъ тебѣ возиться съ ними!

Мухортовъ, не отвѣчая на это замѣчаніе, сказалъ:

— Дядя въ кабинетѣ?

— Да, да!.. Ахъ, бѣдный, бѣдный, какъ ты исхудалъ!..

— Такъ я пройду къ нему,—сказалъ Егоръ Александровичъ.

Ему уже становилось досадно слушать эти жалостливыя восклицанія откормленныхъ и краснощекихъ деревенскихъ здоровяковъ.

Digitized by Google

Онъ направился въ кабинетъ Алексѣя Ивановича и, переступивъ порогъ, сразу увидалъ при видѣ дяди, что и дядя смотритъ на него какъ-то странно. Старикъ, несмотря на свою вѣчную веселость, смотрѣлъ теперь озабоченно, съ какимъ-то не то недоумѣніемъ, не то смущеніемъ на племянника, точно готовился разсказать или выслушать что-то неладное. Егоръ Александровичъ поздоровался съ нимъ и съ первыхъ же словъ просто и откровенно сталъ выяснять дѣло. Ему хотѣлось поскорѣе высказать все, что было у него на душѣ. Онъ искренно любилъ старика, какъ замѣчательно добраго родственника, какимъ и былъ въ дѣйствительности старикъ Мухортовъ. Кулакъ и аферистъ въ одну сторону, онъ съ другой стороны былъ нѣжнѣйшимъ мужемъ, отцомъ, дядею. Онъ не остановился бы передъ необходимостью прижать къ стѣнѣ кого бы то ни было, снять съ ближняго рубашку, но въ то же время онъ готовъ былъ на всякія жертвы для своихъ. Эти двѣ нравственности уживались въ немъ вмѣстѣ, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ. Егоръ Александровичъ началъ съ того, что задалъ старику простые вопросы: можно ли свести концы съ концами, хозяйничая по-старому въ Мухортовѣ, то-есть платя проценты за ссуду, не дѣлая новыхъ долговъ? можно ли поступать иначе, или лучше сказать, можно ли принудить Софью Петровну поступать иначе, покуда имѣніе будетъ номинально принадлежать ему, Егору Александровичу? не выгоднѣе ли продать теперь же имѣніе, оставивъ за собой небольшой участокъ земли, гдѣ можно исподволь начать, если вздумается, маленькое сельское хозяйство не съ голыми руками, а съ кое-какимъ капиталомъ, вырученнымъ хотя отъ продажи разной движимости, если не отъ продажи самого имѣнія? Старикъ не безъ изумленія увидалъ, что Егоръ Александровичъ обдумалъ дѣло не хуже, чѣмъ обдумалъ бы это онъ самъ. Онъ поднялся съ мѣста и, потирая лобъ, сталъ ходить быстрыми шагами по комнатѣ, повторяя:

— Такъ, такъ!.. Экая вѣдь досада, что у меня теперь нѣтъ свободныхъ денегъ... Я бы тебя, Егорушка, выручилъ, вѣрь мнѣ... Ну, да это не бѣда... Пріищемъ покупщика... Что бы ты сказалъ, если бы Протасовъ...

Онъ взглянулъ испытующимъ взглядомъ на племянника, точно хотѣлъ прочитать въ его душѣ, какое впечатлѣніе на молодого человѣка произведетъ этотъ вопросъ.

— Мнѣ, дядя, все равно, кто купитъ, лишь бы больше взять,— спокойно отвѣтилъ Егоръ Александровичъ.

Digitized by Google

— Больше Протасова никто не дастъ... Ему имѣніе нравится, да и съ руки ему...

Егоръ Александровичъ нерѣшительно замѣтилъ:

— Но, дядя, вы не берете одного въ расчетъ... Я не знаю почти вашего Протасова и потому не могу судить о его характерѣ... Но не прижметъ ли меня именно онъ... Эта глупая—вы меня извините—исторія съ сватовствомъ могла его разозлить.

Алексѣй Ивановичъ замахалъ руками и вздохнулъ.

— Ну, Егорушка, ты ужъ о сватовствѣ-то не говори... Провалились мы на немъ... Ахъ, какъ провалились!.. Ты, вѣрно, еще ничего не знаешь? А я боялся за тебя... Тоже у тебя гоноръ.. Во-первыхъ, барышня сказала прямо отцу, когда онъ ей заикнулся о твоихъ планахъ, что за тебя она никогда не выйдетъ, что за перваго встрѣчнаго дурака пойдетъ, а не за тебя, и во-вторыхъ—конкурентъ у тебя явился опасный,—Томиловъ... Старыя дѣвы на стѣну лѣзутъ, только бы женить его на Марьѣ Николаевнѣ... Еще бы, камеръ-юнкеръ и въ будущемъ графъ Слытковъ-Томиловъ. Не шутка!..

— Ну, и дай Богъ имъ совѣтъ, да любовь!—равнодушно сказалъ Егоръ Александровичъ.

— Мы тутъ въ семьѣ толковали, какъ бы поделикатнѣе сообщить тебѣ объ этомъ, и ума не приложили.

— Да я же самъ отказался отъ женитьбы...

— Ну, такъ тебѣ и повѣрили!—сказалъ дядя.—А вотъ какъ Протасовъ мнѣ сообщилъ объ отказѣ дочери, такъ тутъ ужъ нельзя было не повѣрить. Меня точно водой холодной обдало... Думаю: «что теперь Егорушка станетъ дѣлать?» Мои тоже чуть не ревутъ: «бѣдный Егораша, ахъ, Егораша».

Егоръ Александровичъ не выдержалъ и разразился смѣхомъ.

— Такъ вотъ почему вы всѣ на меня съ такими постными физіономіями смотрѣли!—проговорилъ онъ, продолжая смѣяться.—А я сразу и понять не могъ...

— Да тебѣ смѣхъ, а вѣдь штучка-то выгодная ускользнула изъ рукъ,—сказалъ Алексѣй Ивановичъ.

Потомъ онъ заговорилъ уже болѣе веселымъ тономъ.

— Протасовъ даже немного повздорилъ съ дочерью и извинялся передо мною въ неловкости,—продолжалъ Алексѣй Ивановичъ и засмѣялся.—Я великодушно простилъ!

— Значитъ, вмѣсто убытка барышъ?—шутливо сказалъ

Digitized by Google

Егоръ Александровичъ.—А я со своей стороны боялся, что ты на меня дуться будешь, что я испортилъ твои отношенія къ Протасову...

— Нѣтъ, братъ, мнѣ во всемъ удача: вонъ въ Москвѣ у меня домъ сгорѣлъ—продать бы его, и десяти тысячъ не дали бы, а сгорѣлъ—сорокъ получилъ изъ страхового общества. Полоса теперь такая у меня, чтобы только не сглазить...

— Ну, вотъ ты и мнѣ съ легкой руки помоги выпутаться...

— Хорошо, хорошо!.. А что это твоя мать-то, Егорушка, мнѣ вотъ насчетъ Поли твоей плела... Не то ты законнымъ бракомъ жениться на ней хочешь, не то... чортъ знаетъ, что ты придумалъ...

— Все пустое, дядя,—отвѣтилъ Егоръ Александровичъ.— Жениться я на Полѣ не могу, хотя, можетъ-быть, это и слѣдовало бы сдѣлать. Но это выше моихъ силъ...

— Ну, какая же она тебѣ пара!?

— Нѣтъ, дядя, не то!.. Не потому не могу я жениться на ней, что я лично считаю ее неровной мнѣ, а потому, что мнѣ пришлось бы порвать связи со всѣми родными... Вѣдь даже ты, добрѣйшій мой человѣкъ, не пустилъ бы своихъ дочерей ко мнѣ, еслибъ она была моей женой?.. Да?

— Что и говорить.

— Ну, а отказаться отъ всей родни, отъ всѣхъ связей я не въ силахъ... Безчестно это или нѣтъ?.. можетъ-быть, я тутъ самъ съ собою играю въ прятки... самъ я еще не могу разобраться въ своей душѣ, но это такъ... Но, не женясь на ней, я не брошу ее. Она будетъ имѣть мѣсто въ моемъ домѣ, ей по духовной я оставляю послѣ своей смерти все, что имѣю...

— Ну, умирать-то тебѣ еще рано...

— Кто знаетъ... Камень съ крыши можетъ упасть и убить.

— Ну его къ чорту, этотъ камень... Ты о жизни думай, а не о смерти... Тяжело тебѣ, Егорушка, будетъ ради нея обречь себя на холостую жизнь...

Егоръ Александровичъ пожалъ плечами.

— Кататься умѣлъ, дядя, нужно и саночки умѣть возить... Впрочемъ, ты ошибаешься, если думаешь, что я не люблю ее, или она не любитъ меня... Я счастливъ и этой любовью, а другой—найдешь ли ее еще? Любовь и счастіе— мало билетовъ съ этими выигрышами въ жизненной лотереѣ!..

Digitized by Google

И, перемѣняя разговоръ, онъ еще разъ спросилъ Алексѣя Ивановича:

— Такъ ты одобряешь мои планы?

— Еще бы! Другого выхода и нѣтъ! Станешь путаться съ новыми займами—все ухлопаешь на одни проценты, да еще и мать будетъ требовать на широкую жизнь. Вѣдь нельзя же сокращать свои расходы, когда владѣешь такимъ имѣніемъ, какъ Мухортово! Тоже мотовка она у тебя!

У Егора Александровича стало совсѣмъ легко на душѣ. Вернувшись изъ кабинета дяди на террасу, гдѣ барышни Мухортовы вышивали русскія полотенца, а сынъ хозяина дома читалъ вслухъ какую-то книгу, Егоръ Александровичъ не могъ не разсмѣяться, подмѣтивъ снова обращенные на него не то участливые, не то пугливые взгляды. Онъ подошелъ къ кузинамъ и весело проговорилъ имъ:

— Ну, а теперь позвольте васъ расцѣловать за участіе. Я не умираю, не погибаю и чувствую себя болѣе счастливымъ, чѣмъ когда-нибудь!

Онъ притянулъ къ себѣ этихъ румяныхъ, откормленныхъ и добродушныхъ дѣвушекъ и не безъ удовольствія расцѣловалъ ихъ прямо въ губы. Кузенъ тоже поднялся съ мѣста и протянулъ ему широкую, полную, бѣлую руку и, крѣпко сжимая ею руку Егора Александровича, съ чувствомъ проговорилъ:

— Молодецъ, Егораша; наплюй на все! Свѣтъ не клиномъ сошелся. Мы тебѣ другую найдемъ...

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ лучше на хорошія мѣста на охотѣ укажи, Павликъ, — отвѣтилъ, смѣясь, Егоръ Александровичъ:—а невѣсту я самъ найду.

Павелъ Алексѣевичъ, очень походившій на откормленнаго теленка съ крупными розовыми губами и большими простодушными молочно-голубыми глазами, бросился обнимать кузена, звонко и сочно цѣлуя его.

— Знаешь, Павелъ, когда ты такъ цѣлуешь, аппетитъ возбуждается,—со смѣхомъ сказалъ Егоръ Александровичъ.

— Меня, что ли, съѣсть хочешь?—въ свою очередь засмѣялся сынъ хозяина.

Егоръ Александровичъ съ любовью взглянулъ на него и взялъ его за подбородокъ.

— Что жъ, аппетитный кусокъ!

— Нѣтъ, ужъ я лучше велю завтракъ подать!—отвѣтилъ Павелъ Алексѣевичъ.—Кстати и мама посмотритъ на

Digitized by Google

тебя. А то она, бѣдная, боялась и выйти къ тебѣ. «Взгляну, говоритъ, на него и разрыдаюсь».

II.

Былъ третій часъ дня въ исходѣ, когда Егоръ Александровичъ возвращался домой отъ дяди. Погода стояла превосходная. Кругомъ все было залито солнцемъ, въ бездонномъ, голубомъ небѣ не было ни облачка. Кругомъ царила невозмутимая тишина. Егоръ Александровичъ шелъ неспѣшными шагами домой по берегу Желтухи. Кое-гдѣ въ сторонѣ виднѣлись покосившіяся избы, ветхія крестьянскія постройки. Смотря на нихъ, Егоръ Александровичъ невольно вспомнилъ про недавно просмотрѣнные имъ счеты. Здѣсь нищета, быть-можетъ, голодъ, а тамъ въ этихъ счетахъ значились цифры въ родѣ пятисотъ рублей, заплаченныхъ за кружевные манжеты и воротничокъ, въ родѣ тысячи шестисотъ франковъ за одно домашнее платье, сшитое въ Парижѣ. Ему вспомнилось и то, что онъ самъ проигрывалъ иногда въ ландскнехтъ сотни рублей, бросая эти деньги, взятыя у народа, какъ бросаютъ ненужныя тряпки. Сколько мерзостей и подлостей дѣлаютъ люди, даже считающіе себя и считающіеся честными людьми,—дѣлаютъ только потому, что не задумываются надъ своими поступками, не отдаютъ себѣ строгаго отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Ему вдругъ вспомнились почему-то слова Протасовой: «шампанское пьете и устрицъ ѣдите?» Его мысли перешли къ ней. Какая странная эта дѣвушка! Сколько въ ней отталкивающаго и сколько привлекательнаго. Но что же въ ней привлекательнаго? Въ этомъ онъ не могъ дать себѣ отчета, не могъ указать на что-нибудь опредѣленное. Опредѣленными у нея были только недостатки. И съ чего это онъ задумался о ней? Что она? Пустая болтунья, понадергавшая фразы въ разныхъ книжкахъ, вотъ и все, что можно сказать о ней. Тутъ нѣтъ ни глубины, ни искренности, а все напускное, начиная съ ея пресловутой рѣзкости и откровенности, и кончая ея не то мужицкими, не то мальчишескими манерами. Въ ней, кажется, нѣтъ даже нравственной чистоты. Онъ иронически усмѣхнулся, сдѣлавъ этотъ приговоръ. Не говоритъ ли въ немъ зависть? Какъ же, она выбрала Томилова, какого-то Коко Томилова, а не его! Ему ли не злиться на нее!

— А, это вы? Какими судьбами вырвались изъ своей берлоги?—вдругъ послышался голосъ откуда-то снизу.

Digitized by Google

Егоръ Александровичъ оглянулся и увидалъ внизу, у берега рѣки, образовавшей въ этомъ мѣстѣ маленькій заливъ, лодку у стоявшаго тутъ плота. Въ лодкѣ сидѣла Марья Николаевна и господинъ съ pince-nez на носу,— это былъ Томиловъ. Молодые люди удили рыбу. Мухортовъ раскланялся съ Протасовой.

— А васъ нынче нигдѣ не видно,—сказала она.

— Дѣла много,—отвѣтилъ Егоръ Александровичъ, спустившись на плотъ и пожимая протянутую ему руку.

— Вы не знакомы?—спросила она Егора Александровича, указывая ему на сидѣвшаго съ нею въ лодкѣ господина.—Я васъ, кажется, не представила въ прошлый разъ...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Мухортовъ.

— Нашъ сосѣдъ, Николай Александровичъ Томиловъ,— сказала она.

Молодые люди холодно раскланялись. Егоръ Александровичъ облокотился на перила плота.

— Вы, впрочемъ, знакомы съ его дядюшками... Помните, графовъ Слытковыхъ?..

Потомъ, съ гримасой отвернувшись отъ своего спутника, она заговорила, со смѣхомъ обращаясь къ Егору Александровичу:

— А я ужъ думала, что вы скоропостижно умерли или уѣхали. Справлялась у вашихъ кузинъ, говорятъ: «Бѣдный Егорушка сидитъ все за дѣлами».

Она ловко передразнила тонъ кузинъ Мухортова. Онъ усмѣхнулся.

— Отчего же «бѣдный»? Я, напротивъ того, именно теперь чувствую себя отлично, вслѣдствіе обилія дѣла.

— Вотъ какъ! а я и не подозрѣвала, что вы такой любитель заниматься,—проговорила она съ ироніей.

— Я же всю жизнь провелъ, работая въ своемъ кабинетѣ,—отвѣтилъ онъ и шутливо прибавилъ:—не будь этого, я бы, вѣроятно, хандрилъ, какъ вы.

— Кто вамъ сказалъ, что я хандрю? Никогда я не думала хандрить! Вотъ выдумали!

— Да?—коротко спросилъ онъ и хотѣлъ откланяться.

— Какъ, вы уже убѣгаете?—спросила она.

— Чтобъ не мѣшать вамъ... Вы, вѣроятно, страстно любите уженье рыбы?.. Это, должно-быть, точно интересное занятіе... Говорятъ, многіе могутъ цѣлые дни проводить за нимъ...

Digitized by Google

Онъ говорилъ серьезно, но Марьѣ Николаевнѣ послышалась въ его тонѣ насмѣшка. Она вспылила и задорно сказала:

— Вы, кажется, хотите сказать, что это глупое занятіе? Но вѣдь не всѣмъ же заниматься такими серьезными дѣлами, какъ вы...

— Еще бы,—отвѣтилъ онъ просто:—когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ спасти хоть кое-что и не пойти по-міру, такъ уже это навѣрное серьезнѣе уженья рыбы, но это вовсе не значитъ, что я долженъ смѣяться надъ тѣми, кто удитъ рыбу, не имѣя нужды думать о кускѣ хлѣба...

Она вдругъ сдѣлалась серьезною и поднялась съ мѣста. Лодка сильно закачалась отъ рѣзкаго движенія. Томиловъ схватился за плотъ.

— Какъ вы неосторожны! — проговорилъ онъ, видимо струсивъ.

Она не обратила вниманія на его замѣчаніе.

— Присмотрите за моими удочками,—сказала она ему тономъ приказанія.

— Вы уходите?—чуть не съ испугомъ спросилъ онъ.

— Не могу же я цѣлые часы не сходить съ мѣста!.. Я пройдусь съ monsieur Мухортовымъ, а вы ждите меня...

Она пошла съ Егоромъ Александровичемъ и быстро заговорила:

— Извините меня! Я разсердила васъ. Я вѣдь слышала, что вы дѣйствительно заняты серьезнымъ дѣломъ, приковавшимъ васъ къ дому. У меня скверный характеръ, я часто смѣюсь надъ тѣмъ, предъ чѣмъ надо преклоняться.

— Вы все впадаете въ крайности,—спокойно отвѣтилъ онъ.—Надъ моимъ положеніемъ нельзя смѣяться, но и преклоняться тутъ не передъ чѣмъ. Я сижу за работой, потому это неизбѣжно. Вотъ и все.

— Ну, вамъ стоило...—быстро сказала она и вся вспыхнула, оборвавъ фразу.

Но тотчасъ же, оправившись, она перемѣнила разговоръ:

— Зачѣмъ вы сказали при Томиловѣ, что ваши дѣла плохи? Это дрянной фатишка, смотрящій съ презрѣніемъ на всѣхъ, кто бѣденъ.

— Мнѣ же нѣтъ никакого дѣла, какъ онъ будетъ смотрѣть на меня,—сказалъ Мухортовъ.

— Да, но все же вамъ придется встрѣчаться, а онъ по глупости не умѣетъ даже соблюдать приличій... и сплетникъ онъ.

Digitized by Google

— Я, вѣроятно, никогда и не встрѣчусь съ нимъ. Ко мнѣ онъ не пріѣдетъ, а я къ нему тоже не поѣду, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ—я, право, не надѣюсь бывать, гдѣ бы то ни было... по крайней мѣрѣ, теперь...

— То-есть какъ же?—спросила она.

— Деревня тѣмъ и хороша, что можно уединиться, уйти отъ людей, — пояснилъ онъ. — Я вѣдь по натурѣ домосѣдъ, кромѣ того... помните тѣ годы, когда вы назвали меня «бѣднымъ слѣпенькимъ»... я тогда уже пристрастился къ уединенной жизни.

Она живо вспомнила этотъ случай.

— Да, да, я васъ поводить тогда по саду хотѣла изъ жалости...

— И очень огорчились, когда я сказалъ, что я вовсе не хочу ходить, что мнѣ очень хорошо и въ моемъ одиночествѣ...

Она вдругъ впала въ раздумье. Выраженіе ея измѣнчиваго лица сдѣлалось грустнымъ.

— Да, я ужъ такая... всегда являюсь невпопадъ и съ своими насмѣшками, и съ своими сожалѣніями,—задумчиво проговорила она.

И какъ-то рѣзко, оборвавъ рѣчь, протянула руку Мухортову.

— Ну, прощайте!—сказала она, поворачивая по дорогѣ въ обратную сторону.

Его нѣсколько озадачила эта неожиданность.

— Какъ, опять удить?—спросилъ онъ.

— А то какъ же!.. Мой поклонникъ, я думаю, уже соскучился... Вѣдь это новый претендентъ на мою руку, — сказала она съ горькой усмѣшкой. — Онъ вполнѣ увѣренъ въ успѣхѣ. Это очень забавно...

— Зачѣмъ вы шутите тѣмъ, чѣмъ вовсе не слѣдуетъ шутить,—замѣтилъ Мухортовъ искреннимъ тономъ.

— Чѣмъ это?

— Чужимъ спокойствіемъ, чужимъ сердцемъ.

Она засмѣялась.

— Сердцемъ пошлаго фата! Вотъ нашли кого жалѣть! Какія сентиментальности!

Онъ смотрѣлъ на нее совершенно серьезно.

— Можетъ-быть, это и точно смѣшно, но я, право, не сталъ бы для шутки давить даже червей и улитокъ. Впрочемъ, въ дѣтствѣ, а оно всегда жестоко, это иногда доставляетъ удовольствіе...

Digitized by Google

Онъ откланялся и пошелъ впередъ. Она что-то хотѣла крикнуть ему вдогонку, раздражительно топнула ногой, какъ разсерженный, капризный ребенокъ, и, до боли закусивъ губы, пошла поспѣшно къ своему спутнику.

Онъ попрежнему сидѣлъ на лодкѣ, у плота, пристально смотря безжизненными глазами на поплавки. Но его губы были надуты, брови сдвинуты, лицо выражало неудовольствіе. Марья Николаевна подошла къ плоту, облокотилась на перила и стала безцѣльно смотрѣть на воду. Томиловъ искоса поглядывалъ на нее, ожидая, что она заговоритъ первая. Но она, повидимому, даже забыла о его существованіи. Наконецъ ему надоѣло это безмолвіе, и онъ спросилъ ее:

— Вы больше не желаете удить?

— Нѣтъ, — отвѣтила она, очнувшись, и провела рукой по глазамъ, какъ человѣкъ, пробужденный отъ тяжелаго сна.

— Значитъ, можно ѣхать?—сказалъ онъ.

— Да, поѣдемте,—разсѣянно проговорила она.

Она сошла съ плота въ лодку, сѣла и опять задумалась. Томиловъ собралъ удочки и взялся за весла. Приходилось грести противъ теченія. Томиловъ, какъ непривычный гребецъ, гребъ съ трудомъ; по его блѣдному лицу струился потъ. Онъ тяжело вздыхалъ. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Вы меня страшно мучите, Марья Николаевна.

— Что же, не мнѣ ли прикажете грести? — съ ироніей спросила она, очнувшись.

— Я не о томъ,—отвѣтилъ Томиловъ.—Я говорю о томъ, что вы играете со мною, какъ кошка съ мышью...

— Я?

— Да вотъ хоть бы сейчасъ. Подошелъ этотъ господинъ... какъ его?.. Мухортовъ?.. и вы тотчасъ же бросили меня...

Онъ пересталъ грести, лодку потянуло по теченію назадъ.

— Если вы не будете грести, мы никогда не доѣдемъ, и я сейчасъ же выйду,—рѣзко замѣтила она.

Онъ опять принялся грести.

— Какое право имѣете вы требовать, чтобы я ни съ кѣмъ не говорила, ни съ кѣмъ не ходила?—сказала она.

— Я этого не требую, не смѣю требовать, — отвѣтилъ онъ. — Но господинъ Мухортовъ... Онъ сватался за васъ... онъ ухаживаетъ...

— Вы лжете! — рѣзко оборвала она его. — Никогда онъ

Digitized by Google

не сватался за меня, не ухаживалъ... Очень нужно ему заниматься мною...

Ея голосъ оборвался.

— Весь уѣздъ знаетъ, что этотъ Егораша, — началъ съ презрѣніемъ Томиловъ.

— Не смѣйте его такъ называть! Вы не имѣете права, да, не имѣете права!—загорячилась она.

Онъ передернулъ плечами.

— Вы влюблены въ него?

— Да!

У него выпали изъ рукъ весла. Лодку опять понесло назадъ.

— Причаливайте къ берегу, я пойду пѣшкомъ, — рѣзко командовала она.

Онъ сдѣлалъ усиліе, чтобы совладать съ собою, и съ горечью замѣтилъ:

— Вы жестоки! Можно ли такъ издѣваться надъ человѣкомъ, какъ вы издѣваетесь надо мною! Вы знаете, что я преданъ вамъ всей душою, что вы для меня все...

Она уже не слушала его и опять забылась. Въ ея душѣ совершалось что-то страннос, непонятное для нея самой. Передъ ней носился образъ Егора Александровича. Она злилась на себя за то, что не могла отдѣлаться отъ думъ о немъ. Что онъ ей? Онъ ее не любитъ. Онъ почти порвалъ съ нею всякія сношенія. Онъ, можетъ-быть, презираетъ ее. Да, онъ смотритъ на нее, какъ на пустую дѣвушку, на капризную барышню. Впрочемъ, она первая отказалась выйти за него замужъ. Да, отказалась и никогда, никогда не вышла бы, если бы онъ даже и попросилъ ея руки. Ни за что на свѣтѣ не вышла бы! Она даже не замѣчала, что по ея щекамъ текутъ слезы. Но это не ускользнуло отъ вниманія Томилова. Онъ встревожился.

— Вы плачете?—тихо спросилъ онъ.—О чемъ?

Она опомнилась и, собравшись съ силами, еще не безъ смущенія, отвѣтила:

— Вы ведете себя непозволительно!.. Пользуетесь, что я не могу уйти, и допрашиваете... Вѣдь не въ воду же мнѣ броситься!.. Я вамъ не дала еще права на эти допросы... Хуже инквизитора!

— Я этого жду такъ долго,—сказалъ онъ.

Она отерла слезы и уже насмѣшливымъ тономъ спросила:

— Такъ долго, что даже соскучились?

— Изстрадался!

Digitized by Google

— Говорятъ, страдать изъ-за любимаго человѣка такъ сладко... Я вотъ и доставляю вамъ случай испытать это наслажденіе...

Она передернула плечами.

— Да гребите же проворнѣе! Это, право, скучно... Сидѣть цѣлые часы tête-à-tête!..

Они причалили къ берегу и остановились у плота, отъ котораго шла дорога къ протасовскому саду. Марья Николаевна быстро выскочила изъ лодки и направилась къ дому. Привязавъ лодку, Томиловъ пошелъ за нею. Онъ дышалъ тяжело отъ усталости и отиралъ платкомъ покрытое потомъ лицо. Въ сотый разъ онъ бѣсился въ душѣ на Марью Николаевну за то, что она заставляла испытывать его: она то заставляла его скакать съ нею сломя голову на лошади, то водила его до усталости по лѣсу, собирая разныя ягоды, то держала при себѣ по цѣлымъ часамъ за уженьемъ рыбы, и потомъ онъ обязанъ былъ грести, то засаживала его читать ей вслухъ какіе-то русскіе романы, капризничая и сердясь за то, что онъ читаетъ безъ чувства, какъ дьячокъ. И зачѣмъ онъ все это дѣлаетъ, если она любитъ другого? Да точно ли она любитъ? Можетъ-быть, это просто капризъ, новая шутка надъ нимъ, Томиловымъ? А если она точно любитъ? Ну, такъ что же, эта любовь пройдетъ, такъ какъ Мухортовъ не любитъ ее. Если бы сказать ей, что онъ находится въ связи съ горничной? Объ этомъ весь уѣздъ уже знаетъ черезъ какихъ-то приживалокъ. Какъ жаль, что ихъ нельзя свести съ нею. Онѣ открыли бы ей глаза. Но развѣ можетъ онъ, Томиловъ, сказать ей это? Правда, она иногда сама говоритъ о такихъ предметахъ, что ее останавливаютъ, приходя въ ужасъ отъ ея невоспитанности. Но все же ему неловко. Онъ не зналъ, на что рѣшиться...

III.

Эта встрѣча не оставила почти никакого слѣда въ душѣ Егора Александровича. Онъ только мелькомъ подумалъ: «хорошо еще, что эта дѣвушка не вздумала поиграть такъ со мною, какъ она играетъ съ Томиловымъ». Потомъ въ его умѣ мелькнула мысль: «и какое счастіе, что я отказался отъ нея, что этотъ бракъ не состоялся; съ нею я никогда не былъ бы счастливъ; эти вѣчные переходы отъ необузданности къ грусти, эти капризныя ребяческія выходки измучили бы меня». Затѣмъ онъ совсѣмъ пересталъ

Digitized by Google

возвращаться къ вопросу о Протасовой, такъ какъ болѣе серьезныя событія всецѣло поглощали его вниманіе. Не говоря уже о томъ, что онъ приготовлялся къ близившейся продажѣ имѣнія, онъ долженъ былъ круто и рѣзко порѣшить вопросъ о Полѣ. Несмотря на его отказъ уговорить дѣвушку выйти замужъ или, вѣрнѣе, вслѣдствіе этого отказа, на нее напали всѣ съ приставаньями, чтобы она шла замужъ. Въ домѣ былъ цѣлый заговоръ дворни; вся эта родня почуяла, что разореніе на носу, что надо урвать поскорѣе все, что можно, и потому безъ конца судила и рядила о выдачѣ замужъ Поли. Въ отказѣ Егора Александровича уговорить Полю выйти замужъ всѣ видѣли желаніе барина избавиться отъ лишнихъ неизбѣжныхъ расходовъ на приданое. По цѣлымъ вечерамъ «пилила» теперь Полю Елена Никитишна, та самая Елена Никитишна, которая такъ долго дѣлала видъ, что она даже не замѣчаетъ связи своей племянницы съ бариномъ. Прокофій, подвыпивъ для храбрости, дошелъ даже до того, что хотѣлъ въ самомъ дѣлѣ оттаскать дочь за косы. Теперь въ дѣло впутались и Дороѳеей кучеръ, и Глашка горничная, и Анна скотница, и Матюшка поваръ, уже не боявшіеся, что на нихъ «зыкнетъ» тетушка Алена Никитишна, и понимавшіе, что «дѣвку нужно долбить и долбить, пока она не восчувствуетъ». Несмотря на все пренебреженіе Елены Никитишны къ Агаѳьѣ Прохоровнѣ, послѣдняя была тоже «натравлена» на Полю мухортовской домоправительницей, такъ какъ теперь не приходилось «брезговать» никѣмъ и ничѣмъ.

— И глупа же ты, Полинька, какъ я посмотрю на тебя, — заговорила Агаѳья Прохоровна въ то самое утро, когда Егоръ Александровичъ ходилъ къ дядѣ за совѣтомъ.

Поля по обыкновенію вышивала на галлереѣ. Агаѳья Прохоровна сидѣла около нея со своимъ вѣчнымъ вязаньемъ.

— Своего счастія ты не понимаешь, — продолжала старая дѣва. — За тебя женихъ сватается, а ты — вотъ Богъ, а вотъ порогъ. Развѣ это дѣло?

— Одного любить, за другого замужъ идти? — проговорила Поля.

— Да кто тебѣ мѣшаетъ любить-то? Люби, сколько влѣзетъ. Ты голову-то свою прикрой только; ребеночка-то — вѣдь не ровенъ часъ и это будетъ — законнымъ порядкомъ роди. Такъ-то, что онъ будетъ. Сласть какая ему, когда

Digitized by Google

подрастетъ, да узнаетъ, что онъ отъ дѣвицы рожденъ. Ужъ это самое послѣднее дѣло, отъ дѣвицы родиться! И еще будь богачка какая — куда ни шло. А то и срамъ, и бѣдность! Нечего сказать, хорошую долю ребенку готовишь...

— Его Егоръ Александровичъ не оставитъ, — со вздохомъ сказала Поля.

— Что же, ты просила его дать на ребенка-то денегъ?

Поля вспыхнула.

— За деньги развѣ я люблю?

— Глупая, глупая! Не за деньги! Да ребеночекъ-то что станетъ дѣлать безъ денегъ? Или ты думаешь, что Егоръ Александровичъ самъ его сейчасъ обезпечитъ? Такъ на это господа-то недогадливы. А-ахъ, какъ недогадливы! А случись, что умретъ Егоръ Александровичъ вдругъ, тогда и иди съ дитей по-міру...

— Что вы такое пророчите, Господи Боже! — чуть не плача воскликнула молодая дѣвушка.

— Не пророчу! Пусть живетъ! Мнѣ что? не мой хлѣбъ ѣстъ... А въ животѣ и смерти Богъ воленъ. Умретъ—поздно будетъ думать, какъ дитя прокормить...

Агаѳья Прохоровна на минуту смолкла, постукивая съ раздраженіемъ вязальными спицами. Потомъ, какъ бы про себя, заговорила со вздохомъ:

— Вотъ ужъ, поистинѣ, такимъ-то, какъ ты, матерями не слѣдовало бы быть. Повѣситься милому дружку на шею, себя потѣшить,—на это васъ хватитъ, а материнскаго чувства, заботы этой самой о своемъ дѣтищѣ—этого отъ васъ не жди. Ни Боже мой!.. Что вамъ дитя? Родила его, да и бросила, хлопотъ меньше. Пусть голодаетъ, да холодаетъ!

Поля чувствовала, что по ея тѣлу пробѣгаетъ дрожь. Она сдѣлала надъ собой усиліе и сказала:

— Говорю я вамъ, что Егоръ Александровичъ не оставитъ насъ...

— Ну, а я говорю, что это вилами на водѣ писано. А выпла бы замужъ, онъ бы и далъ обезпеченіе. Боишься-то ты чего? Мужъ-то въ твоихъ рукахъ будетъ, когда капиталъ при тебѣ будетъ. Хочешь—живи съ нимъ, хочешь—нѣтъ. Будешь только знать, что и твой грѣхъ прикрытъ, и дитя, чье ни на есть, а все же законное...

Потомъ, тяжело вздыхая, она прибавила:

— И Егору Александровичу-то руки развязала бы, вздохнулъ бы онъ свободнѣе... зналъ бы, что ты пристроена, значитъ, и онъ свободенъ: хочетъ—женится, хочетъ—нѣтъ...

Digitized by Google

— Никогда онъ не женится!—воскликнула Поля.

— Еще бы, когда ты его по рукамъ связала. Тоже человѣкъ онъ честный, да добрый...

Поля подняла голову и какъ-то растерянно взглянула на Агаѳью Прохоровну.

— Можетъ-быть, онъ никогда тебя, замужнюю, не броситъ, такъ все же будешь ты знать, что это онъ по доброй волѣ тебя не бросаетъ, а не потому, что стыдно такъ дѣвку безъ угла, безъ призора оставить... Конечно, самъ онъ не станетъ приневоливать замужъ идти, а поди, загляни въ душу-то ему—возликовалъ бы, если бы сама своей волей пошла замужъ...

— Да вы-то, вы-то въ его душу заглядывали?—съ укоромъ сказала Поля.

— Знаю я ихъ всѣхъ, господъ-то этихъ!.. Тоже и онъ мало ли что Софьѣ Петровнѣ говоритъ... «Не могу, говоритъ, я жениться, покуда Поля не пристроена»... Ну, вотъ не сегодня, такъ завтра, и пойдетъ съ сумой...

— Какъ съ сумой?

— Скажите, пожалуйста, она не знаетъ, что у насъ все продавать будутъ... Отъ богатства-то имѣніе съ молотка не продаютъ!.. Вотъ женился бы на Протасовой, такъ дѣло-то иначе пошло бы... Да и то сказать, кто-жъ за него пойдетъ, если у него полюбовница есть въ домѣ... Будь ты замужемъ — никто бы на тебя и вниманія не обратилъ, мало ли господъ къ чужимъ женамъ приваливается...

Передъ Полею открывалась какая-то пропасть. Какъ? Егоръ Александровичъ изъ-за нея пойдетъ по-міру? Ради нея ему отказываютъ невѣсты? Что же онъ молчалъ! Да и то сказать, могъ ли онъ, такой добрый, такой нѣжный, высказать ей это? Агаѳья Прохоровна продолжала «долбить дѣвку», но Поля уже не слушала ее. Въ порывѣ великодушія она готова была сейчасъ же бѣжать къ Егору Александровичу и сказать ему, что она выйдетъ замужъ, лишь бы спасти его. «А сама въ воду!» вдругъ пронеслось въ ея головѣ, и ее охватило холодомъ. А ребенокъ? Душу дѣтскую загубить? Она вдругъ безсознательно перекрестилась, открещиваясь отъ грѣховной мысли.

— Ты это что?—спросила удивленно Агаѳья Прохоровна и даже испугалась выраженія глазъ Поли: они смотрѣли совсѣмъ безумными.

— Не говорите вы больше, Агаѳья Прохоровна, — дрожащимъ голосомъ произнесла Поля, а ея глаза продолжали

Digitized by Google

смотрѣть съ тупымъ выраженіемъ ужаса. — На грѣшныя мысли навели вы меня!.. Богъ вамъ не проститъ, если я...

Она не договорила, машинально оставила работу, встала и медленно съ устремленными безцѣльно впередъ глазами вышла изъ комнаты. Ее била лихорадка, такъ живо представилось ей, какъ она бросилась къ воду и въ то же время почувствовала, когда уже не было возврата къ жизни, послѣднее біеніе ребенка подъ сердцемъ. Войдя къ себѣ въ комнату, она, какъ подкошенная, упала на колѣни передъ образами и долго билась головой объ полъ, прося прощенія у Всевышняго...

Когда вечеромъ она вошла къ Егору Александровичу, онъ изумился происшедшей въ ней перемѣнѣ. При первомъ его вопросѣ, что съ ней, — она разрыдалась и разсказала все. Мухортовъ пришелъ въ бѣшенство. Онъ видѣлъ, что кругомъ него составляется цѣлый заговоръ. Цѣлуя и обнимая Полю, онъ давалъ ей самыя страстныя клятвы никогда не бросать ее. Онъ убѣдилъ ее, что даже мысли не было у него о томъ, что она служитъ ему помѣхой въ чемъ-нибудь. Но ей не нужно было увѣреній: два-три страстные поцѣлуя разогнали разомъ всѣ мрачныя думы, всѣ сомнѣнія. Она забывала всѣхъ и все, людей и будущее, себя и ребенка, наслаждаясь ласками любимаго, обожаемаго ею человѣка. Мухортовъ успокоился не такъ легко. Когда она ушла, онъ долго ходилъ по своей комнатѣ, обдумывая, что дѣлать. Онъ пришелъ къ заключенію, что прежде всего нужно «сжечь корабли»...

Рано утромъ онъ призвалъ Данилу Волкова и, давъ ему жалованье за мѣсяцъ впередъ и деньги на проѣздъ въ Петербургъ, отказалъ ему отъ мѣста. Этой развязки не ожидалъ никто въ домѣ...

ПЯТАЯ ГЛАВА.

I.

На слѣдующее утро въ «страннопріимномъ покоѣ» происходила горячая бесѣда. Данило Николаевичъ Волковъ не безъ злобной ироніи и напускной развязности разсказывалъ Агаѳьѣ Прохоровнѣ, что ему «неожиданный реприманъ сдѣлали».

— Уволили-съ! Оно, конечно, сгубить дѣвчонку легче, чѣмъ наградить ее приданымъ,—развязно ораторствовалъ онъ.—Да и то сказать, слухомъ земля полнится: говорятъ,

Digitized by Google

что сами ни съ чѣмъ въ трубу вылетятъ. Гдѣ же тутъ приданое давать! Жалованье, можетъ-быть, не изъ чего давать слугамъ...

— Ну, господа! Этакой пакости отъ нихъ я и не ожидала!—восклицала Агаѳья Прохоровна, разводя руками.— И какъ же, такъ-таки и сказалъ, чтобы вы уѣзжали?

— Да-съ, не нуженъ сталъ. Говорю вамъ: жалованья, можетъ-быть, не изъ чего платить! Ну, и придрался къ случаю... Вотъ-то бы я дурака свалялъ, если бы женился, а послѣ ничего не дали бы. Конечно, у нихъ связи, пристроить бы могли. Да вѣдь нынче разоренные-то господа втуне находятся. Богатые-то съ ними: бонжуръ, бонжуръ!— и на другую сторону улицы переходятъ, свой, значитъ, карманъ тоже берегутъ. Много у насъ въ столицѣ этакихъ-то господъ панели оббиваетъ...

— Какъ же вы-то теперь, Данило Николаевичъ?—полюбопытствовала Агаѳья Прохоровна.

— Что же я?—небрежно отвѣтилъ Волковъ.—Мѣстъ мало, что ли? У меня лучшіе господа въ Петербургѣ знакомы, деньгами даже кавалергардовъ ссужалъ. Меня многіе знаютъ. Встрѣтятъ,—«а, говорятъ, Данило, какъ поживаешь?..» Я, признаюсь, и радъ, что не навязалъ себѣ на шею гулящей дѣвчонки. За меня всякая пойдетъ: чиновничьи дочери и тѣ за счастіе почтутъ. Притомъ же я еще въ цвѣтущихъ годахъ. Жаль было только дѣвчонку, потому сгоряча и присватался. Это вѣдь такъ было, точно осѣненіе какое. А теперь, какъ поразмыслилъ, такъ и вижу, что закабалить себя хотѣлъ. Тоже еще погулять самому хочется...

Онъ сталъ развязно прощаться съ Агаѳьей Прохоровной, пожимая по-пріятельски ея костлявую руку. Когда онъ удалился, она разсмѣялась ироническимъ смѣхомъ.

— Бахвалъ! право, бахвалъ!—проговорила она.—И какъ это стыда у человѣка нѣтъ врать. Кошки, чай, на сердцѣ скребутъ, что сорвалось, а туда же комедію ломаетъ. Ну, да онъ что! А вотъ наши-то хамки напоролись на исторію, какъ-то выкрутятся?

Не прошло и полчаса, какъ Агаѳья Прохоровна уже завела бесѣду съ Еленой Никитишной объ отставкѣ Волкова. Старая дѣва заговорила съ мухортовской домоправительницей, перемывавшей чашки въ столовой, самымъ невиннымъ и мягкимъ тономъ:

— Что это я слышала, Елена Никитишна, будто Данилѣ-то отказалъ Егоръ Александровичъ отъ мѣста?—спросила она.

Digitized by Google

Елена Никитишна смотрѣла озабоченно и разсѣянно отвѣтила:

— Да, да, отказалъ...

— Неужто правду это Данило-то говоритъ, что будто потому ему отказали, что онъ за Полиньку посватался? Оно, конечно, Егору Александровичу обидно такъ ее выдать, да вѣдь и то сказать, нужно же пристроить ее, обезпечить-то...

Противъ всякаго ожиданія, Елена Никитишна не вспылила и не оборвала Агаѳью Прохоровну. Она была, видимо, подавлена какими-то нерадостными соображеніями. Отставка Волкова подѣйствовала на нее удручающимъ образомъ. Проектъ устройства участи Поли, при помощи выдачи дѣвушки замужъ, уже улыбался старухѣ. Онъ казался ей единственнымъ счастливымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія.

— Вѣдь ужъ не самъ же Егоръ Александровичъ женится на Полинькѣ,—продолжала Агаѳья Прохоровна:—какъ никакъ, а все же выдать ее замужъ слѣдовало бы. Развѣ только-что такъ обезпечитъ, наградитъ ее. И Софьѣ Петровнѣ это, должно-быть, очень огорчительно, потому, думала она, что вотъ устроятъ дѣвушку...

— Устроишь ее!—ворчливо проговорила Елена Никитишна, поднимаясь съ мѣста все съ тѣмъ же озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Да ужъ совсѣмъ она отъ этой любви въ омраченіе пришла, своихъ интересовъ не понимаетъ,—сказала Агаѳья Прохоровна.—У васъ-то, я думаю, голубушка, душа за нее изныла. Тоже не чужая.

Елена Никитишна только махнула рукой. Она поставила чашки въ буфетъ и вышла изъ столовой, не говоря ни слова. Агаѳья Прохоровна ехидно улыбалась. Она видѣла впервые Елену Никитишну въ такомъ настроеніи. Та была какъ въ воду опущенная, растерянная и подавленная. Старая дѣва съ злорадствомъ глядѣла ей вслѣдъ, очень хорошо понимая все, что творилось въ душѣ ея главнаго давнишняго врага...

Въ самомъ дѣлѣ, Елена Никитишна никогда не переживала болѣе скверныхъ минутъ, чѣмъ теперь. Она чуяла, угадывала, что разореніе въ домѣ было полное, что не сегодня, такъ завтра должна настать ликвидація дѣлъ. Что останется у Мухортовыхъ? Будутъ ли у нихъ средства содержать всю семью старыхъ дворовыхъ? Нежеланіе Егора Александровича пристроить Полю равнялось нежеланію вы-

Digitized by Google

дать дѣвушкѣ нѣсколько тысячъ въ видѣ приданаго. Но дастъ ли эти деньги Егоръ Александровичъ такъ, безъ замужества дѣвушки? Найдутся ли эти деньги послѣ продажи имѣнія, послѣ уплаты долговъ? И гдѣ будетъ жить Поля? У Софьи Петровны? Но Софья Петровна, можетъ-быть, останется съ одной пенсіей? У Егора Александровича? Но развѣ онъ, холостой человѣкъ, можетъ жить съ Полей въ Петербургѣ вмѣстѣ? А хватитъ ли у него средствъ держать ее на содержаніи отдѣльно отъ себя? Въ головѣ привыкшей властвовать, гордой по-своему старухи былъ невообразимый хаосъ. Она не могла ни до чего додуматься. Въ душѣ поднималась тайная злоба противъ Егора Александровича...

Старуха прошла въ спальню Софьи Петровны, чтобы выслушать кое-какія приказанія послѣдней. Ея лицо было сурово, брови сдвинуты, губы сжаты. Софья Петровна съ первыхъ же словъ своей домоправительницы замѣтила, что та не въ духѣ. Съ Еленой Никитишной это случалось нерѣдко, и тогда она становилась невыносимо груба съ генеральшей, доводя послѣднюю чуть не до слезъ.

— Что это, Елена, ты, кажется, опять лѣвой ногой сегодня встала?—сказала Софья Петровна недовольнымъ тономъ.

— Что же мнѣ прикажете хохотать, что ли, когда на сердцѣ кошки скребутъ,—отрывисто отвѣтила Елена Никитишна.

— Да что случилось?—спросила генеральша.

— А то, что Егоръ Александровичъ отказалъ Данилѣ за то, что тотъ посватался за Полю. Вотъ что случилось!

— Какъ отказалъ?

— Обыкновенно, какъ отказываютъ нашему брату. Сегодня ему, завтра, быть-можетъ, мнѣ, Прокофью, Полѣ. Нищихъ-то еще мало по-міру ходитъ! Прибавить нужно!..

— Да не ворчи ты, старая, а говори по-человѣчески!—нетерпѣливо проговорила генеральша.—Что у тебя за манера раздражать! Хочется, вѣрно, чтобъ у меня мигрень сдѣлалась!

— Ахъ, у меня у самой въ глазахъ темнѣетъ,—отрывисто отвѣтила Елена Никитишна.

— Елена, да не мучай ты меня!—молящимъ тономъ воскликнула Софья Петровна.

Она походила на слезливую просительницу; Елена Никитишна на суровую барыню.

— Сама я измучилась, сама!—съ укоромъ сказала старая

Digitized by Google

служанка.—Вотъ думала, хоть пристрою дѣвку, если ужъ грѣха не поправить. Такъ нѣтъ, выгналъ Егоръ Александровичъ Данилу. Что же онъ думаетъ съ дѣвчонкой сдѣлать? Поиграть, да и бросить? Вѣдь ни за ней, ни передъ ней ничего нѣтъ. Стыдъ одинъ у нея, а больше-то эта самая любовь ей ничего и не принесла!

— Это надо разъяснить!—вскричала Мухортова.—Зачѣмъ онъ отпустилъ Данилу? Что думаетъ дѣлать?

— Ну, ужъ это не приходится мнѣ-то у Егора Александровича разспрашивать!—рѣзко сказала Елена Никитишна.—Не мать, не тетка я ему. Мнѣ онъ отчета не обязанъ отдавать, хоть Поля-то мнѣ и не чужая. Онъ и говорить со мной не станетъ, если ужъ съ вами не совѣтуется... Вотъ ужъ не ожидала я отъ него такихъ поступковъ! Этого нашъ братъ, холопъ, не сдѣлаетъ! Сгубить дѣвчонку и бросить!..

— Молчи ты, Елена! Перестань ворчать! Это невыносимо!—заговорила генеральша.—Сынъ отбился отъ рукъ, ты нервы раздражаешь, тутъ эта свадьба не состоялась... Право, я слягу... Да, слягу, вотъ тогда и ходите за мной!.. Поди, попроси ко мнѣ сейчасъ же Жоржа...

Елена Никитишна молча повернулась къ выходу.

— У, злая!—дѣтски капризнымъ тономъ произнесла генеральша ей вслѣдъ.

Она подъ вліяніемъ чтенія новаго романа была въ это утро въ самомъ благодушномъ настроеніи, какъ-будто въ домѣ все шло наилучшимъ образомъ, не грозя никакими невзгодами въ близкомъ будущемъ. Слова Елены Никитишны спугнули это свѣтлое настроеніе, и она теперь готова была капризничать, какъ избалованный ребенокъ, у котораго отняли игрушку.

Егоръ Александровичъ удивился, когда его позвали къ матери. Вообще онъ рѣдко бесѣдовалъ съ ней; въ послѣднее же время эти бесѣды были еще рѣже; онъ самъ избѣгалъ ихъ, сознавая, что ему предстоитъ вынести не мало непріятностей и безъ нихъ. Тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ же пошелъ на половину матери. Онъ засталъ ее лежащею на кушеткѣ съ книгой въ рукахъ. Услышавъ его шаги, она отложила книгу въ сторону, сдѣлала строгое лицо и обратилась къ сыну съ вопросомъ:

— Жоржъ, я слышала, что ты отказалъ Данилѣ? Какъ же это?.. Онъ сватался за Полю...

— Вы за этимъ звали меня?—спросилъ сынъ, садясь на стулъ.

Digitized by Google

— Да. Надо же серьезно подумать о ея судьбѣ. Я тебѣ это говорила. До сихъ поръ...

— Предоставьте это мнѣ,—перебилъ онъ мать.—Я уже тоже говорилъ вамъ это...

— Нѣтъ, Жоржъ, такъ нельзя, такъ нельзя!—загорячилась Мухортова.—Дѣвушку нужно выдать замужъ, обезпечить. Это нашъ долгъ...

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я васъ попрошу болѣе не говорить объ этомъ,—рѣзко произнесъ онъ.—На-дняхъ мое имѣніе перейдетъ въ чужія руки. Тогда...

— Жоржъ!—воскликнула генеральша, съ ужасомъ приподнявшись на кушеткѣ.

— У меня останется только охотничій домикъ надъ обрывомъ. Я поселюсь тамъ. Поля будетъ жить у меня.

— Жоржъ!—снова повторила генеральша, точно не находя словъ для выраженія своихъ чувствъ.

И неожиданно поднялась во весь ростъ съ мѣста. Она была страшно взволнована. Въ ея глазахъ сверкнулъ недобрый огонекъ.

— Я тебѣ этого не позволю! Слышишь, я мать! Ты, ты будешь жить вдвоемъ съ нею, какъ съ женой? Никогда, никогда!

Она заходила по комнатѣ.

— Я, наконецъ, теряю терпѣніе! Продать все, сдѣлать скандалъ, огласить разореніе, сойтись, какъ съ женою, съ мужичкой... Ты съ ума сошелъ?.. Да, да... Тебя лѣчить надо... лѣчить... И что скажетъ дядя Жакъ? Наконецъ, я могу попросить предводителя дворянства... Ты еще мальчишка... давно ли сталъ совершеннолѣтнимъ!.. Книгъ начитался!.. Студенты, должно-быть, твои такъ живутъ... санкюлоты!.. Набрался идей и думаешь, что такъ тебѣ и позволятъ ходить съ ними... Да, я обращусь къ властямъ... есть же права...

Онъ, весь блѣдный, съ дрожащими отъ гнѣва губами, тоже поднялся съ мѣста и повернулся къ выходу.

— Попробуйте!—коротко и сухо сказалъ онъ матери.

Въ тонѣ его словъ было что-то безпощадно суровое и холодное. Такъ иногда въ былые годы говорилъ съ ней ея покойный мужъ. Генеральша вздрогнула и вдругъ съ пронзительнымъ крикомъ бросилась за сыномъ.

— Жоржъ, Жоржъ, пощади!—воскликнула она, хватая его за рукавъ.—Я не вынесу, я умру!.. О, какъ ты же-

Digitized by Google

стокъ... Вѣдь это позоръ... Мнѣ нельзя будетъ никуда глазъ показать... Ну, сдѣлай что-нибудь... извернись... займи... Я не знаю, что надо... Но нельзя же такъ, Жоржъ!.. Вспомни, кто мы!..

Она упала къ его ногамъ, съ театральнымъ трагизмомъ простирая къ нему руки.

— Ты видишь, я у твоихъ ногъ!.. Мать у твоихъ ногъ!..

Онъ передернулъ плечами. Въ его душѣ поднималось чувство гадливости, отвращенія.

— Даже въ горѣ ты разыгрываешь комедіи,—прошепталъ онъ съ горечью.

Его лицо выражало полное презрѣніе къ ней.

— Ахъ-ахъ-ахъ! — послышались истерическія рыданія Мухортовой.—Извергъ... бездушный... нигилистъ!.. Богъ... Богъ... ахъ-ахъ-ахъ!.. отплатитъ тебѣ!.. Въ отца весь!..

Она билась на коврѣ въ истерическихъ конвульсіяхъ. Егоръ Александровичъ былъ уже за нѣсколько комнатъ. Ему становилось омерзительно это ломанье матери. Прежде всѣ эти кривлянья, переходы отъ возвышенныхъ фразъ къ истерикамъ, отъ жалующагося тона институтки къ возгласамъ трагической героини, отъ угрозъ къ пресмыканію у ногъ— только слегка раздражали его нервы, теперь онъ просто презиралъ эту женщину. Она изломалась, искривлялась до того, что въ ней было все напускное: и горе, и радость, и пафосъ, и мягкость, и самыя слезы. Про нее нельзя было сказать, что она притворяется; притворяются сознательно, она же вѣчно играла комедію, не сознавая даже, что она ее играетъ; она могла истерически рыдать и биться объ полъ и въ то же время испытывать что-то въ родѣ того наслажденія, которое испытываетъ актриса, доходя въ своей новой роли до настоящихъ обмороковъ. Егоръ Александровичъ очень хорошо зналъ, что его ожидаетъ не борьба съ матерью: генеральша была не способна бороться; но его ждало худшее—рядъ трагикомическихъ сценъ, рядъ раздирательныхъ криковъ о пощадѣ, рядъ мелодраматическихъ объясненій. Все это когда-то отравило жизнь отцу Егора Александровича. Все это нужно было вынести, такъ какъ нельзя было покуда ни выгнать ее, ни уйти отъ нея самому...

II.

Единственнымъ средствомъ поскорѣй прекратить всѣ домашнія сцены была продажа имѣнія сейчасъ же, не дожидая срока, когда придется продавать его съ молотка по

Digitized by Google

требованію кредиторовъ. Егоръ Александровичъ хорошо понималъ это и боялся, что Протасовъ станетъ оттягивать дѣло, или откажется отъ покупки. Имѣніе было велико, и трудно было ожидать, чтобы покупка его произошла чуть ли не въ одинъ день; Егоръ Александровичъ понималъ, что такой практическій человѣкъ, какъ Протасовъ, десять разъ подумаетъ, прежде чѣмъ рѣшится пойти на сдѣлку. Надо было побудить дядю всѣми силами налечь на Протасова. Егоръ Александровичъ пошелъ къ Алексѣю Ивановичу съ твердымъ намѣреніемъ окончательно переговорить съ нимъ обо всемъ. Съ первыхъ же словъ старикъ спросилъ племянника:

— Такъ ты безповоротно рѣшился на это?

— Да, но я боюсь оттяжекъ со стороны Протасова.

Старикъ усмѣхнулся.

— Младенецъ ты, Егорушка, въ дѣлахъ,—сказалъ онъ, дружески похлопавъ его по плечу.—Протасовъ ждетъ не дождется, чтобы захватить твое имѣніе въ свои лапы. Мы съ нимъ, почитай, сто разъ все осматривали. Вѣдь имѣніе-то твое при деньгахъ—золотое дно. Будь у меня теперь свободный капиталъ, да я бы и заглянуть въ твое имѣніе не далъ Протасову. Онъ цѣлый годъ, да нѣтъ, больше году за мной ухаживаетъ, чтобы эту сдѣлку устроить...

Егоръ Александровичъ немного даже смутился и изумился, вопросительно взглянувъ на дядю. Онъ никакъ не воображалъ, что за его спиной столько времени уже разсуждали о его неизбѣжномъ разореніи. Они тутъ толковали объ этомъ, дѣлили, такъ сказать, его ризы, а онъ преспокойно смотрѣлъ на пиры и балы, даваемые его матерью на послѣднія вытянутыя изъ его имѣнія деньги. Въ его душѣ поднималось горькое чувство обиды, досады на себя, на дядю.

— Конечно, если бы женитьба твоя состоялась, ему было бы еще выгоднѣе,—продолжалъ разъяснять дядя:—все равно имѣніе-то прибралъ бы онъ въ свои руки, такъ какъ ты—какой же ты хозяинъ? Ну, и кромѣ того, новыя связи явились бы у него; одинъ вашъ дядя Жакъ цѣлаго имѣнія стоитъ. Ну, да сорвалось это—ничего не подѣлаешь; теперь Протасовъ много и торговаться не станетъ, лишь бы имѣнія не упустить. Съ одной стороны твой лѣсъ ему на руку, съ другой—вѣдь у него тогда, съ твоимъ-то имѣніемъ-то, чуть не весь уѣздъ въ рукахъ будетъ.

Старикъ помолчалъ, потомъ прибавилъ:

— Только вотъ что, Егорушка, ты все мнѣ предоставь

Digitized by Google

обдѣлывать. Самъ ты продешевишь. Протасовъ мужикъ умный и гдѣ можно своего не передастъ; а ты сейчасъ выскажешь, что тебѣ приспичило скорѣй, да скорѣй продать. Я не то; конечно, я ему добра желаю, потому мы рука объ руку съ нимъ идемъ, я у него, такъ сказать, на пристяжкѣ покуда; но все же ты моя кровь—братнинъ сынъ. Протасову я уважить радъ, но тебя пускать по-міру мнѣ не рука. Ты мнѣ вѣрь, я какъ передъ Богомъ говорю, я человѣкъ простой; выгоднѣе я это дѣло устрою для тебя, чѣмъ ты самъ.

Егоръ Александровичъ усмѣхнулся.

— Не клянись дядя, я и такъ повѣрю. Къ тому же я все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что я точно непрактичный, неумѣлый человѣкъ...

— Охъ, Егорушка, правда, правда! Книги васъ, нынѣшнюю молодежь, идеи губятъ,—вздохнулъ старикъ.—Политическія экономіи разныя вы изучили, говорить станете—просто ахнешь, а приди къ тебѣ первый встрѣчный безграмотный кулакъ, такъ онъ тебѣ такую политическую экономію въ глаза вотретъ, что безъ рубашки изъ его рукъ выйдешь. Ей-Богу!

— Знаю, дядя, знаю!—сказалъ со вздохомъ племянникъ.

— Ну, такъ по рукамъ!

Старикъ началъ разспрашивать, хочетъ ли Егоръ Александровичъ оставить за собою извѣстное количество земли, или ему нужнѣе деньги. Егоръ Александровичъ объяснилъ, что онъ желаетъ выторговать у Протасова для себя домикъ надъ обрывомъ, построенный когда-то для его отца. Земли ему почти не нужно, такъ какъ онъ не думаетъ вовсе сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ. Деньги ему нужнѣе. Бесѣда длилась долго. На душѣ молодого человѣка было тяжело. Продажа родного, родового гнѣзда, скопленнаго въ десятки лѣтъ скарба, сознаніе, что при извѣстной практичности въ этой продажѣ не было бы необходимости, все это было далеко не сладко. Его утѣшала одна мысль, что, принося эту жертву, онъ загладитъ всѣ, сдѣланные въ прошломъ, глупости и промахи, что онъ сдѣлается свободнымъ отъ долговъ, отъ матери, отъ прошлой безпутно-роскошной жизни на чужой счетъ.

Не прошло и трехъ дней, какъ къ нему заѣхалъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ самъ Протасовъ. Софья Петровна въ этотъ день была приглашена въ гости къ Алексѣю Ивановичу; старикъ озаботился устроить это такъ по просьбѣ Егора Александровича; Егоръ Александровичъ боялся, что

Digitized by Google

шать сдѣлаетъ какую-нибудь безтактную сцену Протасову и какъ-нибудь испортитъ дѣло. При встрѣчѣ съ Протасовымъ, Егоръ Александровичъ невольно измѣнился на минуту въ лицѣ. Его точно что-то кольнуло при видѣ этого человѣка, знавшаго всю глубину его разоренья, всю его несостоятельность, какъ дѣльца, и смѣявшагося, можетъ-быть, надъ нимъ въ глубинѣ души. Но Егоръ Александровичъ тотчасъ же совладалъ съ собою и съ холодной, свѣтской вѣжливостью принялъ старика. Отъ того вѣяло той же самой холодной сдержанностью. Они заговорили о продажѣ имѣнія,—заговорили такимъ тономъ, какъ будто это дѣло казалось пустяками для обѣихъ сторонъ: одному не было вовсе нужды въ продажѣ, другому—въ покупкѣ имѣнія.

— Я буду очень радъ сбыть всю эту обузу,—спокойно и небрежно сказалъ Егоръ Александровичъ, когда гости усѣлись въ кабинетѣ.—Самъ я не умѣю хозяйничать, а нанимать Богъ знаетъ кого—это значитъ разорять себя окончательно.

— Да, это правда,—отвѣтилъ Протасовъ, закуривая сигару.—Мнѣ тоже не особенно легко увеличивать свое хозяйство, но просто хочется округлить нѣкоторыя части своего имѣнія...

Потомъ онъ спросилъ Егора Александровича:

— А вы развѣ думаете все-таки здѣсь жить? Алексѣй Ивановичъ говорилъ, что вы хотите удержать за собой охотничій домикъ...

— О, это прихоть!—отвѣтилъ Егоръ Александровичъ.—Просто, какъ дачу, хочу удержать его за собою. Притомъ же это воспоминаніе объ отцѣ... А развѣ васъ стѣсняетъ уступка его мнѣ?

— Ну, это такіе пустяки... Къ тому же не у мѣста построенъ...

— Да, да,—вмѣшался Алексѣй Ивановичъ.—Знаешь ли, Егорушка, говорятъ, что это мѣсто обрушится можетъ; Желтуха подмываетъ песчаный берегъ; садъ, пожалуй, когда-нибудь обвалится...

— Не думаю, дядя. Объ этомъ толкуютъ столько лѣтъ. Впрочемъ, если это случится—что-жъ дѣлать. Авось это сдѣлается не въ то именно время, когда я буду тамъ...

Егоръ Александровичъ улыбнулся.

— Купаться съ домомъ во всякомъ случаѣ не хотѣлось бы!

Затѣмъ Протасовъ замѣтилъ, что онъ хотѣлъ бы осмотрѣть домъ.

Digitized by Google

— Вы вѣдь и всю движимость продаете?—спросилъ онъ.

— Да, не хотѣлось бы вывозить все это въ Петербургъ... Притомъ я еще не знаю—буду ли я долго жить въ Петербургѣ... Меня манитъ въ одинъ изъ заграничныхъ университетовъ...

— Ну, да, знаемъ мы эти университеты! Въ Парижѣ кутнуть хочется,—вставилъ Алексѣй Ивановичъ, похлопавъ по плечу племянника.—Эхъ вы, молодежь!

— Отчего же и не отдать дани молодости?—замѣтилъ Протасовъ.—Это такъ естественно!

Всѣ поднялись и пошли осматривать домъ. Протасовъ останавливался передъ такими вещами, которыя, повидимому, не имѣли никакой цѣны, и дѣлалъ о нихъ свои замѣчанія. Все цѣнное онъ какъ будто пропускалъ безъ вниманія.

— А тутъ былъ небольшой Теньеръ?—вдругъ замѣтилъ онъ, окинувъ глазами стѣну одной изъ гостиныхъ.—Вы его вынесли?

Егоръ Александровичъ растерялся. Онъ самъ не зналъ, была ли тутъ картина Теньера или нѣтъ. Алексѣй Ивановичъ поспѣшилъ ему на выручку.

— Нѣтъ, картина повѣшена на половинѣ у Егорушки,—сказалъ онъ. — Тутъ ничего не унесено, все сполна осталось!..

Протасовъ ничего не отвѣтилъ ему и, обращаясь къ Егору Александровичу, сказалъ:

— Алексѣй Ивановичъ говоритъ, что менѣе двухсотъ тысячъ вы не возьмете?

Егоръ Александровичъ весь вспыхнулъ на минуту и чуть не вскрикнулъ отъ радости, пораженный сразу размѣрами цѣны и забывшій о долгахъ. Но Алексѣй Ивановичъ замѣтилъ это неосторожное движеніе племянника и быстро сказалъ:

— Это же дѣйствительно такая цѣна, которую каждый дастъ.

— Да, конечно, я и не спорю. Кому очень нужно,—отвѣтилъ Протасовъ.—Я бы не далъ, если бы надо было тотчасъ выдать всю сумму... Но на имѣніи долги, уплату которыхъ можно отсрочить.

Егоръ Александровичъ теперь только сообразилъ, что крупная сумма денегъ, обрадовавшая его, въ сущности, перейдетъ не въ его руки, а въ руки его кредиторовъ.

— Алексѣй Ивановичъ передалъ мнѣ списокъ долговъ,

Digitized by Google

они довольно значительны,—продолжалъ Протасовъ:—и это отчасти побуждаетъ меня принятія условія. Теперь у меня свободныхъ денегъ не особенно много, соберутся только осенью... Вамъ придется выдать, кажется, тысячъ двадцать съ небольшимъ...

— Я могу,—быстро началъ Егоръ Александровичъ, готовый разсрочить слѣдовавшія ему деньги, лишь бы раздѣлаться съ имѣніемъ, но дядя перебилъ его.

— Да, двадцать три тысячи. Ихъ, конечно, нужно сейчасъ же выдать. Вѣдь ты, вѣроятно, очень не долго засидишься здѣсь, Егорушка?

— Право, не знаю,—сконфуженно отвѣтилъ Егоръ Александровичъ.

Старикъ Мухортовъ чуть не ругнулъ его, угадавъ, что племянникъ готовъ разсрочить даже выдачу ему этихъ двадцати трехъ тысячъ, лишь бы скорѣе все продать. Егоръ Александровичъ понялъ это и съ усмѣшкой проговорилъ:

— Во всякомъ случаѣ, я васъ попрошу всѣ дѣловые переговоры окончить съ дядею, онъ имѣетъ отъ меня полную довѣренность и знаетъ всѣ мои условія.

— Да мы уже все и обговорили,—замѣтилъ Алексѣй Ивановичъ.

— Я тороплюсь продать имѣніе, потому что моя мать на-дняхъ уѣзжаетъ, а я самъ—мнѣ мѣшаютъ всѣ эти хлопоты въ моихъ занятіяхъ,—сказалъ Егоръ Александровичъ.

Они перемѣнили тему разговора и, вернувшись въ кабинетъ Егора Александровича, еще съ полчаса бесѣдовали о совершенно постороннихъ вещахъ. Егоръ Александровичъ дѣлалъ всѣ усилія, чтобы казаться спокойнымъ; Протасовъ смотрѣлъ тоже равнодушно, какъ будто въ эту минуту онъ и не помышлялъ о томъ, что онъ достигъ одной изъ своихъ желанныхъ цѣлей. Даже Алексѣй Ивановичъ усомнился въ томъ, дѣйствительно ли Протасовъ ужъ такъ страстно желалъ купить это имѣніе, какъ казалось ему, Алексѣю Ивановичу. Самъ Алексѣй Ивановичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые не умѣютъ скрывать свои чувства; онъ даже и не пробовалъ когда-нибудь надѣвать на себя маску, что, впрочемъ, не мѣшало ему быть ловкимъ дѣльцомъ и человѣкомъ себѣ на умѣ. Онъ самъ про себя говорилъ: «я человѣкъ русскій, я люблю говорить правду-матку» и прибавлялъ при этомъ: «языкъ мой—врагъ мой, все выболтаетъ»; онъ забывалъ прибавить при этомъ только одно, что, говоря правду-матку, онъ всегда какъ-то ухитрялся вы-

Digitized by Google

доить эту матку въ свою пользу, и что его языкъ никогда не выбалтывалъ именно того, чего не слѣдовало выбалтывать.

Когда гости уѣхали, у Егора Александровича точно гора свалилась съ плечъ, и въ то же время онъ вдругъ почувствовалъ страшный упадокъ силъ. Ему казалось теперь, что если бы ему пришлось еще съ часъ пробесѣдовать съ Протасовымъ, то онъ расплакался бы, какъ нервная женщина. Несмотря на всѣ доводы разсудка, онъ испытывалъ нѣчто такое, какъ будто его кто-то унижаетъ, какъ будто онъ дѣйствительно переживаетъ минуты позора. Но развѣ разореніе позоръ? Развѣ желаніе честно расплатиться съ долгами, заявивъ это прямо и открыто, можетъ-быть унизительнымъ? Онъ задавалъ себѣ эти вопросы и все-таки не могъ побороть какого-то обиднаго чувства, вызывавшаго на его лицо краску стыда...

Софья Петровна вернулась домой отъ Алексѣя Ивановича только вечеромъ и привезла сыну письмо отъ старика Мухортова. Дядя извѣщалъ, что дѣло улажено, и тутъ же не безъ юмора замѣчалъ, что дѣло, въ сущности, было улажено еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, но что Протасову нужно было комедію осмотра разыграть. «И что̀ осматривалъ,—писалъ старикъ,—то, что̀ какъ свои пять пальцевъ изучилъ. Небось, Теньера вспомнилъ! Его, братъ, на кривой не объѣдешь. Онъ не то, что мы, простаки!» Не прошло и получаса, какъ подали чай. Егоръ Александровичъ съ тревогой въ душѣ, но стараясь сохранить наружное спокойствіе, вышелъ въ столовую, гдѣ уже сидѣла Софья Петровна, просматривавшая привезенныя безъ нея письма.

— Ахъ, этотъ cher oncle Jacques!—воскликнула она, читая одно изъ писемъ.—Я такъ и знала, что онъ будетъ на моей сторонѣ!..

Она обратилась къ сыну.

— Онъ очень, очень недоволенъ тобой, Жоржъ... Я такъ и знала это впередъ!.. Онъ тоже совѣтуетъ мнѣ въ крайнемъ случаѣ обратиться къ предводителю дворянства, если ты не послушаешь и его совѣтовъ...

Егоръ Александровичъ разсѣянно поднялъ глаза на мать, не понявъ сразу, о чемъ она говоритъ.

— Какихъ совѣтовъ?

— Не продавать Мухортова, извернуться, ну, какъ-нибудь тамъ все уладить... Тысячи людей входятъ въ долги и изворачиваются же... Кто же теперь изъ порядочныхъ

Digitized by Google

людей не въ долгу?.. Всѣ по уши въ долгахъ!.. Мы не кто-нибудь, славу Богу...

— Что же, онъ предлагаетъ деньги?—насмѣшливо спросилъ Егоръ Александровичъ.

— Жоржъ! развѣ ты не знаешь, что бѣдный дядя Жакъ самъ вѣчно безъ денегъ?—воскликнула Мухортова.—Развѣ онъ, будь у него средства, сталъ бы служить,—онъ, любящій такъ жизнь!.. Не будь его дѣла въ такомъ страшномъ положеніи, онъ давно бросилъ бы службу, уѣхалъ бы въ Парижъ... Развѣ его мѣсто въ Петербургѣ, въ этихъ противныхъ канцеляріяхъ?

Егоръ Александровичъ насмѣшливо усмѣхнулся.

— Ну, а совѣты безъ денегъ не ведутъ ни къ чему,—отвѣтилъ онъ.—И дѣло, славу Богу, кончено къ тому же...

Генеральша всплеснула руками.

— Какъ кончено? Какъ? Я тебя не понимаю!

— За мною останется охотничій домикъ,—сказалъ Егоръ Александровичъ.—Ваши долги я уплачу... Ихъ на нѣсколько тысячъ... Вамъ я не могу предложить болѣе двухъ-трехъ тысячъ... И это мнѣ будетъ не легко... у меня не останется почти ничего... Вы же... у васъ пенсія... масса ненужностей, которыя можно обратить въ деньги, и... вы, къ тому же, вѣроятно, поселитесь у дяди Жака... Ему это даже будетъ пріятно при его одиночествѣ...

— Боже мой, Боже мой, что ты говоришь!—вскричала Мухортова.

Егоръ Александровичъ поднялся съ мѣста, предчувствуя начало раздирательной сцены. Онъ былъ страшно блѣденъ и взволнованъ.

— При себѣ я оставлю только нѣкоторыхъ слугъ,—продолжалъ онъ.—Елена Никитишна, конечно, не разстанется съ вами, Григорій молодъ и легко найдетъ мѣсто у какого-нибудь мастера... Если нужно, я помогу... Глаша тоже... Другіе могутъ поселиться покуда у меня. Мѣста хватитъ. Выгнать ихъ было бы грѣшно. Мы сдѣлали ихъ негодными ни къ какой службѣ...

Онъ чувствовалъ, что онъ дальше не можетъ говорить. Его самого душили невольныя, непрошенныя слезы, и въ то же время въ душѣ поднималась злоба противъ самого себя за это малодушіе. Софья Петровна закрыла лицо руками и разрыдалась. Онъ вышелъ изъ столовой и неожиданно наткнулся на Елену Никитишну. Она, какъ ему почему-то показалось, подслушивала у дверей.

Digitized by Google

— Елена Никитишна, мать, вѣроятно, на-днихъ уѣдетъ отсюда навсегда,—сказалъ онъ.—Я продалъ имѣніе... Васъ, конечно, должна заботить участь Поли.

Елена Никитишна вдругъ поднесла платокъ къ глазамъ и, тихо плача, проговорила:

— Богъ вамъ судья, Егоръ Александровичъ.

— Не плачьте... она не будетъ брошена... Я сдѣлаю для нея все, что могу,—сказалъ онъ серьезно.—Она останется съ отцомъ при мнѣ и, что бы ни случилось,—они будутъ обезпечены.

Елена Никитишна смотрѣла на него растерянным взглядомъ, не понимая въ сущности, что онъ говорилъ. Она не вѣрила, что онъ могъ оставить при себѣ Полю, жить съ нею, какъ съ женою, здѣсь, на виду у родныхъ. И въ то же время она не понимала, какъ онъ обезпечитъ ея племянницу, когда онъ разоренъ. Останется ли у него что-нибудь? Передастъ ли онъ что-нибудь Полѣ? Эти вопросы вертѣлись на языкѣ у старухи, и въ то же время она не смѣла произнести ихъ. Она только прошептала:

— Богъ васъ накажетъ, если вы ее бросите!... Погубили вы дѣвчонку!..

Онъ ничего не отвѣтилъ и прошелъ на свою половину. Въ комнатѣ было душно. Онъ отворилъ дверь и вышелъ на террасу. Лѣтняя ночь пахнула ему въ лицо теплом и ароматомъ. Онъ прислонился къ косяку двери, и вдругъ въ его душѣ воскресли воспоминанія прошлаго. Въ этомъ домѣ онъ родился. По этимъ аллеямъ онъ бѣгалъ, игралъ въ дѣтствѣ. Здѣсь, на этой террасѣ, онъ просиживалъ долгіе часы у ногъ любимаго старика, читавшаго ему вслухъ величайшія созданія поэзіи. Съ удивительною ясностью въ его воображеніи прошли различные эпизоды прошлой жизни. Неизвѣстно почему, онъ вспомнилъ одну сцену: въ большой залѣ, на черномъ катафалкѣ, лежалъ старикъ съ сѣдыми, коротко остриженными волосами, съ сѣдыми же длинными усами, съ покойнымъ, серьезнымъ лицомъ; въ ногахъ старика, передъ аналоемъ, стоялъ монахъ и читалъ псалтырь; кругомъ теплились толстыя восковыя свѣчи; во всемъ домѣ пахло ладаномъ. Бѣдный отецъ! Это онъ успокоился здѣсь послѣ долгой боевой службы и послѣ долгихъ семейныхъ дрязгъ, доведшихъ его до того, что онъ, герой двѣнадцатаго года, умолялъ передъ смертью не впускать къ нему ее, жену. Какъ его любилъ его маленькій сынъ,—любилъ за безконечные разсказы о великой войнѣ двѣнадцатаго

Digitized by Google

года, о геройскихъ подвигахъ, гдѣ одинаково великими сынами отечества являлись и безусые юноши-офицеры, только-что сошедшіе съ паркета, и простые огрубѣвшіе солдаты, покинувшіе далеко-далеко полуголодныхъ женъ и дѣтей. Какъ горько плакалъ около этого катафалка онъ, маленькій Жоржъ, украдкой пробравшись «къ папѣ». Онъ вдругъ вздрогнулъ теперь, припомнивъ, какъ онъ испугался въ этой залѣ, стоя около трупа отца. На его плечо тогда внезапно опустилась чья-то грубая, точно обтянутая опойкомъ, мозолистая рука и послышался мужицкій голосъ:—«Вотъ и помни, помни, какимъ онъ, твой отецъ, былъ! И самъ будь такимъ! Теперь баловать начнутъ, а ты помни его—вонъ какъ онъ смотритъ строго и всю жизнь такъ будетъ глядѣть на тебя. Да!» Мальчикъ поднялъ пугливо глаза къ говорившему и увидалъ загорѣлое, суровое лицо, обросшее сѣдѣющими и выцвѣтшими волосами. Это былъ отецъ Иванъ, ихъ деревенскій попъ. Софья Петровна ненавидѣла его и никогда не допускала на свою половину, говоря, что отъ него «навозомъ пахнетъ». Но онъ былъ духовникомъ покойнаго генерала и теперь приходилъ къ покойнику по нѣсколько разъ въ день, не спрашивая позволенія у Софьи Петровны, не обращая на нее вниманія. Что сказалъ бы отецъ, если бы зналъ, что онъ, Егоръ Александровичъ, продаетъ свое родное гнѣздо? Егору Александровичу вдругъ стало какъ-то горько, что онъ не посѣтилъ до сихъ поръ даже могилы отца. «Бѣдный, бѣдный отецъ, всѣ тебя забыли», прошепталъ онъ. И вдругъ, рядомъ съ этимъ воспоминаніемъ, воскресло другое изъ болѣе близкаго прошлаго: онъ вспомнилъ одинъ сентябрьскій вечеръ, когда Гуро впервые читалъ ему, Жоржу, Гамлета,—вспомнилъ до такой степени ясно, какъ будто это было вчера: обстановка, отдѣльныя фразы, мелкія замѣчанія, все, все ожило передъ нимъ. Почему? Не потому ли, что потомъ чуть ли не мѣсяцъ,—нѣтъ, больше, больше!—онъ воображалъ себя Гамлетомъ, примѣняя восторженныя фразы Гамлета объ отцѣ къ своему отцу и сравнивая свою мать съ преступной матерью Гамлета. Здѣсь изъ этихъ оконъ онъ, еще вполнѣ чистый юноша, видѣлъ, какъ она, его мать, склонялась на плечо дяди Жака, и юноша вдругъ угадалъ, почуялъ, какая грязь окружаетъ его. Открытіе позорной семейной тайны наполнило горечью его молодую душу, пробудило его мысль, заставило его пристальнѣе вглядѣться въ окружающую его жизнь. Вездѣ и всюду онъ увидалъ ту же

Digitized by Google

нравственную грязь, прикрытую приличною оболочкою и громкими фразами. Въ страстномъ увлеченіи юноша далъ себѣ обѣтъ быть честнымъ человѣкомъ, не отдѣлять слова отъ дѣла. Въ тѣ годы онъ еще часто молился, и въ его молитвахъ звучала одна просьба, чтобы Богъ далъ ему силы «быть цѣльнымъ человѣкомъ». Въ эти годы онъ часто повторялъ слова своего любимаго поэта:

«Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви».

Эти годы прошли, эти чувства уцѣлѣли...

Въ воздухѣ почувствовалась предразсвѣтная свѣжесть. Егоръ Александровичъ вздрогнулъ и очнулся. Казалось, онъ проспалъ нѣсколько времени съ открытыми глазами. Онъ провелъ по лицу рукою. Оно было влажно отъ слезъ. Онъ отеръ слезы, тряхнулъ головой и громко проговорилъ:

— Нѣтъ, пора покончить со всѣмъ прошлымъ! Прощай, прощай...

Въ эту минуту онъ, кажется, обнялъ бы и этотъ домъ, и этотъ садъ, прильнулъ бы губами къ этой родовой землѣ, глотавшей его слезы и въ радости, и въ горѣ... Ему теперь не хотѣлось ни о чемъ больше думать. Его охватила жажда физическаго движенія, дѣловыхъ хлопотъ, разъѣздовъ по поводу разныхъ формальностей, сопряженныхъ съ продажей имѣнія. Если бы можно было, онъ уѣхалъ бы тотчасъ же въ губернскій городъ, въ Петербургъ, въ Москву, лишь бы бѣжать отсюда...

Въ шесть часовъ утра онъ уже былъ на ногахъ и направился къ охотничьему домику надъ обрывомъ. Тамъ жилъ только одинъ сторожъ. Егоръ Александровичъ обошелъ съ нимъ весь домъ, началъ намѣчать, что надо передѣлать и поправить, сообразилъ, какъ онъ помѣстится здѣсь, гдѣ будетъ его комната, гдѣ помѣститъ Полю. Въ десять часовъ онъ былъ уже у дяди и засталъ всю семью въ сборѣ за чайнымъ столомъ. Алексѣй Ивановичъ, поднимавшійся лѣтомъ съ пѣтухами, завтракалъ въ это время. Перецѣловавшись со всѣми, Егоръ Александровичъ сказалъ, что онъ страшно проголодался и, къ великому изумленію всѣхъ, выпилъ большую чарку водки. Онъ былъ сильно возбужденъ и неестественно веселъ, придираясь ко всякой шуткѣ, чтобы захохотать чуть не до слезъ, поминутно навертывавшихся на его глаза. Все время онъ упрашивалъ дядю

Digitized by Google

навалить на него какъ можно больше хлопотъ, на что старикъ шутливо отвѣчалъ, что ихъ выше головы и безъ того будетъ...

III.

Надъ крутымъ обрывистымъ берегомъ не широкой, но быстрой и мѣстами очень глубокой рѣчки Желтухи возвышался небольшой одноэтажный деревянный домъ, съ садикомъ и двумя просторными надворными пристройками. Въ одной изъ пристроекъ были кухня и помѣщеніе для прислуги, въ другой—конюшня и хлѣвъ. Желтуха дѣлала въ этомъ мѣстѣ крутой поворотъ, и домикъ, казалось, висѣлъ надъ нею со своимъ садомъ и пристройками. Садъ доходилъ до самаго обрыва. Здѣсь, не дожидая окончанія разныхъ формальностей по продажѣ имѣнія, поселился Егоръ Александровичъ —поселился безъ матери, уѣхавшей гостить въ имѣніе «дяди Жака» послѣ цѣлаго ряда мелодраматическихъ сценъ, истерикъ, слезъ. Онъ удержалъ при себѣ только Полю и нѣсколько слугъ—старика Прокофья, кучера Дороѳея, скотницу Анну, повара Матвѣя. Съ переселеніемъ въ новый домъ для Мухортова настали дни отдыха послѣ цѣлаго ряда хлопотъ, непріятностей, тревогъ. Смотря на него, можно было сказать, что этотъ человѣкъ пережилъ тяжкую болѣзнь, но и только. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ, но попрежнему смотрѣлъ спокойно, сдержанно и холодно. Холодное и сдержанное выраженіе лица часто вырабатывается у родовитыхъ баръ и выскочекъ-дѣльцовъ. У первыхъ его вырабатываютъ для того, чтобы они казались выше всякихъ мелочныхъ дрязгъ, вторые вырабатываютъ его для того, чтобы скрыть подъ неподвижною маскою всѣ гнусныя мелочи своей души. У первыхъ оно является слѣдствіемъ дрессировки со стороны матерей и отцовъ, гувернеровъ и гувернантокъ; у вторыхъ—слѣдствіемъ долголѣтнихъ житейскихъ трепокъ. Но и у тѣхъ, и у другихъ за этою маскою равнодушія и холодности скрывается иногда цѣлый адъ мучительныхъ страданій и невыносимыхъ сомнѣній,—адъ, въ который порою не удается заглянуть ни одному непосвященному взгляду постороннихъ людей. Именно такимъ недоступнымъ для постороннихъ уголкомъ былъ душевный мірокъ Егора Александровича. Вводить туда перваго встрѣчнаго—на это Мухортовъ былъ неспособенъ, ни по характеру, ни по воспитанію; а тѣ, кого онъ, можетъ-быть, впустилъ бы туда, вовсе не поняли бы

Digitized by Google

ого. Вся семья дяди Алексѣя Ивановича, полная родственныхъ чувствъ къ Егору Александровичу, жила чисто животною, утробною жизнью: они были сыты, обуты и одѣты и потому счастливы; они видѣли, что Егорша выпутался изъ бѣды и сохранилъ кое-какой достатокъ, и потому считали его тоже вполнѣ счастливымъ. Разные упреки совѣсти, самобичеванія, тяжелыя сомнѣнія и тоскливое сознаніе своего нравственнаго одиночества, все это, если бы семья Алексѣя Ивановича и узнала объ этомъ, заставило бы всѣхъ ея членовъ широко открыть глаза и наивно спросить:

— Да чего же теперь тебѣ недостаетъ, Егораша?

Поля... Ее всѣми силами души желалъ Егоръ Александровичъ подготовить къ тому, чтобы она могла хотя отчасти дѣлить съ нимъ его радости и горести, его надежды и сомнѣнія, но покуда она жила чисто растительною жизнью. Это былъ прелестный, роскошно распустившійся махровый цвѣтокъ, но и только. Цвѣтами можно украшать свое помѣщеніе, можно любоваться ими, но ужъ, конечно, нельзя дѣлиться съ ними своими думами, сомнѣніями и надеждами.

Перебравшись въ новое помѣщеніе, Егоръ Александровичъ прежде всего рѣшился въ свободные часы, мало-помалу, пріучать Полю къ чтенію. Онъ страстно желалъ выработать изъ нея подругу своей жизни, сознавая, какъ тяжело имѣть около себя только наложницу. За чтеніемъ онъ проводилъ съ нею лѣтніе вечера, сидя въ бесѣдкѣ, находившейся въ саду надъ самымъ обрывомъ...

Былъ одинъ изъ такихъ вечеровъ, тихихъ и ясныхъ, съ медленно наступающими сумерками. Егоръ Александровичъ и Поля сидѣли въ бесѣдкѣ. Онъ читалъ вслухъ «Преступленіе и наказаніе». Самъ онъ уже не разъ перечиталъ это произведеніе, но, тѣмъ не менѣе, онъ ощущалъ и теперь то же волненіе при чтеніи его, какое ощущалъ, впервые читая этотъ романъ. Онъ читалъ страстно, увлекаясь, съ разгорѣвшимися щеками, весь поглощенный болѣзненнымъ, но тѣмъ не менѣе великимъ произведеніемъ. Поля не спускала своихъ большихъ глазъ съ чтеца, и по ея миловидному лицу съ полуоткрытымъ розовымъ ротикомъ блуждала блаженная улыбка. Ни страшная сцена убійства, ни разсказъ Мармеладова не спугнули, не измѣнили этой блаженной улыбки. Мухортовъ раза два, перевертывая страницы, безсознательно подмѣтилъ это выраженіе лица своей слушательницы, и оно, совершенно помимо его воли, без-

Digitized by Google

отчетно стало его смущать, охлаждать его увлеченіе. Такъ нерѣдко бываетъ съ чтецами, не уловившими ухомъ, а только замѣтившими взглядомъ, что гдѣ-то шепчутся во время ихъ чтенія; этотъ неслышный, только угаданный шопотъ развлекаетъ вниманіе, расхолаживаетъ, конфузитъ; при немъ словно стыдишься своего увлеченія, умѣряешь пафосъ, стараешься вслушаться въ неслышимыя рѣчи. Наконецъ, Мухортовъ спросилъ ее:

— Ты, Поля, понимаешь, что я читаю?

— Читайте, читайте, голубчикъ,—отвѣтила она, какъ бы сквозь сонъ, улыбаясь еще блаженнѣе.

— Тебѣ нравится?

— Да... Какъ, право, вы читаете, точно поютъ гдѣ-то!—восторженно сказала она.—Въ саду вотъ такъ весною: выйдешь, а кругомъ тебя все поетъ,—гдѣ? и сама не знаешь... Я вотъ все сижу и все думаю, какой вы красавецъ... Все лицо опять зарумянилось... такъ и пышетъ огнемъ... А я ужъ, по правдѣ сказать, боялась, ахъ, какъ боялась, что вы блѣднѣть за послѣдніе дни стали... думала все, не болѣзнь ли какая... вѣдь тоже не долго... Совсѣмъ запугалась!..

Онъ вздохнулъ.

— Ты все обо мнѣ!

— О комъ же мнѣ думать, милый мой, ненаглядный!..

Она поднялась и обвила его шею руками, смотря въ его глаза страстными и въ то же время добрыми, ласковыми, глупыми глазами.

— Любите? Да?

— Зачѣмъ ты это спрашиваешь?

— Все боюсь еще, что разлюбите! Кажется, каждый день, каждый часъ, каждую минуточку хотѣла бы слышать, что не разлюбили, что не разлюбите!..

Она начала его цѣловать. Онъ закрылъ книгу.

— Темнѣетъ, пора кончить чтеніе... Распорядись, голубка, чаемъ...

Она еще разъ поцѣловала его и побѣжала распоряжаться чаемъ. Онъ всталъ, облокотился на перила бесѣдки, сталъ разсѣянно смотрѣть на воду и забылся.

— Одинъ, одинъ, вѣчно одинъ!—проносилось въ его головѣ, помимо его воли.

И въ то же время точно кто-то посторонній задавалъ ему вопросы:

— А она, Поля? Развѣ она не съ тобою? Развѣ она не любитъ тебя? И еще какъ любитъ!

Digitized by Google

Въ его воспоминаніи, неизвѣстно почему, воскресла одна недавняя сценка. Онъ вошелъ въ комнату. У шифоньерки стояла Поля и укладывала его чистое бѣлье. Когда онъ входилъ въ комнату, молодая дѣвушка поднесла къ губамъ его носки и поцѣловала ихъ. Онъ такъ сконфузился, смутился, что не могъ даже сказать ей: «что за глупости ты дѣлаешь!» и сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ. Ему было стыдно за нее. Тутъ было все,—любовь, страсть, обожаніе, безуміе. Все существо молодой дѣвушки было поглощено имъ. Ей нужно было быть съ нимъ въ сутки двадцать четыре часа и еще нѣсколько минутъ. Она отдала ему все и хотѣла бы отдать ему еще жизнь. Ему недоставало въ ней только пониманія того, чѣмъ онъ жилъ, что онъ думалъ, о чемъ онъ желалъ говорить. Только! Когда онъ просиживалъ часы надъ любимыми книгами, она не ревновала его къ нимъ, потому что онѣ не мѣшали ей любоваться имъ, но она въ душѣ ненавидѣла ихъ, потому что ей казалось, что онъ утомляетъ себя за ними, блѣднѣетъ и худѣетъ, занимаясь ими такъ долго. Но, боясь этого, она, вѣрно, очень бы изумилась, что его можетъ утомить этотъ вѣчный восторгъ имъ. Онъ же сознавалъ это, и что-то въ родѣ раздраженія пробуждалось въ его душѣ, когда, вмѣсто разговоровъ, вмѣсто тихой бесѣды, сыпались только поцѣлуи и ласки. Онъ старался подавить въ себѣ это раздраженіе и утѣшался тѣмъ, что этотъ слишкомъ долгій медовый мѣсяцъ любви долженъ будетъ наконецъ кончиться, и настанетъ болѣе трезвый періодъ взаимной пріязни; но что же будетъ тогда?..

Что если она вѣчно останется такою?

Вѣчное одиночество въ своемъ домѣ, въ семьѣ?

Онъ какъ-то тупо, безсознательно заглядѣлся на воду, быстро протекавшую подъ обрывомъ. Уже совершенно стемнѣло, и рѣчонка казалась совершенно черной. Дѣлая крутой поворотъ около обрывистаго берега, она какъ-то зловѣще, едва слышно шумѣла внизу, точно ворча съ подавленной злобой. Мухортову вдругъ вспомнилось, что, по преданію, во время постройки дома и разбивки сада надъ обрывомъ, именно въ этомъ мѣстѣ свалился внизъ и утонулъ рабочій. Одни говорили, что онъ самъ бросился въ воду, другіе толковали, что онъ былъ подъ хмелькомъ и упалъ случайно. Но, такъ или иначе, всѣ говорили, что это плохое предзнаменованіе и пророчили, что рѣчонка когда-нибудь въ половодье окончательно подмоетъ песчаный бе-

Digitized by Google

регъ, и бесѣдка съ частью сада обрушатся въ воду. Нечего ждать добра отъ дома, когда и постройка-то его началась съ самоубійства! Не даромъ же въ немъ и не заживался никто подолгу: годъ поживутъ,—глядишь, или помретъ кто, или по какой-либо другой несчастной случайности удалится въ другое мѣсто, и опять стоитъ домъ съ заколоченными окнами. И мысли Мухортова вдругъ перескочили къ его собственному положенію. Легче ли будетъ ему протянуть такъ всю жизнь здѣсь, гдѣ нѣтъ ни одной родной души, чутко могущей откликнуться на призывы его души, чѣмъ разомъ броситься въ эти темныя волны? Что значитъ эта минутная страшная смерть передъ цѣлымъ рядомъ скучныхъ дней чисто животной жизни? Жить для другихъ, для общества,—но развѣ онъ, связанный теперь неизбѣжными заботами о безпомощной дѣвушкѣ, о будущемъ ребенкѣ, можетъ-быть, о многихъ и многихъ дѣтяхъ, можетъ жить для пользы общества? Его пѣсня спѣта, его тянетъ кто-то внизъ, въ тину—изъ тѣхъ высшихъ сферъ, куда еще такъ недавно рвался онъ. Онъ вздрогнулъ и очнулся какъ бы отъ страшнаго кошмара. Съ чего это ему пришла мысль о самоубійствѣ? Видно, всѣ послѣднія событія не прошли даромъ для нервной системы! Въ нормальномъ состояніи о самоубійствѣ не думаютъ. Онъ вспомнилъ внезапно слова бездомнаго, безсемейнаго, вѣчно нуждавшагося, но стоически твердаго старика Жерома Гуро.

— Самоубійство,—съ обычной витіеватостью объяснялъ какъ-то Гуро своему воспитаннику послѣ чтенія Вертера:— это или сумасшествіе, или жалкая трусость мелочного эгоизма. Великіе люди, жившіе въ самыя страшныя, въ самыя мрачныя эпохи паденія и разложенія человѣческихъ обществъ, конечно, страдали много, страдали страшно; но они не налагали на себя рукъ, а стремились бороться съ обществомъ, съ его пороками, проповѣдывали великія истины, идеи правды и любви, шли за эти идеи на гильотины, на костры, на висѣлицы съ твердой вѣрой, что ихъ мученія принесутъ въ будущемъ пользу, тогда какъ самоубійство никогда и никому не приносило пользы, если оно не было совершено за человѣчество, какъ великая жертва, принесенная Лукреціей, покончившей съ собою, чтобы возбудить къ мщенію согражданъ. Самоубійство, если оно не сумасшествіе и не пожертвованіе собою для родины,—это сознаніе, что человѣкъ безсиленъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать ни для себя, ни для ближнихъ, а такое сознаніе всегда признакъ

Digitized by Google

трусости: кто смѣлъ, тотъ идетъ на борьбу, а не бѣжитъ съ поля битвы укрыться отъ врага въ убѣжище смерти. Изъ-за чего люди посягаютъ на свою жизнь: изъ-за личныхъ несчастій, изъ-за личныхъ неудачъ, по большей части, изъ-за пустяковъ, уподобляясь тѣмъ капризнымъ и настойчивымъ дѣтямъ, которыя, когда не исполняются ихъ мелкіе капризы, бьются головами объ полъ, доходятъ до судорогъ, стремясь настоять на своемъ.—Дѣти—безсмысленные эгоисты, самоубійцы—почти всегда тоже такіе узкіе и тупые эгоисты. Кто любитъ искренно ближнихъ, тотъ никогда не убьетъ себя, зная, что онъ имъ нуженъ, что онъ можетъ имъ помочь, только оставаясь въ живыхъ, что рѣшиться на самоубійство, значитъ, рѣшиться на дезертирство во время рѣшительнаго боя...

Всѣ эти мысли Гурò живо вспомнились теперь Мухортову, и какой-то внутренній голосъ говорилъ ему:

— Ищи дѣла, сложнаго, поглощающаго всю душу, и тебѣ никогда не придутъ въ голову мысли о самоубійствѣ, какъ бы ни была печальна твоя частная жизнь. Вѣдь не приходили же эти мысли тебѣ въ голову въ тѣ недавно-прошедшіе дни, когда ты энергично и дѣятельно устраивалъ свои дѣла, какъ того требовала твоя честь, а между тѣмъ это было не легко.

И передъ Мухортовымъ пронеслись картины недавняго прошлаго: вѣсть о разореніи, поразившая его, какъ громомъ; возбудившій въ его душѣ омерзѣніе проектъ его женитьбы по расчету; разрывъ съ матерью, ради его желанія честно расквитаться съ долгами и загладить свой проступокъ относительно Поли, продажа имѣнія Протасову на глазахъ сосѣдей, смотрѣвшихъ на него, Мухортова, какъ на жалкаго разореннаго человѣка; тяжелыя, раздражающія сцены истерикъ и обмороковъ матери, когда онъ рѣшился поселиться на новомъ мѣстѣ съ Полей—все это не легко было пережить,—пережить не въ долгіе годы, а въ нѣсколько недѣль, въ нѣсколько дней; но пережилъ же онъ. Нужно только вѣрить въ свои силы; не слѣдуетъ отступать, надо работать...

Но гдѣ же эта спасающая отъ всякихъ сомнѣній, поглощающая всю душу работа?..

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

I.

Мародерство во всѣхъ его видахъ неизбѣжно сопутствуетъ всякія общественныя бѣдствія, въ родѣ войны, мора, по-

Digitized by Google

жара и тому подобнаго. Грабители среди смятенія и шума пользуются удобнымъ случаемъ для захвата чужой собственности. Въ частной жизни есть тоже мародеры, старающіеся урвать себѣ какой-нибудь кусокъ при дѣлежѣ имущества послѣ покойника, при продажѣ съ молотка чужой собственности. Изъ породы такихъ мародеровъ была Агаѳья Прохоровна. Смерть чужихъ матерей, тетокъ, женъ и сестеръ всегда пробуждала въ ней желаніе урвать тайно или явно клокъ наслѣдства, и она постоянно выходила съ добычей изъ дома, гдѣ былъ покойникъ, — съ добычей на поминъ души или на память. Эта жажда мародерства должна была пробудиться въ ней въ еще большей степени, когда старая дѣва узнала, что въ Мухортовѣ все поступитъ въ продажу, и что Софья Петровна навсегда уѣдетъ изъ своихъ палатъ. Ее охватило какое-то бѣшенство грабежа. Какъ воронъ надъ падалью, носилась Агаѳья Прохоровна надъ открытыми чемоданами и баулами генеральши и разгоравшимися глазами слѣдила за каждой укладываемой въ нихъ вещью. Она садилась на корточки около этихъ чемодановъ, считала каждую вещь, дрожала при видѣ новыхъ и новыхъ сокровищъ. Никогда она не была такъ униженно льстива, какъ теперь, съ генеральшей, съ Еленой Никитишной и даже съ Глашкой-горничной; никогда она не ненавидѣла ихъ такъ страстно, какъ теперь.

«Пять дюжинъ шелковыхъ чулокъ! Семь манто! Кружевъ — десять человѣкъ обмотать можно! И куда это все теперь Софьѣ Петровнѣ!» — восклицала она мысленно, точно Мухортова должна была завтра же умерсть, и всѣми доступными ей способами подговаривалась ко всему, что можно было присвоить.

Ея глаза горѣли, какъ уголья, отъ зависти и злобы, а задыхавшійся отъ волненія голосъ былъ такъ пѣвучъ, точно она старалась убаюкать своихъ слушательницъ, чтобы ихъ ограбить во время сна. Она обыкновенно ругала наслѣдниковъ покойниковъ, послѣ которыхъ ей давали старыя тряпки, — ругала за скаредность. Теперь она чувствовала, что она будетъ ругать Софью Петровну, такъ какъ все, что ей давали, казалось ей недостаточнымъ. Никогда она еще не чувствовала такой потребности вылить ушаты грязи на Мухортову, какъ въ эти минуты, когда все доставшееся ей являлось въ ея глазахъ такимъ ничтожнымъ въ сравненіи съ оставшимся у генеральши. Но эта злоба дошла до бѣшества, когда Елена Никитишна въ одно прекрасное утро не досчиталась кружевныхъ воротничка и манжетъ.

Digitized by Google

— Агаѳья Прохоровна, это ты взяла?—грубо спросила мухортовская домоправительница у старой дѣвы.

— Что-о? Я? Я взяла чужія вещи?—воскликнула Агаѳья Прохоровна въ волненіи, и на ея щекахъ выступили красныя пятна.

— Ну, ну, подавай! кромѣ тебя взять некому! Не тебѣ только носить брюссельскія кружева! Нашла тоже, что̀ скрасть.

— Скрасть? Да какъ ты смѣешь? Какъ ты смѣешь обижать благородную особу?—визгливо закричала приживалка.

Онѣ сразу перешли на грубое «ты», грызлись безъ всякихъ стѣсненій.

— Говорятъ тебѣ, сейчасъ подай! Не то во всѣхъ платьяхъ карманы обыщу,—прикрикнула Елена Никитишна, топнувъ ногой.

— У меня? Карманы обыскивать? У меня?

— А вотъ увидишь, у кого!

— Руки еще коротки.

— Я тебѣ покажу, коротки онѣ или нѣтъ!

— Попробуй! попробуй!

— И попробую!

Елена Никитишна быстро направилась къ страннопріимному покою. Агаѳья Прохоровна бросилась впередъ туда же и точно обезумѣла. Она захватила со стола скатерть, быстро начала срывать съ вѣшалокъ платяного шкапа свои вещи и, сваливая ихъ въ кучу, стала связывать узелъ, комкая всѣ свои пожитки.

— Духу моего послѣ такой пакости здѣсь не будетъ! Минуты я здѣсь не останусь!—кричала она вбѣжавшей за нею въ комнату Еленѣ Никитишнѣ.

— Да ты обезумѣла, что ли? Въ нашу скатерть свое тряпье увязываешь!—въ свою очередь крикнула мухортовская домоправительница, хватаясь за скатерть.

Началась положительная борьба. Манжеты и воротничокъ изъ брюссельскихъ кружевъ были забыты. Бой шелъ изъ-за скатерти. Обѣ женщины вдругъ позабыли свои роли,—одна свое благородство, другая свой рангъ старшей изъ слугъ,—и ругались, какъ послѣднія базарныя торговки, дергая въ разныя стороны узелъ. Казалось, онѣ были готовы разодрать все, чтобы только не уступить.

— Не съѣмъ вашу скатерть! Только вещи донесу и пришлю. Подавитесь ею! Грабители!

— Ты грабительница, а не мы! Мы трудомъ кормимся! Это ты—бродяга бездомная!

Digitized by Google

— Хамы поганые!

— Сама хамка! Погоди еще! Такъ не уйдешь! На дорогѣ до-гола раздѣнутъ, да обыщутъ.

— Посмѣйте!

— А вотъ увидишь!

Елена Никитишна, вся покрытая потомъ, выбившаяся изъ силъ, бросилась докладывать Софьѣ Петровнѣ, что «Агашка» ихъ обворовала. У Мухортовой была мигрень, и она только замахала въ отчаяніи руками.

— Пусть грабятъ, пусть!—застонала она.—Мнѣ ничего не надо! Ради Бога, избавьте меня отъ новыхъ скандаловъ!

Въ это время Агаѳья Прохоровна уже набросила на плечи бурнусъ, надѣла второпяхъ на бокъ шляпу съ красными маками и неслась черезъ дворъ изъ дома.

— Погодите, погодите, голубчики, я васъ разславлю!— кричала она въ бѣшенствѣ. — На весь уѣздъ, на всю губернію!..

И разславила. Это было тѣмъ болѣе удобно, что судьбою Мухортовыхъ интересовались всѣ.

Егоръ Александровичъ на нѣкоторое время неизбѣжно долженъ былъ сдѣлаться героемъ дня въ своемъ муравейникѣ. Вѣсть о разореніи Мухортовыхъ, о продажѣ ихъ имѣнія, о продажѣ ихъ наслѣдственной движимости, серебра, картинъ, мебели, все это привлекло вниманіе всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ къ Мухортову, и хотя Мухортовъ старался обдѣлать дѣло съ глазу на глазъ съ Протасовымъ, покупавшимъ все, что продавалось, тѣмъ не менѣе, нашлось не малое число любопытныхъ, желавшихъ взглянуть на молодого человѣка, поговорить съ нимъ, чтобы потомъ разсказывать, какъ онъ пораженъ разореніемъ, какъ онъ перенесъ этотъ ударъ. Всѣ были нѣсколько разочарованы, встрѣтивъ въ «бѣдномъ молодомъ человѣкѣ» какое-то необъяснимое для всѣхъ спокойствіе и равнодушіе. Сперва стали говорить, что онъ ловко притворяется, потомъ пришли къ убѣжденію, что онъ поступилъ, какъ герой. Съ своей точки зрѣнія эти люди, можетъ-быть, и были правы. Дѣйствительно, для нихъ казалось героизмомъ стремленіе распутаться разомъ съ долгами, цѣной пожертвованія родовымъ имѣніемъ; они на мѣстѣ Мухортова навѣрное попробовали бы изворачиваться до послѣдней степени, влѣзать въ новые неоплатные долги, лишь бы не ликвидировать своихъ дѣлъ на глазахъ у всѣхъ. Разорены въ сущности были чуть ли не всѣ въ уѣздѣ и даже въ губерніи, за исключеніемъ

Digitized by Google

Алексѣя Ивановича и Протасова; большинство не видѣло впереди никакой возможности выкупить свои имѣнія, особенно въ виду паденія нашего рубля, и съ трудомъ выплачивало даже проценты; но всѣ изворачивались до послѣдней возможности, шли на всякія сдѣлки и съ своею совѣстью, и съ совѣстью ближнихъ. Увидавъ же, что за Мухортовымъ, согласно предварительному условію съ Протасовымъ, уцѣлѣлъ небольшой участокъ земли съ домомъ, узнавъ, что кромѣ того у Мухортова осталась не одна тысяча наличныхъ денегъ отъ продажи движимости и недвижимости, молодого человѣка начали звать сумасбродомъ, несмотря на всѣ протесты Алексѣя Ивановича, доказывавшаго всѣмъ и каждому, что его племянникъ поступилъ крайне практично, что онъ теперь «чистъ отъ долговъ, какъ стеклышко», что, не разрубивъ разомъ Гордіева узла долговъ, онъ только запутался бы въ новыхъ займахъ подъ бременемъ непосильныхъ процентовъ. Упорное заступничество Алексѣя Ивановича за племянника навело многихъ прямо на мысль, что Алексѣй Ивановичъ просто опуталъ племянника, оплелъ его заодно съ Протасовымъ. Сплетня найдетъ вездѣ пищу. Сначала всѣ были убѣждены, что Мухортовъ, распродавъ все и публично явившись разореннымъ человѣкомъ, тотчасъ же уѣдетъ изъ имѣнія, чтобы скрыться отъ «позора». Но Мухортовъ спокойно остался жить въ имѣніи и имѣлъ такой видъ, какъ будто съ нимъ не случилось никакого несчастія. Это сдѣлало его интереснымъ, особенно въ глазахъ барынь, желавшихъ посмотрѣть на него, какъ на чудо.

Однако, къ величайшей досадѣ любопытныхъ, молодого Мухортова было не легко встрѣтить въ такъ называемомъ порядочномъ обществѣ. Онъ съ первыхъ же дней переселенія въ охотничій домикъ повелъ странную жизнь. Онъ сталъ ежедневно совершать отдаленныя прогулки, посѣщая то ту, то другую деревню; гдѣ было возможно, онъ подолгу бесѣдовалъ съ мужиками, присматривался къ ихъ жизни, вникалъ въ ихъ бытъ, изучалъ все, что поддавалось изученію. Передъ нимъ была открыта новая книга—книга народной жизни, и онъ жадно стремился заглянуть хоть въ нѣкоторыя ея страницы, сознавая не безъ горечи, что именно въ этой области у него является громадный пробѣлъ знаній. Это стремленіе не ускользнуло отъ наблюдательныхъ глазъ ближнихъ, и въ какую-нибудь недѣлю или двѣ создалось толковъ о Мухортовѣ чуть не на годъ. Одни утверждали, что Мухортова видѣли у опушки лѣса сидящимъ въ кругу оборван-

Digitized by Google

ныхъ бродячихъ нищихъ; другіе разсказывали, что онъ посѣтилъ въ одной деревнѣ кабакъ съ партіей фабричныхъ рабочихъ; третьи говорили, что къ нему ходятъ толковать и спорить мѣстные сектанты, проповѣдующіе равенство людей во всѣхъ отношеніяхъ и даже въ имущественномъ. Преувеличенія росли не по днямъ, а по часамъ, принимая иногда чудовищные размѣры. До простой мысли о томъ, что человѣкъ хочетъ поближе узнать свой родной народъ, не доходилъ никто. Но каковы бы ни были эти нелѣпые или комическіе разсказы, они всѣ оканчивались однимъ зловѣщимъ припѣвомъ:

— Это не даромъ! Теперь такія времена!

Всѣ какъ будто ждали, что вотъ-вотъ молодой человѣкъ произведетъ нѣчто страшное, нѣчто такое, за что не похвалятъ. Связь съ Полей, сплетни Агаѳьи Прохоровны, разсказы недовольнаго бариномъ Прокофья о житьѣ-бытьѣ въ охотничьемъ домикѣ, все это только подливало масло въ огонь. Толкуя о связи Мухортова съ Полей, Агаѳья Прохоровна говорила:

— Онъ всѣмъ благороднымъ дѣвицамъ афронтъ нанесъ. Гдѣ бы съ хорошими людьми, гдѣ барышни заневѣстились, сойтись, а онъ съ хамкою въ амуры вошелъ. Повѣнчаться хочетъ. Говорятъ, теперь и въ облаченіи мужицкомъ ходить сталъ, а туда же дворяниномъ считается! Тоже слыхали мы, что такимъ-то долго на волѣ ходить не позволяютъ. Родная мать, и та хотѣла дворянскому предводителю жаловаться! Такъ вѣдь онъ чуть не убилъ ее. Ну, извѣстно, женщина слабая, отъ грѣха и уѣхала. Какъ есть разбойникъ на большой дорогѣ!.. Въ церковь, въ храмъ Божій, никогда не заглянетъ!.. И какъ это Алексѣй Ивановичъ къ нему своего Павлика пускаетъ? А впрочемъ, тотъ-то тоже хорошъ; изъ седьмого класса гимназіи за бунтъ выгнали...

Прокофій тоже негодовалъ на молодого барина со своей точки зрѣнія.

— Ни къ нему никто изъ господъ не ѣздитъ, ни самъ ни къ кому не заглянетъ,—говорилъ онъ.—Прежде какъ-никакъ, а все же, бывало, господа заѣдутъ, на чай перепадетъ... А теперь, коли и придетъ кто, такъ мужикъ. Съ собой сажаетъ, чаемъ поитъ... У насъ при барынѣ въ передней мужикъ, бывало, постоитъ, такъ курить амбре велятъ!.. Тоже выдумалъ моду: дрова самъ колетъ, гряды копаетъ. Сказалъ я ему, что не господское это дѣло, такъ меня же вышутилъ: «Глупый ты, говоритъ, это я для здоровья, силы набраться

Digitized by Google

хочу»... А на что ему силы? Въ кулачный бой, что ли, идти?.. Ѣлъ бы лучше, какъ господа, а то у насъ Матюшка, поваръ-то нашъ, говоритъ: «этакъ я забуду, какъ и готовятся господскія кушанья...» Почитай, то же ѣсть, что и мы, грѣшные... Въ папеньку, вѣрно, пошелъ; тотъ тоже все щи, да кашу ѣлъ. Такъ тотъ это по солдатскому положенію, на войнѣ привыкъ...

Въ гостиныхъ про Мухортова говорилось еще больше глупостей и нелѣпостей. Даже самъ Коко Томиловъ, избѣгавшій прежде всякихъ разговоровъ о Мухортовѣ, такъ какъ говорить о немъ хорошо онъ не могъ, а говорить дурно о бывшемъ своемъ соперникѣ считалъ недостойнымъ джентльмена, не могъ не принять теперь участія въ этихъ толкахъ.

— Что съ нимъ?—говорилъ онъ у Ададуровыхъ, пожимая плечами.—Онъ ходитъ Богъ знаетъ въ какомъ нарядѣ: въ высокихъ сапогахъ, въ блузѣ, подпоясанной ремнемъ. Можно за мастерового принять.

— Въ нигилисты пошелъ!—не безъ ѣдкости замѣтила старшая изъ Ададуровыхъ.

— Что? Въ нигилисты пошелъ?—переспросила глухая Ададурова. — Онъ и всегда былъ нигилистомъ! Я сейчасъ, какъ увидала его, сказала: нигилистъ! Надъ спиритизмомъ глумился, про отца Николая заговорила—гримасу сдѣлалъ!

Средняя сестра Ададурова всегда всего пугалась.

— Ахъ, ужъ не прокламаціи ли онъ разбрасываетъ?—воскликнула она съ ужасомъ, обводя всѣхъ оторопѣвшими глазами.—Чего же смотрятъ?

Томиловъ презрительно замѣтилъ:

— Я не знаю, нигилистъ онъ или нѣтъ, но я знаю, что онъ невѣжа: мы были представлены другъ другу, а онъ не считаетъ нужнымъ отвѣчать на поклоны...

— Современное воспитаніе!—ядовито вставила старшая изъ Ададуровыхъ.

— Что? Современное воспитаніе?—переспросила глухая сестра.—Глупости! Кто это его воспитывалъ? Отецъ? Казармой отъ него пахло! Мать? О ея молодости лучше не говорить, а теперь Зола на столѣ открыто держитъ! Правда, былъ при немъ гувернеръ. Такъ кто же не понимаетъ, что это за человѣкъ былъ: бѣглый революціонеръ, скрывавшійся отъ гильотины!

— Ахъ, ma soeur, молчите, молчите!—испугалась средняя сестра.—Развѣ теперь такія времена, чтобы упоминать о революціи и гильотинѣ!

Digitized by Google

И затѣмъ, обращаясь къ Томилову, она молящимъ тономъ прибавила:

— Ради Бога, старайтесь не встрѣчаться съ нимъ, дѣлайте видъ при встрѣчѣ съ нимъ, что не замѣчаете его, а то и вы можете пострадать, и мы всѣ...

Она даже вздрогнула при этой мысли.

— Мнѣ разсказывали въ Москвѣ, что вотъ одинъ такой ходилъ къ разнымъ лицамъ въ гости, со многими говорилъ, съ иными только кланялся, а потомъ вдругъ попался и всѣхъ за нимъ привлекли. Потомъ стали изслѣдовать, съ кѣмъ и эти люди знакомы, и тѣхъ тоже привлекли...

Она широко открыла глаза, сама пораженная нарисованной ею колоссальной картиной привлеченій, и перевела духъ.

— Потомъ пять лѣтъ такъ-то всѣхъ привлекали! Вотъ какіе это люди!

— За Марью Николаевну нужно опасаться,—осторожно замѣтилъ Томиловъ.

— Развѣ Марью Николаевну можно удержать отъ чего-нибудь, когда ея отецъ самъ далъ ей волю!—желчно воскликнула старшая Ададурова.

— Что? Волю дали? Кому опять дали волю?—переспросила, встревожившись, глухая сестра.

— Мари!—отвѣтила старшая.

— А! Мари! Замужъ надо выдать, вотъ и не будетъ воли!

— Ахъ, я готова хоть сейчасъ уѣхать въ Москву, чтобы подальше отъ него!—пугливо сказала средняя сестра.—И Мари тамъ будетъ въ безопасности!..

Даже самъ Алексѣй Ивановичъ, отмахивавшійся руками, когда заговаривали о «политикѣ», то-есть о чемъ бы то ни было, не касавшемся прямо его личнаго хозяйства,—даже онъ замѣтилъ какъ-то племяннику:

— Егорушка, ты остерегайся!

— Чего, дядя?

Алексѣй Ивановичъ развелъ руками.

— Такъ, остерегайся!.. Чортъ его знаетъ чего, а все же береженаго и Богъ бережетъ... Вотъ о тебѣ всѣ говорятъ.

— Что говорятъ?

— Да я-то почемъ знаю! А говорятъ!.. Нынче такія времена, что опасно, если про человѣка говорятъ... И что тебѣ за сласть, если говорить будутъ?..

Digitized by Google

— Да вѣдь не могу же я запретить...
— Такъ-то такъ, а все же.
Старикъ махнулъ рукой.
— Прохвосты нынче люди!

II.

До Марьи Николаевны доходила тоже значительная часть этихъ безконечныхъ толковъ.

Она невольно задумывалась о Мухортовѣ. Что это за странный человѣкъ: онъ не сдѣлалъ ни одного шага, чтобъ поискать ея руки для поправленія своихъ дѣлъ; онъ хладнокровно потерялъ бо́льшую часть своего имѣнія; онъ оставался веселымъ, когда всѣ смотрѣли на него, какъ на несчастнаго разореннаго человѣка. Иногда въ ея душѣ поднималось противъ него чуть не враждебное чувство, точно онъ лично ей нанесъ глубокое оскорбленіе, не посватавшись за нее. Порою она вдругъ горячо вступалась за него въ обществѣ и говорила, что это единственный честный человѣкъ, встрѣченный ею въ жизни. То ей становилось до слезъ досадно на то, что она думаетъ о немъ, то ей страстно хотѣлось увидать его, сдружиться съ нимъ, заглянуть въ его душу. Эта двойственность душевнаго настроенія выводила ее изъ себя, и она вымещала свое раздраженіе на своемъ женихѣ. Онъ рѣшительно не зналъ, какъ угодить ей, какъ попасть ей въ тонъ. Онъ, можетъ-быть, давно бы изнемогъ, усталъ отъ этой игры въ кошки и мышки, если бы она не была такой выгодной невѣстой. Изъ-за нея можно было перенести многое. Крупные призы на жизненной аренѣ вообще достаются не легко. Съ Мухортовымъ Марья Николаевна не встрѣчалась давно, и когда ей пришлось снова увидать его въ домѣ Алексѣя Ивановича, она совершенно смутилась. Егоръ Александровичъ раскланялся съ нею и тотчасъ же сталъ продолжать прерванный на мгновеніе ея приходомъ разговоръ о будущей охотѣ съ Павломъ Алексѣевичемъ. Ее почему-то раздражило это равнодушіе, точно она ждала, что Мухортовъ бросится къ ней съ распростертыми объятіями или, въ крайнемъ случаѣ, взволнуется, измѣнится въ лицѣ. Но Егоръ Александровичъ продолжалъ громко веселую болтовню со своимъ юнымъ двоюроднымъ братомъ, страстнымъ охотникомъ.

— За что это Егоръ Александровичъ дуется на меня?— вдругъ спросила она у двоюродныхъ сестеръ Егора Александровича.

Digitized by Google

— Какъ дуется?—воскликнули Зина и Люба.—Съ чего ты взяла?

— Даже не удостоилъ ни одного слова,—отвѣтила Марья Николаевна.—Впрочемъ, онъ теперь, говорятъ, драпируется своимъ геройствомъ и равнодушіемъ.

— Что ты выдумала, милочка! А вотъ мы его сейчасъ призовемъ къ исповѣди,—со смѣхомъ сказали барышни и крикнули:

— Егораша!

— Не надо! Не надо!—быстро вскрикнула Протасова, остановивъ ихъ въ смущеніи.

— Что?—отозвался Мухортовъ.

— Брось ты свои противные разговоры объ охотѣ. Иди сюда!—кричали кузины.

— Сейчасъ!—отвѣтилъ Егоръ Александровичъ и отошелъ къ барышнямъ.

— Ну, что вамъ?—спросилъ онъ.

— Вотъ Маша говоритъ...

Марья Николаевна раздражилась.

— Вы вѣчно глупите!—проговорила она.—Нельзя сказать ни слова... Это же неделикатно!.. Пора перестать наивничать!..

— Она говоритъ, что ты дуешься на нее,—пояснили Зина и Люба, не слушая ея замѣчаній.

— Я? Дуюсь?—онъ обернулся къ Марьѣ Николаевнѣ и проговорилъ:—За что же я могу дуться на васъ, я не понимаю...

— Ахъ, это онѣ все глупости говорятъ,—сказала она сконфуженно и тотчасъ же съ напускной бойкостью прибавила:—Впрочемъ, вы и не повѣрите имъ, зная, какъ я мало обращаю вниманія на то, какъ кто на меня смотритъ. Очень мнѣ это нужно!

— Вы вполнѣ правы, я это знаю,—коротко согласился онъ.

— И потомъ говоритъ, что ты рисуешься своими подвигами. Это ты-то!—не унимались молоденькія кузины.

— Подвигами? Какими?—спросилъ не безъ удивленія Егоръ Александровичъ и вопросительно, пристально взглянулъ на Марью Николаевну, ожидая отвѣта.

Она поблѣднѣла, какъ полотно; на ея глаза навернулись слезы отъ досады. Ей стоило не малаго труда, чтобы удержаться отъ крупной ссоры съ барышнями Мухортовыми. Она не отвѣчала ни слова. Ему стало жаль ея, но, тѣмъ не менѣе, онъ замѣтилъ ей съ упрекомъ, хотя мягко и ласково:

Digitized by Google

— Зачѣмъ вы повторяете чужіе толки, сознавая всю ихъ пошлость?

Марья Николаевна подняла на него полные слезъ глаза, какъ провинившаяся дѣвочка.

— Не сердитесь на меня,—сказала она задушевно и протянула ему руку.—Я сама не понимаю иногда, что со мной дѣлается... И зачѣмъ онѣ это вамъ сказали? Поссорить хотятъ съ человѣкомъ, который...

Она остановилась, точно поперхнувшись. Кузины Егора Александровича бросились ее цѣловать.

— Милочка, не сердитесь! Эта вѣдь шутка? Развѣ Егораша разсердился? Да онъ и не умѣетъ сердиться!

Егоръ Александровичъ спокойно замѣтилъ:

— Я не имѣю права сердиться на Марью Николаевну.

И, обращаясь къ Протасовой, онъ добавилъ:

— Мнѣ просто стало больно, что именно вы повторяете эти толки обо мнѣ.

Онъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ, и черезъ двѣ-три минуты непріятная сцена забылась. Къ Мухортовымъ пріѣхалъ кто-то изъ сосѣдей, и Егоръ Александровичъ совершенно неожиданно остался съ глазу на глазъ съ Протасовой. Она предложила ему пройтись по саду, видимо обрадованная возможностью поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей.

— Вы не сердитесь на меня?—спросила она его, идя съ нимъ по тѣнистой аллеѣ.

— Я? Что вамъ пришло въ голову, Марья Николаевна? Нисколько,—отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ казалось, что такъ... или если не сердитесь, то избѣгаете меня,—закончила она нерѣшительно.

— Въ послѣднемъ случаѣ вы, можетъ-быть, и правы,—сказалъ онъ.—Но въ этомъ ни я, ни вы не виноваты. Если ужъ пошло на откровенность, то надо договаривать все. Насъ съ вами поставили въ крайне неловкое и нелѣпое положеніе.

— Ну, вотъ глупости! Я знаю, о чемъ вы говорите!

— Вѣрьте мнѣ, что я не имѣлъ на васъ никакихъ видовъ. Я понималъ всю гнусность этихъ плановъ, составившихся безъ моего и безъ вашего вѣдома. Правда, была минута, когда я почти согласился. Но...

— Что?

— При встрѣчѣ съ вами я самъ устыдился за себя. И

почему?

улыбнулся.

Digitized by Google

— Съ одной стороны, мнѣ показалось, что я не сумѣю лгать именно передъ вами, съ другой,—я былъ убѣжденъ, что вы мнѣ прямо въ глаза скажете, что я лгу, и скажете это такъ, какъ не говорятъ въ такъ-называемомъ «обществѣ»—сгрубите...

Она молчала и о чемъ-то задумалась. Онъ продолжалъ тѣмъ же спокойнымъ и веселымъ тономъ:

— Впрочемъ, мнѣ и не удалось бы посвататься за васъ, если бы даже и вздумалъ, такъ какъ вы сами тотчасъ же отказались отъ меня, узнавъ о моихъ планахъ.

— Да, мнѣ стало такъ больно, больно, когда я узнала, что даже вы ищете моей руки, не любя меня,—горячо проговорила она.

Она взглянула на него полнымъ нѣжности взглядомъ.

— Вы единственный человѣкъ, съ которымъ мнѣ такъ хорошо,—просто проговорила она.—Это странно, но мнѣ кажется, что мы были друзьями съ дѣтства, точно вы мой старшій братъ. И вдругъ вы бы стали свататься за меня!.. Это было бы низко!.. Нѣтъ, нѣтъ, я такъ тогда разсердилась, точно это разрушало мои лучшія вѣрованія...

— Увлекающійся вы человѣкъ!—улыбнулся Егоръ Александровичъ.—Ваши вѣрованія въ меня составились по двумъ свиданіямъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она:—даже не по двумъ свиданіямъ, а просто какъ-то по чутью. Въ обѣ наши первыя встрѣчи мы даже не поговорили толкомъ... Впрочемъ, о васъ мнѣ много говорили до вашего пріѣзда...

— И, конечно, все только хорошее,—прибавилъ Егоръ Александровичъ.—Вѣдь меня прочили въ женихи, и васъ нужно было подкупить...

— Нѣтъ, я знаю, что о васъ говорили правду!

— Обо мнѣ, говоря правду, можно было сказать одно: это добрый человѣкъ, потому что ему не съ чего быть злымъ; это честный человѣкъ, потому что ему нѣтъ нужды быть безчестнымъ. Это еще не великія заслуги, Марья Николаевна. Ими отличается, или, вѣрнѣе сказать, можетъ отличаться большинство сильныхъ міра. Злоба и безчестность въ богатыхъ и сильныхъ—это аномалія, уродство. Правда, эта аномалія встрѣчается часто, но все-таки аномалія... Я ею не страдалъ, я не былъ ни злымъ, ни безчестнымъ. А вотъ теперь, когда я стою на порогѣ къ дѣлу, къ добыванію хлѣба, я самъ въ своихъ глазахъ оказываюсь вполнѣ несостоятельнымъ.

Digitized by Google

Онъ заговорилъ о томъ, что̀ его теперь тревожило и волновало. Читая и учась много, онъ менѣе всего готовился быть сельскимъ хозяиномъ. Присматриваясь теперь къ хозяйству дяди и окрестныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, онъ началъ приходить къ заключенію, что онъ никогда не будетъ вообще хозяиномъ. Тутъ нужно быть кулакомъ, эксплоататоромъ отчасти, чтобы подешевле добыть рабочихъ, чтобы заставить ихъ работать неустанно, чтобы держать ихъ въ страхѣ. Тогда получатся и барыши.

— Можетъ-быть, даже и въ настоящее переходное время есть другой путь для того, чтобы не обижать ни другихъ, ни себя,—прибавилъ онъ:—но этого пути я еще не вижу совсѣмъ; знаній у меня, можетъ-быть, для этого нѣтъ. Идти же общимъ путемъ, то-есть знать, что каждый лишній грошъ нужно выжимать изъ ближнихъ, что благосостояніе надо сколачивать изъ чужихъ пота и крови, для этого—не скажу, что я для этого слишкомъ мягокъ, добръ и честенъ, нѣтъ,—бѣлоручка я слишкомъ для этого покуда...

— Для чего вы стараетесь умалить свои достоинства?—спросила она.

— Да еще самъ я не вижу ихъ,—просто отвѣтилъ онъ.—Вонъ, въ первую минуту разоренія, согласился же жениться по расчету и отказался отъ этой подлости вовсе не по личной добродѣтели. Я же это отлично сознаю и вовсе не желаю скрывать отъ себя. Играть въ прятки и въ жмурки съ самимъ собою это значитъ—самому тащить себя въ омутъ паденія... Потомъ въ моей жизни была ошибка...

Онъ вдругъ оборвалъ рѣчь и потомъ закончилъ:

— Въ душѣ каждаго изъ насъ, право, столько прирожденной, наслѣдственной или усвоенной дрянности, что кичиться своими добродѣтелями вовсе не приходится. Правда, кодексъ нравственности намъ всѣмъ извѣстенъ чуть не съ пеленокъ, да толку-то въ этомъ немного. Мы говоримъ великія фразы и творимъ мелкія подлости...

— Или ничего не дѣлаемъ, какъ я, да и всѣ барышни вообще,—добавила она со вздохомъ.

— Да, кстати!—сказалъ онъ серьезно.—Неужели вамъ не надоѣстъ эта праздность?

— А что же дѣлать?

— Ну, не хотите благотворить, учить крестьянскихъ ребятишекъ, посѣщать бѣдныхъ, какъ дѣлаютъ разныя барышни и барыни, такъ учитесь. Вѣдь выйдете же вы когда-нибудь замужъ. Подготовьте себя хоть къ этому...

Digitized by Google

— То-есть какъ?

— Да хоть подготовьтесь къ тому, чтобы быть хорошей подругой мужу, а, главное, хорошей матерью. Я почти согласенъ съ вами, что быть благотворительницей, это значитъ—брать съ бѣдняковъ рубль и давать другимъ бѣднякамъ грошъ, что быть работающей женщиной, имѣя средства, это значитъ—отбивать хлѣбъ у другихъ. Это почти такъ.

— Какъ почти?

— Да вѣдь есть же отрасли труда, гдѣ можно работать, не отбивая хлѣба. Вотъ, женщина-врачъ, имѣющая хорошій достатокъ. Развѣ она отобьетъ у кого-нибудь кусокъ хлѣба, лѣча безплатно бѣдныхъ? Врачей мало, и на всѣхъ хватитъ работы, да къ тому же бѣдняки, идущіе лѣчиться даромъ, за деньги не пошли бы лѣчиться. А школы? Развѣ безплатная школа отобьетъ хлѣбъ у учителей? Учителей и учительницъ мало, и мѣсто всегда имъ найдется. Вообще, я многое и многое могъ бы возразить и противъ вашего взгляда на благотворительность. Вѣдь благотворить можно, и не сдирая шкуры съ другихъ, а отказывая себѣ въ тѣхъ излишествахъ, которыхъ такъ много въ жизни людей нашего круга... Но если вы съ этимъ не согласны, то должны же вы согласиться, что быть хорошей, разумной матерью лучше, чѣмъ быть такою матерью, какія встрѣчаются въ нашемъ кругу сплошь и рядомъ. Вы сами замѣтили мнѣ, какъ тяжело вамъ было расти безъ матери. Повѣрьте, что вамъ было бы хуже, если бы вы росли, имѣя дурную мать. Не имѣть матери, это—горе, имѣть дурную мать, это—глубокое несчастіе. А для этой подготовки нужно не мало работать... Не сердитесь, что я даю вамъ совѣты, но мнѣ, право, просто обидно за васъ, что вы...

Онъ остановился.

— Что же вы не кончаете?—спросила она.

— Изломались вы ужасно,—мягко замѣтилъ онъ.

— То-есть какъ это?

— Да такъ: капризничаете, привередничаете, напускаете на себя то искусственную развязность, то неестественную хандру.

— Такъ вы думаете, что это все напускное?—воскликнула она, съ дѣтскимъ ужасомъ всплеснувъ руками.

— Да! Безъ умысла напускаете, а все же... Вотъ знаете, это съ нашимъ братомъ бываетъ: подкутишь немного, а кажешься пьянымъ, и до того это доходитъ, что не только другіе думаютъ, а и самъ убѣждаешься, что пьянъ.

Digitized by Google

Она расхохоталась.

— Вотъ нашли сравненіе!

Онъ тоже разсмѣялся.

— Простите,—какое подвернулось подъ руку. Я вѣдь не особенно находчивъ...

Она задумалась и, какъ бы про себя, проговорила:

— Такъ вы меня изломанной считаете... Вотъ я никакъ не думала... Мнѣ этого никто никогда не говорилъ... Напускаю...

Она очнулась и сказала:

— Не мудрено, что вы такъ испугались, увидавъ, на комъ васъ хотятъ женить!

— О!—воскликнулъ онъ.—Вѣрьте...

Она взглянула на него яснымъ, дѣтскимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я шучу!—торопливо сказала она.—Мнѣ было бы больно думать, что вы не можете быть моимъ другомъ.

Она порывисто и крѣпко сжала его руку.

Онъ какъ будто впервые былъ пораженъ красотою ея лица...

Давно не проводилъ Егоръ Александровичъ времени такъ, какъ въ этотъ день. Онъ былъ крайне оживленъ и безотчетно веселъ. Это же настроеніе охватило и Марью Николаевну. Ни на минуту она не впала ни въ одну изъ своихъ крайностей и была проста, почти наивна.

Подъ вечеръ, двоюродный братъ и двоюродныя сестры Егора Александровича замѣтили, между прочимъ, что они собираются къ нему завтра.

— А меня вы и не приглашаете?—спросила Марья Николаевна.

— Я, Марья Николаевна, живу теперь безъ матери, по-холостому,—отвѣтилъ Егоръ Александровичъ, въ смущеніи.

— Такъ что же?—съ удивленіемъ спросила она.

— Вамъ неудобно,—въ еще большемъ замѣшательствѣ сказалъ онъ.

— Ихъ же вы принимаете?

— Мы же родные...

— Ну, а я приду въ качествѣ вашего друга! Или вы все еще сердитесь? Не грѣхъ ли быть такимъ злопамятнымъ!

Она ласково взглянула на него. По ея глазамъ было видно, что она была вполнѣ убѣждена, что онъ не сердится на нее.

— Нѣтъ, полноте, будемъ друзьями! Вы представить не можете, какъ я рада, что я нашла такого простого чело-

Digitized by Google

вѣка, какъ вы!—проговорила она искренно и просто.—Мнѣ такъ хорошо съ вами, точно со старшимъ братомъ.

Онъ самъ не понималъ, отчего у него горитъ лицо. Эта дѣвушка пробуждала въ немъ теперь невѣдомыя ему чувства. Ему хотѣлось быть съ нею, спорить съ нею, журить ее, высказывать ей свои помыслы. Этого онъ еще не испытывалъ при встрѣчахъ съ другими женщинами. Онъ сознавалъ, что съ нею онъ могъ бы быть точно съ товарищемъ, другомъ. Но развѣ это можно? Что будутъ говорить люди, если онъ сдружится съ нею, если она будетъ ходить къ нему? Это ей пришло въ голову только потому, что она слишкомъ чиста душою, но вѣдь другіе будутъ подозрѣвать ее Богъ вѣсть въ чемъ, видя ее съ нимъ. Онъ осторожно замѣтилъ ей:

— Марья Николаевна, мы здѣсь живемъ не одни, берегитесь толковъ.

— Какихъ?—съ изумленіемъ спросила она.—Отчего же я не могу подружиться съ вами, съ кѣмъ-нибудь другимъ? Вонъ я его Павликомъ зову, что-жъ изъ этого?

Она указала глазами на Павла Алексѣевича.

— Что же тутъ дурного?

Егоръ Александровичъ смутился и не могъ ничего отвѣтить. Она дѣйствительно не только звала Павла Алексѣевича Павликомъ, но брала его шутливо за подбородокъ, трепала по розовымъ щекамъ, со смѣхомъ замѣчая: «смотрите, какая милая мордочка!» И ни Павлику, ни его сестрамъ, ни Алексѣю Ивановичу, ни Антонидѣ Павловнѣ это не казалось неприличнымъ. Это вызывало только общій смѣхъ. Мало того, Павликъ ни разу не вообразилъ, что Марья Николаевна его любитъ, что онъ можетъ ухаживать за ней. И въ то же время что-то непонятное для самого Егора Александровича подсказывало ему, что между нимъ и Марьей Николаевной эти отношенія невозможны. Почему же? Вѣдь для него было бы истиннымъ счастіемъ найти здѣсь друга, настоящаго друга, способнаго понимать его надежды и опасенія, спасать его отъ тоски и пустоты одиночества.

— Что же, вы все еще колеблетесь?—допрашивала она.—Что скажутъ? А вамъ будетъ тепло или холодно отъ этого? И кто скажетъ? Мои тетушки? Мой женихъ? Графы Слытковы?

Она засмѣялась и шаловливо спросила, ласково и добродушно заглядывая въ его лицо:

— Придти?

Digitized by Google

— Милости просимъ,—отвѣтилъ онъ, невольно улыбаясь ей, какъ милому, избалованному ребенку.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Перебирая бумаги, Егоръ Александровичъ случайно открылъ одну изъ старыхъ тетрадей и зачитался. Это былъ его дневникъ. Пріучая его отдавать отчетъ въ каждомъ поступкѣ, въ каждой мысли, Жеромъ Гуро побудилъ его когда-то вести дневникъ.

— Человѣкъ—порочное и полное всякихъ недостатковъ созданіе,—говорилъ своимъ обычнымъ дидактическимъ, хотя и мягкимъ тономъ старикъ:—и при этомъ онъ всегда склоненъ къ фарисейству, къ самообману. Отдавать себѣ отчетъ въ своихъ помыслахъ и поступкахъ, отдавать его письменно,—это крайне полезно въ нравственномъ отношеніи. Записывая все, что ты думаешь и дѣлаешь, ты, можетъ-быть, не разъ покраснѣешь за себя. Изложить на бумагѣ всѣ тѣ низкія, пошлыя или преступныя мысли, которыя бродятъ въ головѣ, это не легко, это—почти подвигъ, вызывающій краску стыда. Но этотъ стыдъ полезенъ. Это исповѣдь передъ собою, и ея значеніе важнѣе всего для человѣка, для его саморазвитія, для его самоусовершенствованія. Кромѣ того, если бы хотя извѣстная часть людей вела подобные дневники безъ лжи и безъ утайки,—наука, а значитъ и человѣчество много выиграли бы. Эти дневники пролили бы свѣтъ на человѣческую душу.

Мальчуганъ увлекся этою мыслью и сталъ ежедневно исповѣдываться предъ самимъ собою. Долго онъ записывалъ въ свой дневникъ всѣ мелочи, всѣ ребяческіе проступки, промахи. Потомъ, пребываніе въ кавалерійскомъ училищѣ, жизнь въ полку, свѣтскія развлеченія заставили его все рѣже и рѣже вносить отчеты о себѣ въ эту тетрадь, и, наконецъ, она забылась совсѣмъ. Теперь, случайно найдя ее между другими бумагами, Егоръ Александровичъ невольно зачитался ею, задумался надъ этими листками, начатыми невѣрнымъ дѣтскимъ почеркомъ и оконченными твердымъ почеркомъ мужчины. Перелистывая ее, онъ могъ сразу замѣтить не только то, какъ окрѣпъ его почеркъ, но и то, какъ, мало-по-малу, исчезали грамматическія ошибки, какъ отъ исповѣди о невыученномъ по лѣности урокѣ и отъ признанія въ томъ, что онъ послѣ обѣда допилъ оставшійся въ чьей-то рюмкѣ ликеръ, онъ перешелъ къ вопросамъ о Гамлетѣ и Донъ-Кихотѣ послѣ прочтенія статьи Тургенева и писалъ:

Digitized by Google

«Неужели же теоретики-Гамлеты вѣчно будутъ убивать только случайно Полоніевъ, когда имъ хочется поразить преступнаго короля? Неужели же дѣятели-Донъ-Кихоты будутъ всегда сражаться только съ вѣтряными мельницами и со стадами барановъ, принимая ихъ за враговъ? Неужели вѣчно плодами и разъѣдающихъ сомнѣній, и неизсякаемой жажды дѣятельности будутъ—самообманъ, промахи, осѣчки?.. Или точно единственный дѣятель, достигающій цѣли, это слѣпая судьба, безсмысленный рокъ? Кто придетъ къ этому убѣжденію, тому не для чего жить».

Цѣлыя страницы изъ этого времени посвящаются въ дневникѣ уже не признаніямъ въ лѣни, въ непослушаніи, въ дѣтскихъ шалостяхъ, а мучительнымъ сомнѣніямъ, вызываемымъ тѣмъ или другимъ вопросами.

Особенное вниманіе Егора Александровича остановила теперь одна страничка, написанная въ одинъ изъ пріѣздовъ его въ деревню, когда ему было лѣтъ семнадцать. Онъ писалъ:

«Сегодня утромъ я забрелъ въ нашъ родной лѣсъ, и меня охватило какое-то отрадное чувство бодрости, здоровья, силы, какъ будто у меня внезапно расширилась грудь, и сдѣлалось глубже дыханіе. «Здорово, родной!» невольно проговорилъ я, и на мгновеніе мнѣ показалось, что онъ, этотъ столѣтній старецъ, смотритъ на меня съ улыбкой и шепчетъ: «Ишь, какъ выросъ». Мнѣ хотѣлось и пѣть, и смѣяться, и обнять эти деревья, прильнуть къ нимъ губами. Мнѣ было только грустно, что со мной не было теперь Жерома, моего милаго, незабвеннаго старца... Вечеромъ, придя домой усталый, я прилегъ и взялъ Тургенева. Мнѣ хотѣлось заглянуть въ его «Поѣздку въ Полѣсье». Боже мой, какія различныя ощущенія пробуждаютъ въ людяхъ одни и тѣ же явленія, одни и тѣ же предметы! Тургеневъ пишетъ: «Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо—и при видѣ его глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣчной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанія молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ—вся душа его никнетъ и замираетъ; онъ чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли—и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ, онъ чувствуетъ

Digitized by Google

свое одиночество, свою слабость, свою случайность — и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ: здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значеніе и въ свою силу». Нѣтъ, никогда, никогда не пробудитъ во мнѣ подобнаго чувства природа уже потому, что я сознаю себя ея царемъ, сознаю себя выше ея. Мнѣ стоитъ захотѣть, и эти болота сдѣлаются плодоносными нивами; мнѣ стоитъ захотѣть, и этотъ столѣтній лѣсъ падетъ къ моимъ ногамъ, подрубленный подъ корень! Она не принижаетъ моей мысли, она не говоритъ мнѣ о моемъ ничтожествѣ; она, напротивъ того, напоминаетъ мнѣ о моей силѣ: великая, безсмертная, она рабыня человѣка, и онъ можетъ заставить ее служить ему. Мнѣ кажется, что, смотря только такъ на природу, мы можемъ идти впередъ, въ противномъ же случаѣ мы обречемъ себя на вѣчное нытье, на вѣчное тунеядство, на вѣчную покорность законамъ природы. Законы природы! Развѣ они не одинаково вліяютъ на людей въ извѣстной мѣстности, а между тѣмъ въ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностяхъ бокъ-о-бокъ развиваются нищіе и богачи, неудачники и счастливцы, и все въ ихъ жизни зависитъ отъ меньшей или большей степени умѣлости, способности развиваться, геніальности человѣка».

Надъ этими вспышками страстнаго юношескаго стремленія—стать выше рока, природы, невѣдомыхъ силъ, невольно задумался теперь Егоръ Александровичъ. Въ немъ и теперь жило это стремленіе,—стремленіе создать изъ себя человѣка-бойца, способнаго помѣряться съ судьбою. Эта струнка звучала въ немъ всего сильнѣе...

Затѣмъ дневникъ вдругъ обрывается. Егоръ Александровичъ припомнилъ то время, когда дневникъ оборвался: это было время, когда его старались превратить въ свѣтскаго человѣка, въ хорошаго кавалериста. Онъ сталъ припоминать это время, и ему досадно было, что онъ не велъ тогда дневника. Дневникъ разсказалъ бы ему день за днемъ все то, что онъ видѣлъ, пережилъ, передумалъ. Теперь было бы трудно заполнить этотъ пробѣлъ, припомнить всѣ мелочи, вліявшія такъ или иначе на характеръ, на складъ убѣжденій, на тѣ или другіе поступки. Сколько разъ пришлось бы ему покраснѣть, читая эти страницы! А споры съ друзьями-студентами въ послѣдніе два года,—споры объ общественныхъ вопросахъ, объ общемъ благѣ, о политикѣ, о средствахъ борьбы противъ разныхъ золъ? А страстное исканіе

Digitized by Google

разрѣшенія тысячи сомнѣній у разныхъ ирвингіанцевъ, пашковцевъ, умныхъ или глупыхъ искателей духовной пищи, душевной гармоніи? Сколько интереснаго нашелъ бы онъ теперь въ отчетахъ о нихъ! Онъ невольно пожалѣлъ о томъ, что забросилъ привычку записывать все происходящее съ нимъ и въ немъ. У него снова явилось желаніе продолжать этотъ прерванный дневникъ. Но, взявъ перо, онъ задумался. О чемъ говорить ему теперь, когда жизнь течетъ такъ однообразно? Какъ-то машинально началъ онъ писать:

«3 августа 187... г. Одиночество и скука, вотъ два слова, преслѣдующія меня теперь вездѣ и всюду. Я чувствую, что я выбитъ изъ колеи и не могу еще найти своего пути. Когда-нибудь, вѣроятно, я найду его. Но когда? Вотъ вопросъ. Быть-можетъ, тогда, когда будетъ уже поздно. Теперь я сознаю одно, что здѣсь мнѣ не ужиться. Я ясно сознаю, что сельскимъ хозяиномъ, да и вообще хозяиномъ, мнѣ не быть. Нѣтъ у меня на это способностей, претитъ мнѣ кулачество. Я, должно-быть, изъ тѣхъ, которые ѣдятъ мясо, но никогда не рѣшатся сами убить быка. Меня тянетъ въ столицу, въ университетъ, къ каѳедрѣ, въ водоворотъ мыслящей молодежи. Весь вопросъ сводится къ тому, какъ устроиться съ Полей? Везти ее съ собою, со всею ея родней— у меня нѣтъ ни средствъ, ни охоты. Ѣхать съ нею вдвоемъ? Какую роль будетъ она играть при мнѣ? Жена? Любовница? Помѣститься вмѣстѣ на отдѣльной квартирѣ? Переѣхать вмѣстѣ въ chambres garnies? Жить отдѣльно? Я ничего покуда не могу сообразить. Мы стоимъ въ какомъ-то ложномъ положеніи. Между нами нѣтъ ничего общаго, кромѣ ласкъ. Нужно же въ этомъ сознаться прямо и честно! Она вовсе не заглядываетъ въ мой душевный міръ, какъ я не заглянулъ бы въ книгу, написанную на невѣдомомъ мнѣ языкѣ; я тоже стараюсь не заглядывать въ ея душевный міръ, потому что меня пугаетъ его бездонная пустота. Я никогда не предполагалъ, чтобы могло быть существо, не мучащееся ни однимъ сомнѣніемъ, не имѣющее ни одного желанія, не интересующееся ни однимъ вопросомъ. Всматриваясь въ нее, я вижу, что такое существо можетъ быть. Для нея я—все. Но она даже представить не можетъ, что ея богъ можетъ утомиться отъ вѣчныхъ славословій, что ея священная икона можетъ слинять отъ вѣчныхъ поцѣлуевъ, что у ея идола могутъ быть и другія душевныя стороны, кромѣ любви къ ней. Она молится на меня, не уставая, и хочетъ, чтобы я не уставалъ слушать ея молитвословія. Она утомляетъ меня,

Digitized by Google

подавляетъ меня, раздражаетъ меня иногда своими ласками, и если я осторожно и мягко пробую выяснить это—ея лицо покрывается смертельной блѣдностью, глаза наполняются слезами, и она пугливо шепчетъ: «простите меня, голубчикъ, не сердитесь», и на мои губы, на мои руки, на мои глаза сыплются снова страстные поцѣлуи. Это ея единственный языкъ, единственное краснорѣчіе. Имъ она прощаетъ, имъ она вымаливаетъ прощеніе. Недавно я разсказалъ ей, сколько мнѣ пришлось перенести сценъ съ матерью за послѣднее время,—она бросилась цѣловать меня, чтобы утѣшить за огорченія. На-дняхъ я разсказалъ ей, какъ страшно положеніе нашихъ бывшихъ крестьянъ,—она бросилась меня цѣловать, восхищаясь моей добротой. Ни на секунду не задумалась она о характерѣ моей матери, ни на секунду не задумалась она о нуждахъ народа. Все заслонено отъ нея мною. Должно-быть, въ древнихъ теремахъ вырабатывались иногда такія личности. Она тоже выросла въ теремѣ, вспоенная, вскормленная вдали отъ всякихъ заботъ, волненій, нуждъ, для того, чтобы сдѣлаться вещью мужчины. Иногда я бѣшусь на нее, иногда какъ бы покоряюсь безропотно своей судьбѣ, зная, что и бѣшенство, и покорность вызовутъ одинъ результатъ—ласки. Я радуюсь, что она готовится сдѣлаться матерью. Можетъ-быть, ребенокъ будетъ ея спасителемъ, зародитъ въ ней новаго человѣка—любящую мать...»

«4 августа. Вчера меня на полусловѣ прервала Марья Николаевна. Она вторгнулась ко мнѣ съ шумомъ и гамомъ вмѣстѣ съ Зиной, Любой и Павликомъ. Вотъ тоже странное существо! Марья Николаевна—это умный деревенскій паренекъ, нахватавшійся притомъ и книжныхъ фразъ отъ какого-то захожаго семинариста или проѣзжаго барина. Не ждите отъ этого паренька манеръ, но у него есть своя грація даже тогда, когда онъ вынетъ руки изъ рукавовъ рубахи и сложитъ ихъ на груди подъ нею; онъ знаетъ такія скверныя слова, что становится жутко за его развращенность, и можетъ остаться дѣвственнымъ вплоть до своей женитьбы не только физически, но даже по мысли, ни на минуту не обращая вниманія на сальныя картины, не представляя въ своемъ воображеніи сальныхъ образовъ; у него масса практическаго смысла, практическихъ познаній о нуждѣ, кулачествѣ, пьянствѣ, трудѣ, и въ то же время его можетъ провести первый встрѣчный питерщикъ, навострившійся во всякомъ ганьбѣ, не моргнувъ глазомъ; прибавьте къ этому ко-

Digitized by Google

мическое щегольство неизвѣстно гдѣ подхваченными фразами и безпредѣльную, безсознательную, хватающую за сердце тоску о лучшей, совершенно невѣдомой ему долѣ,—вотъ какъ мнѣ представляется эта дѣвушка. Это, кажется, совершенно новый, невиданный мною нигдѣ донынѣ типъ. Я ее какъ-то назвалъ изломанной, теперь я сознаюсь въ своей ошибкѣ. Она—цѣльный человѣкъ, сотканный изъ кажущихся противорѣчій. И странное дѣло: чѣмъ болѣе сближаюсь я съ нею нравственно, тѣмъ болѣе сознаю, что изломанъ болѣе я, чѣмъ она, что у меня есть заднія мысли, которыхъ нѣтъ у нея. Павликъ—мой милый Павликъ—относится къ ней прямѣе. Меня смущаетъ ея фамильярность въ обращеніи со мною; а онъ, когда она треплетъ его по щекамъ или цѣлуетъ при всѣхъ, только смѣется и подставляетъ ей щеки и губы, точно она не дѣвушка, а такой же откормленный мальчуганъ, какъ онъ самъ. Сегодня она растрепала мои волосы и сказала, что она ужасно любитъ, когда я смотрю такимъ вахлакомъ. Мнѣ стало сразу смѣшно, но черезъ минуту я замѣтилъ ей: «Полноте, зачѣмъ эти шутки! Развѣ мы дѣти!» Но отчего же и не быть дѣтьми хоть на минуту? Или ужъ такъ далеко отъ меня чистое, непорочное дѣтство? Когда она ушла, ко мнѣ пришла Поля и замѣтила: «Ну, ужъ барышня, лѣзетъ на шею мужчинамъ». Я съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Что это? Чувство ревности, или и Поля уже потеряла способность быть ребенкомъ, понимать ребяческія выходки?..»

«5 августа. Ходилъ нынче побродить съ ружьемъ и случайно, верстъ за пять отъ дома, повстрѣчалъ на дорогѣ старика-крестьянина. Онъ отдыхалъ, присѣвъ у опушки лѣса, и глодалъ кусокъ хлѣба.

— Откуда, старина?—спросилъ я его.

— Мы не здѣшніе, изъ другого уѣзда,—отвѣтилъ онъ.

Я подумалъ, что это нищій.

— А сюда-то какъ попалъ?

— Къ сыну ходилъ,—отвѣтилъ онъ.—Кобыла у насъ, значитъ, пала... Сдумали новую лошадь купить, сходно продаютъ тутъ по сусѣдству... За деньгами къ сыну ходилъ... Въ работникахъ онъ тутотка... Можетъ, знаешь, у Алексѣя Ивановича Мухортова господина...

Я сказалъ, что слышалъ объ Алексѣѣ Ивановичѣ.

— Какъ не слыхалъ... Всѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ знаютъ...

— Что-жъ, развѣ онъ ужъ такой богатый?

— Первый хозяинъ по здѣшнимъ мѣстамъ. Наймись къ

Digitized by Google

нему работать, такъ семь потовъ съ тебя сгонитъ. Самъ, словно кубарь какой, по полю катается, даромъ что коротконогій. Только и слышишь: «ну, ребята, дружнѣе!» «Чего, ребята, зазѣвались?» А чего зазѣвались: руками ужъ народъ не владаетъ, а онъ все: ну, да ну! И прижать на расчетѣ мастеръ; начнетъ считать тамъ прогулъ, тутъ штрафъ, того и гляди, у него въ долгу останешься. Зато и дѣла дѣлаетъ!

— А вы бы къ нему не шли?

— Толкуй! Хлѣба-то захочешь—пойдешь! Еще какъ пойдешь-то, самъ накланяешься, какъ животы подведетъ: возьми, молъ, сдѣлай божескую милость...

Старикъ съ полчаса пробесѣдовалъ со мною о дядѣ Алексѣѣ и о другихъ здѣшнихъ хозяевахъ. Въ сущности всѣ на одинъ ладъ. Между прочимъ старикъ замѣтилъ:

— А тоже распусти вожжи — по-міру пойдешь. Народъ нынче балованный. Извѣстно, воля! Пакостникъ сталъ человѣкъ...

И онъ сталъ пространно говорить на эту тему, давно знакомую мнѣ, такъ какъ эта тема—излюбленный предметъ разговоровъ и дяди, и Протасова, и большинства здѣшнихъ хозяевъ. Слушая всѣ эти толки, я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что я хозяйничать не буду, не могу. Скорѣй бы вырваться отсюда...»

«6 августа. Странный разговоръ былъ у меня сегодня съ Марьей Николаевной. Я и теперь не совсѣмъ еще опомнился отъ него. Онъ выяснилъ мнѣ многое изъ моихъ отношеній къ Полѣ, — многое, на что я какъ-то не обращалъ серьезнаго вниманія. Зина и Люба все разсказали Марьѣ Николаевнѣ, и она совершенно неожиданно спросила меня:

— Отчего вы не познакомите меня со своей Полей?

Я почувствовалъ, что я покраснѣлъ. Я не ожидалъ, что ей разскажутъ все, и не предупредилъ, чтобы не говорили.

— Она простая дѣвушка,—сказалъ я въ смущеніи.

— Такъ что-жъ такое? Вы же живете... Ну, вы вѣдь все равно, что мужъ и жена.

— Мы даже не обвѣнчаны,—отвѣтилъ я.

— Не все ли равно, законный или гражданскій бракъ?

— О, далеко не все равно,—со вздохомъ отвѣтилъ я.

— Какъ не все равно? Если вы любите другъ друга?.. Вѣдь ей же скучно быть всегда одной?

— Что-жъ дѣлать? Я не могу ее ввести въ кругъ своихъ знакомыхъ и родныхъ... по крайней мѣрѣ, здѣсь...

Digitized by Google

— Да отчего же вы не хотите знакомить съ ней тѣхъ, кто самъ хотѣлъ бы познакомиться съ ней? Она вѣдь молодая, мы могли бы сойтись...

— Ей самой неловко будетъ съ вами...

— Это отчего?

Я смутился еще болѣе, не зная, что сказать.

— Она же будетъ чувствовать неравенство съ вами... неловкость... она человѣкъ другихъ понятій,—отвѣтилъ я.

Она какъ будто удивилась.

— Такъ развѣ она такъ и проживетъ всю жизнь... одна?—спросила она въ недоумѣніи.

— Нѣтъ... потомъ... Я разовью ее... пріучу...

Я совсѣмъ растерялся. Я такъ мало заботился объ этомъ покуда!

— Такъ вы ее учите? Занимаетесь съ нею? Чѣмъ?

— Всѣмъ понемногу,—солгалъ я, стыдясь признаться, что я почти не занимаюсь съ Полей, не могу заниматься.

— Я думаю, вамъ это очень пріятно. Должно-быть, весело слѣдить, какъ поднимается, развивается любимый человѣкъ. Она, должно-быть, васъ очень, очень любитъ?

— О, да,—воскликнулъ я.—Это добрая, преданная душа!

Она вздохнула.

— И вы, не добрый, не хотите меня свести съ нею!.. Ну, право же, я полюбила бы ее, какъ сестру... Вѣдь дружна же я съ моей Марѳушей, а та и совсѣмъ примитивный человѣкъ... Такія, право, лучше, цѣльнѣе насъ...

Я поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Но онъ глубоко запалъ мнѣ въ душу. Въ самомъ дѣлѣ, на что я надѣюсь въ будущемъ относительно Поли? Не можетъ же она остаться вѣчно такой неразвитою, нельзя же вѣчно прятать ее отъ людей, стыдясь за ея невѣжество? Или я точно смотрю на нее только какъ на любовницу, отъ которой, когда она наскучитъ, можно уйти, жениться на другой? Нѣтъ, нѣтъ, я долженъ употребить всѣ усилія, чтобы развить ее, поднять до себя, сдѣлать достойной занять въ моемъ домѣ мѣсто жены и хозяйки, за которую я не краснѣлъ бы ни передъ кѣмъ...»

«7 августа. У дяди праздновали день рожденія Любы. Народа набралось много, обѣдъ былъ очень оживленный. Какъ обыкновенно бываетъ на большихъ собраніяхъ, мелкія сплетни и будничныя дрязги передавались только шопотомъ, одинъ на одинъ, общій же разговоръ шелъ о всякихъ злобахъ дня, объ общественныхъ вопросахъ. Какъ послушаешь

Digitized by Google

всѣхъ этихъ людей — любого дѣлай министромъ, сажай въ парламентъ. И научились даже воспламеняться и страшныя слова пускать въ ходъ. Марья Николаевна и Павликъ, сидѣвшіе подлѣ меня, шопотомъ знакомили меня между тѣмъ съ біографіями ораторовъ: тотъ воръ, другой мошенникъ, третій шуллеръ, четвертый — битъ, хотя въ точности никто не можетъ сказать, за что его били и когда: тогда ли, когда онъ соблазнилъ чужую жену, чтобы обобрать ее, или тогда, когда онъ пустилъ по-міру опекаемыхъ имъ сиротъ, или тогда, когда онъ просто въ пьяномъ видѣ произвелъ дебошъ въ клубѣ. Я замѣтилъ Павлику:

— И охота всѣхъ этихъ негодяевъ принимать!

— А гдѣ же найти здѣсь лучшихъ?—спросилъ онъ. — Вонъ, Слытковы безукоризненно...

— Глупы,—докончилъ я съ улыбкой.

— И честности высокой,—досказалъ Павликъ...

И точно, гдѣ же взять этихъ честныхъ людей?..

Чѣмъ больше я присматриваюсь къ людямъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь въ томъ, что наше время—время двойственности по преимуществу, время крупныхъ умовъ и мелкихъ душонокъ, оглушительныхъ фразъ и беззвучныхъ обдѣлываній дѣлишекъ «подъ шумокъ», когда невольно удивляешься, узнавъ, что тотъ или другой современный «геній» не только не крадетъ носовыхъ платковъ и не подсматриваетъ въ чужія карты, но даже не беретъ крупныхъ взятокъ и не разворовываетъ общественныхъ суммъ. Теперь большинство—моралисты въ одну сторону, а въ другую кандидаты, если не на скамью подсудимыхъ въ окружномъ судѣ, то во всякомъ случаѣ въ участокъ для отеческаго репримanda и вытрезвленія. Научившись громить чужіе пороки, мы считаемъ себя освобожденными отъ обязанности слѣдить за своею собственною нравственностью. Въ этомъ, быть-можетъ, главное зло нашей эпохи всякихъ прелюбодѣевъ мысли на каѳедрахъ суда, школы, университетовъ, церкви, литературы... Пророки и апостолы нашего времени, эти друзья меньшей братьи, ѣздятъ на рысакахъ, пьютъ шампанское, бросаютъ горсти золота на женщинъ легкаго поведенія, и бѣднякъ, послѣ встрѣчи съ ними, такъ и остается при томъ убѣжденіи, что онъ встрѣтился, по крайней мѣрѣ, съ губернаторомъ, если не съ самимъ министромъ. Говоря о меньшемъ братѣ, они научились уже колотить себя въ грудь не хуже любой парижской актрисы съ бульварнаго театра, играющей въ мелодрамѣ жертву; встрѣтившись съ этимъ меньшимъ бра-

Digitized by Google

томъ лицомъ къ лицу, они прежде всего зажмутъ свой носъ надушеннымъ платкомъ, чтобы не слышать запаха трудового пота и нищенскихъ онучъ. Проповѣдники воды, пьющіе вино сами, гнѣздятся всюду! Это вѣра безъ дѣлъ, а такая вѣра всегда мертва. Говоря это, я, конечно, имѣю въ виду только интеллигенцію въ широкомъ смыслѣ слова, а не тѣхъ, кто ѣстъ хлѣбъ съ мякиной, пухнетъ отъ голода и покорно ложится подъ розги, сознавая, что и точно на немъ есть еще недоимки. Эти мысли все чаще и чаще приходятъ мнѣ въ голову. Я съ каждымъ днемъ сознаю все яснѣе, что это именно та дорожка, на которой легче всего споткнуться. Траписты повторяютъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ: memento mori—помни о смерти; мы должны бы повторять при встрѣчѣ другъ съ другомъ: medice, cura te ipsum — врачъ, исцѣлися самъ! Для насъ это тѣмъ нужнѣе, что у насъ нѣтъ почти никакого контроля, что нигдѣ не развита такъ сильно подлая терпимость, какъ у насъ. У насъ все еще человѣка бранятъ, а «всюду принимаютъ». Вотъ почему мы и не боимся стоять «въ поганой лужѣ»... По поводу этого мнѣ вспомнился одинъ случай. Я сидѣлъ въ концертѣ. Въ одномъ изъ антрактовъ къ моей матери и дядѣ Жаку подошелъ тучный и обрюзгшій, небрежно одѣтый баринъ.

— А я только-что изъ суда, сейчасъ кончилось колеминское дѣло,—сказалъ онъ дядѣ Жаку, пожимая ему руку. — Вообразите, Колеминъ почти сухъ вышелъ изъ дѣла. Это просто возмутительно.

По лицу дяди Жака скользнула странная усмѣшка.

— Чтобы другимъ повадно было,—отвѣтилъ онъ.

Когда старикъ отошелъ, моя мать спросила у дяди:

— Кто это?

— Развѣ ты не знаешь?

И дядя Жакъ назвалъ одну изъ громкихъ фамилій.

— Содержатель игорнаго дома и рулетки,—пояснилъ онъ.— У него навѣрное и теперь идетъ игра. Ловкій шуллеръ...»

«10 августа. Я далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, заниматься съ Полей. Это необходимо; въ противномъ случаѣ между нами откроется цѣлая пропасть, и ее уже нечѣмъ будетъ заполнить. Къ несчастію, два-три урока показали мнѣ, какъ трудно мнѣ будетъ исполнить взятую на себя задачу. Вотъ, хоть бы сегодня, я долго занимался съ нею, а дѣло все же не шло на ладъ. Нельзя сказать, чтобы она была тупа. Нѣтъ, но она не умѣетъ сосредоточиться

Digitized by Google

на томъ, что учитъ, смотритъ разсѣянно, думаетъ о другомъ. Ей просто все это кажется не нужнымъ. Сегодня она, наконецъ, устала и, со вздохомъ отложивъ книгу, замѣтила:

— Нѣтъ, ужъ мнѣ не быть такой ученой, какъ Марья Николаевна.

— Почему именно такой, какъ она?—съ улыбкой сказалъ я.—Ты ея вовсе не знаешь. Можетъ-быть, она еще меньше тебя знаетъ.

— Нѣтъ, ужъ не говорили бы вы съ ней тогда по цѣлымъ часамъ,—тихо сказала она.

Я уловилъ въ ея тонѣ глубокую грусть.

— Поля, ужъ ты не ревнуешь ли?—спросилъ я.

Она испугалась.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, развѣ я смѣю? Я рада, что вамъ хоть съ кѣмъ-нибудь весело!.. Что за веселье со мною! И такъ связала васъ... а теперь еще это проклятое положеніе.

— Поля!—воскликнулъ я съ упрекомъ. — Можно ли это говорить? Ты должна радоваться! Ты будешь матерью, у тебя будетъ о комъ заботиться, кто будетъ тебя любить...

Она заплакала.

— Сама я не знаю, что говорю!—всхлипывая, проговорила она.—Все кажется, что вы перестанете меня любить... Что вамъ въ больной-то!..

Я сталъ уговаривать ее, утѣшать. Но на сердцѣ у меня было тяжело. Неужели и рожденіе ребенка не превратитъ ее въ мать, а оставитъ попрежнему только моей любовницей?..»

«12 августа. Сегодня день смерти моего отца. Давно совершилась эта страшная для меня утрата, а я попрежнему живо помню всѣ мелкія подробности, сопровождавшія ее. Въ моихъ ушахъ и теперь еще звучатъ слова отца: «Будь честнымъ... сыномъ честнаго солдата...» Потомъ, когда я бѣгалъ въ залу посмотрѣть на мертваго отца, поплакать у его гроба, меня поразилъ другой образъ — образъ священника-мужика съ руками, отдающими запахомъ навоза, съ рѣчью, напоминающей ругань на базарной площади. Послѣ долгой разлуки, я увидалъ снова этого человѣка и, признаюсь, что-то въ родѣ страха передъ нимъ пробудилось во мнѣ, какъ въ дѣтствѣ. Я почувствовалъ, что я передъ нимъ мальчикъ... Я пошелъ къ отцу Ивану попросить его отслужить панихиду по моемъ отцѣ. Странная это личность. Съ перваго раза трудно признать въ немъ служителя алтаря.

Digitized by Google

Это скорѣе мужикъ-труженикъ, затянувшійся въ непосильномъ трудѣ, питающійся черствымъ хлѣбомъ съ мякиной. Сухое морщинистое лицо его, кажется, сдѣлано изъ выдубленной кожи; огромныя жиловатыя руки, съ распухшими въ суставахъ и искривленными на работѣ пальцами, грубы и мозолисты; его густые волосы на головѣ и бородѣ трехъ цвѣтовъ, къ темнымъ волосамъ примѣшивается сильная сѣдина, а концы этихъ волосъ какіе-то бурые, точно выгорѣвшіе на солнцѣ; ввалившіеся глаза смотрятъ мрачно и не обѣщаютъ ни любви, ни прощенія. Страшная, тяжелая жизнь, прошедшая съ дѣтства до старости въ деревнѣ, съ небольшимъ перерывомъ безотраднаго пребыванія въ училищѣ, наложила свою печать на этого человѣка, вѣчно обремененнаго семьей, выжившей изъ ума матерью, калѣкой-братомъ, цѣлой оравой дѣтей, оставшихся рано безъ матери. Вращаясь среди мужиковъ, работая неустанно въ полѣ и въ огородѣ, старикъ самъ омужичился... Его боятся всѣ, какъ фанатика, всегда готоваго громить людскіе пороки и притомъ громить на томъ языкѣ, на которомъ говорятъ его слушатели. Его проповѣди и увѣщанія являются рядомъ угрозъ, и, увѣщевая своихъ духовныхъ дѣтей съ сжатыми кулаками, стуча съ угрозой этими кулаками по аналою, онъ называетъ этихъ духовныхъ дѣтей разбойниками, пропойцами, Іудами, готовыми продать родного брата. Съ его исповѣди уходятъ, какъ люди уходятъ изъ бани, въ поту, красные, усталые. «Упарилъ», говорятъ они, почесываясь и кряхтя. Онъ громитъ не однихъ мірянъ, но и духовенство, надѣвшее шелковыя рясы, пустившееся въ кулачество. Всѣ знаютъ, что самъ онъ безупреченъ, что онъ аскетъ, хотя онъ и беретъ за исполненіе своихъ обязанностей все, что слѣдуетъ, ругая при этомъ дающихъ, говоря, что они въ кабакъ цѣловальнику всегда охотнѣе дадутъ, чѣмъ на церковь и попу. Въ народѣ носятся слухи, что онъ обладаетъ духомъ прозорливости и знаетъ, что творится въ душѣ людей. Для этого убѣжденія есть основательныя причины, такъ какъ отецъ Иванъ въ каждой человѣческой душѣ видитъ непочатый уголъ всякихъ низкихъ страстей, корыстныхъ расчетовъ, гнусныхъ пороковъ, разнузданныхъ желаній, и почти никогда не ошибается: изъ двадцати приписанныхъ имъ тому или другому человѣку пороковъ и грѣховъ, два или три грѣха и порока заставляютъ блѣднѣть или краснѣть человѣка. Уходя отъ отца Ивана, такой человѣкъ убѣжденъ, что отецъ Иванъ, по особому «богодух-

Digitized by Google

новенію», прозрѣлъ въ немъ вора, пропойцу или блудодѣя. Объ этомъ составились цѣлыя легенды, какъ отецъ Иванъ уличилъ Сидора или Трофима на исповѣди въ грабежѣ — уличилъ и «такими глазищами взглянулъ, что Сидоръ или Трофимъ такъ и рухнулись ему въ ноги». Онъ отчитываетъ кликушъ и изгоняетъ бѣсовъ.

Меня отецъ Иванъ встрѣтилъ далеко не привѣтливо.

— Поздно, поздно отца-то вспомнилъ!—сказалъ онъ мнѣ сурово. — Видно, мертвые-то подождутъ, сперва съ живыми похороводиться нужно...

— Я былъ уже у отца на могилѣ не разъ,—отвѣтилъ я.

— Такъ рубля, что ли, жаль было панихиду-то отслужить?—проворчалъ онъ.

Потомъ, сурово взглянувъ на меня, замѣтилъ:

— Тоже и не похвалилъ бы отецъ-то за то, какъ живешь! Вы, бары, примѣръ должны подавать народу, а не такъ жить, что самимъ на свѣтъ стыдно смотрѣть... Губители вы, душами-то христіанскими, какъ бабками играете: сшибъ одну—хорошо, сшибъ пятокъ—еще лучше... Душегубцы!..

Я молчалъ и торопился дойти до могилы отца, чтобы скорѣе началась панихида. Я чувствовалъ, что если я заговорю съ отцомъ Иваномъ, то ни-онъ не пойметъ меня, ни я не пойму его. Его брань можно было только слушать, признавая ее вполнѣ заслуженною, или самому браниться съ нимъ, не признавая вовсе ни его самого, ни его воззрѣній. Это фанатикъ, съ которымъ нельзя спорить, совѣщаться. Отслуживъ панихиду и увидавъ на моихъ глазахъ слезы, онъ проговорилъ:

— Да, вотъ и кайся, кайся! Да грѣхъ-то свой загладь. Слезы-то—вода; грѣха ими не загладишь. Что, поди, ребенка скоро приживешь со своей любовницей? Что-жъ, такъ онъ и будетъ незаконнымъ...

Отецъ Иванъ употребилъ крѣпкое словцо, бросившее меня въ жаръ.

— Или неровня она, такъ нельзя жениться? А когда соблазнялъ ее, тогда ровней была? Поди, и не подумалъ тогда, кто она. Или не зналъ? Кабы ты здѣсь у меня жилъ, да къ исповѣди пришелъ бы ко мнѣ, причастья бы я тебѣ не далъ, покуда грѣха не загладилъ бы. У васъ-то тамъ только попы-поблажники хвостами передъ вами виляютъ, а вы ими командуете; кровосмѣсителю тѣло Христово готовы дать.

Digitized by Google

Онъ, сурово нахмуривъ брови, не прощаясь со мною, даже не глядя на меня, пошелъ прочь отъ могилы... Самъ не знаю, почему мнѣ стало невыносимо тяжело, и въ моихъ ушахъ продолжало звучать грубое, циничное названіе, данное отцомъ Иваномъ моему будущему ребенку. Неужели въ будущемъ когда-нибудь кто бы то ни было броситъ въ лицо этому ребенку эту кличку? Ахъ, скорѣй бы мнѣ вырваться отсюда, воспитать хотя немного Полю и кончить все женитьбой, узаконивъ ребенка. Если даже и не удастся поднять Полю, я все же долженъ жениться на ней:— нужно же заплатить за свои необдуманные поступки, нужно же приносить искупительныя жертвы за свои промахи...»

«То же число... Я возвратился домой съ кладбища въ самомъ тяжеломъ настроеніи духа и пробрался къ себѣ черезъ садъ, чтобы не видѣть никого, чтобы побыть одному. Усѣвшись въ своемъ кабинетѣ, я услыхалъ громкіе голоса въ комнатѣ Поли и сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ непріятной домашней сцены: объясненія Поли съ отцомъ. Прокофій въ послѣднее время страшно пьетъ, какъ я узналъ изъ разговора съ нимъ Поли. Она не знала, что я дома, и потому не сдерживала своего голоса.

— Стыдитесь вы! Вы нынче изъ кабака не выходите!— кричала она на отца.—Всѣ деньги у меня перетаскали, да еще просите. Нѣтъ у меня!

— Спроси у своего полюбовника!—пьянымъ голосомъ говорилъ Прокофій.—А не то, я тебя!..

— Да съ чего вы взяли, что я грабить Егора Александровича буду!—крикнула она.—И безъ того, ради меня, цѣлую орду кормитъ. Ему и одного слуги довольно бы. Держитъ васъ всѣхъ, потому что вы моя родня. А я еще стану его обирать. Ни гроша! слышите, ни гроша вы отъ меня не получите!

— Ну, такъ я и самъ спрошу,—рѣшилъ Прокофій.—А тебѣ ужъ быть битой! Осрамила насъ, да еще лаяться смѣешь. На кого? На отца!

— Не я васъ срамлю, а вы меня срамите! По кабакамъ шляетесь. Да если бы Егоръ Александровичъ узналъ, духу вашего здѣсь не было бы.

— Посмотрѣлъ бы я, кто меня выгонитъ! Ну, выгонитъ, такъ и ты должна за мной идти. Я отецъ, я власть имѣю...

— Сейчасъ убирайтесь вонъ!—закричала Поля.—Вотъ придетъ Егоръ Александровичъ, все разскажу ему и скажу чтобы васъ выгнали! Терпѣнія моего больше нѣтъ!..

Digitized by Google

Я ушелъ, чтобы не слушать дальше. Я впервые узналъ, что Поля, вѣроятно, выноситъ не мало подобныхъ сценъ. Вечеромъ я заговорилъ съ нею объ этомъ, чтобы успокоить ее и, вмѣстѣ съ нею, обдумать, что дѣлать. Она открыла передо мною цѣлую картину закулисныхъ дрязгъ въ моемъ домѣ, которыхъ я и не подозрѣвалъ.

— Ничего не видя еще, всѣ уже насѣсть хотятъ!— наивно проговорила она.—Что же я грабительница, что ли?

Она стала разсказывать мнѣ, какъ вся ея родня пристаетъ къ ней, чтобы выпросить у меня денегъ для себя, для своихъ свояковъ, родственниковъ, крестниковъ.

— Если бы все то исполнять, такъ у насъ гроша не осталось бы. Да я скорѣе руки на себя наложу...

— Полно, Поля!—остановилъ я ее.

— Да, какъ же! думаютъ, что я живу съ вами, такъ и должна грабить васъ для нихъ... Выгнать бы ихъ вонъ всѣхъ, вотъ и конецъ...

— Поля, что ты говоришь!—сказалъ я.—Вѣдь это все старые люди. Куда они пойдутъ? Я взялъ ихъ не ради тебя, а ради того, что они десятки лѣтъ служили у насъ и теперь едва ли могутъ гдѣ-нибудь пристроиться. Ихъ надо устроить.

— Вотъ это все изъ-за меня, голубчикъ!—воскликнула она со слезами.

Я никакъ не могъ растолковать ей, что мнѣ совѣстно было бы пустить по-міру нашихъ дворовыхъ. Я рѣшился оставить все покуда въ прежнемъ положеніи. Когда можно будетъ уѣхать въ Петербургъ, устрою дворовыхъ здѣсь и заживу съ Полей вдвоемъ...»

«Того же числа. Впечатлѣнія этого утра сильно взволновали меня. Я не могъ ни думать, ни работать, ни говорить. Я прилегъ у себя въ кабинетѣ и взялъ «Исторію крестьянскихъ войнъ» Циммермана. Я люблю эту книгу, полную возбуждающихъ энергію идей и полную горячихъ симпатій къ угнетеннымъ и къ защитникамъ угнетенныхъ. Свѣтлый образъ Ѳомы Мюнцера,—этого отца всѣхъ жгучихъ вопросовъ нашего времени, этого первообраза всѣхъ защитниковъ угнетенныхъ массъ,—каждый разъ дѣйствуетъ на меня одинаково сильно: онъ дорогъ мнѣ, дороже всѣхъ другихъ идеальныхъ личностей,—дороже ихъ уже потому, что тѣ по большей части не что иное, какъ созданія творческаго генія, а онъ—плоть и кровь: припоминая тѣхъ, останавливаешься съ сомнѣніемъ надъ вопросомъ, могутъ ли они

Digitized by Google

быть въ дѣйствительной жизни? Встрѣчаясь съ нимъ, знаешь, что это не отвлеченное понятіе, не придуманный образецъ, а такой же человѣкъ, какъ ты, бившійся въ слезахъ въ томъ же дѣйствительномъ водоворотѣ несправедливостей, заблужденій, жестокостей и безпомощныхъ жалобъ! Онъ говоритъ не о томъ, что люди, можетъ-быть, «могли бы быть» такими, а о томъ, что они «могутъ быть» такими. У такихъ людей слѣдуетъ учиться, имъ нужно подражать въ дѣлѣ самоотверженности, безкорыстія, любви къ народу. Въ нашъ пошлый вѣкъ своекорыстія и фразерства нужно постоянно напоминать и напоминать о такихъ личностяхъ, словомъ и дѣломъ. Вечеромъ ко мнѣ неожиданно зашли Павликъ и Марья Николаевна. Весь охваченный впечатлѣніемъ прочитанныхъ страницъ, я невольно разговорился съ Марьей Николаевной о Мюнцерѣ. Она тоже читала его и любитъ его.

— Люблю и ненавижу въ одно и то же время, — сказала она.

Я удивился.

— Эта книга,—она указала на «Исторію крестьянскихъ войнъ»:—впервые заставила меня не только презирать себя, но и упасть духомъ. Когда я прочла обо всѣхъ этихъ бойцахъ и мученикахъ за общественное дѣло, за дѣло ближнихъ, я вдругъ показалась сама себѣ такой ничтожной, мелкой и пустой. Они вотъ отказывались отъ всякихъ благъ для общей пользы, ихъ травили, какъ дикихъ звѣрей, а они дѣлали свое дѣло, шли къ намѣченной цѣли; на нихъ клеветали, ихъ выставляли злодѣями, а они, не смущаясь, забросанные грязью, продолжали свой путь. А я? Да, я не умѣю лишить себя какого-нибудь ничтожнаго удобства, я не только не борюсь за кого-нибудь, я просто даже не знаю, что мнѣ вообще дѣлать... Вотъ мысли, пробужденныя во мнѣ этой книгой, и я съ тѣхъ поръ и полюбила ее, и возненавидѣла... Потомъ подобное чувство пробуждали во мнѣ многія книги.

Меня это удивило.

— Но вѣдь вы, вѣроятно, гораздо раньше этой книги читали евангеліе. Тамъ же еще болѣе высокій образъ— образъ Христа. И онъ въ васъ долженъ былъ вызывать то же чувство.

— А, нѣтъ! Тамъ передо мною Богъ былъ, и я понимала, что мнѣ нечего и думать достигнуть до Него, нечего и оскорбляться, что я не могу быть такой же безупречной

Digitized by Google

и безгрѣшной. Тутъ не то, тутъ человѣкъ, такой же какъ я, съ ошибками, съ недостатками, съ внутренней борьбой... Вотъ почему меня поразило сравненіе себя съ нимъ...

Она задумалась.

— И знаете ли что: мнѣ много приходилось видѣть людей, и большинство теперь не знаетъ, что дѣлать? Кто и дѣлаетъ что-нибудь, то въ немъ нѣтъ твердой вѣры въ пользу своего дѣла. Мюнцеръ беззавѣтно вѣрилъ въ свое дѣло, и потому онъ могъ быть такимъ, какимъ онъ былъ. О, что бы можно дать за такую вѣру! Полжизни... нѣтъ, изъ тридцати лѣтъ жизни можно бы отдать двадцать девять за годъ такой вѣры, такой дѣятельности на какомъ бы то ни было поприщѣ...

Павликъ замахалъ руками.

— Богъ знаетъ, чего вы хотите! Какой вѣры? Во что? Въ Бога вѣрите? Ну, и довольно! А то вѣра въ какое-то дѣло. Нашли о чемъ сокрушаться! Оттого вы и шершавые такіе.

— Какъ шершавые? Что ты выдумалъ?—крикнула Марья Николаевна.

— Да такъ: то у васъ все идетъ гладко-гладко, а то и начнутся эти охи да ахи! Вонъ я живу, пью, ѣмъ, подлостей никакихъ не сдѣлаю; ну, и будетъ моя жизнь ровна и спокойна. А ваша шершавая вся будетъ: то напустите на себя безшабашность, то въ уныніе ударитесь... однимъ словомъ: шершавые!

Марья Николаевна махнула рукой.

— Теленокъ, ничего онъ не понимаетъ!

Мы расхохотались.

Павликъ загорячился.

— Теленокъ! теленокъ! Нѣтъ, когда дошло до дѣла, такъ я отъ другихъ не отсталъ. Недаромъ изъ гимназіи выключили. Директоръ говоритъ: «выдайте зачинщиковъ». «Нѣтъ, говорю, господинъ директоръ, у насъ въ семьѣ, у Мухортовыхъ въ семьѣ, доносчиковъ не было».

И тотчасъ же, смѣняя гордый тонъ на свой обычный безпечный тонъ, онъ прибавилъ:

— Впрочемъ, это мнѣ наплевать! Я здѣсь хозяйничать буду и по земству пойду. Надоѣли и безъ того эта латынь и греческая грамматика. Все равно, я не кончилъ бы...

Мы его не слушали.

Рѣчь у насъ опять зашла о Мюнцерѣ, о Карлштадтѣ, о Лютерѣ.

Digitized by Google

— Это самая ненавистная для меня личность,—сказала Марья Николаевна про Лютера.—Онъ самъ посѣялъ сѣмена и самъ же хотѣлъ истребить жатву.

— По-моему, это трагическая личность,—замѣтилъ я.—Онъ напоминаетъ чародѣя, который вызвалъ демоновъ и потомъ позабылъ слова заклинанія, когда было нужно, чтобы они исчезли.

— Ну, да и было отъ чего придти въ ужасъ, когда появились такіе баши-бузуки, какъ Карлштадтъ, — сказалъ Павликъ.

— Тогда, Павликъ, и всѣ были баши-бузуки,—замѣтилъ я:—но еще вопросъ, кто былъ больше баши-бузукомъ: князья ли, утопавшіе въ распутствѣ и роскоши, грабя народъ, или Карлштадтъ, въ порывѣ фанатизма, возставшій противъ позора этого распутства и этой роскоши. Я, по крайней мѣрѣ, вполнѣ понимаю въ этомъ случаѣ фанатизмъ подобныхъ людей, какъ Саванаролла или Карлштадтъ. Есть обстоятельства, есть эпохи, когда страстные люди могутъ придти къ сознанію, что все наше безпутное мотовство, безумная роскошь, безпечальное житье являются не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ грабежа ближнихъ.

— Ну, ужъ тоже и жить аскетомъ—покорно благодарю!—воскликнулъ онъ.

— А жить грабителемъ лучше?—спросилъ я.

Павликъ загорячился и почти началъ кричать:

— Что ты мнѣ страшныя-то слова говоришь: грабители! грабители! Просто люди, которые хотятъ жить. Ну, а что пользы-то въ томъ, если вотъ ты во всемъ себѣ откажешь будешь? Нищету, что ли, одинъ истребишь? Такъ она была и будетъ!

— Я вовсе этого и не думаю. Я лично желалъ бы довести свой образъ жизни до послѣдней степени простоты, чтобы избавиться отъ внутренняго разлада, отъ упрековъ совѣсти, чтобы сознавать, что я ѣмъ свой заработанный хлѣбъ, а не чужой. Вотъ все, чего я хочу достигнуть, стремясь упростить свою жизнь. Но если бы къ этому стремился не я одинъ, а большинство...

Павликъ не далъ мнѣ кончить и закричалъ:

— Повѣситься бы тогда надо было отъ скуки!

— А ты думаешь веселье въ томъ, чтобы тратить какъ можно больше денегъ?—спросилъ я, смѣясь.

— Ахъ, что вы съ нимъ говорите!—воскликнула Марья

Digitized by Google

Николаевна.—Онъ думаетъ, что актеры лучше играютъ для бель-этажа, чѣмъ для райка.

— И самая интересная книга непремѣнно та, у которой дорогой переплетъ,—добавилъ я.

На бѣднаго Павлика посыпался градъ шутокъ. Онъ, защищался не на животъ, а на смерть, то со смѣхомъ, то съ полудѣтскимъ задоромъ...

Совершенно незамѣтно, сидя въ бесѣдкѣ надъ обрывомъ, мы проболтали до часу ночи, горячась, крича и вскакивая съ мѣстъ. Вечеръ былъ превосходный, и намъ не хотѣлось расходиться. Наконецъ, Павликъ напомнилъ Марьѣ Николаевнѣ, что ей пора ѣхать, что ея кучеръ, вѣроятно, думаетъ, что барышня пропала. Экипажъ ея остался у дома дяди Алексѣя Ивановича, и потому до него нужно было пройти пѣшкомъ. Я вызвался идти съ Павликомъ и Марьей Николаевной. Проходя въ свой домъ за фуражкой, я замѣтилъ, что въ окнѣ Поли, гдѣ не было свѣта, быстро опустилась при моемъ приближеніи занавѣска. Впрочемъ, можетъ-быть, это мнѣ только показалось...»

«13 августа. Утромъ, когда я вышелъ пить чай, Поля замѣтила мнѣ:

— Уморили васъ вчера гости! До часу сидѣли, да еще провожать потащили!

— Я самъ предложилъ проводить ихъ: вечеръ былъ чудесный!—отвѣтилъ я.

— И ужъ любитъ же поговорить эта Марья Николаевна,—замѣтила Поля.—И о чемъ она только находитъ говорить...

— Вотъ погоди, Поля, будешь учиться, будетъ и у тебя о чемъ говорить. Ты и не знаешь, моя милая, какъ работаетъ умъ, когда много знаешь, много читаешь...

— Что же, все о наукахъ, о книгахъ говорите съ нею?

— Съ Марьей Николаевной? Да, о наукѣ, о книгахъ, о людяхъ. Вотъ вчера толковали объ одномъ великомъ человѣкѣ, любившемъ горячо народъ, пожертвовавшемъ народу жизнью.

Я началъ разсказывать Полѣ просто, какъ умѣлъ, о Мюнцерѣ.

— Когда читаешь о подобныхъ людяхъ, самъ дѣлаешься лучше, хочешь быть похожимъ на нихъ, хотя немного, чтобы прожить жизнь не даромъ,—замѣтилъ я.

— И вы, вы были бы рады, если бы были такимъ?—воскликнула она.—Да онъ же на смерть шелъ. И вотъ вы

Digitized by Google

сказали, что онъ любимую жену оставилъ и ходилъ по городамъ. Нѣтъ, ужъ какой же это мужъ... это ужъ развѣ самый пропащій человѣкъ сдѣлаетъ...

Она вздохнула.

— Нѣтъ, мы вотъ, женщины, не такія... Да я, хоть бы озолотили меня, не бросила бы того, кого люблю... Ужъ какая же это любовь? Да, вѣрно, его и жена не любила, что отпустила.

Я разсмѣялся и въ шутку спросилъ:

— Значитъ, ты бы меня не отпустила?

Она поблѣднѣла.

— Развѣ я смѣю! — проговорила она упавшимъ голосомъ.—Вы что хотите, то и дѣлаете...

— А если бы смѣла?

— Никогда бы не отпустила!..

И вдругъ, точно испугавшись чего-то, она быстро сказала:

— Да ну ихъ, эти разговоры! Только сердце надрывается! Мнѣ и подумать-то страшно, что бы было, если бы вы такимъ были. Слава Богу, что это не у насъ такіе люди были, а въ чужихъ земляхъ! Да и давно это было. Сказки, можетъ-быть, тоже! Вотъ посмотрѣла бы я, что запѣла бы Марья Николаевна, если бы ея женихъ, сдѣлавшись ея мужемъ, удралъ отъ нея... А что, скоро она выйдетъ замужъ?

— Не знаю...

— Ужъ скорѣй бы выходила, а то бѣгаетъ съ холостыми мужчинами, срамъ одинъ...

— Она честная дѣвушка, Поля! — сорвалось у меня съ языка.

Поля снова поблѣднѣла и тихо со слезами на глазахъ прошептала:

— И вы тоже попрекаете!..

— Что это ты, Поля, выдумываешь! Чѣмъ я тебя попрекаю?

— Что-жъ, развѣ я не знаю, что вы это про мой грѣхъ говорите, что я нечестная... Только я, Егоръ Александровичъ, видитъ Богъ, никому на шею не вѣшалась... и если васъ я полюбила, такъ я знала, что ни у кого я васъ не отбиваю...

Она вдругъ разрыдалась.

Мнѣ было и досадно, и жаль ея. Не прошло и пяти минутъ, какъ она уже просила у меня прощенія и бранила себя:

— Мучу я васъ! сама не знаю, чего хочу... Все это отъ

Digitized by Google

моего положенія... Господи, хоть бы скорѣе кончалось!.. Разлюбите вы меня за мои слезы, да капризы... Ужъ вы лучше ругайте меня, прикрикните на меня, чтобы я молчала... только не разлюбите вы меня, родной мой!

Она порывисто обняла меня и стала цѣловать. Впервые въ жизни меня тяготили эти объятія, тяготили до того, что я сказалъ ей сухо и нетерпѣливо:

— Полно!

Она застыла на мѣстѣ, и ея глаза устремились на меня съ какимъ-то безумнымъ выраженіемъ ужаса. Я никогда, кажется, не забуду этого взгляда. Она точно услышала свой смертный приговоръ. Я спохватился и почти цѣлый день старался быть съ нею особенно ласковымъ, чтобы загладить свою ошибку. Съ ней нужно быть осторожнымъ. Она теперь больна и слишкомъ впечатлительна».

«16 августа. Сегодня произошелъ странный случай, отъ котораго я еще не совсѣмъ опомнился. Я сидѣлъ у дяди на террасѣ съ Павликомъ, Зиной и Любой. Вдругъ, видимъ, по саду бѣжитъ Марья Николаевна, подобравъ подолъ длинной амазонки, вся покраснѣвшая, заплаканная, задыхающаяся. Первыми ея словами было восклицаніе:

— Ради Бога, проводите меня домой! Я боюсь... Это Богъ знаетъ, что такое!

Мы вскочили и бросились къ ней, стали ее разспрашивать, что случилось. Она разрыдалась и потомъ, когда Павликъ принесъ ей воды, отрывочно разсказала, что произошло. Она поѣхала кататься съ Томиловымъ. Проѣздивъ довольно долго, она захотѣла отдохнуть. Они сошли съ лошадей, привязали ихъ къ дереву и сѣли на траву. Томиловъ началъ говорить ей о любви, о страсти и наконецъ воскликнулъ:

— Я не могу болѣе бороться съ собою! Такъ или иначе— вы будете моею!

Онъ схватилъ ее въ свои объятія и сталъ цѣловать.

— Это низость... Наглость! Онъ не смѣлъ этого дѣлать!— воскликнула она, заливаясь слезами.—Ну, я вѣтреная дѣвчонка, я дурачилась, потѣшалась надъ нимъ... Но цѣловать меня... Развѣ я дала право?.. Господи, что за позоръ!

Мы успокаивали ее, уговаривали.

— Я теперь боюсь идти одна домой!.. Павликъ, милый мой, проводи!.. И вы, Егоръ Александровичъ, тоже... Я одна не пойду... Онъ, можетъ-быть, караулитъ!..

Она походила на ребенка, котораго обидѣли забіяки-маль-

Digitized by Google

чишки. Потомъ, успокоившись, она опять, чисто по-дѣтски, еще плача, сказала:

— Вотъ, Павликъ, это потому, что я тебя цѣлую... Думаютъ, и меня можно цѣловать... И какая рожа сдѣлалась у него, ротъ открылся, глаза точно у пьянаго... Господи, какая гадость!..

Она вздрогнула. И вдругъ, опять что-то вспомнивъ, она всплеснула отъ ужаса руками и въ то же время расхохоталась.

— Вѣдь я его хлыстомъ ударила, прямо по лицу... Совсѣмъ скандалъ... совсѣмъ скандалъ!..

Мы уже не выдержали и разразились смѣхомъ.

— Да, вамъ хорошо смѣяться! — ужъ совсѣмъ серьезно произнесла она:—а что мнѣ за это будетъ?

— На дуэль васъ вызоветъ!—сказалъ Павликъ.

— Ну, ну, ну, ужъ ты-то молчи!—отвѣтила она.—Знаю я, что на дуэль не вызоветъ, а все же... Господи, какая скандалистка!

И, обратившись ко мнѣ, она проговорила:

— Дорогой мой, распекайте меня хоть вы, останавливайте, а то я Богъ знаетъ, чего натворю! Васъ я, право, буду слушаться, а то никакого начальства у меня нѣтъ...

Она была очаровательна въ эту минуту. Я самъ готовъ былъ расцѣловать ее, какъ цѣловалъ ее Томиловъ. Мы пошли ее провожать. Она уже успокоилась и весело болтала дорогой.

— А я рада, что такъ все разомъ кончилось, — сказала она.

— Отстегали его за всѣ ухаживанія и конецъ, — проговорилъ со смѣхомъ Павликъ. — Нечего сказать, пріятный финалъ.

— Да я же, право, это сгоряча! Я готова извиниться передъ нимъ. Но ужъ только теперь о сватовствѣ, конечно, не будетъ и рѣчи.

— Вы ошибаетесь,—сказалъ я.—Томиловъ никому не сознается, что онъ употребилъ насиліе и что за это его ударили хлыстомъ. Онъ, конечно, будетъ увѣрять, что лошади взбѣсились, что его въ лицо хлеснула вѣтвь, мало ли что можно придумать...

— А я-то на что? Я все разскажу!—воскликнула она.

— Не совѣтую,—сказалъ я.—Не поднимайте бури. Отказать ему можно и безъ скандала.

Я съ Павликомъ довелъ ее до дома и, возвращаясь

Digitized by Google

обратно, долго бесѣдовалъ о ней. Павликъ, между прочимъ, замѣтилъ мнѣ:

— Вотъ бы тебѣ теперь присвататься за нее... Она съ радостью выйдетъ...

Я невольно вспыхнулъ.

— Что ты глупости говоришь. Ты знаешь, что у меня есть Поля. Да и Марья Николаевна никогда не согласилась бы сдѣлать низость и выйти замужъ за человѣка, когда у него не нынче — завтра родится ребенокъ отъ другой...»

«19 августа. Дядя долго бесѣдовалъ нынче со мною о моемъ образѣ жизни, очевидно, желая и боясь высказать мнѣ что-то непріятное. Наконецъ, дѣло выяснилось. Онъ вчера встрѣтился съ здѣшнимъ предводителемъ дворянства, и тотъ сказалъ ему, что я веду очень странный образъ жизни, что меня слѣдуетъ образумить.

— Я, Егорушка, ничего не понялъ изъ того, что онъ говорилъ,—сказалъ дядя.

— Но образумлять меня все же желаешь?—докончилъ я, смѣясь.

— Тебѣ все хи-хи, да ха-ха, — сказалъ дядя. — А такъ нельзя. Теперь такое время.

— Какое время?

Онъ недоумѣвающимъ взглядомъ посмотрѣлъ на меня.

— Я почемъ знаю? Просто такое время... всѣ говорятъ, что такое...

И вдругъ, махнувъ рукою, онъ закончилъ:

— А, да песъ ихъ дери! Надоѣли они мнѣ всѣ! Тутъ Ададуровы, тамъ Слытковы, здѣсь предводитель дворянства, все что-то жужжатъ... Ничего не пойму! У меня хозяйство, навозъ на рукахъ, самая горячая пора, а они: такое время! Ну, ихъ!.. Только ты, Егорушка, остерегись!

Это начинаетъ меня раздражать. Но не могу же я уѣхать теперь. Пусть прежде поправится Поля.»

«22 августа. Сегодня случилось то, чего я никакъ не ожидалъ, не предвидѣлъ. Я возвращался домой съ охоты. Около дома слытковскаго управляющаго мнѣ встрѣтилась Агаѳья Прохоровна, вышедшая «променажъ сдѣлать и подышать воздухомъ полей», какъ объявила она мнѣ. Жеманясь и жантильничая, она стала выспрашивать меня не безъ ехидства, какъ мнѣ живется, и вдругъ неожиданно замѣтила:

— А васъ, кажется, скоро можно поздравить?

Digitized by Google

— Съ чѣмъ?

— Помилуйте, весь уѣздъ говоритъ... Ахъ, молодой человѣкъ, какой вы скрытный!..

Въ ея тонѣ слышалась фамильярность. Прежде она такъ не говорила со мной.

— Я не знаю, о чемъ говоритъ весь уѣздъ,—отвѣтилъ я и хотѣлъ идти.

— А Марья-то Николаевна?.. У! сердцеѣдъ!—воскликнула она, кривляясь, какъ институтка.

— Что Марья Николаевна?

— Какъ же, отказала жениху, господину Томилову, этому, можно сказать, кавалеру и въ чинахъ, и при деньгахъ, и потомъ сіятельнаго званія будетъ.

— А, вы вотъ о чемъ!—сказалъ я.—Я даже и не зналъ, что она отказала ему.

Она погрозила мнѣ пальцемъ и проговорила:

— Скажите! Не знали! А для кого отказала? А?

Она опять погрозила пальцемъ.

— Знаемъ мы! Всѣ объ этомъ говорятъ!

Меня разбирала злость.

— Да говорите толкомъ!—крикнулъ я.—Какія тамъ еще сплетни ходятъ.

— Ахъ, скажите, какой моветонъ! — обидѣлась она.— Или думаете, что теперь уже такъ и не сорвется? Такъ я вамъ скажу: Марья Николаевна капризный человѣкъ, сегодня голубитъ, а завтра—вотъ Богъ, а вотъ порогъ. Ужъ съ господиномъ Томиловымъ амурилась, амурилась все лѣто, а теперь и отставку дала. На нее недолго не потрафить!..

Она сдѣлала мнѣ книксенъ и, виляя юбками, пошла дальше по дорогѣ. Не помня себя, я догналъ ее, схватилъ за плечи такъ, что она присѣла, и, потрясая ее, крикнулъ:

— Если ты еще хоть слово скажешь о Марьѣ Николаевнѣ или обо мнѣ, такъ я тебя...

Она завизжала неистовымъ голосомъ. Тогда я только опомнился. Оттолкнувъ ее, я быстро пошелъ домой. Мнѣ было стыдно за себя, за этотъ неожиданный порывъ бѣшенства.

Я не ожидалъ, что о Марьѣ Николаевнѣ идутъ такіе толки. Впрочемъ, что же мудренаго? Мы видимся почти каждый день. Эти слухи, можетъ-быть, распускаетъ самъ Томиловъ. Надо оградить ее отъ нихъ, надо порвать сношенія. Но развѣ я могу?.. Не могу, но это нужно! Дѣло касается ея чести. У меня болѣзненно сжимается сердце

Digitized by Google

при мысли, что я долженъ лишиться и этого друга! «Сколько свѣтлыхъ минутъ дала ты мнѣ, добрая, милая дѣвушка...»

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

I.

Мужчины, по большей части, народъ очень недальновидный въ частной, домашней, семейной жизни. Занятые служебными обязанностями, управленіемъ своими имѣніями и предпріятіями, общественными и научными вопросами, просто, наконецъ, кутежами, игрою, попойками на сторонѣ, они не имѣютъ ни времени, ни охоты, ни умѣнья пристально вглядываться въ окружающія ихъ мелочи жизни. Женщина окружена со всѣхъ сторонъ именно этими мелочами жизни, и волей-неволей ей приходится разбираться въ нихъ. Она почти всегда первая открываетъ мужчинамъ глаза на то, что ихъ прислуга груба, воровата, развратна, что за ихъ дочерями начинаетъ сильно ухаживать тотъ или другой человѣкъ, что у ихъ сыновей являются тѣ или другія дурныя привычки и наклонности. Нерѣдко вполнѣ довольный собой и своей срѣдою мужчина, когда ему «откроетъ глаза» женщина, вдругъ видитъ, что кругомъ него соткалась цѣлая паутина всякихъ дрязгъ и сплетенъ, что онъ стоитъ по колѣно въ болотѣ всякихъ мерзостей и грязи, что его милыя сестрицы и тетушки въ сущности вѣдьмы, преслѣдующія его жену, что его лучшіе друзья не что иное, какъ развратники, соблазняющіе его жену, что его старыя знакомыя, почтенныя дамы — чудовищныя сплетницы, старающіяся оклеветать и очернить его жену, ихъ семейныя отношенія. Женщина, отстраненная отъ общественной дѣятельности, вся отдавшаяся своей семьѣ, своему дому, своему хозяйству, не только подмѣчаетъ эти мелочи, она выискиваетъ ихъ, она неустанно возится съ ними, такъ какъ это наполняетъ пустоту ея жизни.

Егоръ Александровичъ не былъ исключеніемъ изъ большинства своихъ собратій и не зналъ, въ сущности, ничего изъ того, что дѣлалось въ его домѣ, за его спиной. Подслушанный имъ случайно разговоръ Поли съ Прокофьемъ приподнялъ только уголокъ завѣсы, закрывавшей отъ молодого человѣка закулисную жизнь въ его домѣ. Поля же жила этою жизнью изо дня въ день, перестрадала ее.

Родные Поли, оставленные Егоромъ Александровичемъ

Digitized by Google

въ домѣ, принадлежали къ числу типичныхъ дворовыхъ «добраго стараго времени». Почти праздная и сытая жизнь въ барскомъ домѣ развратила ихъ нравственно до мозга костей: поменьше работать, побольше бражничать, обирать господъ, не заботиться въ то же время о черномъ днѣ— изъ этого соткалось все существованіе этихъ людей, не имѣвшихъ ни кола, ни двора. Съ первыхъ же дней переселенія въ охотничій домикъ, они «насѣли» на Полю; въ ней они видѣли «полюбовницу», «содержанку» барина; они знали навѣрное, что онъ ее броситъ не сегодня, такъ завтра, такъ какъ когда же бывали примѣры, чтобы господа не бросали такихъ-то дѣвушекъ; вслѣдствіе всего этого, по ихъ убѣжденію, нужно было сорвать съ барина теперь все, что можно, такъ какъ послѣ близокъ будетъ локоть, да не укусишь его. Полѣ приходилось не мало «грызться» съ ними въ тѣ безконечно долгіе часы, когда она оставалась одна, и она вдругъ очутилась въ странномъ положеніи: она была барыня надъ всѣми этими слугами и въ то же время младшій членъ этой семьи, имѣвшей право, по родственному старшинству, кричать на нее. Хуже всего были ея отношенія къ отцу. Прокофій былъ типомъ выживающаго изъ ума старика-дворецкаго, прошедшаго всю грязную школу бывшаго дворовaго. Онъ съ дѣтства выросъ въ барской передней. Когда-то онъ былъ черезчуръ близокъ къ бабкѣ Мухортова, обѣщавшей отпустить за эту близость мальчугана на волю. Но она умерла скоропостижно, и мальчика стали держать въ черномъ тѣлѣ, отплачивая ему за то, что онъ «задиралъ носъ» при старой барынѣ. Потомъ ему выпало опять на долю печальное счастье сдѣлаться мужемъ барской любовницы и отцомъ барскаго ребенка. Затѣмъ онъ долго игралъ роль дворецкаго и, имѣя подъ руками барскій буфетъ и барскій погребъ, пріучился попивать. Съ годами эта страсть усилилась, и теперь, очутившись почти безъ дѣла, онъ сталъ уже пить не запоемъ, а постоянно. Онъ говорилъ, что онъ пьетъ съ горя.

— До чего дожили,—разсказывалъ онъ каждому, кто хотѣлъ его слушать.—Въ разоръ разорились. Нищими стали. Родовое свое имѣнье продали! Отцы-то да дѣды копили, а мы все въ трубу выпустили! На людей-то смотрѣть стыдно...

Когда же любопытные спрашивали его:

— Ну, а какъ самъ-то? Убивается?

Онъ презрительно отвѣчалъ:

— Что самъ! Развѣ нонче господа есть? Гдѣ это они?

Digitized by Google

Одно названіе, что господа... Нонче нашъ-то моду выдумалъ: самъ дрова колетъ!..

И уже совсѣмъ злобно добавлялъ:

— Да это что! Самъ постель себѣ дѣлаетъ, не услужи ему. «Я, говоритъ, безъ услугъ обойдусь»... Это что же? Господинъ развѣ?.. Да у дѣдушки-то его казачокъ мухъ съ лица отгонялъ, когда тотъ почивать изволилъ!.. А этотъ самъ все дѣлаетъ... Кто его послѣ этого уважать будетъ?.. Съ мужиками тоже толкуетъ, точно ровня... Раскольника какого-то нашелъ, да съ нимъ по цѣлымъ часамъ бесѣдуетъ, споритъ... Вѣру, что ли, перемѣнить хочетъ? Такъ развѣ это барское дѣло? Раскольникъ—мужикъ, а онъ — баринъ, такъ ему не слѣдъ съ нимъ якшаться... Это какой-же фасонъ?..

Къ Полѣ и къ ея положенію онъ относился странно. То онъ гордо говорилъ, что его дочь дѣлаетъ, что̀ хочетъ, изъ молодаго барина, «веревки вить изъ него можетъ»; то онъ вдругъ начиналъ роптать, что дочь осрамила его, въ полюбовницахъ барскихъ живетъ, сѣдую его голову позоритъ; сама по своей волѣ связалась, а не силкомъ тащили на грѣхъ. Иногда онъ плакался, что̀ будетъ, если баринъ броситъ Полю; порой же грозилъ, что онъ уйдетъ и потребуетъ Полю къ себѣ, такъ какъ «дочь по закону должна пропитаніе отцу давать». Въ существованіе такого закона онъ вѣрилъ твердо.

— Прикажу идти за мной—и пойдетъ! Я отецъ! Мнѣ на него наплевать, потому что мы теперь вольные. И какой онъ такой баринъ? Нищій онъ, вотъ что! Хочешь жить съ моей дочерью, такъ женись, а не срами мою сѣдую голову!

И въ голосѣ полупьянаго старика слышалась угроза. Уваженія къ барину онъ, повидимому, не питалъ никакого, по крайней мѣрѣ, за глазами барина. Вся эта путаница настроеній и понятій выжившаго изъ ума и сильно попивавшаго старика страшно волновала Полю; но, тѣмъ не менѣе, объясниться съ Егоромъ Александровичемъ молодая дѣвушка не могла. Его спокойствіе было для нея дороже всего.

— Хоть бы меня-то вы пожалѣли!—говорила она отцу.

— А ты-то меня пожалѣла?—отвѣчалъ онъ.—Осрамила, а я тебя жалѣть буду? Нѣтъ, проклясть бы я тебя долженъ, а не жалѣть. Жалѣютъ-то такихъ, которые отцовъ не срамятъ!..

Digitized by Google

— Чѣмъ осрамила-то? Сами вы меня срамите, погибшій вы человѣкъ! Слово мнѣ сказать стоитъ—и завтра же васъ здѣсь не будетъ.

— Ну, это еще посмотримъ!

— Да и посмотрите! Выгонятъ васъ на всѣ четыре стороны, тогда и ходите по-міру! И будетъ это, потому что лопнетъ мое терпѣніе, все я разскажу Егору Александровичу...

Старикъ трусливо смирялся на время, на день, на два, а потомъ снова начиналась та же исторія. Егоръ Александровичъ не замѣчалъ почти ничего. По привычкѣ, сдѣлавшейся второй натурой, при появленіи Егора Александровича Прокофій дѣлался покорнымъ, подобострастнымъ дворецкимъ-холопомъ, и только; онъ даже умѣлъ, несмотря на хмель, «пройтись по одной половицѣ», чтобы баринъ, оборони Господи, не замѣтилъ чего-нибудь. Но какъ ни страшенъ былъ этотъ семейный адъ для Поли, его заслоняло въ ея душѣ другое чувство—чувство ревности. Это чувство, несмотря на всѣ ея усилія побороть его, росло съ каждымъ днемъ и просто душило ее. Каждое появленіе въ домѣ Марьи Николаевны было испытаніемъ для молодой дѣвушки. Зачѣмъ ходитъ Марья Николаевна къ холостому человѣку? Эта барышня на все способна! Ей ничего не стоитъ отбить человѣка у другой. Никакой власти надъ ней нѣтъ. Что хочетъ, то и дѣлаетъ. О чемъ говоритъ съ нею Егоръ Александровичъ? Онъ разсказываетъ, что они говорятъ все объ ученомъ, да развѣ у нея горѣло бы такъ лицо, если бы они объ ученомъ разговарили. И что за радость говорить-то объ этомъ? Скука только одна, а ей, пойди, не скучно, если и щеки горятъ, и глаза, точно огонь, свѣтятся! Объ ученомъ-то такъ не разговоришься! Выходила бы скорѣй замужъ за своего Томилова! А то двумъ на шею вѣшается, подлая душа! И гдѣ такая выискалась? Другія барышни хоть приличія знаютъ. Тайкомъ шуры-муры заводятъ. А эта разнуздалась совсѣмъ. И среди этихъ мучительныхъ тревогъ и сомнѣній вдругъ являлись мысли о томъ, что она, Поля, лишняя. Эта мысль болѣзненно охватывала дѣвушку, сжимая сердце. Связала она по рукамъ и ногамъ Егора Александровича. Добрый онъ, не броситъ онъ ея, пока она жива, а каково ему съ нею? Ни говорить она съ нимъ не умѣетъ, ни гостямъ онъ ее показать не можетъ, да еще теперь, въ этомъ положеніи, и хвораетъ она, ему же горе доставляетъ, то раздражая его, то плача. Горе ему отъ нея много, а радости никакой! Тутъ и милую разлюбишь. Что

Digitized by Google

мужчинѣ въ больной-то? Скорѣй бы хоть это кончалось! А послѣ-то что? Послѣ-то какъ они будутъ жить? Вотъ цѣлая семья у него на шеѣ ради нея сидитъ! Выгнать-то ихъ онъ не захочетъ. Говоритъ: «куда же они пойдутъ, обезпечить ихъ надо». Это онъ все для нея, для Поли, дѣлаетъ. Безъ нея съ чего бы ему о ея роднѣ заботиться? Толкуетъ онъ, что онъ долженъ позаботиться о старикахъ, потому что его семья загубила, испортила, развратила этихъ людей. Пустое это онъ толкуетъ. Что̀ ему они? Не дѣтей ему съ ними крестить. Выгналъ и конецъ! Это онъ только такъ по добротѣ душевной, для ея успокоенія разсказываетъ. Какъ ребенку несмысленочку глаза отводитъ. Точно она не понимаетъ, что кто жъ ихъ губилъ, портилъ да развращалъ? Сами такими вышли. Вотъ ужъ истинно загубила она человѣка. И хоть бы любилъ, а то... По добротѣ своей онъ говоритъ, что любитъ. За что̀ ему любить ее? Сначала, можетъ-быть, и любилъ, а теперь... Господи, хоть бы выздоровѣть скорѣе! И нужно же было этому грѣху случиться! Молилась, чтобы только дѣтей не было, такъ нѣтъ! Богъ-то, видно, такихъ молитвъ не слышитъ. Согрѣшила и казнись!.. И, точно какой-то безконечный клубокъ, развертывались въ головѣ Поли скорбныя, черныя мысли. Вспоминались мелочныя сцены, выраженія Егора Александровича, его вздохи, его взгляды. Все ловилось, все становилось на счетъ. Вонъ сказалъ про Марью Николаевну: «она честная дѣвушка». Что̀ и говорить: вѣшается-вѣшается людямъ на шею, а до грѣха не дойдетъ; ей зачѣмъ, когда на ней каждый женится; такимъ-то и грѣшить не для чего, когда все по закону можно сдѣлать. Тоже пыталъ стращать, что вдругъ уйдетъ, какъ тотъ... какъ его?.. Ѳома какой-то, про котораго въ книгахъ пишутъ. Шутилъ онъ это, а можетъ-быть, и точно наскучило ему, невмочь стало, ну, и хочется бѣжать, какъ тотъ отъ жены бѣжалъ. «Ты бы, говоритъ, отпустила?» «Голубчикъ, да развѣ я смѣю не отпустить! Если бы смѣла, на шагъ бы не отпустила, взглянуть ни на кого не позволила бы!.. Да нѣтъ, нѣтъ, что же это такое! Пусть идетъ, куда хочетъ! Я не помѣха, я не губительница! Говорю, что люблю, а сама кандалы надѣть хочу, руки и ноги связать хочу. Пусть идетъ, пусть идетъ, только бы былъ счастливъ. Самой мнѣ уйти бы слѣдовало»... И глаза Поли съ какимъ-то тупымъ выраженіемъ ужаса останавливались на одной точкѣ. Это были глаза безумной. Въ головѣ происходило что-то недоброе...

Digitized by Google

— Куда же я-то могу уйти?—медленно, какъ бы въ бреду, шептали ея побѣлѣвшія губы, и голосъ становился глухимъ и удушливымъ, точно кто сдавливалъ ей горло.— Некуда мнѣ уйти... некуда... некуда!.. Развѣ съ головой въ воду... Освобожу его!.. Полетитъ на всѣ четыре стороны... Крылья будутъ развязаны!.. То-то проклятая змѣя подколодная будетъ рада!.. О—о, изъ своихъ рукъ задушила бы ее, разлучницу!.. Грѣхъ-то какой, грѣхъ!..

По спинѣ несчастной пробѣгалъ холодъ, голова тяжелѣла, руки и ноги цѣпенѣли. Вмѣсто мыслей въ головѣ вставали страшныя картины, страшные образы.

II.

Въ одну изъ такихъ мрачныхъ минутъ въ комнату Поли, сидѣвшей за шитьемъ, вошелъ Прокофій. Онъ не былъ пьянъ, но выраженіе его морщинистаго лица было крайне сурово.

— А я къ тебѣ, дочка,—сказалъ онъ, подсаживаясь къ дочери.—Ты видѣла сегодня Егора Александровича?

— Какъ же не видать-то,—отвѣтила она отрывисто.— А вамъ что?

— А то, что... Что онъ говорилъ-то тебѣ?

— Мало ли что! Всего не перескажешь!.. Да вамъ-то, спрашиваю, что?

— А то, что встрѣтилъ я сейчасъ Агаѳью Прохоровну... Подлая, право, подлая!.. Разлетѣлась ко мнѣ съ поздравленіями... «Марья Николаевна, говоритъ, своему жениху отказала, за Егора Александровича выходитъ. Вамъ, говоритъ, радость, тоже зятькомъ приходится вамъ Егоръ Александровичъ». Тьфу, окаянная! Этакія слова на старости лѣтъ приходится слушать!..

Поля побѣлѣла, какъ полотно, поднялась съ мѣста и, запатавшись, ухватилась за столъ. Но, собравшись съ силами, она все же замѣтила дрожащимъ голосомъ:

— Охота вамъ было говорить съ нею!.. И ко мнѣ-то эти вѣсти зачѣмъ приносите?.. Тварь она поганая, и больше ничего!.. Ни на комъ Егоръ Александровичъ не женится...

— Ой, не хвались!—проговорилъ Прокофій, стуча рукой по столу.—Еще насмотримся мы горя... Загубила ты себя, да и меня съ собою... Вонъ въ гробу одной ногой стою, а угла, можетъ, скоро не будетъ, куда бы сѣдую голову приклонить... Говорили, чтобы замужъ шла... всѣмъ бы хорошо было...

Digitized by Google

Поля молчала, точно Прокофій говорилъ не съ ней. У нея въ головѣ снова вихремъ проносились тяжелыя думы, цѣпляясь одна за другую. Разобраться въ нихъ у нея не было ни силъ, ни умѣнья.

Она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стала ждать Егора Александровича, чтобы разспросить его обо всемъ! Онъ, какъ на зло, вернулся въ этотъ день съ охоты только вечеромъ, къ чаю. Поля замѣтила, что онъ сильно усталъ, но, тѣмъ не менѣе, не выдержала и спросила его за чаемъ:

— Правда это, Егоръ Александровичъ, что Марья Николаевна своему жениху отказала?

Она произнесла эту фразу насколько могла спокойно.

— Да,—отвѣтилъ онъ разсѣянно.

— Вѣрно, другого нашла?—сказала Поля, блѣднѣя.

— Нѣтъ, просто не любитъ она Томилова.

— Не любитъ, а столько времени хороводилась съ нимъ!

— Глупости ты говоришь... О томъ, Поля, чего не понимаешь, лучше не говори... Марья Николаевна...

— Ну, гдѣ ужъ мнѣ понять,—страстно перебила его Поля съ необычайною для нея рѣзкостью.—Я простая дѣвушка, не барышня! Мы не умѣемъ за десятью бѣгать, если одного любимъ...

Егоръ Александровичъ поднялъ на нее удивленные глаза. Онъ только теперь подмѣтилъ ея волненье.

— Чего ты горячишься?—спросилъ онъ спокойно.—Ты вотъ, простая дѣвушка, хочешь очернить ее, сама не зная за что, а она, барышня, Христомъ Богомъ просила меня, чтобы я познакомилъ ее съ тобою, чтобы она могла подружиться съ тобою.

Поля вспылила еще болѣе и опять загорячилась:

— Не нуждаюсь я въ ихъ дружбѣ! Этакіе-то друзья обнимать станутъ—задушатъ!..

— Это кто же тебѣ сказалъ? Не Марѳуша ли сказала про Марью Николаевну?—спросилъ Егоръ Александровичъ, укоризненно качая головой.—Ты вѣдь Марѳушу знаешь, говорила съ ней...

И грустнымъ тономъ онъ добавилъ:

— Видишь ли что, Поля: про нее, кромѣ добраго, никто изъ окружающихъ ее, изъ близкихъ къ ней, ничего не скажетъ. За что же ты ее бранишь? Вѣдь ужъ не такая же ты сама безгрѣшная да добрая, чтобы всѣхъ другихъ судить...

Поля смотрѣла на него уже съ испугомъ. У нея сжалось сердце. Онъ мягко и осторожно продолжалъ:

Digitized by Google

— Ты, голубка, все о себѣ только думаешь, надо и о другихъ подумать. Можетъ-быть, другимъ тоже не сладко живется. Сквозь золото тоже слезы льются.

— Вы ее любите?—совершенно неожиданно спросила Поля упавшимъ голосомъ.

— Да, она добрый и хорошій человѣкъ. За что же мнѣ ее не любить?—сказалъ Егоръ Александровичъ и съ улыбкой прибавилъ:—Вѣдь это только ты, не зная ея, бранишь ее... Ревнива ты, Поля. Я этого и не зналъ. Такъ нельзя, милая... Вѣдь не могу же я безъ людей жить...

— А я? Мнѣ никого, никого, кромѣ васъ, не нужно!—воскликнула Поля.

— Къ несчастью, покуда тебѣ приходится такъ жить,—отвѣтилъ онъ.—Но всегда такъ жить нельзя. Вотъ почему я и стараюсь, чтобы ты подучилась, развилась...

Она поднялась съ мѣста.

— Не надо... ничего мнѣ не надо!—сухо сказала она.—Не барышня я...

Онъ вздохнулъ. Ему начинали надоѣдать эти разговоры. Десятки разъ пробовалъ онъ объяснить Полѣ, что ученье и развитіе только скрѣпятъ ихъ союзъ. Она никакъ не могла понять, почему. Ему наскучило возвращаться къ этому вопросу, къ одному и тому же вопросу, къ однимъ и тѣмъ же объясненіямъ. Это была какая-то работа бѣлки въ колесѣ, приводившая въ отчаянье своей безполезностью, своей безуспѣшностью. Допивъ стаканъ чаю, онъ всталъ, поцѣловалъ Полю въ лобъ и прошелъ въ свою спальню. Молодая дѣвушка осталась у стола, точно окаменѣвъ. Въ ея мозгу была только одна мысль: «не меня, ее любитъ!» Потомъ, вдругъ опомнившись, она спохватилась, что она, все-таки, не спросила его о главномъ: «не женится ли онъ на Марьѣ Николаевнѣ?» Да что же и спрашивать? Если любитъ, такъ и спрашивать нечего. Женитьба что?—Любовь главное!..

Поля опустилась на стулъ, закрыла лицо руками и зарыдала.

III.

На слѣдующій день Прокофій снова забрелъ подъ вечеръ къ дочери и разсказалъ ей, что Агаѳью Прохоровну чуть не побилъ Егоръ Александровичъ за то, что она его поздравила, какъ жениха Марьи Николаевны.

— Что вы душу-то мою выматываете,—воскликнула Поля.—Сердце-то мое по частичкамъ разорвать хотите! И такъ я

Digitized by Google

изстрадалась!.. Мѣстечка во мнѣ живого нѣтъ!.. Хотите, чтобы руки на себя наложила, что ли?.. Ну, хорошо, хорошо, порадуетесь еще!.. Вѣдь у меня исхода нѣтъ, просвѣта нѣтъ впереди!..

Прокофій испугался.

— Что ты, обезумѣла, что ли?—проговорилъ онъ, махая рукой.—Не къ тому я... А надо же тебѣ знать... Если онъ ее, Агаѳью-то, поколотить хотѣлъ за Протасиху, значитъ не даромъ. Такъ-то съ чего бы? Мало ли псы брешутъ... Ахъ, дочка, дочка, много ты горя намъ принесла...

Поля заплакала, ничего не отвѣчая отцу. Онъ подошелъ къ ней и мягко заговорилъ:

— Ты не убивайся... Можетъ, онъ и не любитъ ее, а только дѣла поправить хочетъ... Тоже невѣста выгодная... Ну, женится, тогда и намъ легче будетъ, обезпечитъ по крайности...

— Ничего мнѣ не надо, ничего!—крикнула Поля, отстраняясь отъ отца.—Не за деньги люблю! Слышите! Вы за деньги душу продавали! Я не такая! Всѣ погибайте, всѣ по-міру идите, если онъ разлюбилъ! Никого не жаль, себя не жаль, если разлюбилъ!..

Она походила на сумасшедшую. Ея глаза горѣли сухимъ, лихорадочнымъ блескомъ, на щекахъ проступили красныя пятна.

— Идите, идите!—сурово продолжала она выкрикивать.—На грѣхъ вы всѣ меня толкаете, на смертный грѣхъ!.. И Богъ васъ накажетъ, если я... Господи, видишь Ты, не вольна я въ себѣ!—воскликнула она, обращая безумные глаза къ образу.

Прокофій испугался не на шутку.

— Полно, полно!—заговорилъ онъ.—Ну, перемелется... Вотъ водички выпей...

Онъ дрожащими руками торопливо налилъ въ стаканъ воды и подалъ Полѣ. Она безсознательно выпила воду и почувствовала ознобъ. Не прошло и получаса, какъ ей стало хуже. Ее била лихорадка. Ея силы настолько ослабѣли, что ей пришлось лечь. Егоръ Александровичъ, услыхавъ, что Поля захворала, поспѣшилъ за докторомъ...

Дней пять молодая дѣвушка не вставала съ постели. Ея физическія силы были надломлены, но нѣсколько дней, проведенныхъ въ постели, успокоили немного ея нервы. Заботливость Егора Александровича, если не пробудила въ ней луча надежды на его любовь, то согрѣла ее, смягчила ея сердце.

Digitized by Google

— Господи, какой вы добрый!—шептала она, цѣлуя его руки съ какой-то покорной благодарностью.—Душу готовы мнѣ отдать, а я...

— Да ты не волнуйся, Поля,—уговаривалъ онъ ее, ласково улыбаясь.—А то я сердиться буду... Докторъ говоритъ, что въ твоемъ положеніи главное—спокойствіе...

— А вы испугались, когда я заболѣла?

— Еще бы!

— Думали, умру?

— Ну, этого-то не думалъ... Ты вѣдь по натурѣ здоровый человѣкъ...

— А если бы умерла!

— Полно глупости придумывать!

— Нѣтъ, отчего же!.. Вотъ я умерла бы, женились бы вы...

Онъ покачалъ съ упрекомъ головой.

— Зачѣмъ ты сама причиняешь себѣ лишнія тревоги, лишнее горе?—сказалъ онъ серьезнымъ тономъ.

Она промолчала. Потомъ осторожно замѣтила:

— А что же Марья Николаевна, кажется, и ходить къ намъ перестала?

— Неудобно ей ходить теперь ко мнѣ, послѣ того, какъ она отказала Томилову.

— Это почему?—спросила Поля.

— Потому, что теперь еще Богъ знаетъ, что начнутъ сплетничать про нее.

Поля взглянула пристально на Егора Александровича.

— Что-жъ, будутъ говорить, что вы ея женихъ? — сказала она.

— Это же непріятно, когда я не женихъ и не могу быть ея женихомъ...

Поля вздохнула.

— Скучно вамъ безъ нея будетъ...

Мухортовъ на мгновенье сдвинулъ брови. Поля угадала. Ему уже было скучно, что онъ не видалъ нѣсколько дней Марью Николаевну. Но, тѣмъ не менѣе, онъ поспѣшилъ оправиться и равнодушно отвѣтилъ:

— Не скучалъ же я безъ нея прежде...

Послышался новый вздохъ Поли.

— Да, — проговорила она: — я, Егоръ Александровичъ, лежала вотъ и все думала. Правда это, что учиться мнѣ надо. Скорѣй бы только все кончилось. Тогда я стану учиться, всему, всему. Такъ нельзя. Что-жъ, въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ, это за жизнь: свой домъ есть, а къ другимъ надо вамъ бѣжать душу отвести...

Она обратила къ нему заискивающій, просительный, боязливый взглядъ:

— Тогда вѣдь будете любить?

— А теперь не люблю?—шутливо спросилъ онъ.

Она покачала головой.

— Нѣтъ, вы не шутите... Не надо!.. За что же меня любить?..

IV.

Выздоровленіе Поли шло медленно, хотя она уже и не лежала въ постели. Ея лицо страшно измѣнилось. Оно похудѣло, на щекахъ былъ багровый румянецъ, въ глазахъ былъ сухой блескъ. Къ несчастію, и погода стояла такая, что легче было расхвораться, чѣмъ выздоровѣть. Послѣ сухого и теплаго августа насталъ ненастный сентябрь. Мелкіе осенніе дожди шли въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль. Казалось, надъ землею проливались молчаливыя, неутѣшныя слезы. Въ охотничьемъ домикѣ царила тишина, царила скука. Егоръ Александровичъ или работалъ въ своемъ кабинетѣ, или ходилъ на охоту, или бесѣдовалъ съ разными мужиками; Поля тоскливо шила мелкія, необходимыя для будущаго своего ребенка, вещи. Ручная женская работа сильно располагаетъ къ думамъ, и у Поли не было имъ конца. Во время болѣзни ее охватило желаніе учиться, развиваться. Но это было минутною вспышкою, послѣдней соломинкой утопающаго. Этими мечтами Поля тѣшила себя, стараясь увѣрить себя, что она скоро сдѣлается такою же, какъ Марья Николаевна, и что Егоръ Александровичъ тогда полюбитъ ее. Такъ иногда одиноко растущія дѣти сами себѣ разсказываютъ сказки. Теперь эти мечты вдругъ куда-то улетучились, исчезли, и ихъ замѣнили новыя безотрадныя думы. Смотря на Егора Александровича, Поля видѣла, что онъ чѣмъ-то озабоченъ. Ей не приходило въ голову мысли о томъ, что ему было о чемъ подумать, что ему приходилось рѣшить трудный вопросъ, какъ жить, какой дорогой идти, къ какой цѣли стремиться. Работа его мысли, мучительная и болѣзненная работа, отъ которой онъ худѣлъ и блѣднѣлъ, отъ которой онъ не могъ ни бѣжать, ни укрыться, была неизвѣстна, непонятна ей. Она удивилась бы, что можно биться въ слезахъ надъ отвлеченными вопросами о правдѣ, о честности, о добрѣ, о Богѣ. Для

Digitized by Google

нея всѣ эти вопросы были давно ясны и разрѣшены, какъ для ребенка ясенъ и разрѣшенъ вопросъ о томъ, что деревянная палочка, на которой онъ скачетъ, есть настоящая лошадка. Ей просто казалось, что Егоръ Александровичъ «скучаетъ». И какъ же не скучать? Одинъ онъ. Даже Марья Николаевна не ходитъ къ нему. Съ нею, съ Полей, ему не весело. Вотъ если бы она была образованная, какъ Марья Николаевна. Нѣтъ... гдѣ ей! Вонъ книжки онъ ей читаетъ, такъ ее ко сну клонитъ. Что въ нихъ, въ книжкахъ! Нѣтъ, ужъ, видно, она такою уродилась, что ей ничего не надо. Да, ничего и никого не надо, только бы Егоръ Александровичъ былъ съ нею. Ей вспомнилось, что Егоръ Александровичъ говорилъ ей какъ-то, что нужно любить всѣхъ людей, какъ братьевъ, что иначе и самого человѣка никто любить не будетъ. А кого же она любитъ? Кто ее любитъ? Да за что же ей ихъ любить? За что имъ любить ее? Тоже не мало люди-то ее грызли! И теперь грызутъ! Передъ нею вставали образы ближнихъ: Софья Петровна, любившая ее, какъ любятъ куколъ: играютъ съ ними и ломаютъ ихъ; Агаѳья Прохоровна, вѣчно рывшая ей яму да лаявшая, какъ собака изъ-за кости; тоже тетушка Елена Никитишна хороша, замужъ за постылаго хотѣла выдать, чтобы подъ старость жить у нея, у Поли; отецъ — на всякій грѣхъ благословилъ бы онъ, лишь бы денегъ за это дали, пропоица безсовѣстный. Нѣтъ, это господамъ хорошо любить ближнихъ; за деньги-то эти ближніе у господъ руки лижутъ; горя-то при деньгахъ отъ ближнихъ не приходится видѣть. Вонъ Марья Николаевна, поди, весь міръ любитъ, съ жиру... Легко такъ-то любить! Вынула изъ кармана деньги да и дала! вотъ, молъ, какъ я васъ люблю! Все равно ей, много у самой останется. А попробовала бы любить, когда каждый норовилъ бы обидѣть да загрызть... Мысль о Марьѣ Николаевнѣ снова навела Полю на вопросы: не видится ли Егоръ Александровичъ съ Марьей Николаевной тайкомъ? Она вѣдь хитра, сумѣетъ найти уголокъ, гдѣ встрѣчаться. Не выпуститъ она его изъ рукъ. И то сказать, такого-то красавца какая дѣвушка не полюбитъ! Разлучница, креста-то на вороту у нея нѣтъ. Видитъ, что человѣка другая любитъ, а она отбиваетъ. Мало мужчинъ, что ли? Выбирала бы въ другомъ мѣстѣ... Въ душѣ опять поднималось негодованіе противъ Протасовой...

Эти думы Поли были въ одно сентябрьское утро пре-

Digitized by Google

рваны громкимъ говоромъ въ гостиной. Поля подбѣжала къ двери и замерла на мѣстѣ, сразу узнавъ знакомый голосъ.

— Марья Николаевна, какими судьбами! — воскликнулъ Егоръ Александровичъ въ гостиной.

Въ его голосѣ послышалась радость.

— Здравствуйте, добрый мой... Тысячу лѣтъ не видала васъ,—проговорила Марья Николаевна торопливо.—Ну, да теперь некогда говорить... Мнѣ говорили, что у васъ каждый день бываетъ докторъ... Не у васъ ли онъ?

— Нѣтъ, но будетъ сейчасъ... А что?

— Ахъ, несчастіе! У Марѳуши сынъ заболѣлъ... Дифтеритъ, кажется... Я не знаю, но боюсь... Вѣдь онъ у нея одинъ... Милый, скажите доктору, чтобы сейчасъ же... Вы знаете, гдѣ живетъ Марѳуша?

— Да, знаю...

— Ну, такъ укажите ему...

— Такъ подождите его...

— Нѣтъ, нѣтъ, я туда поѣду... Нельзя ее одну оставить... Знаете вы ихъ, еще что-нибудь натворятъ, глупыя... Этакая вѣдь бѣда!..

Она въ волненіи пожала руку Егору Александровичу и быстро вышла изъ комнаты. Поля, совсѣмъ помертвѣвшая, вошла въ гостиную.

— Что это?—глухо сказала она.—Марья Николаевна была?

— Да... Какое горе у бѣдной... У Марѳуши сынъ захворалъ... Скорѣй бы докторъ пріѣхалъ...

Егоръ Александровичъ посмотрѣлъ на часы.

— Поѣхать ему навстрѣчу—разъѣдешься, пожалуй?—въ раздумьи разсуждалъ онъ, не зная, что дѣлать.

— Да, вѣдь дифтеритъ... это прилипчивая болѣзнь?.. — сказала Поля.

— Да...

— Такъ какъ же?..

Онъ разсѣянно отвѣтилъ, все еще глядя на часы и соображая:

— Ну, Марьѣ Николаевнѣ не до этого... Мальчуганъ же ея крестникъ... Да она и любитъ Марѳушу, какъ сестру...

— Да я не о томъ,—отрывисто сказала Поля.—А какъ же вотъ къ вамъ пришла... Еще пристанетъ... къ вамъ... Тоже о другихъ-то не думаетъ... На самоё-то смерти нѣтъ.

Егоръ Александровичъ раздражился и почти съ отвращеніемъ взглянулъ на Полю, точно онъ былъ готовъ въ эту минуту раздавить ее ногою.

Digitized by Google

— Сердца-то у тебя нѣтъ! — запальчиво сказалъ онъ. — Тутъ люди заботятся о спасеніи жизни другихъ, о себѣ забываютъ, а она...

У Поли мгновенно опустились руки. Ее точно холодной водой облило. Онъ закусилъ губы, уже сердясь на себя за невольную вспышку. Въ послѣднее время онъ особенно упорно наблюдалъ за собою, чтобы подавлять всякіе порывы раздраженія и гнѣва. Но это давалось не легко. Въ эту минуту подъѣхалъ докторъ. Егоръ Александровичъ торопливо пошелъ ему навстрѣчу.

— Докторъ, прежде всего поѣдемте въ другое мѣсто, — проговорилъ онъ, пожимая руку доктору.—Сюда потомъ заѣдете, а тамъ дифтеритъ... отлагать нельзя...

Онъ торопливо пошелъ съ докторомъ къ выходу...

Поля не трогалась съ мѣста...

— Окаянная! окаянная!—шептала она, тупо смотря передъ собою. — Не мудрено, что не любитъ... Ненавидѣть будетъ...

Она начала себя бить кулакомъ въ лобъ.

— Всѣхъ только клянешь, да ругаешь, а сама... Ахъ, ты, проклятая!.. Ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ не простится!.. Какъ собака, издохнешь!..

И что-то вспомнивъ, она съ горечью проговорила, повторяя слова Егора Александровича почти его голосомъ:

— «Сердца у тебя нѣтъ! Тутъ люди заботятся о спасеніи жизни другихъ, о себѣ забываютъ, а она...» Голубчикъ, голубчикъ мой, — крикнула она вдругъ рыдающимъ голосомъ:—никогда не буду, никогда!.. Прости, прости, родной мой!.. Загубила тебя, загубила!. Ангельская ты душа...

И вдругъ широко раскрывъ глаза, съ открытымъ ртомъ, она смолкла, вся похолодѣвъ.

— А ребенокъ?—какимъ-то вздохомъ прошептали ея сипѣющія губы. — Онъ какъ же?.. Вмѣстѣ со мною?.. Нѣтъ, нѣтъ, что ребенокъ?.. Его... пусть... свободенъ будетъ...

Она, шатаясь, заметалась по комнатѣ, точно что-то отыскивая ощупью; случайно натолкнулась на дверь, ведущую къ террасѣ; побѣжала по дорожкѣ, какъ-то безсознательно дѣлая движенія рукой, какъ бы стараясь за что-то ухватиться, придержаться, чтобы не упасть; добѣжала до бесѣдки надъ обрывомъ и сбоку, гдѣ была живая изгородь, быстро, безсмысленно раздвинувъ вѣтки колючаго кустарника, ринулась внизъ.

Послышался сильный всплескъ воды...

Digitized by Google

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА.

I.

Сентябрь пришелъ къ концу; наступилъ октябрь. Дождливые дни снова смѣнились ясными и замѣчательно теплыми осенними днями. Но эти дни, несмотря на тепло, уже не походили на тѣ августовскіе дни, когда въ воздухѣ еще не слышалось осенней свѣжести, когда деревья въ саду охотничьяго домика еще были вполнѣ зелены, когда здѣсь все было еще въ полномъ цвѣту. Теперь весь садъ, сильно запущенный за послѣдніе дни и давно неметенный, былъ полонъ желтыхъ и красныхъ листьевъ; въ клумбахъ цвѣли почти однѣ астры, напоминавшія своими безжизненными цвѣтами выцвѣтшіе искусственные цвѣты, да кое-гдѣ виднѣлись еще въ вышинѣ грубые, яркіе цвѣты георгинъ, вытянувшихся выше человѣческаго роста. На ступеняхъ террасы охотничьяго домика сидѣлъ Егоръ Александровичъ въ своемъ обычномъ костюмѣ,—сѣрой суконной блузѣ, подпоясанной кожанымъ ремнемъ, въ высокихъ сапогахъ. Онъ былъ неузнаваемъ: казалось, онъ и выросъ, и возмужалъ за послѣдніе дни, и въ то же время осунулся, похудѣлъ и поблѣднѣлъ; онъ сталъ шире въ кости, но юношеская мясистость исчезла, черты лица приняли болѣе рѣзкій характеръ, утративъ округлость; въ послѣднее время онъ пересталъ подстригать бороду и баки, еще не вѣдавшія бритвы, и теперь еще лицо было окаймлено мягкими, пушистыми бѣлокурыми волосами, нѣсколько скрадывавшими худощавость лица; но эта худощавость тотчасъ же дѣлалась замѣтной, стоило только взглянуть на его глаза: они сильно ввалились и сдѣлались какъ будто больше, темнѣе, глубже и смотрѣли сосредоточенно, серьезно и вдумчиво. Онъ сидѣлъ одиноко, сдвинувъ брови, не обращая вниманія на окружающіе его предметы, чертя безсознательно прутомъ какіе-то узоры на пескѣ, очевидно отдавшись тяжелымъ думамъ. Онѣ, казалось, охватили его всего.

— Опять безъ книги, опять передумываете горькія думы. Такъ нельзя. Нужно же разсѣяться! — послышался около него мягкій и ласковый голосъ. — Вы изведете себя совсѣмъ.

— А, это вы, нашъ добрый геній,—очнувшись, сказалъ Егоръ Александровичъ и дружески протянулъ обѣ руки ...вшей передъ нимъ Марьѣ Николаевнѣ.

Digitized by Google

Странными стали его руки: широкія, красныя, огрубѣвшія, онѣ не напоминали теперь его прежнихъ выхоленныхъ рукъ.

— Ну, что наша больная?—спросила участливо дѣвушка.

— Сознаніе вернулось совсѣмъ... Кажется, теперь опасность миновала, хотя, признаюсь вамъ, именно сегодня я особенно боюсь за нее...

— А что?—тревожно спросила Марья Николаевна.

— Велѣла позвать священника... отца Ивана... Зачѣмъ, зачѣмъ?..

Онъ передернулъ плечами. Въ его голосѣ послышалась щемящая тоска.

— Исповѣдываться?

— Да... Зачѣмъ же?.. Въ чемъ?..

— Ей легче будетъ,—тихо сказала Марья Николаевна.

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Отецъ Иванъ утѣшеній не приноситъ... не умѣетъ утѣшать...

— Насъ съ вами... а ее... Взгляните, какъ его любятъ крестьяне... На ихъ языкѣ говоритъ онъ, ихъ понятія у него... Они вѣрятъ въ одно и то же.

Онъ тяжело вздохнулъ.

— Убить онъ можетъ ее своею грубостью... Она еще такъ слаба...

— Предупредите его...

— Что вы говорите! Развѣ онъ меня послушаетъ? Съ нимъ я не умѣю говорить... Знаю всѣ его достоинства, удивляюсь его стойкости и не умѣю съ нимъ объясняться... на разныхъ языкахъ говоримъ...

Онъ что-то вспомнилъ, проводя рукой по лбу.

— Да, кстати... Просила она потомъ васъ придти къ ней...

— Вы ей сказали, что я ходила за ней? — почти съ упрекомъ проговорила Марья Николаевна. — Зачѣмъ же?.. Я нарочно ушла, когда она стала говорить сознательнѣе...

— Я ей ничего не говорилъ, Марья Николаевна,—отвѣтилъ онъ. — Она сама пожелала... Не знаю, зачѣмъ, но... боюсь я... Нужно ли вамъ идти къ ней?..

На его лицѣ отразилась душевная тревога. Марья Николаевна подняла на него вопросительные глаза.

— Я же вамъ все разсказалъ, — пояснилъ онъ. — Вы знаете, что она подозрѣвала меня, васъ... ревновала...

Молодая дѣвушка въ смущеніи смотрѣла уже въ сторону, избѣгая его пытливаго, тревожнаго взгляда.

Digitized by Google

— Я боюсь, что она можетъ сказать вамъ что-нибудь непріятное, обидное,—продолжалъ онъ.

— Мнѣ все равно,—тихо отвѣтила она.—Она такъ несчастна, что... Мнѣ все равно... Я пойду.

Онъ молча взялъ ея руки и поднесъ ихъ къ губамъ. Она не отняла ихъ, не измѣнилась въ лицѣ.

— А дома все та же война? — спросилъ онъ. — Война изъ-за насъ...

— Я не обращаю вниманія,—отвѣтила Протасова.—Вы знаете, отецъ далъ мнѣ полную свободу давно. Онъ увѣренъ во мнѣ. А эти сумасшедшія старухи... Что мнѣ онѣ? Мнѣ только досадно, что отца теперь нѣтъ здѣсь. При немъ не было бы и этой войны.

— Вы много, много сдѣлали для меня, для Поли... Безъ васъ я потерялъ бы голову... Какъ ни стараюсь я, а все еще не могу вполнѣ закалить себя... баричъ!..

Она покраснѣла и перемѣнила разговоръ...

Съ того дня, какъ Поля бросилась въ воду, Марья Николаевна почти безвыходно пребывала въ охотничьемъ домикѣ. Не много было этихъ дней; но они могли показаться цѣлою вѣчностью. Полю вытащили изъ воды въ безсознательномъ состояніи, хотя съ очевидными признаками жизни. Вытащилъ ее кучеръ Дороѳей, водившій лошадей на водопой. Прежде чѣмъ люди успѣли придти къ какому-нибудь заключенію, что дѣлать съ утопленницей, въ охотничій домикъ вернулись Егоръ Александровичъ и докторъ. Дѣвушку внесли въ домъ и тотчасъ же пришлось послать за акушеркой. Егоръ Александровичъ совершенно растерялся и ходилъ, какъ во снѣ, торопя всѣхъ и каждаго, хватаясь то за ту, то за другую вещь, спрашивая по сто разъ доктора, есть ли опасность, не нужно ли чего-нибудь сдѣлать? Потрясеніе было слишкомъ неожиданно. Когда Мухортову сказали, что Поля, вѣроятно, выживетъ, но что ребенокъ мертвъ, онъ не выдержалъ и разрыдался такими горькими слезами, какъ плачутъ женщины и дѣти. Когда ему сказали, что пріѣхалъ становой снять допросъ, онъ чуть не бросился его душить въ порывѣ бѣшенства, пробудившагося въ немъ при первомъ грубомъ словѣ. Въ эти страшно тяжелыя минуты явились около него двѣ личности, одинаково тепло отнесшіяся къ нему. Это были Павликъ и Марья Николаевна. Первый неумѣло, какъ юноша, вторая съ чисто женскимъ чутьемъ и ловкостью услуживали Егору Александровичу, утѣшали его, помогали въ уходѣ за По-

Digitized by Google

лей, лежавшей безъ сознанія. Егоръ Александровичъ не благодарилъ ихъ и пользовался ихъ услугами безъ возраженій, распоряжался ими и посылалъ ихъ то туда, то сюда; только черезъ три-четыре дня онъ немного оправился, совладалъ со своими нервами и почти съ ужасомъ замѣтилъ Марьѣ Николаевнѣ:

— Дорогая моя, но что же скажутъ ваши?.. Что будутъ говорить вообще сосѣди? На сплетни-то и у Слытковыхъ ума хватитъ...

Она махнула рукой и бодро отвѣтила:

— Ну, ужъ это мое дѣло!.. О такихъ глупостяхъ не стоитъ и говорить въ такомъ положеніи...

Павликъ между тѣмъ лукаво улыбнулся.

— Ты, Егораша, самъ вытолкалъ въ шею пришедшаго за Марьей Николаевной слугу,—сказалъ онъ:—это-то ужъ, я думаю, весь уѣздъ теперь знаетъ.

— Какъ? Когда?—спросилъ Егоръ Александровичъ, съ испугомъ.

Онъ ничего не помнилъ. А между тѣмъ, онъ дѣйствительно вытолкалъ слугу Ададуровыхъ, пришедшаго справиться, не здѣсь ли барышня.

— Вотъ этого еще недоставало, самъ скандалъ сдѣлалъ!—проговорилъ онъ.

— Ничего, Егораша,—сказалъ Павликъ.—Я уже ѣздилъ съ письмомъ Марьи Николаевны къ ея Медузамъ...

— Милый мальчикъ!—проговорила Марья Николаевна, потрепавъ его по щекамъ.—Я боялась, что онѣ его съѣдятъ...

— Я потомъ поѣду, если нужно, самъ,—сказалъ Егоръ Александровичъ.—Мнѣ такъ совѣстно... И какъ я сразу ничего не сообразилъ...

— Нѣтъ, ты сообразилъ,—шутливо замѣтилъ Павликъ.—Какъ еще командовалъ и Марьей Николаевной, и мною, точно нанялъ насъ...

— Простите, мои дорогіе!—проговорилъ Егоръ Александровичъ, протягивая имъ руки.

Онъ теперь только понялъ, какъ много они для него сдѣлали. Припоминая всѣ мелочныя подробности этихъ дней, онъ изумлялся тому, что дѣлала Марья Николаевна, работавшая и услуживавшая, какъ простая служанка. Это было полное самозабвеніе, безусловная готовность служить ближнему. Повидимому, ни на мгновеніе въ ея душѣ не промелькнула мысль о томъ, что ей неприлично быть тутъ, что ей тяжело исполнять обязанности сидѣлки, что она прино-

Digitized by Google

ситъ жертву. Среди общей суматохи ею командовали и распоряжались всѣ, и она покорно дѣлала свое дѣло, какъ наемная слуга. Такъ прошло не мало дней. Павликъ и Марья Николаевна чередовались, помогая Егору Александровичу. Наконецъ Поля начала приходить въ сознаніе, ея рѣчи стали осмысленными. Тогда Марья Николаевна сочла нужнымъ удалиться. Больная лежала въ полутемной комнатѣ, но Марья Николаевна все же боялась быть узнанной ею. Егоръ Александровичъ полусловами, говоря о вѣроятной причинѣ покушенія на самоубійство, намекнулъ на ревность Поли. Услышавъ это, Марья Николаевна поблѣднѣла, и у нея точно защемило сердце. До этой минуты она еще ни разу не сознала ясно, что она дѣйствительно любитъ, безгранично любитъ Егора Александровича. Теперь вдругъ ей стало это яснѣе дня. Да, онъ для нея все; кромѣ него она не думаетъ ни о комъ. Будь это несчастіе не съ нимъ— развѣ она пошла бы сюда? Настолько-то и у нея было боязни передъ людскими толками, чтобы не проводить ночей около больной любовницы молодого человѣка, въ его домѣ. Вѣдь это не то, что ходить за сынишкой Марѳуши. Но для него, для Егора Александровича, она готова на все. Онъ ей дороже всего на свѣтѣ. Теперь она поняла это, теперь она готова бы признаться въ этомъ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Но какъ же: вѣдь онъ почти женатъ? Что же такое? Развѣ она не сумѣетъ найти въ себѣ столько силъ, чтобы не нарушить его счастья? Полѣ лучше, и она, Марья Николаевна, можетъ теперь уйти. Она еще зайдетъ справиться нѣсколько разъ, какъ поправляется больная, а потомъ—потомъ простится она съ нимъ навсегда, навсегда, навсегда...

Павлику, провожавшему Марью Николаевну по обыкновенію и на этотъ разъ до дому, показалось, что она плачетъ. Было совсѣмъ темно, но онъ все же видѣлъ, что она подносила нѣсколько разъ платокъ къ глазамъ.

— Марья Николаевна,—осторожно окликнулъ онъ ее:— вы плачете!

— Ничего, голубчикъ, ничего,—отвѣтила она дѣтскимъ голосомъ.—Это я такъ... это пройдетъ...

Онъ бросился поближе къ ней и взялъ ее съ участіемъ за руки.

— Вы его любите, Марья Николаевна?—спросилъ онъ тихо, съ любопытствомъ и добродушіемъ юноши, чувствующаго уже волненіе въ груди даже при чужомъ признаніи въ любви.

Digitized by Google

— Не надо, Павликъ, не надо!—отвѣтила она пугливо.

— Я не скажу, Марья Николаевна. Ей-Богу, не скажу! Ни ему, никому, никому. За кого же вы меня считаете?

Онъ самъ чуть не плакалъ, стараясь увѣрить ее, что онъ достоинъ довѣрія. Она еще колебалась.

— Побожись, Павликъ!

— Ей-Богу! Вѣдь это же подло, чужія тайны выдавать! Я никогда, никогда!

Она порывисто и крѣпко сжала ему руку.

— Люблю!—прошептала она.

— Бѣдная вы моя, бѣдная!—съ серьезностью и съ участіемъ произнесъ онъ.

— Только ты никому, никому! Ради Христа!—торопливо заговорила она убѣдительнымъ тономъ.—Я тебѣ сказала, потому что ты мнѣ все равно, какъ братъ.

— Я вашъ другъ, Марья Николаевна,—съ достоинствомъ сказалъ онъ.

— Ну, да, другъ! Вотъ я и сказала! Мнѣ некому сказать больше. Я одна, Павликъ! У меня только ты и есть. Я тебя люблю больше Зины и Любы.

— Ну, что онѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, онѣ добрыя дѣвушки... Но ты... ты ближе мнѣ...

Онъ опять сжалъ ея руку совсѣмъ по-товарищески такъ крѣпко, что она чуть не вскрикнула. Ему хотѣлось, чтобы она вполнѣ поняла, какъ глубоки и искренни его чувства.

II.

Къ Егору Александровичу, еще бесѣдовавшему съ Марьей Николаевной, на террасу вышелъ Прокофій. Старикъ тоже осунулся и подряхлѣлъ за послѣднее время. Несчастіе такъ сильно подѣйствовало на него, что онъ даже не пилъ въ послѣдніе дни. Онъ пришелъ доложить барину, что пришелъ отецъ Иванъ. Егоръ Александровичъ измѣнился въ лицѣ. Онъ поспѣшно поднялся со ступеней террасы и прошелъ въ комнату.

Въ гостиной стоялъ отецъ Иванъ, по обыкновенію, суровый и мрачный. Какое-то тяжелое, гнетущее чувство охватило Егора Александровича при видѣ этого безпощаднаго человѣка. Ему вспомнилась Поля, больная, слабая, безсильная, нуждающаяся въ поддержкѣ и утѣшеніи, и ему стало страшно при мысли о томъ, какъ отнесется къ ней отецъ Иванъ.

Digitized by Google

— Хорошихъ дѣлъ надѣлалъ!—съ обычной грубостью проговорилъ старикъ, глядя угрюмо на Мухортова.

— Больная желаетъ исповѣдаться,—отвѣчалъ Егоръ Александровичъ, не возражая, не оправдываясь.

— Говорили... Живы да здоровы, такъ въ церковь не заглянутъ: Богъ не нуженъ... Придетъ смерть, такъ каяться спохватятся...

Егоръ Александровичъ сухо и холодно указалъ священнику на дверь къ больной.

— Вотъ сюда!—сказалъ онъ.

Отецъ Иванъ окинулъ его враждебнымъ взглядомъ.

— Самъ-то когда каяться будешь?—спросилъ онъ.

— Я васъ, батюшка, не для себя звалъ,—отвѣтилъ тѣмъ же холоднымъ и сухимъ тономъ Мухортовъ.

— Гдѣ ужъ намъ такихъ-то, какъ ты, исповѣдывать,—сказалъ старикъ.—Умнѣй отцовъ стали! Твой-то отецъ душу мнѣ всю раскрывалъ...

Мухортовъ стиснулъ зубы, чтобы не сказать какой-нибудь рѣзкой фразы. Онъ молча открылъ дверь въ комнату Поли и пропустилъ отца Ивана...

— Батюшка!—раздался изъ глубины комнаты болѣзненный крикъ.

Въ глубинѣ этой темной комнаты, на постели, едва озаренной свѣтомъ лампады и прикрытой очень темнымъ абажуромъ лампы, приподнялась исхудалая женская фигура вся въ бѣломъ и закрыла лицо руками. Егоръ Александровичъ торопливо затворилъ дверь и въ какомъ-то невольномъ ужасѣ закрылъ руками уши, точно боясь услышать хоть одно слово дальнѣйшаго разговора...

— Что: батюшка? Что лицо-то закрыла? Видно, смотрѣть-то на людей стыдно?—рѣзко спросилъ отецъ Иванъ, подходя къ больной.

— Грѣшница я, грѣшница великая!—застонала больная.

— Знаю, знаю! Зачѣмъ бы и за мной посылать, если бы не грѣшница была! Вы вѣдь всѣ такъ: сперва душу-то погубите, а потомъ—отпускай вамъ грѣхи! Твои-то грѣхи каковы? Думала ли ты объ этомъ? До чего довело тебя твое окаянство? Душу свою погубить захотѣла, младенца неповиннаго погубила, навсегда погубила! Исповѣдать-то тебя не стоило бы. Да, не стоило бы! Я идти не хотѣлъ. Не стоишь!

Въ комнатѣ пронесся снова тяжелый, мучительный стонъ. Поля съ ужасомъ глядѣла на мрачное, исхудалое лицо старика съ ввалившимися глазами.

Digitized by Google

— Что смотришь? Не смотрѣть надо, а въ слезахъ биться. Ты думаешь, я изъ жалости пришелъ къ тебѣ? Нѣтъ. Не стоишь, чтобъ тебя жалѣли! За что жалѣть, душегубка? Перстъ Божій я увидѣлъ! Онъ, Отецъ нашъ Небесный, въ неисчерпаемой Своей благости, спасъ тебя, чтобы ты образумилась, чтобы всей жизнью, каждымъ помышленіемъ грѣхъ свой великій искупила. Вотъ почему я пришелъ.

Старческое лицо его смотрѣло все такъ же безпощадно на бившуюся передъ нимъ въ безсильныхъ слезахъ женщину.

— Ты какъ жила? Похотямъ своимъ предалась, только имъ и служила, діаволу служила? Ради нихъ ты на все бы пошла, на грабежъ, на убійство пошла бы.

— Батюшка!—опять простонала молящимъ голосомъ Поля, точно прося пощады, освобожденія отъ инквизиторской пытки.

— Что: батюшка?—опять повторилъ отецъ Иванъ.—Неправду, что ли, я говорю? На что бы ты не рѣшилась, если пошла на убійство своего младенца? Чѣмъ онъ виноватъ былъ? А ты и его убила. Волчица своего волченка защищаетъ, а ты—ты хуже волчицы, потому ты не защищала свое дитя, а убила его. Да!

Поля опять простонала. Отецъ Иванъ продолжалъ все тѣмъ же тономъ:

— Вотъ ты жива осталась. Жить будешь. Что-жъ, опять діаволу служить станешь? Вѣдь теперь свободна! Или опять руки на себя наложишь? Такъ знай, горе тому, кто искушаетъ терпѣніе Господне! Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ, но есть предѣлы и Его терпѣнію, и Его милосердію.

И вдругъ, оборвавъ строгую рѣчь, онъ отрывисто, коротко и сухо проговорилъ:

— Кайся!

Едва переводя духъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ начала исповѣдаться больная. Это было не простое сознаніе въ своихъ грѣхахъ, — это было болѣзненное, надрывающее душу самобичеваніе. Слушая эту исповѣдь, можно было подумать, что въ этой душѣ не было ничего, кромѣ грѣховъ, грѣховъ и грѣховъ. Она, Поля, о Богѣ забыла и въ церковь даже не заглядывала въ послѣднее время. Она никого не любила, ни о комъ не заботилась и только тѣшила себя любовью. Она сама навела на грѣхъ молодого барина, и когда онъ каялся, она успокаивала его сама, говоря, что этотъ грѣхъ ничего не значитъ. Его, чистаго и добраго, влекла она за собою въ пропасть. Ребенокъ у нея бился подъ серд-

Digitized by Google

цемъ, такъ она его чуть не ненавидѣла за то, что онъ служилъ ей помѣхой, за то, что она боялась, какъ бы изъ-за этого ее не разлюбилъ баринъ. Точно Егоръ Александровичъ могъ бросить человѣка, могъ обидѣть его! Добръ онъ, границъ нѣтъ его добротѣ, а она его Богъ знаетъ въ чемъ подозрѣвала. Барышня тутъ добрая, честная была, такъ она, Поля, и ее чернила, въ душѣ проклинала—убить, кажется, рада была, потому что ревность въ ея душѣ была. Подозрѣвала она, что баринъ видится тайкомъ съ барышней, что онъ жениться на ней хочетъ. Онъ-то, такой честный! Да онъ никогда никого не обманетъ, не обидитъ. Она же его подозрѣвала. А сама все умышляла убить себя изъ злобы, изъ ревности...

— Просвѣтъ-то гдѣ, живое мѣсто-то гдѣ въ твоей душѣ?—проговорилъ отецъ Иванъ.

Поля подняла на старика полные слезъ глаза.

— И вдругъ увидала я, что честною и доброю была эта дѣвушка, что у ногъ ея недостойна я лежать, что стою я у нея на дорогѣ со всѣми своими грѣхами... со всѣмъ своимъ окаянствомъ...

Ея голосъ совсѣмъ оборвался.

— И наложила я на себя руки, потому что дурная трава и изъ поля вонъ,—тихо закончила она.

Отецъ Иванъ покачалъ головой.

— И о ребенкѣ забыла?

Поля тихо плакала, ничего уже не отвѣчая.

— Ну, что же дальше?—спросилъ отецъ Иванъ.

Она недоумѣвающимъ, растерянным взглядомъ смотрѣла на него. Больше ей нечего было говорить. Она все сказала.

— Что же, говорю, дальше-то дѣлать будешь?—пояснилъ онъ.

Она поняла теперь вопросъ и торопливо отвѣтила:

— Замаливать... грѣхи... въ монастырь!..

Онъ пристально всматривался въ ея лицо. Его глаза смотрѣли мрачно изъ-подъ нависшихъ, всклоченныхъ бровей. Прошла минута въ молчаніи. Затѣмъ онъ заговорилъ болѣе мягко, насколько умѣлъ.

— Это перстъ Божій! Но помни это и всю душу свою положи на то, чтобы быть достойной милосердія Божія. Не на тунеядство, не на распутство, не на ублаженіе своей плоти иди въ монастырь, а на подвижничество монашеское. Слышишь? Въ потѣ лица работай, молись до истощенія силъ, смиряйся передъ людьми, нищей будь, и тогда отпу-

Digitized by Google

стится тебѣ грѣхъ твой. Всею жизнью только его замолить можно.

Онъ поднялся во весь ростъ, чтобы прочитать молитву, и прикрылъ эпитрахилью почти скатившуюся съ подушекъ голову...

Выйдя изъ комнаты Поли, отецъ Иванъ встрѣтилъ Егора Александровича передъ самымъ выходомъ изъ дома. Мухортовъ подалъ священнику деньги. Тотъ какъ-то странно взглянулъ на него, точно онъ видѣлъ его впервые. Отзывы Поли о Егорѣ Александровичѣ, какъ о чистомъ, добромъ и честномъ человѣкѣ, поразили отца Ивана, и въ его головѣ эти отзывы никакъ не мирились съ тѣмъ, какъ держалъ себя Егоръ Александровичъ съ нимъ. Они простились такъ же сухо и холодно, какъ встрѣтились. Когда за отцомъ Иваномъ закрылась дверь, Егоръ Александровичъ вздохнулъ полнымъ вздохомъ.

III.

Егоръ Александровичъ пошелъ къ Полѣ; она лежала, какъ мертвая, неподвижно, съ полуоткрытыми глазами. Онъ подошелъ къ ней и испугался; ему показалось, что она умираетъ. Онъ осторожно наклонился къ ней и назвалъ ее по имени. Она устало открыла глаза.

— А, это вы!—прошептала она.

— Тебѣ хуже, Поля?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, лучше... сказалъ: простится!—отвѣтила она и опять закрыла глаза:

Ея губы тихо шептали, точно она въ полуснѣ что-то припоминала вслухъ.

— Молись и простится... простится!.. Страшный грѣхъ совершила, окаянная!..

— Поля, успокойся,—тихо сказалъ Егоръ Александровичъ, ласково дотрогиваясь до ея руки.

Она открыла глаза и какъ-то боязливо отняла руку.

— Я въ монастырь пойду... Я теперь, Егоръ Александровичъ, въ міру не буду жить,—сказала она, качая слегка на подушкѣ головой и какъ бы желая выяснить, что она умерла для него, для его ласкъ.

— Думай о поправленіи здоровья и ни о чемъ больше,—проговорилъ онъ.—Ты еще не оправилась, потому и идутъ въ голову такія мысли.

— Нѣтъ, грѣхъ совершила великій! Каяться нужно, у Бога и у людей прощенье вымолить,—отвѣтила она глухо

Digitized by Google

и, вдругъ что-то вспомнивъ, добавила: — Марью Николаевну мнѣ...

— Ты лучше отдохни...

— А умру?—тревожно сказала она, и ея глаза расширились отъ страха.—Умру, непрощенная!.. У всѣхъ прощенья надо просить... у всѣхъ... Позовите...

Онъ со вздохомъ вышелъ изъ комнаты.

— Идите къ ней, мой другъ,—сказалъ онъ Марьѣ Николаевнѣ.

На немъ лица не было.

— Ей хуже?—спросила Марья Николаевна.

Онъ махнулъ рукой.

— Толкуетъ о монастырѣ!—отвѣтилъ онъ коротко.

— Что вы? Это отецъ Иванъ натолковалъ! Надо отговорить...

Онъ ничего не отвѣтилъ и только повторилъ снова:

— Идите къ ней!

Марья Николаевна вошла въ комнату Поли. У нея страшно билось сердце. Она почти боялась свиданія съ этой дѣвушкой. Невольно она была причиной несчастія этого бѣднаго созданія. Заслышавъ въ комнатѣ шаги, Поля открыла глаза,—они, ввалившіеся, большіе, открылись широко и на минуту въ нихъ вспыхнулъ огонь. Марьѣ Николаевнѣ показалось, что въ этомъ взглядѣ были и ненависть, и злоба, и ужасъ. Но это была только минута; они вновь потухли, личные мускулы больной стали вздрагивать, грудь порывисто поднималась, руки закрыли лицо и, свернувъ голову на бокъ, больная глухо зарыдала:

— Грѣшница... все еще грѣшница!.. Господи, подкрѣпи... Простите меня, окаянную,—шептала она прерывающимся голосомъ.

Марья Николаевна склонилась надъ ней и въ слезахъ начала говорить безсвязно слова утѣшенія. Больная стала мало-по-малу успокаиваться. Она тихо взяла руку Марьи Николаевны и поднесла къ губамъ.

— Себя хотѣла загубить, дитя загубила, его, васъ всѣхъ...—шептала она.

Марья Николаевна наклонилась еще ближе къ ней и поцѣловала ее.

— Пусть онъ не приходитъ,—тихо сказала Поля.—Не могу... не могу смотрѣть... Охъ, тяжело отъ грѣховъ освобождаться...

— Полноте, Поля! Отчего же его вы не хотите видѣть?

Digitized by Google

Поля опять открыла глаза со страхомъ и недоумѣніемъ, точно удивляясь, что ея не понимаютъ.

— Я теперь... не о мірскомъ мнѣ думать нужно... А онъ придетъ... не могу, не могу! Мнѣ молиться надо, грѣхъ замаливать, а не грѣшить... Бога я при немъ забываю!..

Она опять откинулась навзничь головою и закрыла глаза, какъ бы впадая въ забытье. Но ея губы продолжали шептать:

— И всегда такъ, и прежде, и теперь... Не любовь, а наваждение... безъ Божьяго благословенія... Любила и мучила и мучилась... Уйти бы скорѣй... Освобожу... освобожу... А любить никто не будетъ такъ... никто!..

Она тяжело вздохнула и смолкла.

Марья Николаевна присѣла на стулъ у постели, забывшись и всматриваясь въ больную. Теперь это исхудалое лицо съ ввалившимися глазами, съ блѣдными губами, съ осунувшимися щеками, вздрагивавшее за нѣсколько минутъ отъ рыданій, было невозмутимо спокойно и блаженно улыбалось, точно больной снился сладкій сонъ любви. Ея дыханіе было очень слабо, но ровно; утомленная волненіями этого утра, она теперь крѣпко спала.

Когда Протасова очнулась отъ тяжелыхъ думъ, ея лицо было влажно отъ слезъ и серьезно. Впервые въ этотъ день у этой постели она передумала многое о любви, передумала глубоко и серьезно, смотря на эту несчастную жертву необузданной, неосмысленной страсти. «Бога забыла для него», звучали въ ея ушахъ слова Поли. Ей стало жутко. Неужели и она любитъ его такою же любовью? Неужели и она для него забудетъ Бога—Бога правды, добра, справедливости, чести, любви къ ближнимъ? Но развѣ онъ этого когда-нибудь потребуетъ? Развѣ онъ можетъ этого потребовать? Нѣтъ, нѣтъ, никогда!.. Онъ честный и добрый человѣкъ, онъ можетъ вести ближняго только къ добру и правдѣ! Поля тихо вздохнула во снѣ. Марья Николаевна вздрогнула, и ее охватило тяжелое чувство, точно ее кто-то уличилъ въ чемъ-то постыдномъ. «У постели умирающей думаю объ отнятіи у нея любимаго ею человѣка, всего, что ей дорого въ жизни», пронеслось въ ея головѣ. «И умираетъ, быть-можетъ, только отъ того, что я стала на ея дорогѣ», съ горечью продолжала она думать. Сколько безсознательнаго эгоизма, сколько легкомыслія было въ ея поведеніи. Ей вспомнились всѣ мелочи ея недавняго прошлаго: ея постоянныя посѣщенія Егора Александровича, просиживанье съ нимъ до ночи, прогулки съ нимъ. Какъ должна

Digitized by Google

была терзаться Поля въ эти минуты. У нея вѣдь не было въ жизни ничего, ни друзей, ни богатства, ни Бога, ничего, кромѣ одного любимаго человѣка. И его-то отнимала, вырывала у нея изъ рукъ она, Марья Николаевна, неумышленно, безсознательно,—но развѣ это было не все равно для бѣдной дѣвушки?.. А онъ? Неужели онъ не понималъ этого? Зачѣмъ онъ не предупредилъ ее, Марью Николаевну? Или онъ, какъ мужчина, не замѣчалъ ничего, что дѣлалось въ простомъ женскомъ сердцѣ?..

Гдѣ-то пробили часы и напомнили Протасовой, что ей пора идти.

Она устало поднялась съ мѣста. Она была блѣдна и серьезна, когда вышла изъ спальни Поли въ гостиную, гдѣ Егоръ Александровичъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Увидавъ Марью Николаевну, онъ остановился.

— Что?

— Уснула!

На мгновенье оба смолкли.

— Много она перестрадала,—тихо сказала Марья Николаевна.

Онъ сдвинулъ брови, ничего не отвѣтилъ ей. Она заторопилась, отыскивая свою верхнюю одежду.

— Вы уходите?—спросилъ онъ.

— Да. Пора!.. Да, кстати, нужно вамъ сказать,—начала Марья Николаевна и вдругъ остановилась.

— Что?—спросилъ онъ.

— Забыла... Ахъ, какая память!.. Ну, потомъ!—отвѣтила она въ замѣшательствѣ.

Ей хотѣлось передать, что Поля просила его не заходить къ ней, но при одной мысли объ этомъ на ея щекахъ выступилъ румянецъ. Ей стало стыдно, точно она хотѣла передать ему не желаніе Поли, а свое желаніе—желаніе отстранить его отъ умирающей. Въ невольномъ, плохо замаскированномъ смущеніи Протасова наскоро протянула ему руку. Онъ хотѣлъ ее спросить, когда она придетъ, но, вмѣсто этого вопроса, проговорилъ:

— Спасибо вамъ за всѣ послѣдніе дни!.. Я этого никогда не забуду...

Она пробормотала въ отвѣтъ что-то неясное, сбивчивое.

Они пожали другъ другу руки и простились, какъ почему-то показалось обоимъ, надолго, можетъ-быть, навсегда...

Digitized by Google

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА.

I.

Въ жизни бываютъ дни, недѣли, мѣсяцы, стоящіе многихъ и многихъ лѣтъ. Они похожи на страшныя бури во время путешествія по морю. Вы совершаете морское путешествіе, дни смѣняются днями, ничѣмъ не отмѣченные, однообразные, продолжительные и, все-таки, забываемые безслѣдно, не оставляющіе въ душѣ ничего; но вотъ начинается буря, все приходитъ въ смятеніе, раздается вой и свистъ въ мачтахъ, холодные брызги разбивающихся о бока корабля волнъ обдаютъ палубу, гдѣ-то слышится трескъ, точно судно расходится въ пазахъ, кого-то снесло въ море налетѣвшей волной, каждая минута грозитъ смертью, и вы, объятые страхомъ, переживаете въ эти минуты цѣлые годы, готовясь къ смерти. Если не всѣ молятся въ эти минуты, то едва ли кто-нибудь въ эти минуты не останавливается въ страхѣ передъ вопросами о прошломъ и о будущемъ; въ нѣсколько мгновеній переживаются душою цѣлые годы. Такіе дни пережилъ Егоръ Александровичъ во время болѣзни и выздоровленія Поли. Онъ не анализировалъ, не могъ анализировать своихъ чувствъ къ ней; онъ не спрашивалъ себя, насколько онъ ее любитъ, насколько любилъ ее, насколько дорожитъ ею. Онъ просто видѣлъ передъ собою глухія страданія существа, которое его страстно любитъ: эти ввалившіеся глаза слѣдили за нимъ еще недавно съ такимъ обожаніемъ, эти сухія, синѣющія губы шептали ему чуть не вчера слова безпредѣльной любви, эти исхудалыя руки ласкали его чуть еще не наканунѣ, обвиваясь вокругъ его шеи. И онъ за все это не далъ, не могъ ей ничего дать, кромѣ несчастія. И если бы хоть упрекъ сорвался съ ея губъ, онъ пробудилъ бы, можетъ-быть, реакцію въ душевномъ настроеніи, вызвалъ бы желаніе оправдаться, защититься, высказать свои обвиненія. Но она лежала передъ нимъ съ полупотухшими, кроткими глазами, какъ подстрѣленная имъ птица. Эти глаза выражали не жалобу, не упрекъ; они просто говорили: «ну, вотъ видишь, я и умираю!» Это сравненіе Поли съ подстрѣленной птицей не выходило изъ его головы, проносилось въ умѣ не мыслью, а образомъ, доводило чуть не до слезъ.

— Поля, милая, тебѣ лучше?—говорилъ онъ мягкимъ голосомъ на другой день послѣ исповѣди.

Digitized by Google

— Лучше!—прошептала она безстрастно.

Онъ взялъ ея руку и хотѣлъ поднести ее къ своимъ губамъ. Она слабо отдернула ее.

— Не надо, Егоръ Александровичъ!..—сказала она.—Не надо!

Въ ея голосѣ было что-то такое, точно она хотѣла защититься, просила пощады. Это былъ тонъ измучившейся въ пыткѣ страдалицы, чувствующей, что вотъ-вотъ сейчасъ коснутся до ея еще не зажившихъ ранъ.

— Все теперь кончено,—проговорила она.—Все!.. Грѣхъ великій я совершила... Теперь каяться должна, молиться должна...

— Не мучай ты себя этимъ! Вотъ выздоровѣешь, все пойдетъ по-старому...

— Нѣтъ, нѣтъ! Что вы! Что вы!—съ испугомъ, съ ужасомъ проговорила она.—А Богъ-то? Богъ?

— Онъ же видитъ твою душу, Онъ...

Она перебила его опять почти съ ужасомъ, широко раскрывъ мутные глаза:

— Да, видитъ мою душу!.. Окаянная я, грѣхъ совершила, непскупимый грѣхъ, каяться должна, а я... Не о грѣхѣ думаю, о любви своей думаю!.. Господи, и тяжело же мнѣ, сердце разрывается!..

Она закрыла лицо руками.

— Ужъ лучше бы вы меня бросили, прогнали!..

— Поля!

— Да, да, пошла бы я, брошенная, проклятая, а теперь...

Она обратила къ нему молящій взоръ...

— Голубчикъ, родной, уйдите, уйдите вы отъ меня!.. Не вольна я въ себѣ... силъ у меня нѣтъ... Смотрю на васъ—и нѣтъ Бога во мнѣ, думаю о васъ—и грѣхъ забытъ, и покаянія нѣтъ!.. Убить, убить бы меня мало за мое окаянство!.. А Богъ все видитъ!..

Онъ поднялся съ мѣста.

— Вы на меня не сердитесь! Не отъ злобы я гоню васъ... Видитъ Богъ, нѣтъ!.. Душу, душу свою я спасти должна!

Она протянула свою руку, чтобы взять его руку, и тотчасъ же опустила ее, испуганно замѣтивъ ему:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Идите!..

Она, какъ и отецъ Иванъ, понимала только Бога-судію, Бога-мстителя.

Онъ вышелъ изъ ея спальни, подавленный, растерянный,

Digitized by Google

не зная, что дѣлать, чего желать. Онъ сознавалъ, что какая-то пропасть открывается между нимъ и этой дѣвушкой: онъ не пойметъ ея, она не пойметъ его. «Уѣхать бы, бѣжать бы отсюда», мелькало въ его головѣ, а другой голосъ подсказывалъ ему: «И дать ей умереть въ обществѣ грубой, полупьяной дворни?» Нѣтъ, нужно было остаться до конца здѣсь, у постели этой больной, покорно ожидая, къ какому исходу приведетъ судьба. Бѣжать легко, трудно было остаться,—значитъ нужно было остаться; нужно было пережить и это испытаніе. Онъ брался за книги, развертывалъ ихъ и по цѣлому часу читалъ одну и ту же страницу, ничего не понимая.

— Господи, васъ-то я за что мучу,—говорила Поля, когда онъ заходилъ къ ней.

— Чѣмъ же ты меня мучишь?—отвѣчалъ Егоръ Александровичъ.—Вѣдь я все равно здѣсь бы жилъ и безъ тебя. Я работаю.

— Исхудали! Краше въ гробъ кладутъ! Все изъ-за меня, все изъ-за меня!

Онъ спѣшилъ перемѣнить разговоръ...

Это повторялось каждый день, при каждомъ посѣщеніи имъ ея спальни...

Въ одинъ изъ ясныхъ октябрьскихъ дней онъ, сидя въ гостиной, заслышалъ скрипъ двери изъ комнаты Поли. Онъ обернулся. Въ дверяхъ, держась за косякъ, стояла Поля. Онъ вскочилъ съ мѣста.

— Вотъ и я... поправилась,—сказала она обрывающимся голосомъ, силясь улыбнуться обтянувшимися губами.

Она точно встала изъ гроба, худая, блѣдная, вся въ бѣломъ.

— Голубка, можно ли такъ рисковать! Ты еще очень слаба!

— Нѣтъ, я поправилась!.. Теперь... въ монастырь похлопочите, чтобы приняли... Я совсѣмъ оправилась... Пора!

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ отъ двери, спотыкаясь, шатаясь, безсознательно протягивая руки, чтобы ухватиться за что-нибудь. Онъ поспѣшилъ къ ней, видя, что подъ нею подламываются ноги. Почти рыдая, она опустилась къ нему на руки.

— Не могу, не могу!—воскликнула она надрывающимся голосомъ.—Ахъ, я несчастная, несчастная!.. Истерзаю я, измучу васъ въ конецъ. Хоть бы умереть!..

У нея повисли руки, голова опустилась на грудь. Онъ

Digitized by Google

отнесъ ее, какъ ребенка, въ спальню и положилъ на постель. Она полузакрыла блѣдные глаза и снова лежала передъ нимъ съ выраженіемъ подстрѣленной птицы. Ее нельзя было ни утѣшать, ни ласкать, ни журить. Нужно было молча ждать невѣдомаго конца...

II.

Все выносящая, сильная молодость взяла, наконецъ, свое: Поля оправилась совершенно. Она была худа, блѣдна, но уже здорова, внѣ всякой опасности. Докторъ объявилъ, что его визиты вовсе не нужны въ охотничьемъ домикѣ. Но чѣмъ больше крѣпли молодыя силы выздоравливающей, тѣмъ сильнѣе, тѣмъ мучительнѣе становилась въ ея душѣ борьба противоположныхъ чувствъ, желаній и мыслей. Разобраться въ своемъ душевномъ хаосѣ она никакъ не могла. Она походила на ребенка, плачущаго и отъ приступовъ боли, и отъ подносимаго ему лѣкарства, долженствующаго унять эти боли. Ежедневно она заводила со слезами разговоръ о своемъ грѣхѣ, о необходимости спасти душу, объ отправленіи въ монастырь и въ то же время, съ тѣми же слезами говорила, какъ это ей тяжело, какъ силъ у нея нѣтъ бросить Егора Александровича, какъ она его любитъ. Ей то грезился страшный образъ разгнѣваннаго, мстящаго за грѣхи Бога, то снилось ясное, полное ласки и всепрощенія лицо любимаго ею человѣка. Она мучительно колебалась, подъ чью защиту укрыться ей. Это была пытка, которую долженъ былъ выносить Егоръ Александровичъ изо дня въ день. Наконецъ, онъ остановился надъ вопросомъ: долго ли это будетъ продолжаться?

Его уже давно тянуло въ Петербургъ, къ работѣ, къ кружку людей, такъ или иначе вращающихся въ водоворотѣ общественной дѣятельности, въ центрѣ умственной жизни. Ему хотѣлось найти и занять въ этой дѣятельности мѣсто по своимъ силамъ и способностямъ. Онъ зналъ, что подходящее дѣло найдется не сразу, что нужно многое сообразить, ко многому присмотрѣться, чтобы избрать трудъ по сердцу, чтобъ не метаться потомъ въ разныя стороны. Это сдѣлать можно было только тамъ, въ Петербургѣ, гдѣ можно и выбрать родъ дѣятельности, и найти средства для подготовки къ ней. Оставаться здѣсь для того, чтобы убивать полупраздно время, слушая вѣчные жалобы и стоны, онъ уже считалъ просто постыднымъ малодушіемъ. Присматриваясь къ Полѣ, онъ сталъ находить въ ней много чертъ

Digitized by Google

характера, общихъ съ чертами характера его матери: она также какъ бы втянулась въ роль страдающей героини; она также плакала и жаловалась, не дѣлая ни шагу для устраненія причинъ этихъ слезъ и жалобъ; она также думала только о себѣ и ни о комъ другомъ; въ послѣднее время она даже перестала повторять старую фразу о томъ, что она мучитъ его, Егора Александровича. Анализируя свои чувства къ ней, онъ съ горечью убѣждался, что въ немъ порвалось все, связывавшее его съ ней: ему было даже не жаль ея. Это вдругъ совершенно неожиданно прорвалось наружу, сдѣлалось яснымъ и для него, и для нея и привело разомъ къ развязкѣ.

Какъ-то рано утромъ за чаемъ она опять заговорила о монастырѣ.

— Такъ ты окончательно рѣшила идти въ монастырь?— спросилъ онъ.

— Охъ, тяжело мнѣ, тяжело молодость свою схоронить въ четырехъ стѣнахъ, точно въ могилѣ!—воскликнула она.

— Въ такомъ случаѣ не ходи,—отвѣтилъ онъ. — Твоя жизнь еще впереди. Ты молода, можешь подучиться, начать работать.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ широко открытыми глазами.

— Какъ работать?—спросила она.

— Ну, мало ли есть дѣла! — отвѣтилъ онъ. — Въ твои годы подготовиться ко всему можно: сельской учительницей можно сдѣлаться, швеей, фельдшерицей, мало ли чѣмъ. Стоитъ только засѣсть за ученье, Поля, и не увидишь, какъ научишься всему, чему захочешь.

— Значитъ какъ-ни-какъ, а надоѣла я вамъ, бросить хотите!—тихо, глухимъ голосомъ прошептала она и стала отирать слезы.

— Съ чего же это ты взяла?—спросилъ онъ сдержанно и спокойно.

— Что-жъ, ужъ если на работу посылаете!—съ горечью произнесла она.—Это ужъ послѣднее дѣло!..

— А!—проговорилъ онъ съ усмѣшкой. — А какъ же ты думаешь иначе жить, если не работать? Вѣдь я и самъ буду работать. Жить-то на что-нибудь надо? Довольно мы поѣли чужого хлѣба...

— Ужъ хоть кускомъ хлѣба не попрекайте меня, Егоръ Александровичъ,—съ обидой замѣтила она.

— Я тебя и не попрекаю,—отвѣтилъ онъ сухо, созна-

Digitized by Google

вая вполнѣ, что они говорятъ на разныхъ языкахъ, не понимаютъ другъ друга.—Я говорю о себѣ...

И еще болѣе сухимъ, еще болѣе твердымъ тономъ онъ прибавилъ:

— Ты теперь совсѣмъ здорова, и потому намъ пора покончить съ вѣчнымъ нытьемъ и слезами.

— Надоѣла я вамъ, гоните,—захныкала она.

Но онъ коротко и рѣзко проговорилъ:

— Перестань!

Она вдругъ опустила руки и широко открытыми, испуганными глазами взглянула на него. Она увидала на его лицѣ выраженіе безпощадной твердости, непреклонной воли. Онъ поднялся съ мѣста и заходилъ по комнатѣ, начавъ говорить сдержанно, ясно и отчетливо; тонъ его словъ былъ сухъ и черствъ.

— Я давно хотѣлъ съ тобой поговорить серьезно, но ты была больна и слаба, и я жалѣлъ тебя. Теперь ты здорова, и потому я могу говорить съ тобою. Каждый день ты плачешь и стонешь о своемъ положеніи. Тебя мучитъ грѣхъ, ты считаешь нужнымъ каяться за него въ монастырѣ. Но ты не идешь въ монастырь. Ты плачешь, что это тебѣ не подъ силу, что ты не можешь бросить меня, и остаешься здѣсь,—остаешься только затѣмъ, чтобы опять плакать и говорить о необходимости каяться. Такъ жить нельзя.

— Голубчикъ, не могу я!—рыдающимъ голосомъ воскликнула она.

Онъ остановился.

— Я тебѣ говорю, не плачь и выслушай! — коротко и повелительно сказалъ онъ.

Она опять испуганно смолкла.

— Такъ жить нельзя, говорю я,—продолжалъ онъ, снова заходивъ по комнатѣ.—Ты говоришь, что ты любишь меня, но если бы ты точно любила меня, ты не плакала бы, не жаловалась бы съ утра до ночи, муча меня. На-дняхъ я рѣшился уѣхать въ Петербургъ, и ты должна обдумать, что тебѣ дѣлать. Ты можешь идти въ монастырь, я заплачу за келью, за все; ты можешь остаться здѣсь, я дамъ тебѣ, сколько могу, чтобы ты жила здѣсь, не нуждаясь; ты можешь ѣхать со мною въ Петербургъ...

— Гдѣ ужъ мнѣ ѣхать съ вами, если разлюбили!—воскликнула она.

— О, это отъ тебя зависитъ, чтобы я тебя любилъ,—сказалъ онъ.—Я въ Петербургѣ примусь за работу. Чѣмъ я

Digitized by Google

сдѣлаюсь—я самъ не знаю. Учителемъ, писателемъ, рабочимъ или примусь за такое дѣло, о которомъ ты и понятія не имѣешь,—это для тебя все равно. Дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что я буду зарабатывать кусокъ хлѣба трудомъ. Чтобы жить со мною, ты должна будешь тоже работать. Я дамъ тебѣ возможность подготовиться къ труду, развиться. Это будетъ не легко для тебя, но только такъ можешь ты жить со мною. Такъ же жить, какъ мы живемъ теперь, нельзя. Это не жизнь, а каторга.

Она поднялась съ мѣста. Ея глаза блестѣли сухимъ блескомъ, черты лица исказились почти ненавистью. Ея голосъ зазвучалъ горечью.

— Нѣтъ ужъ, Егоръ Александровичъ, гдѣ мнѣ такъ-то жить, какъ вы говорите: такъ умные люди живутъ! А тоже жить да отъ дорогого человѣка попреки слушать — это не сладко. Кусокъ хлѣба и тотъ припомнили, на счетъ поставили. Лучше ужъ въ монастырѣ свой вѣкъ скоротать, грѣхъ свой отмаливая.

Онъ, коротко, не сердясь, не волнуясь, отвѣтилъ:

— Какъ знаешь, это твоя воля!

Она почти со злобой взглянула на него.

— Моя воля, моя воля! — вскричала она запальчиво.— Ужъ не издѣвались бы хоть надо мной, если надоѣла! Не мѣсяцъ, не два такъ жили, а теперь вдругъ нельзя стало такъ жить. И то сказать, красота отцвѣла, на что же я нужна. Или другія нашлись, такъ...

Онъ не выдержалъ, остановился и гнѣвно крикнулъ:

— Молчи и ступай!

Она вскрикнула и бросилась къ его ногамъ, ловя его руки, полы его одежды, хватая его за ноги.

— Бейте меня, ногами топчите, только не говорите такъ!—рыдала она, пресмыкаясь у его ногъ. — Я пойду въ монастырь, слезинки не пророню, ни словечка противъ васъ не скажу, только... Не говорите мнѣ, не говорите, что опостылѣла, что разлюбили... Я виновата, я виновата... во всемъ, во всемъ, глупая, безумная, окаянная!..

Онъ тихо освободился отъ нея и холодно проговорилъ:

— Послѣзавтра я тебя отвезу...

Онъ вышелъ изъ комнаты, она осталась на полу, съ повисшими, какъ плети, руками, съ растерянным взглядомъ. Для нея все было кончено. Она это понимала ясно. Ея взглядъ какъ-то машинально устремился къ висѣвшему въ переднемъ углу образу и сталъ расширяться, точно передъ

Digitized by Google

нимъ выплывало страшное видѣніе. Въ этомъ взглядѣ вдругъ отразилось выраженіе тупого ужаса.

— Господи, за грѣхи наказуешь, за грѣхи, — медленно шептали ея уста, и ея голосъ былъ глухъ и хриплъ отъ душившихъ ее чувствъ. — Всею жизнью не замолю, всѣми слезами не смою грѣховъ своихъ. Тебя для него позабыла, діаволу опять служить хотѣла! Карай меня, карай окаянную! Тамъ-то, тамъ-то, геенна огненная... муки вѣчныя... скрежетъ зубовный... Нѣтъ, иду, иду!.. въ слезахъ биться буду!..

Она съ трудомъ, медленно поднялась съ пола и съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ ужаса, все еще смотря въ передній уголъ на образъ, побрела въ свою комнату укладывать свои вещи.

III.

Въ эти тяжелые дни Егоръ Александровичъ много ходилъ, много занимался физическимъ трудомъ. Книги не читались, умственная работа не клеилась, спасали только моціонъ, движеніе, физическое утомленіе. Мухортовъ ежедневно проводилъ на прогулкѣ нѣсколько часовъ. Его теперь тянуло не къ живымъ, а къ мертвымъ. Живыхъ онъ не понялъ бы, все равно; ему нужно было быть одному, въ тишинѣ, въ царствѣ сна и успокоенія; только въ полномъ одиночествѣ, въ полномъ затишьѣ онъ могъ сосредоточиться на вопросахъ, далекихъ отъ мелкихъ раздражающихъ домашнихъ сценъ. Онъ точно безсознательно пробирался ежедневно на кладбище, бродилъ среди могилъ, читалъ имена схороненныхъ мужиковъ и бабъ, задумывался о жизни этихъ людей и точно отрезвился, сравнивая вѣковѣчное горе народное съ своей случайной бѣдой: она пройдетъ не сегодня, такъ завтра, а оно — когда выпьется до дна эта чаша страданій ни въ чемъ неповинной многомилліонной массой?.. Задумываясь о народѣ, онъ снова писалъ въ своемъ дневникѣ:

«Нѣтъ, не столѣтній лѣсъ пробуждаетъ во мнѣ горечь, уныніе, злобу на человѣческое безсиліе. Этотъ лѣсъ былъ насажденъ, былъ выращенъ моими предками; я могъ заставить въ нѣсколько дней срубить подъ корень этого гиганта. Положеніе народа, этихъ несмѣтныхъ массъ, вотъ что мучитъ и терзаетъ душу. Гдѣ пути, гдѣ силы, чтобы поднять положеніе народа, чтобы дать мѣсто ему на пиру жизни? Только думая объ этомъ, я прихожу въ отчаяніе, прихожу въ бѣшенство за свою, за человѣческую слабость. Недавно

Digitized by Google

я читалъ описаніе Египта, описаніе пирамидъ. Ученые изумляются, какъ могли возникнуть среди песчаныхъ пустынь эти гигантскіе памятники причудливыхъ вымысловъ человѣческаго генія. Кто же создалъ эти чудеса, кто воздвигъ эти зданія? Ихъ строили рабы, полунагіе, босоногіе, голодные, погоняемые, какъ скотъ, бичами. Повинуясь чужой волѣ, они воздвигли эти колоссальныя постройки. Но что же они сдѣлали для себя, для своей участи, для своего освобожденія? Ничего, ничего! Гдѣ же та сила, которая принудила бы, побудила бы ихъ работать для своего личнаго благополучія, какъ бичъ побуждалъ и принуждалъ ихъ исполнять чужія прихоти, чужіе капризы?..»

Стояла поздняя, глубокая, но изумительно ясная и сухая осень. Снѣгъ, выпавшій-было въ октябрѣ, въ ноябрѣ снова исчезъ почти безслѣдно, и вездѣ было сухо. Всѣ деревья уже давно сбросили листья и только на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ вѣткахъ и кустахъ еще трепетали, свернувшись отъ холода и засыхая, послѣдніе одинокіе, совершенно темные, мертвые листья, которыхъ ни бури, ни дожди, ни морозъ не смогли оторвать отъ родимыхъ стеблей. Цѣлыми грудами лежали такіе же высохшіе листья на тропинкахъ и насыпяхъ деревенскаго кладбища, превратившись изъ зеленыхъ въ темнокоричневые и черные; среди этихъ грудъ только изрѣдка выглядывали еще яркіе желтые и красные цвѣта. Невозмутимую тишину въ этомъ царствѣ мертвыхъ нарушалъ только ихъ печальный сухой шелестъ при малѣйшемъ дуновеніи свѣжаго вѣтра, приподнимавшаго ихъ съ земли и сгонявшаго въ одну кучу. Солнце — не ослѣпляющее, не обжигающее солнце лѣта, а мягко свѣтящее, едва пригрѣвающее солнце осени—разливало свой свѣтъ сквозь голыя вѣтви деревьевъ по всей этой обители смерти, точно сквозь сложную желѣзную рѣшетку. Егоръ Александровичъ одиноко пробирался между могилъ, по покрытымъ листвою тропинкамъ проходя на край кладбища къ маленькому бугорку, гдѣ зарыли его ребенка. Дойдя до этой темнобурой насыпи, онъ постоялъ надъ нею и потомъ присѣлъ на ближайшей могилѣ на полусгнившую доску. Онъ былъ спокоенъ. Въ его душѣ не было безплодныхъ упрековъ совѣсти, въ ней была только тихая грусть о томъ, кто могъ бы жить, могъ бы, можетъ-быть, быть счастливымъ. И у него, у Егора Александровича, была бы тогда, быть-можетъ, прямая личная цѣль въ жизни, нѣжныя заботы о слабомъ, еще безпомощномъ существѣ. У него было бы кого любить.

Digitized by Google

А теперь? Онъ опять останется одинъ—вполнѣ одинъ, свободный отъ всякихъ обязательствъ, отъ всякихъ путъ,—свободный, какъ вѣтеръ въ полѣ, болѣе свободный, чѣмъ онъ былъ до встрѣчи съ Полей. Кажется, эта встрѣча произошла такъ недавно, но какъ онъ измѣнился въ это короткое время! Это было полное перерожденіе или, вѣрнѣе сказать, въ это время окрѣпло, сложилось въ нѣчто опредѣленное и цѣльное все то, что прежде было только броженіемъ, зародышами въ его душѣ. Когда люди идутъ впервые на войну, они не могутъ впередъ опредѣлить, насколько они будутъ храбры. Когда онъ ѣхалъ сюда, онъ не зналъ, какъ онъ отнесется къ своему положенію, какъ и что вынесетъ, къ какимъ выводамъ и результатамъ придетъ. Въ душѣ бродило многое, но опредѣленнаго, выяснившагося не было въ ней ничего. Теперь онъ ясно съ радостнымъ чувствомъ сознавалъ, что онъ порвалъ навсегда съ своимъ прошлымъ—съ прошлымъ барича-бѣлоручки, съ прошлымъ свѣтскаго человѣка, съ прошлымъ прожигателя жизни, — и долженъ былъ вступить въ ту трудящуюся, добывающую потомъ и кровью кусокъ хлѣба среду, которая съ гордостью можетъ сказать, что на ея хлѣбѣ нѣтъ ни слезъ, ни проклятій ближнихъ. Онъ готовился вступить на новый путь съ твердой вѣрой въ свои силы, съ гордымъ сознаніемъ, что онъ не пойдетъ ни на какія сдѣлки со своею совѣстью. Его отца всю жизнь называли солдатомъ, и генеральша морщилась, когда ея мужу ежедневно подавали на обѣдъ только щи и кашу, когда онъ спалъ на походной кровати, прикрытый старымъ походнымъ пальто. Егоръ Александровичъ сознавалъ себя сыномъ своего отца. Да, онъ всегда хотѣлъ бы быть такимъ простымъ, выносливымъ солдатомъ; теперь онъ съ радостью видѣлъ, что онъ можетъ быть такимъ солдатомъ. При этой мысли на его лицо набѣжала тѣнь. Генеральша всегда называла своего мужа безсердечнымъ человѣкомъ. Не называетъ ли такъ же и его Поля? Что жъ, пускай! Иначе онъ не могъ поступить, продолжать этой жизни—жизни для одной этой дѣвушки—онъ не могъ. Его манитъ иная жизнь, и онъ только жаждетъ одного: прожить эту жизнь страстно, тревожно, бурно, но безупречно, посвятивъ ее по мѣрѣ силъ на пользу ближнихъ. Онъ ощущалъ въ себѣ неистощимый запасъ этихъ силъ. Въ немъ была теперь чисто юношеская вѣра въ себя, доходящая до фанатизма жажда отдать себя всецѣло дѣлу. Какому? О, развѣ мало дѣла въ жизни? Онъ сознавалъ, что

Digitized by Google

онъ способенъ идти тысячами путей къ благой цѣли, что онъ не откажется ни отъ какого дѣла, лишь бы оно содѣйствовало расширенію той «дыры къ свѣту», о которой когда-то взывалъ Мюнцеръ. Да, нужно расширить эту дыру къ свѣту, а какъ—перомъ, или молотомъ, проповѣдью или топоромъ плотника—не все ли равно? Онъ былъ убѣжденъ, что горько ошибаются всѣ, считающіе, что къ извѣстной цѣли можно идти только однимъ какимъ-нибудь путемъ. Нужно только сознавать и вѣрить, что каждый честный человѣкъ можетъ и долженъ содѣйствовать расширенію этой дыры къ свѣту, если онъ хочетъ сохранить спокойною свою совѣсть.

На тропинкѣ послышался шорохъ листьевъ. Егоръ Александровичъ поднялъ голову и увидалъ идущую къ нему Марью Николаевну. Онъ изумился и обрадовался. Быстро поднявшись съ мѣста, онъ радостно протянулъ дѣвушкѣ обѣ руки. Она крѣпко сжала ихъ.

— Не сердитесь, что я пришла сюда, — сказала она.— Я заходила къ вашимъ. Узнала отъ Павлика, что вы прошли сюда. Захотѣлось проститься.

— Вы уѣзжаете?—быстро спросилъ онъ.

— Да.

— Въ Москву?

— Нѣтъ. Я ѣду въ Петербургъ. Доучиваться хочу. Отецъ разрѣшилъ.

— А!

Онъ повеселѣлъ. Его лицо вспыхнуло румянцемъ. Въ его головѣ мелькала мысль, что онъ будетъ тамъ видѣть ее, не будетъ одинокимъ. Она была задумчива и серьезна.

— Я слышала, что вы тоже скоро уѣзжаете?

— Да, пора, Марья Николаевна.

Они сѣли. Прошла минута молчанія.

— Вамъ ничего не говорили у нашихъ о томъ, что Поля уѣзжаетъ въ монастырь.

Она слегка покраснѣла.

— Да, говорили,—отвѣтила она, и ея голосъ дрогнулъ.— Егоръ Александровичъ, неужели нельзя было отговорить?

— Зачѣмъ?

Она подняла на него вопросительный взглядъ.

— Да, зачѣмъ? Между нами все порвалось, если что и было,—твердо отвѣтилъ онъ.—Это горькая исторія безобразнаго заблужденія и только. Не думайте, что я хочу оправдываться. У меня только одно оправданіе: я не Богъ, не

Digitized by Google

святой. Мнѣ горько, что это кончилось вотъ этой искупительной жертвой,—онъ указалъ на могилу, — и необходимостью для нея идти въ монастырь.

На минуту онъ смолкъ.

Потомъ онъ заговорилъ снова:

— Она передъ Богомъ каяться будетъ, и ея Богъ проститъ ее... Намъ же всѣмъ передъ народомъ нужно каяться... Проститъ ли онъ?

Онъ задумался и заговорилъ въ раздумьѣ:

— Тяжелые и въ то же время хорошіе дни прожилъ я здѣсь, хорошіе потому, что я сталъ другимъ человѣкомъ, или, вѣрнѣе сказать, хочу стать другимъ человѣкомъ, во что бы то ни стало... Сколько безпутнаго было во мнѣ — это я понялъ только теперь... Вотъ хоть бы мои отношенія къ Полѣ... Мнѣ скажутъ: это увлеченіе, ошибка молодости!.. А будь она не дочь народа, не простая дѣвушка?.. Развѣ я поддался бы искушенію, впалъ бы въ ошибку?.. Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!.. Побоялся бы ея братьевъ, родителей, родныхъ... А если бы и сдѣлалъ ошибку, то загладилъ бы ее тотчасъ же, безъ размышленій, безъ колебаній и... Другой исходъ былъ бы, не сидѣлъ бы я надъ этой могилой... Искупительная жертва!.. И сколько такихъ искупительныхъ жертвъ приносимъ мы за наши проступки и ошибки, за наши отношенія ко всѣмъ, кто народъ...

Онъ замолчалъ на минуту, потомъ продолжалъ:

— Надо сдѣлать все возможное, чтобы этихъ искупительныхъ жертвъ, какого бы рода ни были онѣ, не было по нашей винѣ... Помните, мы съ вами какъ-то говорили о томъ, что мы не знаемъ, какой путь выбрать, что у насъ нѣтъ вѣры въ пользу какой-нибудь опредѣленной дѣятельности, что наша жизнь пуста... Это безвѣріе — проклятіе нашего времени... Его даже утрируютъ, чтобъ оправдать свою бездѣятельность, свою дрянность, свою лѣнь... Теперь даже говорятъ, что вѣрятъ въ свое дѣло у насъ или глупцы, или грубые эгоисты: одни дѣлаютъ дѣло, не задумываясь о значеніи его, другіе видятъ въ немъ личную выгоду и вѣрятъ въ него... Но пусть все это правда, пусть всю жизнь мы должны остаться Гамлетами,—у насъ все-таки должна быть хоть одна вѣра, неотъемлемая вѣра — вѣра въ то, что мы должны для общаго блага слѣдить за каждымъ *своимъ* шагомъ, за каждымъ *своимъ* поступкомъ... Отъ фарисейства, отъ двойственной нравственности — отъ нравственности для другихъ и для себя—должны мы прежде всего освободиться;

Digitized by Google

себя должны мы прежде всего исправить. Эту задачу должны мы проводить въ жизни, проповѣдывать ее вездѣ и всюду... Въ нее нельзя не вѣрить. Я хочу идти этимъ путемъ, я пойду имъ. Пусть будутъ говорить, что это преувеличенія, что это экзальтація: что мнѣ за дѣло! Лучше эта экзальтація, чѣмъ экзальтація безшабашности и разнузданности, безпечальнаго житья, циничной проповѣди, что частная нравственность пустяки, что важна только великая общественная дѣятельность, что личная нравственность есть результатъ воспитанія, житейскихъ условій, среды, что сперва долженъ произойти какой-либо великій переворотъ въ обществѣ, а уже тогда можно думать объ исправленіи своей нравственности... Это говорятъ тѣ же нравственные взяточники, которые въ былыя времена оправдывались фразой: «у меня-съ жена, дѣти...» «всѣ мы люди, всѣ мы человѣки...» Не вѣрю я въ пророковъ, ѣздящихъ въ экипажахъ, тратящихъ десятки тысячъ на любовницъ, проводящихъ жизнь въ кабакахъ всѣхъ наименованій! Не повѣритъ имъ и народъ, если даже и заслушается на минуту ихъ проповѣдей... Народъ пошелъ за Христомъ, за Ѳомой Мюнцеромъ, за Фридрихомъ Раппомъ... за Сютаевыми онъ пойдетъ... А въ тѣхъ, кого онъ не будетъ уважать, вѣрить онъ не станетъ!.. Вонъ отецъ Иванъ... Почему ему вѣритъ народъ? Почему къ нему идутъ искать успокоенія своей совѣсти? Потому что онъ цѣльный человѣкъ: онъ проповѣдуетъ то, что дѣлаетъ самъ... Вы какъ-то замѣтили мнѣ, что хорошо уже и то, что вы знаете, сколько Ивановъ и Сидоровъ пойдутъ по міру для доставленія вамъ возможности бывать въ итальянской оперѣ. Я вамъ отвѣчу теперь на это: нужно не только сознавать это, но и не ѣздить въ эту оперу, сознавъ это...

Онъ улыбнулся съ горечью.

— Я знаю, какіе крики подняли бы многіе люди, услыхавъ это: «Какъ, вы хотите уничтожить театры, искусство, плоды цивилизаціи?..» Да, да, я готовъ бы уничтожить даже все это, если бы этимъ неизбѣжно могли наслаждаться только сотни людей, грабя для этого милліоны людей... Къ счастію, не уничтоженіе всего этого нужно, а нужно уничтоженіе тѣхъ способовъ, какими наслаждаются всѣмъ этимъ люди теперь. Современная жизнь сложилась именно такъ, что человѣкъ грабитъ и душитъ ближнихъ, а спроситъ: «для чего?» Для того, чтобъ непремѣнно имѣть рысаковъ, дорого стоящихъ, хотя бы и надоѣвшихъ ему любовницъ, блестящую обстановку, возможность наслаждаться искус-

Digitized by Google

ствомъ во всѣхъ его видахъ, подъ однимъ только условіемъ, чтобы оно стоило дорого. Этотъ разбой и грабительство, производимые будто бы для поддержанія искусства и наслажденія плодами цивилизаціи—вотъ что претитъ мнѣ. Удерживаться отъ этого, не продавать своей совѣсти ради этого, не считать это цѣлью жизни — вотъ чего я хочу. Я знаю, меня могутъ назвать чудакомъ, сумасбродомъ, фанатикомъ, аскетомъ. Пусть! Но мнѣ никто не броситъ укора, что я укралъ у него послѣдній грошъ, снялъ съ него послѣднюю рубашку, чтобы потѣшить себя награбленной роскошью среди голодныхъ... Я знаю, что при такомъ образѣ жизни краснѣть придется не мнѣ.

Онъ сдвинулъ брови. Его лицо приняло сосредоточенное, суровое выраженіе.

— Вотъ та вѣра, которою проникнутъ я теперь весь, и если она обманетъ меня, если я почувствую разладъ въ себѣ между словомъ и дѣломъ, я самъ прикончу съ собой, какъ съ собакой. Безъ этой вѣры, безъ вѣры въ возможность жить такъ, какъ я желалъ бы, чтобы жили другіе, нельзя искренно вѣрить ни во что. Вѣрить, что все пойдетъ лучше отъ измѣненія среды, отъ измѣненія условій, отъ непредвидимыхъ и роковыхъ историческихъ случайностей, это... для этого достаточно сидѣть сложа руки и ждать, когда придутъ эти случайности сами... Нѣтъ, мнѣ кажется, что противъ воровъ и грабителей, противъ угнетателей и кровопійцъ можетъ возставать честно и дѣятельно только тотъ, кто сознаетъ въ самомъ себѣ силы не быть такимъ. Кто не вѣритъ, что онъ самъ можетъ не быть такимъ, какъ онъ можетъ вѣрить, что какія-то обстоятельства, среда, условія помогутъ другимъ не быть такими?

Онъ вдругъ еще болѣе оживился, какъ бы что-то вспомнивъ.

— Но не думайте, что за дѣломъ личнаго самоусовершенствованія я забуду все другое, что я требую отъ человѣка только этого. Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Самовоспитаніе, самоусовершенствованіе, наблюденіе за каждымъ своимъ шагомъ, отдаванье себѣ строгаго отчета въ своихъ проступкахъ, все это не требуетъ времени или, вѣрнѣе сказать, не отнимаетъ времени у другого дѣла на пользу общества. Напротивъ того, иная жизнь, жизнь безотчетнаго плаванія по теченію, поглощаетъ гораздо болѣе времени. Сегодня попойка, завтра балъ, тамъ картежная игра, далѣе милыя любовницы, вотъ что поглощаетъ и деньги, и время,

Digitized by Google

здоровье и спокойствіе души. Повидимому, все, что я говорю, не требуетъ ни подтвержденій, ни доказательствъ. А между тѣмъ вся жизнь слагается въ современномъ обществѣ какъ разъ наоборотъ, какъ разъ въ противоположномъ направленіи. Противъ этого можно, пожалуй, ораторствовать, но бѣда попробовать практически протестовать противъ этого, такой протестъ — это уже сумасбродство, чудачество, чуть ли не помѣшательство... А между тѣмъ, намъ уже потому нужно подтянуть себя, приготовить себя, что мы живемъ наканунѣ чего-то новаго. Я глубоко вѣрю въ это и думаю, что горе тому, кто забылъ притчу о дѣвахъ со свѣтильниками... Да, плохо приходится тѣмъ, кого великія событія застаютъ съ угаснувшими свѣтильниками... Мнѣ, можетъ-быть, скажутъ, что я ошибаюсь. Можетъ-быть! Но во всякомъ случаѣ я ошибаюсь не одинъ, а съ значительными массами народа, не даромъ наполняющаго ряды штундистовъ, этихъ представителей новой нравственности, новаго строя жизни... Да, народъ въ своемъ стремленіи къ чему-то новому, лучшему, прежде всего даетъ обѣтъ нравственнаго обновленія...

Онъ поднялъ разгорѣвшіеся глаза на Марью Николаевну. Ея лицо было оживленно, глаза пристально устремлены на Мухортова. Ей казалось, что передъ ней стоитъ новый человѣкъ, весь проникнутый страстной вѣрой въ то, что онъ говоритъ, беззавѣтно увлекающійся и способный увлекать другихъ. Онъ улыбнулся ласковой, мягкой улыбкой.

— Не удивляйтесь, что я увлекся,—сказалъ онъ, протягивая ей руки.—Я такъ долго, долго молчалъ...

— О, я рада... мнѣ... вы мнѣ раскрыли свою душу,—въ замѣшательствѣ и смущеніи проговорила она взволнованнымъ голосомъ.

— И вы-то, вы не назовете меня сумасбродомъ, когда...

— Егоръ Александровичъ!—воскликнула она въ увлеченіи.—Вы для меня...

Она оборвала рѣчь и поднялась съ мѣста. Онъ тоже поднялся и притянулъ ее къ себѣ, заглядывая ей въ глаза. Она подняла на него безконечно добрые, ласкающіе глаза.

— Милый, только не здѣсь, не теперь...

Онъ какъ бы очнулся.

— Да, да, это правда: не въ этомъ мѣстѣ смерти, не надъ этой могилой не жившаго ребенка, не наканунѣ погребенія заживо его матери говорить о любви...

И, перемѣняя тонъ, тихо добавилъ:

Digitized by Google

— Но ты вѣришь въ мои силы, въ меня?

— О, я за тобой пойду повсюду!—страстно отвѣтила она.

Онъ крѣпко сжалъ руки Протасовой и рядомъ съ нею безмолвно направился къ выходу...

Они оба глубоко вѣрили другъ въ друга. Они не сомнѣвались, что они пойдутъ рука съ рукой до конца жизни.

А какова будетъ эта жизнь?

Кругомъ нихъ были убогія могилы нищихъ тружениковъ. Надъ ними, точно желѣзныя рѣшетки тюрьмы, сплетались сводомъ черныя, голыя вѣтви деревьевъ. На западѣ собирались темныя, густыя снѣжныя тучи и, какъ зарево пожара или море крови, разливало багровый блескъ заходящее солнце. Что-то зловѣщее было во всемъ, въ мертвой тишинѣ, въ рѣзкомъ холодѣ, въ безлюдьѣ. Но они были молоды, они любили. Чего же имъ было бояться?

Digitized by Google

РАЗСКАЗЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Съ квартиры на квартиру.

I.

Много насъ жило у мадамъ Шморбратенъ. Въ нашихъ трехъ комнаткахъ, раздѣленныхъ перегородками, было мѣсто для всѣхъ, для православныхъ и неправославныхъ, для мальчиковъ и дѣвочекъ, для законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ, по преимуществу же для незаконнорожденныхъ. Послѣдніе всегда приводили меня въ недоумѣніе, и я разсматривалъ ихъ съ особеннымъ любопытствомъ, желая подмѣтить въ нихъ какіе-нибудь отличительные признаки, такъ какъ я въ тѣ годы вообще не имѣлъ понятія, какъ родятся люди, и еще того менѣе понималъ, какъ это они незаконно родятся. Поступить на житье къ мадамъ Шморбратенъ было не трудно. Ребенокъ, оставшійся сиротою и имѣвшій въ числѣ дальнихъ родственниковъ или опекуновъ нѣмца, что очень часто случается въ иностранномъ городѣ Petersburg'ѣ, могъ всегда надѣяться, что не сегодня, такъ завтра мадамъ Шморбратенъ подобьетъ этого нѣмца избрать ее матерью сироты, или, не имѣя свободнаго мѣста въ своихъ материнскихъ объятіяхъ, отрекомендуетъ сироту одной изъ своихъ знакомыхъ, какой-нибудь мадамъ Пфанкухенъ или мадамъ Кноблаухъ, что въ сущности совершенно одно и то же. Было и другое средство попасть въ ея домъ. Какъ кто-нибудь изъ русскихъ родственниковъ или опекуновъ привезетъ отдавать дѣтей въ нѣмецкую Н—скую школу или въ ближайшую отъ нашего шморбратенскаго государства гимназію и выразитъ сожалѣніе, что живетъ такъ далеко, въ другомъ городѣ, а на полный пансіонъ от-

Digitized by Google

дать ребятишекъ не имѣетъ средствъ, такъ тотчасъ же инспекторъ училища и посовѣтуетъ:

— Да вы обратились бы къ мадамъ Пфанкухенъ или къ мадамъ Шморбратенъ, лучше къ послѣдней. Прекрасная она женщина, дѣтей на хлѣбы беретъ. Она и дочерей имѣетъ для прохожденія съ малютками заданныхъ уроковъ...

— Неужели?—изумляется родственникъ.

— Какъ же, какъ же! Прекрасныя барышни! Вы отдайте...

— Не знаю, право,—сомнѣвается любящій родственникъ.

— Помилуйте, чего же лучше? оскорбляется инспекторъ.— Ужъ я, право, и не знаю, чего же вамъ лучше! Дешево, содержаніе отличное, практика нѣмецкаго языка, ну и музыка тоже, если хотите. Да ужъ если бы худо было, то баронъ Вицли-Пуцли не отдалъ бы туда своего сына, то-есть это не то, чтобы сына, а знаете... Впрочемъ, баронъ его совершенно за сына считаетъ... Мадамъ Шморбратенъ и пастору Флиту извѣстна, онъ ей всѣхъ своихъ сиротъ отдаетъ; какъ у него явится сирота, такъ онъ и шлетъ за мадамъ Шморбратенъ: «вотъ, говоритъ, вамъ сирота, заступите ему мѣсто матери!..» Богобоязливая женщина!..

— Какъ же условиться съ ней? хлопоты эти...

— Какія хлопоты? Я это дѣло улажу. Я вамъ письмо къ ней дамъ или, если хотите, самъ съѣзжу переговорить съ нею и дамъ вамъ отвѣтъ.

— Помилуйте, столько безпокойства вамъ...

— Что за безпокойство!

— Да нѣтъ, все же...

— О, будьте покойны! Я это улажу; вы посмотрите, что я это улажу!

И, вытянувъ быстрой атакой согласіе родственника, инспекторъ прилеталъ съ предложеніями къ мадамъ Шморбратенъ. Случалось это все больше во время вечерняго чая, такъ какъ въ другое время у инспектора занятій по горло. Тутъ-то мадамъ Шморбратенъ развертывалась, подавала разныя закусочки, колбасики, бутерброцы, чай съ ромцомъ. Инспекторъ пошучивалъ:

— А что, мадамъ, сами колбасу дѣлали?

— О, нѣтъ! Не такія теперь времена. Вотъ когда у покойнаго батюшки была мыза, то у насъ *есть* свое было, *есть* свое было. Ахъ, если бы онъ видѣлъ, какъ его дочь теперь бьется, онъ умеръ бы съ горя. И за что я такая несчастная! Вотъ сестра молилась Богу, чтобъ у нея была

Digitized by Google

корова—и есть корова, молилась, чтобъ у нея была мыза—и есть мыза, а я...

— Ну полноте, полноте!—прерывалъ инспекторъ нѣмецко-русскую рѣчь хозяйки.

— Нѣтъ, нѣтъ! я себѣ говорю: за что ты, Марія, такая несчастная? Ты, Марія...

— Ну, не ропщите, грѣхъ роптать! А я къ вамъ вотъ новичка хочу пристроить... Ба! что это вы вышиваете?—изумился инспекторъ, увидавъ начатую подушку, и разсыпался въ благодарностяхъ, когда одна изъ дѣвицъ Шморбратенъ обѣщала прислать ему понравившуюся ему вышивку по окончаніи работы. Дѣло, такимъ образомъ, улаживалось, такъ какъ и цѣна за содержаніе, и согласіе хозяйки принять новичка не требовали переговоровъ и были извѣстны всѣмъ и каждому. Черезъ три-четыре дня въ наши комнатки тащили узлы съ периною, подушками, платьями, ложками, ножами, вилками и, наконецъ, за всѣми этими необходимыми вещами появлялся, какъ бы въ придачу къ нимъ, какой-нибудь крошечный образчикъ человѣка. Образчикъ ежился и косился на насъ, точно боялся, что мы, развязавъ вещи, выбросимъ его самого вмѣстѣ съ веревками и оберточной бумагой. Черезъ два дня человѣка пробовали сдѣлать общежительнымъ членомъ нашего семейства или, лучше сказать, государства, и мадамъ Шморбратенъ говорила ему:

— Генсхенъ, вылейте воду изъ полоскательной чашки въ поганое ведро!

Генсхенъ,—при крещеніи названный Иваномъ и пожалованный своей матерью въ Жана,—подобно юному чиновнику, не получившему прибавки жалованья, но получившему приказаніе составить бумагу, приходилъ въ телячій восторгъ, что и онъ становится дѣятелемъ, а не паразитомъ въ принявшемъ его обществѣ, бѣжалъ козлиными прыжками перелить грязную воду въ поганое ведро и съ радости разбивалъ полоскательную чашку.

— О, Генсхенъ! какой ты неловкій!—разомъ кричали мадамъ Шморбратенъ и три ея дочери.—Вамъ ничего не будутъ поручать дѣлать.

Генсхенъ, за минуту походившій на юнаго козлика, дѣлался похожимъ на варенаго рака, не теряя, впрочемъ, сходства съ юнымъ чиновникомъ, испортившимъ бумагу, и покорился опалѣ съ тяжелымъ чувствомъ сознанія своей негодности. Черезъ нѣсколько минутъ, поразмысливъ о своей судьбѣ, онъ начиналъ успокаиваться и думалъ, что, можетъ-

Digitized by Google

быть, оно и хорошо, если его не будутъ заставлять переливать воду изъ одной посудины въ другую, но онъ еще не понималъ, какое впечатлѣніе произведетъ на другихъ выказанное имъ согласіе къ переливанью воды. Проходилъ день, Генсхену ничего не поручали: сахаръ колютъ другіе, воду выливаютъ другіе, *чайную машину* велятъ ставить другимъ, Генсхену даже не даютъ подать опорожненную имъ чайную чашку, а заставляютъ другихъ взять ее отъ него, потому что онъ такой неловкій, разбить ее можетъ. Генсхенъ возьметъ со стола стаканъ, а ему уже ласково кричатъ четыре довольно жиденькіе голоса:

— Генсхенъ, не разбейте, ради Бога!

— Ахъ, мама, какъ я боюсь, что этотъ Генсхенъ разобьетъ что-нибудь у насъ!

— О, этотъ Генсхенъ такой *неосторожный*!

Генсхенъ вздыхаетъ, слушая полунѣмецкія, полурусскія восклицанія хозяекъ, перенося тычки, безчисленные тычки отъ услуживающихъ ему и работающихъ за него товарищей, и думаетъ крѣпкую думу. Результатомъ думы является новая полоскательная чашка, купленная на послѣднія деньги, оставленныя Генсхену матерью, экономкою министра.

— Генсхенъ, это вы купили?

— О, этотъ Генсхенъ, мама, предобрый!

— О, ты ему будешь поручать работу?—кричатъ три голоса.

— Да, да,—отвѣчаетъ растроганная мадамъ Шморбратенъ.

— Генсхенъ, вели Катеринѣ подать чайную машину.

Генсхенъ приходитъ въ восторгъ отъ порученія и бѣжитъ передать кухаркѣ приказаніе. Его восхищаетъ обращенное къ нему впервые отеческое *ты*, какъ полнѣйшее свидѣтельство о принятіи его въ члены общества. Но уже въ самой его походкѣ замѣтна осторожность, онъ боится что-нибудь разбить, своротить съ мѣста; онъ подобострастно слушаетъ за чаемъ исторію старой, разбитой имъ полоскательной чашки, принадлежавшей еще отцу мадамъ Шморбратенъ; онъ съ благоговѣніемъ смотритъ и на всѣ остальные предметы, предполагая, не безъ основанія, что у каждаго изъ нихъ есть свое великое историческое значеніе, и ему кажется, что даже изъ его стакана выглядываетъ на него бѣлобрысый отецъ хозяйки, этотъ невѣдомый ему, но глубоко уважаемый имъ нѣмецъ. У Генсхена навертываются на глаза слезы умиленія... Такъ-то каждый изъ насъ дѣлался членомъ [illegible] мадамъ Шморбратенъ, проникался уваженіемъ къ [illegible]ической личности ея отца, пріучался приносить свою

Digitized by Google

долю пользы доброй хозяйкѣ, державшей бразды домашняго правленія, и не рѣшался разсуждать о томъ, что для чего же ей услуживать, если она получаетъ за наше содержаніе ежемѣсячную подать.

II.

Я поступилъ къ мадамъ Шморбратенъ изъ Маріеназиля *).

Мнѣ было въ то время одиннадцать лѣтъ. Въ Маріеназилѣ мнѣ приходилось и грядки рыть въ огородѣ весною, и полоть ихъ лѣтомъ, и картофель копать осенью, и масло бить во всякое время. Руки у меня стали жёсткими, плечи широкими, лицо загорѣлымъ, почти бронзоваго цвѣта, такимъ оно и осталось почти навсегда. По-нѣмецки я говорилъ отлично, хотя мое произношеніе и не было похоже на то, какое слышится въ аристократическихъ кружкахъ, а напоминало произношеніе колонистовъ, ближайшихъ сосѣдей Маріеназиля. По-русски я зналъ плохо, хоть и былъ православнаго вѣроисповѣданія. Послѣднее обстоятельство меня немного изумляло, такъ какъ въ сущности я самъ не зналъ, нѣмецъ ли я или русскій, и если русскій, то почему. Родителей у меня никогда не было, по крайней мѣрѣ, я долго былъ увѣренъ, что я и мои товарищи по Маріеназилю родились сами собою на свѣтъ не отъ родителей, а отъ Маріеназиля. Какъ мнѣ грустно было покинуть этотъ пріютъ, когда пріѣхалъ за мною и повезъ меня къ мадамъ Шморбратенъ какой-то неизвѣстный мнѣ человѣкъ, баронъ Вицли-Пуцли. Я въ себя не могъ придти отъ этого событія, и не мудрено: жилъ, жилъ я мирнымъ гражданиномъ, воздѣлывалъ землю — и вдругъ пріѣзжаетъ таинственный незнакомецъ, шепчется съ надзирательницей, сажаетъ меня въ карету и увозитъ. «Боже мой, Боже мой, что будетъ съ моимъ картофелемъ!» мысленно восклицалъ я и звѣрски смотрѣлъ на незнакомца, подъѣзжавшаго ко мнѣ съ ласковыми словами... Сурово и недовѣрчиво взглянулъ я на безчисленную семью мадамъ Шморбратенъ и удивился, что у всѣхъ ея членовъ были бѣлыя руки, узенькія плечи, прозрачная кожа и болѣе всего поразилъ меня одинъ трехлѣтній ребенокъ, у котораго шея была похожа на тоненькую стеклянную трубочку, налитую голубоватымъ молокомъ съ водою, на этой полупрозрачной шеѣ сидѣла, покачиваясь съ боку на бокъ, непомѣрно большая

*) Пріютъ для дѣтей близъ Петербурга.

Digitized by Google

голова съ бѣловатыми, больными, именно больными волосами, и тоже голубоватой, какъ жидкое молоко, кожей.

— Ты будешь жить здѣсь,—сказалъ мнѣ баронъ Вицли-Пуцли.—Учиться ты будешь въ Н—ской школѣ. Если тебѣ понадобятся деньги, то ты можешь спросить у мадамъ Шморбратенъ, я ей доставлю ихъ для твоихъ потребностей.

Я стоялъ и хлопалъ глазами, не зная на что это могутъ мнѣ понадобиться деньги, и зачѣмъ это баронъ поручаетъ мадамъ Шморбратенъ выдавать мнѣ ихъ, когда она меня будетъ поить и кормить. У насъ въ Маріенназлѣ никто не имѣлъ понятія о значеніи денегъ, тамъ всѣ существовали безъ нихъ, никто и не придумалъ бы, на что онѣ годятся, и ужъ, конечно, если кому-нибудь хотѣлось бы добыть молока, то онъ и шелъ за молокомъ къ коровницѣ, а не за деньгами.

— Ну, прощай, учись хорошо!—сказалъ баронъ, задумчиво поглядывая на мое озабоченное лицо.

Я молчалъ.

— Поцѣлуйте же ручку у своего благодѣтеля!—воскликнула мадамъ Шморбратенъ.

Она указала мнѣ на барона, и я понялъ, что онъ благодѣтель, и поцѣловалъ впервые руку у постороннято мужчины, то-есть у мужчины вообще, потому что всѣ они были мнѣ посторонніе, такіе же посторонніе, какъ и всѣ женщины. Долго вечеромъ думалъ я, великъ ли чинъ, выражаемый словомъ: благодѣтель, и никакъ не могъ понять, что это совсѣмъ не чинъ, что я самъ могу изъ Валерьяна Малевина сдѣлаться благодѣтелемъ... Фу, какъ душно спать въ маленькой комнатѣ въ лѣтнюю ночь въ обществѣ нѣсколькихъ ребятишекъ! И какъ темно, точно въ могилѣ, и эти блѣдные люди выглядятъ точно покойники, а этотъ трехлѣтній мальчикъ, съ синеватой головой: — у! какой онъ отвратительно-страшный!.. Но что это? Передо мной начало подниматься у противоположной перегородки, отдѣлявшей отъ насъ дѣвочекъ, какое-то привидѣніе, длинное, длинное, въ бѣломъ саванѣ, стараясь достать руками до верху перегородки!

— Спасите!—крикнулъ я.—Спасите!

Всѣ вполошились, привидѣніе свалилось, какъ снопъ, на свою постель, уронивъ на полъ какую-то бумажку, сложенную въ формѣ письма. Начался гамъ и шумъ.

— Мама, ахъ, мама, мы горимъ! — кричала одна изъ дѣвицъ Шморбратенъ.

— О, какъ мнѣ страшно, мама!—ужасалась другая.

Кто-то визжалъ тоненькимъ женскимъ голоскомъ. Двери

Digitized by Google

къ намъ въ комнату внезапно распахнулись, и мадамъ Шморбратенъ, худенькая, какъ щепочка, въ болтавшейся около ногъ юбчонкѣ, съ головой не больше кулака, обтянутой въ гладкій ночной чепецъ, явилась на порогѣ.

— Валерка, что съ тобой?—крикнула она.

— Покойникъ!—отвѣтилъ я, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Гдѣ?

— Тамъ.

— Ты съ ума сошелъ! никакого покойника тутъ нѣтъ. Тутъ Фрицъ спитъ. Фрицъ, вы спите?

— Сплю, мадамъ Шморбратенъ,—отвѣтилъ Фрицъ.

— Ну, вотъ видишь, Фрицъ тутъ спитъ. Если ты еще будешь шумѣть, то я пожалуюсь барону. Спи!

— О, мама, какъ этотъ Валерка меня испугалъ!

— Мама, мама, какъ у меня сердце бьется!—слышался голосъ изъ другой комнаты и въ то же время кто-то визжалъ.

Наконецъ, все успокоилось. Я, пристыженный этой сценою, краснѣя за себя, не могъ уснуть; вдругъ на противоположной постели, гдѣ поднималось привидѣніе, приподнялся снова Фрицъ и, крадучись, подошелъ ко мнѣ.

— А ты, щенокъ, вздумалъ ябедничать!—грознымъ шопотомъ произнесъ онъ, нагибаясь къ самому моему носу. — Вотъ же тебѣ, вотъ тебѣ!—Онъ зажалъ мнѣ рукою ротъ и началъ меня щипать повсюду, гдѣ только ему удавалось захватить мое тѣло. Я не вытерпѣлъ и укусилъ ему руку.

— Чортъ, дьяволъ!—прошепталъ онъ и навалился всѣмъ своимъ тѣломъ на меня.

Началась борьба. Мнѣ удалось показать свою деревенскую силу, и Фрицъ, уходя на свою постель, вѣроятно, раскаивался, что затѣялъ битву. За перегородкой кто-то хихикалъ, должно быть, понимая, что означала глухая возня въ нашемъ отдѣленіи.

Утромъ, когда я проснулся, первымъ моимъ дѣломъ было разглядѣть Фрица. Я воображалъ его такимъ же ребенкомъ, какъ я, и удивился, увидавъ молодого человѣка лѣтъ пятнадцати съ бойкими, плутовскими глазами и хорошенькимъ, чисто-русскимъ лицомъ. Онъ косился на меня и изъ-подъ стола показывалъ мнѣ кулакъ. Я гордо показалъ ему два, въ полной увѣренности, что онъ не можетъ отвѣтить мнѣ тѣмъ же, по случаю укушенной ладони.

— Вы гадкій, гадкій мальчишка,—сказала мнѣ мимоходомъ бѣлокуренькая Анхенъ, одна изъ воспитанницъ мадамъ Шморбратенъ.

Digitized by Google

III.

— Вануша, что ты не пьешь чай?—нѣжно спрашивала однажды мадамъ Шморбратенъ у прозрачнаго трехлѣтняго ребенка, задумчиво сидѣвшаго надъ чашкой жидкаго чая, похожаго цвѣтомъ на мутную воду.

— Булоцки зду,—прокартавилъ тихо ребенокъ, не поворачивая своей огромной головы.

— Да вѣдь ты уже скушалъ свою булочку.

— Я и забилъ!—отвѣтилъ флегматически ребенокъ и наклонилъ свою большую голову къ чашкѣ.

— О, этотъ Ваня! онъ забылъ, что съѣлъ свою булочку,—воскликнула одна изъ дочерей хозяйки.

— Сахалцу дайте,—печально произнесъ Ваня, заглянувъ на дно чашки.

— Тамъ положено, ты помѣшай,—отвѣтила мадамъ Шморбратенъ.

— Полозѣно, а я забилъ,—снова согласился Ваня и сталъ въ раздумьѣ мѣшать въ чашкѣ.

— Вы ему не клали сахару,—объявилъ я, полагая, что бѣдная мадамъ засуетилась и забыла это обстоятельство.

— Заботьтесь о себѣ, если вамъ не дадутъ сахару, а о Ванѣ есть кому заботиться; мы его любимъ больше всего на свѣтѣ.

— О, этотъ Ваня!

— О, поцѣлуй меня, Вануша!—заговорили голоса.

Ваня медленно обернулъ свою головку на тоненькой шейкѣ и подставилъ губы одной изъ дѣвицъ Шморбратенъ. Раздался звонкій поцѣлуй.

У меня сжалось сердце за Ваню, и мнѣ захотѣлось собрать всю ѣду со стола и отдать ему. Дорогой въ школу я заглянулъ въ окно булочной и быстро опустилъ руку въ карманъ, но тамъ не оказалось ничего кромѣ сломаннаго грифеля, и я съ горечью швырнулъ его въ сторону. Тутъ я впервые понялъ, что̀ значитъ для голоднаго прохожаго булочная и что̀ значатъ деньги; я готовъ былъ зарыдать, припасть къ чьей-нибудь груди, когда въ эту же минуту мимо булочной прошла съ поникшей головою и тусклымъ взглядомъ оборванная, искудалая женщина, державшая на рукахъ больного ребенка. Господи, не оставь нищихъ и голодныхъ безъ своей помощи въ сытомъ городѣ! Въ тотъ же день я явился къ мадамъ Шморбратенъ съ требованіемъ выдать мнѣ пятнадцать копеекъ, объяснивъ, что я

Digitized by Google

завтра не приду домой завтракать. Вечеромъ я тихонько кормилъ булками Ваню и передалъ ему сахаръ, купленный мною на пять копеекъ. Бѣдный ребенокъ еще не умѣлъ распоряжаться и съѣлъ сахаръ за-разъ; на утро онъ снова пилъ мутный кипятокъ безъ сахару и былъ нездоровъ. Я рѣшился опять попросить у хозяйки пятнадцать копеекъ на завтракъ, но она сказала, что слишкомъ много будетъ, если я стану тратить по пятнадцати копеекъ въ день, что я долженъ довольствоваться тремя копейками. На эти деньги я могъ купить булку для Вани, но не могъ купить ему сахару, сверхъ того меня мучила мысль, что я самъ умру съ голода, такъ какъ мадамъ Шморбратенъ, давъ мнѣ первыя пятнадцать копеекъ, не оставила мнѣ къ вечеру ничего, кромѣ молочнаго супа. Одна надежда оставалась у меня на благодѣтеля. Я хотѣлъ объяснить ему дѣло и просить денегъ, потомъ черезъ долгіе годы я понялъ, что надо было просить денегъ и не объяснять дѣла. Онъ пріѣхалъ. Я разсказалъ о своихъ безпокойствахъ за Ваню.

— Пожалуйста, не мѣшайся въ чужія дѣла, — сказалъ онъ.—Заботься, чтобы тебя кормили. Всѣхъ, мой другъ, не накормишь, есть дѣти, которымъ еще хуже жить, чѣмъ этому Ванѣ, и помочь имъ у меня и у всѣхъ другихъ людей не достанетъ средствъ. Но ты самъ не голодаешь?

— Нѣтъ, я сытъ.

Благодѣтель показался мнѣ въ эту минуту страшно сухимъ человѣкомъ.

— То-то же! ты не скрывай, если тебя плохо кормятъ. Скажи мнѣ. Я тебя перемѣщу въ другое мѣсто.

Я испугался, и мнѣ самому стало удивительно, что я испугался именно того, что меня возьмутъ изъ этого противнаго мнѣ дома. Передо мною, какъ молнія, мелькнулъ образъ умирающаго безъ моей помощи голодной смертью большеголоваго, тонкошеяго Вани, и мое сердце сжалось. Въ тѣ годы я еще мало видѣлъ страданій, не притупилъ своихъ чувствъ и не считалъ счастьемъ возможность жить среди страдающихъ людей, заткнувъ уши и закрывъ глаза отъ ихъ горькаго существованія.

— Нѣтъ-съ, я совсѣмъ сытъ, очень сытъ,—солгалъ я, чувствуя бурчанье въ прополосканномъ молочными кущаньями желудкѣ.

— Ну, да, но ты учишься дурно. Тебѣ, можетъ-быть, не уютно здѣсь учиться?—мягко сказалъ благодѣтель. — Будь откровененъ со мною, какъ съ отцомъ. У меня нѣтъ дѣтей,

Digitized by Google

и я люблю тебя, какъ сына. Люби и ты меня, не дичись меня...

Въ звукахъ голоса барона Вицли-Пуцли была въ эту минуту какая-то неизъяснимая и непонятная для меня нѣжность. Со мной и при мнѣ никто не былъ нѣженъ, всѣ мнѣ были чужіе, и я самъ не понималъ, что можно людямъ быть нѣжными другъ съ другомъ.

— Я буду стараться...—началъ я.

Лицо барона оживилось.

—...учиться,—кончилъ я.

— Да, да, учиться!—задумчиво провелъ онъ рукою по лбу и, холодно отодвинувъ меня отъ себя, вышелъ вонъ.

Я остался въ недоумѣніи на мѣстѣ и не могъ бѣжать проводить его. Что-то непонятное вертѣлось въ моей головѣ, какое-то новое чувство волновало мою грудь. Мое рѣшеніе учиться прилежно не легко было исполнить. Въ комнатѣ у насъ занималось до восьми человѣкъ.

— Русская грамматика учитъ правильно говорить и читать по-русски,—бормочетъ въ одномъ углу дѣвочка.

— J'aime, tu aimes, il aime,—голоситъ Фрицъ, раскачивая головой изъ стороны въ сторону и заткнувъ уши пальцами.

— Пять, да восемь, да семь... Фрицъ, сколько будетъ пять, да восемь, да семь?—кричитъ Генсхенъ.

— О, этотъ Фрицъ ничего не слышитъ!—волнуется за Генсхена одна изъ вышивающихъ дѣвицъ Шморбратенъ.

— Ай, ай,—оретъ, какъ недорѣзанный поросенокъ, Ваня.—Меня Генсхенъ щипнулъ!

— Генсхенъ, куда вы его щипнули?—кричитъ другая дѣвица Шморбратенъ.

— Хи-хи-хи! Куда я его щипнулъ? — хохочетъ Генсхенъ, не рѣшаясь назвать то мѣсто, куда ущипнулъ ребенка.

— Тише, тише!—кричитъ мадамъ Шморбратенъ, являясь въ комнату.—Was ist denn das?

Шумъ, гамъ, разбирательство,—учиться нѣтъ возможности, и къ тому же мое вниманіе занято Фрицомъ, который тихонько улизнулъ за воспитанницей, назвавшей меня гадкимъ мальчишкою, и передаетъ ей записочку въ другой комнатѣ. Я вижу это въ отворенную дверь, а Фрицъ показываетъ мнѣ кулакъ, что не мѣшаетъ ему дѣлать нѣжные глазки миленькой Анхенъ. Мадамъ Шморбратенъ между тѣмъ перевела своихъ двухъ посѣтительницъ въ комнату нашихъ занятій, чтобы мы не имѣли возможности шумѣть, и таран-

Digitized by Google

тить съ гостями о своихъ дѣлахъ, про покойнаго своего папеньку, про дороговизну содержанія, про жениха своей старшей дочери, про любовника кухарки... Въ комнатѣ дѣйствительно дѣлается тихо, и всѣ дѣти превращаются въ слухъ... Среди этого хаоса я, какъ государственный человѣкъ, обремененный сотнями дѣлъ, думаю и подслушать болтовню мадамъ Шморбратенъ, и подсмотрѣть за Фрицомъ, и уроки выучить, и придумать, какъ пріобрѣсти деньги на покупку сахара для Вани. Послѣднее непремѣнно нужно сдѣлать, иначе я не могу покойно учиться, у меня сердце давитъ, когда я вижу, какъ онъ пьетъ мутную кипяченую воду безъ сахару, безъ булокъ. Что такое мнѣ Ваня? Развѣ я ему родня, развѣ я его люблю? Развѣ я люблю вообще кого-нибудь изъ людей? Они мнѣ чужіе, они мнѣ ничего, ровно ничего не сдѣлали добраго. Отчего же меня мучатъ мученія одного изъ нихъ? Эти думы все чаще и чаще съ нѣкоторыхъ поръ стали посѣщать мою голову, и хотѣлъ я понять, почему всѣ другія дѣти, всѣ другіе люди, за исключеніемъ кухарки Катерины, смотрятъ на участь Вани не такъ, какъ я, а какъ баронъ Вицли-Пуцли.

IV.

А Ваня съ каждымъ днемъ дѣлался все прозрачнѣе и прозрачнѣе, все его тѣло сохло, и оттого голова и конечности рукъ и ногъ казались все болѣе и болѣе непомѣрно большими. Слово *уродъ* уже очень часто слетало съ устъ посѣтителей при видѣ ребенка, а уродъ начиналъ не на-шутку хворать. Мадамъ Шморбратенъ пригласила благодѣтельнаго доктора нѣмецкой школы, пользовавшагося покровительствомъ пастора Флита и лѣчившаго даромъ всѣхъ женщинъ въ нашей квартирѣ и въ квартирахъ другихъ нѣмокъ—содержательницъ дѣтей. Всѣ эти люди составляли тѣсное дружеское общество, они были немыслимы безъ Н-ской школы, а она, въ свою очередь, была немыслима безъ нихъ. Докторъ прописалъ какую-то микстуру и сталъ посѣщать насъ каждый вечеръ во время закуски и чая, служившихъ ему наградой за благодѣянія. Однажды въ это время послышался робкій, едва слышный звонокъ у дверей, и черезъ минуту въ передней появилась женщина въ плохой одеждѣ и въ платкѣ на головѣ.

— Можно мнѣ, сударыня, на моего Ваничку взглянуть?— робко спросила она у выбѣжавшей въ переднюю хозяйки.

— Можешь, милая.

Digitized by Google

Мадамъ Шморбратенъ говорила съ нею небрежно и высокомѣрно, чувствуя, что она стоитъ хоть на одну ступеньку выше посѣтительницы.

— Извините, что я васъ вечеромъ безпокою; наше дѣло рабочее, господа утромъ не отпускаютъ,—оправдывалась заискивающимъ голосомъ посѣтительница и, крестясь на передній уголъ, гдѣ не было образа, на цыпочкахъ, неловкой походкой забитаго русскаго человѣка вошла въ комнату.

Ваня въ эту минуту сидѣлъ у меня на колѣняхъ.

— Мама, мамоцка!—крикнулъ онъ и бросился бѣжать къ ней, но слабыя ноги не сдержали его, и онъ упалъ на срединѣ комнаты.

Большая голова издала глухой стукъ, ударившись объ полъ.

— Ой!—вырвалось изъ груди матери.—Голубчикъ, миленькій, ушибся? Плюнь, батюшка,—пройдетъ!—заговорила женщина, опустившись на колѣни передъ своимъ сыномъ и, повидимому, забывъ все на свѣтѣ, кромѣ своего ребенка, который медленно поднялся и прилегъ головою на плечо матери, но не плакалъ.

Въ комнатѣ стало тихо, можно бы было разслушать полетъ мухи.

— Онъ нездоровъ,—прервала мадамъ Шморбратенъ молчаніе, кажется, мучительное и тягостное даже для ея картофельнаго сердца, гдѣ вмѣсто крови текло жидкое молоко и жижа габерсуповъ.

— Что съ тобою, голубчикъ мой, ненаглядный?—спрашивала мать, поднимаясь съ сыномъ на рукахъ.—Есть ли аппетитъ-то у него, кушаетъ ли онъ?

— Онъ мнѣ булоцки даетъ,—указалъ Ваня на меня.

Простая женщина бросила на меня взглядъ, полный такой безконечной ласки и благодарности, что я дрогнулъ и поспѣшилъ уйти въ спальню, чтобы скрыть слезы. Но то были сладкія слезы благодарности, глубокой благодарности къ этой женщинѣ, которая мнѣ казалась выше всѣхъ людей, видѣнныхъ мною до сихъ поръ.

— Да, онъ его все балуетъ,—хмуро замѣтила хозяйка.

— Пошли ему Богъ добраго здоровья, всего, всего, чего онъ у Господа проситъ!—промолвила женщина.—Ужъ побеpегите вы моего сына, Господь вашихъ дѣтей сбережетъ за это. Будьте ему матерью, вѣдь не могу я его у себя держать, кто возьметъ кухарку съ ребенкомъ!

— Ахъ, милая, мы заботимся о Ванѣ. Вотъ и докторъ для него призванъ...

Digitized by Google

— Та, нишего, микстурка маленькій—и все проходитъ,— произнесъ привилегированный палачъ сиротъ.

— Не надо ли пищи какой-нибудь особенной?

— Помилуй, мы его кормимъ отлично. У насъ онъ не первый воспитуется,—обидѣлась хозяйка.

— Та, мадамъ Шморбратенъ больше о чужихъ думаетъ, чѣмъ о сепѣ,—ввернулъ эскулапъ, считавшій долгомъ быть союзникомъ всѣхъ содержательницъ дѣтей.

— Простите меня, матушка, вѣдь я знаю, что вы весь вѣкъ о чужихъ дѣтяхъ заботитесь, да вѣдь мать я. Сама не знаю, что̀ брешу... Господи, да если онъ у меня умретъ, такъ что же мнѣ и жизнь тогда?—мучительно произнесла женщина.

Я слышалъ весь этотъ разговоръ и поспѣшилъ зарыть голову въ подушки, чтобы не изумить посторонних своими рыданіями. Съ той минуты я понималъ, что̀ значитъ честная мать, что̀ значитъ честная семья, и какіе-то блѣдные, измученные призраки смутно пронеслись передо мною, и я прочелъ на нихъ страшныя слова: бѣдность и труженичество... Послѣ мнѣ передали дѣти, что наша кухарка посовѣтовала матери Вани отдать сына въ больницу, но та испугалась этой мысли и почему-то говорила, что тамъ живодеры, что Ваню тамъ уморятъ. Всего этого я никакъ не могъ понять въ то время...

Всѣми силами началъ я стараться вытягивать деньги отъ мадамъ Шморбратенъ и кормить Ваню. Это было не легко сдѣлать, такъ какъ хозяйка безъ разбору тратила на свои потребности и платимыя за насъ деньги, и деньги, оставленныя на наши прихоти и порученныя на сбереженіе ей. Часто она не давала требуемой суммы только потому, что у нея не было ни гроша. Я спорилъ, требовалъ и считалъ теперь почти своею обязанностью, своимъ долгомъ добывать для Вани деньги, точно его мать своимъ ласковымъ взглядомъ купила мою душу для своего сына...

Въ школѣ между тѣмъ случилась скверная исторія. У одного ученика пропали всѣ книги. Оказалось, что ихъ укралъ другой ученикъ, *муходавъ*, прозванный такъ потому, что любимымъ его занятіемъ въ классѣ была ловля мухъ, которымъ онъ съ звѣрскою радостью надѣвалъ на шею петлю изъ нитки и давилъ ихъ. Это былъ сынъ какого-то бѣднякаремесленника, являвшійся въ школу съ синяками подъ глазами отъ отцовскихъ затрещинъ и презираемый всѣми за свою грязную физіономію и рваную одежду.

Digitized by Google

Муходавъ, какъ узнали при допросѣ, продалъ книги букинисту, чтобы купить себѣ ѣды... «Фи, какой гадкій человѣкъ, этотъ господинъ букинистъ!—думалъ я.—Онъ купилъ украденныя книги. И что такое букинистъ? Неужели это тоже чинъ, какъ и благодѣтель?» Я попросилъ одного изъ товарищей разсказать мнѣ, что значитъ букинистъ, и къ концу его объясненія уже сіялъ. Я нашелъ новое средство купить Ванѣ сахару и булокъ; у меня были двѣ книги съ картинами, ихъ подарилъ мнѣ баронъ, нужно ихъ продать и будутъ деньги. «Вѣдь онѣ мнѣ подарены, я ихъ не укралъ, я могу ихъ продать», разсуждалъ я. Первый разъ въ эти три года жизни въ Петербургѣ совершилъ я одинъ далекое путешествіе на Толкучій. Многолюдныя улицы, магазины, снующіе экипажи—все это удивляло меня и, глазѣя на новые предметы, я получалъ сотни толчковъ, но храбро выдержалъ ихъ, и только иногда мысль о томъ, что я могу заблудиться, остаться совершенно одинокимъ во всемъ городѣ, заставляла меня вздрагивать и оборачивать голову назадъ, чтобы запомнить дорогу. Наконецъ, я дошелъ до цѣли своего путешествія. Раза четыре прошелся я передъ лавчонкой, надъ которой красовалась сдѣланная углемъ на доскѣ надпись: «купля и продажа поддѣржанныхъ книгъ?» Наконецъ, я рѣшился войти, чтобы избавиться отъ какого-то мальчишки, державшаго меня за шинель и звонко выкрикивавшаго подъ моимъ ухомъ: «серебра не продаете ли? старое серебро покупаемъ!»

— Что тебѣ?—спросилъ меня красноносый, жирный старикъ, въ нахлобученной ватной шапкѣ съ наушниками и въ сальной синей чуйкѣ, похожей на халатъ, опоясанный кушакомъ.

Онъ читалъ въ это время замасленную, распухнувшую, какъ въ водяной, старопечатную библію.

— Книги,—отвѣтилъ я дрожащимъ голосомъ, выставляя изъ-подъ полы уголъ книги.

— Покажи!

Я вытащилъ тихонько книги изъ-подъ шинели. Старикъ неторопливо загнулъ уголъ въ библіи, взялъ мои книги, поправилъ на носу свои огромные очки въ мѣдной оправѣ и началъ перелистывать книги одну за другой, держа ихъ въ сторону, какъ дѣлаютъ косые, и послюнивъ предварительно грязные пальцы.

— Охъ, Господи Іисусе Христе!—вздохнулъ онъ и, положивъ книги, снова взялся за библію.

Digitized by Google

Я стоялъ въ мучительномъ ожиданіи.

— Укралъ, что ли?—грубо и вскользь спросилъ онъ, открывъ библію.

— Нѣтъ, это мои,—покраснѣлъ я.

— Что берешь?

— Что дадите.

— Твой товаръ.

Красноносый старикъ уже читалъ въ это время.

— Шестьдесятъ копеекъ,—отвѣтилъ я, соображая, что этой суммы достаточно для фунта сахара и булокъ, и не соображаясь съ настоящей цѣной моего товара.

— Сорокъ.

— Нѣтъ, шестьдесятъ.

— Ну, бери сорокъ пять, не то вотъ сведу къ отцу, онъ-тѣ вспоретъ сидѣнье!

— Мнѣ шестьдесятъ копѣекъ нужно,—захныкалъ я.

— Ну, убирайся, вотъ тебѣ полтинникъ!—швырнулъ онъ мнѣ деньги, снялъ очки, снова загнулъ уголокъ библіи и сталъ устанавливать купленныя книги. Я подобралъ мѣдь и убѣжалъ, радуясь, что продалъ шестирублевыя книги за пятьдесятъ копеекъ.

— Книги продаете? Баринъ, книги продаете?—крикнули мнѣ разомъ четыре голоса, и восемь рукъ схватили меня за шинель.—Къ намъ пожалуйте, мы сходно покупаемъ! ко мнѣ зайдите, вы у меня прошлый разъ продавали! Покажите, какія у васъ книги?

— Я ихъ продалъ,—жалобно отвѣтилъ я, теряясь отъ страха въ рукахъ этихъ людей.

— Зачѣмъ же-съ?—съ сожалѣніемъ и ироніей воскликнулъ кто-то изъ нихъ.

— На сахаръ денегъ надо,—съоткровенничалъ я, уже не помня, что говорю.

— Ха-ха-ха!—захохотала толпа.—А на чай-съ не надо? На водочку, можетъ, требуется?

— Го-го-го! молодецъ!

— Пустите, пустите меня, никогда не буду!—зарыдалъ я.

— Чяго пристали, сволочь!—крикнулъ продавецъ желѣзнаго хлама.—Вороны проклятыя!

— Э, да ты, вѣрно, воришка! Сляпсилъ гдѣ-нибудь?—продолжали кричать букинисты.

— Ишь ты, а какой еще махонькій!—удивлялся кто-то.

— Мала птичка, да ноготокъ востеръ!

Я рванулся и пустился бѣжать.

Digitized by Google

— Держи его! го-го-го!—раздалось за мною, но я летѣлъ и летѣлъ со всѣхъ ногъ, воображая, что за мною дѣйствительно гонятся эти добрые баловники, развлекающіеся разными шуточками.

— Щенокъ, поросенокъ, мозоль отдавилъ!—крикнулъ кто-то и вытрепалъ мнѣ ухо; потомъ я снова бѣжалъ, даже не взглянувъ, кто это соблаговолилъ вытрепать меня.

Не помню, какъ я прибѣжалъ домой, долго ли искалъ дорогу, у кого о ней спрашивалъ, кому еще отдавилъ мозоли, кто меня еще вытрепалъ, но только черезъ три недѣли я очнулся вполнѣ... Въ эти три недѣли мнѣ все казалось, что я бѣгу, и бѣгу, тщетно отыскивая себѣ уютнаго угла, что кто-то между тѣмъ неотразимо, нещадно давитъ меня, а до слуха долетаютъ жалобныя, надрывающія душу причитанья какой-то женщины, произносимыя ею ласкательныя слова и призыванье кого-то умершаго къ жизни, къ любви.

— Слава Богу! слава Богу!—шепталъ мнѣ благодѣтель, когда я очнулся:—тебѣ, кажется, лучше. Дитя мое, какъ ты меня напугалъ!—онъ взялъ мою исхудалую руку и поцѣловалъ ее. Я началъ плакать и просить прощенья.

— Ничего, ничего, не волнуйся! Забудь, если ты что-нибудь сдѣлалъ, только выздоравливай. Не хочешь ли ты чего-нибудь?

— Сахару для Вани купите,—вспомнилъ я.

— Хорошо, хорошо.

— Гдѣ онъ? Приведите его ко мнѣ, пусть онъ здѣсь пьетъ чай.

Благодѣтель ввелъ ко мнѣ ребенка... но это былъ не Ваня.

— Это не Ваня! Гдѣ Ваня?—взволновался я.

— Ваня умеръ,—отвѣтилъ благодѣтель и испугался, услышавъ истерическія рыданія.

— Я все слышалъ,—слышалъ, какъ плакала его мать, какъ его хоронили!—рыдалъ я, и дѣйствительно мнѣ стало ясно все то, что за минуту казалось смутнымъ бредомъ болѣзни.

— Добрая, честная душа!—промолвилъ благодѣтель.

На одинъ изъ его орденовъ упала изъ глазъ слеза и исчезла между алмазами, пожалованными ему разными капитулами, какъ исчезаютъ вѣчныя звѣзды неба за дымомъ и блескомъ арлекински-пестрыхъ огней дымящаго фейерверка.

— Ради Бога, докторъ,—говорилъ онъ въ другой комнатѣ:—спасите его, онъ для меня все. Если онъ умретъ, я

Digitized by Google

не переживу этого... Вы только взгляните, какое это чудесное, доброе дитя!..

Въ его голосѣ было что-то молящее, что-то напоминавшее голосъ Ваниной матери, той простой, бѣдной кухарки, которая купила своимъ взглядомъ мою душу для своего сына.

V.

Медленно выздоравливалъ я и, по мѣрѣ выздоровленія, все больше и больше привязывался къ новому ребенку, поступившему на голодную смерть къ мадамъ Шморбратенъ, а черезъ него привязывался и къ благодѣтелю, носившему мнѣ деньги, сахаръ и булки для моего любимца и уже не говорившаго, что надобно заботиться объ одномъ себѣ. Это дитя сдѣлалось звеномъ, крѣпко связавшимъ насъ, и сдѣлало, какъ признавался черезъ долгіе годы самъ баронъ, моего благодѣтеля болѣе честнымъ, болѣе человѣчнымъ, чѣмъ былъ прежде.

Можетъ-быть, ему самому, важному, заслуженному, ни о чемъ не думавшему, холодно глядѣвшему съ высоты своего баронства на страданія глупой, трудящейся для другихъ толпы, было странно носить булки одному ребенку по просьбѣ, почти по приказанію другого ребенка, но онъ носилъ и былъ счастливѣе въ эти минуты, чѣмъ въ тѣ дни, когда его имя появлялось въ газетѣ, и міръ узналъ, что за его заслуги онъ получилъ такой-то чинъ, его сердце было счастливѣе теперь, чѣмъ въ тѣ минуты, когда онъ шелъ по мягкимъ коврамъ въ будуаръ чужой жены-красавицы и гордо улыбался при мысли о сокрушающей всякія добродѣтели, о покупающей всякія наслажденія, о глумящейся надъ всѣми законами силѣ золота и происхожденія... Все чаще и откровеннѣе были мои ласки при встрѣчѣ съ барономъ, и все рѣже являлся онъ холоднымъ бариномъ; нерѣдко прорывались въ немъ чувства, какія могутъ проглядывать только въ отношеніяхъ отца къ любимому сыну.

— Не хочешь ли ты перемѣнить квартиру? — спросилъ онъ меня, когда я поправился совсѣмъ.

— Нѣтъ, но мнѣ хотѣлось бы имѣть отдѣльную комнату.

— Какъ же это сдѣлать?

— Мадамъ Шморбратенъ хочетъ отказать своему жильцу-чиновнику,—сказалъ я.

Баронъ условился съ хозяйкой, и у меня явилась особенная комната, явились карманныя деньги, а вмѣстѣ съ ними явилось и гражданское чувство, котораго я и не подо-

Digitized by Google

зрѣвалъ въ себѣ, находясь въ Маріеназилѣ и голодая первое время въ домѣ госпожи Шморбратенъ. Мнѣ теперь хотѣлось выказать ясно свое превосходство надъ нею, свое презрѣніе къ ней, хотѣлось обращаться съ нею, какъ обращалась она съ кухаркой, съ матерью Вани.

— Что она—нищая, дрянь!—говорилъ я съ жёлчью своимъ товарищамъ про хозяйку. — Она безъ нашихъ денегъ съ голоду умерла бы со своими тощими дочерями! Она имъ приданое шьетъ изъ нашихъ денегъ. У нея гроша за душой нѣтъ, все наше, и очень намъ нужны ея распоряженія и наставленія.

И — странное дѣло! — теперь меня слушали, какъ оракула, у меня явились друзья-сообщники, съ которыми я былъ ласковъ, но которыхъ уже не уважалъ въ душѣ, какъ не уважалъ хозяйку за ея грубое обращеніе съ бѣдными: это чувство неуваженія къ людямъ было еще смутно, но оно уже было. Я не стѣснялся держать друзей на посылкахъ, заставлять ихъ подсматривать за разными продѣлками хозяйки. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ мои друзья сдѣлались врагами нашей правительницы, и рѣшили, что эти проклятыя нѣмки кормятъ насъ плохо, что надо поднять общее возстаніе и покорить враговъ. Въ одинъ прекрасный день планъ атаки былъ составленъ. Съ утра все юное населеніе дома поднялось въ воинственномъ настроеніи духа.

— Фрицъ, — обратилась мадамъ Шморбратенъ: — велите Катринѣ подавать чайную машину.

— У меня дѣла много, мнѣ некогда, — отвѣтилъ гробовымъ голосомъ Фрицъ или Федя, какъ онъ называлъ теперь себя, чтобы не быть смѣшаннымъ съ нѣмецкими врагами.

— О, мама, я велю подать чайную машину!—вступилась старшая дѣвица Шморбратенъ.—Этому Фрицу некогда, онъ другихъ хочетъ заставлять за себя дѣлать дѣло.

— Я деньги плачу!—глухимъ, замогильнымъ тономъ отвѣтилъ Федя.

— О, мама, этотъ Фрицъ упрекаетъ насъ деньгами! онъ думаетъ, что мы безъ него не можемъ жить. Пусть онъ переѣзжаетъ, если хочетъ.

— И переѣду!—мрачнымъ басомъ возразилъ Федя.

— Мама, мама, этотъ Фрицъ грубитъ!

— Грублю!—было роковымъ отвѣтомъ.

— Генсхенъ, наберите чашки,—приказала мадамъ Шморбратенъ.

— У меня мамаша русская, меня зовутъ Иваномъ! —

Digitized by Google

жиденькой фистулой и скороговоркой отрапортовалъ Генсхенъ.

— У васъ все глупости на умѣ! Ступайте за чашками.

— Напишите за меня латинскій переводъ.

— Это еще что вы выдумали, развѣ я учусь въ школѣ?

— А развѣ я служу въ кухаркахъ?

— Я вамъ приказываю набрать чашки!

— А учитель мнѣ приказываетъ латинскій переводъ дѣлать.

— Я буду жаловаться на васъ пастору.

— А я напишу мамашѣ, что вы мнѣ латинскихъ переводовъ не позволяете дѣлать, я и инспектору, и директору, и учителю, всѣмъ пожалуюсь!—звонко кричалъ Генсхенъ.

— Лиза, набирай чашки!—приказала мадамъ Шморбратенъ дочери, зная, что Генсхенъ, подобно своей mama-аристократкѣ, по званію министерской экономкѣ, какъ она называла себя, или ключницѣ, какъ ее называли другіе, былъ охотникъ до жалобъ.

— О, мама, бѣдная мама!—убивались картофельныя дѣвицы Шморбратенъ и стали набирать чашки.

Пришло время обѣда. Подали габерсупъ, — никто не сталъ его ѣсть. Подали армериттеръ—никто не дотронулся и до армериттера. Ясно, что онъ отжилъ свой печальный вѣкъ, что теперь требовалось нѣчто болѣе положительное.

— Вы будете голодны, себѣ же хуже,—сказала хозяйка.

— Мы уже написали роднымъ, что насъ не кормятъ,— отвѣтили пансіонеры.

— Мало ли, что вы вздумаете написать, а я скажу и покажу: что я васъ кормлю!

— Нѣтъ, не покажете. Армериттера-то и габерсупа не покажете! Мы съ голоду больны. У меня голова болитъ,— сказалъ Федя.

— А у меня въ животѣ бурчитъ, вонъ послушайте!—захохоталъ Генсхенъ.

— О, мама, какія гадости говоритъ этотъ Генсхенъ.

Насталъ вечеръ. Всѣ лежатъ, никто не набираетъ чашекъ, никто не выливаетъ воды въ поганое ведро. На другой день никто не ѣстъ, то-есть потихоньку-то всѣ ѣдятъ накупленную въ булочныхъ провизію и дѣйствительно всѣ чувствуютъ себя нездоровыми отъ этой сухой ѣды. Всѣ требуютъ своихъ карманныхъ денегъ у мадамъ Шморбратенъ, которыя у нея издержаны, и пишутъ снова къ род-

Digitized by Google

нымъ. Къ вечеру являются различныя особы мужескаго и женскаго пола собрать справки о случившемся.

— Они просто взбунтовались, — говоритъ хозяйка: — я ихъ отлично кормлю. Это знаетъ самъ пасторъ Флитъ, нашъ докторъ Зейдлеръ и инспекторъ гимназіи Вороновъ, всѣ знаютъ.

— Что же это, въ самомъ дѣлѣ, братецъ?—спрашиваетъ отставной воинъ, дядя Феди.—Ты дурить вздумалъ! У насъ въ полку за это драли солдатъ.

— Помилуйте, дядюшка! Вонъ взгляните, я спряталъ нарочно отъ завтрака кусокъ бутерброда, онъ тоньше бумаги и колбаса воняетъ...

— Маловато, маловато, мадамъ!

— И габерсупы эти нѣмецкіе, дядюшка...

— Ну, это у насъ только въ лазаретѣ давали..

— Да вонъ баронъ Вицли-Пуцли нарочно взялъ отдѣльную комнату для своего воспитанника и велѣлъ его кормить особо, а вѣдь брюхо-то у насъ одинаковое.

— Это точно, мадамъ!

— Ахъ, Боже мой, если баронъ хочетъ на убой кормить своего воспитанника, то онъ за то вдвойнѣ и платитъ.

— А-а? вдвойнѣ? Видишь, Федя, онъ вдвойнѣ платитъ! — съ невообразимо-глупымъ видомъ сказалъ простодушный воинъ.

— Да здѣсь, дядюшка, одинъ уже умеръ съ голоду... Ужъ лучше къ мадамъ Пфанкухенъ переѣхать, та за ту же плату до-сыта кормитъ, — сказалъ Федя, знавшій, что госпожа Пфанкухенъ еще хуже кормитъ, такъ какъ пасторъ отдастъ ей дѣтей, чтобы облегчить ея горькое существованіе, отравляемое все пропивающимъ мужемъ.

— А, ну такъ переѣзжай къ ней, ты бы, братецъ, такъ и говорилъ! — согласился воинъ, и вдругъ посторонился, чтобы уступить мѣсто какому-то, подобно молніи, влетѣвшему въ комнату существу, страшно шумѣвшему шелковымъ платьемъ, накрахмаленными юбками и еще болѣе страшно кричавшему:

— Гдѣ мой сынъ, гдѣ сынъ мой? Покажите мнѣ моего сына!

Съ этими раздирающими душу криками влетѣла къ намъ мамаша Генсхена и, увидавъ его розовенькое личико, повисла къ нему на шею.

— Голодомъ, голодомъ тебя морятъ, страдалецъ, сирота!

— Разстроиться изволили, сударыня!—вздохнулъ воинъ.

Digitized by Google

глядя, какъ шумно и вмѣстѣ съ тѣмъ граціозно опустилась на стулъ нервная барыня. — Вотъ и я своего племянника перемѣщаю къ другой мадамѣ.

— И я, и я! Да я государю жаловаться буду. Я у министра въ экономкахъ живу!.. Я лично, лично жаловаться буду! — кричала мамаша Генсхена. — Сына уморили, сына уморили!

— Да, сударыня, былъ у насъ въ полку тоже такой подлецъ-ротный, стервятиной, съ позволенья сказать, солдатъ кормилъ, такъ его, бестію этого...

— Жаловаться, жаловаться, — кричала экономка министра.—Я лично буду жаловаться, лично!

Начался шумъ, гамъ и, наконецъ, мадамъ Шморбратенъ объявила, чтобы подождали еще немного родственники воспитанниковъ и что она улучшитъ пищу.

— И, пожалуйста, не заставляйте ихъ ничего дѣлать; мой Жанъ не въ лакеи готовится,—вздернула голову мать Генсхена.

— Да-съ, и моего Федюху тоже не заставляйте. Оно, конечно, дѣло домашнее, но вы, съ позволенія сказать, чортъ знаетъ какія посудины выносить заставляете!—вступился воинъ.—Бѣда съ этими дѣтьми! — говорилъ онъ мамашѣ Генсхена, выходя отъ насъ.—Голову вскружатъ просто! Я не имѣю собственныхъ дѣтей, такъ какъ я холостой, а это племянникъ.

— Ахъ, не говорите, ужасно!—сдѣлала мамаша Генсхена глазки старому холостяку-воину.

— Мама, бѣдная мама!—восклицали дочери хозяйки по уходѣ посѣтителей. — О, эти неблагодарныя дѣти! Diese undankbare Kinder!

— Ахъ, если бы былъ живъ мой отецъ!—охала мадамъ Шморбратенъ.

Но историческій нѣмецъ мирно спалъ во гробѣ и не шелъ на помощь живымъ. Онѣ же отъ нечего дѣлать валялись въ обмороки и натирались нашатырнымъ спиртомъ.

VI.

На слѣдующій день вечеромъ къ намъ неожиданно — то-есть неожиданно только для насъ — явились инспекторъ Вороновъ и пасторъ Флитъ. Имъ подалась приличная закуска и начались жалобы на насъ. Послѣдовали увѣщанія.

— Мадамъ Шморбратенъ заступаетъ вамъ мѣсто ма-

Digitized by Google

тери,—началъ инспекторъ:—вы должны ее уважать и слушаться. Это вамъ скажетъ и господинъ пасторъ.

Пасторъ вдругъ вытянулъ лицо и сдѣлалъ важный видъ.

— Да,—произнесъ онъ нараспѣвъ.—Мадамъ Шморбратенъ честная вдова; она взяла на себя великій и святой трудъ воспитанія чужихъ дѣтей, приняла на себя обязанность матери. Взгляните на ея дочерей: это цвѣты, выросшіе подъ благодѣтельнымъ присмотромъ садовника въ вертоградѣ родительскаго дома. Послушаніе, прилежаніе, покорность составляютъ ихъ красоту, какъ яркія краски лепестковъ и ароматъ, созданные Богомъ, составляютъ украшенія полевого цвѣтка.

— Слушайте, слушайте, господинъ пасторъ говоритъ вамъ великія истины! — ввернулъ инспекторъ, а пасторъ сдѣлалъ скромное лицо.—Чего вы въ носу-то скоблите? Вы лучше слушайте...

— И кто не хочетъ украсить себя этими добродѣтелями, тотъ будетъ крапивой среди благоухающихъ цвѣтовъ христіанской семьи, составляющихъ прелесть и радость міра. Отъ него побѣжитъ каждый путникъ, боясь обжечь свое тѣло объ его мрачные, отверженные Богомъ листья.

Пасторъ сдѣлалъ лицо, выражавшее физіономію бѣгущаго отъ крапивы путника.

Я въ это время принялъ героическое рѣшеніе совершить подвигъ и черезъ нѣсколько минутъ удалился въ переднюю, гдѣ перочиннымъ ножомъ пропоролъ спинку пасторскаго пальто. Совершая этотъ подвигъ, я даже не покраснѣлъ, до того сильно кипѣла во мнѣ злоба на благодѣтельнаго человѣка, кормящаго вдовицу на счетъ сиротъ, обрекаемыхъ голоду, холоду, развращенію и униженіямъ.

Покровители закусили, изрекли еще нѣсколько поученій и пошли, довольные собой.

— Что это у васъ, господинъ пасторъ? — изумился инспекторъ, выходя за пасторомъ въ переднюю.

— Что такое?—спросилъ Флитъ.

— Дыра-съ!—развелъ руками инспекторъ.

Всѣ пришли въ смятеніе. Начался допросъ, усовѣщиванья, угрозы. Ничто не помогло.

— Да, мадамъ Шморбратенъ, вы должны отречься отъ этихъ дѣтей, какъ отрекается пастырь отъ паршивой овцы!— воскликнулъ Флитъ, съ кротостью и скорбью возводя очи къ потолку передней.

— А моя-то шинель, моя-то шинель! — кричалъ, какъ

Digitized by Google

зарѣзанный, инспекторъ, растягивая свою зеленую, фризовую шинель передъ публикой.

— Что?

— Въ помояхъ!

Всѣ бросились осматривать шинель. Оказалось, что она облита водою.

— О, погибшее юношество, что ты дѣлаешь! — началъ Флитъ и воздѣлъ руки къ потолку, потомъ указалъ ими на юношество.—Ты думаешь погубить желающихъ тебѣ добра, но ты заблуждаешься въ ослѣпленіи порока. И пальто, — онъ ткнулъ пальцемъ въ пальто, — и шинель — здѣсь онъ указалъ на шинель, — вещи тлѣнныя, онѣ замѣнятся новыми, гораздо лучшими, но твоя добродѣтель, зарѣзанная тѣмъ же ножомъ, который рѣзалъ это пальто, загрязненная тою же грязною водою, которою заливалась эта шинель,— никогда, никогда не обновится! Ты не пальто рѣзало, не шинель марало—ты рѣзало и марало свою добродѣтель! О, придите, какъ блудные сыновья, къ своему отцу, да проститъ онъ васъ и дастъ вамъ возможность загладить ваши гнусныя дѣла!

Мы упорно молчали. Я удивился, кто это облилъ шинель инспектора, а Федя сквозь зубы бормоталъ: «дудки! покайся, чтобъ выдрали!»

— Вы не раскаиваетесь? Мадамъ Шморбратенъ, изгоните ихъ отъ себя,—настаивалъ Флитъ.

— О, да, да!—воскликнула глухо хозяйка.

— Васъ изгонятъ!—скрѣпилъ Флитъ и величаво удалился съ инспекторомъ.

Мадамъ Шморбратенъ не спала всю ночь и все хотѣла отречься отъ насъ, а дѣвицы Шморбратенъ все сожалѣли ее и охали о тягостномъ бремени ея обязанностей! Эта траги-комедія длилась до утра, и утромъ еще мадамъ Шморбратенъ имѣла слабую надежду на наше покаяніе, но ее поразила наша веселость и беззаботность.

— У меня нѣтъ болѣе силъ переносить отъ васъ муки, мнѣ не по силамъ болѣе исполнять мои обязанности среди неблагодарныхъ дѣтей. Я должна бросить васъ на произволъ судьбы,—начала она голосомъ мученицы свое отреченіе отъ управленія нами.

— Такъ мы станемъ свои вещи связывать,—обрадовался Генсхенъ.

— Постойте, я васъ прощаю! — воскликнула мадамъ Шморбратенъ.

Digitized by Google

— О, добрая, добрая мама!—воскликнули картофельныя барышни.

— Нѣтъ-съ, мадамъ Шморбратенъ, зачѣмъ же? мы лучше переѣдемъ,—засмѣялся Генсхенъ.

— Я переѣзжаю,—утвердилъ басомъ Федя.

— И я тоже,—отвѣчалъ я.

— Дѣти, дѣти, я васъ такъ люблю!

— Да нѣтъ ужъ!—отвѣтили мы.

— О, останьтесь. Я васъ прошу, забудемте всю эту исторію.

Мадамъ Шморбратенъ зарыдала и, можетъ-быть, впервые это были искреннія слезы; передъ нею носился призракъ голода и, въ перспективѣ, долговое отдѣленіе. Вѣдь она только нами и жила, на наши деньги одѣвалась, откармливалась, благоденствовала. У ней не было ни одного гроша за душой.

— Бѣдная, бѣдная мама!

Намъ стало жаль хозяйку, а Федя шепталъ мнѣ:

— Простимъ ее, а то мнѣ не удастся съ Анхенъ видѣться!

Такъ мы ее и простили...

VII.

А баронъ все-таки перемѣстилъ меня на другую квартиру, узнавъ о послѣднихъ событіяхъ въ домѣ мадамъ Шморбратенъ. Нанялъ онъ мнѣ комнатку у господъ Епифанкиныхъ. Здѣсь впервые я познакомился съ семейной жизнью небогатыхъ людей. У мадамъ Шморбратенъ семейной жизни не было. Тамъ хозяйка была безграничной повелительницей, ея дочери покорными ея помощницами, получавшими въ награду за покорность приданое и сладкій кусокъ за столомъ, а мы, дѣти, приносили и свои деньги, и свою способность выливать грязную воду въ поганое ведро, и свою готовность геройски умирать на габерсупахъ. Тамъ были и свои покровители, въ лицѣ инспектора и пастора Флита, и свои доктора, готовые подтвердить авторитетомъ науки пользу армериттеровъ и постоянной діэты. Совсѣмъ другую жизнь встрѣтилъ я у Епифанкиныхъ. Это была семья въ полномъ смыслѣ. Состояла она изъ молоденькой госпожи Епифанкиной, ея тридцатилѣтняго мужа-чиновника и ея девятнадцатилѣтняго брата. Хозяйка постоянно была въ работѣ: то отпарывала отъ стараго платья аграманты и нашивала на него бахромки, аграманты же

Digitized by Google

нашивала на то платье, отъ котораго отпорола эти бахромки; то перешивала сборчатый лифъ и дѣлала изъ него гладкій; то перекалывала цвѣты подъ шляпкой съ лѣвой стороны на правую и вообще не имѣла минуты покоя, волнуясь при видѣ одежды новаго фасона. Братъ — юноша — третій годъ приготовлялся въ университетъ и потому постоянно просилъ у сестры, цѣлуя ея ручки, денегъ на папиросы и книги, что̀ заставляло сестру жаловаться всѣмъ на дороговизну и огромное количество книгъ, потребныхъ для поступленія въ университетъ.

— Ужасно, ужасно,—говорила она.—У насъ совершенно закрытъ путь въ университетъ для бѣдныхъ людей. Я счетъ этимъ книгамъ потеряла. И какъ не обратятъ на это вниманія? Чего же смотрятъ?

Слушатели вздыхали въ отвѣтъ на эти либеральныя рѣчи. Но меня болѣе всего занимали въ эти минуты мимическіе переговоры брата и мужа либеральной чиновницы. Глаза этихъ людей дѣлали другъ другу какіе-то уморительные знаки и послѣ нѣсколькихъ такихъ знаковъ братецъ откашливался.

— Да,—говорилъ онъ послѣ откашливанья:—вотъ и сегодня я попрошу у тебя, сестра, два рубля на химію.

— Да вѣдь ты недавно купилъ химію?—восклицала хозяйка.

— То другая химія, а теперь мнѣ эту нужно,—отвѣчалъ братъ.

Одобрительный кивокъ повторился вновь со стороны сообщника.

— Возьми,—вздыхала сестра.

Братъ бралъ деньги и фуражку.

— Ну, я пойду.

— Погоди, мнѣ тоже надо идти въ должность, сегодня и вечеромъ дѣло будетъ,—произносилъ сообщникъ и, цѣлуя у жены ручку, уходилъ.

— Ужасно, ужасно!—восклицала хозяйка. — Мой Петя просто отдыха не знаетъ, и день, и ночь въ работѣ. Теперь, вѣрно, до часу не придетъ. Какъ на это не обратятъ вниманія, я удивляюсь! Жалованье маленькое, а работы по-горло!

На другой день братъ и мужъ хозяйки обмѣнивались взглядами и, какъ только она выходила на мигъ изъ комнаты, шептали съ восторгомъ другъ другу:

— Ловко мы его нажгли!

Digitized by Google

— Ни одной партіи не взялъ.

— Да, чортъ возьми, славный былъ бы выигрышъ, еслибъ не дернуло меня велѣть подать пива.

— Ну, братъ, это не пиво виновато! Вотъ напрасно ты водки у буфета хлебнулъ.

— Сколько всего-то осталось у тебя?

— Чортъ знаетъ, мелочь какая-то.

При входѣ хозяйки разговоръ прекращался и продолжалась одна мимическая сцена. Братъ выпрашивалъ деньги на папиросы.

— Скверная привычка курить, — говорилъ онъ: — но я просто мыслей не могу собрать, сосредоточиться надъ книгой не могу безъ папиросы.

Сообщникъ одобрительно кивалъ головой, а его жена выдавала деньги. Комичнѣе всего было то, что деньги, вытягиваемыя у нея мужемъ при содѣйствіи третьяго лица и при помощи обмана, принадлежали вполнѣ этому мужу, составляя его жалованье. Впрочемъ, этотъ способъ имѣлъ ту хорошую сторону, что госпожа Епифанкина говорила всѣмъ, что ея мужъ ни одной копейки не беретъ изъ жалованья и все отдаетъ ей сполна. Вечернія его отлучки въ трактиръ были прикрываемы флагомъ «должностныхъ занятій» и потому тоже вызывали не гнѣвъ, а участіе супруги. Такимъ образомъ, она могла постоянно говорить свою любимую фразу:

— Это безчеловѣчно, какое малое награжденіе даютъ у насъ чиновникамъ и сколько труда отъ нихъ требуютъ. Такой образъ дѣйствія со стороны начальства способенъ убить медленною смертью человѣка. Да я бы и не перенесла нашихъ недостатковъ и моего постояннаго одиночества, если бы я не была счастлива въ семьѣ, если бы у меня былъ не такой мужъ!

Она дѣйствительно была счастлива и весело перешивала свои платья, поминутно примѣряя ихъ передъ зеркаломъ, загаженнымъ мухами. Обѣды, завтраки, покупка провизіи, уборка комнатъ и все тому подобное лежало на кухаркѣ и потому стоило довольно дорого и выглядѣло довольно дурно. Но маленькія непріятности не мѣшаютъ большому счастію. Семья была счастлива и весела. Какъ только получились деньги отъ барона, такъ тотчасъ же мои хозяева взяли ложу въ театрѣ и пригласили въ нее меня, чему я былъ очень радъ. Я впервые увидѣлъ, какъ люди другихъ людей представляютъ. Двадцать восьмого числа мѣсяца госпожа

Digitized by Google

Епифанкина послала мнѣ обѣдъ въ мою комнату; онъ былъ холодный.

— Отчего это супъ холодный?—спросилъ я у кухарки.

— Простылъ, пока изъ трактира несли.

— Какъ изъ трактира?

— Да у самихъ-то денегъ нѣтъ, такъ они безъ ѣды сидятъ; только для васъ и посылали.

Я удивился этому событію, и мнѣ очень было грустно, когда я вечеромъ замѣтилъ, что хорошенькіе глазки госпожи Епифанкиной красны отъ слезъ. На другой день, на третій, хозяева продолжали кормить меня обѣдами изъ трактира, а сами сидѣли на строгой діэтѣ. Зато перваго числа мы всѣ превесело неслись въ театръ, и госпожа Епифанкина была особенно мила. Такъ пошли мѣсяцы. Я сблизился съ семьей; иногда угревастый братъ хозяйки занималъ у меня деньги, иногда хозяйка особенно нѣжно смотрѣла на меня, что заставляло меня конфузиться; нерѣдко, окончивъ приготовленія уроковъ, я просиживалъ съ нею вечера. Кто жилъ во дни своего дѣтства на хлѣбахъ въ чужой семьѣ, тотъ знаетъ, какъ быстро сближается мальчикъ съ чужими для него людьми. И какъ не сблизиться? Передъ нимъ извиняются, что сегодня обѣдъ не хорошъ; какъ домашнему человѣку, жалуются на негодную кухарку; онъ невольно дѣлается свидѣтелемъ семейныхъ стычекъ и узнаетъ тайны, вызывающія румянецъ на лицѣ хозяевъ; ему ставятъ горчичники ночью на заболѣвшее мѣсто; его спрашиваютъ на другой день: «ну, что, вашъ желудокъ поправился?» и онъ, краснѣя, отвѣчаетъ: «да, теперь, слава Богу, все хорошо!» Какъ же тутъ не сблизиться? Такъ-то постепенно, послѣ нѣсколькихъ дурныхъ обѣдовъ и горчичниковъ, сблизился и я съ семьею Епифанкиныхъ. Однажды—это было двадцать восьмого числа—хозяйка пришла ко мнѣ со слезами на глазахъ.

— Душа моя, милый мой Валерьянъ, я несчастная, несчастная женщина!—заговорила она.

Я растерялся отъ этого интимнаго тона, и мнѣ стало тяжело смотрѣть на молоденькое заплаканное лицо.

— У меня ничего, ничего нѣтъ, я не могу сегодня сготовить обѣда...

— Какъ же такъ?—спросилъ я, не зная, что говорить.

— Не могу, не могу! Вотъ видите ли... О, другъ мой, какъ мнѣ тяжело говорить, если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело говорить!.. Вы знаете, Базиль приготовляется въ

Digitized by Google

университетъ, ему книги нужны, отъ этого зависитъ его счастье, я не разсчитала, дала ему денегъ перваго числа, а теперь у меня ничего нѣтъ! Завтра я заложу что-нибудь, послѣднее платье продамъ, но сегодня... Ахъ, мнѣ стыдно на васъ смотрѣть!

— Что же, вы не плачьте, — сказалъ я: — у меня есть два рубля, я вамъ дамъ...

— Ангелъ! ангелъ!—воскликнула госпожа Епифанкина и скрыла свое лицо на моей груди.

Мнѣ было пренеловко, я не зналъ, куда дѣвать руки, и стоялъ, какъ палка, боясь пошелохнуться и растрепать курточкой прическу моего новаго друга. Наконецъ, она успокоилась и горячо поцѣловала меня въ лобъ.

— Вы мой другъ, мой братъ!—воскликнула она.

Я покраснѣлъ, какъ ракъ, и долго совѣстился выйти въ столовую, гдѣ подали *сухой обѣдъ*, купленный на мои деньги; за обѣдомъ я не смѣлъ взглянуть на госпожу Епифанкину, а она глядѣла на меня самыми нѣжнѣйшими глазами.

На другой день послѣ этого событія ея мужъ ушелъ въ восемь часовъ утра въ какой-то ломбардъ, и хозяйка все вздыхала за чаемъ. Перваго числа мы снова были въ театрѣ, двадцать восьмого госпожа Епифанкина снова рыдала въ моей комнатѣ на моей груди и заняла денегъ. Съ третьяго разу я совершенно привыкъ къ этому странному образу жизни, и мнѣ даже очень хотѣлось, чтобы миленькая хозяйка пришла въ мою комнату поплакать и разсыпать, подобно доннѣ-Аннѣ Пушкина, «кудри черныя на камень хладный», то-есть на мою грудь. Меня начинало волновать въ эти минуты какое-то сладкое чувство, еще совершенно непонятное для меня, такъ какъ я, несмотря на свои пятнадцать лѣтъ, былъ необыкновенно чистымъ, свѣжимъ созданіемъ.

— Какая у тебя хозяйка смазливая! не уступитъ моей Анхенъ, — сказалъ мнѣ однажды Федя, изрѣдка посѣщавшій меня.

Я весь покраснѣлъ.

— Ахъ, ты, красная дѣвушка!—воскликнулъ онъ.—Тебѣ сколько лѣтъ?

— Шестнадцатый.

— Ну, вотъ видишь ли! на этомъ году пора не краснѣть. Ты что читаешь?

— Крестовые походы!

Digitized by Google

— Дребедень! Ты Пушкина почитай, я тебѣ отмѣчу, что̀ читать. Пальцы оближешь!

При этомъ Федя лизнулъ свои.

Федя исполнилъ свое обѣщаніе и отмѣтилъ, что̀ читать, но тутъ пришли экзамены, и я не могъ взяться за Пушкина. Прошло это время, мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, и баронъ привезъ мнѣ первый сюртучокъ. Сто разъ смотрѣлъ я на себя въ зеркало въ этомъ новомъ нарядѣ. Госпожа Епифанкина назвала меня «душкой», и я дѣйствительно сознавалъ, что я очень недуренъ со своими розовыми щеками и вьющимися волосами. Мнѣ стало очень грустно, когда баронъ, пріѣзжавшій ко мнѣ ежедневно хоть на минуту, объявилъ, что я проведу лѣто у него на дачѣ, такъ какъ ему скучно безъ меня: семья Епифанкиныхъ стала мнѣ почему-то дорога...

VIII.

Я думалъ, что я попалъ въ очарованный замокъ, когда передо мною открылись комнаты дачи барона, до того были онѣ великолѣпны. Его жена, женщина, говорившая всегда по-французски, обращавшаяся съ нимъ холодно, не обратила на меня никакого вниманія. Баронъ, въ свою очередь, не обращалъ никакого вниманія на свою дочь. Онъ и его жена говорили другъ другу *вы*, и когда онъ обращался къ прислугѣ, то говорилъ:

— Баронесса велѣла сдѣлать то-то и то-то.

Съ перваго взгляда можно было понять, что имѣніе принадлежитъ ей, что баронъ личность второстепенная въ домѣ. Мнѣ было довольно скучно въ этомъ обществѣ. Пріѣзжавшіе въ гости мальчики и дѣвочки смотрѣли на меня гордо и рѣдко играли и ходили со мною. Баронесса всячески старалась унизить и оскорбить меня. Одинъ разъ я нашелъ на окнѣ персикъ и съѣлъ его. Черезъ минуту меня позвали къ баронессѣ.

— Ты укралъ ея персикъ, — сказала она, указывая на свою дочь.

— Нѣтъ-съ,—попробовалъ я для чего-то солгать.

— Негодный мальчишка, ты лжешь! Она видѣла.

— Я... я не зналъ.

— Становись въ уголъ!—приказала баронесса.

— Простите.

— Становись!

— Право, я...

Digitized by Google

— Иванъ,—позвонила баронесса слугѣ. — Отведи его въ уголъ.

Лакей взялъ меня за руку выше локтя и отвелъ въ уголъ. Я не плакалъ, но горѣлъ огнемъ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ кто-то изъ сосѣдей и удивился, увидавъ меня въ углу.

— Что это съ молодымъ человѣкомъ?—засмѣялся онъ.

— Персики вздумалъ воровать.

— Фи!—гость сдѣлалъ гримасу.

Прошло еще четверть часа, пріѣхала какая-то барыня съ сыновьями, они были почти однихъ лѣтъ со мною.

Снова вниманіе гостей обратилось на меня...

— Скажите: что же, онъ всегда будетъ у васъ жить?—спросила барыня.

— О, нѣтъ!—отвѣтила хозяйка. — Я не знаю въ сущности, зачѣмъ онъ и теперь здѣсь гоститъ.

Мальчики перешептывались между собою, указывая на меня глазами, и смѣялись.

— Ступайте въ садъ!—сказала имъ мать и начала что-то тихо говорить хозяйкѣ, изрѣдка поглядывая на меня прищуренными глазами.

Ея благовоспитанные, отлично образованные сыновья гуляли между тѣмъ по террасѣ и, смѣясь, показывали мнѣ языки...

Я не вытерпѣлъ этой мучительной сцены и убѣжалъ изъ комнаты, рыдая, какъ безумный...

— Что съ тобой, что съ тобой? — воскликнулъ баронъ, только-что возвратившійся домой.

Я бросился къ нему на шею и разсказалъ все.

— Успокойся! Полно же, полно,—говорилъ онъ, не выдерживая моихъ слезъ.—Иди ко мнѣ въ комнату.

— Позвольте мнѣ уѣхать къ Епифанкинымъ.

— Какъ, ты хочешь оставить меня?

— Да, у меня нѣтъ больше силъ терпѣть: безъ васъ меня здѣсь всѣ, всѣ оскорбляютъ... Я убѣгу!..

— Полно, полно! Я буду брать тебя съ собою, ты не будешь оставаться здѣсь одинъ.

— Но...

— Подожди, подожди, я тебѣ все разскажу,—произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ, видя мое упорное желаніе оставить его домъ.

Я просидѣлъ въ его комнатѣ все остальное время дня, туда мнѣ и обѣдать подавали.

Digitized by Google

Наконецъ, пришелъ баронъ. Боже мой, Боже мой, что я открылъ въ этотъ день! У меня голова закружилась, духъ занялся. Я нашелъ отца, у меня былъ отецъ, какъ у всѣхъ другихъ людей, я не отъ Маріеназиля родился! И какой добрый мой отецъ, какъ онъ меня любитъ! Отчего же я никогда не ласкалъ такъ откровенно, такъ горячо барона-благодѣтеля, какъ ласкалъ теперь барона-отца?

— Другъ мой, я не могу болѣе жить безъ тебя, — говорилъ баронъ: — я измученный, несчастный человѣкъ, мнѣ нуженъ любящій сынъ. Онъ долженъ быть близко меня, долженъ быть моею поддержкою. Я съ каждымъ днемъ все больше и больше привыкалъ къ тебѣ, все сильнѣе любилъ тебя; теперь не видѣть тебя или видѣть рѣдко—нѣтъ силы.

— Но отчего же мать меня не любитъ?—спросилъ я.

— У тебя нѣтъ матери,—промолвилъ баронъ, проводя рукою по лбу, гдѣ выступилъ потъ.

— А баронесса? развѣ она...

— Она не мать тебѣ. Ты не поймешь теперь этого, но ты не можешь называть при другихъ и меня своимъ отцомъ...

Я опустилъ голову.

— А другихъ родныхъ у меня нѣтъ?

— Нѣтъ... то-есть да, но дальніе...

— Я хочу ихъ видѣть.

— Нѣтъ, этого нельзя; то-есть...

Баронъ затруднялся и, несмотря на свои сорокъ два года, краснѣлъ.

— Не будемъ говорить объ этомъ, мнѣ сегодня не по себѣ...

Онъ тихо опустилъ голову на грудь, я припалъ къ его плечу, и такъ просидѣли мы въ сладкомъ и грустномъ полузабытьѣ до позднеѣ ночи, не говоря ни слова и наслаждаясь какимъ-то чуднымъ затишьемъ. Баронъ, кажется, забылъ бурную сцену, происходившую въ этотъ день между нимъ и женою изъ-за меня... Я остался жить у него на дачѣ, и меня перестала тревожить холодность баронессы, перестали язвить насмѣшки ея знакомыхъ, видѣвшихъ меня въ углу. Я даже презиралъ ихъ, сознавая, что я важнѣе ихъ, какъ сынъ барона. Голова моя поднималась все выше и выше, я надменно сталъ появляться на гуляньяхъ объ руку съ отцомъ, украшеннымъ орденами. Мнѣ было весело, когда прохожіе заглядывались на нашъ экипажъ, когда важные друзья, сверстники отца, прежніе его собратья по кутежу, называли меня молодцомъ и говорили съ лукавой и добродушной улыбкой:

Digitized by Google

— Вотъ такими-то и мы были молодцами!

— Да, братъ, прошло то время!—улыбался баронъ, полугрустно вздыхая.

— А сходство поразительное.

Баронъ ласково и привѣтно пожималъ ихъ руки.

Потомъ начинался шопотъ о моей будущности и давались обѣщанія вывести меня въ люди.

— Ты привози его зимой къ намъ, мои шалопаи будутъ ему рады,—говорилъ потомъ одинъ изъ этихъ господъ въ густыхъ эполетахъ.—Ты давно бы познакомилъ ихъ!

— Спасибо, спасибо,—отвѣтилъ баронъ.

И онъ, и я въ глубинѣ души мечтали о моей блестящей будущности, о моей дружбѣ съ сыновьями этихъ важныхъ людей, гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ кружокъ баронессы, не любившей старыхъ товарищей мужа.

IX.

Жены и сыновья старыхъ товарищей барона встрѣтили меня очень радушно, когда я сталъ посѣщать ихъ дома зимою. Жены видѣли во мнѣ интересный плодъ юной несчастной любви, сыновья—молоденькаго, прямодушнаго и ловкаго товарища. Начались балы, ѣзда по театрамъ, катанья по Невскому на лихихъ саняхъ. Я началъ втягиваться въ эту безпутно-веселую, опьяняющую жизнь. Баронъ видѣлъ меня постоянно веселымъ и не размышлялъ о томъ, къ чему ведетъ это веселье; его радовала одна мысль, что его сынъ находитъ друзей и покровителей въ томъ кругу, гдѣ вращается онъ самъ. Часто, возвратившись изъ театра, я лежалъ на постели и, отуманенный всѣмъ видѣннымъ мною блескомъ, не могъ уснуть отъ волненія. Въ эти минуты я принимался за чтеніе Пушкина и тѣхъ книгъ, взятыхъ изъ школьной библіотеки, на которыхъ мудрые нѣмцы-наставники написали: Nicht für die Mädchen. Уже давно занимала насъ, мальчиковъ, эта таинственная надпись, и теперь я искалъ ключа для разъясненія загадки: отчего эти книги не для дѣвочекъ? что̀ такое дѣвочки? Гармонія стиховъ, яркія картины, намеки на что-то непонятное для меня, все уносило мое воображеніе куда-то далеко, и юное сердце волновалось новыми чувствами!

— Любовь, любовь,—что̀ такое любовь?—спрашивалъ я у себя.

— Другъ мой, другъ мой, у меня опять нѣтъ денегъ,—

Digitized by Google

говорила мнѣ на другой день со слезами миленькая госпожа Епифанкина, все еще считавшая меня ребенкомъ.

— Полноте плакать,—отвѣчалъ я, краснѣя, и робкой рукой бралъ ее за талью. Теперь такое положеніе казалось мнѣ болѣе удобнымъ, чѣмъ стоянье передъ плачущей женщиной въ видѣ неподвижной палки.

— Ахъ, мнѣ такъ стыдно, такъ стыдно за нашу бѣдность!—восклицала она.

— Пустяки! Вѣдь у меня же есть деньги! Располагайте ими! Вѣдь вы меня называете братомъ, значитъ, вамъ нечего и стыдиться,—уговаривалъ я ее.

— Доброе, милое дитя!—восклицала она и цѣловала меня въ лобъ. Я весь вспыхивалъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней я, во время ея поцѣлуя въ лобъ, быстро поднялъ голову и звонко поцѣловалъ госпожу Епифанкину въ губы. Она испугалась, взглянула на меня съ упрекомъ и, пожавъ мою руку, торопливо вышла изъ комнаты. Я бросился на постель и скрылъ смѣющееся, горящее румянцемъ лицо въ подушку. Мнѣ хотѣлось и прыгать, и хохотать, и сообщить кому-нибудь мою *тайну*. За обѣдомъ я потуплялъ глаза передъ нею и передъ ея мужемъ, считая себя преступникомъ въ отношеніи его и боясь, что онъ откроетъ мои замыслы и вызоветъ меня на дуэль. По окончаніи обѣда онъ разными таинственными телеграфическими знаками отозвалъ меня въ сторону. Я струсилъ не на шутку.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить,—шепнулъ онъ мнѣ.—Ступайте въ вашу комнату, я приду туда.

Меня схватила дрожь, но я повиновался и ждалъ у себя *соперника*.

— Вы меня извините,—сказалъ онъ, входя ко мнѣ и запирая за собой дверь:—но я нахожусь въ такомъ положеніи, что долженъ объясниться съ вами.

— Что... что вамъ угодно?—дрожащимъ голосомъ спросилъ я.

— Денегъ!—отвѣтилъ онъ.—Я нахожусь въ такомъ положеніи...

— Извольте, извольте!—поспѣшилъ я перебить его и въ то же время подумалъ: «фи, какой онъ гадкій!»

— Благодарю, молодой человѣкъ! Надѣюсь, что это останется между нами, что вы не скажете этого моей женѣ.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же,—проговорилъ я и чувствовалъ, что мой страхъ прошелъ. Я вполнѣ былъ увѣренъ въ эту минуту, что мой *соперникъ* не опасенъ. и сталъ строить

Digitized by Google

разные планы, никакъ не воображая, что сущность и свойство этихъ плановъ вполнѣ доказывали, насколько я неопытенъ и еще чистъ въ дѣлахъ жизни.

— Il est charmant, cet enfant!—говорили между тѣмъ мои покровительницы-барыни, когда я появлялся по вечерамъ у пріятелей отца.

— У него славные, задумчивые глаза,—шептали другіе.

— И этотъ румянецъ юности—просто восхитителенъ! Что можетъ быть лучше его?—восхищались третьи.

Дѣйствительно, въ эти дни мои глаза были какъ-то задумчивы и, между тѣмъ, блестѣли и сверкали изъ-подъ рѣсницъ лихорадочнымъ блескомъ. Дѣйствительно, въ эти дни мои щеки горѣли огнемъ здоровья, юности и страсти. Но—Боже мой—слѣдовало ли радоваться этой внезапно вспыхнувшей красотѣ? Однако, люди восхищались ею, самъ отецъ долго и пристально смотрѣлъ на меня и улыбался довольною улыбкою.

— Онъ формируется, братъ,—говорили ему.

— Да, быстро растутъ дѣти!—отвѣчалъ баронъ со вздохомъ.

— Ну, тебѣ вздыхать нечего,—это будетъ лихой юноша! А мои сверстники шептали мнѣ въ углу:

— Нравится тебѣ моя кузина?

— Видѣлъ ты во французскомъ театрѣ NN въ мужскомъ костюмѣ?

— Нѣтъ, подожди, я тебя кое-куда свезу, когда тебѣ стукнетъ семнадцать! Скажешь спасибо!—восхищался одинъ лицеистикъ.

Я ждалъ семнадцати лѣтъ. «Скоро, скоро придутъ они, желанные годы!—думалось мнѣ.—И для чего ждать ихъ? Я и теперь совсѣмъ большой!» Точно, я былъ большой по росту, по мужественной силѣ; но вся предыдущая жизнь, несмотря на свою пошлость и безпутность, не успѣла развратить меня, и только теперь, опьяненный блескомъ, закружившійся въ вальсахъ, зачитавшійся стиховъ, я начиналъ приближаться робкими шагами къ той пропасти, которую называютъ развратомъ. Но покуда я еще не опустился въ нее, и самое мое стремленіе къ любви было юношески чисто, граціозно,—это было начало весенняго праздника. Прекрасны эти праздники! Солнце заливаетъ своими дѣвственными лучами пробуждающуюся землю; освобожденная рѣка плещетъ разлившимися волнами; на поляхъ и въ лѣсу пробивается первая, яркая зелень; въ тихомъ воздухѣ звучно

Digitized by Google

раздаются веселыя пѣсни и щебетанье птицъ, несутся металлическіе звуки благовѣста; народъ, въ праздничной одеждѣ, идетъ въ ближайшій храмъ; все торжественно и стройно. Но подождите, вы еще услышите въ этотъ день не одну молодую, чудесную пѣсню, полюбуетесь не на одну полную любви парочку людей, и все-таки вечеромъ свѣтлый пиръ перейдетъ въ оргію; пьяные крики, грязныя сцены непремѣнно отравятъ въ васъ чувства, пробужденныя праздничнымъ утромъ, и, можетъ-быть, возвращаясь домой подъ проливнымъ дождемъ, подъ холоднымъ вѣтромъ, обрывающимъ свѣжую зелень, вы увидите, какъ помутившіяся бурныя волны разлившейся рѣки уносятъ обезображенный въ дракѣ трупъ пьянаго гуляки... Но кто же изъ людей заглядываетъ впередъ? Кто станетъ тревожиться, что граціозный юноша съ искрящимися глазами и яркими щечками уже стоитъ на краю пропасти?

Я сталъ угождать госпожѣ Епифанкиной, началъ читать ей вслухъ любимыя мною стихотворенія, радовался уходу ея мужа и брата, краснѣлъ передъ ними, робко и украдкою пожималъ ей руки и ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда ей понадобятся деньги. Она, молоденькое, вѣтреное, скучающее въ одиночествѣ существо, играла со мною, какъ кошка съ мышкой. Ей было весело принимать мои робкіе поцѣлуи и играть послѣ роль испуганной невинности, потуплять глазки и краснѣть милымъ румянцемъ. Все это было ей тѣмъ болѣе пріятно, что не представляло никакой опасности для нея: я былъ еще такой ребенокъ! Послѣ одного изъ поцѣлуевъ я катался съ однимъ изъ своихъ новыхъ друзей. Сильныя ощущенія, легкій морозъ солнечнаго мартовскаго дня, быстрая ѣзда, возбуждающіе разговоры, все это необыкновенно оживило меня. Я пріѣхалъ домой съ сіяющимъ лицомъ и въ томъ состояніи, когда юноша готовъ броситься каждому встрѣчному на шею. У меня въ комнатѣ ходилъ изъ угла въ уголъ баронъ.

— А, пріѣхалъ!—промолвилъ онъ.

— Здравствуй, папа!—обнялъ я его и поцѣловалъ нѣсколько разъ звонкими поцѣлуями. — Какъ чудесно мы катались съ Мишелемъ, у него новый рысакъ, знаешь, вороной...

— Послѣ, послѣ, дитя мое!—прервалъ баронъ дрожащимъ голосомъ.

Я взглянулъ на его лицо, оно было блѣдно и озабочено.

— Что съ тобой, папа,—взволновался я.

Digitized by Google

— Ничего особеннаго... Такъ... Раздѣвайся, намъ нужно поговорить.

Я поспѣшно снялъ пальто и сталъ ходить по комнатѣ рядомъ съ отцомъ. Мы были почти одного роста; моя фигура, мое лицо были олицетвореніемъ молодости, здоровья и силы; все его существо, напротивъ того, носило слѣды преждевременнаго истощенія, тяжелой печали и заботъ. Довольно долго онъ не говорилъ ни слова и, кажется, собирался съ силами.

— Мнѣ нужно объясниться съ тобою,—началъ онъ наконецъ.—Ты не ребенокъ, ты долженъ узнать нѣкоторыя вещи. Можетъ-быть, лучше было бы ихъ не знать, но обстоятельства заставляютъ открыть передъ тобою все теперь же. Ты долженъ выслушать мою исповѣдь...

— Папа, что же ты передо мною-то хочешь исповѣдываться?—полу-шутливо, полу-лукаво улыбнулся я, еще не оправившись отъ своего праздничнаго настроенія духа и отчасти желая вызвать улыбку на лицо отца.

— Да, мой другъ, плохо, что приходится исповѣдаться не въ постъ и не передъ священникомъ, а передъ своимъ собственнымъ сыномъ,—серьезно и задумчиво произнесъ онъ.—Но глупая, безсмысленная жизнь довела и до этого... Собери свои силы, ты услышишь горькія вещи...

Я постарался сдѣлаться серьезнымъ.

X.

— Во время моей молодости я любилъ одну молоденькую женщину, она тоже полюбила меня,—началъ баронъ, а я подумалъ: «это такъ же, какъ мы съ Епифанкиной любимъ другъ друга».—Я хотѣлъ на ней жениться. Я былъ безпутный, ни о чемъ не думавшій кутила и увлекъ ее, не разсчитавъ, что мой отецъ никогда не согласится на этотъ бракъ и въ случаѣ моего неповиновенія можетъ лишить меня всего имущества, безъ котораго я не могъ существовать, не умѣя трудиться. Отецъ дѣйствительно возсталъ противъ моего желанія. Онъ сказалъ, что онъ выбралъ мнѣ богатую невѣсту, что для поправленія разстроенныхъ обстоятельствъ я долженъ согласиться на этотъ бракъ, и обѣщалъ позаботиться о любимой мною женщинѣ, такъ какъ ея родители хотѣли жаловаться на меня...

— За что же, папа? развѣ любить нельзя?—испугался я, вспомнивъ свою любовь къ Епифанкиной.

— Да, да, ты еще совсѣмъ дитя!—потеръ баронъ свой

Digitized by Google

лобъ; его, кажется, терзала неотразимая необходимость исповѣди.—Вотъ видишь ли, эта дѣвушка готовилась быть матерью. Я постыдно покорился волѣ отца. Я, какъ негодяй, какъ преступникъ, сталъ избѣгать любимой женщины, оставивъ ее въ жертву торгующихся насчетъ ея родителей. Ее отдали замужъ за чиновника, служившаго подъ начальствомъ моего отца. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у нея родился сынъ... Я въ это время былъ уже женатъ. Чиновникъ, взявшій за себя бѣдную женщину, сталъ требовать отъ меня денегъ на воспитаніе ребенка, сталъ принуждать жену ходить ко мнѣ съ просьбами о помощи. Чтобы избавить себя отъ стыда видѣть эту страдающую женщину и ее отъ горькой необходимости выпрашивать у меня деньги, я принужденъ былъ взять своего сына, отдать его въ чужія руки и назначить ежемѣсячную плату негодяю-чиновнику. Онъ, когда у него, такимъ образомъ, увеличились средства, началъ пить и кутить. Его выгнали изъ службы. Онъ все нахальнѣе и нахальнѣе требовалъ отъ меня денегъ. Я могъ не давать ихъ ему, но онъ могъ отмстить мнѣ за это, тиранія жену и взявъ къ себѣ моего сына, носившаго его фамилію, считавшагося его законнымъ ребенкомъ. Я былъ дрянной человѣкъ, можетъ-быть, я рѣшился бы отдать на жертву негодяю этихъ людей, если бы я самъ былъ счастливъ. Но я не былъ счастливъ. Жена моя не любила меня, она своимъ богатствомъ сковала меня, она позорно обманула меня... Какъ?—тебѣ этого не нужно знать,—но это была гадкая, гнусная, бездушная женщина! И чѣмъ хуже были ея поступки, тѣмъ сильнѣе уважалъ я жертву моей подлости, тѣмъ болѣе стыдился встрѣчаться съ нею и тѣмъ сильнѣе любилъ своего сына...

Баронъ остановился и отеръ потъ со своего лба. Его лицо было измученнымъ, страдальческимъ.

— Такъ шли годы,—продолжалъ онъ.—Теперь приходитъ развязка... Чиновникъ требуетъ, чтобы его сынъ жилъ у него, и не хочетъ выдавать ему паспорта. Онъ говоритъ, что онъ не хочетъ, чтобы деньги, платимыя мною за содержаніе этого мальчика, шли въ чужія руки. Онъ говоритъ, что на эти деньги можетъ онъ и кормить мальчика, и содержать свою семью. Онъ требуетъ, чтобы его сынъ жилъ у него. Я попробовалъ запугать его тѣмъ, что я не стану платить за своего сына, онъ отвѣтилъ: «Такъ что-жъ такое? Я его опредѣлю на службу, пусть кормитъ родителей трудами рукъ своихъ, нечего ему философіи набираться!..» Это погибшая,

Digitized by Google

низкая, наглая личность. Онъ знаетъ, что я сжился съ своимъ сыномъ, что я не могу безъ него жить, и пользуется своею властью...

Баронъ умолкъ. Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и думалъ. Раздумье продолжалось довольно долго; мнѣ трудно было начать говорить.

— Отецъ, это моя исторія?—прошепталъ я, собравшись съ силами.

— Твоя!—отвѣтилъ отецъ, стараясь не встрѣчать моего взгляда.

— Когда же я переѣзжаю туда?—глухо спросилъ я черезъ минуту.

Баронъ схватился за голову и опустился на кресло; онъ, кажется, плакалъ. Я стоялъ у стола съ поникшей головой и вертѣлъ пуговицу у своего сюртучка. Мой лобъ былъ нахмуренъ, лицо было сурово, я не находилъ на своемъ языкѣ ни одного привѣтнаго слова для утѣшенія отца. Мои плечи и грудь судорожно вздрагивали, сначала рѣдко, потомъ чаще и сильнѣе; наконецъ, въ горлѣ начались спазмы, дыханіе сдавило и вдругъ въ истерическихъ рыданіяхъ я во весь ростъ грохнулся на полъ. Когда я очнулся, то около меня суетились баронъ и хозяйка, вспрыскивавшіе меня водою; воротъ моей рубашки былъ разстегнутъ, волоса въ безпорядкѣ. Хозяйка вышла, увидавъ, что я пришелъ въ себя.

— Милый мой, прости меня!—говорилъ отецъ.

— Охъ, какъ тяжело!—произнесъ я едва слышнымъ голосомъ и провелъ рукою по лбу, какъ бы желая удостовѣриться, что все происходившее было не сонъ.

— Ради Бога, пойми, что я плачусь теперь за ошибку молодости, что я всю жизнь старался загладить эту ошибку, что я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ. Молодость неопытна, она увлекается, но потомъ приходится искупать увлеченія, терзаться всю жизнь, видя искалѣченныхъ нами людей. Мое воспитаніе не научило меня ничему во-время...

— Отецъ, оставь меня сегодня одного,—твердо сказалъ я.—Я на тебя не сержусь, я тебя—это видитъ Господь—очень, очень крѣпко люблю, но оставь теперь меня одного.

Баронъ опустилъ голову, взялъ шляпу и неровной походкой пошелъ къ дверямъ. Я смотрѣлъ ему вслѣдъ, онъ взялся за ручку двери, я видѣлъ, какъ дрожала его рука, не знавшая, куда толкнуть дверь—взадъ или впередъ. Дверь отворилась, и онъ съ порога обернулся на меня,—этого взгляда

Digitized by Google

я не выдержалъ, вскочилъ съ мѣста, подбѣжалъ къ отцу— и тысячи поцѣлуевъ покрыли его лицо.

— Спасибо, добрая, честная душа!—проговорилъ онъ и вышелъ вонъ.

Я заперъ дверь на ключъ и снова бросился на постель, спрятавъ голову въ подушку...

Если бы на восемнадцатомъ году можно было посѣдѣть отъ горя, отъ надрывающаго все существо человѣка горя, то за эту ночь я вѣрно сталъ бы сѣдымъ, потому что едва ли кто-нибудь перенесъ въ одно время столько различныхъ чувствъ, сколько перенесъ я тогда. Горе, злоба, раскаянье за что-то, ужасъ передъ будущимъ, проклятіе жизни, заставляющей страдать однихъ людей за ошибки другихъ, проклятіе ей за то, что она не предупреждаетъ этихъ ошибокъ, и не-то боязнь, не-то радость передъ будущей встрѣчей съ матерью—то доводили меня до бѣшенства, то вызывали тихія слезы и пламенныя молитвы. Сотни разъ бѣгалъ я изъ угла въ уголъ по комнатѣ, сжималъ кулаки, кричалъ: «не пойду къ нему!»—потомъ въ безсильной злобѣ, въ отчаяньи рыдая, падалъ на постель.

И какъ я пережилъ эту ночь!

XI.

Отъ Таврическаго дворца къ Смольному монастырю тянутся по обѣ стороны улицы, лишенной тротуаровъ, безобразнѣйшія казармы; за ними къ Невѣ стоятъ лѣсные дворы и идутъ какіе-то безыменные переулки съ поломанными, сгнившими заборами, съ лачугами, вросшими въ землю, стоящими криво, косо и бокомъ. Въ этихъ переулкахъ нѣтъ мостовой, нѣтъ тротуаровъ, рѣдко виднѣются даже мостки. Единственными экипажами появляются въ этихъ мѣстахъ телѣги и роспуски, увозящіе лѣсъ, да погребальныя дроги. Карета не появлялась въ этихъ мѣстахъ никогда, дрожки увязли бы тутъ въ грязи. Гнѣздятся здѣсь въ лѣтнее время мужики, пріѣзжающіе на баркахъ, и какіе-то отжившіе выродки человѣческаго рода, негодные ни на что, забытые всѣми, ждущіе своихъ похоронъ. Босые ребятишки снуютъ за щепками; спившіеся съ кругу родители шляются по переулкамъ большею частью по дорогѣ въ кабакъ или изъ кабака, на нихъ надѣты халаты и не надѣто фуражекъ, они одѣты *по-домашнему*. Полиціи нѣтъ и признаковъ, фонарей тоже. И что тутъ оберегать? Что освѣщать? Имущества всего этого населенія не достало бы иному барину, играющему въ карты,

Digitized by Google

на одинъ вечеръ... Въ этой-то мѣстности, въ одной изъ лачугъ, въ кухнѣ и комнатѣ, раздѣленной перегородкой, помѣщалась моя семья. Когда я отворилъ дрожащею рукою дверь въ родительское жилище, то меня обдало воздухомъ, пропитаннымъ сыростью, табачнымъ дымомъ, винными испареніями и гнилью. На полу возились двое грязныхъ ребятишекъ, у стола въ кухнѣ сидѣлъ небритый, худой человѣкъ съ отекшими глазами, одѣтый въ рваный халатъ, опоясанный чѣмъ-то въ родѣ веревки.

— А, здравствуй, сынокъ!—произнесъ онъ хриплымъ голосомъ и съ выраженіемъ цинизма.—Пора, давно пора было заглянуть къ своимъ, родителей вспомнить. Нечего чужимъ-то благодѣтельствовать! Ишь, фертъ какой!

Онъ перевернулъ меня передъ собою и дружески хлопнулъ по плечу. Я трясся всѣмъ тѣломъ. Въ эту минуту изъ комнаты вышла блѣдная, худая женщина, едва сохранившая остатки прежней красоты. Она невѣрной походкой и съ смущеніемъ подошла ко мнѣ. Я сотни разъ встрѣчалъ эту женщину въ церкви, сотни разъ удивлялся тому вниманію, съ которымъ она смотрѣла на меня. Одинъ разъ я даже говорилъ съ ней. Это было слѣдующимъ образомъ: она отъ самой церкви шла за мною и, когда я подходилъ къ своему дому, остановила меня вопросомъ:

— Вы въ этой улицѣ живете?

— Да,—отвѣтилъ я.

— Не знаете ли вы, гдѣ домъ господина...

Она не докончила фразы.

— Какого?—спросилъ я.

— Позвольте, я забыла, да—Иванова,—произнесла она первую попавшуюся на языкъ фамилію.

— Нѣтъ, не знаю,—сказалъ я.

Она начала извиняться и, повидимому, не хотѣла кончить разговора и не кончила бы его, если бы я не ушелъ... Теперь мнѣ стало все ясно, я кинулся къ ней. Не берусь описывать, что происходило между нами. Мать совѣстилась, когда я цѣловалъ ея руки, она не могла прямо глядѣть на меня, и въ то же время тысячу разъ, избѣгая моего взгляда, разсматривала меня...

— Ну, нацѣлуетесь еще! Чего разрюмилась?—грубо произнесъ Малевинъ.—Что у тебя только-то и есть всего движимаго? — обратился онъ ко мнѣ, указывая глазами на узелокъ.

— Какого движимаго?—спросилъ я.

Digitized by Google

— Извѣстно какого! Одежонки тамъ, что ли?

— Мои вещи принесутъ послѣ.

— Ишь ты, самъ не могъ притащить! Много ли платить-то будутъ за тебя?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— За меня восемнадцать рублей платили.

— Маловато,—промолвилъ онъ и отпилъ изъ глинянаго кувшина черезъ край квасу, что заставило меня рѣшиться никогда не пить изъ этого кувшина.—Вотъ что я тебѣ скажу: ты мнѣ гдѣ хочешь возьми, а чтобы деньги всегда были. Шутка ли, шалопай какой выросъ, а на службу не идешь. Да я въ твои годы, знаешь ли ты, какія деньги зашибалъ. Фью! Царю и отечеству служилъ, а не то, чтобы что!

Онъ всталъ, потянулся и, захвативъ замасленную фуражку съ кокардой и безъ половины козырька, пошелъ со двора, какъ былъ въ халатѣ. Только тутъ моя мать дала полную волю слезамъ.

— На каторгу ты попалъ, лучше бы умереть намъ съ тобою, чѣмъ эту жизнь мыкать!—рыдала она.—Не упрекай ты только меня, что я тебя загубила...

— Полноте, матушка, полноте!—промолвилъ я.—Все переживемъ... Это мои братья?—поспѣшилъ я перемѣнить разговоръ, боясь заплакать, и указалъ на дѣтей, съ тупымъ изумленіемъ прижавшихся въ уголъ и глядѣвшихъ на меня. Они были грязны, растрепаны!

— Да.

— Подойдите ко мнѣ,—позвалъ я ихъ. Они попятились еще дальше въ уголъ. Послѣ нѣсколькихъ усилій мнѣ удалось приманить ихъ къ себѣ.—Ихъ надо вымыть,—замѣтилъ я, не имѣя духу поцѣловать ихъ грязныя лица.

— Ты не вини меня,—съ грустью сказала мать.—Чистота денегъ стоитъ.

— Какъ такъ?

— Вѣдь я все одна дѣлаю, у меня руки устали работать, смотрѣть за ними. Мнѣ самой тяжело, что вотъ они такія брошенныя, оборванныя...

— Учатся они чему-нибудь?—перемѣнилъ я снова разговоръ.

— Гдѣ учиться? Изъ какихъ доходовъ?

— Я буду съ ними заниматься. Вамъ надо кухарку взять, чтобы отдохнуть.

Мать покачала головой.

— Кто жить-то у насъ станетъ? Не знаешь ты, что здѣсь за безобразія дѣлаются. Господи, Господи, на какую жизнь

Digitized by Google

ты попалъ.—Она заплакала снова, я смолкъ и понялъ, что покуда мы не можемъ говорить, что каждое слово рѣжетъ ее, какъ ножъ, по сердцу.

Позднимъ вечеромъ, когда я уже спалъ за перегородкой, меня разбудилъ шумъ. Малевинъ вернулся домой въ пьяномъ видѣ и ругалъ кого-то такими словами, какія можетъ придумать только одно пьяное воображеніе. Меня пробрала дрожь... Пошли дни за днями, это были страшные дни безконечной пытки, безчисленныхъ оскорбленій, безграничныхъ страданій. Какой-то ужасъ вселяла въ меня фигура Малевина, я почти радовался, если онъ напивался до безчувствія и засыпалъ, потому что трезвый онъ былъ еще отвратительнѣе, еще наглѣе. Я отдыхалъ только въ школѣ, дома я не могъ учиться, не могъ учить братьевъ, не могъ думать, какимъ-то тупымъ палачомъ терзалъ меня этотъ наглый человѣкъ.

— Марья, сходи за косушкой,—приказывалъ онъ матери, зазвавъ къ себѣ двухъ товарищей.

Мать собиралась исполнить приказаніе. Я вышелъ изъ-за перегородки.

— Я схожу,—сказалъ я.

Мать взглянула на меня умоляющими глазами.

— Ну, сходи,—оскалилъ онъ зубы наглой улыбкой.—У васъ тамъ, видно, барыни по кабакамъ не ходятъ, все больше дома по шампанскому проходятся? Ха-ха-ха! Вѣдь онъ у меня философъ,—указалъ онъ на меня собесѣдникамъ:—всякія науки происходитъ у нѣмцевъ. Хитрыя бестіи—эти нѣмцы.

— Ыы!—рыгнулъ одинъ изъ гостей.

— А вотъ мы и не у нѣмцевъ учились, а ничего живемъ,—продолжалъ Малевинъ.—Отечеству, значитъ, служили, вотъ оно что!

Я сходилъ впервые въ кабакъ и, увидавъ, что тамъ происходитъ, твердо рѣшился никогда не допускать мать ходить туда. Я зналъ, что она сотни разъ бывала тамъ, но мнѣ все-таки хотѣлось избавить ее отъ этихъ сценъ, я не вѣрилъ въ то время, что человѣкъ можетъ привыкнуть ко всему, тупо глядѣть на все. И слава Богу, что у меня еще не было этой увѣренности, потому что она первая обращаетъ въ прахъ всѣ стремленія человѣка къ лучшему, заставляетъ его махнуть на все рукою, и онъ начинаетъ говорить: «Люди привыкаютъ ко всему, такъ чего-жъ и хлопотать объ улучшеніи ихъ участи? Стерпится—слюбится!»

Digitized by Google

— Жена, давай денегъ!—кричалъ Малевинъ черезъ недѣлю.

— Какихъ тебѣ денегъ? ничего у меня нѣтъ,—отзывалась мать.

— Сказано: давай—и давай! хоть роди, да давай, и чтобъ сейчасъ было!

— Говорю я тебѣ...

— Молчать! Зашибу! Слышишь—зашибу! Ты что?

— Послушай...

— Нѣтъ, ты говори мнѣ, что ты такое? Ты мнѣ жена, ну, ты и должна...

— Семенъ Семеновичъ, родной...

— Убью!—замахнулся онъ на нее.

Я опять вышелъ изъ-за перегородки и остановилъ его.

— Вотъ деньги, возьмите,—сказалъ я.

— Ага! Вы у меня будете по одной половицѣ танцовать! Сказано: жена да боится своего мужа и дѣти да повинуются отцу... Слышалъ ты это? а? Гдѣ это писано?

Я молчалъ.

— Ага, языкъ прикусилъ! Ты у меня смотри!

Онъ ушелъ въ кабакъ, произнося тысячи проклятій.

— Ты, голубчикъ мой, не давай ему денегъ,—шепнула мнѣ мать.

— Отчего не давать?—громко спросилъ я.

— Тссс...—произнесла она и выслала дѣтей играть на дворъ.—Ты не говори всего при дѣтяхъ-то, онъ ихъ пріучилъ подслушивать и подсматривать.

Я опустилъ голову. Весь ужасъ положенія нищихъ и загубленныхъ людей сталъ мнѣ понятенъ.

— Ты вотъ пріучишь его вытягивать деньги,—говорила мать:—такъ онъ и не отойдетъ отъ тебя, все вытянетъ.

— Но вѣдь онъ же драться къ вамъ лѣзетъ...

— Я привыкла, я снесу... Вѣдь все одно, и дашь денегъ, и не дашь, а отъ кулаковъ его не спасешься... Какъ не дашь, такъ онъ самъ гдѣ-нибудь добудетъ

— Гдѣ же?

— Вотъ теперь скоро мужики придутъ. Просьбы будетъ писать, дрова ловить...

— Воровать?

Мать отвернулась и заплакала...

Измученный нравственно этими сценами, я какъ-то не могъ выучить урока. Меня оставили въ школѣ за наказаніе, что случалось очень рѣдко съ мальчиками послѣдняго

Digitized by Google

класса, гдѣ въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ имъ говорили *вы* и трактовали ихъ, какъ взрослыхъ.

— Что это вы лѣниться начинаете?—сказалъ мнѣ гувернеръ.—Васъ даже оставили, какъ мальчишку.

— Ахъ, что мнѣ за дѣло! пусть наказываютъ!—грубо отвѣтилъ я и повернулся къ нему спиною.

— Что съ вами, вы грубить начинаете?—разсердился онъ.

— Послушайте, если меня оставили, такъ я долженъ урокъ выучить. Что же вы мнѣ мѣшаете?—раздражительно произнесъ я и строптиво нахмурилъ брови.

— Вы не выиграете въ жизни съ такимъ характеромъ,—проговорилъ гувернеръ.

— Вы можете и не подавать мнѣ милостыни, когда я буду нищимъ,—бросилъ я ему еще одну грубость.

На общемъ собраніи учителей гувернеръ настоялъ, чтобы мнѣ сбавили два балла въ поведеніи. Я махнулъ на всю эту дрянь рукой. Меня мучила одна мысль: «гдѣ бы достать денегъ?» У барона я не рѣшался просить, онъ давалъ много, но бездонная пропасть виннаго откупа поглощала все. Я сталъ заниматься перепиской бумагъ, началъ учить дѣтей за самую малую плату и всѣми силами старался не быть дома. Насталъ конецъ зимы, Малевинъ началъ чинить свой челнокъ и пилъ менѣе въ это время.

— Ну-ка, ты, философъ,—кричалъ онъ мнѣ со двора:—притащи топоръ. Нечего бѣлоручкой быть!

Я исполнилъ его требованіе.

— Чего киснешь-то въ комнатѣ?—говорилъ онъ, заколачивая гвозди въ бокъ челна.—Ты бы вонъ поработалъ, такъ, небось, веселѣе бы стало. Нѣмцемъ поджарымъ, что ли, хочешь быть? Нѣтъ, ты такъ потрудись, чтобъ горшокъ съ кашей малъ казался, да ночь коротка для отдыха... Ну-ка, поворотимъ-ка на бокъ челночишку. Ишь ты, дуй его горой, какъ все перегнило!

Я поворачивалъ челнокъ и, мало-по-малу, сталъ втягиваться въ эту работу. У меня была сила, развитая еще въ Маріеназилѣ, теперь она развивалась снова. Когда починка челна окончилась, когда ледъ разошелся, Малевинъ поѣхалъ ловить дрова. Почти каждый день сталъ ѣздить на челнѣ и я. Меня веселила или, лучше сказать, раззадоривала борьба съ неугомонившимися волнами Невы, я иногда доводилъ себя до изнеможенія этимъ трудомъ и съ какою-то радостью, съ задорнымъ самодовольствіемъ чувствовалъ, что волны не осилили меня, что вотъ завтра я опять поѣду спорить съ

Digitized by Google

ними, наслажусь этимъ спором и опять не струшу, если какая-нибудь шальная волна обдастъ мое лицо своей пѣной и хлеснетъ въ челнокъ. Потомъ пришли барки. Малевинъ сталъ пробираться на нихъ ловить рыбу, я тоже сталъ заниматься рыбною ловлею и началъ знакомиться съ мужиками. Любилъ я просиживать цѣлые часы на баркѣ, спустивъ ноги надъ водой, и слушать въ вечернемъ затишьѣ своеобразные разсказы народа о его житьѣ-бытьѣ, любилъ толкаться между овчинными тулупами, свалепнымъ барочнымъ лѣсомъ, свезеннымъ на берегъ сѣномъ, и подчасъ какое-то особенное наслажденіе приносило мнѣ помѣряться силой съ мальчишкой-барочникомъ или протащить какую-нибудь доску, облиться потомъ, устать и сѣсть на бревно, не разбирая, есть ли на немъ деготь или нѣтъ. Это не была любовь къ народу или привычка къ этой жизни,—нѣтъ, это было слѣдствіе болѣзненной, мучительной злобы: мнѣ хотѣлось принудить себя жить въ той сферѣ, къ которой я принадлежалъ по положенію моего офиціальнаго отца. При малѣйшемъ проявленіи моей барской изнѣженности и брезгливости, я казнилъ себя насмѣшкою и принуждалъ себя къ какой-нибудь грязной выходкѣ. Мать странными глазами смотрѣла на меня, когда я, несмотря на ея увѣщанія, выходилъ изъ дому въ рваномъ сюртучишкѣ и съ воняющими рыбой руками. Она не понимала, что я издѣвался надъ самимъ собою.

— Что тебя рѣдко видно у насъ?—спрашивали меня дѣти друзей барона.

— А что мнѣ у васъ дѣлать, о бабьѣ толковать?—спрашивалъ я въ свою очередь съ особеннымъ грубымъ акцентомъ въ голосѣ.

— Ты ужъ не въ ученость ли погружаешься? — смѣялись они.

— Плевать я на нее хотѣлъ.

Они дѣлали гримасы, и дѣйствительно выраженіе моего голоса пахло зипуномъ и лаптями.

— Ты, другъ мой, удаляешься отъ своихъ сверстниковъ,— упрекалъ меня баронъ.

— Что мнѣ въ нихъ? они денегъ не дадутъ,—а брюхомъ хлѣба не вынесешь съ ихъ пировъ.

Баронъ потеръ лобъ.

— Ты у меня рѣдко бываешь, по мѣсяцамъ я не вижу тебя.

— Дома дѣло есть.

— Тебѣ тяжело тамъ, — вздохнулъ онъ.

Digitized by Google

— Да нѣдь легче не станетъ, если разсказывать—отвѣтилъ я фразою, слышанною тысячу разъ отъ мужиковъ.

— Да, да,—задумался онъ.—Не надо ли тебѣ денегъ?

— Вы и безъ того столько дасте, что мнѣ досадно. На эту пропасть не напасешься денегъ,—отвѣтилъ я.

— Это моя обязанность...

— Что за обязанность, мало ли пьяныхъ на свѣтѣ...

Баронъ снова покачалъ головой и грустно разстался со мною. Я еще рѣже началъ посѣщать его и всячески увертывался отъ его ласкъ, говоря себѣ: «Очень мнѣ нужны его нѣжности! Дѣйствительно, всѣ эти сладенькія нѣжности, плаксивыя ласки, барскія приторности не могли ничего улучшить въ моемъ не шуточномъ горѣ, а съ полной справедливостью были заклеймлены мною эпитетомъ «бисятины».

XII.

День-ото-дня я дѣлался суровѣе и строже; острая боль въ сердцѣ смѣнилась тупою, гнетущимъ чувствомъ недовольства судьбою и враждой къ людямъ. Часто, сидя дома или шагая куда-нибудь на уроки, я думалъ: «На что служатъ это глупыя науки: географія, исторія, латинскій и греческій языки, которымъ я учусь? Что мнѣ принесли онѣ и другимъ людямъ? Не такъ же ли я несчастливъ, какъ и мужикъ, не знающій грамоты? Неужели люди не могли придумать такой науки, которая дѣлала бы всѣхъ счастливыми, научила бы зашибать деньги, не гибнуть въ грязи и не производить на свѣтъ такихъ дѣтей, какъ я? Вотъ эту науку надо выдумать. Я посвящу всю жизнь, чтобы изобрѣсти ее, я пріучу и своихъ братишекъ стремиться отыскать эту науку». Эта мысль сдѣлалась моею idée fixe. Я сталъ читать всѣ книги, гдѣ былъ хоть намекъ на положеніе человѣка въ обществѣ, на обстоятельства, дѣлающія людей счастливыми и несчастными, я дорывался новыхъ истинъ... Съ каждою минутою, читатель, перемѣняются передъ вами сцены моего разсказа; за полчаса вы, можетъ-быть, смѣялись, за четверть часа вы, можетъ-быть, плакали, черезъ десять минутъ вы, по всей вѣроятности, утѣшитесь; я употребилъ недѣлю, только недѣлю для того, чтобы веселить, трогать и развлекать васъ,—но поймите, что для написанія каждой прочитанной въ двѣ минуты сцены, мнѣ нужно было пережить дни, недѣли, мѣсяцы и годы, и тогда вамъ станетъ ясенъ тотъ мучительный процессъ измѣненія моего характера, той внутренней ломки, отъ которой остались

Digitized by Google

слѣды на всю жизнь... Я сталъ прилежно заниматься съ моими братьями. Этимъ занятіямъ мѣшалъ Малевинъ, приглашавшій своихъ пріятелей на попойки къ намъ, ругавшій мать и посылавшій ее въ кабакъ, что отрывало меня отъ дѣла, такъ какъ я вступался за нее, или шелъ самъ за водкой.

— Послушайте, — сказалъ я однажды, — это было въ январѣ: — идите со своими пріятелями пить въ другое мѣсто, я вамъ дамъ денегъ, но не мѣшайте мнѣ учить вашихъ дѣтей.

Онъ прищурилъ свои пьяные глаза и нахально наклонилъ голову на бокъ съ насмѣшливою улыбкою.

— Да ты здѣсь что распоряжаться вздумалъ?—спросилъ онъ.

— А потому и распоряжаюсь, что вы живете на мои деньги.

— Ну?

— Ну, и если вы мнѣ будете надоѣдать, я вамъ гроша не дамъ, скажу барону, чтобы онъ за меня не платилъ.

— Фью! ты, птенчикъ, законовъ не знаешь. Мало ты каши на свѣтѣ съѣлъ. Ты еще несовершеннолѣтній, такъ я въ животѣ и смерти твоей воленъ. Велю кормить родителя, и будешь кормить.

— Безъ бароновыхъ денегъ отъ меня не много прибыли будетъ.

— Ахъ, ты, птичка пѣвучая! да я тебя тогда служить заставлю. Въ законѣ сказано, что сынъ долженъ кормить отца.

— Ну, большого жалованья мнѣ не дадутъ, вы же въ убыткѣ будете.

— Да я тебя въ гробъ заколочу, а заставлю добывать деньги. Слышишь ты, въ гррробъ!—крикнулъ онъ и сверкнулъ глазами, сжавъ кулаки въ пьяномъ остервенѣніи.

— Самимъ же хуже будетъ.

— Ты у меня помалчивай! Слышишь,—помалчивай!

— Семенъ Семеновичъ!—начала мать.

— Разражу!—крикнулъ онъ ей.—Всѣхъ убью! какъ послѣднюю собаку его зашибу! какъ послѣднюю соббаку!

Я всталъ. Должно-быть, я былъ очень обезображенъ яростною злобой и страшенъ въ эту минуту, потому что мать сдѣлала движеніе встать между мною и мужемъ. Я отстранилъ ее рукою.

— Послушай ты, негодяй!—заговорилъ я, задыхаясь.— Вѣдь я не даромъ восемнадцать лѣтъ на свѣтѣ прожилъ, силы-то у меня хватитъ съ тобой справиться.

Я подступилъ къ самому лицу Малевина, онъ попятился

Digitized by Google

отъ меня, а на его подломъ, пьяномъ лицѣ изобразилось чувство трусости; это придало мнѣ силы, какъ придаетъ силы и смѣлости звѣрю трусость человѣка.

— Пей, сколько хочешь,—продолжалъ я:—только не смѣй мѣшать мнѣ: я сумѣю справиться съ тобой! Не ты меня убьешь, а я тебя раздавлю, гадину, какъ гнилую щепку! Ты, видно, не на бойкихъ нападалъ! Мать молчала, такъ ты ее и билъ. Дуракъ баронъ не посовѣтовалъ ей развестись съ тобою, такъ ты и думаешь, что я не успѣю заставить ее бросить тебя. Вѣдь тогда ты подъ первымъ заборомъ околѣешь. Слышишь ли ты?—дернулъ я его за воротъ и потрясъ, чтобъ попробовать и показать свою силу.

У него вдругъ подогнулись колѣни, и онъ сталъ такимъ жидкимъ и маленькимъ, что я съ отвращеніемъ выпустилъ изъ рукъ его халатъ.

Онъ попятился къ двери, не обращаясь ко мнѣ спиной. Я былъ выше, моложе и здоровѣе его, его силы были давно пропиты и размѣняны на водку въ кабакахъ. Не говоря ни слова, онъ потянулся за фуражкой и, взявъ воровски, молча, деньги, брошенныя мною на столъ, задомъ вышелъ изъ комнаты. Мать не смѣла дохнуть, не смѣла благодарить или усовѣщивать меня.

— Чего вы запрятались!—грубо сказалъ я дѣтямъ.—Не знаете, что учиться надо?

Они боязливо вышли изъ угла и сѣли за книги. Начался урокъ. Довольно долго я не могъ осилить своей расходившейся злобы. Во мнѣ не было и тѣни того граціознаго, съ нѣющагося отъ перваго поцѣлуя юноши, какимъ я былъ за годъ тому назадъ.

— Валерьянъ, а Валерьянъ,—робко говорилъ мнѣ, пугающимся голосомъ, черезъ нѣсколько дней Малевинъ, осторожно дотрогиваясь до моего плеча.

— Что вамъ?—не поднимая глазъ отъ книги, спросилъ я.

— На водочку дай, въ горлѣ пересохло, голубчикъ... Я не того, немного... Только, знаешь, стакашикъ одинъ, какъ есть одинъ стакашикъ,—жмурилъ онъ, какъ котъ, свои глаза.

— Опять налижетесь!

— Ни, ни! И не думай! И... и... ни, ни!

Я съ отвращеніемъ далъ ему денегъ. Черезъ нѣсколько дней онъ снова просилъ меня о выдачѣ ему денегъ.

— Благодѣтель, бла-а-годѣтель!—пьянымъ языкомъ говорилъ онъ и тянулся поцѣловать меня. Я отшатнулся отъ его поцѣлуя.

Digitized by Google

— Ну, ручку дай, дай мнѣ ручку! — заговорилъ онъ. — Вѣдь я чу-у-вствую, чу-у-вствую!.. Ска-а-тина я!..

Онъ заплакалъ пьяными глазами и сталъ отирать ихъ замасленной полой дыряваго халата.

— Чортъ, чортъ!—кричалъ онъ вечеромъ. — У-у! вонъ, вонъ! гляди!—схватилъ онъ старшаго своего сынишку за руку.—Видишь? постой, постой, я поймаю, по-о-оймаю!—Онъ началъ красться къ стѣннымъ часамъ, скорчивши свою спину. Въ его глазахъ выражался ужасъ, голосъ былъ мраченъ и зловѣщъ. Сынишка трясся всѣмъ тѣломъ.

Я вышелъ изъ-за перегородки и хотѣлъ подойти къ нему; онъ вдругъ обернулся и бросился ко мнѣ.

— Поймалъ, поймалъ!—кричалъ онъ мнѣ и снова, съ выраженіемъ ужаса, взглянулъ на мою голову.—Теперь у тебя, у тебя на головѣ.

— Что такое?—съ раздраженіемъ спросилъ я.

— Чортъ, чортъ, чортъ!—кричалъ онъ.

— Чего вы дурите?—спросилъ я, не понимая, что у него началась бѣлая горячка.

— Подавай денегъ!—вдругъ бѣшено кинулся онъ ко мнѣ.

— У меня нѣтъ!—отвѣтилъ я.

— Подавай, подавай! Бѣги къ барону!

— Не пойду!

— Ступай, ступай, говорятъ тебѣ — ступай!—сжалъ онъ кулаки.

— Не пойду! И никогда не пойду больше, хоть бы ты съ голоду умеръ!—крикнулъ я.

— Что-о?—бросился онъ на меня и схватилъ меня за шиворотъ.

Я рванулся въ сторону, что-то треснуло на моемъ сюртукѣ. Малевинъ снова напалъ на меня, я охватилъ его руками, подставилъ ногу и смялъ его подъ себя. У моего рта была пѣна, лицо все было въ поту.

— Веревку дайте!—крикнулъ я дѣтямъ, упираясь колѣнкой въ Малевина.

Дѣти, испуганныя пригрезившимися отцу чертиками, теперь испугались еще болѣе. Мать бросилась уговаривать меня.

— Подите прочь! — обернулся я къ ней. — Что же вы стоите? говорятъ вамъ: веревку дайте!—кричалъ я дѣтямъ.

Они повиновались съ боязливыми лицами.

— Да. ты что? ты что задумалъ?—барахтался подо мной Малевинъ.

Digitized by Google

всемъ своемъ существѣ такой упадокъ силъ, что боялся захворать. Первымъ дѣломъ по отправкѣ Малевина въ больницу, я поспѣшилъ извѣстить барона, чтобы онъ прислалъ денегъ для нашего переѣзда на другую квартиру. Онъ прислалъ. Я пошелъ искать квартиру и нашелъ очень удобную; черезъ день мы переселились. Мать ни слова не говорила о томъ, что я былъ пьянъ, она со страхомъ и боязнью глядѣла на мое измученное лицо. Изрѣдка посѣщала она мужа, онъ не поправлялся. Баронъ, между прочимъ, не видя меня, справлялся о моемъ ученьи въ школѣ и испугался, что я сталъ лѣниться, что я затянулся въ грязную жизнь и, можетъ-быть, дѣлаюсь негодяемъ. Онъ написалъ мнѣ довольно строгое письмо и выговаривалъ, что я не хожу въ школу, только въ концѣ письма сила любви взяла верхъ надъ мудростью старика, и въ этомъ концѣ слышались ласковыя рѣчи, но, къ сожалѣнію, я прочиталъ этотъ конецъ письма только черезъ мѣсяцъ, швырнувъ отъ себя посланіе при чтеніи начала.

«Благодарю васъ за наставленія,—писалъ я въ отвѣтъ:—и заботы обо мнѣ. Но въ послѣднее время я пережилъ столько горя, сколько не пережили вы во всю свою жизнь. Не знаете ли вы, кого я долженъ благодарить за это горе? Я не знаю, или, лучше сказать, боюсь знать это. Во всякомъ случаѣ, горе помогло мнѣ сдѣлаться опытнымъ, и, вѣрно, я знаю не хуже любого старика, что мнѣ нужно дѣлать. Вы совѣтуете мнѣ посѣщать школу, но вы лучше спросили бы, осталось ли во всемъ моемъ существѣ хоть одно здоровое мѣсто, а мнѣ еще едва минуло восемнадцать лѣтъ... Во всякомъ случаѣ, я постараюсь всѣми силами пройти дома то, что прошелъ бы въ школѣ, и выдержу экзаменъ, чтобы имѣть возможность кормить мать безъ благодѣяній чужихъ людей.»

Баронъ не выдержалъ тона этого письма и пріѣхалъ къ намъ. Я постарался избѣжать сцены его свиданія съ матерью и вошелъ въ комнату, когда меня позвали. Баронъ ахнулъ: передъ нимъ стоялъ высокій, худой, пасмурный юноша, не сохранившій ничего изъ того блеска, которымъ онъ сіялъ за годъ. Отецъ пожалъ мою руку и не сказалъ ни слова о письмѣ, послужившемъ поводомъ къ свиданію. Вечеръ прошелъ какъ-то неловко, и отецъ, и мать, повидимому, совѣстились меня... Я работалъ до-нельзя въ это время и успѣлъ выдержать экзаменъ въ школѣ, дававшій право на поступленіе въ университетъ. Но зато послѣ

Digitized by Google

этихъ нечеловѣческихъ усилій мои силы совершенно ослабѣли. Однажды я лежалъ на диванѣ, вдругъ пріѣзжаетъ мать изъ больницы. Я взглянулъ на нее и понялъ, что что-то случилось особенное.

— Что?—спросилъ я.

— Умеръ,—прошептала она, не глядя на меня.

Я ни слова не сказалъ въ отвѣтъ. Она сѣла къ столу и начала плакать. Я зналъ, что она плачетъ не о мужѣ, я зналъ, что она оплакиваетъ всю свою убитую, истерзанную жизнь, и не мѣшалъ ей. Мнѣ было тяжело, я искалъ въ душѣ такихъ молитвъ, которыя могли бы облегчить наше горе, изгладить кровавые слѣды прошедшаго и благословить занимающуюся зарю будущаго... Въ душѣ не находилось ничего... Вечеромъ пріѣхалъ баронъ. Ему сказали новость. Онъ провелъ рукою по лбу и задумался. Вечернія сумерки обливали неяснымъ полусвѣтомъ картину нашего молчаливаго раздумья. Въ эту минуту каждый изъ присутствующихъ переживалъ всю свою прошлую жизнь и, можетъ-быть, краснѣлъ за себя...

— Какой страшный сонъ наша жизнь!—прошепталъ баронъ, какъ бы заканчивая свои размышленья о быломъ.

Мать промолчала и мелькомъ взглянула на меня.

— Да, да, — потеръ баронъ рукою свой лобъ, какъ бы понимая этотъ взглядъ. — Не сонъ... Сны проходятъ безслѣдно...

Молчаніе воцарилось снова.

— Намъ всѣмъ нуженъ отдыхъ теперь, — началъ онъ снова.—И первому тебѣ,—обратился онъ ко мнѣ.

Я лежалъ на диванѣ и молчалъ.

— Ты можешь располагать моими деньгами, онѣ принадлежатъ тебѣ по праву...

Я все-таки не находилъ словъ. Я даже не могъ благодарить его, потому что меня давила давно мысль: «изломаютъ, а потомъ облагодѣтельствуютъ!» Прежней моей нѣжности не было и слѣда, хотя мучительно-больно отзывалось во мнѣ сознаніе, что я не могу приласкать этихъ въ свою очередь несчастныхъ людей.

— Тебѣ не худо бы съѣздить за границу, — произнесъ баронъ.

Я оживился. Лучъ надежды мелькнулъ передо мною.

— Да, да,—живо заговорилъ я.—Разсѣяться, забыть все пережитое...

Digitized by Google

— Простить всѣхъ,—тихо, медленно и кротко окончилъ баронъ.

У меня навернулись на глазахъ слезы.

— Ты понимаешь, отецъ, что я не могу,—началъ я.

— Другъ мой, милый мой, я все теперь понимаю, я тебя ни въ чемъ не упрекаю, не смѣю упрекать. Что бы ни случилось, чѣмъ бы ты ни вышелъ, какъ бы ни смотрѣлъ на насъ съ матерью,—я и она ни въ чемъ не упрекнемъ тебя.

Я наклонился къ братьямъ и поцѣловалъ ихъ... поцѣловать другихъ изъ присутствующихъ у меня не хватало духу въ эту минуту...

Долго бродилъ я по Европѣ, бродилъ одинъ, бродилъ вездѣ. Заглядывалъ я въ университеты, въ мастерскія художниковъ, наслаждался иногда полнѣйшимъ бездѣйствіемъ на берегахъ Средиземнаго моря, возобновлялъ утраченное здоровье, приводилъ въ нормальное состояніе свою потрясенную душу и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дорогою становилась мнѣ родина, мучительная любовь пробудилась во мнѣ ко всѣмъ ея страдающимъ дѣтямъ, и ярче всѣхъ другихъ образовъ вырисовывался передо мною одинъ семейный кружокъ, посреди котораго худая, блѣдная женщина, хранящая слѣды страшныхъ, долгихъ мученій, но все еще прекрасная, учитъ двухъ маленькихъ дѣтей и, отрываясь на минуту отъ ихъ книги, протягиваетъ руку серьезному, важному, но рано постарѣвшему человѣку, пришедшему къ ней отдохнуть, провести вечеръ и потолковать о *немъ*, — о человѣкѣ, котораго никто въ семьѣ не называетъ по имени и, между тѣмъ, всѣ знаютъ, всѣ любятъ, мучительно любятъ...

— Удивляюсь я, какъ это васъ одного отпустили въ этотъ омутъ, — говорилъ мнѣ какъ-то одинъ важный старикъ, жившій въ германскомъ университетскомъ городѣ для наблюденія за своими сыновьями, изъ которыхъ одинъ потихоньку переписывался съ какою-то оставленною имъ въ Россіи дѣвушкою.

— Отчего же было и не отпустить?—усмѣхнулся я.

— Помилуйте, да вы просто закружиться можете...

— Однако, я занимаюсь же, а не кружусь?

— Ну, это исключеніе! Впрочемъ, ваши идеи... Не думаю, чтобы ваши родители порадовались тому направленію, которое приняла ваша мысль. Самонадѣянность, отрицаніе,

Digitized by Google

вольнодумство, — я увѣренъ, что вашъ отецъ раскается за свою опрометчивость. Въ наше время молодые люди вашихъ лѣтъ держались отцами вотъ какъ.

Старикъ, сжавъ кулакъ, показалъ, какъ держали въ его время молодыхъ людей... Все яснѣе и яснѣе послѣ подобныхъ рѣчей и встрѣчъ становилась для меня причина всѣхъ поступковъ моего отца, все честнѣе и честнѣе казался мнѣ этотъ любящій человѣкъ, все чаще и чаще чувствовалъ, что теперь я могу, не опуская, не поднимая черезъ мѣру головы, войти въ тотъ семейный кругъ, который грезился мнѣ такъ часто въ это время... Но я чего-то ждалъ...

«Баронесса умерла», писалъ мнѣ изъ Петербурга черезъ два года баронъ, и больше ни слова не было объ этомъ событіи, но письмо было нѣжно, горячо, какая-то робость проглядывала въ фразахъ: «Какъ идутъ твои дѣла? Что думаешь *теперь* дѣлать?»

«Завтра я выѣзжаю въ Петербургъ», было моимъ отвѣтомъ, и всю ночь мнѣ снилась далекая деревня барона, и онъ самъ являлся передо мною уже не вдовцомъ...

Digitized by Google

II.

Конецъ бирюковской дачи.

Верстахъ въ двухъ отъ города Лужи — (было бы приличнѣе назвать его, согласно съ его почвой, Болотомъ, но его, сообразуясь съ какими-то славными историческими преданіями, назвали Лужей) — на покрытой уродливыми пнями и поросшей корявымъ кустарникомъ и сорной травой, плоской равнинѣ чернѣло что-то безформенное, безобразное, какъ огромная куча развалившихся и гніющихъ досокъ и щепокъ.

Это была бирюковская дача...

Старые лужане говорили, что когда-то — когда старые Бирюковы были еще молоды, а молодыхъ еще не было и въ заводѣ, — она была очень красива, что будто-бы около нея были и службы, и садъ, и роща. Старые люди всегда говорятъ, что въ ихъ время все было лучше. Теперь около бирюковской дачи ни садовъ, ни службъ, ни рощъ уже не было, и она безпомощно разваливалась. Разваливаться она начала очень давно и разваливалась изо-дня-въ-день, безъ перерывовъ, безъ передышки десятки лѣтъ. Краска съ нея облѣзла и облупилась, доски почернѣли, бревна начали гнить. Крыша мѣстами была разворочена и покрывалась желтыми лишаями, а изъ одной щели на ней выросла даже березка, жидкая и тощая, какъ и слѣдуетъ быть тому, что выросло не на надлежащемъ мѣстѣ. Мезонинъ былъ уже лѣтъ пять какъ заколоченъ; посрединѣ его; однако, еще висѣли поломанныя перила уже несуществующаго балкона. До нихъ никто еще не добрался, чтобы сорвать ихъ на дрова, такъ какъ въ домѣ не имѣлось ни приставной лѣстницы, ни топора, и перила грозили ежедневно сва-

Digitized by Google

литься кому-нибудь на голову, если бы только кому-нибудь вздумалось прогуливаться около бирюковской дачи. Въ нижнемъ этажѣ дачи одна половина была необитаема, безъ стеколъ, безъ рамъ и ставенъ. Съ этой половины начали даже сдирать обшивку, чтобы топить этими гнилыми досками печи въ другой половинѣ дачи. Топлива требовалось много: печи плохо держали жаръ, дымили отъ старости. Впрочемъ, если бы онѣ и были лучше, то вѣтеръ, врывавшійся въ домъ со всѣхъ сторонъ съ поля, все-таки выдулъ бы все тепло. Дача была ничѣмъ не защищена отъ его надоѣдливыхъ и наглыхъ нападеній, всегда страшныхъ для всякихъ дыръ и лохмотьевъ. Онъ, глумясь надъ обнищаніемъ, шелестилъ въ комнатахъ обрывками разодранныхъ обоевъ, онъ завывалъ въ нечиненыхъ трубахъ, онъ свисталъ въ какія-то, незримыя для глаза, щели, раздражая и безъ того раздраженные нервы. Иногда онъ, какъ разгнѣвавшійся человѣкъ, хлопалъ дверями и заставлялъ присутствующихъ вздрагивать въ суевѣрномъ страхѣ отъ неожиданности. Особенно жутко становилось отъ него ненастной осенью по вечерамъ въ непроглядную тьму, когда къ его завываніямъ присоединялись еще звуки барабанившаго въ стекла дождя и ожидались посѣщенія волковъ, не понимавшихъ по своей глупости, что на бирюковской дачѣ нечѣмъ поживиться даже голодному волку. Точно стадо овецъ, застигнутыхъ бурею, невольно сбивались въ эту пору въ одну комнату всѣ обитатели бирюковской дачи: три бирюковскія барышни, Липочка, Симочка и Грушенька, ихъ слѣпая старуха-бабка, Олимпіада Кировна, ихъ кривая служанка изъ бывшихъ дворовыхъ, дѣвка Евгешка, и даже ихъ глухой дѣдъ, Денисъ Ивановичъ, хотя и не слышавшій по своей глухотѣ завываній непогоды, но дрожавшій заодно съ другими. Отсутствовали обыкновенно только два члена бирюковской семьи: отецъ барышень, Петръ Денисовичъ, до поту лица хлопотавшій въ городѣ по дѣлу обиванія чужихъ пороговъ, и младшій братъ барышень, Володя, оканчивавшій курсъ въ военномъ училищѣ. Всѣ кутались и жались отъ холода, ютясь обыкновенно въ одной, полуосвѣщенной маленькою лампою, комнатѣ, гдѣ еще сохранилось достаточное для всей семьи количество стульевъ и креселъ. Собралось все это бирюковское общество въ обычномъ своемъ составѣ въ этой маленькой комнатѣ и въ день ожиданія пріѣзда вышедшаго, наконецъ, въ офицеры молодого Бирюкова, извѣстнаго семьѣ только по его нѣжнымъ и проникнутымъ

Digitized by Google

незримыми слезами письмамъ. На дворѣ было уже совсѣмъ темно. Погода стояла ненастная, вѣтеръ выл страшный, а когда онъ стихалъ на минуту—въ окна начиналъ барабанить дождь. Было и холодно, и жутко.

Двѣ старшія бирюковскія барышни, сохранившая еще слѣды рѣзвости Липочка и уже окончательно пропитавшаяся желчью Симочка, изжелта-блѣдныя, какъ восковыя куклы изъ ярмарочныхъ музеевъ, въ рваныхъ вязаныхъ полуперчаткахъ на жилистыхъ и костлявыхъ рукахъ, раскладывали почернѣвшія и распухнувшія отъ старости карты съ обтрепавшимися на долгой службѣ углами и цѣпкими заусенцами по краямъ, и гадали о своей «судьбѣ», питая въ теченіе пятнадцати лѣтъ сладкую надежду «пристроиться», то-есть выйти замужъ. Дѣдъ въ старомъ неряшливомъ халатѣ, съежившійся, сморщившійся, оплѣшивѣвшій и трясущійся всѣми членами не то отъ холода, не то отъ старости, не то по долголѣтней привычкѣ трястись отъ страха заодно съ другими, сосредоточенно курилъ какую-то самодѣльную, прозванную имъ «самкроше», смѣсь изъ сухихъ неизвѣстнаго происхожденія листьевъ, изъ какихъ-то мелко искрошенныхъ загадочныхъ корешковъ и изъ табаку-махорки, ускоренно моргая воспаленными вѣками безъ рѣсницъ и раздувая ноздри красно-синяго носа, похожаго на луковицу. Кривая дѣвка Евгешка, высохшая отъ старости и голода, какъ скелетъ, съ клочьями сѣровато-бурыхъ волосъ на головѣ, съ единственнымъ широко вытаращеннымъ круглымъ глазомъ, ради котораго она держала голову постоянно повернутою профилемъ къ правому плечу, сидя и ходя носомъ въ бокъ, ожесточенно штопала или чинила какое-то, состоявшее изъ сплошныхъ дыръ и заплатъ тряпье, беззвучно шевеля губами и очевидно проклиная въ душѣ все и всѣхъ. Высокая и величественная по фигурѣ бабка—belle femme, какъ она называла себя,—съ густыми и серебристыми кудрями на головѣ, съ признаками небольшихъ, еще черныхъ усиковъ надъ верхней губой, граціозно забравшись въ рваную, отороченную облѣзлымъ горностаемъ шубку, полулежала въ единственномъ мягкомъ креслѣ, устремивъ неподвижно въ пространство ничего не видящіе глаза. Въ одномъ изъ угловъ комнаты жалась еще какая-то человѣческая фигура, но ея присутствіе только чувствовалось, такъ какъ ее уже совсѣмъ нельзя было разсмотрѣть въ темнотѣ едва освѣщенной посрединѣ комнаты.

— А-ахъ! — протяжно зѣвнула слѣпая бабка, нарушая

Digitized by Google

тишину. — Вотъ-то тоска. Хоть бы на минуту переставъ выть этотъ проклятый вѣтеръ, а то цѣлый день, цѣлый день воетъ. Который часъ-то?

— Семь!—послышался чей-то отвѣтъ.

— Семь! семь! еще до ночи-то какъ далеко... А-ахъ, тоска, тоска!—зѣвая, проговорила старуха.

Наступило опять молчаніе. Вой вѣтра, не смолкая ни на минуту, раздражалъ нервы своимъ однообразіемъ.

— Два короля на сердцѣ! — восторженнымъ тономъ совершенно неожиданно произнесла Липочка.—Это непремѣнно братецъ пріѣдетъ къ намъ съ какимъ-нибудь товарищемъ, тоже вышедшимъ въ офицеры...

— Ужъ не думаешь ли ты, что братецъ тебѣ жениха изъ столицы привезетъ?—ехидно перебила ее Симочка.

— А тебѣ завидно, что у тебя только смерть въ письмахъ выходитъ, — упрекнула Липочка. — Ты всѣмъ, всѣмъ завидуешь! Ты жить не можешь безъ зависти!

— А вотъ и ошиблась, совсѣмъ даже напротивъ, никакой смерти у меня не выходило, — задорно объявила Симочка.—У меня сегодня три раза марьяжъ вышелъ...

— Въ мое время въ наши годы барышни давно уже замужемъ бывали,—небрежнымъ и холоднымъ тономъ вмѣшалась въ разговоръ слѣпая бабка. — Въ дѣвкахъ-то въ дворянскихъ семьяхъ никто не засиживался въ старые годы даже въ самыхъ глухихъ деревняхъ. Хоть захудалый какой-нибудь женишокъ изъ помѣщиковъ, а все найдется. У меня вотъ на пятнадцатомъ году шесть жениховъ было, когда я замужъ пошла.

— Ну, и ваше счастье!—разомъ отвѣтили Липочка и Симочка.—Расхвастались тоже!..

— Правда, я была первой красавицей въ Москвѣ,—тѣмъ же тономъ продолжала бабка.

— Слышите, слышите! бабушка была красавицей!—воскликнула насмѣшливо Липочка и развеселилась.—Она-то, съ усами-то!

— Дѣдушка! дѣдушка!—воскликнула Симочка.

— А?.. Что?..—откликнулся старикъ.

— Нашла съ кѣмъ говорить!—презрительно замѣтила Липочка.—Со стѣной!

— Правда, что бабушка была красавицей, дѣдушка?—продолжала кричать Симочка.

— А?.. Что?..—опять переспросилъ старикъ.

— Была ли бабушка красавицей? спрашиваю я,—надъ

Digitized by Google

самымъ ухомъ старика оглушительно выкрикнула Симочка.

— О, Господи! — вздохнула вздрогнувшая отъ крика Евгешка.

— Была, была!.. Охо-хо-хо!.. Была!—отозвался со вздохами старикъ и усиленно засосалъ трубку.

— Ха-ха-ха! Ужъ и вы не были ли красавцемъ, дѣдушка?—залилась звонкимъ и злымъ смѣхомъ Симочка.

— Я? Нѣтъ, гдѣ же всѣмъ быть красавцами!—прошамкалъ дѣдъ.—Я красавцемъ не былъ! Гдѣ же мнѣ!

— Замухрышка!—шипящимъ тономъ проговорила бабка.

— Слышите, слышите! Бабушка называетъ дѣдушку замухрышкой!—опять развеселилась Липочка.

— Дѣдушка, правду говоритъ бабушка, что вы были замухрышкой?—обратилась къ дѣду Симочка.

— А?.. Что?..—не дослышалъ дѣдъ.

— Говорить съ вами нельзя! Бабушка говоритъ, что вы были замухрышкой,—крикливо пояснила Симочка.

— Замухрышкой?.. Да, да, звали такъ!.. Охо-хо-хо!.. Звали!—согласился дѣдъ.—Всего бывало!.. Охо-хо-хо!

— Вы, вѣрно, боялись бабушку? Боялись? А?—допрашивала настойчиво Симочка.

Дѣдъ началъ сильнѣе дрожать и тайкомъ замахалъ рукою Симочкѣ, чтобъ она замолчала.

— Ну, да, боялся, боялся!—воскликнула раздражительно бабка.—И ты боялась бы, если бы я слѣпа не была!

— Слышите! слышите! Какая бабушка у насъ воеводша! Ха-ха-ха!—засмѣялась злымъ смѣхомъ Симочка.

— Я тебѣ косу-то, какъ послѣдней дворовой дѣвкѣ, обрѣзала бы!—угрожающе проговорила бабка. — По самую кожу выстригла бы!

— О, Господи!—вздохнула Евгешка, вспомнивъ старину.

— Слышите, слышите, что говоритъ бабушка! — опять воскликнула Симочка. — Руки у васъ, бабушка, коротки стали! Не достать вамъ, бабушка, до моей косы!

— Негодяйка!—прошипѣла бабка.

— Ай-ай-ай! какъ мнѣ страшно!—воскликнула съ ироніей Симочка.—Ай-ай-ай! Я боюсь!

— Въ дѣвкахъ сидишь, оттого и зла!—проговорила ехидным тономъ бабка.—Да ужъ какъ ни злись, а такъ старой дѣвкой и останешься. До гробовой доски останешься! Поди, пожелтѣла вся, какъ лимонъ, отъ злости, высохла, какъ треска!

Digitized by Google

— Что вы лаетесь?—обиженно воскликнула Симочка.

— Да, да, бѣсись, бѣсись! Я вотъ пятнадцати лѣтъ пятерымъ женихамъ отказала, а за шестого вышла, а ты чуть не до тридцати лѣтъ въ дѣвкахъ засидѣлась. Сколько мѣсяцевъ до тридцати-то лѣтъ осталось? Считала, чай?

— Съ вами не говорить, а лаяться надо!—произнесла дрожащимъ голосомъ Симочка?

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, считала ли ты, сколько мѣсяцевъ до тридцати-то лѣтъ осталось?—донимала ее бабка.

— Отвяжитесь ли вы отъ меня?—совсѣмъ слезливо сказала Симочка.

— Не любишь о годахъ-то говорить?—съ грубой насмѣшкой сказала старуха, смѣясь дребезжащимъ смѣхомъ.—Да ужъ говори, не говори, а въ дѣвкахъ до гробовой доски останешься! Такъ и заруби себѣ на память! Въ ногахъ валяться станешь, чтобы послѣдній мужиченка замужъ взялъ—не возьметъ кошку драную!

— Вы только обижать людей и умѣете!—захныкала Симочка.—Я не Грушка, чтобы мужикамъ на шею вѣшаться...

— Хнычь, хнычь, ничего не прибудетъ!—дразнила бабка.

— Вѣдьма старая! колдунья усатая!—сквозь слезы огрызалась Симочка.

— Ага, вѣрно за живое задѣло!—поддразнивала бабка.—Другихъ вышучиваешь, а сама не любишь, какъ тебя за живое задѣнутъ!.. Драть тебя надо за ехидство, какъ крѣпостныхъ драли...

— О, Господи!—тяжело вздохнула Евгешка.

Кто-то закопошился въ темномъ углу, поднялся съ мѣста и торопливо вышелъ вонъ изъ комнаты.

— Что, ушла, небось! Не вытерпѣла!—ѣдко засмѣялась бабка.

— И вовсе не я ушла!—откликнулась Симочка.—Ошиблись въ расчетѣ! Это Грунька фыркаетъ! Сидитъ, какъ пень, а чуть что и вскочитъ. Какъ же: люди разговоромъ на нее никакъ не потрафятъ! Ну, вотъ теперь и пусть впотьмахъ-то посидитъ! Во всемъ домѣ хоть глазъ выколи. Свѣчей-то и въ заводѣ нѣтъ, а керосинъ-то послѣдній въ лампу вылили!

Разговоръ оборвался. Вѣтеръ теперь усилился и не только выл, а, казалось, старался сорвать кровлю и разнести весь домъ. Гдѣ-то хлопнули двери.

— Что это? Неужели вѣтеръ?—спросила тревожно Липочка.

Digitized by Google

— Ужъ не думаешь ли, что грабители?—спросила насмѣшливо Симочка.—Красть-то что? Грунька, вѣрно, ушла, на деревню побѣжала...

Опять воцарилось молчаніе. Кто-то медленно и сладко зѣвнулъ.

— Что отецъ-то не говорилъ, когда изъ города вернется? когда дѣла-то кончитъ?—спросила отрывисто бабка.

— Дѣла! дѣла!—воскликнула презрительно Симочка, не отвѣчая на вопросъ.—У людей пороги обиваетъ, ищетъ, гдѣ бы грошъ занять—вотъ его дѣла! Работать не умѣетъ, а все срыву добыть хочетъ. Только дураковъ-то нынче мало, чтобы зря деньги въ долгъ безъ отдачи давать.

— А ради кого онъ перехватываетъ, какъ не ради васъ?—заговорила бабка.—Вы на шеѣ у него сидите, дармоѣдки! До старости дожили, ничего дѣлать не умѣете!

— Ну, ужъ извините! Если ужъ кто-нибудь у него на шеѣ сидитъ, такъ это вовсе не мы, а вы съ дѣдушкой,—возразила язвительно Симочка.—Отецъ незамужнихъ дочерей завсегда обязанъ кормить, а вы вотъ сто лѣтъ у него на шеѣ сидите. Пора бы и стыдъ знать.

— Негодяйка!—гнѣвно прошипѣла бабка.—Да кто насъ то самихъ въ раззоръ разорилъ, если не твой же старшій братецъ, которому отецъ волю далъ? У насъ домъ чаша полная былъ. У насъ дворни одной меньше двадцати человѣкъ никогда не бывало въ домѣ. А теперь что? Евгешка кривая одна живетъ и то потому, что ей идти некуда съ однимъ-то глазомъ.

— О, Господи!—вздохнула Евгешка не то о своемъ выбитомъ въ былые годы глазѣ, не то о томъ, что ей теперь идти некуда.

— Что вы намъ братомъ-то глаза колете?—огрызнулась Симочка.—Покойный братъ объѣдки доѣлъ, и самъ отецъ немногимъ послѣ васъ попользовался. Съѣли все вы сами: заложили, перезаложили, продали и перепродали все; отдали отцу имѣніе, когда уже тамъ ничѣмъ-ничего не было, кромѣ этой проклятой дачи.

— Проклятой! проклятой!—передразнила бабка.—На эту дачу-то любоваться люди изъ города ѣздили, когда я ее построила...

— Полюбовались бы на нее теперь! Ха-ха-ха!—громко засмѣялась Симочка.—Жаль, что глазъ нѣтъ у васъ-то. Ободрана она вся. Ставни да рамы обдирамъ, чтобы ее же топить. Скоро все сожжемъ въ послѣдней печкѣ, у ко-

Digitized by Google

торой на улицѣ грѣться зимой станемъ. Вотъ какова она, ваша дача-то!.. Любоваться ѣздили!

— Такъ кто же довелъ ее до этого?—спросила бабка.— У насъ все было, и лѣсъ, и слуги...

— Симочка, Симочка, взгляни, дѣдушка носомъ рыбу на столѣ удитъ!—съ рѣзвымъ смѣхомъ перебила разговоръ Липочка.—Ха-ха-ха!

— Дѣдушка, дѣдушка!—окликнула старика Симочка.

— А?.. Что?..—очнулся испуганно старикъ и заморгалъ воспаленными вѣками.

— Вы носъ объ столъ расквасите!—пояснила внучка.— Онъ у васъ и такъ красный, какъ нарывъ назрѣлъ. Лопнетъ еще!

— Я старенькій, дѣточка, я слабенькій,—жалобно пояснилъ старикъ, протирая глаза.

— Замухрышка! — презрительно проговорила бабка.— Только и умѣешь, что притворяться! Подличаешь передъ каждымъ. Воду бы на тебѣ возить.

— Бабушка васъ замухрышкой назвала, дѣдушка!—пояснила Липочка.

— А? Что? Замухрышкой?.. да, да, звала такъ, звала!— согласился старикъ.—Охо-хо-хо!.. всего бывало!

На минуту всѣ замолчали. Гдѣ-то раздалось шипѣнье, потомъ что-то хлопнуло, и послышалось хриплое кукованье. Оно повторилось восемь разъ, опять что-то зашипѣло и что-то хлопнуло.

— Проклятые, вѣчно напугаютъ,—проворчала бабка.— Хоть бы дверцы сорвать, не хлопали бы... И какъ время-то ползетъ. Всего восемь прокуковали... А-ахъ!

Опять наступило молчаніе подъ вой вѣтра.

— Евгешка, а что у насъ отъ обѣда осталось?—спросила Симочка.

— О, Господи, чего тутъ останется?—проворчала Евгешка.

— Не можетъ быть, чтобъ ничего не осталось,—запротестовала Симочка.

— Значитъ можетъ, если ничего нѣтъ! — огрызнулась Евгешка.

— Да я же тоже ѣсть хочу,—пояснила Симочка.

— И я тоже,—подтвердила Липочка.

— Пойдемъ, поищемъ чего-нибудь! — предложила Симочка.

— Евгешка, ступай съ ними!—приказала бабка:—а то

Digitized by Google

одинѣ онѣ все стащутъ. Всѣ жрутъ потихоньку. Ступай за ними! Меня и такъ голодомъ морятъ.

— Слава Богу, жирнѣе насъ всѣхъ, не помрете съ голоду,—огрызнулась Симочка.

Обѣ барышни и Евгешка, захвативъ лампу, торопливо исчезли изъ комнаты.

— Что случилось?—тревожно воскликнулъ дѣдъ.—Горитъ что?.. Охо-хо-хо!.. Я старенькій, ничего не слышу!

— Ѣду пошли искать! Ѣсть захотѣли! Глухая тетеря, слышишь?—крикнула бабка.

— Слышу, слышу!.. Ѣду искать! Ѣсть хотятъ!.. Такъ, такъ!—проговорилъ дѣдъ.

Онъ опасливо оглядѣлся въ потемкахъ, отложилъ трубочку, пошарилъ осторожно къ прорѣхѣ засаленнаго халата, вытащилъ ломоть хлѣба, украденный имъ за обѣдомъ, и сталъ торопливо по кусочкамъ засовывать его въ ротъ, стараясь глотать ихъ, почти не пережевывая.

— Ты что это тамъ зачавкалъ?—крикнула бабка.—Говори сейчасъ.

— Я... я... Ничего... Я старичокъ старенькій... Такъ жую... Пустымъ ртомъ жую...—оправдывался старикъ, давясь кусками хлѣба.

— Врешь, врешь!—закричала бабка.—Всегда былъ подлымъ трусомъ и воромъ. Щеки подставлялъ подъ мои туфли, а дѣвокъ тайкомъ соблазнялъ въ дѣвичьей. Трусъ и воръ! Трусъ и воръ!

— Охо-хо-хо! Старичка слабенькаго всякій обидитъ!—жалобно завздыхалъ дѣдъ и лукаво подмигнулъ глазомъ, радуясь, что теперь она, слѣпая, не найдетъ его щекъ.

Водворилась тишина. Въ темной комнатѣ было слышно только, какъ тоскливо воетъ вѣтеръ въ трубѣ, какъ неистово сталъ барабанить дождь въ стекла.

— Господи, что за время! Господи, что за время!—жаловалась съ тяжкимъ вздохомъ старуха, тоскливо мечась головой на креслѣ и сжимая въ отчаяніи кулаки.

— Ничего нѣтъ, какъ есть ничего!—раздалось безнадежное восклицаніе Липочки, и комната опять озарилась свѣтомъ лампы.

— Да, ничего! А я голову готова прозакладывать, что у подлой Евгешки что-нибудь припрятано!—горячо произнесла Симочка.

— О, Господи!.. Припрячешь тутъ!—проворчала хмуро Евгешка, опасаясь за обыскъ своей постели.

Digitized by Google

— Полюбуется братецъ на нашу жизнь!—ехидно замѣтила Симочка.—Ни куска хлѣба, ни свѣчей, ни масла...

— Отецъ, можетъ-быть, раздобудетъ что-нибудь. Прошеніе какому-нибудь сиволапому болвану тамъ составитъ!—сообразила Липочка.

— Нынче и сиволапые поумнѣли, къ заправскимъ адвокатамъ идутъ,—сказала Симочка.—А если добудетъ что, такъ грошъ. Нѣтъ, ужъ пусть лучше братецъ всю прелесть нашей жизни увидитъ. Пусть у него душа перевернется! Грушку тоже поглядитъ, какъ она за корявымъ мужичонкомъ бѣгаетъ, какъ она простой старой бабѣ, какъ матери, угождаетъ. Поди, и теперь тамъ. Ни на ночь, ни на дождь не посмотрѣла, къ полюбовнику своему сбѣжала. Братецъ—офицеръ, братецъ ей покажетъ, что значитъ попять свое благородство.

— Да, да, подождите, этотъ еще послѣднія юбчонки съ васъ сдеретъ,—злобно проговорила бабка.—Старшій обобралъ, что могъ; младшій послѣднее обдеретъ.

— Что это вы въ самомъ дѣлѣ на нашихъ братьевъ взъѣлись!—огрызнулась Симочка.—Если покойный братецъ Костя и кутилъ, такъ это съ горя: видѣлъ, въ какомъ положеніи вы родовое имѣніе оставили, до чего довели нашу фамилію... Росъ, когда вы швыряли деньги направо и налѣво, а когда въ настоящіе годы вошелъ—вы всѣхъ насъ по-міру пустили... даже образованія намъ не дали... будь у насъ образованіе—мы, можетъ-быть, въ гувернантки поступили бы, да свою судьбу нашли бы... Съ васъ все пошло... съ васъ!..

— Слушай, слушай, кто-то ѣдетъ?—перебила ее Липочка, дернувъ за рукавъ.

— Это вѣтеръ,—нетерпѣливо воскликнула Симочка.

— И неправда, неправда! Это ѣдетъ кто-то!—заспорила Липочка.

— А у насъ и свѣчи нѣтъ, чтобы встрѣтить,—сообразила Симочка.—Евгешка, Евгешка, шарь повсюду, а чтобы свѣча была! Хоть огарокъ!

— Хоть зарѣжьте, нѣтъ!—отозвалась Евгешка. — Вотъ чтобы провалиться на этомъ мѣстѣ; вотъ лопни...

— Ищи, ищи, воровка! Припрятала гдѣ-нибудь!..

— Это братецъ, братецъ! Слышите, подъѣзжаютъ къ дому!..

— Да, такъ и есть: остановились!

— Что если братецъ и въ самомъ дѣлѣ не одинъ, а съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей!

Digitized by Google

Барышни и Евгешка, захвативъ лампу, побѣжали въ прихожую, забывъ впопыхахъ даже захлопнуть за собою двери.

— Охо-хо-хо! Что тамъ опять? Горимъ, что ли?—забормоталъ дѣдъ.

— Дуетъ, дуетъ! Вѣрно, дверь не заперли!—заворчала бабка.—Ей ты, старый сычъ, чего не закроешь двери?

— А?.. Что?—спросилъ дѣдъ.

— Двери закрой! Дуетъ!—приказала старуха.

— Не найти мнѣ дверей, лампу унесли, въ комнатѣ темно!—пояснилъ дѣдъ.

— Такъ что же мнѣ помирать отъ простуды, что ли, изъ-за того, что тебѣ темно?—раздражилась старуха.—Чувствуешь, откуда дуетъ, ну и иди туда запирать дверь!

— Убѣжали-то всѣ съ чего?—допрашивалъ дѣдъ.

— Брата встрѣчать побѣжали,—пояснила жена.—Радуются, что еще одинъ разоритель явился. Первый, вѣрно, еще не все промоталъ.

— Охо-хо-хо!—завздыхалъ дѣдъ.—Все, все, нечего больше мотать! Нечего! Все промотано!

— Да затворишь ли ты дверь, старая рохля?—прикрикнула старуха.

— Сейчасъ вотъ иду, сейчасъ вотъ иду!—неторопливо отозвался старикъ и погрозилъ кулакомъ по направленію къ женѣ.

Ему, какъ ребенку, доставляла неизъяснимое удовольствіе возможность грозить ей кулаками, показывать ей языкъ, отплачивая за прошлое. Въ другой комнатѣ раздавались поцѣлуи и звенѣли голоса.

— Братецъ, братецъ, извините, у насъ даже свѣчей нѣтъ!—говорили сестры.

— Полноте, полноте, что-жъ дѣлать, если нѣтъ!—ласково успокоивалъ мужской голосъ, еще не окрѣпнувшій, жиденькій и похожій на писклявый бабій голосъ.

— Неправда, все, все есть! Я все закупилъ, что было приказано!—заявилъ веселый и шумный мужской басъ.—Удача мнѣ сегодня! Дѣло чудесное удалось обтяпать. Дачу дуракамъ-мужикамъ запродалъ. Развалилось все, груды мусора, земля дрянь, а удалось обойти болвановъ. Давно они сватались. Теперь конецъ,—и задатокъ успѣлъ сцапать. Завтра придутъ окончательно порѣшить дѣло.

— О, Господи! вотъ-то бѣда!—раздался вздохъ Евгешки.

Въ комнату, гдѣ сидѣли дѣдъ и бабка, ввалились всѣ

Digitized by Google

остальные члены семьи: бѣлобрысенькій и худенькій офицерикъ съ веснущатымъ лицомъ и золотушными глазками, окруженными синевой, высокій и плотный мужчина съ всклоченными сѣдыми волосами, Липочка, Симочка и Евгешка. Раздались привѣтствія всѣхъ господъ Бирюковыхъ. Барышни съ помощью Евгешки, притащившей чемоданчикъ, сумку и револьверъ молодого барчука, съ лихорадочной поспѣшностью голодныхъ развязывали двѣ привезенныя отцомъ корзинки съ провизіей. Въ корзинкахъ были свѣчи, и булки, и закуски, и бутылки съ виномъ.

— Ну, надѣюсь, ничего не забылъ?—весело заговорилъ по-французски отецъ, обращаясь къ дочерямъ.

Онъ всегда говорилъ по-французски, когда былъ доволенъ дѣлами и могъ держать себя развязно, и всегда въ это время отъ него припахивало виномъ.

— Вонъ, вонъ cher papa ужъ и руки потираетъ отъ удовольствія!—проговорилъ онъ, указывая глазами на Дениса Ивановича, и, фамильярно потрепавъ старика по плечу, спросилъ:—Кутнемъ? А? Старину вспомнимъ!

Старикъ только захихикалъ тихонько, скорчивъ глупую гримасу конфузящагося смиренника съ стыдливо опущенными глазами, и указалъ, качая укоризненно головой, на свою слѣпую жену. Сынъ, подмигивая, лукаво погрозилъ ему пальцемъ.

— Ты, вѣрно, маленькій и тщедушный, какъ дѣдъ,—презрительно говорила между тѣмъ бабка, вслушиваясь въ голосъ внука.—Голосъ жидкій.

— У меня грудь узенькая, бабушка,—извиняющимся тономъ пояснилъ внукъ.—Хворалъ я сильно въ корпусѣ. Маршировка, ружейные пріемы, строевыя ученья, не по мнѣ все это. У меня высшіе взгляды и цѣли...

— Хворалъ теперь, что-жъ послѣ-то будетъ, подъ старость-то?—произнесла бабка, не слушая его.

— Мнѣ до старости не дожить, бабушка,—элегичнымъ тономъ пояснилъ внукъ.—Я недолговѣчный... Я это знаю впередъ и не печалюсь объ этомъ... «Блаженъ, кто жизнь окончилъ рано, кто душу чистою унесъ туда, въ заоблачныя страны, изъ міра вѣчныхъ мукъ и слезъ»...

— Это ты что же, съ билетиковъ на леденцахъ вычиталъ?—презрительно спросила бабка.

— Это стихи моего собственнаго сочиненія, бабушка,—не безъ гордости пояснилъ внукъ.—Я съ десяти лѣтъ сочинять началъ стихи.

Digitized by Google

— Изъ-за нихъ, вѣрно, и заставляли тебя сидѣть по два года въ одномъ и томъ же классѣ за тупость и лѣнь,— насмѣшливо проговорила старуха.

— Я хворалъ подолгу,—напомнилъ жалобно внукъ.

— Въ мое время такихъ кисляевъ не было,—рѣзко сказала бабка.

— Въ бабушкино время все одни борзятники, да разбойники жили,—ядовито вставила Симочка и безцеремонно прибавила:—вы, братецъ, на нее не обижайтесь; она всегда у насъ все такое обидное говоритъ людямъ. Мы, братецъ, иногда глазъ изъ-за нея не осушаемъ.

— Ахъ, братецъ, если бы вы всю нашу жизнь знали, вы бы поняли, что тутъ человѣкъ руки самъ на себя наложитъ даже можетъ,—съ чувствомъ заявила Липочка. — На этотъ сюжетъ не то что стихи, а цѣлый романъ написать можно...

— Господа, господа, соловья баснями не кормятъ,— воскликнулъ весело хозяинъ дома, не обращая вниманія ни на чьи слова.—Теперь самоварчикъ бы скорѣе, да закусить поплотнѣе—отличное дѣло!

— Евгешка, Евгешка,—заволновались барышни, крича въ двери кухни:—ужъ не завалилась ли ты тамъ дрыхнуть въ кухнѣ, чего добраго!

— Чего дрыхнуть?—отозвался грубый голосъ Евгешки изъ кухни.—Самоваръ раздуваю, чтобъ ему провалиться, окаянному...

— Ну, я васъ ждать не стану, проводите меня въ спальню, да принесите туда потомъ чаю и закусить,—сказала, потягиваясь и зѣвая, бабка.

Внукъ бросился помочь ей встать и взялъ ее за руку. Она неожиданно съ брезгливостью выдернула изъ его рукъ свою руку и спросила:

— Съ чего руки мокрыя?

— Потѣютъ онѣ у меня, бабушка,—отвѣтилъ онъ застѣнчиво.

— Такъ вытирай ихъ, прежде чѣмъ людямъ совать. Невѣжа! Кто васъ держать себя въ обществѣ училъ?.. Тьфу! точно лягушку подержала въ рукахъ—холодную, да мокрую!.. Всю ночь топнить будетъ! Ну, что же, ведите меня спать!—прикрикнула она на присутствующихъ.

Липочка и Симочка повели ее подъ руки въ ея спальню.

— Брюзжитъ, брюзжитъ, mon cher!—заговорилъ оживленно Петръ Денисовичъ, указывая сыну глазами на удалявшуюся старуху-мать.—Что дѣлать! что дѣлать! Привыкла повелѣвать.

Digitized by Google

Красоты была неописанной! У ногъ цѣлые эскадроны офицеровъ были. Дворни цѣлыя сотни насчитывались. Милліонами ворочала. Стоило пальцемъ двинуть—и все къ ея услугамъ, всѣ ницъ передъ нею. И умѣла же командовать! Правда, рара, maman умѣла командовать? Да? Нагоняла, небось, страху! Ну, да и рара маху не давалъ по части дѣвичьихъ. Тоже лихимъ кавалеристомъ въ свое время былъ, покатался на своемъ вѣку, какъ сыръ въ маслѣ. Эти самыя крутыя горки и укатали. Теперь вотъ и съежился, и въ землю расти сталъ, а то молодцомъ былъ. Я еще помню. Сто верстъ на лошади, бывало, проскачетъ. Подковы гнулъ. Прежде народъ былъ кряжистый, не нынѣшній!.. Правда, рара, вы вѣдь молодцомъ были?

Петръ Денисовичъ говорилъ, сильно жестикулируя, и въ то же время между разговоромъ раскупоривалъ бутылки и приготовлялъ закуску, пробуя кстати и вино, и ѣду. Вернувшіяся отъ бабушки Липочка и Симочка стали помогать ему и захлопотали около принесеннаго изъ кухни самовара.

— Что это воетъ, сестрицы? — спросилъ молоденькій офицеръ.

— Это вѣтеръ, братецъ. Это у насъ постоянно,— отвѣтили сестры.

— Какъ это непріятно. Это на нервы должно дѣйствовать,—тоскливо проговорилъ онъ, вздрагивая.

— Гдѣ же тутъ, чортъ возьми, колбаски?— воскликнулъ Петръ Денисовичъ, щелкая пальцами.—Этакія маленькія три колбаски съ чесночкомъ? Нарочно приказалъ положить, чтобъ послѣ водочки закусонъ сдѣлать. Не положилъ, вѣрно, каналья Авдулинъ. Вотъ народъ-то. Чуть не доглядишь,— или тухлятины подложитъ, или вовсе не положитъ купленнаго, да еще два раза за одно и то же въ счетъ поставитъ. Я, на мѣстѣ правительства, всѣхъ купцовъ далъ бы на Конной площади...

— Евгешка не скрала ли? Помогала разбирать корзинку и скрала!—сообразила Симочка и понеслась въ кухню.

Тотчасъ же оттуда послышался оживленный діалогъ: «Дыхни, дыхни!»—«Чего мнѣ дыхать?»—«Это ты колбаски съ чеснокомъ слопала?»—«Вотъ чтобы мнѣ на мѣстѣ провалиться, лопни...»—«Врешь, врешь, ты всегда все скрадешь, одноглазая разбойница, а ночью и чавкаешь...» Однако, заслышавъ звонъ ножей и вилокъ въ комнатѣ, неразыскавшая колбасъ Симочка опрометью вернулась къ столу съ ѣдой,

Digitized by Google

ужасаясь при мысли, что безъ него растащатъ и съѣдятъ всю закуску.

— Да, mon cher, все было и всего не стало,—ораторствовалъ Петръ Денисовичъ, пропуская въ ротъ шестую или седьмую рюмку водки.—Теперь изъ-за трехъ пропавшихъ колбасъ готовы горло перервать ближнимъ. Что дѣлать! Что дѣлать! Борьба за существованіе, какъ говоритъ нашъ великій Дарвинъ. Непреложный законъ природы! Ты съѣшь—мнѣ не достанется; значитъ, я и долженъ тебѣ перервать горло, чтобы не ты съѣлъ, а я... Такъ, папахенъ?

Денисъ Ивановичъ молчалъ. Онъ уже опустился, какъ мѣшокъ, и казался теперь какимъ-то ворохомъ стараго и заношеннаго тряпья, изъ котораго выставлялась только безпомощно трясущаяся облѣзлая голова съ глупо-блаженной улыбкой на лицѣ и съ рдѣющимъ, какъ раскаленный уголь, красно-синимъ носомъ-луковицей. Онъ былъ уже совершенно пьянъ.

— Евгешка, Евгешка,—крикнула Симочка:—отнеси вотъ бабушкѣ чашку чаю да булки. Да не сожри дорогой, воровка!

— О, Господи, украдешь тутъ!—вздохнула Евгешка.

— А колбаски кто скралъ? Кто? Я еще накрою тебя!—угрожала Симочка.—Ночь не просплю, а накрою!

— Да, mon cher,—продолжалъ ораторствовать Петръ Денисовичъ, обращаясь опять къ сыну:—голодъ—вотъ главнѣйшій двигатель всего въ мірѣ: геніальныхъ изобрѣтеній, кровавыхъ преступленій, величайшихъ подвиговъ, гнуснѣйшихъ предательствъ, однимъ словомъ, цивилизаціи! Кто не испытатъ голода, тотъ не знаетъ, на что можетъ побудить голодъ!

Онъ осушилъ еще одну рюмку водки.

— Когда я былъ въ Севастополѣ во время русско-турецкой войны,—заговорилъ онъ съ особеннымъ одушевленіемъ.

— А развѣ вы были въ Севастополѣ?—немного изумленно перебилъ его вопросомъ сынъ.

— Гдѣ же я не былъ. И въ Севастополѣ, и въ Парижѣ—небрежно воскликнулъ Петръ Денисовичъ.—Такъ вотъ, когда я былъ въ Севастополѣ, у насъ въ концѣ-концовъ истощились всѣ жизненные припасы, ни мяса, ни хлѣба, ни сухарей, люди грызли подошвы отъ своихъ собственныхъ сапогъ, ловили крысъ живьемъ, пожирали всякую падаль. Нѣсколько дней у меня не было во рту ни маковой росинки. Я изнемогалъ, я готовъ былъ сдѣлаться людоѣдомъ. Вдругъ, во время самаго кровопролитнаго боя, я вижу, лежитъ на землѣ раненый на смерть солдатикъ и въ окровавленной рукѣ алчно

Digitized by Google

скимаетъ ломоть черстваго хлѣба. Я, какъ безумный, бросился къ нему, схватился за хлѣбъ, началась борьба между мною и умирающимъ, я припалъ къ нему на землю, готовый задушить его... и... и...

Петръ Денисовичъ громко икнулъ и пошатнулся.

— И... задушилъ!..—кончилъ онъ едва слышнымъ голосомъ, опускаясь безпомощно на кресло.

— Папа всегда такъ,—равнодушно пояснила Липочка.—Какъ выпьетъ, такъ и начнетъ о своихъ подвигахъ на войнѣ, или о своихъ безкорыстіи и честности говорить. Это ему всегда въ пьяномъ видѣ все такое представляется, чего не было.

— Да, но отецъ вѣдь былъ же военнымъ?—полувопросительно замѣтилъ братъ.

— Да, безъ году недѣлю,— насмѣшливо отвѣтила Симочка.—Только тогда и войны-то никакой не было, и удалили его со службы за то, что проигралъ какія-то солдатскія деньги. Бахвалиться-то только въ пьяномъ видѣ любитъ: я и то, я и се, и Парижъ онъ бралъ, когда и на свѣтѣ-то его не было, и милліоны-то у него были, когда кромѣ долговъ ничего въ сущности и не получилъ онъ отъ дѣдушки и бабушки.

— Такъ вотъ онъ какой!—задумчиво со вздохомъ проговорилъ молоденькій офицерикъ, меланхолическими глазами глядя на заснувшаго въ креслѣ отца, свѣсившаго на грудь лохматую сѣдую голову.

— Изъ-за него и братецъ Костя погибъ,—начала сплетничать на отца Симочка.—Наговорилъ ему съ дѣтства отецъ, что онъ и важный баринъ, и милліонеръ, что Костя съ лучшимъ обществомъ долженъ знаться и отъ богачей не отставать. Костя былъ красивый, горячій, щедрый, гордый, ну и началъ онъ жить не по средствамъ, бросать деньги, кутить, запутался совсѣмъ, а потомъ, какъ все выяснилось, какъ оказалось, что платить за него долговъ не изъ чего, что онъ подлецомъ долженъ передъ людьми оказаться, со стыда да съ горя запилъ,—запилъ, какъ послѣдній пьяница. Такъ мертваго и нашли его на дорогѣ зимою чуть не нагишомъ. Замерзъ въ пьяномъ видѣ. А ему всего двадцать два года было.

— Да и слава Богу, что умеръ, хоть не видалъ того, чего мы насмотрѣлись,—сказала слезливо Липочка.—Какъ мы еще живы, братецъ: и холодъ, и голодъ, а все живемъ; вотъ уже болѣе десяти лѣтъ, какъ мы въ этой развалинѣ

Digitized by Google

живемъ. Какъ только васъ, братецъ, въ малолѣтній корпусъ отправили, такъ мы и перебрались сюда. И чего-чего мы не натерпѣлись здѣсь, и обидъ, и страху. Сперва садъ вырубили, потомъ всякія пристройки снесли, затѣмъ доски стали обрывать съ дому, чтобы хотя обогрѣваться зимой. Одежонка да бѣльишко, что было, все пообносилось, расползлось, скоро послѣднія лохмотья въ корытѣ останутся. А ужъ на какія деньги мы питались—одинъ только Богъ знаетъ. Отецъ въ Лужѣ пробовалъ дѣлами заниматься, работать ничего не умѣетъ, служить не привыкъ, такъ ходатаемъ въ судахъ сдѣлался и всѣхъ какъ есть, кто имѣлъ съ нимъ дѣла, надулъ, такъ что отъ него, какъ отъ огня, стали бѣгать. Извѣстно, онъ и законовъ не знаетъ, и въ срокъ не привыкъ что-нибудь дѣлать. Такъ всѣ дѣла и проигрывалъ. И ужъ какъ пить-то научился во время самаго этого ходатайства по дѣламъ,—такъ это страсть. Еще хорошо, что хоть во хмелю не буйствуетъ, а только бахвалится тѣмъ, какой онъ храбрый да честный. Послушать его, такъ всѣ люди либо трусы, либо подлецы, и всѣхъ въ каторгу упечь слѣдуетъ. Мы такъ его и прозвали Судьей-Соломономъ...

— Ахъ, вы бѣдныя, бѣдныя! сколько вы горя пережили!—съ чувствомъ проговорилъ братъ.—Не думалъ я здѣсь все такое встрѣтить... Точно обухомъ по головѣ пришибло... високъ вотъ заболѣлъ... у меня вѣдь мигрени... съ малолѣтства страдаю... И сами вы похудѣли... поблѣднѣли...

— Похудѣешь тутъ, братецъ! — воскликнули сестры.— Какъ мы еще живы. И наги, и босы, и ѣдимъ впроголодь... Слава Богу, вотъ теперь хоть вы въ офицеры вышли... На васъ вся надежда...

— А гдѣ же сестра Груня?—спросилъ братъ.

— И не говорите, и не говорите, братецъ!—воскликнули обѣ сестры разомъ.

— Это васъ, братецъ, совсѣмъ убьетъ, какъ благороднаго человѣка,—прибавила элегически Липочка.

— Я надѣюсь, что братецъ сумѣетъ по-своему дать Грунькѣ острастку, братецъ — офицеръ и ничего такого не долженъ терпѣть,—увѣренно произнесла Симочка.

— Я не могу въ толкъ взять, что вы хотите сказать, сестрицы,—замѣтилъ въ смущеніи братъ.

— Грушка ведетъ себя совсѣмъ неподобающимъ для благородной дѣвицы образомъ, мундиръ вашъ будетъ марать,— заговорили сестры и стали, сплетничая, перебивать

Digitized by Google

одна другую.—Тутъ у насъ въ верстѣ за нашей дачей деревушка есть «Рогачи». Вы, конечно, не помните, ребенкомъ уѣхали... Мужичонка одинъ Ермолай въ «Рогачахъ» живетъ со старушонкой-матерью. Такъ, совсѣмъ простая старая баба въ сарафанѣ... Грунька познакомилась съ этими мужланами, бѣгаетъ помогать этой самой старушонкѣ, Ермолаевой матери, въ работѣ, съ Ермолаемъ зубы скалитъ... Сперва и брать-то ее не хотѣли, сама навязалась силой въ помощницы, а теперь совсѣмъ простой дѣвкой сама стала... Евгешка разъ застала, какъ Грунька плакала на задворкахъ у Ермолаевой избы, а Ермолай ее по головѣ гладилъ... Если бы мы не дѣвушки были, мы бы, братецъ, могли и болѣе порассказать, но намъ, конечно, и думать объ этомъ позорѣ неприлично... Это намъ Евгешка подлая все передаетъ, а мы, конечно, сами въ такую грязь не можемъ мѣшаться... Только мы отъ Груньки такія дерзости, такія грубости выносимъ, что это слезъ достойно... Никого она въ грошъ не ставитъ... Вы, братецъ, поговорите съ ней, порасспросите ее сами утромъ, когда она придетъ... Она ужъ, вѣрно, до утра и не придетъ...

— Да, да, что-жъ, я, пожалуй, поговорю потомъ,—со вздохомъ сказалъ братъ.—Это точно странно... очень странно... А теперь спать пора... мигрень у меня... отецъ и дѣдъ вонъ давно храпятъ...

— Да, вы, я думаю, устали, братецъ!—сказала Липочка.—Евгешка, Евгешка, проводи барина въ его комнату. Жаль только, что и спать-то на нашей проклятой дачѣ неудобно вамъ будетъ...

Братъ простился съ сестрами и, захвативъ чемоданчикъ, сумку и револьверъ, понуро пошелъ вслѣдъ за Евгешкой, несшей свѣчу.

— О, Господи! Что говорятъ: проклятая дача!—простонала Евгешка.—А продадутъ ее—куда головы приклонить? Да, куда?

— Въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣнутся всѣ—сестры, дѣдушка, бабушка?—растерянно задалъ вопросъ молодой офицеръ, недоумѣло моргая вѣками безъ рѣсницъ.

— Да, то-то я и говорю: куда дѣнутся? Рой могилу и ложись,—безнадежно отвѣтила Евгешка.—Притулить головы некуда. Завтра вотъ продадутъ и шабашъ! Петлю на шею и въ воду. Гдѣ вамъ всѣхъ ихъ содержать.

Они проходили по сѣнямъ, и вѣтеръ, внезапно ворвавшійся въ нихъ, чуть не задулъ свѣчи. Кто-то шмыгнулъ

Digitized by Google

и остановился, словно замеръ, у стѣны. Офицеръ испуганно вскрикнулъ отъ неожиданности.

— Чего вы, батюшка, испужались? Это сестрица Аграфена Петровна съ деревни вернулась!—пояснила Евгешка.

— А! это вы, сестрица,—проговорилъ офицеръ, съ трудомъ переводя духъ послѣ испуга и останавливаясь взглянуть на сестру.

У стѣны, прислонившись къ ней, стояла коренастая дѣвушка лѣтъ двадцати-двухъ, съ опущенной на грудь головою, съ загорѣлымъ лицомъ и темными глазами, смотрѣвшими исподлобья.

— Я, братецъ!—отвѣтила она, немного дичась его, и нерѣшительно, неловко, не сгибая пальцевъ, сунула ему руку, грубую, въ мозоляхъ.

— У кого же вы это въ деревнѣ были, сестрица?—полюбопытствовалъ братъ, всматриваясь въ нее и удивляясь, какъ она похожа на мужичку.—Знакомые тамъ у васъ?

— Мой женихъ тамъ со своею матерью живетъ,—отвѣтила она и вдругъ бойко подняла голову.

Въ глазахъ засвѣтился огонекъ не то вызова, не то веселаго смѣха.

— Женихъ, сестрица? Кто такой?—полюбопытствовалъ братъ.

— Ермолай Корягинъ. Крестьянинъ Ермолай Корягинъ,—отчетливо отвѣтила она, пытливо смотря на золотушное лицо, на подслѣповатые глаза брата.

— Хорошая партія, сестрица!—проговорилъ онъ.

Онъ хотѣлъ такъ «поговорить» съ ней, какъ посовѣтовали ему сестры, и не могъ сказать ничего, кромѣ этой фразы.

— Да, слава Богу, нашлись добрые люди, не побрезговали,—особенно выразительно отвѣтила она и прибавила:— Завтра вотъ, говорили сегодня въ Рогачахъ, нашу дачу купятъ рогачовцы,—у меня хоть будетъ, гдѣ приклонить голову... Работать за эти два года привыкла, такъ знаю, что не погонятъ теперь, какъ дармоѣдку...

Въ ея глазахъ опять блеснулъ недобрый огонекъ.

— Да-а! вотъ вы какъ разсуждаете!—вяло проговорилъ братъ.

— А вы какъ думаете,—рѣзко и вызывающе сказала она.—Гранпасьянцы надо раскладывать, какъ сестрицы раскладываютъ? Жаловаться на холодъ да голодъ и ждать у моря погоды надо, какъ онѣ? Нѣтъ, довольно; насмотрѣ-

Digitized by Google

лась я на все это, насмотрѣлась, вотъ по сихъ поръ довольно съ меня!

Она провела, какъ ножомъ, рукой по горлу.

— Теперь вы полюбуйтесь на нихъ, поживите съ ними; пріютите всю орду у себя. Васъ вѣдь только и ждали. Кто-нибудь да долженъ ихъ кормить, если сами не умѣютъ. Я только на шеѣ ни у кого висѣть не буду, да ужъ никого и къ себѣ на спину не взвалю. А вы вотъ покормите ихъ, послушайте ихъ, какъ онѣ на судьбу будутъ роптать, какъ меня ругать станутъ. Я плевать на нихъ и на ихъ брань хотѣла. Вы такъ это и зарубите себѣ на память. Я жить хочу и буду жить, а на нихъ мнѣ плевать, что бы онѣ ни говорили про меня. Вотъ что!

Она угловато отдѣлилась отъ стѣны и, хлопнувъ дверью, скрылась изъ сѣней.

— О, Господи!—вздохнула Евгешка.—То слезьми прежде, какъ рѣка, разливалась, то напустила теперь на себя отчаянность, хоть сейчасъ на большую дорогу разбойничать идти. Зубъ ка зубъ ругаться готова. Вотъ такъ барышня!

Они вошли въ большую пустую залу со скрипучимъ поломъ и запахомъ сырости и гнили.

— Мебель-то отсюда пожгли прошлой зимой... Диванчикъ вотъ только остался тутъ... Старенькій онъ, а все же ничего, не обвалится, Богъ дастъ... Вы легонькій,—пояснила Евгешка, когда молодой баринъ опустился на заскрипѣвшій подъ нимъ диванъ.

— Да, да, я не тяжелъ,—согласился со вздохомъ офицеръ и сталъ съ усиліемъ стягивать съ ноги длинный сапогъ.

— Я диванчикъ-то къ окну поближе придвинула, чтобъ свѣчку было гдѣ поставить. Столика-то нѣтъ. Порубили всѣ на дрова,—объясняла Евгешка.

— Да, да... Фу ты, Боже мой, какъ усталъ съ этими сапогами биться,—проговорилъ молодой Бирюковъ.

Онъ запыхался отъ усилія, покраснѣлъ и немного смущенно обратился къ Евгешкѣ:

— Помогите мнѣ снять сапоги... Возня съ ними всегда... Самъ безъ денщика никогда не сниму... Тѣсны они очень и длинны...

Евгешка взялась за лѣвый сапогъ юноши, уперлась въ его правую ногу костлявою ногою, обутою на голое тѣло въ рваный опорокъ, и началось усердное сниманіе неудобной обуви съ пыхтѣвшаго отъ усталости барчука. Когда оба сапога были сняты, и Евгешка удалилась, юноша раздѣлся

Digitized by Google

и, прерывисто дыша, легъ на спину на диванъ, который началъ скрипѣть при каждомъ его движеніи, при каждомъ его тяжеломъ вздохѣ, словно жалуясь, что ему на старости лѣтъ приходится держать на себѣ непосильную ношу. Задувъ стоявшую на подоконникѣ свѣчу, молодой Бирюковъ очутился въ полномъ мракѣ. Въ залѣ было холодно и сыро и пахло плѣсенью. «Точно въ могилѣ», мелькнуло въ головѣ юноши, и ему стало жутко. Гдѣ-то въ сосѣдней комнатѣ скрипнули половицы. Послышалось, что въ одномъ изъ угловъ кто-то скребется. Вотъ забѣгали подъ поломъ крысы. Въ форточкѣ засвистѣла и зашелестила отставшая бумажная оклейка, уцѣлѣвшая еще съ прошлогодней зимы. Эти посвистыванія и шелестъ раздражали нервы. Этакая тоска! Зажечь развѣ свѣчу? Бирюковъ хотѣлъ встать и поискать спичекъ. Гдѣ же найти ихъ! У него ихъ нѣтъ, онъ не куритъ. Докторъ запретилъ ему курить. И стоитъ ли зябнуть, отыскивая спички? Еще простуду схватишь. Ахъ, простуда, простуда! Знаетъ онъ, что она значитъ. Въ лагерѣ онъ ее схватилъ впервые: началось гриппомъ—кончилось воспаленіемъ легкихъ. У него легкія и безъ того слабыя. По наслѣдству ему узкая грудь досталась. Мать въ чахоткѣ умерла. Бабушка ее поѣдомъ ѣла. Этакая хоть кого можетъ заѣсть. Сказала: «мокрыя руки!» Развѣ человѣкъ виноватъ, что у него мокрыя руки? Да, такая можетъ заѣсть хоть кого, не мудрено, что она и его мать заѣла! И онъ въ чахоткѣ умретъ. Что-жъ, пускай! Стоитъ ли и жить тщедушному, худосочному, золотушному, больному? Вотъ если бы сотни тысячъ ему имѣть, тогда было бы другое дѣло. Поѣхалъ бы онъ на Мадеру, на Принцевы острова, въ Каиръ. Тоже, говорятъ, хорошо на Лаго Маджіоре, на Баромейскихъ островахъ. Впрочемъ, съ деньгами вездѣ хорошо. Вотъ и эту дачу съ деньгами можно бы такъ отдѣлать, что и не узнать бы ее, а ужъ на что рухляды!.. Да, рухлядь, а что же будетъ, когда и этой рухляди его семья лишится? Куда всѣ пойдутъ? И какъ они довели до такого положенія и себя, и свою собственность? Отецъ говоритъ: «милліоны у нихъ были». Положимъ, онъ много привираетъ, выпилъ онъ сегодня, потому и лгалъ про Севастополь, про дѣла, про бабку и про все такое. Никакихъ милліоновъ никогда не было, а все же были и деньги, и земля. Все промоталось, все прахомъ пошло. И кто началъ мотать, откуда пошло разоренье? Бабка жуировала, дѣдъ маху не давалъ, отецъ бездѣльничалъ, братъ шикарилъ. А теперь что? Продадутъ

Digitized by Google

вотъ эту дачу — и конецъ, послѣдняго не станетъ, по-міру придется идти. Только сестра Груша и не пойдетъ по-міру. Ну, да что же за радость и ея судьба? Изъ благородной мужичкой сдѣлаться! Безстыжей она стала, вотъ и все ея счастье! Онъ тоже по-міру не пойдетъ... Да, а что какъ сестры, отецъ, дѣдъ и бабка навяжутся ему на шею? Тогда что онъ запоетъ? Сестры говорятъ: «на васъ, братецъ, вся надежда». Грушѣ они не навяжутся, она отгрызется, а онъ—развѣ онъ вынесетъ, если они плакать будутъ, если они приставать къ нему будутъ?.. Его замучитъ одно сознаніе, что они, его родные, голодаютъ, гибнутъ безъ крова, ходятъ по-міру... Наконецъ у него мундиръ: мундиръ его они будутъ марать, нищенствуя... Честь мундира надо оберегать! Всю жизнь теперь его будетъ преслѣдовать, какъ кошмаръ, образъ этихъ гибнущихъ, безпомощныхъ людей... всю жизнь!.. А долга ли будетъ эта жизнь-то, съ разрушающимися легкими, съ исходящею кровью и вдавливающеюся грудью? И чего желать: того ли, чтобъ она была долга, того ли, чтобъ она пресѣклась скорѣе? Пресѣчь, впрочемъ, ее легко всегда, когда захочешь... Взялъ вотъ револьверъ и конецъ... Вотъ тутъ онъ рядомъ со свѣчой на подоконникѣ лежитъ...

Онъ началъ дремать...

Его разбудили довольно громкіе мужицкіе голоса. Сразу онъ не понялъ, гдѣ онъ и гдѣ это говорятъ. Потомъ въ полуснѣ понемногу сообразилъ: «вѣрно подъ окномъ говорятъ». Въ это окно уже проникалъ сѣроватый свѣтъ ненастнаго осенняго утра. «Безрадостный разсвѣтъ безрадостнаго дня на родинѣ меня привѣтствуетъ уныло и тамъ, гдѣ колыбель качалася моя, зіяетъ сумрачно разрытая могила», пронеслось въ его головѣ. «Что это? вспомнилось чье-нибудь чужое или свое созрѣваетъ что-то? Не разобрать. Въ головѣ точно свинецъ. А-ахъ, поспать еще». Владиміръ Петровичъ чувствовалъ себя словно разбитымъ—у него ныла спина, ломило грудь. Онъ еще разъ уныло посмотрѣлъ на безрадостный и тусклый разсвѣтъ и снова устало закрылъ глаза. Подъ окномъ продолжали громко говорить:

— Спятъ еще!.. Извѣстно, господа, чего имъ съ пѣтухами вставать... Говорилъ: «приходите пораньше», а вотъ спятъ...—говорилъ одинъ голосъ.

— На сломъ какъ есть все пойдетъ... земля-то только способная, отъ насъ рукой подать, — замѣтилъ другой голосъ.

Digitized by Google

— А старики говорятъ, прежде важнѣющая постройка была,—промолвилъ третій голосъ.

— Стариковъ-то послушать, такъ прежде все хорошо было, берега кисельные, рѣки медовыя. Мы только что-то этого не видывали,—послышалось замѣчаніе.

— Было, вѣрно, да все вышло...—пошутилъ кто-то.— Смотри, смотри, бревна и тѣ пальцемъ ткни—разсыплются.

— Ш-шъ! Спитъ кто-то... въ комнатѣ-то, тутo-тка у окна... Ишь, военный, должно-быть, погоны золотые... изъ себя точно мальчонка, мозглявый, безъ усовъ, безъ бороды...

При этихъ словахъ чье-то бородатое лицо заглянуло въ окно комнаты.

— Брысь ты, вотъ пужнетъ онъ тебя, такъ отъ окна-то отскочишь,—припугнулъ кто-то любопытнаго.

— Чего отскочишь?—огрызнулся любопытный мужикъ.— Домъ-отъ-то теперь почитай, что нашъ, задатокъ Петра Денисовичъ получилъ, значитъ и шабашъ. Сегодня покончимъ и ломать начнемъ.

— Куда же сами переберутся?—спросилъ кто-то.

— Ихъ дѣло, чего намъ,—послышался отвѣтъ.

«Да, куда же переберутся?—мелькнуло въ головѣ Владиміра Петровича.—Какъ совершится эта окончательная продажа дома, это переселеніе семьи? Страшно и подумать. А что будетъ послѣ, послѣ? Голодъ, нищета? На меня навалятся... «На васъ, братецъ, вся надежда»... «Полюбуйтесь теперь на нихъ»,—сказала Груша... Нѣтъ, нѣтъ, лучше ужъ не видать ничего. Умереть—уснуть»...

— Ай, что это, братцы! слыхали?—раздалось пугливымъ шопотомъ восклицаніе передъ домомъ.

— Смотри, смотри, это офицеръ-то... Фью, прямо въ високъ!—раздался другой голосъ.

— Вотъ такъ штука!.. Пойдемъ, братцы, скорѣе, можетъ, живъ еще сердечный! Петра Денисыча оповѣстить надо, спитъ, вѣрно, еще! Вчера хвативши немного былъ въ Лужѣ-то на рукобитьи...

И вся толпа мужиковъ двинулась въ сѣни бирюковской дачи. Тамъ всѣ еще спали крѣпкимъ утреннимъ сномъ. Крѣпче же всѣхъ спалъ на своемъ скрипучемъ диванѣ Владиміръ Петровичъ съ прострѣленнымъ навылетъ виском.

Digitized by Google

III.

Исторія дурака.

Онъ былъ дуракъ. Это еще не бѣда, потому что дуракамъ—счастье. Скверно то, что онъ не принадлежалъ къ числу смиренно сознающихся въ своей глупости дураковъ, а надменно воображалъ, что онъ умный. Такіе дураки не могутъ разсчитывать на счастье. Онъ и не былъ счастливъ, по крайней мѣрѣ, ему никто и никогда не завидовалъ.

Его родители начали замѣчать, что онъ глупъ, когда ему минуло семь лѣтъ. Въ это время онъ бросился однажды въ прудъ спасать брошеннаго туда кѣмъ-то щенка. Онъ едва не утонулъ самъ, перепачкалъ и перемочилъ свое новенькое платье, и послѣ долгихъ усилій съ торжествующимъ видомъ, съ щенкомъ въ рукахъ, явился домой.

— Дурракъ!—съ презрѣніемъ пробормоталъ его отецъ, выслушавъ его разсказъ о спасеніи щенка.

Его заперли на цѣлый день одного въ дѣтскую, оставили безъ обѣда, но онъ былъ настолько глупъ, что даже не раскаялся въ своемъ поступкѣ, и, когда его выпустили изъ заключенія, прежде всего спросилъ:

— Кормили ли собачку?

На будущность такого ребенка нельзя было возлагать надеждъ.

Второй поступокъ, показавшій еще яснѣе его глупость, былъ совершенъ имъ на девятомъ году жизни: онъ увидалъ, что пять мальчишекъ напали на маленькую дѣвочку и стали ее бить, отнимая у нея лакомства. Онъ вступился за дѣвочку и, засучивъ рукава, принялся за рукопашную расправу съ ея врагами. Воспользовавшись удобной минутой, дѣвочка спаслась бѣгствомъ, а ему подбили глазъ, встре-

Digitized by Google

пали волосы и разорвали воротъ у рубашки. По своей глупости онъ, вѣроятно, не предвидѣлъ такого исхода, взявъ на себя роль заступника дѣвочки передъ врагами, болѣе сильными, чѣмъ онъ. Умный человѣкъ разсчиталъ бы, насколько силенъ противникъ, и прошелъ бы мимо.

Когда онъ пришелъ домой, его отецъ только всплеснулъ руками и замѣтилъ женѣ:

— Взгляните вы на этого дурака, въ какомъ онъ видѣ!

Мать дурака чуть не упала въ обморокъ.

— Ничего, я ее-таки отстоялъ! Они тоже будутъ меня помнить!—говорилъ въ волненіи дуракъ, разсказывая свой геройскій подвигъ.

— Боже мой, что̀ изъ этого болвана выйдетъ! — приходилъ въ отчаянье отецъ.

— Это какой-то Донъ-Кишотъ! — воскликнула болѣзненная мать.

Но хуже всего было то, что этотъ дуракъ чуть не поссорилъ своихъ отца и мать съ однимъ изъ лучшихъ ихъ друзей. Этотъ другъ, не мало содѣйствовавшій имъ по залогу ихъ имѣній, имѣлъ маленькую слабость: онъ являлся слишкомъ часто въ гости и иногда не во̀-время. Это не могло не раздражать иногда хозяевъ, хотя они и продолжали видѣть въ немъ своего лучшаго друга, и потому нерѣдко при его визитахъ замѣчали:

— Ахъ, опять притащился! Вѣчно придетъ не во̀-время! И вѣдь видитъ, что его не принимаютъ, а все-таки лѣзетъ! Понять не можетъ, что онъ только мѣшаетъ!

Дуракъ ежедневно слышалъ эти фразы отъ отца и матери и въ одинъ прекрасный день, когда лакей вѣжливо сказалъ другу дома, что «господа-съ уѣхали», дуракъ взглянулъ прямо въ лицо гостю и отчетливо проговорилъ:

— Папа удивляется, зачѣмъ вы лѣзете къ намъ, когда васъ не принимаютъ. Ужъ если всегда говорятъ, что нѣтъ дома, такъ и перестали бы ходить!

Но этого мало.

Возвратившись въ комнату, дуракъ на вопросъ отца: «уѣхалъ ли гость?» торжественнымъ тономъ заявилъ:

— Онъ ужъ теперь не полѣзетъ надоѣдать! Я ему сказалъ, что стыдно ѣздить туда, гдѣ не принимаютъ!

Отецъ вскочилъ, какъ ужаленный, и схватилъ сына за плечо.

— Ты... ты это сказалъ ему... въ глаза?—крикнулъ онъ, тряся мальчика.

— Да, ужъ теперь не пріѣдетъ!—отвѣтилъ дуракъ, по-

Digitized by Google

видимому, изумившись, что отецъ такъ больно трясетъ его за плечо.

— Боже, это весь уѣздъ, вся губернія узнаетъ!—воскликнула мать, хватаясь за голову.

Дуракъ не понималъ ни своей вины, ни положенія своихъ родителей. А имъ нужно было въ скоромъ времени перезаложить черезъ своего друга еще одно имѣніе.

— Уберите его, уберите съ глазъ моихъ долой, не то я не знаю, что я съ нимъ сдѣлаю!—кричалъ отецъ, отбрасывая отъ себя дурака.

Дѣйствительно, его нужно было убрать съ глазъ долой, чтобы онъ не надрывалъ сердца родителей. Его отправили куда-то далеко-далеко въ училище на полный пансіонъ.

Съ перваго раза онъ произвелъ на всѣхъ—на гувернеровъ, на учителей и на товарищей—отличное впечатлѣніе. Выросшій въ деревнѣ, жившій больше въ лѣсу, чѣмъ въ комнатѣ, недоступный по своей глупости угрызеніямъ совѣсти за свои поступки, онъ смотрѣлъ бодрымъ, румянымъ, сильнымъ и здоровымъ мальчуганомъ. Съ перваго раза всѣ нашли даже, что у него живые и бойкіе синіе глаза, что у него откровенное и доброе выраженіе лица, что онъ не глупо и точно отвѣчаетъ на вопросы, но, къ сожалѣнію, разочарованіе настало скоро.

Какъ всѣ тупоумные дураки, онъ началъ досаждать своимъ гувернерамъ и учителямъ своими «это отчего?» «почему это такъ, а не этакъ?» «что это такое?» «какъ это дѣлается?» Недостатокъ ума и сообразительности сказался тотчасъ же.

Русскій учитель диктовалъ классу стихотвореніе:

«Птичка Божія не знаетъ
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свиваетъ
Долговѣчнаго гнѣзда.»

— Это онъ вретъ,—вдругъ выпалилъ дуракъ.—У насъ въ деревнѣ птицы всегда вили гнѣзда, такъ, бывало, хлопочутъ, хлопочутъ, даже драку поднимутъ...

— Извольте молчать, когда вамъ диктуютъ! — крикнулъ учитель.—Туда же свои дурацкія замѣчанія дѣлаетъ!

Другой разъ вышла еще глупѣе исторія. Въ классѣ читали стихи, вдругъ дуракъ обращается къ учителю и спрашиваетъ:

— Петръ Ивановичъ, что значитъ: «бразды пушистыя вздымая?»

Digitized by Google

— Если вы ничего не понимаете, такъ хоть умѣйте языкъ держать за зубами,—отвѣтилъ учитель.

У законоучителя дуракъ спрашиваетъ:

— А какъ чудеса дѣлаются? А какое яблоко дала Ева Адаму? А можно ли теперь яблоки ѣсть? А какъ змѣя ходила, прежде чѣмъ ей на брюхѣ ползать велѣно? А отчего мы не по-русски молитвы читаемъ? А отчего священники не стригутъ волосъ?

— Дуракъ, потому и глупые вопросы предлагаешь! А ты учись, да не спрашивай! А то дуракъ, такъ дуракъ и есть,— отвѣчалъ законоучитель, видя не только глупость, но и назойливость ученика, мѣшавшаго правильному теченію преподаванія.

Впрочемъ, яснѣе всего высказалась его глупость во время урока ариѳметики: классъ рѣшалъ устно задачи. Учитель прочелъ слѣдующую задачу:

— Пятерымъ мальчикамъ дали по четыре яблока; одинъ изъ нихъ отнялъ у одного всѣ яблоки, у другого три, у третьяго два и у четвертаго одно; сколько стало у него яблоковъ?

— А они и не поколотили его за это?—вдругъ спросилъ дуракъ.

Классъ разразился смѣхомъ, но учитель вышелъ изъ себя за это полное невниманіе ученика къ предмету занятій. Учитель только послѣ убѣдился, что подобныя выходки мальчугана происходили не отъ невниманія, а просто отъ крайней его глупости.

Правда, ученики долго оставались въ дружескихъ отношеніяхъ съ дуракомъ, но это именно и происходило оттого, что они вполнѣ поняли его глупость и потѣшались надъ нимъ.

Какъ-то изъ дому прислали ему гостинцевъ и денегъ; одинъ мальчуганъ, всѣми загнанный, всегда смиренный, всегда робкій, всегда заискивающій, началъ ему говорить:

— Вотъ ты счастливецъ, тебѣ все присылаютъ! Нѣтъ, мнѣ не пришлютъ: я сирота, и здѣсь-то изъ милости держатъ.

— Такъ ты и бери у меня, что тебѣ надо! — отвѣтилъ дуракъ.

Тотъ все и взялъ, и вечеромъ смѣялся, угощая своихъ товарищей, надъ тѣмъ, какъ онъ «Лазаря спѣлъ», и какъ такъ развѣсилъ уши. Но дуракъ, видя, какъ весело

Digitized by Google

смѣется бѣдный сирота въ кругу своихъ пріятелей, былъ совершенно доволенъ.

«Вонъ какой пиръ устроилъ, — разсуждалъ онъ: — а съѣлъ бы я одинъ все—и веселья не было бы».

Другіе товарищи обращались всегда къ нему, когда имъ была нужна защита, такъ какъ онъ былъ силенъ, и обыкновенно синяки, долженствовавшіе украшать ихъ, являлись на немъ за его геройство, но чаще всего его избирали депутатомъ, когда весь классъ отказывался отвѣчать трудный урокъ, когда въ щахъ появлялись тараканы, и нужно было поднять бунтъ противъ эконома, когда, наконецъ, нужно было пожаловаться директору на несправедливо поставленные какимъ-нибудь учителемъ баллы. Дуракъ брался смѣло и горячо за всѣ подобныя дѣла, отсиживалъ въ карцерѣ, выдерживалъ порки—и не раскаивался, а даже гордился по своей глупости своимъ заступничествомъ за товарищество.

— Если бы въ васъ была хоть капелька здраваго смысла, то вы бы поняли, куда ведетъ васъ ваше поведеніе,—говорилъ однажды директоръ стоявшему передъ нимъ дураку, уже насчитывавшему семнадцать лѣтъ жизни. — Васъ въ концѣ концовъ могутъ исключить изъ училища!

— Я, кажется, никогда не сдѣлалъ никакой подлости,— отвѣтилъ дуракъ.

— Съ вами говорить нельзя, потому что вы не понимаете, что вамъ говорятъ! Вы не подлости дѣлаете, но вы ведете себя возмутительно глупо, пошло, героя какого-то разыгрываете, впутываетесь не въ свои дѣла.

— Я стою за товарищество,—отвѣтилъ дуракъ.

— Здѣсь нѣтъ-съ товарищества, здѣсь есть ученики и начальство, и первые должны исполнять требованія второго! Вотъ и все! Помните это, да кстати помните и то, что вы вылетите отсюда за первую новую продѣлку.

И вѣдь вылетѣлъ—не внялъ умнымъ совѣтамъ и вылетѣлъ. И еще за что же?

Какъ-то вечеромъ въ воскресный день онъ гулялъ по городскому бульвару и вдругъ услышалъ слабые женскіе крики:

— Ахъ, оставьте меня! Ахъ, что же вы ко мнѣ пристаете! Какъ вамъ не стыдно? Я совсѣмъ не такая, и даже напротивъ!—пищалъ женскій голосъ.

Этого было довольно, чтобы дуракъ бросился на помощь: впотьмахъ онъ увидалъ мужчину, старающагося обнять защищавшуюся отъ него дѣвушку. Дуракъ налетѣлъ на муж-

Digitized by Google

чину, не поглядѣлъ даже, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, толкнулъ его кулакомъ въ грудь и сшибъ съ ногъ. Но противникъ успѣлъ вцѣпиться въ него, и произошла свалка, привлекшая вниманіе прохожихъ. Когда борцовъ розняли,— они увидали, что они знакомые: избитый ловеласъ былъ гувернеръ дурака. Этотъ скандалъ дорого обошелся обоимъ: гувернеръ потерялъ мѣсто, а дуракъ получилъ отпускную изъ учебнаго заведенія и могъ теперь возвратиться на отдыхъ въ домъ своего отца. Такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ несчастнымъ своего гувернера, повредилъ себѣ и помѣшалъ дѣвушкѣ завести интрижку.

— Дуракъ этакій, — говорила она. — Оскандалилъ меня попусту, а ужъ тотъ совсѣмъ готовъ былъ за мною идти...

Дуракъ лишилъ ее вечерняго заработка, потому что она только тѣмъ и жила, что̀ перепадало ей отъ заигрывающихъ съ дѣвушками господъ.

Къ счастію отца и матери дурака, они были избавлены судьбою отъ новаго горя: они уже лежали въ могилѣ, когда выгнали изъ училища ихъ сына, и блудный сынъ засталъ въ своемъ деревенскомъ домѣ только своего старшаго брата съ семьею и своихъ старшихъ сестеръ-дѣвицъ. Онъ поселился здѣсь, такъ какъ въ имѣніи была и его доля. Его обманчивая наружность заставила семью ошибиться на его счетъ, и родные приняли его радушно, видя въ немъ откровеннаго, простого и веселаго, добраго малаго. Сестры даже сразу сдѣлали его повѣреннымъ своихъ тайнъ, а молоденькая жена его брата какъ-то особенно нѣжно пожала его руку. Братъ оказался менѣе нѣжнымъ, но и онъ сказалъ ему довольно привѣтливо:

— Ну, вотъ вмѣстѣ хозяйничать будемъ! Все же поможешь, а то одному трудно...

Но разочарованіе настало быстро.

— Вы чѣмъ же здѣсь занимаетесь?—спрашивалъ пріѣзжій у сестеръ.

— Ахъ, скука такая, никто почти не ѣздитъ къ намъ, самихъ никуда не вывозятъ, братъ все съ мужиками возится,—тараторили сестры.

— Да дѣлаете-то вы что?—спрашивалъ пріѣзжій.

— Что-жъ намъ дѣлать? Отъ скуки музыкой вотъ занимаемся, вышиваемъ, читаемъ...

— Немного же у васъ дѣла.

— Что-жъ, намъ полы, что ли, мыть?—обидѣлись сестры.

— Да мало ли дѣла есть; нашли бы, если бы захотѣли...

Digitized by Google

Учились бы чему-нибудь, ребятишекъ учили бы, подготовились бы къ какой-нибудь дѣятельности, хоть бы бабничать научились...

— Ахъ, ты совсѣмъ мужикъ!.. Бабничать! Вотъ-то выраженія у тебя! Бабничать!..

Вечеромъ барышни играли на фортепьяно.

— Да вы и играть-то не умѣете, — замѣтилъ братъ. — Допотопные романсы какіе-то бренчите...

Барышни надулись.

— Я вѣдь вамъ говорила, что вы небрежно относитесь къ музыкѣ,—замѣтила жена ихъ старшаго брата.—Музыка требуетъ серьезнаго отношенія, ей нужно отдаться душою или лучше вовсе не играть...

— Да, это правда,—замѣтилъ пріѣзжій.—Такъ-то играть только время терять: ни себѣ, ни людямъ удовольствія нѣтъ.

— Это ты потому такъ говоришь, что сама не умѣешь играть,—накинулись барышни на жену брата.

— Да, не умѣю и не стану бренчать, какъ вы, не чувствуя въ себѣ призванія къ музыкѣ,—отвѣтила она.

— И потому и завидуешь другимъ, кто играетъ,—горячились дѣвушки.

— Только не вамъ. Я завидую тѣмъ, у кого есть способности, потому что человѣку позволительно сожалѣть о томъ, что у него нѣтъ тѣхъ или другихъ способностей. Хуже, когда человѣкъ вполнѣ доволенъ собою и не видитъ, чего ему недостаетъ...

Хозяйка встала и предложила брату своего мужа прогуляться по саду.

Они пошли.

— Ахъ, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ тяжело здѣсь жить,—говорила она ему, взявъ его подъ руку.— Ты видишь, какъ пусты и какъ капризны твои сестры; твой братъ вѣчно возится и ссорится съ мужиками, стараясь утянуть лишній грошъ; мнѣ не съ кѣмъ поговорить, не съ кѣмъ посовѣтоваться... Я такъ рада твоему пріѣзду: ты свѣжій, живой человѣкъ.. Я надѣюсь, что ты будешь моимъ другомъ...

— Я всегда готовъ тебѣ помочь, какъ сумѣю, — отвѣтилъ дуракъ, гордясь уже въ душѣ, что его избираютъ другомъ и совѣтникомъ.

Жена его брата крѣпко пожала ему руку. Они дошли до берега рѣки и присѣли на скамью.

— Это мое любимое мѣсто,—сказала она.—Сюда я часто

Digitized by Google

ухожу отъ домашнихъ сценъ и дрязгъ, и при видѣ этой широкой дали, при видѣ этой рѣки, уносящей куда-то свои волны, мнѣ хочется бѣжать и бѣжать отсюда, отъ этой узкой животной жизни, отъ этихъ эгоистическихъ расчетовъ и окунуться съ головой въ водоворотъ полезной общественной дѣятельности...

— За какую же дѣятельность хочешь ты взяться?—спросилъ серьезно дуракъ.

— Развѣ я знаю!—воскликнула она. — Мнѣ еще нужны указанія, совѣты, подготовка... Ты, милый мой, подумаешь когда-нибудь со мною объ этомъ? Да? поговоримъ, поищемъ вмѣстѣ, авось до чего-нибудь и додумаемся! Я въ тебя вѣрю. Ты выглядишь такимъ энергичнымъ, сильнымъ...

Она припала къ его плечу.

— Мнѣ такъ хорошо съ тобою,—прошептала она.—Зачѣмъ я не знала тебя прежде, я никогда не вышла бы замужъ за твоего брата.

— Ты его не любишь?—спросилъ дуракъ.

— Нѣтъ... теперь не люблю...

— А прежде?

— Прежде я была дѣвочкой, меня обманула его наружность... Но теперь, когда я увидала тебя, я перестала его любить...

Она обняла дурака.

— Полно, — тихо проговорилъ онъ, слабо отстраняя ее.—Поговоримъ серьезно о твоихъ планахъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу теперь ни о чемъ говорить, я хочу любоваться тобою,—горячо воскликнула она.

— Ну, если мы амурами будемъ заниматься, такъ пользы изъ этого выйдетъ мало, и твоя жизнь сдѣлается отъ этого еще хуже.

— Что мнѣ за дѣло, если я полюбила тебя!

— Ты вспомни, что я съ братомъ въ хорошихъ отношеніяхъ и обманывать его не желаю, да и серьезнаго изъ нашей любви не можетъ ничего выйти, потому что я передъ тобою еще совсѣмъ мальчишка...

— Что-жъ, ты меня старухой, что ли, считаешь? — нѣсколько раздражительно замѣтила жена его брата.

— Нисколько... Но все же мы не пара, и было бы подло съ моей стороны, если бы я сталъ увѣрять тебя, что я могу серьезно любить тебя; играть же въ любовь съ замужней женщиной и притомъ съ женой брата—это ужъ чортъ знаетъ что такое...

Digitized by Google

Она надулась.

— Ну, такъ что же ты придумала насчетъ своего будущаго?—спросилъ дуракъ.

— Ахъ, отстань, пожалуйста!—сердито проговорила молодая женщина.—Очень тебя интересуетъ мое будущее!

— Отчего же нѣтъ? Ты сама же сказала, что ты видишь во мнѣ теплыя отношенія къ людямъ...

— Да, только не ко мнѣ!.. Сперва разнѣжничался, влѣзъ въ душу, вскружилъ мнѣ голову, а потомъ, когда я увлеклась,—прочелъ мнѣ грубую нотацію... Рудинъ!..

Въ ея голосѣ слышались слезы.

— Я увлекалъ тебя?—воскликнулъ ничего не понимавшій дуракъ.

— Да, да... Развѣ я не видѣла, какіе взгляды ты на меня бросалъ, какъ крѣпко ты пожималъ мнѣ руку, какъ становился на мою сторону въ спорахъ съ сестрами. Я живу въ деревнѣ, меня обмануть легко... Я, конечно, ничего не скажу своему мужу, но ты оскорбилъ меня, ты сдѣлалъ меня несчастною...

Она уже рыдала.

Дуракъ только пожалъ плечами, не попросилъ извиненія, не поцѣловалъ ея руки, не расцѣловалъ ея заплаканныхъ глазъ.

— Я вижу, что ты совсѣмъ съ ума сошла,—грубо проговорилъ онъ и, поднявшись съ мѣста, ушелъ.

Черезъ минуту она подняла голову, осмотрѣлась и, увидавъ, что ея спутника уже нѣтъ, воскликнула съ полнымъ презрѣніемъ:

— Господи, вотъ-то дуракъ!

Съ этого времени все женское населеніе дома вооружилось противъ дурака и стало относиться къ нему съ полнѣйшимъ презрѣніемъ и ядовитою ироніею. Когда онъ входилъ въ комнату, молодыя женщины начинали хихикать. Но дуракъ не обращалъ никакого вниманія на выходки женщинъ и смотрѣлъ на нихъ, какъ на надоѣдливыхъ мухъ. Впрочемъ, большую часть дня онъ проводилъ внѣ дома: онъ или читалъ книги, лежа гдѣ-нибудь въ лѣсу, или занимался съ мужиками разными толками, находя, должно-быть, болѣе подходящимъ для себя общество неотесанныхъ лапотниковъ, чѣмъ общество образованныхъ людей. Онъ даже учился у мужиковъ разнымъ занятіямъ, пробовалъ подковывать лошадей, принимался косить, помогалъ въ починкѣ изломаннаго моста.

Digitized by Google

— Гдѣ ты по цѣлымъ днямъ пропадаешь? — сердился на него братъ.—Не худо бы мнѣ по хозяйству помочь, да поучиться, какъ надо хозяйничать.

— Ну, братъ, у тебя многому не научишься,— отвѣтилъ дуракъ. — Такъ-то хозяйничать, какъ ты, и Держиморда сумѣлъ бы.

— Какой Держиморда?—спросилъ братъ.

— А тотъ, что скулы мужикамъ сворачивалъ,—отвѣтилъ дуракъ, вѣроятно убѣжденный, что онъ сказалъ остроумную фразу.

Братъ очень разсердился.

— Такъ я Держиморда! Такъ я только скулы умѣю сворачивать! —кричалъ онъ.—Ну, такъ знай же, что я не намѣренъ ихъ сворачивать для такого дармоѣда, какъ ты. Отдѣляйся отъ меня и хозяйничай самъ, какъ знаешь! Отецъ раздѣлилъ насъ еще при жизни, онъ оставилъ тебѣ «Березовку»—и я, какъ ты знаешь, занимался въ ней хозяйствомъ только для твоей же пользы. Проси себѣ другого попечителя и убирайся изъ моего дома.

Дуракъ очень обрадовался. Теперь онъ могъ дурить, сколько его душѣ угодно. Попечителю, взятому съ вѣтра, что за дѣло до его глупостей! Рѣшился дуракъ хозяйствомъ не заниматься, а сдать землю въ аренду мужикамъ на то время, покуда онъ будетъ учиться. Ну и, конечно, продешевилъ по глупости: гдѣ бы можно взять тысячи, а онъ взялъ только какихъ-нибудь пятьсотъ рублей съ мужиковъ. Умные люди не могли не замѣтить ему, что онъ отдаетъ землю слишкомъ дешево, а онъ только одно и отвѣчаетъ:

— Съ меня довольно!

Послѣ ужъ сосѣди замѣчали его старшему брату, показывая на голову:

— Вашъ братъ, кажется, немного того!

— Да просто дуракъ, совсѣмъ дуракъ!—отвѣчалъ братъ, пожимая плечами.

А дуракъ и не тужитъ, очень доволенъ своею сдѣлкой и не замѣчаетъ, что его мужики надули.

Поѣхалъ онъ въ столицу приготовляться къ экзамену, и узналъ братъ, что дуракъ не въ университетъ, не въ академію поступилъ, а въ технологи пошелъ — лучшаго ничего выбрать не могъ, точно кузнецомъ думалъ сдѣлаться.

Долго о немъ не было ни слуху, ни духу, какъ вдругъ узнаетъ братъ, что дуракъ въ свою «Березовку» пріѣхалъ и хочетъ продавать ее. Поспѣшилъ братъ къ нему, не желая

Digitized by Google

чтобы «Березовка» попала въ чужія руки. Пріѣзжаетъ — дурака и узнать нельзя: возмужалъ, загорѣлъ, бородой обросъ — мужикъ-мужикомъ смотритъ.

— Я слышалъ, что ты «Березовку» продавать хочешь,— сказалъ братъ.

— Да, продаю,—отвѣтилъ дуракъ.

— Какъ же ты мнѣ не написалъ объ этомъ, я бы охотно купилъ ее.

— Да у меня ужъ есть покупатели.

— Кто это?

— Мои арендаторы берутъ.

— Опять надуютъ тебя, грошъ дадутъ.

— Дадутъ, сколько мнѣ нужно...

— Да развѣ можно продавать имѣнія за столько, сколько нужно? Нужно брать столько, сколько они стоятъ.

— Ну, а я возьму столько, сколько мнѣ нужно,—отвѣтилъ дуракъ.

— Что-жъ ты дурака передъ ними хочешь разыграть или облагодѣтельствовать ихъ желаешь?—засмѣялся съ досадой братъ.

— А ужъ это мое дѣло, ради чего я такъ поступаю,— отвѣтилъ спокойно дуракъ, котораго по обыкновенію ничто не пронимало.

Толковалъ-толковалъ съ нимъ братъ и плюнулъ.

— Ты не просто дуракъ, а идіотъ, въ сумасшедшій бы домъ тебя надо упрятать или подъ опеку бы отдать,—сказалъ онъ.

— Что-жъ, попробуй, — усмѣхнулся дуракъ, словно подразнивая брата.

Братъ уѣхалъ.

Продалъ дуракъ за-ничто свое имѣніе мужикамъ и поѣхалъ служить на какой-то заводъ, тогда какъ могъ бы жить себѣ бариномъ безъ всякой работы и заботы. Да, наконецъ, если ужъ очень хотѣлось благодѣтеля разыгрывать,—ну, далъ бы приданое сестрамъ, племянниковъ своихъ, дѣтей брата, наградилъ бы, а то такъ совсѣмъ чужимъ за-ничто отдалъ землю, а тѣ ему, можетъ-быть, и спасибо-то не сказали, хотя они и по сю пору самыми богатыми мужиками въ губерніи послѣ его подарка слывутъ. Впрочемъ, ему ужъ, видно, такъ на роду было написано дѣлать весь вѣкъ глупости и умереть отъ глупости.

Дѣло въ томъ, что около завода, гдѣ онъ служилъ, не было школы. Конечно, дуракъ сейчасъ явился на помощь.

Digitized by Google

Деньги-то, полученныя за имѣнія, были еще въ карманѣ, ну, значитъ, и надо было ихъ куда-нибудь бросить: сейчасъ онъ началъ хлопотать объ устройствѣ школы около завода. Пошла у него работа, выстроилась школа, открыли ее, начались въ ней занятія—дуракъ въ восторгѣ: онъ, молъ, народному образованію споспѣшествуетъ, а того не понимаетъ, что у него ради этого споспѣшествованія на черный день гроша не осталось, и придется теперь ему весь свой вѣкъ жить трудомъ, какъ какому-нибудь простому мужику. Мало того: сталъ онъ возиться съ этой школой, на которую всѣ свои послѣднія деньжонки ухлопалъ, какъ съ сырымъ яйцомъ, точно тамъ его родныя дѣти воспитывались, и особенно привязался онъ къ одному мальчугану. Ничего въ этомъ мальчуганѣ и особеннаго не было, такъ себѣ чумазый мужицкій мальчишка, только одинъ дуракъ и могъ провидѣть въ немъ какія-то особенныя способности да таланты.

— Это нашъ будущій техникъ,—говорилъ онъ про мальчишку, видя, что тотъ разныя машины строитъ.

Этотъ техникъ и стоилъ ему жизни.

Захворалъ однажды техникъ, а въ это время и случись въ деревнѣ, въ которой заводъ находился, пожаръ. Всѣ бросились тушить огонь, и дуракъ въ томъ числѣ. Прибѣжалъ онъ на пожаръ, видитъ, что горитъ изба, гдѣ жилъ его любимецъ.

— Гдѣ Ваня?—крикнулъ онъ.

— Ай, батюшки, въ избѣ остался!—завыла какая-то баба.

Дуракъ стремглавъ бросился къ горящей избѣ.

— Стойте, стойте!—кричали ему.—Теперь ужъ не спасти! Онъ уже задохся, вѣрно!

Но дуракъ ничего не слушалъ. Приказалъ себя облить водою, смочилъ въ какомъ-то ведрѣ свой плэдъ и бросился въ огонь. Всѣ такъ и замерли,—ждутъ, что-то будетъ. Прошло какихъ-нибудь двѣ-три минуты, какъ онъ снова показался среди огня, держа въ рукахъ что-то закутанное въ плэдъ.

— Берите ребенка!—крикнулъ онъ и самъ свалился на землю.

Сбѣжался къ нему народъ, развернули плэдъ, глядятъ: техникъ ничего—живъ; стали тогда помогать самому дураку, а онъ лежитъ безъ чувствъ и кровь изъ головы льетъ, зашибло его въ избѣ какой-то головней, должно-быть, и какъ только хватило у него силы выбѣжать изъ избы — никто и понять не могъ.

Digitized by Google

Такъ черезъ два дня онъ и умеръ.

Хоронили его, конечно, съ почетомъ, потому что все-таки человѣческую душу спасъ. Но вѣдь мальчишку-то онъ спасъ, а себя-то убилъ, да и не могъ не убить, потому что всѣ и тому-то дивились, что онъ не погибъ въ избѣ и съ мальчикомъ. Конечно, каждый добрый человѣкъ радъ спасти ближняго, но только дуракъ способенъ идти на спасеніе ближняго тогда, когда и надежды почти нѣтъ спасти, когда только себя можно погубить этимъ самымъ желаніемъ-то спасти другого. Впрочемъ, надо сознаться, никто не называлъ его дуракомъ за этотъ послѣдній его поступокъ, такъ какъ кто же рѣшится бранить покойника, сдѣлавшаго хотя и глупый, но все же подвигъ. Только одна какая-то баба, родственница спасеннаго техника, плача надъ покойникомъ, сказала о немъ мѣткое слово:

— Умеръ ты нашъ, блаженненькій, умеръ!—причитала она, цѣлуя покойника.

— Да, вѣдь онъ и точно былъ у насъ немного того... блаженный,—сказалъ директоръ завода, возвращаясь съ похоронъ дурака.

Digitized by Google

Оглавленіе

III ТОМА.

стр.

Жизнь Шупова, его родныхъ и знакомыхъ.
Автобіографія въ двухъ частяхъ.

Часть первая.

I. Семейныя преданія и смутныя воспоминанія дѣтства . 5
II. Я знакомлюсь съ нашей прислугой и знакомлю съ ней читателя 18
III. Въ деревнѣ лѣтомъ рай, если люди похожи на ангеловъ. 31
IV. Чиновникъ Люлюшинъ, его жена и дѣти 43
V. Продолженіе предыдущей главы 58
VI. Продолженіе предыдущей главы 68
VII. Въ ней читатель познакомится съ моей тетушкой. . . 82
VIII. Читатель услышитъ про бунтующаго гимназиста . . . 93
IX. Полная совершенно неожиданныхъ событій 103
X. Странности новыхъ знакомыхъ и жизнь въ родительскомъ домѣ 111
XI. Сестра начинаетъ жить самостоятельно. 122
XII. Развязка, которою никакъ не можетъ кончиться романъ. 132
XIII. Заключеніе первой части. 139

Часть вторая.

I. Я не выдерживаю экзамена. 146
II. О томъ, какъ легко втянуться въ новую жизнь. . . . 151
III. Воспоминанія сквозь сонъ 160
IV. Товарищескіе кружки и Хохряковъ. 171
V. Продолженіе предыдущей 181
VI. Я напиваюсь пьянымъ. 192
VII. Я встрѣчаюсь съ обществомъ и дѣйствительною жизнью. 198
VIII. Шуповы не изъ Шуповки. 209
IX. Расплата за прошлое 217
X. Передъ лицомъ родныхъ. 226
XI. «Съ новымъ годомъ—съ новымъ счастьемъ»! 234
XII. Въ квартирѣ Люлюшиныхъ 239
XIII. Продолженіе предыдущей. 249
XIV. Совершеннолѣтіе. 260
XV. Затишье. 267
XVI. Гроза. 273
XVII. Заключеніе. 283
Надъ обрывомъ. Романъ 296

Разсказы:

I. Съ квартиры на квартиру. 489
II. Конецъ бирюковской дачи 544
III. Исторія дурака 567

Digitized by Google

Книга 7.

Сборникъ „Нивы" за 1904

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ III.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., ул. Гоголя, 22.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

С. Н. ТЕРПИГОРЕВА

(С. Атавы),

подъ ред. **С. Н. ШУБИНСКАГО**, въ 6 томахъ in 8°,
съ **критико-біографическимъ очеркомъ, П. В. Быкова,** и съ портретомъ автора, исполненнымъ геліогравюрой.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ОТДѢЛЬНЫХЪ ТОМОВЪ: ТОМЪ I. Біограф. очеркъ П. В. Быкова.—Отъ автора.—**Осиудѣніе: „Благородные". Часть I-я. Отцы. ТОМЪ II. Осиудѣніе: „Благородные". Часть II-я. Матери.**—Желтая книга.—Сказаніе о ковыхъ княгиняхъ и старыхъ князьяхъ. **ТОМЪ III. Потревоженныя тѣни. ТОМЪ IV. Повѣсти и разсказы. ТОМЪ V. Повѣсти и разсказы. ТОМЪ VI. Историческіе разсказы.**

Изданіе отпечатано въ удобномъ форматѣ in 8°, на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, XXXVI+3562 страницы in 8°.

ЦѢНА за 6 томовъ—9 руб., съ перес. -10 руб.; въ 6-ти коленкоровыхъ переплетахъ—12 руб., съ пересылкою—13 руб. 25 коп.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

9-е изданіе, въ 24 томахъ (12-ти книгахъ), съ портретомъ, факсимиле и біографическимъ очеркомъ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ: Бѣглые въ Новороссіи.—**Воля.**—Чумаки.—Новыя мѣста.—Десятый валъ.—Семейная старина.—Царевичъ Алексѣй.—Мировичъ.—На Индію при Петрѣ I.—Княжна Тараканова.—Потемкинъ на Дунаѣ.—Уманская рѣзня.—Сожженная Москва.—Восемьсотъ двадцать пятый годъ.—Черный годъ.—Слобожане.—Мелкія статьи.—Цимбелинъ.—Изъ путевыхъ замѣтокъ.—Украинская старина.

Изящное изданіе, отпечатанное на прекрасной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

ЦѢНА 10 р., съ перес. 11 р.; въ 7 коленкоровыхъ переплетахъ 13 р., съ пересылкою 14 р.

ПОДВИЖНЫЯ ИГРЫ.

Руководство для родителей, воспитателей и самихъ учащихся. Составилъ П. Н. БОКИНЪ.

Второе изданіе съ 81 рисункомъ. СПБ. 1903 г.

Давая необходимое развлеченіе и предохраняя отъ вредной праздности, игры вмѣстѣ съ тѣмъ являются существеннымъ факторомъ здоровья, бодрости и ясности духа, развиваютъ глазомѣръ, находчивость и ловкость. Вотъ почему на физическое развитіе обратили вниманіе врачи, педагоги, общественные дѣятели и родители, но, за отсутствіемъ руководителей, дѣти часто лишаются этого насущнаго хлѣба, такъ какъ ни у родителей, ни у дѣтей нѣтъ подъ руками выбора въ играхъ и достаточныхъ для этого знаній.

Въ настоящемъ руководствѣ авторъ приходитъ на помощь какъ родителямъ, такъ и самимъ учащимся молодымъ людямъ своими двадцатилѣтними наблюденіями и трудами по подвижнымъ играмъ, а также знакомствомъ съ постановкой этого вопроса во Франціи и Германіи.

Въ книгѣ П. Н. Бокина приведены только игры, провѣренныя на практикѣ и оказавшіяся достаточно жизненными, интересными и легко усвояемыми.

Первый отдѣлъ книги составляютъ простыя игры, основанныя только на бѣганіи и прыганіи. Во второмъ отдѣлѣ указаны уже болѣе сложныя игры съ шарами и палками, позволяющія больше разнообразить движенія играющихъ и требующія, помимо бѣга, также метанія, нанесенія ударовъ и т. д. Третій отдѣлъ даетъ игры съ мячомъ, требующія отъ играющихъ весьма разнообразныхъ и сложныхъ движеній; въ концѣ же отдѣла помѣщены сложныя атлетическія игры.

При описаніи мѣста игры и расположенія играющихъ, помѣщены соотвѣтствующія чертежи и рисунки, а для выясненія новаго пріема или положенія въ игрѣ, текстъ сопровождается фотограф. снимками съ натуры.

Изящно изданная книга въ 346 страницъ in 8°, на хорошей бумагѣ, красивый шрифтъ.

Учен. Комитетомъ М. Н. Просв. допущено въ учительскія и ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Глав. Управленіемъ военно-учебн. заведеній рекомендовано, какъ пособіе, для руководителей играми въ кадетскихъ корпусахъ.

Учебн. Отдѣломъ М-ва Финансовъ одобрено для пріобрѣтенія въ ученич. и фундамент. библіотеки коммерческихъ учебн. заведеній М-ва Ф.

Учен. Комитетомъ М-ва Землед. и Госуд. Им. допущено въ библіотеки учебн. заведеній, подвѣдомственныхъ М-ву.

Цѣна книги въ папкѣ съ коленкоровымъ корешкомъ—2 руб., съ перес. 2 р. 30 к.

Digitized by Google

Книга 8.

Сборникъ „Нивы" за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ III.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Новыя изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Только-что вышла изъ печати и поступила въ продажу новая книга:

К. С. БАРАНЦЕВИЧЪ.

СВОБОДНЫЕ СНЫ.

(18 разсказовъ).

СОДЕРЖАНІЕ: Свободные сны. — Изъ дѣтства. — Буранъ. — Красавецъ-мужчина. — Обезьяны. — Было бы болото. — Вожделѣнія Горькухина. — Построился! — Глаза. — Подруги. — Пришелъ за ними. — Запомни! — Поздно. — Интрига. — Панъ Юзефъ. — Сватовство Чикунова. — Женихъ. — Старуха.

Изящно изданный томъ in 8° 325 стр., на веленевой бумагѣ, отпечатанный четкимъ шрифтомъ. СПБ. 1904 г.

Цѣна — 1 руб., съ перес. — 1 р. 25 к.; въ красивомъ коленкор. переплетѣ — 1 р. 40 к., съ пересылкою — 1 р. 70 к.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу первые шесть томовъ

НОВАГО ТРЕТЬЯГО ИЗДАНІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

И. Н. ПОТАПЕНКО,

ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ **„СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ“.** СОДЕРЖАНІЕ: Счастье поневолѣ. Романъ. — Повѣсти и разсказы: Пѣшкомъ за славой. — До и послѣ. — Остроумно. — Небывалое дѣло.

ТОМЪ ВТОРОЙ **„НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ“.** СОДЕРЖАНІЕ: На дѣйствительной службѣ. Повѣсть. — Повѣсти и разсказы изъ духовнаго быта: Деревенскій романъ. — Шестеро. — Исполнительный органъ. — Октава. — Жены. — Блудный сынъ. — Крылатое слово. — Игра словъ. — Надежда и упованіе. — Искушеніе. — Овца.

ТОМЪ ТРЕТІЙ **„ЖИВАЯ ЖИЗНЬ“.** СОДЕРЖАНІЕ: Живая жизнь. Романъ. — Разсказы: Рѣчные люди. — Примиреніе. — На вдовицѣ. — Психологъ. — Европеецъ. — Поздняя вечеря. — Дорогая кутья. — Свадьба.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ **„ЗДРАВЫЯ ПОНЯТІЯ“.** СОДЕРЖАНІЕ: Здравыя понятія. Записки благоразумнаго человѣка. — Разсказы: Святое искусство. — Сенатарь его превосходительства. — Проклятая слава. — Сочество въ опасности. — Общій взглядъ. — Ахметка с[illegible]товскій. — Ицекъ Шмуль, брилліантщикъ. — Семейка. — Домашній судъ. — Ради хозяйства. — [illegible] жизнь. — Письмо. — Онъ и она.

ТОМЪ ПЯТЫЙ **„ПОБѢДА“.** СОДЕРЖАНІЕ: Побѣда. Повѣсть. — Генеральская [illegible] Повѣсть. — Не герой. Романъ въ двухъ частяхъ. — Задача. Разсказъ. — Смыслъ жизни. Очеркъ. — [illegible] хлѣба. Очеркъ. — Семейная исторія. Повѣсть. — [illegible] Михайловна. Очеркъ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ **„ПЬЕСЫ“.** Содержаніе: Жизнь. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. — Чужіе. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. — Волшебная сказка. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. — Лишенный правъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. — Букетъ. Комедія въ 1-мъ дѣйствіи. — На лонѣ природы. Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.

Пьесы: „Жизнь“, „Чужіе“, „Волшебная сказка“, „Букетъ“ и „На лонѣ природы“ безусловно дозволены цензурою къ представленію.

Изящно изданныя книги, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ.

ЦѢНА каждаго тома — **1** р. **50** к., съ перес. **1** р. **75** к.; въ красив. коленк. перепл. — **2** р., съ перес. **2** р. **30** к. Остальные томы находятся въ печати и о выходѣ ихъ будетъ своевременно объявлено.

О подпискѣ на **„Ниву“ 1904 г.** и **„Большой Всемірный Настольный Атласъ Маркса“** см. слѣдующую стр. обложки.

Книга 9.

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ III.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., ул. Гоголя, 22.

Сочиненія К. М. СТАНЮКОВИЧА,

въ 13-ти томахъ in 8⁰, 6484 страницы, на хорошей бумагѣ.

Содержаніе отдѣльныхъ томовъ:

Томъ I. Морскіе разсказы: Грозный адмиралъ.—Мрачный штурманъ.—Василій Ивановичъ.—Матросскій линчъ.—Бѣглецъ.—Человѣкъ за бортомъ.—На каменьяхъ.—Вдали отъ береговъ.—Ночью.—Вѣстовой Егоровъ.—Глупая причина.—Рождественская ночь.—Свѣтлый праздникъ.—Куцый.—Исайка.—Два моряка.—Пассажирка.—Словарь морскихъ терминовъ, встрѣчающихся въ разсказахъ.

Томъ II. Морскіе разсказы: Безпокойный адмиралъ.—Ужасный день.—Месть.—Кириллычъ.—Максимка.—Пропавшій матросъ.—Между своими.—Въ штормъ.—Въ тропикахъ.—Отмѣна тѣлесныхъ наказаній.—Непонятный сигналъ.—Крушеніе Матвѣя Ивановича.—Побѣгъ.—Въ море.—Жертвы моря.

Томъ III. Повѣсти и разсказы: Танечка.—Испорченный день.—Благотворительная комедія.—Оригинальная пара.—Истинно-русскій человѣкъ.—Похожденія молодого человѣка.—Рѣшеніе.—Сержъ Птичкинъ.—Дяденька Протасъ Ивановичъ.—Червонный Валетъ.—Безшабашный.—Женитьба Пинегина.—Изъ-за пустяковъ.—У домашняго очага.—Надежда Порфирьевна.—Ужасная болѣзнь.—Подписчикъ, влюбленный въ свою газету.—Страдалецъ.—На урокъ.—Петербургская карьера.—Елка.—Рождественская ночь.—Елка для взрослыхъ.—Въ родѣ святочнаго разсказа.

Томъ IV. Два брата.

Томъ V. Первые шаги. Омутъ.

Томъ VI. Наши нравы.—Въ далекіе края.

Томъ VII. Картинки общественной жизни 1877 г.: Макаръ Ивановичъ.—Вчерашніе дни.—Паденіе Плевны и дѣло Гартунга.—Берлинскій трактатъ.—Добровольный флотъ.—Экскурсія въ провинцію.—Миръ.—Дѣло Юханцева.—Жиды.—Ошалѣвшій читатель и доносы.—Штундисты.—Одиссея погонцевъ.—Воззваніе графа Сологуба.—Чрезвычайное собраніе ландлордовъ.—Современные Гарунъ-аль-Рашиды.—Подрядныя дѣла на Кавказѣ.—Тайны подрядчиковъ.—Шалости полиціи.—Новая Эра.—Сонъ въ зимній вечеръ.—Пушкинскій юбилей.—„Жилъ", „Ландъ-Лордъ", „Золотая ручка".—Гады, пожирающіе самихъ себя.—Зимній сонъ до обѣда.—„Парламентъ" и урядникъ. Торжество реакціонной печати.—Интендантское дѣло.—Юбилей Н. И. Пирогова.—Въ сумасшедшемъ домѣ.—Поѣздка въ Москву.—Новѣйшій Хлестаковъ.—Настроеніе.—Любопытная исповѣдь.—Дѣло Буша.—Злобы дня и Рыковскій крахъ.

Томъ VIII. Безъ исхода. Романъ.—На то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Родственники. Сцены изъ современныхъ нравовъ, въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Томъ IX. Въ нѣста не столь отдаленныя. Романъ.—Откровенные. Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Томъ X. Картинки общественной жизни: Хищенія.—Недоставленныя письма.—Смерть Тургенева.—Изъ дневника неунывающаго россіянина.—Къ нѣмцамъ.—Времена Іудушекъ.—Идиллія.—Мултанковское дѣло.—Тверская исторія.—Опросы женщинъ.—Письма знатнаго иностранца. (1—34).

Томъ XI. Письма знатнаго иностранца. (35—92).

Томъ XII. Жрецы.—Черноморская сирена. Повѣсть.—Нянька.—Матроска.—Маленькіе вряки.

Томъ XIII. Равнодушные. Романъ.—Дуракъ. Разсказъ.—По понедѣльникамъ дома. Этюдъ.—Письмо. Разсказъ изъ былой морской жизни.—Оборотень. Разсказъ матроса.—Первое докъ. Очеркъ изъ былой морской жизни.—Отплата. Разсказъ стараго матроса.—Шутка. Разсказъ изъ былой морской жизни.

ЦѢНА 13-ти томамъ 19 р. 50 к., съ перес. 21 р. 50 к. Тома продаются и отдѣльно цѣною за каждый томъ по 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

„ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ".

Соч. проф. Оскара Іегера.

Переводъ подъ редакціею проф. П. Н. ПОЛЕВОГО.

Въ четырехъ объемистыхъ томахъ, заключающихъ въ себѣ 2615 страницъ большого 8⁰, 2 художественно-выполненныхъ гравюръ въ текстѣ, 81 отдѣльное приложеніе, отпечатанныя зам томъ, серебромъ, черною и цвѣтными красками, и 41 историческую карту.

„Всеобщая Исторія" проф. Оскара Іегера представляетъ собою трудъ, замѣчательный и чрезвычайно умѣлому изложенію историческаго матеріала въ ясной и доступной формѣ.

Обиліе иллюстрацій, воспроизведенныхъ по памятникамъ, ихъ тщательный выборъ тѣсная связь съ текстомъ—еще болѣе способствуютъ ясности и наглядности изложенія живо переносятъ воображеніе читателя ко временамъ минувшимъ.

Учен. Комит. М. Н. Пр. допущено въ ученич., средняго и старшаго возрастовъ, библіотеки средн. учебн. заведеній; разсмотрѣно Военно-Ученымъ Комитетомъ и о выходѣ его въ свѣтъ объявлено въ цирк. Гл. Штаба отъ 17 окт. 1896 г., № 284.

Цѣна изданія: 1) въ 12-ти выпускахъ—13 р., съ перес.—15 р.; 2) въ 4-хъ переплетахъ с кожан. корешками—16 руб., съ перес.—20 руб. Вѣсъ 20 фунтовъ.

Digitized by Google

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

подъ редакціею и съ критико-біографическимъ очеркомъ А. М. Скабичевскаго и съ приложеніемъ портрета Шеллера.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1904.

Digitized by Google

Slav 4253.50.2

HARVARD COLLEGE LIBRARY
DEXTER FUND
JUL 7 1931

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Пзмайл. пр., № 29.

Digitized by Google

ЗАСОРЕННЫЯ ДОРОГИ

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu;
Und wem sie jüst passieret,
Dem bricht das Herz entzwei.

H. Heine.

Digitized by Google

Slav 4353.50.2

HARVARD COLLEGE LIBRARY
DEKAY FUND
JUN 7 1931

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Пзмайл. пр., № 29.

Digitized by Google

ЗАСОРЕННЫЯ ДОРОГИ

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie immer neu;
Und wem sie jüst passieret,
Dem bricht das Herz entzwei.

H. Heine.

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Послѣдніе университетскіе экзамены 1859 года были окончены. Десятка два студентовъ четвертаго курса собрались къ одному изъ своихъ товарищей отпраздновать окончаніе ученья. Въ небольшой комнаткѣ «отъ жильцовъ», сквозь табачный дымъ, какъ ночники въ подземельѣ, мерцали двѣ свѣчки, едва освѣщая молодыя лица и незавидную одежду присутствующихъ, книги и тетради, разбросанныя вчера и еще неубранныя сегодня. Болѣе яркаго освѣщенія и не требовалось. Красотой лица тутъ прельщать было некого и вообще ничего нельзя было ею подѣлать, а одежда— о ней никто много не думалъ, если же кто и думалъ, такъ стыдился выказывать это, боясь прослыть за щеголя, фата и *бѣложилетника*. Послѣднее названіе имѣло свое значеніе въ то время. Иные теперь просто щеголяли заплатами на локтяхъ и ветхими галстуками на шеяхъ, какъ прежде щеголяла молодежь дорогими запонками, цѣпочками, брелоками и тому подобною дрянью. Фаты такъ много надѣлали зла, такъ опошлились, что подобная крайность была не только извинительна, но лишь самой дрянной и развращенной душонкѣ не было бы гадко, если бы этой крайности не вызвало фатовство господъ, покупавшихъ различныя бирюльки на крестьянскія деньги или въ долгъ, то-есть на счетъ трудящихся ремесленниковъ. Въ засаленномъ и заплатанномъ сюртукѣ, дѣйствительно, мало привлекательности, и по поводу грязныхъ воротничковъ пошлый бѣлоручка можетъ сказать нѣсколько тупоумныхъ остротъ; но еще меньше привлекательности въ золотѣ и батистѣ щеголя, отнявшаго этими украшеніями законную долю у нищаго. Тутъ даже и острить нельзя, а хочется заклеймить раззолоченнаго арлекина клеймомъ позора, чтобы по его золоту каждый узналъ въ немъ мірского прихлебателя-шута,

Digitized by Google

поѣдающаго плоды чужого труда. Только одинъ юноша въ собраніи молодежи выдавался своей одеждой, и то потому, что на немъ блестѣла мишура новенькихъ армейскихъ эполетъ: это былъ вчерашній кадетъ, сегодняшній подпоручикъ Но если нельзя было вполнѣ разсмотрѣть лица присутствующихъ, то можно было до сыта наслушаться ихъ молодыхъ голосовъ, иногда невольно вызывавшихъ улыбку, когда сквозь неокрѣпнувшій басъ прорывалась не то теноровая, не то дискантовая нотка. Трудно передать, о чемъ говорили юноши. Въ одномъ углу спорили о научныхъ предметахъ; въ другомъ—вспоминали объ университетской жизни, сознаваясь, что болѣе живой и свободной дѣятельности, болѣе счастливой поры уже не будетъ никогда; въ третьемъ—обсуживали планы будущаго, давали другъ другу совѣты и тутъ же смѣялись, что совѣты даются для того, чтобы ихъ не исполняли. Всѣ были веселы, но въ этой веселости, незамѣтно для самихъ собесѣдниковъ, проглядывала грусть, не лишенная мягкости, прелести, поэзіи, однимъ словомъ, грусть юности. Казалось, что всѣ они собрались на поминки чего-то отжившаго, какъ будто мать семейства отдала внаймы свой домъ и навсегда удалилась отъ дѣтей, и завтра они должны будутъ навѣкъ выѣхать изъ своего стараго гнѣзда, разсѣяться и вразсыпную искать для себя жалкихъ угловъ, ночлеговъ, спутниковъ въ трудной дорогѣ, копить куски хлѣба на черный день, о чемъ въ своей семьѣ никто и не думалъ: тамъ черные дни приходили для одного изъ братьевъ, и другіе братья спѣшили раздѣлить съ нимъ свою долю хлѣба, зная, что имъ заплатятъ точно тѣмъ же. Зато они были братья, дѣти одной матери, одного университета. Братья по университету, дѣти одной матери, сколько глубокаго смысла таится въ этихъ словахъ! И чѣмъ больше вѣковъ пройдетъ надъ тобою, отчизна, тѣмъ больше значенія будетъ въ этихъ великихъ словахъ, и сотни тысячъ сердецъ будутъ биться, заслышавъ ихъ.

— Пиши, пожалуйста, ко мнѣ изъ-за границы, Антонъ,— говорилъ хозяинъ одному изъ гостей, сбрасывая пепелъ съ сигары.

— Да и ко мнѣ не худо иногда забросить письмо,—подхватилъ другой молодой человѣкъ.—Чортъ знаетъ, какъ я обставлюсь въ деревенской глуши.

— Такъ ты, Пащенко, непремѣнно хочешь поселиться въ деревнѣ?—спросилъ хозяинъ.

Digitized by Google

— Не хочу, а приходится такъ. Съ братомъ нужно дѣлиться, крестьянъ устроить надо,—отвѣтилъ Пащенко.

— Ты вооруженною силою будешь имъ благодѣтельствовать?—спросилъ чей-то насмѣшливый голосъ.

— Зачѣмъ вооруженною? Я тебя позову съ ними балясничать, вотъ они и будутъ счастливы,—пошутилъ Пащенко.

— А, ну это другое дѣло! А то я вотъ хотѣлъ посовѣтовать Андреева пригласить, это была бы для него первая практика.

Андреевъ — такъ звали армейскаго подпоручика — былъ насмурнѣе другихъ и не разслышалъ словъ насмѣшливаго собесѣдника. Кто-то передалъ ему эти слова.

— Да, я сейчасъ почти объ этомъ же думалъ,—произнесъ задумчиво Андреевъ.—Право, скверное мое положеніе! Куда пошлютъ, что заставятъ дѣлать—все это неизвѣстно. Можетъ-быть, скверное что-нибудь выйдетъ. Вотъ вы, счастливцы, избираете карьеру по волѣ; идете вправо, если захотите; сворачиваете налѣво, если вздумаете. А меня упрятали милые родные въ корпусъ, велѣли быть военнымъ, вотъ и маршируй теперь съ сабелькой передъ ротой солдатиковъ.

— Люблю тебя за то, что ты воинъ и ораторъ!—съ пафосомъ произнесъ насмѣшливый голосъ.

— Тебѣ все смѣхъ, Кравцевъ.

— Нѣтъ, право, у тебя все это по части рѣчей такъ кругло выходитъ.

— Что же, виноватъ я, что ли, что у меня желчь къ горлу подступаетъ, что я не могу балагурить, какъ ты, смотрѣть на жизнь шутя! Жизнь не шутка! не шутка и то, когда человѣкъ впередъ знаетъ, что онъ идетъ на гибель, на прозябаніе въ какомъ-нибудь вороньемъ гнѣздѣ, гдѣ нѣтъ ни общественной жизни, ни порядочныхъ людей, ни книгъ, гдѣ у него не будетъ даже средствъ выписать на свои деньги нужныя книги, а кругомъ будутъ пьянствовать, кутить, втянувшіеся въ этотъ омутъ субъекты, будутъ давить новичка, чтобы онъ не былъ лучше ихъ, чтобы онъ пошелъ по ихъ торной дорожкѣ... Ну, что бы ты сталъ тутъ дѣлать при всемъ своемъ остроуміи?

— Въ потолокъ плевалъ бы; больше, кажется, ничего не остается дѣлать, какъ я ни раскидываю своимъ умомъ.

— Нисколько не остро!

— Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ.

— Послушай, Кравцевъ,—обратился къ весельчаку тотъ

Digitized by Google

юноша, котораго звали Антономъ и который собирался ѣхать за границу.—Ты не правъ. Андрееву дѣйствительно не можетъ быть весело, и шутить надъ его горемъ стыдно.

— Тончка, вы—баринъ и будущій благодушный профессоръ, и наставлять другихъ ваше дѣло! но я все-таки не могу проливать слезъ въ ту минуту, когда онѣ подступаютъ къ глазамъ Андреева.

— Однако, и шутить тутъ нечего.

— Какъ нечего? Хорошо, что ты серьезностью для профессорства запасся, а я не могу не смѣяться, видя, что покойникъ самъ по себѣ за попа панихиду служитъ, а за родныхъ плачетъ. Андреевъ похоронилъ себя, признавъ себя похороненнымъ, такъ чего же онъ и убивается.

— А что же ему по-твоему дѣлать?

— Пѣсни, братецъ, пѣть. Вотъ хоть бы изъ Кольцова что-нибудь выбралъ, въ родѣ того, что—

Выходи ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой пеленою.
Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ—
Безъ пути, безъ свѣта,
Свою долю сыщетъ.

Въ выраженіи, съ какимъ сказались Кравцевымъ эти строфы, не слышалось его обычнаго шутовства, но, какъ электрическая искра, промелькнула буйная удаль, заставившая вздрогнуть присутствующихъ. Каждый ничего не слыхавшій о Кольцовѣ человѣкъ сказалъ бы въ эту минуту, что эти строки написаны геніальнымъ поэтомъ. Всѣ молчали, мысль объ отчаянной борьбѣ съ жизнью промелькнула въ головахъ. Но угомонился только Андреевъ.

— Я и не подозрѣвалъ, что ты стишки наизусть читать умѣешь,—ядовито усмѣхнулся онъ.—Но, совѣтуя другимъ бороться съ обстоятельствами, отыскивать безъ пути, безъ свѣта дорогу, ты лучше бы самъ показалъ примѣръ и не падалъ бы, какъ это часто бываетъ съ тобою, духомъ...

— Экую околесную занесъ! Говорилъ бы прямо, что вотъ-де свинья проповѣдуетъ борьбу, а самъ хмелемъ зашибается съ горя... Это, что ли, ты хотѣлъ сказать?

— Ну, хоть бы и это!—нагло произнесъ разозленный подпоручикъ.

— Ну, такъ по поводу этого мнѣ одинъ генералъ внушенія дѣлалъ, да я и то не струсилъ, а ты-то еще не во-

Digitized by Google

лика птица! У меня, видишь ли, отецъ былъ пьяница, я по три раза на дню въ кабакъ мальчишкой бѣгалъ; моя мать съ синяками подъ глазами ходила за то, что употребляла на мое ученье свои трудовыя деньги. Я пѣшкомъ до Питера добрался, питаясь по дорогѣ иногда милостыней, иногда на деньги, заработанныя тасканіемъ кулей. Мнѣ общество ничего, понимаешь ты, ровно ничего не дало—ни денегъ, ни воспитанія, ни хорошихъ примѣровъ, ни честныхъ наставленій, ну, оно и попрекать меня ни за что не смѣетъ. Оно меня пьянствомъ попрекнетъ, а я скажу, что я со старшихъ примѣръ бралъ. Вѣдь съ отцовъ надо брать примѣръ? Ну, а мой пилъ, вотъ я мальчишкой и привыкъ пробовать, вкусна ли водка...

— Полно клеветать-то на общество, оно и не думало приказывать брать примѣръ съ подобныхъ отцовъ, оно...

— Такъ зачѣмъ же оно не объяснило мнѣ, что, молъ, съ такого-то отца бери примѣръ, душенька, а съ такого-то не смѣй брать? Зачѣмъ же оно не отняло меня у моего отца, чтобы избавить меня отъ дурного примѣра?.. Потомъ въ голодную зиму замерзнуть можно, а общество, не взявши меня отъ пьянаго отца, не дало мнѣ на дорогу, когда я самъ бѣжалъ изъ омута, ни денегъ, ни шубы, ни кареты теплой,—вотъ я и грѣлся иногда виномъ...

— Да что ты щеголять вздумалъ этимъ цинизмомъ, что ли?

— Какой тутъ цинизмъ, это просто правда,—сказалъ Кравцовъ, и выпилъ стаканъ вина.—И щеголять мнѣ ею нечего, потому что я все-таки пьяницей не сдѣлался, а пью иногда и теперь по привычкѣ, а весело ли мнѣ это или нѣтъ,—объ этомъ не тебѣ я буду разсказывать... А вотъ мы къ тебѣ теперь перейдемъ. Выросъ ты въ богатой семьѣ, не зналъ ни голода, ни холода, имѣлъ даже карманныя деньги для вспомоществованія ближнимъ; потомъ тебя, богатаго, отдали въ корпусъ, даромъ ты получилъ образованіе; хорошо ли оно, худо ли, нечего разсуждать, но все же оно образованіе, и теперь отъ тебя зависитъ его продолжать, благо азбуку знаешь. Мѣсто тебѣ даютъ готовое, недурное, черезъ годъ можешь въ отставку выйти, въ университетъ идти. Съ чего же тебѣ горевать-то или пить начать?

— Хорошо тебѣ чужую судьбу расписывать! А знаешь ли ты, что если я выйду въ отставку, то моя мать не станетъ содержать меня до окончанія ученья въ университетѣ?

Digitized by Google

— Такъ ты своими средствами проживи это время, но все же быть на содержаніи.

— Позволь спросить: какимъ образомъ?

— А какъ мы живемъ?

— Ну, вы!

— Что: ну вы? видно жить безъ чужой помощи труднѣе, чѣмъ упражняться въ ораторствѣ? Нѣтъ, братъ, захочешь человѣкомъ быть — будешь! Такъ же зашибешь копейку, какъ мы, только тебѣ это легче будетъ, потому что вонъ у тебя на первый разъ найдется и одежонка, и разныя запонки да цѣпочки, за нихъ не одинъ пудъ ржаного хлѣба дадутъ, а вѣдь у насъ и этого не было,—голышами въ жизнь вошли.

Кравцевъ еще выпилъ стаканъ краснаго вина. Разговоръ на минуту какъ-то неловко прервался...

— А что это, господа, Крючниковъ нейдетъ?—спросилъ Антонъ.

— Не захворалъ ли онъ?—произнесъ Пащенко.

— Вотъ еще выдумали?—промолвилъ Кравцевъ, какъ будто выражая этимъ ту мысль, что Крючниковъ не можетъ захворать.

— Это, однако, не по-товарищески, на прощаніе не пришелъ,—заговорили голоса.

— Господа, чтобы пресѣчь бунтъ въ зародышѣ, я схожу за виновнымъ,—комически важно возгласилъ Кравцевъ.

Предложеніе было принято. Кравцевъ ушелъ за Крючниковымъ. Во время его отсутствія разговоръ невольно вертѣлся около того, за кѣмъ было послано. Одни жалѣли этого человѣка, какъ трудолюбиваго и честнаго бѣдняка, другіе пророчили, что онъ скоро ухлопаетъ себя чрезмѣрнымъ трудомъ, третьи называли его просто страннымъ оригиналомъ, и въ числѣ послѣднихъ былъ Андреевъ. Въ тонѣ его голоса было слышно, что онъ не любитъ ту личность, о которой шла рѣчь, и, можетъ-быть, онъ разразился бы потокомъ рѣчей о ея недостаткахъ, если бы не боялся быть оборваннымъ въ разсужденіи о недостаткахъ отсутствующаго лица. Прошло съ полчаса. Наконецъ, дверь отворилась, и въ комнату вошелъ Кравцевъ; онъ былъ пасмуренъ, точно его сейчасъ кто-то страшно выругалъ, и сквозь зубы промолвилъ: идетъ! За нимъ вошелъ человѣкъ лѣтъ двадцати шести, немного выше средняго роста, широкій въ кости, съ загорѣвшимъ лѣтъ за десять лицомъ, да такъ и оставшимся навсегда смуглымъ. Кожа на лицѣ была чрезвы-

Digitized by Google

чайно гладка, тверда, упруга и не помята ни единымъ прыщомъ, ни единой морщиной; крупныя черты были мужественны и дышали силой; выраженіе твердости и отчасти высокомѣрія тотчасъ же бросалось въ глаза. Такъ смотрятъ только люди, воспитавшіе свой умъ, пробившіе себѣ широкую дорогу, однѣми своими силами, тяжелою борьбой, безъ всякой посторонней помощи. Новый гость пожалъ широкою рукою руки нѣкоторыхъ изъ товарищей, другимъ, сидѣвшимъ дальше, кивнулъ головой и, услышавъ десять разъ повторенный вопросъ о томъ, почему онъ не пришелъ раньше, коротко отвѣтилъ:

— Нельзя было.

— А вотъ пришли же! — съ торжествующимъ видомъ сказалъ хозяинъ.

— Я и безъ посланнаго пришелъ бы на полчаса проститься съ Антономъ и Пащенко.

— На полчаса. Эку штуку выдумали! Мы васъ раньше жонки не отпустимъ.

Новопришедшій пожалъ плечами, словно хотѣлъ сказать: посмотримъ—кто меня удержитъ, если я пойду! И это мимолетное движеніе, и непривѣтливый взглядъ, брошенный на бутылки съ виномъ, не ускользнули отъ вниманія Андреева. Онъ слѣдилъ за гостемъ съ зоркостью отъявленнаго врага. Насмѣшливая улыбка проскользнула по его лицу. Она была вызвана мыслью о томъ, что Крючниковъ старается разыгрывать героя. Разговоръ завязался снова. Крючниковъ говорилъ исключительно съ Антономъ и Пащенко. Разговоръ былъ серьезный, торопливый, видно было, что Крючниковъ напередъ обдумалъ, что̀ нужно сказать товарищамъ, что̀ спросить у нихъ, и сколько времени употребить на это. Послѣдніе тоже какъ будто предчувствовали и дѣловое содержаніе его бесѣды, и непродолжительность ея, потому что поспѣшно передавали ему порученія. Оба молодые человѣка были теперь серьезнѣе, чѣмъ передъ этимъ, и, казалось, что они говорятъ не съ другомъ, а съ учителемъ, не умѣющимъ говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ какъ о дѣлѣ. Довольно странно было и то, что ему всѣ, за исключеніемъ Кравцева, говорили *вы*. Дѣло въ томъ, что Крючниковъ былъ вольнослушателемъ, не желая носить форму и подчиняться нѣкоторымъ правиламъ университета, и потому сошелся съ кружкомъ довольно поздно и не былъ на томъ вечерѣ, гдѣ провозгласился брудершафтъ на *ты*. Никто не подозрѣвалъ, что это не было дѣломъ случая и

Digitized by Google

что Крючниковъ никогда и не допустилъ бы себя до такой фамильярности со всѣми. Онъ говорилъ: «У насъ, если человѣку говорятъ *ты*, то при первомъ удобномъ случаѣ скажутъ: «Ты, братецъ, свинья!» а не то станутъ обходиться съ нимъ за панибрата даже и тогда, когда онъ на нихъ и плюнуть не захочетъ». Чрезъ полчаса Крючниковъ всталъ и взялся за шапку.

— Стойте, стойте! Я васъ не пущу, — крикнулъ хозяинъ.—Сейчасъ жжонка будетъ.

— Я не пью.

— Ну, на прощанье можно выпить.

Крючниковъ отрицательно покачалъ головой и уже пожималъ руку Пащенко.

— Такъ посидите, по крайней мѣрѣ.

— Спать пора.

— Вотъ выдумали! Одинъ разъ въ жизни не можете лечь позже.

— Для чего же?

— Какъ для чего? Вѣдь ужъ теперь не скоро соберется вся наша семья.

— Для попоекъ?

Крючниковъ показалъ головой на бутылки.

— Мы, кажется, въ пьянствѣ не грѣшны, а просто не соберемся вмѣстѣ, разбредемся въ разныя стороны.

— Ну, и прекрасно. Опытнѣе станемъ, тужить тутъ нечего. Что людей на жизнь провожать, какъ въ могилу? Останутся они все тѣми же, такъ и врозь будетъ весело; сдѣлаются подлецами, такъ будетъ пріятно, что врозь живемъ.

— Что же ты, Кравцевъ, не похвалишь его за краснорѣчіе?—иронически спросилъ Андреевъ.—Видишь, какъ онъ ловко оправдалъ необходимость лечь спать во-время.

— Боюсь съ нимъ шутить, на языкъ онъ остеръ,—сквозь зубы процѣдилъ Кравцевъ, все еще пасмурный и чѣмъ-то раздраженный.

Крючниковъ простился и вышелъ вонъ, спросивъ мелькомъ у Кравцева:

— А ты, конечно, остаешься?

— Конечно, остаюсь! — угрюмо, злобно и медленно произнесъ тотъ.

Крючниковъ, повидимому, не слыхалъ словъ Андреева, можетъ-быть, даже не видалъ его самого. Этотъ человѣкъ умѣлъ дѣлать какъ-то такъ, что никогда не видалъ Андреева, и не его одного, а и многихъ другихъ людей. Удивительно,

Digitized by Google

что Андреева и этихъ незамѣченныхъ людей именно это и бѣсило; они готовы были сдѣлать всякую глупость, только бы Крючниковъ засвидѣтельствовалъ своимъ вниманіемъ ихъ существованіе на свѣтѣ... Въ задымленной комнатѣ снова начали толковать о Крючниковѣ, потомъ перешли къ другимъ темамъ, похохотали, поострили, поспорили, наконецъ, запылала жжонка синеватымъ пламенемъ, раздалась старая пѣсня студентовъ — Gaudeamus, начались чоканья, рукопожатія, прощанія и, при бѣлесоватомъ свѣтѣ лѣтней ночи, потянулись тѣни расходившихся товарищей. Они вступали въ жизнь. Какимъ болѣзненнымъ, неестественнымъ свѣтомъ свѣтитъ петербургская лѣтняя ночь! Вступая въ жизнь при ея свѣтѣ, можно счесть это за пророчество, потому что и вся наша жизнь также полна обмана, и ея свѣтъ хуже мрака: онъ ложь...

Кравцевъ на этотъ разъ *прорвался*, какъ онъ самъ выражался въ подобныхъ случаяхъ, выпилъ больше всѣхъ и шелъ, шатаясь, по дорогѣ, напѣвая пѣсню: «Вѣрно, ты, улица, нынче пьяна». Ему пришлось идти мимо дома, гдѣ жилъ Крючниковъ; онъ машинально взглянулъ на окно квартиры своего неизмѣннаго, добраго друга-ворчуна и увидалъ въ ней свѣтъ. Невѣрною походкой перешелъ онъ на другую сторону улицы и разсмотрѣлъ подпертую лѣвою рукою и наклоненную надъ столомъ голову Крючникова, ярко озаренную пламенемъ свѣчи. Крючниковъ, повидимому, работалъ. «Вотъ оно что!»—произнесъ Кравцевъ, ударивъ себя по лбу, и пошелъ дальше, завязавъ немного прилипавшимъ къ гортани языкомъ довольно громкій разговоръ съ самимъ собою:

— А вѣдь ты, Кравцевъ, порядочная, то-есть, свинья,— говорилъ онъ. — Да отчего же это я свинья, позволь тебя спросить?—Да ужъ такъ; пьянствуешь ты, вотъ оно что, если на откровенность пошло!—Однакоже, я самъ себя понимаю и свиньей ты меня не смѣй обзывать, вотъ я и Крючникова тоже понимаю... и Крючниковъ, выругалъ онъ меня давеча, пьянствомъ попрекнулъ, а онъ меня тоже понимаетъ и... Что ты на дорогѣ, чортъ этакій, всталъ?—вдругъ неистово крикнулъ Кравцевъ и, размахнувшись, ударилъ кулакомъ по существу, назойливо заграждавшему передъ нимъ дорогу. Боль въ кулакѣ заставила его на мгновеніе придти въ себя и разглядѣть, что это невѣжливое существо была стѣна, около которой вилась лѣстница въ его квар-

Digitized by Google

тиру. — Въ третій разъ тебя, шельма ты этакая, бью! — съ злобой промолвилъ онъ и сталъ взбираться наверхъ.

— Посмотрите, спитъ ли братишка?—сказалъ Кравцевъ своей хозяйкѣ, войдя въ переднюю своей квартиры, и всѣмъ тѣломъ тяжело прислонился къ стѣнѣ.

Хозяйка—это была вдова унтеръ-офицера—на цыпочкахъ вошла въ комнату Кравцева и скоро вернулась назадъ.

— Спитъ,—сказала она.

— И... и... къ стѣнѣ лицомъ онъ спитъ?

— Къ стѣнѣ.

— Ну, и хорошо... И прекрасно хорошо... Вы ему завтра ни гу-гу, что я сегодня того, знаете, былъ... — невѣрнымъ языкомъ говорилъ онъ.

— Что я сплетница развѣ какая, чего мнѣ говорить...

— Да, да, чего вамъ говорить!.. Онъ, Матрена Матвѣевна, дитя, ребенокъ, то-есть... Что ему знать, что его братъ — подлецъ, того? Оно примѣръ, знаете, ей-ей не хорошо!.. Вотъ и я примѣръ сперва, привыкъ сперва...

— Знаю, знаю, батюшка, ложись съ Богомъ, — сказала хозяйка и пошла въ свою комнату, разсуждая про себя, что отчего же иногда и не выпить «хорошему» человѣку.

А Кравцева она считала—и, можетъ-быть, не безъ основанія—именно такимъ человѣкомъ.

Кравцевъ началъ тихонько раздѣваться въ передней, снялъ сапоги и верхнюю одежду, кое-какъ захватилъ всѣ эти вещи рукою, и, крадучись, какъ воръ, побрелъ въ свою комнату; на его лицѣ было выраженіе боязни и смущенія. Неслышно улегся онъ на жесткій диванъ и еще долгое время озлобленно шепталъ ѣдкія до боли, полныя желчи проклятія о судьбѣ, загубившей его, и прислушивался, спитъ ли его братишка, не проснулся ли, не услышалъ ли неровной походки старшаго брата, не почуялъ ли виннаго запаха. Но тотъ мирно спалъ, разбросавшись на мягкой постели, и ровно дышалъ молодою, здоровою грудью... Въ окно глядѣла румяная заря, и первый лучъ солнца игралъ на полу...

II

— Маша! Костя! Бѣгите сюда, Ваня пріѣхалъ, нашъ Ваня пріѣхалъ! Здравствуй, душка! Постой, милочка, я донесу твой сакъ. У-у, какой онъ тяжелый! Дай мнѣ лучше подушку. Куда же ты идешь? Какой ты смѣшной, тамъ спальня Маши.

Digitized by Google

Такъ лепетала молоденькая черноволосая дѣвушка съ вздернутымъ носикомъ и съ загорѣлымъ лицомъ, выбѣжавшая изъ деревенскаго дома встрѣчать своего брата Ивана Ивановича Пащенко, пріѣхавшаго изъ Петербурга.

— Постой, постой, ты его совсѣмъ затормошила! — послышался неторопливый мужской басъ, и въ залу, куда вошли братъ и сестра, медленной, тяжелой походкой, заставляя полъ издавать жалобные звуки, вступилъ довольно полный мужчина, съ блестящимъ отъ жира гладкимъ лицомъ. Его можно было бы назвать красивымъ, если бы полнѣйшее отсутствіе страсти на его лицѣ не вредило его красотѣ. Это былъ старшій братъ Ивана Ивановича, Константинъ. За нимъ шла его жена, женщина не толстая, не высокая, съ смѣтливыми и быстрыми глазами, съ безпокойными и юркими движеніями. Братья поздоровались.

— Чего вы хотите: чаю, кофею или молока? — спросила супруга старшаго брата, наскоро поздоровавшись съ пріѣзжимъ и заботливо усадивъ его въ другой комнатѣ на софу, гдѣ, по ея словамъ, было ловчѣе сидѣть, чѣмъ въ залѣ.

— Покуда я, право, ничего не хочу,—промолвилъ пріѣзжій.

— Ну, вотъ еще! Пожалуйста, не стѣсняйтесь.

— Я не стѣсняюсь, но...

— Ну, братъ, бухни лучше: чаю, кофею и молока! А такъ отъ нея не отдѣлаешься. Она не можетъ себѣ представить человѣка, не желающаго ничего изъ съѣстновки, какъ говорили у насъ въ морскомъ корпусѣ,—произнесъ съ одышкой старшій братъ и вздохнулъ широкимъ вздохомъ, точно онъ пронесъ верстъ пять тяжелую ношу и радъ, что сбросилъ ее съ плечъ.

— Чаю, если васъ не затруднитъ,—улыбнулся пріѣзжій.

— О, ее ничего не затруднитъ по этой части,—ввернулъ Константинъ Ивановичъ.

— Онъ у меня всегда такой!—хладнокровно произнесла Марья Дмитріевна—такъ звали хозяйку—и вышла изъ комнаты хозяйничать.

— Ты, котикъ, теперь не студентъ? — спросила сестра, все время съ любопытствомъ разсматривая брата, какъ дѣти разсматриваютъ новую игрушку.

— Нѣтъ. А что?

— Такъ... Какой ты хорошенькій! Вотъ, если бы Аннета Зайцева не вышла замужъ, ты могъ бы на ней жениться.

— Такъ ты меня ужъ и женить собираешься?

— Да вѣдь ты же не будешь старымъ холостякомъ. Они

Digitized by Google

такіе злые, брюзжатъ всегда... Душка, какъ я тебѣ рада!— внезапно перешла сестра къ новому восторгу и неожиданно поцѣловала руку у брата.

— Что съ тобой? — воскликнулъ онъ, краснѣя отъ этой ласки. И было отчего покраснѣть: у него, у вчерашняго студента, впервые цѣловала руку дѣвушка! — Какая ты экзальтированная, настоящая институтка. Это не годится.

— Ну, братъ, не взыщи, она и ко мнѣ на шею скачетъ, а мнѣ и самого себя тяжело таскать, — ввернулъ старшій братъ.

— Жаль, что ты въ деревнѣ живешь. Ты тутъ людей не видишь, не знаешь, какъ нужно жить и вести себя въ обществѣ.

— Поучи, братъ, ее, поучи. Нечего губки надувать, сударыня,—шутливо сказалъ толстякъ.—Она мнѣ всѣхъ деревенскихъ дѣвчонокъ зацѣловала. По ея, что ребенокъ — то душка! Разскажи-ка, какъ ты воевала съ одной душкой.

Сестра нахмурила черненькія брови и молчала.

— Что же, Катя?—спросилъ братъ Иванъ.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся толстякъ.—Стыдится разсказывать. Она, видишь ли, хотѣла поцѣловать одну изъ душекъ, а та, какъ вцѣпится ей въ лицо, и ну ее царапать... Вотъ и по сю пору знаки есть...

Иванъ Ивановичъ разразился искреннимъ смѣхомъ, но поспѣшилъ смолкнуть, увидавъ, что сестра уже успѣла заплакать.

— Ну, полно, полно,—нѣжно заговорилъ онъ, наклонился поцѣловать ее и покраснѣлъ отъ этого поцѣлуя.

Онъ еще видѣлъ въ ней не сестру, а постороннюю дѣвушку и совѣстился. Незнаніе семейныхъ отношеній, неловкость обращенія съ сестрой, желаніе поучить ее, — все обличало въ немъ новичка въ жизни, вчерашняго члена холостой компаніи студентовъ, третьягодняшняго наставника дѣтей. Ему самому были немного смѣшны его первые шаги въ семейной жизни.

— Опять вы мою Катю разстроили,—вступилась супруга Константина Ивановича, торопливо появившись въ комнатѣ въ сопровожденіи лакея, горничной и казачка.

Они несли чай, кофе, молоко, булки, масло... Впрочемъ, что же пересчитывать всѣ съѣстные припасы, несомые ими, этакъ и до завтра не кончишь.

— Что, братъ, не говорилъ ли я тебѣ, что всего надобно было потребовать? Однимъ чаемъ отъ нея не отдѣлаешься,— засмѣялся весельчакъ.

Digitized by Google

— Вы его не слушайте, онъ самъ померъ бы безъ ѣды,— совсѣмъ серьезно изрекла Марья Дмитріевна, хлопотливо заваривая чай, и вдругъ съ какимъ-то ужасомъ воскликнула: — Ахъ, что это они и не подумали, что вамъ переодѣться и умыться надо! Вотъ у васъ и тутъ, и тутъ, и тутъ пыль. Василій, Василій, отведи скорѣе барина въ ихъ комнату!.. Ахъ, Катя, хорошо ты хозяйничаешь, не знаешь, что людямъ освѣжиться съ дороги нужно. Ты только ласкаться рада...

Иванъ Ивановичъ повиновался и пошелъ за лакеемъ мыться и переодѣваться, не имѣя времени разсуждать, что для него дѣйствительно было нужнѣе съ дороги: ласки или умыванье? Съ этой минуты онъ могъ бы, не ошибаясь, сказать, что онъ поступилъ, какъ поступали всѣ другіе гости, подъ команду Марьи Дмитріевны во всемъ, что касалось ѣды, умыванья, порядка, времени прогулокъ, времени спанья, однимъ словомъ, всего того, что какъ-нибудь могло быть забрано въ свою власть хозяйкою. И надо сказать правду, какъ бы ни было непріятно свободолюбивымъ людямъ такое забираніе власти въ свои руки со стороны хозяйки, но они не могли сказать одного, что она распоряжается глупо, безсмысленно и несогласно съ требованіями гигіены. Нѣтъ! Она больше всего заботилась о чужомъ здоровьѣ. Она не позволила бы вамъ, ни за какія блага, гулять ночью во время сильной росы и спать до обѣда во время жара, не позволила бы вамъ сидѣть на сквозномъ вѣтру, поѣсть послѣ ботвиньи творогу съ молокомъ и выкупаться тотчасъ послѣ обѣда. Вы могли бы кричать, что это насиліе, могли бы мучиться подъ ея гнетомъ и бѣжать отъ него, — но, убѣжавъ, наѣвшись на свободѣ ботвиньи и творогу, насидѣвшись на сквозномъ вѣтру, однимъ словомъ, натѣшивъ всячески свою волюшку русскую и захворавъ, вы стали бы со вздохомъ думать: «Ахъ, права была эта нестерпимая Марья Дмитріевна: только подчиняясь ея правиламъ, можно быть здоровымъ!..» Предположите, что ваше здоровье поправилось бы. Что же вы сдѣлали бы? Пошли бы къ Марьѣ Дмитріевнѣ ѣсть приготовляемый ею бульонъ для выздоравливающихъ? Нѣтъ! Держу пари, что вы скорѣе бы снова наѣлись ботвиньи и творогу, а ужъ къ Марьѣ Дмитріевнѣ не пошли бы. Люди очень любятъ свободу (хотя грошовую, къ сожалѣнію), а Марьи Дмитріевны возятся со своими гигіеническими правилами... Эхъ, Марьи Дмитріевны, дайте людямъ свободу, а этимъ правиламъ они и безъ васъ вы-

Digitized by Google

учатся!.. Черезъ четверть часа Иванъ Ивановичъ воротился въ комнату въ другомъ нарядѣ и усѣлся къ чайному столу. Начались разговоры, деревенскіе разговоры шестидесятыхъ годовъ о мужикахъ, о близкой волѣ и тому подобныхъ, близкихъ сердцу предметахъ. Невѣстка жаловалась на мужиковъ и волю. Константинъ Ивановичъ махалъ на это руками и говорилъ, что самое лучшее предать все въ руки Бога. Сестра прорывалась своими институтскими восторгами, за ними слѣдовали нравоученія братьевъ, надуваніе губокъ сестры и заступничество невѣстки, говорившей, что ея Катя будетъ хорошею женою, что она хозяйничать начинаетъ, что у нея способность есть къ этому труду. Изъ этого возникъ маленькій споръ. Братъ Иванъ доказывалъ, что если у нея есть способность къ этому, довольно пошлому труду, то должна быть способность и къ болѣе разумной дѣятельности, и что онъ хотѣлъ бы пріучить ее именно къ такой дѣятельности. Марья Дмитріевна возразила на это, что полезнѣе хозяйничанья нѣтъ труда во всемъ мірѣ, и разсказала при этомъ анекдотъ, какъ у одной барыни, писавшей статьи, состоявшей членомъ богоугодныхъ заведеній, всегда тараканы въ супѣ попадались, а дѣтей поцѣловать было нельзя, потому что у нихъ тамъ что-то подъ носомъ постоянно торчало.

— Вы вотъ о заработной платѣ толкуете, ну, такъ и пускай жена беретъ себѣ жалованье, слѣдующее экономкѣ и кухаркѣ,—заключила хозяйка.

— Такъ вы жену считаете кухаркой мужа,—разсмѣялся братъ Иванъ.

— Пожалуй, кухаркой; ну, а онъ будетъ ея крѣпостнымъ батракомъ, зарабатывая деньги для уплаты ей жалованья.

— Ты, братъ, ее въ философіи не собьешь, — замѣтилъ Константинъ Ивановичъ.

— Si non e vero, e ben trovato,—сказалъ Иванъ Ивановичъ со смѣхомъ.

— Это, братецъ, по-латыни?— наивно и спокойно спросила Марья Дмитріевна.

— Ну, а въ языкахъ она не сильна,—вернулъ хозяинъ. Его шутливый тонъ слегка напомнилъ Ивану Ивановичу Кравцева.

Всѣ посмѣялись и этимъ закончили разговоры. На всѣхъ напала какая-то истома; всѣхъ клонило ко сну, но въ то же время было лѣнь подняться съ мѣста, чтобы добраться до постели, было лѣнь пошевелить языкомъ, чтобы обмѣняться

Digitized by Google

словомъ. Въ какой-то сладкой полудремотѣ, уютно угнѣздившись на креслахъ и на диванѣ, каждый отдавался всецѣло отдыху послѣ дневныхъ тревогъ и волненій. Въ головахъ, какъ легкія тѣни, проносились отрывки недоговоренныхъ фразъ, клочки невыяснившихся надеждъ, зачатки смутныхъ представленій, а то вдругъ вспоминалась неясная картина изъ слышанной въ дѣтствѣ сказки, или, неизвѣстно почему, раздавался въ ушахъ какой-то полузабытый музыкальный мотивъ, порой неуловимо ускользая, порой возникая снова въ затишьи вечерѣющаго дня.

А въ окно несся пропитанный ароматомъ меда и смолы воздухъ, немного отдававшій запахомъ отъ первыхъ порослей на стоячей водѣ пруда; гдѣ-то очень близко, протяжно, какъ бы выкликая кого-то, мычала корова, и скоро мимо сада пронеслось нѣсколько лошадей и раздалось рѣзкое хлопанье кнута и гиканье мчавшихся на лошадяхъ мальчишекъ; кто-то, зѣвая звучнымъ и долгимъ вздохомъ, точно подъ самымъ ухомъ, промолвилъ лѣнивымъ голосомъ: «Чаво лошадь загоняшь, и безъ того еле ноги волочитъ!» Вдали начиналъ отрывисто и отчетливо пощелкивать соловей; чрезъ нѣсколько минутъ онъ разсыпался неудержимою, звонкою трелью; въ этихъ звукахъ было что-то металлическое; потомъ снова все стихло и опять гдѣ-то, уже гораздо дальше прежняго, гораздо менѣе ясно, слышалось отрывистое пощелкиваніе соловья... Ночь темная и строгая глядѣла въ окна.

Первое, что бросилось въ глаза Ивану Ивановичу, когда онъ проснулся на другой день и взглянулъ съ балкона на окрестности, были ветхія, покрившіяся на-бокъ и до того почернѣвшія избы, что можно было думать, будто каждое бревно, каждая доска, составлявшія ихъ, лежали лѣтъ по десяти въ водѣ и затѣмъ уже никогда не просыхали, а медленно гнили. Во многихъ мѣстахъ ворота, несмотря на то, что ихъ приперли кольями, разъѣхались въ стороны, нагнулись впередъ и, повидимому, имѣли неодолимое поползновеніе упасть и отдохнуть отъ долголѣтней службы на кочковатой, представлявшей окаменѣвшія волны улицѣ, гдѣ новичокъ въ деревенской жизни непремѣнно прошелъ бы посреди, ломая ноги о засохшія кочки грязи, но не рискнулъ бы пробраться по утоптанной мужицкими ногами тропинкѣ около крестьянскихъ избъ, боясь ихъ паденія. Не боялись этого только привычные люди, знавшіе, что

Digitized by Google

избы уже въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ все грозятъ паденіемъ, а между тѣмъ не падаютъ и, значитъ, простоятъ еще десятки лѣтъ, подопрутся еще десятками кольевъ и все будутъ стоять попрежнему, по-старому. У Ивана Ивановича болѣзненно сжалось сердце, не потому, что онъ былъ особенно добръ или привязанъ къ мужикамъ, а просто по той же простой причинѣ, по которой свѣжій человѣкъ умираетъ скорѣе въ угарной комнатѣ, чѣмъ постоянно лежащій въ ней больной. При въѣздѣ въ Іерусалимъ въ гасъ сердце обливается кровью при видѣ страшныхъ фигуръ прокаженныхъ, а жители святого града ничего—живутъ себѣ спокойно и при случаѣ гоняютъ безъ всякой пощады тѣхъ, которыхъ видъ вызвалъ ваши слезы. Все—дѣло привычки!

— Что, братъ, сельскими видами любуешься?—спросилъ шутливый голосъ у Ивана Ивановича; послѣдній обернулся и увидалъ сіяющую довольствомъ, жиромъ, лѣнью, толстую фигуру брата-помѣщика.

— Не весела родная картина, не залюбуешься ею,—отвѣтилъ онъ, и почему-то ему въ эту минуту была досадна шутливость брата.

— Ну, не взыщи, какая есть! Не нравится, потому что отвыкъ.

— Да, давно я не былъ въ этихъ мѣстахъ. Все кажется новымъ, страннымъ. А вѣдь, какъ подумаешь, все то же,—вотъ въ этой самой комнатѣ я жилъ ребенкомъ, здѣсь...

— Отецъ поролъ меня въ первый разъ не на животъ, а на смерть,—въ тонъ брата окончилъ Константинъ Ивановичъ.

— Экія у тебя воспоминанія поэтическія!

— Ну, не взыщи, какія есть!—повторилъ Константинъ Ивановичъ.

— Неужели они-то тебя и дѣлаютъ веселымъ?

— Да чего же тужить? Вонъ, я тогда ревѣлъ, какъ отецъ поролъ въ первый разъ, а потомъ разсчиталъ, что послѣ моей порки ключница и нянька добрѣе дѣлаются ко мнѣ, и сталъ этимъ пользоваться: меня выпорютъ, а я вареньемъ заѣмъ... Однако, пойдемъ, жена ждетъ съ чаемъ, молокомъ, булочками...

Братья спустились внизъ. Тамъ каждый членъ семьи былъ спрошенъ о томъ, какъ онъ спалъ, что во снѣ видѣлъ, былъ приглашенъ обсудить значеніе сна во всѣхъ подробностяхъ, былъ попотчеванъ и чаемъ, и молокомъ, и булочками, и нещадно уговариваемъ взять еще чаю, молока

Digitized by Google

и булочекъ. Потомъ Марья Дмитріевна посовѣтовала мужчинамъ—что почти равнялось приказанію при ея настойчивости—объѣхать поля, посмотрѣть на работы, и такимъ образомъ соединить полезное съ пріятнымъ, то-есть, узнать ходъ работъ, придать своимъ присутствіемъ силъ и бодрости «трудолюбивымъ земледѣльцамъ», освѣжить себя и запастись аппетитомъ. Братья поѣхали. Ивану Ивановичу бросались въ глаза все тѣ же ветхія избы, изнуренные люди, бѣдная одежда, засохшая грязь, скверныя дороги. Внутренно онъ былъ недоволенъ хозяйствомъ брата, недоволенъ былъ также тѣмъ, что у самого брата, въ его домѣ, въ его саду, все было устроено отлично, заботливо и разсчетливо. Но молодой человѣкъ старался не высказывать своего неудовольствія и сохранять миръ съ семьею. Насмотрѣвшись на все, наши герои возвратились домой, гдѣ уже ждалъ ихъ обильный завтракъ. Отличныя блюда приготовляла Марья Дмитріевна.

— Эхъ, братъ, все хорошо, только дѣлежъ вотъ этотъ!— вздохнулъ Константинъ Ивановичъ, глотая пирожокъ.

— Что-жъ дѣлежъ? У насъ дѣло не спорное, хлопотъ не будетъ,—отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Знаю я это *не будетъ!*

— Да я и не понимаю до сихъ поръ,—сказала Марья Дмитріевна:—для чего вы дѣлиться хотите. Развѣ вы здѣсь хозяйничать навсегда останетесь?

— Нѣтъ.

— Такъ вамъ же не выгодно отдѣлиться.

— Но когда мы раздѣлимся, то я буду свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ по устройству моихъ крестьянъ.

— Чего тутъ свободенъ? Выйдетъ указъ, какъ ихъ устроить, такъ и устроимъ,—сказалъ Константинъ Ивановичъ.

— Ну, нѣтъ, я хочу иначе это дѣло сдѣлать. Они бѣдствуютъ, надо улучшить ихъ положеніе.

— Ну, братецъ,—вступилась убѣдительнымъ тономъ Марья Дмитріевна:—улучшать тутъ нечего, ихъ положенія не улучшите, хоть озолотите ихъ. Я пробовала и посуду имъ на ярмаркѣ покупать, и деньги, и одежду давала,—все въ кабаки несутъ.

— Это и натурально.

— Одежду-то въ кабакъ нести?

— Да. Этими грошевыми помощами ничего не подѣлаешь, ихъ надо на волю отпустить съ большимъ надѣломъ.

— Ну, нѣтъ-съ, мой мужъ не можетъ дать надѣлъ

Digitized by Google

больше законнаго, и для чего это?—сердито сказала хозяйка и вышла вонъ.

— Охъ,—вздохнулъ Константинъ Ивановичъ:—а я какъ подумаю объ этомъ дѣлѣ, такъ мурашки по тѣлу и забѣгаютъ.

— Неужели ты не сочувствуешь освобожденію крестьянъ?

— Да вѣдь работы-то сколько будетъ,—ужаснулся толстякъ.—Ты подумай одно, заведутся эти переписки, отписки, записки, счеты, расчеты... А, прахъ ихъ побери всѣхъ! Да я еще ребенкомъ, бывало, какъ примусь за ариѳметику, такъ у меня зубы и пойдутъ, и пойдутъ, на стѣну, бывало, лѣзу, такая боль! Это у меня врожденное.

— Ахъ, ты, лежень!—воскликнулъ, смѣясь, Иванъ Ивановичъ.—Какъ же это ты Марью-то Дмитріевну увезти рѣшился? видно, не боялся хлопотъ.

— Ну, что это за хлопоты! Я любилъ съ офицерами на тройкахъ кататься, какъ вышелъ въ отставку...

— А ссора и примиреніе съ родителями?

— Чего ссориться? Я съ ними не ссорился. Они и безъ того отдали бы ее за меня, можетъ, и знали даже, что я ее увезу, шутъ ихъ разберетъ! Сговорился я съ нею, что увезу,—ну, и увезъ, потомъ на колѣнки передъ отцомъ встали,—простилъ...

— То-есть, поразнообразить жизнь захотѣлось?

— А почему я знаю, чего захотѣлось. Дурь была.

— А теперь?

— Теперь, братъ, я въ халатѣ...

Братья смолкли.

— Мы вотъ о вашей свадьбѣ разсуждаемъ,—сказалъ Иванъ Ивановичъ вернувшейся Марьѣ Дмитріевнѣ:—что вы скажете объ...

— Ну, ужъ говорите, говорите!—воскликнула она недовольнымъ голосомъ:—а я теперь по хозяйству, у насъ корова захворала,—съ этими словами хозяйка пролетѣла въ свою комнату за какою-то понадобившеюся ей вещью.

Въ комнатѣ воцарилась тишина; Константинъ Ивановичъ началъ учить собаку носить поноску и время-отъ-времени нещадно билъ ее за непонятливость. Визгъ животнаго сталъ, наконецъ, раздражать слухъ Ивана Ивановича.

— Ты ходишь на охоту?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, какая охота!..

— Такъ зачѣмъ же ты мучишь пса?

— Не дуракомъ же ему расти.

Digitized by Google

— Совсѣмъ бы не держалъ собаки, а вѣдь это нервы раздражаетъ.

— Ахъ, ты, барыня нервная!

Иванъ Ивановичъ пожалъ плечами и сердито вышелъ изъ комнаты. Еще долго доносились къ нему въ мезонинъ невыносимые визги собаки и неистовые крики Константина Ивановича: «apporte, apporte!! убью тебя, шельма!»

— Живодеры,—бормоталъ молодой человѣкъ, ходя большими шагами по комнатѣ.

А внизу, между тѣмъ, говорили про него, смѣялись надъ его нервною выходкою, порицали его за желаніе благодѣтельствовать своимъ мужикамъ, говорили, что онъ новыхъ идей набрался о человѣколюбіи, а между тѣмъ, съ перваго же дня вноситъ непріятности въ тихую семейную жизнь, отравляетъ ее для близкихъ людей. Катерина Ивановна была безмолвной слушательницей этихъ толковъ. Съ слѣдующаго дня Иванъ Ивановичъ началъ дѣлать визиты сосѣдямъ, сосѣди отплатили ему тѣмъ же, пошли толки, новости, вопросы, сужденія; все было такъ обыкновенно, такъ пахло провинціей и шестидесятыми годами, что передавать всего этого не стоитъ. Между тѣмъ, въ домѣ было рѣшено, что на зиму вся семья поѣдетъ въ городъ, раздѣлится и примется за устройство крестьянъ. Катерина Ивановна радовалась предстоящей поѣздкѣ и прыгала, какъ дитя, хотя этому прыганью мѣшали иногда замѣчанія брата Ивана.

— Ты, Катя, кажется, останешься вѣчнымъ ребенкомъ,— говорилъ онъ.

— И прекрасно, — вступилась Марья Дмитріевна.—У нея сердце чисто, оттого она и веселится, брюзжать ей нечего.

— Я не про веселость говорю, но про эту экзальтацію. Она волнуется отъ пустяковъ, а передъ серьезными вещами закрываетъ глаза.

— Еще бы вы стали требовать, чтобы ребенокъ восхищался отличною картиною, а не простою игрушкою.

— Ну, иныя изъ такихъ дѣтей, какъ она, живутъ уже самостоятельною жизнью, своихъ дѣтей имѣютъ...

— Ахъ, Господи, да развѣ она виновата, что на ней еще никто не женился!—съ обидчивостью воскликнула Марья Дмитріевна.

— Вы меня не поняли...

— Гдѣ васъ понять!

Наставало тяжелое молчаніе. Марья Дмитріевна начинала

Digitized by Google

недолюбливать мужнина брата; Катерина Ивановна начинала дуться...

III.

Надъ деревней Миловидовой, между тѣмъ, пронеслось лѣто, нахмурилась осень. Хлѣбъ убрали, сѣно скошяли, поля стали похожи на давно небритый подбородокъ стараго солдата, деревья уныло и глухо шумѣли безлистными вѣтвями. Порою, по утрамъ, виднѣлись кое-гдѣ бѣлыя пятна на деревянныхъ мостахъ: это были первые слѣды осеннихъ морозовъ. Но снѣгу еще не было. Дни въ помѣщичьемъ домѣ шли вяло и медленно. Иванъ Ивановичъ большую часть дня проводилъ въ своемъ кабинетѣ, работалъ, читалъ, писалъ, учился; наработавшись, онъ спускался въ общія комнаты и каждый разъ, если не было гостей, что при дурныхъ дорогахъ случалось часто, встрѣчалъ одну и ту же картину соннаго застоя, болотнаго спокойствія, мирной апатіи. Константинъ Ивановичъ обыкновенно или училъ и тиранилъ любимую собаку, или сидѣлъ, до крайности серьезно углубившись въ свое дѣло и прилежно разсчитывая, за граппасьянсомъ. Его лицо выражало въ эти минуты строгую думу и даже умъ, отчего пошлость занятія бросалась еще ярче въ глаза. Марья Дмитріевна вязала безконечно-длинные и безчисленные шерстяные шарфы, такъ что можно было думать, что у нея цѣлая сотня дѣтей и родныхъ, требующихъ этихъ шарфовъ. Изрѣдка ея голову внезапно посѣщали какія-нибудь хозяйственныя соображенія, и она вскакивала, на минуту бѣжала распорядиться и снова возвращалась къ вязанью, дожидаясь новаго хозяйственнаго вдохновенія, чтобы опять на минуту покинуть работу. Катерина Ивановна усидчиво вязала шелковый кошелекъ съ бисеромъ или читала какой-нибудь французскій романчикъ. Тишина въ комнатѣ нарушалась только пощелкиваніемъ деревянныхъ спичекъ Марьи Дмитріевны, боемъ часовъ и храпомъ собаки, высыпавшейся до новаго ученья. Иногда нарушало тишину восклицаніе Константина Ивановича, скорбѣвшаго, что пасьянсъ не выходитъ. Иногда слышалась протяжная зѣвота, сопровождаемая похожими на вздохъ словами: «э-эх-хе-хе!» или «о-охъ, Господи!» Прежде чѣмъ увидѣть эту картину, Ивану Ивановичу приходилось проходить по передней, гдѣ лакей и казачокъ или дремали, или играли въ носки и также тоскливо зѣвали... Иванъ Ивановичъ медленными шагами, какъ привидѣніе, входилъ

Digitized by Google

въ комнату, садился въ кресла и молчаливо кусалъ ногти: знакъ неудовольствія.

— Опять не выходитъ!—волновался Константинъ Ивановичъ, и въ его тонѣ слышалось, что въ душѣ онъ загнулъ пасьянсу крѣпкое русское словцо.

— Пятый разъ проклятый Наполеошка не выходитъ.

— Да ты вѣрно зѣваешь,—вступалась Марья Дмитріевна.

— Какое зѣваю! Ни одного перевода нѣтъ. Вотъ тутъ валетъ пикъ заколодилъ, а здѣсь четверка червей.

— Да ты попробуй переводы сдѣлать,—совѣтовала Марья Дмитріевна и, опустивъ на колѣни шарфъ, приникала къ столу.—Вотъ здѣсь переводъ есть.

— Говорятъ тебѣ, что изъ этого ничего не выйдетъ.

— Вотъ заладилъ одно: не выйдетъ! не выйдетъ? Ты попробуй, да тогда и говори.

— Чего мнѣ пробовать,—злился Константинъ Ивановичъ:—развѣ я такъ не вижу? Что ты, въ самомъ дѣлѣ, матушка, за дурака меня, что ли, считаешь? Сообразить не могу я вѣрно, по-твоему?

— Ну, да ужъ попробуй!

— Смѣшно все, вотъ тебѣ и проба!

— Этакъ и раскладывать пасьянсъ не нужно, если у тебя терпѣнья нѣтъ.

— Ну, и не нужно!

— Разумѣется, не нужно!

— Вязала бы свои шарфы!

— Для тебя же вяжу.

— Очень мнѣ ихъ нужно!

— Ну, такъ я Васькѣ отдамъ, и ходи безъ шарфа.

— И буду ходить.

— Да и будешь!

Супруги не на шутку ссорились. Въ ихъ голосахъ слышалось и дрожаніе, и злоба. Иванъ Ивановичъ и они сами знали, что миръ возстановится при слѣдующемъ удачномъ пасьянсѣ, когда шельмецъ Наполеонъ выйдетъ, и что война закипитъ снова при другомъ неудачномъ пасьянсѣ, когда оба минутные врага выскажутъ другъ другу сотни колкостей, сильно взволнуютъ себя и потомъ вмѣстѣ пойдутъ спать... Эти волненія безспорно доставляли имъ и удовольствіе, и развлеченіе, но Ивану Ивановичу отъ этого не было веселѣе. Въ его сердцѣ кипѣла досада, и эта досада еще болѣе усиливалась тѣмъ, что его сестру часто приглашали играть роль судьи, и она нисколько не изумлялась

Digitized by Google

отъ этого предложенія, но исполняла роль отлично. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Иванъ Ивановичъ былъ раздраженъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Ему было досадно и на пошлую серьезность брата, и на постукиваніе спичекъ Марьи Дмитріевны, и на достойное похвалы прилежаніе сестры. Онъ не вытерпѣлъ.

— Какъ тебѣ не надоѣстъ, сестра,—промолвилъ онъ:—заниматься этою дрянью.

— Какою дрянью?

— Да вотъ вязаніемъ этого чулка.

— Это не чулокъ, это я кошелекъ вяжу для...

Катерина Ивановна нерѣшительно остановилась.

— Кому нужны эти кошельки?

— А я хотѣла...—снова начала Катерина Ивановна и не кончила, ея голосъ уже дрожалъ слезами.

Братъ этого не замѣтилъ.

— Помилуй,—продолжалъ онъ:—этотъ шелкъ, бисеръ, все это стоитъ большихъ денегъ, вязанье стоитъ труда, а что изъ этого выйдетъ? Неудобный кисетъ съ царапающимъ руки стальнымъ бисеромъ, тряпка, которая загрязнится черезъ мѣсяцъ. Если тебѣ нуженъ кошелекъ, то ты можешь купить его, не трудясь попусту, купить дешевле, чѣмъ стоитъ этотъ матеріалъ, и купленный кошелекъ изъ кожи будетъ прочнѣе, а, значитъ, и лучше. Надо же тебѣ пріучаться правильно глядѣть на вещи и не быть уѣздной барышней.

Катерина Ивановна опустила на колѣни вязанье и поникла головой. Незамѣтно для нея самой изъ ея глазъ покатились слезинки, наконецъ, одна изъ нихъ упала на ея руку и заставила ее очнуться. Дѣвушка быстро встала и торопливо вышла изъ комнаты, уже рыдая на порогѣ...

— Что съ ней?—съ изумленіемъ спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Эхъ вы, молодежь,—съ упрекомъ произнесла Марья Дмитріевна:—разстраивать только мою Катю умѣете! Вѣдь она для васъ къ именинамъ этотъ кошелекъ торопилась довязать.

Иванъ Ивановичъ смутился, онъ чувствовалъ себя правымъ, но ему было жаль сестру. Онъ еще въ университетѣ получилъ названіе *благодушнаго*, и оно было дано ему не даромъ. Вечеръ прошелъ скверно. Катерина Ивановна, наплакавшись до сыта молодыми слезами, сочла за нужное надуть свои хорошенькія губки и не выйти къ чаю, чтобы

Digitized by Google

помучить брата. Ее уже занимало это мщеніе, и передъ ея воображеніемъ носилась сцена примиренія, полная трогательныхъ фразъ, цѣлованій рукъ и тому подобныхъ прелестей. Кого изъ васъ, юныя читательницы, не занимали эти сцены и еще въ деревнѣ, среди однообразной, убійственной скуки осеннихъ дней? Надо же, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-нибудь разнообразить жизнь!

— Ну, полно дуться, Катя,—говорилъ на другой день Иванъ Ивановичъ, встрѣтивъ сестру безъ свидѣтелей.

Ожиданная сцена настала. Катерина Ивановна чувствовала, что ея маленькое сердечко бьется сильнѣе обыкновеннаго.

— Я не дуюсь,—отрывисто отвѣтила она и продолжала надувать хорошенькія губки.

— Вотъ еще! развѣ я не вижу. Я не зналъ назначенія этого кисета, и потому невольно обидѣлъ тебя. Но пойми, мой другъ, что я желаю тебѣ добра. Ты тратишь время и силы на пустяки.

— Что же вы мнѣ прикажете дѣлать?

— Во-первыхъ, не впадай въ этотъ пошлый провинціализмъ, и не говори мнѣ въ видѣ колкости *вы*. Это не колко, а пошло и мелочно. Во-вторыхъ, надо же тебѣ понять меня и знать, что я не приказывать хочу, а совѣтовать. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы моя сестра была развитою, честною дѣвушкою.

— Что съ тобою, развѣ я безчестная?—воскликнула съ ужасомъ Катерина Ивановна и готовилась расплакаться.

— Ты меня не поняла. Въ нашемъ кругу называютъ честными тѣхъ, кто употребляетъ свои силы и время на полезный трудъ, а ты этого не дѣлаешь. Такихъ людей у насъ зовутъ не подлецами, а дармоѣдами.

— И всѣ у васъ тамъ поучаютъ другихъ?—съ иронією спросила сестра; ей вдругъ сталъ досаднымъ поучительный тонъ брата, она ожидала драматической сцены примиренія, а не этихъ наставленій и резонерства.

— Если нужно, поучаютъ.

— Ну-съ, такъ что же мнѣ дѣлать?

— Читай...

— Ха-ха-ха,—засмѣялась сестра надъ братомъ, какъ надъ дуракомъ.—Вотъ одолжилъ! А что же я дѣлаю по утрамъ и вечерамъ, когда ложусь спать.

— Что же ты читаешь?

Digitized by Google

— Дюма теперь читаю.

— Ну, это хуже вязанья кисетовъ.

Сестра снова надула губки при словѣ кисетъ, обиднымъ для ея кошелька.

— Такихъ книгъ не только можно не читать, но и не должно ихъ читать. Читай серьезныя книги. При твоемъ воспитаніи трудно читать даже популярно написанныя ученыя статьи, ну, такъ начни съ хорошихъ романовъ. На что годятся похожденія разныхъ мушкетеровъ? Гдѣ ты встрѣтишь подобныхъ куколъ въ жизни? А ты возьми вотъ хоть Теккерея, «Ярмарку Тщеславія» или «Пенденниса» прочти. Тамъ ты встрѣтишь почти на каждой страницѣ такіе вѣрные взгляды на жизнь, такія ѣдкія осмѣянія ея пошлостей, что, мало-по-малу, твоя мысль проснется, станетъ работать, ты захочешь выбиться на лучшую дорогу, стать лучшимъ членомъ общества. Передъ тобой будутъ проходить не просто англичане съ своими страстями, но люди, давно знакомые тебѣ. Въ какой-нибудь брошенной съ дѣтства, гонимой за бѣдность, развившей вслѣдствіе этихъ гоненій до крайности свое самолюбіе, дошедшей потомъ до пороковъ и страшнаго коварства, Ребеккѣ Шарпъ, ты узнаешь одну изъ своихъ небогатыхъ и также гонимыхъ подругъ. Въ пустомъ, блестящемъ, праздномъ, изнѣженномъ богачѣ-офицеришкѣ Осборнѣ ты увидишь портретъ десятка такихъ же личностей, уже видѣнныхъ тобой. Ты, не трогаясь съ мѣста, войдешь за кулисы блестящаго, праздная, наглаго свѣта; авторъ силою своего громаднаго таланта сдернетъ передъ тобою нарумяненныя маски съ надменныхъ барынь, и ты съ отвращеніемъ отвернешься отъ ихъ натуральныхъ лицъ, отъ ихъ цинизма, прикрытаго красивыми формами, отъ ихъ развращенности, прикрытой нравственными изреченіями и благотворительностью - изъ остатковъ отъ стола и податей, собранныхъ съ тѣхъ же бѣдняковъ.

Иванъ Ивановичъ увлекся, что съ нимъ бывало рѣдко, и говорилъ съ жаромъ. Сестра невольно заслушалась его, и съ ея лица исчезли слѣды раздраженія, насмѣшливости, досады и всѣхъ другихъ чувствъ, волновавшихъ ее за минуту; они замѣнились выраженіемъ вниманія и любопытства. Передъ ней, хотя и смутно, промелькнулъ новый міръ. Въ тотъ же вечеръ она попросила у брата одинъ изъ романовъ Теккерея. Прошелъ день, другой, третій, Иванъ Ивановичъ мелькомъ спросилъ у сестры: понравился ли ей романъ?

Digitized by Google

— Скучно ужасно: я какъ начну читать, такъ и задремлю.

Братъ съ удивленіемъ и сожалѣніемъ поглядѣлъ на нее.

— Ты не привыкла даже и къ такому чтенію,—покачалъ онъ въ грустномъ раздумьи головою и помолчалъ.— Не хочешь ли, чтобы я прочиталъ его вслухъ? Такъ будетъ лучше, дѣло пойдетъ живѣе.

Согласіе было получено. Въ тотъ же день, вечеромъ, въ помѣщичьемъ домѣ деревни Миловиды, происходило литературное чтеніе. Читалась «Ярмарка Тщеславія». Чтеніе шло благополучно, тишина и вниманіе были полныя; наконецъ, чтецъ былъ пораженъ легкимъ посвистываніемъ и сопѣніемъ Константина Ивановича. Иванъ Ивановичъ взглянулъ на брата: тотъ мирно почивалъ, разложивъ карты на столѣ и откинувъ голову на спинку софы. Его ротъ былъ раскрытъ до-нельзя, выраженіе какого-то сладостнаго, безмятежнаго покоя и довольнаго чувства бродило по лицу. Иванъ Ивановичъ смутился и покраснѣлъ, ругая себя въ душѣ за наивное поползновеніе читать Теккерея при родныхъ.

— Знаешь ли, сестра, что?—сказалъ онъ шопотомъ.

— Нѣ-ѣтъ,—лѣниво и медленно протянула она, задумчиво перебирая бахромки своей шерстяной косынки.

— Если ты хочешь, чтобы я читалъ, то приходи ко мнѣ, или я приду къ тебѣ, а здѣсь... Ну, это просто нелѣпо!

— Читайте, читайте, я слушаю,—воскликнула Марья Дмитріевна, входя въ комнату и взявшись за вязанье.— Я только на минуту по хозяйству выходила.

— А, такъ и васъ здѣсь не было, я и не замѣтилъ,— сказалъ Иванъ Ивановичъ, принужденно улыбаясь.

— А? что?—вздрогнулъ Константинъ Ивановичъ, проснувшись подъ внезапный говоръ.—Славно вздремнулъ,— произнесъ онъ, потягиваясь.—Ну, что это,—какъ ее тамъ зовутъ? Сара, что ли?—окрутила съ собой этого толстопузаго дурака-индѣйца?—спросилъ онъ, раскладывая карты.

— Нѣтъ,—неохотно отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну, а какъ та-то, другая, сладенькая такая,—ну, какъ ее тамъ зовутъ?—что она, вышла за кого-нибудь?— продолжалъ хозяинъ разспросы.

— Это Наполеонъ или двѣнадцать спящихъ дѣвъ?— спросилъ раздражительно Иванъ Ивановичъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Эхъ, ты! Это звѣздочка, братъ!—торжествующимъ то-

Digitized by Google

помъ сказалъ толстякъ, какъ бы сожалѣя брата за незнаніе.— Наполеонъ въ одну колоду раскладывается, и всѣ карты за разъ на столъ кладутся, а это звѣздочка.

— А-а!—протянулъ Иванъ Ивановичъ и, бросивъ полный значенія, не то насмѣшливый, не то вопросительный взглядъ на сестру, ушелъ къ себѣ.

Катерина Ивановна все перебирала бахромки... Вотъ далась ей въ этотъ вечеръ работа! Чтеній болѣе не было. Сестра призналась, что Теккерей для нея скученъ. Братъ Иванъ вздумалъ ее поучить, довелъ до слезъ, до надуванія губокъ, до трехдневнаго молчанья и, наконецъ, не вынося мелкихъ сценъ мелочной ссоры, переломилъ себя, попросилъ извиненія, махнулъ на все рукою и радовался, что настала санная дорога и явилась возможность ѣхать въ городъ.

— Вотъ вы всѣ вѣрно такіе, нашумите, обидите, а послѣ сами же прощенья просите,—сказала съ торжествующимъ видомъ сестра меньшому брату въ день примиренія.

— Да, мой другъ, но не дай тебѣ Богъ прилѣпиться сердцемъ къ одному изъ тѣхъ *нашихъ*, который и не захочетъ *твоего* прощенія,—какъ-то грустно и пророчески произнесъ братъ.

По большому тракту, ведущему къ ближайшему отъ деревни Миловиды губернскому городу, убогія клячи убійственно медленно тащили рыдванъ, не то домашняго, не то другого какого-то издѣлія, но во всякомъ случаѣ допотоннаго происхожденія. На широкихъ козлахъ (такіе козлы можно видѣть въ столицѣ у погребальныхъ дрогъ) сидѣли лакей и ямщикъ или, лучше сказать, ямщичій армякъ, въ которомъ ямщикъ какъ бы желалъ спрятаться или утонуть съ головой. На лакеѣ была фуражка, похожая на широкій и плоскій кочанъ синей капусты съ шеею вмѣсто кочерыжки, и шинель съ поднятымъ собачьимъ воротникомъ, опоясанная кушакомъ. Она походила на рыжій, поношенный больничный халатъ, къ которому для неизвѣстныхъ причинъ придѣлали пелеринку, очень часто во время порывовъ вѣтра закрывавшую кочанъ капусты. По близости отъ губернскаго города рыдванъ былъ обогнанъ другимъ рыдваномъ; послѣдній былъ немного поновѣе перваго. Лакей, сидѣвшій на козлахъ второго рыдвана, безмолвно мотнулъ головою, откинувъ ее назадъ; это движеніе рыломъ вверхъ, походившее на выраженіе досады или, какъ говорится, на фырканье, можно было перевести слѣдующимъ вопросомъ:

Digitized by Google

— Туда ѣдете?

Лакей на козлахъ перваго рыдвана точно такъ же безмолвно мотнулъ головой впередъ, точно поздоровался, и этотъ жестъ уже безъ всякаго сомнѣнія означалъ отвѣтъ:

— Туда ѣдемъ!

Затѣмъ рыдваны, мало-по-малу, потеряли другъ друга изъ виду и, ныряя въ снѣжныхъ ухабахъ, продолжали свой путь.

— Пащенковы господа тоже въ губернію пріѣдутъ сегодня,—говорила горничная изъ крѣпостныхъ своей барынѣ, разбирая изъ безчисленныхъ кузововъ, саковъ и чемодановъ разныя вещи.

— Ты почему знаешь?

— Ихній лакей нашему сказывалъ, какъ мы ихъ обогнали.

— А! такъ это они тащились. Ну, ужъ клячи же у нихъ! Вѣрно, крестьянскія,—замѣтила барыня и поспѣшила передать извѣстіе своему мужу.

Тотъ передалъ извѣстіе своимъ знакомымъ, тѣ—своимъ, и къ вечеру того же дня весь губернскій городъ говорилъ о событіи. Чиновники почему-то уже знали, что Пащенки, какъ выражались они на своемъ жаргонѣ, ѣдутъ дѣлиться, и одинъ изъ нихъ чесалъ объ уголъ стола лѣвую ладонь,—значитъ къ деньгамъ. Старики знали, что молодой Пащенковъ новыхъ идей набрался, богоотступникомъ сдѣлался, и даже, по преданію давно минувшихъ дней, называли его вольтерьянцемъ. Офицеры квартировавшаго десять лѣтъ въ губернскомъ городѣ армейскаго полка знали, что старшій Пащенко сестру везетъ съ рукъ сбывать, что она, ничего, дѣвчонка такъ себѣ и за нею можно того... Матери семействъ—послѣднія больше всѣхъ знали—говорили, что она нищая, совсѣмъ нищая, что старшій братъ ухлопалъ ея деньги, всѣ до копеечки ухлопалъ на постройки и судитъ женихамъ оставить ей послѣ своей смерти свою часть имущества, а между тѣмъ у него еще свои дѣти будутъ; что Марья Дмитріевна еще прошлый годъ надѣялась быть матерью и не говорила объ этомъ только потому, что боится не сбыть съ рукъ капризную, распрекапризную дѣвчонку. Однѣ барышни,—надо отдать имъ справедливость,—какъ существа нѣжныя, невинныя и полныя кротости, ничего, ровно ничего не знали и на разспросы о Катеринѣ Ивановнѣ говорили: «Мы ее совсѣмъ не знаемъ, о ней ходитъ такъ много странныхъ толковъ, что мы боялись сближаться

Digitized by Google

съ нею; можетъ-быть, тогда сказали бы, что это мы распускаемъ про нее слухи».—И на вопросъ о томъ, какіе это слухи ходятъ про Катерину Ивановну, барышни упорно отговаривались полнѣйшимъ незнаніемъ, говорили просто, какъ и слѣдовало невиннымъ созданіямъ, что про Катерину Ивановну *говорятъ*. Боже мой, сколько яду можетъ быть въ этихъ трехъ слогахъ: говорятъ! Что говорятъ: хорошее, дурное, правду, ложь? «Право, не знаемъ,—отвѣчаютъ вамъ,—но говорятъ!» Вы невольно опускаете голову, задумываетесь, ломаете ее и исподлобья съ недовѣрчивостью смотрите на человѣка, про котораго *говорятъ*. «А можетъ-быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ того, думается вамъ, вѣдь чортъ въ его душу влѣзетъ!»

— Какъ зовутъ этого Пащенко, не Иваномъ ли Ивановичемъ?—спрашивалъ одинъ армейскій офицеръ въ обществѣ товарищей.

— Нѣтъ, его зовутъ Константиномъ Ивановичемъ,—отвѣтили ему:—а вотъ братъ его, такъ тотъ Иванъ Ивановичъ.

— А, такъ онъ, значитъ, не ѣдетъ сюда?

— Отчего же значитъ. Напротивъ того, онъ-то и снастерилъ этотъ пріѣздъ.

— Такъ вѣдь мы съ нимъ друзья!—воскликнулъ офицеръ, нисколько не изумляясь остроумію своего товарища. — Я еще кадетомъ былъ съ нимъ дружонъ.

— Э, такъ ты этакъ и за нею пріударишь по дружбѣ.

— Ты по себѣ вѣрно судишь. Я не привыкъ видѣть въ женщинѣ самку и бѣгать за первою женскою юбкой,—съ презрѣніемъ произнесъ офицеръ.

Авторъ этой повѣсти стоялъ во время сейчасъ приведеннаго разговора спиной къ говорившимъ, но какъ только произнеслась послѣдняя фраза, то тотчасъ же онъ обернулся и поспѣшилъ пожать руку стараго знакомаго, зная, что, кромѣ Андреева, никто не способенъ произносить въ нашъ вѣкъ подобныя фразы. Разумѣется, ошибки не могло быть, и Андреевъ сжалъ протянутую ему руку. Онъ былъ во всемъ блескѣ своего величія, съ взбитыми волосами, съ разстегнутымъ сюртукомъ, съ запущенными въ карманы панталонъ руками, и стоялъ въ толпѣ офицеровъ, съ которыми былъ на *ты* и которыхъ ненавидѣлъ отъ всей души, считая ихъ подлецами, — по какимъ причинамъ — это извѣстно одному ему.

— Смотрите, вы мнѣ не смѣйте измѣнить!—воскликнулъ

Digitized by Google

жена ротнаго командира Лазаревскаго, худенькая, живая полковая барыня, украденная мужемъ въ окно изъ родительскаго дома, ходатайствовавшая за невинныхъ юношей передъ холостякомъ-начальникомъ полка, трепавшая ихъ въ видѣ ласки по едва покрытымъ пушкомъ щечкамъ, дававшая имъ за проценты денегъ въ долгъ, игравшая въ ландскнехтъ и по-походному рожавшая дѣтей въ промежутокъ времени между первымъ и третьимъ робберами ералаша.

— Я не изъ числа вашихъ поклонниковъ и измѣнить вамъ не могу, хоть бы и хотѣлъ,—грубо отвѣтилъ Андреевъ и, кажется, старался встать въ эту минуту на цыпочки и взбить выше свой хохолъ, чтобы быть больше своего роста.

— Ахъ, грубіянъ! Ну, да я васъ за это и обожаю.

— Вы всѣхъ обожаете, кто не умѣетъ выигрывать.

— Скажите, пожалуйста, онъ огрызаться вздумалъ!

— А вѣдь ты, братецъ, подлецъ, дамамъ грубишь,—вступился поручикъ Зловъ, длинный и сухощавый, но, впрочемъ, славный малый.

— Убирайся, свинья!—произнесъ Андреевъ.—Ты вѣжливъ! Я знаю, съ кѣмъ и какъ говорить, а ты гдѣ могъ этому научиться! На томъ погибельномъ Кавказѣ, что ли?

— Это онъ философствуетъ, господа, каѳедру ему надобно поставить!—возгласилъ басомъ толстякъ Матвѣевъ, вѣчно пребывавшій подпоручикомъ и все собиравшійся перейти въ другой полкъ, такъ какъ въ этомъ подпоручикамъ не везетъ и новые поручики постоянно садятся имъ на шею.

— А вотъ мы вмѣсто каѳедры заставимъ его по травушкѣ, по муравушкѣ, по зелененькой пройтись,—сострилъ Лазаревскій и указалъ на ломберный столъ очень невзрачнаго вида.

— Эхъ, ты хоть бы столъ-то новый купилъ,—забасилъ толстякъ, повторявшій эту фразу каждый разъ передъ началомъ игры.

— Ну, опять выиграетъ!—съ горечью воскликнула Лазаревская, шумно подвигая стулъ. Она считала эту фразу Матвѣева чѣмъ-то въ родѣ таинственнаго заклинанія, доставлявшаго ему выигрышъ.—Хоть бы одинъ разъ позабылъ сказать о покупкѣ стола!

— Да чѣмъ же я, матушка, виноватъ, что вы новаго не покупаете!—оправдывался Матвѣевъ.

Читатель можетъ быть увѣренъ, что толстякъ сталъ молчаливо разсуждать съ самимъ собою, что, можетъ, и въ са-

Digitized by Google

момъ дѣлѣ эти слова не простыя, и далъ себѣ обѣтъ не произносить ихъ на слѣдующій разъ въ видѣ опыта. Конечно, на слѣдующій разъ онъ по разсѣянности произнесъ ихъ снова, выигралъ и опять далъ тотъ же неисполнимый обѣтъ... Если заглянуть въ будущее, то мы увидимъ Матвѣева дряхлымъ старцемъ, разсказывающимъ юношамъ о томъ, что у него въ былые дни были такія слова, отъ которыхъ онъ выигрывалъ... Вотъ вы и толкуйте тутъ о вѣрованіяхъ... Пошутивъ такимъ пріятнымъ образомъ, все общество усѣлось за карты и весело, очень весело кончило день или, лучше сказать, начало его, такъ какъ въ семь часовъ утра, когда я сѣлъ записывать о послѣднихъ происшествіяхъ, мимо моихъ оконъ протащились немного взъерошенныя фигуры моихъ новыхъ знакомыхъ...

IV.

На другой день послѣ пріѣзда въ городъ, Константинъ Ивановичъ, кряхтя и жалуясь на снѣгъ, на необходимость облечься въ парадное платье, на свои возвратившіеся въ дорогѣ ревматизмы и другія невзгоды, поѣхалъ дѣлать визиты властямъ города и знакомымъ. Иванъ Ивановичъ остался дома и, совершенно неожиданно для него, былъ посѣщенъ Андреевымъ. Послѣдній посвятилъ своего пріятеля во всѣ тайны городской жизни, описалъ черными красками своихъ знакомыхъ, и поговаривалъ о необходимости выйти въ отставку и избрать другую карьеру.

— На этой дорогѣ мнѣ нечего дѣлать, здѣсь поневолѣ приходится слѣдовать совѣту Кравцева и плевать въ потолокъ,—съ горечью говорилъ онъ.

— Ну, ты себѣ рисуешь все въ мрачномъ видѣ,—замѣтилъ Пащенко.—Есть же и тутъ порядочные люди и мѣсто для дѣятельности, только не нужно гнаться за какой-то міровой дѣятельностью. Вѣдь ты всегда можешь быть полезнымъ солдатамъ, наблюдать, чтобы они все получали, учить ихъ грамотѣ, обращаться съ ними лучше другихъ. Это тоже дѣятельность очень почтенная.

— Да, ты такъ толкуешь, потому что ты въ военной жизни ничего не смыслишь.

— Однако, здравый-то смыслъ и у меня есть, и я понять могу, что пользу вездѣ приносить можно.

— Знаемъ мы эти отвлеченныя разсужденія, а попробуй-ка приложить ихъ къ дѣлу, такъ и осядешь.

Digitized by Google

— Ну, а ты пробовалъ?—улыбнулся лѣнивой улыбкой Пащенко и зѣвнулъ.

— Пробовалъ!—съ досадой сказалъ Андреевъ, видя, что его іереміада не произвела должнаго впечатлѣнія на слушателя.—Ты со своимъ благодушіемъ представляешь всѣхъ людей агнцами, а поживи-ка съ ними, такъ они тебѣ и покажутъ волчьи зубы.

Въ это время горничная доложила молодому Пащенко, что его просятъ къ завтраку; хозяинъ и гость пошли въ столовую. Тамъ уже сидѣли Марья Дмитріевна, Катерина Ивановна и какой-то беззубый старичокъ-гость. Началась рекомендація.

— Мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами,—съ ласковою улыбкою сказала Марья Дмитріевна.—Братецъ говорилъ намъ такъ много хорошаго о своихъ друзьяхъ, къ числу которыхъ принадлежите и вы.

— Да, я долго принадлежалъ къ ихъ кружку.—вздохнулъ съ чувствомъ Андреевъ:—да вотъ судьба закинула меня въ это гніющее болото.

— Нѣтъ-съ, здѣсь климатъ ничего, хорошій,—вмѣшался старичокъ.

Андреевъ сострадательно улыбнулся.

— А люди?—бросилъ онъ вопросъ.—Вы не повѣрите, Марья Дмитріевна, что здѣсь за общество. Карты, пьянство, развратъ! Нѣтъ ни одной вполнѣ честной семьи, ни одной нравственной женщины, ни...

— Ахъ, нравственность великое дѣло!—воскликнула Марья Дмитріевна.—Я почти рада, что моя Катя живетъ съ нами въ деревенской глуши. Ей скучно, людей она не видитъ, но зато тамъ въ своей семьѣ она спокойнѣе.

— О, я вполнѣ съ вами согласенъ. И не все ли равно, гдѣ жить? Все дѣло въ томъ, съ кѣмъ жить. Трудиться, быть полезнымъ можно и въ деревнѣ.

— Вотъ и мы съ Катей то же говоримъ, что вы. Она такъ трудолюбива, такъ любитъ тишину семейной жизни, что у меня за нее сердце радуется.

Катерина Ивановна потупила глаза и мѣшала ложечкой въ чашкѣ. Иванъ Ивановичъ грызъ ногти.

— Да, Катерина Ивановна примѣрная дѣвица-съ, и это дѣлаетъ ей еще больше честь, потому что она живетъ въ нашъ вѣкъ,—ввернулъ вкрадчивымъ голосомъ старичокъ, нюхая табакъ, и сдѣлалъ какую-то лисью физіономію.

Digitized by Google

— Да, могу сказать, что она будетъ примѣрною женою,— торжественно произнесла Марья Дмитріевна.

Андреевъ, сощуривъ глаза, пристально и насмѣшливо поглядѣлъ на Катерину Ивановну; та вспыхнула. Иванъ Ивановичъ всталъ и, подойдя къ окну, сталъ барабанить по стеклу.

Въ комнатѣ воцарилось неловкое молчаніе.

— Вы имѣете здѣсь родственниковъ?—обратилась Марья Дмитріевна къ Андрееву.

— Нѣтъ-съ. Моя матушка въ деревнѣ живетъ,—скороговоркой отвѣтилъ онъ.

— Далеко ея деревня?

— Подъ Москвой.

— Ну, ей, вѣроятно, не скучно жить въ кругу семейства...

— Она одна.

— Ахъ, Боже мой, значитъ, вы у нея одинъ сынъ?

— Одинъ-съ.

Андреевъ отвѣчалъ теперь отрывисто и ѣдко.

— Бѣдная, бѣдная! какъ ей тяжело, должно-быть, въ разлукѣ съ единственнымъ сыномъ. Я вполнѣ понимаю эти чувства. Вотъ Катя и не моя дочь, а я, кажется, не перенесла бы, если бы мы жили съ нею въ разлукѣ, я такъ ее люблю.

— Это вполнѣ замѣтно!—отвѣтилъ Андреевъ, взглянувъ не на Марью Дмитріевну, а на Катерину Ивановну проницательными глазами.—Вамъ тяжело будетъ разстаться съ нею,—продолжалъ онъ особенно выразительнымъ голосомъ:— когда Катерина Ивановна пойдетъ замужъ, а вѣдь это можетъ скоро случиться.

— Да-съ, невѣста-съ барышня! — сладостно улыбнулся старичокъ и сдѣлалъ умильные глазки.

— Ахъ, не напоминайте мнѣ объ этомъ!—вздохнула хозяйка.

— Ну, теперь мнѣ можно идти,—сказалъ Андреевъ Ивану Ивановичу, дѣлая удареніе на словѣ: теперь, и раскланялся съ дамами.

Каждой изъ своихъ фразъ онъ умѣлъ придать особенное значеніе ловкой интонаціей голоса.

Проводивъ пріятеля, Пащенко прошелся по городу, зашелъ въ кондитерскую, посмотрѣлъ, какъ дуются на бильярдѣ стрѣлки, прочиталъ мѣстныя газеты, гдѣ кто-то длинно разсуждалъ о приближающихся праздникахъ и «о пригото-

Digitized by Google

веніяхъ благороднаго дворянства къ блестящимъ баламъ», пошелъ домой, засталъ тамъ двухъ посѣтителей, послушалъ ихъ толки объ освобожденіи крестьянъ и откупахъ, и довольно скучно кончилъ день, чувствуя какую-то истому. На другой день, утромъ, онъ мимоходомъ забрелъ къ Андресву и нашелъ его лежащимъ въ нижнемъ бѣльѣ и въ пальто на кровати. По столамъ были разбросаны книги, почти всѣ были раскрыты и потрепаны. Андреевъ лежалъ, подложивъ руки подъ голову, и глядѣлъ въ потолокъ.

— А-о! ты, Чернявкинъ?—крикнулъ онъ, не поворачиваясь.

— Нѣтъ, это я,—отвѣтилъ Пащенко.

— А! другъ любезный,—промолвилъ Андреевъ и, повернувшись на бокъ, протянулъ руку гостю, не вставая съ постели.

— Что ты боленъ?

— Горло что-то болитъ.

— Потому и валяешься?

— Нѣтъ, вѣдь я сегодня дежурный.

— Какъ дежурный?—съ изумленіемъ взглянулъ Пащенко на костюмъ Андреева.

— Что ты удивляешься? Одѣться я еще не успѣлъ, да и для чего? все равно придется просидѣть дома.

— Въ этомъ-то и состоитъ дежурство? — улыбнулся гость.

— Нѣтъ, тамъ въ роту надо бы идти, говядину вѣшать, капусту смотрѣть, да что толку въ этихъ формальностяхъ! Я посмотрю, а украсть все-таки украдутъ.

— Ваше благородіе,—послышался недовольный и грубый голосъ, и въ двери просунулся какъ-то бокомъ денщикъ, молодой парень съ крупными чертами и открытымъ вѣтру носомъ.

— Чего тебѣ?

— Изъ роты пришли.

— Ну, зови сюда.

Въ комнату явился солдатъ съ извѣстіемъ о дракѣ, случившейся въ ротѣ, и вытянулся передъ лежащимъ Андреевымъ.

— А чортъ бы васъ всѣхъ побралъ,—крикнулъ Андреевъ:— ступай, приду.

Солдатъ повернулся налѣво кругомъ и вышелъ.

— Чернявкинъ, одѣваться... Ты меня извини, Иванъ Ивановичъ, что я при тебѣ буду одѣваться... Ты куда давеча

Digitized by Google

бѣгалъ? опять за горничными ухаживаешь? — говорилъ Андреевъ, обращаясь то къ гостю, то къ слугѣ.

— Что мнѣ за ними бѣгать, ваше благородіе?—сурово отвѣчалъ денщикъ, одѣвая барина.—И какія тутъ горничныя! Захотѣли вы, ваше благородіе, горничныхъ въ этомъ чортовомъ гнѣздѣ, рукъ-то объ нихъ марать не стоитъ, вонъ оно что!

— Ну, ну, не разсуждать! Что ты сюртука не умѣешь подать, подлецъ! Убирайся!

Денщикъ вышелъ.

— Туда же, скотина, философствуетъ. Вѣдь ты не повѣришь,—говорилъ Андреевъ гостю:—этому подлецу весь прекрасный полъ здѣсь знакомъ. И хоть бы рожа была позволительная, а то, замѣтилъ ты, на носу у него тамъ какая-то шишка! И вѣдь его же дарятъ, бестію; у него бѣлья больше, чѣмъ у меня.

— Скоро ты будешь готовъ?—прервалъ его Пащенко, не то съ отвращеніемъ, не то со злобой.

— Пойдемъ.

Молодые люди вышли, а денщикъ сталъ прибирать комнату, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ своего барина.

— Ишь ты,—ругался онъ, швыряя вещи:—книги-то раскидалъ! Въ десяти за разъ читаетъ, видно грамота не далась...

— Что твою сестру еще не просватали?—шутливо спросилъ Андреевъ у Пащенко.

— Нѣтъ. Она объ этомъ еще и не думаетъ,—отвѣтилъ послѣдній.

— Я вполнѣ вѣрю... Какое у ней энергическое и отважное личико.

— Да.

— Жаль только, что она, кажется, поддалась вліянію жены твоего брата... Ты меня извини, Иванъ Ивановичъ, а вѣдь вчера мнѣ просто гадко стало, какъ эта женщина начала вербовать меня въ женихи. Пренеловкое положеніе играть роль покупателя невѣсты и слушать описаніе доброты живого товара.

— Я думаю, ты понимаешь, что сестра въ этомъ не виновата и протестуетъ противъ этого, вѣдь не разругаться же ей при гостяхъ съ милой родственницей.

— О, конечно!.. Пожалуйста, не обижайся... Всѣ онѣ такія, эти ветошки стараго міра: будь у меня сестра, то и моя мать, вѣроятно, слѣдовала бы тактикѣ Марьи Дмитріевны...

Digitized by Google

Какое счастье, что ты стоишь теперь около неустоявшейся дѣвушки!..

— Н-да,—разсѣянно промолвилъ Пащенко и простился съ пріятелемъ.

Въ этотъ день онъ долго ходилъ безъ цѣли по городу, прозѣвалъ обѣдъ, запутался на улицахъ, пришелъ домой усталый и, облокотившись на столъ въ своей комнатѣ, опустивъ руки на голову, просидѣлъ въ раздумьи до полночи. Тяжелыя думы роились въ его головѣ; онъ предвидѣлъ почти все, что̀ можетъ быть съ нимъ, съ его сестрою, съ Андреевымъ, съ братомъ, съ невѣсткою и—что было мучительнѣе всего—не могъ найти силъ и средствъ остановить роковое опредѣленіе судьбы, то-есть уничтожить въ этихъ людяхъ все прошлое и привить къ нимъ новое.—Да, люди изобрѣтутъ многое, построятъ вѣчные храмы и дворцы, соорудятъ милліоны верстъ желѣзныхъ дорогъ, облегчатъ новыми машинами до-нельзя трудъ человѣка, но никогда до скончанія міра не найдутъ они средства уничтожать слѣды наслѣдственныхъ болѣзней и останавливать въ разгарѣ дѣйствія ядовъ, носящихъ ярлыки съ надписями: прошлое, среда, обстановка. Откройте этотъ секретъ, и тогда, только тогда проповѣдуйте человѣчеству начала новой жизни. Не принимайте легко этихъ словъ, не считайте ихъ пустою фразою желчнаго человѣка, но знайте, что только одни эти слова были покуда плодомъ соціальной науки за ея тысячелѣтнія громадныя изысканія, труды и размышленія.

А въ городѣ кипѣла жизнь, сплетни, толки, шитье нарядовъ, закупка провизіи, приготовленія къ праздникамъ. Офицеры того полка, гдѣ служилъ Андреевъ, съ завистью посматривали на офицеровъ стрѣлковаго батальона, для которыхъ предстоялъ рядъ торжествъ на Рождествѣ. Стрѣлки—это гвардія провинціи. Стрѣлки-душки, это стереотипное названіе упрочилось за ними въ устахъ всѣхъ уѣздныхъ барышень, какъ упрочилось названіе «душка-флотскій» за моряками въ Кронштадтѣ. Душки первенствовали на балахъ, душки составляли выгодныя партіи, душки поднимали свои носики не хуже гвардейскихъ адъютантовъ, душки танцовали съ неизъяснимой граціей, душки устраивали благородные спектакли. Вражда между душками и недушками была постоянная, хотя и не слишкомъ глубокая. Марья Дмитріевна и Катерина Ивановна тоже не дремали, потратили не мало денегъ на наряды и приготовленія къ праздникамъ. Онѣ такъ углубились въ эти приготовленія, что почти не замѣчали

Digitized by Google

окружающихъ лицъ и событій. Приготовленія къ дѣлежу братьевъ Пащенко, посѣщенія помѣщиковъ и другихъ женатыхъ стариковъ—все это промелькнуло безъ слѣда передъ двумя женщинами, изъ которыхъ одна собиралась приступить къ таинствамъ бальныхъ побѣдъ, а другая старалась употребить всѣ усилія, чтобы трофеемъ этихъ побѣдъ былъ мужъ для побѣдительницы. Но вотъ настало Рождество, насталъ первый балъ.

— Дашка, Дашка, бѣги къ собранью, погляди, пріѣхалъ ли кто-нибудь!—раздаются приказанія въ господскихъ домахъ.

И вотъ Дашка бѣжитъ, смотритъ, дрожитъ на морозѣ, смѣшитъ народъ своею растрепанною фигурою, выслушиваетъ остроумныя соображенія о томъ, что, вѣрно, она тоже на балъ собралась, огрызается, лается и, наконецъ, вскачь летитъ домой, машетъ руками, болтаетъ ногами, трещитъ языкомъ:

— Пріѣхали, пріѣхали! Салтыковскіе господа пріѣхали; на самой красное платье!

— Что ты, дура, выдумала! Красное! Надѣнетъ ли она красное платье!—восклицаетъ съ пренебреженіемъ барыня, а у самой сердце такъ радостно бьется, бьется...

Оно билось такъ же сильно только еще одинъ разъ въ жизни, когда приговоренный докторами къ смерти первенецъ-сынъ, предназначенный съ пеленокъ къ дипломатическому поприщу, пережилъ кризисъ, и было объявлено, что онъ останется живъ... Собраніе горитъ огнями, на улицѣ плошки, мальчишки плюютъ въ нихъ, любуясь, какъ вспыхиваетъ огонь; полиція суетится, кричитъ, гоняетъ народъ; толпа весело продирается посмотрѣть, какъ пріѣдутъ веселиться господа, она вполнѣ довольна этой арлекинадой, не требуетъ другихъ удовольствій, а господъ все прибываетъ. Въ залѣ мелькаютъ, сходятся, расходятся желтыя, красныя, голубыя, бѣлыя платья; душки-стрѣлки крутятъ усики, почти съ ловкостью гвардейцевъ говорятъ: pardon! Другіе офицеры немного пасмурнѣе, но стараются тоже быть ловкими, тоже говорятъ: pardon! Въ дверяхъ, ведущихъ въ другія комнаты, виднѣются важныя осанки петербургскихъ чиновниковъ по особымъ порученіямъ, пріѣхавшихъ на время въ провинцію и готовыхъ чрезъ два-три мѣсяца снова унестись въ столицу съ запасомъ ѣдкихъ, но, къ сожалѣнію, старыхъ—какъ старо все подъ луною,—остротъ надъ провинціей, надъ всѣми этими людьми, которые посматриваютъ съ заискивающими улыбками на сшитую въ столицѣ одежду, на ловко вбрасываемыя

Digitized by Google

въ глазъ стеклышки... Въ залѣ становится нестерпимо жарко, всѣ чего-то ждутъ, *кого-то* нѣтъ еще, безъ *кого-то* не смѣютъ веселиться, но вотъ *кто-то* пріѣхалъ, грянула музыка, понеслись пары въ безумно-опьяняющемъ танцѣ, и блестящая толпа, заплативъ деньги за право въ извѣстное время натирать полы, вертится, крутится въ современной пляскѣ св. Вита, мотаетъ десятками головъ, толкаетъ другъ друга въ бока, раздираетъ купленныя въ долги дорогія, но непрочныя платья. Потъ льетъ со всѣхъ градомъ. Лазаревская въ малиновомъ платьѣ громко хохочетъ, съ ухарствомъ армейской барыни вздергиваетъ голову передъ чинными аристократками города и, схвативъ подъ руку юнаго, дежурнаго при ея особѣ прапорщика, продирается локтемъ сквозь толпу, шумно говоря: «нужна же и намъ дорога!» Свѣчи оплываютъ и нѣсколькимъ матерямъ, чинно и злостно сплетничающимъ вокругъ залы, уже успѣли налиться на чепцы порядочныя горки стеарину... А вдали виднѣются лысыя головы старцевъ, играющихъ въ карты, и иной отецъ, глубокомысленно вынимая для хода короля бубенъ, думаетъ сладкую думу: «Авось нынче сбуду свою Машутку!» По его лицу бродитъ сладкая, какъ его дума, улыбка, а его противникъ размышляетъ съ тайною злобой: «Ишь, старый чортъ, обремизитъ, по улыбкѣ его поганой вижу!..» О, дальновидность людей!..

V.

— Кто это въ бѣломъ?—спросилъ у своего сосѣда стоявшій въ дверяхъ чиновникъ изъ столицы, выкинувъ ловкой гримасой стеклышко отъ глаза.

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ хвостикомъ, приличный и красивый собою, какъ приличны и красивы всѣ петербургскіе чиновники изъ значительныхъ. Богъ ихъ знаетъ, откуда они набираются этой благообразности! Положимъ, портные въ столицѣ отлично шьютъ платье и вату кладутъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ округлости членовъ быть; но лицо-то, лицо-то,—вѣдь съ нимъ ничего не подѣлаешь, отчего же оно такъ серьезно, и важно, и полно достоинствомъ, что при взглядѣ на него невольно склоняешь голову и узнаешь въ немъ образъ одного изъ благодѣтелей, лучшихъ сыновей, полезнѣйшихъ членовъ, геніальныхъ правителей отечества? Однако, мы невѣжливо заставили великаго человѣка ждать съ нетерпѣніемъ отвѣта на вопросъ.

— Сестра Пащенко,—отвѣчали ему.

Digitized by Google

— Выдается изъ толпы!—тономъ приговора изрекъ столичный чиновникъ.

— Это, я думаю-съ, потому, что онѣ умышленно просто одѣты и причесаны,—осмѣлился свое сужденіе имѣть провинціалъ.—Вы замѣчаете-съ?..

— Можетъ-быть, но все же выдается,—строго и холодно прервалъ столичный чиновникъ и вбросилъ стеклышко въ глазъ, любуясь энергичнымъ, разгорѣвшимся отъ удовольствія личикомъ Катерины Ивановны, съ полуоткрытымъ ротикомъ и непокорно поднимавшимися природными завитками гладко зачесанныхъ волосъ.

Эти завитки составляли одну изъ прелестей ея особы, и даже апатичный старшій братъ не могъ не любоваться ими и говаривалъ ей: ахъ, ты, моя красавица-растрепуха!

Черезъ полчаса послѣ этого разговора всѣхъ удивило, что столичный чиновникъ сдѣлалъ туръ съ Катериной Ивановной. Онъ не танцовалъ еще ни съ кѣмъ, и это взбѣсило все общество; на Катерину Ивановну посматривали не то съ завистью, не то съ злобой и поддѣльной насмѣшливостью.

— Удивительно хороша! — съ ядовитой ироніей восклицали матушки.

— Она думаетъ, что очень эффектно, когда волосы выбьются и висятъ завитками на лбу!

— Видно и коротки же они у ней, матушка; косищу-то только большую привязала. А то статочное ли дѣло, чтобы спереди этакіе коротенькіе концы были, если коса велика.

— Это она изъ кокетства подстригаетъ спереди одинъ локонъ, они и не сами вьются у нея, сама всякій день завиваетъ ихъ.

Между тѣмъ, петербургскій чиновникъ снова навелъ разговоръ на нашу героиню и мелькомъ спросилъ у сосѣда:

— Богата она?

— Нѣтъ-съ. Старшій братъ оставитъ имъ все свое состояніе, большое состояніе, ну, да еще когда онъ умретъ-съ, и притомъ же человѣкъ онъ въ порѣ, дѣтей можетъ имѣть. До смерти же своей будетъ выдавать проценты съ потраченнаго имъ капитала Катерины Ивановны.

— А-а! Она недурно воспитана?

— Да-съ. Онѣ въ институтѣ были, въ Москвѣ-съ.

— Я знаю.

Разговоръ на этомъ прервался, но на столичнаго чиновника всѣ уже смотрѣли, какъ на погибшаго для міра, то-

Digitized by Google

есть, какъ на жениха, на котораго другимъ невѣстамъ нечего разсчитывать. Общество до того хорошо знало жизнь, что могло предвидѣть до мельчайшихъ подробностей всѣ будущіе поступки столичнаго чиновника по этому дѣлу. Во-первыхъ, онъ станетъ посѣщать семью Пащенко, узнаетъ подробности о количествѣ состоянія, степени ума и образованности невѣсты, ея характеръ, ея родственныя связи, ея прошлое, т.-е. не было ли грѣшковъ, и потомъ молча станетъ взвѣшивать всѣ собранныя свѣдѣнія и, наконецъ, рѣшится на что-нибудь. Предложитъ онъ свою руку или нѣтъ, это неизвѣстно; во всякомъ случаѣ, зимнее время будетъ имъ убито не безъ удовольствія, не безъ сладости. Кому же не сладко, хотя играя съ собой въ прятки, считать себя на время «женихомъ возможности» и, покуривая сигару въ тишинѣ своего кабинета, рисовать въ воображеніи прелестныя картины семейной жизни, ласки молодой красавицы-жены, первый лепетъ дѣтей? Совѣтую всѣмъ холостякамъ попробовать періодически увѣрять себя, что ихъ покорила та или другая юная особа и вслѣдствіе этого ухаживать за ней, справляться обо всемъ, касающемся ея, обращаться за справками ко всѣмъ ея знакомымъ... Занятіе, право, не дурное и не скучное. И какъ будутъ ухаживать люди за узнающимъ о чужихъ дѣлахъ человѣкомъ, вѣдь ему можно все сообщать, разсказывать, расписывать. А что же можетъ быть пріятнѣе толковъ о дѣлахъ ближняго?

За этимъ достопримѣчательнымъ баломъ послѣдовали другіе достопримѣчательные балы, но гораздо важнѣе ихъ было появленіе въ домѣ Пащенко довольно частаго гостя, чиновника изъ столицы, Виктора Владиміровича Благово. Онъ былъ неразговорчивъ, серьезенъ, строгъ, но вѣжливъ, несуетливо ловокъ. Онъ безъ улыбки выслушивалъ наивности Марьи Дмитріевны и шуточки по поводу этихъ наивностей со стороны Константина Ивановича. Онъ выслушивалъ съ полусострадательною, съ полунасмѣшливою улыбкою завѣтныя идеи рѣдко, но рѣзко и горячо прорывавшагося Ивана Ивановича. Онъ доставалъ билеты на балы и благородные спектакли Катеринѣ Ивановнѣ и, не сходясь съ нею близко, не разсыпаясь передъ нею въ комплиментахъ, умѣлъ показать ей, что она лучше другихъ, лучше въ глазахъ его, умѣющаго-таки судить о людяхъ. Онъ сожалѣлъ, что провинціальные балы и спектакли плохи и пошлы, говорилъ, что они не даютъ понятія о блескѣ столичныхъ баловъ и спектаклей. Когда молодой Пащенко замѣтилъ, что сестра

Digitized by Google

черезчуръ увлекается всѣми этими плясками и представленіями, что она легко смотритъ на жизнь, столичный чиновникъ возразилъ на это своимъ холоднымъ и твердымъ голосомъ:

— Пусть молодость будетъ молода и веселится.

— Не худо бы и о дѣлѣ подумать. Не все же женщинѣ быть куклой, надо же ей привыкнуть трудиться.

— А-а! вы принадлежите къ эмансипаторамъ женщинъ!— улыбнулся чиновникъ.

— Что же, вы думаете, что этотъ вопросъ вздоръ?

— Помилуйте, я, кажется, не сказалъ никакого мнѣнія насчетъ этого. Я только говорю, что молодость должна быть молода. Пусть Катерина Ивановна попируетъ на праздникѣ жизни, а тамъ время само укажетъ, что̀ нужно дѣлать дальше.

Иванъ Иванычъ попробовалъ доказать, что поздно будетъ послѣ привыкать къ дѣлу, но Благово отвѣчалъ сухими «да» и «нѣтъ», посмотрѣлъ на часы и откланялся, спросилъ у Катерины Ивановны, будетъ ли она на слѣдующемъ балу, и получилъ утвердительный отвѣтъ. Повидимому, онъ не обращалъ никакого вниманія ни на рѣчи, ни на самого Ивана Ивановича.

— Экая деревянная кукла! — пробормоталъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну, онъ живетъ и веселится, это не похоже на деревянную куклу, — сказала Катерина Ивановна. — Вотъ если бы онъ только хандрилъ, да отъ общества бѣгалъ, то...

Иванъ Ивановичъ холодно взглянулъ на сестру и безмолвно вышелъ изъ комнаты, не дослушавъ ея фразы.

— Не понравилось!—произнесла Марья Дмитріевна вслѣдъ ему, и по ея живому лицу промелькнула торжествующая улыбка.

Она начала передавать своей Катѣ какіе-то важные секреты, посмѣивалась и въ чемъ-то увѣряла ее, разъ двадцать повторяя: — а вотъ посмотри, что такъ будетъ, ужъ это недаромъ.

Въ какіе-нибудь два мѣсяца времени Катерина Ивановна успѣла поднять свою хорошенькую головку и съ необыкновенною, только женщинамъ свойственною ловкостью переняла отъ Благово манеру говорить и вести себя, хотя, повидимому, цѣлая пропасть лежала между молоденькою дѣвушкою и петербургскимъ чиновникомъ. Всѣ наивности Марьи

Digitized by Google

Дмитріевны и Константина Ивановича она стала выслушивать съ снисходительно-величавою улыбкою, всѣ совѣты младшаго брата принимала съ сострадательною насмѣшливостью, постоянно соглашалась съ нимъ, какъ бы изъ великодушія, и поступала по-своему. Два-три раза, вспомнивъ отзывъ Благово о ея братѣ и всей современной молодежи, она назвала Ивана Ивановича ребенкомъ, восторженнымъ юношей, и онъ, вглядываясь пристальнѣе въ лицо сестры, увидалъ въ ней не прежнюю институтку, готовую плакать изъ-за бездѣлицы, но восемнадцатилѣтнюю дѣвушку-невѣсту, можетъ-быть, сознавшую это и мечтавшую въ тишинѣ ночей о томъ, что она не дитя, что она черезъ полгода можетъ выйти замужъ и скоро сдѣлаться хозяйкой дома и даже матерью.

Кто хорошо и пристально слѣдилъ за развитіемъ дѣвушекъ, тотъ знаетъ этотъ періодъ быстраго перелома во всемъ ихъ существѣ; передъ этимъ періодомъ наивность, дѣтство, ребяческая раздражительность, — послѣ него принятіе на себя великой роли жены и матери или ворчливость, ехидная злостность, бездушная эгоистичность старой дѣвы. Ивану Ивановичу сдѣлалось еще грустнѣе, когда онъ понялъ важность переживаемой сестрою эпохи. Но что могъ онъ сдѣлать, когда Марья Дмитріевна не дремала и усердно снабжала своими наставленіями молодую дѣвушку?

— Скверную роль приходится тебѣ играть, Катя,—говорилъ онъ ей однажды, сидя съ нею вдвоемъ въ гостиной.

— Какую роль? — спросила она вскользь, не поднимая головы и пересматривая визитныя карточки знаменитыхъ людей въ альбомѣ, подаренномъ Викторомъ Владиміровичемъ.

— Роль продающейся съ аукціона невѣсты.

Она пожала плечами и улыбнулась.

— Ты думаешь, что меня продаютъ?

— Разумѣется, продаютъ, если показываютъ. Еще въ первый визитъ Андреева, меня, да и его тоже, поразило это наглое расхваливаніе товара и задобриваніе покупателя.

— Андреевъ самъ тебѣ сказалъ, что это его покоробило?

— Да.

— Какой ты, Ваня, ненаходчивый,—подняла головку сестра:—я давно это замѣтила. Ты во всѣхъ разговорахъ не находишься сразу дать прямой отвѣтъ...

— Лучшіе люди изъ нашихъ и совсѣмъ не спорятъ, — какъ бы вскользь замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

Digitized by Google

— Ну, я этихъ лучшихъ не знаю. Они вѣрно спрятались отъ меня... А вотъ я про тебя говорю, зачѣмъ ты не объяснилъ Андрееву, что Marie простая женщина и любитъ меня до безумія, что она всѣмъ и каждому хвалитъ меня, не разбирая того, что женатъ или холостъ, старъ или молодъ ея слушатель.

— Такъ ты думаешь, что тутъ цѣли не было.

— Ахъ, Боже мой, не думаю, а знаю навѣрное... Она въ тотъ же день хвалила меня тому старику, котораго ты видѣлъ тогда.

— Ну, а ухаживаніе за Благово тоже не ловля жениха?

— Благово прекрасный человѣкъ...

— Да вѣдь ты не знаешь этого прекраснаго человѣка, можетъ-быть, онъ негодяй, взяточникъ, деспотъ. Все это можно предполагать, взглянувъ на его бездушную фигуру.

Сестра съ состраданіемъ взглянула на брата и пожала плечами.

— Можетъ-быть, — отвѣтила она и взялась за альбомъ.

— Если можетъ быть, то зачѣмъ же ты привлекаешь этого человѣка, зачѣмъ играешь въ опасную игру? Ты вспомни одно, что ты ставишь на карту всю свою жизнь.

— У меня голова болитъ, Ваня.

Иванъ Ивановичъ посмотрѣлъ на сестру съ негодованіемъ и презрѣніемъ: онъ былъ слишкомъ молодъ для того, чтобы прощать и жалѣть нравственно больныхъ людей. «И откуда она этимъ манерамъ нервныхъ барынь научилась?» думалось ему, когда онъ выходилъ изъ комнаты.

Въ домѣ со-дня-на-день ждали предложенія Виктора Владиміровича, но онъ ломался и медлилъ, какъ упрямый покупщикъ, не разсмотрѣвшій вполнѣ подсовываемый продавцомъ товаръ. Зима же все смягчалась; дѣлалось все теплѣе и теплѣе; дороги начали портиться, насталъ постъ, и пришлось ѣхать въ деревню. Иванъ Ивановичъ оставался до весны въ городѣ.

— Я надѣюсь заѣхать къ вамъ лѣтомъ,—обнадежилъ Викторъ Владиміровичъ, прощаясь съ уѣзжающими: — конечно, если вы мнѣ позволите.

— Да, пріѣзжайте, батенька,—воскликнулъ Константинъ Ивановичъ: — нашъ братъ, деревенщина, радъ гостямъ, а жена—ну, угощать по ея части.

— О, да я боюсь только, что вамъ, Викторъ Владиміро- [illegible]детъ у насъ скучно, у насъ глушь. Вы принесете [illegible]ртву, очень очень пріятную для насъ.

Digitized by Google

— Помилуйте, мнѣ самому очень пріятно,—кокетничалъ Благово.

— О, вы такъ добры!—кокетничала Марья Дмитріевна.

— Вы не повѣрите, какъ намъ жаль, что приходится разстаться съ вами, время нашего знакомства оставитъ въ насъ навсегда самое пріятное воспоминаніе.

Много еще лестнаго для себя услышалъ въ эти минуты Викторъ Владиміровичъ, и будь онъ болѣе чувствителенъ, то прощанье непремѣнно окончилось бы восклицаніемъ: придите въ мои объятія и будемте родными. Одна Катерина Ивановна схитрила и промолчала, а, можетъ-быть, ей и въ самомъ дѣлѣ было гадко это зазываніе покупщика для покупки залежавшагося товара. Кто войдетъ въ душу дѣвушки, кто скажетъ навѣрное, что она соглашается съ его мнѣніемъ, говоря «да», и не дразнитъ его, произнося «нѣтъ»?

— А вы, Катерина Ивановна, кажется, не рады моему предложенію?—скокетничалъ Викторъ Владиміровичъ.

Катерина Ивановна опустила глаза и, отрицательно качая головою, съ разстановкой произнесла:

— Вы ошибаетесь.

За этимъ послѣдовали дружескія пожатія рукъ.

Иванъ Ивановичъ кусалъ ногти во все продолженіе этой сцены и потому подалъ руку гостю не во-время, заставивъ его ждать. Тотъ многозначительно улыбнулся и пожалъ плечами.

По грязной дорогѣ потащился знакомый намъ рыдванъ въ деревню Миловиду, а въ городѣ съ колоколенъ церквей и монастырей неслись заунывные звуки, переводимые призывными словами: къ на-ммъ, къ на-ммъ! На улицахъ появились постныя физіономіи говѣльщиковъ. Черезъ недѣлю разнесся по городу слухъ, что полкъ, гдѣ служилъ Андреевъ, и стрѣлковый батальонъ перемѣняютъ квартиры. Это извѣстіе было громовымъ ударомъ для женскаго пола. Началась продажа вещей, библіотекъ, лошадей; одни хлопотали о займѣ, другіе объ уплатѣ векселей, третьи злились, что приходится покинуть близкихъ сердцу, слишкомъ коротко знакомыхъ женщинъ. Полковая барыня Лазаревская геройски сидѣла на сундукѣ, такъ какъ прочая мебель была продана для уплаты долговъ, и шила себѣ капоръ въ видѣ чухонскаго треуха или, примѣривъ мужскіе теплые сапоги, щеголяла въ нихъ по комнатѣ передъ товарищами своего мужа, поднявъ довольно ловко платье и показывая ноги. Кто-то по-

Digitized by Google

пробовалъ взглянуть на эти геройскія ноги поближе и получилъ оплеуху капоромъ полковой барыни. Одинъ изъ знавшихъ городъ, куда переходилъ полкъ, разсказывалъ, сидя на окнѣ, о новомъ мѣстѣ жительства ужасы, называя его помойной ямой, куда свалили старыхъ жидовъ. Городъ сдѣлалъ уходящему полку обѣдъ, много молодыхъ глазъ поплакало объ уѣзжающихъ душкахъ-стрѣлкахъ, много молоденькихъ грудокъ вздохнуло о другихъ офицерахъ, и подумали нѣкоторыя головки: «хоть бы они-то остались!» Но вотъ музыка заиграла, полки выступили...

Версты за двѣ отъ города, стрѣлковъ нагнали двѣ лихія тройки, и сидѣвшіе въ нихъ люди вручили стрѣлкамъ десятокъ огромныхъ куличей съ серебряной солонкой: стрѣлки растрогались...

О! какъ грустенъ былъ видъ города на другой день послѣ выхода полковъ! Ни въ одномъ окнѣ не виднѣлось молоденькихъ женскихъ лицъ, вездѣ сестры съ какою-то злобой говорили братьямъ-гимназистамъ: «убирайтесь вы! очень намъ нужны дряни-гимназистишки». О, отчего не дадутъ разрѣшенія гимназистамъ состоять въ качествѣ жениховъ или даже жениться? Какъ бы ихъ любили тогда барышни, какъ бы ухаживали за ними, какъ часто называли бы милочками, душками, душоночками и тому подобными именами, раздаваемыми всѣмъ состоящимъ въ должности жениховъ людямъ! Суровая судьба, ты безпощадна къ представителямъ науки и свѣта!..

— Куда это вы, Иванъ Ивановичъ, собираетесь?—спрашивалъ одинъ знакомый чиновникъ, завернувъ къ Пащенко и увидавъ у него уложенные сакъ-вояжи.

— Въ деревню.

— Что такъ?

— Дѣла кончилъ, да и скучно... Грязь вонъ вездѣ,—лѣниво указалъ Пащенко головою по направленію къ окну.

— Гм!.. да... грязь...—задумался чиновникъ.

VI.

Въ первыхъ числахъ мая воротился Иванъ Ивановичъ въ деревню. Онъ давно кончилъ дѣла въ городѣ, но оттоваривался отъ поѣздки то дурными дорогами, то нездоровьемъ, отчасти обманывая самого себя, играя съ собою въ прятки и не признаваясь, что ему и скучно ѣхать въ свою семью, и страшно приняться рѣшительно за исполненіе задуманнаго дѣла. Ему было досадно читать въ письмахъ сестры

Digitized by Google

сожалѣнія о балахъ и вопросы о Викторѣ Владиміровичѣ, еще досаднѣе было исполнять порученія Марьи Дмитріевны, написанныя мушинымъ почеркомъ, и закупать нѣкоторыя некупленныя по разсѣянности вещи, очевидно, назначавшіяся въ приданое невѣстѣ. Въ эту пору онъ дѣятельно переписывался съ Крючниковымъ и, кажется, именно потому, что отвѣты послѣдняго придавали ему бодрости, дышали тою же непокорною силою, которою дышалъ самъ Крючниковъ. Дома молодого человѣка встрѣтили довольно любезно, но безъ излишней экзальтаціи; сестра не тащила его сакъ-вояжа, не вѣшалась къ нему на шею и, вѣроятно, сама первая разсмѣялась бы при мысли, что у брата можно поцѣловать руку. А между тѣмъ, все это дѣлалось съ полной искренностью, менѣе чѣмъ годъ тому назадъ. Братъ невольно залюбовался ея личикомъ, ея цвѣтущимъ здоровьемъ и молодостью, какъ будто бившеюся въ каждой жилкѣ ея юнаго существа.

— Экая ты славная стала!—невольно вырвалось у него.

— Каково, ты любезничать начинаешь!—весело и съ маленькимъ кокетствомъ засмѣялась она.

— Я говорю, что моя растрепуха—восьмое чудо,—ввернулъ Константинъ Ивановичъ.

— Безприданница! — серьезно промолвила Марья Дмитріевна и, какъ злой духъ, испортила хорошую семейную сцену мира.

— О, разумѣется, къ ней придачи не потребуютъ, ее и одну купятъ,—сухо сказалъ Иванъ Ивановичъ и отвернулся.

Наконецъ, настала для него пора хозяйничать въ деревнѣ. Онъ уменьшилъ до-нельзя число барщинныхъ дней въ своемъ имѣньѣ, далъ позволеніе рубить, когда понадобится, извѣстную часть лѣса, сталъ посѣщать работы, совѣщаться съ мужиками объ ихъ дѣлахъ. Нечего говорить, какъ много смѣшныхъ, глупыхъ, неловкихъ и часто невыносимыхъ сценъ выходило изъ всего этого. То мужики съ удивительною хитростью надували его и ставили въ дураки, то валялись у него въ ногахъ, то просто пропивали вырубленный на дѣло лѣсъ. Часто Иванъ Ивановичъ терялъ терпѣніе и ругался крѣпкими словами съ крестьянами. Послѣ первой ругани мужики испугались, но, видя, что дѣло обошлось безъ мордобитія, что баринъ выругалъ ихъ за непониманіе ихъ же собственной выгоды, пришли къ нему же. Бо́льшая часть изъ нихъ, подобно всѣмъ безъ исключенія другимъ людямъ, равнымъ съ Пащенко, видѣла

Digitized by Google

въ немъ сумасброда, вздумавшаго для потѣхи отдать крестьянамъ свою землю и уступить свои выгоды; нѣкоторые даже косились на него и толковали, «что, молъ, дѣло-то тамо, нечисто, значитъ, може онъ и не спроста эфту механику подводитъ и надо, паря, ухо востро держать». Они посмѣивались надъ нимъ въ своемъ кругу и, несмотря на свою кажущуюся глупость, подмѣчали въ немъ недостатокъ знанія сельскаго дѣла, неумѣніе выяснять свои желанія, незнаніе средствъ для держанія ихъ въ уздѣ. Пащенко зналъ, что мужикъ точно такъ же уменъ на своемъ мѣстѣ, какъ любой государственный мужъ на своемъ, зналъ, что, обмѣнявшись мѣстами, оба будутъ равно глупы, по крайней мѣрѣ, на время, и потому понималъ и свою жалкую роль, и обязанность научиться поскорѣе взятому на себя труду. Бывали дни или, лучше сказать, ночи, когда онъ сотни-сотенъ разъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, волновался, сжималъ руками пылающую голову, падалъ духомъ, рѣшался отдать крестьянамъ все за разъ и оставить ихъ на произволъ судьбы, то-есть кабаковъ, плутовъ и разныхъ судовъ.

— Чаво онъ меня отчитываетъ?—буянилъ, однажды, захмелѣвшій деревенскій кутила, не подозрѣвая, что баринъ слышитъ его. — Захочу и не пойду на работу, въ кабакъ, значитъ, завалюсь, — гулять то-есть хочу. Знай нашихъ! Ништо съ меня возьметъ, загулялъ—вотъ и весь сказъ!

— Ну, такъ вотъ и загулялъ! Вотъ онъ тѣ спину-то почешетъ, тогда и будешь гулять,—лѣниво замѣтилъ кто-то изъ мужиковъ, сидя на бревнѣ и опустивъ на ладони голову.

— Ну, и пусть чешетъ. Спугалъ онъ меня, што ли? Пороть, такъ пороть! На то онъ и баринъ есть, намъ не впервой.

— Извѣстно, не впервой,—согласился сидѣвшій на бревнѣ собесѣдникъ.

— Этто што говорить, да толку-то што, дура ты голова?—вмѣшался третій мужикъ.

— Да, дура голова! А вотъ ничего со мной не подѣлаетъ, хочу и гуляю. Плевать я на его барство хотѣлъ, вотъ оно што!

На другой день послѣ этой сцены деревенскій гулька валялся въ ногахъ у Ивана Ивановича и слезно молилъ его, чтобы онъ его выпоролъ. Долго бился съ нимъ молодой баринъ, втолковывая ему, что пороть его не станутъ и что онъ долженъ выспаться.

Digitized by Google

— Нѣтъ, ты выпори меня за мое безобразіе, — валялся у ногъ пьянюга, рыдая пьяными слезами. — Ты меня выпори, на то ты и баринъ есть. А спать я не хочу, какъ есть не хочу, вотъ тѣ Христосъ истинный Богъ, не хочу...

Иванъ Ивановичъ приказалъ мужикамъ запереть гуляку и держать подъ надзоромъ, пока тотъ не протрезвится. «Фу, ты, гадость какая,—думалось молодому барину, — въ карцеръ приходится сажать отцовъ семейства, какъ школьниковъ!» Дорого стоили барину эти тяжелыя сцены; ну, а люди говорили, что онъ тѣшитъ себя, мальчишествуетъ; онъ былъ настолько честенъ, что не сказалъ никому: «Потѣшьтесь вы такъ, а потомъ и скажите, весела ли эта потѣха». Драпироваться онъ не любилъ, а, можетъ-быть, и умѣнія на это не хватало, а то иногда и лѣнь мѣшаетъ человѣку на ходули взбираться: стоитъ ли, молъ, игра-то свѣчъ? Однако, чувство гордости, столь свойственной молодымъ людямъ, дѣлающимъ какое-то будто бы новое, не будничное дѣло, закралось уже въ его сердце и вытѣснило оттуда долю прежняго благодушія и простоты. Юноша началъ цѣнить себя, можетъ-быть, по достоинству, но во всякомъ случаѣ выше, чѣмъ цѣнили его другіе.

— Что, братъ, — говорилъ, однажды, старшій братъ съ насмѣшливостью и раздражительностью, появившеюся въ его характерѣ въ послѣднее время.—Надъ тобой мужики-то подсмѣиваются, какъ мнѣ нашъ староста говорилъ. Дуритъ, молъ, молодой баринъ, говорятъ.

— Да,—серьезно отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.—Что дѣлать, не умѣю я за дѣло приняться.

— Не нужно было и приниматься. Это вы все со своими идеями колоброднте и на эманципаціяхъ, какъ говоритъ Викторъ Владиміровичъ, помѣшались.

— Викторъ Владиміровичъ—машинка для подписыванья докладовъ потому онъ и не смыслитъ того, что волнуетъ людей!

— Ну, братецъ,—вступилась Марья Дмитріевна:—Викторъ Владиміровичъ достойный человѣкъ.

— Это, братъ, ужъ и начальство признало, тутъ ты ужъ пассуй лучше со своими идеями!..

— И если бы вы, — прервала своего супруга Марья Дмитріевна: — были похожи на него, то не доставляли бы огорченій родному, единственному своему брату. Онъ молчитъ, но вы взгляните на него, пожалѣйте его...

Иванъ Ивановичъ съ удивленіемъ взглянулъ на подобное

Digitized by Google

мѣсяцу лицо брата и улыбнулся, когда тотъ глубоко и жалобно вздохнулъ при этомъ взглядѣ.

— Вамъ мужики дороже его, дороже всѣхъ родныхъ,— продолжала хозяйка.

— Ну, полно, полно!—съ жалобнымъ вздохомъ замахалъ рукою Константинъ Ивановичъ.

— О чемъ вы говорите? Какія огорченія?

— Да, вотъ, такія, что...

— Не надо, не надо! — махнулъ рукою Константинъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, однако?—прервалъ нетерпѣливо меньшой братъ.

— Чего не надо?—разсердилась хозяйка.—Долженъ же знать братецъ, что его потѣха, его распоряженія приносятъ тебѣ непріятности, и не одному тебѣ, а всѣмъ. Наши мужики жалуются, что имъ лѣсу не даютъ, а вы своимъ даете; наши на барщину ропщутъ, на притѣсненія, вы волнуете весь уѣздъ.

— А!—воскликнулъ Иванъ Ивановичъ и почувствовалъ, что его сердце забилось отъ радости. — Да вѣдь мои же крестьяне смѣются надо мной, значитъ, мои распоряженія глупы,—схитрилъ онъ и самъ покраснѣлъ, сказавъ пошлую фразу.

— Смѣются, смѣются! — воскликнулъ раздражительно старшій братъ. — Они смѣются надъ твоимъ неумѣньемъ, надъ твоею глупостью, а не надъ лѣсомъ, что ты имъ отпускаешь. Этому-то они всегда будутъ рады, ты бы еще имъ послѣднюю рубашку отдалъ.

— И отдамъ, если будетъ нужно! — надменно и твердо произнесъ юноша, разгоряченный различными чувствами.— У меня голова и руки есть, мнѣ дворянское дали образованіе, я добуду хлѣбъ, а они не добудутъ, у нихъ и добытый могутъ отнять разные подлецы и тунеядцы.

Иванъ Ивановичъ всталъ изъ-за стола и даже не обратилъ вниманія на удивленные и особенно ярко заблиставшіе глазенки сестры; они смотрѣли пристально на него и, кажется, любовались его энергіею, впервые вспыхнувшею въ немъ со дня его пріѣзда въ этотъ домъ. Марья Дмитріевна послѣ обѣда жаловалась Катеринѣ Ивановнѣ на ея меньшого брата, представляла его бунтовщикомъ, замышляющимъ что-то недоброе и ужасное, благодѣтельствующимъ постороннимъ въ ущербъ роднѣ. Катерина Ивановна была въ этомъ дѣлѣ безучастнымъ лицомъ, и потому правота той или другой стороны могла быть для нея яснѣе, чѣмъ для

Digitized by Google

самихъ противниковъ. Она не сразу поняла, въ чемъ дѣло; но ей показалось все оно какъ-то странно; что-то подталкивало ее объясниться съ братомъ Иваномъ. «Какой онъ славный былъ въ эту минуту», — думала она, вспоминая послѣднія его слова. Однако, черезъ минуту явилась нерѣшительность и пробудилось раздраженіе на то, что братъ самъ ничего не хочетъ сказать ей. Молодая дѣвушка была сбита съ толку сначала упреками въ экзальтаціи, когда она цѣловала руки брата; потомъ упреками въ нежеланіи развиться и дѣлать дѣло, когда она вязала кошельки и не могла осилить «Ярмарки Тщеславія»; далѣе упреками за желаніе веселиться и выйти замужъ, наконецъ, послѣдовавшія за упреками несообщительность, серьезность и даже строгость брата отталкивали ее отъ него. Ея умъ, неразвитый никѣмъ и ничѣмъ, не могъ распутать все это и понять, гдѣ начало путаницы. Но она уже думала, разсуждала, доискивалась и хотѣла непремѣнно добиться до чего-то безъ посторонней помощи...

Черезъ недѣлю послѣ этого дня, который въ дневникѣ Ивана Ивановича, писавшемся для какого-то третьяго, очень дорогого автору, лица, былъ отмѣченъ названіемъ самаго лучшаго дня въ жизни,—въ деревню Миловиду прискакала бойкая ямщичья тройка, и изъ телѣги выскочилъ какой-то пріѣзжій человѣкъ.

— Пріѣхалъ, пріѣхалъ! — многозначительнымъ и радостнымъ шопотомъ раздалось въ гостиной.

Быстрые женскіе шаги прошумѣли по направленію къ окну, и чье-то худощавое лицо воровски выглянуло изъ-за занавѣски.

— Не онъ, не онъ!—снова послышался полушопотъ уже съ сильнымъ оттѣнкомъ досады, злобы и сожалѣнія.

Молодая дѣвушка, къ которой, по всей вѣроятности, относились оба восклицанія, продолжала безмолвно и спокойно сидѣть на своемъ мѣстѣ и не пошелохнулась, только въ ея груди сначала какъ-то сдавилось дыханіе, а потомъ вдругъ сильно забилось сердце, и кровь прихлынула къ лицу.

— Андреевъ, какими судьбами? — раздалось въ это же время въ комнатѣ молодого Пащенко.

— Въ отставку вышелъ и свободенъ!—отвѣтилъ, здороваясь, Андреевъ.—Исторія тамъ такая паскудная вышла, что пришлось или въ отставку по аневризму, или подъ офицерскій судъ. Грязь, значитъ, восторжествовала.

Digitized by Google

Иванъ Ивановичъ покачалъ головой. Гость бросился на диванъ, заставивъ эту мебель издать жалобный трескъ; однимъ взмахомъ разстегнулъ сюртукъ и швырнулъ на столъ галстукъ и перчатки, перелетѣвшіе на полъ.

— Уфъ, жарища какая!—воскликнулъ онъ, растягиваясь на диванѣ и оставивъ пыльный слѣдъ отъ ногъ на его шерстяной обивкѣ.

— Что же у васъ тамъ вышло? — задумчиво спросилъ Иванъ Ивановичъ, опустивъ голову на руки, унертыя въ колѣни.

— Что? Вотъ видишь ли ты, я повздорилъ съ ротнымъ—помнишь Лазаревскаго?—за картами, ну, а онъ и вломился въ амбицію и объявилъ, что я или онъ должны выйти въ отставку. Офицерство поддержало его сторону. Разумѣется, я отпѣлъ всѣмъ правду, плюнулъ и сказалъ, что съ подлецами не служу.

— Зачѣмъ же было съ ними сходиться на *ты*, если они дѣйствительно такъ гадки?—монотоннымъ голосомъ произнесъ Пащенко, покачивая головой.

— Да развѣ можно не сойтись на *ты*? Кутишь съ ними вмѣстѣ, пьешь, въ «благотворительныя» заведенія ѣздишь, ну и сойдешься.

— А кутить зачѣмъ? — тѣмъ же загробнымъ голосомъ допрашивалъ хозяинъ.

— Что же, по-твоему, дома лежать? Этакъ бока пролежишь!

— Послѣднее лучше перваго.

— Ты ничего не смыслишь въ военной жизни! Стоимъ мы въ чортовомъ болотѣ, людей не видимъ, рады придраться ко всякому празднику, чтобы развлечься. Праздникъ—значитъ попойка, ну, а тамъ, подъ пьяную руку, и выпьешь на *ты*, всякую свинью въ рыло цѣлуешь... Это не дружба, а...

— А право загибать другъ другу подлеца, — кончилъ Пащенко. — Вообще, братъ, нечего грѣха таить, ты велъ себя неосторожно. Ты безпутно горячъ и именно за это тебя и не любили. Ты говорилъ о честности, попрекалъ ихъ за все...

— Не юлить ли прикажешь, я не холопъ!

— Н-да, не холопъ,—безсознательно повторилъ хозяинъ.— Но ты самъ ничѣмъ не показалъ, что ты выше ихъ. Вѣдь люди за дѣло уважаютъ человѣка, а не за слова.

— Такъ что же, я подлецъ?—вспылилъ гость.

— Чего горячишься? Я-то могъ узнать, что ты, а ду-

Digitized by Google

гимъ не по вдохновенію же было узнать, что ты честенъ. Мнѣ еще въ прошлое свиданіе показалось страннымъ, что ты во время дежурства валялся дома чуть не нагишомъ и въ такомъ видѣ принималъ солдата.

— Такъ не надѣвать ли для него полную форму слѣдовало?

— Конечно. Онъ по службѣ пришелъ. Вѣдь ты же не потерпѣлъ бы, если бы онъ или полковникъ вышли къ тебѣ безъ рубашки?

— Вотъ еще сравнилъ!

— Не все ли равно? Полковникъ такой же начальникъ тебѣ, какъ ты солдату. Эти мелочи очень важны. Или ты держишься того правила, что мы вамъ себя въ натурѣ покажемъ, а вы къ намъ въ халатѣ не выходите, не то морду побьемъ?

Андреевъ нахмурился.

— Ну, да что объ этомъ толковать,—сказалъ Пащенко, лѣниво потягиваясь.—Сдѣлано — кончено. Теперь пойдемъ къ нашимъ.

VII.

Семейство Пащенко, не очень осчастливленное пріѣздомъ неожиданнаго гостя, обращалось съ нимъ все-таки радушно, привѣтливо, радуясь, по-провинціальному, присутствію новаго лица и свѣжимъ темамъ для долгихъ, праздныхъ разговоровъ. Андреевъ ораторствовалъ до безконечности, не безъ увлеченія, не безъ ѣдкости, иногда мѣтко и остро. Катерина Ивановна впервые слышала такія горячія рѣчи, пропитанныя жёлчью и сарказмомъ. Ея братъ, Иванъ, увлекался рѣдко и говорилъ не такъ бойко, какъ гость. Ее заинтересовалъ отставной армейскій офицеръ. Дни стояли теплые, хорошіе, трое молодыхъ людей бо́льшую часть дня проводили на воздухѣ; молодому Пащенко, впрочемъ, приходилось часто отказываться отъ прогулокъ по случаю работъ въ полѣ.

Пріѣзжій внесъ оживленіе и разнообразіе въ сонную деревенскую жизнь. Онъ съ шикомъ пѣлъ, недурно игралъ на фортепіано, удало ѣздилъ верхомъ, былъ ловокъ, и скоро Катерина Ивановна сдѣлалась короткой его пріятельницей.

— А вѣдь вашъ старшій братъ порядочный чудакъ,— смѣялся незлобивымъ смѣхомъ Андреевъ, посмотрѣвъ на занятія хозяина съ собакой и выходя съ Катериной Ивановной въ садъ.

Digitized by Google

— Онъ предобрый,—отвѣтила Катерина Ивановна.

— Прѣлый, сказали вы? — переспросилъ Андреевъ, не безъ ловкаго плутовства, наклоняя ухо къ Катеринѣ Ивановнѣ.

Она улыбнулась.

— Правда, онъ точно прѣлый. Тутъ вообще все пахнетъ прѣлымъ, вотъ послѣ лѣнивыхъ щей такъ пахнетъ въ комнатѣ. Люди ползаютъ, какъ мухи осенью, да врозь лѣзутъ; въ комнатѣ удушливо, ко сну клонитъ... Экая славная плѣсень!

— Что же вы станете дѣлать, мнѣ и самой теперь скучно жить здѣсь,—пожала плечами Катерина Ивановна.

— А вотъ погодите, выйдете замужъ за помѣщика, стряпать начнете, огурцы солить,—привыкнете!

— Ни за что! Въ деревнѣ со скуки умереть можно.

— А въ городѣ, вы думаете, не то же самое? И тамъ то же. Мужья—игроки, мужья—кутилы, жены—няньки, кухарки или куклы мужей.

— Значитъ, это неизбѣжная участь всѣхъ женщинъ?

— Да, неизбѣжная для прѣлыхъ. Ну, а свѣжая, здоровая натура найдетъ исходъ. Этотъ исходъ есть трудъ. Женщина можетъ работать наравнѣ съ мужчиной, она можетъ пріобрѣтать деньги и такимъ образомъ завоевать независимость, а гдѣ независимость, тамъ нѣтъ скуки. Вѣдь отчего, напримѣръ, вы скучаете? Потому что вы шагу не можете сдѣлать безъ высшаго соизволенія семьи. Вотъ вамъ, можетъ-быть, хотѣлось бы на лошади покататься, ну, а Марья Дмитріевна нервы имѣетъ слабые и падаетъ въ обморокъ отъ страха за вашу особу. Марья Дмитріевна не виновата въ слабости своихъ нервовъ, а вы все-таки не катаетесь на лошади. Вы хотѣли бы въ столицѣ пожить, а Константинъ Ивановичъ жалуется на ревматизмы и на недостатокъ денегъ. И онъ правъ: ревматизмы самая гадкая штука, а безденежье ужъ и совсѣмъ никуда не годится...

Катерина Ивановна задумалась и ощипывала лепестки полевого цвѣтка.

— Ну, а отчего же братъ Константинъ и его жена скучаютъ?—спросила она съ полуулыбкой.

— Отъ желудочнаго разстройства-съ! — съ комизмомъ отвѣтилъ Андреевъ.—Моціону, полировки крови нѣтъ, вотъ оно что. Вообще чужой хлѣбъ въ прокъ не идетъ, онъ плохо переваривается; свой заработанный, тотъ скорехонько переварится, ну, а этотъ совсѣмъ уже не то. Оно, знаете, ка-

Digitized by Google

жется такъ хорошо, сладостно сидѣть сложа ручки на животикѣ и принимать приношенія, ну, а тамъ послѣ и отзовется, отяжелѣетъ человѣкъ, тоска начнетъ его давить, не знаетъ онъ, куда дѣвать себя, какъ время убить, и пса-то онъ поучитъ, и пасьянсы разные разложитъ, и казачка увѣщаніями разными до слезъ прошметъ, глядитъ: Господи! еще только девять часовъ!

— Н-да,—произнесла Катерина Ивановна.

— Оно вѣдь смѣшно,—продолжалъ Андреевъ: — а вотъ спросите эту бабу: съ чего ее подвело? Съ работы, матушка-барыня, съ работы!.. Вотъ вы тутъ и подумайте: ее съ работы подвело, а Константина Ивановича съ бездѣлья подводитъ. Дѣло-то, видите ли, въ томъ, что она работаетъ, а хлѣба не ѣстъ, ее и подводитъ, а братецъ вашъ не работаетъ, а хлѣбъ ѣстъ, ну и его тоже подводитъ. Выгоды-то нѣтъ ни для того, ни для другого, совсѣмъ дрянь дѣло... Правило жизни одно: не ѣшь даромъ, не работай даромъ. И глупы всѣ, не исполняющіе этого правила.

— Вотъ братъ мнѣ совѣтуетъ книги читать, — вдругъ, какъ-то странно, прервала Катерина Ивановна, не то спрашивая, не то размышляя вслухъ.

— Что же, отчего-жъ иногда и не почитать хорошую книжечку,—усмѣхнулся Андреевъ.

Вечеромъ того же дня Катеринѣ Ивановнѣ не спалось, она о чемъ-то размышляла и пришла къ заключенію, что Андреевъ умнѣе ея брата. Другого заключенія покуда не было выведено...

— Что это вы такъ мало кушаете? — говорила Марья Дмитріевна, угощая гостя.

— Благодарю, я сытъ,—отвѣтилъ онъ.

— Двумя-то блюдами?

— Помилуйте, зачѣмъ же больше? Я не работникъ. Тому больше ѣсть надо, а и онъ по необходимости питается не только двумя блюдами, но даже однимъ, уступая остальныя намъ съ вами.

Марья Дмитріевна нахмурилась.

— Странные нынче люди, все только о работникахъ и думаютъ,—колко замѣтила она.

— Да вѣдь и прежде, Марья Дмитріевна, тоже странные люди были: обо всемъ думали, а не додумались до того, откуда пироги берутся; все больше предполагали, что съ неба ихъ корзинами валятъ.

Digitized by Google

Разговоръ смолкъ.

— Какъ ноги-то за день притопчутся,—жаловалась вечеромъ хозяйка:—просто хоть ложись.

— Да вы бы и прилегли, — посовѣтовалъ съ участіемъ гость.

— А хозяйство-то, вы думаете, само по себѣ пойдетъ. Спросили бы вы у своей матушки, каково съ нимъ возиться.

— И то правда, Марья Дмитріевна, молодъ я, вѣтренъ. А странно свѣтъ созданъ: вы вотъ на хозяйство жалуетесь, какъ и моя мать, а крестьянскія бабы охаютъ, что у нихъ хозяйничать нечѣмъ. Чудно это, какъ подумаешь. А вы, Константинъ Ивановичъ, тоже чѣмъ-то волнуетесь?

— А, чортъ возьми, десятый пасьянсъ, не выходитъ!—воскликнулъ простодушный Константинъ Ивановичъ, слышавшій изъ всего разговора одинъ послѣдній вопросъ.—Вѣдь задастся же этакой вечерокъ. Ужъ чего, кажется, проще, задумалъ: лягу ли я сегодня спать?—не вышло.

— Ска-ажите!—съ сожалѣніемъ и разстановкой произнесъ Андреевъ.

На другой день онъ присутствовалъ при обученіи хозяиномъ собаки.

— А вѣдь умный у васъ песъ выйдетъ,—обратился гость къ Константину Ивановичу. — Славно его натаскаете къ охотѣ.

— Ну, я на охоту не ходокъ,—отвѣтилъ хозяинъ.

— Скажите! а я думалъ, что вы мучитесь съ нимъ, какъ страстный охотникъ.

— Какое! я, поди, въ первомъ болотѣ застрялъ бы, подо мной конъ и полъ скрипитъ,—сшутилъ балагуръ.

— И то правда! А вѣдь тоже не легко этого дурня выучить; пожалуй, иного мальчугана изъ крестьянъ вы скорѣй бы выучили грамотѣ.

— Да, пожалуй, что такъ, — наивно воскликнулъ Константинъ Ивановичъ. — Вѣдь эта бестія преупрямая. А хитрость-то какая! Иногда, бьешься-бьешься, да такъ и плюнешь ей въ морду, на, молъ, тебѣ, проклятая.

— Гм!.. Ну, ужъ, конечно, мальчишка былъ бы послушнѣе, не сталъ бы такъ мучить учителя.

— О, да вы ее еще не знаете!..

Иванъ Ивановичъ начиналъ злиться, ему были досадны

Digitized by Google

безплодныя и безцеремонныя выходки Андреева, онъ готовъ былъ выгнать гостя, и только чувство приличія заставляло его ждать, когда тотъ самъ уѣдетъ. Иногда Иванъ Ивановичъ внутренно называлъ себя постыднымъ названіемъ тряпки, но поступить круто и рѣшительно не находилъ силы. Намековъ же и вопросовъ о планахъ гостя гость не понималъ или не хотѣлъ понимать: ему было довольно хорошо въ затишьѣ чужого, попахивавшаго плѣсенью гнѣзда. Не такъ смотрѣла на Андреева Катерина Ивановна; къ концу мѣсяца она начинала яснѣе и яснѣе видѣть пошлость жизни своей семьи. И не мудрено, Андреевъ ловко усвоилъ себѣ и природный юморъ Кравцева, и безпощадно рѣзкую, иногда сухую правдивость Крючникова, и еще ловчѣе слилъ ихъ въ одинъ очень характерный способъ обличенія пошлости. То онъ, шутя, высказывалъ новыя, совершенно вѣрныя и честныя идеи, то, также шутя, заставлялъ при Катеринѣ Ивановнѣ пошлость произносить—свой собственный приговоръ. Марья Дмитріевна поняла многое изъ этого и возненавидѣла гостя отъ всего сердца. Ее поражали иногда рѣзкія выходки ея Кати, сдѣлавшейся строптивою. Переходъ къ этой строптивости отъ холоднаго тона à la Благово былъ естественъ и не великъ. Можетъ-быть, вліяніе Андреева, не предшествуй ему вліяніе Благово, и отразилось бы на характерѣ дѣвушки иначе, пробудило бы въ ней не рѣзкость, не вспыльчивость, а грусть и мучительную боль; теперь же этого не было, она стала презирать семью и готова была гордо поднимать голову, не сдѣлавъ ничего, что могло бы засвидѣтельствовать ея личное превосходство надъ окружающими. А дни шли своимъ чередомъ, гость не упоминалъ о своемъ отъѣздѣ, читалъ съ молодою дѣвушкою повѣсти Тургенева, проповѣдывалъ, острилъ, полнѣлъ... Письмо изъ города перевернуло вдругъ все вверхъ дномъ. Викторъ Владиміровичъ пишетъ, Викторъ Владиміровичъ собирается въ деревню Миловиду, Викторъ Владиміровичъ предлагаетъ Катеринѣ Ивановнѣ свою руку! Письмо было адресовано Константину Ивановичу и пришло во время обѣда. Старшій Пащенко объявилъ его содержаніе присутствующимъ, умолчавъ о предложеніи.

Всѣ были взволнованы извѣстіемъ.

— Ахъ, какъ я рада! Викторъ Владиміровичъ такой прекрасный человѣкъ,—воскликнула хозяйка.

— Да-съ,—промолвилъ Андреевъ:—ужъ передъ нимъ не посмѣешь пикнуть, если онъ скажетъ: цыцъ!

Digitized by Google

— Онъ этого никому не скажетъ, это вполнѣ образованный, свѣтскій человѣкъ,—вступилась Марья Дмитріевна.

— Ну, этого еще нельзя утверждать. Онъ всегда удивлялъ меня своими отсталыми понятіями объ эманципаціи женщинъ.

— Это все глупости.

— Отъ васъ ли я это слышу, Марья Дмитріевна?—притворно изумился Андреевъ.—Вы сами вполнѣ эманципированная женщина: и замужъ тайкомъ отъ родителей вышли, и теперь всѣмъ управляете, даже бумаги разныя въ суды пишете.

— Это что! Какая тутъ эманципація?

— Какъ, какая? Эманципація въ томъ и состоитъ, чтобы женщина была свободна, могла дѣйствовать наравнѣ съ мужчиною. При настоящемъ положеніи дѣлъ свобода женщины зависитъ вполнѣ отъ случая; какой-нибудь Викторъ Владиміровичъ никогда не позволитъ женѣ быть свободною...

— И прекрасно! Дайте-ка всѣмъ волю, такъ что бы вышло? Такихъ бы чудесъ натворили, что бѣда.

— Однако, вы вотъ не натворили этихъ чудесъ?

— Что я! Я исключеніе.

— Повѣрьте, что такихъ исключеній множество, и подумайте, каково было бы вамъ самимъ жить подъ гнетомъ мужа-деспота.

— Ужилась бы!

— Да, вы-то ужились бы, завоевали бы, можетъ-быть, разными хитростями долю правъ, но не думаю, чтобы вамъ было пріятно стоять въ своей семьѣ на военномъ положеніи и хитрить съ мужемъ, какъ съ наступающимъ врагомъ.

Обѣдъ кончился. Марья Дмитріевна спѣшила отдѣлаться отъ всѣхъ присутствующихъ и наединѣ со своей Катей предаться радости.

— Ну, что, не моя ли правда? — торжествовала она.— Говорила я, что недаромъ, такъ и вышло.

— Н-да,—промолвила въ раздумьи Катерина Ивановна.

— Что ты, милая моя, какъ будто скучна? Ужъ не вздумай, голубчикъ, захворать; не время бы теперь. Въ самомъ дѣлѣ, ты не больна?

— Нѣтъ!—разсѣянно отвѣтила Катерина Ивановна и начала чего-то искать въ своемъ рабочемъ ящикѣ; потомъ она встала, въ волненіи прошлась по комнатѣ и вдругъ

Digitized by Google

остановилась передъ Марьей Дмитріевной, зорко слѣдившей за нею.

— Знаете ли что?.. — начала она прерывающимся голосомъ. — Надо написать Виктору Владиміровичу, что я не могу... То-есть, что я покуда... Однимъ словомъ, я хочу отложить свадьбу...

Марья Дмитріевна съ изумленіемъ открыла глаза шире обыкновеннаго и не находила ни единаго слова на своемъ бойкомъ языкѣ; передъ ней носился какой-то туманъ, быстрое соображеніе измѣнило ей на минуту.

— Викторъ Владиміровичъ достойный человѣкъ,—снова начала Катерина Ивановна:—я его уважаю... Но я хотѣла бы привыкнуть къ нему, полюбить его... Мнѣ надо повременить, подождать зимы, когда мы встрѣтимся опять въ городѣ... Я его узнаю покороче: замужество не шутка...

Марья Дмитріевна въ раздумьи качала головой.

— Я боюсь, не слишкомъ ли онъ сухъ и холоденъ... Можетъ-быть, онъ видитъ во мнѣ ребенка, игрушку... Многіе такъ смотрятъ на женщинъ... А я хочу быть равной мужу, свободной... Я много объ этомъ думала.

Марью Дмитріевну вдругъ озарила какая-то мысль, она что-то сообразила, поняла и успокоилась.

Въ ея сообразительной головѣ созрѣлъ планъ будущихъ военныхъ дѣйствій, атаки.

— Прилягъ, Катя! Тебѣ нуженъ отдыхъ, ты взволновалась,—произнесла она ласковымъ тономъ и поцѣловала Катерину Ивановну въ лобъ нѣжнымъ и осторожнымъ поцѣлуемъ, какъ иногда мать цѣлуетъ разнемогающагося и горящаго внутреннимъ жаромъ ребенка. Молодая дѣвушка дѣйствительно была взволнована, говорила, не давая себѣ отчета, что говоритъ и передъ кѣмъ. Она тихо, какою-то разслабленною походкой прошла въ свою комнату и легла въ постель. Ей не спалось, многое передумала она въ остальное время этого дня и въ эту ночь. Кто изъ васъ, замужнія читательницы, если вы выходите замужъ не по страсти, не испытывалъ страха, сомнѣнія, безсилія въ ночь, предшествовавшую роковому согласію на бракъ? Вы должны были перейти по мосту черезъ пропасть и знали, что мостъ тотчасъ же послѣ вашего перехода сгоритъ, что каждая его доска будетъ пылать по мѣрѣ того, какъ ваши ноги прикоснутся къ ней и успѣютъ ступить на слѣдующую. Привычки, мечты о волшебномъ завтра, близкихъ сердцу людей, непорочность, право страстнаго увлеченія, право оста-

Digitized by Google

ваться днемъ и ночью въ одиночествѣ со своими молитвами, грёзами, романами, лѣнью, право не бояться роковыхъ материнскихъ страданій,—все, все это доски, сгорающія за вами отъ магическихъ словъ: я иду замужъ! Какъ же тутъ не волноваться? Только крайняя развращенность или выходящее изъ границъ тупоуміе могутъ спасти отъ этого волненія выходящую замужъ не по страсти женщину.

На слѣдующій день утромъ, Катерина Ивановна съ красными глазами и истомленнымъ лицомъ вышла изъ своей комнаты, завернувшись въ черную суконную тальму, прошла гостиную и уже готовилась взяться за ручку двери, ведущей въ залу, когда ее вдругъ поразилъ громкій разговоръ, происходившій за этою дверью... Катерина Ивановна инстинктивно остановилась и стала прислушиваться. Ея лицо то блѣднѣло, то краснѣло, ноги дрожали и подкашивались. Она поспѣшила опереться рукою о спинку стула...

VIII.

Проснувшись довольно рано поутру, на другой день послѣ полученія въ деревнѣ письма отъ Благово, Андреевъ лежалъ на кровати, закинувъ подъ голову руки, и думалъ разныя не совсѣмъ веселыя думы. Всегда озлобленный на всѣхъ, но постоянно и вполнѣ довольный самимъ собою, онъ въ это утро за что-то досадовалъ даже и на себя, хотя и не признавался себѣ, за что именно онъ сердится на эту милую ему особу.

— А вѣдь дрянь женихъ у твоей сестры,—сказалъ онъ Ивану Ивановичу, замѣтивъ, что послѣдній тоже не спитъ.

— Такъ себѣ!—лѣниво отозвался хозяинъ.

— То-есть совсѣмъ никуда не годится! Какъ это ты не попробовалъ убѣдить ее не выходить за него, это съ твоей стороны страшная оплошность.

— Что онъ—это я сказалъ ей, а отговаривать не мое дѣло.

— Все же можно было посерьезнѣе посовѣтовать. Она дитя, дитя по развитію, но она умна. Она понимаетъ, гдѣ ложь, гдѣ правда. Въ ней есть и энергія, только дѣла покуда у нея нѣтъ. Такія натуры могутъ долго спать, но онѣ не умираютъ заживо, онѣ хоть разъ, хоть на минуту, а вспыхиваютъ страшнымъ огнемъ.

— Да ты чего?—полуобернулся Пащенко на подушкѣ лицомъ къ Андрееву.

— Что, чего?

Digitized by Google

— Влюбился въ нее, что ли?

— Ну, вотъ выдумалъ! Ты, кажется, знаешь мои убѣжденія на этотъ счетъ. Влюблюсь, такъ и скажу, что дескать влюбился и по любви теперь состою. Съ подходцами, какъ котъ около молока, за женщиною не стану расхаживать.

— Эхъ, на работу пора!—встряхнулъ головой Пащенко и сталъ одѣваться, не обращая вниманія, что Андреевъ не кончилъ начатаго разговора. Вообще, какъ мы уже замѣтили, въ послѣднее время хозяинъ не очень вѣжливо обращался съ гостемъ.—Гость ему надоѣлъ, и Пащенко всячески заговаривалъ съ нимъ о его будущемъ и всегда, получивъ неопредѣленный отвѣтъ, ругалъ свою натуришку, лишенную рѣзкости, любящую подходцы и избѣгающую сценъ, ссоръ, волненій. «А вѣдь дай мнѣ отецъ другое воспитаніе, оставь меня расти дома или въ корпусѣ, и изъ меня вышелъ бы второй томъ брата Константина», думалъ Иванъ Ивановичъ и былъ вполнѣ правъ.

Полежавъ еще немного, Андреевъ одѣлся, напился молока и пошелъ въ садъ, походилъ около бесѣдокъ, заглянулъ на террасу и вошелъ въ залу. Онъ кого-то искалъ.

— А, Петръ Николаевичъ, здравствуйте,—привѣтствовала его въ залѣ Марья Дмитріевна.

Андреевъ поздоровался, удивился, что она не хлопочетъ по хозяйству, и спросилъ о Катеринѣ Ивановнѣ.

— Она еще спитъ,—отвѣчала Марья Дмитріевна.

— А!.. а я вотъ по лѣсу хочу прогуляться, славный у васъ лѣсъ,—разсѣянно промолвилъ Андреевъ.

— Да, лѣсъ хорошъ, грибовъ много,—согласилась хозяйка.

— Ну, до свиданья,—повернулся гость на каблукахъ и хотѣлъ уйти.

— Позвольте, мнѣ нужно съ вами объясниться по одному очень важному дѣлу,—остановила его хозяйка сухимъ тономъ.

— Объяснитесь, Марья Дмитріевна,—сказалъ Андреевъ съ обычною насмѣшливостью.—Только о чемъ же это мы будемъ объясняться съ вами? Дѣлъ у насъ общихъ нѣтъ, интересовъ тоже, въ хозяйствѣ я ровно ничего не смыслю...

— Вотъ о чемъ,—прервала потокъ его рѣчей Марья Дмитріевна.—Какіе у васъ планы насчетъ вашего будущаго?

— Почему это васъ такъ интересуетъ моя будущность?

— Мнѣ хотѣлось бы знать...

— Но мы, кажется, находимся не въ такихъ отношеніяхъ, когда подобныя заботы о чужой будущности дѣлаются естественными.

Digitized by Google

Андреевъ, раздраженный вопросомъ, старался быть наглымъ, но Марья Дмитріевна была занята своими мыслями и не замѣтила тона музыки. Впрочемъ, она вообще тонкостей не понимала, или просто не хотѣла понимать, Богъ ее знаетъ. Можетъ-быть, она научилась этому подъ выстрѣлами мужиныхъ насмѣшекъ, дѣлала это вслѣдствіе своей практичности...

— Очень просто,—сказала она:—вы всѣмъ говорите о необходимости труда, честной дѣятельности, клеймите насъ за заѣданіе мужицкаго хлѣба...

— А по вашему мнѣнію это пустяки?

— Почему я знаю! Но сами вы, вотъ уже полтора мѣсяца пальца о палецъ не стукнете и преисправно помогаете намъ заѣдать этотъ мужицкій хлѣбъ, вѣдь ѣда для васъ тоже не съ неба падаетъ.

— Вы бы безъ предисловія выгнали меня, а то это ужъ слишкомъ много китайскихъ церемоній. Стоитъ ли безпокоиться!—съ презрѣніемъ сказалъ Андреевъ и съ искреннимъ отвращеніемъ взглянулъ на хозяйку.

— Я васъ не выгоняю. Я говорю съ вами, какъ говорила бы со своимъ сыномъ. Это позволительно мнѣ въ мои лѣта. Мнѣ васъ душевно жаль. Я думала, что подобные поступки съ вашей стороны могли быть вызваны какими-нибудь важными причинами. Вы стараетесь развивать по-своему мою Катю, проводите съ ней все время, и я думала...

— Бракосочетанія нашего изволили пожелать?

— Сохрани меня Богъ, чтобы я этого пожелала!—съ неподдѣльнымъ ужасомъ воскликнула Марья Дмитріевна.—Но мнѣ показалось, что вы-то идете именно по этой дорогѣ. дружба между молодыми мужчиной и дѣвушкой никогда не кончается безъ послѣдствій, это вы должны понимать.

— Ну, вы ошиблись! Правда, я развивалъ Катерину Ивановну. Я ее уважаю, какъ умную, сохранившую умъ даже въ омутѣ институтскаго воспитанія дѣвушку, и стараюсь, какъ другу, помочь ей найти настоящую дорогу. Вы—извините меня за откровенность—не поймете этихъ отношеній дружбы между нами, у вашего поколѣнія сейчасъ же родятся помыслы о свадьбѣ или о чемъ-то гораздо худшемъ, о чемъ мы и не думаемъ...

— Не думаете?

— Не думаемъ-съ. Если бы захотѣлось, или по законамъ природы понадобилось поразвратничать, то на этотъ конецъ, не губя уважаемой личности, можно прибѣгнуть къ... Ну,

Digitized by Google

да вы вѣдь знаете, какъ люди все предусмотрѣли впередъ и приспособили къ удовольствію своихъ ближнихъ...

Марья Дмитріевна не выдержала и покраснѣла до ушей.

— Такъ я васъ попрошу покорнѣйше не развивать Катю. Ваши труды напрасны, пропадутъ даромъ...

— О? не поймете?—ѣдко засмѣялся Андреевъ.

— Она не глупа,—продолжала хозяйка:—она уже отчасти поняла васъ, поняла, что вы проповѣдуете трудъ и бьете баклуши, что вы, имѣя богатую мать, живете на чужой шеѣ, имѣя силы, не служите, не занимаетесь никакой работой, даже не читаете тѣхъ книгъ, которыя рекомендуете другимъ...

— Какая тонкая наблюдательность и вѣжливость обращенія!

— Ну, въ вашемъ положеніи только на этихъ тупыхъ колкостяхъ и можно выѣзжать. Вы вѣдь и о книгахъ судите такъ: «мелко плаваетъ, а, впрочемъ, отчего не почитать книжечку». Все знакомыя фразы! Вы смѣетесь надъ заѣденными ипохондриками стараго поколѣнія, надъ Рудиными, а вы то же, что и они, только ихъ сомнѣніе смѣнилось въ васъ самодовольствіемъ. Вы довольны своею выдѣланною, точеною фразою, своею разговорною честностью, своею способностью бить баклуши, своимъ умѣніемъ побивать всѣхъ и все...

Андреевъ усмѣхнулся, пожалъ плечами и началъ холоднымъ, ровнымъ голосомъ:

— Вы пропустили одну черту въ моемъ характерѣ и именно ту, что я не дерусь, подобно старикамъ, съ женщинами, каковы бы онѣ ни были. Я и въ этомъ отсталъ отъ стараго поколѣнія... Впрочемъ, вы и это знали... Теперь мнѣ пришла на память исторія съ моей нянькой. Къ ней забрался воръ, она забилась въ чуланъ отъ страху, но потомъ его поймали и связали, тогда нянька выбѣжала изъ засады, схватила вора за бороду, за волосы, щипала его, била, плевала ему въ лицо, и насилу ее оттащили отъ него... Смѣшная сцена!

— Ну, я впередъ знала, что кончится чѣмъ-нибудь подобнымъ! На опроверженіе моихъ словъ я мало разсчитывала, хотя, признаюсь, и имѣла маленькую надежду... Теперь я вижу...

— Позвольте мнѣ не слушать далѣе и удалиться: съ вами опасно бесѣдовать даже хладнокровному человѣку...

— Я васъ не держу... Когда вы ѣдете?

Digitized by Google

— Неужели вы опасаетесь, что я останусь здѣсь послѣ всего этого?

— Кто васъ знаетъ, отшутитесь, пожалуй!

Въ этихъ словахъ было столько ядовитости, что трудно было представить, гдѣ ее взяла Марья Дмитріевна.

По уходѣ Андреева, Марья Дмитріевна вошла въ гостиную и съ изумленіемъ увидала тамъ на диванѣ Катерину Ивановну, спрятавшую свое личико въ подушку. Такой казусъ не былъ предвидѣнъ невѣсткою при составленіи плана наступательныхъ дѣйствій.

— Катя, Катя, что съ тобой?—воскликнула невѣстка и взяла дѣвушку за плечо.

— Подите! прочь подите!—нервно высвободила та свое плечо и продолжала рыдать.

— Неужели ты его лю...

— Оставьте меня, ради Бога оставьте! Боже мой, какъ все это гадко, позорно!—рыдала Катерина Ивановна.

Болѣзненностью и раздражительностью дрожалъ ея надорванный голосъ.

Марья Дмитріевна постояла надъ ней, подумала, развела руками и пошла изъ гостиной. Обѣдъ прошелъ безъ Катерины Ивановны и безъ Андреева.

— Гдѣ они?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Катя несовсѣмъ здорова, а Андреевъ уѣзжаетъ,—спокойно отвѣтила Марья Дмитріевна.—Онъ приходилъ прощаться со мною.

— Что такъ вдругъ собрался?—спросилъ Константинъ Ивановичъ.

— Почему же я знаю? собрался, значитъ, нужно..

— Видно, Виктора Владиміровича струсилъ, драеша задаетъ, какъ говорили у насъ въ корпусѣ.

— Можетъ-быть...

Иванъ Ивановичъ пристально посмотрѣлъ на невѣстку и пошелъ въ свою комнату. Андреевъ собирался въ путь.

— Что ты такъ неожиданно собрался?—спросилъ хозяинъ.—Ты еще сегодня утромъ, кажется, и не думалъ ѣхать, а теперь...

— Да, а вотъ мой дѣдъ, такъ тотъ за одну минуту передъ смертью былъ совсѣмъ живъ,—отвѣтилъ Андреевъ, укладывая въ чемоданъ вещи и утискивая ихъ колѣнкой.

Хозяинъ помолчалъ и снова началъ:

— Случилось у тебя тамъ что-нибудь съ моими?

Digitized by Google

— Да тебѣ очень ужъ жалко, что ли, что я уѣзжаю!— поднялъ голову отъ чемодана Андреевъ.

Пащенко отвернулся къ окну.

— Странные вы люди въ деревнѣ, ничего прямо не скажете, все съ предисловіями, съ обходцами; вотъ ты разъ сорокъ все о моей будущности спрашивалъ, а теперь пристаешь, зачѣмъ уѣзжаю.

Пащенко покраснѣлъ до ушей и промолчалъ.

— Вели, пожалуйста, уложить чемоданъ въ телѣгу, какъ лошади придутъ, а я пойду покуда пѣшкомъ.

— Хорошо.

— Ну, прощай!

— Прощай.

Андреевъ сталъ спускаться съ лѣстницы, а Пащенко продолжалъ стоять у окна и слегка барабанилъ по стеклу... «Фу, мерзость какая!—думалъ онъ.—Вѣдь знаю, что онъ дрянь-человѣкъ, а и передъ нимъ пришлось покраснѣть. Вотъ она привычка-то юлить до чего довела!»

Часовъ въ пять вечера изъ помѣщичьяго дома вышла Катерина Ивановна, закутанная въ ту же длинную, черную суконную тальму, и тихо, съ поникшей головой, прошла по деревнѣ по направленію къ церкви и погосту. Лѣтній вечеръ былъ тихъ и ясенъ; солнце еще не зашло за лѣсъ, но жаръ немного спалъ; на небѣ бродили бѣлыя волокнистыя облака; легкій вѣтерокъ пошевеливалъ листья, а вдали по большой дорогѣ на открытомъ пространствѣ уже завивались вьюны пыли. Дѣвушка прошла по кладбищу къ могилѣ, осѣненной большой плитой и каменнымъ крестомъ, и стала на колѣни. Она молилась безмолвною, но горячею молитвой, со слезами припадая къ холодной плитѣ, потомъ волненіе, мало-по-малу, утихло, она сѣла на надгробный камень и впала въ тихое раздумье, можетъ-быть, о своей матери, лежавшей подъ этимъ памятникомъ. Долго сидѣла она въ этомъ положеніи, наконецъ, ей почудилось, что передъ нею кто-то стоитъ; она подняла голову и испустила слабый крикъ.

— Я пришелъ съ вами проститься,—послышался голосъ.

— Кто вамъ позволилъ подсматривать за мною?—крикнула она съ негодованіемъ, поднимаясь съ плиты.

— Я не подсматривалъ. Я ждалъ лошадей и бродилъ по деревнѣ, вы прошли въ то время сюда. Теперь лошади поданы, и я зашелъ сказать вамъ: прощайте и...

— Я думала, что... Я не ждала...—смѣшалась Катерина

Digitized by Google

Ивановна отъ необычайной простоты и столь же необычайнаго грустнаго тона рѣчи Андреева.

Это былъ онъ.

— Вы не ждали, что я осмѣлюсь стать передъ вами послѣ этой сцены съ вашей родственницей? Можетъ-быть, вы даже ушли, избѣгая прощанья... Вы ошиблись. Мнѣ даже показалось необходимымъ поздравить васъ за умѣнье выбирать адвокатовъ и...

— Повѣрьте,—воскликнула Катерина Ивановна, вспыхнувъ краской стыда....

— Вашъ выборъ очень удаченъ,—неторопливо и спокойно прервалъ ее Андреевъ.—Вы не рѣшились бы высказать мнѣ въ глаза половины того, что можно было передать черезъ нее. Но для чего всѣ эти хитрости? Развѣ мы съ вами не молоды? Развѣ мы не признаемъ другъ за другомъ права на убѣжденія? Развѣ я похожъ на тѣхъ приличныхъ господъ à la Благово, передъ которыми человѣкъ не смѣетъ высказать своей воли? Эхъ, Катерина Ивановна, сбросьте съ себя эту дѣдовскую ветошь лицемѣрія, двоедушія, служенія нашимъ и вашимъ, и будьте откровенны, по крайней мѣрѣ, съ тѣми, съ кѣмъ можно быть откровенною. Не нужно, не должно молодости мѣшать въ свое дѣло гнилую ветошь стариковъ! Прощайте!...

— Послушайте! послушайте! Я не приготовляла этой сцены... Я не просила Marie говорить за себя!—крикнула Катерина Ивановна и рванулась за уходящимъ Андреевымъ.

— Помилуйте, вы не дитя!—полуобернулся онъ уже съ насмѣшливою и отталкивающей улыбкою.—Вы понимаете, что вами играютъ, и молчите, значитъ вамъ это пріятно.

— Но что же я могла?—теряясь, произнесла Катерина Ивановна.

— Ну, а если бы вы меня въ самомъ дѣлѣ любили?—спросилъ онъ, ударяя на каждомъ словѣ, и, пристально взглянувъ на нее, сталъ садиться въ телѣгу, стоявшую у ограды.

Катерина Ивановна, ошеломленная всей этой сценой и въ особенности послѣднимъ вопросомъ, стояла съ красными глазами и измученнымъ лицомъ, не замѣчая, что телѣга, звеня колокольчикомъ, уже неслась по пыльной дорогѣ, что все глуше слышался забубенный свистъ ямщика, что невдалекѣ отъ ограды съ любопытствомъ глазѣло на барышню нѣсколько ребятишекъ и сельскій молодой причетникъ, стоявшій на паперти церкви, слѣдилъ за нею.

Digitized by Google

— Соблазнъ!—покачалъ онъ головой и пошелъ сообщать женѣ о случившемся.

Та накинула платчишко и сунулась къ попадьѣ...

Катерина Ивановна провела рукою по лбу и медленно, оступаясь на каждомъ шагу, пошла домой... Въ воздухѣ было уже совсѣмъ темно и холодно... Въ домѣ безпокоились объ отсутствіи молодой барышни, наконецъ, она пришла и, пройдя въ свою комнату, заперла двери на ключъ...

IX.

Андреевъ приготовилъ-таки себѣ эффектные проводы. Вся деревня узнала, что барышня со слезами упрашивала пріѣзжаго барина остаться, что онъ не захотѣлъ и уѣхалъ, что она вплоть до телѣги за нимъ бѣжала, и десятки тому подобныхъ разсказовъ переходили изъ устъ въ уста. Въ домѣ прислуга съ любопытствомъ глядѣла на Катерину Ивановну, и многіе вполнѣ были увѣрены, что она убѣжитъ за Андреевымъ. Въ головѣ же молодой дѣвушки все перепуталось до послѣдней степени; она винила всѣхъ и за все, сердилась на горничную, на Андреева, на родныхъ. Какая-то умственная спячка, тоскливая апатія, безпредметная грусть давили ее; она задумывалась, отвѣчала, не слыша вопросовъ, принималась за десятки мелкихъ вышивокъ и не кончала ни одной. Иногда, совсѣмъ растерявшись, она думала: «хотя бы случилось что-нибудь, что ли, а то я и ума не приложу, что̀ дѣлать». Въ такомъ настроеніи духа засталъ ее пріѣхавшій въ деревню Благово.

— Катерина Ивановна,—говорилъ онъ однажды своимъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ: — я хочу просить вашей руки у Константина Ивановича. Согласны ли вы на это?

Катерина Ивановна смѣшалась и промолчала, не отнимая руки изъ рукъ Благово.

— Я человѣкъ почти не молодой,—продолжалъ онъ спокойнымъ тономъ: — по крайней мѣрѣ, не юноша; можетъ-быть, вы боитесь ввѣриться мнѣ. Но повѣрьте, что я постараюсь сдѣлать васъ счастливою. Я не увлекаюсь, подобно нашему младшему брату, модными идеями о равноправности женщины съ мужчиной, но это только потому, что я опытнѣе его и болѣе трезво, болѣе практично гляжу на жизнь. Я стремлюсь только къ возможному. Я знаю, что женщина не можетъ по законамъ природы и государства быть вполнѣ равною съ мужчиной. Не онъ перенесетъ страданія матери, не онъ возьметъ на себя трудъ кормить

Digitized by Google

грудью ребенка и смѣшно требовать, чтобы она еще къ этому великому труду присоединяла другую какую-нибудь дѣятельность, свойственную мужчинѣ. Но равноправность на счастіе, на благосостояніе, на любовь и уваженіе—это дѣло другое, тутъ я не уступлю въ крайности моихъ убѣжденій самому пылкому изъ юношей...

Благово помолчалъ. Ему становилось неловко рекомендовать себя на мѣсто мужа.

— Я не богатъ,—заговорилъ онъ снова:—но вы не будете нуждаться ни въ чемъ. Мнѣ открывается мѣсто въ Петербургѣ, и если вы согласитесь, то мы вмѣстѣ поѣдемъ туда дѣлить и радости, и мелкое горе, безъ котораго не обходится въ жизни... Что же, Катерина Ивановна, я жду вашего отвѣта?

— Я согласна,—прошептала Катерина Ивановна.

Благово уже цѣловалъ ея руку безъ страсти, но съ чувствомъ. Она наклонилась и поцѣловала его въ лобъ.

— Намъ надо будетъ торопиться свадьбой, меня ждутъ въ Петербургѣ.

— Распоряжайтесь, какъ знаете...

— Теперь мнѣ нужно переговорить съ вашимъ братомъ.

Благово еще разъ поцѣловалъ ея руку и вышелъ, она склонила голову на грудь и осталась сидѣть съ опущенными на колѣни руками.

— Ну, что, сдѣлалъ предложеніе?—торопливо прошептала Марья Дмитріевна, вбѣгая на цыпочкахъ въ комнату.

— Сдѣлалъ,—неохотно отвѣчала Катерина Ивановна, не перемѣняя положенія.

— Что же? Согласилась?

— Согласилась,—тѣмъ же тономъ отвѣчала невѣста.

Ей становились гадки и обидны эти радостно-торопливые разспросы, заставлявшіе думать, что дѣло идетъ о жизни и смерти.

— Ахъ, Создатель, ты точно къ казни приговоренная!

— Голова болитъ,—провела молодая дѣвушка рукою по лбу, вставая съ мѣста.

— Гдѣ свадьба-то будетъ?

— Ахъ, ничего я не знаю! Подите, толкуйте, совѣщайтесь, только оставьте меня въ покоѣ!—раздражительно промолвила Катерина Ивановна, направляясь къ своей комнатѣ.

— Ахъ, Катя, Катя, хорошо ты платишь за мою любовь!—воскликнула съ горечью Марья Дмитріевна.—Вѣдь я тебя, какъ дочь родную, любила!..

Digitized by Google

— Лучше бы вы меня любили, какъ друга,—послышался отвѣтъ.

Марья Дмитріевна изумилась и не поняла смысла этихъ словъ, ей показалось, что ея Катя немного помѣшалась. Еще болѣе изумилась бы она, если-бъ заглянула въ комнату Кати. Тамъ, выходящая по своему собственному согласію замужъ, Катерина Ивановна горько плакала. Только теперь она вполнѣ ясно поняла, что ея мечты о страстной любви никогда, никогда не осуществятся, что между тѣмъ отказать Благово и остаться снова въ деревенской глуши, на страшную мýку, среди раздраженныхъ этимъ отказомъ родныхъ,—нѣтъ силъ, что и этотъ рѣшительный поступокъ не поведетъ ни къ чему, заставитъ ее просидѣть въ дѣвушкахъ или выйти за помѣщика на прозябанье въ деревнѣ, или обвѣнчаться съ какимъ-нибудь Андреевымъ, который хорошо говоритъ, увлекается, способенъ на страстную любовь,—но какимъ мужемъ онъ будетъ?

Скверное положеніе, господа!

— Наша-то, кажется, и въ самомъ дѣлѣ въ Андреева влюблена, — говорила Марья Дмитріевна толстому супругу, приготовляясь ко сну и повязывая широкую голову сожителя шелковымъ платкомъ.

— А что?—спросилъ онъ, укладываясь въ постель.

— Да ходитъ, точно въ воду опущенная.

— Э, ничего! просто боится замужъ идти, дѣло новое...

— Чего тутъ бояться? Вотъ невидаль! — воскликнула Марья Дмитріевна, надѣвая ночной чепецъ и сдѣлавшись вдругъ похожею на мокрую кошку.

— Да, хорошо тебѣ толковать, а, поди-ка, и ты меня наканунѣ свадьбы трусила, тоже мужчина былъ! Э?—усмѣхнулся толстякъ, поднимая съ подушки голову, завязанную въ платокъ и украшенную спереди узломъ съ концами въ видѣ бараньихъ рожекъ.—Теперь-то ты храбра стала, привыкла. А вѣдь послѣзавтра, мамочка, день нашей свадьбы. Э?..

— Ну, полно!—какъ-то сладко сказала Марья Дмитріевна.—А что онъ?

— Плохо, мамочка; все по закону совершить хочетъ, и завѣщанье, и другія бумаги, чтобы получить съ насъ деньги, если у насъ, того, понимаешь, дѣти будутъ.

— Ну, какія тамъ дѣти!

— А отчего же не быть?

Digitized by Google

— Да нѣтъ! Ты бы ему...

— Вотъ заладила: нѣтъ, нѣтъ! А, можетъ-быть, и будутъ. Что мы съ тобой перестарки, что ли, какіе?

— Охъ, ужъ ты, юноша!

— Да, юноша.

Юношу и Марью Дмитріевну, хотя они и не говорили этого вполнѣ ясно, сильно тревожило желаніе Благово устроить все насчетъ имѣнія законнымъ образомъ. Супруги въ глубинѣ своей души совсѣмъ не питали надежды имѣть дѣтей, они вполнѣ искренно желали оставить свое имѣніе любимой Катѣ и не думали ее надувать, но желаніе Благово все-таки терзало ихъ,—почему? — это ихъ тайна, и я не рѣшаюсь объяснить ее, да и они сами, вѣроятно, уклонились бы отъ объясненій, какъ уклонился Маниловъ объяснить, почему онъ считаетъ Чичикова такимъ просвѣщеннымъ гостемъ и требуетъ, чтобы тотъ прошелъ первый въ двери. «Да ужъ такъ!»—объясняютъ въ этихъ случаяхъ люди причину своихъ поступковъ. Викторъ Владиміровичъ требовалъ, чтобы и Иванъ Ивановичъ засвидѣтельствовалъ свое отреченіе отъ братнина имѣнія, могущаго перейти къ нему законнымъ образомъ въ случаѣ смерти старшаго брата. Иванъ Ивановичъ, улыбаясь, подписалъ бумагу и пошутилъ, что Викторъ Владиміровичъ умѣетъ вести дѣла.

— Что это за бумаги? — спросила мелькомъ Катерина Ивановна у младшаго брата.

— Насчетъ имѣнія; мнѣ надо было отречься отъ имѣнія брата.

— Что это тебѣ вздумалось?

— Не вздумалось, а Викторъ Владиміровичъ просилъ.

— Это зачѣмъ?

— Практичность! Хорошая жена хороша и одна, а съ придачею еще лучше.

Сестра отвернулась.

Дѣло, касавшееся всѣхъ этихъ завѣщаній, расписокъ, отреченій, потребовало присутствія кого-нибудь изъ семьи въ городѣ. Иванъ Ивановичъ согласился съѣздить тѣмъ болѣе охотно, что его дѣла по деревнѣ приняли хорошее теченіе и, повидимому, могли идти уже безъ его помощи по прямой дорогѣ. Его поѣздка въ городъ продолжалась двѣ недѣли. Обдѣлавъ дѣла, онъ съ спокойнымъ духомъ и чистою совѣстью возвратился домой.

Digitized by Google

— А у тебя тамъ пиры идутъ,—встрѣтилъ его Константинъ Ивановичъ на крыльцѣ.

— Гдѣ?

— Извѣстно гдѣ, въ деревнѣ!

— Какіе пиры?

— Пиры обыкновенные, власти пируютъ.

— Какія власти?—нетерпѣливо произнесъ Иванъ Ивановичъ.

— Извѣстно какія, не китайскіе мандарины, а становой со своей великолѣпною свитой тризну справляетъ.

— Да говори, братъ, толкомъ! Чортъ побери твои шуточки!—блѣднѣя, воскликнулъ Иванъ Ивановичъ.

— Мертвое тѣло тамъ нашли,—тихо сказала Катерина Ивановна, испуганная выраженіемъ лица младшаго брата.

Онъ швырнулъ на столъ въ первой комнатѣ бумаги, привезенныя изъ города, и выбѣжалъ вонъ, не слушая вопросовъ о сдѣланныхъ имъ дѣлахъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже былъ въ своей деревнѣ.

— Что у васъ, братцы?—торопливо спрашивалъ онъ у попавшейся толпы своихъ крестьянъ.

— Отецъ родной, конецъ приходитъ!—воскликнулъ одинъ изъ мужиковъ.

— То-есть, какъ есть погибель, кошель-дѣло!.. Дорѣжутъ, въ разоръ разорятъ, вотъ-тѣ и шабашъ!—говорили голоса.

— Вступились бы вы, Иванъ Ивановичъ,—произнесъ парень, ежегодно ходившій на заработки въ столицу и потому говорившій барину *вы* и дававшій мудрые совѣты:—а то дѣло-то несообразное совсѣмъ, значитъ, выходитъ. Ужъ больно донимаетъ это слѣдствіе, работа стоитъ, вотъ...

— Да что случилось-то?—нетерпѣливо допрашивалъ баринъ.

— Мертвое тѣло нашли... Признаки, говорятъ, есть...

— Чего тамъ признаки!

— Какіе признаки! вѣстимо, хмельной... Тутъ, батюшка, знаешь, овражекъ есть, за Василья Косого межой овражекъ, такъ себѣ, значитъ, пустенькій овражекъ-то, по малину туда ребятишки бѣгаютъ...

— Ну, ну?—торопилъ Иванъ Ивановичъ разсказчика.

— Ну, вотъ въ этомъ-то самомъ овражкѣ и нашли, значитъ, а теперя ночи-то, самъ знаешь, батюшка, своего носа не увидишь, а не токмо что... Ну, и свалился въ овражекъ-то; земля, то-есть, полагалъ.

Digitized by Google

— Все больше изъ зависти, значитъ, надоть полагать, хорошо, вишь, живемъ мы,—ввернулъ бывалый парень.

Ивана Ивановича покоробило отъ этой фразы; онъ впервые созналъ, что и самъ народъ разъединенъ между собою.

— Требовали что-нибудь?—спросилъ Иванъ Ивановичъ отрывисто.

— Нѣтъ, требовать не требовали, а, значитъ, все насчетъ ѣды больше, куръ подавай имъ, ну и работа опять, хлѣбъ-отъ не убранъ, а тутъ съ утра-съ таскаютъ.

Иванъ Ивановичъ покачалъ головой и закусалъ ногти; черезъ минуту онъ пошелъ къ избѣ старосты, окруженный все прибывавшей и прибывавшей толпой мужиковъ.

— А я опять загулялъ!—кричалъ отчаяннымъ голосомъ деревенскій кутила, просившій, если помнятъ читатели, чтобъ баринъ выпоролъ его.

— Ну тебя къ чертямъ!—толкали его подъ бокъ мужики, озабоченные горькимъ дѣломъ.

— Все равно, что гулять, что не гулять, по крайности душу распотѣшу,—кричалъ гуляка.—Все одно, сказано: шабашъ!—ну, и не моги работать! Ни-ни! Шабашъ, какъ есть шабашъ!

— Да отвяжись, окаянный!—грозили ему кулаками.—Рыло, что-ль, чешется?

Иванъ Ивановичъ между тѣмъ совѣщался съ становымъ, докторомъ и другими непрошенными гостями. Весь покрытый потомъ, дрожащій отъ злобы и хмурый, вышелъ онъ изъ избы; староста на цыпочкахъ слѣдовалъ за нимъ, точно боясь кого-то разбудить.

— Плохо, Иванъ Ивановичъ, дѣло не рука,—шопотомъ промолвилъ онъ.

— А работа, Кузьмичъ? Вѣдь этакъ чортъ знаетъ сколько времени протянуть, на кормы сколько выйдетъ... Вонъ и Гвоздило запилъ снова съ бездѣлья; пожалуй, и другіе...

— Это что говорить! Да дѣло-то не рука. Сами знаете, денегъ теперь нѣтъ. Едва сами стали справляться, скотинкой обзавелись, а тутъ... О, чтобъ его нелегкая побрала, вздумалъ въ овражекъ завалиться!

— Шатуны проклятые!—послышался голосъ изъ толпы, стоявшей въ сторонѣ, чтобы не нарушать совѣщанія барина и старосты; ее вывело изъ безмолвія восклицаніе послѣдняго.

— Что, Иванъ Ивановичъ?—шопотомъ и не смѣло спросилъ одинъ изъ мужиковъ, подходя осторожно къ барину, точно воръ къ сонному человѣку.

Digitized by Google

За смѣльчакомъ послѣдовали и другіе съ вопросами. Баринъ объяснилъ дѣло. Начались счеты, расчеты, наконецъ, порѣшили, что Иванъ Ивановичъ дастъ мужикамъ денегъ въ долгъ съ разсрочкою платежа на годъ.

— Ну, что какъ меня-то не будетъ здѣсь? — спросилъ онъ задумчиво.

— Охъ, ужъ оставайся, Иванъ Ивановичъ, ты здѣсь!— съ искреннимъ чувствомъ произнесъ одинъ изъ крестьянъ.

— Нѣтъ, братъ, и это не поможетъ,—покачалъ головой баринъ и пошелъ домой.

Ночью въ темнотѣ слышались голоса по дорогѣ, ведущей въ деревню Миловиду. Большая свита провожала Ивана Ивановича. Невеселыя думы тѣснились ему въ голову, непривычное озлобленіе кипѣло въ немъ. «Все строится на пескѣ,—писалъ онъ въ записной книжкѣ.—При такихъ условіяхъ всѣ усилія тщетны... Надо все передѣлать... Меня не радуютъ даже сдѣланныя мною улучшенія, все это погибнетъ. Все это паутина: стоитъ подуть вѣтру, и она оборвется... Проклятая жизнь!»

— До свиданья, Иванъ Ивановичъ, много благодарны за угощеніе!—кричалъ становой, проѣзжая мимо его оконъ.

— Чортъ бы васъ всѣхъ взялъ!—проворчалъ Иванъ Ивановичъ, отходя отъ окна.

Черезъ нѣсколько дней за обѣдомъ шелъ горячій разговоръ о происшествіяхъ въ деревнѣ молодого Пащенко. Онъ откровенно описалъ дѣло и признался, что отдалъ послѣднія деньги, что теперь нужно писать въ Петербургъ о высылкѣ новой суммы. Онъ былъ чрезвычайно грустенъ и мягокъ въ эти дни; неудача на время смирила пробудившуюся въ немъ гордость. Черезъ два дня была назначена свадьба Катерины Ивановны. Наканунѣ этого дня она прошла на половину младшаго брата.

— Ваня, завтра моя свадьба,—говорила она, садясь на диванъ.

— Я знаю, Катя.

— Послушай, можетъ-быть, я поступаю опрометчиво, рѣшаясь на этотъ шагъ, но, видно, такая судьба... У меня есть одна просьба до тебя: не забывай меня въ Петербургѣ, пиши, помоги, если что случится дурное...

— Полно, Катя, что за мысли передъ свадьбой! Авось, все будетъ хорошо.

— Да, да, авось! Но если... Ты не знаешь, какъ мнѣ тяжело! Вѣдь не то, чтобы я его не любила или чувство-

Digitized by Google

вала къ нему отвращеніе, а просто безотчетно тяжело, скучно...

— Ты нездорова, твои нервы раздражены. Погоди, успокоишься, встрѣтимся въ Питерѣ, я тамъ своимъ домикомъ заживу съ женою...

— Развѣ у тебя есть невѣста?—изумилась сестра.

— Давно уже. Я съ ней въ перепискѣ.

— Дай Богъ! мнѣ веселѣе будетъ...

Братъ тихо притянулъ къ себѣ за талью сестру, она опустила ему на плечо свою голову и заплакала; долго онъ цѣловалъ ее и успокаивалъ, какъ маленькаго, больного ребенка.

— Я тебя люблю, все-таки, больше, чѣмъ ихъ,—шептала она ему и снова цѣловала его руки.

Въ этой ласкѣ уже виднѣлась не экзальтація, а чувство смѣшанной съ грустью глубокой любви; казалось, что эта дѣвушка пережила очень много и еще больше перечувствовала за послѣднее время, хотя никто и не подозрѣвалъ этого. Женщина вообще, какъ существо подчиненное, безправное, часто забитое, очень скрытна. Это покажется парадоксомъ людямъ, твердящимъ поговорку: «болтливы, какъ женщины!» Но это истина. Мы видимъ женщинъ, постоянно передающихъ по секрету всѣ мелкія тайны своего сердца, болтающихъ за десятерыхъ мужчинъ всякій вздоръ, но никто изъ насъ не подумаетъ серьезно о томъ, что могло ли бы существо, живущее столь мелочными интересами, выдающее ихъ съ такою непростительною вѣтреностью, рѣшаться на самыя величайшія злодѣянія и на самыя геройскія жертвы, рѣшаться не глупо, не очертя голову, но обдумывая искуснѣе всякаго мужчины всѣ шансы успѣха и неудачи. Только, поднявъ женщину до мужчины, мы вполнѣ ясно поймемъ ее и удивимся ея уму, тѣмъ болѣе сильному, что онъ умѣлъ до сихъ поръ безъ посторонней помощи вырабатывать то, до чего не доходили мы со всѣми нашими учеными пособіями, развивающими преніями въ кружкахъ, со всѣми профессорскими поученіями.

X.

Катерина Ивановна уѣхала со своимъ мужемъ.

Въ помѣщичьемъ домѣ ничего не измѣнилось, повидимому; хозяйничанье, пасьянсы, вязанье шарфовъ, обученіе пса, все шло по-старому. Но только теперь стало ясно, ясно для самихъ помѣщиковъ-супруговъ, что ихъ жизнь

Digitized by Google

не имѣетъ смысла, не имѣетъ цѣли. На что всѣ эти хлопоты о провизіи, всѣ эти карточныя гаданія объ исполненіи задуманныхъ вопросовъ, всѣ эти стоянія на заднихъ лапахъ и подачи поносокъ псомъ, всѣ эти безконечные шарфы? Для того, чтобы умереть! Но стоитъ ли для этого жить? А смутное сознаніе того, что ранняя смерть двухъ прозябающихъ, а не живущихъ существъ, можетъ доставить кому-то третьему не печаль, но тайное, усердно-скрываемое и все-таки не могущее скрыться отъ глазъ людей удовольствіе, о, это сознаніе такъ отвратительно гадко отзывается въ душѣ!

— Вотъ мы и остались съ тобой бобылями!—задумчиво произносилъ Константинъ Ивановичъ голосомъ читальщика, читающаго надъ покойникомъ псалтирь.

— Да,—уныло отзывалась, словно изъ какой-то могильной пропасти, Марья Дмитріевна.—Вспоминаютъ ли они о насъ теперь, хотѣлось бы знать.

— Кто они? Говори: она, а онъ-то вспоминаетъ.

— Ну вотъ, будто мы ему милѣе, чѣмъ ей!

— Еще бы! Я думаю, каждый день размышляетъ: скоро ли околѣютъ эти дураки!—желчно произносилъ Константинъ Ивановичъ.

— Полно!

— Чего, полно? Извѣстно, деньги всякому нужны; подлка, ругаетъ насъ въ душѣ, что небо коптимъ.

— Н-да, кто его знаетъ, можетъ-быть, и такъ... Дѣтей намъ Богъ не далъ, вотъ что...

— Дѣтей? А ты думаешь, дѣти-то не то же бы думали? Тоже бы къ чорту насъ посылали за долголѣтіе!—еще болѣе желчно и раздражительно возражалъ Константинъ Ивановичъ.

— Грѣховодникъ ты! Не знаешь ты, что значатъ дѣти, — упрекала Марья Дмитріевна мужа, чтобы что-нибудь сказать.

— Не знаю? самъ не былъ сыномъ, что ли?..

Марья Дмитріевна широко открывала глаза и не знала, что возражать мужу; упрекать ли его за безнравственное признаніе въ прежнемъ корыстолюбіи, или проклинать наслѣдство, дѣлающее безнравственными отношенія братьевъ къ братьямъ, дѣтей къ родителямъ. Иванъ Ивановичъ съ тоской и зѣвотой вставалъ со своего мѣста и уходилъ въ свою комнату.

— Пѣтухъ индѣйскій! языкъ проглотилъ, — озлобленно

Digitized by Google

говорилъ Константинъ Ивановичъ, не дожидаясь, когда за братомъ затворится дверь. — Тоже, я думаю, мучится, что отказался отъ наслѣдованія моего имѣнія. Свое-то пропуститъ въ трубу на потѣху, такъ тогда не худо будетъ и чужое прибрать къ рукамъ.

— Что у тебя нынче за мысли такія, всѣхъ-то ты бранишь!—восклицала Марья Дмитріевна.

— Ну, матушка, прошла пора цѣловаться, губы устали. И тебѣ-то пора бы за умъ взяться, да не сахарничать. Вотъ ты людей избаловала, крадутъ у тебя изъ-подъ носу, вчера самъ своими глазами видѣлъ, какъ Мишутка варенье лопалъ. Теперь глаза, да и глаза нужны, доходы будутъ не прежніе и не свое тратимъ, на чужое изъ милости живемъ; умремъ, такъ, пожалуй, и изъ гроба отчеты повѣрять потребуютъ...

— Богъ тебя знаетъ, шутишь ты или правду говоришь?

— Какія тутъ шутки! Вотъ гдѣ у меня эти шутки сидятъ,— показывалъ Константинъ Ивановичъ на жирный затылокъ.

Въ комнатѣ воцарялось молчаніе. Тихо, страшно тихо, какъ въ могилѣ, дѣлалось въ ней; даже нѣтъ въ ней часовъ съ бойко-чикающимъ маятникомъ, даже нѣтъ какого-нибудь беззаботно и немолчно постукивающаго сверчка за стѣной; только едва слышно постукиваютъ, какъ костяные пальцы скелета, деревянныя спицы Марьи Дмитріевны и еще тише скользятъ по столу карты Константина Ивановича, словно двѣ живыя тѣни боятся спугнуть шумомъ самихъ себя и исчезнуть отъ испуга съ лица земли.

— Баста!—вдругъ озлобленнымъ голосомъ вскрикиваетъ Константинъ Ивановичъ и шумно бросаетъ на столъ колоду картъ.

— Какъ ты меня испугалъ!—вскрикиваетъ Марья Дмитріевна.

— Мишка, Мишка! — кричитъ Константинъ Ивановичъ, а въ домѣ царитъ тишина, никто не откликается на зовъ, и только угрюмыя вѣтви спустившихъ листья деревьевъ шпіонски смотрятъ въ окно.

Константинъ Ивановичъ крадется въ переднюю, захвативъ лѣвою рукою полы халата пониже тальи, и торжественно указываетъ Марьѣ Дмитріевнѣ, несущей свѣчу, на спящаго Мишку.

— Воля!—многозначительно восклицаетъ онъ.

Марья Дмитріевна молчитъ, разсѣянно освѣщая угрюмую переднюю.

Digitized by Google

— Не прикажете ли васъ раздѣть, Михайло Трофимовичъ?—трясетъ изо всей силы Константинъ Ивановичъ за руку Мишку.

Тотъ просыпается и осовѣвшими глазами смотритъ на барина и барыню.

— Вамъ, можетъ-быть, неловко въ сюртучкѣ спать-съ? А?.. Пошелъ, бестія, подбери карты! — вдругъ разражается баринъ, и не бьетъ, а какъ-то тычетъ Мишку.

Мишка ковыряетъ въ носу и, видимо, не можетъ очнуться отъ сладкаго сна, среди котораго ему грезилось, что онъ играетъ въ носки съ Филаткой... Господа отправляются спать и попрежнему, какъ послѣ старыхъ ссоръ изъ-за пасьянсовъ, благодушествуетъ Константинъ Ивановичъ въ своей опочивальнѣ, но теперь раздраженіе проглядываетъ даже въ его благодушныхъ шуточкахъ съ женою. Оно тяжело ему самому, а между тѣмъ онъ чувствуетъ, что *что-то* испортило навсегда его пищевареніе, смутило его покой, и не раздражаться онъ уже не можетъ. Назвать это *что-то* онъ не умѣетъ. Это не замужество Кати, это не условія, предложенныя ея мужемъ, это не воля крестьянская, а все вмѣстѣ, и болѣе всего безсмысленное, безцѣльное, убійственно-скучное и все-таки не убивающее «завтра». Сотни разъ хотѣлось Константину Ивановичу *замечтаться*, придумать какое-нибудь разнообразіе, веселье для будущей жизни, создать цѣль для существованія, и постоянно всѣ усилія оканчивались однимъ и тѣмъ же выводомъ: встанемъ утромъ, поѣдимъ, попьемъ, пасьянсъ разложимъ и ляжемъ спать...

— О, чортъ побери!—вскрикивалъ онъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Что съ тобой? Боленъ ты?—спрашивала Марья Дмитріевна, не подозрѣвавшая о думахъ супруга.

— Убирайся ты, матушка, съ своими разспросами! Младенецъ я, что ли, что ты ко мнѣ пристала, какъ банъ... Тьфу!

Марья Дмитріевна пожимала плечами и махала рукой, такъ какъ она-то уже успѣла помириться со своимъ новымъ положеніемъ и нашла, какъ убить праздное время, удвоивъ часы молитвъ, чаще прежняго посѣщая церковь и занимаясь откладываніемъ корокъ хлѣба и попортившейся провизіи для нищихъ...

А время все летѣло и летѣло впередъ...

Digitized by Google

Иногда Константинъ Ивановичъ отъ нечего дѣлать разнообразилъ свою жизнь, представляя изъ себя деспота въ домѣ или скрягу, и входилъ въ эти роли до того, что почти самъ вѣрилъ, что онъ и деспотъ, и скряга.

— Ты зачѣмъ это въ воскресный сюртукъ облекся? — кричалъ Константинъ Ивановичъ на казачка.

— Да я только надѣлъ его, чтобы...

— Нѣ-ѣтъ, нѣ-ѣтъ, ты не юли, ты мнѣ отвѣчай толкомъ: что̀ деньги-то у меня родятся, что ли, или съ неба падаютъ?

— Я-съ, Константинъ Ивановичъ...

— Врешь, мошенникъ, врешь! Не ты Константинъ Ивановичъ, а я; потому-то я тебя и спрашиваю, какъ ты смѣлъ воскресный сюртукъ надѣть? Да ты знаешь ли, что я по-міру бы пошелъ, если бы вы въ будни воскресные сюртуки носили. Изъ-за васъ, бестіи, и самъ съ голоду скоро умру. У-у, шельмецъ, бѣги, покуда не выпоролъ тебя!

Казачокъ изумленными глазами смотрѣлъ на барина, такъ какъ тотъ никого во всю жизнь пальцемъ не тронулъ. Онъ и теперь не думалъ сѣчь Мишку, но просто угрожалъ, чтобы разсѣять скуку, развлечься.

Константинъ Ивановичъ сталъ припрятывать каждую щепочку, каждый гвоздикъ, попадавшіеся ему на дорогѣ, не потому, что это казалось ему необходимымъ, и не изъ скряжничества, но тоже, чтобы развлечься, занять себя тревогой о своей мнимой бѣдности, и большую радость доставляло ему, если посторонніе замѣчали его скупость.

— Что̀ это у тебя въ рукахъ?—спрашивалъ Иванъ Ивановичъ, видя въ рукахъ брата сломанный гвоздь.

— Гвоздь нашелъ.

— На что онъ тебѣ?

— Какъ на что? Гвоздь-то? Мало ли на что гвоздь пригодится. Безъ гвоздя и дома не выстроишь.

— Такъ этотъ гвоздь, пожалуй, есть зародышъ будущаго дома?—улыбался Иванъ Ивановичъ.

— Можетъ-быть, можетъ-быть! Будущее одинъ Богъ знаетъ. И дубъ изъ малаго желудя растетъ.

— Ну, изъ гвоздя-то ужъ ничего не вырастетъ!

— Въ чьихъ рукахъ, братъ, въ чьихъ рукахъ! Вотъ въ чемъ все дѣло-то. Въ иныя руки, кажется, всю вселенную отдай, такъ черезъ недѣлю за нее жидъ своей старой ермолки не дастъ, за вселенную-то. Вотъ что руки-то значатъ!

— Ты философствуешь.

Digitized by Google

— Гдѣ намъ! Это отцы насъ такъ учили, мы вѣдь не модники, не благодѣтели человѣчества. Намъ самимъ дай Богъ вѣкъ дожить, съ голоду не умереть...

Иванъ Ивановичъ пожималъ плечами и уходилъ.

— Мотай себѣ на усъ, мотай, — говорилъ Константинъ Ивановичъ по уходѣ брата.—Погоди, еще по-міру пойдешь. Благодѣтели!

А скука, все-таки, одолѣвала страшная. То зимнимъ вечерамъ конца нѣтъ, то лѣтній день идетъ не идетъ, тянется, тянется, а темной ночи все нѣтъ какъ нѣтъ, свѣтъ спать мѣшаетъ, и если ставни закроешь, такъ и то онъ найдетъ щелку и тонкой, тонкой полоской свѣтитъ прямо въ глаза и дразнитъ человѣка до одурѣнія.

А время все летѣло и летѣло...

Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже познакомиться и съ положеніемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и привести къ концу дѣла по этому освобожденію, и помышлялъ уже объ отъѣздѣ въ Петербургъ, откуда нерѣдко долетали до него письма его друзей и сестры...

«Винюсь передъ тобой, милый Ваня,—писала брату Катерина Ивановна:—я долго не писала къ тебѣ. Но Петербургъ совершенно закружилъ меня. Балы, собранія, визиты, театры, опомниться некогда. Я воображаю, какую гримасу состроишь ты, читая эти строки, и какъ начнешь усовѣщивать меня въ письмѣ. Но, другъ мой, вѣдь теперь-то и жить, молодости не вернешь послѣ. Мой мужъ очень добрый; онъ мнѣ казался сухимъ и холоднымъ, но я теперь начинаю понимать вполнѣ, что его разумная любовь лучше минутнаго увлеченія какого-нибудь юноши. И юноши-то нынче не очень привлекательны, о нихъ въ Петербургѣ ходятъ очень дурные слухи. Они какихъ-то гадкихъ дѣлъ надѣлали, но Витя говоритъ, что ихъ всѣхъ надо бы прежде высѣчь, а потомъ выслать вонъ. Я читала на-дняхъ «Полиньку Саксъ» и съ тѣхъ поръ постоянно зову Витю моимъ Саксомъ. И тотъ былъ такимъ же холоднымъ чиновникомъ по виду, но какъ онъ умѣлъ любить! Витя болѣе всего заботится о томъ, чтобы я была вездѣ первою, и съ какимъ-то восторгомъ онъ говоритъ мнѣ: «ты сегодня была царицею бала, на тебя всѣ смотрѣли». Однако, что же я болтаю о немъ: это можетъ тебя менѣе интересовать, чѣмъ

Digitized by Google

мое знакомство съ твоей невѣстой. Я ее отыскала. Она мнѣ очень понравилась, но, извини меня за откровенность, она большая оригиналка, и мой Витя качалъ головой, когда я ее описывала ему. Я застала ее въ первый мой визитъ къ ней за работой; она приняла меня ласково и, болтая со мною, продолжала работать.—Зачѣмъ вы обстригли волосы?—спросила я, удивляясь, что она рѣшилась обрѣзать такіе чудные волосы.—Такъ удобнѣе,—отвѣтила она:—хлопотъ съ ними меньше. — А я думала, что это просто маленькое кокетство,—засмѣялась я.—Можетъ-быть,—отвѣтила она: — отчего же и не пококетничать такъ, если другимъ позволено кокетничать иначе: локонами длинными, косами и взбитыми шиньонами? — Но вы, вѣрно, не сдѣлали бы этого, если бы этого не дѣлали другія, это подражаніе,— сказала я, вспомнивъ слова Вити. — Да вѣдь и ваша прическа подражаніе, — наивно замѣтила она: — не вы же ее выдумали. Вообще все на свѣтѣ подражаніе, изобрѣтеній мало, нужно только подражать тому, что удобнѣе... Вообще въ ея манерѣ говорить много твоего и Андреевскаго, извини за это сопоставленіе именъ, но вѣдь ты же былъ его другомъ. У Лизы я встрѣтила какого-то шута; она назвала его Кравцевымъ. Онъ тотчасъ же по моемъ приходѣ всталъ и раскланялся, хмуря брови и прекурьезно проходя бокомъ, чтобы не задѣть за мое длинное платье. Во второе мое свиданіе съ Лизочкой, я опять встрѣтила этого шута, и снова онъ пустился въ бѣга; это меня разсмѣшило, но я удержалась отъ всякихъ вопросовъ, потому что Лиза была озабочена какимъ-то несчастіемъ, постигшимъ одного изъ вашихъ знакомыхъ, какого-то Крючникова. Онъ куда-то пропалъ. Витя, услыхавъ, что Лиза знакома съ Крючниковымъ, попробовалъ отсовѣтовать мнѣ ѣздить къ ней, говоря, что всѣ эти стриженыя — дрянь. Ты не сердись на него, онъ это говоритъ потому, что видитъ близко все происходящее теперь. Ты самъ, когда пріѣдешь въ Петербургъ и узнаешь всѣ происшествія, вѣроятно, посовѣтуешь Лизѣ не стричь волосъ, чтобы ее не смѣшивали съ тѣми, отъ которыхъ отвернулись всѣ порядочные люди. Я рада, что мой Сакъ указываетъ мнѣ на чужія заблужденія и избавляетъ меня отъ опасности также заблуждаться. Припоминая послѣдній день передъ свадьбой и давившую меня тоску, я часто думаю о словахъ покойной няни. «Передъ радостью, матушка, всегда плакать хочется», — говорила она. Вѣрно, и мнѣ было такъ тяжело передъ настоящимъ

Digitized by Google

счастьемъ. Да, я счастлива, я покойна, всѣ мои желанія исполняются въ минуту, мнѣ не даютъ предаться раздумью или скукѣ. Дай Богъ, Ваня, намъ увидѣться поскорѣе, и чтобы ты съ женой былъ бы такъ же счастливъ, какъ я со своимъ мужемъ».

Иванъ Ивановичъ хладнокровно оторвалъ клочокъ отъ письма сестры, зажегъ его въ печкѣ и поднесъ къ папиросѣ, остальная часть письма долго валялась на полу и потомъ выбросилась съ соромъ... Однако, это письмо заставило Ивана Ивановича серьезно задуматься объ отъѣздѣ въ Петербургъ. И вотъ, въ одно прекрасное утро, въ барскомъ домѣ деревни Миловиды за чайнымъ столомъ появились не три, а только два существа. Оба эти существа молчали и старались не глядѣть другъ на друга, имъ было невыносимо тяжело, передъ ними стояло безчисленное множество грядущихъ дней, похожихъ, какъ двѣ капли воды, другъ на друга, и ни одинъ изъ этихъ дней не сулилъ ни драмъ, ни комедій, ни грустныхъ, ни веселыхъ сценъ. «Но такая жизнь сама по себѣ драма», — скажетъ читатель. — Да, отвѣчу я, но вы умерли бы съ тоски, если бы я вздумалъ посвятить еще нѣсколько страницъ этой драмѣ. Итакъ, вонъ изъ деревни Миловиды и пусть въ ней мирно дотлѣваютъ двѣ живыя тѣни! Не станемъ мѣшать ихъ разрушенію нашимъ непрошеннымъ присутствіемъ. Въ Петербургъ, въ Петербургъ, на балы, на спектакли; и будемъ прислушиваться— не кричитъ ли тамъ кто-нибудь: хлѣба и комедій!

XI.

Въ Петербургѣ есть очень много домовъ, гдѣ вы встрѣтите изящное общество, изящную обстановку, изящные разговоры, изящный столъ и, тысячу лѣтъ ломая голову, не поймете, изъ какихъ средствъ изящные хозяева этихъ домовъ достигли этого изящества. Встрѣчая въ ихъ кругу юнаго князя Душкина и секретаря при посольствѣ герцогства Креенвинкель, ловкаго барона Швальбе, записаннаго въ готскій альманахъ дворянскихъ фамилій, вы начинаете считать достопочтенныхъ хозяевъ аристократами высшаго полета и, при первомъ удобномъ случаѣ, говорите въ аристократическомъ кругу стараго князя Душкина объ этихъ милыхъ, любезныхъ людяхъ. Но каково же должно быть ваше изумленіе, когда старый князь Душкинъ, язвительно сощуривъ свои и безъ того насмѣшливые, холодные, свинцовые глаза и пожавъ плечами, скажетъ: «Извините, я не

Digitized by Google

имѣю удовольствія ихъ знать. Даже самая ихъ фамилія какъ-то ускользнула изъ моей памяти. Впрочемъ, и не мудрено: въ старости помнишь, что было за сто лѣтъ, а какой-нибудь вчерашней комедіи и названія не припомнишь». Вы начинаете чувствовать, что вы промахнулись, что ваши любезные, милые знакомые составляютъ для аристократіи неизвѣстное племя, столь же неизвѣстное, какъ людоѣды какого-нибудь острова Фиджи. Вы бьете себя мысленно по лбу, обзываете свою приличную особу неприличнымъ именемъ «телятины», каетесь за свою несообразительность и припоминаете только теперь, что у вашихъ знакомыхъ на серебрѣ, на каретахъ, на печатяхъ нѣтъ даже фамильнаго герба, а просто виднѣется шикарный по своей неразборчивости вензель изъ славянскихъ буквъ, что уважаемый вами хлѣбосолъ и его супруга воспитывались въ казенныхъ заведеніяхъ, а не дома, не подъ надзоромъ трехъ гувернантокъ и двухъ гувернеровъ, что они не имѣютъ входа ко двору, что ихъ лакей носитъ общую всѣмъ лакеямъ простыхъ смертныхъ гороховую ливрею, постоянно увеличивающую церемоніи чиновничьихъ и купеческихъ свадебъ, что, наконецъ, все это ясно доказываетъ ихъ неаристократическое происхожденіе, и вамъ дѣлается ясною, какъ самый ясный лѣтній день, ихъ принадлежность къ міру биржи, спекуляцій, торговыхъ сдѣлокъ и капитала. На музыкальномъ вечерѣ биржевого маклера Размѣннаго, постоянно дающаго въ теченіе пяти или шести послѣднихъ зимъ музыкальные вечера, гдѣ собираются лучшіе заѣзжіе артисты и куда не допускаются армейскіе офицеры—вѣдь и Размѣнный хочетъ быть аристократомъ!— вы тонко справляетесь о размѣрахъ денежныхъ дѣлъ безпокоящаго васъ изящнаго знакомства. «Какія у него тамъ дѣла?—восклицаетъ Размѣнный.—Эти аристократы проѣдаютъ свое наслѣдственное, а не акціями живутъ». Въ эту минуту вы изображаете своею особою восклицательный и вопросительный знаки и сомнительно смотрите съ одной стороны на брильянты супруги изящнаго господина, съ другой — на его свободное обращеніе съ юнымъ княземъ Душкинымъ и барономъ Швальбе. Вамъ кажется, что Размѣнный сейчасъ же шепнетъ вамъ: «А вѣдь это просто оконныя стекла на ней!» Вы ждете, что вотъ-вотъ юный князь Душкинъ нагло скажетъ изящному господину: «Ну, довольно шутить, Васька, прикажи-ка подавать мнѣ карету!» Но все идетъ по-старому: брильянты такъ и признаются всѣми за брильянты; свободное обращеніе съ княземъ такъ и остается

Digitized by Google

свободнымъ. Васъ подмываетъ желаніе поговорить посерьезнѣе съ княземъ и барономъ о вашихъ общихъ знакомыхъ.

— Далеко пойдетъ нашъ милый Василій Павловичъ, — говорите вы имъ про изящнаго господина.

— Ну, не такую нужно голову, чтобы изъ его круга далеко пойти,—двусмысленно и колко улыбается князь.

— Однако, его связи обширны, вы сами такъ коротко сошлись съ нимъ,—добиваетесь вы разрѣшенія загадки.

— Да, у него прехорошенькая жена, — смѣется князь, вбрасывая въ глазъ стеклышко и разсматривая жену вашего общаго знакомаго.

Баронъ Швальбе вклеиваетъ тоже какую-то французскую фразу, но вы, къ величайшему своему горю, не понимаете ее, такъ какъ на французскомъ языкѣ герцогства Креенвинкель выговариваются одинаково je и chez, faim и femme, что̀ заставляетъ насъ предполагать, будто баронъ видитъ возможность утолять свой голодъ у изящнаго господина и въ то же время вамъ чудится, будто ему нравится жена этого господина. Въ концѣ-концовъ вы начинаете слѣдить за каждымъ взглядомъ этой *жены,* глядите на нее подозрительными глазами, отыскиваете во всемъ ея существѣ какое-то пятнышко, еще невидимое для вашего глаза, но уже угаданное вашимъ свѣтскимъ чутьемъ. Горе ей, если она лишній разъ взглянетъ на кого-нибудь при васъ! Уловивъ этотъ взглядъ, вы вдругъ повеселѣете и изъ вашей груди вырвется многозначительное, страшное, роковое *а-а!*

Обѣды же и музыкальные вечера продолжаются, во ожиданіи этого *а-а,* попрежнему; князь Душкинъ, баронъ Швальбе и вы сами обѣдаете, наслаждаясь музыкой, любезничаете, танцуете въ домѣ изящныхъ знакомыхъ и, мало-по-малу, перестаете тревожиться, когда васъ спрашиваютъ:

— Да что онъ такое?

— А чортъ его знаетъ, — отвѣчаете вы: — у него жена хороша.

— А-а!!

Вы ни на что не намекаете этою фразою, вы ни на кого не клевещете ею; вы просто выражаете этимъ свое мнѣніе о красотѣ такой-то личности, потому что можно же сказать, не клевеща на ближнихъ, не оскорбляя ихъ, что у такого-то есть прекрасная картина, чудесная лошадь, красивая собака? Отчего же нельзя сказать, что у такого-то хороша собою жена?

Таковъ былъ домъ Виктора Владиміровича Благово. Въ

Digitized by Google

немъ все блестѣло заманчивостью новой игрушки, мебель, серебро, обои, разговоры, сами хозяева и ихъ гости. Каждый гость былъ невиданною игрушкою, по крайней мѣрѣ, для его жены, Катерины Ивановны.

— Это мой другъ такой-то, а это моя жена, — говорилъ Благово при каждомъ посѣщеніи того или другого лица, и Катерина Ивановна, какъ дитя, радовалась «игрушкѣ», разсматривала эту «игрушку», дѣлала о ней свои заключенія и иногда мѣшала имена этихъ «игрушекъ». Такъ иной, еще плохо говорящій ребенокъ, называетъ солдатика собакой...

Первый балъ въ дворянскомъ собраніи былъ тоже невиданною игрушкою для Катерины Ивановны, и она сама, въ свою очередь, была такою же невиданною игрушкою для собранія. Ее болѣе всего занималъ ея новый брильянтовый фермуаръ; собраніе не замѣчало его, какъ вещь, давно знакомую всѣмъ, и занималось болѣе всего тѣмъ, что было подъ нимъ. Разбитый на ноги графъ Баумгрилле осклабилъ свои единственные два зуба улыбкой удовольствія, увидавъ Катерину Ивановну, провожаемую съ балу десяткомъ молодежи, и попросилъ ея мужа познакомить его съ нею. Онъ былъ ей представленъ, и всю дорогу она хохотала надъ его единственными двумя зубами...

— Право, я не знаю, что ты могла найти смѣшного въ такой почтенной, достойной уваженія особѣ, — удивлялся Викторъ Владиміровичъ смѣху жены.

— Помилуй, эти клыки... Ха-ха-ха!..

— Вотъ это-то и дурно, что пріучили васъ въ институтѣ смотрѣть только на внѣшность. Вы готовы хвалить каждаго негодяя, дурака, за хорошенькіе глазки, да за бѣлые зубы...

Катерина Ивановна хотѣла посмотрѣть на мужа посерьезнѣе, но вспомнила клыки Баумгрилле и засмѣялась снова. На слѣдующій балъ графъ Баумгрилле искусно устроилъ свиданіе Катерины Ивановны со своею женою такимъ образомъ, что ни графиня не была подведена къ Катеринѣ Ивановнѣ, ни Катерина Ивановна къ графинѣ, но обѣ сошлись какъ-то случайно, неожиданно на срединѣ залы. Ловкій маневръ былъ устроенъ такъ по той причинѣ, что безобразная, старая графиня, по своему положенію въ свѣтѣ, не могла подойти первая къ какой-нибудь madame Благово, а madame Благово по своей поражающей, выходящей изъ ряду вонъ красотѣ, могла пробить себѣ путь въ свѣтѣ и безъ покровительства какой-нибудь знаменитой (по лѣтамъ

Digitized by Google

свѣтской жизни) графини Баумгрилле. Здѣсь красота выскочки сравняла ее съ безобразною извѣстностью.

— А съ вами, графиня, кажется, уже знакома,—сказалъ, осклабляя свои два зуба, Баумгрилле Виктору Владиміровичу, представивъ его жену графинѣ.

— Да,—поклонился Благово:—мы...

— Мы знакомы,—прервала его графиня, увидавъ утвердительный поклонъ Благово, и по ея язвительнымъ, тонкимъ губамъ пробѣжала ѣдкая усмѣшка, ясно говорившая, что графиня подумала: «да, голубчикъ, я видала тебя, когда ты таскался съ бумагами къ моему мужу, и много подобныхъ тебѣ гусей я видала, голубчикъ, — ты не первый...»

Викторъ Владиміровичъ почувствовалъ это, хотя и не подозрѣвалъ, что графиня очень неразборчива на выраженія въ бесѣдахъ съ самой собою. Но онъ въ то же мгновеніе поспѣшилъ увѣрить себя, что онъ бывалъ въ домѣ графини не только по дѣламъ, но и какъ гость, какъ знакомый, и утѣшенный этою мыслью, которой самъ не вѣрилъ, снова улыбнулся привѣтливою улыбкою.

— Ты отплатишь ей когда-нибудь визитъ? — мелькомъ спросилъ Баумгрилле жену по уходѣ новыхъ знакомыхъ.

— Да, если не забуду, когда поѣду мимо ихъ дома, — равнодушно отвѣтила жена.

— Вы намѣрены сойтись съ Благово?—спросилъ какой-то гвардеецъ графиню.

— Сойтись?—переспросила графиня и пожала плечами.— Она будетъ на нашемъ балу. Вы знаете мое пристрастіе къ хорошенькимъ ненужностямъ... Кстати, видѣли вы мою новенькую собачку?

— Нѣтъ.

— Чудесное созданіе! Я и ее покажу вамъ во время нашего бала.

Графиня съ саркастическою усмѣшкою кивнула головой и отошла отъ гвардейца.

— Ха-ха-ха!—разразился онъ смѣхомъ.

— Что съ тобой?—спросилъ его стоявшій вблизи пріятель.

— Графиня Баумгрилле будетъ показывать на своемъ балу свою новенькую собачонку и... Ха-ха-ха!—захохоталъ онъ снова, увидавъ проходившихъ мимо Катерину Ивановну и ея мужа. — Я *и ее* вамъ покажу, и ее, c'est adorable! Ха-ха-ха!—заливался гвардеецъ.

Что вы думаете, когда видите человѣка въ тонкой бати-

Digitized by Google

стоной манишкѣ? Не то ли, что у него подъ нею надѣто плохое бѣлье, что у него нѣтъ средствъ носить лучшее бѣлье и есть непреодолимое желаніе, по крайней мѣрѣ, хоть на однихъ видныхъ мѣстахъ показать образчикъ того сорта полотна, въ который ему хотѣлось бы нарядить свою особу? Но чувствуете ли вы всю неизмѣримую глупость этого человѣка, прикрывшаго грубую дерюгу батистовой заплатой? Кого онъ обманываетъ? Другихъ? Но вѣдь даже ребенокъ сумѣетъ отличить манишку отъ рубашки. Или онъ хочетъ обмануть себя? Но какъ же обмануть себя? И не составляетъ ли именно эта батистовая заплата для него источника вѣчныхъ тревогъ и волненій, не боится ли, не трепещетъ ли онъ каждую минуту, что гдѣ-нибудь высунется ея предательскій клочокъ — обличитель, не видитъ ли онъ въ ней, и только въ ней одной, «удостовѣрительнаго свидѣтельства въ своей бѣдности»? Но сколько тысячъ человѣкъ изъ насъ имѣютъ подобныя манишки; какъ усердно изобрѣтаемъ мы новые сорта подобныхъ манишекъ!

Роль такой батистовой манишки у Благово играла изящность внѣшней стороны его дома, его гостей, его манеръ. Подъ этой манишкой таилось нѣчто другое, очень грубое. Оно усердно скрывалось отъ постороннихъ людей и посторонніе люди еще усерднѣе докапывались до него. Никому, даже и Катеринѣ Ивановнѣ, не были извѣстны матеріальныя средства Виктора Владиміровича, и это безпокоило всѣхъ, за исключеніемъ каретниковъ, портныхъ и другихъ ремесленниковъ, имѣвшихъ дѣло съ Викторомъ Владиміровичемъ, хотя, можетъ-быть, они-то именно и имѣли болѣе всѣхъ другихъ людей основанія безпокоиться на этотъ счетъ. Сверхъ того, у Благово была мать. Сынъ отлично одѣвалъ старуху, въ церкви у нея было опредѣленное мѣсто, гдѣ ставился стулъ и разстилался коврикъ. Она раздавала гроши нищимъ, милостиво разговаривала со сторожемъ, съ благодарностью принимала даровую просфору, и, выходя отъ обѣдни, кланялась безчисленному множеству знакомыхъ по церкви, всегда готовыхъ проводить ее до кареты, чтобы поднять носъ передъ тѣми, кому некого провожать до каретъ. Эта старуха родилась въ конурѣ отца-дворника, вышла замужъ изъ палатъ отца-почетнаго гражданина. Она едва знала грамоту; но ей казалось, что она отлично образована, такъ какъ у ея покойнаго отца, у ея покойнаго мужа и у ея еще здравствовавшаго сына собирались отлично образованные люди. Она была пятымъ колесомъ въ колес-

Digitized by Google

ницѣ этихъ трехъ близкихъ ей существъ, но она показывала всѣмъ, кому могла, и, можетъ-быть, увѣряла даже себя, что она играла и играетъ очень важную роль въ родныхъ гнѣздахъ.

— Когда я у батюшки конторою управляла, — начинала она разговоръ съ новой личностью и, если ее слушали, по цѣлымъ часамъ передавала свои воспоминанія о веденіи конторскихъ дѣлъ, о дружбѣ ея батюшки съ архіереемъ Ѳеодосіемъ, говорившимъ, что ея батюшка могъ бы любой епархіей управлять, о томъ, какъ это было ей лестно, такъ какъ дѣла велись собственно ею, и о другихъ тому подобныхъ и не менѣе интересныхъ событіяхъ минувшаго.

Благово не разрушалъ ея мечтаній. Онъ не рѣшился и выгнать ее вонъ, но просто строгимъ тономъ сказалъ ей:

— Пожалуйста, не говорите вы о своемъ управленіи конторой. Что̀ кому за дѣло до этого?

Съ этого времени старуха стала жаловаться на боль въ ногахъ и, повидимому, вполнѣ была довольна новою темою безконечныхъ вздоховъ и описаній болѣзни, такъ какъ слушатели невольно проникались участіемъ, слыша, что у старухи «и здѣсь стрѣляетъ, и тутъ колетъ, а вотъ тамъ такъ ноетъ, такъ ноетъ, что свѣта Божьяго не видать», и, судорожно скрывая зѣвоту, предлагали разсказчицѣ руку, если ей было нужно дойти отъ дивана до дверей.

— Что̀ это вы все о своихъ ногахъ толкуете, вѣдь это тоску наводитъ, — сказалъ Благово и посовѣтовалъ матери сидѣть въ своей комнатѣ, если она больна.

Съ этого времени старуха не появлялась между гостями, но только изрѣдка, во время собраній у сына, рисковала медленною, разслабленною походкою протащиться черезъ гостиную и, кивая головой тѣмъ и другимъ изъ знакомыхъ, говорила, махая рукой:

— Совсѣмъ расклеилась, совсѣмъ расклеилась, батюшка, не могу даже и посидѣть съ вами.

Знакомые поддерживали ее подъ руку и доводили до дверей.

— Спасибо, спасибо вамъ,—говорила она. — Ужъ видно недолго мнѣ бродить по бѣлу свѣту.

Всѣ приходили въ унынiе, а Благово косился и чутко слушалъ, не скажетъ ли мать какой-нибудь чепухи, не заговоритъ ли объ управленіи батюшкиной конторой или о болѣзни своихъ ногъ съ людьми, занятыми послѣдней рѣчью Жюля Фавра противъ Луи-Наполеона и распоряженіями Линкольна относительно южанъ. Старуха приходила въ свой

Digitized by Google

уголъ и говорила какой-нибудь горничной или знакомой, посѣщавшей ее съ черной лѣстницы:

— Не могу я съ ними сидѣть, а ужъ какъ упрашиваютъ, какъ жалѣютъ. И что я имъ! Ужъ не пара, кажется, молодежи, дура-старуха...

— Ахъ, что вы, матушка!—восклицала собесѣдница, думая про себя:—ужъ дѣйствительно дура ты старая, только что вотъ у тебя въ сундукѣ-то, хотѣлось бы знать. — Да вы, матушка,—добавляла она вслухъ:—всѣхъ молодыхъ за поясъ заткнете.

— Ну, нѣтъ, не то теперь время, а вотъ, когда я у батюшки конторой управляла...

Далѣе шелъ обычный, длинный-предлинный разсказъ...

Старуха любила читать газеты, и иногда въ тѣсномъ семейномъ кружкѣ толковала о прочитанномъ.

— Да кто это Жуль-то Фавръ?—спрашивала она у сына во время обѣда.

— Адвокатъ,—отвѣчалъ Викторъ Владиміровичъ и поспѣшно начиналъ разговоръ съ единственнымъ находившемся въ комнатѣ гостемъ.

— Это то же, что у насъ стряпчій, выходитъ?

— Почти,—вскользь отвѣчалъ Благово изъ приличія.

— Такъ чего же его не посадятъ въ тюрьму за такія рѣчи? Удивляюсь я, право, что тамъ за люди, съ этакой мелюзгой справиться не могутъ,—говорила старуха.

Викторъ Владиміровичъ смотрѣлъ въ тарелку, гость кусалъ губы, а старуха продолжала соображать; въ комнатѣ воцарялась неловкая тишина...

Тяжелымъ бременемъ лежало это существо на плечахъ Благово. Это понимали всѣ, и тщетно старался онъ говорить знакомымъ, при разговорѣ о матери: «да, вотъ мы съ матушкой все не можемъ за границу собраться, а ей нужно бы, она все хвораетъ». Слушая эту фразу, люди думали, что сынъ радъ бы отправить мать не за границу Россіи, но за границу міра сего, гдѣ нѣтъ ни батюшкиныхъ конторъ, ни больныхъ ногъ, и всѣхъ мучилъ вопросъ: почему онъ держитъ ее у себя? Прислуга съ свойственнымъ ей цинизмомъ говорила, что не будь у старой барыни кованаго сундука и ее вытурили бы изъ дома...

Старуха берегла этотъ сундукъ пуще глаза, никому не довѣряла отъ него ключей, никому не говорила, что въ немъ есть, и при переѣздахъ на новыя квартиры заботилась пуще всего о немъ, такъ что его отправляли обыкно-

Digitized by Google

венно не на возу, а перевозили въ колискѣ вмѣстѣ со старухой. Что бы въ немъ ни было, но мы можемъ сказать одно, что между другими сокровищами тамъ, вѣроятно, лежалъ дорогой для старухи ключъ отъ сыновней привязанности и сыновняго уваженія Благово... А еще что? Да, можетъ-быть, больше ничего,—вѣдь и передо мной она не открывала своего сундука.

XII.

Въ этомъ микроскопическомъ мірѣ, гдѣ люди требуютъ комедій и играютъ ихъ сами, Катеринѣ Ивановнѣ, какъ мы видѣли, жилось не скучно. Жизнь была, повидимому, такъ полна содержаніемъ, захватила такое широкое пространство въ своемъ теченіи, что не оставляла ни на минуту человѣка одного въ жертву праздной скукѣ. Новый балъ, первое представленіе неигранной пьесы, заказъ платья для предстоящаго вечера въ собраніи, хлопоты по устройству официальнаго обѣда, интересный романъ, толки о газетныхъ извѣстіяхъ, пикантныя выходки однихъ ближнихъ на счетъ другихъ ближнихъ, наконецъ даже смѣшная старуха-мать мужа со своими наивностями, все это занимало Катерину Ивановну, и какъ-то странно, какъ-то мелочно казалось ей житье невѣсты ея брата, Лизаветы Васильевны Глазовой, которую она иногда посѣщала, чтобы сдѣлать удовольствіе брату, жившему въ то время въ деревнѣ. Въ этомъ житьѣ-бытьѣ было что-то слишкомъ будничное, прозаическое, даже мѣщанское, всѣ появлявшіеся здѣсь люди хлопотали только о хлѣбѣ, и съ чувствомъ грусти прислушивалась Катерина Ивановна къ разговорамъ этого кружка.

— Достала ли работу Тебенькова?—спрашивала какъ-то Лизавета Васильевна у одного изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ—Кравцева.

— Достала.

— Ну, значитъ, перебьется покуда. А что Лобковъ?

— Чортъ дернулъ его сойтись съ спекуляторами, за переводъ денегъ не отдаютъ, шельмецы. Жрать нечего. Вчера книги сбылъ.

Воцарилось тяжелое молчаніе. Катерина Ивановна попробовала заговорить о литературѣ, потомъ о театрѣ и увлеклась воспоминаніями о послѣднемъ спектаклѣ. Лизавета Васильевна слушала ее молча и, кажется, думала совсѣмъ о другомъ.

— А вотъ у насъ такъ свои драмы разыгрываются и

Digitized by Google

денегъ за смотрѣнье платить не нужно,—неожиданно процѣдилъ сквозь зубы Кравцевъ.

Разговоръ прервался. Катеринѣ Ивановнѣ стало какъ-то неловко, ей было досадно на безцеремонность Кравцева. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уѣхала домой и всю дорогу жалѣла о своемъ братѣ, Ванѣ, которому суждено жить въ этой «жалкой средѣ съ жалкими стремленьицами и узенькимъ кругозоромъ». Послѣ одного изъ подобныхъ визитовъ, которые были очень рѣдки, она пріѣхала домой какъ-то необыкновенно торопливо и поспѣшно вошла въ залу.

— Витя, братъ пріѣхалъ,—сказала она и въ ту же минуту воскликнула:—Ваня, да ты уже здѣсь, а я такъ спѣшила.

Викторъ Владиміровичъ, прилично случаю, улыбнулся. Иванъ Ивановичъ пожалъ руку сестры. Начались толки.

— Я узнала о твоемъ пріѣздѣ у Лизы, — говорила сестра.—Ну, что наши?

— Хандрятъ.

— Гдѣ вы остановились?—спросилъ Викторъ Владиміровичъ, желая изъ приличія предложить Ивану Ивановичу переѣхать на время къ нимъ.

— Въ семействѣ моей невѣсты.

— Мм...—почему-то смѣшался приличный Благово и поспѣшно всталъ.—Вы меня извините, я уѣду на полчаса по дѣламъ. Надѣюсь, что вы пробудете у насъ до вечера.

— Нѣтъ. Съ часъ, можетъ-быть, посижу.

Викторъ Владиміровичъ откланялся.

— Такъ я тебя и отпущу!—воскликнула Катерина Ивановна, обращаясь къ брату.

— Нужно побывать у товарищей.

— Вѣрно кому-нибудь хлѣба недостало, — разсмѣялась Катерина Ивановна въ отвѣтъ на слова брата.

— Какъ хлѣба недостало?

— Да, Ваня, ты меня извини, но мнѣ, право, смѣшно, что въ кругу Лизы только и толкуютъ о рубляхъ да о хлѣбѣ.

— Что-жъ тутъ смѣшного? Объ этомъ вездѣ толкуютъ.

— Знаю. Но не объ одномъ этомъ толкуютъ другіе, иные говорятъ и о другомъ. Знаешь ли, мнѣ становится иногда скучно у нихъ, такъ и напоминаютъ эти толки о хлѣбѣ нашъ деревенскій домъ, гдѣ только объ ѣдѣ и думали.

— Нашла сходство! Тамъ людямъ ѣда въ горло не шла, а тутъ люди не знаютъ, гдѣ найти кусокъ хлѣба.

Digitized by Google

— Да что же они не служатъ?

— Ты бы поискала имъ хорошихъ мѣстъ!.. Однако, мнѣ пора ѣхать, нечего золотое время терять. Заѣзжай, если хочешь, въ воскресенье ко мнѣ на свадьбу. Не опоздай только, я въ два часа вѣнчаюсь.

Въ обращеніи Ивана Ивановича съ сестрою былъ какой-то холодный, отчасти пренебрежительный тонъ. Они не видались давно, веселая болтовня писемъ Катерины Ивановны убѣдила ея брата въ томъ, что она неисправима, и онъ не считалъ нужнымъ серьезно убѣждать ее въ чемъ бы то ни было. Его барская натура не была способна къ рѣзкой откровенности; расходясь съ человѣкомъ во взглядахъ, онъ дѣлался съ нимъ холоденъ, но оборвать связи или перетянуть человѣка на свою сторону не могъ.

Черезъ недѣлю послѣ своего пріѣзда въ городъ Иванъ Ивановичъ женился; мѣсяца черезъ два онъ пристроился при редакціи одной газеты и зажилъ той тихою жизнью, на какую былъ способенъ по своему мягкому, податливому характеру. Вокругъ него собирался кружокъ молодежи, онъ давалъ ей по возможности работу, работалъ самъ для газеты, не мирился съ обществомъ, но мирился со своею судьбою и радовался, что въ его домѣ собираются честные люди. Иногда онъ заѣзжалъ для чего-то къ сестрѣ, иногда она заѣзжала къ нему, оба были довольны исполненіемъ обряда родственныхъ свиданій, хотя и не чувствовали въ этомъ никакой необходимости, они могли видѣться чаще, могли видѣться рѣже—и все-таки никто изъ нихъ не замѣтилъ бы отъ этого никакой перемѣны. Однажды выдался такой день, что Катерина Ивановна не знала, какъ бы его убить (а такіе дни въ послѣднее время являлись все чаще и чаще), вслѣдствіе этого она рѣшилась ѣхать къ брату. Въ его маленькой квартирѣ она застала совершенно незнакомую ей личность. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати восьми или девяти, красивый и мужественный; его загорѣлое лицо было холодно и спокойно. Подобная отталкивающая холодность и спокойствіе могли бы очень непріятно подѣйствовать на встрѣчнаго, если бы на лбу незнакомца не было слѣдовъ двухъ-трехъ морщинъ, говорившихъ о чемъ-то тяжеломъ, пережитомъ имъ. Разговоръ шелъ о разныхъ разностяхъ, Лизавета Васильевна сообщала гостю о событіяхъ послѣдняго времени, точно это существо явилось съ того свѣта, или изъ какого-нибудь подземелья и потому

Digitized by Google

не знало ничего о происходившемъ на землѣ за послѣдній годъ. Мало-по-малу, разговоръ коснулся лицъ, знакомыхъ и Катеринѣ Ивановнѣ, и сдѣлался общимъ. Лизавета Васильевна хвалила знакомую ей молодежь за трудолюбіе.

— Не говори, пожалуйста, съ такимъ пафосомъ объ этой молодежи,—сказала ей Катерина Ивановна.—Старики побольше ихъ работаютъ, я это знаю по Витѣ, а эти больше проповѣдуютъ о трудѣ, вотъ какъ Андреевъ проповѣдывалъ.

— Что-жъ изъ этого? Андреевъ не составляетъ всей молодежи,—возразила Лизавета Васильевна.

— Конечно, не составляетъ, но подобныхъ ему очень непривлекательныхъ личностей много. Вотъ и любимый твой шутъ Кравцевъ...

— Онъ не шутъ,—рѣзко произнесъ незнакомый Катеринѣ Ивановнѣ человѣкъ и поблѣднѣлъ.—Шутовствомъ не накормишь себя, не поднимешь на ноги брата. Тутъ нужно что-нибудь побольше шутовства.

Катерину Ивановну немного покоробило отъ этой рѣчи, не слишкомъ приличной для перваго знакомства. Въ кружкѣ ея мужа люди дѣлали свои возраженія въ болѣе мягкой формѣ.

— Ну, не шутъ, такъ еще хуже, пьяница,—раздражилась она.

— Вы вѣрно злы на молодежь, такъ и даете ея членамъ клички негодяевъ и пьяницъ. А если бы изъ стариковъ какой-нибудь чиновникъ нажился взятками, или важный начальникъ отдѣленія пріѣхалъ домой пьянымъ изъ собранія, то вы, вѣрно, сказали бы про перваго, что онъ пользуется безгрѣшными доходами, а про второго, что онъ подкутилъ. Только выраженія благородныя.

Катерина Ивановна закусила губу, вспомнивъ, что ея мужъ живетъ на неизвѣстныя ей средства и два раза въ недѣлю возвращается домой подкутившимъ. Она разсердилась на неизвѣстнаго ей гостя и мысленно назвала его грубіяномъ, мужикомъ, не предполагая, что онъ привелъ свои примѣры безъ всякаго умысла обидѣть ее лично.

— Ну, да что вы ни толкуйте, а я все-таки не упаду на колѣни передъ вашей молодежью,—сказала она съ гримасой.

— И я не падаю передъ ней на колѣни. Тутъ дѣло идетъ не о томъ, у кого нужно валяться въ ногахъ. Вездѣ свое хорошее, вездѣ свое дурное. А и сердиться огуломъ на молодежь за то, что Андреевъ баклушникъ, или за то,

Digitized by Google

что бѣдный Кравцевъ пьетъ, я не стану. Этакъ мнѣ пришлось бы бросить камнемъ и во всѣхъ молодыхъ женщинъ за то, что вотъ вы, напримѣръ, принадлежа къ молодому поколѣнію по лѣтамъ, ненавидите молодежь и не считаете необходимымъ жить на трудовыя деньги. Все дѣло среды, воспитанія, развитія. Бросивъ камень въ молодыхъ женщинъ за вашу ненависть къ молодежи, я попалъ бы имъ, пожалуй, и въ Лизавету Васильевну, которая вотъ и теперь считаетъ за лучшее шить чужое платье, а не бить баклуши, подобно намъ съ вами.

— Вы это называете битьемъ баклушъ? А, можетъ-быть, я начала разговоръ, чтобы вы меня убѣдили въ истинѣ своихъ взглядовъ, сдѣлали своею сторонницею,—улыбнулась Катерина Ивановна.

— Для чего же?—холодно спросилъ незнакомый человѣкъ.—Не все ли равно для меня, такъ или иначе будете вы смотрѣть на дѣло?

— Однако, всѣ люди съ убѣжденіями вербуютъ себѣ адептовъ.

— То-есть помощниковъ, ну, а вы-то плохой помощникъ были бы для насъ. Намъ нужны работники и работницы, а къ этому нужна привычка.

— Вы изгоняете ученика, пришедшаго къ вамъ учиться,— съ иронією воскликнула Катерина Ивановна:—и онъ уйдетъ въ лагерь вашихъ противниковъ, примкнетъ къ старикамъ!

Она мелькомъ взглянула въ зеркало на свое молоденькое личико и улыбнулась при мысли, что она будетъ принадлежать къ числу стариковъ и старухъ. Незнакомецъ, повидимому, не любившій ни барынь, ни кокетливыхъ фразъ, ни битья баклушъ, нахмурилъ брови и взялся за фуражку.

— Это вы отъ меня пускаетесь въ бѣгство?—спросила, смѣясь, Катерина Ивановна.

Незнакомецъ хотѣлъ-было сказать: «что ты на шею-то вѣшаешься ко мнѣ?» но удержался и, сухо раскланиваясь съ нею, пожалъ руку Лизаветы Васильевны и вышелъ.

— Вотъ звѣрь-то! — воскликнула Катерина Ивановна послѣ его ухода.

— Это Крючниковъ. Онъ добрый и честный человѣкъ,— отвѣтила Лизавета Васильевна.—Я ему многимъ обязана. Онъ доставлялъ мнѣ работу до моего замужества, заботился обо мнѣ. Онъ всѣмъ намъ помогалъ...

— Вотъ ужъ не думала я, чтобы онъ могъ о комъ-нибудь заботиться, онъ кажется такимъ черствымъ.

Digitized by Google

— Онъ очень практиченъ, но не черствъ. Правда, онъ пальца о палецъ не стукнетъ для человѣка, не разсчитавъ прежде, можно ли пособить или нѣтъ.

— То-есть, если кто-нибудь будетъ тонуть, то онъ сперва станетъ разсчитывать шансы успѣха и рѣшится на спасеніе ближняго, когда тотъ уже захлебнется?

— Ну, этого-то я не думаю, а все-таки онъ говоритъ: если не умѣешь плавать, то не бросайся спасать утопающаго, чтобы не утонули два человѣка вмѣсто одного.

Катерина Ивановна вздрогнула, услышавъ это черствое, безпощадное правило.

— Съ этими правилами героевъ не выйдетъ,—сказала она съ отвращеніемъ, и въ то же время, неизвѣстно почему, подумала: «а какое у него геройское лицо!»

— Онъ и не любитъ героевъ, какъ неестественныя явленія, вызываемыя неестественнымъ положеніемъ обществъ.

— Однако, и безъ нихъ нельзя обойтись.

— Конечно! Это и онъ признаетъ. Въ прошломъ году ему даже пришлось поплатиться за свое геройство. Мы годъ не видали его. Ему пришлось просидѣть въ крѣпости.

— А-а! Въ каменномъ идолѣ сказалось сердце!

Лизавета Васильевна разсмѣялась.

— Чему ты смѣешься, Лиза?

— Ты, душа моя, дала ему кличку, которою онъ обозначаетъ всѣхъ васъ, богатыхъ женщинъ.

— Ну, ужъ мы-то не каменные идолы!

— По его выходитъ такъ. Ихъ, говоритъ онъ,—одѣваютъ, поятъ, кормятъ на свой счетъ мужья, братья, отцы, и въ нихъ никогда не пробуждается ни малѣйшаго чувства горечи или стыда передъ тѣмъ, что онѣ принимаютъ эти жертвы, иногда стоящія и поту, и крови, и чести...

— Почему онъ знаетъ, что не пробуждается,—раздражительно замѣтила Катерина Ивановна.—Что онъ за сердцевѣдъ? Всѣ они такъ про другихъ судятъ!

— Но, другъ мой, богатыя женщины принимаютъ жертвы, имѣя всегда возможность не принимать ихъ, значитъ, имъ это пріятно. Кто же заставилъ бы ихъ дѣлать непріятное имъ?

Катерина Ивановна опустила голову и сконфуженно начала перебирать бахрому широкой ленты отъ кушака. Лизавета Васильевна продолжала шить и не замѣтила этого, но черезъ четверть часа ее внезапно поразило длившееся молчаніе, она взглянула съ удивленіемъ на Катерину Ива-

Digitized by Google

новну, остававшуюся въ томъ же положеніи глубокаго раздумья. Катерина Ивановна инстинктивно почувствовала этотъ пристальный взглядъ, тряхнула головой, какъ бы желая стряхнуть что-то давившее ее, и встала.

— Куда ты? Подожди Ваню, онъ скоро будетъ,—сказала Лизавета Васильевна.

— Нѣтъ; мнѣ что-то не по-себѣ,—отвѣтила Катерина Ивановна и провела рукой по лбу.

— Голова болитъ?

— Нѣтъ... да... такъ что-то...

Лизавета Васильевна покачала головой, проводила невѣстку и снова принялась за работу.

XIII.

Графъ Баумгрилле чаще другихъ посѣтителей появлялся въ гостиной Катерины Ивановны. Это была странная, оригинальная личность. Отъ своихъ сверстниковъ по лѣтамъ, по положенію въ свѣтѣ, по мѣсту въ балетахъ, онъ отличался очень рѣзко. Тѣ подбивали себя въ приличныхъ мѣстахъ ватою, раскрашивались карминомъ, бѣлилами и черною краской, рядились въ парики, набивали ротъ вставными зубами, онъ же ничего этого не дѣлалъ и являлся въ полномъ блескѣ своего старческаго безобразія, съ желтой, сухой кожей, рѣзко выдававшимися костями и осклаблялъ свои единственные два желтые клыка, когда про его лицо говорили его же словами: «ah, c'est une belle laideur!» Катерина Ивановна иногда едва сдерживала свой смѣхъ при видѣ его лица, иногда же невольно заслушивалась рѣчей старика. Часто, облокотясь на каминъ, онъ бросалъ свои остроты, насмѣшки и сарказмы знакомымъ, часто вызывалъ неудержимый хохотъ мѣткой обрисовкой какого-нибудь событія или лица, еще чаще пугалъ своимъ безпощаднымъ презрѣніемъ къ лучшимъ стремленіямъ человѣческой личности. Катерина Ивановна назвала однажды при немъ кого-то честнымъ.

— Что же онъ, очень глупъ, или очень сытъ?—спросилъ Баумгрилле, прищуривая глаза.

Какъ-то разговоръ зашелъ о смерти одного великаго моралиста.

— Я его видѣлъ только разъ,—ввернулъ Баумгрилле свое словцо:—это было въ тотъ вечеръ, когда его били за передернутую карту.

Digitized by Google

О произведеніяхъ русской литературы онъ отзывался слѣдующимъ образомъ:

— Это все переводы. Лучшіе переведены на русскій языкъ съ иностранныхъ языковъ, худшіе—съ русскаго.

Разъ онъ злословилъ одну женщину, Катерина Ивановна вступилась за нее.

— Клеймить другихъ легко,—сказала она.

— Напротивъ того, это просто невозможно, — отвѣтилъ Баумгрилле.—Клеймо человѣкъ всегда кладетъ на себя самъ: общество только, изъ чувства самосохраненія, старается замѣтить, кто уже заклеймилъ себя и кто еще не успѣлъ.

О любви онъ говорилъ съ полнымъ презрѣніемъ:

— Красота, молодость, честность тутъ не нужны, нужны только деньги и умъ.

— Однако, деньгами купить не всякаго можно,—возражали ему.

— Я этого и не говорю,—осклаблялъ онъ свои клыки:— но тщеславнымъ очень лестно, если ихъ полюбитъ сильный умъ, тутъ самолюбіе заставитъ забыть самую безобразную внѣшность. Ну, а подленькихъ всегда купить можно...

Слушая подобныя выходки, Катерина Ивановна желала понять, что въ нихъ таилось: сильный ли умъ, обширная ли начитанность, или просто высокомѣрное, циническое презрѣніе ко всему окружающему. Во всякомъ случаѣ ее забавлялъ старикъ, а забавляться было необходимо нужно, такъ какъ ей начинала немного надоѣдать однообразная, даже въ самомъ своемъ разнообразіи, жизнь: сегодняшній балъ походилъ на вчерашній, новый скандалъ на старый, послѣдняя рѣчь Жюля Фавра или Тьера на прошлогоднюю, а впереди стояли еще многіе, несчитанные годы съ тѣми же балами, скандалами и рѣчами Жюля Фавра, Тьера или кого-нибудь другого. Чего же было нужно еще? Катерина Ивановна не могла отвѣтить на это, но она уже понимала, что то, чѣмъ она живетъ, ей не нужно и могло бы не существовать, не сдѣлавъ ее болѣе несчастною. Разъ она не поѣхала на балъ, провела вечеръ за книгою, на другой день она не замѣтила въ себѣ отъ этого никакой дурной перемѣны. Другой разъ ей передали не во-время, а только черезъ недѣлю, объ одномъ скандалезномъ происшествіи, и она пила, ѣла и была, по обыкновенію, въ хорошемъ расположеніи духа въ эту недѣлю. Былъ еще случай, что ей не подали газетъ съ парламентскими рѣчами и громящими фельетонами, и она вспомнила объ этомъ только на другой

Digitized by Google

день при видѣ газеты въ рукахъ мужа. Что же это за необходимыя потребности жизни, безъ которыхъ можно обойтись? Гдѣ же лучшая жизнь? Въ молодой головкѣ снова начали роиться вопросы.

Въ началѣ зимы 1862 года у графа Баумгрилле былъ балъ. Катерина Ивановна, по совѣту мужа, появилась на этомъ балу вся въ бѣломъ. По его же совѣту, она не надѣла ничего изъ своихъ золотыхъ вещей, кромѣ простенькихъ серегъ, состоявшихъ изъ двухъ крупныхъ брильянтовъ. Эта простота произвела желанное впечатлѣніе на общество. Общество увидало, что такой красавицѣ, какъ madame Благово, не нужно украшеній, и удивлялось ей, какъ удивлялась когда-то провинціальная публика, глядя на нее въ тотъ достопамятный день, когда съ нею познакомился Викторъ Владиміровичъ. На другой день послѣ бала Катерина Ивановна сидѣла со своимъ мужемъ за чайнымъ столомъ въ своей роскошной столовой. Мужъ пробѣгалъ глазами столбцы только-что полученныхъ газетъ, изрѣдка прихлебывая чай. По его лицу пробѣгала улыбка, глаза часто отрывались отъ газетнаго листа, и этотъ листъ слишкомъ быстро переворачивался въ рукахъ Виктора Владиміровича. Было замѣтно, что свѣжія новости не слишкомъ занимали въ это утро нашего приличнаго героя. Наконецъ, онъ отложилъ въ сторону газету.

— Ты вчера одержала побѣду,—сказалъ онъ, помѣшивая ложкой въ стаканѣ.

— Надъ кѣмъ это?—спросила, смѣясь, Катерина Ивановна.

— Надъ нашимъ старикашкой Баумгрилле. Онъ просто очарованъ тобою. Я думаю, сегодня заѣдетъ къ намъ.

— Очень нужно!

— Еще какъ нужно-то, душа моя. Пожалуйста, будь съ нимъ любезна.

— Я, кажется, со всѣми любезна.

— Да, да, со всѣми... Но, знаешь, старика надо потѣшить...

На минуту Викторъ Владиміровичъ замолчалъ. Какое-то почти неуловимое выраженіе нерѣшительности проскользнуло по его лицу. Онъ началъ мѣшать въ стаканѣ и устремилъ свои глаза на чай, какъ бы избѣгая взглядовъ жены.

— Ты, дитя мое,—началъ онъ ласково:—не все знаешь, что дѣлается кругомъ тебя. Ты живешь, веселишься и не думаешь, что можетъ случиться что-нибудь такое, что пре-

Digitized by Google

рветъ твое весселье. Для того, чтобы этого не случилось, нужно беречь, привязывать къ себѣ извѣстныхъ людей...

Катерина Ивановна съ изумленіемъ поглядѣла на мужа и потомъ съ какимъ-то отвращеніемъ встала изъ-за стола.

— Ты больше не будешь пить чаю?—сухо спросила она.

— Нѣтъ. Но куда же ты идешь?

— Къ себѣ иду. Что же здѣсь сидѣть?

— Вотъ мило, вы, кажется, изволили надуться. Отчего это?

— Я думаю, ты самъ знаешь, что твои слова отвратительны. Мнѣ совсѣмъ не хочется играть роль удочки, на которую ловится расположеніе начальства.

— Экъ, какъ въ тебѣ развили воображеніе-то въ институтѣ! Тебѣ сейчасъ кажутся разные ужасы и драмы. Тебя просятъ быть любезною съ нужнымъ человѣкомъ, а ты выдумываешь чортъ знаетъ что,—вдругъ раздражился Благово, какъ всегда раздражаются люди, если кто-нибудь угадалъ ихъ тайныя, тщательно скрываемыя мысли.—Пора выйти изъ ребячества и понять, что если мы любезны съ ненужными людьми, то тѣмъ болѣе должны мы быть любезны съ нужными. Или ты думаешь, что надо ласкать незнакомыхъ, безполезныхъ людей, а если человѣкъ дѣлаетъ пользу, заботится о насъ, то за это нужно его вытолкать въ шею.

Послѣднія слова были сказаны насмѣшливымъ тономъ. Катерина Ивановна безмолвно дослушала ихъ и вышла изъ комнаты.

Викторъ Владиміровичъ взялся снова за газету и, удобно развалившись въ креслѣ, сталъ дочитывать новѣйшія политическія извѣстія. Его благообразное лицо было безмятежно спокойно, по немъ нельзя было узнать, что дѣлалось внутри этой административной головы, украшенной англійскимъ проборомъ. Только слишкомъ частое переворачиваніе газеты обличало, что чтецъ очень невнимательно читаетъ о разныхъ новостяхъ.

Въ тотъ же день, когда Виктора Владиміровича не было дома, пріѣхалъ графъ Баумгрилле и велѣлъ доложить о себѣ Катеринѣ Ивановнѣ. Въ этомъ визитѣ не было ничего необыкновеннаго, но молодая женщина смотрѣла въ этотъ день на посѣтителя съ недовѣріемъ и взвѣшивала каждое его слово. Ее покоробило, когда онъ сталъ разсыпаться передъ нею въ любезностяхъ, назвалъ ее восхитительною, воздушною феею, побожился, что еще послѣ двухъ-трехъ баловъ она сведетъ съ ума петербургское общество и проч., и проч.

Digitized by Google

Все это было кругло и ловко выточено на французскомъ языкѣ и высказано съ такимъ жаромъ, какъ-будто у этого человѣка не было никакого другого дѣла, болѣе важнаго и близкаго его сердцу. Хозяйка хмурилась, это не ускользнуло отъ вниманія гостя.

— Не сердитесь на старика, что онъ любуется вашею цвѣтущею молодостью,—замѣтилъ Баумгрилле мягкимъ голосомъ.— Мнѣ позволителенъ мой восторгъ, я гожусь вамъ въ дѣды. Сверхъ того, вы пробуждаете во мнѣ столько не то тяжелыхъ, не то сладкихъ воспоминаній. Вѣдь мы, старики, только прошлымъ и живемъ...

Баумгрилле помолчалъ.

— Кто не живетъ полной жизнью,—началъ онъ снова:— тотъ хочетъ, по крайней мѣрѣ, видѣть, какъ живутъ ею другіе. Это только и можетъ радовать насъ. Зато и отзывается на насъ больнѣе, чѣмъ на другихъ, когда вдругъ случайно померкнетъ какая-нибудь, подобная вашей, цвѣтущая жизнь... Вѣдь это мы своихъ дѣтей хоронимъ...

Въ голосѣ Баумгрилле звучала какая-то искренняя, тихая грусть. Это изумило и отчасти заинтересовало Катерину Ивановну, не знавшую никакихъ свѣтскихъ закулисныхъ событій прошлаго, а значитъ, и событій изъ жизни графа Баумгрилле. Молодая женщина вертѣлась въ свѣтскихъ кружкахъ, носила приличное своему положенію въ обществѣ платье, но въ душѣ она была все тою же неопытною институткою.

— Скажите, вы... вы потеряли кого-нибудь изъ близкихъ?— спросила она, запинаясь.

— Какъ вамъ сказать? — задумчиво проговорилъ Баумгрилле.—Мы не были родными... Но передо мной расцвѣталъ прекраснѣйшій цвѣтокъ. Въ теченіе десяти лѣтъ я привыкъ лелѣять его... Это было прекрасное, нѣжное созданіе... Мнѣ думалось, что я, закрывая навсегда свои старые глаза, буду любоваться на его цвѣтущую весну, благословлять его на жизнь,—и вдругъ простуда, горячка, смерть—и у меня было отнято все... И какъ это все переживаетъ сердце!.. Вотъ вѣдь и живъ, и здоровъ, и снова шатаюсь праздно по гостинымъ.

Баумгрилле опустилъ голову на грудь. Онъ стоялъ, прислонясь спиной къ камину и засунувъ руку подъ жилетъ. Катерина Ивановна была серьезна и молчала, разсѣянно глядя на коверъ. Она не видала выраженія лица гостя, но если бы и видѣла, то едва ли бы сумѣла прочитать по

Digitized by Google

немъ то, что происходило въ этой старой, хитрой головѣ.

— Госпожа Бѣльская,—доложилъ лакей.

— Проси!—очнулась Катерина Ивановна, какъ-будто отъ долгаго, тяжелаго сна, и лѣниво приподнялась съ кресла.

— Прощайте!—проговорилъ Баумгрилле, проводя рукой по лбу.—Я нагналъ на васъ скуку, хорошо еще, что не уснули. Не веселы бесѣды стариковъ; теперь отдыхайте за толками о модахъ.

— Вы ошибаетесь, это не чувство скуки,—пробормотала Катерина Ивановна и пожала руку гостя, голосъ котораго уже дрожалъ его обычной иронией.

Его пожатіе было крѣпкое, долгое; казалось, онъ благодарилъ за что-то хозяйку. Въ дверяхъ онъ встрѣтился и сухо раскланялся съ госпожею Бѣльскою.

— Что съ вами?—спросилъ она у Катерины Ивановны послѣ обычныхъ привѣтствій.

— А что?

— Вы блѣдны и въ слезахъ.

Катерина Ивановна вспыхнула и только теперь замѣтила, что по ея щекамъ катились двѣ-три слезинки.

— Баумгрилле виноватъ,—улыбнулась она, поднося къ лицу платокъ.—Онъ мнѣ разсказалъ грустную исторію... Вы не слыхали, кого онъ потерялъ?

— Я думаю, это и вы слышали.

— Нѣтъ... Откуда же?

— Откуда? Объ этомъ весь городъ говорилъ. Это скандалъ. Ея фамилія—Гордѣева... Онъ жилъ съ нею... Онъ бросилъ жену и дочерей для нея...

— Но онъ живетъ же съ ними...

— Да, теперь, съ прошлаго года... Но онѣ были брошены имъ до дня ея смерти... Боже мой, что было въ этотъ день, что было послѣ!.. Онъ на улицахъ плакалъ, онъ въ обществѣ не стѣснялся говорить: «Кто меня теперь полюбитъ?» Это было что-то такое позорное, такое наглое...

— Но вѣдь онъ любилъ ее!—вырвалось изъ глубины души у Катерины Ивановны.

— Любилъ?—холодно пожала плечами Бѣльская.—Нѣтъ, онъ, по обыкновенію, бросалъ перчатку въ лицо своимъ знакомымъ, нарушая ихъ нравственность, ихъ приличія; онъ ехидно радовался, когда общество бѣгало утѣшать его въ его безнравственномъ горѣ, и ехидно смѣялся, зная, что эти люди боятся потерять одного изъ послѣднихъ остряковъ.

Digitized by Google

развлекающихъ праздную скуку. Любилъ! Но до Гордѣевой онъ такъ же любилъ mademoiselle Laurent, а прежде Наташу Толмачеву... И тогда были слезы, и тогда десятки людей, все общество своими утѣшеніями какъ бы признавали за нимъ право имѣть любовницъ при живой женѣ... Бѣдная жена и теперь ждетъ, кто займетъ мѣсто Гордѣевой... Желающихъ много...

Въ послѣднихъ словахъ было что-то, что заставило вздрогнуть Катерину Ивановну. Она страннымъ взглядомъ оглядѣла комнату, точно боялась, что гдѣ-нибудь за портьерой притаился Баумгрилле и ехидно осклабляетъ свои единственные два зуба, какъ постоянно осклабляются они въ обществѣ ехидною усмѣшкою. Въ этой усмѣшкѣ графа, кромѣ ехидства и насмѣшливости, обыкновенно выражалось сознаніе своего умственнаго превосходства надъ всѣмъ окружающимъ, и вслѣдствіе этого сознанія выражалось въ ней и презрѣніе къ умственному и нравственному убожеству большей части человѣчества. Катеринѣ Ивановнѣ представлялась теперь въ полномъ блескѣ и во всей своей силѣ эта усмѣшка, и слышался ей дрожащій внутреннимъ саркастическимъ смѣхомъ голосъ Баумгрилле, шептавшій:

— Глупое, глупое дитя! Только такими глупостями и можно вызвать твои слезы!!

XIV.

Катерина Ивановна негодовала на себя за неумѣнье жить въ свѣтѣ, за то, что она поддалась хитрой выходкѣ стараго Донъ-Жуана Баумгрилле и некстати расчувствовалась, за то, что не умѣла во-время скрыть свои непрошенныя слезы и такъ неловко заступилась за графа передъ Бѣльскою. Еще болѣе негодовала молодая женщина на мужа, и впервые закралось въ ея душу какое-то непріязненное чувство къ нему. Подъ вліяніемъ этихъ ощущеній она поѣхала къ брату, чтобы разсѣяться и забыться. У брата сидѣло нѣсколько человѣкъ гостей, и, между прочимъ, шли обычные разговоры о бѣдности, о трудности свести концы съ концами и не умереть съ голоду.

— Да стоитъ ли столько заботиться, чтобы жить!—воскликнула Катерина Ивановна.—Право, жизнь такъ пуста, что изъ-за лишняго дня существованія не нужно биться.

— Что это ты такъ разочаровалась въ прелестяхъ жизни, или какой-нибудь слезный романчикъ прочитала? — разсмѣялся Иванъ Ивановичъ.

Digitized by Google

— Неужели ты думаешь, что я живу одними романами?— обидѣлась сестра.

— Нѣтъ, какъ это можно, ты и въ театрахъ драмы смотришь,—продолжалъ шутить братъ.

— Да, и на балахъ танцую, и визиты дѣлаю, — раздражительно прибавила она и, развернувъ книжку журнала, лежавшую на столѣ, начала безцѣльно перелистывать ея страницы. Ей, видимо, было тяжело и обидно.

— Странный вы человѣкъ,—тихо замѣтилъ Крючниковъ Ивану Ивановичу:— жизнь Катерины Ивановны, можетъ-быть, дѣйствительно не весела. Балы, театры, романы, все это кажется веселымъ, а въ концѣ-концовъ можетъ нагнать и скуку на свѣжаго человѣка.

— Да, толкуйте,—разсмѣялся Пащенко:—идеализируйте людей, жалѣйте ихъ, что они пляшутъ до усталости, бѣдняжки!

Катерина Ивановна оставила книгу и обратилась лицомъ къ Крючникову.

— Вотъ вы это понимаете,—начала она.—Но я вѣдь не объ одной своей жизни говорю; я говорю, что жизнь вообще очень скучна.

— Ну, этого нельзя сказать,—отвѣтилъ Крючниковъ.

— Значитъ, вы не знаете, что̀ такое скука?

— Не знаю.

— Что̀ же вы дѣлаете, чтобы избѣжать ея? Это интересно знать.

Катеринѣ Ивановнѣ дѣйствительно было интересно знать это; она хотѣла добиться прямо отвѣта насчетъ того, какъ устроить жизнь такъ, чтобы избѣжать скуки.

— Живу,—отвѣтилъ на ея вопросъ Крючниковъ.

— Это ничего не объясняетъ.

— Напротивъ того, это объясняетъ все. Для того, чтобы жить, мнѣ нужно работать,—вотъ я и работаю.

— То-есть сегодня работаете, завтра будете работать, послѣзавтра тоже, — убійственно однообразно, убійственно скучно!

— Что̀ же тутъ однообразнаго и скучнаго? Работу я могу выбирать по своему вкусу и разнообразить до крайности. Скучать мнѣ некогда и не отчего. Цѣль у меня есть—это наслажденіе всѣмъ тѣмъ, что̀ можетъ дать жизнь...

— Ахъ, Боже мой, да и я пользуюсь всѣмъ, что̀ можетъ дать жизнь!

— Извините, вы не пользуетесь самымъ главнымъ. Вы

Digitized by Google

не можете сказать, что ваши занятія кому-нибудь нужны. Если вы не будете танцовать, то за васъ протанцуютъ другія, если вы не прочтете романа, то его авторъ плакать не станетъ, а міръ ничего не потеряетъ, если вы не узнаете его политическихъ событій. Вы даже не можете утверждать что вы сами нужны кому бы то ни было...

Катерина Ивановна вспыхнула.

— Я думаю, если я совершенно лишняя для всѣхъ,— обидчиво произнесла она скороговоркою: — то, по крайней мѣрѣ, я нужна хоть одному человѣку—это моему мужу.

— Вы думаете, что онъ не могъ бы вывозить на балы другую женщину точно такъ же, какъ вывозитъ васъ?— холодно спросилъ Крючниковъ и еще болѣе холоднымъ тономъ прибавилъ: — Но, можетъ-быть, я ошибаюсь, можетъ-быть, вы помогаете ему въ его тяжелыхъ занятіяхъ.

— Если судить такъ, то и всѣ мы не нужны,—замѣтила Катерина Ивановна и снова съ сильнымъ раздраженіемъ развернула книгу.

Такъ рѣзко выраженное желаніе прекратить разговоръ, повидимому, нисколько не смутило Крючникова, и онъ продолжалъ свои возраженія:

— Нѣтъ-съ. Вотъ Иванъ Ивановичъ не написалъ бы половины своихъ статей безъ своей жены. Да, онъ бы не рѣшился, можетъ-быть, и съ крестьянами такъ разсчитаться, если бы не былъ увѣренъ, что его будущей женѣ не понадобятся лишнія деньги...

— Благодари, Лиза, monsieur Крючниковъ дѣлаетъ тебѣ комплименты,—съ ироніей разсмѣялась Катерина Ивановна нервнымъ смѣхомъ, не отрывая глазъ отъ книги.

Крючниковъ посмотрѣлъ на нее пристальнымъ взглядомъ.

— Вы, кажется, го всемъ видите какія-то затаенныя цѣли,—началъ онъ.—Если вамъ говорятъ горькую правду— вы принимаете ее за колкость. Если хвалятъ кого-нибудь— вы считаете это за лесть, за комплименты. Но знаете ли вы, что покуда вы будете придерживаться этого стараго, провинціальнаго взгляда на вещи, до тѣхъ поръ ни одинъ честный человѣкъ не будетъ говорить съ вами откровенно. Вамъ будутъ говорить въ глаза, что вы прекрасно поступаете, а за глаза очернятъ каждый вашъ поступокъ, каждое ваше движеніе. Такія рѣчи пріятны, но не желалъ бы я вамъ слышать только ихъ.

Катерина Ивановна еще ближе наклонилась къ книгѣ и, повидимому, вполнѣ заинтересовалась какимъ-то стихотворе-

Digitized by Google

піемъ, попавшимся ей на страницахъ журнала. Разговоръ принялъ другое направленіе. Кто-то разсказалъ, между прочимъ, о какихъ-то слухахъ, носящихся въ литературныхъ кружкахъ про одного изъ писателей.

— Это, просто, мерзость!—съ негодованіемъ и горячностью воскликнулъ Пащенко. — Сплетня проѣла до мозга костей наши литературные кружки. А все потому, что дѣла серьезнаго литература не дѣлаетъ, что приходится ей бить баклуши, ну, отъ скуки и мѣшаются разныя озлобленныя бездарности въ закулисную жизнь своихъ даровитыхъ или счастливыхъ собратьевъ, ловятъ каждую гнусную выдумку, помогаютъ врагамъ общаго дѣла чернить и безъ того зачерненныхъ послѣдними представителей умственной жизни. И эти люди еще кричатъ о святости своего дѣла!

— Экъ, разгорячился!—засмѣялся Кравцевъ.—Просто на людяхъ и смерть красна, по пословицѣ: видитъ какой-нибудь господинъ, что душенька у него подленькая, что самъ-то онъ грязненькій — и скучно ему станетъ, бѣдному, одному стоять со своею подлостью, да грязью, вотъ онъ и пробуетъ всѣхъ въ свой цвѣтъ окрасить: погибать, молъ, такъ вмѣстѣ!

— Вы берете частную сторону вопроса,—вмѣшался въ разговоръ Крючниковъ.—Сплетня не составляетъ исключительной принадлежности литературныхъ кружковъ. У насъ сплетничаютъ вездѣ... Это простое слѣдствіе недостатка цивилизованности. На насъ на всѣхъ еще лежитъ толстый слой азіатской холопской безотвѣтности и азіатской начальнической нетерпимости. Низшіе не смѣютъ въ глаза возражать высшимъ. Высшій говоритъ чепуху, а низшій молчитъ. Но въ послѣднемъ кипитъ злоба вслѣдствіе этого невольнаго безмолвія, а потому онъ и ругаетъ за глаза высшаго. Мнѣ какъ-то случилось увидать въ кругу мелкой литературной братіи одного литературнаго туза, пріѣхавшаго изъ-за границы. Онъ говорилъ весь вечеръ, говорилъ иногда глупости. Никто не возражалъ, точно передъ начальникомъ всѣ хранили молчаніе. Но какъ только онъ уѣхалъ, всѣ развязали языки, стали говорить, что онъ глупъ, что его убѣжденія устарѣли, объявили, что иначе и не могло быть, такъ какъ онъ вѣчно былъ пустымъ бариномъ, ну, а тутъ и перешли къ сплетнямъ о его прошлой закулисной жизни. Онъ же, какъ я слышалъ, уѣзжая снова за границу, выразилъ ту мысль, что въ Россіи нѣтъ литераторовъ-борцовъ за убѣжденія, а есть пишущіе въ извѣстномъ духѣ холопы, въ обществѣ которыхъ очень неловко и непріятно быть образованному человѣку, такъ какъ они

Digitized by Google

только молчатъ и чуть не говорятъ: слушаю-съ, ваше превосходительство!

Крючниковъ помолчалъ.

— У насъ и самолюбіе-то какое-то громадное, но неразвитое, — началъ онъ снова. — Скажи человѣку въ глаза, что онъ не умѣетъ дѣлать такое дѣло или невѣрно смотритъ на такой-то предметъ, онъ обидится, подумаетъ, что у васъ есть на него зубъ, и никакъ не захочетъ понять, что нѣтъ ничего позорнаго въ томъ, что онъ не научился дѣлать то или другое дѣло, или не могъ всесторонне разсмотрѣть тотъ или другой вопросъ. Посторонніе, надѣленные такимъ же неразвитымъ самолюбіемъ, знаютъ это и потому не говорятъ въ глаза собрату правды, а даютъ волю своимъ языкамъ, сплетничая и черня человѣка за глаза. Вѣдь рѣзкія фразы только тогда и могутъ быть правдой, когда онѣ сказаны въ глаза человѣку, когда онъ можетъ возражать на нихъ, оправдываться; сказанныя же за спиной обвиненнаго, онѣ дѣлаются клеветой, сплетней... Отъ этого-то мы и не способны ни на какое общее дѣло: каждый поетъ свою пѣсню, никто его не останавливаетъ, не говоритъ ему, что она деретъ слухъ, и всѣ ругаютъ его, какъ только онъ выйдетъ за дверь... Мы или соглашаемся, или, если споримъ, то наши споры равняются ссорамъ, сводятся на личности, и никто не хочетъ знать, что разъясненію истины должно жертвовать своимъ самолюбіемъ ради своихъ же интересовъ, чтобы не быть дуракомъ и не имѣть ложныхъ понятій о тѣхъ или другихъ предметахъ.

Отвѣчая на два, на три замѣчанія, Крючниковъ говорилъ съ увлеченіемъ. Онъ ни разу не взглянулъ на Катерину Ивановну, но въ его словахъ можно было подмѣтить желаніе доказать этой женщинѣ, что она совершенно напрасно обидѣлась только что сдѣланными ей замѣчаніями. Она же, между тѣмъ, уже не вмѣшивалась въ разговоръ и, наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ встала. Лизавета Васильевна и братъ простились съ нею, она подошла къ Крючникову.

— Вы не думайте, что я на васъ разсердилась,—сказала она ему тихимъ голосомъ.—Я не привыкла къ правдѣ, но я хотѣла бы ее слышать.

Крючниковъ стоялъ безмолвно, опустивъ на грудь голову и засунувъ руку за жилетъ. Онъ не видалъ, что передъ нимъ была протянута рука.

— Ахъ вы, вѣжливый кавалеръ: съ вами прощаются, а вы и не видите.—засмѣялся Пащенко.

Digitized by Google

— Да!—очнулся Крючниковъ, встряхнувъ головой, и съ замѣшательствомъ пожалъ руку Катерины Ивановны.

«Что же это за люди? — думала Катерина Ивановна по возвращеніи домой.—Впрочемъ, что я говорю! Не люди, а одинъ человѣкъ. Они всѣ не похожи на него. Они вонъ Базарова хвалятъ, а онъ и его осмѣливается бранить и смѣется надъ тѣмъ, что тотъ Бюхнеромъ отариковъ цивилизовать хочетъ. Онъ говоритъ, что именно этою чертою Тургеневъ умышленно убилъ своего героя, добродушно разсказывая объ его умѣ и коварно заставляя его дѣлать пошлости. Почему онъ не боится высказывать мнѣ, какъ и другимъ, горькую правду въ глаза и приходитъ въ смущеніе, когда я ему искренно протягиваю руку? Вѣдь онъ, кажется, желаетъ мнѣ добра? Онъ же упрекаетъ брата и его друзей, что они только о своемъ муравейникѣ заботятся и холодно относятся ко всѣмъ, кто не принадлежитъ къ ихъ кружку. Онъ говоритъ, что люди вездѣ люди, и, помогая имъ, можно сдѣлать ихъ друзьями, а отталкивая—врагами. И отталкиваютъ-то люди отъ себя другихъ больше всего за мелочи, за ничтожныя разногласія, за которыми и гнаться не стоитъ. Ну, такъ и сошелся бы со мною, научилъ бы меня, что дѣлать. Вѣдь заботился же онъ о Лизѣ... Счастливая, счастливая Лиза!..»
За этими думами шли планы о какой-то дѣятельности, о какой-то новой жизни, о какихъ-то преобразованіяхъ въ своемъ житьѣ-бытьѣ. Молодой женщинѣ казалась уже пустою та жизнь, которою она жила. Она рѣшилась, во что бы то ни стало, допроситься совѣтовъ у Крючникова насчетъ различныхъ плановъ, занимавшихъ ее. При первомъ визитѣ къ брату, она спросила, будетъ ли у нихъ въ этотъ день Крючниковъ.

— Едва ли,—отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ:—Крючниковъ теперь почти все время проводитъ у Кравцева.

— Зачѣмъ это!—изумилась сестра.

— Братъ Кравцева боленъ.

— Такъ Крючникову-то что за дѣло до этого?

— Какъ, что за дѣло? Кравцевъ и безъ того иногда попиваетъ, а если его братъ умретъ, то онъ совсѣмъ упадетъ духомъ. Вѣдь онъ только для брата и живетъ. Теперь-то его и надо поддержать.

— Развѣ тотъ такъ опасно боленъ?—полюбопытствовала Катерина Ивановна.

— Теперь есть надежда на выздоровленіе, но очень слабая.

Digitized by Google

Катерина Ивановна сдѣлалась чрезвычайно грустною, но, кажется, она тосковала не за участь Кравцевыхъ, а потому, что ей представлялся въ перспективѣ долгій рядъ дней, въ которые нельзя будетъ повидать Крючникова. Дѣйствительно, прошла недѣля, Катерина Ивановна три раза побывала у брата, а Крючниковъ все не являлся. Катеринѣ Ивановнѣ показались эти дни вѣчностью, точно она боялась, что пройдетъ то время, когда еще можно приняться за серьезную, хотя еще и неизвѣстную ей работу, насчетъ которой могъ дать совѣтъ Крючниковъ. Между тѣмъ дома шла у нихъ обычная жизнь. Баумгрилле ѣздилъ къ ней съ визитами и день-ото-дня дѣлался любезнѣе, хотя уже и не вызывалъ ея слезъ своими воспоминаніями объ угасшей молодой женщинѣ. Въ обществѣ тонко и ловко намекали Катеринѣ Ивановнѣ на то, что Баумгрилле готовъ пасть къ ея ногамъ. Эти шуточки были милы и остроумны, графъ представлялся въ смѣшномъ видѣ, но Катеринѣ Ивановнѣ было не легко шутить въ эти минуты. Въ одинъ изъ своихъ визитовъ Баумгрилле снова встрѣтился у Катерины Ивановны съ Бѣльскою и поспѣшилъ уѣхать. Говорливая Бѣльская была особенно любезна въ этотъ день съ хозяйкою.

— А у меня есть къ вамъ просьба,—сказала она послѣ тысячи разсказовъ о новостяхъ.

— Что такое?—спросила хозяйка.

— У меня есть одинъ знакомый юноша, онъ служилъ въ военной службѣ, теперь переходитъ въ гражданскую. Ему хотѣлось бы найти мѣсто, и онъ просилъ меня похлопотать о немъ. Я знала еще его мать; мнѣ хотѣлось бы оказать ему помощь.

— Что же я могу для него сдѣлать?—спросила Катерина Ивановна.

— Много, очень много!—съ жаромъ воскликнула Бѣльская.—Вы и вашъ мужъ такъ коротко знакомы съ Баумгрилле, онъ для васъ все сдѣлаетъ, а у него есть мѣста, это я знаю.

— Извините, я не имѣю никакого права безпокоить Баумгрилле,—воскликнула Катерина Ивановна и раскраснѣлась до ушей.

— Помилуйте, какія же тутъ нужны права?—улыбнулась Бѣльская, замѣтивъ промахъ хозяйки, не умѣвшей держать себя въ свѣтѣ.—Если бы я была такъ коротко знакома съ Баумгрилле, то я сама попросила бы его. Вамъ онъ не откажетъ ни въ чемъ, онъ у васъ такъ часто бываетъ, такъ привязанъ къ вашему семейству.

Digitized by Google

— Что вы хотите этимъ сказать?—запальчиво спросила хозяйка, не владѣя собой.

— То, что вы скорѣе, чѣмъ кто-нибудь, можете просить Баумгрилле о моемъ protégé.

— Я такъ же не хочу его просить, какъ и всѣ другіе,— отвѣтила Катерина Ивановна.

— Какъ вамъ угодно,—пожала плечами Бѣльская.—Но мнѣ странно,—прибавила она насмѣшливымъ голосомъ:—что вы сердитесь за то, что я сочла графа вашимъ хорошимъ знакомымъ. Я думаю, нѣтъ ничего позорнаго въ знакомствѣ съ нимъ, тѣмъ болѣе, что вы сами продолжаете же принимать его...

— Что же вы заключаете изъ этого?—дрожа всѣмъ тѣломъ отъ волненія, поднялась Катерина Ивановна съ мѣста и оперлась на столъ.

— Что и вы тоже считаете знакомство съ нимъ дѣломъ очень обыкновеннымъ,—засмѣялась Бѣльская.

Она смотрѣла съ презрѣніемъ на взволнованную Катерину Ивановну. У послѣдней голова шла кругомъ, она даже не замѣчала того, что дѣлала промахъ за промахомъ. Она опустилась въ изнеможеніи на диванъ.

— Вы, кажется, нездоровы сегодня?—сказала Бѣльская.

— Да, я разстроена,—пробормотала хозяйка.

— И вѣдь вѣрно Баумгрилле виноватъ, какъ и въ прошлый разъ, помните, когда вы расплакались отъ его разсказовъ,—добивала нравственно Бѣльская молодую женщину.

Катерина Ивановна сидѣла неподвижно.

— Поправляйтесь, не шутите съ нервами, — говорила Бѣльская, прощаясь, и вышла изъ гостиной, думая про себя: «А! ты думала, что ты свѣтская барыня, что ты честная женщина, что ты можешь для потѣхи отбивать отъ другихъ графа Баумгрилле? Глупая дѣвчонка! не твой жалкій умишка нуженъ для свѣтской жизни!»

Катерина Ивановна еще долго сидѣла, не шевельнувъ ни однимъ членомъ; наконецъ, она встала, подошла къ окну и прижалась пылающей головой къ стеклу, изъ ея глазъ лились неудержимыя слезы.

На слѣдующій день она поѣхала къ брату въ какомъ-то нервномъ нетерпѣніи.

— Крючниковъ не былъ?—былъ ея почти первый вопросъ, обращенный къ Лизаветѣ Васильевнѣ.

— Нѣтъ еще,—отвѣтила невѣстка.

Digitized by Google

— А что Кравцевъ?

— Боленъ еще.

— Ты бываешь у него?

— Да.

— Съѣздимъ къ нему сегодня.

— Что?—изумилась Лизавета Васильевна.

— Съѣздимъ къ нему сегодня,—повторила Катерина Ивановна.

— Я, право, не знаю...—нерѣшительно проговорила Лизавета Васильевна и взглянула на мужа вопросительнымъ взглядомъ.

Ей, видимо, не хотѣлось получить отъ него согласія.

— Вотъ глупости! Тебѣ для чего это захотѣлось съѣздить къ Кравцеву?—спросилъ Иванъ Ивановичъ, не замѣтившій волненія сестры.

— Такъ, хочется навѣстить больного, хочется увидѣть, какъ они живутъ,—проговорила дрожащимъ голосомъ сестра, и вся раскраснѣлась.

Иванъ Ивановичъ только теперь обратилъ на нее вниманіе и замѣтилъ ея состояніе. Ему стало ея жаль. Не могъ этотъ добрый баринъ хладнокровно видѣть разстроенныхъ людей!

— Эхъ, Катя, Катя!—произнесъ онъ, глядя на нее ласковыми глазами:—не весело тебѣ живется!

Этого было довольно. Катерина Ивановна готова была плакать. Онъ обнялъ ее, она скрыла на его груди свое лицо и разрыдалась.

— Что съ тобой? что съ тобой?—спрашивалъ братъ, усаживая на диванъ сестру.

Она разсказала ему все.

— Меня уже подозрѣваютъ,—говорила она прерывающимся голосомъ:—мнѣ уже намекали на мои отношенія къ Баумгрилле, намекали не разъ, не два... Я хочу иначе жить, я хочу посовѣтоваться съ другими... Посмотрѣть, какъ живутъ другіе...

На нѣсколько минутъ всѣ смолкли.

— Лиза, поѣдемъ же,—сказала Катерина Ивановна.

Иванъ Ивановичъ, услыхавъ эти слова, поспѣшно отошелъ къ своему рабочему столу и сталъ усердно рыться въ бумагахъ. Лизавета Васильевна покачала головой и обратила снова вопросительный взглядъ къ своему мужу, но онъ упорно избѣгалъ этого взгляда и рылся въ бумагахъ.

— Право, не нужно бы...—начала Лизавета Васильевна.

Digitized by Google

— Полно, полно, голубчикъ!—вырвалось восклицаніе у Катерины Ивановны.

— Что же... съѣздите...—проговорилъ почти шопотомъ Иванъ Ивановичъ и еще пристальнѣе углубился въ разсматриваніе бумагъ.

Катерина Ивановна бросилась цѣловать невѣстку. Та глубоко вздохнула и съ упрекомъ взглянула на мужа. Онъ не поднималъ своей головы. Черезъ пять минутъ обѣ женщины уѣхали. Иванъ Ивановичъ продолжалъ усиленно работать, онъ вслухъ свѣрялъ какія-то статистическія цифры и, кажется, боялся, что если онъ станетъ дѣлать эту повѣрку про себя, а не вслухъ, то на мѣсто ея въ его головѣ зароятся другія мысли, другія соображенія, которыхъ онъ боялся, которыя безъ его воли заставляли его и теперь краснѣть за свое слабодушіе. Онъ сознавалъ, что не статистика вызвала эту краску на его лицо...

Убогая комната, гдѣ жили Кравцевы, поразила Катерину Ивановну, но еще болѣе поразило Крючникова и Кравцевыхъ появленіе Катерины Ивановны въ этой комнатѣ. Катерина Ивановна и Лизавета Васильевна поспѣшили объяснить свой приходъ тѣмъ, что онѣ зашли мимоходомъ, но Крючниковъ сомнительно покачалъ головою, слушая это объясненіе.

— Мнѣ, между прочимъ, нужно бы посовѣтоваться съ вами,—сказала Катерина Ивановна черезъ нѣсколько минутъ Крючникову. — Я хотѣла бы чѣмъ-нибудь заняться серьезно. Какія книги посовѣтуете вы мнѣ читать, что изучать?

Крючниковъ пожалъ плечами и, видимо, разсердился, услышавъ въ устахъ почти ничего не знающей женщины это ненавистное ему модное слово праздныхъ барынь: *изучать*.

— Изучать что-нибудь очень трудно, для этого нужна серьезная подготовка,—сказалъ онъ.—Да вы, собственно, съ какою цѣлью хотите учиться?

— Чтобы знать то, что можно знать.

— Такъ читайте все, что попадетъ подъ руку. Только я впередъ говорю вамъ, что изъ этого пользы не выйдетъ. Вы нахватаете нѣсколько понятій о томъ или другомъ предметѣ, но основательно не будете знать ничего. Для основательнаго знанія нужны долгіе годы и честные руководители.

— Такъ что же, такъ и не учиться?

— Нѣтъ, если что можно вамъ посовѣтовать изучать,

Digitized by Google

такъ это науку воспитанія дѣтей. Это вамъ пригодится, если у васъ будутъ дѣти.

— А если нѣтъ, то и это не пригодится?

— То и это не пригодится,—повторилъ Крючниковъ ея слова.

— Отчего же вы думаете, что у меня не хватитъ терпѣнія работать долгіе годы? Ну, а руководители найдутся, вотъ братъ, его друзья... васъ попрошу... Вѣдь принесете же вы когда-нибудь мнѣ въ жертву хоть минуту свободную... Можетъ-быть, я чему-нибудь и научусь.

Крючниковъ посмотрѣлъ на раскраснѣвшееся личико Катерины Ивановны, но не могъ найти въ немъ ничего, кромѣ молящаго выраженія. Она стояла, какъ дитя, просящее пощады. Ему стало ее жаль, и онъ постарался смягчить свой голосъ, не смягчивъ фразы.

— Вообще изъ всѣхъ попытокъ развить по-своему развитыхъ иначе людей—ничего не выходитъ,—промолвилъ онъ:— и я никогда не рискнулъ бы на эти попытки. Развиваетъ дѣтство, школа, жизнь, а спустя лѣто по малину не ходятъ...

— Вы, точно оракулъ, не говорите, а только приговоры изрекаете,—разсердилась Катерина Ивановна.

— Такъ зачѣмъ же вы и начинаете говорить со мной?— разсердился, въ свою очередь, Крючниковъ, подумавъ: «Не думаешь ли ты, что я рисоваться передъ тобою, что ли, хочу?»

— Ну, ну, не сердитесь, господинъ медвѣдь!—постаралась пошутить Катерина Ивановна, не замѣчая, какъ скверно дѣйствуютъ на собесѣдника тѣ ея фразы, которыя произносятся съ кокетливостью, столь свойственною молодымъ и счастливымъ женщинамъ, не лишеннымъ ума и ловкости. Это кокетливость невольная, неумышленная, выработанная праздною жизнью гостиныхъ. Крючниковъ же не разбиралъ этихъ тонкостей и не любилъ кокетливости, не различая, какая она, и руководствуясь тѣмъ правиломъ, что отъ чего бы ни былъ боленъ человѣкъ—отъ простуды или отъ разврата—а все-таки онъ больной, а не здоровый человѣкъ и къ работѣ не годится. Крючниковъ взялся за фуражку.

— Мнѣ нужно идти по дѣлу,—сказалъ онъ.

— Когда вы будете у Вани?—спросила Катерина Ивановна.

— Право, не знаю.

— Нѣтъ, вы не добрый человѣкъ,—задумчиво и задушевно проговорила Катерина Ивановна. — Вы готовы сдѣлать добро, можетъ-быть, и дѣлаете его, но только своимъ,

Digitized by Google

близкимъ муравьямъ одного муравейника, а другіе пусть гибнутъ, что̀ вамъ до нихъ за дѣло!

Эти слова, звучавшія болью, точно обожгли Крючникова.

— Эхъ, Катерина Ивановна, если бы я могъ что-нибудь сдѣлать *для васъ*, такъ я...—началъ онъ быстро и, вдругъ измѣнившись въ лицѣ, перешелъ въ другой тонъ, звучавшій какою-то злою и нервной ироніей.—Ну, разумѣется,—заговорилъ онъ:—свой своему поневолѣ братъ! Вы правы, я чужимъ не люблю помогать, вы напрасно и считали меня добрымъ. Это все вотъ ваша молодость идеалы передъ вами рисуетъ. А люди дрянь, вы ни на кого не надѣйтесь, живите, какъ можете, и, повторяю *вамъ*, ни на кого не надѣйтесь! Это главное.

Крючниковъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ, сказалъ некстати какую-то неловкою остроту, такъ какъ онъ острить не умѣлъ, и распрощался съ молодыми женщинами. Во всѣхъ его движеніяхъ было что-то лихорадочное, необычайное. Катерина Ивановна простилась съ невѣсткой и поѣхала домой: она горѣла какъ въ огнѣ.

«Вѣдь онъ это неправду говорилъ о себѣ. Онъ противъ себя говорилъ, — сразу угадала молодая женщина. — Онъ добрый. Отчего онъ взволновался? Я обидѣла его? Но какъ же *я* могу его обидѣть? Вѣдь онъ считаетъ меня неспособной на дѣло, презираетъ меня?.. Или онъ меня...» Катерина Ивановна не рѣшилась договорить фразы, вертѣвшейся въ ея головѣ, она до чего-то боялась додуматься. Во время этихъ думъ, лакей доложилъ ей о пріѣздѣ графа Баумгрилле. Она устремила какъ-то безсознательно глаза на слугу, точно спрашивая его: «что дѣлать?» Слуга ждалъ отвѣта.

— Скажи, что я...—Катерина Ивановна хотѣла сказать: нездорова,—и, краснѣя отъ стыда за свою нерѣшительность, окончила твердымъ голосомъ:—что я не принимаю.

Слуга вышелъ. Катерина Ивановна, какъ ребенокъ, боящійся наказанія, притаилась, прижавшись къ стѣнѣ, точно она боялась, что къ ней ворвутся насильно, что ей не простятъ ея первой выходки. Ея сердце билось страшно, она чувствовала, что готовится какая-то борьба, приготовляются какія-то грязныя сцены, и дрожала... А ея комната блестѣла своимъ обычнымъ блескомъ, своею обычною роскошью, и любой бѣднякъ могъ бы позавидовать обладательницѣ этого богатства.

Digitized by Google

XV.

На другой день послѣ неудачнаго визита графа Баумгрилле, Викторъ Владиміровичъ возвратился изъ должности съ пасмурнымъ лицомъ.

— Былъ вчера у насъ графъ? — спросилъ онъ у жены.

— Былъ, но я его не приняла.

— Это почему?

— Потому что я дѣлаюсь сказкой города.

— Ну, это еще не причина. Городъ про всѣхъ говоритъ.

— Пусть говоритъ про другихъ, но я не хочу оправдывать его сплетенъ своимъ поведеніемъ.

— Очень дурно дѣлаешь, что придаешь значеніе его сплетнямъ. Ты создаешь изъ всего что-то важное. Мало ли къ кому ѣздитъ графъ. Этакъ и знакомствъ нельзя заводить. Ты не въ деревнѣ.

— Но онъ со мной любезничаетъ и...

— Ахъ, Боже мой! Дитя ты, что ли? Неужели ты не понимаешь, что изъ его любезностей не можетъ выйти ничего серьезнаго... Онъ совсѣмъ не опасенъ, но знакомство его нужно.

— Только не мнѣ.

— Нѣтъ, именно тебѣ. Ты не носила бы этихъ дорогихъ тряпокъ, не ѣздила бы въ этихъ экипажахъ, не блистала бы на балахъ лучшаго общества, если бы я не имѣлъ связей, не принималъ подобныхъ графу людей.

— Неужели ты думаешь, что я дорожу больше чести этими тряпками, этой мишурой?

— Больше чести! больше чести! Кто тебѣ говоритъ о чести,—обозлился Благово.—Заводить полезныя знакомства, быть привѣтливой съ вліятельными лицами не значитъ лишиться чести. Или ты думаешь, что честенъ только тотъ, кто знакомъ съ одними мужиками, да нищими? Это все ваши институтскія понятія, неумѣнье жить!

— Ну, я не хотѣла бы жить по-твоему.

— Такъ не выходила бы замужъ. Жила бы въ деревнѣ со своимъ тунеядцемъ-братомъ и кухаркой-невѣсткой.

— Да, я теперь жалѣю...

— Что-о?—грозно перебилъ Викторъ Владиміровичъ.

Катерина Ивановна бросила на него холодный взглядъ и взяла со стула начатую вышивку какой-то подушки. Мужъ походилъ по комнатѣ и вышелъ вонъ. Прошло два дня, Баумгрилле снова заѣхалъ къ Катеринѣ Ивановнѣ, и снова

Digitized by Google

она велѣла сказать ему, что она не принимаетъ. Теперь приказаніе было отдано безъ всякихъ колебаній. Молодая женщина чувствовала въ себѣ необыкновенную силу, ей самой казалось, что она выросла, что она впервые вышла изъ дѣтскаго возраста и стала самостоятельной, готовой на борьбу, женщиной. Она ожидала новыхъ упрековъ мужа въ волненіи, но безъ малодушнаго страха. Противъ всякаго ожиданія, мужъ ничего не сказалъ ей на слѣдующій день. Дѣло въ томъ, что графъ продолжалъ быть холоднымъ съ Викторомъ Владиміровичемъ, но о своемъ вторичномъ неудачномъ визитѣ не сказалъ ни слова. У него было много такту. Черезъ недѣлю послѣдовалъ новый визитъ Баумгрилле и новая неудача. Баумгрилле сталъ еще холоднѣе въ обращеніи съ Викторомъ Владиміровичемъ и даже сдѣлалъ ему выговоръ за неисправность какого-то чиновника. Это изумило Благово, ничего не подозрѣвавшаго насчетъ неудачныхъ визитовъ и воображавшаго, что его глупая жена исправилась. Возвратившись изъ должности, Викторъ Владиміровичъ спросилъ у лакея:

— Былъ у насъ графъ Баумгрилле?

— Сегодня не были-съ,—отвѣтилъ лакей.

— Болванъ! Не про сегодняшній день тебѣ говорятъ. Я спрашиваю, былъ ли графъ у насъ на этой недѣлѣ?

— Были-съ.

— Ну?

— Только барыня не изволила ихъ принять.

— Ступай!

Лакей вышелъ. Викторъ Владиміровичъ зашагалъ по комнатѣ. Его всегда спокойное и благообразное лицо было обезображено гнѣвомъ. Онъ создавалъ сотни плановъ, какъ заставить жену принимать графа Баумгрилле, какъ исполнить это, не ссорясь съ нею, не вызывая на борьбу «упрямую дуру», а покоривъ ее хитростью. Но всѣ планы выходили неисполнимыми. Оставалось одно средство—употреблять насиліе и заводить сцены брани и ссоры. Викторъ Владиміровичъ понималъ, что онъ выйдетъ побѣдителемъ изъ боя съ глупымъ и слабымъ существомъ, но ему было несносно, непріятно раздражаться, убивать свое драгоцѣнное здоровье и спокойствіе изъ за такихъ пустяковъ, какъ пріемъ какого-нибудь гостя. Въ то же время Викторъ Владиміровичъ понялъ, что упрямство жены, вѣроятно, поддерживается ея братомъ и тѣми людьми, которые бесѣдуютъ съ нею въ его кружкѣ. Благово давно злился за то, что жена поддержи-

Digitized by Google

вастъ сношенія съ братомъ, но теперь онъ понималъ необходимость крутыхъ мѣръ, несвоевременность послабленій и смотрѣнія сквозь пальцы. Вечеромъ того же дня онъ прошелъ въ будуаръ своей жены. Мужъ былъ, повидимому, спокоенъ, но строгъ.

— Что вы тамъ опять надѣлали?—спросилъ онъ жену.— Вы рѣшительно не способны жить въ порядочномъ обществѣ. Вамъ только съ мальчишками жить, надъ которыми можно ломаться, именно ломаться, c'est le mot! Вы хорошихъ знакомствъ не умѣете завязать, вамъ скучно въ обществѣ лучшихъ людей, и вы бѣгаете отъ него къ своему милому братцу, женатому на модисткѣ, позорящему фамилію.

— Мой братъ и его жена честные люди! Но...

— Честные!—перебилъ Викторъ Владиміровичъ насмѣшливымъ тономъ.—Желалъ бы я знать, чѣмъ они честны. Но если вы считаете возможнымъ не поддерживать моихъ знакомствъ, то я попрошу васъ не ѣздить къ вашимъ знакомымъ.

— Ну, этого не будетъ!—воскликнула Катерина Ивановна.

— Будетъ, сударыня, будетъ! Я заставлю васъ слушаться. Вы шли замужъ не за мальчишку, не за эксцентрика. Вамъ, вѣрно, нравится эта праздношатающаяся, не имѣющая ни мѣсть, ни занятій молодежь.

Виктору Владиміровичу почему-то представлялось, что кружокъ Пащенко состоитъ изъ какихъ-то гимназистовъ, и онъ очень удивился бы, если бы заглянулъ въ этотъ домъ и увидалъ бы въ немъ совсѣмъ не мальчиковъ, а серьезныхъ людей среднихъ лѣтъ.

— Повѣрьте,—отвѣтила Катерина Ивановна:—что тѣ люди, которыхъ вы называете мальчишками и которыхъ вы браните за тунеядство, гораздо прилежнѣе васъ. Они достаютъ честнымъ трудомъ свой хлѣбъ, и ужъ вѣрно вы-то никогда не трудились такъ, какъ они. Вамъ легко достаются деньги!

— Легко! Стыдитесь! Книгъ новыхъ вы начитались, у васъ умъ за разумъ зашелъ. Вы думаете труднѣе переводить книжонки и по урокамъ бѣгать, чѣмъ заправлять моимъ дѣломъ, заботиться о благѣ сотенъ, какое сотенъ! можетъ-быть, тысячъ людей?

— Очень нужны имъ ваши заботы! Что вы думаете, что я дитя, что ли? Развѣ я не понимаю, что вы дѣлаете! Вы по обѣдамъ рыскаете, передъ графомъ Баумгрилле гнетесь въ дугу, а за васъ работаютъ другіе. И что они работаютъ! Кляузы, никому не нужныя бумаги пишутъ.

Digitized by Google

— Да знаете ли вы, что вы говорите?— крикнулъ Викторъ Владиміровичъ.

— Постойте, я еще не все высказала,—твердо проговорила Катерина Ивановна.—Знаете ли вы, почему я вышла за васъ замужъ, почему я думала, что я люблю васъ? Вы твердо изрекали свои приговоры, вамъ никто не противорѣчилъ, за вами ухаживала провинція, и мнѣ казалось, что вы одинъ изъ тѣхъ людей, которые самостоятельно, своими личными достоинствами пріобрѣтаютъ уваженіе въ обществѣ. Я думала, что вы имѣете какое-нибудь значеніе въ глазахъ окружающихъ васъ людей. Теперь я вижу, что вы хуже послѣдняго нищаго, хуже...

— Какъ вы смѣете!—крикнулъ Викторъ Владиміровичъ. Онъ потерялъ все спокойствіе и не владѣлъ собою.

— Не перебивайте меня! слышите, не смѣйте перебивать меня!—вскочила съ мѣста Катерина Ивановна, сверкая глазами.—Что вы, голосомъ, крикомъ хотите покорить меня? Да, вы хуже тряпки! Понимаете ли вы, что, заставляя меня унижаться передъ Баумгрилле, заставляя ласкать его, вы убивали любовь мою къ вамъ, вы разрывали мое сердце! Вы поймите это! Вѣдь я увидала, что вы низкій человѣкъ, что вы не имѣете никакого достоинства въ глазахъ другихъ людей, что васъ держатъ ради вашихъ низкихъ искательствъ, гнусныхъ интригъ, ради вашей льстивости, низкопоклонства, что вами не дорожатъ, что не общество дорожитъ вами, а вы имъ, что безъ его помощи вы нуль.

— А, это все идеи тѣхъ мальчишекъ! Знаете ли вы, что за нихъ можно...

— Не угрожайте! — съ отвращеніемъ сказала Катерина Ивановна. — Я говорю только о *васъ*, а за васъ никто не вступится. Вы вѣдь могли имѣть значеніе только тогда, когда я согласилась бы торговать собою. Я говорю только о васъ, а другіе, вотъ хоть бы Баумгрилле, пользуются моимъ уваженіемъ. Я знаю, что Баумгрилле бросаетъ рѣзкую правду въ лицо людямъ, не гнется передъ ними, идетъ по той дорогѣ, по которой хочетъ, и все-таки стоитъ твердо на своемъ мѣстѣ, какъ стоятъ твердо тѣ мальчишки, которыхъ вы ругаете; они не лѣзутъ, подобно вамъ, не въ свой кругъ, какъ не лѣзетъ какой-нибудь Баумгрилле въ ихъ кругъ, гдѣ онъ былъ бы такъ же смѣшонъ, такъ же низокъ, какъ вы среди значительныхъ людей.

— Не смѣйте хвалить этихъ мерзавцевъ. Это они раз-

Digitized by Google

вращаютъ такія глупыя головы, какъ ваша, они вносятъ раздоръ въ семейства, играютъ жизнью.

— Ну, нѣтъ, это для *васъ* чужая жизнь игрушка, а ваша собственная—сплошная плутня. Изъ какихъ средствъ вы пріобрѣли имѣніе? Зачѣмъ вы унижаетесь, если ваша дѣятельность необходима?

Благово позеленѣлъ и подступилъ къ самому лицу жены.

— А! вы о моихъ средствахъ спрашиваете?—прошипѣлъ онъ. — Ну-съ, а вы изъ какихъ средствъ красуетесь въ брильянтахъ на балахъ? Изъ какихъ средствъ шьете себѣ эти дорогія платья?—Викторъ Владиміровичъ со злобой потрясъ платье Катерины Ивановны.—Гдѣ вашъ трудъ? Покажите вашу работу. Ну, что же вы, сударыня, стали? Показывайте, показывайте скорѣе!

Катерина Ивановна опустила голову и только черезъ минуту снова подняла ее.

— Я заслужила эти упреки,—тихо начала она.

— Наконецъ-то!

— Заслужила и хочу загладить свою ошибку. Я рѣшилась работать...

— Ха-ха-ха!—захохоталъ мужъ. — Не бѣлошвейкой ли хотите сдѣлаться, не умѣя шить, или пойдете въ горничныя?

— Я не спрошу у васъ, что мнѣ дѣлать, но буду искать труда.

— Нѣтъ, я вижу, вы нездоровы, вы бредите!

— Да, да, говорить о трудѣ въ вашемъ домѣ, значитъ бредить! Чтобы трудиться, надо бѣжать изъ этого омута.

— Только, пожалуйста, предупредите меня, когда вздумаете бѣжать, — насмѣшливо сказалъ Викторъ Владиміровичъ.

Взбѣшенный до послѣдней степени, онъ вышелъ изъ комнаты жены, ругая женскій умъ, не умѣющій логично мыслить и перескакивающій неожиданно на посторонніе предметы. Катерина Ивановна, дѣйствительно, разрушила весь планъ мужа своею горячностью, сбила съ толку врага и заставила его отступить прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что-нибудь сдѣлать въ свою пользу. Когда онъ уходилъ, она съ отвращеніемъ взглянула на него и ясно прочла на его лицѣ всю силу того неуваженія и того презрѣнія, съ которыми онъ смотрѣлъ на нее въ эти минуты. Онъ видѣлъ въ ней зачитавшуюся разныхъ книжонокъ глупую женщину и готовъ былъ трактовать ее, какъ капризнаго, негоднаго

Digitized by Google

ребенка, требующаго присмотра, исправленій и наказаній. Въ ея пылавшей головѣ мелькала мысль, что даже ничтожный, безхарактерный Андреевъ былъ бы лучшимъ мужемъ, по крайней мѣрѣ, онъ не смотрѣлъ бы на нее, какъ на рабу, не смѣющую имѣть своихъ мнѣній и желаній; а передъ этой административной машиной никто въ мірѣ не имѣлъ права думать по-своему или искать новыхъ путей. Андреевъ былъ способенъ пожить на чужихъ хлѣбахъ мѣсяца три, пожилъ бы и больше, ну, а этотъ человѣкъ не только заѣдалъ чужой хлѣбъ, но и пріобрѣталъ экипажи, серебро, золото на чужія трудовыя деньги. Честнаго дѣла не дѣлалъ и серьезнаго значенія въ обществѣ не имѣлъ ни тотъ, ни другой. Катерина Ивановна сознала теперь все это ясно до боли.

Настали для нея дни тревогъ и ночи безсонницъ. Она передумала о сотнѣ разныхъ вещей и перечитала десятки книгъ, допрашиваясь у нихъ совѣтовъ. Одна книга толковала о необходимости для женщинъ честнаго и самостоятельнаго труда, но не указывала, гдѣ найти этотъ трудъ, какимъ путемъ можно добиться до него и что это за трудъ. Другая описывала скорбный бытъ иностранныхъ работницъ, представляла сотни, тысячи набранныхъ тамъ и здѣсь цифръ несчастій и сотни картинъ житья-бытья бѣдныхъ труженицъ, представляла все это такъ серьезно, съ такою убѣдительностью, съ такимъ авторитетомъ, какъ будто дѣло шло о чемъ-то новомъ, открытомъ самимъ глубокомысленнымъ авторомъ, статистикомъ и экономистомъ, какъ-будто дѣло шло объ открытой Америкѣ, а не объ надоѣвшихъ всѣмъ, намозолившихъ каждому глаза, фактахъ, и, между тѣмъ, этотъ же авторъ, точно считая все, кромѣ своихъ цифръ, гилью и чепухой, не указывалъ ни на причины бѣдственнаго положенія труженицъ, ни на способы устраненія ихъ нуждъ, если же и указывалъ, то указанія были похожи на насмѣшку, до того были они фантастичны и непрактичны. Катерина Ивановна бросала отъ себя книгу за книгою, все сильнѣе и сильнѣе звучали въ ея умѣ слова поэта: «На проклятые вопросы дай отвѣты намъ прямые». Ей казалось, что эти отвѣты не даются умышленно, а не по горькой для самого писателя необходимости.

Кто же дастъ эти отвѣты? У кого ихъ просить? Книга не даетъ, но Катерина Ивановна знала одного человѣка, писавшаго книги, можетъ-быть, онъ доскажетъ ей недосказанное книгою

Digitized by Google

XVI.

Тяжелы безсонныя ночи, тяжелы безысходныя думы, тяжело исканіе выхода изъ тьмы, но человѣкъ все сноситъ, только нервы чувствительнѣе становятся, только болѣе чуткимъ становится его умъ и ловитъ онъ каждое слово, каждый намекъ, думая съ замираніемъ въ сердцѣ: «Не это ли то слово, которое я ждалъ?» Нѣтъ, это все не то, все не то! Говорится, кажется, обо всемъ, а провѣрьте всѣ разговоры, всѣ сужденія, и вы не доищетесь въ нихъ ни одного отвѣта ни на одинъ изъ проклятыхъ вопросовъ. Настаетъ пора, когда человѣкъ уже и не спрашиваетъ ни о чемъ, и не думаетъ добиться какихъ-нибудь отвѣтовъ, но до этой поры нужно дострадаться, а Катерина Ивановна еще только начинала жить... Искала она снова встрѣчи съ Крюниковымъ. Онъ же все не шелъ къ ея брату. Наконецъ, насталъ желанный день, Катерина Ивановна встрѣтила Крючникова. Ее осаждали тысячи сомнѣній и тревогъ въ эту минуту, но она постаралась удержаться отъ экзальтаціи и говорила, насколько могла, спокойно.

— Читали вы о швейныхъ мастерскихъ?—спросила она послѣ нѣсколькихъ совершенно незначительныхъ для нея фразъ.

— Читалъ,—отвѣтилъ Крючниковъ.

— Нравится вамъ, что пишутъ объ этомъ дѣлѣ въ романѣ?

— Да.

— Ну, а что бы вы сказали, если бы я вздумала открыть подобную мастерскую?

— Ничего не сказалъ бы.

— Это почему?

— Да она закрылась бы прежде, чѣмъ я успѣлъ бы что-нибудь сказать о ней.

— Ну, вотъ еще! Отчего это?

— Оттого, что вы ни кроить, ни шить не умѣете и съ дѣвушками трудящимися не вели прежде знакомства, а набранныя съ улицы будутъ васъ за носъ водить, обманывать, разорять. Да и вашъ мужъ не позволилъ бы вамъ кидать капиталъ за окно безъ всякой пользы.

— Такъ я и посмотрю на его позволеніе!

— Не посмотрите?—пристально взглянулъ на нее Крючниковъ.

— Не посмотрю.

Digitized by Google

— Затѣмъ, чтобы убить свои деньги и, пометавшись изъ стороны въ сторону съ незнакомымъ дѣломъ, нажив тысячи непріятностей, вернуться съ повинной головой къ супругу и просить у него куска хлѣба?

— Ну, ужъ ссли я что оборву разъ, то не стану опять склеивать старое!

— Ну, такъ въ гувернантки станете мѣста искать, или пойдете жить на счетъ братьевъ, потому что мѣста бѣжавшей отъ мужа женѣ никто не дастъ.

— Такъ, значитъ, это все глупости, мечты разсказаны въ романѣ?

— Не мечты, только онъ не для васъ писанъ!

— Вы все какія-то перегородки между людьми ставите, для однихъ по вашему одно, для другихъ—другое пишется.

— А вы думали, нѣтъ? Еще бы вы стали читать о выгодахъ золотопромышленности и вздумали бы, что это васъ именно приглашаютъ сдѣлаться золотопромышленницей.

— Что же дѣлать?

— Ничего.

— Такъ-таки ровно ничего? Это весело! Значитъ, подобныя мнѣ женщины обречены играть роль пустыхъ куколъ?

Крючниковъ задумался. Онъ былъ въ этотъ день въ какомъ-то грустномъ настроеніи духа.

— Вотъ, видите ли,—началъ онъ неторопливо:—дѣйствительной пользы себѣ трудомъ вы уже не принесете, но то, что вы дѣлаете теперь, вы могли бы, можетъ-быть, дѣлать разумнѣе. Вотъ, напримѣръ, вы благотворенія разныя, вѣроятно, оказываете, нищимъ гроши раздаете, разнымъ черносалопницамъ пенсіи выдаете, вотъ на эти-то брошенныя деньги вы могли бы устроить какія-нибудь благотворительныя заведенія на манеръ англійскихъ.

— Богадѣльни или пріюты? — перебила Катерина Ивановна съ презрѣніемъ.

— Да, пожалуй, только съ тою разницею, что въ вашихъ богадѣльняхъ и пріютахъ люди не жили бы праздно, не приводили бы въ зависть другихъ людей, которымъ не оказывается помощи, а трудились бы по своимъ силамъ, шили бы, вязали бы на себя и на свое пропитаніе, и окупали бы, мало-по-малу, затраченный на нихъ капиталъ. Разумѣется, тутъ о выгодахъ собственно *для васъ* не можетъ быть и рѣчи, тутъ дѣло идетъ о затратахъ.

— Это, въ самомъ дѣлѣ, было бы хорошо,—сказала Катерина Ивановна.

Digitized by Google

— Не радуйтесь прежде времени,—промолвилъ Крючниковъ. — Для этого, во-первыхъ, нуженъ большой капиталъ, то-есть союзъ многихъ подобныхъ вамъ благотворительныхъ лицъ, во-вторыхъ, нужно, чтобы эти лица неусыпно наблюдали за ходомъ дѣлъ въ заведеніяхъ, были бы сами и писцами, и управляющими, и ревизорами, и надзирателями, и учителями, а для этого нужно начать работать, отказаться отъ доли лѣни, отъ доли разъѣздовъ по магазинамъ, по балламъ и театрамъ, но, прежде всего, еще нужно спросить себя: изъ *какихъ* денегъ будетъ производиться благотворительность? и честно отвѣтить на этотъ вопросъ. Ну, вотъ и на этомъ поприщѣ, гдѣ дѣло идетъ не о заработкѣ, а просто о полезномъ употребленіи денегъ, не о вѣчномъ самоотверженномъ трудѣ, а просто о нѣсколькихъ часахъ труда въ теченіе дня, вы останетесь съ однимъ желаніемъ добра и, можетъ-быть, слава Богу, потому что, взявшись за дѣло и передавъ его въ руки наемныхъ управляющихъ, вы только открыли бы новый путь для воровъ. А это случилось бы непремѣнно, такъ какъ вы можете бросить нищему лишній грошъ, вы и бросаете его, а работать для нищаго ни за что не станете. Вѣдь вамъ не подводитъ желудка отъ голода ближняго, вы не чувствуете боли по случаю его отмороженныхъ ногъ, вы не теряете зрѣнія отъ сорокалѣтняго шитья бѣдной бѣлошвейки.

— Я! я! отчего же это только *я* не страдаю, а *вы* страдаете страданіями ближняго? — раздражилась Катерина Ивановна.

— Да потому что они на моей собственной спинѣ отозвались,—просто и тихо отвѣтилъ Крючниковъ. — Когда я поголодалъ, поработалъ, проползъ по грязи до нѣкотораго довольства, такъ и узналъ, что̀ значатъ слова: голодъ, работа, грязь и всѣ подобныя прелести. Вотъ и фамилія моя происходитъ отъ стараго крючника Вавилы, засѣченнаго лѣтъ за сто по ошибкѣ чужимъ баріномъ. Вотъ, мой дѣдъ помнилъ про это событіе изъ жизни своего отца, такъ какъ онъ зналъ даже и то, что̀ значитъ быть засѣченнымъ по ошибкѣ... Ну, а вашъ дѣдъ понималъ это? Каждому, Катерина Ивановна, приходится играть на жизненномъ театрѣ свою роль и, повѣрьте, что горничная въ роли герцогини такъ же будетъ смѣшна, какъ герцогиня въ роли горничной. Поймите, что тутъ все дѣло зависитъ не отъ различія сословій, не отъ степени ума, а просто отъ случая, отъ воспитанія, отъ различныхъ впечатлѣній, подъ вліяніемъ

Digitized by Google

которыхъ воспитывались вы и я... Вы, можетъ-быть, скажете, что хорошо было бы, если бы не было ни горничныхъ, ни герцогинь, а были бы просто люди... Но... но объ этомъ я могу не говорить съ вами. Лично *вамъ* разрѣшеніе этого вопроса не принесетъ пользы...

Катерина Ивановна молчала. Крючниковъ неторопливо ушелъ въ комнату ея брата.

— Прекрасно сдѣлали, что пришли, — сказалъ, какъ-то особенно егозившій и конфузившійся въ этотъ день Иванъ Ивановичъ, при появленіи въ его кабинетѣ Крючникова.— Мнѣ нужно было посовѣтоваться съ вами насчетъ одной статьи.

Крючниковъ пристально смотрѣлъ на Пащенко и, ничего не отвѣчая на его слова, спросилъ твердымъ голосомъ:

— Это ваша сестра просила васъ пригласить меня сегодня сюда?

Иванъ Ивановичъ покраснѣлъ до ушей и отвернулся въ сторону. Хитрить и лгать было невозможно.

— Да,—тихо проговорилъ онъ.

— Понимаете ли вы, что вы дѣлаете, я не говорю о себѣ, но съ нею!—еще пристальнѣе, еще тверже посмотрѣлъ Крючниковъ на Пащенко. — Понимаете ли вы, что вы помогаете ей гибнуть?

— Да вы любите ее? — обернулся Иванъ Ивановичъ къ Крючникову съ вопросомъ.

— Да, люблю,—твердо отвѣтилъ тотъ.—Ну, что-жъ изъ этого? Мало ли кого я могу любить...

Настало нѣсколько минутъ молчанія. Иванъ Ивановичъ пріискивалъ какихъ-то успокоительныхъ и обнадеживающихъ фразъ въ своемъ умѣ, склонномъ вообще къ резонерству; но въ немъ не находилось ничего, кромѣ хаоса страшныхъ мыслей и картинъ.

— Какое безысходное положеніе! — вырвалось восклицаніе у хозяина.

— Объ этомъ надо было подумать прежде,—безжалостно отвѣтилъ Крючниковъ.—Вы видѣли, что я избѣгалъ разговоровъ съ нею, что я старался, иногда кривя душою, показать ей въ черномъ свѣтѣ ея будущность, ту будущность, о которой она мечтала, а не ту, которую ей подготовила судьба. Ей тяжело жить въ той средѣ, гдѣ она живетъ теперь, но вѣдь тутъ, по крайней мѣрѣ, есть хлѣбъ, довольство, даже богатство, а если она могла бы по какимъ-

Digitized by Google

либо обстоятельствамъ сойтись со мною, то ей было бы еще тяжелѣе, мы были бы нищими...

— Отчего же нищими?—возразилъ Иванъ Ивановичъ и увлекся какими-то смутными надеждами, которыми всегда такъ богато воображеніе людей, никогда не испытавшихъ ни нужды, ни лишеній. — Вы, Крючниковъ, вотъ теперь даете даромъ ежедневные уроки въ разныхъ школахъ, убиваете безвозмездно время на обученіе бѣдныхъ дѣтей, но если бы вы сошлись съ сестрою, вы могли бы оставить эти занятія и учить за деньги; выгодные уроки явятся.

— То-есть для своего и ея счастія я долженъ пожертвовать долею счастія десятковъ людей? — спросилъ Крючниковъ.

— Зачѣмъ жертвовать этимъ,—возразилъ Пащенко.—Мы общими силами замѣнили бы васъ, чтобы ваши ученики не потеряли возможности обучаться даромъ.

— Вы думаете, что у васъ и у моихъ друзей нашлось бы на это время?—спросилъ Крючниковъ.

— Конечно. Что̀ значитъ для каждаго изъ насъ пожертвовать на это два, три часа въ недѣлю?

— Зачѣмъ же вы не употребляете эти два, три часа на доброе дѣло и теперь? Или вы думаете, что въ Петербургѣ только мои ученики нуждаются въ безплатномъ обученіи? Кромѣ того, вы понимаете, что если одинъ для личнаго счастья броситъ честное дѣло, то и другой, и третій оставятъ его тоже.

— Что вы это, Мальтуса, что ли, оправдываете? запрещаете бѣднякамъ наслаждаться семейнымъ счастьемъ?—разсердился Пащенко.

— Правила Мальтуса безчеловѣчны, какъ правила. Но если никто изъ насъ не станетъ жертвовать собою, то едва ли дѣло пойдетъ впередъ. Это, впрочемъ, и жертвой нельзя назвать. Если бы я бросилъ ту работу, которую считаю полезной и честной, то вѣдь я не былъ бы счастливъ. Вы знаете, что̀ было бы, если бы я сошелся съ вашей сестрой. Оба мы не обезпечены, придется намъ терпѣть нужду; трудиться она еще не умѣетъ, можетъ-быть, она и полюбила-то меня только потому, что вы и ваша жена рисовали меня передъ нею какимъ-то героемъ. Вы знаете, что я далеко не герой. Она даже не замѣтитъ въ моей дѣятельности ничего особеннаго, когда увидитъ, что я такъ же, какъ и другіе, бѣгаю по урокамъ за какой-нибудь рубль. Можетъ-быть, за минутной вспышкой послѣдуетъ разочарованіе.

Digitized by Google

— Ну, вѣдь волка бояться, такъ и въ лѣсъ не ходить!— воскликнулъ Иванъ Ивановичъ, не раздумывая серьезно о дѣлѣ и только предаваясь своимъ мечтамъ. — Этакъ ни на комъ жениться нельзя.

— Вы ошибаетесь,—серьезно замѣтилъ Крючниковъ.— Тутъ дѣло идетъ, во-первыхъ, не о женитьбѣ. При живомъ мужѣ замужъ она не выйдетъ. Тутъ дѣло въ томъ, что достаточно ли она знаетъ меня, достаточно ли она закалена для того, чтобы наша связь оправдалась въ глазахъ людей и въ нашихъ глазахъ хотя своею прочностью. Иначе это будетъ простой капризъ, развратъ. Мы стоимъ на виду; разойдись она со мною черезъ годъ, и общество забросаетъ насъ грязью.

— Кого оно не забрасываетъ грязью! Чего вы боитесь?— рѣзко проговорилъ Пащенко.

— *Я* ничего не боюсь,—отвѣтилъ Крючниковъ.—Но вы, я думаю, знаете, что, встрѣчая Кравцева пьянымъ, общество кричитъ: «вонъ, всѣ они пьяницы!» Какъ вы думаете, что закричитъ общество, увидѣвъ, что изъ-за Крючникова жена бросила мужа, а потомъ бросила и его самого, Крючникова? *Меня* будетъ ругать общество или будетъ оно кричать: «вотъ, всѣ они таковы развиватели!..» Что же, за *себя* я боюсь, или за кого-нибудь другого, или, лучше сказать, за что-нибудь другое?

Пащенко наклонилъ голову и сталъ упорно разсматривать какую-то бумагу, но сознаться, что всѣ его планы насчетъ союза его сестры и Крючникова несостоятельны, не могъ даже передъ собою, и въ душѣ обвинялъ своего пріятеля за сухость сердца. Это обвиненіе постоянно высказывается избалованными судьбою людьми тѣмъ, кто осмѣливается высказывать имъ, что въ жизни не все идетъ какъ по маслу, что могутъ встрѣчаться и препятствія.

— Довольно,—заговорилъ опять Крючниковъ:—въ нашихъ кружкахъ вертѣлось подлецовъ, повторявшихъ либеральныя фразы. Теперь онѣ такъ опошлились, что ихъ произносить стыдно, но каждый истинно-честный человѣкъ долженъ дѣломъ доказывать возможность осуществленія честныхъ идей. Теперь только наша жизнь, наше поведеніе, наша честность могутъ произвести какое-нибудь благое вліяніе на ближнихъ, а слова, фразы, теперь ими и дуракъ не увлечется. Всѣ знаютъ, что проповѣдующіе воду всегда пили вино...

Пащенко все молчалъ.

Digitized by Google

— Вы говорили, что, вѣчно боясь ошибиться, никому и жениться нельзя,—продолжалъ Крючниковъ.—Но боялись ли вы ошибиться въ своей женѣ? Боялись ли вы, что она броситъ васъ черезъ годъ? Скажите же мнѣ, могу ли и я не сомнѣваться за Катерину Ивановну?

Иванъ Ивановичъ молчалъ. Крючниковъ тихо, въ раздумьи, ходилъ по комнатѣ. Его лицо было блѣдно.

— Что же дѣлать?—спросилъ, наконецъ, Пащенко.

— Дѣлайте все, что можетъ замарать меня въ ея глазахъ,—совсѣмъ холодно отвѣтилъ Крючниковъ.

— То-есть, пускай гибнетъ человѣкъ, лишь бы идея была спасена!—воскликнулъ Пащенко.

— Что-жъ, если бы и такъ,—спросилъ Крючниковъ. — Скажу даже больше: пусть гибнутъ люди, но только бы спасались идеи!.. Но вы ошибаетесь въ одномъ. Вы хотите сказать, что я гублю хорошаго человѣка ради торжества идеи, что этотъ человѣкъ могъ бы самъ помогать утвержденію этой идеи въ обществѣ... Это неправда. Если Катерина Ивановна хорошій человѣкъ, если она искренно ненавидитъ свою жизнь за ея мерзости, а не за отсутствіе въ этой жизни моего смазливаго лица, то она выйдетъ на дорогу и безъ моей помощи. Моя помощь тутъ принесетъ только вредъ; тутъ будетъ не развитіе, а наслажденіе минутами любви... Богъ съ ней, съ любовью, теперь не такое время...

Отъ Крючникова вѣяло холодомъ. На его лицѣ не было и признака того, что онъ испытываетъ мучительную боль. Иванъ Ивановичъ посмотрѣлъ на него и съ непріязненнымъ чувствомъ сказалъ:

— Вы говорите правду, но сестру вы не любите.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Крючниковъ и, холодно пожавъ руку Пащенко, вышелъ.

Между этими людьми открылась пропасть. Еще за часъ они стояли дружно на одномъ берегу, теперь они были уже на разныхъ берегахъ. Пащенко озлобленно думалъ: «Что же будетъ, если каждый изъ насъ такого гражданина будетъ разыгрывать? Все въ жертву идеѣ, дѣлу, и какое это дѣло, удастся ли что-нибудь сдѣлать на пользу ближнимъ, и велика ли потеря для дѣла, если убудетъ однимъ человѣкомъ!..» Крючниковъ не предавался никакимъ думамъ и мечтамъ, но, повидимому, совершенно спокойно проработалъ вечеръ и часовъ въ десять пошелъ къ Кравцеву. Кравцевъ попался ему въ воротахъ своего дома.

— Куда ты?—спросилъ Крючниковъ.

Digitized by Google

— Въ трактиръ,—отвѣтилъ Кравцевъ. — Деньжонки получилъ.

— Выпить захотѣлось?

— Да.

— Ну, пойдемъ вмѣстѣ.

Кравцевъ посмотрѣлъ на Крючникова и удивился.

— Что ты пить будешь?—спросилъ онъ.

— Рюмку выпью,—отвѣтилъ Крючниковъ. — Да я не за тѣмъ иду, а просто съ тобой хочется побыть, чтобъ одному дома не оставаться.

— Ну, такъ знаешь ли что?—сказалъ Кравцевъ.—Тамъ я вѣдь пьянъ напьюсь, а мы лучше домой пойдемъ, тамъ братишка сидитъ, и втроемъ проведемъ время. Оно тебѣ веселѣе будетъ. Не хорошъ ты, парень, сегодня.

Крючниковъ дѣйствительно былъ «не хорошъ» въ этотъ вечеръ. Онъ осунулся и былъ желтъ; эти перемѣны случаются съ нервными людьми совершенно внезапно.

XVII.

Бѣда не приходитъ одна. Это изреченіе вполнѣ справедливо. Каждый человѣкъ, который съ любовью слѣдилъ зоркимъ взоромъ за жизнью своихъ ближнихъ, знаетъ, что въ жизни людей повторяются періоды, когда одна бѣда ведетъ за собою сотни другихъ несчастій. Какой-нибудь бѣднякъ лишится мѣста, терпитъ нужду, а тутъ-то и явятся молчавшіе до этой поры кредиторы-мучители, жена не вынесетъ лишеній и сляжетъ въ постель, безъ ея материнскаго глаза захвораетъ ребенокъ, болѣзнь кончится его смертью; лѣкарства, потеря сына, похороны, уплата долговъ и новые долги, все это идетъ одно за другимъ, и человѣкъ начинаетъ терять голову; въ эти минуты всего легче сдѣлаться пьяницей или самоубійцей. Такое время настало для Катерины Ивановны. Она отказалась отъ знакомства съ графомъ Баугрилле. Это вызвало разрывъ съ мужемъ и стремленіе сойтись для совѣщаній съ лучшимъ изъ видѣнныхъ ею людей. Но поклоненіе какой бы то ни было молодой личности со стороны другой такой же молодой личности близко граничитъ съ любовью—и вотъ Катерина Ивановна со страхомъ, съ замираніемъ въ сердцѣ почувствовала, что она любитъ Крючникова, что она впервые понимаетъ, что такое любовь. Страданіямъ не было конца. Послѣ каждой новой сцены съ мужемъ, молодая женщина стремилась свидѣться съ Крючниковымъ. Но онъ не являлся: то говорили, что онъ нездо-

Digitized by Google

ровъ, то разсказывали, что онъ занятъ, и молодая женщина проводила безсонныя ночи, размышляя, какъ бы устроить свою судьбу; нерѣдко она сознавалась себѣ, что Крючниковъ не можетъ сойтись съ ней, и тогда еще страшнѣе казалось ей будущее. Что дѣлать? Переживая дни одиночества, не являясь въ обществѣ, она часто боялась за свой умъ. Дѣйствительно, если не умъ, то здоровье могло бы не выдержать мученій этихъ дней, но въ такіе дни нерѣдко являются на выручку совершенно постороннія обстоятельства, отвлекающія человѣка отъ его idée fixe и дающія ему возможность забыться и успокоиться. Такъ было спасено и здоровье Катерины Ивановны. Старуха, мать Виктора Владиміровича, какъ знаетъ читатель, жаловалась постоянно на болѣзнь ногъ; но не ноги, а старость, сидячая жизнь, да любовь плотно покушать грозили опасностью ея жизни. Въ одинъ прекрасный день старуха слегла въ постель. Болѣзнь тянулась долго, докторъ прописывалъ лѣкарства, запрещалъ ѣсть кислое и соленое, старуха лѣкарства выливала по большей части прочь, а кислое и соленое ѣла въ избыткѣ. При такой системѣ лѣченія, противъ всякаго ожиданія, болѣзнь сдѣлалась неизлѣчимой. Какъ ни странно было это обстоятельство, но пришлось помириться съ нимъ и позвать священника... Катерина Ивановна не чувствовала ни любви, ни отвращенія къ старухѣ и глядѣла на нее, какъ на неизбѣжную мебель. Въ послѣднія минуты жизни этой лишней спицы въ колесницѣ ближнихъ, молодая женщина ухаживала за нею, и чѣмъ опаснѣе становилась болѣзнь, тѣмъ болѣе успокоивалась Катерина Ивановна относительно своихъ думъ; она отдалась заботамъ о другомъ существѣ и забыла на время себя.

— Витя, насчетъ похоронъ не заботься,—съ одышкой говорила старуха сыну. — Я всѣмъ распорядилась... Я, ты знаешь, управляла у батюшки конторой...

Старуха смолкла на минуту, точно боясь, что сынъ запретитъ ей говорить объ управленіи конторой, но сынъ молчалъ и слушалъ.

— Ну, и привыкла дѣло дѣлать, не безпокоить другихъ,— продолжала старуха прерывающимся голосомъ.—Только, вотъ, въ послѣдніе-то годы я у тебя, голубчика моего, на шеѣ сидѣла, ноги меня сгубили, дѣла дѣлать не могла... А то я всѣмъ распорядилась...

Старуха снова замолчала, ея лицо сдѣлалось какимъ-то сѣрымъ, почти такой цвѣтъ имѣетъ сильно пересохшая

Digitized by Google

земля, глаза потухли, только по губамъ пробѣгала какая-то неясная улыбка, видно было, что въ головѣ умирающей еще вертятся какія-то утѣшительныя мысли.

— Бывало архимандритъ-то Ѳеодосій... Хи-хи-хи!—вдругъ засмѣялась старуха какимъ-то смѣхомъ дѣтскимъ и слабо махнула рукой, не договоривъ своей мысли, озарившей ея закатъ какимъ-то успокоительнымъ свѣтомъ. Такъ иногда заходящее за облаками солнце лѣтняго дня вдругъ прорвется какимъ-то одинокимъ лучомъ сквозь тучи и, прежде чѣмъ вы успѣете уловить этотъ лучъ, померкнетъ — день конченъ.

Викторъ Владиміровичъ еще слушалъ, еще ждалъ чего-то, но продолженія рѣчи не было, передъ сыномъ лежалъ трупъ старухи-матери, а около ея глазъ бродили мухи...

— Надо распорядиться,—встрепенулся Благово, осѣняясь крестнымъ знаменіемъ:—гдѣ ключи?

Катерина Ивановна задумчиво смотрѣла на трупъ и не слыхала вопроса. Благово пожалъ плечами и обратился къ горничной:

— Ключи отъ сундука и комодовъ гдѣ?

— Подъ подушкой у барыни,—отвѣтила горничная.

— Подайте же ихъ сюда,—обратился онъ къ женѣ.

— Что?—очнулась она.

— Ключи отъ сундука и комодовъ.

— Ихъ у меня нѣтъ.

— Да, вѣдь, она же говоритъ, что у васъ подъ подушкой,—указалъ Благово на горничную.

— Не у нихъ-съ,—вмѣшалась горничная:—а вотъ у барыни,—указала она на мертвое тѣло.

Благово смутился. Онъ никакъ не думалъ, чтобы трупъ могъ быть барыней. Горничная подала ему ключи. Пришли женщины для обмыванія. Катерина Ивановна не трогалась съ мѣста. Передъ ея глазами впервые умеръ человѣкъ. Какъ это просто. И между тѣмъ, какая это роковая минута! Трупъ одѣли и вынесли въ другую комнату на сдвинутые столы, покрытые простыней. Викторъ Владиміровичъ остался одинъ въ комнатѣ и открылъ сундукъ. Тамъ лежало пожелтѣвшее отъ времени бѣлое атласное платье, пожелтѣвшій бѣлый блондовый вуаль, сшитый въ видѣ савана, и по ненадѣванной, но тоже пожелтѣвшей, парѣ каждой изъ принадлежностей женскаго бѣлья. Около этихъ вещей лежалъ пакетъ съ надписью: «Деньги на мои похороны». Въ пакетѣ лежали ветхія ассигнаціи и роспись, гдѣ зна-

Digitized by Google

чилось, сколько дать попу, читальщику и гробовщику, да было прибавлено: «А хоронить меня въ подвенешномъ платье и бѣлье есть».

Викторъ Владиміровичъ сидѣлъ и читалъ эти безграмотныя строки, а минуты бѣжали за минутами и пробѣжало ихъ много...

— Что же такое? Насмѣшка? Глупость?

— Надо послать за читальщикомъ, распорядиться всѣмъ,— сказала Катерина Ивановна, войдя въ комнату.

— Да-съ!—злобно откликнулся онъ.—Надо, надо! Вездѣ, гдѣ что-нибудь надо, тамъ будь я, тамъ вы въ сторонѣ. Вамъ бы сентиментальничать, изъ комнаты въ комнату ходить, картинками любоваться! Погодите, скоро не придется сложа руки сидѣть, нищею будете!..

Катерина Ивановна съ нѣмымъ изумленіемъ глядѣла на мужа: онъ былъ зеленъ.

— Что это?—спросила какъ-то безсознательно Катерина Ивановна, увидавъ приведенные въ безпорядокъ блонды и атласъ, лежавшіе въ сундукѣ.

— Что вы, ослѣпли развѣ?—злобно проговорилъ Викторъ Владиміровичъ.—Саванъ!

Катерина Ивановна испугалась тона, которымъ произнеслось это слово: «Саванъ!» Она поняла все, хотя Викторъ Владиміровичъ не объяснялъ ничего и даже злился потомъ на себя и за тѣ немногія слова, которыя вырвались у него въ пылу негодованія. Онъ сердился бы на себя еще болѣе за нихъ, если бы зналъ, что его жена ходила до часу ночи по комнатѣ и все думала только объ этихъ немногихъ словахъ, высказанныхъ имъ.

— И этотъ человѣкъ мой мужъ, и для этого-то человѣка я должна жить!—восклицала вслухъ Катерина Ивановна и въ горькомъ раздумьи качала головой...

Кончились похороны, прошло еще нѣсколько дней, прошло еще нѣсколько тяжелыхъ, безобразныхъ сценъ между мужемъ и женою.

— Мы скоро будемъ нищими,—говорилъ, между прочимъ, Викторъ Владиміровичъ женѣ.—Для кого я разорялся, входилъ въ долги? Для васъ. Вамъ хотѣлось танцовать на балахъ, вамъ нужны были ложи въ театрѣ, вы ласкали меня, выпрашивая обновки. Вы не думали тогда, изъ какихъ средствъ это дѣлается. Я зналъ правду, я зналъ, что я дѣлаю долги, но я думалъ, что мнѣ повезетъ по службѣ, какъ

Digitized by Google

везло всегда прежде; везло бы и теперь, я расквитался бы съ кредиторами. Долгъ не безчестье; должая и надѣясь отдать, я былъ чистъ. Но вы порвали мои связи съ людьми, вы озлобили этихъ людей противъ меня, и они подставляютъ мнѣ ноги. Вы знаете ли, что меня могутъ отдать подъ судъ? Шли бы въ монастырь, если не умѣете жить съ людьми. Свѣтъ не Аркадія! Говорю вамъ: шли бы въ монастырь.

Катерина Ивановна молчала... Тяжелые дни продолжались. Тупая боль давила грудь. Умъ требовалъ отдыха. Оставаться въ этомъ положеніи было невозможно. Это сознавала молодая женщина вполнѣ, и въ одинъ изъ самыхъ мучительныхъ вечеровъ рѣшилась на что-то...

Будуаръ Катерины Ивановны былъ погруженъ въ фантастическій полусвѣтъ. Въ каминѣ догорали красноватымъ пламенемъ остатки дровъ, на письменномъ роскошномъ столѣ горѣла лампа съ матовымъ шаромъ, на полу рисовались затѣйливые узоры тропическихъ растеній, окружавшихъ этотъ столъ, тяжелыя драпри у оконъ и дверей широкими складками опускались до полу и придавали богатой комнатѣ какой-то мрачный видъ. Казалось, что онѣ повѣшены въ этой дорогой тюрьмѣ, чтобы ловчѣе скрывать шпіоновъ. Катерина Ивановна сидѣла у стола и писала письмо. Писаніе продолжалось около часа, по временамъ встревоженная женщина съ болѣзненнымъ выраженіемъ сжимала руками свою пылавшую голову, иногда поспѣшно отирала слезу, набѣжавшую на глаза, или боязливо прислушивалась къ звуку шаговъ въ сосѣдней комнатѣ, прятала подъ книгу письмо и дѣлала видъ, что она читаетъ, и черезъ нѣсколько минутъ, убѣдившись, что по той комнатѣ безцѣльно бродитъ кто-нибудь изъ домашнихъ соглядатаевъ-лакеевъ и горничныхъ, снова принималась писать. Наконецъ, письмо было окончено; она торопливо начала перечитывать его, перебѣгая глазами нѣкоторыя строки и пропуская другія. «Я знаю,— читала она отрывки письма:—что вамъ нѣтъ расчета взять меня къ себѣ, но ради Бога, нѣтъ! ради моей любви къ вамъ, спасите меня, я гибну!.. Можетъ-быть, я не стою спасенія, я сама никого никогда не спасала, но развѣ я виновата, что меня не учили спасать ближнихъ и заботиться о нихъ. Развѣ возможно, чтобы обрекали гибели и казнили человѣка только за то, что его не научили быть полезнымъ?.. Вы не таковы; я знаю, хоть вы и скрываете это, что вы добрый, мягкій человѣкъ, готовый жертвовать

Digitized by Google

и жертвующій собою для ближнихъ, что подъ внѣшнею суровостью и сухостью въ васъ таится нѣжное сердце. Спасите же ту, которая васъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ... Я не требую отъ васъ ничего, я буду для васъ всѣмъ, чѣмъ вы мнѣ велите быть, только избавьте меня отъ настоящей жизни, праздной, вредной, ведущей къ паденію... Охъ, какъ мнѣ тяжело, если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело! Поймите, что я вѣдь молодая еще, что я не привыкла къ этому омуту!» Катерина Ивановна разгоралась все болѣе и болѣе, перечитывая эти строки, и ей казалось, что она не высказала всего того, что̀ нужно было высказать; новыя мольбы, новыя мысли тѣснились въ голову, вихремъ крутились въ ней, жгли ея мозгъ. «Нѣтъ, нѣтъ, это не то!»—воскликнула она и, скомкавъ письмо, бросила его въ каминъ.—«Я должна его видѣть, должна говорить съ нимъ. Господи! Помоги мнѣ». Она подошла къ углу, гдѣ висѣлъ едва замѣтный днемъ, а теперь совсѣмъ скрывшійся во мракѣ образокъ Спасителя и, бросившись на колѣна, припала лицомъ къ ковру. Бѣдная, она не знала, о чемъ она молилась, да и не молитвы были ей нужны въ сущности, а просто возможность у чьихъ-нибудь ногъ выплакать свою душу, и если бы въ эту минуту явился тотъ неизвѣстный, къ кому она писала, то она прильнула бы къ его ногамъ, и у нихъ, можетъ-быть, вымолила бы себѣ спасенье... Навѣрно вымолила бы! Бываютъ минуты, когда ни одинъ человѣкъ не устоитъ передъ голосомъ, кричащимъ у его ногъ: спаси!—и, губя самого себя, свое любимое дѣло, цѣлый кружокъ людей, не видя ничего кругомъ, бросится онъ на помощь погибающему. Въ такія минуты изъ людей дѣлаются герои... Ну, а что̀ въ будущемъ у героевъ?..

XVIII.

Крючниковъ задумчиво ходилъ по своей бѣдно убранной комнатѣ скорой походкой и изрѣдка разминалъ лѣвой рукой правую, затекшую отъ четырехчасового, безостановочнаго писанья. Его лицо, по обыкновенію, было строго, серьезно и даже сурово, губы изрѣдка шевелились, брови сжимались, нервы, повидимому, не устояли подъ ударами горькой жизни и разстроились. Проходя мимо заваленнаго книгами стола, онъ мелькомъ взглядывалъ на исписанную бумагу, какъ будто напряженно стараясь не упустить изъ памяти ни одной написанной тамъ буквы. Видно было, что какъ только

Digitized by Google

его рука будетъ въ состояніи держать перо, такъ онъ тотчасъ же примется снова за работу. Такъ прошло съ полчаса. Вдругъ у дверей комнаты послышался робкій стукъ. Крючниковъ сердито нахмурилъ брови и раздраженнымъ голосомъ пригласилъ несвоевременнаго посѣтителя войти. Дверь отворилась. Крючниковъ отшатнулся назадъ, точно передъ нимъ стояло привидѣніе.

— Извините, можетъ-быть, я поступила опрометчиво, но мнѣ нужно было видѣть васъ, поговорить съ вами,—произнесъ прерывающійся, смущенный голосъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ Крючниковъ, овладѣвъ въ минуту собою.

Ни онъ, ни Катерина Ивановна, такъ какъ это была она, не думали здороваться, такъ странно было для обоихъ это свиданіе.

— Позвольте мнѣ присѣсть.

Катерина Ивановна поискала глазами мѣста. Въ комнатѣ былъ только одинъ стулъ, стоявшій у письменнаго стола, и кровать, стоявшая въ углу. Крючниковъ молча подвинулъ стулъ и прислонился къ стѣнѣ.

— Я, кажется, не вѳ-время пришла, вы работали... Можетъ-быть, въ другое время...—въ смущеніи начала она и не кончила.

Крючниковъ кусалъ ногти и исподлобья смотрѣлъ на нее. Выраженіе мýки придавало еще болѣе прелести ея лицу.

— Я все не то говорю!—съ мучительной улыбкой заговорила она снова.—Вѣдь вы и всегда работаете, васъ не застанешь безъ дѣла, ни разу не видѣла я васъ, чтобы вы не торопились къ работѣ...

Лицо Крючникова передернулось отъ нетерпѣнія, но говорить онъ не могъ, словно боялся чего-то. Выраженіе нетерпѣнія не ускользнуло отъ Катерины Ивановны и немного раздражило ея измученную душу.

— Извините,—сказала она со своей обычной невольной ироніей, отзывавшейся болью:—я, можетъ-быть, отнимаю у міра нѣсколько геніальныхъ страницъ, но простите эгоистку, ей нужна ваша помощь.

Крючниковъ вспыхнулъ.

— Не знаю, что вы отнимаете у міра, но у меня вы отнимаете часть поденнаго заработка безъ всякой пользы для себя,—сухо произнесъ онъ.

Эти слова были холодною водою для Катерины Ивановны; она какъ бы очнулась отъ тяжелаго сна и вдругъ

Digitized by Google

вспомнила и то, за чѣмъ пришла, и то, что нужно говорить.

— Я такъ давно не видала васъ, въ это время я пережила то, чего не переживала во всю жизнь. Мое существо разбито, у меня здороваго мѣста нѣтъ. Мнѣ нужны ваши совѣты, ваша помощь.

Крючникову почему-то пришло въ голову, что мужъ Катерины Ивановны попался подъ судъ. Выраженіе смутной радости скользнуло по его лицу.

— Съ вашимъ мужемъ что-нибудь сдѣлалось?—торопливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Что можетъ сдѣлаться съ подобными людьми!— съ отвращеніемъ и ненавистью воскликнула она

— Такъ что же?

Катерина Ивановна начала съ жаромъ передавать всю исторію своей семейной жизни, своихъ разочарованій, своего неумѣнья выйти безъ чужой помощи изъ настоящаго положенія. Ея рѣчь была желчною, горькою, въ ней слышалась не шуточная раздражительность капризнаго ребенка, но горькая ненависть честной женщины, сознавшей гнусность своего безполезнаго существованія, ведущаго къ гибели. Лицо молодой женщины было еще прекраснѣе, чѣмъ оно было всегда, оно горѣло, глаза сверкали, и въ нихъ было что-то не молящее, но повелительное, строптивое, требующее отвѣта.

— Да, вы стоите на засоренной дорогѣ, — произнесъ Крючниковъ.

— Но развѣ я виновата?—перебила его Катерина Ивановна.

— Кто-жъ васъ обвиняетъ? Тутъ виноваты случай и другіе люди. Но вамъ отъ этого не легче.

— Гдѣ же исходъ?

— Исходъ,—задумчиво началъ Крючниковъ, обдумывая что-то.

— Да, да, исходъ! — снова перебила Катерина Ивановна.—Мнѣ невыносима эта жизнь. Я чувствую, что можно жить лучше, честнѣе. Мнѣ стыдно рядиться въ эти тряпки, купленныя въ долгъ, мнѣ отвратительно жить съ моимъ мужемъ, котораго я презираю, какъ презираютъ его честные люди даже въ его кружкѣ, мнѣ больно...

Катерина Ивановна замолчала на минуту, потомъ почти шопотомъ произнесла:

Digitized by Google

— Мнѣ больно, что *вы* и подобные вамъ люди смотрятъ на меня съ презрѣніемъ.

— Кто вамъ сказалъ, что я васъ презираю?—вырвалось у Крючникова невольное восклицаніе.

— Ну да, я не такъ выразилась, вы смотрите на меня съ состраданіемъ, какъ на идіота, какъ на раба... Послушайте, что̀ тутъ хитрить, меня рѣжетъ по сердцу это состраданіе, я васъ...

Крючниковъ не далъ ей кончить фразу. Онъ, кажется, угадалъ недосказанное слово и испугался его. Онъ тихо отодвинулся отъ стѣны, пожалъ руку Катерины Ивановны и началъ серьезнымъ голосомъ:

— Я все знаю; ваше положеніе ужасно, но чѣмъ же я могу помочь вамъ, кромѣ своего состраданія? Вы попали подъ колесо переходного времени, оно раздавило ваши кости, измучило вашъ умъ, оставивъ вамъ жизнь... Чѣмъ же тутъ пособить? Поѣзжайте года на два въ деревню, поживите тамъ, отдохните, попробуйте поучить крестьянскихъ дѣтей, привыкните къ этому труду...

— Нѣтъ, это не то! Ради моей любви къ вамъ, укажите мнѣ полный исходъ изъ этого положенія. Я еще хочу жить; понимаете ли вы, что я хочу теперь жить, честно, счастливо жить! Взгляните, я такъ молода; можетъ-быть, я и здѣсь привыкну къ труду, привыкну къ лишеніямъ!

Изъ глазъ Катерины Ивановны брызнули слезы.

Крючниковъ вздрогнулъ и снова прислонился къ стѣнѣ, точно желая найти опору и подальше уйти отъ этой цвѣтущей молодостью и красотой женщины.

— Нѣтъ, Катерина Ивановна,—грустно сказалъ онъ:—скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается... Я человѣкъ простой, грубый, не учился красно говорить и потому мое слово рѣзко... Вы меня любите, но это не научитъ васъ ни въ недѣлю, ни въ мѣсяцъ, ни въ годъ зарабатывать насущный хлѣбъ, а я едва могу прокормить себя и своихъ родныхъ.

— Такъ я ошиблась, вы мнѣ никогда не сочувствовали!—сжимая брови, произнесла Катерина Ивановна.—Вы боитесь, что я отниму лишній кусокъ хлѣба у васъ и вашихъ родныхъ.

— Боюсь,—отвѣтилъ Крючниковъ.—Мы не дѣти и не въ воздушныхъ замкахъ живемъ. Будемте судить хладнокровно и твердо.

Крючниковъ, сказавъ это, пріостановился: у него захва-

Digitized by Google

тывало дыханіе, и губы были сини. Кажется, въ эту минуту онъ былъ менѣе всего способенъ на хладнокровное обсужденіе дѣла.

— Вы ненавидите свое положеніе, но въ то же время вы хотите вырваться изъ него *только черезъ меня,*—продолжалъ онъ удушливымъ голосомъ.—Значитъ, вы любите меня, и любовь ко мнѣ играетъ немалую роль въ вашей рѣшимости... Вы видите возможность жить со мною... Теперь остается рѣшить, что̀ сильнѣе подталкиваетъ васъ на другой путь: ненависть ли ваша къ образу вашей жизни или любовь ко мнѣ. Если только любовь ко мнѣ, то вы не вынесете жизни со мною.

Крючниковъ оперся рукой о столъ, его колѣни подгибались.

— Да, вы не вынесете этой жизни,—продолжалъ онъ.—Нужды вы не видали и не знаете, что̀ она значитъ. Вы молоды, вы вѣрите въ свои силы; но, вѣрьте мнѣ, Катерина Ивановна, съ нуждой бороться у васъ, можетъ-быть, не станетъ силъ. Къ ней надо привыкнуть съ пеленъ, подъ ея ударами нужно окрѣпнуть съ дѣтства, чтобы имѣть возможность переносить ее потомъ... Передъ ней не устоитъ свѣжая, незнакомая съ ней сила, подъ ея проклятыми ударами эта сила сломится и скажетъ: лучше подлость, лучше безчестье, чѣмъ нужда.

Крючниковъ махнулъ рукой.

— Недаромъ я толкался по свѣту, я это все знаю; я сильнѣе васъ, а и мнѣ приходилось падать,—произнесъ онъ безнадежно.—Взгляните же, какъ я живу; что̀ ждетъ васъ у меня... Вы сказали, что я боюсь лишить своихъ родныхъ лишняго куска хлѣба, но знаете ли вы, что у нихъ нѣтъ лишнихъ кусковъ хлѣба?.. Я долженъ, между тѣмъ, кормить ихъ; общество не обязано заботиться о нихъ; оно и не заботится о нихъ, у него и безъ нихъ слишкомъ много нищихъ. А у васъ есть покуда кусокъ хлѣба; отнимая его у васъ и не имѣя возможности накормить васъ, я сдѣлалъ бы подлость, доставилъ бы обществу заботу о лишнемъ бѣднякѣ: вы ѣли бы кусокъ которой-нибудь изъ моихъ сестеръ, и она пошла бы по-міру...

— Боже мой, Боже мой!—воскликнула Катерина Ивановна, не замѣчая выраженія лица Крючникова.—Думала ли я, что можно такъ разсчитывать, когда васъ просятъ о спасеньи. Вы бросаете женщину на гибель изъ боязни, что, *можетъ-быть,* кому-нибудь недостанетъ отъ этого куска хлѣба!..

Digitized by Google

— Да-съ, изъ боязни, что недостанетъ куска хлѣба, что этотъ кусокъ придется воровать у другихъ людей, неповинныхъ въ томъ, что я вздумалъ себя потѣшить любовью, пороскошничать!

— Вамъ тѣшить себя любовью?.. Ха-ха-ха,— рыдающимъ голосомъ засмѣялась Катерина Ивановна.—Вы не понимаете, что значитъ любовь!.. По-вашему, по-новому, это волненіе въ крови, каплями разными можно отъ нея вылѣчиться, какъ говорила моя невѣстка... Оттого-то вы и играете сердцами женщинъ, увлекаете ихъ блестящими фразами, своей холодной честностью, своими...

Глаза Крючникова сверкнули гнѣвомъ, онъ вдругъ очнулся, такъ что Катерина Ивановна отшатнулась отъ него въ испугѣ.

— Вы лжете!—крикнулъ онъ, не владѣя собою.—Ни съ вами, ни съ одной женщиной вашего закала я не искалъ сближеній, никому никогда не говорилъ блестящихъ фразъ. Я поступаю такъ, чтобы мнѣ не въ чемъ было раскаиваться. Припомните все наше знакомство, я ни разу не подалъ вамъ надежды ни на что, ни на нашъ союзъ, ни на возможность для васъ какой-нибудь другой жизни. Что создало ваше воображеніе, въ томъ я не виноватъ... Скажите, чего вамъ нужно отъ меня, сударыня?

Катерина Ивановна не вынесла этого тона и зарыдала.

— Другъ мой, другъ мой, простите меня! Я слабая женщина... Я сама не знаю, что я говорю... Поймите, въ какомъ я положеніи... Дайте мнѣ совѣтъ, что мнѣ дѣлать, укажите мнѣ исходъ изъ моего положенія.

Катерина Ивановна схватила руку Крючникова и, прежде чѣмъ онъ опомнился, прильнула къ ней горячими губами. Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, хотѣлъ-было коснуться до нея рукою, но вдругъ отшатнулся и опустилъ голову.

— Для васъ нѣтъ исхода!—глухо прошепталъ онъ и отворотился въ сторону, чтобы скрыть свое лицо.

Дня черезъ четыре Крючниковъ, блѣдный и полубольной, сидѣлъ у окна, опершись на подоконникъ и опустивъ на руки голову. За стѣной, по обыкновенію, слышались звуки фортепіано, это сестра Крючникова давала урокъ какой-то ученицѣ; на улицѣ гремѣли проѣзжающіе экипажи, раздавалась брань мужиковъ; повторялись на разные лады крики разносчиковъ, визгъ шарманокъ, все это было обыкновенно, но страшно дѣйствовало на разстроенные нервы. Крючни-

Digitized by Google

ковъ то безцѣльно и безсознательно прислушивался къ уличному шуму, то ловилъ звуки музыки, и ему вспоминались другіе мотивы, другія сцены. Тысячи мыслей вихремъ кружились въ молодой головѣ, и напрасно старался Крючниковъ увѣрить себя, что это глупо, что это сентиментальничанье, что нужно быть твердымъ, напрасно онъ говорилъ себѣ, что и безъ любви можно прожить, что и самая любовь къ Катеринѣ Ивановнѣ вызвана двумя, тремя горячими фразами молодой женщины, да ея энергичнымъ, чуднымъ лицомъ, что и эта женщина, можетъ-быть, остынетъ, забудетъ его и примирится съ жизнью, съ мужемъ, что даже безчестно убиваться за нее, не имѣя ни силъ, ни права помочь ей или обѣщать помощь.

— Да вѣдь это человѣкъ убивается, живой человѣкъ!— проговорилъ онъ, наконецъ, почти вслухъ и зашагалъ по комнатѣ.

Новыя думы зароились въ головѣ, и шли онѣ рядомъ съ болѣзненной, мучительной тоской, и все росла и росла эта тоска. Впервые въ жизни онъ сознавалъ, что семья и бѣдность сковали его по рукамъ и ногамъ, впервые въ жизни онъ завидовалъ богачамъ. Кажется, если бы онъ былъ свободенъ, то онъ теперь ушелъ бы куда-нибудь далеко, далеко, чтобы забыть и разлюбить все, что теперь надрывало его сердце. «Вѣдь вотъ,—думалось ему:—какой-нибудь счастливый франтъ осмѣялъ бы меня и сказалъ бы, что я вѣрно не очень сильно люблю, если еще могу разсуждать. Онъ самъ, если бы полюбилъ, то и потѣшился бы любовью. Она погибла бы, можетъ-быть, да что же ему за дѣло до этого? Чувство любви было бы удовлетворено, это для нихъ главное. Только понятіе о свободѣ чувства они и успѣли выработать, благо это представляетъ имъ выгоду. Понимать любовь иначе они не умѣютъ. Да, можетъ-быть, я, и въ самомъ дѣлѣ, недостаточно люблю ее?»—спросилъ онъ себя и тутъ же ему вспомнилось, что уже не разъ, въ послѣднее время, совершались передъ его глазами подобныя драмы въ жизни знакомыхъ ему женщинъ, но онъ оставался тогда спокойнымъ, хладнокровнымъ зрителемъ, и только теперь оставило его всякое самообладаніе, всякая разсудительность.

— И что тамъ сестра разыгралась! Точно мелодрама съ музыкой,—обозлился онъ вдругъ и тутъ же подумалъ:—да вѣдь она и вчера, и третьяго дня, и во всѣ другіе дни играла, чего-жъ я взбаламутился?

Онъ сѣлъ за столъ, развернулъ книгу и началъ читать.

Digitized by Google

Чтеніе не шло впередъ, глаза пробѣгали между строкъ, мысль работала въ одномъ и томъ же направленіи, передъ глазами носился одинъ и тотъ же образъ прекрасной женщины, то смѣющейся, то плачущей, но всегда оживленной и кипящей молодыми силами.

— Да что же это я съ ума схожу, что ли?—вдругъ вскочилъ онъ со стула.—Ахъ, будь ты проклята, бѣдность! Молодость, свѣжесть, силы, разсудокъ, все, все гибнетъ!..

Онъ бросился на постель и уткнулся въ подушку. Уже не въ первый разъ въ эти дни приходилось ему засыпать, не раздѣваясь...

— Къ тебѣ письмо,—послышался голосъ надъ ухомъ Крючникова, когда онъ открылъ на другой день поутру глаза. Въ комнатѣ стояла его меньшая, тринадцатилѣтняя сестра. Она положила на столъ письмо и вышла вонъ.

Крючниковъ вскочилъ, распечаталъ пакетъ и сталъ читать: «Я ѣду на два года въ деревню учиться и учить дѣтей. Два года не вѣчность. Мы еще молоды». Крючниковъ читалъ и перечитывалъ эти строки, стоя на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ четыре дня тому назадъ, прислонившись къ той же стѣнѣ.

— Да! мы еще молоды,—проговорилъ онъ, опуская руки.

Въ немъ вдругъ закипѣла потребность работать, биться съ судьбою, чтобы въ теченіе двухъ лѣтъ подготовить счастливую будущность себѣ и той, которую онъ любилъ, которая самостоятельно, безъ помощи всякихъ спасителей, твердо шла на новую дорогу. Его умъ, не обладавшій никогда способностью мечтать, строилъ теперь разные планы, ему казалось совершенно естественнымъ, что въ эти два года Благово попадется подъ судъ или умретъ и уступитъ дорогу ихъ молодымъ силамъ. Посреди этихъ мечтаній передъ Крючниковымъ носился образъ энергичной и страстной женщины: всѣ считали эту женщину за самую хорошенькую, Крючниковъ думалъ теперь и вѣрилъ, что она будетъ черезъ два года самою сильною, самою честною, передъ ней онъ готовъ былъ стать на колѣни.

Вечеромъ въ тотъ же день онъ писалъ длинное письмо, вѣроятно, къ ней...

Digitized by Google

ВЪ РАЗБРОДЪ.

РОМАНЪ

въ 2-хъ частяхъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Радости и огорченія капитана Хлопко.

Капитанъ Хлопко жилъ со мною...

Впрочемъ, лучше я начну съ того времени, когда капитанъ Хлопко жилъ одинъ, а я совсѣмъ не имѣлъ счастія жить. Это было давно, слишкомъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Я не сталъ бы говорить о такой отдаленной онъ насъ эпохѣ, если бы исторія моей послѣдующей жизни была понятна безъ исторіи моего дѣтства, и если бы исторія моего дѣтства, въ свою очередь, была понятна безъ описанія личности капитана Хлопко.

Итакъ, начинаю сначала.

Мирное затишье жизни сорокалѣтняго холостяка, капитана Петра Акимовича Хлопко, было нарушено въ послѣдніе два года совершенно необычайными и, въ нѣкоторомъ родѣ, торжественными событіями. Они отчасти сбили добраго старика съ толку и съ ногъ. Въ эти два года онъ сталъ такъ рѣдко появляться на своемъ обычномъ мѣстѣ въ англійскомъ трактирѣ Бека среди холостяковъ-товарищей, что они махнули на него рукой, какъ на человѣка пропащаго, утратившаго способность поддерживать честь стараго флота и показывать молодежи, какъ умѣютъ наслаждаться жизнью старые моряки. Теперь и пирушки старыхъ моряковъ, и ихъ толки о преимуществѣ старыхъ судовъ передъ новыми, и насмѣшки надъ молодежью-кислятиной и бабьемъ, все это совершалось безъ капитана Хлопко. У него шла другая жизнь, явились другіе интересы. Флотъ и все флотское отошло куда-то не только на второй, а совсѣмъ на задній планъ, и не интересовало его, въ свою очередь не интересуясь и имъ самимъ. Утра-

Digitized by Google

тивъ связь съ собратьями по службѣ, онъ утратилъ и долю своихъ старыхъ привычекъ, пріобрѣтенныхъ чуть ли не въ теченіе двадцати пяти лѣтъ морской жизни. Такъ, напримѣръ, рѣдко находилъ онъ теперь удобную минуту, чтобы, по своему прежнему обычаю, сидя въ безмолвномъ созерцаніи, накуриться до горечи, до огорченія крѣпкою сигарою. Даже постоянный другъ и спутникъ капитана въ его земныхъ странствованіяхъ—стаканъ грога, похожій на добрую кружку, не всегда являлся теперь на капитанскомъ столѣ. Однимъ словомъ, капитанъ пошелъ въ разныя стороны и со старою жизнью, и со старыми пріятелями. А между тѣмъ онъ попрежнему любилъ и флотъ, и крѣпкія сигары, и грогъ. Но дѣло въ томъ, что нашлись люди, которыхъ капитанъ полюбилъ болѣе флота, крѣпкихъ сигаръ и грога, и которые совсѣмъ не любили этихъ трехъ друзей стараго холостяка. Капитанъ покорился своей участи: сначала отказался отъ плаванія, чтобы не покидать любимыхъ людей; потомъ вышелъ въ отставку, чтобы имѣть возможность постоянно быть съ любимыми людьми; далѣе сталъ рѣже курить крѣпкія сигары, чтобы не возбуждать головныхъ болей у любимыхъ людей, и, наконецъ, отсталъ почти отъ всего, съ чѣмъ свыкся въ двадцать пять лѣтъ. Сдѣлать иначе было невозможно, когда вся его жизнь перемѣнила теченіе, когда новая жизнь и старыя привычки не могли существовать рядомъ. Такъ не могутъ существовать рядомъ безкорыстіе бѣднаго служаки и его семья, состоящая изъ пяти, шести человѣкъ; бѣднякъ долженъ отказаться или отъ своего стараго честнаго друга—безкорыстія, или отъ своего новаго вѣчно алчущаго и жаждущаго товарища—семьи. Тѣмъ или другимъ нужно пожертвовать, съ тѣмъ или съ другимъ нужно идти въ разныя стороны, въ разбродъ. Такіе разрывы со старымъ нерѣдко встрѣчаются въ жизни и переносятся не легко. Но у капитана былъ ясный и спокойный умъ, была нѣжная и любящая душа. Если онъ чему-нибудь отдавался, то отдавался всецѣло, безъ сожалѣній, безъ раскаянья, какъ рыцарь, промѣнявшій шумные пиры своего прадѣдовскаго замка на трудное скитаніе и кровавыя битвы за освобожденіе Христова гроба. Въ капитанѣ было много этого рыцарскаго чувства. Вотъ почему и теперь онъ смотрѣлъ бодрымъ и веселымъ, освоившись вполнѣ съ своимъ новымъ положеніемъ. Положеніе же было вотъ какого рода: въ одинъ прекрасный день капитанъ вдругъ сдѣлался отцомъ семейства; черезъ полгода послѣ этого непредвидѣннаго событія онъ имѣлъ несча-

Digitized by Google

стіе потерять одного изъ своихъ дѣтей, а еще черезъ мѣсяцъ былъ обрадованъ появленіемъ на свѣтъ здоровяка-внука. Дѣла шли, какъ видите, немного быстро. Читатель, любящій скандалезныя сцены и событія, можетъ воздержаться отъ преждевременнаго восторга и не восклицать про милѣйшаго капитана: «А старикашка-то, видно, былъ не промахъ!» Капитанъ оставался попрежнему холостякомъ и отчасти до сихъ поръ чуждался слишкомъ близкихъ отношеній съ прекраснымъ поломъ. Причина неожиданныхъ событій въ его жизни была вовсе не скандалезная, а даже трогательная.

Въ теченіе пяти или шести лѣтъ капитанъ постоянно имѣлъ обыкновеніе, во время пребыванія на сушѣ, отправляться по воскреснымъ днямъ въ одинъ изъ петербургскихъ институтовъ. Нарядившись въ самый новый мундиръ, сидѣвшій на его угловатыхъ плечахъ мѣшкомъ, пригладивъ тщательно свои полусѣдые волосы, все-таки стоявшіе торчкомъ, и разгладивъ усы, которые попрежнему топорщились въ разныя стороны, какъ щетина, капитанъ являлся въ пріемный залъ. Онъ старался пройти по залу очень осторожно и тихо, при чемъ его приплюснутыя, громадныя ноги помимо его воли производили необычайный шумъ. Самымъ любезнымъ и мягкимъ голосомъ, немного походившимъ на звуки непрочищеннаго рупора, онъ обращался къ дежурной классной дамѣ и, предварительно справившись о ея драгоцѣнномъ здоровьѣ, просилъ ее вызвать къ нему Машеньку Серпуховскую. Вполнѣ довольный и своею щеголеватостью, и своею любезностью, капитанъ начиналъ не безъ волненія расхаживать по залу, поправляя, то-есть ероша еще болѣе, свои чубастые волосы и щетинистые усы. Не безъ пріятной гордости начиналъ онъ замѣчать, что взоры всѣхъ институтскихъ посѣтительницъ съ любопытствомъ обращаются на его шикарную особу. Видя, что всѣ лорнеты окончательно направлялись въ его сторону, онъ выпрямлялся, поднималъ плечи и шумѣлъ ногами еще болѣе, дѣлаясь вполнѣ развязнымъ и привлекательнымъ. Ему, какъ человѣку добродушному и общежительному, иногда очень хотѣлось въ эти минуты заговорить со всѣми институтскими посѣтительницами тѣмъ дружескимъ тономъ, которымъ онъ привыкъ говорить въ обѣденныхъ залахъ европейскихъ гостиницъ, гдѣ, можетъ-быть, никто не понималъ словъ другъ друга, но зато всѣ были дружны и веселы. Иногда капитану становилось даже грустно, что всѣ эти дамы сидятъ и шепчутся по уголкамъ, отдѣльно одна отъ другой, какъ будто у нихъ, отдав-

Digitized by Google

шихъ въ одно училище своихъ дочерей, нѣтъ общихъ интересовъ, общихъ вопросовъ, какъ будто ихъ дочери не составляютъ одну семью, готовящуюся вмѣстѣ наслаждаться и страдать въ жизни. Вспоминалось капитану, какъ его шумныя и веселыя рѣчи собирали около него за границею въ одинъ кружокъ даже чопорныхъ англичанокъ, и думалъ онъ:

«А что, если бы я всталъ посреди зала и сказалъ бы: милостивыя государыни, въ виду этихъ дѣтей, соединившихъ насъ въ одну семью, мы...»

Капитанъ задумался, что бы сказать далѣе.

Но прежде, чѣмъ онъ рѣшался обратиться съ торжественною рѣчью ко всѣмъ институтскимъ посѣтительницамъ, къ нему неслась миленькая, живая дѣвочка, рѣзко отличавшаяся отъ всѣхъ дѣвочекъ отсутствіемъ на ней пелеринки и нарукавничковъ. Капитанская шея обвивалась красненькими, угловатыми ручонками, и капитанъ даже не успѣвалъ разгладить своихъ усовъ для поцѣлуя. Но дѣвочка, кажется, не замѣчала, что эта щетина колется, и цѣловала по десятку разъ стараго дядю. Въ эти минуты гордость капитана не имѣла границъ. Онъ ясно видѣлъ, какъ всѣ дѣвочки, а за ними и ихъ родственницы, указывали и поглядывали на него и на его Марусю. Онъ сознавалъ, что не только онъ самъ чрезвычайно ловокъ и щеголеватъ, но что и его Маруся смотритъ красивѣе всѣхъ своихъ подругъ.

— Ты отлично дѣлаешь, Маруська, что этихъ больничныхъ рукавовъ и пелеринокъ не носишь,—говорилъ онъ, поглаживая усы.

Маруся конфузилась. Капитанъ, какъ нарочно, каждый разъ забывалъ, что это отличіе есть признакъ наказанія.

— Это за шалости ихъ съ меня сняли, дядя,—замѣчала дѣвочка, потупляя глазенки.

— Въ наказаніе? Браво! Да ты въ тысячу разъ красивѣе безъ нихъ. Хороши у васъ наказанія, чортъ возьми! Ха-ха-ха!

Капитанъ разражался громкимъ хохотомъ и самодовольно обводилъ глазами пріемный залъ. Потомъ они садились гдѣнибудь въ углу; дѣвочка разсказывала объ институтскихъ происшествіяхъ; капитанъ заливался звучнымъ смѣхомъ или громогласно негодовалъ, забывая, что громкія изъявленія не только негодованія, но и восторга, не дозволены обычаями института. Наконецъ, дежурная классная дама подзывала къ себѣ Серпуховскую и замѣчала ей:

Digitized by Google

— Скажите вашему родственнику, что такъ хохотать нельзя. Если всѣ начнутъ такъ шумѣть, то намъ придется бѣжать отсюда.

Маруся, ругая въ душѣ классную даму, сообщала объ этомъ замѣчаніи дядѣ, и онъ начиналъ удивляться.

— Странныя у васъ женщины, очень странныя!—высоко поднималъ онъ плечи и ерошилъ свой чубъ.—Я, кажется, видѣлъ свѣтъ и знаю общество, а такихъ вещей не видывалъ, чтобы людямъ смѣхъ и веселость мѣшали. Вѣдь если бы я въ дамскомъ обществѣ не бывалъ, ну, такъ можно бы подумать, что это не принято, что я вести себя не умѣю. А то у меня, слава Богу, чортъ возьми, сотни знакомыхъ женщинъ есть, даже, могу сказать безъ хвастовства, въ высшемъ кругу знакомыя есть. Да вотъ, въ бытность мою въ Портсмутѣ, самъ командиръ порта, его превосходительство адмиралъ Дондерсъ, познакомилъ меня съ тремя первыми аристократками города, когда я былъ на балу въ Crown-Inn'ѣ. Это, знаешь, дитя, такой трактиръ есть въ Портсмутѣ, балы тамъ даются съ платою по три съ половиною шиллинга за билетъ. Ну, ужъ и хохоталъ же я на этомъ балу, глядя, какъ тамъ экосезъ безъ всякой такты танцуютъ тамошніе танцоры!

Увлекшись воспоминаніемъ объ аристократкахъ, бывшихъ на трактирномъ балу, и объ экосезѣ, капитанъ снова начиналъ хохотать и шумно разсказывалъ свои приключенія на портсмутскихъ балахъ, опять забывая, что такъ громко смѣяться нельзя.

Но какъ бы то ни было, капитанъ былъ весьма доволенъ своими воскресными похожденіями и даже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сдѣлалъ въ институтѣ не мало знакомствъ. Такъ, онъ спрашивалъ о здоровьѣ всѣхъ классныхъ дамъ, иногда путая ихъ фамиліи; онъ расшаркивался передъ подслѣповатою княгинею Запольскою, презрительно оглядывавшею его особу въ лорнетъ, какъ какое-то новое, еще невиданное насѣкомое, впервые попавшееся подъ микроскопъ естествоиспытателя; онъ подсаживалъ въ карету старую, дрожавшую на вышедшихъ изъ повиновенія ногахъ, графиню Трегубову и съ соболѣзнованіемъ выслушивалъ, какъ она говорила ему: «Спасибо, родной, спасибо; стара стала, слаба стала, такъ молодые-то вертопрахи и въ карету не подсадятъ»; онъ справлялся «о дѣлишкахъ» у бѣдной вдовы умершаго подъ судомъ полковника Костина и даже иногда при встрѣчахъ со всѣми этими дамами вступалъ съ ними въ

Digitized by Google

длинные разговоры, не безъ глубокомыслія замѣчая, что нынче очень дурная погода стоитъ.

— Она мнѣ напоминаетъ то время, когда я былъ въ Копенгагенѣ,—разсказывалъ капитанъ.—Бросили мы якорь на большомъ рейдѣ, верстахъ въ 14 отъ города. Вѣтеръ былъ свѣжій, противный, намъ пришлось бороться на веслахъ, противъ...

— Pardon, monsieur, on nous attend,—отвѣчали ему его короткія знакомыя и отходили прочь.

Не падая духомъ, капитанъ расшаркивался и, не успѣвъ сообщить о своемъ пребываніи въ Копенгагенѣ, попрежнему довольный собою, снова путешествовалъ по пріемному залу въ ожиданіи своей Маруси.

— Какой чудакъ!—презрительно говорили про него великосвѣтскія барыни и объясняющіяся на французскомъ языкѣ классныя дамы.

Любила съ нимъ побесѣдовать только бѣдная полковница Костина, которой онъ прислалъ, передъ выпускомъ ея старшей дочери изъ института, чуть не возъ различныхъ принадлежностей женскаго туалета.

— Помилуйте, за что, за что!—весело восклицалъ капитанъ, разглаживая усы, когда Костина со слезами на глазахъ стала благодарить его.—Вѣдь я буду же Марусѣ приданое при ея выпускѣ дѣлать, а вашу дочь и всѣхъ другихъ институтокъ я сестрами Маруськи считаю. Такъ отчего же мнѣ и о нихъ не позаботиться, если ихъ родители—ну, тамъ по разнымъ случайностямъ фортуны—не могутъ многаго сдѣлать для нихъ.

— Вы добрый человѣкъ, капитанъ! Богъ васъ не оставитъ за это!—шептала съ чувствомъ растроганная Костина.

— Надѣюсь, надѣюсь на Его великую милость!—торжественно заключилъ Хлопко.

Всѣ остальныя институтскія знакомыя капитана обвиняли его въ навязчивости и никакъ не помышляли, что этотъ неуклюжій, взъерошенный чудакъ, съ припомаженными, въ видѣ шоръ, волосами на вискахъ представляетъ собою образецъ вполнѣ общежительнаго европейца, что онъ смѣло разговариваетъ съ каждымъ встрѣчнымъ, какъ съ короткимъ знакомымъ, видя въ каждомъ человѣкѣ своего брата, члена одной большой семьи — человѣчества, что онъ не можетъ молчать, стоя рядомъ съ мыслящимъ существомъ и кипя избыткомъ чувствъ, впечатлѣній и мыслей.

Долго и много путешествовалъ капитанъ и не только на

Digitized by Google

корабляхъ, но даже и сухимъ путемъ, возвратившись однажды вмѣстѣ со своими собратьями по службѣ на родину пѣшкомъ и познакомившись съ неприморскими городами Европы. Это было въ 1809 году. Во время скитаній по бѣду свѣту онъ потерялъ способность видѣть въ комъ-нибудь незнакомаго и чужого. Англичане, французы, шведы, греки, люди, имена которыхъ онъ затвердилъ съ дѣтства, и люди, которыхъ имена онъ слышалъ только разъ въ жизни, всѣ они были его близкіе, родные, братья по человѣчеству.

— Помилуйте,—говаривалъ онъ:—да на что это похоже, чтобы люди были людямъ чужды? Вы на послѣднюю дворняжку взгляните, вѣдь и та тотчасъ сводитъ знакомство съ какимъ-нибудь ньюфаундлендомъ. А мы, слава Богу, умнѣе, человѣчнѣе, такъ сказать, чѣмъ собаки!

Не умѣя говорить по-голландски и по-шведски, онъ тѣмъ не менѣе легко объяснялся съ голландцами и шведами и даже, во время общихъ пировъ, поощрялъ ихъ на какомъ-то общечеловѣческомъ языкѣ.

— Бравъ! бравъ!—похлопывалъ онъ по плечу своихъ друзей на одинъ день, распивая съ ними вино.

Друзья, конечно, понимали его и тоже трепали его по плечу, вступая съ нимъ въ очень продолжительные и жаркіе разговоры и споры.

— Славный народъ эти голландцы!—восхищался капитанъ, возвращаясь въ веселомъ настроеніи духа изъ общества голландцевъ на фрегатъ.

«А молодцы эти шведы! Право, молодцы!» — разсуждалъ онъ, отпировавъ со шведами и немного пошатываясь въ стороны.

Въ концѣ-концовъ, онъ былъ вполнѣ искренно убѣжденъ, что каждый народъ—славный народъ, и всѣ люди—молодцы-люди.

— И вѣдь, какъ подумаешь,—философствовалъ онъ:—у каждаго народа своя исторія, свои герои, свои мученики и свое вино, чортъ возьми! Отличныя вина бываютъ на свѣтѣ!—прибавлялъ онъ, весело смѣясь и ерзая руками по усамъ.

Зато всѣ народы и всѣ люди, за исключеніемъ десятка классныхъ дамъ и великосвѣтскихъ барынь, тоже были убѣждены, что самъ капитанъ Хлопко славный человѣкъ и молодецъ. По крайней мѣрѣ, онъ часто слышалъ, какъ и ему говорили, хлопая его по плечу:

— Brave! Brave!

Такъ проводилъ капитанъ годы своей жизни съ сигарою

Digitized by Google

въ зубахъ, со стаканомъ грога въ рукѣ, съ оживленными и шумными рѣчами на устахъ, среди своей общечеловѣческой семьи, принимая тосты за Россію, предлагая тосты за Англію, Францію или какую-нибудь другую страну, не пересчитывая грошей, покупая, гдѣ что понравилось, и съ дѣтской наивностью не считая контрабандой какую-нибудь фарфоровую чашку за то, что она сдѣлана гдѣ-нибудь въ Севрѣ, а не въ какомъ-нибудь родномъ городишкѣ, не признавая запрещенную книгу за то, что она издана безъ нашего согласія гдѣ-нибудь въ Брюсселѣ, а не одобрена цензурою гдѣ-нибудь въ Россіи. Правда, и фарфору, и книгъ капитанъ вывозилъ немного и ужъ, конечно, не для продажи, но умѣлъ и это немногое отстоять передъ таможенными досмотрщиками, отчасти вслѣдствіе настойчивости, отчасти вслѣдствіе ненависти ко всякимъ таможнямъ и ихъ агентамъ. Всѣмъ было извѣстно, что капитанъ участвовалъ въ двухъ знаменитыхъ продѣлкахъ одного командира корабля. Однажды этотъ командиръ спустилъ чуть не весь свой экипажъ на берегъ и пронесъ среди строя матросовъ запрещенные товары къ ужасу двухъ таможенныхъ досмотрщиковъ, тщетно суетившихся около маршировавшихъ моряковъ. Въ другой разъ этотъ же командиръ причалилъ на шлюпкѣ къ берегу и пригласилъ досмотрщиковъ осмотрѣть шлюпку; досмотрщики вошли въ нее; командиръ скомандовалъ, и шлюпка отчалила, доплыла до первыхъ свай и здѣсь остановилась; командиръ вѣжливо попросилъ досмотрщиковъ высадиться на сваи и потомъ благополучно перевезъ свои вещи на берегъ. Обѣ эти продѣлки привели въ восхищеніе капитана Хлопко, и онъ долго, долго разсказывалъ о нихъ.

Капитанъ уже давно привыкъ къ своимъ воскреснымъ посѣщеніямъ института, когда его послали снова въ заграничное плаваніе. Это было величайшимъ несчастіемъ для Маруси, но капитанъ старался смотрѣть бодро и утѣшалъ ее, ежеминутно отирая слезы и шутливо объясняя, что онъ ѣдетъ за ея приданымъ. Насталъ день разлуки, насталъ день отплытія эскадры, а за нимъ понеслись надъ капитаномъ сотни дней съ бурями, съ шквалами, со штилемъ, съ высадками на берегъ, съ служебными хлопотами и невзгодами. Какъ только бросали якорь, капитанъ нетерпѣливо взбивалъ свой хохолъ и спѣшилъ на берегъ, ожидая какихъ-нибудь вѣстей съ родины. Иногда вѣсти приходили, иногда ихъ не было; подчасъ онѣ были утѣшительны, подчасъ печальны; все это отражалось на настроеніи духа ка-

Digitized by Google

питана, какъ отражается погода на простуженномъ организмѣ. Чѣмъ больше проходило дней, тѣмъ пасмурнѣе становился капитанъ.

Вѣсти изъ Россіи дѣлались съ каждымъ днемъ все безотраднѣе.

«Дядя,—писала Маруся,—жить у отца мнѣ было бы не скучно, если бы онъ не былъ въ ссорѣ со всѣми сосѣдями и родными. (Знаю, знаю, что это неуживчивый человѣкъ!—мысленно восклицалъ капитанъ. — Недаромъ же онъ былъ отправленъ на Кавказъ, недаромъ же сестру развели съ нимъ и отдали Марусю въ институтъ). Изъ-за его ссоръ мнѣ приходится или сидѣть дома, или выѣзжать одной и слушать, какъ всѣ ругаютъ его. (Ему-то подѣломъ, а каково ей-то, дочери, каково слушать эти вещи про отца!—вздыхалъ капитанъ). Я бы и не выѣзжала, пожалуй, никуда, но дома такъ скучно! Отецъ, какъ мужикъ, все возится въ поляхъ, все толкуетъ съ крестьянами, ругаетъ всѣхъ помѣщиковъ, хотя они, сколько я знаю, люди приличные. Мнѣ приходится сидѣть одной, или слушать болтовню Ѳедосьи Никоновны. (Это что за краля? — задумывался капитанъ). Но я не люблю ее. Мнѣ странно даже, что эта толстая, простая баба всѣмъ распоряжается въ нашемъ домѣ. Она и на меня смотритъ такъ, какъ смотрѣли на насъ классныя дамы, и замѣчаетъ мнѣ, какъ маленькой, что я должна чѣмъ-нибудь заняться. Но чѣмъ же я займусь? Читать нечего, у отца много книгъ, но въ нихъ такія слова употребляются и такія вещи говорятся, что я покраснѣла, заглянувъ въ нихъ. Его противный Вольтеръ смѣется надъ самыми священными вещами. Это просто грѣхъ! Папа же заодно съ Ѳедосьей Никоновной тоже говоритъ, что я должна трудиться и хоть за больными бабами ходить, или дѣтей крестьянскихъ учить. Но вѣдь я не готовилась въ сидѣлки или въ гувернантки къ мужикамъ. (А, каковъ родитель! Дочь хочетъ сдѣлать служанкой мужиковъ!—сердился капитанъ.—Конечно, мужикамъ надо помогать. Да вѣдь она-то еще дитя). Папа, конечно, не сталъ бы совѣтовать такихъ глупостей, если бы ему не сплетничала на меня Ѳедосья Никоновна. Она совсѣмъ необразована, но папа сажаетъ ее за одинъ столъ съ нами и велитъ мнѣ учиться у нея хозяйству, точно я въ кухарки готовлюсь, и совѣтуетъ не спорить съ ней. А она говоритъ глупости, увѣряетъ, что Илья пророкъ на колесницѣ ѣздитъ, когда громъ гремитъ; говоритъ, что собака передъ покойникомъ

Digitized by Google

воетъ и что для отвращенія бѣды нужно башмаки подошвой къ стеклу выставить. Когда я заспорила съ нею, папа обратился ко мнѣ и съ насмѣшкой, своимъ язвительнымъ голосомъ, сказалъ мнѣ:—А ты лучше не объ Ильѣ пророкѣ, да не о громѣ думай, а заботься о развитіи своего характера на пользу ближнихъ. Громъ-то хоть изъ навозной кучи греми, это тебя не должно заботить, пока ты не узнаешь, какъ около тебя живутъ люди, да и въ чемъ они нуждаются.—Ну, папа, я глупостей не могу слушать, не дѣлая возраженій,—замѣтила я.—А ты думаешь, ты сама не говоришь съ три короба глупостей при каждомъ словѣ? Эхъ, Маша,—прибавилъ онъ, прикинувшись грустнымъ: — испортили тебя совсѣмъ въ институтѣ. Старайся забыть все, чему тебя учили. Тебя учили только лжи. Не знаешь ты, сколько я вынесъ, чтобъ удержать тебя при себѣ. Подлецы побѣдили!.. — Отецъ сдѣлался страшнымъ въ эту минуту и началъ ругать такихъ людей, которыхъ я обожаю, за которыхъ я молюсь. Немного успокоившись, онъ опять посовѣтовалъ мнѣ учиться у Ѳедосьи Никоновны. — Она хотя и вретъ по части громовъ,—замѣтилъ онъ:—а все-таки баба умная и честная. (Видишь, онъ самъ понимаетъ, что она просто баба!). Она и грошъ сберечь умѣетъ, и хозяйство отлично ведетъ, и мужику при случаѣ поможетъ, хоть и выругаетъ его. Папа долго еще читалъ мнѣ наставленія, но я расплакалась и ушла въ свою комнату. Я дня три не могла говорить съ нимъ. О! какъ я страдала въ эти дни, а онъ, кажется, даже и не замѣтилъ этого. (Извергъ, изверга рода человѣческаго! Ну, переломилъ бы себя, уступилъ бы ребенку!—чуть не плакалъ капитанъ за свою Марусю). Надняхъ я серьезно посовѣтовала отцу отпустить Ѳедосью Никоновну и обѣщалась сама хозяйничать и дѣлать все, что нужно для него. Я заговорила съ нимъ объ этомъ, потому что онъ былъ въ этотъ день особенно ласковъ со мною и даже грустенъ. Выслушавъ меня, онъ только улыбнулся и шутливо спросилъ: — Ну, а какъ капусту кислую приготовляютъ?—Почему же я знаю, дядя, какъ ее приготовляютъ. (Скажите, пожалуйста, ему нужно, чтобы дочь капусту кислую умѣла приготовлять! Да лавочники-то на что же существуютъ? — обозлился капитанъ). Это, дядя, было низко съ его стороны. Я говорила о серьезномъ дѣлѣ, а онъ все обратилъ въ шутку! Я долго плакала послѣ этого. Развѣ я не сумѣла бы все то же сдѣлать, что дѣлаетъ Ѳедосья Никоновна? А капусту кислую при-

Digitized by Google

готовилъ бы и поваръ... Я теперь веду дневникъ своихъ страданій»...

— Гмъ, гмъ! Плохо. Дневникъ страданій ведетъ! Очень плохо! — восклицалъ капитанъ, ероша волосы. — Погубитъ онъ мою Маруську. Въ разныя стороны они смотрятъ. И зачѣмъ ломать, ну передѣлывалъ бы ее исподволь. Да и передѣлывать-то зачѣмъ? Она цвѣтокъ, она птичка, пусть красуется своимъ нарядомъ, своей вешней красотой. Не всѣмъ же чернорабочими быть! Мы чернорабочіе, мы будемъ работать и въ часы отдыха любоваться ею... Эхъ, кабы теперь домой!

Капитанъ смотрѣлъ на число, которымъ помѣчено письмо, ужасался, что вѣсти такъ долго не доходятъ до него, и сердился, что фрегатъ не снимается съ якоря. Наконецъ, эскадра отправлялась въ дальнѣйшій путь. Капитанъ, стоя у борта по цѣлымъ часамъ, глядѣлъ угрюмыми глазами въ безбрежную даль моря, озаренную кроткимъ свѣтомъ луны. Ему снилась наяву далекая деревня. Въ тихомъ плескѣ волнъ ему слышался кроткій, призывный плачъ его Маруси.

— Что, капитанъ, моремъ залюбовались? Чудная картина!—подходилъ къ нему кто-нибудь изъ товарищей.

Капитанъ приходилъ въ себя.

— Да, сверху пусто, а внизу мокро! — хмуро отвѣчалъ капитанъ, поворачиваясь спиною и къ морю, и къ непрошенному собесѣднику.

Капитанъ разлюбилъ море. Капитанъ всецѣло отдался своими симпатіями сушѣ.

Черезъ долгое время получались новыя вѣсти:

«Дяди, дядя, что я узнала, голубчикъ,—писалось въ новомъ письмѣ.—Какая это низость, какой это грѣхъ! У этой женщины отъ моего отца есть дѣти! Они мужики! Мои братья—мужики! Дѣти моего отца—мужики! (Подлецъ, подлецъ!—ужасался капитанъ). И можешь себѣ представить, она не вѣнчана съ отцомъ; у нихъ какъ-то такъ, безъ вѣнчанья родились дѣти. Ей-Богу, я тебѣ не лгу это! (Дитя чистое, дитя чистое!—умилялся капитанъ до слезъ). Я по поводу этого говорила съ отцомъ.—«Что-жъ тутъ удивительнаго, что у меня дѣти, — сказалъ онъ. — Вѣдь ты не удивляешься, что ты моя дочь?» — Но она не вѣнчалась съ тобой!—воскликнула я.—«Не для чего вѣнчаться,—отвѣтилъ онъ.—Она въ дворянки не лѣзетъ. Умру я, у нея кусокъ хлѣба будетъ, у дѣтей тоже и хаты будутъ, и земля».— Но они мужики, мои братья — мужики! — взволновалась я

Digitized by Google

отъ негодованія.—«А ты думаешь дворяне изъ другого тѣста сдѣланы,—засмѣялся отецъ.—Былъ бы хлѣбъ, да воля, такъ умный человѣкъ и думать не станетъ о дворянствѣ. Недаромъ говорятъ: что твоя честь, коли нечего ѣсть...» Я не вынесла этого разговора и чуть не слегла въ постель. О, какъ бы я хотѣла идти теперь въ гувернантки! Но отецъ не хочетъ доставить мнѣ и этого утѣшенія. Когда онъ узналъ о моемъ намѣреніи, онъ прикинулся грустнымъ и сталъ меня уговаривать: «Неужели ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, идти въ гувернантки?—сказалъ онъ.—Подумай, сколько бѣдныхъ дѣвушекъ ищутъ мѣсть и не находятъ. Имъ нужны мѣста для куска насущнаго хлѣба, а ты хочешь отбивать у нихъ этотъ хлѣбъ, котораго у тебя и безъ того слишкомъ много. Ты должна здѣсь приносить пользу тѣмъ, которые тебя кормятъ. Пойми, Маша, что кругомъ тебя голодаетъ необразованный, придавленный народъ».—Я жить здѣсь не могу,—отвѣтила я. — «Ну, а въ гувернантки я тебя не отпущу. Лучше поѣзжай къ теткѣ въ Москву, бездѣльничай, вертись на балахъ, а на мѣсто и не думай идти...» О, дядя, дядя, какой онъ деспотъ! Его и сосѣди деспотомъ называютъ, и Михаилъ Николаевичъ Теплицынъ такъ же его зоветъ. Михаилъ Николаевичъ мнѣ и въ гувернантки посовѣтовалъ идти, говоря, что лучше жить у чужихъ, чѣмъ въ этомъ притонѣ разврата и деспотизма. Ахъ, какой милочка Михаилъ Николаевичъ, ты просто влюбился бы въ него! Жаль только, что онъ такой больной и слабый. Но у него препоэтическое блѣдное лицо. И вообрази себѣ: отецъ называетъ его «плаксивой тряпкой». Это низко, это низко! И что такое плаксивая тряпка? Тутъ и смысла-то нѣтъ!»

«Это кто же такой Михаилъ Николаевичъ? А? Любопытно узнать,—разсуждалъ въ раздумьѣ капитанъ.—Надо бы ему написать, чтобы онъ ее какъ-нибудь избавилъ изъ этого омута. И когда это мы вернемся въ Россію, чортъ возьми. Носимся, носимся по-бѣлу свѣту, а дома хоть трава не расти! Ну, служба! Бобылей бы безродныхъ брали, а то тамъ семья, близкіе люди гибнутъ, а ты стой на вахтѣ. Не все же служить государству, нужно и о себѣ, и о своихъ подумать. Или мы государству служить будемъ, а оно намъ службу отслужитъ! Держи карманъ шире, чтобы не просыпалось!»

— А вы все мечтаете, капитанъ? — подходили къ нему товарищи.

— Да вотъ думаю о томъ, что бы вы стали здѣсь дѣлать, если бы вашихъ женъ и дочерей кто вздумалъ опозорить

Digitized by Google

въ эту минуту,—сердито отвѣтилъ капитанъ, выразившись болѣе нецензурнымъ образомъ, и отошелъ отъ изумленныхъ сослуживцевъ.

Капитанъ разлюбилъ морскую службу. Капитанъ всецѣло отдался семейнымъ интересамъ.

А между тѣмъ получилось еще письмо:

«Дядя, милый дядя, какъ я тебя люблю! (Да развѣ я сомнѣваюсь въ твоей любви, голубка, что ты вздумала мнѣ писать теперь объ этомъ,—думалъ капитанъ). Добрый мой, золотой, какъ я счастлива, какъ добръ мой Миша! (Господи, Господи, что тамъ случилось,—задрожалъ капитанъ). Какъ онъ меня любитъ! Я тебѣ писала въ прошломъ письмѣ, что я ухожу отъ отца и выхожу замужъ за Мишу, хотя отецъ и не совѣтуетъ мнѣ выходить за него. (Чортъ возьми, ничего этого я и не зналъ! И кто это прошлое ея письмо слопалъ? — сердился капитанъ). Теперь мы обвѣнчаны и ѣдемъ въ Петербургъ. Пріѣзжай скорѣе, голубчикъ мой. Цѣлую тебя милліоны разъ. Миша, какъ я писала тебѣ, хочетъ тоже поскорѣе увидать тебя. Онъ такъ восторженно говоритъ про тебя: «человѣкъ это!» Милочка ты, вотъ какъ я тебя называю».

— Писала, писала, да я-то ничего этого не читалъ! — въ волненіи шагалъ капитанъ по палубѣ.—Скорѣе возвращайся! Да, скоро воротишься тутъ! Черти, черти! Однимъ бы глазомъ взглянуть на ея счастье, ну, а тамъ хоть и въ могилу... А какой благородный человѣкъ этотъ Миша! Ей-Богу, чортъ возьми, благородный! Должно-быть, душа-человѣкъ! Домой, домой! И какъ это люди могутъ шататься за границей? Неужели они не помнятъ отвѣта Ѳемистокла Ксерксу: «Все, о государь, прахъ отцовъ моихъ, законы, боги, языкъ, обычаи, труды, для него подъятые, слава, для него пріобрѣтенная, дерева, земля, стѣны, камни и самый дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ».

Капитанъ подошелъ къ толпѣ своихъ товарищей.

— Что вы, бобыли, толкуете?—весело проговорилъ онъ.— О новыхъ пирушкахъ въ кругу иностранцевъ? О новыхъ пляскахъ съ чужими женами? и вы думаете, это счастье, это радость? Ложь это, бѣснованье отъ скуки! Дома, у семейнаго очага, въ кругу друзей по радостямъ и горю, вотъ гдѣ таятся и счастіе, и радость человѣка. А здѣсь мы выкидыши, фигляры, дрессированныя собачонки, на которыхъ ходитъ глазѣть праздная толпа зѣвакъ!

Товарищи въ недоумѣніи взглянули на капитана и по-

Digitized by Google

жали плечами, зная, что онъ выше всего ставилъ до сихъ поръ не узкій семейный кружокъ, а широкое братство-человѣчество.

Взволнованный капитанъ прошелъ въ свою каюту и сѣлъ писать. Передъ нимъ помѣщалось небольшое туалетное зеркало. Долго просидѣвъ за писаньемъ, онъ случайно взглянулъ въ зеркало и удивился, увидавъ, какъ постарѣло его лицо, какъ сильно посѣдѣли его волосы, какъ много морщинъ прибавилось на лбу во время этого похода.

— Ну, теперь отъѣдаться буду, помолодѣю!—весело промолвилъ онъ черезъ минуту и снова вытащилъ изъ кармана письмо своей Маруси.—Вотъ оно—мое здоровье, вотъ она—моя жизнь!—говорилъ онъ, принимаясь за перечитываньe дорогихъ ему строкъ...

— Эхъ, шаль забылъ купить!—внезапно вскочилъ капитавъ и бросился изъ каюты.

На палубѣ онъ осмотрѣлся кругомъ изумленнымъ взоромъ. Фрегатъ въ открытомъ морѣ летѣлъ при десяти узлахъ хода. Капитанъ только теперь вспомнилъ, что они уже нѣсколько часовъ тому назадъ снялись съ якоря.

— Ну, чортъ съ ней, съ шалью! Славный вѣтеръ. Домой несетъ, домой!—пробормоталъ онъ, въ восторгѣ потирая руки.

Прошло еще нѣсколько недѣль, еще нѣсколько дней, еще нѣсколько часовъ, и капитанъ, нагруженный, какъ верблюдъ, едва помѣщаясь среди поклажи въ наемной коляскѣ, летѣлъ по мостовой Петербурга.

— Экая краса Петербургъ-то!—бормоталъ онъ, сіяя отъ радости.

— Славный, братецъ, городъ!—обратился онъ къ извозчику.

— Ничего городъ!—поощрительно отвѣтилъ возница.

— Первый въ мірѣ, первый, братецъ, въ мірѣ!—увѣрялъ капитанъ. — Я, слава Богу, насмотрѣлся на города, знаю, что лучше его нигдѣ нѣтъ.

Извозчикъ молчалъ, должно-быть, не раздѣляя восторговъ своего сѣдока.

— Дядя, милый, голубчикъ! — кричала черезъ нѣсколько минутъ Маруся, обвивая руками шею капитана.

— Ну, чортъ возьми, пріѣхалъ! Уфъ!—взъерошилъ капитанъ свои волосы, бросивъ фуражку и нѣсколько узелковъ.— Сюда, братецъ, сюда,—командовалъ онъ дворнику, тащившему чемоданъ и два картона.—Это, знаешь, тебѣ покуда немного, не успѣлъ всего захватить...—говорилъ капитанъ, наклоняясь къ чемодану.—Ахъ, да, вотъ деньги, братецъ, извоз-

Digitized by Google

чику,—сунулъ онъ дворнику деньги.—Остальное себѣ возьми за то, что барыню бережешь... Вотъ тутъ платье... Ахъ ты, голубка моя, голубка!—вдругъ воскликнулъ капитанъ и весь въ слезахъ, рыдая, какъ ребенокъ, опустился на чемоданъ.

— Дядя, милый, о чемъ же ты плачешь?

— Ну вотъ, ну вотъ, не выдержалъ. Глаза слабы стали!.. Маруська, ты не смотри на меня!.. Вотъ и ты расплакалась!..

Капитанъ притянулъ къ себѣ Марусю и, какъ младенца, усадилъ къ себѣ на колѣни.

— Такъ это оттого у тебя слезы, что глаза стали слабы? А еще о платьяхъ вздумалъ говорить. Даже не взглянулъ на меня! А у самого слезы такъ и катились! — теребила стараго дядю Маруся.

— Голубка, голубка! — прижималъ капитанъ къ своей груди голову племянницы, и оба снова плакали и смѣялись.

У обоихъ было такъ свѣтло, такъ отрадно на душѣ.

— Здравствуйте, дядя! — произнесъ мягкій мужской голосъ за спиною капитана.

Капитанъ обернулся и немного нахмурилъ брови, чтобы скрыть слѣды своей чувствительности.

— Здравствуйте! Возьмите вотъ эту плаксу, сдаю вамъ ее съ рукъ на руки,—проговорилъ онъ и пожалъ свободною рукою руку незнакомаго ему молодого человѣка, въ которомъ онъ тотчасъ же узналъ по поэтической блѣдности Мишу.

— Ну, вотъ насъ и благословили послѣ свадьбы! — засмѣялся Михаилъ Николаевичъ.—А это за что же тебя плаксой называютъ?—обратился онъ къ женѣ.

— Не вѣрь ему, не вѣрь! Онъ самъ первый расплакался!—засмѣялась Маруся.

— Да, есть о чемъ плакать!—бойко промолвилъ расхрабрившійся капитанъ.—Ну, пріѣхалъ; всѣ живы, здоровы... Ты замужемъ. Миша... то бишь... Михаилъ... Михаилъ... Да чортъ побери, какъ же васъ по батюшкѣ-то зовутъ?

— Ну, да ужъ зовите Мишей, коли забыли мое отчество,— смѣясь, отвѣтилъ Михаилъ Николаевичъ.

— А и то правда, вѣдь все равно... Спасибо вамъ за нее,—промолвилъ капитанъ, еще разъ сжимая руку Михаила Николаевича, когда Маруся вышла, чтобы велѣть приготовить завтракъ.

— За что, капитанъ? за то, что я женился по любви?

— Нѣтъ, за то, что вы спасли ее изъ дома разврата. Тиранъ, тиранъ ея батюшка!.. Я вѣдь все это долженъ

Digitized by Google

былъ предчувствовать... Не долженъ былъ оставлять ее... Вѣдь онъ и мою сестру загубилъ... Разошлась съ нимъ, пала, умерла... Да, вотъ за вещами для Маруси надо еще съѣздить,—вдругъ перемѣнилъ капитанъ разговоръ и отвернулся въ сторону; по его щекамъ опять катились слезы.

— Дядя, ты, кажется, сегодня все за мое приданое прячешься,—засмѣялась возвратившаяся въ комнату Маруся.— Пріѣхалъ,—у самого слезы, а онъ о платьяхъ толкуетъ. Теперь опять на глазахъ слезы, а онъ...

— Ну да, ну да, толкуй еще больше! Вотъ сяду на фрегатъ и уѣду!—угрожалъ капитанъ.

Много дѣтски шаловливаго, много трогательнаго было во всей болтовнѣ перваго свиданія послѣ разлуки. О прошломъ, о тяжеломъ никто не вспоминалъ; всѣ были рады, что все это пережито и не возвратится снова.

Съ этого дня началось у капитана спокойное существованіе. Семейная жизнь Маруси, какъ онъ говорилъ самымъ равнодушнымъ тономъ, нисколько не касалась до него.

— Ну, женились, живутъ себѣ своимъ домомъ, а мнѣ-то что за дѣло до нихъ? Мое дѣло сторона!—разсуждалъ онъ среди своихъ сослуживцевъ, дѣлая суровое лицо, и каждое воскресенье, обложенный мѣшками, корзинками, банками, ѣхалъ въ домъ Маруси.

Съ каждымъ днемъ тянуло его все болѣе и болѣе въ Петербургъ, все тяжелѣе и тяжелѣе было исполненіе служебныхъ обязанностей. Скоро онъ рѣшилъ, что онъ уже не служака, что онъ уже поработалъ на своемъ вѣку и не остастся въ долгу у государства, такъ какъ за всѣ его труды, за все его рвеніе, вмѣсто награды, его же обошли два раза чиномъ.

— Нужно и молодымъ уступить дорогу,—говорилъ онъ.— Я былъ честный служака, попрекнуть меня никто не посмѣетъ. Служить же изъ-за чиновъ—поздно, да и не нашему брату на грудь летятъ теперь ордена и звѣзды!

Капитанъ разставался со службой съ извѣстной горечью. Онъ чувствовалъ, что онъ годился бы на что-нибудь лучшее, но что его прямота не нравилась нѣкоторымъ лицамъ, что его честность мозолила глаза подлецамъ. Все это онъ чувствовалъ и прежде, но теперь это чувство стало болѣзненнѣе, живѣе. Капитанъ готовился взять отставку и переѣхать въ Петербургъ, какъ вдругъ надъ его счастливой семьей, надъ его «дѣтьми» разразился одинъ изъ тѣхъ тупыхъ и безсмысленныхъ ударовъ судьбы, передъ которымъ человѣкъ

Digitized by Google

сознаетъ все свое обидное ничтожество. Какъ-то Михаилъ Николаевичъ поѣхалъ по дѣламъ; на дорогѣ его засталъ проливной дождь. Слабый здоровьемъ Теплицынъ простудился, схватилъ горячку и черезъ нѣсколько дней умеръ, пролежавъ все время въ полнѣйшемъ безпамятствѣ...

Въ тупомъ отчаяніи жалась Маруся къ капитану, какъ будто ее бросало въ дрожь отъ сознанія этой безпомощности и беззащитности человѣка передъ безсмысленнымъ случаемъ. Суровый, угрюмый капитанъ хмурилъ брови, обнявъ одною рукою свою голубку и не имѣя силъ утѣшать ее. Что-то злобное, необычайное было въ его глазахъ, въ его нахмуренныхъ бровяхъ, въ его стиснутыхъ зубахъ. По его полусѣдымъ усамъ текли слезы, но онъ не замѣчалъ ихъ, и только крѣпче прижималъ къ себѣ свое дитя, сжимая въ безсильной злобѣ въ кулакъ опущенную руку. Ни одного креста не положилъ онъ во время панихиды. Не молилась и Маруся, все попрежнему нѣмая, неподвижная, припавшая въ изнеможеніи къ плечу дяди. Съ одной изъ панихидъ, не обращая вниманія на постороннихъ посѣтителей, капитанъ унесъ Марусю, какъ ребенка. Кто-то хотѣлъ помочь ему, но онъ молча и угрюмо раздвинулъ толпу людей и пронесъ на мускулистыхъ рукахъ эту дорогую для него ношу. Казалось, онъ ненавидѣлъ и презиралъ въ эту минуту весь этотъ ничтожный міръ. Безъ словъ, безъ криковъ, какъ-то вполнѣ безнадежно простились онъ и Маруся съ покойникомъ, и снова капитанъ на рукахъ донесъ свое сокровище до кареты.

— Она помѣшалась,—говорили одни.

— Ее лѣчить надо,—говорили другіе.

Капитанъ молчалъ и на третій день послѣ похоронъ выписалъ къ себѣ одного изъ своихъ старыхъ друзей, отставного матроса, Лаврентья Осипенко, когда-то спасшаго жизнь капитана.

— Поѣзжай къ себѣ въ Ораніенбаумъ и пріищи домикъ,—говорилъ капитанъ.—Съ садомъ, отдѣльный... Веселенькій, знаешь, долженъ онъ быть...Обои свѣтлые... Да, да, свѣтлые!.. Черное, темное, трауръ напоминаетъ о... О, чортъ возьми, чортъ возьми, анаѳема!—Капитанъ стиснулъ и приподнялъ кулаки, вспомнивъ о смерти.

Осипенко молча покачалъ головой.

— За цѣной не стой! Уютно чтобъ было... Хлопочи, хлопочи, дружище. Самъ заслужу!

Хлопко пожалъ мозолистую и шершавую руку своего

Digitized by Google

стараго, молчаливаго пріятеля, угрюмо смотрѣвшаго въ землю.

Дней черезъ семь или восемь капитанъ Хлопко уже перевозилъ въ Ораніенбаумъ свою Марусю. Дача близъ моря дѣйствительно была веселенькая, свѣтленькая, уютная. Мебель, занавѣсы, цвѣты,—все было новое. Изъ петербургской квартиры Маруси капитанъ не взялъ ничего. Онъ хотѣлъ вычеркнуть изъ памяти своей племянницы все прошлое. По цѣлымъ днямъ ухаживалъ онъ за ней, поднималъ ее иногда на руки, укладывалъ въ постель, поилъ, какъ ребенка, чаемъ, гулялъ съ ней, читалъ ей книги. Она, какъ больное дитя, повиновалась ему, иногда говорила, иногда слабо улыбалась, иногда тяжело вздыхала, иногда тихо, словно безсознательно, плакала, но это бывало рѣдко. Наконецъ, насталъ великій день въ жизни Маруси: она услышала крикъ ребенка—своего ребенка. Ея жизнь была спасена.

II.

Капитанъ Хлопко стоитъ у руля своего семейнаго корабля.

Семья капитана Хлопко оживилась со дня рожденія малютки. Весь народъ, собранный на ораніенбаумской дачѣ и переселявшійся въ зимнее время въ Кронштадтъ, былъ собранъ для новорожденнаго Володи; всѣ заботы и хлопоты, занимавшія дни и ночи этого народа, были вызваны Володей; всѣ радости и печали, тревожившія душу этого народа, имѣли своимъ источникомъ все того же Володю. Мать ребенка заботилась во-время накормить его грудью и не поручала этой обязанности кому-нибудь другому, хотя всѣ другія заботы, всѣ другія обязанности она со дня своего рожденія привыкла возлагать на другихъ людей. Четырнадцатилѣтняя няня малютки, любимица его матери, выдѣлывала всевозможныя гримасы, пѣла безчисленныя пѣсни, хлопала въ ладоши, прыгала по комнатѣ, все для того, чтобы не плакалъ Володя. Капитанъ постоянно торопился съ прогулокъ и изъ гостей домой, постоянно торопливо пилъ чай, постоянно поспѣшно обѣдалъ, чтобы имѣть возможность поняньчить Володю, и серьезно увѣрялъ всѣхъ, что только онъ одинъ умѣетъ укачать ребенка и прекратить его плачъ.

— Да, вы, просто, носить его не умѣете!—сердито говорилъ онъ, неся плачущаго ребенка на рукахъ чуть не внизъ головой.—Онъ понимаетъ, что на моихъ рукахъ ему и мягче, и удобнѣе. Да и страху у него нѣтъ, что я его уроню. Васъ

Digitized by Google

самихъ вѣтеръ качаетъ, какъ флюгера. Онъ меня знаетъ. Вы посмотрите, какъ онъ начинаетъ смѣяться у меня на рукахъ!

Неизвѣстно, дѣйствительно ли смѣялся при видѣ капитана трехмѣсячный ребенокъ, но исторически вѣрно только то, что вся остальная команда корабля и во главѣ его четырнадцатилѣтняя смѣшливая Пастя прыскала отъ смѣха, глядя на капитана, столь удачно превратившагося въ няньку. Но какъ бы ни няньчилъ ребенка капитанъ или кто-нибудь другой, какъ бы ни смѣялась остальная команда надъ импровизированными нянъками, а все-таки сразу можно было замѣтить, что у всѣхъ этихъ людей съ рожденіемъ Володи вдругъ явилась цѣль существованія, и эта цѣль была въ жизни маленькаго, смѣшно морщившагося и смѣшно сопѣвшаго, существа. Это существо была игрушка, отъ которой въ будущемъ ожидали чудесъ: въ одинъ прекрасный день она должна сама стать на ноги, потомъ она бойко, безъ всякой поддержки, пойдетъ по полу, радостно улыбаясь, еще не зная, что̀ такое опасность, и вызывая и смѣхъ, и страхъ въ зрителяхъ своими покачиваньями изъ стороны въ сторону; еще немного дней, и она заговоритъ, станетъ называть «куклу»—«пуколей», будетъ говорить вмѣсто «гляди, гляди»—«гильди, гильди». И какимъ гармоническимъ, какимъ чуднымъ голосомъ будутъ произноситься еще эти безразличныя, неясныя, какъ мысль ребенка, человѣческія слова! Не будетъ въ этомъ голосѣ ни слѣдовъ катарровъ, ни слѣдовъ пьянства, ни слѣдовъ разврата; это будутъ такіе же чистые, мелодическіе звуки, какіе слышатся въ пѣніи птицъ. Эти звуки, которыми говоритъ, поетъ, смѣется и плачетъ каждое безгрѣшное дитя природы. А тамъ начнетъ работать мысль, зароятся вопросы: мама, отчего громъ гремитъ? почему радуга бываетъ? откуда бабочки родятся? Боже мой, Боже мой, найдутся ли у матери отвѣты!.. Рядомъ и одновременно съ вопросами появится стремленіе къ ломкѣ и разрушенію. Что это: проявленіе злой воли или первые проблески духа изслѣдованія, стремленія къ знанію? Вглядитесь попристальнѣе въ это явленіе, и вы найдете утѣшительный отвѣтъ на свой вопросъ: ребенокъ не ломаетъ безцѣльно старой, знакомой ему мебели, не мараетъ умышленно своего платья, не бросаетъ во время голода принесенной ему пищи: онъ ломаетъ новую игрушку, онъ выводитъ безобразные контуры на картинкахъ, онъ вертитъ, треплетъ и отбрасываетъ купленную ему, но еще нѣмую и не интересную для

Digitized by Google

него книжонку... Онъ похожъ на молодую бѣлку, на молодую обезьяну, которыя грызутъ каждый шарикъ, отыскивая въ немъ, какъ въ орѣхѣ, питательное зерно. Полюбовавшись своей картонной лошадкой, маленькій чародѣй безжалостно свертываетъ ей голову и узнаетъ, что эта лошадка сдѣлана изъ толстой сѣрой бумаги и пуста внутри: вознагражденный этимъ открытіемъ, онъ не плачетъ, что сломалъ игрушку, и словно сознаетъ, что для игры годится и безголовая лошадь. Онъ обрываетъ листья съ деревьевъ и цвѣтовъ, пробуетъ ихъ, и узнаетъ, что у кислицы, у барбариса, у щавеля кислые листья, что въ цвѣтахъ клевера, сирени, фуксіи есть сладкій, какъ сахаръ, сокъ, что душистый олеандръ отвратительно горекъ, а горечь настурціи пріятна на вкусъ. Онъ пробуетъ набивать пескомъ свои игрушечныя ведерки, опрокидываетъ ихъ на скамейку и радуется, что у него выходятъ песочныя горки, имѣющія форму его ведеръ; однако, солнце быстро высушиваетъ песокъ, и онъ разсыпается въ разныя стороны. Ребенокъ печально глядитъ на свое разрушенное произведеніе, дѣлаетъ новые опыты и снова терпитъ неудачу; но вотъ ему попадается какая-то сѣрая, свинцовая цвѣта, масса сырой земли, онъ выдавливаетъ изъ нея форму своихъ ведеръ, и эти формы сохнутъ, но не разваливаются,— онъ спрашиваетъ, узнаетъ, что это глина, и радостно сообщаетъ всѣмъ, что изъ глины можно лѣпить формочки. Не смѣйтесь надъ его открытіями: съ его запасомъ знанія, съ его умственнымъ развитіемъ это великія открытія. Сумѣйте вовремя помочь ему своими свѣдѣніями, сообщите ему при удобномъ случаѣ, что не одни цвѣты клевера, фуксіи и сирени сладки, что сахаръ заключается и въ другихъ растеніяхъ, замѣтьте кстати, что и какъ и изъ какой глины дѣлается; ищите случая сообщить ему и другія знанія и, можетъ-быть, изъ этого ребенка выйдетъ великій ботаникъ, отличный ваятель, смышленый механикъ. Мало ли что можетъ выйти изъ этого маленькаго чародѣя.

Если трудно было навѣрное утверждать, что Володя, эта игрушка-человѣкъ, оправдаетъ въ будущемъ великія ожиданія ближнихъ, то, по крайней мѣрѣ, никто не могъ отрицать того, что въ настоящемъ игрушка уже совершила одно великое чудо: ободрила и сплотила въ тѣсный союзъ нѣсколько разнохарактерныхъ личностей.

Читая эти строки, вы, вѣроятно, и не подозрѣваете, что этотъ маленькій, довольно пухленькій и порядочно крикливый, чародѣй былъ не кто иной, какъ я, бесѣдующій съ вами

Digitized by Google

теперь, слишкомъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ своего рожденія. Сходства между мной и этимъ маленькимъ ребенкомъ нѣтъ никакого, за исключеніемъ развѣ того, что у меня теперь такъ же рѣдки волосы, какъ они были рѣдки въ ту пору, и что ихъ цвѣтъ почти такой же сѣрый, какимъ онъ былъ въ то время. Темнорусыя, густыя пряди мягкихъ и тонкихъ волосъ, покрывавшія мою голову весною моей жизни, давно разлетѣлись по вѣтру, давно перемѣшались съ сѣдиною, какъ когда-то яркіе и свѣжіе листья разлетаются и мѣшаются съ своими сухими собратьями среди осенныхъ непогодъ. Какъ тяжело переживается жизнь и какъ коротка кажется она, когда пройдешь трудный и длинный путь и вдругъ оглянешься назадъ! Что сдѣлано, изъ-за чего перенесено все?—Изъ-за того, чтобы устроить, наконецъ, свое гнѣздо, научиться жить, научиться именно тогда, когда не надъ чѣмъ прилагать свое знаніе...

Но, не желая быть выскочкой,—я всегда чувствовалъ отвращеніе къ мѣщанамъ въ дворянствѣ и къ невѣждамъ на профессорскихъ каѳедрахъ,—я постарался встать на задній планъ и выдвину впередъ близкихъ мнѣ людей, смиренно ожидая, когда сама жизнь выведетъ меня на сцену и, такъ или иначе, заставитъ представиться обществу, то-есть вамъ. Конечно, я первый понимаю всѣ выгоды такого смиренія, такъ какъ первоклассныхъ артистовъ въ дѣлѣ жизни мнѣ никогда не удавалось быть, и на этомъ поприщѣ я постоянно признавалъ превосходство надъ собою, съ одной стороны, такихъ честныхъ добряковъ-философовъ, какъ капитанъ Хлопко, и съ другой стороны—такихъ черствыхъ и себялюбивыхъ практиковъ, какъ Бубновъ,—одинъ изъ вашихъ будущихъ знакомыхъ. Итакъ, обращаюсь къ нашему семейному кораблю.

Начальство и команда на нашемъ семейномъ кораблѣ—на ораніенбаумской дачѣ и въ зимней кронштадтской резиденціи—состояли изъ капитана Хлопко, изъ моей девятнадцатилѣтней матери, изъ нашей крѣпостной четырнадцатилѣтней Насти, игравшей роль няньки, изъ нашей вольноотпущенной толстой ключницы, Аграфены Карповны, приготовлявшей отличныя варенья и наливки, изъ Лаврентья Осипенко, сторожившаго дачу и завѣдывавшаго ванной, изъ повара, судомойки, прачки, кучера, дворника и Барбоса. Себя я не считаю: я былъ несовершеннолѣтній наслѣдный принцъ, состоящій подъ бдительной опекой своихъ возлюбленныхъ подданныхъ и помѣстившійся на одномъ кораблѣ съ ними въ качествѣ почетнаго

Digitized by Google

пассажира. Мои подданные—въ этомъ я долженъ сознаться—очень хорошо управляли моимъ государствомъ, и нашъ корабль ни разу не становился на мель, то-есть въ нашемъ бюджетѣ никогда не было дефицита, ни разу мы не испытывали страха передъ банкротствомъ, никогда не увеличивали податей въ нашемъ наслѣдственномъ имѣніи, иногда даже торжественно прощали недоимки своимъ отдалённымъ подданнымъ. Съ сосѣдями мы жили мирно, не мѣшались въ ихъ дѣла, не запутывали своихъ отношеній съ ними различными дипломатическими сплетнями и хитростями, войны ни съ кѣмъ не вели, тѣлесныя наказанія въ своихъ владѣніяхъ уничтожили, и такъ какъ всѣ были сыты, обуты, одѣты и имѣли приличныя помѣщенія, то о преступленіяхъ, въ родѣ воровства и чрезмѣрнаго пьянства, въ статистическихъ отчетахъ нашего государства не упоминается. Конечно, привольнѣе всѣхъ, какъ и слѣдовало ожидать, жилось мнѣ: дѣла никакого, а наслажденій—сколько угодно. Но, вполнѣ довольный своею судьбою, я все-таки, вслѣдствіе свойственной человѣку слабости или, что еще вѣроятнѣе, вслѣдствіе избалованности, иногда поддавался искушенію и дѣлалъ попытки захватить власть въ свои руки. Въ эти минуты на кораблѣ дымъ шелъ коромысломъ: въ саду клумбы засыпались пескомъ, аллеи сада покрывались землею; вездѣ валялись безъ нужды оборванные или вырытые и увядшіе цвѣты; стулья въ залѣ выставлялись на середину и переставали быть стульями, а играли вполнѣ несвойственную имъ роль, изображая нѣчто въ родѣ длиннаго поѣзда; няня—милое и веселое созданіе—превращалась въ почтовую лошадь, то-есть въ самое скучное изъ всѣхъ животныхъ; капитанъ Хлопко, ничѣмъ никогда не умѣвшій управлять, дѣлался кучеромъ, и даже, вопреки своему характеру, вооружался кнутомъ; наконецъ, я самъ, объѣвшійся вареньемъ, выпачканный въ землѣ, утомленный, покрытый потомъ, напившійся слишкомъ много холодной воды, дѣлался боленъ. Тогда начиналась бѣготня: кучеръ гналъ лошадей за докторомъ; нянька неслась за лѣкарствомъ; Аграфена Карповна плакала, что она погубила меня, давъ мнѣ въ волюшку наѣсться варенья; капитанъ Хлопко растиралъ горчицу; Лаврентій ворчалъ, а Барбосъ, видя необыкновенную бѣготню, слыша поминутное хлопанье калитки, лаялъ безъ умолку и иногда даже взвывалъ отъ досады, окончательно повергая въ ужасъ набожную Аграфену Карповну, уже называвшую себя мысленно «душегубкою».

Digitized by Google

Но я выздоравливалъ, снова отрекался отъ управленія и сдавалъ власть своимъ подданнымъ, сознавая, что это бремя мнѣ еще не подъ-силу. Вообще я въ дѣтствѣ былъ довольно необыкновеннымъ человѣкомъ и умѣлъ сознать многое, чего не втолкуешь другимъ людямъ. Послѣ подобныхъ неудачныхъ съ моей стороны попытокъ къ управленію, мои опекуны-подданные снова брали власть въ свои руки, засыпали пескомъ покрытыя землею аллеи и заваливали землею песокъ на куртинахъ, подбирали погубленные мною цвѣты и сажали на ихъ мѣсто свѣжія растенія, устанавливали на приличныя мѣста приведенные въ безпорядокъ стулья, возстановляли мое разстроенное здоровье, и наше семейное государство принимало тотъ веселый и спокойный видъ, какой пріятно видѣть и во всякомъ другомъ, даже болѣе обширномъ государствѣ.

Довольно рано началъ я присматриваться къ правленію нашего домашняго государства; можетъ-быть, въ качествѣ наслѣднаго принца я сознавалъ, что это изученіе нужнѣе всего для меня въ будущемъ; можетъ-быть, смотрѣлъ я и на это дѣло съ тѣмъ же безсознательнымъ любопытствомъ, съ какимъ смотрѣлъ и на все остальное, но вѣрно только то, что слѣды, оставленные во мнѣ строемъ нашей домашней жизни, очень глубоко врѣзались въ мою память. Ярко возникаютъ въ моей головѣ воспоминанія о прошлыхъ дняхъ дѣтства. Представляется мнѣ, какъ бы озаренное яркимъ блескомъ солнца утро. Я сижу на высокомъ стулѣ за круглымъ столомъ, въ столовой комнатѣ, и допиваю чай. Около меня Настя, стройная, развившаяся красавица, съ особенною поспѣшностью моетъ чашки. Матушка въ розовой распашной блузѣ сидитъ у отвореннаго окна и пристально читаетъ романъ госпожи Ратклифъ.

— Допивайте, допивайте чай, Володя,—говоритъ недовольнымъ тономъ Настя.—Нечего ножками-то болтать. Мнѣ надо еще гладить... Капотъ сохнетъ...

Матушка слышитъ послѣднія слова Насти, исправляющей уже и должность горничной, и опускаетъ на колѣни книгу.

— Развѣ ты еще не выгладила мой бѣлый капотъ?— спрашиваетъ она.

— Нѣтъ еще. Съ воротничками возилась все утро,— озабоченно отвѣчаетъ Настя.

Мнѣ кажется страннымъ, что Настя могла возиться все утро съ глаженьемъ воротничковъ, когда, по моему мнѣнію, утро едва началось, такъ какъ я и матушка, наша вдов-

Digitized by Google

ствующая принцесса, встали только за нѣсколько минутъ передъ часомъ.

— Ахъ, ты, пожалуйста, кончи глаженье до завтрака,— говоритъ матушка.—Мнѣ нужно надѣть этотъ колютъ сегодня...

— Да сегодня сыро въ саду,—сквозь зубы замѣчаетъ Настя.

— Нѣтъ. Я увѣрена, что сегодня будетъ хорошій день.. Да и у насъ гости будутъ,—отвѣчаетъ матушка.—А гдѣ дядя? я его еще не видала...

— Не знаю-съ, Петръ Акимычъ...

Настя говоритъ отрывисто: она не въ духѣ.

— Здѣсь, здѣсь, голубка! Что случилось?—произноситъ запыхавшійся дядя, шумно входя при послѣднихъ словахъ Насти въ столовую.

— Ничего не случилось, но я удивилась, что ты пропалъ.

— Аі.. Ну, выбрали мы мѣстечко!—восклицаетъ дядя съ негодованіемъ въ голосѣ.—Чортъ бы побралъ этотъ Рамбовъ! Ты вообрази, чего въ немъ нѣтъ... Ну, угадай, угадай, чего я не могъ достать!

— Право, не знаю,—задумчиво отвѣчаетъ матушка, ломая себѣ голову, чтобы угадать, чего нѣтъ въ Ораніенбаумѣ.

— Да и не угадаешь. Никто не угадаетъ. Это курамъ на смѣхъ! Поди въ любой магазейнъ въ какомъ-нибудь вороньемъ гнѣздѣ въ Пѣметчинѣ, и тебѣ ворохъ навалятъ того, чего здѣсь ни за какія блага не достанешь. Ванили, ванили, матушка, здѣсь нѣтъ! Это на что же похоже? За что же я вчера Петра распекъ? Знаешь, посылаю я его вечеромъ за ванилью, а онъ говоритъ: «здѣсь ее ни за какія деньги не достанешь!» Я на него и напустился. Знаешь, вѣдь, я горячъ, сейчасъ чортъ знаетъ что человѣку наговорю. «Ахъ, ты, говорю, лѣнтяй, лѣнтяй, поискать ванили для барыни не можешь, вотъ ужо я самъ схожу». Ну, матушка, и пошелъ: шишъ, а не свѣчка—ванилью нигдѣ и не пахнетъ!

Дядя разводитъ руками.

— Что же мы станемъ дѣлать, дядя?—тревожно говоритъ матушка.—Какъ же мы подадимъ кремъ безъ ванили? Вѣдь это просто срамъ! Ужъ лучше бы намъ отказаться отъ гостей.

— Да ты не тужи, Маруська,—успокаиваетъ ее дядя.— Я сегодня штуку удралъ; утромъ ранехонько откомандировалъ свою особу въ Кронштадтъ и...

Digitized by Google

Дядя внезапно умолкаетъ.

— Ну, и что же?—съ замираніемъ въ сердцѣ перебиваетъ мать.

— И не досталъ ванили!—торжественно заканчиваетъ дядя, дѣлая угрюмое лицо.

— Ахъ!—вырывается жалобное восклицаніе изъ груди матери.

Дядя разражается густымъ, веселымъ смѣхомъ.

— У, злой, злой, вѣчно дразнитъ!—весело смѣется мать и, взявъ изъ рукъ дяди драгоцѣнную ваниль, съ наслажденіемъ втягиваетъ ея запахъ.

Я гляжу на раскраснѣвшееся, покрытое потомъ, лицо дяди и сознаю, что для него, какъ и для Пасти, утро началось гораздо раньше, чѣмъ для насъ.

— А что, чай еще есть?—спрашиваетъ онъ у Пасти.

— Сейчасъ самоваръ скипитъ! Долить велѣла,— отвѣчаетъ она...

Черезъ четверть часа самоваръ снова является на столъ. Пастя завариваетъ чай.

— Пастя, Пастя, ты ужъ лучше не хлопочи съ чаемъ,— говоритъ матушка.—Позови Аграфену Карповну, а сама ступай гладить.

Аграфена Карповна является на зовъ и за Пастю разливаетъ чай. Глядя на дядю, истребляющаго чай, я и матушка снова чувствуемъ охоту напиться этой душистой влаги и присаживаемся къ столу. За столомъ идутъ безпечные, веселые разговоры. Аграфена Карповна стоитъ, между тѣмъ, у стола, переминается съ ноги на ногу и, подпершись рукой щеку, ждетъ, когда мы кончимъ и наши бесѣды, и наше чаепитіе. Видно, что ей, по ея выраженію, «сосетъ душеньку», такъ какъ и ее ждетъ дѣло. Въ это время тихонько отворяется дверь столовой, и въ нее просовывается голова въ бѣломъ бумажномъ колпакѣ. Это Петръ—поваръ. Онъ молча дѣлаетъ таинственные знаки Аграфенѣ Карповнѣ. Она не замѣчаетъ его или только дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ, чтобы не смущать себя еще болѣе воспоминаніями о кладовой. Онъ слегка кашляетъ.

— Что тебѣ?—недовольнымъ шопотомъ спрашиваетъ она, подходя къ дверямъ, какъ по горячимъ угольямъ, едва касаясь пола.

— Лимоновъ нѣтъ,—шепчетъ Петръ.

— Не можешь подождать? Видишь, чай разливаю!

— Холодное не успѣю застудить!

Digitized by Google

— А прахъ тебя побери и съ холоднымъ!

Аграфена Карповна обращаетъ къ намъ свое тѣстоподобное лицо и говоритъ:

— Я сейчасъ; лимоны надо выдать.

На нѣсколько минутъ мы остаемся въ безпомощномъ, достойномъ сожалѣнія состояніи и ждемъ, когда снова явится Аграфена Карповна для разливанія чая и для мытья чашекъ. Еще черезъ нѣсколько времени слышатся торопливые шаги Насти. Она является въ столовую, шурша объ дверь накрахмаленнымъ и выглаженнымъ капотомъ, высоко поднятымъ сю въ воздухѣ. Какое чудное это произведеніе модистки! вышитыя гладью оборки окаймляютъ подолъ и передъ капота, гдѣ вставленъ расширяющійся книзу треугольникъ, состоящій изъ мелкихъ буффъ и прозрачныхъ прошивокъ. На груди вставленъ такой же треугольникъ широкимъ концомъ вверхъ, и около него, и около ворота тоже идутъ вышитыя гладью оборки. Все это расправлено, разглажено, сшлоено. Какъ рано нужно было встать Настѣ, чтобы справиться со всѣми этими волнами батиста! Какъ понятно, что Настя такъ сердито разливала чай, оторвавшій ее отъ утюга, заставившій ее снова вспрыскивать высохшія, во время ея отсутствія, оборки капота.

— Прелестно,—восклицаетъ матушка, любуясь своимъ нарядомъ.—Я, дядя, пойду одѣваться... Ты загляни, пожалуйста, въ садъ... Вымелъ ли его кто-нибудь...

— Охъ, ужъ этотъ садъ всѣмъ до зла горя!—говоритъ дядя.—Кучеръ на дворника его сваливаетъ, дворникъ на Лаврентья, Лаврентій чуть не на меня самого!

— Надо бы садовника взять,—замѣчаетъ матушка и идетъ вмѣстѣ съ Настей въ свою уборную, чтобы присѣсть къ туалету и распустить свои пышные волосы, отдавъ ихъ въ распоряженіе искусныхъ рукъ всему научившейся смышленой Насти.

Я хочу бѣжать за дядей, услышавъ, что онъ идетъ въ садъ. Но это не такъ легко сдѣлать. Всѣ возстаютъ противъ меня, увѣряя, что я промочу ноги и простужусь. Я кричу громче всѣхъ, протестуя противъ насилія. Споры разрѣшаются тѣмъ, что Аграфена Карповна спѣшитъ за моими калошами и за суконнымъ армячкомъ. Цѣлый часъ хожу я съ дядей по саду, по двору, около ванной, по конюшнѣ и по экипажному сараю. Здѣсь дворникъ мететъ дворъ и оправдывается, что не успѣлъ вымести сада, проѣздивъ все утро за водой,—тамъ кучеръ чиститъ лошадей и тоже

Digitized by Google

оправдывается, что онъ не вымелъ сада, провозившись все утро съ мытьемъ экипажей,—далѣе, наконецъ, Лаврентій, хмурый и шершавый, чинитъ нашу лодку и не оправдывается ни въ чемъ, а сухо отвѣчаетъ дядѣ:

— Садовникъ я, что ли?

Дядя, махнувъ рукой, отходитъ прочь, а Лаврентій очень безцеремонно ворчитъ намъ вслѣдъ:

— Огурцы бы еще заставили разводить!

Наконецъ, упросивъ кого-то изъ прислуги вымести садъ, мы возвращаемся домой и проходимъ въ гостиную, откуда несутся тихіе звуки фортепіано. Комната полна цвѣтовъ и аромата. Какъ свѣтлое видѣніе, вся въ бѣломъ батистѣ, немного склонивъ на пышную грудь свою головку, затѣйливо красующуюся въ безчисленныхъ волнахъ кудрей и косъ, сдерживаемыхъ большою рѣзной гребенкой, матушка сидитъ за фортепіано; ея тонкіе, красивые пальцы едва касаются клавишей; изъ ея груди едва вылетаютъ мелодическіе звуки: это—«стонетъ сизый голубочекъ, стонетъ онъ и день и ночь»... Дальше вы знаете, о чемъ пѣлось. Теперь другія птицы, другія пѣсни. Я и дядя тихо усаживаемся въ гостиной и ловимъ эти грустные, нѣжные звуки.

— Чудный голосъ! Чувство, чувство въ немъ слышится,— бормочетъ дядя.

— А-а! вы здѣсь!—оборачивается матушка.

— Здѣсь, голубка! Все готово, теперь только гостямъ стоитъ пріѣхать.

Пріѣзжали и они. Шли толки и разсказы. Молодой, худощавый морякъ, Григорій Даниловичъ Бубновъ, увивался около матушки, увѣряя ее, что она прекрасна, какъ пери. Марѳа Трофимовна Бубнова—его мать—разсказывала, что Трегубскіе, выведенные ею въ люди, наворовали огромные капиталы и теперь подъ судъ попались; что Двоеглазовы дочь при ея помощи хотѣли выдать замужъ, а оказалось, что она давно находится въ связи съ совсѣмъ другимъ человѣкомъ, который, вообразите себѣ, давно женатъ; что Синебрюховы, попавшіе съ ея легкой руки въ подрядчики, вышли изъ мужиковъ, а лѣзутъ въ высшій кругъ общества и только вызываютъ всеобщія насмѣшки. Старый адмиралъ Гейгъ молчаливо смаковалъ новыя сигары дяди и иногда поглядывалъ на свою жену, прямую и сухую нѣмку изъ Риги, дававшую ежеминутно новыя порученія своему мужу даже и въ гостяхъ. Воздушныя бѣлобрысенькія дочери Гейга, преслѣдуемыя, какъ Макбетъ тѣнью Банко, своею гувер-

Digitized by Google

панткою, потупляли нѣмецки-сентиментальные глазки и скромали и безъ того крошечные ротики. Столь же бѣлобрысенькіе сыновья Гейга изображали собою вербныхъ херувимовъ и съ ловкостью невидимыхъ духовъ крали у меня лакомства и даже картинки, не измѣняя своихъ невинныхъ, ю-ангельски улыбающихся физіономій. Еще двое-трое гостей вели ожесточенные, чисто-русскіе споры, постоянно доходя до колкостей и совсѣмъ недвусмысленныхъ личныхъ намековъ. «Вы, молъ, что?—неучъ!»—«Ну, да, я учился на мѣдныя деньги, да зато ужъ взятокъ, какъ другіе, не стану брать съ нищаго!» Въ кухнѣ, въ людской и въ столовой между тѣмъ шла возня. Поваръ, Аграфена Карповна, Настя, судомойка, всѣ были въ хлопотахъ, всѣ уборяли другъ друга въ недосмотрахъ, въ оплошностяхъ, всѣ были красны, какъ вареные раки. Въ кухнѣ пахло чадомъ, паръ носился клубами, жара и сквозной вѣтеръ были нестерпимы. Наконецъ, оканчивался завтракъ, и всѣ, гости и хозяева, въ веселомъ настроеніи духа разсыпались по саду. Я игралъ съ бѣлобрысыми Гейгами, сразу покорившими своею небесною кротостью мое сердце. Матушка ходила и таинственно разговаривала съ молодымъ Бубновымъ. Гейгъ садился сыграть партію въ карты со старухой Бубновой, своей женой и дядей. Дѣвицы Гейгъ, сентиментально обнявшись, о чемъ-то шептались и обрывали листики полевого цвѣтка съ тихимъ лепетомъ: «Er liebt, von Herzen, mit Schmerzen, ein wenig, gar nicht». А за ними слѣдовалъ молчаливый призракъ гувернантки. Часы до обѣда проходили незамѣтно, хотя и въ этотъ промежутокъ времени я уже успѣвалъ окончательно разссориться съ юными Гейгами, уличить ихъ въ кражѣ, надавать имъ тумаковъ въ спину и убѣжать подъ защиту матери. Лаская меня, она готовилась вести гостей къ обѣденному столу, но вдругъ ей приходила въ голову великолѣпная мысль, что въ такой чудный день было бы отлично отобѣдать на террасѣ. Я летѣлъ въ столовую вѣстникомъ этой счастливой идеи, но,—увы!—эта идея встрѣчалась прислугой съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Экъ, когда вздумали!—ворчали Аграфена Карповна и дворникъ, наряженный офиціантомъ въ какой-то куцый фракъ съ воротникомъ въ видѣ хомута.—Столъ накрыли, а теперь тащи все на террасу.

Начинался шумъ быстро и сердито собираемой посуды, отрывистыхъ рѣчей и угловатыхъ, говорившихъ о внутреннемъ раздраженіи, передвиганій стола. Черезъ полчаса мы

Digitized by Google

весело и шумно садились за столъ на террасѣ и даже бѣлобрысенькія дочери Гейга по-дѣтски хлопали пухленькими и коротенькими ручками отъ восторга. «Das ist eine göttliche idee!» «Обѣдъ на террасѣ—это такъ поэтично!» Обѣдъ оканчивался благополучно, за нимъ слѣдовалъ отдыхъ за кофе и грогомъ. Всѣ дѣлались особенно добродушны, у всѣхъ подрумянивались щеки, у всѣхъ соловѣли глаза, дядя начиналъ разсказывать анекдоты не безъ сальца, адмиралъ Гейгъ силился сказать остроту,—очень жаль, что это ему никогда не удавалось, такъ какъ острота придумывалась въ теченіе всей жизни и навѣрное развеселила бы все общество. Прислуга, между тѣмъ, торопливо убравшая въ гостиную обѣденный столъ и подавшая на террасу маленькіе китайскіе столики для кофе и грога, хлопотала надъ приведеніемъ въ порядокъ всего, что было смято и запачкано во время обѣда. Настя сердито складывала салфетки, скатерть, прибирала на мѣста графины и чистые стаканы; Аграфена Карповна, вѣчно скупая на наше добро, покачивая головой, осматривала и закупоривала бутылки; импровизированный офиціантъ-дворникъ, пыхтя, тащилъ въ кухню тарелки, ножи и вилки; въ кухнѣ опять шла возня. Но возня начиналась и въ конюшнѣ. Кучеръ, уже давно вычистившій лошадей и вымывшій экипажи, предчувствовалъ близкую работу. Дѣйствительно, послѣобѣденное умиленіе господъ доходило до того, что они начинали искренно вѣрить во все, даже въ прекрасную погоду, и чувствовали непреодолимую любовь къ матери-природѣ. Начинались приготовленія къ катанью. Матушка звала въ свою уборную Настю, чтобы перемѣнить бѣлый капотъ на другое платье, такъ какъ песокъ въ саду и обѣдъ на террасѣ оставили слѣды на батистѣ, порядочно смявшемся и потемнѣвшемъ.

— Ты, Настя, послѣ подгладишь его,—говорила матушка своей горничной.

— Чего тутъ грязь подглаживать! Перестирать надо,—сухо отвѣчала Настя.

— Ну, да, немножко,—добродушно отвѣчала матушка.

Настя молчала.

— Ты, Настя, скучная такая сегодня! Здорова ли ты?—спрашивала матушка съ озабоченнымъ видомъ.

Она давно привыкла и любила видѣть Настю веселою.

— Здорова-съ!—отвѣчала Настя, силясь принять свой обычный веселый видъ, и сообщала барынѣ, что бубновскій

Digitized by Google

кучеръ говорилъ: «Нашъ-то молодой баринъ врѣзался въ вашу барыню».

Матушка улыбалась, слушая эту болтовню, и потомъ вздыхала:

— Нѣтъ, Настя, я никогда не выйду замужъ, никогда! Я для Володи буду жить.

— Да и Богъ съ ними, съ женихами! И Григорій-то Даниловичъ вамъ не пара, строгъ онъ очень, — говорила Настя.

Переодѣтая въ сѣрое шелковое платье, матушка снова выходила къ гостямъ, и всѣ ѣхали кататься. Даже наша водовозка — лошадь во всѣхъ отношеніяхъ премилая — шла въ дѣло и щеголяла своимъ быстрымъ бѣгомъ, то галопомъ, то рысью унося вслѣдъ за другими лошадьми небольшую щеголеватую телѣжечку, гдѣ помѣщались юные Гейги, я и дядя въ роли кучера. Не знаю, кто испытывалъ больше мученій въ несвойственныхъ имъ роляхъ: дядя ли, превратившійся въ кучера, или водовозка, исполнявшая роль бѣговой лошади. Я думаю, что дядя. По крайней мѣрѣ, онъ терялъ всякое присутствіе духа, когда изъ передняго экипажа ему кричали: «Э, капитанъ, да вы все отстаете!» и когда онъ долженъ былъ пускать въ ходъ свой кнутъ.

— Ну, Васька, Васюкъ! что-жъ ты оплошалъ? А? Не хорошо, братъ, не хорошо! Покажи-ка имъ себя: н-ну! — разговаривалъ онъ съ водовозкой, подергивая вожжи.

Видя безплодность своихъ увѣщаній, видя, что водовозка имѣетъ явное поползновеніе остановиться, онъ пускалъ, наконецъ, въ дѣло кнутъ и бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Несутся, точно на пожаръ, угорѣлые! И выдумали некстати катанье; дождь сейчасъ пойдетъ. Ваську только измучатъ.

А дождь дѣйствительно начиналъ накрапывать, и дядѣ приходилось еще чаще пускать въ дѣло кнутъ, чтобы поспѣть за другими экипажами, летѣвшими обратно на дачу.

— Ну, говорилъ, что не во-время катанье выдумали! — бормоталъ дядя.—Вотъ теперь и у праздника. Перепростудятся всѣ, начнутся насморки и кашли. А все гулянье, дома не сидится!

Порядочно измокшіе, мы возвращались домой. Матушка торопливо звала Аграфену Карповну, поручая ей поскорѣе переодѣть меня и напоить горячимъ; сама же въ сопровожденіи Насти шла перемѣнить немного измокшее платье,

Digitized by Google

и потомъ являлась въ новомъ нарядѣ въ гостиную и садилась, по просьбѣ гостей, за фортепіано. Долго еще долетали до меня и звуки фортепіано, и звонъ тарелокъ, и щелканье пробокъ отъ шампанскаго. Еще позже могъ я слышать сквозь сонъ, какъ возилась въ столовой прислуга, какъ хлопали двери въ кладовой и погребѣ. Далеко за полночь утихали всѣ эти звуки, и только слышалось постукиванье палки объ доску. Это Лаврентій, сторожившій дачу, гремѣлъ въ затишьѣ безмолвной ночи. Это были отчетливые и рѣдкіе звуки, какъ будто производимые тяжелою рукой суроваго и разгнѣваннаго человѣка. Помню я, какъ однажды ночью я взглянулъ въ ту сторону, гдѣ билъ палкою въ доску Лаврентій. Я увидалъ въ полумракѣ весенней ночи какое-то странное, похожее больше на звѣря, чѣмъ на человѣка, существо въ нахлобученной на глаза овчинной шапкѣ и въ такомъ же накинутомъ на плечи тулупѣ. Изъ-подъ шапки торчали въ разныя стороны косматые волосы, изъ-подъ тулупа выглядывали большія, неуклюжія ноги, мѣрно и тяжело шагавшія по землѣ. Толстая, тяжелая дубина была закинута на плечо, какъ будто готовая для обороны. Я такъ испугался, что долго не могъ уснуть, и потомъ ночью мнѣ снился страшный медвѣдь, шумно пробиравшійся, ломая на пути сучья, по темному лѣсу.

Этотъ-то звѣрь не принималъ никакого участія въ тревогахъ нашей будничной жизни и оставался безстрастнымъ зрителемъ всѣхъ сейчасъ описанныхъ заботъ и волненій, повторявшихся съ небольшими измѣненіями почти каждый день. Жаловалась ли матушка съ первою раздражительностью на погоду, или сидѣла цѣлый день за книгой или за фортепіано; радовалась ли она ясному дню и выѣзжала на гулянье съ гостями; шила ли, гладила ли, разливала ли чай или чесала голову матушки расцвѣтшая, какъ роза, Пастя; варила ли варенья, приготовляла ли наливки, переваливалась ли изъ кладовой въ погребъ и изъ погреба въ кухню, везла ли меня пріобщать въ церковь «пава» Аграфена Карповна; парился ли поваръ въ кухонномъ жару за печеньемъ блиновъ, мерзъ ли онъ на ледникѣ за приготовленіемъ крема; потѣлъ ли кучеръ за чищеньемъ лошадей, ругался ли онъ за мытьемъ экипажей,—всегда и во всякое время одинъ Лаврентій оставался безмятежно спокоенъ; онъ какъ будто не признавалъ ни нашего государственнаго устройства, ни нашихъ государственныхъ потребностей.

Digitized by Google

Это не мало удивляло меня во дни моего дѣтства. Я могъ приказывать всѣмъ, могъ всѣхъ поднимать на ноги и только не могъ я ничего приказывать Лаврентію, и при каждомъ моемъ приказаніи слышалъ отъ него какой-нибудь отвѣтъ въ родѣ того, что это не его, а кучерово или дворниково дѣло. Видя такое упорное непослушаніе и такую стойкую самостоятельность, я началъ робѣть передъ Лаврентьемъ и почувствовалъ къ нему нѣчто въ родѣ уваженія.

Это было хмурое, шершавое, небритое и нечесаное созданіе. Когда-то онъ служилъ въ матросахъ. Впервые познакомился онъ съ дядею довольно оригинальнымъ образомъ: священникъ сообщилъ начальству, что матросъ Лаврентій Осипенко не знаетъ ни одной молитвы и, повидимому, не имѣетъ никакого понятія о религіи. Начальство поручило молодому мичману Хлопко наставить на путь истины матроса Лаврентья. Хлопко призвалъ къ себѣ Лаврентья Осипенко.

— Я, братецъ, слышалъ, что ты молитвъ не знаешь?— сказалъ Хлопко.

— Точно такъ, — отвѣтилъ Лаврентій Осипенко, вытянувшись въ струнку передъ юнымъ начальникомъ.

— Какъ же это, братецъ! Не хорошо, не хорошо! Вѣдь ты ходишь въ церковь?

— Хожу-съ!—отвѣтилъ Лаврентій Осипенко

— Ну, что же ты тамъ дѣлаешь?

Лаврентій Осипенко посмотрѣлъ на своего юнаго начальника недоумѣвающими глазами и промолчалъ.

Начальникъ повторилъ свой вопросъ.

— Стою-съ,—отвѣтилъ нехотя Осипенко.

— Стою-съ, стою-съ! Знаю, братецъ, что не сидишь, а стоишь! У насъ въ церквахъ не сидятъ, а стоятъ! Мы не католики, не протестанты!—разсердился юный мичманъ.— Да стоишь-то ты зачѣмъ?

— Начальство велитъ-съ.

— Да ты на исповѣдь ходилъ?

— Ходилъ-съ!

— Ну, да для чего же ты ходилъ на исповѣдь?

— Начальство приказало.

При этомъ отвѣтѣ юный начальникъ въ свою очередь посмотрѣлъ на Лаврентія Осипенко недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Да ты, братецъ, знаешь ли, что такое грѣхъ?

Digitized by Google

— Не могу знать-съ!

Юный офицеръ только руками развелъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Давно у тебя отецъ и мать померли?—спросилъ онъ ласковымъ тономъ.

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

— Ну да, теперь нѣтъ, а давно ли они померли?

Матросъ молча глядѣлъ на офицера, опустивъ руки по швамъ.

— Что же ты, братецъ, молчишь? Давно ли они померли? спрашиваю я.

— У меня не было ни отца, ни матери.

— Гм, гм, не было!.. Странно, очень странно! — бормоталъ юноша.—Ну, родные были... Были у тебя родные?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Да ты откуда же?

— Изъ лѣсу-съ.

Офицеръ вытаращилъ глаза и остановился лицомъ къ лицу передъ Лаврентьемъ Осипенко, вглядываясь въ черты лица этого страннаго созданія. Осипенко, весь шершавый, косматый, замаранный дегтемъ, стоялъ въ угрюмомъ безмолвіи и дѣйствительно походилъ на звѣря. Нѣсколько минутъ Хлопко и Осипенко стояли молча другъ передъ другомъ.

— Гдѣ же ты, братецъ, жилъ прежде?—спросилъ по безъ грусти добродушный Хлопко.

— Въ деревнѣ-съ.

— Да, но у кого же, въ чьей семьѣ?

Матросъ молча и угрюмо посмотрѣлъ на офицера. Тотъ повторилъ вопросъ.

— Я не въ избѣ жилъ. Я въ деревнѣ, — отвѣтилъ Осипенко сквозь зубы.

— Какъ, такъ-таки просто въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ?

— Въ полѣ свиней пасъ... Лошадей тоже стерегъ...

— Ну, а зимою?

— По дрова въ лѣсъ ѣздилъ...

— Ну, а спалъ-то, спалъ-то ты, братецъ, гдѣ?

Матросъ опять посмотрѣлъ на юнаго офицера недоумѣвающимъ взглядомъ и, угрюмо усмѣхаясь, немного посжился.

— Разно-съ спалъ... Мало ли гдѣ спять...

Осипенко какъ-то странно захихикалъ и тотчасъ же снова принялъ серьезный видъ.

Digitized by Google

— Ну, а примѣрно-то гдѣ же?

— Шалашки дѣлалъ... тоже въ хлѣву... на мельницѣ вотъ... Не упомню-съ всего, ваше благородіе... Увольте!..

— Тебя такъ въ солдаты по очереди сдали, или за какую-нибудь вину?

— Надо полагать, по очереди...

— На службѣ ни за что не попадался?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Не воровалъ здѣсь?

— Всѣмъ доволенъ-съ!

Юный Хлопко снова заходилъ по комнатѣ и о чемъ-то думалъ.

— Ты не грамотный?

— Чего-съ?

— Читать умѣешь?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Приходи ко мнѣ завтра, я тебя стану молитвамъ учить.

— Слушаю-съ.

Съ этого дня мичманъ Хлопко полюбилъ матроса Осипенко. Онъ выучилъ его тремъ молитвамъ и десяти заповѣдямъ и на этомъ покончилъ религіозное образованіе матроса. Юный офицеръ иногда давалъ матросу денегъ, иногда кормилъ его и постоянно изъ любознательности разспрашивалъ о его прошлой жизни. Матросъ отвѣчалъ на вопросы коротко, положительно, принималъ подарки и милости, вытянувшись въ струнку, не измѣняя выраженія на своемъ вѣчно хмуромъ и рано состарѣвшемся лицѣ. Ни малѣйшаго чувства, ни одного порыва не прорывалось изъ этой суровой и одеревянѣлой души. Это былъ дикій звѣрь, выученный людьми разнымъ фокусамъ въ родѣ маршировки, лазанья по мачтамъ, повиновенія начальству, отвѣтовъ на вопросы и т. п. Несмотря на это, юный мичманъ любилъ его и считалъ глубокою и честною натурой. Прошло нѣсколько лѣтъ, когда Лаврентью Осипенко удалось еще болѣе скрѣпить свои дружескія отношенія съ Хлопко. Мичманъ Хлопко, купаясь въ морѣ, пошелъ ко дну. Спасеніе уже казалось невозможнымъ, когда на фрегатѣ увидали вынырнувшаго Осипенко съ обезпамятѣвшимъ Хлопко. Когда мичманъ пришелъ въ себя и сталъ горячо благодарить Осипенко, тотъ нахмурилъ еще болѣе свое лицо и грубо пробормоталъ:

— Чего не видали въ водѣ, что сами въ нее лѣзете?

Digitized by Google

Съ этой минуты въ отношеніяхъ двухъ друзей явилась новая черта: Осипенко сталъ ворчать и дѣлать выговоры юному Хлопко. Въ теченіе многихъ лѣтъ два друга были неразлучны, Осипенко, наконецъ, получилъ отставку, у него въ это время уже были оторваны два пальца на лѣвой рукѣ. Бывшій мичманъ, теперешній капитанъ Хлопко, нашелъ ему мѣсто въ Ораніенбаумѣ при одной изъ дачъ, которая потомъ и сдѣлалась нашею собственностью. Осипенко, поселившись на дачѣ, попрежнему не выражалъ никакихъ нѣжныхъ чувствъ къ капитану Хлопко, хотя и считалъ своею непремѣнною обязанностью являться на квартиру капитана, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю. Теперь же они каждое лѣто жили вмѣстѣ, и потому Осипенко могъ избавить себя, хотя на три мѣсяца, даже отъ этихъ слабыхъ изъявленій своей признательности къ Хлопко.

Это-то странное, косматое, почти коричневое существо, съ небритымъ подбородкомъ, въ порванной и запачканной одеждѣ, имѣло смѣлость не принимать никакого участія въ радостяхъ моихъ подданныхъ, восхищавшихся, что они могутъ быть рабами вдовствующей принцессы и ея наслѣднаго принца, ненагляднаго Владиміра Михайловича. Лаврентій Осипенко простиралъ свою дерзость до того, что не только среди сіяющихъ радостью и счастіемъ людей смотрѣлъ попрежнему мрачно и угрюмо, но даже осмѣливался бормотать себѣ подъ носъ: «Ишь, сами-то словно малые ребята съ куклой возятся». Это безучастное и почти враждебное отношеніе Лаврентья ко мнѣ очень разнообразно дѣйствовало на моихъ добрыхъ подданныхъ. Моя мать холодно и брезгливо смотрѣла на старика и терпѣла его присутствіе на дачѣ только за то, что онъ спасъ когда-то ея дядю, да еще за то, что старикъ имѣлъ счастливую способность не спать по ночамъ и лучше кого-нибудь другого караулить дачу. Подъ его защитой можно было спать спокойно. Аграфена Карповна вообще не уважала Лаврентья и раздражительно замѣчала ему:

— Ну да, ты ужъ, извѣстно, въ Бога не вѣруешь и дѣтей, Божьяго благословенія, не можешь любить.

— Тебя, пава, видно не благословлялъ никто, что до сихъ поръ дѣтей не рожаешь,—хмуро замѣчалъ Лаврентій.

— Тьфу ты, окаянный! Да я и замужемъ не была!—отплевывалась Аграфена Карповна.

— То-то ты и не знаешь, чье они благословенье.

Digitized by Google

Настя просто грызлась съ Лаврентьемъ изъ-за меня и, въ концѣ-концовъ, тоже плевала передъ носомъ старика, восклицая:

— Статуй, статуй безчувственный!

— Ну, значитъ, и отстань, крыса! И приставать, значитъ, нечего! — сурово отвѣчалъ старикъ, забивая большіе гвозди въ каблукъ топорно сшитаго имъ самимъ сапога!

Но, по странному стеченію обстоятельствъ, Лаврентію постоянно приходилось дѣлать нянькѣ замѣчанія насчетъ ухода за ея воспитанникомъ.

— Ты это куда бѣжишь, крыса? — спрашивалъ онъ у Насти.

— Гулять съ Владиміромъ Михайловичемъ иду, — отвѣчала она гордымъ тономъ.

— Гулять съ Владиміромъ Михайловичемъ иду! — насмѣшливо передразнилъ ее старикъ. — А ты глотку-то ему повязала платкомъ?

— Ай, батюшки, я и не досмотрѣла!—восклицала Настя и бѣжала домой за платкомъ.

— Нѣжать, нѣжать, а потомъ возись съ нимъ, какъ сляжетъ!—ворчалъ Лаврентій.—Нажили себѣ заботу.

Исполняя добросовѣстно должность ночного стража и смотрителя при ванной, Лаврентій на этомъ покончивалъ всѣ отношенія къ нашему государственному управленію. Его конура около ванны была чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ, гдѣ не было ни подданныхъ, ни начальниковъ и былъ только одинъ онъ—и слуга, и господинъ своей особы. Прокарауливъ ночью нашу дачу, осмотрѣвъ ванну, онъ забирался въ свою конуру и принимался за шитье для себя сапогъ, за починку для себя одежды, за изготовленіе сѣтей, за исправленіе лодки. Всѣ эти занятія сопровождались пожевываніемъ хлѣба, понюхиваніемъ табаку, покуриваніемъ коротенькой трубки и иногда чѣмъ-то въ родѣ пѣнія, болѣе похожаго на ворчанье или на вой, чѣмъ на настоящее пѣніе. Наработавшись вдоволь на свою особу, онъ растягивался на спинѣ, какъ настоящій свободный гражданинъ, у себя въ конурѣ или на берегу залива. Пососавъ съ четверть часа трубку, онъ въ полуснѣ придавливалъ въ ней большимъ пальцемъ огонь, засовывалъ ее съ пепломъ въ карманъ штановъ, забивалъ носъ большой понюшкой табаку, поворачивался на бокъ и засыпалъ на два, на три часа. Потомъ, сваривъ себѣ каши или рыбы,—Лаврентій не бралъ съ нашей кухни обѣда,—онъ

Digitized by Google

посвящалъ время ѣдѣ и, выбросивъ остатки кушанья на берегу, отправлялся на лодкѣ ловить дрова или рыбу. Брошенные на землю объѣдки собирали у конуры Лаврентья разныхъ птицъ и собакъ. И дровъ, и рыбы налавливалъ онъ много. Иногда осенью заливъ приносилъ къ нему и болѣе цѣнные дары; такъ иногда Лаврентью удавалось съ мартышкинскими крестьянами привезти къ ваннѣ разбитую барку съ грузомъ затонувшаго хлѣба. Въ этихъ случаяхъ Лаврентій по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ воды и, стоя въ ней по-поясъ, съ топоромъ или ломомъ въ рукѣ, въ своей овчинной шапкѣ, походилъ на какого-то угрюмаго повелителя водъ. Самая поздняя осень, самые сильные холода выгоняли старика изъ воды, но онъ все-таки бродилъ около своего, скованнаго льдами, царства и сторожилъ, не проситъ ли гдѣ-нибудь помощи какой-нибудь смѣльчакъ, рано вздумавшій прокатиться по льду, не сбилась ли гдѣ-нибудь въ пути повозка, ѣхавшая изъ Петербурга. Заливъ былъ знакомъ Лаврентью, какъ черты съ дѣтства любимаго имъ друга. И не только заливъ, но и все лѣнивее къ заливу смѣло могло разсчитывать на участіе, на помощь или на совѣтъ старика: каждый мартышкинскій крестьянинъ, каждый извозчикъ изъ Копорья, пріѣзжавшій зимой въ Ораніенбаумъ, каждая птица, селившаяся въ камышахъ, каждый рыболовъ, проплывшій, гоняясь за рыбой, отъ Тверской губерніи или отъ остзейскихъ береговъ до Ораніенбаума, были извѣстны Лаврентью. Рыболовы изъ Тверской губерніи нерѣдко останавливались около нашей ванны и разводили огонь у конуры Лаврентья, развѣсивъ и починяя на этомъ мѣстѣ свои сѣти. Рыболовы съ остзейскихъ береговъ тоже посѣщали его, приплывая на лайбахъ съ женами и дѣтьми. Видя этихъ старыхъ знакомыхъ, старикъ оживлялся, хлопоталъ о сбытѣ ихъ товара бродящимъ по берегамъ Стрѣльны, Петергофа и Ораніенбаума продавцамъ рыбы, давалъ имъ безплатно дровъ и щепокъ для разведенія огня и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ ними о разной рыбѣ, о надеждахъ на уловъ, о предстоящей погодѣ. Въ этой сферѣ онъ являлся почти пророкомъ и, казалось, зналъ каждое облачко, предвѣщавшее грозу или бурю.

Робко и боязливо подходилъ я къ этому существу съ первой моей дѣтской просьбой: «покатать меня на лодочкѣ».

— А что дома-то скажутъ, пѣтушокъ?—хмуро спросилъ онъ, покуривая трубку.

Digitized by Google

Мнѣ было тогда шесть лѣтъ.

— Я не скажу никому, что я катался,—отвѣтилъ я.

— Ну, пойдемъ,—промолвилъ онъ.

Загасивъ пальцемъ огонь въ трубкѣ и сунувъ ее въ карманъ панталонъ, онъ потащился своей медвѣжьей походкой къ лодкѣ. О, какъ сильно билось мое сердце, когда шершавыя, грубыя руки Лаврентья подняли меня со ступеней ванны и перенесли въ лодку.

— Только не ерзай, пѣтушокъ, не то лодка перевернется. Съ водой шутки плохія!—промолвилъ онъ и, плюнувъ на ладони, взялся за весла.

Лодка понеслась, ловко и быстро минуя разбросанные подъ водой большіе камни. Лаврентій зналъ мѣсто каждаго изъ нихъ.

— Гляди!—кивнулъ онъ головою вверхъ.

Я поднялъ голову. Надо мной, вытянувъ впередъ шеи, низко надъ водой летѣли одинъ за другимъ четыре гуся, тревожно махая крыльями.

— Отсталые! — пробормоталъ Лаврентій. — Ишь, какъ устали, сердечные. Вѣрно болѣзнь приключилась въ дорогѣ.

— А это видишь?—указалъ онъ глазами въ другую сторону неба.

— Это туча?—спросилъ я, видя длинные, дымчатые столбы въ воздухѣ.

— Комары,—слышишь, какъ жужжатъ?

Лаврентій на минуту пересталъ грести.

Я прислушался: въ воздухѣ дѣйствительно раздались звуки, похожіе на журчанье горнаго ручья по камнямъ; дымчатый столбъ то расширялся по небу, то снова суживался и опускался сверху внизъ.

— Что же это они такъ летаютъ?— спросилъ я у Лаврентья.

— Свадьбу правятъ!—отвѣчалъ онъ, принимаясь за весла и поворачивая назадъ.

— Лаврентій, голубчикъ, подвези къ камышамъ. Я нарву ихъ,—сладко умолялъ я старика.

— Зачѣмъ попусту рвать? Пусть растутъ. Птица тутъ живетъ. Вонъ къ осени цвѣсти будутъ, тогда метелокъ, пожалуй, нарвемъ,—отвѣтилъ старикъ, подавая мнѣ надежду на новое катанье въ лодкѣ.

— А ты, Лаврентій, любишь море?—спросилъ я старика, восхищенный катаньемъ и блескомъ заходящаго солнца, залившаго золотомъ все пространство зеркально гладкой воды.

— Чего его не любить? На морѣ здорово жить,—отвѣтилъ

Digitized by Google

Лаврентій, снова поднимая меня на руки и вынося на лѣстницу ванны.

Я невольно, чтобы не упасть въ воду, обнялъ рукою шею старика, и въ этомъ положеніи мы достигли берега.

Съ этой минуты началась моя дружба съ Лаврентьемъ. Я привязался къ нему, какъ собачонка; можетъ-быть, и онъ почувствовалъ ко мнѣ ту привязанность, которую мы иногда питаемъ къ ласкающемуся щенку. Но каковы бы ни были его чувства въ отношеніи ко мнѣ, я все-таки вспоминаю о нихъ съ самой теплой, съ самой глубокой благодарностью. Онъ первый познакомилъ меня съ природою, онъ первый отучилъ меня отъ излишней изпѣженности, онъ первый свелъ меня съ простыми ребятишками, бѣгавшими ловить рыбу съ «дѣдушкой» Лаврентьемъ, наконецъ,—и это главное—онъ первый безсознательно научилъ меня по возможности обходиться безъ услугъ постороннихъ людей и видѣть наслажденіе въ трудѣ.

Еще не понимая всей неизмѣримой разницы между образомъ жизни моей матери и Лаврентія, я сразу почувствовалъ, что быть около Лаврентія веселѣе. Онъ вѣчно былъ за работой, вѣчно копошился, вѣчно что-нибудь соображалъ насчетъ будущихъ занятій и, несмотря на свою постоянную суровость и наружную мѣшковатость, былъ бодръ и оживленъ. Матушка, напротивъ того, постоянно скучала и за чтеніемъ романовъ, и за пѣніемъ «голубка»; ея молодость, ея оживленіе были только кажущимися, въ сущности это была вѣчная хандра, недовольство жизнью и апатія, для временнаго исцѣленія которой нужны были обѣды съ гостями, катанье съ знакомыми и танцовальные вечера. Все лѣтнее время я пропадалъ теперь на берегу около ванны и значительно поздоровѣлъ, повеселѣлъ и пересталъ льнуть къ вареньямъ Аграфены Карповны. Послѣ переѣзда въ Кронштадтъ мнѣ уже стало окончательно скучно въ обществѣ матери, и я началъ посѣщать людскую и Настю. Здѣсь также шла постоянная возня, стирка, стряпня, глаженье, чищеніе посуды. Особенное удовольствіе доставляла мнѣ прислуга, позволивъ почистить какую-нибудь зелень, кастрюлю или тазъ. Иногда я возвращался въ комнаты совершенно выпачканнымъ, и матушка давала за это выговоръ и мнѣ, и Настѣ. Но въ этихъ случаяхъ дядя вступался за насъ и говорилъ, что не нужно мѣшать мнѣ пачкаться.

— Пусть всему научится. Это хорошо, если человѣкъ и стряпать умѣетъ,—разсуждалъ онъ.

Digitized by Google

— Ахъ, дядя, не будетъ же онъ поваромъ!—восклицала матушка.

— Ну, поваромъ не приведетъ Богъ быть, такъ мало ли что можетъ случиться! На необитаемый островъ попадетъ.

— Я его ни за что не сдѣлаю морякомъ,—вздрагивала моя мать въ испугѣ и прижимала меня къ себѣ.

— Ты не сдѣлаешь, самъ сдѣлается!—говорилъ дядя.—Будущее не въ нашей волѣ.

А я въ это время мысленно уже давалъ обѣтъ быть моряком.

Къ концу зимы матушка начала серьезно ревновать меня къ Настѣ, видя, что я большую часть времени провожу въ людской. Начала она подумывать и о гувернанткѣ для меня, и о переѣздѣ въ Петербургъ. Онъ теперь сталъ уже менѣе ненавистенъ для нея, чѣмъ семь лѣтъ тому назадъ. Но, не рѣшившись покуда ни на что, наша семья снова собралась на дачу, и я сладостно мечталъ о своей встрѣчѣ, о своихъ катаньяхъ по заливу съ Лаврентьемъ. Мои ожиданія скоро сбылись, и мнѣ казалось, что моему счастью не будетъ конца.

III.

Капитанъ Хлопко лишается своего экипажа и переходитъ на другой корабль въ качествѣ простого пассажира.

Въ это лѣто со мной случилось одно изъ тѣхъ происшествій, которыя нерѣдко бываютъ въ жизни шаловливыхъ и бойкихъ дѣтей. Несмотря на всю свою незначительность, оно какъ бы послужило началомъ цѣлаго ряда новыхъ, печальныхъ для меня событій, и потому сильно врѣзалось въ мою память со всѣми мельчайшими подробностями. Дѣло было въ іюнѣ. На дворѣ стоялъ жаркій день. Моя мать гуляла со мною въ ораніенбаумскомъ саду. Съ нами былъ нашъ неизмѣнный въ послѣднее время спутникъ, Григорій Даниловичъ Бубновъ. Матушка, какъ многія, слабыя отъ природы, изнѣженныя и нервныя молодыя женщины, очень быстро утомлялась во время жара и впадала въ то состояніе, при которомъ человѣку трудно двигаться и говорить, при которомъ во всемъ тѣлѣ чувствуется истома, а умъ полудремотно предается смутнымъ и безотчетно-тоскливымъ, хотя и нелишеннымъ сладости, мечтаніямъ. Въ этомъ состояніи женщина дѣлается похожею на больного ребенка, пригрѣтаго солнцемъ и дремлющаго подъ волшебныя сказки старой няни: она готова при первой ласкѣ преклонить на чье-нибудь плечо свою усталую голову, ничтожное огорченіе

Digitized by Google

или малѣйшій испугъ вызываютъ изъ ея глазъ слезы. Послѣ получасовой прогулки, когда я еще попрежнему бойко подпрыгивалъ по аллеямъ и забѣгалъ въ траву, завидѣвъ въ ней какой-нибудь полевой цвѣтокъ, моя мать уже окончательно утомилась и не могла идти далѣе. Мы приближались въ это время къ пруду, окруженному тѣнистыми деревьями и рѣдко посѣщаемому дачниками. Григорій Даниловичъ предложилъ моей матери отдохнуть. Она сѣла на скамью и впала въ безмолвное, созерцательное настроеніе, слушая рѣчи своего спутника. Я продолжалъ бѣгать около пруда. Съ обычной своей нервностью, мать начала безпокоиться за меня.

— Володя, Володя, не бѣгай: тутъ вода близко,— обратилась она ко мнѣ.

— Ничего, мамочка, тутъ цвѣты желтенькіе, я только пхъ нарву,—крикнулъ я ей въ отвѣтъ и продолжалъ нырять въ высокой, свѣжей травѣ.

Мать съ тайной тревогой слѣдила за мной. Она уже не слушала Григорія Даниловича и отвѣчала ему разсѣянно. Онъ сильно досадовалъ на меня, какъ на виновника невнимательности его спутницы.

— Володя, что же вы бѣгаете, если ваша maman боится за васъ?—крикнулъ онъ мнѣ недовольнымъ тономъ.

Но я и ухомъ не повелъ. Я не привыкъ слушаться посторонних, а свои дѣлали все такъ, какъ хотѣлось мнѣ.

Мать замѣтила, что Бубновъ сердится за мое непослушаніе, и поспѣшила, по своему обыкновенію, оправдать меня и обвинить одну себя.

— Оставьте его,—сказала она.—Я вѣдь и сама знаю, что ребенку нужно движеніе, что его не должно стѣснять. Излишняя осторожность обабитъ его и сдѣлаетъ трусливымъ... Но что вы станете дѣлать съ нервами! Я и сама не рада, что я такая трусиха... Вы не можете себѣ представить, что со мною дѣлается, если онъ гдѣ-нибудь на прогулкѣ запоздаетъ или съ Лаврентьемъ на лодкѣ далеко заѣдетъ... Я знаю что съ нимъ ничего не сдѣлается, но...

Въ эту минуту я тянулся за водянымъ цвѣткомъ въ прудъ и поскользнулся. На аллеѣ раздался пронзительный крикъ моей матери, и почти въ то же мгновеніе сильная рука вытащила меня изъ воды, гдѣ я безплодно барахтался у берега.

— Негодяй, мать чуть не уморилъ!—злобно прошепталъ мой спаситель и, съ свирѣпымъ взглядомъ погрозивъ мнѣ

Digitized by Google

пальцемъ, устремился на помощь къ моей матери, лежавшей на скамьѣ съ закрытыми рукой глазами.

Съ ней, кажется, сдѣлалось дурно.

Меня не столько взволновало мое паденіе въ воду, какъ испугалъ грозный видъ и глухой шопотъ Бубнова. Если бы я могъ себѣ представить, что меня смѣютъ когда-нибудь высѣчь, то именно теперь мнѣ слѣдовало бы ждать тѣлеснаго наказанія. Бубновъ хлопоталъ около моей матери. Черезъ нѣсколько минутъ она очнулась.

— Володя! Что съ Володей?—были ея первыя слова.

— Ничего, вонъ онъ стоитъ,—произнесъ Бубновъ, плохо скрывая свое негодованіе. — Но какъ вы себя чувствуете? Я такъ испугался за васъ!

— Благодарю... Ахъ, что было бы безъ васъ!—вздрогнула мать при воспоминаніи о моемъ паденіи и прижала меня къ груди.—Но, Боже мой, онъ весь мокрый, онъ можетъ простудиться.

Она торопливо начала снимать съ себя платокъ, чтобы окутать имъ меня.

— Что вы хотите дѣлать?—спросилъ Бубновъ.

— Я раздѣну его, заверну въ свой платокъ и донесу до дому...

— Помилуйте, зачѣмъ же? Онъ добѣжитъ до дачи и согрѣется... Притомъ же теперь такъ тепло...

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ простудится!

Бубновъ пожалъ плечами.

— Но нести-то его я вамъ не позволю. Вы и безъ того такъ слабы, а онъ уже не грудной младенецъ, слава Богу. Давайте его мнѣ.

Мать покраснѣла.

— Вы такъ добры, мнѣ, право, совѣстно!..

— Ничего!

Бубновъ уже былъ готовъ раздѣть меня, закутать въ платокъ и взять на руки, но я оказалъ сопротивленіе и бойко заявилъ, что я добѣгу до нашей дачи, что я не маленькій. Мои оттоворки не повели ни къ чему и вызвали только новый упрекъ со стороны Григорія Даниловича.

— Кажется, хоть теперь-то можно перестать упрямиться,— сухо замѣтилъ онъ и началъ раздѣвать.

Я инстинктивно чувствовалъ, что онъ меня ненавидѣлъ въ эту минуту заботливыхъ ухаживаній за мною болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Мнѣ казалось, что онъ охотно бы утопилъ меня въ этомъ прудѣ, откуда за минуту вытащилъ меня,

Digitized by Google

если бы только такой поступокъ не произвелъ дурного впечатлѣнія на мою мать.

«Зачѣмъ это онъ меня вытащилъ?—думалось мнѣ.—Это онъ для мамаши, а не для меня сдѣлалъ. А вотъ я, значитъ, меньше, чѣмъ онъ, люблю мамашу, я ее не берегу и огорчаю ее, а онъ угождаетъ ей».

Эти мысли вызвали во мнѣ горькое раскаяніе за мое дурное поведеніе и возбудили еще болѣе сильную злобу на Бубнова за то, что онъ смѣетъ любить мою мать больше, чѣмъ я люблю ее. Въ продолженіе всей дороги я досадовалъ, что моя мать то прикрывала платкомъ мои ноги, то изъявляла Бубнову, что ей совѣстно безпокоить его, и, такимъ образомъ, какъ бы связывала насъ вмѣстѣ въ своей заботливости. Я негодовалъ, что этотъ человѣкъ занялъ мѣсто въ ея сердцѣ. Прежде она не заботилась ни о комъ въ мірѣ, кромѣ меня. Повидимому, до сихъ поръ матери и въ голову не приходило, что я, ея Володя, могу кого-нибудь стѣснить или обезпокоить. Ни дядѣ, ни Лаврентью, ни Настѣ мать не говорила, что я тревожу ихъ, когда они возились со мною, не доѣдая за обѣдомъ, не досыпая ночью. Теперь же она стѣснялась и заботилась о томъ, что я безпокою какого-то Бубнова. Была ли у матери эта тревога просто слѣдствіемъ того, что Бубновъ былъ мало знакомъ съ нами, или были тутъ слѣды инстинктивнаго пониманія той нелюбви ко мнѣ, которою былъ исполненъ Бубновъ,—не знаю. Но я склоненъ предполагать послѣднее, такъ какъ моя мать, видя меня вѣшающимся даже на незнакомыхъ людей, повидимому, предполагала, что я доставляю имъ величайшее блаженство, ероша ихъ волосы своими руками и марая ихъ платье своими сапогами.

Когда меня принесли домой, мать начала хлопотать, чтобы Настя скорѣе согрѣла меня, хотя я нисколько не озябъ, и тутъ же замѣтила дядѣ:

— Дядя, сойди въ залъ и предложи доброму Григорію Даниловичу переодѣться; онъ, кажется, промочилъ ноги. Мнѣ было неловко спросить его объ этомъ, но я замѣтила, что его сапоги были мокры.

Потомъ, оставивъ меня въ дѣтской за чаемъ, она поспѣшила въ столовую, и я слышалъ, какъ она предлагала Бубнову рому къ чаю, боясь за его здоровье. Бубновъ, вѣроятно, понималъ, что въ этотъ день онъ сталъ въ сердцѣ моей матери на первый планъ послѣ меня. Она посылала дядю за платьемъ для него, она велѣла Аграфенѣ Карповнѣ при-

Digitized by Google

пести ему рому, она сама двадцать разъ, отрываясь отъ меня, начинала благодарить его. Когда я уснулъ, Бубновъ предложилъ моей матери пройтись по нашему саду, чтобы освѣжиться.

— Какъ вы нервны, какъ вы волнуетесь изъ-за пустяковъ!—говорилъ онъ ей.

— Какъ! Вы считаете пустяками жизнь Володи?—обидѣлась мать.

— Сохрани меня Богъ!—произнесъ Бубновъ.—Но тутъ дѣло шло не о его жизни, а только о его купаньѣ въ одеждѣ,—улыбнулся онъ.—Вѣдь не могъ же онъ утонуть, когда съ вами былъ я. Правда, вы могли растеряться, съ вами могъ сдѣлаться обморокъ, но ничто не могло помѣшать мнѣ вытащить его изъ воды. И вѣдь безъ этихъ приключеній не проходитъ ни одно дѣтство. Особенно бояться ихъ нечего: ушибется малютка — до свадьбы заживетъ; выкупается въ одеждѣ — на солнцѣ высушится; побьетъ его кто-нибудь — такъ вѣдь битая посуда два вѣка живетъ.

Мать улыбнулась.

— Хорошо вамъ говорить! Вы, мужчины, тверже насъ, нервныхъ женщинъ!

— Да вѣдь у васъ нервы не потому слабы, что вы женщина, а потому, что вашъ сынъ—это весь вашъ міръ, ваша idée fixe...

— Вы упрекаете мать за ея любовь къ сыну!

— Нисколько! Любите его еще больше, если это возможно, но не дѣлайте его той картой, на которую ставится вся жизнь. Это слишкомъ азартная и неразсчетливая игра,—неразсчетливая уже потому, что вы не можете въ ней хладнокровно думать и, ставя всю жизнь на одну карту, имѣете больше шансовъ къ проигрышу, чѣмъ къ выигрышу.

Мать молча куталась въ шаль, ей становилось какъ-то не по-себѣ.

— Вотъ хоть бы этотъ испугъ,—продолжалъ Бубновъ, замѣтивъ, что матери какъ будто нездоровится.—Онъ можетъ стоить вамъ здоровья. Но захворайте вы—это отзовется и на Володѣ. Еще два-три подобные испуга—и вы можете поплатиться жизнью, въ проигрышѣ будете и вы, и Володя,—Володя даже болѣе васъ.

Мать готова была заплакать. Я уже представлялся ей круглымъ сиротой.

— Что же дѣлать? Я не могу передѣлать себя.

— Передѣлайте обстоятельства, и вы передѣлаетесь сами,—замѣтилъ Бубновъ вкрадчивымъ тономъ.

Digitized by Google

Мать молкомъ взглянула на него, не вполнѣ понимая его мысль.

— Вы и вашъ дядя,—продолжалъ Бубновъ:—вы оба поставили свою жизнь на карту семейной жизни или даже не семейной жизни, а жизни Володи. Но вѣдь вы, такимъ образомъ, принесете только вредъ мальчику. Онъ будетъ воспитанъ какимъ-то китайскимъ божкомъ, которому кланяются, котораго ублажаютъ, но который не видитъ дѣйствительной жизни и не будетъ имѣть средствъ бороться противъ ея невзгодъ, когда она настанетъ для него. Когда-нибудь онъ поступитъ въ школу, и тамъ начнется его первый разладъ съ обществомъ: онъ захочетъ, чтобы общество, учителя, школьники — все плясало по его дудкѣ, какъ все повиновалось ему въ его родномъ домѣ. Онъ будетъ неспособенъ понимать, что общество въ теченіе тысячи лѣтъ выработало извѣстные обычаи, правила, законы, и будетъ требовать, чтобы эта тысячелѣтняя мудрость склонилась передъ нимъ, уступила мѣсто его капризу, воспитанному десятидвѣнадцатилѣтнимъ поклоненіемъ семьи. Какъ вы думаете, чьи силы возьмутъ перевѣсъ въ борьбѣ: силы ли тысячеглаваго общества, пережившаго и войны, и чуму, и сотни пытокъ, или изнѣженный ребенокъ, боящійся сквознаго вѣтра, плачущій, если у него нѣтъ лишняго яблока, не умѣющій защититься отъ нападенія какой-нибудь шавки, если около него нѣтъ няни?

Мать не говорила ни слова. Григорій Даниловичъ, окончивъ свою рѣчь, тоже нѣсколько времени шелъ молча. Мать первая прервала молчаніе.

— Знаете ли,—начала она тихимъ и смущеннымъ голосомъ:—до сихъ поръ мнѣ казалось, что вы не любите Володю... Вы меня извините...

— Я не умѣю выражать любовь къ дѣтямъ страстными поцѣлуями,—хладнокровно, почти холодно отвѣтилъ Бубновъ.

— Ради Бога, не сердитесь на меня за это предположеніе!—съ полной искренностью протянула мать ему руку.

Она была вполнѣ увѣрена, что каждому человѣку должно быть обидно, если его подозрѣваютъ въ нелюбви къ ея *Володѣ*.

Бубновъ крѣпко пожалъ протянутую ему руку.

Съ этого дня начались довольно близкія дружескія отношенія между моею матерью и Григоріемъ Даниловичемъ. Эти отношенія были вызваны мною, поддерживались и подогрѣвались при помощи общей темы для разговоровъ, то-

Digitized by Google

сть при помощи толковъ о моей судьбѣ. Но именно я болѣе всѣхъ досадовалъ на эти отношенія. Я не безъ негодованія видѣлъ, что мать моя все чаще и чаще оставляетъ меня съ дядей, съ Лаврентьемъ, съ няней и уходитъ гулять или просиживаетъ по цѣлымъ часамъ вдвоемъ съ Бубновымъ; я даже нѣсколько разъ доходилъ до сильнаго гнѣва, когда она, смѣясь, говорила при мнѣ Бубнову:

— А Володю надо бы пожурить, онъ опять капризничаетъ.

Эта фраза пробуждала во мнѣ нестерпимую боль и оскорбляла мою дѣтскую гордость и чувство независимости. Однажды, услышавъ отъ матери эти слова, я не выдержалъ и вспылилъ.

— Григорій Даниловичъ не родной мнѣ, чтобы я сталъ его слушаться,—проговорилъ я, краснѣя до ушей.

— А развѣ только родныхъ надо слушаться?—спросилъ Бубновъ, пристально смотря на меня.

— Да, родныхъ. Другіе не смѣютъ бранить и наказывать,— смѣло возразилъ я и взглянулъ на Бубнова вызывающимъ на бой взглядомъ.

— А если бы тебя отдали ко мнѣ?

— Это зачѣмъ?—перебилъ я Бубнова.—Такъ бы я и пошелъ къ вамъ! Очень мнѣ нужно!

— Но если бы тебѣ велѣли идти?..

— А я взялъ бы, да и убѣжалъ къ мамашѣ!—рѣшилъ я.

Мать улыбнулась моей сообразительности.

— Несмотря на желаніе мамаши, чтобы ты жилъ у меня?— продолжалъ допрашивать Бубновъ.

— Мамаша никогда не отдала бы меня...

Мать нѣжно взглянула на меня, радуясь, что я такъ твердо увѣренъ въ ея любви, и уже хотѣла обнять меня въ награду за эту увѣренность, но Бубновъ удержалъ ее отъ изліяній материнской нѣжности, слегка покачавъ головою.

— Ну, а если бы мамаша отдала?—настойчиво продолжалъ онъ допросъ.—Если бы она захотѣла, чтобы ты жилъ у чужихъ и слушался ихъ?

Я взглянулъ на мать: она сидѣла неподвижно и не опровергала предположеній Бубнова, стараясь не встрѣчаться со мною глазами. У меня дрогнули губы отъ слезъ, которыя [illegible]но старался удержать.

[illegible]. я... я убѣжалъ бы къ дядѣ!—уже рыдая, произ-

Digitized by Google

— Молодецъ, братъ, молодецъ!—встрепенулся дядя, дружески хлопнувъ меня по плечу.—Такъ и надо, чортъ побери!

Бубновъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на восторгъ дяди, конечно, не раздѣляя этого восторга, и мелькомъ промолвилъ матери:

— Вы видите, что я правъ.

— Какъ тебѣ не стыдно плакать?—сказала мать и потянула меня къ себѣ.

Я сердито вырвался изъ ея рукъ и убѣжалъ изъ комнаты. Дядя послѣдовалъ за мною, ворча себѣ подъ носъ:

— Глупыя шутки, очень глупыя шутки! Доводить ребенка до слезъ чортъ знаетъ зачѣмъ. Самихъ бы пострашать отправленіемъ въ острогъ,—что бы тогда запѣли!

Бубновъ пропустилъ мимо ушей эту воркотню старика и обратился къ моей матери:

— Видите ли: одно только предположеніе, что его отдадутъ въ чужія руки, заставляетъ его плакать, а что же будетъ, когда его, въ самомъ дѣлѣ, отдадутъ въ школу? Вамъ надо подумать, серьезно подумать о немъ. Жаль, если онъ погибнетъ, вооруживъ всѣхъ людей противъ себя.

Черезъ нѣсколько минутъ мать и Бубновъ гуляли вдвоемъ въ саду. Мать была задумчива и грустна.

— Мой другъ,—моя мать уже нерѣдко называла Бубнова этимъ именемъ:—что же мнѣ дѣлать?—говорила она.—Неужели нужно поскорѣе отдать его въ чужія руки?

— Зачѣмъ? Развѣ вы не можете предположить, что можетъ найтись постороннее лицо, которому станутъ близки, какъ свои, всѣ ваши интересы и интересы Володи?

Мать молчала.

— Неужели вы думаете навсегда остаться въ томъ положеніи, въ какомъ вы находитесь теперь? Оно станетъ со временемъ тяжело для васъ, когда Володя подрастетъ и будетъ отсутствовать по цѣлымъ днямъ, преданный новымъ интересамъ, новымъ друзьямъ и товарищамъ...

— Я не думаю о себѣ,—вскользь замѣтила мать.

— Нужно и о себѣ подумать, потому что и для Володи не составитъ особеннаго счастья ваше одинокое, безотрадное положеніе. Вы его свяжете по рукамъ и по ногамъ въ будущемъ, когда онъ увидитъ, что вся ваша жизнь заключается только въ немъ, въ его присутствіи около васъ. Онъ пойметъ, что, отдаваясь своимъ интересамъ, вращаясь внѣ своего дома, въ кружкѣ юныхъ друзей, онъ похищаетъ часть вашихъ радостей, и ему станетъ тяжело, онъ не будетъ

Digitized by Google

знать, чѣмъ пожертвовать: долею вашихъ радостей или своими инстинктивными стремленіями къ молодой жизни, къ юному поколѣнію людей...

Мать задумалась и опустила на грудь голову.

— Вамъ нуженъ сильный товарищъ-мужчина, который могъ бы долго-долго идти съ вами однимъ путемъ, и согрѣвая ваше сердце, и раздѣляя съ вами заботы объ этомъ ребенкѣ...

Мать не произносила ни слова: она чувствовала, что съ каждой минутой ея лицо горѣло все сильнѣе и сильнѣе, что передъ нею начиналъ разсѣиваться туманъ, заслонявшій будущее.

— Вы не рѣшаетесь?—спросилъ Григорій Даниловичъ тихимъ и вкрадчивымъ голосомъ.

Мать подняла голову и взглянула на Бубнова: его глаза горѣли, на его смуглыхъ, худыхъ щекахъ пробивался румянецъ. Мать, какъ бы сквозь сонъ, потерла рукою свой лобъ.

— Такъ вотъ что!.. Любовь!..—прошептала она въ смущеніи.

— Да, да, любовь, страстная, горячая любовь!—задыхающимся голосомъ проговорилъ Бубновъ и такъ крѣпко обнялъ мою мать, что она невольно вскрикнула и хотѣла освободиться отъ его неожиданныхъ объятій.

Но онъ уже покрывалъ поцѣлуями ея лицо, забывая и то, что ихъ могутъ увидать, и то, что онъ не получилъ еще никакого права ни на объятія, ни на поцѣлуи. Мать въ невольномъ страхѣ дрожала въ его рукахъ, но не отталкивала его.

— Знаешь ли ты: я думалъ иногда, что я съ ума сойду, если это неизвѣстное положеніе продолжится еще?..—страстно шепталъ Бубновъ.—Иногда я готовъ былъ Богъ знаетъ на что рѣшиться, чтобы ты была моею или ничьею!

Мать впервые стояла лицомъ къ лицу съ подобною любовью, совсѣмъ не походившею на тихую и спокойную привязанность моего болѣзненнаго отца, который и женился на моей матери только изъ желанія спасти ее отъ семейнаго гнета. Мать и боялась страсти Бубнова, и въ то же время ей было пріятно находиться подлѣ этого энергичнаго человѣка, шептавшаго ей:

— Обопрись на мою руку — это крѣпкая рука. Ты совсѣмъ ребенокъ, беззащитный, слабый ребенокъ. Но со мною тебѣ нечего будетъ бояться. Я сумѣю вынести тебя

Digitized by Google

на рукахъ изъ толпы враговъ. Мой здоровый, выносливый разсудокъ сумѣетъ разогнать ложные призраки твоей фантазіи. Ты ищешь любви, ты обожаешь своего ребенка, но, дитя, ты не замѣчаешь, что этой любви мало, что ребенокъ позволяетъ любить себя *покуда*, но настанетъ пора, когда онъ полюбитъ, болѣе чѣмъ тебя, и свою охотничью собаку, и перваго друга-юношу, и первую женщину, можетъ-быть, дрянную, развратную женщину, но такую, которая откроетъ передъ нимъ впервые новую сторону наслажденій, затронувъ въ немъ еще не пробуждавшіяся до той поры страсти...

Моя мать находилась какъ бы въ чаду отъ этихъ рѣчей. Ей грезилась и толпа невѣдомыхъ до сихъ поръ грозныхъ враговъ, изъ среды которыхъ ее выносятъ могучія руки Бубнова; ей грезился и, незнакомый покуда, страшно тернистый путь, по которому она, изнеможенная, идетъ, опираясь на сильнаго Бубнова; ей грезилась и та пора, когда я, бросивъ ее, веселюсь среди новыхъ дорогихъ мнѣ друзей, а она, одинокая, забытая мать, плачетъ и тихо успокаивается на теплой груди Бубнова, ласково шепчущаго ей: «погоди, онъ, нашъ Володя, снова вернется къ намъ!»— и она инстинктивно склоняла свою голову на плечо этого спасителя нашего дальнѣйшаго счастія. Онъ, въ свою очередь,—да спасетъ меня небо отъ клеветы на стараго врага!— тоже не лгалъ передъ нею въ эту минуту и страстно желалъ быть счастливымъ съ этой женщиною-ребенкомъ и даже думалъ составить ея счастіе.

Вечеромъ я уже дремалъ въ своей постелькѣ, когда матушка вошла въ мою комнату и встала на колѣни передъ моей кроваткой.

— Милый, дорогой, я тебя никогда ни на кого не промѣняю, я тебя буду любить больше прежняго, буду разумно любить, не муча своей любовью, не ревнуя къ другимъ!— шептала она, полагая, что я сплю.

Я услыхалъ эти слова, я увидалъ ея слезы и не выдержалъ.

— Мама, ты плачешь?—тихо спросилъ я, открывая удивленные глаза.

— Милый мой, я вполнѣ счастлива!—проговорила она въ забытьи и прильнула къ моей груди головою, кажется, не сознавая, что все это происходитъ наяву, что мы оба не спимъ.

Я обвилъ руками ея шею, и мнѣ было такъ хорошо, такъ сладко уснуть въ эту ночь. Мнѣ снилось, что я боль-

Digitized by Google

ной, что я несу на рукахъ ребенка и что этотъ ребенокъ—мать моя.

Ни я, ни дядя не подозрѣвали, что происходило около насъ. Мать по-институтски совѣстилась открыть свою тайну и, какъ всѣ слабыя натуры, ждала, что дѣло объяснится само собою. Она просила и Бубнова не сообщать покуда ничего дядѣ. Григорій Даниловичъ немного нахмурился и замѣтилъ, что надо же когда-нибудь сказать обо всемъ старику, такъ какъ не можетъ же старикъ предполагать, что его племянница похоронитъ свою молодость въ четырехъ стѣнахъ. Но, прежде чѣмъ Бубновъ и моя мать посвятили дядю въ свою тайну, онъ случайно узналъ о ней. Однажды, проходя по нашему саду, онъ увидалъ, что Бубновъ сидитъ съ моею матерью, обнявъ ея талію. Дядя прошелъ тихонько стороною, не будучи замѣченъ ими, и вошелъ въ домъ необычайно серьезнымъ. Въ это же время я вбѣжалъ со двора въ комнату и быстро сталъ сообщать дядѣ о похожденіяхъ нашего новаго корабля, сдѣланнаго Лаврентьемъ и спущеннаго мною утромъ у ванны. Дядя не слушалъ меня и шагалъ по комнатѣ, ероша свой хохолъ и приглаживая виски, что, какъ извѣстно, было яснымъ признакомъ душевнаго волненія.

— Да что съ тобою, дядя!—топнулъ я съ досады ногою, видя, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на такое великое въ нашемъ семейномъ государствѣ событіе, какъ спускъ моего корабля.

— Ничего, ничего, не тужи, Володя!—похлопалъ онъ меня рукою по плечу, не понимая, о чемъ я говорю и за что сержусь.—Къ берегу причалили. Ну, что-жъ, и прекрасно!

— Да нѣтъ же, не причалили...

— Ну да, ну да, не причалили еще. Причалимъ! И отлично! Не все же по морю плавать, надо когда-нибудь и якорь бросить. Въ томъ-то вся и штука, чтобы лавировать, лавировать, подъ бурей, подъ грозой плыть и все-таки придти къ тихому пристанищу и бросить якорь. Ну, вотъ мы и бросаемъ якорь.

— Да ты о чемъ, дядя, толкуешь? Съ ума ты сошелъ, что ли, такъ ты мнѣ скажи!—началъ я дергать его за полы сюртука, ничего не понимая изъ его рѣчей.

Онъ посмотрѣлъ на меня изумленнымъ и тупымъ взглядомъ, точно до сихъ поръ онъ и не подозрѣвалъ не только о моихъ рѣчахъ, но даже и о моемъ присутствіи въ комнатѣ, и сѣлъ на кресло. Онъ поставилъ меня передъ собою,

Digitized by Google

раздвинувъ колѣни, положилъ мнѣ на плечи свои руки и сталъ любовно смотрѣть на меня.

— А вѣдь мы, братъ, съ тобой поплывемъ дальше,—заговорилъ онъ, добродушно улыбаясь. — Половину команды на берегъ спустимъ, въ отставку, поднимемъ якорь и на всѣхъ парусахъ валяй дальше, въ открытое море!

Я, разинувъ ротъ и вытаращивъ глаза, не безъ страха смотрѣлъ на дядю.

— А! испугался небось?—ободрительно ударилъ онъ меня изо всей силы по плечу. — Все за чужой спиной привыкъ жить! Нѣтъ, а ты попробуй-ка самъ закрѣпить паруса, да и плыви!

Я немного попятился отъ дяди, онъ всталъ и снова зашагалъ по комнатѣ, ворча что-то себѣ подъ носъ. Когда мать возвратилась въ комнату, дядя уже успѣлъ отчасти успокоиться и началъ разговаривать о разныхъ разностяхъ. Среди разговора о пустякахъ, онъ вдругъ принялъ самое серьезное выраженіе и спросилъ у матери:

— Ты не знаешь купчихи Пятибрюховой? Въ Кронштадтѣ есть такая.

— Нѣтъ,—отвѣчала мать, стыдливо улыбнувшись надъ фамиліей купчихи.

— Говорятъ, на ней Бубновъ женится,—хмуро продолжалъ дядя.

— Это неправда!—быстро перебила мать и вся покраснѣла.

— Ну, вотъ еще. Я отъ вѣрныхъ людей слышалъ, всѣ кронштадтскіе говорятъ.

— Лгутъ, лгутъ!—загорячилась мать. — Я тебя увѣрю, что это неправда!

— Да, можетъ-быть, онъ отъ насъ скрываетъ, стыдится сказать, что беретъ купчиху, да еще, вдобавокъ, Пятибрюхову. Вѣдь, чортъ знаетъ, и выкопалъ-то какую!—усмѣхнулся дядя.—Вотъ я его самъ поразспрошу...

— Ахъ, пожалуйста, не спрашивай!—испугалась мать за то, что дядя откроетъ ея тайну.

— Отчего же? Я вообще хочу поговорить съ нимъ насчетъ женитьбы. Пора ему за умъ взяться. Я, знаешь, обиняками намекалъ ему не разъ, ну, а теперь напрямикъ поговорю.

Мать смутилась окончательно и просила дядю не вмѣшиваться въ дѣла Бубнова, такъ какъ онъ совсѣмъ посторонній намъ человѣкъ.

— Ну, маточка, если онъ себя постороннимъ считаетъ,

Digitized by Google

пребывая у насъ по цѣлымъ днямъ, такъ ужъ я, конечно, не стану говорить съ нимъ,—обидчиво замѣтилъ дядя.—Странные нынче люди, всѣ посторонніе, всѣ чужіе, ничего между ними дружескаго, родственнаго нѣтъ. Все у нихъ тайны, да секреты.

Дядя хранилъ серьезный видъ и брюзжалъ на молодежь. Мать сильно взволновало извѣстіе, сообщенное дядей. Она была почти вполнѣ увѣрена, что это одна изъ обычныхъ кронштадтскихъ сплетенъ, не имѣющихъ никакого серьезнаго основанія. Но въ то же время ей казалось страннымъ, почему это вдругъ всѣ стали говорить объ этой женитьбѣ. Размышленія объ этомъ важномъ предметѣ мѣшали моей матери уснуть ночью, но на слѣдующій день она все-таки не рѣшилась объясниться съ Бубновымъ. Ей казался щекотливымъ и самый вопросъ объ этихъ слухахъ, и еще болѣе щекотливымъ казалось произнесеніе фамиліи бубновской невѣсты. Институтская стыдливость или, лучше сказать, щепетильность уцѣлѣла у моей матери вполнѣ.

Но этимъ дѣло не кончилось. Черезъ два дня дядя довольно сурово замѣтилъ матери, что онъ хочетъ попросить Бубнова ѣздить къ намъ поръже. .

— Оно, знаешь, не хорошо,—говорилъ онъ, хмуря брови.—Ты женщина молодая, онъ мужчина тоже не старый: мало ли что станутъ толковать люди!

— Какое намъ дѣло до толковъ?—отвѣтила мать, до сихъ поръ боявшаяся сплетенъ, какъ огня.—И кто толковать станетъ?

— Ахъ, маточка, да всѣ! Первая встрѣчная Акулька станетъ нашу Настю обо всемъ разспрашивать, да еще и при Володѣ, пожалуй!

Мать вспыхнула.

— Да почему знать... можетъ-быть, уже и толкуютъ,—продолжалъ дядя.—Недаромъ же Володя такъ ревнуетъ тебя къ Бубнову... Нѣтъ, нѣтъ, надо сказать, чтобы онъ не ѣздилъ такъ часто. За одну сватается, а за другой ухаживаетъ. Ты вѣдь замужъ не пойдешь никогда, сама говорила, а только наживешь дурную славу. Я наотрѣзъ ему такъ и скажу, что ты уже не замужница...

— Дядя!—тихо произнесла мать.

— И пусть онъ и носу сюда не показываетъ.

— Дядя!—послышался снова голосъ матери.

— А то обиваютъ пороги у молодой, честной женщины, которая и вниманія-то на нихъ не обращаетъ никакого...

Digitized by Google

— Дядя!—въ третій разъ повторила мать тихимъ и смущеннымъ голосомъ.

Горячившійся до этой минуты дядя взглянулъ на ея раскраснѣвшееся лицо и не выдержалъ—залился густымъ и продолжительнымъ смѣхомъ.

Мать, кажется, поняла, въ чемъ дѣло, и по-дѣтски расплакалась: ей показалось, что дядя насмѣхается надъ нею. Съ трудомъ успѣлъ онъ успокоить ее, объявивъ ей, что все это въ порядкѣ вещей.

— Да что жъ, въ самомъ дѣлѣ, чортъ побери,—горячился дядя: — не вѣкъ же тебѣ въ дѣвкахъ сидѣть? Ты дѣвушка молодая!

— Какая же я дѣвушка, дядя, — перебила его мать сквозь слезы.

— А, чортъ побери! Ну, не дѣвушка, ну, вдова. Не все равно! Есть о чемъ спорить!—разсердился дядя.—Молодая вдова, и потому надо же было когда-нибудь бросить якорь. Я очень радъ, очень доволенъ, что все такъ случилось. Мы съ Володей старые моряки, старые холостяки, поплывемъ дальше.

Мать слушала эту рѣчь довольно серьезно, но, мало-помалу, выраженіе ея лица дѣлалось веселѣе и развеселилось окончательно, когда дядя дошелъ до «старыхъ холостяковъ», причисливъ къ ихъ сонму и меня.

— Только смотри, маточка, пара ли онъ тебѣ?—замѣтилъ дядя.—Строгъ онъ, суровъ...

— Онъ добрый, очень добрый,—перебила матушка.—Онъ такъ любитъ меня и Володю...

— Ну, Володю-то онъ не любитъ...

— Ахъ, нѣтъ, дядя, ты ошибаешься. Я сама ошибалась прежде...

— Дай Богъ, дай Богъ, чтобы любилъ...

Матушка обняла дядю и шопотомъ замѣтила:

— Я безъ него не могу жить!

— А вотъ увидимъ, что Пятибрюхова-то скажетъ!—вдругъ воскликнулъ дядя и нахмурилъ брови.

— Да... скажи, пожалуйста, — начала мать, принимая озабоченный видъ.—Что это за купчиха?

— Пятибрюхова-то? Ха-ха-ха! — разразился дядя смѣхомъ.—Это, братъ, я самъ такую геніальную штуку придумалъ.

Старикъ снова залился неудержимымъ хохотомъ, цѣлуя мою мать въ голову.

Digitized by Google

Въ теченіе всего дня онъ обращался и къ знакомымъ, и къ Бубнову, и даже ко мнѣ съ новостью, что моя мать возымѣла непреодолимое желаніе познакомиться съ купчихой Пятибрюховой, и что это желаніе тревожило ее нѣсколько дней. Мать краснѣла до ушей и, можетъ-быть, сознавалась въ душѣ, что дѣйствительно эта купчиха безпокоила ее съ того памятнаго дня, когда дядя произнесъ выдуманную имъ фамилію миѳической невѣсты Бубнова.

Не такъ просто и не такъ легко было объясненіе съ главою нашего семейства. Втолковать юному самодуру, въ чемъ дѣло, почти невозможно, и моей матери вторично приходилось выйти замужъ безъ согласія старшаго въ семьѣ. Она такъ и сдѣлала: предупредивъ меня, что мы будемъ зимою жить вмѣстѣ съ Бубновымъ, она приготовлялась къ свадьбѣ, скрывая эти приготовленія отъ меня и задабривая меня поцѣлуями. Я и счетъ потерялъ этимъ поцѣлуямъ! Черезъ нѣсколько времени мнѣ объявили, что мамаша уѣдетъ гостить на нѣсколько дней въ Кронштадтъ. Потомъ мнѣ сказали уже безъ матери, что у меня новый папаша теперь есть, что я скоро пойду къ этому папашѣ, что мы жить съ нимъ будемъ.

— Гришка, Гришка моимъ отцомъ будетъ? Не хочу, не хочу я этого!—крикнулъ я, вспомнивъ, что мать говорила о нашемъ скоромъ переселеніи въ одну квартиру съ Бубновымъ.

— Полноте, Владиміръ Михайловичъ, батюшка, не хорошо такъ говорить! — уговаривала меня Настя.—Что вы говорите! они сердиться будутъ и васъ накажутъ, если узнаютъ...

Я топалъ ногами и кричалъ, что меня никто не смѣетъ наказывать, и что Гришку любить я не стану.

— Дядя, я съ тобой буду жить. Я къ Гришкѣ не поѣду,— объявилъ я дядѣ взволнованнымъ голосомъ, появляясь въ его комнатѣ со слезами на глазахъ.

— Вотъ тутъ-то, братъ, и загвоздка!—произнесъ онъ съ глубокомысленнымъ видомъ.—Я и самъ думалъ, что не зачѣмъ намъ съ тобою ѣхать туда. Вполнѣ былъ въ этомъ увѣренъ до сегодняшняго дня. Такъ нѣтъ! говорятъ, что безъ тебя жить не могутъ. Ну, пересѣли на другой корабль и оставили бы насъ въ покоѣ, а то нѣтъ, давай имъ и тебя!

— А ты развѣ не поѣдешь къ нимъ жить?—спросилъ я.

— Гм!..—откашлянулся дядя, хмуря брови.—Ну, я тамъ лишній. Оно и то сказать, я и здѣсь теперь лишній!

Digitized by Google

— Лишній!—изумился я, не понимая дядю.

— Да. Что же я свиной пасти буду тутъ, что ли? Мать твоя уѣхала, ты уѣдешь... Для кого же я тутъ буду жить, хлопотать? Вотъ эти розы развелъ я для себя, что ли? Что мнѣ въ нихъ? Для твоей матери развелъ я ихъ, она ихъ любила! Ну, ея нѣтъ теперь здѣсь, къ чорту розы! Вотъ эта телѣжка—мнѣ въ нее не усѣсться. Тебѣ только она была подъ ростъ. Ну, а ты уѣдешь, пропадай и телѣжка! Вотъ оно каково намъ, старымъ холостякамъ. Володя! Живешь, служишь, сначала около тебя пріятели, сослуживцы, родные, ты вездѣ первый, вездѣ распорядителемъ—весело! Вдругъ, глядишь, вышелъ въ отставку,—старые сослуживцы службой заняты, не могутъ съ тобой водиться. Ты на старости пересталъ плясать,—молодежь завербовала другихъ распорядителей для баловъ, считаетъ тебя лишнимъ бревномъ, мѣшающимъ плясунамъ. Женившіеся при твоей помощи сторонятся отъ тебя, ты мѣшаешь ихъ семейному миру. Пригрѣтые тобою какіе-нибудь дальніе родственники ушли, имъ веселѣе жить безъ тебя, ты одинъ. Песъ, потерявшій глаза и голосъ, ты озираешься и видишь, что все кругомъ живетъ не для тебя, что и ты самъ не для себя жилъ, а жилъ для другихъ.

Я плохо понималъ или, лучше сказать, совсѣмъ не могъ понять смыслъ рѣчей дяди, но сознавалъ одно то, что ему тяжело жить одному, и поспѣшилъ успокоить его.

— Дядя, голубчикъ, я тебя не оставлю; мы вмѣстѣ будемъ жить,—говорилъ я.

— Вотъ и я то же думаю. Мы съ тобой старые холостяки. Отчего же бы намъ не жить вмѣстѣ? Да и такое время: опери: ты учиться станешь, а у нихъ пойдутъ дѣти, мѣшать тебѣ станутъ...

— Какія дѣти?—спросилъ я въ недоумѣніи.

— Ну, да, дѣти... У матери твоей будутъ теперь еще дѣти...

Эти слова произвели удивительный эффектъ: я разрыдался. Дядя никакъ не могъ успокоить меня. Я все плакалъ и повторялъ, что вѣрно мамѣ мало меня одного, что она перестала меня любить. Съ этой минуты я замѣтно охладѣлъ къ матери, она казалась мнѣ измѣнницей. Мать, съ своей стороны, тоже вела себя передъ свадьбой такъ странно, какъ будто сознавала, что измѣняетъ мнѣ; она какъ бы заискивала во мнѣ, какъ бы совѣстилась меня. Въ мои дѣтскіе и юношескіе годы я приписывалъ эту совѣстливость

Digitized by Google

именно тому, что мать обманула меня и вышла замужъ безъ моего «родительскаго» благословенія. Прости меня, моя слабая, неопытная, несчастная матушка! Въ скорбные дни моей тревожной юности нерѣдко обвинялъ я тебя за то, что ты вышла замужъ безъ моего сыновняго согласія и благословенія. Можетъ-быть, я страшно ошибался, но всѣ твои и мои несчастія я приписывалъ именно этому браку, заключенному противъ воли твоего сына. Я часто говорилъ себѣ: зачѣмъ спрашиваютъ дѣти согласія отцовъ на бракъ? Вѣдь не отцамъ жить съ женами и мужьями дѣтей? Отцы должны давать не согласіе на бракъ, а свои совѣты, купленные долголѣтнею опытностью. Но возможно ли, честно ли выходить замужъ безъ согласія, то-есть наперекоръ симпатіямъ дѣтей? Вѣдь этимъ дѣтямъ придется подчиняться новымъ личностямъ, имъ придется жить въ новыхъ условіяхъ. А, между тѣмъ, ихъ, несчастныхъ, не спрашивая, вводятъ въ новую, можетъ-быть, ненавистную имъ, семью, навязываютъ имъ новыхъ, можетъ-быть, враждующихъ съ ними, родственниковъ, окружаютъ ихъ новыми условіями жизни, можетъ-быть, антипатичными этимъ дѣтямъ. Давнымъ-давно прошли тѣ годы, когда я при каждомъ новомъ событіи гордо являлся неумолимымъ судьею людей, давно сталъ я спокойно и трезво подвергать безпощадному суду только свою личность, только свои поступки, и потому я старался даже позабыть, насколько была виновата ты, моя мать, вводя меня въ домъ противной мнѣ личности. Но помню я и стараюсь помнить до сихъ поръ, какъ страшно ты заплатила за этотъ поступокъ. Ты такъ горячо любила меня, что мое несчастіе должно было сдѣлаться твоимъ несчастіемъ. И Богъ знаетъ, кто былъ изъ насъ несчастнѣе въ тѣ минуты, когда на меня обрушивались удары, а на тебя сыпались одни ласки. Знаю я только одно, что мой юный и еще свѣжій организмъ перенесъ все, а ты, слабая и безпомощная, растаяла и догорѣла, какъ свѣча. Но твой образъ, освященный страданіемъ, является и чище, и свѣтлѣе прежняго передо мною.

И какъ предчувствовали всѣ будущія невзгоды мы съ дядей, когда, наконецъ, рѣшились переѣхать къ тебѣ: я—въ твою квартиру, дядя—въ мезонинъ того же дома, гдѣ жила ты!

— Ну, братъ, я теперь пассажиромъ ѣду!—говорилъ мнѣ дя, осматривалъ въ своемъ новомъ жилищѣ.—Смотрите, авьте умнѣй, гдѣ подводные камни, гдѣ мели; главное, авлайтесь, откуда и куда вѣтеръ дуетъ!

Digitized by Google

IV.

Капитанъ Хлопко и я—пассажиры на чужомъ кораблѣ.

На первыхъ же порахъ, при поступленіи въ жилище Бубнова, мнѣ не понравилась фамильярность въ его обращеніи съ моею матерью, а потомъ и со мной. Я не могъ понять, что онъ получилъ право на это. Во-первыхъ, онъ говорилъ ей *ты*, что до сихъ поръ было исключительнымъ правомъ для меня и дяди. Во-вторыхъ, онъ сидѣлъ съ нею на диванѣ, обнявъ ее,—онъ постоянно обнималъ ее,—и, такимъ образомъ, мѣшалъ мнѣ пріютиться около нея. Въ-третьихъ, онъ, въ видѣ ласки, смазалъ меня указательнымъ пальцемъ по носу и, въ видѣ ободренія, или ужъ въ видѣ я и не знаю чего, говорилъ мнѣ: «ну, что ты подѣлываешь, шишъ гороховый?» или: «ну, что ты, гусь лапчатый, перестанешь теперь капризничать?» или просто: «ахъ ты, фитюлька московская!» Я рѣшительно былъ обиженъ и никакъ не могъ постичь, какія значенія могутъ имѣть всѣ такія прозвища; должны ли они означать ласку или брань, и какова вообще степень этихъ прозвищъ въ томъ или другомъ случаѣ: больше ли ласки въ словѣ «голубчикъ», чѣмъ въ словахъ «фитюлька московская», или, если послѣднія слова ругательныя, то равняются ли они словамъ «свинья», «негодяй» или означаютъ нѣчто еще болѣе скверное. Вообще я ломалъ себѣ голову въ теченіе долгаго времени и не пришелъ ни къ какому заключенію. Спросить у матери или у дяди разрѣшеніе этихъ вопросовъ я почему-то не рѣшался. Позже я пришелъ къ тому убѣжденію, что Бубновъ самъ не знаетъ значенія этихъ прозвищъ и произноситъ то или другое изъ нихъ только потому, что оно подвернулось ему на языкъ. Такъ, мою мать, въ видѣ ласки, онъ называлъ «козявкой», хотя ужъ, конечно, въ этомъ словѣ не было ничего ласкательнаго.

Мои долгія размышленія въ позднѣйшее время насчетъ характера Бубнова привели къ такимъ заключеніямъ: прежде всего Бубновъ былъ человѣкъ черствый, сангвиничный, страстный. Его сухощавая, костлявая, жилистая фигура съ загорѣлымъ, бронзоваго цвѣта лицомъ, съ острымъ носомъ, съ тонкимъ и большимъ ртомъ, съ выдающимися скулами, съ сверкающими, какъ бы воспаленными глазами, съ натянувшимися, тревожно бившимися кровью жилами, немного напоминала проголодавшагося въ весеннее время волка. Онъ, умѣя отлично толковать объ отвлеченныхъ предметахъ

Digitized by Google

и дѣлахъ, не умѣлъ ласкать или порицать человѣка на словахъ: въ томъ и другомъ случаѣ у него и любовь, и злоба выражались какъ-то смѣшно, въ безсодержательныхъ названіяхъ, въ родѣ: «гуся лапчатаго», «шиша гороховаго», «культяпки», «олуха царя небеснаго», «чортовой перечницы» и т. д. Только интонація голоса могла дать почувствовать, что должны были означать эти слова: ласку или брань. Ему нужно было и любовь, и злобу выражать дѣйствіями. Но и тутъ не всякій сразу понималъ, что выражаютъ его дѣйствія. Такъ онъ при мнѣ иногда, въ видѣ ласки, щипалъ щеку моей матери, или, захвативъ обѣ ея щеки большимъ и указательнымъ пальцами, трясъ ея лицо, издавая при этомъ что-то въ родѣ ласковаго рычанья, похожаго на лошадиное ржанье. Послѣ такой ласки у моей матери оставались на щекахъ на нѣсколько минутъ бѣловатыя пятна. Такое же пятно осталось у меня на ухѣ, когда одинъ разъ Бубновъ потрясъ мое ухо почти такъ же, какъ трясъ онъ лицо моей матери; при этомъ онъ издавалъ тоже не человѣческіе звуки, но что-то похожее на шипѣнье змѣи, въ родѣ словъ: «ишь-ты-ы!» Не знаю, за что считала мать расточаемые ей щипки, но что касается до меня, то я, не задумываясь, разревѣлся и побѣжалъ жаловаться на Бубнова дядѣ.

Внѣ этихъ минутъ, когда выражались страстные порывы, Бубновъ выглядѣлъ хмуро и въ своихъ рѣчахъ, и въ поступкахъ являлся холоднымъ, твердымъ и отчасти хитрымъ практикомъ, немного напоминая своей фигурой солдатскую одеревянѣлость и выправку. Онъ, удобно пріютившись на берегу и не пускаясь въ трудныя и опасныя плаванія, поддерживалъ связи съ полезными людьми, не особенно унижаясь передъ ними, не особенно суетясь въ ихъ присутствіи, но держа себя ровно, почтительно, немного натянуто-офиціально, однимъ словомъ, съ тактомъ. По всему было видно, что онъ уже давно созналъ выгоды своего положенія и необходимость этихъ лицъ и выработалъ извѣстныя правила, дающія ему возможность не лебезить, не суетиться, не трусить за промахи въ обществѣ этихъ лицъ. Нельзя было не полюбоваться, глядя со стороны, какъ Бубновъ ловко и спокойно приглашалъ сѣсть этихъ особъ, не садясь прежде ихъ; какъ онъ исторопливо вынималъ и зажигалъ спичку, именно въ то время, когда особа не только вынула, но и успѣла обрѣзать сигару; какъ, гуляя съ особой, онъ умѣлъ уступить ей полшага впередъ и немного пагнуть

Digitized by Google

свою голову для слушанія умныхъ рѣчей особы, такъ что особа казалась бы и массивнѣе, и выше его, если бы ихъ срисовать въ эту минуту en face. Такъ же выработаны были его отношенія къ низшимъ. На службѣ и дома онъ обходился съ низшими не особенно грубо, но холодно. Никогда не восхищался онъ, не изъявлялъ удовольствія, если они что-нибудь исполняли особенно удачно, потому что это ихъ обязанность. Никогда не прощалъ онъ ихъ, если они дѣлали что-нибудь плохо, потому что «простить одного—нужно простить и другого; простить за одну вину—нужно простить и за другую. Ну, а станешь прощать всѣхъ и за все—тогда самъ иди къ нимъ въ слуги или по-міру». Онъ дѣлалъ вычеты изъ жалованья своей прислуги за каждую мелочь.

— И съ меня казна вычитаетъ, если я что-нибудь утрачу,—говорилъ онъ въ этихъ случаяхъ.

Онъ сажалъ подъ арестъ и сѣкъ подчиненныхъ за каждую вину, за которую предписывались эти наказанія.

— Я по закону поступаю,—объяснялъ онъ въ отвѣтъ на просьбы провинившихся.—И меня посадятъ на гауптвахту, и меня выгонятъ изъ службы или разжалуютъ, если я что-нибудь противозаконное сдѣлаю.

Его никто не любилъ, но боялись и слушались всѣ. Большая часть его сослуживцевъ, равныхъ съ нимъ по чину, относилась къ нему съ затаенною злобою и искала только случая, чтобы подкопаться подъ него. Эти люди были его естественными конкурентами и завидовали и его успѣхамъ, и его умѣнью спрятать въ карманъ лишнюю копейку. Бубновъ это зналъ и держалъ ухо востро, пристально слѣдилъ за своими поступками и старался тщательно хоронить предательскіе концы. А концовъ было не мало. Онъ самъ не любилъ никого изъ конкурентовъ-сослуживцевъ, но поддерживалъ со всѣми сношенія. Онъ въ сущности не любилъ и службу, но былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ слугъ, такъ какъ въ службѣ видѣлъ единственную возможность для составленія карьеры и пріобрѣтенія капитала и значенія.

— Мы всѣ машины на одномъ заводѣ,—философствовалъ онъ въ своемъ семейномъ кружкѣ.—Хочешь, не хочешь, а долженъ работать за одно съ другими машинами, иначе тебя выбросятъ вонъ. Подчиненные—это винты и колеса каждой отдѣльной машины. Если дать имъ потачку, если позволить вольничать хоть одному,—испортится вся машина, весь заводъ.

Digitized by Google

— Но, другъ мой, все это такъ, только вѣдь тутъ въ машинѣ вмѣсто колесъ люди, они хотятъ тоже пожить, у нихъ есть слабости,—вступалась моя мать за человѣчество.

На первыхъ порахъ ее возмущала или, лучше сказать, смущала эта философія.

— Конечно, конечно, моя козявка, есть и у этихъ людей-колесъ, и у этихъ людей-машинъ свои слабости, свое желаніе пожить,—снисходительно соглашался Бубновъ.—Вотъ почему, пиголица ты этакая, и существуешь ты у меня, вотъ почему и иду я къ тебѣ посидѣть послѣ работы. И у каждаго замазаннаго смолой матроса, когда онъ перестаетъ быть винтомъ машины, есть свой хоть грязный уголокъ, есть своя, хоть сальная, дульцинея. Семейная жизнь—это масло колесъ, винтовъ и машинъ завода. И такъ же, какъ я, радъ матросъ, что онъ можетъ въ волю насладиться со своей возлюбленной. И если онъ находитъ во всякую свободную минуту ласку въ своемъ углѣ, если его семейная жизнь не нарушается никакими посторонними вмѣшательствами, если она течетъ съ глазу на глазъ у него и у его жены или любовницы, если у нихъ нѣтъ никакихъ соглядатаевъ, лишнихъ спицъ въ колесницѣ, торчащихъ, какъ бѣльмо на глазу, то онъ счастливъ...

По какому-то странному обстоятельству я съ этой же минуты сталъ считать соглядатаемъ, лишней спицей въ колесницѣ, бѣльмомъ на глазу не кого другого, какъ себя, дядю и мать Бубнова. Я не ошибся. Бубновъ видѣлъ въ семьѣ нѣчто въ родѣ оборонительнаго и наступательнаго союза, состоящаго изъ мужа, жены и ихъ дѣтей. Всѣ другія личности, не только чужіе люди, но и родственники, считались имъ врагами, или, по крайней мѣрѣ, лишними спицами въ колесницѣ. Меня онъ долженъ былъ ненавидѣть еще до своей свадьбы съ моею матерью, такъ какъ я по необходимости долженъ былъ явиться неизбѣжной лишней спицей въ предполагавшемся союзѣ. Кромѣ того, онъ считалъ меня врагомъ и за то, что я долженъ былъ со временемъ законнымъ образомъ похитить часть имущества, переходившаго, при замужествѣ моей матери, во владѣніе бубновскаго союза. Ненависть должна была быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ неизбѣжнѣе было мое вторженіе въ союзъ и его капиталы. Я сначала инстинктивно, а потомъ вслѣдствіе опыта, чувствовалъ эту ненависть и самъ ненавидѣлъ Бубнова. Дядя, кажется, раздѣлялъ со мною это чувство, по крайней мѣрѣ, онъ и я, мы оба спѣшили въ мезонинъ, гдѣ жилъ старикъ, оставляя Буб-

Digitized by Google

нова кричать на прислугу или развивать свои солдатско-философскіе взгляды на жизнь передъ моею матерью. Въ своемъ мезонинѣ дядя закуривалъ крѣпкую сигару, снова получившую право не разлучаться съ нимъ, и тоже начиналъ, сидя противъ меня, философствовать на ту тему, что мужъ моей матери удивительно умный человѣкъ.

— И какъ это у него все сложилось такъ круглo!—говорилъ дядя, пуская густые клубы душистаго дыма:—и заводъ, и машины, и колеса, и винты, и все это спаяно, свинчено, разомъ вертится, разомъ останавливается. А хоть бы насчетъ масла-то онъ замѣтилъ. Хе-хе-хе! Вѣдь недурная это тоже штука: масло — это семейная жизнь! А? Сухъ онъ, суровъ, а все-таки умнѣйшій человѣкъ! Далеко онъ пойдетъ! Ему бы не здѣсь киснуть, въ министрахъ бы быть.

Но, мало-по-малу, восхищеніе дяди начинало остывать, и онъ, усиленно высасывая сигару, задавалъ мнѣ глубокомысленные вопросы:

— Ну, а какъ ты думаешь, Володька? что такое мы съ тобою? Ну, они машины, колеса, винты, а мы-то съ тобою что такое?

— Соглядатаи!—мрачно отвѣчалъ я, хмуря свои дѣтскія брови.

— Гм! Недурно сказано!—сердито затягивался дядя своею сигарою.—Н-да, соглядатаи, лишнія спицы въ колесницѣ! Такъ, такъ! Это въ отношеніи къ ихъ семейному кораблю. Ну, а такъ вообще-то, что мы съ тобой такое? А?

Я молчалъ, плохо понимая глубокую философію дяди, хотя эта философія начинала въ послѣднее время развиваться передо мною ежедневно.

— Нѣтъ, ты не отвиливай, ты прямо отвѣчай на вопросъ,— говорилъ онъ.—Что мы такое вообще?

— Люди, — угрюмо произносилъ я, чувствуя скуку и утомленіе отъ непонятныхъ мнѣ разсужденій.

— Люди! Отлично придумано!—восхищался дядя моею сообразительностью.—Они машины, колеса, винты, а мы люди! А? нѣтъ, ты подумай, какая это философія-то выходитъ! Они вотъ вертись, какъ имъ на заводѣ приказано, ихъ вотъ сейчасъ и выкинутъ за невѣрный поворотъ, а мы— чортъ побери! мы люди и знать не хотимъ никакихъ заводовъ!

Очень довольный своей философіей, сознавая съ гордостью, что на этомъ пути и мы съ нимъ не уступимъ Бубнову, дядя окончательно затягивался сигарою до огорченія и потомъ снова уже совсѣмъ весело обращался ко мнѣ:

Digitized by Google

— А какъ ты думаешь, Володька, мать Бубнова что такое?

— Лишняя спица въ колесницѣ,—отвѣчалъ я, уже смѣясь.

Мать Бубнова съ перваго моего свиданія съ нею получила отъ меня названіе «потѣшной».

— А вѣдь, ей-Богу, такъ! Ей-Богу, чортъ возьми!—въ восторгѣ потиралъ дядя руки.—А она этого и не знаетъ, вездѣ хочетъ быть главнымъ колесомъ, ко всѣмъ машинамъ приткнуться хочетъ! Я сбоку-съ; я сбоку-съ!—говорилъ дядя жиденькимъ голосомъ, изображая приткнувшуюся сбоку мать Бубнова.

Мы начинали взапуски хохотать надъ этой толстой, курносой, немного подрумяненной и подбѣленной барыней, довольно двусмысленнаго поведенія и весьма темнаго происхожденія. По ея словамъ, она была женщина болѣзненная и нервная; на видъ это было существо здоровенное, потопившее свои нервы въ жиру. Ей, какъ она говорила, было сорокъ три года; по слухамъ, она пережила полстолѣтія. Она говорила, что вышла замужъ тринадцати лѣтъ, что въ былыя времена было возможно; по разсказамъ кронштадтскихъ старожилокъ, ее благословили лѣтъ двадцати во время одного подсмотрѣннаго ея родителями свиданія съ покойнымъ мичманомъ Бубновымъ, который на мѣстѣ преступленія заявилъ ея родителямъ, что нужно бы было въ сущности не его благословить, а кого-то другого по праву первенства. Такіе казусы случались въ Кронштадтѣ нерѣдко, и родители часто поспѣвали во-время съ образомъ въ рукахъ для благословенія своихъ новинныхъ дѣтей. Какъ бы то ни было, нѣжные любовники были благословлены родителями, и плодомъ благословенія былъ мой отчимъ. Жена мичмана Бубнова, Марѳа Трофимовна, какъ до замужества, такъ и послѣ брака, отличалась именно тѣмъ, что стремилась сдѣлаться однимъ изъ главныхъ колесъ того завода, въ видѣ котораго представлялось ея сыну человѣческое общество. Какъ женщина, она, разумѣется, не могла состоять на дѣйствительной службѣ, но, какъ женщина, она умѣла косвенно вліять на ходъ дѣлъ: близкія, очень близкія отношенія къ начальству мужа давали ей возможность оказывать протекцію юношамъ, находившимся съ ней тоже въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Близость отношеній съ этими юношами давала ей право, даже налагала на нее обязанность, заботиться объ ихъ семейномъ счастіи и устраивать свадьбы. Постоянная жизнь въ одномъ и томъ же городѣ, постоянное отсутствіе путешествующаго мужа, постоянное стремленіе

Digitized by Google

расширить кругъ близкихъ сношеній сдѣлали Марѳу Трофимовну колесомъ въ машинѣ,—но, къ сожалѣнію, лишнимъ, пятымъ колесомъ.

— А чортъ возьми эту бабу, обо всѣхъ хлопочетъ, всякую дрянь хочетъ въ люди вывести,—говорили начальники, которымъ уже отчасти надоѣли близкія отношенія съ Марѳой Трофимовной.

— Ну, дала мѣсто—прекрасно, и отвязалась бы, а то вѣшается на шею,—сѣтовали юные protégés, которымъ и прежде были не особенно дороги близкія отношенія съ Марѳой Трофимовной.

— Вотъ мужа-негодяя навязала, да еще и теперь семейную жизнь разстраиваетъ!—жаловались облагодѣтельствованныя, то-есть выданныя замужъ Марѳой Трофимовной, женщины.

Но она не падала духомъ и, непризнанная, вертѣлась около машинъ, приткнувшись гдѣ-то сбоку и мѣшая стройному ходу признанныхъ колесъ завода. Точно такъ же вмѣшалась она и въ жизнь прежде брошеннаго ею сына. Но онъ съ перваго же дня своей женитьбы далъ ей понять, что жить онъ съ нею не намѣренъ, что отдавать ей отчетовъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ онъ не будетъ, что она можетъ только посѣщать его домъ въ качествѣ простой зрительницы. Все это онъ далъ ей понять настолько ясно, насколько онъ умѣлъ это дѣлать, то-есть высказалъ все хладнокровно, не забылъ поставить ни одной точки на і, не оставилъ ни одного мѣста для вопроса или недоумѣнія, ни одной лазейки для атаки. Вслѣдствіе этого Марѳа Трофимовна съ первой же минуты взглянула на мою мать, какъ на личнаго врага. Была и другая причина для вражды: самое замужество матери огорчило Марѳу Трофимовну? обѣщая сдѣлать ее черезъ годъ бабушкою.

— Удивительно рано люди женятся,—говорила старуха, забывая, что ея сыну почти тридцать лѣтъ.—Вѣдь этакъ и я въ бабушки скоро попаду. Правда, я вѣдь тринадцати лѣтъ была выдана замужъ родителями и на тридцатомъ году могла бы быть бабушкою, если бы у меня была дочь. Бабушка тридцати лѣтъ! Прабабушка сорока семи! C'est charmant!

Моя мать въ простотѣ души своей не понимала ни желчнаго тона рѣчей свекрови, ни причины этого тона, и имѣла неосторожность еще болѣе испортить дѣло, когда привезли меня.

Digitized by Google

— Вотъ, мамаша твоего папа,—отрекомендовала мнѣ моя мать Марѳу Трофимовну.—Подойди же къ рукѣ бабушки.

— Ахъ, не нужно, не нужно,—гадливо воскликнула Марѳа Трофимовна.—Я ненавижу дѣтей! Это что-то такое слюнявое! И притомъ я тебѣ совсѣмъ не бабушка, mon petit,—прибавила она и ушла къ гостямъ, сидѣвшимъ въ гостиной.

— C'est affreux,—заговорила она съ грустью:—когда женщина выходитъ за второго мужа, имѣя отъ перваго брака ребенка. Я вообще никакъ не могу себѣ представить женщину, которая забыла бы перваго мужа, первую любовь, эту поэзію нашей жизни, и не дѣлала бы обидныхъ сравненій между мужьями. Но все же безъ ребенка это воспоминаніе не такъ живо, а тутъ оно живетъ, двигается, говоритъ. Il est palpable, pour ainsi dire. Подобные браки рѣдко бываютъ счастливы. Конечно, я рада, что моя невѣстка является въ этомъ случаѣ счастливымъ исключеніемъ, но я боюсь за будущее, я боюсь за дѣтей моего сына..

Съ этой минуты старуха Бубнова окончательно возненавидѣла мою мать и меня. Но, къ счастью, она ничего не могла сдѣлать для вооруженія своего сына противъ моей матери.

— Твоя жена какая-то вялая,—сказала она ему, улучивъ свободную минуту и желая изслѣдовать почву, гдѣ ей придется дѣйствовать.

Марѳа Трофимовна давно убѣдилась, что изслѣдованіе почвы очень важно въ этихъ случаяхъ.

— Слава Богу, что она не похожа на кронштадтскихъ барынь. Я, по крайней мѣрѣ, покойно изъ дому ухожу,—отвѣчалъ Бубновъ, ненавидѣвшій кронштадтскихъ барынь, съ которыми онъ очень бурно провелъ свою юность.

— А, Боже мой, il n'y a point de pire eau, que celle qui dort. Конечно, я ничего про нее не могу и не хочу говорить,—невиннымъ тономъ произнесла старуха.—Я такъ рада, что ты счастливъ! Но вѣдь бойкость—не развратъ, а откровенность характера.

Бубновъ презрительно усмѣхнулся.

— Знаю я эту откровенность по опыту. Я могъ бы вамъ назвать нѣсколькихъ очень откровенныхъ барынь, которыя только въ тѣхъ случаяхъ бывали неоткровенны, когда было бы интересно узнать объ ихъ отношеніяхъ,—ну, хоть бы ко мнѣ.

Старуха Бубнова сдѣлала гримасу.

— Это мило, увлечь женщину и потомъ ее же чернить!

Digitized by Google

— Ну, не я увлекалъ ихъ, да я и не умѣлъ увлекать, когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ. Тогда меня увлекали, меня развращали!.. Впрочемъ, я позволяю каждому чернить даже мою жену, если она будетъ увлечена. Да и я,—я первый очерню ее.

— Фи!—гадливо воскликнула Мареа Трофимовна.—On lave le linge sale en famille, какъ говорилъ Наполеонъ.

Бубновъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Ну, Наполеонъ совсѣмъ не эти отношенія имѣлъ въ виду, высказывая свою мысль,—отвѣтилъ онъ.—Впрочемъ, у всякаго свои взгляды на эти вещи. Вы знаете, что для меня совершенно равны проступки, совершенные по увлеченію и по злому умыслу. Что мнѣ за дѣло, какъ подожгли мой домъ,—случайно или нарочно?—я все-таки лишился его и требую возмездія отъ того, кто виноватъ въ этомъ. Что мнѣ за дѣло—по увлеченію или по испорченнымъ нравамъ моя жена принесетъ въ мой домъ незаконнаго ребенка,—я его вышвырну и не стану кормить на счетъ своихъ дѣтей.

— Какъ жаль, что у твоей жены законный мальчикъ,—ядовито усмѣхнулась Мареа Трофимовна и тотчасъ же сдѣлала самое невинное лицо.—Я боюсь, что онъ будетъ пользоваться правомъ притѣснять твоихъ дѣтей.

Бубновъ нахмурился.

— Ну, это мы посмотримъ!

— Конечно, но вѣдь онъ, кажется, идолъ дома.

— Ну, это передѣлается!

Мареа Трофимовна подмѣтила, что ея сынъ хочетъ передѣлать это, и поняла, что ей удобно будетъ на этомъ пути вмѣшаться въ семейную жизнь сына и завертѣться въ качествѣ пятаго колеса этой маленькой машины. Она начала ухаживать за моею матерью, и мать приняла за чистую монету эту лицемѣрную любовь. Матушка вообще, какъ неопытная институтка, почти не видавшая людей и свѣта, плохо отличала подъ надѣтой человѣкомъ маской его настоящую физіономію и вѣрила словамъ. Ей показалось бы страннымъ заподозрить во лжи человѣка, которому не было видимой надобности лгать, а между тѣмъ люди и лгутъ, и лицемѣрятъ большею частію именно безъ всякой серьезной необходимости. Стяжавъ довѣріе моей матери, старуха рѣшалась давать мнѣ при своемъ сынѣ нѣжныя наставленія. Какимъ нѣжнымъ, родственнымъ тономъ обращалась она ко мнѣ, какими ласкательными именами называла она меня и какъ часто вѣрила ей моя бѣдная мать!

Digitized by Google

— Вольдемаръ, Володечка, au nom de Dieu, не вѣшайся такъ на мамашу. Это ей нездорово,—говорила она мнѣ однажды молящимъ голосомъ, умильно закатывая глаза, и обратилась къ своему сыну:—Твоя бѣдная жена въ такомъ положеніи, что это можетъ ей повредить.

— Ничего,—замѣтила моя мать, лаская меня:—онъ не тяжелъ.

— Ну, все же и не легокъ,—возразила Мароа Трофимовна.—Вы такая слабая!

— Поди прочь!—лаконически произнесъ Бубновъ.—И что у тебя за привычка вѣшаться на людей?

Мать взволновалась.

— Оставь его,—вступилась она за меня.—Я люблю, когда дѣти ласковы.

— Ты знаешь, что я для его же пользы хочу пріучить его порядочно держаться въ обществѣ,—сказалъ Бубновъ по-французски, вѣроятно, полагая, что я еще очень плохо знаю этотъ языкъ.—У него маперы деревенскаго мальчишки; онъ—то волчонкомъ смотритъ, то лѣзетъ лизаться и вѣшается ко всѣмъ на шею.

Мать промолчала; ей было очень тяжело сознаться, что я дѣйствительно похожъ на деревенскаго мальчишку, но спорить съ мужемъ она не могла и не смѣла, такъ какъ онъ заботился о моей же пользѣ. Кромѣ того, онъ былъ такъ уменъ, такъ твердо и вѣрно умѣлъ цѣнить людей и ихъ поступки, что было невозможно съ нимъ не согласиться. Но, сдержавъ себя разъ-другой при мужѣ, моя мать вознаграждала и себя, и меня за это воздержаніе, она баловала и ласкала меня въ отсутствіе Бубнова, позволяла мнѣ дурачиться и вѣшаться ей на шею, сколько мнѣ было угодно. Вслѣдствіе этого я очень скоро понялъ, что Бубновъ дѣйствительно мой врагъ, и что сама мать понимаетъ это. Потому, какъ только приходилъ онъ домой, я убѣгалъ къ дядѣ, гдѣ для меня было такое же временное пристанище, какъ и въ жилищѣ моей матери. Я въ сущности не имѣлъ своего угла и скитался по двумъ палубамъ нашего семейнаго корабля.

— Гм! командиръ, вѣрно, пришелъ,—говаривалъ дядя сквозь зубы, завидѣвъ меня, и пускался въ длинные разговоры со мною о разныхъ «подлецахъ-командирахъ», фрегатахъ, путешествіяхъ и славныхъ народахъ, то-есть обо всѣхъ народахъ, которые встрѣчались ему на жизненномъ пути.

Digitized by Google

Стоитъ мнѣ на нѣсколько минутъ закрыть глаза при воспоминаніи объ этихъ оживленныхъ бесѣдахъ, и передо мною воскресаетъ изъ тумана прошедшаго маленькая, убого убранная гостиная стараго холостяка въ мезонинѣ бубновскаго дома. Около окна стоитъ большое вольтеровское кресло; противъ кресла помѣщается маленькая скамеечка; здѣсь я и дядя просиживали цѣлые часы въ глубокихъ философскихъ размышленіяхъ и въ мысленныхъ путешествіяхъ по-бѣлу свѣту. Всѣ народы въ своей будничной, общественной и боевой жизни то проходили передъ нами церемоніальнымъ маршемъ, то проносились въ карьеръ, и мы дѣлали имъ генеральный смотръ. Переносился я мысленно въ окруженный почти со всѣхъ сторонъ моремъ Копенгагенъ, гдѣ большая часть бѣдныхъ, непрочныхъ домовъ, по словамъ дяди, построена изъ жиденькихъ плахъ, снаружи обитыхъ досками, а внутри парусиною. Здѣсь добродушные, бѣлокурые, голубоглазые люди, немного флегматичные по натурѣ, не знаютъ роскоши и въ простыхъ нарядахъ, доставшихся внукамъ по наслѣдству отъ дѣдовъ, ходятъ пѣшкомъ, разсыпаясь во всю ширину улицъ и не боясь попасть подъ шальныхъ рысаковъ: ѣздятъ здѣсь немногіе, и то въ крайнихъ случаяхъ. Тихо и сонливо идетъ здѣсь жизнь подъ безрадостный шумъ неугомоннаго и угрюмаго моря; государство мало и потому неохотно мѣшается въ кровопролитныя войны; нѣтъ у него великихъ героевъ, и многіе простодушные бѣдняки даже не знаютъ, за что и кому поставленъ на ихъ площади тяжеловѣсный монументъ: они привыкли къ нему, и имъ нѣтъ дѣла до этого толстаго всадника, сидящаго на бронзовомъ конѣ, нѣтъ дѣла до его давно забытыхъ подвиговъ. Ихъ собственная жизнь, полная лишеній, горя и геройски-хладнокровнаго самоотверженія на морѣ есть тоже сплошной подвигъ; но они свыклись и съ нею и переносятъ ее съ свойственною имъ флегмою, напиваясь до забвенія спиртными напитками, одуряя себя табачною жвачкою, и, ужъ понятно, не просятъ за тяжелую долю ни монументовъ, ни славы, а только куска насущнаго хлѣба. Едва успѣвъ вглядѣться въ этотъ скромный бытъ у домашняго очага скромнаго государства, я былъ какъ бы оглушаемъ шумнымъ смѣхомъ, говоромъ и звучными пѣснями: передо мной вырастали затѣйливыя, какъ кружева кокетки, зданія, разстилалась великолѣпная площадь, какъ бы предназначенная для народныхъ сходокъ, тянулись сотни каналовъ съ разукрашенными гондолами. Посреди всего этого великолѣпія

Digitized by Google

волновалась пестрая толпа арлекиновъ, монаховъ, пѣвицъ, гондольеровъ, таинственныхъ масокъ,—всѣ они кипѣли въ жгучемъ опьяненіи чудною жизнью подъ лазурнымъ небомъ и просили свободы, свободы и свободы, потому что въ виду этого лазурнаго моря, въ виду этого яркаго неба, въ виду этой вѣчно-юной, вѣчно-свободной природы, вдвое болѣе душной кажется тюрьма и вдвое болѣе рѣзкими кажутся звуки цѣпей. Это Venezia la bella. Но какъ ни шумна эта толпа, какъ ни чудно это небо, какъ ни пышны эти зданія, а все-таки легко живется здѣсь только аристократіи и монахамъ. Да и тѣ въ теченіе столѣтій, успѣвъ подавить народъ, подкопались и подъ себя, вѣчно враждуя другъ съ другомъ, вѣчно добиваясь власти, вѣчно поддаваясь побужденіямъ необузданнаго тщеславія. О, какія мрачныя картины и сцены видѣлъ я подъ сводами этихъ дворцовъ! Мнѣ казалось, что я долго-долго самъ своими глазами смотрѣлъ въ большомъ залѣ дворца дожей на то мѣсто, гдѣ виситъ въ рамѣ черная доска съ надписью: «Мѣсто обезглавленнаго Марино Фальеро». Мнѣ казалось, что я слышалъ зловѣщій плескъ волнъ въ каналѣ Орфано, когда ночною порою въ немъ топили инквизиторы неуличенныхъ ни въ чемъ своихъ жертвъ. Долгое время я не находилъ лучшихъ книгъ для чтенія, чѣмъ разнообразный живой дневникъ и изустные разсказы дяди. И когда я, увлеченный его разсказами, спрашивалъ его, откуда онъ все это узналъ, онъ отвѣчалъ мнѣ:

— Видѣлъ я все это, разспрашивалъ обо всемъ. Сидишь, бывало, гдѣ-нибудь въ кофейной или гуляешь съ друзьями за границей, и все это тебя интересуетъ, все забавляетъ. Ну, и разспрашиваешь, записываешь. Многое изъ книгъ вычиталъ. Тамъ вѣдь все это напечатано.

— Неужели, дядя, все это въ книгахъ напечатано?—удивлялся я.

— То ли еще тамъ есть!—говорилъ онъ.

— А отчего Бубновъ не разсказываетъ такихъ исторій?—спрашивалъ я.—Онъ, я думаю, тоже много знаетъ.

— Ничего они не знаютъ! — сердито возражалъ дядя.—Они знаютъ только одно, какъ изъ копейки рубль сдѣлать можно.

— А развѣ это можно?—удивлялся я.

— Можно: у тебя копейка, а украдешь девяносто девять копеекъ—рубль будетъ! — серьезно пояснялъ дядя. — Это, братъ, не моряки, это бобры рѣчные, около берега они все больше себѣ домики строятъ, каждую былинку, каждую що-

Digitized by Google

почку про запасъ тащатъ! А знаешь ли ты, на что они тащатъ? Затѣмъ, чтобы ихъ же, шельмецовъ, такіе же, какъ они, распротоканальи темною ночью ограбили! Копи только умственное богатство, знанія копи, людей изучай, — этого никто не отниметъ, съ этимъ никогда не погибнешь.

Я рѣшился учиться читать, чтобы прочесть все, что напечатано въ книгахъ. И прежде чѣмъ Бубновъ позаботился о моемъ образованіи, я уже бѣгло читалъ по-русски и начиналъ учиться читать по-французски, произнося французскія слова съ тѣмъ же малороссійскимъ акцентомъ, какъ произносилъ ихъ дядя. Чѣмъ хуже мнѣ становилось жить въ «трюмѣ», то-есть въ жилищѣ Бубнова, чѣмъ скорѣе мнѣ хотѣлось научиться читать, тѣмъ чаще являлся я на «верхнюю палубу», то-есть въ мезонинъ дяди. Но, кромѣ занятій на верхней палубѣ, кромѣ проказъ и шалостей въ трюмѣ во время отсутствія отчима, я наслаждался еще прогулками съ моей милой няней. Изъ всей нашей прежней прислуги осталась при насъ только она. Попрежнему, и даже болѣе прежняго, была она запряжена въ работу, но все-таки находила время гулять со мной. Ей шелъ въ это время двадцать третій годъ. Какъ она расцвѣла, какъ горѣли ея пышныя щеки, какъ весело, иногда насмѣшливо, смѣялись ея синіе, глубокіе глаза и полный пунцовый ротъ, постоянно выказывавшій два ряда бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ! Она была такъ хороша, такъ оживлена, что даже я, ребенокъ, не могъ не любоваться ею и постоянно твердилъ ей:

— Ты, няня, хорошенькая!

— Такія ли бываютъ хорошенькія,—смѣялась она. — У меня вонъ носъ курносый. Вотъ ваша мамаша, такъ та хорошенькая.

Это меня ставило втупикъ: мнѣ было непріятно сознаться, что кто-нибудь могъ быть лучше моей матери, а между тѣмъ мнѣ трудно было сказать, что Настя хуже моей матери. Мать никогда не выглядѣла такимъ здоровымъ, живымъ и веселымъ существомъ, какимъ была Настя. У матери не было такихъ розовыхъ щекъ и яркихъ губъ. У матери не было такихъ бойкихъ, бойкихъ даже въ минуту застѣнчивости, глазъ, какіе были у Насти. Глаза матери были такъ томны, такъ утомлены, что казались сонными. Мать, особенно въ послѣднее время, не была такъ стройна, какъ Настя.

Но если я любовался Настей, то еще болѣе любовались ею молодые люди, начиная съ солдатъ и денщиковъ и кон-

Digitized by Google

чая мичманами и пѣхотными прапорщиками. Нерѣдко я очень радовался и чувствовалъ гордость, когда кто-нибудь изъ нихъ, встрѣчая насъ на гуляньѣ, говорилъ Настѣ:

— Какая вы милочка! или:—Душка!

Меня очень удивляло, что Настя дѣлала сердитые глаза и отвѣчала:

— Милочка, да не про васъ! или: — Ишь, безстыдники, хоть бы посмотрѣли, что со мной ребенокъ идетъ!

— За что ты ихъ бранишь, няня?—спрашивалъ я ее.— Ты вѣдь хорошенькая, они правду говорятъ.

— Прощелыги они!—замѣчала она.—Имъ только бы подмазаться. Вы не слушайте, что они брешутъ.

Но хотя я и слушалъ ихъ, а все-таки не могъ ничего понять изъ ихъ рѣчей, не могъ понять, почему Настя пугала ихъ иногда даже полиціей и обѣщаніемъ пожаловаться на нихъ господамъ. Не понялъ я и того, почему, браня всѣхъ за непрошенныя любезности, не бранила няня нашего денщика, когда онъ, завидѣвъ, что мы идемъ гулять, подносилъ ей то леденцовъ, то цареградскихъ стручковъ. Эти приношенія, истребляемыя мною вмѣстѣ съ Настею, ласки и поцѣлуи, расточаемыя мнѣ нашимъ денщикомъ, когда онъ забирался со мной въ переднюю и строгалъ мнѣ игрушки, подкупили меня въ пользу Василія — такъ звали денщика. Съ каждымъ днемъ этотъ худенькій, задумчивый человѣкъ, съ весноватымъ лицомъ, съ впалою грудью, страдавшій тоской по родинѣ и негодный къ строевой службѣ, все чаще и чаще выходилъ къ намъ, все ласковѣе и ласковѣе становился со мной и съ Настей. Съ нею ему приходилось по обязанности очень часто быть вмѣстѣ; онъ долженъ былъ, по приказанію Бубнова, помогать ей относить корзины при полосканьи, при катаньи и развѣшиваніи на чердакѣ мелкаго бѣлья. Что могли говорить и чувствовать эти два молодыя существа, находясь и работая вдвоемъ то на плоту, то въ сараѣ, то на чердакѣ,—это никого не заботило. Никого не занимало и то, какъ дѣйствовали на слабаго, тоскующаго парня рѣчи Насти, весело говорившей ему:

— Ну, ужъ куда ты за корзиной тянешься! Донесемъ и безъ васъ. И безъ того лица на тебѣ нѣтъ, а еще надсаживаться хочешь! Васъ вѣрно и на службу-то затѣмъ берутъ, чтобы изъ-подъ пушекъ гонять лягушекъ!

Въ этихъ простыхъ, со смѣхомъ сказанныхъ, словахъ, слышалось своеобразно высказанное участіе, слышалась ласка.

Digitized by Google

И какъ бы ни былъ шутливъ тонъ этихъ рѣчей, но Василій понималъ, что эта дѣвушка избавляетъ его отъ лишняго труда и тащитъ на своихъ здоровыхъ плечахъ непосильную для него ношу! Не весело шла его жизнь въ нашемъ домѣ. Нерѣдко во время большихъ обѣдовъ Бубновъ безцеремонно при гостяхъ ругалъ Василія за то, что тотъ не умѣетъ порядочно подать блюда. Какъ сейчасъ помню я обѣдъ перваго апрѣля, въ день именинъ моей матери. Василій подавалъ блюдо съ жаркимъ и уронилъ плохо положенную кѣмъ-то изъ гостей ложку на платье старухи Бубновой. Мой отчимъ вспылилъ.

— Олухъ, блюда подать не умѣешь!—крикнулъ онъ.

Марѳа Трофимовна приподняла платье и посмотрѣла на то мѣсто, куда упала ложка. Ея сосѣдка, жена адмирала Гейга, тоже наклонилась посмотрѣть запачканную юбку.

— Какъ шаль, все полотнищъ теперь испоршенъ! — замѣтила Гейгъ, коверкая русскія слова.

— И вообразите, въ первый разъ надѣла! Осенью изъза границы привезли матерію,—жаловалась Марѳа Трофимовна.

— И вѣдь сдѣсъ не прикупитъ! Платье бросить нато.

Покуда шелъ этотъ заупокойный разговоръ о скоропостижной смерти платья, Бубновъ вышелъ изъ-за стола. Черезъ минуту онъ вернулся снова, и я замѣтилъ, что его глаза были налиты кровью, а на лбу натянулись жилы. Онъ хмуро сѣлъ за столъ и залпомъ осушилъ стаканъ вина. Слѣдующее блюдо подавала Настя. У нея были заплаканные глаза. Меня мучило любопытство. Какъ только кончился обѣдъ, я выбѣжалъ въ переднюю, но Василья тамъ не было. Я выбѣжалъ на черную лѣстницу и тамъ на крыльцѣ увидалъ своего любимца. Онъ сидѣлъ на ступеняхъ съ подвязанною щекой, еще болѣе блѣдный, чѣмъ онъ бывалъ обыкновенно.

— Василій, что съ тобой?—спросилъ я.

Онъ только рукой махнулъ:

— Избили!

Я стиснулъ отъ злобы кулакъ.

— Вы взгляните, чуть глазъ не выбили.

Щека Василья выглядѣла страшно. Вечеромъ онъ куда-то исчезъ, и на другой день Бубновъ ругалъ его за пьянство, обѣщаясь выпороть его.

Безъ гостей церемоній съ Васильемъ было еще меньше. Мой отчимъ билъ его прямо за столомъ. Это повторялось

Digitized by Google

такъ часто, что я привыкъ видѣть и подбитые глаза, и человѣческую кровь.

— Гриша!—восклицала въ эти минуты моя мать молящимъ тономъ.

— Ахъ, матушка, не мѣшайся не въ свое дѣло!—рѣзко отвѣчалъ Бубновъ.—Не ручки же цѣловать у этихъ скотовъ.

Иногда Василій, натерпѣвшись горя, наработавшись вдоволь, вычистивъ и сапоги, и платье, и мѣдную посуду, сбѣгавъ десять разъ по разнымъ порученіямъ, сживалъ, пригорюнясь, на крыльцѣ. Настя качала головою и говорила:

— Опять тоску напустилъ на себя!

— Эхъ, Настасья Максимовна, если-бъ вы знали, какъ подъ сердцемъ сосетъ!—вздыхалъ онъ.

— Да вѣдь легче не будетъ, коли горевать станешь!

— Такъ-то оно такъ,—вздыхалъ онъ.—Да все-то думается, что тамъ, какъ у насъ дома-то... Мать тоже, сестренка остались...

— Эхъ ты, парень, сердце-то у тебя доброе!—замѣчала Настя и уже безъ смѣха на лицѣ, немного побѣдѣвшая, проходила въ комнаты.

Глядя на этихъ людей, особенно видя больное, изуроненное, вѣчно покрытое синяками, лицо донщика, я думалъ: «Отчего это моя мать, дядя и Бубновы почти ничего не дѣлаютъ, а Настя и Василій не знаютъ отдыха; отчего моя мать, дядя и Бубновы спятъ такъ долго, а Настя и Василій ложатся позже всѣхъ, а встаютъ съ пѣтухами; отчего моя мать и старуха Бубнова говорятъ, что очень грѣшно не ходить въ церковь и работать въ праздники, а между тѣмъ Настю и Василья—точно у нихъ другая вѣра и другія заповѣди — не пускаютъ въ церковь въ эти дни и заставляютъ еще больше работать, называя къ себѣ гостей; отчего у моей матери и у Бубновыхъ такъ много комнатъ и платья, а Настя и Василій не имѣютъ ни угла, ни порядочной одежды?» Всѣ эти вопросы долго, долго занимали мой дѣтскій умъ и пережили мое дѣтство, мою юность, и часто потомъ приходило мнѣ на умъ, что, толкуя о рабочихъ англійскихъ фабрикъ, разсуждая объ американскихъ невольникахъ, многіе изъ насъ въ то же время угнетали сильнѣе всѣхъ плантаторовъ свою прислугу. Мы пріучали этого раба къ воровству, вовлекали его въ развратъ, отупляли его умъ, убивали его организмъ, а потомъ, подъ старость, онъ долженъ былъ идти умирать въ больницу, или скитаться по-міру. Если же этотъ рабъ и добивался болѣе

Digitized by Google

счастливой безбѣдной старости, то это было яснымъ признакомъ, что онъ умѣлъ воровать. Запишите день-за-день всю брань, всѣ выговоры и замѣчанія, подведите итоги всѣмъ работамъ, возлагаемымъ вами на прислугу, вспомните, что когда вы спите, она моетъ посуду послѣ вашего ужина, она чиститъ ваше платье, ваши сапоги послѣ вашихъ прогулокъ, она убираетъ ваши комнаты послѣ вашихъ баловъ, она приготовляетъ вамъ утренній чай, покуда вы отрезвляетесь отъ вчерашней оргіи, она дрогнетъ на тридцати-градусномъ морозѣ, пока вы танцуете или слушаете заѣзжихъ и доморощенныхъ пѣвцовъ; поймите, что когда вы мирно въ уютной комнатѣ совершаете свои утреннія занятія или дѣлаете визиты, она суетится около огня и бѣгаетъ изъ жаркой кухни на ледникъ, въ лавочку, приготовляя вамъ обѣдъ, отъ котораго ей иногда не остается и объѣдковъ; подумайте, какъ часто, изъ-за пустой забывчивости, вы посылаете ее по десяти разъ въ день съ ничтожными порученіями, зовете къ себѣ безъ всякой надобности, утомляя еще болѣе ея и безъ того затекшія ноги; сочтите, много ли свободнаго времени остается у нея днемъ, чтобы посидѣть и дать отдыхъ усталымъ ногамъ, много ли свободныхъ часовъ имѣетъ она ночью для сна и на какомъ ложѣ, въ какой атмосферѣ проходитъ этотъ сонъ; исчислите всѣ деньги, платимыя вами ей, и всѣ ея нужды и потребности, и вы увидите, что сохранить здоровье, быть вѣчно веселой (вѣдь вы не любите хмураго лица прислуги!) и скопить копейку въ этомъ положеніи — невозможно. Скапливается копейка только кражею. Но неужели вы хотите поощрять воровство, создавая такія отношенія къ людямъ, живущимъ подъ одной кровлею съ вами? А вы думаете, легко ей валяться гдѣ-нибудь въ кухнѣ, на полу, подлѣ вашихъ уютныхъ и со вкусомъ убранныхъ комнатъ; легко услуживать на пирахъ и слышать упреки за воровство, если она возьметъ что-нибудь изъ вашихъ объѣдковъ; легко съ ломотою въ костяхъ бѣгать ночью за лѣкарствомъ для васъ, объѣвшихся мороженымъ или простудившихся въ театрѣ; легко слышать брань и не смѣть даже нахмуриться изъ страха потерять мѣсто? Фабричный работникъ хоть не видитъ всѣхъ подробностей жизни своего хозяина, блескъ чужой роскоши не такъ рѣжетъ глаза этому бѣдняку во мракѣ его собственной нищеты; фабричный, слушая брань хозяина, хоть не встрѣчаетъ поощряющихъ эту брань улыбокъ, которыя встрѣчаются на лицахъ вашихъ знакомыхъ, когда вы браните

Digitized by Google

свою прислугу. Прибавьте ко всему этому, что она безграмотна, она не въ состояніи даже слушать въ воскресный день чтенія Святого Писанія въ церкви, она видитъ близко всѣ ваши пороки и перестаетъ вѣрить вашимъ нравоученіямъ; она развращается вашими знакомыми, вашими мужьями, вашими сыновьями, она, по большей части, не можетъ обзавестись семьей, не потерявъ мѣста, она должна жить въ безбрачіи и выкидывать дѣтей въ воспитательные дома. Просмотрите факты, и вы увидите, что подкидыши и убитыя при рожденіи дѣти принадлежатъ по большей части вашимъ горничнымъ и, можетъ-быть, вашимъ сыновьямъ и мужьямъ. Да и какъ же уцѣлѣть нравственности этихъ людей? Можно ли удивляться, что прислуга такъ часто идетъ изъ вашихъ домовъ въ публичные притоны разврата? Да и что, въ самомъ дѣлѣ,—тамъ хоть весело живется молодымъ! И тѣмъ грустнѣе всѣ эти факты, что для прекращенія ихъ не нужно осуществленія какихъ-нибудь утопій, не нужно какихъ-нибудь экономическихъ переворотовъ, а нуженъ только практическій взглядъ на дѣло, сознаніе, что лучше приготовить себѣ изъ слуги вѣрнаго товарища, чѣмъ отъявленнаго врага, вора и, можетъ-быть, убійцу. Но всѣ привыкли съ такимъ пренебреженіемъ относиться къ прислугѣ, что даже создали поговорку: «для лакея нѣтъ великихъ людей!» Но то-то и скверно, что многіе такъ-называемые великіе люди не умѣли сдѣлать себя великими въ глазахъ прислуги и, думая о просвѣщеніи и спасеніи міра, забывали просвѣтить и спасти тѣхъ, съ кѣмъ приходилось имъ жить изодня-въ-день. Жалкое величіе, жалкіе люди!

Шелъ второй годъ моей жизни у Бубнова. Наставала весна. Въ воздухѣ повѣяло тепломъ и запахомъ березъ. Въ садахъ идетъ неугомонная возня, хлопоты и пѣніе птицъ. Вездѣ начались постройки и передѣлки домовъ. По улицамъ тянутся возы переѣзжающихъ на дачу. Изъ-за границы приходятъ корабли съ товарами. Въ портахъ кипитъ приготовленіе судовъ къ плаванію. У насъ въ домѣ идетъ спѣшное шитье пеленокъ, свивальниковъ, дѣтскаго бѣлья. Все суетится и хлопочетъ объ устройствѣ своего гнѣзда, своего угла, своего имущества. А тутъ еще подъ бокомъ море весело шумитъ освобожденными волнами, разбивая и унося послѣдніе остатки своихъ ледяныхъ оковъ. Дню конца нѣтъ; давно прошли часы работы, а ночь все не наступаетъ, въ небѣ все еще свѣтло, и какъ-то не хочется спать при этомъ свѣтѣ, хочется подольше насла-

Digitized by Google

диться имъ, давно невиданнымъ. Въ эту пору рождается любовь. Какъ она зародилась въ сердцахъ Насти и Василья: въ то ли время, когда они сушили въ саду бѣлье, смѣясь молодымъ смѣхомъ, что шаловливый вѣтеръ вырываетъ и уноситъ его у нихъ изъ-подъ рукъ; въ ту ли пору, когда они отдыхали на крыльцѣ черной лѣстницы отъ дневныхъ трудовъ, чутко, молчаливо слушали первый писк птицъ въ саду и вспоминали про родныя деревни, или пришла любовь къ нимъ въ ту минуту, когда и соловей не пѣлъ, и луна не свѣтила, а просто охалъ Василій отъ побоевъ, плакалъ о своей горькой сиротской долѣ, думалъ вышить съ горя, а Настя вышла къ нему, красивая, стройная, съ доброй улыбкой на лицѣ и промолвила: «Полно, парень,— слезами горю не поможешь»,—Богъ знаетъ! Но только тутъ была и чистая любовь, и чистая поэзія.

Наконецъ насталъ одинъ день, когда Настя явилась къ моей матери и, упавъ ей въ ноги, начала просить, чтобы ее отдали замужъ за Василья. Матушка подняла ее и сказала, что она поговоритъ съ мужемъ.

— Василій, кажется, человѣкъ хорошій, — замѣтила моя мать.

— Наша сестра съ нимъ не поравняется! — вырвалось у Насти.

— Барин, вѣроятно, позволитъ отдать тебя за него, — успокоила ее матушка.

— Будьте мать родная, похлопочите! — проговорила Настя.

— Хорошо, хорошо! ты не безпокойся!

Вечеромъ въ тотъ же день моя мать завела объ этомъ дѣлѣ рѣчь съ Бубновымъ, но выразила мысль о свадьбѣ Насти и Василья стороною, какъ свое предположеніе.

— Этого нельзя сдѣлать,—замѣтилъ Бубновъ.—Она крѣпостная, и намъ не для чего лишаться лишней крестьянки, тѣмъ болѣе, что она все привыкла дѣлать, а тутъ придется выписывать изъ деревни чортъ знаетъ какое бревно. Знающую горничную и няньку трудно найти.

— Да вѣдь она же будетъ жить съ мужемъ у насъ!

— Ну, матушка, во-первыхъ, либо будетъ, либо нѣтъ,— это ея воля, а, во-вторыхъ, я не терплю семейной прислуги,—возразилъ Григорій Даниловичъ.— Держать мужа и жену въ услуженіи — это значитъ завести организованную шайку воровъ, прикрывающихъ другъ друга.

— Ахъ, да, ma chère, — воскликнула Мароа Трофи-

Digitized by Google

новна.—Вы не можете себѣ представить, что это за народъ! Вы въ этомъ неопытны, mon enfant...

— Я думаю, и они любить хотятъ! — замѣтилъ дядя. — Хуже будетъ, если развратничать будутъ и незаконныхъ дѣтей наплодятъ.

— Ah, mon Dieu, противъ этого можно принять мѣры!— проговорила старуха Бубнова.

— Какія, сударыня? Медицинскія, что ли? — заспорилъ дядя.

— Вотъ мило!

— Ну, такъ какія же?

Мать не обращала вниманія на начавшійся рѣзкій споръ между дядею и свекровью. Она взволновалась и обидѣлась за Настю и Василья.

— Они не воры, это грѣхъ говорить! — обратилась она къ мужу.

— Не воры, потому что чужіе, а женятся и будутъ воровать дѣтишкамъ на молочишко, переставъ бояться взаимныхъ доносовъ,—отвѣтилъ мой отчимъ.—Прислуга только тогда и служитъ вѣрно, когда у нея страхъ передъ своей братьей есть. Какъ только они породнятся, такъ тотчасъ же этотъ страхъ пропадаетъ, и начинаются укрывательства. Ни государство, ни частныя лица не должны терпѣть совмѣстнаго служенія родственниковъ. Чѣмъ больше враждуютъ слуги, тѣмъ выгоднѣе господамъ.

— Да вы поймите, что они тоже люди!—вмѣшался дядя.

— И я-съ человѣкъ, а человѣку свойственно беречь свое добро,—рѣзко проговорилъ Бубновъ.—Васька, вы это очень хорошо знаете, не помретъ безъ женитьбы; слава Богу, въ Кронштадтѣ для успокоенія нѣжныхъ чувствъ этого народа есть приличные притоны на каждомъ шагу. Ну, а Настасья выйдетъ еще замужъ за кого-нибудь изъ нашихъ крѣпостныхъ, когда я выпишу изъ деревни и пріучу къ дѣлу другую няньку и горничную. Впрочемъ, я не совѣтовалъ бы никому мѣшаться въ мои домашнія распоряженія!

— Но, другъ мой, сдѣлай это для меня! — попыталась матушка еще разъ попросить мужа.

— Ты сама не знаешь, чего просишь,—раздражительно произнесъ Бубновъ.

— Она его любитъ...

— Тѣмъ хуже, потому что онъ-то ее вѣрно не любитъ и только видитъ выгоды жениться на барской любимицѣ.

Digitized by Google

Неужели ты думаешь, что тутъ какая-то идиллія совершается, что это его первая любовь? Онъ, я думаю, съ десяти лѣтъ развратничать началъ. Ты только посмотри на его испитую рожу. Карамзина вы начитались... Да они развѣ уже говорили тебѣ объ этомъ? — прибавилъ, нахмуривъ брови, Григорій Даниловичъ.

Мать испугалась.

— Нѣтъ, нѣтъ! Но мнѣ кажется... Они оба молоды,— замялась она.

— Ахъ, ты, сваха непрошенная!—усмѣхнулся Бубновъ.— Впрочемъ, я поговорю съ нимъ.

— Пожалуйста, я тебя прошу объ этомъ!

— Хорошо, хорошо, не заботься!—отвѣтилъ мой отчимъ и перемѣнилъ разговоръ.

Передъ отходомъ ко сну, онъ, вмѣсто всякихъ объясненій, лаконически сказалъ Василью, когда они были одни:

— Ты у меня смотри, шашенъ въ домѣ не заводить! Лучше рубль у меня спроси и гуляй, гдѣ хочешь. Баб много. На сторонѣ дѣлай, что угодно, а если здѣсь—запорю тебя!

Бубновъ погрозилъ пальцемъ и прошелъ въ спальню моей матери.

На слѣдующій день у Насти были заплаканные глаза. Она сказала матери, что баринъ пригрозилъ Василью и, кажется, не позволитъ ей выйти замужъ.

— Погоди, Настя,—утѣшала мать мою няньку.—Я еще поговорю. Ну, не позволитъ, тогда поищемъ другого...

— Барыня, не могу я ни за кого, кромѣ Василья, выйти,— упала къ ногамъ матери Настя.

— Ну, хорошо, хорошо, — проговорила моя мать. —Все уладится.

Настя съ поникшей головой пошла изъ комнаты. Матери стало ее жаль.

— Настя!—позвала она няню.

Настя воротилась.

— Ну, не плачь! Все уладится,— заговорила матушка. — Да!.. Вотъ что я хотѣла еще сказать... Ты знаешь мой голубой кисейный капотъ, возьми его себѣ, щеголяй лѣтомъ...

Настя, всхлипывая, поцѣловала руку моей матери и вышла. Матушка сѣла къ окну и задумчиво стала глядѣть на дорогу. Ей было не по-себѣ. Она чувствовала, что ей нужно какъ-то иначе поступить, что-то другое сдѣлать, но что и какъ сдѣлать—этого она не знала. Она принялась

Digitized by Google

за шитье рубашечекъ и пеленокъ для ожидавшагося ребенка. Въ послѣднее время эта работа не выходила изъ ея рукъ, и все въ домѣ полно было ожиданія, когда наступитъ великій и радостный день для бубновскаго союза.

Черезъ недѣлю она снова попробовала поговорить съ мужемъ о дѣлѣ Насти. Онъ нахмурилъ брови и ушелъ въ кабинетъ, пожавъ плечами. Онъ понялъ, что мать говоритъ не отъ себя, а по просьбѣ другихъ.

— Что̀, Маруся, тебѣ Настя говорила о своемъ желаніи замужъ выйти, или ты это сама придумала?—спросилъ дядя.

— Нѣтъ, не сама... Она просила, — отвѣтила мать печально.

Дядя молча покачалъ головой и прошелъ въ кабинетъ Бубнова. Лицо дяди было хмуро и озабочено. Бубновъ изумился необычайному приходу капитана.

— Я къ вамъ по дѣлу,—проговорилъ дядя.

Бубновъ указалъ на кресло, оставивъ начатую работу.

— Вы сколько возьмете за Настю?—спросилъ дядя.

— Я ее не продаю,—отвѣтилъ Бубновъ.

— Ну да, не продаете, но я васъ попрошу ее продать,—проговорилъ дядя.

Бубновъ пристально взглянулъ на дядю и усмѣхнулся.

— На что это она вамъ понадобилась?

— Не мнѣ-съ... Но я хотѣлъ бы, чтобы эта дѣвушка, вырастившая Володьку, ходившая во время болѣзни за Маруськой, была счастлива,—горячо заговорилъ дядя.—Вы не принадлежали еще къ нашей семьѣ, мы еще не знали вашего лица, когда мы привыкли любить и семью Насти, и ее. Мы сжились, сроднились съ ней, и съ нашей стороны было бы подло дѣлать ее несчастною.

— Ужъ не думаете ли вы, что она умретъ съ горя, не выйдя замужъ за Василья?—спросилъ Бубновъ.

— Думаю-съ, думаю-съ, потому что вижу въ ней такого же человѣка, какъ я.

— Ну, а я не думаю, — холодно возразилъ Бубновъ.— И, во-первыхъ, не продамъ ее, а во-вторыхъ, не отдамъ ее замужъ, по крайней мѣрѣ, теперь, когда у насъ родится ребенокъ, и намъ будетъ нужна вѣрная нянька. За Ваську же не отдамъ и послѣ.

Бубновъ всталъ.

— Васъ же, капитанъ, я еще разъ попрошу не мѣшаться въ мои дѣла,—сурово промолвилъ мой отчимъ.—Если я что̀ дѣлаю, то дѣлаю обдуманно, и наставленій не люблю,

Digitized by Google

особенно, если наставленія такъ ребячески-непрактичны, какъ ваши.

— Григорій Даниловичъ,—мягкимъ голосомъ промолвилъ дядя, не обращая вниманія на рѣзкія слова Бубнова:—я прошу васъ, именемъ вашего будущаго ребенка прошу, исполнить мою просьбу. Я даю вамъ сколько вы хотите запе... Вѣдь ея горе—это горе Володи и Маруси... о себѣ я не говорю...

Бубновъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— У васъ все драмы и трагедіи!

Дядя выпрямился и заерзалъ рукою по вискамъ, приглаживая волоса.

— Ну, такъ помните же мое слово, отзовется этотъ отказъ и на васъ, и на дѣтяхъ вашихъ!—проговорилъ онъ потрясеннымъ голосомъ. — За грѣхи и пороки отцовъ дѣти расплачиваются.

— Капитанъ!—крикнулъ Бубновъ, выходя изъ себя отъ этого пророчества.

— Вы сердитесь, что я люблю и жалѣю вашихъ будущихъ дѣтей? Или вы ненавидите ихъ прежде ихъ рожденія? Стыдно и грѣшно вамъ, Григорій Даниловичъ.

Дядя неторопливо, въ раздумьи, вышелъ отъ Бубнова.

— Что?—спросила его матушка, инстинктивно угадавшая, зачѣмъ ходилъ дядя къ ея мужу.

— Подлецъ! — отвѣтилъ дядя и ушелъ къ себѣ въ мезонинъ.

Вечеромъ въ тотъ же день Бубновъ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ денщика.

— Ты это въ самомъ дѣлѣ жениться вздумалъ? — рѣзко спросилъ онъ денщика.

Василій былъ пораженъ этимъ неожиданнымъ вопросомъ и откровенно отвѣтилъ:

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, если милость будетъ позволить.

— Ну, а если не позволю?—сухо спросилъ Бубновъ.

Василій поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Не погубите, ваше высокоблагородіе.

— Отъ этого, братъ, не гибнутъ!

— Дѣвка ни за грошъ пропадетъ,—прошепталъ денщикъ, уже совсѣмъ смущенный и испуганный.

— А, такъ значитъ у васъ тутъ не на шутку шашни завелись!—крикнулъ Бубновъ.—Признавайся!

Въ комнатѣ раздался звукъ оплеухи.

Digitized by Google

Василій повалился въ ноги.

— Виноватъ!.. Самъ не знаю... Лукавый попуталъ... Люблю я ее очень...—шепталъ онъ, лежа на полу.

Бубновъ пришелъ въ ярость.

— Въ казармы, мерзавецъ!—крикнулъ онъ, ткнувъ ногою въ лицо денщика.—Въ казармы, бестія!

— Ваше высоко...—прошепталъ Василій.

— Въ казармы, говорятъ тебѣ!—сжалъ кулаки Григорій Даниловичъ и прибавилъ крѣпкое слово.

Василій тяжело поднялся съ полу и, шатаясь, крадучись, вышелъ изъ комнаты. На немъ лица не было. За вечернимъ часомъ Бубновъ былъ угрюмъ и говорилъ мало.

— Долей стаканъ водою,— пробормоталъ онъ, подвигая стаканъ къ моей матери.—Вѣчно пересластишь.

— Я только два куска положила,—оправдалась матушка.

— Ну, значитъ, одинъ нужно положить! Къ сиропамъ привыкли!

Моя мать замѣтила, что онъ не въ духѣ, и молчала. Допивая чай, она рѣшилась робко спросить его по-французски:

— Ты говорилъ съ Васильемъ?

Бубновъ оставилъ стаканъ и повернулся лицомъ къ матери.

— Да, представьте себѣ,— началъ онъ, говоря ей *вы*, что̀ означало сильную степень гнѣва.—Ваша хваленая, любимая дѣвушка скоро сама будетъ матерью!

— Возможно ли!— ужаснулась моя мать, не терпѣвшая разврата и гадливо относившаяся ко всѣмъ незаконнымъ связямъ.—Надо поторопиться свадьбою,—добавила она.

— Ну, нѣтъ-съ! Теперь-то и не должно быть свадьбы. Она развратничала, можетъ-быть, при вашемъ сынѣ развратничала, чтобы принудить васъ освободить и выдать ее замужъ, а вы хотите, чтобы она насмѣялась надъ вами же, доказала бы, что вы, хотя и госпожа ея, а все-таки она можетъ и развратничать, и развращать вашего ребенка, и выходить безъ вашего согласія замужъ. И прекрасное время выбрала, когда у насъ скоро будетъ дитя, когда намъ будетъ нужна нянька. Подлая!

Мать была взволнована.

— Другъ мой, не сердись! Это увлеченіе!

— Послѣ этого, сударыня, всякая женщина, дѣвушка или замужняя—это все равно,—вступившая въ незаконную связь, невинна, должна быть награждена за это? Это прекрасно, если вы сами будете руководствоваться такими взглядами!

Digitized by Google

Оскорбленная этими словами, моя мать горько заплакала.

— Я не думалъ васъ оскорблять,—спохватился Бубновъ.— Но я нарочно привелъ этотъ рѣзкій примѣръ, чтобы вы знали, до чего можетъ довести то или другое идеальное воззрѣніе на вещи. Надо или прощать всѣ промахи, или не прощать ни одного.

Мать продолжала плакать. Бубновъ прошелся по комнатѣ, чтобы успокоиться, и потомъ подошелъ къ женѣ.

— Ну, полно же, козявка, — ласково промолвилъ онъ, ущипнувъ мою мать за щеку.—Ты должна знать, что я не сомнѣваюсь въ тебѣ...

— Я... я не о себѣ плачу!—рыдая, отвѣтила мать и вышла изъ комнаты, не допивъ чаю.

Григорій Даниловичъ встревожился: онъ боялся вредныхъ послѣдствій отъ этой сцены для своего будущаго ребенка. Это, еще не явившееся на свѣтъ, существо уже успѣло сдѣлаться идоломъ Бубнова. Насмотрѣвшись на всѣ близкія сношенія своей матери, Григорій Даниловичъ такъ провелъ свою юность, что разрушилъ окончательно свое здоровье. За два года передъ женитьбой онъ рѣшился остепениться, возненавидѣлъ дорого стоившій ему развратъ юности и мечталъ только о семейномъ счастіи и о томъ, что и онъ можетъ сдѣлаться отцомъ. Теперь его мечта начинала сбываться, и онъ усердно старался, чтобы никто не помѣшалъ осуществленію его завѣтнаго желанія. Малѣйшій испугъ матушки, внезапный шумъ въ домѣ, все это выводило теперь Бубнова изъ себя. Онъ, кажется, хотѣлъ, чтобы прислуга не отворяла дверей, входя въ комнату, чтобы по улицѣ никто не ѣздилъ, чтобы все смолкло до рожденія его ребенка. Но такая заботливость о спокойствіи жены нисколько не удерживала самого Григорія Даниловича отъ вспышекъ и сценъ. Конечно, за этими вспышками слѣдовало раскаянье и ухаживанье за женою. И теперь огорченіе моей матери, вызванное его вспышкой, испугало его не на шутку, и онъ пошелъ за женою, чтобы успокоить ее и извиниться передъ нею, передъ матерью его будущаго божества.

Я, между тѣмъ, легъ спать. Утромъ я услышалъ у своей постели рыданія. Я открылъ глаза и увидалъ стоящую передо мною Настю. Она была вся въ слезахъ.

— Няня, няня, что ты?—воскликнулъ я, вскочивъ на постели и протирая глаза.

Мнѣ показалось, что въ домѣ случилось несчастіе. Я такъ

Digitized by Google

привыкъ въ послѣднее время къ тревожному ожиданію рожденія брата, что испугался за мать.

— Батюшка, голубчикъ, Володенька,—рыдала она.—Хоть вы заступитесь за меня передъ мамашей... Погубили они меня, душегубцы!.. Замужъ я хотѣла за Василья выйти... А они... они... его высѣкли... въ казармахъ... высѣкли... Живодеры!

Я дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Я не понималъ всего ужаса происходившей около меня драмы, но я видѣлъ слезы Насти, я слышалъ, что моего любимца высѣкли, я зналъ, что его больно высѣкли, такъ какъ онъ наказывался по приказанію Гришки, этого врага моей матери, моего дяди, нашего общаго врага. Этого было довольно. Я быстро одѣвался. Мои глаза горѣли гнѣвомъ, тѣмъ неудержимымъ гнѣвомъ, на который была способна моя горячая, молодая душа.

— Стыдно барынѣ и грѣшно!..—говорила Настя, подавая мнѣ одѣваться и утирая передникомъ слезы.—Я имъ вѣрой и правдой служила... Я ночей не спала, я отдыха не знала... Барыню, какъ мать родную, любила... Развѣ я виновата, что и у меня душа есть... что Василій мнѣ полюбился?... Сами же вышли замужъ... во второй разъ вышли... Мы тоже люди...

Я былъ уже одѣтъ. Я почти не понималъ, что говоритъ Настя.

— Да вы при папашѣ не говорите ничего,—умоляла она.—Тогда и вамъ, и мнѣ будетъ худо... Подождите, какъ онъ уйдетъ...

Я уже ничего не слушалъ и летѣлъ въ столовую, какъ сумасшедшій.

— Такъ вотъ ты какая!—проговорилъ я, появляясь въ столовой передъ матерью и задыхаясь отъ гнѣва.—Сама второй разъ замужъ вышла, а Настинаго Василья сѣчь велѣла.

Мать поднялась со стула, вся блѣдная и трепещущая, слабо вскрикнула, пошатнулась и упала безъ чувствъ на полъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ въ лихорадкѣ, не перемѣняя своей позы, я стоялъ съ сверкающими глазами надъ ея неподвижнымъ тѣломъ, какъ грозный судья, поразившій своимъ приговоромъ преступника. Въ эту минуту вошелъ мой отчимъ.

— Чего ты осовѣлъ?—спросилъ онъ меня грубо, не замѣтивъ моей матери, лежавшей на полу и отдѣленной отъ него столомъ.—Не можешь поздороваться?

Digitized by Google

Я молчалъ, но мнѣ пробѣгалъ морозъ. Онъ, обойдя столъ, подошелъ ко мнѣ, чтобы взять меня за ухо, и вдругъ увидалъ лежавшую на полу жену.

— Это что?—крикнулъ онъ.—Погоди, я съ тобой раздѣлаюсь. Это твое дѣло!

Черезъ минуту мою мать перенесли въ спальню. Отчимъ разослалъ людей и дядю за докторомъ, за бабкой, за своею матерью, привелъ кое-какъ въ чувство жену и потомъ, черезъ долгое время, возвратился въ столовую, гдѣ я безмолвно стоялъ у окна, сдвинувъ брови и закусивъ губы. Въ моемъ умѣ не было ни раскаянія, ни сожалѣнія, и только одна давящая, безсильная злоба волновала мою кровь. Онъ взялъ меня за ухо. Я хотѣлъ крикнуть, но онъ зажалъ мнѣ ротъ рукою и потащилъ меня наверхъ. Мы поровнялись съ дверями дядиной квартиры; но отчимъ тащилъ меня дальше. Наконецъ, мы достигли чердака.

— До сихъ поръ у тебя не было квартиры,—проговорилъ онъ шипящимъ голосомъ, вталкивая меня въ чуланъ, сдѣланный на чердакѣ. — Ты слонялся изъ угла въ уголъ, какъ блудливая кошка. Теперь у тебя будетъ комната. Сиди въ ней! Но, помни: если твоя мать умретъ или умретъ *мой* ребенокъ, то я...

Онъ не договорилъ отъ удушья и только рванулъ меня за ухо, такъ что я свалился къ его ногамъ. Онъ неторопливо вышелъ, заперъ на ключъ сперва дверь чулана, потомъ двери чердака и тяжелыми медленными шагами удалился съ лѣстницы...

V.

Наказаніе преступниковъ.

Чуланъ на чердакѣ имѣлъ шесть шаговъ въ длину и четыре въ ширину. Хламъ, наваленный въ углу, пара гвоздей, станокъ отъ пилы, зазубрившійся рубанокъ, суповой горшокъ съ отбитымъ краемъ и тому подобныя вещи показывали, что сюда когда-то сваливались негодные къ употребленію предметы. Нѣсколько гвоздей, вбитыхъ въ стѣну и двѣ протянутыя подъ потолкомъ бечевки говорили, что здѣсь вѣшалось бѣлье. Бечевки были тонки, ихъ было только двѣ—ясно, что здѣсь вѣшались только мелочи, въ родѣ кружевныхъ манишекъ, батистовыхъ платковъ и тому подобныхъ небольшихъ, но дорогихъ вещей. Въ чуланъ вела дверь съ чердака, замыкавшаяся висячимъ замкомъ; въ противоположной сторонѣ было слуховое полукруглое окно. Два изъ

Digitized by Google

небольшихъ треугольныхъ стеколъ въ окнѣ были разбиты, и въ нихъ подувалъ вѣтеръ. На полу, въ углу, около окна, лежало нѣчто въ родѣ стараго матраца и жесткой подушки, подушка была смята, и, казалось, что на ней еще очень недавно кто-то спалъ. Когда я немного поуспокоился и сталъ осматривать чуланъ, я увидалъ на полу кружку съ водой и краюху чернаго хлѣба. Это было приготовлено для меня. Кромѣ этихъ вещей, хлама и бечевокъ, я замѣтилъ на стѣнѣ подъ самымъ матрацомъ, между какими-то ариѳметическими выкладками, надпись: «мая навекъ». Надпись была сдѣлана такъ близко отъ полу, что ее было можно сдѣлать только лежа. Буквы были написаны неумѣлою, невѣрною рукой, какъ писалъ лавочные счеты Василій. Я догадался, что это писалъ онъ, вспомнивъ только теперь, что этотъ чуланъ былъ единственнымъ собственнымъ угломъ Василья въ лѣтнее время. Уголъ былъ непривлекателенъ, и, вѣроятно, въ жары здѣсь была страшная духота. Зимой же здѣсь нельзя было спать отъ холода, и Василій въ зимнюю пору валялся, какъ собака, на полу въ передней, гдѣ ему приходилось подниматься съ пѣтухами до свѣта, чтобы успѣть прибрать жалкія лохмотья, служившія ему и ложемъ, и покрываломъ. По большей части онъ спалъ, даже не раздѣваясь, такъ какъ въ передней дуло, и, сверхъ того, Бубновъ нерѣдко звалъ къ себѣ денщика даже ночью во время своихъ ночныхъ занятій. Такое положеніе въ домѣ навлекало на Василья вѣчные упреки и брань за то, что его одежда всегда покрыта пылью, а лицо выглядитъ заспаннымъ. «Чортъ его знаетъ,—говорилъ Бубновъ:—онъ точно въ грязи со свиньями валяется и на ходу спитъ».

Постоявъ около надписи, я отошелъ къ окну; къ сожалѣнію, изъ него не было ничего видно, кромѣ неба и верхушекъ деревъ нашего сада. Улицы не было видно, она отдѣлялась отъ чердака этимъ садомъ; да если бы окно и выходило на улицу, то и тогда я увидалъ бы немного; оно было далеко отъ края крыши и не открывалось, такъ что я не могъ бы просунуть въ него голову. Я походилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ на матрацъ, чутко прислушиваясь, не идетъ ли кто-нибудь. Но въ домѣ, повидимому, все замерло, по крайней мѣрѣ, до меня не долетало ни единаго звука. Прошло довольно много времени, когда послышался глухой шумъ: мнѣ показалось, что къ воротамъ нашего дома подъѣхали дрожки, потомъ вторыя, и черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ смутные звуки бѣготни—всѣ эти звуки были

Digitized by Google

глухи, раздавались какъ будто на очень большомъ разстояніи. Мнѣ казалось, что кто-то поднимается на лѣстницу, но это было такъ далеко! Я притаилъ дыханіе и ждалъ, не ко мнѣ ли идутъ. Нѣтъ, шумъ шаговъ затихъ. Мнѣ стало казаться, что обо мнѣ забыли. Эта мысль испугала меня: я началъ представлять себѣ, что меня оставятъ здѣсь навсегда, что я умру съ голоду. Повидимому, это была ни съ чѣмъ несообразная, чисто-дѣтская мысль, но я помню годы, когда я былъ уже далеко не ребенкомъ и когда мнѣ пришлось снова сидѣть въ такомъ же узкомъ и, сверхъ того, сыромъ углу, гдѣ вмѣсто полукруглаго окна были четыре грязныя стекла съ желѣзными рѣшетками, куда не долетало даже смутныхъ звуковъ живущаго на свободѣ міра, и тогда опять мнѣ казалось, что меня забыли, и мое сердце сжималось отъ ужаса. Забыть, вычеркнуть человѣка изъ списка живыхъ—это такъ легко! Кто станетъ справляться, куда онъ исчезъ, а если кто-нибудь и вздумаетъ справиться, то къ чему это поведетъ? Отвѣтятъ: пропалъ безъ вѣсти, умеръ,— и конецъ. Отвѣтятъ это такимъ леденящимъ тономъ, съ такимъ зловѣщимъ взглядомъ, что отпадетъ всякая охота справляться, и любопытные люди, труся за самихъ себя, за свою собственную безопасность, перестанутъ мѣшаться не въ свое дѣло. О, мой ребяческій страхъ, какъ долго я смѣялся надъ тобою,—но потомъ, черезъ долгіе годы, я сталъ серьезнѣе относиться къ тебѣ, и зналъ, что можетъ наступить пора, когда ты снова воскреснешь въ моей душѣ, бросая меня и въ жаръ, и въ холодъ.

Въ ужасѣ я началъ плакать и стучать въ дверь и въ въ стѣну,—никто не откликался. Тоненькія стѣны, по которымъ я билъ кулаками и ногами, издавали жидкіе звуки; эти звуки замирали на чердакѣ и не доходили до дяди, самаго ближайшаго моего сосѣда. Я началъ стучать въ полъ, но оказалось, что онъ былъ очень тонокъ и настланъ въ одну доску по балкамъ, на значительномъ разстояніи отъ земляной насыпи чердака; достучаться до чего-нибудь, дать знать о себѣ кому-нибудь было трудно. Не больше бы пользы принесли и мои крики: чердакъ, какъ я сказалъ, выходилъ окномъ въ садъ, гдѣ теперь не было никого. Утомленный безплодными криками и вознею, я сѣлъ на матрацъ и началъ ѣсть. Меня уже давно томилъ голодъ. Половина хлѣба была съѣдена, половина воды была выпита. Я на нѣсколько времени успокоился. Потомъ во мнѣ снова начало пробуждаться чувство нетерпѣнія и злобы. Оно все росло

Digitized by Google

и росло съ каждой минутой и стало, наконецъ, нестерпимымъ. Заливаясь горькими слезами, я со злостью, съ яростью сталъ колотить объ полъ руками и ногами. Мнѣ хотѣлось или разбить свою тюрьму, или разбиться самому. Никогда не наказываемый до этой поры, я вдругъ былъ подвергнутъ такому тяжелому для меня испытанію и не могъ покориться. Я легче бы перенесъ сѣченье. Я не боялся физической боли, привыкнувъ къ ушибамъ и порѣзамъ; но потерять свободу, мнѣ, привыкшему къ волѣ, было нестерпимо-трудно. Довольно долго продолжалась моя безпомощная, дикая злоба. Но подъ вліяніемъ физической боли и усталости, мало-помалу, она стала утихать, на смѣну ей появились размышленія о томъ, что моя мать, можетъ быть, умерла. До меня смутно долетали звуки подъѣзжающихъ къ воротамъ и уѣзжающихъ обратно дрожекъ. Кто это ѣздитъ и зачѣмъ? Не служатъ ли теперь панихиду по моей матери? Что я буду дѣлать безъ нея? Оставитъ ли меня Бубновъ здѣсь или возьметъ къ себѣ? Не вступится ли за меня дядя? Неужели и онъ забылъ обо мнѣ и не спроситъ—гдѣ я? Ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ не являлось отвѣта: я лежалъ въ полузабытьи, изрѣдка открывая глаза и осматриваясь—гдѣ я. Эта дремота продолжалась довольно долго. Въ чуланѣ, между тѣмъ, становилось все темнѣе и темнѣе. Мысли о матери, о моей будущей судьбѣ начали разсѣиваться передъ ужасомъ настоящаго: я, всегда смѣлый, началъ трусить. Тревожно смотрѣлъ я, уже совершенно очнувшись, въ окно и увидѣлъ, какъ позолотились съ одной стороны края облаковъ, какъ они становились все ярче и ярче и потомъ стали блѣднѣть, а сами облака стали превращаться изъ ослѣпительно-бѣлыхъ и легкихъ въ тяжелыя, свинцовыя тучи, клубившіяся и разстилавшіяся по небу подобно дыму. Я напряженно слѣдилъ за послѣдними бѣлыми мѣстами облаковъ, за ихъ послѣдними золотистыми краями и, кажется, готовъ былъ плакать, молиться, чтобъ удержать хоть на минуту эти послѣдніе отблески дня и солнца. Какъ я дорожилъ въ эту минуту свѣтомъ! Но вотъ погасла и послѣдняя золотая тонкая змѣйка, исчезло и послѣднее бѣлое облачко, и сѣрыя тучи поплыли однообразною, сгущающеюся массой. Я оглядѣлся въ комнатѣ: на полу, на стѣнахъ и въ углахъ около окна былъ уже легкій сумракъ; свѣтлѣе былъ тотъ конецъ чулана, гдѣ была дверь, но, мало-по-малу, потемнѣлъ и онъ. Въ чуланѣ стало дѣлаться холоднѣе. Я сѣлъ въ уголъ и не шевелился, прислушиваясь къ каждому звуку: около меня, за

Digitized by Google

стѣной, послышалось, что кто-то скребетъ доски,—я пошевелился, застучалъ кулакомъ, закричалъ,—шорохъ утихъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ начался снова и снова затихъ при моемъ движеніи. Несмотря на страхъ, я занялся этимъ явленіемъ на нѣсколько времени и инстинктивно былъ радъ, что на свѣтѣ есть хотъ мышь, которая боится меня даже теперь. Мнѣ было даже пріятно пугать ее. Но скоро мое вниманіе было отвлечено новыми звуками: въ крышу надо мной, а потомъ подъ окномъ начали звонко ударять крупныя капли дождя. Сначала это были рѣдкіе, отчетливо отдѣлявшіеся звуки; потомъ они стали чаще слѣдовать одинъ за другимъ; наконецъ, полились быстро, торопливо, какъ бы перебивая, какъ бы стараясь заглушить другъ друга. Мнѣ казалось, что эти ручьи то злобно и бѣшено спорили и воевали между собой, то чудилось, что они, уставъ враждовать, сливались въ одинъ дружный и грозный потокъ, заливавшій землю. Удивительно дѣйствуютъ эти, въ сущности, однообразные, равномѣрно усиливающіеся, равномѣрно утихающіе звуки! Никакая колыбельная пѣсня няни, никакое баюканье въ люлькѣ, не можетъ такъ успокоить волненіе человѣка, такъ усыпить его измученную душу, какъ эти монотонные переливы ливня. Сперва они меня раздражали; потомъ я какъ будто привыкъ къ нимъ; наконецъ, я напряженно прислушивался къ нимъ, какъ къ пѣнію, и ничего уже не слышалъ, кромѣ нихъ. Мнѣ грезилась необозримая, облитая солнцемъ земля, съ высокими горами, съ обширными равнинами, съ темными лѣсами, съ грозными скалами, омываемыми неугомоннымъ моремъ, и среди этой волшебной страны какіе-то невѣдомые мнѣ люди, казалось, влекли меня за собою и пѣли вокругъ меня странныя, то тревожныя, то усыпляющія пѣсни. Сотни ихъ разнообразныхъ голосовъ, сотни ихъ разнообразныхъ пѣсенъ слились, мало-по-малу, въ одну мелодію, такую мучительно-грустную, хватающую за сердце, но въ то же время такую сладкую, что мнѣ хотѣлось бы долго-долго наслаждаться ею, то улыбаясь, то плача вмѣстѣ съ ними. И вдругъ, среди этихъ яркихъ сновидѣній, раздался страшный пронзительный и долгій плачъ, точно кто-то душилъ ребенка,—я проснулся: по чердаку кто-то пронесся мягкими, будто босыми ногами, и снова не было слышно ни дѣтскаго плача, ни торопливыхъ шаговъ, а только равномѣрно, монотонно, то усиливаясь, то ослабѣвая, лилъ дождь, и мнѣ снова снились незнакомые люди, поющіе предо мной свою пѣсню.

Digitized by Google

Не знаю, въ которомъ часу я проснулся, но, кажется, было очень рано.

Воздухъ теперь былъ теплѣе на чердакѣ, чѣмъ наканунѣ вечеромъ. Я лежалъ, чувствуя боль въ головѣ и шеѣ, такъ какъ у меня подъ головою была жесткая и неловкая подушка. На лѣстницѣ послышались шаги. Я насторожилъ уши. Я слышалъ, шаги приближались къ чердаку. Я слышалъ, какъ отворилась дверь на чердакъ, какъ потомъ она замкнулась снова и какъ по мягкому земляному полу кто-то приближался къ дверямъ чулана,—наконецъ, ключъ щелкнулъ въ замкѣ у двери чулана. Передо мной появился Бубновъ. Онъ былъ неузнаваемъ. Его лицо совсѣмъ пожелтѣло; глаза были воспалены; на лбу и шеѣ натянулись толстыя, тревожно бившіяся жилы. Онъ молча заперъ за собой дверь на крючокъ и подошелъ ко мнѣ. Онъ взялъ меня одною рукою за руку повыше локтя, и я мгновенно увидалъ, что въ другой его рукѣ былъ пучокъ-прутьевъ. Я сдѣлалъ попытку освободиться, но онъ сдавилъ мою руку. Эта первая боль пробудила во мнѣ чисто-животную злобу, и я съ быстротою молніи впился зубами въ его руку, старался отпихнуть его свободною рукой. Онъ выпустилъ меня на мгновеніе и тотчасъ же схватилъ меня за плечи.

— Волченокъ!—прошепталъ онъ, тряся меня изо-всей силы.—Брата убилъ!.. Каинъ!.. Первое мое дитя... убилъ!..

Онъ не говорилъ, а хрипѣлъ удушливымъ голосомъ. Я чувствовалъ, что его желѣзные пальцы конвульсивно сжимались на моемъ плечѣ. Я напрасно бился: его пальцы точно врѣзались въ мое тѣло и занѣмѣли на мнѣ. Онъ взялъ меня за шею и наклонилъ мою голову. Черезъ минуту она была стиснута между его костлявыми ногами. Я еще разъ попробовалъ освободиться, но онъ еще крѣпче сдавилъ ногами мою голову, и въ то же время я почувствовалъ, что съ меня срывалась нижняя одежда.

— Убью тебя... убью!—дрожащимъ голосомъ шепталъ онъ, и я почувствовалъ первый ударъ, проскользнувшій по моему тѣлу, какъ прикосновеніе раскаленнаго желѣза.

Бубновъ сѣкъ артистически, продергивая по тѣлу розгами. Я впервые испыталъ эту жгучую, острую боль, мнѣ казалось, что изъ меня вырѣзали куски мяса.

Не знаю, долго ли продолжалось сѣченье. Очнувшись, я увидалъ, что я, полураздѣтый, растрепанный, лежу на полу поперекъ матраца, а у окна, спиною ко мнѣ, стоитъ Бубновъ. Его лихорадочно подергивало. Я хотѣлъ пошевелиться,

Digitized by Google

прикрыть свое обнаженное тѣло одеждой, но почувствовалъ боль и вскрикнулъ. Бубновъ очнулся; онъ обернулся ко мнѣ съ быстротою звѣря, заслышавшаго новые крики еще не вполнѣ задушенной имъ жертвы.

— Не смѣй ревѣть!—проговорилъ онъ мнѣ въ яростй.— Не смѣй! Тебя убить бы стоило... Убійца!.. Сына моего убилъ!..

По желтымъ щекамъ Бубнова катились крупныя, одинокія слезы. Онъ былъ и страшенъ, и жалокъ.

— Лежи здѣсь... Помни, что я тебя буду пороть за каждую мелочь... Ты заплатишь мнѣ за брата...

Я съ ужасомъ слушалъ отчима: онъ походилъ на помѣшаннаго. Животная, необузданная разсудкомъ скорбь о сынѣ, задушенномъ при рожденіи; звѣрское желаніе убить виновника этой смерти, послѣдній проблескъ самообладанія, заставлявшій воздержаться отъ свершенія преступленія; дикая ярость на врага за то, что онъ живъ и смѣетъ издавать слабые крики протестующей противъ насилія жизни,—всѣ эти чувства мѣшались въ потрясенной душѣ Бубнова. Кто зналъ всю его прошлую жизнь, кто зналъ, какъ онъ отчаявался имѣть когда-нибудь дѣтей, какъ лихорадочно онъ ждалъ рожденія перваго ребенка, только тотъ могъ понять, что испытывалъ этотъ животно-страстный, суровый человѣкъ. Сверхъ того, Бубновъ былъ алченъ, былъ скрягою въ душѣ, и зналъ, что его сынъ долженъ былъ закрѣпить за его фамиліей часть имѣнія моей матери, часть моего имѣнія. И грязные помыслы, и чистыя чувства, все это смѣшалось теперь для Бубнова въ одно: сынъ былъ его идоломъ прежде своего появленія въ свѣтъ, и вдругъ это божество умираетъ, задыхается при рожденіи. Отчего? Кто былъ причиною этой смерти? Ясно, что то лицо, которое было причиною обморока матери. Это лицо—былъ я. Значитъ, я убійца своего брата, я Каинъ, убившій невиннаго Авеля. Но вслѣдствіе какого поступка съ моей стороны упала мать въ обморокъ? Чѣмъ былъ вызванъ этотъ поступокъ? Объ этомъ не спрашивали ни ее, ни меня. Да и зачѣмъ? Не все ли равно для Бубновыхъ, какимъ способомъ, вслѣдствіе чего, я убилъ брата: «умышленный или неумышленный проступокъ — все-таки проступокъ и долженъ быть наказанъ. Искать причины проступка—это было бы слишкомъ долго, и, въ концѣ-концовъ, привело бы къ прародителю человѣчества, какъ къ первой причинѣ всѣхъ проступковъ. Да, впрочемъ, при трезвомъ обсужденіи дѣла, едва ли и самъ прародитель могъ

Digitized by Google

бы быть признанъ виновникомъ въ своемъ проступкѣ,— причины грѣха лежали, можетъ-быть, еще глубже». Это была бубновская философія, наказывавшая послѣдняго уличеннаго на мѣстѣ преступника. Какъ часто я слышалъ ее, какъ неизгладимо врѣзалась она въ мою память! Голодъ ли, холодъ ли, угнетенія ли довели человѣка до преступленія, что за дѣло имъ, сытымъ Бубновымъ, до этихъ причинъ, когда украденъ кусокъ ихъ мяса, частица ихъ золота, на которое они промѣняли свою человѣческую душу!

Черезъ часъ Бубновъ снова зашелъ ко мнѣ, принесъ мнѣ фуражку, шинельку и велѣлъ мнѣ одѣться. Я одѣлся съ трудомъ, такъ какъ у моихъ панталонъ отлетѣли пуговицы, и они сами были разорваны около пояса. Кое-какъ справившись съ своимъ туалетомъ, я вышелъ съ отчимомъ изъ дома, гдѣ всѣ еще спали, и онъ свелъ меня въ квартиру своей матери. Дорогой я впалъ въ безпамятство.

Въ домѣ Маѳы Трофимовны пролежалъ я безъ памяти, между жизнью и смертью, около трехъ недѣль. Въ это время и моя мать лежала больна и не могла навѣстить меня. Дядя посѣщалъ меня каждый день, онъ просиживалъ ночи у моей постели, нахмуривъ брови и опустивъ на грудь свою полусѣдую голову. Старуха Бубнова и Бубновъ сотни разъ совѣтовали ему не слишкомъ долго сидѣть у меня, такъ какъ мнѣ было нужно спокойствіе, но дядя отвѣчалъ имъ, что я буду такъ же спокоенъ, какъ теперь, если около меня соберется весь флотъ. Онъ былъ правъ, я никого не замѣчалъ, ничего не слышалъ, и, даже очнувшись, бредилъ чердакомъ, убитымъ братомъ, увѣряя всѣхъ, что я слышалъ его голосъ, слышалъ, какъ онъ плакалъ, что его убили и не дали ему пожить. Напрасно увѣрялъ меня дядя, что и чердакъ, и голосъ брата — все это игра моего воображенія, что братъ родился мертвымъ, что я съ самой минуты его рожденія былъ увезенъ къ Маѳѣ Трофимовнѣ и не сидѣлъ ни на какомъ чердакѣ, — я стоялъ на своемъ и утверждалъ, что слышалъ голосъ брата. Дядя въ волненіи хмурилъ брови и приглаживалъ виски, полагая, что я снова начинаю бредить. Я снова впадалъ въ забытье.

Помню я день, когда мнѣ стало совсѣмъ легко, когда мнѣ было такъ сладко почувствовать, что я здоровъ, что я живъ. У моей постели попрежнему сидѣлъ ласкавшій меня дядя. Онъ не позволялъ мнѣ говорить и не соглашался поднять шторы, заслонявшія отъ меня свѣтъ яркаго дня. Я чувствовалъ, что за этими плотными шторами сверкаютъ живые

Digitized by Google

лучи солнца; я жадно всматривался въ одну золотистую полоску, проскользнувшую какъ-то случайно въ этотъ полумракъ. Эта одинокая полоска была лучомъ надежды, она говорила мнѣ, что скоро, скоро увижу я солнце, людей, уличное движеніе. Дядя молчаливо слѣдилъ за мною добрыми, любовными глазами. Намъ обоимъ было такъ хорошо, точно я послѣ труднаго и опаснаго плаванія, обреченный на гибель, неожиданно вернулся къ моему доброму старику, и онъ, не желая нарушать сладости первой минуты свиданія, запрещалъ мнѣ говорить объ ужасахъ прошлаго и хотѣлъ молча налюбоваться чертами милаго ему лица. Изрѣдка по его щекамъ скатывались слезы на полусѣдые усы, и тотчасъ же онъ старался улыбнуться и принять бодрый видъ. Иногда онъ невольно пожималъ мнѣ руку и серьезнымъ, добрымъ голосомъ шепталъ мнѣ:

— Молодецъ, молодецъ! Трудную, очень трудную болѣзнь перенесъ.

Я смѣялся, слыша эту незаслуженную похвалу.

— Ну, не смѣйся, не велѣно! Начальство запретило,— бормоталъ онъ.

Въ это время дверь тихо отворилась и въ комнату вошла Марѳа Трофимовна.

— Ну, что?—спросила она.

— Спасенъ, теперь совсѣмъ спасенъ!—весело отвѣтилъ дядя.

Въ эту минуту онъ, кажется, пересталъ ненавидѣть даже ее. Я закрылъ глаза.

— Что онъ спитъ?—спросила она.

Дядя взглянулъ на меня и сказалъ:

— Да, уснулъ!

Я въ эту минуту тайкомъ пожалъ ему руку: я ненавидѣлъ Бубнову.

Она вздохнула.

— Пересталъ онъ бредить?—спросила она.

— Пересталъ.

Послѣдовалъ новый вздохъ.

— Какой странный былъ этотъ бредъ. C'est horrible! Мальчикъ понимаетъ, вѣроятно, что онъ убилъ своего несчастнаго брата,—драматическимъ тономъ проговорила Марѳа Трофимовна. — Я не могу теперь безъ содроганія смотрѣть на этого ребенка, мнѣ тотчасъ же представляется несчастное, убитое имъ дитя!

Дядя встрепенулся и закрутилъ хохолъ, пригладивъ виски.

Digitized by Google

— Ну, сударыня, грѣхъ и стыдъ обвинять чистаго младенца въ убійствѣ!—произнесъ онъ, потрясеннымъ отъ негодованія голосомъ.

— Я не обвиняю его, но говорю, что онъ самъ, должно-быть, чувствуетъ это,—пожала она плечами.

— А вамъ все-таки грѣхъ и стыдъ говорить это! Вы извините мою грубость. Я старый матросъ, сударыня. Я видѣлъ, какъ бѣдняки, отцы семейства, въ морѣ тонули, я видѣлъ, какъ шальныя пули припибали на мѣстѣ полную силъ молодежь, я, сударыня, видѣлъ, какъ линьками сѣдыхъ стариковъ стегали,—да, сударыня, я видѣлъ и это, своими глазами видѣлъ,—а у меня сердце поворачивается, когда я слышу, что вы, женщина, обвиняете дитя въ убійствѣ! Каково же должно быть это его юному, нѣжному сердцу, если онъ услышитъ ваши слова?—Каково будетъ это его матери, если до нея дойдутъ ваши рѣчи? Вамъ и грѣшно, и стыдно! Вы—женщина!

Дядя говорилъ тѣмъ искреннимъ, хватающимъ за сердце голосомъ, который всегда вырывался изъ его груди въ минуты волненія. Марѳа Трофимовна еще разъ пожала плечами.

— Но вѣдь не легче для его матери и потеря несчастнаго ребенка, убитаго имъ,—сказала она.—Я думаю, ей долженъ быть такъ же дорогъ и тотъ погибшій младенецъ, какъ этотъ, погубившій его.

Я лежалъ, закрывъ глаза, въ какомъ-то нѣмомъ ужасѣ и оцѣпенѣніи: вокругъ меня былъ мракъ, призракъ убитаго младенца снова носился предо мной, его плачъ рѣзко раздавался въ моихъ ушахъ. Мнѣ хотѣлось оправдаться передъ всѣми, хотѣлось отогнать этотъ призракъ. Но никому, кромѣ дяди, не смѣлъ я говорить о братѣ; дядя же считалъ всѣ мои рѣчи объ этомъ предметѣ послѣдними остатками бреда и каждый разъ тревожился за мое здоровье при этихъ объясненіяхъ.

Какъ только вышла изъ комнаты Марѳа Трофимовна, я снова открылъ глаза и заговорилъ о братѣ.

— Птица, птица,—перебилъ меня дядя въ волненіи:—ничего этого не было. Все это пустяки! Сумасбродная баба бредитъ. Спи! Ты еще нездоровъ.

— Пойми ты меня, дядя,—увѣрялъ я его: — что я на чердакѣ...

— Ну, ну, мы опять на чердакъ заходимъ,—замахалъ рукою дядя, съ усмѣшкой на лицѣ и съ нѣкоторымъ стра-

Digitized by Google

хомъ въ душѣ.—Будемъ лучше лежать на постели и ждать, когда мы въ состояніи будемъ ходить по садамъ. Потерпи, птица, потерпи еще немного, и мы скоро съ тобой не будемъ ни на какіе чердаки забираться. И на что намъ чердаки нужны? Что въ нихъ? Плевка они не стоятъ!

— Да ты не шути, дядя!—молилъ я его, чувствуя, что онъ считаетъ мои слова бредомъ.

— Тс! Спать, спать! Начальство спать велитъ!—шутливо проговорилъ онъ густымъ басомъ и погрозилъ мнѣ пальцемъ.

Я покачалъ головою и со вздохомъ опять закрылъ глаза: онять тотъ же мракъ, опять тотъ же призракъ брата носился надо мною, опять въ ушахъ раздавался его плачъ. Долго, долго суждено было этому призраку никогда не жившаго человѣка тревожить мою дѣтскую душу.

Черезъ два мѣсяца меня перевезли домой. Я выросъ во время болѣзни, но былъ худъ и слабъ. Иногда я пробовалъ поднять кресло и не могъ; я съ удивленіемъ и любопытствомъ разсматривалъ свои руки: это были однѣ кости, обтянутыя кожей. Но перемѣна во мнѣ была все-таки не такъ значительна, какъ перемѣна въ моей матери. Мать едва бродила. Она была блѣдна, упала духомъ. Оставаясь одна, она выглядѣла апатичною. Въ выраженіи ея лица было что-то сухое и сосредоточенное. Она стала очень нетерпѣлива и раздражительна въ сношеніяхъ съ прислугой. Она подчасъ спокойно и равнодушно, почти небрежно и холодно выносила мои ласки, отчасти изъ желанія не навлекать на себя и на меня подозрѣній и непріятностей со стороны мужа и свекрови, отчасти изъ смутнаго чувства невольнаго отвращенія ко мнѣ, какъ къ существу, вызвавшему и напоминающему недавнія несчастія. Да, это чувство закралось въ ея измученную душу. Иногда же мать дѣлалась болѣзненно, мучительно нѣжною со мною, точно стараясь загладить все, что я перенесъ. О, если бы она знала все, что перенесла моя дѣтская душа! Она, вѣрно, еще теплѣе отнеслась бы ко мнѣ и забыла бы мой невольный проступокъ. Бывали минуты, когда мать начинала плакать, вспоминая о своемъ умершемъ ребенкѣ, и горько роптала за его смерть. Но вслѣдъ за этимъ ропотомъ она испуганно говорила, что Богъ отнимаетъ дѣтей за грѣхи ихъ родителей, и молилась. Ея набожность, пугливая, напряженная, возрастала съ каждымъ днемъ.

Среди этого натянутаго, мучительнаго положенія представлялась тысяча случаевъ коснуться того или другого

Digitized by Google

больного мѣста, и раны постоянно раскрывались. Я смотрѣлъ волчонкомъ изъ-за угла; старуха Бубнова, указывая на меня гостямъ, что-то шептала имъ и, по судорожному подергиванію ея жирныхъ плечъ, я понималъ, что она называетъ меня убійцей брата. Бубновъ иногда мимоходомъ дергалъ меня за ухо, если замѣчалъ, что я начиналъ рѣзвиться.

— Я мамашѣ пожалуюсь!—угрожалъ я.

— А, второго моего ребенка уморить хочешь!—шипѣлъ онъ, и на его лицѣ выражалось нѣчто зловѣщее.

Я мгновенно притихалъ, понявъ, что у меня будетъ еще братъ, и боялся ступить лишній шагъ. Большею частью я сидѣлъ у дяди въ мезонинѣ. Дядя тоже хмурился. Уже никогда не восхищался онъ теперь умомъ Бубнова и видимо тяготился жизнью въ нашемъ домѣ. Но, среди всего этого натянутаго положенія, всѣ какъ будто сговорились не упоминать двухъ именъ — имени моей няни и имени Василья. Этихъ людей уже не было въ нашемъ домѣ. Ихъ, кажется, не было и на свѣтѣ, по крайней мѣрѣ, люди старались не произносить этихъ именъ и какъ будто вычеркнули, хотѣли вычеркнуть ихъ изъ списка живыхъ.

Уже приближалась зима, когда эти имена вдругъ должны были припомниться многимъ, припомниться въ видѣ страшнаго призрака. Это было осенью, ночью. Тяжело это время для угрюмыхъ злодѣевъ: тяжело оно и для ихъ измученныхъ жертвъ. Холодный, рѣзкій вѣтеръ порывисто дуетъ постоянно съ моря, дико воетъ въ обезлиственныхъ деревьяхъ, въ дымовыхъ трубахъ, въ снастяхъ кораблей, въ каждой щелкѣ, въ каждомъ отверстіи. Неугомонное, почернѣвшее подъ свинцовыми тучами, море реветъ, не умолкая, яростно бьется мутными волнами въ берегъ, брызжетъ бѣлою пѣною, какъ бы стараясь затопить землю и снести съ нея все, созданное людьми. Мелкій, частый и холодный дождь все льетъ, и льетъ, и пробираетъ до костей. Стѣны домовъ отсырѣли и покрылись темными пятнами. Мрачнѣе прежняго выглядятъ сѣрыя и красныя громады укрѣпленій съ мѣрношагающими, промокнувшими до костей, часовыми, съ торчащими изъ каждаго отверстія пушками. Изрѣдка появляющееся солнце бросаетъ на землю косые, какъ бы кровавые, лучи и почти не грѣетъ. Гнилой воздухъ грозитъ гриппами, тифами, лихорадками, горячками, смертью. На улицахъ жутко. Онѣ пусты или наполнены пьяными матросами, пришедшими изъ плаванія и шатающимися отъ кабака къ ка-

Digitized by Google

баку, отъ одного притона разврата къ другому. Изъ этихъ кабаковъ и притоновъ несутся дикія пѣсни, напоминающія не столько о весельѣ, сколько о близкой дракѣ. Прохожіе кутаются въ шинели, идутъ скорыми шагами, молча, съ озабоченными или сердитыми лицами; видно, что ихъ выгнала изъ теплой комнаты только необходимость или нужда. Въ эту минуту хочется сидѣть дома, у сверкающаго огонька, въ дружномъ кружкѣ; хочется успокоить разстроенные нервы, разогнать хандру. Но гдѣ присѣсть и успокоиться тому, у кого дома — адъ кромѣшный, или у кого нѣтъ ни одного близкаго любящаго существа, или у кого, наконецъ, просто нѣтъ своего угла? Проводить время въ одиночествѣ? Но подъ этотъ свистъ вѣтра, подъ этотъ вой моря, въ этотъ пробирающій до дрожи холодъ, невеселыя мысли приходятъ въ голову. Невольно являются тѣни тѣхъ людей, которые вслѣдствіе нашихъ проступковъ, или вслѣдствіе своей злобы, загубили нашу жизнь, отравили наше спокойствіе, отогнали нашъ сонъ. Макбету не даетъ покоя убитый имъ Банко; Гамлета преслѣдуетъ мысль объ отомщеніи преступному дядѣ, но у обоихъ «зарѣзанъ сонъ». Въ этомъ положеніи, въ эту пору одни измученные люди бросаются въ воду; въ эту пору другіе изстрадавшіеся люди идутъ съ ножомъ въ жилища своихъ враговъ или караулятъ ихъ въ темную ночь на большой дорогѣ. Отмстить или умереть — дѣлается задачей жизни этихъ изстрадавшихся людей.

Такою-то порою, около полуночи, когда всѣ въ домѣ спали, Бубновъ, по своему обыкновенію, прошелъ заниматься въ свой кабинетъ. Входя въ комнату, онъ былъ пораженъ какимъ-то страннымъ, едва слышнымъ шорохомъ. Онъ подозрительно обвелъ глазами комнату; но все было на своихъ мѣстахъ, все было пусто, тяжелые занавѣсы крупными складками спускались у оконъ до самаго полу. Онъ сѣлъ писать.

Бубновъ былъ не трусъ, не былъ онъ и суевѣренъ, но въ этотъ вечеръ его томилъ невольный, почти безсознательный страхъ. Этотъ подозрительный шорохъ, слышанный имъ при входѣ въ комнату, не выходилъ у него изъ головы. Пописавъ нѣсколько минутъ, Бубновъ оставилъ перо, подошелъ къ окну, приподнялъ занавѣсъ и осмотрѣлъ мѣсто. Окно было плохо заперто, но подъ занавѣсами не было никого. Бубновъ заперъ раму на задвижку и на минуту прислушался. Въ комнатѣ была мертвая тишина, и только вѣтеръ завывалъ въ саду. Осмотрѣвъ другое окно, загля-

Digitized by Google

нувъ подъ диванъ и не найдя ничего, Бубновъ пожалъ плечами и сѣлъ снова. Работа, однако, не шла впередъ. Онъ задумался. Что ему вспомнилось въ эти минуты ночного, одинокаго раздумья—волновали его душу ненавистные призраки-обличители или возникли въ его головѣ воспоминанія о тяжелыхъ сценахъ,—неизвѣстно. Но ему не работалось. Машинально, точно ему снова послышался проклятый шорохъ, онъ всталъ, чтобы осмотрѣть еще разъ комнату, и въ то же мгновеніе отскочилъ въ сторону: около его бока блеснула сталь, задѣвшая его за руку. Не прошло нѣсколькихъ секундъ, какъ желѣзная рука Бубнова уже сжимала, какъ въ тискахъ, чью-то слабую руку, вооруженную ножомъ. Ножъ со звономъ упалъ на полъ. Бубновъ торопливо крикнулъ. Въ комнату вошелъ напъ новый заспанный денщикъ, давно дремавшій въ одеждѣ на полу передней.

— Кучера и дворника!—лаконически произнесъ Бубновъ.

Денщикъ посмотрѣлъ на барина и на неожиданнаго ночного посѣтителя отупѣвшими глазами.

— Чего осовѣлъ, болванъ!—угрюмо проговорилъ Бубновъ.

Денщикъ бросился за прислугой.

— На грабежъ пуститься задумалъ,—шипѣлъ Бубновъ, сдавливая руки ночного гостя.—Не удалось домашнимъ воришкой сдѣлаться, въ разбойники пошелъ. Силу бы прежде нагулялъ!

Блѣдное, худое и маленькое существо, опустивъ молодое, еще не опушенное усами, лицо на впалую, чахоточную грудь, не произносило ни одного слова. На этомъ лицѣ не отражалось даже чувства нестерпимой боли, а эта боль должна была ощущаться въ сдавленныхъ до излома костей рукахъ. Въ комнату черезъ пять минутъ явилась прислуга.

— Вяжите его!—скомандовалъ Бубновъ людямъ.

Болѣзненнаго, блѣднаго человѣка связали. Онъ не сопротивлялся.

— Никому въ домѣ ни слова объ этомъ!—погрозилъ Бубновъ слугамъ.—Если барыня хоть что-нибудь узнаетъ,—запорю!

Денщикъ и крѣпостные люди сурово молчали. На ихъ лицахъ не было слѣдовъ злобы на преступника. Имъ было, повидимому, просто странно видѣть въ роли отважнаго убійцы этого тщедушнаго, изрѣдка вздрагивавшаго всѣмъ тѣломъ, человѣка, не произносившаго ни слова, не дѣлавшаго никакихъ усилій для сопротивленія, не помышлявшаго

Digitized by Google

вымолвить какую-нибудь мольбу о прощеніи. Бубновъ, холодный, угрюмый и молчаливый, наскоро одѣлся и пошелъ за людьми, которые повели преступника.

Во всѣ слѣдующіе дни Бубновъ былъ пасмурнѣе обыкновеннаго и шептался съ своею матерью. Она, въ качествѣ пятаго городского колеса, должна была узнать отъ кронштадтскихъ вѣстовщиковъ о ночномъ происшествіи въ домѣ ея сына, и потому нужно было пригрозить ей, чтобы она не смѣла ничего разсказывать объ этомъ у насъ въ семьѣ. Моя мать, давно привыкшая къ угрюмому характеру мужа, была, однако, въ эти дни поражена выраженіемъ его лица и спросила, что съ нимъ. Онъ односложно отвѣтилъ: «ничего!» и вышелъ изъ ея комнаты.

Рѣдко кто запомнитъ такое простое и несложное дѣло, какъ дѣло Василья, покусившагося убить Бубнова. Онъ не запирался, не путалъ никого, не просилъ ни о чемъ. Онъ разсказалъ подробно, съ убійственнымъ хладнокровіемъ, что онъ давно задумалъ сдѣлать это «дѣло» и все не рѣшался до послѣдняго времени, когда случайно услыхалъ въ лавкѣ, что у насъ будутъ на слѣдующій день вставлять окна. Это ничтожное само по себѣ обстоятельство сразу заставило его рѣшиться совершить задуманное «дѣло», такъ какъ при вставленныхъ окнахъ было бы трудно попасть въ домъ. Еще хладнокровнѣе разсказалъ преступникъ, какъ онъ забрался въ нашъ садъ, какъ влѣзъ въ окно еще утромъ, когда оно, по обыкновенію, было открыто денщикомъ на полчаса для освѣженія воздуха въ кабинетѣ, какъ просидѣлъ весь день въ гардеробной комнатѣ, смежной съ кабинетомъ Бубнова, какъ потомъ хотѣлъ спрятаться за занавѣсы, но отказался отъ этого намѣренія, услыхавъ шаги Бубнова. Далѣе преступникъ сказалъ, что ему больше нечего разсказывать, что онъ во всемъ повинился.

— Обокрасть думалъ?—говорили ему.

— Убить хотѣлъ,—лаконически отвѣчалъ онъ.

— Что тебя побудило къ преступленію? — допрашивали его.

— Ихъ высокоблагородіе знаютъ,—еще односложнѣе отвѣчалъ онъ, взглянувъ на Бубнова своими потухшими, стеклянными глазами.

— Какъ не знать!—насмѣшливо и злобно замѣтилъ Бубновъ, отворачиваясь отъ него.—Онъ у меня, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, крѣпостную дѣвку развратилъ, вѣроятно, желая сдѣлать ее своей сообщницей. Потомъ, когда

Digitized by Google

его за развратное поведеніе выпороли, онъ задумалъ убить меня и ограбить.

Худой и больной человѣчекъ не спускалъ съ Бубнова своего тусклаго взгляда. Въ этомъ взглядѣ было много убійственнаго, гробового спокойствія. Ему замѣтили, что онъ вѣрно не твердо рѣшился на убійство и почувствовалъ раскаяніе въ минуту совершенія преступленія.

— Его высокоблагородіе знаетъ, почему я не убилъ его,—отвѣтилъ преступникъ.

Бубнова обозлила необходимость отвѣчать за преступника, и онъ замѣтилъ, что преступникъ можетъ говорить и самъ. Снимающіе допросъ обратились къ преступнику съ вопросомъ, почему онъ съ такимъ упорствомъ не хочетъ говорить самъ за себя.

— Его высокоблагородіе знаетъ все лучше,—отвѣтилъ онъ равнодушно, какъ будто считая Бубнова своимъ сообщникомъ.

— Я знаю только одно, что ты зарѣзалъ бы меня и теперь,—яростно произнесъ Бубновъ.—Говори, мерзавецъ!

— Зарѣзалъ бы!—отвѣтилъ преступникъ, и по его тѣлу впервые въ этотъ день пробѣжала та нервная дрожь, которую замѣтили наши люди, заставъ его въ комнатѣ барина. На мгновенье его тусклые и безжизненные глаза сверкнули яркимъ огнемъ и потухли снова. Онъ только безсознательно потеръ рукою свою впалую грудь, точно ее сдавило въ эту минуту еще болѣе. Слово грубой брани на мигъ пробудило въ немъ жизнь. Такъ вздрагиваетъ раненый человѣкъ, лежавшій безъ чувствъ, если прикоснуться къ его ранѣ. Но это минутная вспышка: за нею наступаетъ еще болѣе полное безпамятство.

Не добившись ничего отъ преступника, допрашивающіе все узнали отъ самого Бубнова. Преступнику осталось только согласиться, что Бубновъ говорилъ правду, и подтвердить еще разъ, что его высокоблагородіе все знаетъ лучше его самого. Бубновъ впервые въ жизни почувствовалъ нѣчто въ родѣ ужаса, какъ будто онъ самъ совершилъ преступленіе, какъ будто допрашивали именно его, а не эту тѣнь человѣка, готовую скоро безотвѣтно и безслѣдно исчезнуть со свѣта.

Прошло нѣсколько времени, шла зима; въ нашемъ домѣ все было уныло, похоронно. Только однажды я замѣтилъ, что прислуга какъ-то особенно перешептывается между собою, что Бубновъ какъ-то необыкновенно хмурился, что

Digitized by Google

дядя не могъ посидѣть пяти минутъ на одномъ мѣстѣ и все ходилъ изъ угла въ уголъ, взбивая волосы и бормоча что-то себѣ подъ носъ. Со всею силою дѣтскаго любопытства я старался узнать, что случилось у насъ въ домѣ, но никто не давалъ мнѣ отвѣта. Тревожно провелъ я ночь послѣ этого дня. Меня томилъ какой-то страхъ, точно я ожидалъ какого-то собирающагося надъ нами несчастія. На слѣдующій день прислуга перешептывалась еще болѣе, ежеминутно сходясь вмѣстѣ на черной лѣстницѣ. Я около полудня вышелъ побѣгать по двору и прошмыгнулъ въ дворницкую къ своему пріятелю Гаврюшкѣ, сыну дворника.

— А вы, Владиміръ Михайловичъ, ничего не слыхали?— спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я.

— То-то!—отвѣтилъ Гаврюшка.—Вамъ не велѣно сказывать. Строго-на-строго запретили... Сегодня, вишь, Василья наказывали.

— Какъ! За что?—воскликнулъ я, блѣднѣя.

— Сквозь строй провели,—объяснилъ Гаврюшка.—Барина Григорья Даниловича убить хотѣлъ... Народу, бабъ видимо-невидимо набралось за валикъ... Васька блѣдный такой былъ... Исполосовали совсѣмъ... Такъ на телѣжкѣ, какъ пластъ, и увезли... А ничего, не кричалъ... Словечка не вымолвилъ... Меня тятька тоже выпороть пообѣщалъ, что я убѣгъ туды.

Я въ остолбенѣніи слушалъ этотъ разсказъ мальчугана и ужъ не пошелъ играть съ нимъ въ снѣжки. Я быстро воротился домой. Меня била лихорадка. Образъ Василья, проходящаго сквозь строй, преслѣдовалъ меня, какъ будто я самъ былъ зрителемъ этой страшной картины. Только черезъ нѣсколько дней я успокоился. А кругомъ меня тянулась та же самая похоронная жизнь.

Я спалъ въ комнатѣ дяди, учился у него, читалъ съ нимъ книги безъ разбора, иногда я уставалъ, и дядя читалъ мнѣ вслухъ разныя путешествія и исторіи. Я порядочно овладѣлъ французскимъ языкомъ, на которомъ прежде я умѣлъ вести только самые несложные разговоры. Но зато я навсегда испортилъ свое французское произношеніе. Не мало успѣховъ сдѣлалъ я и въ нѣмецкомъ языкѣ. Наши разговоры въ это время вертѣлись постоянно на толкахъ о далекихъ странахъ и о жизни отдаленныхъ по времени или пространству народовъ. Разговоровъ о нашемъ домѣ, о близкихъ намъ лицахъ мы избѣгали; намъ тайно хотѣлось,

Digitized by Google

чтобы и этого дома, и многихъ изъ этихъ лицъ не существовало на свѣтѣ. Такъ, въ домѣ, гдѣ не слишкомъ давно умеръ человѣкъ, мужъ бросилъ жену, любимый другъ измѣнилъ своему другу или, вообще, совершилась какая-нибудь нравственная утрата, всѣ говорятъ о постороннихъ предметахъ, касаются всевозможныхъ вопросовъ и не касаются только одного изъ нихъ—главнаго. Иногда у дяди срывалось съ языка брань на Бубновыхъ, но онъ спѣшилъ перемѣнить разговоръ и лаконически замѣчалъ: «а, чортъ съ ними!» Я тоже мысленно посылалъ ихъ къ чорту и старался не говорить о нихъ. Я необыкновенно поздоровѣлъ и сталъ не по лѣтамъ серьезенъ. Мое воображеніе развилось при чтеніи о лишеніяхъ, встрѣчаемыхъ путешественниками, о пыткахъ, перенесенныхъ разными народами и историческими героями. Невеселая наша жизнь, притѣсненія, постоянное одиночество или бесѣды съ такимъ идеалистомъ, какъ дядя, навели меня на мысль, что и меня ждутъ впереди страданія, что я долженъ приготовиться къ нимъ, и я, экзальтированный до крайности, сталъ развивать въ себѣ физическія силы и пробовать свою выносливость. Меня радовало, если мнѣ удавалось поднять что-нибудь тяжелое или справиться въ борьбѣ съ Гаврюшкой. Помню, что я однажды въ эту зиму взялъ горячій уголь въ руки и держалъ его до тѣхъ поръ, пока онъ остылъ. Изъ моихъ глазъ градомъ катились слезы, моя ладонь болѣла очень долго, но я былъ радъ и торжествовалъ въ душѣ, вспоминая разсказъ объ Іоаннѣ Гуссѣ. Меня стали особенно привлекать такія зрѣлища, какъ рѣзаніе куръ, и хотя мнѣ было очень жалко бѣдныхъ хохлушекъ, но я не убѣгалъ и смотрѣлъ до конца на ихъ казнь, помня, что дядя разсказывалъ о многихъ людяхъ, падающихъ въ обморокъ при видѣ крови.

А въ семьѣ не было никакихъ перемѣнъ, никакихъ радостей. Бубновъ былъ молчаливъ и пасмуренъ и иногда ѣдко жаловался на враговъ, сознавая съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что ему готовы насолить всѣ, что они только ищутъ для этого удобныхъ случаевъ. Мать хворала, была все въ той же апатіи; у нея скоро долженъ былъ родиться ребенокъ, и потому она почти никуда не выѣзжала. Дядя брюзжалъ и начиналъ говорить, что въ этомъ домѣ просто адъ, что на немъ какое-то проклятіе лежитъ. Бубновы, повидимому, все еще тосковали о моемъ умершемъ братѣ. Но, въ дѣйствительности, можетъ-быть, ихъ смущалъ не призракъ этого никогда не жившаго на свѣтѣ ребенка,

Digitized by Google

а тревожили живые, загубленные во цвѣтѣ силъ люди—эта крѣпостная дѣвушка, вѣчная труженица, вѣрная раба, не досыпавшая ночей, не отдыхавшая днемъ, и этотъ закабаленный, сдѣлавшійся вещью человѣкъ, томившійся тоскою по родинѣ, изнывшій подъ розгами и линьками, валявшійся на полу, какъ песъ,—эти люди, оторванные отъ семьи и наказанные за то, что и они, въ праздники своей жизни, въ годы кипучей юности, когда сердце такъ страстно ищетъ любви и ласки, ставъ по волѣ господъ бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, глядя на семейныя радости своихъ баръ, смѣли полюбить другъ друга и на минуту забыть свое горе. Можетъ-быть, тревожилъ Бубновыхъ и тотъ не родившійся ребенокъ, который, подобно моему брату, долженъ былъ явиться на свѣтъ почти въ эту же пору: родился онъ или вмѣстѣ съ моимъ братомъ сошелъ въ могилу, какъ новый обличитель земныхъ прегрѣшеній—этого никто не зналъ, кромѣ Бубновыхъ. Никто не зналъ и того, какъ вынесъ я эту жизнь, какая злоба кипѣла во мнѣ, какія недѣтскія проклятія посылалъ я Бубнову, какъ горячо я клялся, стоя на колѣняхъ, отомстить ему за бѣдныхъ моихъ любимцевъ, какъ искренно давалъ я обѣтъ никогда, никогда не притѣснять никого, и какъ часто обращался я къ Богу съ этими страстными дѣтскими клятвами! Мнѣ не пришлось отомстить врагу этихъ бѣдныхъ людей, мнѣ не пришлось подставить за нихъ свою грудь, но я хотѣлъ бы, положа руку на сердце, смѣло сказать, что я сдержалъ послѣднее свое обѣщаніе, и ухожу въ могилу, не унося на себѣ проклятій этой темной забитой толпы, проливающей за насъ свой потъ и свою кровь. Я ошибался во многомъ, я много понялъ слишкомъ поздно, но ни разу никто не могъ сказать, что я притѣсняю ближняго; здѣсь я былъ на-сторожѣ, во всеоружіи и зорко слѣдилъ за собою.

VI.

Капитанъ Хлопко высаживается на берегъ, я слѣдую за нимъ.

Видя наше незавидное положеніе, возмущаясь до глубины души всѣмъ, происходящимъ вокругъ, капитанъ еще чаще и чаще сталъ толковать о необходимости своего переѣзда изъ дома Бубнова, тѣмъ болѣе, что Бубновъ и его мать относились къ нему далеко не любезно и довели свою небрежность и невнимательность въ обращеніи съ нимъ до послѣдней степени.

Digitized by Google

На одномъ изъ семейныхъ вечеровъ, старуха Бубнова очень безцеремонно замѣтила при капитанѣ.

— Ахъ, я не выношу моряковъ стараго закала. Ils sont insupportables! Это что-то вѣчно пьющее, какъ бочка. Нашъ милѣйшій Карлъ Францовичъ Гейгъ составляетъ единственное счастливое исключеніе.

Дядю это задѣло за живое.

— Не знаю, про какихъ моряковъ вы говорите. Но вы забываете, сударыня, что Рикорды, Головнины, Бестужевы въ наше время служили или начали свое поприще,— серьезно замѣтилъ дядя, гордо поднявъ голову.

Бубновъ злобно усмѣхнулся.

— Такъ вы и Бестужевыми гордитесь, вотъ какъ!

— Горжусь, отъ всей души горжусь,—не смутившись отвѣтилъ дядя.—Это люди были! Они могли увлекаться, но никогда не могли сдѣлаться мелкими барышниками, идущими въ плаваніе изъ-за лишняго гроша, везущими на продажу контрабандное тряпье, разсчитывающими, какъ бы ловчѣе съэкономить и утянуть матросскій грошъ.

— Такъ вамъ, пожалуй, нравится и увлеченіе Бестужевыхъ? Я этого и не зналъ,—шипѣлъ Бубновъ, у котораго уже натягивались и тревожно бились жилы на лбу.

— Не увлеченіе; оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ разговоромъ о старомъ флотѣ,—твердо и горячо возразилъ дядя.—Объ ихъ увлеченіи я не стану разговаривать съ вами. Да и они расплачиваются за него, а лежачихъ бьютъ только подлецы. Но какъ за честныхъ моряковъ, я всегда стану за нихъ грудью и всегда громко, хоть на площади, повторю за Николаемъ Бестужевымъ все, что онъ написалъ о морской жизни. Онъ понималъ морскую жизнь, какъ братство, какъ семью, и зналъ, что первый раздоръ между моряками будетъ первымъ шагомъ къ гибели флота.

Эти рѣчи были слишкомъ смѣлы для того времени. Въ нашей гостиной смолкли разговоры. Всѣмъ стало какъ-то неловко, почти страшно. Но дядя не унялся. Онъ всталъ и снова обратился къ Бубнову.

— Я понимаю, Григорій Даниловичъ, — сказалъ онъ: — что вы не можете хвалить этихъ людей. Вы служите и хотите составить себѣ карьеру. Это ваша цѣль, и я ничего не могу сказать противъ этого. Но, не имѣя смѣлости высказывать прямо и откровенно своихъ мнѣній, не мѣшайте, по крайней мѣрѣ, другимъ, не спорьте съ ними, если они го-

Digitized by Google

ворятъ правду. Вы знаете, что я не служу, не связанъ ничѣмъ, и знаете тоже, что я правъ. И вамъ ли говорить о флотѣ? Вы гдѣ-то на сушѣ, у камелька пригрѣлись, съ берега смотрите, какъ другіе идутъ на борьбу съ бурями — какой же вы морякъ!

Дядя вышелъ въ другую комнату.

— Непріятно, что капитанъ говоритъ у васъ въ домѣ такія вещи,—замѣтилъ адмиралъ Гейгъ.

Этотъ туповатый, выстриженный подъ гребенку и по-солдатски вытянутый нѣмецъ былъ посаженымъ отцомъ и покровителемъ Бубнова, находясь когда-то въ близкихъ отношеніяхъ къ Марѳѣ Трофимовнѣ.

Бубновъ пожалъ плечами.

— Что вы станете дѣлать съ этими чудаками! Впрочемъ, я надѣюсь, что дѣла скоро перемѣнятся.

— Вѣдь мало ли что можетъ случиться: онъ скажетъ что-нибудь, а тамъ узнаютъ,—вопросъ: кто его слушалъ, зачѣмъ не заявили, какъ отнеслись къ его словамъ?

Гейгъ озабоченно обводилъ общество безсмысленнымъ взглядомъ струсившаго тупоумія. Казалось, онъ спрашивалъ: ужъ не донесетъ ли изъ васъ, господа, кто-нибудь?

— Да, намъ надо разъѣхаться,—хмуро промолвилъ Бубновъ и перемѣнилъ разговоръ.

Но Гейгъ не ободрялся и покачивалъ головой, о чемъ-то размышляя. На прощаньи онъ еще разъ напомнилъ Бубнову о дядѣ.

— Вы поторопитесь... Мало ли что можетъ случиться. Я ни за кого, я даже за себя не отвѣчаю... Вспомните, какое мы время недавно пережили: холера, Польша!..

Гейгъ многозначительно поднялъ кверху указательный палецъ правой руки.

Бубновъ успокоилъ его.

Дядя мозолилъ Бубновымъ глаза и раздражалъ ихъ своимъ яснымъ спокойствіемъ, являясь безмолвнымъ обличителемъ ихъ дрянности. Онъ понималъ, что онъ лишній въ ихъ домѣ, что ему будетъ легче не видать этой семейной жизни, но медлилъ переѣздомъ, надѣясь взять меня съ собою. Мы обжились съ нимъ въ мезонинѣ и болѣе прежняго любили другъ друга. Ему было жаль оставить меня на жертву. Онъ попробовалъ замѣтить, что пора начать серьезно учить меня.

— Да, я его скоро отдамъ въ школу,—отвѣтилъ ему на это Бубновъ.

Digitized by Google

Мы сидѣли всѣ въ столовой и пили чай.

— Я думаю, лучше бы его отдать въ Петербургѣ въ школу,—замѣтилъ дядя.

— На полный пансіонъ отдавать его еще рано, а я думаю прежде подготовить его здѣсь въ гимназію и потомъ отослать въ Петербургъ.

— И приготовлять тамъ удобнѣе,—возразилъ дядя.—Впрочемъ, онъ знаетъ почти все, что нужно для вступительнаго экзамена даже во второй классъ. У попа развѣ придется Законъ Божій подучить, ну, да это недолго вызубрить. Я могъ бы взять все на себя и переѣхать съ нимъ на время въ Петербургъ.

— Гдѣ же вамъ, капитанъ, возиться съ нимъ! И, сверхъ того, вы слишкомъ сильно балуете его, а теперь съ нимъ нужна строгость и строгость. Вы меня извините за откровенность, но я долженъ вамъ замѣтить, что и теперь вліяніе вашей излишней доброты очень дурно отражается на его характерѣ.

Дядя вскипятился.

— Извините, я дѣтей притѣснять не считаю возможнымъ и не могу, — сердитымъ басомъ отвѣчалъ онъ, расправляя усы.—Я старый матросъ, я не сморгну подъ пулей, не поблѣднѣю передъ непріятелемъ, но воевать съ дѣтьми, съ беззащитными, у меня силы не хватитъ,—тутъ я самъ слабъ, какъ ребенокъ.

Бубновъ сидѣлъ хладнокровно, положивъ ногу на ногу, и, покуривая сигару, ироническимъ тономъ возразилъ дядѣ:

— Очень жаль, капитанъ, что вы превращаетесь въ этихъ случаяхъ въ малолѣтка, такъ какъ съ дѣтьми-то и не должно быть ребенкомъ, а нужно собрать все свое благоразуміе, всю свою опытность, чтобы не испортить ихъ на всю остальную часть ихъ жизни. Потакая капризамъ и прихотямъ ребенка, родители и вообще старшіе расчищаютъ имъ путь къ каторгѣ.

— Я думаю къ ней гораздо ближе тѣ, которыхъ только били и никогда не умѣли ласкать въ дѣтствѣ,—сурово замѣтилъ дядя.

Бубновъ пропустилъ безъ отвѣта замѣчаніе капитана и продолжалъ развивать свою мысль:

— Сегодня онъ неумышленно, по глупости, сдѣлается причиной чужого несчастія или смерти...

Мать вздрогнула при этихъ словахъ.

— Завтра, — продолжалъ Бубновъ наставительнымъ то-

Digitized by Google

номъ:—онъ причинитъ то же несчастіе, но причинитъ его съ полнымъ сознаніемъ, потому что онъ не привыкъ подчиняться никакимъ условіямъ, кромѣ своей разнузданной вольной-волюшки...

— Ну-съ, а я того мнѣнія держусь, что, тираня ребенка, вы со всѣми своими мудрыми правилами озлобляете его и дѣлаете негодяемъ,—произнесъ дядя.

Бубновъ улыбнулся и, отпивъ глотокъ чаю, насмѣшливо промолвилъ:

— Вы, капитанъ, всегда горячитесь. У васъ очень пылкая кровь! Кто же станетъ говорить, что тиранить ребенка полезно? Это такъ же дурно, какъ и баловать его. Но вы забыли одно: я вамъ говорилъ, что вы, капитанъ, положительно балуете его, а вы говорите, что тиранить его еще хуже. Но не можете ли вы мнѣ сказать, кто именно здѣсь тиранитъ ребенка?

Бубновъ, постукивая по полу ногой, произнесъ послѣднія слова такимъ холоднымъ и твердымъ тономъ, что моя мать испугалась и поспѣшила вмѣшаться въ разговоръ.

— Полно, Гриша! Конечно, дядя не думалъ, что ты можешь тиранить Володю,—сказала она.—Но ты знаешь, что мнѣ самой иногда кажется, что ты слишкомъ... слишкомъ... жестко, то-есть не то чтобы жестко, а слишкомъ... слишкомъ... равнодушно обращаешься съ нимъ.

Мать робѣла и путалась, подыскивая выраженія.

Бубновъ сострадательно покачалъ головой.

— Ну, тутъ и ты, и капитанъ должны винить только себя,—серьезно замѣтилъ онъ.—Вы до того обабили мальчика, что нужно иногда быть съ нимъ строже, чѣмъ съ другими дѣтьми. Чѣмъ меньше будете вы потакать ему, тѣмъ легче будетъ мнѣ исправить его.

Дядя встрепенулся и заерзалъ пальцами по усамъ.

— О, если только я служу причиной вашей суровости въ отношеніи Володи, то я готовъ уступить вамъ мѣсто,—сказалъ онъ съ искреннимъ чувствомъ. — Я здѣсь пассажиръ, вы капитанъ этого корабля. Вы можете прямо отдать приказъ мнѣ не выходить изъ моей каюты, а нѣтъ, такъ можете меня и просто на берегъ высадить... Впрочемъ, я и самъ объ этомъ подумывалъ.

— Если я васъ хорошо понимаю, то вы говорите о своемъ переѣздѣ?—сухо и вскользь спросилъ Бубновъ, допивъ чай и передавая стаканъ моей матери.

— Кажется, я говорю ясно, и сомнѣній тутъ быть не можетъ.

Digitized by Google

— Пожалуйста, не клади мнѣ такъ много сахару,—замѣтилъ Бубновъ моей матери и потомъ обратился къ дядѣ:— Ну, капитанъ, покуда вашъ переѣздъ не нуженъ. Намъ очень пріятно, что вами, а не кѣмъ-нибудь другимъ, заняты лишнія комнаты въ нашемъ домѣ.

Мать была обижена за дядю этимъ небрежнымъ тономъ своего мужа и съ грустью промолвила:

— Дядя, какъ тебѣ не стыдно считать себя лишнимъ у насъ!

— Мало ли что бываетъ, мало ли что бываетъ, дитя!— проговорилъ онъ взволнованнымъ и горячимъ голосомъ. — Бываютъ случаи, что живыхъ людей прямо за бортъ выбрасываютъ въ море, такъ-таки, безъ всякихъ церемоній, прямо въ море...

— Фи, дядя! — вздрогнула мать, отвернувшись въ сторону.

Ее возмутила промелькнувшая въ ея воображеніи картина.

— Да, да, дитя, и, повидимому, дорогихъ, близкихъ людей выбрасываютъ. Говорятъ, лучше нѣсколькими пожертвовать, только бы самимъ спастись. Правда, иногда и остальные, принеся эту кровавую жертву, гибнутъ,—гибнутъ, обремененные еще однимъ лишнимъ несмываемымъ грѣхомъ братоубійства,—но вѣдь они спастись думали!

Дядя развелъ руками и всталъ. Онъ былъ взволнованъ, держался особенно прямо и гордо.

— Дай Богъ, чтобы вы были правы, думая, что для спасенія этого ребенка нужно выбросить меня изъ родной семьи,— торжественно обратился онъ къ Бубнову:—дай Богъ! Если же вы ошибаетесь, если вы даже не убѣждены въ пользѣ своего поступка, если для Володи будетъ еще хуже послѣ моего удаленія отъ близкихъ моему сердцу, — то, да проститъ васъ Богъ за то, что вы отравили лишнимъ горемъ и безъ того невеселую жизнь стараго матроса.

Дядя едва говорилъ, въ его голосѣ слышались слезы. Мать поспѣшно встала и подошла къ нему съ утѣшеніемъ на губахъ.

— Ничего, дитя, ничего!—проговорилъ онъ ласково, по-отцовски погладивъ ее по головѣ рукою, и тихо вышелъ, отстранивъ ее съ дороги, не давъ ей обычнаго поцѣлуя.

Мать съ глубокимъ упрекомъ во взглядѣ посмотрѣла на мужа. Онъ безстрастно докуривалъ сигару.

— Старый чудакъ! — проговорилъ онъ. — Какъ всѣ эти старые отставные холостяки быстро превращаются въ бабъ!

Digitized by Google

— Ты его огорчилъ!—произнесла мать.

— Конечно, какъ же не огорчиться человѣку, когда ему говорятъ, что онъ своею добротой портитъ ребенка, — насмѣшливо промолвилъ Бубновъ.—А какъ ты думаешь,—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, и въ его голосѣ зазвучала рѣзкость: — какъ ты думаешь, не въ правѣ ли огорчиться тотъ, кому говорятъ, безъ всякихъ церемоній, безъ всякихъ основаній на это, что онъ тиранитъ ребенка, притѣсняетъ беззащитнаго? Но тотъ, кому не сказали ничего обиднаго, разрюмился, и его жалѣютъ, а тотъ, кого хотѣли глубоко оскорбить, молчитъ, и его же обвиняютъ за жестокость. Это образецъ вашей женской логики и непосредственнаго чувства.

Мать сробѣла и сконфузилась.

— Не сердись, Гриша. Мнѣ, право, жаль дядю!—проговорила она покорно.

— Да кто же тебѣ говоритъ, что мнѣ не жаль его? Мнѣ всѣхъ дураковъ жаль. Но мнѣ еще болѣе жаль Владиміра. Дядя отжилъ, а твой сынъ только еще начинаетъ жить.

— Милый мой, умный, люби его!—припала мать къ плечу мужа.

— Ребенокъ! — проговорилъ онъ и приласкалъ ее, какъ малое дитя.

На слѣдующій день дядя объявилъ мнѣ, что онъ скоро переѣзжаетъ отъ насъ. Я сказалъ, что уйду, убѣгу за нимъ.

— Полно, птица моя,—промолвилъ старикъ, лаская меня.— Нужно перенести все, покуда уляжется буря и станетъ дуть попутный вѣтеръ. Пройдетъ еще годъ, и ты тоже переѣдешь съ этого корабля. Я старъ, я слабъ, я не могу долѣе жить здѣсь. Ну, а ты молодъ — крѣпись! Когда-нибудь, скоро, будемъ жить вмѣстѣ.

Я кусалъ губы, чтобы затаить слезы.

— Дядя, останься у насъ еще, голубчикъ! — умолялъ я его.

— Птица, птица моя, развѣ я радъ, что я уѣзжаю? Меня не хотятъ болѣе держать здѣсь. А развѣ мнѣ легко жить противъ ихъ воли въ ихъ домѣ? Моя шея ужъ не умѣетъ гнуться... Да она и прежде не умѣла гнуться, — махнулъ онъ рукою.

Дядя ходилъ по комнатѣ въ суровой задумчивости.

— Бороться я съ ними, съ этими хитрыми людьми, не умѣю,—говорилъ онъ.—Я съ моремъ, съ бурей, съ открытыми врагами всю жизнь боролся. Крѣпи паруса, мачты

Digitized by Google

долой, стой съ фитилемъ у пушки, — вотъ что я понимаю, вотъ что я умѣю дѣлать; а подъ чужимъ флагомъ плыть, тайныя вылазки дѣлать, сонныхъ людей въ плѣнъ брать — не приходилось, во всю жизнь не приходилось. Дай Богъ, чтобы и тебѣ не пришлось научиться этой наукѣ. Погибнешь въ открытомъ бою, примешь ударъ съ оружіемъ въ рукѣ, стоя лицомъ къ лицу съ врагами — честь и слава тебѣ. Начнешь тайкомъ подкапываться подъ враговъ, — самого, можетъ-быть, въ подкопѣ завалитъ землей; начнешь прикидываться другомъ враговъ — они же тебя соннаго зарѣжутъ! Смѣлѣй иди прямою дорогой и всему смотри въ глаза: и радости, и горю, и людскимъ неправдамъ! Кровь холодѣетъ отъ нихъ, волосъ дыбомъ становится, — зато крѣпче, честнѣе станешь.

Дня черезъ три дядя объявилъ Бубнову, что онъ нашелъ квартиру въ Петербургѣ.

— Капитанъ, для чего вы такъ торопитесь? — спросилъ Бубновъ. — Правда, ваши три комнаты понадобятся намъ мѣсяца черезъ два подъ дѣтскія, но покуда вы можете спокойно располагать ими.

— Въ томъ-то и дѣло, что не могу спокойно располагать ими, — отвѣтилъ дядя, дѣлая удареніе на словѣ «спокойно». — Да и вамъ лучше будетъ, когда въ домѣ убавится однимъ лишнимъ колесомъ.

— Капитанъ, мнѣ хотѣлось бы разстаться съ вами безъ ссоры, — многознаменательнымъ тономъ замѣтилъ Бубновъ.

— Не знаю, какъ вы хотите разстаться со мною, — грустно сказалъ дядя: — но, видитъ Богъ, что я-то никакъ, ни съ ссорой, ни безъ ссоры, не хотѣлъ разстаться съ Марусей и Володей, — ну, а вотъ все-таки разстаюсь!

Бубновъ нахмурилъ брови.

— Вы опять хотите представить меня человѣкомъ, который угнетаетъ не только младенцевъ, но даже и стариковъ, въ родѣ васъ, — насильно усмѣхнулся онъ.

— Меня угнетать нельзя, — гордо отвѣтилъ дядя. — Если мое сердце болитъ за Марусю и за Володю, то вѣдь мало ли отчего болѣло оно въ жизни! Ихъ, особенно Володю, мнѣ жаль, а лично мнѣ вы ничего не можете сдѣлать. Я уже успѣлъ, слава Богу, перерасти васъ, и могу смотрѣть на людей вашихъ лѣтъ, какъ на мальчиковъ, обрывающихъ крылья у бабочекъ..

Бубновъ пожалъ плечами.

— Будетъ время, — торжественно продолжалъ дядя, при-

Digitized by Google

стально глядя на Бубнова, плохо скрывавшаго свое нетерпѣніе и раздраженіе:—будетъ время, когда вы увидите, что мнѣ вы ничего не успѣли сдѣлать и что всѣ ваши теперешніе поступки отзовутся только на насъ. Дай вамъ Богъ встрѣтить такъ же ясно и спокойно свою старость, свою смерть, какъ встрѣчаю ихъ я: передо мной, въ часы моихъ молитвъ, не являются ни загубленные мною люди, ни кровавыя тѣни тайно убитыхъ мною враговъ.

— Капитанъ! — яростно воскликнулъ Бубновъ, сдѣлавъ шагъ къ дядѣ.

Дядя спокойно и ясно посмотрѣлъ на него, тихо покачавъ головою.

— Развѣ васъ обижаетъ, что я желаю вамъ въ старости не знать угрызеній совѣсти?—ровнымъ голосомъ произнесъ онъ.

Бубновъ въ кровь закусилъ губы и скороговоркой проговорилъ:

— Прощайте!

Онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, откуда не торопился выйти дядя. Казалось, въ эту минуту побѣда осталась за дядей, и онъ покидалъ поле битвы просто изъ состраданія къ ничтожному, гнусному врагу, обратившемуся въ бѣгство.

Моя мать очень долго плакала, узнавъ о скоромъ переѣздѣ дяди. Бубновъ старался утѣшить ее и доказывалъ, что все это дѣлается къ лучшему, что это нужно для полноты нашего счастья. Счастье! это слово какъ-то странно звучало теперь для матери. Она не знала, гдѣ это счастье, въ чемъ оно заключается, какъ оно, невѣдомое ей, можетъ быть полнѣе безъ дяди. Любимая мечта минувшихъ дней, оно давнымъ-давно не манило мою мать радужными и яркими призраками, къ которымъ когда-то стремилась она. Нѣжный и страстный любовникъ-мужъ, вѣчно смѣющійся и рѣзвый красавецъ-сынъ, безмятежный и полный старческой красоты отецъ семейства—дядя, жизнь гдѣ-нибудь въ Италіи, въ Малороссіи, подъ сверкающимъ и теплымъ небомъ,— все это разбилось теперь вдребезги, подъ молотомъ будничной, грубой и непривѣтной жизни, не оставивъ въ больной душѣ даже уголка для созданія новаго идеала счастія. Мать тупо старалась приловчиться къ хозяйству, тревожиться изъ-за несметеной паутины въ углу, ссориться изъ-за опоздавшаго получасомъ завтрака, утомляться изъ-за чищенья ягодъ для варенья — и, къ несчастію, все это не клеилось въ ея рукахъ, не волновало ее, не занимало ея

Digitized by Google

времени. А время тянулось убійственно медленно, и каждый звукъ маятника словно говорилъ, что безцѣльному дню, безцѣльной жизни и конца не будетъ. Мать иногда брала романъ,—она такъ любила романы въ былые дни!—и читала, читала,—потомъ книга выпадала изъ рукъ на колѣни...

— Что вы это читаете?—спрашивала старуха Бубнова.

— Не знаю,—безсознательно отвѣчала мать.

— Какъ не знаете? Вотъ мило!—смѣялась Марѳа Трофимовна.—Vous êtes distraite!

На щекахъ матери пятнами вспыхивалъ стыдливый румянецъ.

— Да... то-есть я взяла книгу... о хозяйствѣ задумалась,—мѣшалась она и, отложивъ книгу въ сторону, шла въ людскую, звала горничную и дѣлала выговоръ, что пыль не сметена съ мебели.

Нѣтъ, не пыль отвлекала ея вниманіе отъ книги, терзала ея душу!

Противъ всѣхъ моихъ ожиданій, мнѣ стало не хуже жить безъ дяди. Правда, я чувствовалъ какую-то пустоту вокругъ себя, какой-то холодъ, но острой, жгучей боли во мнѣ не пробуждало ничто. Казалось, изъ дому вынесли дорогого для меня покойника, и всѣ прежніе враги, не сдѣлавшись моими друзьями, забыли обо мнѣ, перестали меня преслѣдовать, какъ неопаснаго непріятеля, не имѣющаго сильнаго союзника. Это не было слѣдствіемъ уваженія къ чужой скорби, но просто слѣдствіемъ презрѣнія къ ничтожеству непріятельскихъ силъ. Я ходилъ въ школу, сидѣлъ въ своей, бывшей дядиной, комнатѣ, появлялся въ семьѣ только во время обѣдовъ, чая, завтраковъ, наслаждался подчасъ довольно холодными и сдержанными ласками матери, но и то только въ отсутствіи моего отчима и старухи Бубновой. Меня старались не замѣчать. Все было направлено въ эту пору къ спокойствію матери, все дышало приготовленіями къ величайшему торжеству въ домѣ—къ рожденію бубновскаго наслѣдника. Наконецъ, насталъ этотъ торжественный, давно ожидаемый день. Я былъ удаленъ отъ моей матери, чтобы снова не погубить другого брата.

— Ахъ, ради Бога, скажите этому несчастному мальчику, чтобы онъ не бѣгалъ по лѣстницѣ,—молила Марѳа Трофимовна, обращаясь къ прислугѣ.

— Скажи ему, что я его веревками перевяжу,—добавлялъ Бубновъ, посылая ко мнѣ денщика.

Но не нужно было никакихъ угрозъ для того, чтобы

Digitized by Google

я сидѣлъ смирно въ эти дни. Я снова вспомнилъ теперь, какъ, слишкомъ годъ тому назадъ, я былъ причиной смерти моего брата, какъ я мучился на чердакѣ. По какому-то инстинктивному желанію посмотрѣть на мѣсто своихъ первыхъ мученій, я пошелъ на чердакъ. Тамъ все было по-старому, тѣ же два выбитыя стекла, тотъ же хламъ въ углу, тѣ же бечевки подъ потолкомъ и та же яркая, еще не смытая ни людьми, ни временемъ надпись: «мая навекъ». А гдѣ же та рука, которая чертила въ минуту юной любви эти слова? Гдѣ та цвѣтущая дѣвушка, которая дала обѣтъ этой вѣчной любви? Мнѣ вспомнилось утро, когда Василій какъ бы прошелъ передъ моими глазами сквозь строй, и мнѣ стало жутко; изъ глазъ полились слезы... А тамъ внизу, быть-можетъ, шли въ эту минуту первыя радости отца и матери, услыхавшихъ первый крикъ новорожденнаго младенца. Я сталъ на колѣни и тихо началъ молиться: «Господи, спаси маму, дядю, брата, Настю, всѣхъ, всѣхъ добрыхъ и бѣдныхъ людей!» Я перечислялъ всѣ имена знакомыхъ мнѣ лицъ, и не молился только за Бубнова и за его мать. Я ненавидѣлъ ихъ всѣми силами страстной дѣтской души.

Черезъ нѣсколько дней позвали меня къ матери. Мать была одна.

— Посмотри на своего брата,—сказала она.

Я на цыпочкахъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ мой братъ, и осторожно приподнялъ надъ нимъ кисею. Передо мной лежалъ спеленатый, какъ куколка, ребенокъ съ краснымъ, неуклюжимъ лицомъ.

Мнѣ очень хотѣлось поцѣловать его, но я не смѣлъ; я боялся, что онъ проснется и заплачетъ, что объ этомъ узнаютъ Бубновы, и что меня снова обвинятъ въ покушеніи на убійство. Осторожно опустивъ кисею, я отошелъ отъ брата. Моя мать, тревожно слѣдившая за каждымъ моимъ движеніемъ, кажется, удивилась, что я не поцѣловалъ его, но ничего не сказала мнѣ насчетъ этого.

— Люби Мишу! — промолвила она. — Онъ маленькій, не обижай его.

— Я буду его любить,—въ смущеніи отвѣтилъ я.

Мнѣ показалось, что и мать сомнѣвается въ моей способности любить брата.

Она вздохнула.

— Ну, ступай,—промолвила она.

Я пошелъ.

Digitized by Google

— Ты даже не поцѣловалъ и меня,—замѣтила она мнѣ съ упрекомъ.

Я вернулся и, потупивъ глаза, поцѣловалъ ея руку.

— Какой ты нынче странный!—произнесла она.—Здоровъ ли ты?

— Я здоровъ.

— Такъ что же съ тобой?

— Ничего!

— Ты мнѣ скажи, если кто-нибудь обидѣлъ тебя...

Я, насупивъ брови, молчалъ. Моя мать вздохнула и снова промолвила мнѣ:

— Ступай!

Я вышелъ снова на цыпочкахъ, осторожно.

Съ этого дня моя мать начала слѣдить за моими отношеніями къ брату и замѣчала, что я не цѣлую его, что я не играю съ нимъ,—это убѣдило ее, что я не люблю брата. Старуха Бубнова, съ своей стороны, въ качествѣ пятаго колеса нашей семейной машины, отъ безсдѣлья производила свои наблюденія и сообщала матери, что братъ меня не любитъ, что у него есть, какъ у чистаго ангела, отвращеніе ко мнѣ. Дѣйствительно, братъ не любилъ меня: онъ шелъ ко всѣмъ на руки, но я не смѣлъ протянуть ему своихъ рукъ, и онъ не тянулся ко мнѣ. Онъ подставлялъ свои губы для поцѣлуевъ всѣмъ, за исключеніемъ меня, потому что я никогда не рѣшался поцѣловать его. Онъ отворачивался отъ меня, какъ отъ неинтереснаго собесѣдника, и лѣзъ къ комунибудь, кто смѣлъ взять его на руки и няньчиться съ нимъ. Меня тяготили эти натянутыя отношенія, и я радовался возможности не быть въ одной комнатѣ съ моимъ маленькимъ братомъ. Ему было около года. Я въ эту пору уже мечталъ о скоромъ поступленіи въ гимназію, когда въ одинъ прекрасный день у меня сдѣлалась корь. Я слегъ въ постель. Дня черезъ три начались признаки той же болѣзни и у брата. Онъ заразился ею отъ меня.

Бубновъ былъ въ отчаяніи, хотя болѣзнь была незначительна.

— Этотъ ребенокъ,—говорилъ онъ про меня:—рѣшительно вноситъ несчастіе въ нашу семью. На немъ точно проклятіе какое-то лежитъ!

Мать содрогнулась отъ этихъ словъ. Она вспомнила слова своего отца: «Не Богъ, а дѣти тебѣ покажутъ, что значитъ идти въ разбродъ съ честнымъ отцомъ». Запуганная окончательно мужемъ и его матерью, болѣзненная, нервная, до-

Digitized by Google

шедшая до набожности не вслѣдствіе инстинктивнаго стремленія къ высшему заступнику несчастныхъ, а вслѣдствіе страха передъ невѣдомымъ, грознымъ мстителемъ за наши ошибки, она теперь суевѣрно, съ лихорадочнымъ ужасомъ, смотрѣла на меня, какъ на живой бичъ карающаго, гнѣвнаго Бога, посланный ей въ наказаніе за грѣхи. Она по цѣлымъ часамъ, стоя на колѣняхъ, молилась за спасеніе другого, невиннаго ребенка, призывала гнѣвъ Божій только на себя одну и, наконецъ, рѣшилась удалить меня изъ дома тотчасъ послѣ моего выздоровленія. Я поправился довольно скоро.

— Молись, молись за брата,—говорила мнѣ мать.—Ты опять можешь сдѣлаться невольнымъ виновникомъ смерти второго брата. Это потому, что ты никого не любишь, что ты капризный, упрямый и злопамятный ребенокъ...

— Мама, мама, если бы ты знала, что я вынесъ, что я видѣлъ!—не выдержалъ я и зарыдалъ передъ нею.

Я мучился, сознавая, что съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе теряю ея любовь.

— Всѣ должны безропотно нести свой крестъ!—сухо замѣтила она, уже не трогаясь моими слезами.—Терпѣнія, смиренія у тебя нѣтъ! Молись, чтобъ Богъ смягчилъ твое жестокое сердце.

Она говорила глухо и черство, какъ говорятъ схимники, пророчащіе гибель грѣшному міру. Въ ея голосѣ было что-то рѣзкое, сухое и безсердечное. Глаза ея горѣли, но были сухи, какъ ея запекшіяся губы, какъ все ея лицо. Изрѣдка голосъ ея обрывался, и слышался удушливый, напоминающій о смерти кашель.

— Богъ съ тобой, поѣзжай,— шептала она, отправляя меня.—Молись больше, тебѣ нужна молитва.

Я покидалъ родительскій домъ съ сухими глазами, но съ жгучею, тайною болью. Я, повидимому, разлюбилъ мать и никогда не любилъ брата, но, между тѣмъ, я тревожно искалъ на лицѣ матери хотя единаго проблеска ласковой улыбки, я упалъ бы въ слезахъ къ ея ногамъ, если бы я могъ хоть на минуту подмѣтить на ея лицѣ этотъ желанный лучъ любви: но ея лицо было сурово, какъ могила, схоронившая навсегда всѣ радости, всѣ надежды и хранящая только слѣды страданія, ужаса и смерти. Въ ночь передъ своимъ отъѣздомъ я на цыпочкахъ пробрался въ комнату брата и наклонился надъ его колыбелью. Долго я разсматривалъ это чистое и милое младенческое личико съ полуоткрытыми губ-

Digitized by Google

ками. Здѣсь мысленно я давалъ обѣты быть вѣчно, вѣчно защитникомъ брата и не покидать его никогда. Тихо склонился я къ его дѣтской головкѣ и осторожно поцѣловалъ его. Мнѣ казалось, что это дитя улыбнулось въ отвѣтъ на мой первый поцѣлуй. Мнѣ хотѣлось разбудить его, взять его на руки, покрыть поцѣлуями, сказать, что я не злой, что я не врагъ ему, что я никогда не убивалъ его брата, что я подставлю за него свою грудь. Дитя, что поняло бы ты изъ этихъ смутныхъ и отрывочныхъ рѣчей болѣзненнаго и страстнаго мальчика? Или, можетъ-быть, ты поддалось бы его искренней ласкѣ и прильнуло бы своими дѣтскими губками къ этимъ губамъ, никогда до сихъ поръ не цѣловавшимъ тебя?..

Двери родного дома затворились за мной.

Передо мной открывалась новая дорога: выброшенный изъ своей старой семьи, изъ своего стараго гнѣзда, я вступалъ въ столицу, въ центръ общественной жизни, гдѣ мнѣ нужно было учиться, чтобы имѣть силы и средства сдѣлаться членомъ, помощникомъ, слугой моей новой семьи—общества.

— Ну, братъ, теперь мы оба на берегу,—говорилъ мнѣ мой милѣйшій дядя, Петръ Акимовичъ, встрѣчая меня въ своей петербургской квартирѣ.—Поплывемъ дальше.

VII.

Въ мирномъ жилищѣ стараго холостяка.

Дядя занималъ двѣ комнаты отъ жильцовъ. Кромѣ дяди, въ этой же квартирѣ жили два холостые чиновника, одинъ комиссаріатскій, другой почтамтскій, да занимала маленькую каморку тридцатилѣтняя дѣвица Фуфайкина, вскрикивавшая и потуплявшая глаза при встрѣчахъ въ коридорѣ съ дядею и двумя чиновниками. Хозяйка, шведка, вѣчно страдавшая флюсомъ, жалась съ своимъ больнымъ, чахоточнымъ мужемъ за ширмами въ кухнѣ. Комнаты у дяди были недурны; онъ обставился въ нихъ совершенно по-холостому. Входя къ нему, можно было сразу угадать, что здѣсь живетъ холостякъ пожилыхъ лѣтъ. На стѣнахъ висѣли картины довольно свободнаго содержанія, изображавшія барыню въ ночномъ костюмѣ, спасаемую молодымъ человѣкомъ во время пожара, гречанку съ непозволительно-открытой грудью и томными глазами, двухъ католическихъ монахинь, воюющихъ въ кельѣ передъ лежащимъ на полу и схватившимся за бока отъ смѣху юношей. Всѣ эти картины были ярко раскрашены

Digitized by Google

и обдѣланы въ рамки изъ насыпной стальной бумаги,—рамки были, очевидно, домашняго издѣлія. Въ углу кабинета, гдѣ за ширмами помѣщалась кровать, около широкаго турецкаго дивана, стоялъ особаго рода табачный столъ, какихъ теперь уже почти не существуетъ. Средина этого стола состояла изъ шестиугольнаго, выложеннаго свинцомъ и наполненнаго табакомъ, ящика; вокругъ ящика, въ краяхъ, были сдѣланы круглыя отверстія для чубуковъ. Въ то время еще курился «Жуковъ». Чубуковъ здѣсь было множество, одни красовались въ голубыхъ съ бѣлыми гирляндами бисерныхъ чехлахъ, другіе были украшены затѣйливо вырѣзанными янтарями. У окна стоялъ письменный столъ, на которомъ вмѣсто письменныхъ принадлежностей виднѣлись обрѣзки стальной и синей матовой бумаги, картоны и бордюры, тутъ же стояла чашка съ крахмаломъ, лежали трехугольники, линейки и перочинные ножи. Подъ столомъ покоилась, почивая мирнымъ сномъ на кожаной подушкѣ, «Сучка», лягавая собака, державшаяся преимущественно для подаванія туфлей, для стоекъ надъ сухаремъ, для разыгрыванія роли умершей и тому подобныхъ штукъ. На охоту она ходила рѣдко, и то не съ дядею, а съ кѣмъ-нибудь изъ его многочисленныхъ друзей. Но это обстоятельство нисколько не мѣшало дядѣ повѣсить на стѣну крестообразно два ружья надъ головою «турчанки», подъ которою висѣли пороховница, дробовикъ и пистонница. Всѣ эти вещи, отлично отполированныя и блестѣвшія дѣвственною чистотой, придавали очень милый видъ и стѣнѣ, и «турчанкѣ». По другую сторону дивана помѣщалась этажерка съ книгами. Тотчасъ же послѣ моего пріѣзда нѣкоторыя книги почему-то исчезли съ этажерки. Точно такъ же исчезли со стѣны, висѣвшія надъ этажеркой, двѣ картинки. Черезъ нѣсколько времени я отыскалъ и эти книги, и эти картинки, наскоро засунутыя дядею за его кровать. Но, къ моему удивленію, содержаніе картинокъ, снятыхъ со стѣны, и гравюръ, украшавшихъ книги, осталось для меня совершенно непонятнымъ. Я не могъ сообразить, почему дядя спряталъ ихъ, и заключилъ только одно, что на нихъ, повидимому, изображена какая-то иностранная баня. Кромѣ всего этого, у дяди повсюду лежало множество рамокъ, коробочекъ, шкатулочекъ; онѣ ясно показывали, что онъ посвящаетъ свои досуги клеенію различныхъ картонныхъ бездѣлушекъ. Клееніе рамокъ и коробочекъ, украшавшихся мелкими вырѣзанными картинками комическаго содержанія, было тогда въ такой же модѣ, какъ передъ крымской войной занятіе потишома-

Digitized by Google

ніей, а въ настоящее время пильной работой. Скука изобрѣтательна на игрушки. Такъ какъ въ описываемое мною время вся жизнь дяди была сплошнымъ досугомъ, и такъ какъ вѣчно клеить невозможно, то онъ и старался проводить возможно большее количество времени за чаемъ, кофе, обѣдомъ; извѣстное число часовъ онъ убивалъ на прогулку, на обученіе собаки, на ея кормленіе; иногда онъ шелъ куда-нибудь подальше завтракать въ трактиръ, чтобы убить утро. У него явились трактирные знакомые; явились знакомые по собакѣ, то-есть они брали его собаку на охоту, или онъ бралъ ихъ собакъ на-племя. И какъ просто завязывались эти знакомства! Идетъ, бывало, дядя съ своею «Сучкой» по Невскому проспекту или по Морской, вдругъ его нагоняетъ и останавливаетъ незнакомый господинъ.

— Извините! Это ваша собака?—спрашиваетъ прилично одѣтый незнакомецъ.

— Моя,—отвѣчаетъ не безъ гордости дядя.

— Не продадите ли вы ее?

— Нѣтъ-съ. Я самъ радъ, что успѣлъ ее пріобрѣсти.

— Благородный песъ! У меня есть одинъ точно такой же. Вотъ бы поддержать племя!

— Гм!—кашляетъ многозначительно дядя.

— Если вы позволите, вашъ адресъ!

Дядя дастъ подробный адресъ своей квартиры и спрашиваетъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь говорить.

— Петръ Григорьевичъ Ефимовъ,—отвѣчаетъ незнакомецъ.

— Скажите, не встрѣчалъ ли я васъ въ Лондонѣ?—задумывается дядя.

— Очень можетъ быть, я былъ при посольствѣ.

— Ба! такъ мы старые знакомые!

Ефимовъ и дядя въ восторгѣ. Оказывается, что они оба страстно любятъ собакъ, оба холосты, оба путешествовали, оба принадлежатъ къ числу совершенно свободныхъ и живущихъ на свои небольшіе капиталы людей. Затѣмъ дѣло обставлялось долгими переговорами, визитами другъ къ другу и тому подобными церемоніями, занимавшими довольно большое количество часовъ. Послѣ всего этого Ефимовъ и дядя дѣлались пріятелями.

Ежедневно проводилъ дядя извѣстный промежутокъ времени въ разговорахъ съ хозяйкою. Выйдетъ, бывало, онъ, будто бы случайно, въ коридоръ изъ своей комнаты, а она въ это время проходитъ въ кухню изъ комнаты почтамтскаго

Digitized by Google

чиновника, Матвѣя Трифоныча Семкина,—ну, и начинается бесѣда:

— А что, Христина Карловна, какъ ваши зубы?—спрашиваетъ дядя.

— Ахъ, бѣдные мои зубы, ахъ, несчастные мои зубы! Опять флюсъ!—восклицаетъ хозяйка.

— Не хорошо, не хорошо! Вы бы къ доктору сходили.

— Лавочникъ теперь взялся лѣчить. Кладетъ онъ заговоренный прутъ отъ вѣника и лицомъ къ мѣсяцу велитъ становиться и растирать, растирать щеку.

— Ну, и трете?

— Нѣтъ, не тру.

— Ай, ай, ай, что же вы запускаете болѣзнь?—съ упрекомъ качаетъ головой дядя.

— Да мѣсяца теперь нѣтъ!

— Да! Вотъ оно что!—задумывается дядя.—Ну, нечего дѣлать, съ Богомъ спорить не станешь,—подождите.

— Вотъ и жду! А ужъ какъ болятъ, какъ болятъ!

— Ну, а мужъ-то что? — справляется дядя о мужѣ хозяйки.

— Все лежитъ, все лежитъ! Кашлялъ сегодня, всю ночь кашлялъ.

— Лѣчиться, лѣчиться ему надо!

— Тутъ доктора не помогутъ: теперь ледъ на Невѣ идетъ, вотъ онъ и хвораетъ.

— Ну, авось скоро установится... А не слыхали, что Нева-то не встала?

— Нѣтъ, лавочникъ говорилъ, что еще не встала... Я пойду, тамъ у меня котлеты... Рубить надо...

— Ступайте, ступайте съ Богомъ.

Хозяйка идетъ на кухню. Дядя задумчиво стоитъ у дверей и потомъ кричитъ ей вслѣдъ:

— А что, Дормидонъ Дормидонычъ не возвращался?

— Нѣтъ еще! Богъ его знаетъ, запоздалъ что-то, — откликается хозяйка.

— Дѣла, вѣрно; ревизія какая-нибудь!—разсуждаетъ дядя и задумывается о Дормидонѣ Дормидоновичѣ Тюпинѣ, и о ревизіи въ комиссаріатѣ, и о своемъ свободномъ времени, которое надо употребить съ пользою, то-есть на клееніе коробочекъ и рамокъ.

Конечно, при такомъ образѣ жизни коробочки и рамки клеились довольно медленно, и дядя, тайно радуясь множеству занятій, иногда жаловался, что у него нѣтъ времени

Digitized by Google

доклеить ту или другую вещь. Засѣвъ за работу, онъ углублялся въ нее со всею свойственною ему философскою серьезностью и обдуманностью. Но не проходило и часу, какъ въ коридорѣ раздавался осторожный звонокъ.

— Дормидонъ Дормидонычъ вѣрно изъ должности идетъ,— мысленно разсуждалъ дядя.—Скоро и Володька прибѣжитъ. Надо велѣть накрывать на столъ.

Оставивъ работу, онъ отправлялся въ коридоръ и ощупью пробирался въ кухню.

— Ахъ!—раздавался подъ самымъ его ухомъ болѣзненный крикъ Антониды Павловны Фуфайкиной.

— Виноватъ-съ!—вскрикивалъ въ свою очередь дядя.—Вѣроятно, на ногу-съ наступилъ. Темно здѣсь.

— Нѣтъ-съ,—слышался застѣнчивый шопотъ.—Я такъ.

— А то, знаете, у кого мозоли, такъ это, чортъ побери, какая боль, если наступятъ!—разсуждалъ дядя.

— Что вы говорите! — сконфуженно шептала дрожащая дѣвица Фуфайкина и удалялась въ свою каморку.

Въ это время въ коридорѣ весело и рѣзко снова звенѣлъ колокольчикъ, шаловливо подергиваемый нетерпѣливой дѣтской рукой. Дядя бѣжалъ отъ кухонныхъ дверей къ входнымъ дверямъ и уже издали кричалъ:

— Слышу, слышу, Володенька!

— Ахъ! — раздавался испуганный крикъ, и мимо дяди, какъ летучая мышь, шурша накрахмаленнымъ платьемъ, прошмыгивала въ свою каморку дѣвица Фуфайкина.

— Фу, какъ испугала, чортъ побери! И когда это она опять въ коридоръ успѣла выйти?—разсуждалъ дядя, отыскивая крючокъ у двери.

Черезъ минуту, вприскочку я летѣлъ въ комнату и кричалъ:

— Обѣдать, обѣдать, дядя! Проголодался, какъ собака! А у тебя еще и не накрыто. Давай, я самъ накрою столъ.

Бросивъ книги на полъ, я бѣжалъ въ кухню, хваталъ тарелки, ножи, вилки, снова мчался въ комнату дяди, снова несся въ кухню, подпрыгивалъ, шалилъ, а дядя, весь раскраснѣвшійся, едва переводя духъ, возился у стола. Наконецъ, мы садились обѣдать.

— Ну, что ученье?—спрашивалъ дядя.

Это было уже мѣсяца черезъ два послѣ моего поступленія въ гимназію.

— Ничего, идетъ. Только скучно, дядя.

— Ну, братъ, корень ученія...

Digitized by Google

— Что ты толкуешь! Научился же я у тебя говорить по-французски и по-нѣмецки безъ скуки. А тутъ ковыряешь, ковыряешь столы, пока учитель тянетъ: mein Vater ist gut und dein Vater ist gut, meine Mutter ist gut und deine Mutter ist gut. Иногда просто вздремнетъ.

— Не хорошо, птица!

— А зачѣмъ они скверно учатъ?

— Значитъ лучше не умѣютъ!—серьезно замѣтилъ дядя въ отвѣтъ на мою первую жалобу на учителей.—А ты все-таки учись.

— Ну, а ты что наклеилъ?

— Какая тутъ клейка! «Сучка» сегодня что-то прихворнула. А тутъ пришла наша Христина Карловна, жалуется на зубную боль, поболталъ съ нею, гляжу и Дормидонъ Дормидонычъ идетъ. Ну, думаю, теперь и Володька скоро вернется. А ты тутъ, какъ тутъ! Что это только съ Фуфайкиной: какъ ни выйдешь, она, какъ бѣльмо на глазу, въ коридорѣ—и ахаетъ!

Дядя всталъ, чтобы велѣть подать слѣдующее кушанье, и вышелъ въ коридоръ: у самыхъ нашихъ дверей раздалось пронзительное «ахъ».

— Тьфу ты, проклятая!—прошепталъ дядя, возвращаясь въ комнату.

Я хохоталъ до слезъ.

— Да что она у васъ все ахаетъ? — сердито спросилъ дядя у хозяйки, подававшей кушанье.

— Она—барышня, мужчинъ боится.

— Да за какимъ же дьяволомъ она все въ коридоръ выходитъ?

— Ахъ, какой вы! — покачала головой хозяйка, выходя изъ комнаты.

— Не понимаю! Рѣшительно ничего тутъ не понимаю!—разсуждалъ дядя.

Окончивъ обѣдъ, дядя, по обыкновенію, легъ отдыхать. Я сѣлъ за уроки и поигрывалъ, между прочимъ, съ «Сучкой», валяясь на мягкомъ турецкомъ диванѣ.

— Ты, Володька, сладкаго не хочешь ли? Тутъ въ шкапу, на нижней полкѣ, есть пастила, — говорилъ изъ-за ширмъ дядя, поворачиваясь на другой бокъ.

— Проснешься, вмѣстѣ поѣдимъ!—откликнулся я съ дивана, обогрѣвшись на этомъ мягкомъ ложѣ.

— Да я и теперь не сплю. Что-то безсонница нынче мучаетъ. Ворочаешься-ворочаешься, а сна все нѣтъ. Ста-

Digitized by Google

рость, братъ, видно, подходитъ. Вотъ и кости ломитъ. Тьфу ты, проклятая, опять ахнула!—проворчалъ дядя, услышавъ за стѣной испуганный крикъ Фуфайкиной.—Это вѣрно Матвѣй Трифонычъ пришелъ.

Черезъ четверть часа дядя начиналъ присвистывать и выводить различные трубные звуки горломъ. Его храпу подтягивала и «Сучка», жалобно тявкая во снѣ. Подучивая уроки, я думалъ въ это время: «вѣрно письмо будетъ, что «Сучка» во снѣ лаетъ». Уроки уже были приготовлены, когда въ кабинетъ шумно вошла хозяйка и опустила на полъ дрова. Полудремотно, въ полумракѣ, я смотрѣлъ, какъ она укладывала въ печь полѣнья, какъ потомъ они начинали медленно разгораться и трещать, выбрасывая яркія искры. «Вѣрно гости будутъ», думалось мнѣ. За ширмами раздавался скрипъ кровати: это потягивался проснувшійся дядя.

— Печь затопили, мадамъ?—спросилъ онъ

— Да.

— Ну, и хорошо. Теперь чайку напьемся около огонька. А что Дормидонъ Дормидонычъ не ушелъ?

— Дома.

— И Матвѣй Трифонычъ у себя?

— Сейчасъ встали. Соснули немного.

— Ну, пойду погляжу, что они дѣлаютъ. А ты, Володька, зажги свѣчи.

Еще черезъ нѣсколько минутъ въ комнату возвратился дядя, а за нимъ неслышными шагами двигались два чиновника: толстый и лысый, вѣчно улыбающійся и вѣчно конфузящійся, Дормидонъ Дормидонычъ Тюпинъ, и худой и мрачный, вѣчно занимающійся богословскими вопросами, Матвѣй Трифонычъ Семкинъ.

Недавно одинъ ученый замѣтилъ, между прочимъ, что портняжное ремесло ведетъ къ трусости и воровству, а занятіе сапожниковъ развиваетъ мудрствованіе и революціонныя идеи. Не думайте, что я заговорилъ объ этомъ для того, чтобы предложить обществу ходить безъ сапогъ. Давать такіе совѣты значило бы посягать на здоровье общества. Я просто хочу дополнить эти выводы, хотя и не знаю, можно ли теперь серьезно дѣлать ихъ, но если можно, то я предлагаю вопросъ: не зависѣли ли характеры Семкина и Тюпина отъ рода ихъ занятій? Тюпинъ изъ бѣдныхъ, забитыхъ армейскихъ офицеровъ попалъ въ мелкіе комиссаріатскіе чиновники и, постоянно распекаемый начальствомъ,

Digitized by Google

зорко слѣдящимъ, не думаетъ ли онъ не по чину взять взятку, слѣдующую высшимъ, очень легко могъ привыкнуть конфузиться при всякомъ разговорѣ, предчувствуя вездѣ близость распеканій. Такъ же легко могъ онъ привыкнуть къ постояннымъ улыбочкамъ, имѣя ежедневно передъ глазами тузовъ-подрядчиковъ изъ рода самодуровъ, которые любятъ только пресмыкающихся. Хотя Тюпину, какъ мелкой сошкѣ, и не перепадало взятокъ отъ этихъ тузовъ, но, тѣмъ не менѣе, отъ нихъ отчасти зависѣла его судьба, такъ какъ они имѣли вліяніе на начальство, и не поддѣлываться къ нимъ, не улыбаться передъ ними заискивающей улыбочкой было невозможно. Есть еще болѣе вѣроятія въ предположеніи о вліяніи службы на характеръ Семкина. Почтамтъ, какъ извѣстно, всегда давалъ самый большой процентъ мистиковъ и массоновъ. Рѣдкость распеканій со стороны начальства, не вмѣшивающагося въ малоинтересную раздачу писемъ, и, напротивъ того, возможность ежедневно распекать отъ скуки публику, несущую и получающую письма и посылки; почти механическій трудъ раздачи корреспонденціи, оставляющій въ праздности умственныя способности; можетъ-быть, размышленія о тайнахъ писемъ летящихъ со всѣхъ концовъ свѣта,— все это могло способствовать развитію нѣкотораго свободомыслія и стремленія пофилософствовать о судьбахъ человѣчества или впасть въ мистицизмъ и заняться разрѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ. Я не пишу серьезныхъ изслѣдованій и потому предоставляю разрѣшить эти вопросы болѣе глубокимъ умамъ. Для меня важно только то, что Семкинъ и Тюпинъ были характерныя личности того времени.

— Къ огоньку, къ огоньку, — радушнымъ тономъ говорилъ дядя своимъ гостямъ.

Гости, одѣтые по-домашнему, въ рваные и замасленные халаты, усѣлись къ огню, и мрачный старецъ, Матвѣй Трифонычъ, обратился ко мнѣ съ своимъ обычнымъ вопросомъ:

— Благополучно ли изволили окончить труды дневные?

— Я приготовилъ уроки,—отвѣтилъ я.

— И возблагодарили Всеблагаго за ниспосланныя на вашу долю силы?

Я молчалъ.

— Всеблагаго надо благодарить. Ниспосылаетъ Онъ каждой своей твари нужную ей силу и совершаетъ она въ посильной работѣ, покрытая потомъ, путь свой во славу Всеблагаго, Всещедраго духа.

Digitized by Google

— Какъ? Что? Кто смѣетъ о религіи толковать? А, это вы, Матвѣй Трифонычъ! Какъ живете? Шелъ къ Дормидону Дормидонычу. Хозяйка говоритъ: «у сосѣда въ гостяхъ!» — А холостой? — спрашиваю. — «Холостой», говоритъ. — Ладно, говорю, что за церемоніи! Иду. Позвольте, гдѣ же хозяинъ?

Эти слова, соскакивавшія съ языка неожиданнаго гостя, какъ горный потокъ съ камней, были произнесены совершенно незнакомою мнѣ и дядѣ личностью, внезапно появившеюся въ кабинетѣ. Трудно было предвидѣть, какъ коротко суждено намъ познакомиться съ этимъ человѣкомъ. Неизвѣстная личность имѣла длиннѣйшіе и ужасающіе черные усы, торчавшіе въ обѣ стороны и доходившіе до плечъ, подвязанную черной косынкой руку и потертый, блестящій саломъ, военный мундиръ. Дормидонъ Дормидонычъ сконфузился, улыбнулся и заерзалъ на стулѣ, обращаясь къ дядѣ съ извиненіемъ за своего знакомаго, но тотъ перебилъ Тюпина.

— Имѣлъ удовольствіе видѣть капитана на охотѣ. Варили кашу, — отрывисто произнесъ незнакомецъ, глядя на дядю, вышедшаго изъ-за ширмъ. — А вы меня знаете? — спросилъ онъ надменнымъ тономъ.

— Не имѣю этой чести,—отвѣтилъ въ смущеніи дядя.

— Сашка Ярышкинъ, на я ударе!іе! — гордо произнесъ отставной офицеръ, закручивая концы усовъ и мѣряя дядю глазами, будто желая узнать, не провалится ли дядя подъ землю отъ изумленія, услышавъ эту фамилію.

Но дядя, къ сожалѣнію, ничего не слыхалъ объ Ярышкинѣ, а потому и не провалился подъ землю.

— Очень пріятно познакомиться, — проговорилъ онъ. — Но, къ несчастію, до сихъ поръ не имѣлъ чести слышать вашей фамиліи.

— Что? Не слыхали? Удивительно! Непостижимо! Сашка Ярышкинъ, Сашка Ярышкинъ! Да меня весь Петербургъ знаетъ, вся Россія знаетъ, отъ горъ могучаго Кавказа до нашихъ невскихъ береговъ.

Дядя сконфузился за свое незнаніе.

— Извините,—пробормоталъ онъ.—Но я постоянно проводилъ жизнь на морѣ, пріѣзжалъ...

— Да, да, конечно! Скитальческая жизнь. Вдали отъ родины... море, — заговорилъ покровительственнымъ тономъ Ярышкинъ, какъ бы оправдывая дядю за его невѣдѣніе.— онъ въ нѣкоторомъ родѣ былъ изгнанникомъ страны род-

Digitized by Google

ной. Былъ сосланъ. Десять лѣтъ на Кавказѣ... подъ пулями.

— Скажите, пожалуйста!—скорбно воскликнулъ дядя.

Въ это время подали чай, ромъ, сливки, сухари и пастилу. Дормидонъ Дормидоновичъ съ соболѣзнованіемъ, какъ мокрая курица, посмотрѣлъ на эти яства и попробовалъ встать съ мѣста.

— Ужъ я пойду-съ къ себѣ,—жалобно произнесъ онъ съ печальной улыбкой.—Гостя надо принять.

— Помилуйте, зачѣмъ же?—началъ дядя.—Если господину Ярышкину...

— Ярышкину, на я удареніе,—грозно произнесъ отставной кавказецъ. — Я дворянинъ. Происхожу не отъ какого-нибудь ярышки. Яръ былъ, гдѣ отличились мои предки. Ярышкиными и наименовались съ тѣхъ поръ.

— Извините,—пробормоталъ сконфуженный дядя и обратился къ Тюпину.—Я попрошу васъ, Дормидонъ Дормидоновичъ, остаться у меня, и мнѣ будетъ пріятно угостить господина Ярышкина.

Тюпинъ вздохнулъ и отеръ салфеткою потъ со своего лба и затылка.

— Благодарю!—произнесъ небрежно Ярышкинъ и, осматривая комнату ястребиными глазами, подошелъ ко мнѣ.

— Учитесь?—спросилъ онъ.

— Учусь,—отвѣтилъ я.

— Военнымъ будете?

— Статскимъ.

— Баба!

Ярышкинъ повернулся на каблукахъ, присѣлъ къ чайному столу и небрежно развалился на турецкомъ диванѣ, захвативъ самый большой изъ чубуковъ и пуская въ присутствующихъ клубы дыма.

— Позвольте спросить, если это не будетъ нескромностью, за что были на Кавказъ переведены?—спросилъ дядя, разливая чай.

— Не переведенъ: сосланъ!—пустилъ клубъ дыма Ярышкинъ.

— Да, сосланы,—поправился дядя.—За что же?

— За благородство души!

Дядя такъ и замеръ отъ удивленія, держа въ воздухѣ поднятый чайникъ.

— Благородство души и неукротимость!—повторилъ кавказецъ.—Я неукротимъ! Вы меня не знаете! Я неукротимъ!

Digitized by Google

Ссора — бацъ въ рожу! Уважай мое дворянское достоинство! Скандалъ—я тутъ, какъ тутъ: кто правъ? Кто виноватъ?—бацъ, бацъ, вотъ вамъ! Не смѣйте скандалить. Благородство души — это у насъ врожденное. Мы старые дворяне. Вы помните Трегубскаго?

— Не имѣлъ...

— Ну, толстое брюхо, коротенькія ножки, всегда въ спомъ фракѣ, свѣтлыя пуговицы, песочнаго цвѣта брюки, бѣлый жилетъ, въ Измайловскомъ полку, около Троицы...

Я удивлялся въ душѣ, какъ это можетъ человѣкъ такъ скоро говорить, точно дробь выбиваетъ на барабанѣ или горохъ сыплетъ.

— Не имѣлъ чести знать,—повторилъ дядя.

— Какая тутъ честь! Подлецъ былъ! Дворянинъ, въ корпусѣ воспитанъ и—подлецъ! Оплеуха—гривна. Бросай пятакъ—ртомъ ловитъ. Въ дураки играетъ: выиграетъ—рубль, проиграетъ — оплеуха. Всему Петербургу извѣстенъ! — пояснилъ отставной офицеръ, описывая своимъ яркимъ языкомъ Трегубскаго.—Не могъ я богопротивной рожи видѣть. Увижу—въ рыло, гривну въ зубы и баста! Зналъ мою руку, шельма! Увидитъ,—нѣтъ, говоритъ, не дамъ себя бить за гривну, давай двѣ. Въ екатерингофскій праздникъ вымазалъ дегтемъ, вывалялъ въ пуху, въ перьяхъ, арбузную корку на голову, на лошадь рыломъ къ хвосту — маршъ о натюрель на гулянье! Ну, тамъ бомондъ, особы, сановники. Какъ? Что? Кто штуку выкинулъ? Генералъ-губернаторъ говоритъ: «Это вѣрно Сашка Ярышкинъ!» Гляжу—скачутъ. Допросъ. Не запираюсь. Я сдѣлалъ. Этотъ подлецъ дворянское достоинство роняетъ, посмѣянію долженъ быть преданъ. По благородству души поступилъ. На гауптвахту! Повинуюсь. День сижу, два сижу — клопы, вонь, скука! Водки! Пью! День пью, другой пью, — силъ нѣтъ! Трахъ! Окно высадилъ, офицера въ морду! Какъ? Что?—подъ судъ! На Кавказъ! Ѣду!

— Удивительная исторія!—изумился дядя.

— Покорности нѣтъ Всеблагому и Все... — началъ Семкинъ.

— Что?—грозно перебилъ кавказецъ, сверкая глазами.

— Я вполнѣ съ капитаномъ-съ согласенъ: исторія ваша удивительная, — боязливо пробормоталъ струсившій Семкинъ.

Кавказецъ подлилъ въ чай рому.

— То-то!—гнѣвно проговорилъ онъ.—А вы знаете, что

Digitized by Google

такое Кавказъ? А? Горы и черкесы, черкесы и горы! Тамъ стрѣляютъ, тутъ стрѣляютъ, внизу стрѣляютъ, вверху стрѣляютъ, куда ни повернись—вездѣ стрѣляютъ. Стоимъ это мы—передъ нами пропасть, верста глубины, внизу потокъ, орѣшники съ корнями вырываетъ, какъ щепки. За пропастью сакли—непріятели. Взять ихъ! говоритъ начальство. Повинуемся. Къ врагамъ рукой подать, пойдешь — на мѣсяцъ пути хватитъ. Идемъ въ обходъ! Взбираемся, лѣземъ на горы, на утесы, выше, на самую верхушку. Холодъ, дождь, снѣгъ, зубъ на зубъ не попадаетъ, ноги отвалились, лихорадка, солдаты мрутъ, такъ идутъ и мрутъ, идутъ и мрутъ. Стой! Стали. Руби лѣсъ! Рубимъ. Дѣлай гроба! Дѣлаемъ. У кого лихорадка, тотъ и дѣлай гробъ, помретъ—хлопотъ меньше. Стоимъ недѣлю-другую. Чортъ побери, лихорадкѣ конца нѣтъ,—а тутъ недалеко мирные. Начальство отдаетъ приказъ: разбить мирныхъ! Нападаемъ—разнесли! Конецъ. Идемъ назадъ, рапортуемъ—столько-то убитыхъ, столько-то раненыхъ, — двадцать георгіевъ за храбрость! Уважаю!

Дядя въ изумленіи покачивалъ головою во все время этого правдоподобнаго разсказа. Кавказецъ, подливъ еще рому и осушивъ стаканъ, затянулся трубкою и пускалъ густые клубы дыма, выдѣлывая изъ нихъ кольца въ воздухѣ. Я забылъ даже и пастилу и весь превратился въ слухъ.

— Удивительно!—вздохнулъ дядя.—Но какъ же это вы на мирныхъ-то шли?—спросилъ онъ не столько изъ недовѣрія къ разсказу, сколько изъ сожалѣнія къ мирнымъ.

— Что-о? Мирные? Да вы чего имъ въ зубы-то смотрите? А? Мирные! Бестіанцы! — съ негодованіемъ воскликнулъ кавказецъ, стуча кулакомъ по столу.—Придется плохо—ну, и въ мирные, отлегло — они къ своимъ. То, се, пято, десято—снюхаются—глядь! мирные на насъ вылазку устраиваютъ. Утромъ въ крѣпостцѣ все развѣдаетъ, со всѣми переговоритъ, все высмотритъ, шельмецъ, — ночью на насъ идетъ. Лазутчики! Благородный человѣкъ этого не допуститъ. Бей ихъ, вѣшай! А то мирные—чортъ возьми! Насолили же мы имъ. Ночь, тьма, глазъ выколи, заберемся къ нимъ, все захватимъ — сотню быковъ, чанъ въ десять бочекъ съ виномъ, вырытый изъ земли — концы въ воду. Они съ жалобой — начальство говоритъ: ищите, если что найдете, я не потерплю насилія! Фью! ищи,—найдешь послѣ дождичка въ четвергъ! Вино выпили, чанъ въ куски,

Digitized by Google

быковъ—трахъ, трахъ! располосовали подъ сѣдла—все благополучно!

— Богопочитанія въ васъ мало, — рискнулъ заговорить Матвѣй Трифонычъ своимъ гробовымъ голосомъ.—Легко вы на все смотрите, Александръ Семеновичъ, а между тѣмъ, не знаемъ мы, грѣшные, гдѣ насъ самихъ можетъ постичь милосердіе и гнѣвъ Всевышняго и Всеблагаго Духа.

— Что? бояться? Чего бояться? Подавайте мнѣ сюда враговъ! Сколько ихъ? Со всѣми управлюсь! Рѣжь, вѣшай и баста! — проговорилъ уже не твердымъ голосомъ кавказецъ.

— Захочетъ Всеблагій — и справитесь, не захочетъ — и падете во прахъ передъ дуновеніемъ Его. Все мы—земля и въ землю отыдемъ!—изрекъ торжественнымъ и глухимъ тономъ Семкинъ.

— Это истинно-съ, — подтвердилъ шопотомъ Тюпинъ, отирая салфеткою потъ съ своего краснаго лба и жирнаго затылка.—И, какъ подумаешь, какими путями Провидѣніе до раскаянія доводитъ грѣшниковъ, такъ это даже удивительно. Вотъ хоть бы игра—можно сказать, что это грѣшное и богопротивное дѣло, а между тѣмъ, сколь многихъ оно привело къ познанію истиннаго Бога и просвѣтленію души. По истинѣ пути Господни неисповѣдимы и мудрость Его велика, какъ говоритъ Матвѣй Трифонычъ.

— Да неужели же вы думаете, что игра способствуетъ вѣрѣ? — усумнился дядя. — Это что-то странно, Дормидонъ Дормидонычъ.

— Враки! Надувай и выиграешь! — пробормоталъ въ дремотѣ захмелѣвшій кавказецъ.

— Нѣтъ-съ. Это вы слишкомъ легко судите. Могу-съ васъ увѣрить въ противномъ. Ей-Богу-съ! — завѣрялъ Тюпинъ.—Это вамъ и Матвѣй Трифонычъ могутъ засвидѣтельствовать. Могу васъ завѣрить и по собственному опыту, что многіе игроки, настоящіе игроки, не только въ различныя примѣты, но и въ Бога вѣрить начали, если до прежде того этой вѣры не имѣли.

— Странно, очень странно!—удивлялся дядя.—Признаться сказать, мнѣ еще не приходилось задумываться надъ этимъ вопросомъ. Съ игроками не сходился...

— Такъ-съ. А вотъ я вамъ могу разсказать одну поистинѣ поучительную исторію. Ее и Матвѣй Трифонычъ знаетъ. Если вы позволите-съ...

— Пожайлуста, разскажите, намъ торопиться некуда.

Digitized by Google

Ты, Володька, можешь на мою постель лечь,—оратился ко мнѣ дядя.

— Я, дядя, не хочу еще спать,—отвѣтилъ я, заинтересованный обѣщаніемъ Тюпина разсказать исторію.

Тюпинъ налилъ себѣ рому въ чай, снова вытеръ салфеткой лобъ и затылокъ и началъ разсказывать.

У Тюпина былъ неисчерпаемый источникъ разсказовъ. Онъ разсказывалъ длинно, обстоятельно, входя въ мельчайшія подробности дѣла и постоянно ссылаясь на авторитетъ Матвѣя Трифоныча. Теперь дѣло шло о какомъ-то плохомъ шуллерѣ изъ армейскихъ офицеровъ стараго времени, обыгранномъ на нижегородской ярмаркѣ. Проигравъ казенныя деньги, онъ остался безъ гроша и рѣшился заложить ризу съ образа, давъ клятву, если онъ отыграется, сдѣлать еще лучшую ризу на образъ. Случай помогъ, офицеру подвернулся подъ руку какой-то купчикъ, который и былъ обыгранъ.

— Съ этого времени, — окончилъ Тюпинъ: — онъ и въ Бога, и въ святыхъ сталъ вѣрить, и бывало играетъ, можетъ-быть, и нечисто, а ужъ на праздникъ не забудетъ лампаду зажечь или тамъ молебенъ въ Николинъ день отслужить. А все потому, что понималъ онъ, что не выиграй онъ въ этотъ разъ — и вся его фамилія лишилась бы дворянскаго достоинства за растраченныя имъ казенныя деньги.

— Странно, очень странно!—удивлялся дядя.—Я до сихъ поръ имѣлъ случай замѣтить только вліяніе морскихъ кораблекрушеній на обращеніе заблудшихъ на путь истины.

— Ну, да, это ужъ извѣстно-съ; кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался, говоритъ поговорка,— произнесъ Тюпинъ.

— Государи мои, да вѣдь и игра тоже — крушеніе на морѣ житейскомъ,—вздохнулъ Семкинъ.

— Да, крушеніе! — замѣтилъ дядя. — Впрочемъ, чего не бываетъ съ человѣкомъ, какихъ переворотовъ не происходитъ съ нимъ! Иная женщина молодая, здоровая, смотритъ на все легко, порхаетъ, какъ птичка, и вдругъ, глядишь, опустились у нея крылушки, тоска на нее напала, молится, постится... Крушеніе!

Я понималъ, о комъ вспоминаетъ дядя. И каждый разсказъ, каждый случай будилъ въ немъ эти тяжелыя воспоминанія.

— Да-съ, судари мои, тоже многое и отъ порчи бы-

Digitized by Google

взетъ,—заключилъ Тюпинъ.—Вотъ, зналъ я тоже одну чухонку...

Новый разсказъ завлекъ вниманіе слушателей. Изъ него, къ величайшему моему ужасу, я узналъ, что во многихъ домахъ водятся привидѣнія и домовые. Фактъ былъ несомнѣнный, такъ какъ Тюпинъ прямо указывалъ на эти отверженные Богомъ дома; одинъ изъ нихъ находился въ Конюшенной, другой въ Садовой, близъ церкви Покрова, третій на Троицкомъ проспектѣ, большой, желтый каменный домъ, гдѣ жили одни черкесы, и то потому, что они домовыхъ не боятся. Но всѣ эти разсказы о киданьи домовыми извѣстки съ печей, о танцующей мебели, о сапогѣ, влетѣвшемъ въ священную воду во время молебна, были ничто въ сравненіи съ послѣднимъ разсказомъ Тюпина о «дикихъ въ Коломнѣ». Эти несчастные дикіе были дѣти одной чухонки, брошенной обольстившимъ ее бариномъ. Жила она у церкви Покрова, въ угольномъ деревянномъ домѣ, и держала тамъ своихъ дѣтей, мальчика и дѣвочку, до восемнадцати лѣтъ, какъ звѣрей, безъ одежды, безъ сношеній со всѣмъ остальнымъ міромъ. Только случай помогъ имъ однажды пробраться на галлерею и обратить на себя вниманіе жильцовъ. Они не умѣли говорить по-человѣчески и визжали, увидавъ людей, отбиваясь отъ нихъ, когда ихъ хотѣли увезти изъ дому. Во все время этого разсказа я то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, дрожа отъ каждаго шороха, точно меня самого готовился кто-то запереть въ отдѣльную каморку и превратить въ дикаго. Кто помнитъ жизнь того времени, тотъ, вѣроятно, и слышалъ эти разсказы и интересовался ими никакъ не меньше, чѣмъ современное общество интересовалось дѣломъ госпожи Шлегель. Но разница между интересомъ тѣхъ исторій и интересомъ госпожи Шлегель заключалась въ томъ, что послѣдняя исторія была напечатана въ газетахъ, передавалась громко въ обществѣ, а тѣ исторіи, несмотря на свой частный характеръ, передавались таинственно, въ тѣсныхъ дружескихъ кружкахъ, какъ нѣчто опасное, подрывающее вѣру во что-то, довѣріе къ кому-то. Казалось, разсказчики и слушатели боялись, что кто-нибудь посторонній услышитъ ихъ и схватитъ, какъ причастныхъ къ дѣлу. Трудно себѣ представить теперь, какими необычайными подробностями, какими сверхестественными эффектами обставлялись эти подспудныя исторіи, и какъ долго волновали онѣ сердца средняго класса петербургскаго общества.

Digitized by Google

Когда Тюпинъ окончилъ разсказъ «о дикихъ въ Коломнѣ», было уже довольно поздно, и гости почувствовали, что пора разойтись по своимъ комнатамъ.

Кавказецъ, сквозь сонъ потягивавшій во время разсказовъ ромъ, докурилъ, кажется, десятую трубку и внезапно обратился къ поднявшемуся съ мѣста Тюпину:

— Объясниться надо!—пробормоталъ онъ заплетающимся языкомъ.—Моя несчастная тетка просила...

И безъ того красный, Дормидонъ Дормидоновичъ покраснѣлъ еще болѣе и скороговоркою перебилъ кавказца, въ смущеніи присѣвъ и ерзая на стулѣ.

— Не могу-съ, ей-Богу, не могу-съ въ настоящую минуту!—заговорилъ онъ сконфуженнымъ голосомъ.— Не при деньгахъ-съ!

— Однако, ея положеніе, ея дѣти? Вы человѣкъ? Человѣкъ ли вы, спрашиваю я васъ?—приставалъ кавказецъ, съ трудомъ поднимаясь съ дивана.

— Ей-Богу-съ, въ настоящую минуту я не при деньгахъ,— шепталъ Дормидонъ Дормидоновичъ.

Онъ, кажется, желалъ въ эту минуту провалиться сквозь землю.

— Позвольте,—вмѣшался дядя.—Тутъ рѣчь идетъ о деньгахъ. Дормидонъ Дормидонычъ мой другъ, и я, кажется, не сдѣлаю нескромности, спросивъ, о какихъ деньгахъ вы говорите. Можетъ-быть, долгъ...

— Долгъ, именно долгъ честнаго и благороднаго человѣка помочь ближнему!—торжественно произнесъ кавказецъ, придерживаясь за стулъ.—Не стыжусь бѣдности моихъ родственниковъ. Я благородный человѣкъ. Несчастная тетка, вдова, пятеро дѣтей, несчастныя обстоятельства, нужда...

— Скажите, чего вы желаете?—спросилъ дядя.

— Помощи! Помощи надо. Извлечь изъ пропасти нищеты. Квартира — болото. Комнаты — прахъ и запустѣніе. Дѣти — нагота и голодъ. Мужъ умеръ, хоронить нечѣмъ. Все продали. Тетка- женщина. Слабость и стыдливость— нигдѣ не можетъ достать средствъ.

— Ахъ, горькая участь, горькая участь!—прошепталъ дядя.

— Какъ племянникъ, какъ родственникъ, забочусь, бьюсь. Самъ лишенъ средствъ и возможности...

— Вы не сердитесь на меня, если я предложу вамъ для передачи небольшую сумму денегъ,—началъ дядя.

— Товарищъ по оружію, честный человѣкъ!—пробормоталъ кавказецъ.—Руку!

Digitized by Google

Дядя протянулъ кавказцу руку и деньги. Кавказецъ пожалъ первую и спряталъ послѣднія въ карманъ.

— Несчастныя малютки, вы будете завтра сыты, предъ вами загорится огонь и согрѣетъ васъ, какъ эта теплая рука дворянина!—проговорилъ онъ торжественнымъ тономъ, потрясая руку дяди.—Я самъ дворянинъ... Проливалъ кровь, пули, враги... Отечество оставило безъ куска хлѣба... Подобенъ Самсону...

— Провидѣніе!—пробормоталъ Матвѣй Трифонычъ.

— Я тронутъ, тронутъ! — бормоталъ кавказецъ, проводя рукой около глазъ, и сталъ прощаться.

Семкинъ и Тюпинъ тоже распрощались и ушли въ свои комнаты, проводивъ предварительно кавказца.

— Ну, Володька, засидѣлись мы нынче, — проговорилъ дядя.—Сейчасъ устроимъ твою постель и на-боковую. Мягко ли тебѣ здѣсь спать на диванѣ?

— Отлично, дядя,—отвѣтилъ я.

— Ну, спи съ Богомъ. Не у всѣхъ дѣтей, птица, есть и такая постель. Иныя лежатъ и на голыхъ доскахъ, голодныя и холодныя... У меня вотъ изъ головы не выходитъ тетка этого Ярышкина. Шутка ли: ни гроша денегъ и пятеро дѣтей! Мало мы всѣ о ближнихъ думаемъ, помогаемъ имъ только тогда, когда ихъ крикъ мѣшаетъ нашему сну, когда ихъ раны наши глаза намозолятъ... А онъ странный человѣкъ, очень странный. Подвыпилъ немного. Ну, да кто не грѣшенъ... Спи!

Крѣпко и сладко уснулъ я, хотя меня сначала и пугали воспоминанія о домовыхъ, о заколдованномъ сапогѣ, о дикихъ въ Коломнѣ и тому подобныхъ ужасахъ.

— А вѣдь Фуфайкина опять ахаетъ!—покачалъ головой дядя, укладываясь за ширмами на свою постель. — Вѣрно Дормидона Дормидоныча въ коридорѣ встрѣтила.

Рано утромъ я шелъ, не торопясь, въ гимназію терпѣть скуку и зѣвать надъ переводами вѣчныхъ: «mein Haus ist gross und dein Garten ist klein», «ma mère est bonne et ton père est vieux»... Гораздо болѣе интересовали меня размышленія о томъ, какія новыя личности попадутся мнѣ вечеромъ въ квартирѣ дяди и какіе новые исторіи и анекдоты услышу я отъ нихъ.

VIII.

Старое время и старые люди.

— Вотъ, птица, и Рождество подкатило на парусахъ,—

Digitized by Google

говорилъ мнѣ дядя въ послѣдніе дни рождественскаго поста.

Сначала мы хотѣли на рождественскіе праздники ѣхать въ Кронштадтъ. Но потомъ отложили поѣздку, такъ какъ Бубновъ написалъ дядѣ, что, во-первыхъ, Миша не такъ здоровъ и ему нужно спокойствіе, а во-вторыхъ, поѣздка по морю въ трескучіе морозы можетъ повредить моему здоровью, уложить меня въ Кронштадтѣ въ постель и помѣшать ходу моихъ занятій. Очевидно, мы были лишними въ родномъ гнѣздѣ.

— Завтра, птица, намъ надо пораньше на Сѣнную собраться, провизію надо закупить,—продолжалъ дядя. — Запишемъ-ка, что намъ нужно купить.

Дядя усѣлся передъ чайнымъ столомъ, я вскарабкался на диванъ съ ногами и обнялъ старика за шею, смотря черезъ его плечо на бумагу.

— Десять гусей и трехъ индюшекъ,—записывалъ дядя.— Двадцать-пять паръ куръ.

— Дядя, неужели мы все это съѣдимъ?

Дядя отложилъ въ сторону карандашъ и обратился ко мнѣ лицомъ.

— А ты думаешь, не съѣдимъ?—усмѣхнулся онъ.

— Не съѣдимъ!—положительнымъ тономъ отвѣтилъ я.

— Ну, а если другіе помогутъ, если помогутъ тѣ, у которыхъ нѣтъ и куска хлѣба,—тогда съѣдимъ или нѣтъ?

— Ну, тогда-то съѣдимъ!

Дядя снова взялся за карандашъ.

— Два пуда муки, пудъ гречневыхъ крупъ. На пять платьевъ ситцу...

Дядя остановился.

— Какъ ты думаешь, птица, — обратился онъ ко мнѣ съ серьезнымъ видомъ, почесывая карандашомъ кончикъ носа: — что купить Христинѣ Карловнѣ: ситцу на платье или шалевый платокъ, или на салопъ матеріи?

— На салопъ, дядя; у нея салопъ худой-прехудой!— сообразилъ я.

— Да, да, совсѣмъ худой. Ну, такъ на салопъ!—дядя сталъ записывать и снова оставилъ карандашъ.—А вѣдь у нея, птица, кажется, совсѣмъ нѣтъ платка-то? Вотъ и зубы у нея прошли; пожалуй, куда-нибудь соберется въ гости на праздникахъ, а платка-то и нѣтъ.

— Да, платка у нея точно что нѣтъ,—задумался я.

Дядя тоже задумался, покусывая карандашъ.

Digitized by Google

— Ну, такъ знаешь ли что? Купимъ мы ей и матерію на салопъ, и платокъ.

— Ну, да ужъ купимъ, дядя!—рѣшилъ я.

— Да и то сказать, иначе и сдѣлать нельзя,—разсуждалъ онъ.—Ну, я подарю на салопъ, а ты-то такъ просто, что ли, ее поздравишь? Сухая ложка ротъ деретъ. Увидитъ, что ты о ней не подумалъ передъ праздникомъ, и скажетъ, что у тебя черствое сердце, что ты ее и порадовать не хотѣлъ. Такъ рѣшено, птица, на салопъ матерію и платокъ. Платокъ на твой счетъ...

— А развѣ у меня есть деньги, дядя?—полюбопытствовалъ я, зная, что у меня нѣтъ ни гроша въ карманѣ.

Дядя засмѣялся.

— Погляди-ка въ письменномъ столѣ, въ правомъ ящикѣ,—сказалъ онъ съ лукавымъ видомъ.

Я побѣжалъ къ письменному столу, открылъ ящикъ и замеръ отъ удивленія на мѣстѣ: онъ былъ полонъ пачками ассигнацій, подъ которыми лежали какіе-то очень цѣнные, но неизвѣстные мнѣ въ ту пору и потому неинтересные для меня билеты. Старикъ съ любопытствомъ слѣдилъ за мною.

— Дядя, это все мое?—воскликнулъ я, указывая на деньги.

— Твое, птица, твое.

— Откуда же?

— Отъ меня.

Я подошелъ къ дядѣ, не вполнѣ понимая его слова.

— Да, птица, это все твое, потому что я и самъ—твой. Есть люди, птица, которые не любятъ тебя, не любятъ они и меня, не подозрѣвая, что у меня есть деньги. Люди вѣдь все больше за деньги другъ друга любятъ. Они, можетъ-быть, ограбятъ тебя, приберутъ и твое наслѣдственное имѣніе, и твои деньги. Но ты не ропщи на нихъ и не завидуй тѣмъ, кому они передадутъ твое состояніе. На твой вѣкъ и безъ того станетъ! Съ излишкомъ станетъ. Ты видишь, мы живемъ не богато, комнатъ у насъ не много, мебелишка простая, старая, устрицъ да шампанскаго у насъ нѣтъ, баловъ мы не даемъ, лошадей не держимъ, пѣшкомъ ходимъ. Но если бы ты захотѣлъ, птица ты моя, такъ возилъ бы я тебя на ворономъ рысакѣ въ гимназію, завелъ бы для тебя отдѣльныя комнаты и отдѣльнаго камердинера, стали бы около тебя лизоблюды вертѣться...

Дядя остановился и поглядѣлъ на меня серьезнымъ и

Digitized by Google

испытующимъ взглядомъ. Я молчалъ и ждалъ, что онъ скажетъ далѣе. Я еще не понималъ всей прелести роскоши, не завидовалъ еще никому, не хотѣлъ еще никого перещеголять и затмить своимъ блескомъ, и потому равнодушно глядѣлъ на картину возможной перемѣны въ образѣ нашей жизни. Лицо дяди начало свѣтлѣть.

— Но если бы ты захотѣлъ этой жизни, — продолжалъ онъ:—то завтра мы не поѣхали бы на Сѣнную покупать гусей, куръ, муки, ситцевыхъ платьевъ, салоповъ и платковъ. Не поѣхали бы мы съ тобою послѣзавтра въ Коломну и въ Измайловскій полкъ въ бѣдныя конуры голодныхъ людей, гдѣ тебя, птица, встрѣтятъ малыя, полунагія дѣти и ихъ больныя матери, какъ встрѣтили когда-то удрученные горемъ, угнетенные врагами люди родившагося въ міръ Христа. Я не кощунствую, дитя! Да, каждый, несущій половину своего состоянія бѣдному брату, есть одинъ изъ лучей того великаго солнца, которое согрѣло міръ и назвалось Христомъ. Только отъ него услышали богатые, что никогда не войдутъ они въ царствіе небесное, и что все оно есть наслѣдіе нищихъ. Если бы мы перемѣнили образъ жизни, птица, мы не стали бы давать бѣднякамъ денегъ на воспитаніе дѣтей, не выросли бы эти дѣти честными и образованными людьми и не нашли бы они ни силъ, ни средствъ бороться съ такими подлецами, какъ твой отчимъ. Мы сами, птица ты моя, живя въ роскоши, въ довольствѣ, не видя нищеты, не заходя въ ея жилища, окруженные лестью и рабскою угодливостью, очерствѣли бы и стали бы, подобно Бубнову, угнетать бѣдняковъ, живя на ихъ трудовыя деньги. Но помни, вѣчно помни, птица, что бѣдняки обогатили когда-то нашихъ предковъ, что мы, раздавая деньги, отдаемъ только старые долги. И когда ты вырастешь, когда ты узнаешь все, тогда вспомни, что далеко-далеко живутъ еще болѣе бѣдные люди, чѣмъ тѣ, которыхъ ты скоро увидишь, — и эти люди кормятъ теперь твою мать, твоего отчима и твоего брата. Можетъ-быть, они перейдутъ къ тебѣ, помоги имъ и не бери ни единаго гроша отъ этихъ голодныхъ и угнетенныхъ людей. Твои деньги, твои средства покуда здѣсь у меня, потомъ они будутъ въ твоихъ собственныхъ рабочихъ рукахъ. На мои деньги ты выучишься и подготовишься къ жизни, а потомъ проживешь своимъ трудомъ честно и спокойно, какъ жилъ я.

Я обнялъ дядю со слезами на глазахъ и увѣрялъ его, что я буду честно жить. Я разсказалъ ему, что я клялся

Digitized by Google

уже жить честно и не притѣснять бѣдныхъ, клялся въ то время, когда засѣкали Василія.

Лицо дяди мгновенно омрачилось.

— Его кровь на нихъ лежитъ, — угрюмо проговорилъ онъ.—Я сдѣлалъ все, чтобы спасти его и Настю. Я много хлопоталъ и кланялся въ ту пору...

Онъ задумался и началъ ходить по комнатѣ, взбивая хохолъ.

— Крестьянамъ волю нужно дать, рабовъ не должно держать. Это будетъ въ твое время. Это будетъ ваше дѣло,— шепталъ онъ взволнованнымъ и пророческимъ голосомъ.— Мы можемъ только гроши подавать. Мы сами рабы, въ рабскихъ понятіяхъ выросли...

Онъ еще тревожнѣе шагалъ по кабинету.

— Я сказалъ, что кровь Василія на Бубновѣ,—угрюмо прошепталъ онъ.—Я лгалъ. Она и на мнѣ лежитъ. Видитъ Богъ, что я не предвидѣлъ, не въ силахъ былъ предвидѣть этого!.. Когда-то, птица, имѣніе, крестьяне, Настя — все принадлежало мнѣ... Я не торговалъ людьми и не притѣснялъ ихъ, но я считалъ себя въ правѣ передать ихъ своей сестрѣ и ея дочери,—твоей матери. Твоя мать была такая добрая, у нея имъ было такъ легко жить!.. Добрая, да слабая,— ну, и поддалась чужому вліянію, поддалась и позволила загубить Настю, а за нею погибъ и Василій... А кто виноватъ? Кто отдалъ ножъ въ руки ребенка? Я, я, старый дуракъ, старый грѣховодникъ! Вотъ я всегда-то такъ поступаю, заднимъ умомъ крѣпокъ.

Я подошелъ къ дядѣ съ лаской и сталъ ходить рядомъ съ нимъ.

— Никогда никому не дари и не продавай крестьянъ. Старайся лучше пріобрѣсти ихъ,— отрывисто говорилъ онъ.— Твой вѣкъ дологъ, и ты увидишь великія времена. Люди долго грѣшатъ, но когда-нибудь грянетъ громъ—и они покаются. Было время, птица,—около этой поры ты родился,— когда мелькнула первая молнія. Можетъ-быть, прежде твоей смерти раздастся громовой ударъ.

Дядя присѣлъ на диванъ, я помѣстился, какъ въ былые годы дѣтства, у его ногъ на скамейку, и онъ началъ мнѣ разсказывать странныя вещи. Въ этотъ вечеръ я впервые услышалъ о Радищевѣ, о Новиковѣ, о тайномъ обществѣ, о дѣйствіяхъ въ Рославльскомъ уѣздѣ нѣсколькихъ передовыхъ дворянъ во время голода въ Смоленской губерніи въ двадцатомъ году, и тому подобныхъ людяхъ и событіяхъ.

Digitized by Google

Далеко за полночь продолжалась наша бесѣда. Сильно билось мое дѣтское сердце отъ пламенныхъ и живыхъ разсказовъ дяди.

— Вотъ какъ надо жить, птица, — заключилъ онъ разсказъ. — Теперь не такіе люди живутъ, теперь бубновское время настало. Всѣ идутъ врозь, всѣ о себѣ только думаютъ.

Онъ всталъ и впервые благоговѣйно и торжественно благословилъ меня передъ отходомъ ко сну. По его щекамъ катились одинокія слезы. Я невольно поцѣловалъ его руку. Этотъ человѣкъ казался мнѣ въ эту минуту, несмотря на всѣ его добродушныя ошибки, такимъ честнымъ, такимъ безупречнымъ существомъ, какимъ всею душою хотѣлось сдѣлаться и мнѣ. Въ тѣ годы я еще не могъ понять, почему дядя, несмотря на свою доброту, несмотря на свою честность, не умѣетъ ничего сдѣлать и постоянно попадаетъ впросакъ.

Рано утромъ мы отправились за покупками, весело болтая и поминутно припоминая, чего бы купить еще. Нагрузивъ одни сани закупленными товарами, наложивъ и въ свои сани множество провизіи, мы отправились домой. Цѣлый день у насъ продолжалась возня надъ дѣлежомъ и укладкою провизіи въ разныя корзинки, на которыхъ дядя велѣлъ мнѣ написать карандашомъ различныя фамиліи, чтобы не спутаться при развозкѣ этихъ вещей. Утомленные, но веселые, наскоро пообѣдавъ, наскоро напившись чаю, мы улеглись пораньше спать, и на слѣдующій день отправились въ Коломну, къ знакомымъ дядѣ бѣднякамъ. Трудно описать впечатлѣніе, произведенное на меня этими визитами. Тутъ были страданія и бѣдность, ярко бросавшаяся въ глаза своими лохмотьями и грязью и до тѣхъ поръ неизвѣстная мнѣ; сырой и пропитанный прѣлымъ запахомъ гнили воздухъ; тряпье, наваленное вмѣсто постелей; изнуренность лицъ и та убійственная покорность судьбѣ, царствовавшая преимущественно въ семействахъ чиновничьихъ вдовъ, отысканныхъ дядею въ Измайловскомъ полку, то рѣзкое озлобленіе, замѣчавшееся въ сиротствующихъ семействахъ мастеровыхъ, жившихъ около бердовскихъ заводовъ. Вдовы чиновниковъ выглядѣли черносалопницами, разсказывали о посѣщеніяхъ ревизоровъ, о выдачахъ изъ комитетовъ трехрублевой помощи, благословляли аристократическихъ покровителей, выдающихъ имъ по полтиннику въ мѣсяцъ, въ видѣ пенсіи; вдовы мастеровыхъ злобно жаловались, что имъ ни откуда никто не выдаетъ пособій, что ихъ никуда не при-

Digitized by Google

нимаютъ въ услуженіе, такъ какъ у нихъ дѣти, и разсказывали возмутительныя вещи о томъ, какъ ихъ надуваютъ при расчетахъ за ихъ труды, стирку бѣлья, мытье половъ, щипанье пакли. Разсказы о содержаніи въ полиціи за нищенство, о нищенскомъ комитетѣ, о тюрьмахъ; пребываніе среди этого омута маленькихъ гимназистовъ, воспитывавшихся на дядины деньги; искреннія выраженія благодарности, расточаемыя дядѣ; его ласковое обращеніе съ бѣдняками; его разспросы о ходѣ ихъ ученія; его веселое и дѣтски-добродушное согласіе выпить чуть ли не въ десятый разъ цикорнаго кофе; его бодрость и шутливость, сразу дѣлавшія его членомъ этихъ семействъ и другомъ ихъ дѣтей,—все это такъ разнообразно и сильно подѣйствовало на меня, что я находился въ какомъ-то чаду и плохо понималъ, плохо отвѣчалъ, слыша благословенія себѣ и совѣты любить такого дядю, какъ мой.

— Ну, птица, видѣлъ ты, какъ живутъ бѣдные? — говорилъ дядя, возвращаясь со мною домой. — Теперь не будешь думать, что я скуплюсь и живу скрягой, и не захочешь другой жизни. Погоди немного, будешь почаще ходить къ этимъ людямъ, подружишься съ ихъ дѣтьми, и тогда станешь плевать и на чины, и на роскошь. Все прахъ и суета, и только честность и любовь къ людямъ имѣютъ цѣну... Жаль, что я не могу помочь многимъ. По грошамъ помогать не хочу, это подлая помощь, бросанье обглодковъ людямъ, какъ уличнымъ псамъ. Ну, а чтобы серьезно помогать всѣмъ,—нужны не мои средства. Что я дѣлаю—это капля въ морѣ. А между тѣмъ, это море сразу бы можно высушить... Ты только подумай, что у иныхъ изъ этихъ бѣдняковъ приходится одно дрянное окно на десять человѣкъ, а сколько оконъ въ Петербургѣ-то: я думаю каждый человѣкъ могъ бы имѣть, по крайней мѣрѣ, по одному окну... Да нѣтъ, я думаю, по два пришлось бы. Интересно мнѣ было бы сосчитать это, выкладку, знаешь, такую сдѣлать... Эхъ, люди, люди!

Дядя вздохнулъ, махнулъ рукою и присѣлъ къ письменному столу.

— Ну, а теперь за работу. Надо доклеить еще коробочку для мадамъ Фридлихъ. Она женщина не бѣдная, ее не удивишь подаркомъ. Ну, а нѣмки любятъ разные Arbeitskasten'ы. Да къ тому же это и не купленное, а наши труды,—вдвое больше удовольствія ей принесетъ. Чувствительный, славный народъ эти нѣмцы!

Digitized by Google

Дядя усѣлся за окончаніе затѣйливой рабочей шкатулки, гдѣ были устроены различныя отдѣленія для катушекъ, для вязательныхъ спицъ, для иголокъ и тому подобныхъ принадлежностей женскихъ работъ. Я занялся отрѣзываніемъ бордюровъ и цвѣточной бумаги по данной мѣркѣ и намазываніемъ ихъ крахмаломъ. Наши занятія были прерваны на нѣсколько минутъ неожиданнымъ посѣщеніемъ Ярышкина. Онъ въ послѣднее время являлся довольно часто къ дядѣ за деньгами, и почти постоянно отъ него несло водкою. Теперь онъ едва стоялъ на ногахъ.

— Капитанъ, извините! Не въ своемъ видѣ!—заговорилъ онъ заплетающимся языкомъ.—Надо принять во вниманіе! Благородство души и бѣдственное положеніе родныхъ. Передъ такимъ праздникомъ! Не выдержалъ. Съ горя! Тетка слабая женщина, безъ всякихъ средствъ... Больныя дѣти... Голодъ.

Дядя порылся въ кошелькѣ.

— Вотъ вамъ нокуда рубль, а завтра я пришлю вашей теткѣ пособіе черезъ Дормидона Дормидоныча,—промолвилъ онъ, подавая кавказцу рубль ассигнаціями.

— Что-о? Вы меня подозрѣваете? — крикнулъ грознымъ, но прерывающимся голосомъ Ярышкинъ.

— Я никогда не подозрѣваю подобныхъ вамъ благородныхъ людей, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣтилъ дядя.—Но вы сами говорите, что вы не въ своемъ видѣ. У васъ могутъ вытащить деньги, а пословица говоритъ: не вводи вора въ грѣхъ!

— Капитанъ, руку! Вы честный человѣкъ. Вы понимаете благородныхъ людей! — торжественно произнесъ кавказецъ, пожимая дядѣ руку.

— Вамъ нужно отдохнуть и успокоиться, — проговорилъ дядя.

— Да, вы правы. Моя душа потрясена, потрясена! Прощайте, другъ и благодѣтель несчастныхъ!

Ярышкинъ еще разъ пожалъ руку дяди и, шатаясь, вышелъ изъ комнаты.

— Дядя, зачѣмъ ты даешь ему денегъ? Онъ ихъ пропьетъ,—сказалъ я, когда кавказецъ удалился.

— Ну, птица, не разоритъ насъ рубль или два въ мѣсяцъ,—добродушно проговорилъ дядя.—Онъ тоже несчастливъ, хотя, конечно, своеобразно, весьма своеобразно несчастливъ,—ну, да вѣдь несчастье не въ одномъ видѣ, а въ тысячѣ видовъ является.

Digitized by Google

— А ты видѣлъ его тетку?

— Нѣтъ, но Дормидонъ Дормидонычъ говоритъ, что она не богата. Ей нужно нѣсколько помочь, хотя я и не могу совершенно улучшить ея положеніе въ настоящую минуту. Нельзя изъ-за нея лишать помощи тѣхъ, которые уже надѣются на меня. Когда-нибудь послѣ, какъ они поправятся, загляну и къ ней. Средствъ, средствъ, птица, у меня недостаетъ, а то всѣмъ бы, кажется, помогъ.

Дядя тяжело вздохнулъ и снова принялся за работу.

Я задумался. Мнѣ казалось, что дядю надуваетъ кавказецъ, и что ему помогать не слѣдуетъ. Меня начинали теперь занимать новые вопросы. Я въ этотъ день увидалъ бѣдность, и впервые понялъ, что не одни слуги страдаютъ на свѣтѣ, что въ каждомъ углу города гнѣздятся люди, не имѣющіе куска хлѣба и такъ же подавленные, какъ и какой-нибудь Василій или какая-нибудь Настя. Но кто же виноватъ въ этомъ? Какъ облегчить ихъ участь?—спрашивалъ я себя и не находилъ въ своемъ умѣ отвѣтовъ.

Было уже довольно поздно, на улицѣ было почти темно, когда къ нашему дому подкатилъ экипажъ, нѣчто въ родѣ зимней повозки, и на улицѣ раздался громкій крикъ:

— Гопъ! гопъ!

— Господинъ Фридлихъ! господинъ Фридлихъ!—крикнулъ мнѣ дядя и, поспѣшно накрывъ салфеткою нашу работу, побѣжалъ къ дверямъ.

Черезъ минуту, переваливаясь на коротенькихъ, толстыхъ и почти не сгибавшихся, какъ бревна, ногахъ, вошелъ въ комнату мужчина необъятной толщины и средняго роста. Его добродушное, розоватаго цвѣта лицо, съ нѣжною атласистою кожею, окаймлялось густыми, мягкими какъ шелкъ, совершенно сѣдыми волосами. Въ нихъ не было ни одного темнаго волоса, ихъ цвѣтъ отъ корней до конца былъ бѣлъ и блестящъ, какъ яркое, полированное серебро.

— А, душенька, наконецъ-то я увидалъ васъ!—дружески проговорилъ онъ почти чистымъ русскимъ языкомъ, обращаясь ко мнѣ.

Онъ протянулъ мнѣ мягкую и широкую руку, поцѣловавъ меня въ губы. Такъ же поцѣловался онъ и съ дядей, назвавъ его Хлопченькой.

— А меня Вильгельмина послала, голубчикъ. Боялась, что забудешь канунъ Рождества.

— Какъ же можно забыть, это день ея рожденья!—сказалъ дядя.

Digitized by Google

— Ну, да, да! А потомъ она велѣла спросить, поѣдешь ли ты въ Кронштадтъ?

— Нѣтъ, не думаю, но если ей надо, я съѣзжу!

— За коимъ лѣшимъ?—засмѣялся господинъ Фридлихъ.— Не то, не то я хотѣлъ тебя просить. Если не поѣдешь, такъ переѣзжай къ намъ въ Екатерингофъ, или, по крайней мѣрѣ, отдай своего юношу къ намъ на праздники. У насъ, знаешь, тамъ барыньки, мальчики—чудо!

Фридлихъ сложилъ три пальца, поднесъ ихъ къ своимъ полнымъ губамъ и вкусно причмокнулъ.

— И мы, старики, тряхнемъ стариной. А? Гросфатера? Экосезъ? Минуэтъ? Катанье съ горъ? Этакую какую-нибудь пупочку скатить? А? Что скажешь про это, капитанъ?

Фридлихъ дружески похлопалъ дядю по брюху. Онъ весь сіялъ и въ его масляныхъ глазкахъ засверкалъ тотъ огонекъ, который, должно-быть, горѣлъ въ былые дни очень яркимъ и слишкомъ скоро сжигающимъ чужія сердца пламенемъ.

— А что, чортъ побери, я закачусь опять къ вамъ попрошлогоднему,—засмѣялся дядя.

— Дрядедамъ Дрядедамыча тоже пригласимъ,—проговорилъ Фридлихъ, и самъ весело засмѣялся, радуясь, что такъ наивно сострилъ, исковеркавъ имя Тюпина.

Къ моему удивленію, дядя тоже засмѣялся отъ этой чистонѣмецкой остроты.

— Дрядедамъ Дрядедамычъ будетъ у насъ на своемъ мѣстѣ, такъ какъ въ дамахъ недостатка не будетъ. Ну, а ужъ гдѣ дамы, тамъ и Дрядедамы Дрядедамовичи должны быть, — продолжалъ пояснять Фридлихъ свою остроту, и опять въ его масляныхъ глазкахъ засверкалъ отблескъ стараго пламени. — А я нынче, Хлопченька, окончательно скажу пассъ.

— Да вы, Карлъ Карловичъ, который годъ пассовать собираетесь?—спросилъ дядя.

Онъ говорилъ Фридлиху большею частью *вы*.

— Ну, нынче окончательный конецъ!

Фридлихъ наклонился къ уху дяди, пошепталъ что-то, оба печально покачали головами, дядя сказалъ «плохо!», и потомъ оба залились смѣхомъ. Глазки Фридлиха такъ и бѣгали, такъ и сверкали. Черезъ минуту онъ уже прощался съ нами и, торопливо ёрзая по полу толстыми, несгибающимися ногами, съ перевалкой вышелъ неслышными шагами изъ комнаты, ласково поцѣловавъ меня на прощанье.

Digitized by Google

— А какую я тутъ, голубчикъ, мамзель на лѣстницѣ встрѣтилъ!—проговорилъ онъ дядѣ въ коридорѣ и причмокнулъ свои три сложенные вмѣстѣ пухлые пальца.

Затѣмъ я услышалъ, какъ Фридлихъ поцѣловался съ дядей, назвалъ его еще разъ голубчикомъ и Хлопченькой, и уѣхалъ, предварительно погладивъ свою лошадку, жирную и выхоленную, какъ любой купеческій ребенокъ.

— Вотъ, птица, передъ тобой сейчасъ стоялъ, можетъ-быть, лучшій петербургскій музыкантъ и, во всякомъ случаѣ, вполнѣ честный и добрый простякъ,—заговорилъ дядя съ свойственною ему восторженностью, проводивъ Фридлиха и усаживаясь за продолженіе прерванной работы.

Я до сихъ поръ только мелькомъ слышалъ о Фридлихѣ и удивился, что онъ такой великій человѣкъ.

— Да, его исторія—поучительная исторія, — продолжалъ дядя, наклеивая бордюры на коробку.—Родился онъ гдѣ-то, должно-быть, около Риги и, можетъ-быть, около кабака. Его отецъ былъ бродячій арфистъ. Получивъ плохое образованіе, шляясь съ отцомъ изъ трактира въ трактиръ, обходя съ фуражкою слушателей музыки за подаяніемъ, росъ онъ среди разврата и учился у отца играть на арфѣ. Карлуша былъ юноша и красавецъ, онъ игралъ на арфѣ съ глубокимъ чувствомъ, онъ появлялся съ арфой на публичныхъ гуляньяхъ и въ трактирахъ... Ты, дитя, не знаешь еще, что такое развратъ, но когда ты это узнаешь, то поймешь, надъ какой бездной стоялъ въ это время Фридлихъ. Быть-можетъ, онъ и погибъ бы, если бы судьба не привела его въ Петербургъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ одну молоденькую дѣвушку. Одни говорятъ, что она жила у однихъ господъ чѣмъ-то въ родѣ гувернантки, другіе говорятъ, что она просто пѣла въ трактирахъ. Она была сирота, не имѣла ни гроша за душой, но была хороша собою. Фридлихъ влюбился въ нее. Черезъ полгода они поженились. Это было около 1812 года, когда въ Петербургѣ шли кутежи и попойки купеческой молодежи и маменькиныхъ сынковъ, ожидавшихъ со страхомъ прихода Наполеона въ нашу столицу. Никогда еще не бросались въ Петербургѣ такъ безумно деньги, никогда еще не бывало въ немъ такихъ оргій, какъ въ эту пору всеобщаго переполоха. Многіе недальновидные богачи спѣшили прожить весело послѣдніе дни жизни и убить послѣднюю копейку, чтобъ она не досталась врагу. Въ «Красненькомъ Кабачкѣ» стонъ стоялъ, и днемъ, и ночью неслись туда тройки, гремѣла тамъ музыка, шли

Digitized by Google

танцы, раздавались пѣсни; часто слышались крики опьянѣвшихъ и дерущихся людей, нерѣдко совершались страшныя и кровавыя преступленія. Страшенъ разбогатѣвшій и необразованный человѣкъ передъ приближеніемъ опасности. Въ эту-то пору, въ это-то мѣсто разврата попали Фридлихъ и его жена, оба молодые, оба красивые собою. Если бы они не были честными людьми, если бы онъ не былъ истиннымъ артистомъ, они нажили бы себѣ состояніе. Золото горстями сыпали купцы въ передникъ Вильгельмины Фридлихъ; женщины отдавали свои кольца, свои часы и цѣпочки Карлушѣ за одну улыбку... Но, дитя, молодые Фридлихи попрежнему оставались честны и попрежнему любили другъ друга и свое искусство. Имъ было тяжело въ этомъ омутѣ, и молодой Фридлихъ всячески добивался возможности попасть въ число театральныхъ музыкантовъ. Наконецъ, его мечта сбылась... Онъ имѣлъ счастіе играть передъ разными вліятельными лицами, былъ обласканъ, и черезъ два-три года красавецъ Карлуша былъ моднымъ петербургскимъ учителемъ музыки. Аристократки наперерывъ приглашали его въ учителя къ своимъ взрослымъ дочерямъ. Арфа вошла въ моду, и много графинь и княгинь, теперь уже постарѣвшихъ и посѣдѣвшихъ, развили и свои музыкальныя способности, и свой музыкальный вкусъ подъ руководствомъ этого бродячаго арфиста... Никто никогда не зналъ, какою дорогою цѣною, какими тяжелыми лишеніями купилъ свое счастіе этотъ курчавый и бѣлокурый, какъ рафаэлевскій херувимъ, музыкантъ, никто не видалъ у него пасмурнаго лица, и только эта серебряная сѣдина, рано украсившая его голову, можетъ подчасъ заставить человѣка подумать, что бѣдняку не легко досталось его счастье. Войдя въ моду, сдѣлавшись другомъ значительныхъ, первенствующихъ въ государствѣ лицъ, Фридлихъ не измѣнился и зажилъ простою, честною жизнью артиста, у котораго открытъ и кошелекъ, и домъ для каждаго, кто ищетъ отдыха и забвенія невзгодъ... Жизнь у насъ тяжела, она многихъ выбрасываетъ за бортъ, многихъ гонитъ за правду, для многихъ оказывается мачехой, и имъ нуженъ отдыхъ. Для этихъ людей Фридлихъ — неоцѣнимое сокровище... Ну, да ты увидишь, какъ онъ живетъ. Погоди, птица, мы еще повеселимся!

Дядя докленлъ коробку, полюбовался ею, потомъ поставилъ ее сушить и послалъ меня пригласить Тюпина и Семкина къ чаю. Мирно проговоривъ до полуночи, наши гости разошлись, а я легъ спать въ сладкихъ грёзахъ о завтрашнемъ днѣ.

Digitized by Google

На слѣдующій день у насъ начались сборы. Дядя бралъ съ собою небольшой мѣшокъ съ бѣльемъ и платьемъ для меня. Я съѣздилъ за конфетами для госпожи Фридлихъ и по дорогѣ заѣхалъ съ запискою отъ дяди къ ювелиру, гдѣ взялъ небольшое, довольно красивое кольцо для салфетки, сдѣланное въ видѣ змѣи. Собравшись въ путь, дядя позвалъ хозяйку и вручилъ ей подарки, сказавъ, что она можетъ безъ насъ принимать гостей въ нашей гостиной. Христина Карловна до того растерялась, что заговорила по-шведски, на что дядя отвѣтилъ очень серьезно: «gut! gut!» Захвативъ мѣшокъ съ бѣльемъ, коробку, конфеты и змѣю для салфетки, мы понеслись по направленію къ Екатерингофу.

Здѣсь въ теченіе многихъ лѣтъ жилъ Фридлихъ, занимая домъ комнатъ въ десять. У дома, когда мы подъѣзжали къ нему, уже стояли сани и карета. За стеклами оконъ мелькали чьи-то розовыя, молодыя лица. Мы еще не успѣли расплатиться съ извозчикомъ, какъ двери подъѣзда распахнулись, и въ нихъ появилась сіяющая физіономія Фридлиха. Онъ былъ безъ фуражки, въ своемъ неизмѣнномъ широкомъ долгополомъ сюртукѣ, въ неразлучномъ съ нимъ бѣломъ батистовомъ галстукѣ, съ бирюзовыми большими запонками на груди рубашки.

— Хлопченька, Хлопченька, здравствуй! — весело проговорилъ онъ, цѣлуя дядю и меня. — Ничего не оставилъ въ саняхъ, голубчикъ?

— Нѣтъ, все захватилъ,—отвѣтилъ дядя.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ. Озябъ, я думаю.

— Я-то не озябъ, а вотъ вы все молодитесь, на морозъ въ сюртукѣ выходите съ открытой головой.

— Привыкъ, голубчикъ, привыкъ. Прежде и босикомъ бѣгалъ.

Фридлихъ засуетился около меня, разматывая съ моей шеи шарфъ.

— Сюда, сюда, въ мужскіе аппартаменты,—говорилъ онъ, вводя меня въ свѣтлую и блестящую чистотой комнату. — Здѣсь, душенька, гребенка есть, щеточка, приформитесь, а потомъ пойду васъ знакомить съ обществомъ. Есть вамъ пара, гимназистикъ. Славный мальчуганъ.

Фридлихъ говорилъ какимъ-то мягкимъ, женственнымъ голосомъ и охорашивалъ меня, какъ заботливая мать охорашиваетъ своего ребенка. Можетъ-быть, этимъ ласкающимъ, закрадывающимся въ душу голосомъ приголублвалъ онъ въ былыя времена женщинъ... Окончивъ приглаживанье

Digitized by Google

волосъ и чищенье одежды, я пошелъ за хозяиномъ черезъ гостиную въ залъ. И гостиная, и залъ, и всѣ другія комнаты въ домѣ Фридлиха были обиты свѣтлыми обоями, были украшены простыми бѣлыми и легкими занавѣсами изъ кисеи и филе; на окнахъ и въ углахъ стояло множество взлелѣянныхъ, чистыхъ и свѣжихъ цвѣтовъ; старинная и немного тяжеловатая, но удобная и прочная мебель съ свѣтлою обивкой состояла большею частію изъ диванозъ и креселъ; стульевъ было немного; во всѣхъ комнатахъ, за исключеніемъ зала, несмотря на торжественный день, съ пола не были сняты дорожки, проложенныя отъ однѣхъ дверей къ другимъ; подъ нѣкоторыми изъ столовъ лежали красивыя и выхоленныя собаки польской породы, сѣрыя съ коричневыми пятнами и волнистой шерстью. Входя въ залъ, я былъ изумленъ шумнымъ смѣхомъ, пестротою и разнообразіемъ одеждъ и лицъ. Старухи и совсѣмъ молоденькія дѣвушки, старики и юноши, нѣмцы и русскіе мѣшались здѣсь въ одну общую дружескую семью.

— Моего голубчика Хлопченьки племянникъ, — громко проговорилъ Фридлихъ, обращаясь къ гостямъ. — Славный парнюга! А вы, барышни, зачѣмъ же это на него такими лисьими глазками смотрите? Ай, ай, ай, не хорошо! Красавецъ? Такъ-то такъ, только не про васъ онъ здѣсь, для него вонъ тутъ въ уголку есть дружокъ.

Въ кружкѣ дѣвушекъ раздался легкій смѣхъ. Фридлихъ подвелъ меня къ худенькому и блѣдному мальчику почти такихъ же лѣтъ, какъ я. Онъ сидѣлъ за большимъ томомъ иллюстрированной нѣмецкой газеты и разсматривалъ картины.

— Это Гриша Макаровъ, а это Володя Теплицынъ, а я вашъ покорнѣйшій слуга Карлуша Фридлихъ,—проговорилъ хозяинъ.—Затѣмъ имѣю честь кланяться и желаю вамъ недолго смотрѣть другъ на друга козлами.

И я, и Макаровъ не могли не улыбнуться и невольно протянули другъ другу руки. Черезъ четверть часа Макаровъ мнѣ показывалъ виды разныхъ городовъ въ нѣмецкой газетѣ, а я сообщалъ ему свои свѣдѣнія объ этихъ городахъ. Прошло еще съ четверть часа, и къ намъ присѣли двѣ пятнадцатилѣтнія дѣвушки, заинтересовавшіяся и картинками, и моими разсказами. Оживленная бесѣда и споры завязались быстро. Прошло съ часъ времени, когда я обернулся назадъ, чтобы оглядѣть залу: за мной въ комнатѣ ходила, говорила и спорила пестрая толпа людей, среди

Digitized by Google

которыхъ, шаркая тяжелыми на подъемъ ногами и переваливаясь, сновалъ неутомимый хозяинъ.

— А которая же мадамъ Фридлихъ?—спросилъ я у Макарова.

— Ея здѣсь нѣтъ. Она стряпаетъ,—отвѣтилъ онъ.

— Развѣ у нихъ нѣтъ прислуги?

— Есть, но она всегда готовитъ сама, прислуга только помогаетъ ей. Ее до двухъ часовъ никто не увидитъ изъ гостей и только вашъ дядя, да господинъ Вальденрейхъ смѣютъ войти къ ней въ кухню въ это время.

— А кто этотъ Вальденрейхъ?

— Вотъ онъ, высокій, черноволосый... Онъ нѣмецкій актеръ.

— Актеръ?—изумился я.—Такъ здѣсь и актеры есть?

— Ха-ха-ха,—засмѣялась одна изъ дѣвушекъ, сидѣвшихъ съ нами.—Чему же вы удивились? И мой папа актеръ.

— И на сценѣ они играютъ?—наивничалъ я.

— Играютъ.

— А мой отецъ музыкантъ,—замѣтила другая дѣвушка.—Вотъ вечеромъ концертъ сюрпризомъ устроятъ за чаемъ.

У меня замерло сердце. Я впервые стоялъ лицомъ къ лицу съ людьми, успѣвшими прославиться въ обществѣ своими талантами, я впервые готовился услышать искусныхъ музыкантовъ, вѣроятно игравшихъ не однихъ «голубковъ», которыми когда-то услаждала мой дѣтскій слухъ моя бѣдная мать. Въ минуту этихъ размышленій двери столовой распахнулись, и въ нихъ появился хозяинъ.

— Прошу къ столу!—обратился онъ къ гостямъ.

Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. Въ столовой сверкалъ хрусталемъ, фарфоромъ, серебристо-бѣлыми салфетками и тонкою скатертью большой столъ. У одного изъ его угловъ, опершись о спинку стула, стояла невысокаго роста, очень полная и разгорѣвшаяся отъ кухоннаго жара женщина лѣтъ сорока пяти. Въ ея темныхъ волосахъ, пробранныхъ по-мужски на боку, пробивалась легкая сѣдина. На ней было гладкое палеваго цвѣта ситцевое платье и черный шелковый передникъ; талья, несмотря на толщину, была еще стройна и затянута въ корсетъ. Женщина стояла прямо, съ серьезнымъ лицомъ, принявъ немного театрально-величественную и надменную позу. Хозяинъ первый подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку. Его примѣру послѣдовали и гости. Она подставляла свою руку съ величіемъ царицы, не трогаясь съ мѣста и не наклоняя головы. Я подошелъ

Digitized by Google

къ ней послѣднимъ. Она подняла мою голову и поцѣловала меня въ лобъ.

— Я очень люблю вашего дядю, — проговорила она. — Онъ добрый человѣкъ, будьте и вы такимъ.

Она еще разъ наклонилась ко мнѣ и еще разъ поцѣловала меня въ лобъ.

— Садитесь, господа. Откупленныхъ мѣстъ только два,— замѣтила она, взявъ за руку меня и Макарова и посадивъ насъ около себя.

— Устала, мамочка? — спросилъ Фридлихъ жену, когда всѣ усѣлись за столъ.

— Я же каждый день стряпаю, — спокойно и не безъ гордости отвѣтила она, и велѣла подавать кушанье.

— Ну, господа, обѣдъ будетъ не роскошный, но зато все чисто, вкусно и здорово приготовлено,—проговорилъ хозяинъ.

Онъ не хвасталъ; обѣдъ дѣйствительно былъ и вкусенъ, и состоялъ изъ здоровыхъ, чисто и отлично приготовленныхъ блюдъ. Меня болѣе всего удивило отсутствіе всякой суетливости и обращеній съ приказаніями къ бывшей въ комнатѣ прислугѣ, состоявшей изъ двухъ молоденькихъ дѣвушекъ. Какъ я замѣтилъ, госпожа Фридлихъ объяснялась съ ними глазами и бровями, выразительно и строго указывая имъ на пустыя тарелки и опорожненныя блюда. Бесѣда гостей не прерывалась ни на минуту. Обѣдъ кончился тостомъ за здоровье хозяевъ. За этимъ тостомъ Фридлихъ поднялся съ мѣста и громко сказалъ:

— Теперь еще тостъ: да любитъ молодежь другъ друга, какъ въ наше время она любила.

— Будутъ работать и любить будутъ, — безапелляціоннымъ тономъ замѣтила хозяйка, осушая рюмку.

Всѣ шумно встали изъ-за стола и снова поцѣловали руку попрежнему стоявшей въ царственномъ величіи хозяйкѣ, потрудившейся надъ приготовленіемъ обѣда. Около часу прошло за питьемъ кофе; нѣкоторые изъ гостей-стариковъ удалились отдохнуть въ отведенныя имъ комнаты. Молодежь занялась ѣдою сладкаго и, кажется, нетерпѣливо ожидала чего-то.

— А что, господа, не худо бы на горы!—наконецъ возгласилъ хозяинъ.

Всѣ поднялись съ мѣстъ, всѣ зашумѣли, всѣ бросились въ переднюю за теплой одеждой. Здѣсь уже стояла на стражѣ у дверей хозяйка и осматривала каждаго изъ гостей.

— Шею, шею закройте! Иначе не пущу! Что? Шарфа

Digitized by Google

нѣтъ? У меня ихъ десять. Спросите у горничной, — говорила она то тому, то другому повелительнымъ тономъ.

— А вы, Вильгельмина Федоровна, не идете съ нами?— приставала къ ней молодежь.

— Изъ окна посмотрю на васъ,—отвѣчала она.

Черезъ полчаса мы всѣ съ хохотомъ и криками бѣжали по лѣстницамъ небольшихъ ледяныхъ горъ, устроенныхъ въ саду при домѣ Фридлиха. Самъ Фридлихъ, одѣтый попрежнему въ свой просторный сюртукъ и только повязавшій шерстянымъ шарфомъ горло, суетился болѣе всѣхъ. Онъ отлично катался съ горъ. За недостаткомъ саней нѣкоторые рьяные кательщики проносились по льду на рогожахъ, заѣзжали въ снѣговыя насыпи на краяхъ горъ и выѣзали изъ снѣгу, всѣ покрытые бѣлымъ, со съѣхавшими на затылокъ или на глаза фуражками. Болѣе всѣхъ отличался Дормидонъ Дормидонычъ. Весь красный, запыхавшійся, покрытый потомъ, онъ то и дѣло валялся въ снѣгу, унося съ собою и дамъ, большею частію немолодыхъ, не находившихъ лучшихъ кавалеровъ или боявшихся ввѣрить свою участь слишкомъ юнымъ и неопытнымъ рукамъ.

— Прадедамъ Прадедамычъ, съ вами опять несчастіе!— весело крикнулъ Фридлихъ, видя увязнувшаго и карабкавшагося въ снѣгу Тюпина.

— Санки-съ виноваты и тутъ, знаете, язвина во льду,— оправдывался Тюпинъ, полируя платкомъ свое мокрое отъ поту и отъ снѣгу красное лицо.—Надо бы, знаете ли, какънибудь это сравнять. А то я...

— Берегитесь!—раздалось сверху.

Окончательно растерявшійся Тюпинъ отскочилъ въ сторону, наткнулся на груду снѣгу и неожиданно погрузился въ нее, какъ въ кресло.

— Что, устали развѣ?—снова крикнулъ ему Фридлихъ.

— Нѣтъ-съ! Это я такъ! — отозвался Дормидонъ Дормидонычъ, сидя въ снѣгу съ ангельски-невинною улыбкою.

— Птица, ты не простудись! — словилъ меня за рукавъ дядя на лѣстницѣ.

— Вотъ вздумалъ!—вырвался я изъ его рукъ и стрѣлой умчался на верхъ.

Дядя и Вальденрейхъ тоже катали дамъ, но оба исполняли это съ неподражаемою серьезностью и особенною граціей. Вальденрейхъ—одно изъ честнѣйшихъ и безупречнѣйшихъ существъ, встрѣченныхъ мною въ мірѣ,— имѣлъ особенную способность никогда ничего не понимать сразу и

Digitized by Google

вѣчно обдумывать каждый поступокъ, каждое дѣло, каждое слово. Если ему начинали что-нибудь разсказывать, то онъ тотчасъ же глубокомысленно и протяжно восклицалъ:

— А-а, батюшка мой!

Затѣмъ онъ быстро прибавлялъ:

— Это не можетъ быть!

И васъ можно было поздравить, что вы до тѣхъ поръ не отдѣлаетесь отъ Вальденрейха, покуда не опишете ему всѣхъ мельчайшихъ подробностей, всѣхъ ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ исторіи, одежды и физіономій дѣйствующихъ лицъ, мѣстности, гдѣ она случилась, часъ, въ который она началась, и минуты, въ которую она кончилась. Все это Вальденрейхъ умѣлъ вытянуть изъ разсказчика неотступными приставаніями и допросами, все это онъ очень медленно и очень глубокомысленно принималъ въ соображеніе, каждое усвоенное свѣдѣніе онъ сопровождалъ многозначительнымъ прищелкиваніемъ языкомъ, или выражавшимъ удивленіе постукиваніемъ зубами, или, наконецъ, приговариваніемъ: та, та, та! какъ бы выражавшимъ, что Вальденрейхъ начинаетъ, наконецъ, постигать «суть» дѣла. Это былъ скептикъ по натурѣ. Не менѣе глубокомысленно обдумывалъ онъ, какъ нужно скатить ту или другую даму, какъ она должна сѣсть, какъ она должна подобрать платье.

— Фрицинька, ты циркуль бы взялъ, а то ошибешься!— кричалъ ему Фридлихъ.

— А-а! Убить можно, если неосмотрителенъ будешь!— отвѣчалъ серьезнымъ тономъ Вальденрейхъ, и съ еще болѣе серьезнымъ видомъ летѣлъ съ горы. Въ эти минуты его серьезность могла разсмѣшить до слезъ самаго мрачнаго ипохондрика.

Уже было почти совсѣмъ темно, когда въ одномъ изъ оконъ отворилась форточка, и госпожа Фридлихъ крикнула:

— Карлъ, пора къ чаю!

Опять въ столовой былъ накрытъ столъ, опять хозяйка сидѣла за работою, разливая чай.

— Ну, весело катались?—спросила она у меня.

— Ахъ, очень весело!—воскликнулъ я радостнымъ тономъ, сіяя отъ восторга.—Я первый разъ еще катался съ горъ. У насъ дома не дѣлали горъ.

— Это здорово. Вотъ выучитесь на конькахъ кататься, тоже грудь развиваетъ и ноги.

— Я попрошу дя...

Я не кончилъ фразы и насторожилъ уши. Въ залѣ тор-

Digitized by Google

жественно полились звуки музыки. Четыре солиста играли бетховенскій квартетъ. Всѣ гости мгновенно смолкли. Хозяйка оставила чай и, вытянувшись въ струнку, слушала музыку. Я никогда до сихъ поръ не слышалъ такой игры и сразу понялъ, что я вообще не слыхалъ музыки, а слышалъ только жалкое бездушное и деревянное бренчанье фортепіанныхъ костяшекъ и фортепіанныхъ струнъ. Я очнулся подъ шумъ рукоплесканій и увидалъ, какъ хозяйка, со свойственною ей царскою снисходительностью, благодарила артистовъ за принесенное ей удовольствіе ихъ мастерской игрою. Гости между тѣмъ окружили хозяина и приставали къ нему съ какими-то просьбами.

— Ну, тряхну стариной,—улыбнулся онъ и вышелъ изъ столовой; черезъ минуту онъ явился въ комнату съ арфой.

Въ столовой опять воцарилась тишина, и среди этой тишины полились мѣрные, гармоническіе, чистые и сладкіе звуки. Казалось, это льется горный потокъ, дождь, слезы. Я слушалъ, слушалъ, впиваясь глазами въ пальцы Фридлиха, то быстро перебѣгавшіе, то какъ бы замиравшіе на струнахъ. Эти каскады яркихъ-яркихъ звуковъ, эти едва слышные, подобные падающимъ каплямъ дождя, вопли струнъ вдругъ унесли меня далеко-далеко, въ тотъ темный и узкій чуланъ на чердакѣ, гдѣ когда-то я прислушивался къ звукамъ дождя и засыпалъ убаюканный ими. Кровь прилила къ моей головѣ, на глаза навернулись слезы, я невольно облокотился на столъ и положилъ голову на обѣ руки. Я ощущалъ, какъ подъ пальцами въ моихъ вискахъ сильно билась кровь. А звуки становились все спокойнѣе и спокойнѣе, тише и тише и, наконецъ, замерли совсѣмъ. Такъ бушуетъ, клокочетъ, то тише, то сильнѣе, потомъ успокаивается, наконецъ совсѣмъ замираетъ въ едва слышномъ звукѣ горе, радость, жизнь.

Всѣ гости остались довольны игрою Фридлиха. Онъ унесъ свою арфу и, возвратившись въ комнату, пригласилъ молодежь и стариковъ играть въ фанты. Въ залѣ составился большой кружокъ. Дѣло заключалось въ томъ, что одинъ изъ играющихъ долженъ былъ отыскивать кольцо, быстро передававшееся изъ рукъ въ руки. Тотъ, у кого оно находилось, обязывался поцѣловать нашедшаго кольцо и стать на его мѣсто. Первый, не успѣвшій, по своей неловкости, занять мѣста и потому обреченный отыскивать кольцо, былъ Дормидонъ Дормидонычъ. Вслѣдствіе этого игра приняла сразу самый комическій характеръ. Дормидонъ Дормидо-

Digitized by Google

нычъ, пыхтя и краснѣя, совался изъ стороны въ сторону, подскакивалъ къ самымъ хорошенькимъ дѣвицамъ, осматривалъ ихъ руки и съ самымъ плачевнымъ видомъ убѣждался, что кольцо не у нихъ. Наконецъ, ему удалось найти кольцо у одной дѣвушки. Онъ предварительно вытеръ губы и осторожно поцѣловалъ ее въ щеку, сіяя отъ радости. Кольцо снова заходило по рукамъ, но, къ величайшему изумленію общества, оно снова застряло въ рукахъ Дормидона Дормидоныча.

— Что же вы не передаете кольцо? — шопотомъ спросилъ его сосѣдъ.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же-съ!—въ смущеніи отвѣтилъ Тюпинъ, отводя въ сторону стыдливые глаза, и зажалъ покрѣпче кольцо.

Дѣло въ томъ, что ему хотѣлось, чтобы отыскивающая кольцо особа еще разъ прикоснулась къ его губамъ. Но она настойчиво искала кольцо у другихъ и не обращала ни малѣйшаго вниманія на Тюпина. Волей-неволей ему пришлось передать кольцо. Оно заходило снова по рукамъ. Я сначала совсѣмъ не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что дѣвушка, ходившая въ кругу, большею частью оставалась около того мѣста, гдѣ сидѣлъ я. Вслѣдствіе этого я былъ захваченъ ею врасплохъ и долженъ былъ поцѣловать ее. Я думалъ, что я никогда не отыщу кольца, но, къ моему удивленію, оно было сразу найдено мною и найдено именно у той же дѣвушки, которая за минуту взяла его у меня. Второй нашъ поцѣлуй былъ такъ звонокъ, что мы и за нами все общество не могло удержаться отъ смѣха. Довольно долго продолжалась эта игра. За нею начался польскій, потомъ ужинъ, послѣ котораго хозяйка посовѣтовала мнѣ и Макарову лечь спать. Остальные гости продолжали танцовать.

Долго я и Макаровъ, помѣщенные на одну широкую постель, не могли уснуть и болтали подъ звуки доносившейся до насъ музыки. Когда и какъ мы уснули — не знаю, но мы уже были вполнѣ знакомы другъ съ другомъ и даже сдѣлались друзьями. Конечно, ни я, ни Макаровъ не подозрѣвали въ то время, что дружба, заключенная на такомъ безпечно-веселомъ, на такомъ мѣщански-добродушномъ вечерѣ, спугнется внезапною грозой болѣе крупныхъ событій и, наконецъ, мгновенно замретъ подъ пистолетнымъ выстрѣломъ... Теперь все еще было вполнѣ свѣтло, и если въ обществѣ болѣли какія-нибудь раны, бушевали какія-нибудь

Digitized by Google

страсти, то эта буря шумѣла далеко отъ мирныхъ жилищъ средняго класса столичныхъ жителей, къ которому принадлежали разные Фридлихи, Семкины, Тюпины, Вальденрейхи и тому подобныя личности.

Отпировавъ подобнымъ образомъ три дня, Фридлихи устроили на четвертый пикникъ въ складчину, на пятый отправились всей компаніей на балъ къ однимъ знакомымъ, на шестой были на обѣдѣ и на вечеринкѣ у другихъ знакомыхъ, и только второго января, поздно вечеромъ, возвратились я и дядя домой, куда я и не заглядывалъ во все это время, и гдѣ дядя появлялся только на два, на три часа. Входя въ коридоръ нашего жилища, я услышалъ испуганное «ахъ!» Фуфайкиной, увидѣлъ тутъ же краснаго и сконфуженнаго Дормидона Дормидоныча и понялъ, что шумные праздники кончились, что снова наступаетъ наша мирная и однообразная жизнь. Надо признаться, что я порядочно усталъ въ эти десять дней; но нельзя отрицать и того, что они долго-долго ярко блестѣли въ моихъ воспоминаніяхъ и вызывали мою улыбку то тѣми, то другими изъ своихъ комическихъ происшествій. Пошлой и печальной стороны этой жизни я еще не понималъ.

У Фридлиховъ тоже шла теперь, какъ я узналъ отъ дяди, совершенно тихая будничная жизнь. Вильгельмина Федоровна стряпала, шила, читала газеты и книги; Карлъ Карловичъ давалъ уроки, игралъ въ театрѣ, хлопоталъ на концертахъ, тоже читалъ книги и газеты, и только въ воскресные дни Фридлихи принимали у себя двухъ-трехъ коротких друзей.

Позже я узналъ, что Фридлихъ не былъ никогда хорошимъ музыкантомъ, хотя и былъ артистомъ въ душѣ и игралъ съ чувствомъ. У него недоставало музыкальнаго образованія, техники. Успѣхи его въ обществѣ объяснялись неимѣніемъ соперниковъ и особенною ловкостью Фридлиха, его искательностью и даже склонностью къ интригамъ. Многіе обвиняли его за это, какъ дурного человѣка, и звали «интриганомъ». Другіе оправдывали его и указывали примѣрами, что эти качества присущи каждому артисту. Мнѣ кажется, что и тѣ, и другіе судьи ошибались. По натурѣ самъ Фридлихъ былъ простой малый и добрый человѣкъ; любовь же его къ искусству не могла имѣть ничего общаго со страстью къ интригамъ и умѣньемъ льстить и угождать знати, какъ не имѣетъ ничего общаго съ этими рабскими качествами любовь къ наукѣ, къ ремеслу, къ про-

Digitized by Google

мышленности. Но дѣло въ томъ, что Фридлиха постигла та же участь, которая такъ часто выпадала на долю артистовъ и всѣхъ вообще людей, страстно преданныхъ той или другой отрасли человѣческой дѣятельности. У насъ въ тѣ отдаленныя времена музыкальное дѣло зависѣло большею частью отъ людей, не имѣвшихъ съ нимъ ничего общаго, не смыслившихъ ни іоты въ музыкѣ. Чтобъ добиться чего-нибудь для успѣховъ своего любимаго дѣла, нужно было изгибаться кольцомъ и интриговать, иначе успѣхъ могъ остаться за первымъ барабанщикомъ, а неудача выпала бы на долю перваго скрипача. Фридлихъ рано понялъ это, рано привыкъ въ «Красномъ Кабачкѣ» обращаться съ самодурами и завоевалъ себѣ хорошее положеніе угодливостью, мягкостью и льстивостью въ обращеніи съ вліятельными лицами. Этотъ успѣхъ далъ ему возможность способствовать успѣхамъ новыхъ музыкантовъ, для которыхъ онъ устраивалъ концерты, продавалъ по дорогой цѣнѣ билеты на эти концерты у своихъ знакомыхъ артистовъ и всѣми средствами вербовалъ въ поклонники музыкальнаго искусства даже такихъ личностей, которыя не сразу отличали звуки скрипки отъ звуковъ флейты.

— Купчикъ-голубчикъ!—весело потирая руки, говаривалъ Фридлихъ про одного разжившагося подрядчика. — Только музыку шампанскихъ пробокъ понимаетъ, а все-таки за кресло въ первомъ ряду сто рублевъ платитъ! И за то спасибо.

Долгое время его дѣятельность приносила пользу и давала денежныя средства музыкантамъ и одному изъ музыкальныхъ обществъ. Долгое время не зналъ онъ ни отдыха, ни покоя, и быстро, переваливаясь съ боку на бокъ, носился, несмотря на толстую фигуру, по концертнымъ заламъ, ублажая высокопоставленныхъ милостивцевъ и покровителей музыки. Среди этихъ хлопотъ нерѣдко добивался онъ желаемаго при помощи тогдашнихъ аристократическихъ дамъ, смотрѣвшихъ неравнодушно на ловкаго и сладкорѣчиваго красавца-арфиста съ масляными и сверкающими глазами. Эти-то нѣжныя, слишкомъ нѣжныя отношенія Фридлиха къ его богатымъ ученицамъ вносили въ его семейную жизнь страшныя бури. Вильгельмина Федоровна никакъ не могла помириться съ той мыслью, что ея Карлъ измѣняетъ ей, и дѣлала ему сцены, провожая его въ театръ и на уроки, дрожа отъ холода въ саняхъ и справляясь по часамъ, не пробылъ ли онъ гдѣ-нибудь лишнихъ пяти минутъ. Но нѣ-

Digitized by Google

когда страшныя громовыя тучи разсѣялись съ годами и превратились въ легкія облака, иногда на минуту затѣвавшія кроткій свѣтъ семейной жизни Фридлиховъ. Посѣдѣли волосы и потухли масляные глазки Карла Карловича, и сталъ онъ пробавляться только невинными шуточками и намеками легонькаго свойства; увидала Вильгельмина Федоровна, что ревновать къ кому-нибудь мужа просто не стоитъ, и успокоилась. Если же когда-нибудь и пробуждалось уснувшее чувство ревности, то оно вносило такой комическій элементъ въ ихъ жизнь, что трудно было удержаться отъ улыбки, слыша упреки одной стороны и оправданіе другой. Эта чета, когда я познакомился съ нею, была окружена многочисленною толпою знакомыхъ, или, лучше сказать, друзей, такъ какъ знакомыми были Фридлиху чуть ли не всѣ петербургскіе жители. Друзья Фридлиховъ состояли большею частью изъ артистовъ и людей, не сдѣлавшихъ себѣ карьеры. Чиновникъ, не умѣвшій брать взятокъ; холостякъ, не нашедшій по душѣ невѣсты; офицеръ, не вынесшій военной службы и вышедшій въ отставку; небогатая женщина, успѣвшая заработать кусокъ хлѣба трудомъ, но отстранившаяся отъ развращеннаго или сплетничающаго общества; молодой, кончившій курсъ въ университетѣ, купеческій сынокъ, бросившій отцовскую торговлю, заплатившій зажиленныя отцомъ у кредиторовъ деньги и оставшійся съ небольшими средствами; студентъ или гимназистъ, забытый семьей и перебивающійся уроками, — всѣ эти недовольные обществомъ или утомленные борьбой люди шли въ домъ Фридлиховъ и были ихъ друзьями. Но небогатые, такъ или иначе добывающіе трудомъ свой хлѣбъ, они не бѣгали къ Фридлихамъ ежедневно съ визитами, со сплетнями, съ жалобами, съ интригами. Нѣтъ, наработавшись въ своихъ углахъ, натерпѣвшись всякихъ невзгодъ, они собирались на отдыхъ въ мирный загородный домъ на три, на четыре дня и, стряхнувъ съ себя всѣ заботы, какъ городскую пыль, безпечно пировали, веселились, шумѣли, пили, ѣли и спали. Иногда здѣсь устраивались неожиданныя, но счастливыя свадьбы, до устройства которыхъ Фридлихъ былъ страшный охотникъ. Порой здѣсь разыгрывались трагикомическія сцены отчаянія какого-нибудь простодушнаго Дормидона Дормидоновича, ухаживавшаго за шестнадцатилѣтней дѣвушкой и внезапно узнавшаго о ея бракосочетаніи съ другимъ, болѣе юнымъ поклонникомъ ея красоты. Какъ бы ни были похожи на перемежающуюся лихорадку

Digitized by Google

пиры у Фридлиховъ, но въ нихъ было много шумной веселости и внѣшней привлекательности. Явись они при нормальномъ состояніи общества—и ими было бы можно только восхищаться. Но они являлись вслѣдствіе той же духоты, того же гнета, той же бездѣятельности общества, вслѣдствіе которыхъ въ то время совершались оргіи, устраивались аѳинскіе вечера, бились зеркала въ трактирахъ другими людьми. Теперь трудно представить себѣ ту глухую и душную жизнь, которую перестрадало наше поколѣніе. Для меня эти пиры въ тѣ годы имѣли обаятельную прелесть. Я и Макаровъ—онъ сталъ ходить къ намъ по воскреснымъ днямъ—во весь Великій постъ мечтали о наступленіи Святой недѣли. Настала и пронеслась и эта праздничная недѣля въ шумныхъ пирахъ у Фридлиховъ; настало за нею и время ученія и повторенія всей выдолбленной въ теченіе года школьной премудрости.

Съ сильнѣйшей скукой отправлялся я въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ въ гимназію, у меня болѣла голова, нервы были разстроены. Въ классѣ мнѣ стало еще хуже и, возвратившись домой, я поскорѣе улегся спать. Мнѣ уже не приходилось вставать съ дивана въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Докторъ объявилъ, что у меня очень опасная скарлатина. Дядя не спалъ ночей и возился со мною до разстройства своего собственнаго здоровья. Написалъ онъ въ Кронштадтъ о моей болѣзни и получилъ неутѣшительный отвѣтъ: оказалось, что и моя мать больна и не можетъ выѣхать въ Петербургъ. Когда мнѣ стало лучше, дядя поѣхалъ къ моей матери. Она едва ходила, у нея уже развилась чахотка. Поговоривъ съ нею и Бубновымъ, дядя увидалъ, что мои родные не желаютъ моего переселенія къ нимъ на лѣто, и рѣшился взять двѣ комнаты у Фридлиховъ на время каникулъ. Мы перебрались въ Екатерингофъ. Первое время я былъ слабъ и страдалъ глухотой, но скоро свѣжій воздухъ, здоровая пища и добрый уходъ Вильгельмины Федоровны совершенно укрѣпили меня, и я былъ въ состояніи раздѣлять съ Фридлихами и ихъ друзьями ихъ обычныя лѣтнія удовольствія.

Вѣроятно, многіе еще помнятъ лѣтнюю жизнь Фридлиховъ въ Екатерингофѣ, и ужъ, конечно, никто изъ старыхъ петербургскихъ охотниковъ не забылъ прекрасныхъ собакъ польской породы, сопровождавшихъ Фридлиха и толпу его друзей на охоту въ окрестностяхъ Екатерингофа.

Рано на зарѣ нѣсколько челноковъ, высмоленныхъ и окра-

Digitized by Google

шенныхъ черною краскою съ свѣтло-зелеными бортами, неслось по направленію къ Круглому и сосѣднимъ съ нимъ островамъ. Въ челнокахъ помѣщались дамы и мужчины, старики и дѣти, собаки и погребцы съ провизіей, ружья и удочки, палатки и кожаные матрацы. Крики: «Гопъ, гопъ! кушъ! причаливай правѣй!»—оглашали воздухъ. Фридлихъ, запыхавшійся, но вѣчно неутомимый, переносилъ поклажу на берегъ, иногда переносилъ туда и дамъ, что доставляло ему неизъяснимое удовольствіе. Мой дядя, наряженный въ охотничьи сапоги и не дотрогивавшійся до ружья, укрѣплялъ вмѣстѣ съ Вальденрейхомъ палатки, не довѣряя никому этого требующаго точности и обдуманности дѣла. Затѣмъ слѣдовало уженье рыбы дамами; мужчины шли за дичью. Потомъ разводился огонь, варился картофель, яйца, рыба, приготовлялся чай, подъ наблюденіемъ госпожи Фридлихъ, и начинался завтракъ. Шумъ и толки объ успѣхахъ, планы на вечернюю охоту и ловлю рыбы, разсказы о встрѣчахъ съ знакомыми охотниками, визиты этихъ охотниковъ, все это занимало не мало времени. А тамъ опять слѣдовала охота, начиналось уженье рыбы; мелкій народъ, въ родѣ меня, занимался заготовленіемъ червей, стрѣльбою въ цѣль изъ луковъ и игрою въ горѣлки. Наконецъ, между женщинами заводился таинственный шопотъ, и меня ставили караулить отъ мужчинъ извѣстную мѣстность берега, прикрытую кустарниками, — черезъ минуту до меня начинали доноситься всплескиванья воды и звонкій хохотъ дѣвушекъ и женщинъ: тамъ шло купанье. Во мнѣ пробуждалась зависть, и я, подговоривъ дядю, бѣжалъ съ другими мальчуганами за небольшой мысъ острова, гдѣ, наскоро раздѣвшись, тоже бросался въ воду. Дядя оставался посрединѣ мыса охранителемъ женщинъ отъ прихода мужчинъ и избавителемъ мальчиковъ отъ вторженія женщинъ.

Поздно вечеромъ, послѣ обѣда и ужина, одна часть охотниковъ отвозилась на екатерингофскій берегъ, другая часть размѣщалась по палаткамъ и проводила иногда по три, по четыре ночи на островѣ, никогда не оставаясь здѣсь только на праздники, когда на острова наваливалъ разный сбродъ, больше пьющій водку, чѣмъ наслаждающійся охотою и рыбной ловлей. Воскресные посѣтители острововъ состояли большею частью изъ сенатскихъ, таможенныхъ и управскихъ чиновниковъ, сапожныхъ мастеровъ, портныхъ и тому подобнаго, всѣми неправдами зашибающаго копейку, люда; будничные—то-есть наши знакомые—принадлежали

Digitized by Google

почти исключительно къ артистическому міру, къ актерамъ, музыкантамъ и отчасти состояли изъ отщепенцевъ общества, о которыхъ я упоминалъ выше. Вотъ этотъ народъ жилъ въ Екатерингофѣ, въ Емельяновкѣ, въ Тентелевой, въ Волынкиной деревняхъ. Въ то время на Кругломъ и на смежныхъ съ нимъ островахъ еще не было недостатка въ дичи; бекасы и турухтаны не переводились, въ половинѣ августа появлялся дупель, въ сентябрѣ шли стоянки на утокъ. Не худо ловилась и рыба. Потому-то лѣтнимъ удовольствіямъ не было конца вплоть до поздней осени, и все охотничье и рыболовное общество совершенно забывало, что вблизи стоитъ душный и чопорный городъ съ его взяточничествомъ, стѣсненіями, интригами, сплетнями, щегольствомъ и житьемъ на чужія деньги.

Какъ быстрый, свѣтлый сонъ, промелькнула для меня эта счастливая пора, и я только тогда вспомнилъ о зимѣ и гимназіи, когда къ Фридлихамъ явился въ гости Макаровъ.

— Какъ, ты уже пріѣхалъ?—изумился я, увидавъ его.

— Да вѣдь послѣзавтра начинаются классы, — отвѣтилъ онъ.

Я призадумался. Но черезъ минуту я пересталъ думать о классахъ и ученьи и сталъ восторженно разсказывать своему другу, какъ я провелъ лѣто. Онъ хмуро слушалъ меня и, кажется, не раздѣлялъ моего восторга.

— Ну, а ты веселился въ Орлѣ?—спросилъ я.

— Какое веселье! Мать все хвораетъ, жалуется, раздражительна стала,—проговорилъ онъ.—Ѣздили въ Воронежъ на богомолье. Хотѣли въ Кіевъ, да разсчитали, что дорого за усердіе заплатить придется...

— Развѣ вы бѣдны?

Макаровъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами.

— Мы-то? — по-провинціальному переспросилъ онъ.—У меня съ братьями до семидесяти тысячъ капитала.

— А на поѣздку въ Кіевъ денегъ пожалѣли?

Макаровъ усмѣхнулся.

— Хотимъ, вѣрно, чтобы восемьдесятъ было...

Онъ былъ, видимо, недоволенъ кѣмъ-то, но кѣмъ — этого онъ не сказалъ. Я не сталъ разспрашивать, зная, что онъ скрытенъ и несообщителенъ. Болѣзненный, худенькій, съ узенькими глазами, смотрѣвшими немного исподлобья, съ тонкими и блѣдными губами, съ нѣсколько выдвинутой впередъ, какъ бы всматривающейся во что-то, головой, онъ сразу производилъ на встрѣчнаго такое впечатлѣніе, что

Digitized by Google

отъ него трудно было ждать дѣтской откровенности или безпечнаго смѣха.

IX.

Сплошной рядъ неожиданныхъ и разнообразныхъ событій.

Такъ шло время моего пребыванія у дяди, мало чѣмъ отличаясь отъ перваго года моей петербургской жизни. Мнѣ уже шелъ шестнадцатый годъ. Попрежнему шли пиры Фрадликовъ, такъ же застѣнчиво краснѣлъ, умильно улыбался и нѣжно увивался за всѣми дѣвицами Дормидонъ Дормидонычъ, вызывая всеобщій смѣхъ своею неловкостью, и попрежнему не везло ему въ его ухаживаньяхъ. Чаще прежняго посѣщалъ насъ кавказецъ, рисуя еще болѣе яркими чертами бѣдственное положеніе своей тетки. Антонида Павловна Фуфайкина продолжала пугаться и ахать въ коридорѣ и, наконецъ, начала вызывать серьезныя опасенія въ дядѣ.

— Знаешь, я начинаю бояться, — говорилъ онъ мнѣ съ глубокомысленнымъ видомъ.—У нея, кажется, тутъ неладно,— указывалъ онъ на свой лобъ.—Не случилось бы какой бѣды. Вѣдь этакъ вдругъ ни съ того, ни съ сего бросится... Ты вотъ все дурачишься, въ коридоръ выбѣгаешь, не попятился бы потомъ... Объ этомъ надо подумать и принять мѣры.

Я смѣялся и увѣрялъ дядю, что ничего не случится, что у Фуфайкиной, вѣроятно, такая привычка пугаться и ахать. Наша пугливая сосѣдка съ нѣкотораго времени очень серьезно начала занимать меня и Макарова. Сначала мы просто выбѣгали въ воскресные дни въ коридоръ, чтобы услышать ея крикъ и вдоволь нахохотаться; потомъ мы стали наблюдать и подсматривать за ней, и замѣтили, что особенно вліяютъ ея вскрикиванія на Дормидона Дормидоновича. Встрѣчаясь съ нею, онъ пускался въ длинныя извиненія, заикаясь отъ смущенія, и выражалъ соболѣзнованіе къ ея одинокому беззащитному положенію. Антонида Павловна потупляла глаза и со вздохомъ, немного въ носъ, произносила:

— Ахъ, я такъ несчастна!

— Извѣстно-съ, вы дѣвица, — начиналъ храбриться Тюпинъ. — Я-съ, кажется, милліона не взялъ бы, чтобы быть дѣвицей. Это ужъ самое послѣднее дѣло!

— Ахъ, вы меня обижаете!

— Помилуйте-съ,—конфузился Тюпинъ.

Digitized by Google

— Ахъ, нѣтъ!

— Извините-съ, я ей-Богу-съ! — лепеталъ окончательно сконфуженный Дормидонъ Дормидоновичъ.— Простите...

Я и Макаровъ выбѣгали въ эту минуту откуда-нибудь изъ засады, и пугливая пара, вскрикивая, исчезала въ свои комнаты, сопровождаемая нашимъ беззастѣнчивымъ смѣхомъ.

Среди этой безпечной и веселой жизни въ обществѣ пожилыхъ холостяковъ случалось мнѣ испытывать и скуку, и заботы. Скуку навѣвала на меня гимназія; заботы вызывало желаніе прогулять классы. Для достиженія послѣдней цѣли были къ моимъ услугамъ головныя боли, подвязанныя на два, на три часа щеки и разстройство желудка. Находясь, очень часто, въ утренніе часы въ такомъ болѣзненномъ состояніи, я не имѣлъ возможности хорошо учиться и долженъ былъ засидѣться въ классѣ на третій годъ. Снова потерявъ надежду перейти въ слѣдующій классъ, я немного упалъ духомъ. Конечно, болѣе всего заботило меня не мое будущее, а то, что скажутъ Бубновы, узнавъ о моей неудачѣ. Еще болѣе безнадежно взглянулъ на дѣло нашъ директоръ и объявилъ мнѣ, что мои родные сдѣлаютъ лучше, если возьмутъ меня изъ гимназіи до репетицій, такъ какъ въ противномъ случаѣ меня не оставятъ на третій годъ въ классѣ, а просто-напросто исключатъ. Легко ему было толковать! Не такъ легко было мнѣ оставить училище, имѣя семью, поморщившуюся при извѣстіи и о моей первой школьной неудачѣ. Въ одинъ изъ апрѣльскихъ дней я рѣшился заявить о своихъ тревогахъ дядѣ, сказавъ, что я боюсь опять «провалиться». Онъ встрѣтилъ это извѣстіе съ свойственнымъ ему философскимъ хладнокровіемъ.

— Ну, что-жъ, третій годъ въ классѣ, такъ третій!—промолвилъ онъ.—Я самъ былъ обойденъ два раза чиномъ. И вѣдь если бы меня не обошли, такъ я бы теперь адмираломъ, чортъ возьми, былъ! Вотъ оно что? Да это, братъ, все пустое, если человѣкъ сознаетъ свою правоту. Негодяю, подлецу, дармоѣду, вотъ тѣмъ должно быть досадно, что ихъ не повышаютъ, что къ нимъ никакой аттенціи не имѣютъ. А вотъ я и не тужу. Что мнѣ въ адмиральствѣ? Сытъ я, уважаемъ всѣми, кругъ знакомства большой имѣю, и всякому подлецу прямо въ глаза гляжу, будь онъ хоть разадмиралъ. Не моего усердія не хватило для достиженія высшихъ чиновъ, а справедливости у другихъ людей не нашлось въ душѣ. Ну, а это не мнѣ, а имъ стыдъ и срамъ.

Это разсужденіе нисколько не поправляло дѣла и не было

Digitized by Google

утѣшительно для меня. Напротивъ того, въ немъ было что-то такое, что безъ вѣдома дяди глубоко уязвило мое сердце. Я втайнѣ почувствовалъ, что я не могу такъ хладнокровно относиться къ своимъ неудачамъ, что я не могу свалить ихъ причину на другихъ. Не безъ краски на лицѣ, я объяснилъ дядѣ, что всѣ его слова справедливы, что онъ и безъ адмиральскаго чина счастливъ, но что меня не только не переведутъ въ слѣдующій классъ, а даже и изъ гимназіи исключатъ. Все это выразилъ я въ длинной-предлинной и запутанной рѣчи, смутившись окончательно.

— А-а! — изумился дядя, выслушавъ меня до конца, и взъерошилъ хохолъ.—Въ чистую, значитъ, отставку. Ну, это еще рано, очень рано! Служить бы еще надо, непремѣнно надо. А то отставной гимназистъ — слишкомъ малый чинъ! Конечно, есть еще меньшіе чины, только отъ этого-то чина такъ лѣнью и пахнетъ. Неудобно всю жизнь этотъ запахъ слышать, весьма неудобно!

Я въ это время началъ очень прилежно раскапывать замазку у стеколъ и искоса поглядывалъ на дядю, избѣгая встрѣчи съ его взглядами. Онъ ходилъ большими шагами по комнатѣ, взбивая свой хохолъ и приглаживая виски. Онъ, видимо, сознавалъ необходимость распечь меня и никакъ не умѣлъ взяться за это дѣло.

— Какъ же тутъ быть?—спросилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

Я, ничего не отвѣчая, продолжалъ ковырять замазку.

— Если и оставятъ, то съ твоимъ слабымъ здоровьемъ трудно учиться, — разсуждалъ онъ. — Въ такомъ болѣзненномъ состояніи лучше бросить науку, отказаться отъ нея. Что-жъ, вотъ мужики и грамоты не знаютъ. Конечно, ихъ зато каждый и надуваетъ, ими зато всѣ и помыкаютъ, какъ скотами какими-нибудь. Но вѣдь что же станешь дѣлать со своимъ здоровьемъ, если оно не позволяетъ учиться! И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Духъ бодръ, да плоть немощна, говоритъ пословица.

Я стиснулъ губы и чувствовалъ, что мои щеки и уши пылали, какъ въ огнѣ. Дядя не замѣчалъ моего волненія.

— Я теперь здоровѣе сталъ, — началъ я сквозь зубы и нахмурилъ брови.

— Ну вотъ еще!—возразилъ дядя, продолжая шагать по комнатѣ.—Давно ли болѣли зубы? Кажется, въ день рожденія господина Фридлиха? Да, да, именно, въ этотъ день, какъ сейчасъ помню. Все утро промучился, бѣдняга, и едва могъ

Digitized by Google

послѣ ѣхать къ нимъ на обѣдъ. Голова тоже болѣла. Когда бишь? Да, вспомнилъ, въ день именинъ госпожи...

Я не выдержалъ, по моимъ щекамъ катились крупныя слезы.

— Ты, дядя, не говори объ этомъ!.. Я... я... буду здоровъ,—прошепталъ я, отвернувшись въ сторону и кусая ногти.

— Гм, гм! Не говорить объ этомъ? странно, очень странно!—задумчиво разсуждалъ онъ и, увидавъ мои слезы, вдругъ перемѣнилъ тонъ.

Въ его голосѣ уже послышалась веселость.

— Объясниться съ директоромъ надо. А то такъ, ни съ того, ни съ сего, нельзя выходить въ отставку. По-военному они поступаютъ, чортъ побери! Впрочемъ, вѣроятно, тутъ какое-нибудь недоразумѣніе! Я, птица, объяснюсь. Это все ничего! Не тужи!

— Вотъ подрядчика Сивкова сына оставили на третій годъ,—плачевно и съ негодованіемъ въ голосѣ разсуждалъ я.

— Ну, значитъ, и тебя оставятъ,—съ увѣренностью замѣтилъ дядя. — Это ложная тревога, чтобы войско не дремало. Военная хитрость. Объяснюсь и оставятъ. Я думаю завтра идти. Какъ ты полагаешь? Вѣдь чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Къ Бубнову и писать не будемъ.

— Разумѣется,—поспѣшилъ я согласиться съ дядей.

— Ну, а на будущій годъ, птица, я возьму изъ гимназіи учителей. Учи уроки подъ ихъ руководствомъ. Баста гулять!—дружески похлопалъ дядя меня по плечу.—Бодрѣй гляди. Я все улажу! Нечего хмуриться. Еще захвораешь, пожалуй, а мы, братъ, скоро на рыбную ловлю отправимся. Ишь, весна-то какъ катитъ на всѣхъ парусахъ. Поди-ка скоро и ледъ взломаетъ. Посинѣлъ онъ, словно больной въ чахоткѣ... Эхъ, что-то Маруська! Плоха она была, какъ въ послѣдній разъ ее видѣлъ! Загубили, бѣднягу.

Дядя сдѣлался грустнымъ и снова зашагалъ по комнатѣ. Поблагодаривъ его, я пошелъ спать. Успокоенный имъ и обрадованный извѣстіемъ о скоромъ наступленіи рыболовнаго сезона, я уснулъ спокойно. На слѣдующій день, рано утромъ, мы отправились къ директору. Дядя прошелъ къ нему на квартиру, я остался въ коридорѣ ожидать результатовъ объясненія.

Съ свойственными дядѣ ловкостью и умѣньемъ вести дипломатическіе переговоры появился онъ передъ начальникомъ гимназіи и дружески отъ всей души пожалъ руку послѣдняго.

Digitized by Google

— Мнѣ нужно съ вами переговорить, господинъ директоръ,—началъ дядя, развязно подвигая себѣ стулъ.

Нашъ директоръ, Германъ, былъ довольно добродушнымъ обрусѣвшимъ нѣмцемъ. Онъ отлично зналъ различные древніе языки и очень тупо понималъ самыя простыя вещи изъ обыденной жизни. Сдѣлавшись директоромъ, онъ продолжалъ рыться въ старыхъ книгахъ, подобно кроту, отыскивая подъ землею слѣды древней, исчезнувшей жизни, но совершенно не понималъ, какія обязанности налагало на него его званіе. Понялъ онъ только одно, что съ этимъ званіемъ, какъ съ званіемъ древняго римскаго сенатора, соединяется не мало значенія, и потому старался держаться передъ простыми смертными съ официальною, невозмутимою важностью. Эта натянутая важность такъ тяготила его, что онъ или старался поскорѣе отдѣлаться отъ посѣтителей, или просто отсылалъ ихъ къ инспектору, управлявшему всѣмъ. Только по этой важности директорской физіономіи люди догадывались, что передъ ними стоитъ лицо значительное; не будь этой важности, и они прошли бы мимо добродушнаго старикашки, даже не уступивъ ему дороги. Но никакой важный и сухой видъ человѣка не могъ поразить моего дядю, обращавшаго очень мало вниманія на лица и платья людей. Не поразило его и директорское величіе. Онъ усѣлся на стулъ и готовъ былъ начать дружескія рѣчи. Директоръ не безъ изумленія взглянулъ на него и, не перемѣняя своего натянутаго официальнаго положенія, остался стоять, надѣясь черезъ минуту освободиться и отъ своего посѣтителя, и отъ своей ненавистной парадной важности.

— Я слышалъ, что вы хотите исключить моего племянника. Тутъ вышло маленькое недоразумѣніе,—началъ дядя.

— Я тутъ не вижу именно никакого недоразумѣнія,— сухо отвѣтилъ директоръ и началъ протирать стекла своихъ очковъ, вѣроятно, вслѣдствіе непривычки стоять безъ дѣла.— Вашего родственника на законномъ основаніи исключаютъ. Онъ на третій годъ въ классѣ засидѣлся. А это именно...

Директоръ, постоянно прибѣгая къ помощи своего «именно», говорилъ такимъ русскимъ языкомъ, что даже и этотъ живой языкъ казался въ его устахъ какимъ-то мертвымъ языкомъ давно отжившаго народа. Дядя, конечно, не могъ не почувствовать, какъ тяжело объясняться этому доброму нѣмцу, и поспѣшилъ перебить его и вывести изъ затрудненія.

— Помилуйте! — воскликнулъ онъ. — Да вы присядьте,

Digitized by Google

пожалуйста,—любезно пригласилъ дядя директора сѣсть, какъ могъ это сдѣлать только самый радушный хозяинъ.

Директоръ важно пожалъ плечами и, кажется, не вполнѣ сознавая, какъ должно ему поступить въ данномъ случаѣ, не уронивъ своего сана, сѣлъ на край кресла, вытянувшись въ струнку и величественно положивъ одну руку на столъ.

— Помилуйте! За что же исключать? — продолжалъ дядя.—Да Богъ съ нимъ, пусть онъ сидитъ хоть пять лѣтъ въ одномъ классѣ.

— Именно этого нельзя! Мы законами руководствоваться обязаны и именно въ этомъ...

— Да какой же тутъ можетъ быть законъ?—снова перебилъ дядя, облегчая директору объясненіе. — Какое дѣло закону, скоро ли выучится мой племянникъ или нѣтъ? Если ужъ я, его родственникъ и попечитель, не сѣтую, что онъ сидитъ такъ долго въ классѣ, то и пусть его сидитъ. И можетъ ли законъ опредѣлять, во сколько времени выучится мой племянникъ? Вѣдь законъ-съ съ нимъ не знакомъ! Хе-хе-хе!

Дядя взъерошилъ самодовольно усы, оставшись въ восторгѣ отъ своего остроумія. Директоръ захлопалъ глазами. Какъ хлопанье крыльями у пѣтуха является предвѣстіемъ пѣнія, такъ у директора хлопанье глазами было яснымъ признакомъ того, что онъ собирается много говорить и что ему довольно трудно исполнить это желаніе.

— Но вы изволите забывать, что, въ одномъ классѣ три года сидя, онъ именно изъ лѣтъ выйдетъ и маленькихъ дѣтей, которыя съ нимъ на одной скамейкѣ сидятъ, портить будетъ.

Директоръ остановился и въ упоръ началъ смотрѣть на дядю, пораженный своей сообразительностью и умѣньемъ вполнѣ точно и толково выражаться по-русски.

— Такъ-съ, такъ-съ!—живо заговорилъ дядя.—Но вѣдь вы примите въ соображеніе то, что мой племянникъ изъ лѣтъ не вышелъ. Выйди онъ изъ лѣтъ, — а! это другое дѣло. Нельзя, никакъ нельзя оставить женатаго болвана учиться рядомъ съ невинными людьми. Но вѣдь мой Володька изъ лѣтъ не вышелъ. Ну, значитъ, это уладилось!—вздохнулъ широкимъ вздохомъ дядя, точно у него камень съ груди свалился, и протянулъ руку.

Но директоръ съ отупѣвшимъ видомъ снова заморгалъ глазами, составляя мысленно новую рѣчь, и слегка пома-

Digitized by Google

халъ рукою въ воздухѣ. Казалось, онъ хотѣлъ сказать этимъ жестомъ: «погодите, погодите протягивать руку, я еще не все сказалъ».

— Вы опять изволили забывать, — началъ онъ черезъ минуту: — что, кромѣ лѣтъ, есть еще именно другія условія, исключающія учениковъ заставляющія. Они лѣнивы и мѣшаютъ другимъ ученикамъ, заградивъ имъ дорогу къ наукѣ. У насъ комплектъ назначенъ, и на мѣсто, гдѣ лѣнтяй сидитъ, не можетъ прилежный поступить потому именно...

— Позвольте-съ, позвольте-съ, господинъ директоръ,—съ негодованіемъ вскочилъ со стула дядя. — Да вѣдь гимназія-съ дворянами устроена. Она для дворянъ существуетъ. Въ ней за свои деньги дворяне учатся. Такъ какъ же это комплектъ? За свои деньги я не могу найти мѣста своему родственнику или сыну? Ну-съ, а если у дворянъ вдругъ народится больше комплекта дѣтей, что вы тогда станете дѣлать съ этими сверхъ-комплектными поросятами?

Директоръ пожалъ плечами и тоже всталъ.

— Извините,—началъ онъ, сухо откланиваясь.

Но дядя въ пылу негодованія успѣлъ уже захватить его за пуговицу вицмундира.

— Нѣтъ-съ, вы разрѣшите мнѣ этотъ вопросъ, — почти кричалъ капитанъ. — Я говорю, если всѣ дворяне переженятся, если у дворянъ народится слишкомъ много дѣтей, если всѣ эти дѣти отлично выдержатъ экзамены, если за нихъ за всѣхъ представятъ деньги, а въ гимназіи будетъ полный комплектъ,—что же тогда будетъ?

Директоръ сердито заморгалъ глазами.

— Тогда ихъ не примутъ, именно не примутъ,—раздражительно отвѣтилъ онъ, теряя послѣдніе слѣды офиціальнаго хладнокровія.

— Вы шутите!

— Мнѣ кажется именно, что вы изволите шутить. Эти простыя вещи каждый человѣкъ понимать долженъ.

— Ну, нѣтъ-съ, это не простыя вещи, очень не простыя.

— Я васъ попросилъ бы оставить пуговицу, — замѣтилъ директоръ.

— Гдѣ пуговица?—съ изумленіемъ спросилъ дядя.

— Именно у васъ въ рукахъ.

— А чортъ ее возьми!—почти оттолкнулъ директора капитанъ.—Привычка-съ! Виноватъ!

Digitized by Google

Директоръ, быстро хлопая глазами, принялъ совсѣмъ суровый и важный видъ.

— Я вамъ еще замѣтить долженъ, — началъ онъ: — что вашъ родственникъ, кромѣ лѣни, очень дурную нравственность оказываетъ, онъ...

— Ну, ужъ это-то неправда! — загорячился дядя, перебивая его.

— Что же вы думаете, что я ко лжи прибѣгаю? — обидѣлся директоръ.—Онъ именно два раза за куреніе табаку пойманъ былъ.

— А-а! — повеселѣлъ дядя. — Вотъ всегда я говорилъ, что онъ весь въ меня, весь въ меня, чортъ побери! Вы не можете себѣ представить, господинъ директоръ, какой я лѣнтяй былъ и всегда за куреніе табаку попадался. И вѣдь, бывало, какъ сумѣю провести всякую бестію изъ начальства.

Дядя совсѣмъ развеселился и снова сдѣлался любезнымъ.

— Вы забываете именно, что я, — началъ директоръ обиженнымъ тономъ, опять теряя официальную невозмутимость...

— Помилуйте, развѣ я сказалъ что-нибудь обидное для васъ? Я про наше корпусное начальство говорю, какъ я его надувалъ. И вѣдь какія я выдумывалъ штуки, — дружески говорилъ капитанъ. — Вообразите себѣ, придешь это въ...

— И вы все это именно своему родственнику разсказывали?

— Какъ же, какъ же! Иногда засидимся мы это, знаете, съ нимъ вечеромъ, вспомню я старину и разсказываю...

— Скажите, живы у него родители?

Дядя съ грустью вздохнулъ.

— Отецъ умеръ. Мать жива, за вторымъ замужемъ, больна, несчастная!

— Именно несчастная!—покачалъ головою директоръ.— Именно ее мнѣ жаль...

— А вы развѣ знавали ее? Въ институтѣ, можетъ-быть...

— Не имѣлъ этого удовольствія...

— Странно, странно!..

— Вы меня извините, у меня дѣла...

— Позвольте...

Но директоръ поклонился и вышелъ. Ему, вѣроятно, впервые пришлось такъ долго пробыть въ парадной одеждѣ, и воображаю, какъ легко вздохнулъ бѣдняга, надѣвъ свой

Digitized by Google

шлафрокъ и черную бархатную шестиугольную шапочку съ золотой кистью, постоянно согрѣвавшую его старческую голову.

Дядя вышелъ ко мнѣ не столь хмурымъ, сколько озадаченнымъ и сбитымъ съ толку.

— Странно, очень странно! — говорилъ онъ, пожимая плечами и выходя со мною изъ гимназіи. — Кажется, директоръ добрый человѣкъ и мать твою жалѣетъ, хоть и самъ говоритъ, что не знаетъ ея, а тебя не хочетъ оставить. И что это за законъ такой: за свои деньги не имѣешь права учить ребенка, и даже если прилежный онъ, да въ комплектъ не попалъ, такъ и сиди безъ образованія. Ничего не понимаю, рѣшительно ничего! И вѣдь какъ я тонко обо всемъ этомъ съ нимъ разсуждалъ, а нѣтъ-таки, подлецъ, уперся на своемъ, и хоть ты ему колъ на головѣ теши. А вѣдь я у него чуть пуговицу не оторвалъ!—захохоталъ дядя и началъ разсказывать мнѣ, какъ онъ по привычкѣ захватилъ пуговицу директорскаго вицмундира.

Несмотря на веселость дяди, я хмурился и сильно побаивался моего выхода изъ гимназіи. Болѣе всего страшило меня то обстоятельство, что непріятная вѣсть можетъ разстроить и безъ того мою все прихварывавшую мать. Я попросилъ дядю не писать ничего, а съѣздить въ Кронштадтъ для объясненія съ Бубновымъ. Дядя согласился и замѣтилъ, что нужно только подождать начала навигаціи, такъ какъ по льду опасно ѣхать въ эту пору. Вечеръ въ этотъ день я провелъ невесело. Впервые начало возникать во мнѣ недовольство собою. До сихъ поръ я судилъ только о поступкахъ другихъ людей, негодовалъ только на нихъ и ни разу не подумалъ провѣрить себя, явиться своимъ судьею. Можетъ-быть, и теперь я не взглянулъ бы на свои дѣйствія, если бы моему воображенію не представлялась яркая картина болѣзни моей матери и того горя, съ которымъ встрѣтитъ она извѣстіе о моемъ исключеніи изъ гимназіи. Мысль, что это извѣстіе можетъ убить мою мать, начала преслѣдовать меня, какъ роковая и неотразимая тѣнь. Ни шутки дяди, ни встрѣча въ коридорѣ съ Дормидономъ Дормидоновичемъ и Фуфайкиной не развлекали меня. На слѣдующій день я уже не пошелъ въ гимназію, и это противное зданіе, откуда я еще такъ недавно стремился убѣжать, вдругъ стало такъ дорого, такъ мило для меня, что я, кажется, отдалъ бы все за возможность идти туда. Мнѣ представлялось, что тамъ идутъ репетиціи, что

Digitized by Google

мои товарищи получаютъ отличные баллы, что ихъ переведутъ въ слѣдующій классъ, что они незамѣтно дождутся выпуска изъ гимназіи и сдѣлаются умными, образованными людьми, а я... Что со мной будетъ? что изъ меня выйдетъ? что скажетъ Бубновъ? какъ перенесетъ это моя мать? Съ чисто-дѣтскою наивностью я въ то время полагалъ, что для меня уже нѣтъ никакого исхода, и что съ исключеніемъ изъ гимназіи связывается гибель всего моего будущаго счастія. Съ давнихъ поръ я привыкъ слышать, что образованные и служащіе люди выходятъ только изъ гимназій и корпусовъ, и эти учебныя заведенія казались мнѣ какими-то святилищами, откуда выдаются патенты на право гражданства и служенія отечеству.

Дядя покачивалъ головою, видя, что я тоскую, замѣчая, что у меня красные глаза. День показался мнѣ невыносимо-долгимъ, и къ вечеру тоска приняла еще большіе размѣры. Я уже плакалъ не украдкою, а даже при дядѣ.

— Ну, съѣздимъ куда-нибудь, разсѣемся,—говорилъ онъ, лаская меня.

— Никуда я теперь не поѣду! Мнѣ глаза къ людямъ показать стыдно,—отвѣчалъ я.—Что теперь со мной будетъ?

— Не захворай опять! Все обойдется, устроимъ какъ-нибудь! Учителей возьмемъ.

Дядя еще утѣшалъ меня, когда къ намъ вошла наша хозяйка и сказала ему, что его спрашиваетъ какая-то дама. Дядя изумился и велѣлъ просить неожиданную посѣтительницу въ гостиную, самъ же началъ оправлять свою одежду и приглаживать волосы.

— Постичь не могу, кто бы это могъ быть,—бормоталъ онъ, немного волнуясь и направляясь изъ кабинета въ другую комнату.

Тамъ уже ждала его женщина лѣтъ тридцати-двухъ, довольно плохо одѣтая, хотя и не безъ претензій на моду. Ея полное лицо было довольно бѣло, щеки были довольно румяны и вообще она еще не могла назваться отцвѣтшимъ существомъ. Ея черные, масляные глазки, нелишенные мелкаго и, если можно такъ выразиться, откровеннаго лукавства, зорко смотрѣли и быстро перебѣгали съ предмета на предметъ, словно высматривая добычу.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?—обратился къ ней дядя, вѣжливо расшаркиваясь передъ нею.

— Благодѣтель! Вдова корнета Елкина, Матрена Марковна. Не имѣла до сихъ поръ случая благодарить васъ

Digitized by Google

лично. Не трафлялось встрѣтиться. Только въ молитвахъ приносила за васъ благословенія,—довольно жеманно и чопорно заговорила посѣтительница, хотя этотъ тонъ какъ-то не вязался съ отрывистыми фразами ея рѣчей.

Повидимому, ея тонъ былъ искусственный, принятый на случай, а отрывочность ея фразъ была обычнымъ способомъ выражаться и немного припахивала кухонною сварливостью, рыночнымъ сплетничаньемъ, вообще привычкою тараторить.

— Если не ошибаюсь, я вижу тетушку господина Ярышкина,—началъ дядя, приглашая посѣтительницу сѣсть.

— Злодѣй, злодѣй! Онъ изъ меня душеньку мою вымоталъ! Вы меня извините, не могу не плакать. Обнаковенно я слабая женщина,—заговорила такъ же отрывочно и тѣмъ же тономъ Елкина, отирая сухіе глаза.—Если бы не онъ, никогда не рѣшилась бы придти къ незнакомому мужчинѣ. Я вдова... Заступничества ищу... Какъ къ родному, какъ къ покровителю прибѣгаю къ вамъ.

— Приказывайте-съ, чѣмъ могу служить? — промолвилъ дядя, какъ истинный дамскій угодникъ.

— Я вамъ все по порядку... Вы видите, я женщина не старая, въ соку, — произнесла Елкина и быстро потупила глаза. — Я вдова, у меня дѣти, я беззащитна. Когда онъ пріѣхалъ, я была рада. Все же мужчина, и никакой морали не можетъ-быть, такъ какъ онъ родной племянникъ мнѣ, покойной сестрицы Пелагеи Марковны сынъ. Вотъ поселился онъ у меня, и вижу я, что онъ пьетъ, пьетъ и буйствуетъ. Тянетъ съ меня послѣдній грошъ, послѣднія тряпки.

— Боже мой, Боже мой, кто бы могъ это подумать! — воскликнулъ дядя.—Онъ такъ жалѣлъ васъ!

— Жалѣлъ! Онъ кровопивецъ мой, тирранъ, тирранъ! — воскликнула Елкина съ азартомъ. — Ну-съ, силъ моихъ не стало, говорю я ему: выѣзжай. Не выѣду, говоритъ. Хорошо-съ, я въ полицію. Велѣли ему выѣхать. Только вы себѣ представьте. Выѣхалъ онъ и начинаетъ ходить, каждый день ходитъ ко мнѣ и ночуетъ, ходитъ и ночуетъ.

— Ну, вы бы не пускали.

— Нельзя-съ. Я женщина, у меня дѣти, а онъ мужчина. Только отворишь двери, — онъ тутъ, какъ тутъ, входитъ, садится и буйствуетъ. Садится и буйствуетъ!

— Ну, вы бы къ полиціи опять обратились.

— Обратилась. Спрашиваютъ: избилъ онъ кого-нибудь?

Digitized by Google

Никого, говорю, не избилъ. Говорятъ: укралъ онъ у васъ что-нибудь? Ничего не воровалъ, говорю. Такъ чего же вамъ надо? спрашиваютъ. Чтобы онъ ко мнѣ не ходилъ, объясняю, подписку съ него возьмите. Этого, говорятъ, нельзя, такихъ законовъ нѣтъ. Онъ ходитъ, какъ родной. Не родной онъ мнѣ, а тирранъ, тирранъ, говорю.

— Ну-съ?

— Ну, вотъ и ходитъ, и до сихъ поръ ходитъ. «Вы, говоритъ, тетенька, душу свою спасаете тѣмъ, что меня призрѣваете, вамъ за это на небесахъ отплатится». Каково? На небесахъ отплатится! Да здѣсь-то я мученица, мученица.

— Что же тутъ дѣлать?—развелъ дядя руками.

— Заступничества вашего прошу, благодѣтель мой. Спасти себя прошу.

— Я ужъ и не знаю, какъ тутъ быть? — размышлялъ дядя.

— Не можете ли вы кого-нибудь попросить, полиціймейстера, что ли? Житья мнѣ нѣтъ. Я женщина слабая, мнѣ ходу не даютъ. А вы мужчина, человѣкъ заслуженный, васъ, можетъ-быть, послушаютъ.

— Я похлопочу, постараюсь что-нибудь сдѣлать, — говорилъ дядя.—Но это такое странное, необыкновенное дѣло... Первый разъ въ жизни слышу, чтобы человѣкъ въ своемъ домѣ не могъ избавиться отъ непрошеннаго посѣтителя.

— Да, просто небывалое дѣло! Вѣдь я переѣзжать пробовала...

— Ну, и что же?

— Переѣхала, пошла на рынокъ, ворочаюсь домой, а мой соколъ сидитъ и пьянехонекъ!

Дядя только руками развелъ.

— Все потому, что я женщина, что у меня мужчины нѣтъ. Живи-ка у меня хоть вотъ такой человѣкъ, какъ вы, такъ мой тирранъ и глазъ бы ко мнѣ не показалъ, порога бы моего за версту обѣгалъ.

Дядя задумался.

— Я на васъ, благодѣтель мой, всю надежду возлагаю,— начала снова Елкина.—Я знаю вашу доброту, ваше мягкое сердце. Тоже слухомъ земля полнится, слышала, что вы отецъ сиротамъ, защита слабымъ.

— Я попрошу васъ навѣдаться ко мнѣ, а я, между тѣмъ, переговорю кое-съ-кѣмъ. Авось что-нибудь удастся сдѣлать.

Digitized by Google

Елкина еще разъ упомянула о добродушіи дяди, замѣтила вскользь, что ему, должно-быть, тяжело жить безсемейною жизнью, сказала съ глубокимъ вздохомъ, что она знаетъ по опыту, каково вдовствовать или быть холостымъ, и, прося позволенія навѣдаться черезъ нѣсколько дней о своемъ дѣлѣ, ушла.

— Вотъ тоже несчастная женщина!—говорилъ дядя, возвращаясь въ кабинетъ.—И кто могъ подумать, что нашъ кавказецъ такой подлецъ. Все о любви къ роднымъ толковалъ, а самъ измучилъ, истерзалъ беззащитную вдову. Это надо довести до свѣдѣнія высшихъ лицъ. Что-жъ, вѣдь я не какой-нибудь подьячій, я могу и до губернатора дойти. Если понадобится, буду хлопотать о высылкѣ его изъ города. Нельзя же позволять людямъ такъ вольничать. Этакъ никому житья не будетъ.

Я почти не слышалъ дядю и не принималъ никакого участія въ его новыхъ тревогахъ. Мое горе давило меня и заглушало всѣ посторонніе интересы. Прошло дня два. Я ходилъ, какъ человѣкъ, потерявшій что-то и не имѣющій силъ отдѣлаться отъ мысли объ этой потерѣ. Сколько ни старался дядя утѣшать меня, это ему не удавалось. Не весело было и ему самому. На третій день послѣ объясненія съ директоромъ, оставивъ меня за книгою, онъ отправился немного разсѣяться къ одному изъ своихъ отставныхъ товарищей по службѣ. Входя въ его квартиру, онъ услыхалъ свою фамилію.

— А вотъ и я, хоть не чортъ, а легокъ на поминѣ,— промолвилъ онъ, здороваясь съ пріятелемъ и его гостемъ, молодымъ морякомъ Марковымъ.

— А! вы еще не уѣхали?—удивился Марковъ.

— Нѣтъ, я рѣшилъ ѣхать, когда ледъ разойдется,—отвѣчалъ дядя, не сообразивъ, что Марковъ никакъ не могъ знать о его намѣреніи ѣхать въ Кронштадтъ.

— Значитъ, племянника одного отправили?

— Нѣтъ, и онъ здѣсь. Что ему тамъ дѣлать?

Марковъ съ изумленіемъ взглянулъ на дядю и потомъ на хозяина.

— Я думаю, ему бы пріятно было исполнить сыновній долгъ,—проговорилъ онъ нерѣшительнымъ тономъ.

— Что такое? Какой сыновній долгъ?— тревожно спросилъ дядя.

Хозяинъ тихо покачалъ головой Маркову и обратился къ дядѣ.

Digitized by Google

— Ты, вѣроятно, ничего не знаешь,—началъ онъ съ видимою осторожностью.

— Что? объ чемъ?

— Извините,—промолвилъ Марковъ:—я, право, затруд няюсь... Непріятно передавать печальныя новости... Дѣло въ томъ, что ваша племянница...

У дяди дрогнули усы.

— Ну?—глухо прошепталъ онъ.

Офицеры переглянулись между собою, словно спрашивая другъ у друга, что дѣлать.

— Она больна...

Дядя тяжело опустился на стулъ и схватился руками за голову.

— Умерла!—прошепталъ онъ потрясеннымъ голосомъ, и на его полусѣдые усы потекли крупныя слезы.

— Ради Бога, успокойся!.. Эхъ, какой же ты слабеха!.. Она жива... но больна... опасно больна,—уговаривалъ его хозяинъ, какъ-будто не досказывая чего-то.

Дядя вскочилъ и схватилъ фуражку.

— Куда же ты? Теперь нельзя ѣхать... Не ѣзди... Зачѣмъ спѣшить...

Но дядя уже не слушалъ болѣе; въ его ушахъ звучала только одна фраза, что Маруся еще не умерла; въ его умѣ вертѣлась только одна мысль о возможности попасть къ Марусѣ во-время, и онъ бѣжалъ по городской грязи, какъ восемнадцатилѣтній юноша.

— Ѣдемъ, ѣдемъ!—крикнулъ онъ мнѣ бросающимъ въ дрожь голосомъ, вбѣгая въ комнату.—Маруся... твоя мать... больна... умираетъ... Марусенька!

Онъ безъ силъ опустился на диванъ и закрылъ лицо руками. Его старая, сѣдая голова дрожала. Я совершенно растерялся. Я не плакалъ. Во мнѣ словно что-то оборвалось. Я бѣгалъ изъ угла въ уголъ, надѣвалъ не то, что нужно, торопился, но вещи падали изъ рукъ. Дядя тоже то выбѣгалъ къ хозяйкѣ, то совалъ что-то въ дорожный мѣшокъ и не могъ справиться съ дѣломъ. Въ эту минуту въ нашу комнату вошелъ Дормидонъ Дормидоновичъ. Онъ былъ сконфуженъ и неловокъ болѣе обыкновеннаго.

— Я слышу, вы въ Кронштадтъ собираетесь,—началъ онъ робкимъ голосомъ съ заискивающей улыбочкой.—Я вотъ все не рѣшался сообщить вамъ... и опоздалъ... Хотѣлъ звать васъ на свадьбу...

— Только о свадьбахъ и думаете. Какъ бы чужой вѣкъ

Digitized by Google

заѣсть... Женщину уложить въ могилу!—со злобою пробормоталъ дядя, утискивая что-то кулакомъ въ мѣшокъ.

— Что это вы, Петръ Акимовичъ, какія слова говорите... Я и мухи-то не убью, пусть ее летаетъ, коли ее Богъ создалъ,—въ смущеніи оправдывался Тюпинъ.

— Всѣ вы хороши!—проговорилъ сквозь зубы дядя.

— Я бы отложилъ до мая для васъ... Только Антонида Павловна говоритъ, что въ маѣ бываютъ несчастныя свадьбы,—объяснялъ Тюпинъ несмѣлымъ тономъ.

— Да убирайтесь вы къ чорту съ вашими свадьбами!—обернулся къ нему дядя.—Тутъ человѣкъ умираетъ, а онъ свадьбою въ глаза тычетъ?

Дормидонъ Дормидоновичъ словно пустилъ корни въ полъ и замеръ на мѣстѣ. Дядя накинулъ на себя теплую одежду и пошелъ изъ комнаты. Я послѣдовалъ за нимъ.

— Скоты, право скоты, — бормоталъ дядя, выходя на улицу.—Туда же, о женитьбѣ думаютъ. Мало несчастныхъ людей показалось, еще дюжину наплодить хотятъ... Примѣры, кажется, передъ глазами. Сами видятъ, какъ гибнутъ люди... Ахъ, Маруська, Маруська!.. Поспѣемъ ли? И выдалась же погода такая... Вотъ и твой отецъ отъ этой погоды умеръ... Кажется, весь свѣтъ объѣздилъ, а подлѣе города не видалъ, чѣмъ этотъ Петербургъ... Охъ, Господи, что-то теперь съ Марусей дѣлается! На крыльяхъ бы, кажется, полетѣлъ.

Мы наняли экипажъ до Ораніенбаума, такъ какъ напрямикъ въ Кронштадтъ было невозможно ѣхать. Санной дороги до Ораніенбаума тоже не было. Съ петергофскаго шоссе исчезли послѣдніе слѣды снѣга, и оставалась только одна весенняя грязь. Мы тащились почти всю ночь до Ораніенбаума.

— Вотъ если бы Лаврентій былъ живъ, разомъ бы доставилъ насъ въ Кронштадтъ,—говорилъ дядя, отыскивая повозку въ Ораніенбаумѣ.

X.

Продолженіе предыдущей главы.

Рано на зарѣ намъ приходилось ѣхать по льду. Около постоялаго двора было только три извозчика, и тѣ собирались, повидимому, въ свои деревни. Дядя сталъ подговаривать ихъ перевезти насъ въ Кронштадтъ. Ни одинъ не соглашался, говоря, что теперь опасно ѣхать. Послѣ долгихъ переговоровъ одинъ изъ нихъ взялся перевезти насъ за двѣ красненькихъ. Это была баснословная по тому времени цѣна,

Digitized by Google

но дядя не стоялъ за цѣной и готовъ былъ дать даже вдвое. Мы усѣлись въ повозку и поѣхали. Утро было довольно свѣжее и ясное, хотя на небѣ и бродили бѣлыя тучки. Нельзя было сказать, каковъ будетъ день: рѣзкій вѣтеръ могъ и разогнать эти одинокія тучи, и сплотить ихъ въ одну густую массу. Какъ только лошади ступили на ледъ, такъ тотчасъ же съ закрытыми глазами можно было сказать, что поверхность льда превратилась въ снѣгъ, «исчахла», какъ выражался извозчикъ. Подъ санями не слышалось того глухого, похожаго на стукъ по пустой бочкѣ, звука, который слышится во время морозовъ на ухабахъ при ѣздѣ по льду. Теперь, напротивъ того, полозья саней, какъ-то шурша, врѣзывались въ исчахнувшій ледъ, поминутно вызывая звуки расплескивавшейся подъ ними воды. Ухабовъ почти не было; они всѣ сгладились въ одну синевато-сѣрую поверхность, блестѣвшую въ нѣкоторыхъ мѣстахъ яркими пятнами скопившейся на ней воды. Полозья саней не оставляли на снѣгу плотнаго блестящаго слѣда, и прорѣзанныя ими колеи тотчасъ же заливались водой. Прошло не болѣе десяти минутъ, какъ вѣтеръ началъ крѣпчать; онъ былъ рѣзокъ и пронзителенъ и дулъ съ моря.

— Подморозитъ хочетъ, что ли?—пробормоталъ дядя.

— Снѣгъ пойдетъ, — замѣтилъ извозчикъ. — Ишь тучи какія.

Дѣйствительно, минутъ черезъ пять повалилъ сухой снѣгъ. Съ каждой минутой дорога, и безъ того едва замѣтная, заместалась снѣгомъ, за которымъ уже не стало видно почти ничего. Мы кутались въ шинели отъ холоду. Извозчикъ ѣхалъ все тише и тише.

— Что же ты спишь!.. Клюкву, что ли, мы продавать ѣдемъ?—сердито крикнулъ дядя.

— Нельзя скоро ѣхать, дороги не видно! Ишь, значки-то поснимали, черти. Палокъ жаль,—разсуждалъ извозчикъ.

Въ это время впереди что-то треснуло, и насъ разомъ осадило назадъ. Извозчикъ, прежде чѣмъ мы опомнились, соскочилъ съ облучка, гдѣ онъ сидѣлъ, приткнувшись на всякій случай къ краю. Дядя схватилъ меня и торопливо потащилъ изъ повозки. Одна изъ лошадей, пристяжная, стояла въ бокъ, почти подъ прямымъ угломъ къ санямъ, боязливо сторонясь отъ трещины; другая лошадь, коренная, стояла какъ-будто на колѣняхъ, растянувшись брюхомъ и задними ногами по льду. Оказалось, что она провалилась передними ногами въ трещину. Извозчикъ хлопоталъ около

Digitized by Google

нея. Увидавъ, что мы сами находимся внѣ опасности, дядя сталъ помогать извозчику. Кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, при помощи подложенной подъ брюхо лошади оглобли, имъ удалось вытащить ея переднія ноги и оттащить ее отъ трещины. Она тяжело дышала и совсѣмъ присмирѣла.

— Тутъ не проѣдешь,—замѣтилъ извозчикъ:—видно съ дороги сбились, надо пойти поискать пути.

Онъ отправился искать, нѣтъ ли гдѣ настилки черезъ трещину. Я съ дядей остался у повозки. Удалившись на нѣсколько шаговъ, извозчикъ вдругъ скрылся изъ виду. Я впервые увидалъ такую странную картину. Казалось, мы были окружены сплошною бѣлою массою. Снѣжинки были видны только на нашей одеждѣ, на повозкѣ и лошадяхъ; далѣе же онѣ превращались въ тяжелую бѣлую пелену, охватывавшую насъ и снизу, и сверху, и съ боковъ. Если бы передъ нами не было трещины, если бы повозка не оставалась въ прежнемъ положеніи, то черезъ минуту мы могли бы сбиться, съ которой стороны мы ѣдемъ и по какому направленію нужно продолжать путь. Все было бѣло; ни въ которой сторонѣ воздухъ не казался ни свѣтлѣе, ни темнѣе; терялась всякая возможность опредѣлить, гдѣ свѣтитъ солнце. Дядя крикнулъ извозчику:

— Держись трещины, не-то заплутаешься!

Но на его крикъ не послышалось отвѣта. Вѣроятно, извозчикъ не слыхалъ этого крика. И не мудрено: кругомъ насъ однообразно и ровно гудѣлъ вѣтеръ; это не были порывистые звуки, они не усиливались и не утихали, но однообразно и непрерывно гудѣли въ воздухѣ, какъ шумитъ въ ухѣ, если приложить къ нему раковину или что-нибудь подобное. Только тутъ шумъ былъ сильнѣе и самое страшное въ немъ было то, что онъ былъ до одуренія однообразенъ, не нарушался никакими другими звуками и не прерывался ни на минуту. Вообще однообразіе—будетъ ли это однообразіе звуковъ, картинъ или всего строя жизни—явленіе страшное: оно сначала раздражаетъ нервы, доводитъ до злобы, до одурѣнія, потомъ навѣваетъ болѣзненную тоскливость и, наконецъ, приводитъ къ апатіи, къ идіотской покорности. При немъ минуты кажутся часами, часы—днями. Нетерпѣливо слушалъ я шумъ вѣтра и раздражительно ожидалъ, что вотъ-вотъ онъ утихнетъ или разразится какимъ-нибудь бѣшенымъ порывомъ. Но вѣтеръ не утихалъ и не усиливался. Я началъ дрогнуть. Дядя посовѣтовалъ мнѣ бить ногой объ ногу и похлопывать руками. Черезъ чет-

Digitized by Google

верть часа, показавшуюся мнѣ часа за два, извозчикъ вернулся къ намъ.

— Обратно нужно ѣхать,—рѣшилъ онъ.—Досокъ нигдѣ не осталось.

— Да ты нашелъ ли дорогу?—спросилъ дядя.

— Отчего не найти, тамъ вонъ и теперь лошадь замерзала.

— Какъ лошадь замерзла?

— Да извѣстно какъ, попала въ трещину и застряла. Тамъ трещина неширока.

— Такъ надо туда ѣхать, авось переберемся.

— Что я ворогъ себѣ, что ли, что переѣзжать стану! Поди-ка, мнѣ лошади-то не чужія. Не я ихъ кормлю, а онѣ меня кормятъ.

— Да я тебѣ заплачу за все...

— Богъ съ вами и съ вашими деньгами. Дуракъ былъ, что и ѣхать-то согласился въ экую мятель. Сказано, надо назадъ воротиться.

Дядя нахмурился.

— Ты поѣзжай въ Ораніенбаумъ, — обратился онъ ко мнѣ.—Я пойду...

— Я пойду съ тобой,—отвѣтилъ я.

— Вотъ глупости! Поѣзжай назадъ, если тебѣ приказываютъ!—съ необычайной строгостью сказалъ онъ.

— Сказалъ, что не поѣду безъ тебя, такъ и не поѣду!

— Утонуть, что ли, захотѣлось?

— Да ты тяжелѣе меня, ты скорѣе можешь утонуть, а если ты пройдешь, пройду и я.

— Глупый, я одинъ кое-какъ добреду, а вдвоемъ пропадемся.

— Ну, такъ я подальше пойду, а не вмѣстѣ съ тобой...

Дядя топнулъ ногой, забывъ, что подъ нимъ былъ растаявшій снѣгъ, а не полъ, и обрызгалъ меня водою.

— Что ты сердишься-то!—замѣтилъ я.

— Ну, что-жъ? твоя воля, тони, если охота пришла,— пробормоталъ сердито старикъ, но его голосъ уже дрожалъ.

Мнѣ было совершенно непонятно, почему дядя вдругъ началъ бояться за мою жизнь, когда намъ приходилось идти налегкѣ пѣшкомъ, тогда какъ онъ и не думалъ, повидимому, объ опасности, когда мы ѣхали въ тяжелой повозкѣ. Было ли это слѣдствіемъ увѣренности, что опытный извозчикъ не поѣдетъ, если опасность серьезна, и сумѣетъ спасти и насъ, и себя? Напомнило ли ему объ опасности первое предостереженіе? Или просто ему казалась на людяхъ и

Digitized by Google

смерть красна? Не знаю. Но было ясно, что теперь онъ трусилъ, конечно, за меня, а не за себя.

— Упрямъ, упрямъ ты!—проговорилъ онъ мнѣ и велѣлъ извозчику довести насъ до того мѣста, гдѣ замерзла лошадь.

Мы дошли до этого мѣста, придерживаясь трещины.

— Ну, попробуемъ перейти,—сказалъ дядя, и сталъ щупать ногою дохлую лошадь.

Обледенѣвшая, она плотно засѣла въ трещину, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще за день была настилка, въ видѣ моста. По всей вѣроятности, лошадь провалилась такъ же, какъ и наша коренная, только передними ногами, и уже послѣ соскользнула въ воду и ея третья нога. Четвертая нога лошади была страшно выгнута, словно выломана, и врѣзалась въ рыхлую поверхность льда. Замерзшая вода покрыла тонкой корой животное, снѣгъ запорошилъ его, такъ что нельзя было даже отличить цвѣта шерсти. Нога, врѣзавшаяся въ чахлый ледъ, была едва примѣтна. Все животное представляло какую-то неуклюжую и неровную глыбу, похожую на тѣ гранитные камни, которые выдаются изъ-подъ воды около Ораніенбаума и Петергофа, и только напряженно-вытянутая шея, да морда, приподнятая и покоившаяся на льду противоположной стороны трещины, хранили еще прежній видъ и ярко свидѣтельствовали о послѣднихъ страшно мучительныхъ усиліяхъ животнаго спастись и не захлебнуться. Этотъ трупъ представлялъ довольно твердую опору для ногъ, а, главное, избавлялъ насъ отъ необходимости скакать черезъ трещину, что было бы особенно неудобно при неизвѣстности, не соскользнутъ ли наши ноги съ ломающейся поверхности льда и не подломятся ли его края подъ напоромъ быстро ударившагося объ него груза. Расплатившись съ извозчикомъ, мы осторожно и съ замираніемъ въ сердцѣ перешли черезъ трещину и пошли пѣшкомъ, не зная, далеко ли до Кронштадта и возможно ли до него добраться. Дядя хмуро молчалъ и тыкалъ въ ледъ палкою, пробуя его твердость, и смотрѣлъ внизъ, чтобы не сбиться съ дороги и не попасть въ полынью. Только слабые и разъѣзженные слѣды навоза, еще не совсѣмъ занесеннаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгомъ, указывали намъ путь. Вода брызгала изъ-подъ ногъ во всѣ стороны и, несмотря на высокія калоши, я чувствовалъ, что ноги у меня сыры. Навстрѣчу намъ не попадалось ни души, и некого было спросить, далеко ли было идти до цѣли нашего путешествія. Мы шли уже около часу, когда я началъ замѣчать

Digitized by Google

вдали, въ самомъ низу, какую-то длинную сѣроватую полосу, выдѣлявшуюся изъ-подъ сплошной бѣлой пелены, окружавшей насъ. Мое сердце начало биться сильнѣе, и я уже шагалъ бодрѣе. Въ сторонѣ отъ насъ мелькнули три фигуры мужиковъ: они гуськомъ пробирались изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ; шедшій впереди былъ вооруженъ палкою и ощупывалъ ею ледъ. До насъ долетали звуки ихъ веселыхъ и безпечныхъ голосовъ. Съ каждой минутой бѣлая пелена стала дѣлаться прозрачнѣе, сѣроватая полоса впереди все темнѣла и расширялась. Наконецъ, передъ нашими глазами показались довольно смутныя, черныя очертанія зданій и надъ ними клочокъ синевато-сѣраго неба. Мы не говорили другъ другу ни слова, хотя каждый изъ насъ видѣлъ, что было впереди, и уже надѣялся благополучно дойти до берега. Но какой-то невольный, почти суевѣрный, страхъ заставлялъ насъ не высказывать этой надежды, точно она непремѣнно должна была обмануть насъ при первомъ нашемъ словѣ о ней. Мы боялись сглазить счастливый конецъ путешествія. Дядя съ каждымъ шагомъ все тщательнѣе и тщательнѣе ощупывалъ ледъ, обходилъ каждое подозрительное мѣсто и все осторожнѣе ступалъ усталыми ногами. Все такъ же безмолвно мы поднимались на небольшую крутизну: передъ нами были Петербургскія ворота.

— Ну, слава Богу!—перекрестился дядя на образъ и обнялъ меня.—Озябъ?

— Ничего, благо живы!—отвѣтилъ я.

— Да, да, живы! Жива ли она?

Дядя во всю дорогу отъ Ораніенбаума до Кронштадта впервые упомянулъ о моей матери. Можетъ-быть, во все это время его мысль была занята однимъ мною. Мы оставили въ первой попавшейся гостиницѣ свой мѣшокъ, наняли извозчика—въ Кронштадтѣ уже ѣздили на дрожкахъ, такъ какъ снѣгъ давно превратился въ грязь,—и поѣхали къ дому Бубнова. Подъѣзжаемъ: двери подъѣзда открыты. Мы входимъ на лѣстницу, въ переднюю. Нигдѣ нѣтъ ни души. Снявъ съ себя шинели и калоши, мы направились въ залъ. Тамъ было какъ-то особенно могильно-пусто: посрединѣ комнаты стояло ведро съ грязною водою; на полу лежали мочалка и нѣсколько тряпокъ; изъ одного угла были отодвинуты стулья и полъ смоченъ водою. Мы съ дядей торопливо пошли дальше и встрѣтились въ дверяхъ зала съ незнакомой женщиной. У нея были босыя ноги и поддернутая подъ лифъ грязнаго платья юбка. Она возвращалась къ мытью половъ.

Digitized by Google

— Что барыня?—спросилъ дядя.

— Вывезли-съ!—отвѣтила она.

— Какъ? Что? Умерла?—глухо прошепталъ дядя.

— Какъ же-съ! Вотъ за полчаса ихъ въ церковь отпѣвать повезли. Четвертаго дня...

Дядя схватилъ меня за руку и потащилъ въ переднюю. Мы одѣлись снова и пошли. Намъ было тяжело идти. Мы были похожи на странниковъ, пришедшихъ изъ-за десятковъ верстъ въ родной уголъ и не нашедшихъ въ этомъ углу никого родного, ихъ встрѣчаютъ, не узнаютъ, холодно говорятъ, что ихъ родные свезены на погостъ, и они должны снова идти дальше. Куда? зачѣмъ?—неизвѣстно. Усталые, пораженные горемъ, мы шли молча, шли медленно. Наконецъ, передъ нами была церковь; близъ паперти стояли собственные экипажи и наемныя дрожки; на паперти толпились нищіе, слѣпые и хромые, старики и дѣти. Мы вошли въ храмъ. Мутный свѣтъ сѣраго дня, тяжелыя волны разстилавшагося дыма, одуряющій запахъ ладана и удушливый воздухъ отъ стѣснившагося, парящагося въ теплой одеждѣ народа, гнусливое, нестройное пѣніе на клиросѣ, заунывное и монотонное бормотанье стараго священника и посреди храма на возвышеніи гробъ,—бѣлый гробъ, украшенный пальмовыми листьями и плющемъ, говорящій объ угасшей жизни, объ угасшей молодости. Мы съ трудомъ пробирались сквозь толпу, дошли до катафалка и стали всходить по его обитымъ сукномъ ступенямъ. Дядя припалъ своею сѣдой головой къ холодной груди этого, какъ бы сдѣланнаго изъ воска, трупа, одѣтаго въ бѣлое подвѣнечное платье. Я стоялъ, склонивъ голову, и глядѣлъ на мертвую мать. Она была худа, что-то страдальческое, боязливое выражалось въ ея лицѣ, и какъ-то странно было видѣть на ней этотъ подвѣнечный нарядъ. Зачѣмъ это такъ часто вѣнчаютъ и хоронятъ женщинъ въ одномъ и томъ же платьѣ? Неужели бракъ и смерть такъ близко стоятъ другъ отъ друга, такъ походятъ другъ на друга? Мнѣ было жаль, до нестерпимой боли жаль мою мать, но слезы не лились изъ моихъ глазъ; сердце и грудь какъ-то сдавило, точно кто-то сжалъ меня въ удушающихъ объятіяхъ. Чѣмъ дольше глядѣлъ я на этотъ трупъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе начала примѣшиваться къ моей тоскѣ злоба на моихъ враговъ. Эта черта была одною изъ господствующихъ въ моемъ характерѣ; при каждомъ горѣ, при каждомъ несчастіи я не столько отдавался имъ самимъ, сколько неудержимой злобѣ на тѣхъ,

Digitized by Google

кто вызвалъ эти несчастія и это горе. Нерѣдко мнѣ приходилось въ этихъ случаяхъ обрушивать весь гнѣвъ на самого себя и казнить себя за тотъ или другой поступокъ. Подъ вліяніемъ злобы, я оторвалъ глаза отъ трупа матери и сталъ искать своихъ и ея враговъ. Внизу, почти наравнѣ съ нашими ногами, въ изголовьи, у гроба стояли, какъ окаменѣлые, Бубновъ, его мать, Миша съ нянькой, Гейги. Они почти съ ужасомъ, дикими глазами смотрѣли на меня и на дядю, какъ на выходцевъ съ того свѣта. Кругомъ нихъ шепталась толпа; ясно было, что идутъ толки о нашемъ внезапномъ появленіи, о нашемъ странномъ положеніи на катафалкѣ. Можетъ-быть, кто-нибудь говорилъ о необходимости свести насъ оттуда, о томъ, что, можетъ-быть, дядя лишился чувствъ и можетъ уронить гробъ, о томъ, что я неприлично стою—спиною къ алтарю. А я какъ-то злобно думалъ въ эту минуту, что никто не смѣетъ подойти къ намъ, что всѣ они чужіе моей матери, чужіе по своимъ чувствамъ, и только мы одни имѣемъ право теперь стоять около этого гроба. Мнѣ казалось, что Бубновъ и его мать боятся и должны бояться насъ. Наконецъ, дядя слегка пошевелился и медленно поднялся отъ гроба.

— Простись съ ней,—тихо сказалъ онъ мнѣ.

Я поцѣловалъ лицо и руки матери. Ея руки отогрѣлись подъ губами дяди и были влажны отъ его слезъ. Только теперь и изъ моихъ глазъ хлынули неудержимыя слезы. Злоба, гордость передъ Бубновыми, размышленія о моихъ правахъ стоять на этомъ мѣстѣ, все разомъ исчезло и уступило мѣсто простому и искреннему горю осиротѣвшаго юноши.

— Ну, полно!.. Она теперь покойна!.. Теперь только мы будемъ мучиться!.. Мы мужчины, намъ легче бороться...

Дядя взялъ меня подъ руку и повелъ со ступеней катафалка; я продолжалъ плакать. Меня уже не интересовала любопытная толпа, и помнилъ я только одно, что я простился, навсегда простился съ своею матерью. Дядя отвелъ меня въ передній уголъ церкви и тамъ у окна сталъ со мною. Проходя къ окну, мы уже не продирались бокомъ сквозь толпу—она разступилась передъ нами. Несмотря на то, что мы встали въ сторонѣ, на насъ были обращены всѣ взгляды; мы были новымъ развлеченіемъ для скучающаго люда. Когда кончилось отпѣваніе, мы подошли послѣдніе къ гробу и простились еще разъ съ матерью. Кое-какъ доплелись мы до кладбища, и потомъ, когда стали засыпать

Digitized by Google

могилу, сѣли на дрожки и уѣхали, прежде чѣмъ кто-нибудь изъ Бубновыхъ успѣлъ подойти къ намъ.

Мы проѣхали прямо въ гостиницу, взяли тамъ номеръ и, наскоро переодѣвшись, сѣли вдвоемъ за обѣдъ. Ѣда не шла въ горло, мы оба устали, измучились и тотчасъ же послѣ обѣда улеглись спать. Я чувствовалъ ознобъ; дядя натеръ меня водкой съ уксусомъ и укуталъ. Къ вечеру я чувствовалъ себя лучше, но дядя не велѣлъ мнѣ вставать и сѣлъ на мою постель, приказавъ подать чаю и рому. Ему тоже нездоровилось. Но ни онъ, ни я не раскаивались за свое путешествіе. Мы смутно сознавали, что, отказавшись отъ этого путешестія, мы долго упрекали бы себя за излишнюю трусость и мучились бы мыслью, что, можетъ-быть, еще была возможность застать матушку въ живыхъ. Подливъ мнѣ и себѣ рому въ чай, дядя сидѣлъ у меня на постели и дѣлался все разговорчивѣе и разговорчивѣе. Въ его голосѣ появился оттѣнокъ тихой грусти.

— Господи, Господи, сколько лѣтъ прошло, какъ все измѣнилось съ той поры, когда она въ первый разъ бросилась мнѣ на шею въ институтѣ, при первомъ моемъ посѣщеніи!—вспоминалъ онъ о былomъ.—И тогда я былъ немолодъ, и горе всякое вынесъ, и тонулъ, и подъ пулями стаивалъ, а все живу, все живу! А вотъ она, молодая, взлелѣянная мной, любимая, умерла! И на что я, старый песъ, нуженъ? Выброшенъ на берегъ, забытъ старыми пріятелями по службѣ, выкинутъ изъ родного гнѣзда, былъ почти позабытъ даже ею, голубкою, и все живу, все живу!.. Что я теперь? Ты думаешь, мнѣ весело между моими новыми пріятелями? Ты думаешь, они меня любятъ, заботятся обо мнѣ!

Старикъ печально покачалъ головою.

— Нѣтъ, Володя, нѣтъ, птица, не любятъ они меня, и другъ друга они не любятъ,—съ горечью проговорилъ онъ.—Это стадо барановъ, сбѣжавшихся въ кучу подъ бурей! Если бы я потонулъ сегодня съ тобою, никто и не спросилъ бы: гдѣ капитанъ? Въ другой трактиръ, должно-быть, ходитъ сталъ, въ другой городъ, можетъ-быть, переѣхалъ... Въ другой трактиръ, въ другой городъ!.. Что-жъ имъ и, въ самомъ дѣлѣ, тужить обо мнѣ? Развѣ мало старыхъ холостыхъ капитановъ на свѣтѣ. Развѣ не найдется другой, такой же выброшенный инвалидъ, на мое мѣсто? Найдется! Такъ же не будетъ у него съ ними ничего братскаго и такъ же забудутъ его на другой день послѣ его смерти. Да, Володя,

Digitized by Google

долго я жилъ на свѣтѣ, и могу тебѣ сказать, что люди забываютъ своихъ друзей-покойниковъ тотчасъ послѣ похороннаго обѣда, а своихъ друзей-путешественниковъ черезъ три дня послѣ ихъ отъѣзда, и то если у путешествующихъ остались молодыя жены или полюбовницы: первые два дня друзья утѣшаютъ ихъ, потомъ утѣшатъ, и ужъ тогда ни они, ни жены не говорятъ объ уѣхавшихъ. Бываютъ случаи, что мы долго помнимъ друзей, но это бываетъ тогда, когда друзья остались намъ должны... Враговъ только помнятъ люди... Да, Володя, я ни въ кого не вѣрю, не люблю я людей; у всѣхъ у нихъ—изъ глазъ вонъ и изъ ума вонъ... И отчего это все такъ идетъ на свѣтѣ? Одинъ другого обманываетъ и всѣ несчастливы!...

Дядя смолкъ, налилъ себѣ еще чаю и подлилъ рому въ стаканъ. Мнѣ стало очень тяжело отъ этихъ рѣчей растосковавшагося старика.

— Дядя, неужели ты думаешь, что и я тебя когда-нибудь позабуду?—печально спросилъ я у него.

— Позабудешь, позабудешь, Володя, или просто разлюбишь,—горько отвѣтилъ онъ.—Твоя мать больше меня любила, чѣмъ ты... А и она позабыла... Да и что я тебѣ? Дядя, да еще и не дядя, а двоюродный дѣдъ, сбоку припека, седьмая вода на киселѣ... Ну, женишься ты, жена, дѣти будутъ, тогда я лишняя спица въ колесницѣ буду... Я болтунъ, я баловникъ, ну, вотъ надоѣмъ и тебѣ, и твоей женѣ, да еще бояться станете, что дѣтей вашихъ испорчу.

— Дядя, да я, можетъ-быть, никогда не женюсь.

Дядя оставилъ стаканъ и съ серьезнымъ лицомъ обратился ко мнѣ.

— Что? Нѣтъ, братъ! Старымъ бобылемъ не думаешь ли вѣкъ доживать? Развѣ мало насмотрѣлся на мою жизнь? Плоха жена, плохи дѣти, а все же лучше чужихъ... Хоть кто-нибудь у гроба поплачетъ... А то пса не найдется, который бы своимъ воемъ далъ знать людямъ, что между ними не стало одного человѣка. Женись, Володька, будь счастливъ, а если я доживу до той поры, такъ ты обо мнѣ не заботься... Что обо мнѣ думать!.. Дотяну кое-какъ вѣкъ до могилы... Старикамъ туда и дорога... Въ Китаѣ, вонъ, говорятъ, ихъ живьемъ въ лѣсъ молодежь выбрасываетъ!.. И по дѣломъ, не копти даромъ неба!.. Чего съ ними церемониться...

Еще долго говорилъ старикъ въ этомъ тонѣ. Потрясеніе, усталость, ромъ—все это вызвало въ немъ лихорадочное

Digitized by Google

состояніе и раздражило его желчь. Подъ его рѣчи я незамѣтно задремалъ. Прошло довольно много времени въ полнѣйшей тишинѣ. Дядя смотрѣлъ на меня любовными глазами, наконецъ, я почувствовалъ, что онъ поднялся съ постели и черезъ нѣсколько минутъ къ моей рукѣ прикоснулись его колючіе усы. Я въ дремотѣ открылъ глаза; дядя стоялъ на колѣняхъ передъ моей постелью и цѣловалъ мою руку. Я молча обнялъ рукою шею старика.

— Нѣтъ, нѣтъ, птица, не забывай меня, старика!.. Не забывай!.. Это не все равно для меня!—бормоталъ онъ въ волненіи, и его крупныя слезы катились мнѣ на лицо.

XI.

Планы дяди разрушаются снова на основаніи законовъ.

Прошелъ день, другой,—дядя и я не шли къ Бубнову. Я ненавидѣлъ его и не хотѣлъ съ нимъ встрѣчаться. Дядя тоже думалъ, по свойственному ему практическому смыслу, что всѣ наши сношенія окончились со смертью моей матери. Онъ строилъ теперь планы нашей будущей жизни и рѣшился нанять отдѣльную квартиру уже не отъ жильцовъ, а завестись небольшимъ хозяйствомъ и пригласить учителей для приготовленія меня въ послѣдній классъ гимназіи, или, если возможно, прямо въ университетъ.

— Скучно тебѣ не будетъ. Будемъ жить потихоньку. Макаровъ будетъ ходить въ гости по воскресеньямъ,—мечталъ дядя.—Въ будни трудъ, въ праздникъ отдыхъ и веселье. Меньше будемъ принимать гостей, рѣже сами станемъ по чужимъ домамъ рыскать. Въ театръ станемъ ѣздить. Глядишь—два года-то и пролетятъ, подрастешь, поступишь въ университетъ,—ну, тогда и меня не нужно, самъ на ноги встанешь, будешь знать, куда идти.

Въ разсужденіяхъ объ этомъ свѣтломъ и мирномъ будущемъ, я еще тѣснѣе, если это было возможно, сошелся съ дядей и относился къ нему съ невыразимой теплотой. Потеря матери заставила меня подумать о возможности потерять и это послѣднее дорогое мнѣ существо, и я почти съ болѣзненной любовью жался къ старику. Мы ждали только начала навигаціи, чтобы уѣхать въ Петербургъ. На четвертый или на пятый день ледъ взломало окончательно, и мы уже стали надѣяться на скорый отъѣздъ изъ Кронштадта. Нетерпѣливо ожидая этой счастливой минуты и сидя со мною въ трактирномъ нумерѣ, дядя дѣлалъ различныя выкладки по части нашего будущаго бюджета и поминутно оставлялъ кара-

Digitized by Google

данъ для совѣщанія со мной насчетъ той или другой статьи расходовъ. Одного или нѣсколькихъ учителей взять? Держать ли лакея или одну кухарку нанять? Довольно ли трехъ комнатъ или нужны четыре? Все это нужно было серьезно обдумать. Среди этихъ разсужданій насъ засталъ «половой», пришедшій доложить, что дядю спрашиваетъ какой-то «офицеръ».

— Кто бы это былъ?—изумился дядя, но не успѣлъ онъ встать и застегнуть сюртукъ, какъ къ намъ уже вошелъ безъ всякихъ церемоній Бубновъ.

Дядя отступилъ на шагъ отъ него, какъ отъ непріятнаго и неожиданнаго посѣтителя. Непрошенный гость сухо поздоровался съ дядею и почти не взглянулъ на меня.

— Я едва нашелъ васъ, всѣ трактиры объѣздилъ,—проговорилъ Григорій Даниловичъ.

Дядя угловато поправилъ хохолъ, видимо посылая гостя въ душѣ ко всѣмъ чертямъ.

— Какъ это вы его отъ экзаменовъ оторвали!—замѣтилъ съ упрекомъ Бубновъ.—Онъ и безъ того второй годъ сидитъ въ классѣ, а тутъ еще засядетъ и на третій. Откуда вы узнали, что Мари умерла.

— Марковъ былъ такъ добръ, сообщилъ, что она больна,—отвѣтилъ дядя.—Я ему такъ благодаренъ.

— Дуракъ!—проворчалъ Бубновъ.—Зналъ, что она умерла, и пустилъ васъ ѣхать. Я нарочно не давалъ вамъ знать о ея болѣзни, чтобы не разстраивать мальчика и не мѣшать ему приготовляться къ экзаменамъ.

— Экзамены десять разъ еще могутъ быть въ жизни, а мать теряютъ только одинъ разъ,—неохотно и угрюмо проговорилъ дядя, не имѣя силъ побѣдить и скрыть свое неудовольствіе.

— Да, но вѣдь потеря эта должна была совершиться такъ или иначе, и его счастье нисколько не зависѣло отъ того, простился ли онъ лично или мысленно съ нею, тогда какъ отъ экзаменовъ зависитъ его будущность,—отвѣтилъ поучительнымъ тономъ Григорій Даниловичъ. — Впрочемъ, теперь нечего говорить объ этомъ, ошибки не поправишь... Ты говорилъ директору, зачѣмъ ты ѣдешь?—обратился онъ ко мнѣ, садясь на стулъ.

До этой минуты онъ говорилъ обо мнѣ, какъ объ отсутствующемъ и, казалось, дѣйствительно не замѣчалъ меня, какъ какое-нибудь ничтожное насѣкомое, какъ пылинку,

Digitized by Google

валяющуюся подъ его ногами. Услышавъ его вопросъ, я затруднился отвѣтомъ.

— Я тебя спрашиваю, говорилъ ли ты директору, позволилъ ли онъ отложить экзамены?—строго спросилъ Григорій Даниловичъ, не дождавшись моего отвѣта.

Дядя видѣлъ мое замѣшательство и вмѣшался въ разговоръ.

— Я долженъ вамъ сказать, что Володя выходитъ изъ гимназіи. Я хочу...

— Что?—перебилъ его Бубновъ. — Кто ему позволитъ выходить изъ гимназіи?

— Я хочу взять къ нему учителей...

— Позвольте-съ, я не знаю, чего вы хотите, можетъ-быть, вы хотите его прямо сдѣлать сенаторомъ,—это до меня не касается! Но я-съ, я хочу, чтобы онъ учился въ гимназіи,—дерзко и грубо сказалъ Бубновъ.

Дядя взбилъ хохолъ и торопливо пригладилъ виски.

— Не забудьте, что я ему дѣдомъ прихожусь, началъ... онъ.

— Мнѣ совершенно все равно, если бы вы были ему хоть племянникомъ,—насмѣшливо отвѣтилъ Григорій Даниловичъ, заботливо обрѣзая кончикъ вынутой изъ кармана сигары.—Но я его опекунъ и имѣю полное право, даже обязанъ, заботиться о немъ. Вы сдѣлаете очень благоразумное дѣло, если не станете мѣшаться въ наши отношенія.

— Я имѣю столько же правъ на опеку, сколько и вы,— загорячился дядя.

— По духовной моей жены опека переходитъ ко мнѣ,— отвѣтилъ Григорій Даниловичъ.

— А, и духовную умѣли подсунуть умирающей женѣ!—съ горечью покачалъ головою дядя.

— Капитанъ!—крикнулъ угрожающимъ тономъ Бубновъ.

— Что прикажете, Григорій Даниловичъ?—спокойно спросилъ дядя.

Бубновъ отвернулся отъ него и снова обратился ко мнѣ.

— Надѣюсь, что ты еще не вышелъ изъ гимназіи?

— Нѣтъ, но...—началъ я несмѣло.

— Что за но? Ужъ не исключили ли тебя?

— Не исключили... Исключатъ, если не выйду... Я не могу перейти въ другой классъ.

— Ну, такъ что же. Опять въ этомъ будешь сидѣть.

— Нельзя...

Я совсѣмъ не могъ говорить, хотя Бубновъ велъ себя въ этотъ день особенно сдержанно и не кричалъ, не бѣсно-

Digitized by Google

вался, какъ въ другое время. Дядя понялъ, какъ тяжело мнѣ объясняться съ отчимомъ и, пересиливъ, переломивъ себя, снова вмѣшался въ разговоръ.

— У нихъ законы, правила... Комплектъ назначенъ,— произнесъ онъ.

— Какіе тамъ законы! Что вы мнѣ толкуете!—сердито сказалъ Бубновъ.

— Если его не взять, то его исключатъ. Трехъ лѣтъ нельзя сидѣть въ одномъ классѣ. Это ужъ такое правило.

— Э, капитанъ, вы точно малый ребенокъ. Взятку дать нужно или протекцію имѣть,—небрежно и презрительно произнесъ Григорій Даниловичъ.

— Помилуйте, я самъ говорилъ съ директоромъ. Добрѣйшій человѣкъ и...

— Предлагали денегъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ не зачѣмъ и говорить было,—цинично рѣшилъ Бубновъ.—Что вы ему такое, чтобы онъ сталъ для васъ снисхожденіе дѣлать и, можетъ-быть, выговоры получать за послабленіе? Родня вы ему, что ли? А ты теперь у меня перестанешь лѣниться. Я не намѣренъ потакать тебѣ. Запру тебя пансіонеромъ, и живи тамъ. Никуда отпускать не велю, шагу съ мѣста не сдѣлаешь. Теперь поѣзжай со мною...

Дядя тревожно заерзалъ рукою по усамъ и подошелъ къ Бубнову.

— Зачѣмъ же? Ему и здѣсь хорошо,—въ смущеніи заговорилъ онъ.—Онъ мнѣ не...

— Я очень вѣрю, что ему хорошо здѣсь, и совсѣмъ не для того беру его, что ему у меня будетъ лучше,—сухо перебилъ Бубновъ, покуривая сигару. — Но я думаю, всѣмъ покажется страннымъ, что онъ живетъ въ трактирѣ, имѣя здѣсь семью. Впрочемъ, я мало обращаю вниманія на толки. Но онъ долженъ жить у меня, какъ у своего законнаго опекуна. Я желалъ бы, чтобы онъ отнынѣ и навсегда развивался безъ посторонняго вмѣшательства.

— Что же это? вы отнимаете отъ меня единственное мое утѣшеніе?—взволновался дядя и добавилъ трогательнымъ, задушевнымъ тономъ:—Послушайте, Григорій Даниловичъ, оставьте его мнѣ. Вамъ онъ ненуженъ, вы будете и спокойнѣе, и счастливѣе безъ него. Ручаюсь вамъ, что я не потребую ни копейки на его воспитаніе. Ручаюсь за него, что онъ не спроситъ у васъ отчета въ дѣлахъ, когда будетъ совершеннолѣтнимъ.

Digitized by Google

— Ну, капитанъ, за другихъ ручаться трудно, особенно тогда, когда эти другіе—несовершеннолѣтніе,—сухо отвѣтилъ Бубновъ.—Вы угадали, мнѣ не особенно легко брать его къ себѣ, не особенно пріятно отнимать его у васъ. Я знаю, что онъ испорченъ и не любитъ меня. Но, какъ опекунъ, я хочу взять его покуда къ себѣ, а потомъ буду воспитывать по своему усмотрѣнію. Можетъ-быть, мнѣ удастся показать ему, что изъ всѣхъ окружавшихъ его людей только я желалъ ему добра. Ни мой домъ, ни гимназія не будутъ закрыты для васъ. Но отдать его вамъ вполнѣ я не могу. Вы непрактичны, вы провели большую часть жизни, скитаясь по морямъ, по чужимъ краямъ, вы привыкли къ праздной и праздничной жизни, а потому и не знаете нашей трудовой, будничной жизни и ея условій. Вашъ поступокъ съ директоромъ ясно показываетъ, что вы невольно можете погубить мальчика, оставивъ его безъ образованія. Я же, какъ вы знаете, не гонялся за путешествіями, за приключеніями и, вмѣсто авантюристской карьеры, избралъ болѣе дѣйствительный и прочный путь. Какъ практическій человѣкъ, я могу ручаться, что если мальчикъ даже и останется такимъ же лѣнтяемъ и негодяемъ, какимъ былъ до сихъ поръ, то я все-таки сумѣю вытянуть его, что называется, за уши и добуду ему необходимые для службы дипломы. Какъ онъ пойдетъ дальше, — это будетъ его дѣло.

— Такъ, значитъ, вы окончательно рѣшились...—началъ дядя.

— У меня нѣтъ неокончательныхъ рѣшеній.

Бубновъ всталъ.

— Позвольте мнѣ привезти его къ вамъ завтра,—промолвилъ дядя съ грустью.—Вѣроятно, я не слишкомъ испорчу его въ эти сутки,—добавилъ онъ съ горечью.

Бубновъ пожалъ плечами.

— Я думаю, что о такой бездѣлицѣ не стоитъ и толковать...

Онъ сухо откланялся и вышелъ.

— Ну, вотъ, птица ты моя, птица, насъ и на разные берега выбрасываютъ!—проговорилъ дядя, ходя по комнатѣ и обнявъ меня одною рукою. — Ни ты, ни я не будемъ теперь имѣть гнѣзда. Я кое-какъ буду слоняться изъ одного угла въ другой, не торопясь домой, гдѣ никто не будетъ ждать моего прихода. Ты будешь дико озираться среди новыхъ товарищей, будешь искать друзей, не найдешь ихъ, можетъ-быть, и тоскливо станешь сознавать, что некуда тебѣ бѣжать отъ этой чуждой тебѣ толпы...

Digitized by Google

Дядя замолчалъ и шагалъ все скорѣе и скорѣе.

— И отчего это онъ вдругъ сталъ заботиться о тебѣ? Вѣдь это, можетъ-быть, раскаяніе?.. Онъ говорилъ, что я не умѣю дѣла вести, что я не сумѣю тебя на дорогу поставить. Онъ хочетъ вывести тебя въ люди... Вѣдь это его, можетъ-быть, совѣсть мучаетъ... Тоже человѣкъ онъ, сердце у него не камень... Ну, что же, если онъ будетъ хлопотать о тебѣ, то и слава Богу. Тяжело намъ будетъ, рѣдко будемъ видѣться... Ну, да, авось, стерпится—слюбится.

Дядя впадалъ все болѣе и болѣе въ успокоительный тонъ. Кажется, старикъ, еще такъ недавно толковавшій о своей ненависти и недовѣріи къ людямъ, отчасти вѣрилъ, что и у Бубнова могутъ быть добрые порывы. Кромѣ того, онъ старался говорить въ примирительномъ духѣ и для ободренія меня. Онъ видѣлъ, что я хмуро молчалъ, что я, повидимому, упалъ духомъ, и потому старался разсѣять мои черныя думы. Но я не отвѣчалъ на его утѣшенія. Меня занимали сотни смутныхъ мыслей и душила злоба на отчима. За нѣсколько минутъ передъ тѣмъ я сробѣлъ передъ давно несталкивавшимся со мной врагомъ, но онъ снова задѣлъ и разбередилъ мои старыя раны, и воскресилъ во мнѣ готовность къ борьбѣ, къ сопротивленію. Я чувствовалъ, что я теперь отвыкъ отъ гнета, что я не отступлю ни на шагъ въ борьбѣ съ этимъ врагомъ. У меня явилось желаніе убить его, растоптать ногами. Меня даже разсердило, что дядя говоритъ о совѣсти Бубнова. Я въ эту минуту никакъ не могъ представить себѣ, что у подобныхъ Бубнову людей могутъ быть остатки совѣсти и чувства.

Грустно провели мы вечеръ въ тоскливыхъ воспоминаніяхъ о прошломъ и въ скорбныхъ размышленіяхъ о будущемъ. И юноша, видящій до того скверное настоящее, что онъ уже въ этомъ возрастѣ долженъ жить по-старчески воспоминаніями, и старикъ, не имѣющій возможности ободрить и завлечь мальчика свѣтлою картиною великаго будущаго, были равно жалки. Чѣмъ-то тихимъ и покорнымъ вѣяло отъ рѣчей дяди; что-то затаенно злобное звучало въ моихъ замѣчаніяхъ. Я попрежнему, даже сильнѣе прежняго, ненавидѣлъ Бубнова и тщетно искалъ въ своемъ юномъ умѣ объясненіе тому образу дѣйствій, который выказалъ мой отчимъ, рѣшившись взять меня къ себѣ. Зачѣмъ онъ бралъ меня въ свой домъ? Зачѣмъ хотѣлъ хлопотать о моей участи, когда была, по моему мнѣнію, возможность бросить и забыть меня, какъ бросили и забыли всѣ Настю?

Digitized by Google

Отвѣта на эти вопросы не являлось въ неопытномъ умѣ, еще непонимавшемъ никакихъ денежныхъ отношеній, связывавшихъ меня съ отчимомъ; но все-таки съ заключеніями дяди о проснувшейся въ Бубновѣ совѣсти я не соглашался, и мнѣ казалось, что мой отчимъ хочетъ взять меня для того, чтобы тиранить меня и мстить мнѣ. Я не понималъ, что и это заключеніе было такимъ же идеализмомъ, какъ заключеніе дяди; я не понималъ, что Бубновъ не станетъ тратить своего спокойствія для такихъ отвлеченностей и безполезныхъ глупостей, какъ мщеніе. Мщеніе безопасному врагу для Бубнова было бы такъ же нелѣпо, какъ и раскаяніе, и только такихъ людей, какимъ былъ я въ ту пору, да какимъ былъ дядя, могли занимать подобныя чувства.

На слѣдующій день я отправился съ дядей къ Бубнову. Онъ встрѣтилъ насъ спокойно, холодно, но вѣжливо. Въ гостиной на полу игралъ мой братъ. Онъ не обратилъ на насъ никакого вниманія. Я не подошелъ къ нему. Я видѣлъ въ немъ въ эту минуту не брата, не сына моей матери, а любимца и божество Бубнова.

— А у меня сегодня будетъ адмиралъ Гейгъ,—замѣтилъ Бубновъ, указывая дядѣ на кресло.—Я хочу съ нимъ поговорить о мальчикѣ.

Дядя промолчалъ.

— Сегодня, кажется, опять вѣтеръ съ моря?—произнесъ Бубновъ, глядя въ окно.

— Да, холодно,—отвѣтилъ дядя, тоже взглянувъ въ сторону.

Разговоръ оборвался.

— Не хотите ли, капитанъ, сигару?

— Благодарю... Контрабанда?—спросилъ дядя, взявъ сигару и вертя ее въ рукѣ.

— Да, весной еще купилъ. Отлежаться далъ,—отвѣтилъ Бубновъ, подавая дядѣ спичку.

— Хорошія сигары,—потянулъ дядя первый дымокъ, повертѣвъ зажженную сигару около носа.

Опять разговоръ прекратился.

— Не думаете ли вы ѣхать въ деревню?—спросилъ дядя, не зная, что начать говорить.

— Нѣтъ, я былъ тамъ за мѣсяцъ до смерти Мари... Смѣнилъ старосту, и все теперь пойдетъ хорошо. Часть лѣса за рѣкой я продалъ еще при женѣ довольно выгодно.

— Какъ, неужели это вы и нашу липовую рощу продали?—воскликнулъ дядя съ грустью.—Боже мой, Боже мой, если бы это знала моя покойная сестра! Вѣдь, вы представьте

Digitized by Google

себѣ, тамъ все почти сплошная липа. Что это былъ за аромать лѣтомъ! Мы съ сестрой тутъ цѣлые дни проводили въ дѣтствѣ...

— А вы, капитанъ, хорошо знаете имѣніе моей покойной жены?

— Еще бы!—со вздохомъ произнесъ дядя.—Каждый кустикъ, каждое деревцо знакомо. Я росъ тамъ... Въ моемъ имѣніи...

— Нѣтъ, я говорю про имѣніе вашей покойной сестры, доставшееся моей женѣ.

— То-есть про мое имѣніе,—твердо перебилъ дядя.—Я подарилъ его сестрѣ, когда родилась Маруся...—голосъ дяди дрогнулъ; старикъ закашлялся и замолчалъ.

— Странно, жена мнѣ никогда не говорила объ этомъ,—съ удивленіемъ промолвилъ Бубновъ.

— Да и я не говорилъ ей объ этомъ... Не считалъ нужнымъ,—сухо замѣтилъ дядя.

Опять нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи. Бубновъ, вѣроятно, думалъ въ это время: «А вѣдь я думалъ, что ты все-таки немного умнѣе. Такія имѣнія дарить просто идіотство». У дяди вертѣлось въ головѣ: «Подлецъ, подлецъ, я думаю всѣхъ крестьянъ пустилъ по-міру. Душегубецъ!»

— У васъ, кажется, сигара погасла?—раздался вопросъ.

— А! да,—послышался отвѣтъ.

Закурили снова сигару и замолчали.

— Какъ долго замѣшкался Гейгъ. Пора бы завтракать,—глухо зазвучало въ комнатѣ замѣчаніе хозяина.

— Вѣрно, дѣла!—еще глуше пронеслось соображеніе гостя.

Опять тишина. Миша уже давно ушелъ къ нянькѣ. Я ужъ давно позѣвывалъ, прикрывая ротъ рукою, а приступамъ къ разговору все еще не видѣлось конца. Эти два человѣка, ненавидѣвшіе или презиравшіе другъ друга въ душѣ, несмотря на все свое желаніе быть любезными, не могли найти ни одного предмета для бесѣды и сознавали, что убить время въ обмѣнѣ пустыми фразами невозможно. Если бы это положеніе продолжилось еще часъ или два, то свиданіе, вѣроятно, кончилось бы очень печально, и собесѣдники послали бы другъ друга къ чорту. Конечно, такой конецъ дружескаго свиданія былъ бы крайне не приличенъ, на зато онъ былъ бы искреннѣе всѣхъ фразъ, произнесенныхъ въ это утро. Затруднительное положеніе дяди и Бубнова окончилось съ приходомъ Гейга. Бубновъ даже повеселѣлъ, пожимая руку адмирала. Гейгъ сухо и церемонно раскланялся

Digitized by Google

съ дядей. Дядя тоже не особенно любезно справился о его здоровьѣ.

— Прошу въ столовую!—произнесъ Григорій Даниловичъ.

Въ столовой уже сидѣли Миша и какая-то краснощекая и полная пернавская нѣмка, съ церемонно потупленными глазами. Ей было лѣтъ тридцать, она жила у Бубнова въ теченіе послѣдняго года, въ качествѣ экономки и няньки, для практическихъ занятій нѣмецкимъ языкомъ съ Мишею. Гейгъ поцѣловалъ Мишу и освѣдомился о здоровьѣ рекомендованной имъ на мѣсто пернавской нѣмки; она застѣнчиво и кротко поблагодарила «seine Exellenz» за высокое и благосклонное вниманіе.

Мы усѣлись за столъ.

— А я къ вамъ заѣзжалъ вчера съ маленькой просьбой, адмиралъ,—обратился Бубновъ къ Гейгу, наливая ему красное вино въ стаканъ.—Или вамъ бѣлаго угодно?

— Нѣтъ, я покуда краснаго выпью,—отвѣтилъ Гейгъ, какъ бы подавая надежду, что онъ выпьетъ потомъ и бѣлаго.—А что такое случилось?

— Вы, кажется, знаете кого-то по министерству народнаго просвѣщенія...

— По министерству народнаго просвѣщенія?—глубокомысленно повторилъ Гейгъ, какъ бы припоминая что-то.—Да, попечителя учебнаго округа знаю.

— Вы бы очень обязали меня, если бы замолвили ему словечко въ пользу вотъ этого недостойнаго джентльмена.

Бубновъ указалъ на меня, и я уподобился пернавской нѣмкѣ, опустивъ застѣнчиво глаза внизъ и чувствуя, что мои щеки начинаютъ горѣть.

— Мы, знаете, съ лѣнцой,—продолжалъ мой отчимъ въ ироническомъ тонѣ и въ то же время передалъ блюдо съ котлетами Гейгу, а потомъ дядѣ. — Не могъ-съ два года сряду выдержать экзамена и теперь имѣетъ несчастіе быть изгнаннымъ изъ гимназіи.

Я сидѣлъ, какъ на иголкахъ, потупивъ голову и кусая губы.

— Похвальнаго не много,—вставилъ Гейгъ.

— Кажется, что такъ. Но теперь надо попробовать отдать его въ пансіонеры, чтобы тамъ употребили нѣкоторыя лѣкарственныя мѣры для истребленія лѣни. Лѣнь, вѣдь, знаете, какъ моль, если ее почаще выколачивать, пропадаетъ.

— Хи-хи-хи!—робко и стыдливо захихикала пернавская нѣмка, пораженная и восхищенная хозяйскимъ остроуміемъ.

Digitized by Google

Бубновъ холодно взглянулъ на нее, и она быстро умолкла, потупивъ стыдливые глаза.

— Да, это иногда не мѣшаетъ,—вставилъ глубокомысленно Гейгъ.

— Такъ вотъ я хотѣлъ просить васъ, адмиралъ,—продолжалъ Бубновъ:—написать кому-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ въ министерствѣ, чтобы сказали директору гимназіи о невыключеніи виновнаго и объ оставленіи его на третій годъ въ шестомъ классѣ.

— О, это пустяки!—сказалъ Гейгъ.—Я, кромѣ того, вспомнилъ, что мой братъ коротокъ съ графомъ Сиверскимъ. Они напишутъ тамъ...

— О, да этакъ мы, пожалуй, сдѣлаемъ нашего джентльмена важнѣе самихъ учителей,—презрительно усмѣхнулся Бубновъ.

— Пожалуй, что и такъ,—важно улыбнулся Гейгъ

На столъ подали кофе. Пернавская нѣмка занялась разливаніемъ и въ то же время уговаривала раскричавшагося Мишу.

— Будь благодаренъ адмиралу за хлопоты,—сухо обратился ко мнѣ Бубновъ:—и помни, что твоя лѣнь отзовется непріятно не только на тебѣ, но и на тѣхъ лицахъ, которыя примутъ на себя хлопоты и заботы о тебѣ. Адмиралу будетъ совсѣмъ не лестно, если его protégé останется неодѣтымъ...

— Я надѣюсь, что молодой человѣкъ будетъ стараться,—обратился ко мнѣ адмиралъ, избѣгая мѣстоименій второго лица.

Дядя слегка кивнулъ мнѣ головою. Я понялъ этотъ знакъ и поспѣшилъ пробормотать:

— Я буду стараться.

— Это необходимо. Наука это... это... свѣтъ, — изрекъ адмиралъ и развелъ рукой передъ своимъ лицомъ.—Наука и послушаніе. У меня тоже дѣти, надо брать съ нихъ примѣръ. Учатся и всегда тихи.

— А что вашъ ревматизмъ, адмиралъ?—спросилъ Бубновъ у Гейга, замѣчая, что адмиралъ такъ же мало годился въ проповѣдники, какъ и въ остряки.

— Въ колѣнкахъ теперь, — отвѣтилъ Гейгъ. — Самыя, вначе, чашки болятъ, и особенно, когда пройдусь подальше—ну, тогда просто шагу съ лѣстницы не могу сдѣлать. Все больше одной ногой ступаю, а другую волочу, одной ступаю, а другую волочу. Хоть съ костылемъ ходи, а то палка даже не помогаетъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, наполнивъ свой желудокъ котлетами, салатомъ и сыромъ, осушивъ приличное количество стакановъ вина и кофе, поговоривъ обо мнѣ, о ревматизмѣ и о погодѣ, Гейгъ уѣхалъ.

— Ну, теперь это дѣло сдѣлано,—сказалъ Бубновъ, обращаясь къ дядѣ.

— Но оставятъ ли?—сомнѣвался дядя.

— Еще бы!

Бубновъ съ озабоченнымъ видомъ посмотрѣлъ на часы. Дядя понялъ, что пора было убираться вонъ, и простился со мною и съ хозяиномъ. Я стоялъ, какъ приросшій къ полу, и даже не шелъ провожать дядю въ переднюю. Еще наканунѣ я считалъ себя способнымъ на борьбу съ врагомъ; теперь я снова присмирѣлъ, стоя лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ, опять въ мою юную душу закралась подлая, рабская трусость. Я походилъ на собачонку, поджавшую хвостъ, передъ грознымъ взглядомъ своего господина и забывшую, что природа дала ей зубы.

— Ѳедотовъ!—крикнулъ Бубновъ тотчасъ по уходѣ дяди.

Въ комнату вошелъ денщикъ, старикъ съ краснымъ отъ спиртныхъ напитковъ носомъ, одѣтый въ заплатанный и сальный сюртукъ съ слишкомъ короткими, очевидно, обрѣзанными рукавами.

— Проводи Владиміра Михайловича въ его комнату, наверхъ,—обратился Бубновъ къ денщику.

— Слушаю-съ!—отвѣтилъ Ѳедотовъ, держа руки по-швамъ и плотно прислонившись къ стѣнѣ.

— Опять винищемъ отъ тебя несетъ, подлецъ!

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Свинья! Ступай!

— Маковой росинки во рту не было...

— Тебѣ говорятъ: убирайся!

— Это какъ вамъ угодно, только я, ваше высоко...

— Пошелъ вонъ!—топнулъ ногою Бубновъ.

Ѳедотовъ крякнулъ, презрительно пожалъ плечами, повернулъ направо кругомъ около самой стѣны и, пропустивъ меня впередъ, пошелъ со мною по лѣстницѣ, крѣпко придерживаясь за перила.

— Ишь, носъ-то собачій,—бормоталъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ.—Чутье!

Онъ отомкнулъ мнѣ дверь, впустилъ меня въ комнату, когда-то бывшую спальнею дяди, и вышелъ вонъ.

Я остался одинъ...

Digitized by Google

XII.

Работа мысли и переломъ въ моемъ характерѣ.

Стоитъ мнѣ на нѣсколько минутъ отдаться своимъ воспоминаніямъ, и въ моей памяти, среди другихъ картинъ прошлаго, воскресаетъ угрюмая картина заброшенныхъ комнатъ мезонина въ старомъ деревянномъ домѣ. Въ углахъ виситъ паутина, на мебели покоится слоями пыль; сама мебель, старая, потемнѣвшая, съ кожаной черной обивкой, неуклюжа, тяжела и неудобна. Въ комнатахъ нѣтъ ни души, кромѣ шестнадцатилѣтняго юноши, стройнаго, высокаго, съ довольно красивымъ, нѣжнымъ лицомъ, съ большими задумчивыми глазами. Его щеки такъ часто блѣднѣютъ, такъ часто вспыхиваютъ румянцемъ, — видно, что въ его душѣ всѣ впечатлѣнія отражаются и сильно, и быстро. Его большіе глаза такъ грустны, такъ часто блестятъ, на мгновеніе проступающими на длинныя рѣсницы слезами,—видно, что ему тяжело жить, что въ его умѣ идетъ какая-то тревожная работа мысли. Вокругъ него все тихо, не слышно ни дѣтскаго смѣха, ни юношескихъ споровъ, ни старческихъ добродушныхъ наставленій. Мѣрно и глухо звучатъ его шаги въ комнатахъ. Подходитъ онъ иногда къ окну и смотритъ сквозь грязныя стекла двойныхъ рамъ въ садъ. Тамъ начинается весеннее оживленіе природы, и съ грустью думаетъ онъ: «Даже зимнихъ рамъ не позаботились выставить, чтобы я могъ подышать чистымъ воздухомъ. И за что это они ненавидятъ меня? Почему не хотятъ понять, что я не желаю и даже не могу сдѣлать имъ зла?» Онъ отходитъ отъ окна, и снова бродитъ тревожными шагами по комнатѣ, то волнуясь, то тоскуя, то предаваясь роковымъ, неотступнымъ и непосильнымъ вопросамъ о строѣ людской жизни. «Почему всѣ идутъ въ разбродъ?» спрашиваетъ онъ у себя. Этотъ вопросъ не надуманъ имъ отъ скуки, не навѣянъ ему чтеніемъ книгъ; этотъ вопросъ вытекъ изъ склада всей его жизни, изъ всѣхъ событій его прошлаго. Юноша помнитъ свою семью, единодушно и дружно жившую въ родномъ гнѣздѣ; помнитъ онъ, какъ вдругъ распалась эта семья, и начались въ ней раздоры, мученія, гибель ея членовъ. Вспоминается ему другой уголокъ, такой же мирный, какъ старое родное гнѣздо; здѣсь жилъ онъ счастливо, пригрѣвшись подъ крыломъ стараго родственника, и вдругъ вырвали его изъ этого тихаго пристанища, вырвали, чтобы бросить въ какую-то тюрьму, оберегаемую ненавистными тюремщиками.

Digitized by Google

«Почему,—думалось ему,—люди не связаны одною общею любовью, почему они не составляютъ одну большую семью, дружескую и мирную, какъ наша старая семья до второго замужества моей матери? Почему моя мать разлюбила меня и дядю, и почему дядя оставилъ ее, а не меня, въ это время, почему я отдалился отъ матери, а не отъ дяди? Что насъ поссорило?—То, что она полюбила моего отчима, нелюбимаго нами. Если бы она не любила, а ненавидѣла этого человѣка, подобно намъ, то мы не разошлись бы. Но почему же дядя былъ нуженъ мнѣ и всѣмъ, стоявшимъ на моей сторонѣ людямъ, а не моей матери? Не потому ли, что мы видѣли въ дядѣ такого же защитника, какого видѣла моя мать въ своемъ мужѣ? Но если бы всѣ люди ненавидѣли моего отчима, то не сдѣлались ли бы они друзьями, не стали ли бы помогать другъ другу для того, чтобы побѣдить своего общаго врага? И что такое друзья? Это люди, у которыхъ есть общій врагъ,—рѣшилъ юноша. Но кто же можетъ быть общимъ врагомъ людей? Не тотъ ли человѣкъ, который запрещалъ бы имъ высказывать ихъ мысли и чувства, предписывая имъ въ то же время повиновеніе своимъ прихотямъ, держалъ бы ихъ въ рабствѣ, наслаждаясь свободой, пользовался бы ихъ трудомъ, живя въ праздности, лишалъ бы ихъ куска хлѣба, жирѣя отъ обильныхъ яствъ, доводилъ бы ихъ до преступленій притѣсненіями, становясь ихъ судьею и палачомъ? Но гдѣ же такое существо? Мой отчимъ притѣснялъ и могъ притѣснять только немногихъ близкихъ къ нему людей.—«Дьяволъ врагъ человѣка», вспоминались юношѣ слова старой ключницы.—Дьяволъ... Но что такое дьяволъ? Гдѣ онъ? Какъ бороться противъ него? Его, можетъ-быть, и нѣтъ? Но если противъ него нельзя бороться, если онъ, можетъ-быть, и не существуетъ, то кто же можетъ быть общимъ врагомъ людей?» Юноша тревожно ходитъ по комнатѣ, не имѣя силъ рѣшить этотъ мучительный вопросъ, и ему кажется, что у людей не можетъ быть общаго врага, и что потому они вѣчно будутъ идти въ разбродъ. Его юный умъ покуда видитъ только возможность вражды къ лицу, и онъ еще не понимаетъ, что его вражда къ отчиму въ сущности есть вражда къ извѣстной идеѣ, которую въ данномъ случаѣ только проводитъ въ жизнь и воплощаетъ въ себѣ его отчимъ. Онъ не понимаетъ, что и невѣдомый ему дьяволъ есть не что иное, какъ олицетвореніе идеи, инстинктивно ненавидимой всѣмъ человѣчествомъ, но противъ которой оно еще не нашло силъ успѣшно бо-

Digitized by Google

роться. Прійдя къ такимъ заключеніямъ, юноша рѣшается искать людей, которые ненавидѣли бы однихъ и тѣхъ же лицъ, ненавидимыхъ и имъ. «Это будутъ мои друзья,—думалось ему. — Ну, а если мы побѣдимъ врага, тогда мы и разойдемся?» Опять начинается цѣлый рядъ вопросовъ. «Почему же мы всѣ дружно жили въ старомъ родномъ гнѣздѣ? Потому, что не ссорились, явился не хитрый, но вполнѣ разумный отвѣтъ. А почему люди ссорятся? Не потому ли, что однимъ одно, а другимъ другое нравится? Да, изъ-за этого люди спорятъ, а потомъ ссорятся. Значитъ, надо, чтобы мои друзья ненавидѣли однихъ и тѣхъ же людей и полюбили однѣ и тѣ же вещи. Но почему же дядя не считаетъ друзьями своихъ трактирныхъ и другихъ знакомыхъ, которые любятъ, какъ и онъ, однѣ и тѣ же вещи,— охоту, уженье рыбы, разсказы, анекдоты, дрессировку собакъ и тому подобное?» На этотъ вопросъ опять не можетъ отвѣтить юноша; но ему уже смутно чустся, что и дядя, и его знакомые не любятъ, въ сущности, ни охоты, ни уженья рыбы, ни разсказовъ, а занимаются этимъ отъ нечего дѣлать. Но что же они любятъ? Къ чему они стремятся?

Юноша ходитъ одиноко по комнатѣ, какъ узникъ по тюрьмѣ; онъ не можетъ уйти изъ этого дома на чистый воздухъ, не вызвавъ брани своего тюремщика. А на улицѣ и въ саду такъ ярко, такъ свѣтло, такъ привольно! «Боже мой, Боже мой, если бы я былъ такъ же свободенъ, какъ прежде!—восклицаетъ юноша.—Свобода и друзья, что можетъ быть лучше васъ на свѣтѣ! О, мои дѣтскіе годы, незабвенные, зачѣмъ вы прошли, прошли навсегда? Вотъ въ зелени пріютилась веселая дача, вблизи синѣетъ заливъ, съ берега смотритъ няня, какъ я несусь на лодкѣ со старымъ матросомъ, возвращаясь съ катанья домой; я бѣгу въ гостиную, убранную цвѣтами; дядя цѣлуетъ меня, слушаетъ мои торопливые разсказы, а матушка, вся въ бѣломъ, кроткая, задумчивая, сидитъ у фортепіано и тихо-тихо поетъ грустную пѣсню. Гдѣ же вы всѣ, милые, дорогіе, откликнитесь, придите ко мнѣ на помощь!» Юноша вдругъ умолкаетъ и блѣднѣетъ: передъ нимъ проносятся тѣни измученныхъ— няньки, ея жениха, матери, и ему слышится чей-то горькій плачъ. «Это мой братъ, убитый мною, плачетъ», шепчетъ онъ и пугливо озирается въ комнатѣ; ему кажется, что изъ каждаго угла смотрятъ на него красные отъ слезъ глаза матери, брата, няньки, ея жениха, и чудится юношѣ, что отчасти онъ послужилъ причиною гибели всѣхъ этихъ до-

Digitized by Google

рогихъ ему людей. Онъ дрожитъ и рыдаетъ. Нервное раздраженіе доходитъ до послѣдней степени, любовь и ненависть дѣлаются безпредѣльными, охватываютъ все его существо, требуютъ исхода, подталкиваютъ къ борьбѣ, — къ борьбѣ на жизнь и смерть. Несчастный юноша долженъ или погибнуть, или побѣдить враговъ, завоевать себѣ независимое положеніе, опредѣлить передъ врагами свой характеръ, свою нравственную силу. Со всею смѣлостью неопытности онъ рѣшается поставить на карту свою жизнь и выиграть битву теперь или пасть навсегда. Станетъ ли у него силы? Никто, и онъ самъ не замѣчалъ до сихъ поръ, насколько развитъ его умъ, насколько опредѣлился его характеръ. Его считали его друзья и его враги слабымъ ребенкомъ, и онъ ни разу ничѣмъ не заявилъ, что онъ уже далеко не дитя и, тѣмъ болѣе, не слабое дитя. Теперь нужно было выступить на сцену.

Этотъ юноша былъ я. Я томился въ пустомъ мезонинѣ бубновскаго дома и былъ счастливъ только въ тѣ минуты, когда ко мнѣ пріѣзжалъ дядя. Но онъ пріѣзжалъ все рѣже и рѣже; ему было тяжело встрѣчаться съ моимъ отчимомъ. Не легки были эти встрѣчи и для меня: меня раздражало, если Бубновъ дѣлалъ мнѣ выговоры, какъ лакею; меня оскорбляло, если онъ не замѣчалъ меня, какъ ничтожную былинку; я вспыхивалъ румянцемъ стыда, когда онъ считалъ нужнымъ вступаться за меня, если пятое колесо, Марѳа Трофимовна впутывалась въ наши отношенія и нападала на меня. Моя ненависть къ отчиму была такъ велика, такъ глубоко запала въ мою душу, что я даже не замѣчалъ перемѣны въ его обращеніи со мной. Мнѣ все казалось, что онъ готовъ выдрать меня за уши, посадить на чердакъ, назвать мерзавцемъ, а между тѣмъ Григорій Даниловичъ обходился со мною уже далеко не такъ грубо, какъ прежде. Неизвѣстные мнѣ въ ту пору планы и дальновидные расчеты отчима заставляли его побѣдить ненависть ко мнѣ и понемногу стараться привлечь меня на свою сторону. Я сразу могъ бы замѣтить эту перемѣну, если бы меня не ослѣпляла злоба и если бы самъ Бубновъ могъ быстро и вполнѣ освоиться со своею новою ролью заботливаго родственника. Но это было такъ трудно для него! Онъ часто произвольно и ловко мѣнялъ тѣ или другія маски въ частныхъ сношеніяхъ съ посторонними людьми; онъ былъ опытный и умный актеръ, выдрессированный въ школѣ всеобщей лжи и повальнаго лицемѣрія, гдѣ каждый ста-

Digitized by Google

рается выслужиться и утопить своего собрата; но ему было тяжело и непривычно прикрывать маской терпимости и добродушія искажавшееся отъ порывовъ злости лицо при столкновеніяхъ со мной, со своимъ старымъ врагомъ. Иногда онъ начиналъ кричать на меня и вдругъ умолкалъ на полусловѣ, быстро шагалъ по комнатѣ, выпивалъ стаканъ воды и впадалъ въ отечески-добродушный, наставительный тонъ. Къ несчастью, этотъ тонъ нисколько не смягчалъ мою душу, взволнованную за минуту грубою бранью, и я, давъ слово не уступать врагу, давалъ ему отпоръ рѣзкими отвѣтами. Эти отвѣты снова вызывали бурю, которая опять кончалась потокомъ кроткихъ увѣщаній. Если бы кто-нибудь со стороны подглядѣлъ наши отношенія, то онъ, вѣроятно, нашелъ бы въ нихъ много комизма. Волкъ въ лисьей шкурѣ казался бы менѣе смѣшнымъ, чѣмъ Бубновъ въ роли моего нѣжнаго родственника.

Однажды между нами было довольно странное объясненіе, давшее мнѣ понять, что мой отчимъ менѣе страшенъ для меня, чѣмъ я думалъ, и послужившее причиной большой перемѣны въ нашихъ отношеніяхъ. У меня совсѣмъ износились сапоги, такъ что изъ нихъ выглядывали пальцы. Мои чулки были не въ лучшемъ положеніи. Объ этомъ мнѣ замѣтилъ раза два Ѳедотовъ. Я замѣчалъ это и самъ и съ горечью думалъ, что меня держатъ, какъ нищаго.

— Вы бы барину сказали, чтобы купилъ обувь,—говорилъ мнѣ Ѳедотовъ.

— Я не хочу съ нимъ говорить,—отвѣтилъ я.

— Ну, такъ босымъ нашляетесь! Эти скареды ни о чемъ сами не вспомнятъ.

Ѳедотовъ ненавидѣлъ и ругалъ Бубнова, какъ и вся остальная прислуга.

— Креста-то на вороту нѣтъ, мальчика-то какъ притѣсняютъ! Черти, право, черти!—ворчалъ денщикъ, выходя отъ меня изъ комнаты.

Это негодованіе на моего отчима начало примирять меня съ постоянно пьянымъ и грязнымъ денщикомъ: я увидалъ въ немъ своего сторонника. На слѣдующій день я получилъ новое доказательство сочувствія ко мнѣ со стороны Ѳедотова. Во время утренняго чая Григорій Даниловичъ обратился ко мнѣ:

— Что же ты молчишь,—началъ онъ:—у тебя сапоги съ ногъ сваливаются. Ѳедотовъ мнѣ показывалъ ихъ. Босымъ,

Digitized by Google

что ли, станешь ходить? Я не Святой Духъ, чтобы знать, что тебѣ нужно.

Я поблѣднѣлъ отъ злости, услышавъ рѣзкій тонъ выговора.

— А вы думаете, что я Святой Духъ и могу знать, что вы мнѣ купите, если мнѣ что-нибудь нужно,—проговорилъ я взволнованнымъ голосомъ.

Бубновъ грозно нахмурилъ брови и смѣрялъ меня глазами. Я въ упоръ смотрѣлъ на него съ лихорадочнымъ замираніемъ въ сердцѣ передъ ожидаемой бурей. Трусость забитаго раба и отвага раздраженнаго юноши мѣшались въ моей душѣ. Но отчимъ, противъ моего ожиданія, промолчалъ и сталъ пить чай, отвернувшись отъ меня. Мнѣ было особенно досадно, что пернавская нѣмка глядѣла на меня въ эту минуту съ тѣмъ негодованіемъ, на какое способны только нѣмки, родившіяся ключницами, компаньонками и нянъками и изображающія на своихъ лицахъ оттѣнки всѣхъ чувствъ, которыя волнуютъ ихъ господъ. Пернавская нѣмка была изъ этого сорта женщинъ. Она смѣялась, когда Бубновъ желалъ быть веселымъ или остроумнымъ, она дѣлала грозный видъ, когда Бубновъ кого-нибудь бранилъ; она теряла аппетитъ, когда Бубнову не нравилось какое-нибудь кушанье. Теперь она, видимо, негодовала на меня, и это раздражило еще болѣе мою душу; мнѣ захотѣлось, во что бы то ни стало, высказаться.

— Обо мнѣ заботится дядя, и я ждалъ его,—началъ я снова, вызывая Бубнова на бой.

— Зачѣмъ тебѣ дядя?—спросилъ онъ отрывисто.

— Я хотѣлъ попросить его о покупкѣ сапогъ.

— Его не для чего просить. Христарадничать привыкъ у чужихъ людей! Ты долженъ мнѣ говорить, что тебѣ нужно,— сердито произнесъ мой отчимъ и сейчасъ же измѣнилъ тонъ.—Я забочусь о тебѣ, я хлопочу за тебя, я хочу, чтобы у тебя все было, а ты этого понять не хочешь...

Нѣмка изобразила на своемъ лицѣ умиленіе, вѣроятно, передъ добродушіемъ господина Бубнова.

— Но у меня даже и окна не выставлены въ комнатѣ,— возразилъ я, желая обличить отчима и доказать ему, что онъ вовсе не хлопочетъ обо мнѣ.

Бубнова передернуло. Онъ понялъ, какъ плохо освоился онъ со своею новою ролью, какъ многое упустилъ изъ виду.

— У меня даже пыли не сметаютъ и половъ не моютъ,—продолжалъ я высчитывать доказательства невнимательности ко мнѣ.

Digitized by Google

Бубновъ не выдержалъ и вспылилъ.

— Ты это что же, грубіянить вздумалъ? Не хочешь ли ты, чтобы я самъ у тебя полы мылъ? — крикнулъ онъ, багровѣя отъ гнѣва.

Я молча всталъ съ мѣста.

— Куда ты? Отвѣчай, если съ тобой говорятъ! — крикнулъ Григорій Даниловичъ, яростно ударивъ по столу рукой.

— Вы не говорите со мной, а ругаете меня за то, что я по вашему желанію сказалъ, что мнѣ нужно, — отвѣтилъ я, сдерживая свое волненіе и говоря ровнымъ и холоднымъ тономъ.

Я былъ блѣденъ, какъ полотно.

Бубновъ нахмурилъ брови, негодуя, кажется, уже не на меня, а на себя, и прошелся по комнатѣ. Онъ ясно понималъ, что онъ все хуже и хуже играетъ принятую имъ роль. Я не трогался съ мѣста и слѣдилъ за нимъ. Наконецъ, онъ заговорилъ мягкимъ тономъ:

— Ты самъ виноватъ, что я постоянно сержусь на тебя,—произнесъ онъ.— Ты точно упрекать меня вздумалъ за то, что людишки забыли выставить рамы и вымыть полы у тебя въ комнатѣ. Ты, вообще, принимаешь въ разговорахъ со мной такой тонъ, который одинъ стоитъ наказанія. Наглостью ничего не возьмешь. Помни лучше пословицу, что ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ...

— А вы сами бранили меня, когда я ласкался къ матери,—проговорилъ я, не спуская глазъ съ Бубнова.

— Что-о?—гнѣвно спросилъ Бубновъ и, встрѣтившись со мною взглядомъ, внезапно замолчалъ.

Мнѣ было пріятно слѣдить за этими быстрыми вспышками гнѣва и стремленіями къ сдержанности. Я не понималъ, какія причины заставляютъ Бубнова смириться, я не зналъ, насколько хватитъ у него силы воздерживаться отъ бури, и смѣло игралъ въ опасную игру, раздражая дикаго звѣря. Впервые мнѣ показалось, что я теперь справлюсь съ этимъ человѣкомъ. Походивъ по столовой, Бубновъ крикнулъ:

— Ѳедотовъ!

Денщикъ явился на зовъ и остановился у стѣны.

— Ты это что, мерзавецъ, худыми сапогами Владиміра Михайловича мнѣ въ глаза тычешь, а пыли смести въ его комнатахъ и не подумаешь? Тамъ полы не мыты, паутина не сметена. Что же, ужъ не я ли самъ долженъ за всѣмъ смотрѣть? Зачѣмъ же я васъ, подлецовъ, держу?

Въ комнатѣ раздался звукъ оглушительной пощечины.

Digitized by Google

Ѳедотовъ только пошатнулся въ сторону, да глазами моргнулъ.

— Я васъ научу дѣлать дѣло! — кричалъ Бубновъ.—Вы думаете, что Владиміръ Михайловичъ ребенокъ, что онъ не станетъ жаловаться мнѣ, что ему можно, спустя рукава, служить?.. Чтобы сегодня же все было прибрано у него! Не то я тебя...

Бубновъ снова ударилъ Ѳедотова по щекѣ.

— Убирайся, скотъ!

Ѳедотовъ крякнулъ и, повернувшись по-солдатски, исчезъ изъ комнаты.

— Совѣтую и вамъ смотрѣть за прислугой, — обратился Григорій Даниловичъ къ ключницѣ. — Я не люблю даромъ деньги платить! У меня судъ коротокъ: паспортъ въ зубы и вонъ изъ дому.

Онъ походилъ еще по комнатѣ и вышелъ въ свой кабинетъ. Я чувствовалъ, что мой отчимъ выместилъ свою злобу на прислугѣ, не имѣя возможности прибить меня. Прошло нѣсколько минутъ въ полнѣйшей тишинѣ. Только возвратившійся въ комнату Ѳедотовъ громко возился около буфета.

— Ви толшенъ блакотарить папа, што онъ таки добри,— обратилась ко мнѣ съ наставленіемъ пернавская нѣмка, успѣвшая всплакнуть.

— Добрый изъ чужого кармана, — пробормоталъ вѣчно ворчавшій что-нибудь и дѣлавшій замѣчанія Ѳедотовъ, устанавливая посуду въ буфетномъ шкапу.

— Што ти кафаришь? — строго спросила нѣмка. — Ти лакей, ти мушикъ, ти не толшенъ...

— Чай-то скоро отопьете?—грубо перебилъ ее Ѳедотовъ, не отвѣчая на вопросъ.

— Гробеянъ! Ступай, я пазаветъ,—отвѣтила пернавская нѣмка съ гордостью.

Денщикъ вышелъ, ворча себѣ подъ носъ: «Ишь, нѣмкой родилась, такъ и важничаетъ, что въ ключницахъ состоитъ». Онъ, по обыкновенію, успѣлъ пропустить въ горло «шкаликъ» послѣ побоевъ и выглядѣлъ, попрежнему, бойко и безпечно. Съ него все сходило, какъ съ гуся вода; выпьетъ водки и успокоится. Я торопливо допилъ чай и пошелъ изъ комнаты.

— Вольдемаръ! Вольдемаръ!—крикнула нѣмка. — Ви не поблакотарилъ меня за шай.

Я на-ходу шаркнулъ ногой и пробормоталъ:

Digitized by Google

— Благодарю!

— Фуй, каки невѣша! — покачала она презрительно головой.

Я, между тѣмъ, бѣжалъ въ переднюю къ денщику. Его мелькомъ сказанная фраза запала мнѣ въ умъ и требовала объясненій.

— Ѳедотовъ, скажи мнѣ, пожалуйста, на чьи это деньги Бубновъ будетъ мнѣ саноги покупать?—спросилъ я.

— Извѣстно, на ваши!—отвѣтилъ Ѳедотовъ.

— У меня мало денегъ.

— Въ карманѣ нѣтъ, а у Григорья Даниловича онѣ лежатъ,—отвѣтилъ денщикъ.— Имѣніе-то маменькино вамъ и Михайлу Григорьевичу принадлежитъ. Баринъ-то только опекуномъ приставленъ...

— И много у меня денегъ?

— На вашъ вѣкъ хватитъ. Люди говорятъ, что лѣсъ продали, такъ одной липы было тамъ на двадцать десятинъ...

— А-а!—изумился я, не вполнѣ ясно сознавая, что такое десятина, и сколько можетъ стоить эта липовая роща.

Я далъ Ѳедотову на водку за эту новость. Я торжествовалъ, мое сердце било тревогу. Я началъ рыться въ бѣльѣ, повыбросалъ все плохое, написалъ цѣлый списокъ того, что мнѣ нужно, и за завтракомъ явился въ столовую прямо къ Бубнову. У него былъ въ гостяхъ Гейгъ, приходившій къ намъ почти ежедневно завтракать или ужинать. Бубновъ, кажется, изумился, что я иду не на свое мѣсто, а обхожу столъ, чтобы подойти къ нему.

— Вотъ я написалъ, что мнѣ нужно,—сказалъ я, положивъ на столъ списокъ.

— Хорошо,—небрежно отвѣтилъ отчимъ, отодвинувъ въ сторону бумажку.

— Мнѣ еще надо нѣмецкаго учителя, — бойко проговорилъ я.

— Что?—взглянулъ на меня съ удивленіемъ Бубновъ.

— Я по-нѣмецки началъ забывать въ гимназіи, такъ мнѣ приготовиться хочется,—объяснялъ я все тѣмъ же спокойнымъ тономъ.

— Приготовишься и въ гимназіи. Не къ спѣху,— отвѣтилъ мой отчимъ и обратился лицомъ къ Гейгу.

Но я не смутился.

— Вѣдь Миша учится же говорить по-нѣмецки, а ему еще менѣе къ спѣху ученье,—сказалъ я.

Digitized by Google

— Ну, и ты практикуйся у мадамъ Шварцъ, попроси, чтобы она говорила съ тобой по-нѣмецки, — посовѣтовалъ Григорій Даниловичъ, не обращая ко мнѣ лица.

— Зачѣмъ мнѣ просить ее? Я хочу у учителя учиться,— отвѣтилъ я.

— Страсть къ ученью пробудилась,—замѣтилъ Гейгъ.

— Впрочемъ, совершенно непонятная и, кажется, вызванная настойчивостью, — процѣдилъ сквозь зубы мой отчимъ.

— Это иногда хорошо. Соревнованіе, знаете. Хочетъ перегнать другого,—глубокомысленно разсуждалъ Гейгъ.— Видитъ, что братъ начинаетъ лепетать по-нѣмецки, ну, и самому хочется.

— Да, хочется, покуда это кажется легко. Я увѣренъ, что на второй же урокъ это рвеніе охладѣетъ.

— Но вы попробуете?

— Конечно, отчего же не попробовать, — проговорилъ Бубновъ, побрякивая вилкой по тарелкѣ.

Брянчанье вилкой и покусыванье усовъ ясно говорили, что мой отчимъ не въ духѣ.

— Возьмите нашего учителя. Онъ нѣмецъ добрый,—посовѣтовалъ Гейгъ, котораго домъ представлялъ какой-то разсадникъ нѣмцевъ и нѣмокъ, ищущихъ мѣстъ. — Это, знаете, дѣло великое—соревнованіе. Вотъ и я взялъ для математики дворникова сынишку, а то мои все учатъ, а какъ до математики дойдетъ дѣло—ну, и пассъ! Теперь стало лучше, какъ Ванька при нихъ учится; стыдятся, что мужикъ можетъ перегнать ихъ.

Бубновъ перемѣнилъ разговоръ, прибѣгнувъ къ вопросу о ревматизмѣ Гейга. Когда онъ вышелъ съ Гейгомъ послѣ завтрака изъ столовой, я всталъ изъ-за стола, чтобы идти въ свой мезонинъ. Я нарочно пошелъ около госпожи Шварцъ и, поровнявшись съ нею, гордо взглянулъ на нее: она ждала моей благодарности, но я улыбнулся и направился къ дверямъ.

— Вольдемаръ, — крикнула она строгимъ тономъ. — Вы опять забыли.

— Что?—спросилъ я.

— Поблагодарить меня.

— За что?

— За фрюштикъ.

— Да развѣ онъ вашъ?

— Но я распоряжайся...

Digitized by Google

— За это вамъ деньги платятъ.

— О, это не вы платилы!

— Нѣтъ я, деньги мои и Мишины. Я еще могу выругать васъ, что вы худо смотрите за всѣмъ, какъ, вонъ, Бубновъ Ѳедотова ругаетъ.

Я очень нагло смотрѣлъ на пернавскую нѣмку. Она покраснѣла еще болѣе отъ злобы.

— О, я бутетъ жаловаться,—заговорила она чуть не со слезами.

— Ну, да вѣдь и у меня языкъ есть!

Повернувшись на каблукахъ, я ушелъ изъ комнаты. Мнѣ было весело; во мнѣ вдругъ проснулась та смѣлость, которой я такъ долго искалъ въ своей душѣ. Не знаю, жаловалась ли пернавская нѣмка на меня или нѣтъ, но Бубновъ не сдѣлалъ мнѣ никакого замѣчанія.

На третій день послѣ моего смѣлаго объясненія съ отчимомъ, ко мнѣ явился незнакомый господинъ, объявившій, что онъ Федоръ Федоровичъ Дилицъ, учитель нѣмецкаго языка. Я очень обрадовался ему. Мнѣ хотѣлось не усовершенствовать свои познанія, но просто имѣть подъ рукой хоть какое-нибудь живое существо.

По виду учитель былъ не изъ храбрыхъ: бѣлокурый, голубоглазый, плохо одѣтый, неловкій, онъ былъ серьезенъ, но не суровъ. Это былъ какой-то буршъ, можетъ-быть не всегда кроткій въ классѣ, часто выходившій изъ терпѣнія, попросту дравшій за уши лѣнивыхъ учениковъ, но дѣлавшій все это потому, что онъ слишкомъ любилъ и свою Германію, и свой языкъ. Онъ пламенно желалъ сдѣлать изъ маленькихъ варваровъ цивилизованныхъ людей. Ко мнѣ онъ почувствовалъ симпатію съ перваго же урока. Вѣроятно, причиной этой симпатіи было мое желаніе усовершенствоваться въ нѣмецкомъ языкѣ. Дилицъ не могъ знать, изъ какого мутнаго источника вытекло это желаніе. Если прибавить, что вообще на дому учителя становятся мягче въ обращеніи съ учениками вслѣдствіе нѣкоторой боязни употреблять крутыя мѣры и отчасти вслѣдствіе меньшаго числа причинъ къ раздраженію, то каждый пойметъ, что мнѣ было очень легко учиться у Дилица. Кромѣ грамматики, диктовки и переводовъ, онъ занимался со мною чтеніемъ Шиллеровыхъ «Разбойниковъ» и «Донъ-Карлоса», переводя и объясняя мнѣ темныя для меня мѣста. Какъ увлекли меня рѣчи Карла Мора, какъ страстно полюбилъ я маркиза Позу! Опять мнѣ вспоминается юноша, повто-

Digitized by Google

ряющій въ пустой комнатѣ монологи этихъ людей, примѣняя ихъ рѣчи къ своему положенію. Иногда ему кажется, что онъ стоитъ въ положеніи Карла Мора, окруженный интригами, лишенный любви матери, можетъ-быть, ограбленный отчимомъ. Отчимъ, кажется, ему мстительнымъ и коварнымъ Францемъ Моромъ. Порой юноша твердитъ взволнованнымъ голосомъ вслѣдъ за донъ-Карлосомъ:

Sprich mir von allen Schrecken des Gewissens,
Von meinem Vater sprich mir nicht
. . . . . .
Ich hasse meinen Vater nicht—doch Schauer
Und Missethäters-Bangigkeit ergreifen
Bei diesem fürchterlichen Namen mich.
Kann ich dafür, wenn eine knechtische
Erziehung schon in meinem jungen Herzen
Der Liebe zarten Keim zertrat...

Онъ видитъ, что у него въ домѣ смотрѣли на наказаніе любимаго имъ денщика, на страданіе его няни такъ же, какъ смотрѣли въ Испаніи какія-нибудь маркизы Мондекаръ на сожженіе людей. Ему кажется, что семья его отчима, если бы ее спросили, какъ можетъ она холодно смотрѣть на эти муки, также отвѣтила бы:

Es sind ja Ketzer, die man brennen sieht!

Страстная, полная горечи исповѣдь донъ-Карлоса передъ маркизомъ Позой; полные мужественной твердости и мужественной смѣлости разговоры маркиза съ королемъ; глубокая любовь къ угнетенному народу, все это воспламеняло и облагораживало душу юноши. Если теперь я благодарю кого-нибудь, то именно Дилица за то, что онъ во-время далъ мнѣ въ руки эти великія, пламенныя произведенія. Попадись мнѣ въ то время Гейне, и моя мысль приняла бы, можетъ-быть, другое направленіе, можетъ-быть, я не понялъ бы глубины этого поэта, увидалъ бы только его шутливую сторону, уловилъ бы, подобно многимъ недальновиднымъ юношамъ, его кажущееся легкимъ отношеніе къ жизни и не остановился бы передъ разными тяжелыми вопросами человѣчества съ тою серьезностью и страстностью, къ которой пріучили меня произведенія Шиллера, сдѣлавшіяся надолго моими любимыми друзьями.

Незамѣтно для самого себя, я дѣлался мягче и нѣжнѣе подъ вліяніемъ чистыхъ и благородныхъ произведеній великаго поэта. Мало-по-малу, я пересталъ такъ равнодушно относиться къ своему маленькому брату, какъ относился

Digitized by Google

къ нему въ началѣ лѣта; мнѣ снова вспомнились мои дѣтскія клятвы любить этого ребенка и быть его защитникомъ. Я нерѣдко проводилъ цѣлые часы въ играхъ съ этимъ мальчикомъ, и онъ, обыкновенно капризный въ сношеніяхъ съ пернавскою нѣмкой и остальной прислугой, дѣлался и послушнымъ, и милымъ малюткой, играя со мною. Недалеко ушедшій отъ дѣтскаго возраста, я, конечно, умѣлъ занять его лучше всѣхъ этихъ наемныхъ, утомленныхъ и озлобленныхъ людей. Но, почувствовавъ снова любовь къ Мишѣ, я все-таки не могъ полюбить его отца или даже просто перестать ненавидѣть его. Явленіе Бубнова въ комнату сразу пробуждало во мнѣ гадкое и мелочное чувство затаенной ненависти; я спѣшилъ уйти отъ брата, несмотря на его слезы и просьбы поиграть съ нимъ еще. Это не ускользнуло отъ вниманія Григорія Даниловича и, можетъ-быть, его испугала мысль, что я возненавижу ради него его сына.

Однажды ему удалось застать насъ въ полномъ разгарѣ игры: мы съ братомъ въ потѣ лица возводили на полу большую крѣпость изъ картъ. Завидѣвъ отчима, я направился къ дверямъ.

— Играйте, играйте, я не мѣшаю, — промолвилъ Бубновъ.—Куда же ты бѣжишь?—обратился онъ ко мнѣ.

— Въ свою комнату,—отвѣтилъ я.

— Ты очень странно ведешь себя, Владиміръ, — замѣтилъ отчимъ.—Ты бѣгаешь при мнѣ отъ Миши, какъ отъ пугала. Развѣ я тебѣ запрещалъ играть съ нимъ?

Я остановился и обернулся поблѣднѣвшимъ лицомъ къ Бубнову.

— Да, вы запрещали,—отвѣтилъ я дрожащимъ голосомъ.

Бубновъ нахмурилъ брови.

— Ты не дитя и долженъ понять, что если прежде я боялся довѣрить тебѣ Мишу, какъ ребенку, то теперь я могу не бояться, что ты ушибешь его или раздразнишь,— сказалъ онъ сдержаннымъ тономъ.

Я молча смотрѣлъ на него.

— Вы должны быть дружны,—продолжалъ онъ.—Ты,— какъ старшій братъ, можетъ-быть, когда-нибудь даже будешь въ состояніи помочь Мишѣ, и потому мнѣ пріятно, если ты будешь его любить.

Бубновъ подошелъ ко мнѣ, чтобы потрепать меня по плечу; но я такъ привыкъ къ побоямъ со стороны отчима, его первая ласка была такъ необычайна, что я невольно

Digitized by Google

быстро отступилъ на шагъ отъ него, и его рука проскользнула въ воздухѣ, не коснувшись моего плеча. Бубновъ стиснулъ зубы отъ досады на неудачную попытку впервые приласкать меня и, повернувшись, шумно вышелъ изъ комнаты. Мой отчимъ ясно увидалъ, что моя ненависть къ нему гораздо сильнѣе, гораздо глубже, чѣмъ онъ предполагалъ, и это обезпокоило его не на шутку. Онъ никакъ не думалъ, что юноша могъ помнить въ теченіе многихъ лѣтъ, какъ его ругали и сѣкли въ дѣтствѣ. «Мало ли кого ругаютъ и сѣкутъ въ дѣтствѣ, а кто вспоминаетъ объ этомъ со злобой? Это такое обыденное и ничтожное явленіе!» могъ разсуждать мой отчимъ, и вдругъ ему встрѣтился человѣкъ, смотрѣвшій иначе на это дѣло. Какъ же было не удивляться, не волноваться? Въ послѣднее время Бубновъ былъ болѣе оживленъ, чѣмъ когда-нибудь, надеждами достигнуть своей цѣли—значительнаго состоянія. Отчасти онъ уже успѣлъ присвоить при жизни моей матери часть моего имѣнія; теперь онъ могъ многое украсть у меня, играя роль опекуна; но всего этого было еще недостаточно, и Бубновъ строилъ планы сдѣлать меня ручнымъ и воспользоваться, при моей помощи, расположеніемъ и имуществомъ одной личности, о которой я не имѣлъ никакого понятія. Чѣмъ яснѣе становились для самого Бубнова его расчеты, тѣмъ настойчивѣе онъ старался превратиться въ моего добродушнаго родственника. Первая неудавшаяся попытка приласкать меня убѣдила его, что нужно прибѣгнуть къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ для примиренія.

Въ этотъ же день вечеромъ я лежалъ на диванѣ въ своей комнатѣ и читалъ книгу, когда моя дверь отворилась, и въ нее неожиданно вошелъ Григорій Даниловичъ. Это былъ его первый визитъ ко мнѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ я привыкъ, что наши свиданія наединѣ всегда ознаменовывались драньемъ за уши, бранью, щелчками, и потому не мудрено, что я совершенно инстинктивно вскочилъ съ дивана и хотѣлъ отбѣжать къ окну, чтобы стать въ оборонительное положеніе.

Во мнѣ была полная готовность бороться съ отчимомъ, во что бы то ни стало, бороться всѣми способами, хотя бы при помощи физической силы.

Мое движеніе не ускользнуло отъ вниманія моего отчима.

— Лежи, лежи, Володя,—довольно ласково и мягко про-

Digitized by Google

говорилъ онъ, назвавъ меня впервые этимъ именемъ.— Читалъ?

— Да,—отвѣтилъ я, не трогаясь съ мѣста.

— Я зашелъ къ тебѣ сказать, что ты на-дняхъ поѣдешь въ Петербургъ.

— На-дняхъ!—съ невольной радостью воскликнулъ я, и въ моей юной головѣ даже мелькнула мысль, что Бубновъ понялъ, какъ тяжело мнѣ жить у него, и потому ускоритъ мой отъѣздъ.

Бубновъ кивнулъ въ отвѣтъ головою и придвинулъ ногой стулъ къ дивану. Онъ сѣлъ. Я продолжалъ стоять и слѣдить за нимъ пристальнымъ взглядомъ. Мой отчимъ былъ какъ-то особенно сдержанъ.

— Мнѣ странно, Володя, твое поведеніе,—началъ онъ наставительнымъ тономъ:—ты сторонишься отъ меня, какъ отъ чужого, какъ отъ врага, и не хочешь понять, что я забочусь о тебѣ. Мы связаны и родственными связями, и общими интересами, и должны быть друзьями, должны любить другъ друга. Тебя страшно вооружили противъ меня. Твой дядя, людишки, всѣ наговаривали тебѣ на меня, какъ на какого-то тирана. Правда, я горячъ и строгъ, но я не желалъ никогда тебѣ зла, не желалъ быть несправедливымъ съ тобою. Если со мной люди не умѣютъ жить, такъ въ этомъ не моя вина. Вѣдь вонъ и съ капитаномъ не всякій можетъ ужиться. Со мной нужно умѣть ладить, промолчать во-время, подождать, когда я успокоюсь. Ты самъ былъ виноватъ, выводя меня изъ терпѣнія. Ты былъ избалованъ, на мнѣ лежала обязанность исправить тебя. Я зналъ по опыту, что плетью обуха не перешибешь, что для жизни нужна извѣстная выдержка, которой не было у тебя. Неужели ты думаешь, что мнѣ самому не приходится покориться и людямъ, и обстоятельствамъ? Я уже не молодъ, и это мнѣ тяжело,—однако же, стараюсь переломить себя, стараюсь достигнуть своей цѣли. Я тебя всегда любилъ, какъ сына...

Во все время этой вкрадчивой рѣчи, напоминавшей тѣ рѣчи, которыхъ заслушивалась когда-то моя мать, я молчалъ. Въ моей душѣ была страшная тревога; мнѣ хотѣлось крикнуть отчиму, этому Францу Мору, прикинувшемуся моимъ другомъ, что онъ лжетъ. Услышавъ его послѣднюю фразу, я не выдержалъ.

— Значитъ, вы не любите Мишу,—перебилъ я его, взглянувъ прямо ему въ глаза.

Digitized by Google

Онъ не сразу понялъ меня.

— Какъ не люблю?—спросилъ онъ.—Я его люблю.

— Что же вы его не бьете?

Бубновъ хотѣлъ что-то сказать, но я не далъ ему времени опомниться.

— Что же вы его не выталкиваете изъ дому? Что же вы его не засаживаете на чердакъ? Что же вы его не называете негодяемъ? — страстнымъ голосомъ продолжалъ я обличать отчима.

Я былъ взволнованъ и блѣденъ, на моихъ глазахъ сверкали слезы. Григорій Даниловичъ смотрѣлъ на меня изумленными глазами. Я, вытянувшись во весь ростъ, положивъ руки на спинку стула, стоялъ передъ нимъ, со всею отвагою рѣшившейся на бой и оскорбленной до глубины души юности.

— Ну, Володя, это все старое, давно прошедшее,—проговорилъ онъ, дѣлая страшное усиліе надъ собой, чтобы не раскричаться.

Его голосъ былъ ровенъ, лицо спокойно, и только предательскія жилы натянулись и бились на лбу.

— Ты самъ былъ виноватъ...

— Нѣтъ, Григорій Даниловичъ, это было недавно, и не я былъ виноватъ,—страстно заговорилъ я, рѣшившись излить все, что накопилось въ душѣ.—Вы притѣсняли меня, вы ненавидѣли меня, вы обѣщались убить меня и ужъ вѣрно не исправили бы меня этимъ. Изъ-за васъ меня разлюбила мать, изъ-за васъ она выбросила меня изъ роднаго дома. А если бы вы знали, какъ я любилъ ее! Если-бъ Мишѣ пришлось испытать хоть долю того, что вынесъ я, то онъ былъ бы очень-очень несчастливъ и проклялъ бы тѣхъ, кто былъ виною этихъ несчастій! Я не могъ вамъ сдѣлать зла, но вы считали меня врагомъ, а я былъ маленькимъ, слабымъ ребенкомъ!

Я, тихо, неутѣшно рыдая, закрылъ руками глаза. Григорій Даниловичъ давно уже всталъ и шагалъ по комнатѣ. Его шаги рѣзко нарушали наступившую тишину. Богъ знаетъ, что происходило въ его душѣ, но онъ не кричалъ, не топалъ на меня ногами, не протягивалъ руки для нанесенія мнѣ побоевъ. Прошло минутъ десять. Шаги отчима зазвучали тише.

— Ну, полно, не плачь! — проговорилъ Бубновъ, останавливаясь передо мной.—Мы оба виноваты. Стараго нечего вспоминать!

Digitized by Google

Бубновъ еще прошелся по комнатѣ. Теперь вполнѣ понимаю я, какъ тяжело было ему съ непривычки щеголять передо мною въ новой роли заботливаго и нѣжнаго родственника. Его лицо было зелено, глаза налились кровью, а голосъ звучалъ кроткими и мягкими нотами. Да, у этого человѣка была громадная сила воли. И какъ подумаешь, на что она ушла, то невольно становится и горько и смѣшно, что люди попусту тратятъ подобныя силы, не принося добра ни себѣ, ни другимъ и дѣлая только безцѣльное зло.

— Дядя, дядя тебя пріучилъ видѣть всюду драмы, да злодѣевъ! У тебя его характеръ. Воображеніе твое испортили,—продолжалъ онъ.—Я, впрочемъ, радъ, что мы дошли до объясненій. Ты видишь, что я отнесся къ тебѣ, какъ къ взрослому, хотя я имѣлъ возможность и полное право, если бы захотѣлъ, обращаться съ тобой иначе. Я не привыкъ выслушивать подобныхъ выходокъ, я привыкъ расплачиваться за нихъ какъ слѣдуетъ...

— Отчего же вы не попробуете?—смѣло перебилъ я его, снова поднявъ голову и рискуя вызвать бурю.

Онъ пропустилъ мимо ушей эту фразу, только его шаги опять зазвучали громче. Черезъ минуту онъ шагалъ снова такъ же тихо, какъ и прежде.

— Совѣтую тебѣ отбросить всѣ дядюшкины поученія и стоять поближе ко мнѣ,—продолжалъ онъ ласково.—Я тебѣ пригожусь. Можетъ-быть, горячо любить меня ты не будешь, а благодарность ко мнѣ со временемъ почувствуешь, даже за то, что я былъ строгъ съ тобой.

— Не будете притѣснять, не будемъ и ссориться,— отвѣтилъ я, не вполнѣ понимая, что сдѣлалось съ Бубновымъ.

Довольно дружно пробесѣдовали мы еще съ часъ, и потомъ сошли внизъ и усѣлись всѣ за чай. Пернавская нѣмка удивлялась, что Бубновъ такъ ласковъ со мною. Не ускользнула эта перемѣна даже отъ недальновиднаго Гейга и Маріи Трофимовны, ужинавшихъ у насъ на слѣдующій день. Среди разговоровъ, пернавская нѣмка замѣтила мнѣ что-то по-русски. Она всегда говорила со мной на этомъ языкѣ.

— Вы бы по-нѣмецки говорили, такъ васъ хоть за благородную считали бы,—замѣтилъ я:—а то, когда вы говорите по-русски, такъ васъ за сапожницу принять могутъ.

— Ви невѣша, ви невѣша!—раскраснѣлась она отъ негодованія и приложила платокъ къ глазамъ.

Digitized by Google

— Ого, молодой человѣкъ острить начинаетъ!—засмѣялся генеральскимъ смѣхомъ Гейгъ.

— Да, онъ находчивъ,—отвѣтилъ Бубновъ:—я это замѣтилъ въ послѣднее время.

— Il est impertinent!—вставило свою замѣтку пятое колесо.

Они, можетъ-быть, всѣ были правы: я былъ дѣйствительно и остеръ, и находчивъ, даже иногда нагълъ въ обращеніи съ подобными личностями, какъ пернавская нѣмка. Притѣсненія, испытанныя въ дѣтствѣ, жизнь среди взрослыхъ, постоянное чтеніе книгъ развили меня не по лѣтамъ, и я уже принадлежалъ къ числу тѣхъ юношей, отъ которыхъ ожидаютъ чудесъ въ будущемъ. Какъ рѣдко оправдываются эти надежды, на какія мелочи уходятъ эти юныя силы! Прощаясь съ бубновскимъ домомъ, я чувствовалъ, что я выхожу изъ него уже не тѣмъ мальчикомъ, какимъ, четыре мѣсяца тому назадъ, я боязливо вошелъ въ него. До этого времени я игралъ скорѣе пассивную, чѣмъ активную роль. Теперь у меня была уже и цѣль въ жизни—пріобрѣтеніе друзей, готовыхъ воевать съ общими врагами и любящихъ одни и тѣ же предметы; у меня было и новое стремленіе—стремленіе къ свободѣ и независимости, родившееся подъ гнетомъ впервые сознанной обидной зависимости и постыднаго рабства. Я испыталъ свою способность бороться и увидалъ, что я не смущаюсь передъ врагомъ, что, напротивъ того, я дѣлаюсь крѣпче, находчивѣе, умнѣе въ минуты борьбы; въ моей душѣ, дремавшей до сихъ поръ, пробудилась страстность, способность къ глубокому чувству. Еще одна особенность моего характера проявилась въ это время,—это недѣтская сдержанность, внѣшняя холодность въ минуты страстнаго гнѣва и раздраженія. Этой особенности моего характера, зародившейся, можетъ-быть, въ тѣ минуты, когда я и Бубновъ шопотомъ, исподтишка угрожали другъ другу при жизни матери, было суждено развиться до поразительныхъ размѣровъ. Я помню надменную, непокорную женщину, которая не боялась никакихъ бурныхъ сценъ, никакой борьбы, и которая падала духомъ, дрожала и блѣднѣла, когда ей слышался этотъ холодный, ледяной тонъ...

Наканунѣ выѣзда изъ бубновскаго жилища я долго ходилъ по своей комнатѣ, вспоминая прошлое. Мнѣ грезилась моя мать, замученная, охладѣвшая ко мнѣ и дядѣ, какъ охладѣла она ко всему на свѣтѣ и прежде всего къ своей

Digitized by Google

собственной жизни, молящаяся во искупленіе какого-то грѣха, лежащаго на ея сердце. Съ недѣтской скорбью плакалъ я объ этой погибшей мученицѣ и просилъ прощенія у ея тѣни, если я когда-нибудь невольно влилъ и свою долю яда въ ту чашу, которую ей пришлось испить капля-по-каплѣ до самаго дня. Ни одного упрека, ни одной жалобы на нее не шевельнулось теперь въ моей душѣ, и только безпредѣльная, святая любовь сына наполняла мое сердце. Мало-по-малу, изъ-за этого призрака выступили передо мною другіе образы измученныхъ людей; мнѣ вспомнилась Настя, поруганная, убитая горемъ, вытолкнутая куда-то съ разбитымъ сердцемъ. За ней выдвинулась тѣнь блѣднаго, забитаго денщика... Инстинктивно, со свѣчей въ рукѣ, я поднялся на чардакъ, на мѣсто своихъ дѣтскихъ страданій. Тамъ все хранило прежній видъ, только бечевки оборвались подъ потолкомъ, только пыли было больше на хламѣ въ углу, только вѣтеръ сильнѣе свисталъ въ окончательно разбитыя стекла полукруглаго окна. А вотъ и надпись, не стертая временемъ и людьми, на стѣнѣ чулана: «мая навекъ!» Какъ сладко мечталъ Василій у себя въ каморкѣ объ этихъ словахъ, какъ заботливо выводилъ онъ ихъ на стѣнѣ! Это тѣ золотыя буквы, которыми занисывались великія истины. Гдѣ онъ? Засѣкли ли его или сохранили его жизнь для каторги, довели до пьянства, до новыхъ преступленій! Слава Богу, если засѣкли! Хорошо, что не сталъ онъ, подобно Ѳедотову, тѣмъ грязнымъ, сонливымъ, вѣчно полупьянымъ воришкой-денщикомъ, которому ежедневно расколачиваютъ зубъ за зубомъ, пока не выбьютъ послѣдняго, за воровство, за лѣнь, за пьянство, а онъ и воруетъ, и лѣнится, и пьетъ, и нагло оправдывается съ каждымъ днемъ все больше и больше. Нечесанный, въ оборванномъ сюртучишкѣ, съ неумытымъ лицомъ, съ краснымъ носомъ, съ своимъ собственнымъ запахомъ, вызывающимъ отвращеніе господъ, сталъ бы и Василій развратничать съ каждой судомойкой, съ каждою падшей женщиной, сидящей въ кабакѣ, съ каждой молоденькою дѣвочкою-нищей. И все-таки, въ концѣ-концовъ, умеръ бы онъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ или сорвалъ бы съ пьяныхъ глазъ съ кого-нибудь эполеты, прошелъ бы сквозь строй и угодилъ бы въ арестантскія роты. Добромъ онъ не кончилъ бы.

Въ тяжелыхъ думахъ, вспоминая о прошломъ и стараясь приподнять завѣсу будущаго, стараясь угадать, будетъ ли оно такъ же темно и безрадостно, какъ мое былое, стоялъ

Digitized by Google

я у окна. Кругомъ все было тихо и неподвижно, только вѣтеръ шумѣлъ въ саду и, врываясь въ разбитое окно, шевелилъ мои волосы и освѣжалъ мое лицо. Но вотъ одинъ изъ его порывовъ загасилъ поставленный на полъ огарокъ свѣчи, и я очутился снова въ томъ же мракѣ, который окружалъ меня во время моего заключенія въ чуланѣ. Мнѣ стало не по-себѣ, я вспоминалъ, что въ этой тьмѣ, въ этомъ мѣстѣ мнѣ слышался плачъ убитаго мною брата. Я не шевелился съ мѣста, по мнѣ пробѣгала дрожь, и вдругъ, среди этой тишины, за стѣною раздался знакомый мнѣ крикъ, похожій на дѣтскій вопль; я стремительно, въ ужасѣ выбѣжалъ изъ чулана: по земляному полу чердака послышались давно слышанныя мною легкіе шаги. Я, какъ окаменѣлый, остановился на порогѣ и смотрѣлъ во мракъ испуганными глазами: въ углу чердака сверкали во тьмѣ четыре яркіе огненные глаза и раздавалось чье-то шипѣнье. Я сталъ всматриваться: въ углу сидѣли двѣ кошки... Такъ вотъ чьи крики, чья бѣготня стоили мнѣ столькихъ мукъ! Такъ вотъ какое ничтожное созданье было причиной моего суевѣрнаго дѣтскаго страха! Въ эту минуту я отдѣлался отъ послѣдняго кошмара дѣтства, отдѣлался навсегда и отъ самаго дѣтства: оно прошло безвозвратно.

XIII.

Старчество и юность.

Мы пріѣхали въ Петербургъ, остановились въ гостинницѣ и потомъ отправились въ гимназію. Бубновъ вмѣстѣ со мною прошелъ къ директору. Здѣсь въ залѣ насъ встрѣтили самъ Германъ и инспекторъ Соловьевъ. Бубновъ довольно развязно и немного свысока поздоровался съ ними. Меня удивило, что директоръ держалъ себя съ Бубновымъ особенно любезно и не съ тою офиціальною важностью, какъ съ прочими посѣтителями. Я не зналъ, что онъ уже получилъ письма отъ тѣхъ лицъ, которыя хлопотали за меня.

— Я попрошу васъ, господинъ директоръ, обратить на моего сына особенное вниманіе,—сказалъ Бубновъ, дружески положивъ руку на мое плечо.—Это юноша съ способностями и быстрымъ соображеніемъ.

— Вы знаете именно, что мы на всѣхъ вниманіе обращаемъ, а тѣмъ болѣе именно...—началъ директоръ.

Но Бубновъ безцеремонно перебилъ его:

— Ну, мнѣ нѣтъ дѣла до другихъ, но насчетъ его я

Digitized by Google

долженъ откровенно высказать вамъ, что онъ засидѣлся въ классѣ по невнимательности учителей. Я прямо утверждаю, что лѣность учениковъ—это небрежность учителей.

— Но наши учителя именно...

— Я вѣрю, что они прекрасные люди,—сухо продолжалъ Бубновъ:—но я все-таки знаю, что они не всегда принимаютъ должныя мѣры для исправленія учениковъ. Поставятъ ученику дурной баллъ—и конецъ весь; тогда какъ тутъ нужна внимательность, нужно поставить худой баллъ, да приказать ученику завтра же отвѣтить невыученный сегодня урокъ; завтра не знаетъ — пусть послѣзавтра спросятъ. А то вѣдь учителя иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не спрашиваютъ иного ученика и не знаютъ не только того, приготовилъ ли онъ уроки, но даже понимаетъ ли онъ ихъ? Я и учился-съ не очень давно и присматривался потомъ къ дѣлу обученія, а потому знаю-съ и что, и какъ, и почему дѣлается такъ или иначе въ этомъ мірѣ. Я не желаю платить приватныхъ суммъ учителямъ.

Инспекторъ, маленькій, юркій человѣчекъ, заправлявшій всѣми дѣлами гимназіи, не выдержалъ этого намека и быстро выдвинулся впередъ.

— Позвольте,—горячо и отчасти грозно вступился онъ за учителей:—я не могу допустить оскорбленія учителямъ. Они...

Бубновъ холодно и пристально взглянулъ сверху внизъ на Соловьева и, не отвѣчая ему, обратился къ директору:

— Они,—началъ Бубновъ:—даютъ *приватные* уроки.

Бубновъ сдѣлалъ сильное удареніе на словѣ приватные, и началъ отчеканивать свои фразы.

— Я это знаю *навѣрное*. Вы, конечно, тоже не станете этого отрицать и не будете спорить со мною. Но такъ какъ мнѣ сдѣлали выговоръ,—иронически продолжалъ мой отчимъ:—то я долженъ оправдаться и замѣтить, что, кромѣ *приватныхъ* уроковъ, дающихъ возможность плохимъ ученикамъ переходить изъ класса въ классъ, есть еще множество другихъ льготъ, не знаю, чѣмъ вызванныхъ. Какъ фамилія того ученика, который остался у васъ на третій годъ въ классѣ?—обратился мой отчимъ ко мнѣ.

— Сивкова откупщика сынъ остался, да баронъ Розенъ,—отвѣтилъ я.

— Да, да, Сивковъ и Розенъ,—повторилъ Бубновъ, точно онъ, и въ самомъ дѣлѣ, слышалъ прежде объ этихъ ученикахъ отъ меня.—Они на третій годъ остались.

Digitized by Google

— Они-съ представили свидѣтельства о болѣзни,—снова высунулся впередъ инспекторъ.

— А! свидѣтельства о болѣзни!—протяжно повторилъ Бубновъ.—Это дѣло было бы интересно изслѣдовать. Я поговорю о нихъ у попечителя.

Бубновъ сухо поклонился директору и едва кивнулъ головою инспектору.

— Пиши, пожалуйста, мнѣ обо всемъ откровенно, какъ пойдутъ теперь твои дѣла,—очень громко говорилъ мнѣ мой отчимъ, проходя со мною по залу.—Ты напрасно скрывалъ свои неудачи.

— Позвольте васъ попросить остаться на минуту,—послышался сзади насъ вкрадчивый и любезный голосъ инспектора.

Бубновъ обернулся.

— Вы именно немного погорячились,—подошелъ Германъ къ Григорію Даниловичу.

— Вы это совершенно напрасно,—мягко вставилъ свое замѣчаніе Соловьевъ.—Тѣ письма, которыя мы получили насчетъ вашего сына отъ попечителя и графа Сиверскаго, такъ рекомендуютъ мальчика, что не обратить на него вниманія было бы невозможно.

— Да, но вѣдь вы сами говорили, что особеннаго вниманія здѣсь ни на кого не обращаютъ, и потому я могу предположить, что мой сынъ снова засядетъ на три года въ классѣ,—сухо прознесъ Бубновъ.

Онъ былъ великолѣпенъ въ своемъ невозмутимомъ величіи.

Инспектора всего передернуло, и его лицо какъ-то тупо осклабилось улыбкой. Директоръ потерялъ послѣдніе слѣды своей официальной важности и вполнѣ походилъ на того добраго и слабаго старичишку, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Снявъ очки, онъ протиралъ ихъ стекла и, видимо, не зналъ, что̀ дѣлать и что̀ говорить. Въ этихъ случаяхъ онъ обыкновенно предоставлялъ все на волю Божію, или лучше сказать, на волю юркаго и опытнаго въ практическихъ дѣлахъ инспектора.

— Вы меня извините, я долженъ торопиться,—продолжалъ Бубновъ, взглянувъ на часы.—Мы условились съ Сиверскимъ и попечителемъ встрѣтиться ровно въ часъ.

Началось пожатіе рукъ.

— Я надѣюсь, что вы не сердитесь?—промолвилъ инспекторъ.

— Нисколько, хотя я и не люблю обходами и намеками

Digitized by Google

договариваться до того, что можно высказать коротко и ясно въ двухъ словахъ. Я самъ-съ служу и знаю, какъ и что дѣлается у насъ,—многозначительно замѣтилъ Бубновъ.

Онъ взялъ меня подъ-руку и вышелъ со мною, провожаемый директоромъ и инспекторомъ до лѣстницы. Меня изумляли и надменный, развязный тонъ Григорія Даниловича въ обращеніи съ моими начальниками, и небрежное напоминаніе о назначенномъ свиданіи съ важными особами, и его дружеское обращеніе со мною. Онъ хотѣлъ показать моимъ начальникамъ, что онъ насквозь видитъ ихъ поведеніе, что онъ имѣетъ возможность по-пріятельски шепнуть кому слѣдуетъ о ихъ грѣшкахъ, что, наконецъ, я стою съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и могу при случаѣ сообщить все, что дѣлается въ закулисномъ мірѣ училища. Съ свойственнымъ ему умѣньемъ онъ высказалъ все это такъ, что не оставалось никакихъ недоразумѣній ни о его значеніи, ни о моей будущей роли гимназическаго шпіона, самой выгодной изъ всѣхъ ролей въ мірѣ. Черезъ полчаса мы были у генерала Гейга, брата знакомаго читателю адмирала. Генералъ Гейгъ видалъ меня нѣсколько разъ прежде и принялъ какъ знакомаго. У него сидѣло нѣсколько человѣкъ гостей, собравшихся къ нему по случаю дня рожденія его жены. Между гостями были и адмиралъ Гейгъ, и попечитель, и графъ Сиверскій. Ради свиданія съ послѣдними Бубновъ и ускорилъ нашу поѣздку въ Петербургъ. А я, въ дѣтской наивности, сначала думалъ, что онъ сдѣлалъ это изъ сожалѣнія къ моему одинокому положенію въ его домѣ! О, вѣчные обманы дѣтской наивности!

Попечитель и графъ Сиверскій спросили Григорія Даниловича о результатахъ его хлопотъ. Григорій Даниловичъ щеголялъ теперь уже не своею холодной важностью, а любезной и живой предупредительностью. Поговоривъ съ нимъ, особы удостоили меня своего высокаго вниманія. Старый графъ Сиверскій добродушно похлопалъ меня по щекѣ, а попечитель, нахмуривъ брови, сказалъ:

— Учись хорошенько, справляться буду. Березовой каши на васъ жалѣютъ!

Эти фразы произнеслись какъ-то отрывисто, по-солдатски. Послѣ этого привѣтствія меня отправили на половину юныхъ сыновей хозяина, гдѣ я встрѣтилъ и моихъ старыхъ знакомыхъ херувимовъ, воровавшихъ въ былые годы и мои конфеты, и мои картинки. Теперь имъ было уже около семнадцати и восемнадцати лѣтъ, и они со смѣхомъ раз-

Digitized by Google

сказывали о своихъ продѣлкахъ съ какими-то «Машками» и «Дашками».

Мнѣ было скучно между ними; я еще ничего не понималъ относительно прелестей «Дашекъ» и «Машекъ».

Послѣ завтрака Бубновъ пришелъ на половину молодыхъ Гейговъ. Тутъ еще шли шумные разговоры юношей о грязныхъ похожденіяхъ.

— Что, господа, пируете?—развязно улыбнулся Григорій Даниловичъ, потрепавъ по плечу одного изъ сыновей адмирала.—Рады, что старички заболтались, да что гувернеровъ нѣтъ. Знаемъ-съ, и мы такъ пожили!

Онъ взялъ меня подъ-руку и, пожавъ руку молодежи, вышелъ изъ комнаты. Мы сѣли въ коляску и поѣхали. Бубновъ былъ очень веселъ: онъ, кажется, выпилъ болѣе обыкновеннаго.

— Ну, что скажете, Владиміръ Михайловичъ,—насмѣшливымъ тономъ обратился онъ ко мнѣ, развалясь въ коляскѣ.—Такъ ли обдѣлываетъ свои дѣла вашъ любезный дядюшка, Петръ Акимовичъ Хлопко? Поступили ли бы вы снова въ гимназію при его содѣйствіи? Но будете ли вы теперь играть въ гимназіи важной роли? Не пріятно ли вамъ будетъ и хорошо учиться, и видѣть, что на васъ обращаютъ особенное вниманіе? А кому вы этимъ обязаны, не своему ли врагу и злодѣю, Григорію Даниловичу Бубнову?

— Благодарю васъ!—сконфуженно проговорилъ я, не зная, что отвѣчать.

Бубновъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ ласково:

— Теперь твоя будущность отъ тебя зависитъ,—сказалъ онъ.—Я сдѣлалъ все, что возможно сдѣлать. Но помни, что въ жизни нельзя пробавляться одними сентиментами, какъ это дѣлаетъ капитанъ. Въ свѣтѣ нужно или кричать и приказывать, или слушать крики и приказанія. Все, чего бы ты ни вздумалъ достигнуть, достается съ бою, и кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ, а остальные—пѣшки. У тебя есть характеръ, но тебя обабили, нервы тебѣ раздражили, въ обмороки падаешь. Это скверно; Тебѣ бороться придется, а ты въ обморокъ шлепнешься—ну, враги и обдѣлаютъ дѣло, пока ты лежать будешь.

Я невольно улыбнулся этому удачному примѣру.

— Ты вотъ меня врагомъ считаешь, а первый твой врагъ—это дядя,—продолжалъ Бубновъ.—Онъ обабилъ тебя; онъ укралъ у тебя два года изъ жизни, не обращая вниманія на твое ученіе; онъ попусту становился между мной и тобой

Digitized by Google

п мѣшалъ тебѣ увидѣть мои хорошія стороны. Ты безъ него давно бы слушалъ мои совѣты и мои наставленія, и какъ бы я ни горячился, ты сумѣлъ бы привязаться ко мнѣ. Ужиться со всѣми можно. Только нужно съ волками жить, такъ по-волчьи и выть.

Я снова улыбнулся.

— А вы меня все браните, что я волчонкомъ смотрю,— отвѣтилъ я не безъ бойкости.

— Да вѣдь ты остроуміемъ отличаешься!—засмѣялся Бубновъ.—Удачно, удачно остришь! Это пригодится. Ты, братъ, далеко пойдешь! Не забудь насъ, когда генераломъ будешь...

— Вы тогда ужъ министромъ будете,—совсѣмъ весело отвѣтилъ я.

Бубновъ взглянулъ на меня немного изумленными глазами и задумался.

— Какъ время-то идетъ!—пробормоталъ онъ какъ бы про себя.—Семнадцатый годъ пошелъ. Давно ли былъ ребенкомъ...

Онъ такъ удивлялся моему развитію и моей находчивости, какъ будто мы встрѣтились съ нимъ впервые, послѣ долгой разлуки. Ему показалось даже, что я не совсѣмъ обыкновенный юноша, что я слишкомъ уменъ для своихъ лѣтъ, что можно надѣяться на мою блестящую будущность.

— Развивайся, развивайся,—проговорилъ онъ.—Пройдетъ еще годика четыре, и тебѣ придется показать свои способности. Ты узнаешь, что у тебя есть средства сдѣлаться богачомъ и осчастливить и себя, и Мишу. Только нужно будетъ осторожно и терпѣливо дѣйствовать, нужно сначала пріучиться съ людьми ладить. Дядюшка убивалъ въ тебѣ эту необходимую способность!

Я совершенно не понималъ, о чемъ говоритъ мой отчимъ. Онъ же не считалъ нужнымъ и умѣстнымъ объяснить мнѣ заранѣе, какимъ путемъ и какія богатства придется пріобрѣсти мнѣ въ будущемъ. Ему хотѣлось сначала сдѣлать изъ меня практическаго человѣка и уже потомъ объяснить мнѣ, какія интриги, какія хитрости могутъ увеличить наше благосостояніе.

Возвратившись въ гостиницу, мы пообѣдали, и потомъ Бубновъ повезъ меня къ дядѣ. У крыльца квартиры дяди онъ простился со мною очень дружески и сказалъ мнѣ, чтобы я писалъ къ нему, если мнѣ что-нибудь понадобится. Я не могъ надивиться полной перемѣнѣ въ нашихъ отношеніяхъ, и еще долгое время она была загадкою для меня. Но время разрѣшаетъ всевозможныя загадки, разрѣшило оно

Digitized by Google

и эту. Теперь я видѣлъ только одно, что Бубновъ даже пересталъ тяготиться своею новою ролью и вполнѣ освоился съ нею, не дѣлалъ даже попытокъ крикнуть на меня или отнестись ко мнѣ съ прежнею грубостью. Взглянувъ на наши отношенія въ это время, каждый посторонній зритель сказалъ бы, что Бубновъ и я представляемъ, достойный подражанія, трогательный образецъ дружеской связи между отчимомъ и пасынкомъ.

— Здравствуй, птица моя, здравствуй!—говорилъ дядя, обнимая меня въ своей новой квартирѣ.

Я отъ души поцѣловалъ его.

— А у тебя, дядя, хорошенькія комнаты,—замѣтилъ я черезъ нѣсколько минутъ, осматривая его жилище.—Прошелъ ли у Христины Карловны флюсъ?

— Не знаю, птица, не знаю, я давно ея не видалъ.

Я удивился.

— Да развѣ ты не у нея живешь?

— Нѣтъ, братъ, тамъ цѣлая исторія случилась, послѣ разскажу. Сперва напьемся чайку,—засуетился онъ.

— Да у кого же ты нанимаешь квартиру?—спросилъ я.

— У тетки нашего кавказца,—шопотомъ отвѣтилъ дядя и завозился около буфетнаго шкапа.

Я въ изумленіи вытаращилъ глаза на дядю, и мнѣ пришлось еще болѣе изумиться: у дяди не было ни единаго сѣдого волоска. Его почти бѣлые виски, его сѣрый хохолъ, его нѣгіе усы—все было черно, какъ смоль. Я только теперь замѣтилъ эту перемѣну и глядѣлъ съ разинутымъ ртомъ на милое моему сердцу существо.

— Это, братъ, все цѣлая исторія, просто, братъ, понять ничего не могу,—ворчалъ онъ, устанавливая на столъ чашки.

Я понималъ еще менѣе, какія событія могли помолодить голову дяди на двадцать лѣтъ. Я сказалъ—голову, а не лицо, потому что его лицо страшно постарѣло и осунулось. Горе провело на его лбу еще нѣсколько глубокихъ, неизгладимыхъ морщинъ и отражалось въ его глазахъ въ тѣ минуты, когда онъ умолкалъ и задумчиво смотрѣлъ куда-то вдаль,—можетъ-быть, въ то свѣтлое прошлое, которое сверкало тѣмъ ярче, тѣмъ ослѣпительнѣе, чѣмъ мрачнѣе и безцвѣтнѣе становилось настоящее стараго холостяка. Но для чего явилось это подкрашиваніе сѣдины? Это было что-то въ родѣ лака, наведеннаго жалкимъ маляромъ на мрачную картину Рембрандта, что-то въ родѣ новаго дешеваго флага, мизерно трепыхающагося надъ грандіозными развалинами стараго замка. Покуда

Digitized by Google

я молчаливо смотрѣлъ на дядю, стараясь угадать, что̀ произошло съ нимъ, служанка принесла самоваръ.

— Ну, Володька, тяжелое время мы съ тобой пережили!— вздохнулъ дядя, усаживаясь со мною пить чай.

— Да, дядя,—отвѣтилъ я.—Не знаю, какъ тебѣ, а мнѣ тяжело жилось.

— А мнѣ... Не говорилъ я тебѣ, когда видѣлись, не хотѣлъ къ твоему горю своего горя прибавлять,—съ горечью заговорилъ дядя.—А жилось мнѣ такъ, что хоть въ могилу ложись... Маруська, Маруська! Мало я плакалъ, стоя надъ ея могилой, а послѣ и вспомнилось все, горько вспомнилось... И ея не стало, и ты далеко... И что за годъ выдался, кого ни встрѣтишь, всѣ въ горѣ, у всѣхъ утраты; точно моръ какой на людей напалъ. Вѣдь вотъ у Христины Карловны мужъ умеръ...

— Неужели?—удивился я.—Что же она, бѣдная, дѣлаетъ?

— На мѣсто пошла,—отвѣтилъ дядя.—И жильцовъ у нея убавилось, какъ женился Дормидонъ Дормидонычъ... Новыхъ впускать не захотѣла, ну, и пошла на мѣсто... И вѣдь, кажется, что она мнѣ была не родная, не близкая, а тяжело было разставаться съ нею. Да что про нее говорить! Даже скучно стало, какъ переѣхали Дормидонъ Дормидонычъ и Фуфайкина, точно вотъ друзей лишился... Выйдешь въ коридоръ,—никто тамъ и не ахаетъ, все пусто... Пробовалъ и на охоту съ Фридлихомъ ѣздить, да нѣтъ, безъ тебя мнѣ и тамъ было какъ-то пусто, безлюдно. Радъ былъ, что у Матрены Марковны квартира очистилась...

Дядя тяжело вздохнулъ и умолкъ. У него было что-то тяжелое на душѣ.

— Хорошо тебѣ здѣсь жить?—спросилъ я.

— Какъ тебѣ сказать?—немного нахмурился дядя:—Матрена Марковна ухаживаетъ за мной, какъ за ребенкомъ, благодѣтелемъ своимъ считаетъ... Она добрая, сердце у нея мягкое... Я ей очень, очень благодаренъ, что она въ такое время пригрѣла меня... Вѣдь сама пришла ко мнѣ, говоритъ: «вамъ, капитанъ, покой, вамъ попеченія женщины нужны...» Поняла она, знаешь, какое время я переживалъ, и сжалилась...

— Ну, дядя, ты хорошихъ хозяевъ и безъ нея нашелъ бы,—замѣтилъ я.

— Конечно, конечно,—согласился дядя и какъ-то замялся.—Только, знаешь, чужіе, незнакомые, все это не то...

— Да вѣдь и она тебѣ не родная,—сказалъ я.

Digitized by Google

Дядя тревожно взбилъ хохолъ и, совсѣмъ растерявшись, пробормоталъ:

— Разумѣется, разумѣется, чужая!

Я съ удивленіемъ глядѣлъ на него. Старикъ совсѣмъ опустился, совсѣмъ присмирѣлъ.

— Ну, а что же кавказецъ—ходитъ къ вамъ?—спросилъ я.

— Ходитъ,—махнулъ рукой дядя.—Сначала я, было, хотѣлъ запретить ему посѣщать нашу квартиру. Но Матрена Марковна женщина добрая, мягкая, къ тому же она ему тетка, любитъ его, какъ сына своей любимой умершей сестры,—ну, она и сжалилась надъ нимъ, упросила меня, чтобы я не выгонялъ, не позорилъ его... И то сказать: мнѣ до него мало дѣла, я и отказать ему отъ дома хотѣлъ только потому, что сначала она просила объ этомъ. Впрочемъ, онъ и самъ теперь присмирѣлъ, меньше буйствуетъ... Пьетъ, знаешь, но не буйствуетъ.

Дядя умолкъ и задумался, устремивъ свои глаза въ ту даль прошлаго, куда не заходили никакія Матрены Марковны, гдѣ не безобразничали никакіе кавказцы, гдѣ людскіе образы были такъ же чисты и свѣтлы, какъ ихъ любовь.

— Эхъ, птица, сердце-то у меня такое, что кто меня обласкаетъ, тотъ мнѣ и родня,—проговорилъ онъ съ грустью черезъ нѣсколько минутъ.—И устарѣлъ я, очень устарѣлъ. Какъ ребенка, меня на помочахъ водить можно, осѣдлать, какъ объѣзженную клячу, можно...

— Дядя, что же ты волнуешься? — спросилъ я. — Тебя горе измучило. Отдохнешь и станешь бодрѣй.

Дядя только рукой махнулъ.

— Ну, бросимъ этотъ разговоръ, бросимъ! — промолвилъ онъ.—Вырастешь, все узнаешь, все поймешь.

— А ты погляди на меня,—засмѣялся я, стараясь казаться веселымъ:—мнѣ ужъ и расти не для чего больше.

— Да, да, высокъ сталъ,—улыбнулся онъ, хотя его лицо и не просвѣтлѣло.—А и худъ же ты сталъ, красивъ, но худъ, очень худъ.

— Потолстѣю!.. А что, Макарова видѣлъ ты?

— Нѣтъ, братъ, у него тоже горе, тоже мать умерла,—вздохнулъ дядя.—Да, кромѣ того, онъ изъ гимназіи вышелъ.

— Какъ такъ?—изумился я этому неожиданному извѣстію.

— Повздорилъ съ учителемъ. Тотъ сказалъ, что не позволитъ ему перейти въ послѣдній классъ, а Макаровъ и ляпни ему: «я и самъ не желаю переходить, говоритъ,—потому что выхожу изъ гимназіи».

Digitized by Google

— И его не удержали?

— Кому удержать-то было? Матери уже не было на свѣтѣ, опекуны мало заботятся о своихъ обязанностяхъ, ну, и вышелъ...

— Гдѣ же онъ теперь?

— На лѣто куда-то уѣхалъ... Лѣчиться вздумалъ... Это всегда такъ: какъ наслѣдственныя деньги въ карманѣ заведутся, такъ и наслѣдственные недуги откроются...

— Что-то онъ будетъ дѣлать?—задумался я.

— Что?—въ раздумьи повторилъ дядя. — Сперва мостовую гранить, да наслѣдственное имѣніе проѣдать станетъ, потомъ соскучится отъ бездѣлья, пулю въ лобъ пуститъ, либо какой-нибудь бабѣ въ лапы попадетъ, да такъ подъ ея башмакомъ и кончитъ свой вѣкъ. Эта, братъ, участь ждетъ всѣхъ насъ, холостяковъ въ отставкѣ. Если деньги есть, да дѣла нѣтъ, такъ только и есть два пути: въ могилу или подъ бабій башмакъ...

Дядя опять нахмурился и заёрзалъ рукой по хохлу.

— Ну, дядя, неужели нельзя найти дѣла?—возразилъ я.

— Какъ не найти дѣла,—отвѣтилъ дядя и заходилъ по комнатѣ.—Только для дѣла, птица, нужна подготовка, нужна привычка къ труду, выработка характера. А какъ и чему насъ учили? Когда мы успѣли привыкнуть къ труду? Гдѣ у насъ характеръ? Много ли знаетъ Макаровъ? Не пріучился ли онъ только ненавидѣть трудъ въ гимназіи? Можетъ ли у него, у молодого барченка, быть характеръ? Да что онъ! Ты меня возьми въ примѣръ. Ну, учился я, нахватался вершковъ наукъ, служилъ во флотѣ, остался добрымъ и честнымъ человѣкомъ, — а за какое дѣло я могу взяться, что я умѣю дѣлать, что я знаю? — Ничего. И какой у меня характеръ? Мы всѣ люди безъ характеровъ. Сердцемъ мы живемъ, волноваться, расчувствоваться можемъ, а съ этимъ далеко не уѣдешь, развѣ только попадешь подъ вліяніе какой-нибудь...

Въ это время дверь отворилась, и въ комнату появилась сіяющая улыбкой Матрена Марковна съ желтыми бантами на шеѣ и на головѣ и въ яркомъ ситцевомъ капотѣ. За ея подолъ держалась цѣлая стая ребятишекъ, выглядывавшихъ любопытными глазами изъ-за платья матери.

— Ахъ, капитанъ, пришла домой, слышу, что къ вамъ Володенька пріѣхалъ,—воскликнула она сентиментальнымъ голосомъ.—Думаю: нѣтъ, нѣтъ, во что бы то ни стало, пойду, взгляну на него, на наше милое дитя.

Digitized by Google

Я поднялся съ мѣста; она быстро окинула меня глазами и, кажется, изумилась, встрѣтивъ во мнѣ совсѣмъ не ребенка, а вполнѣ развитаго юношу.

— Я такъ полюбила васъ заочно,—заговорила она, нѣжно пожимая мнѣ руку.—Мы такъ часто бесѣдовали съ добрѣйшимъ капитаномъ о васъ. Ахъ, эти долгіе лѣтніе вечера, проведенные въ воспоминаніяхъ о васъ, никогда не исчезнутъ изъ моей памяти! Капитанъ становится такъ молодъ, такъ горячъ, говоря о васъ, о вашей покойной матушкѣ, о вашей прошлой жизни. Я завидую, я завидую вамъ...

Я молча смотрѣлъ на нее и ждалъ, чѣмъ кончится этотъ монологъ. Дядя, какъ-то принизившись, опять сидѣлъ на диванѣ и разводилъ ложкою узоры изъ пролитой на поднос воды.

— Капитанъ полюбилъ нашу семью, мы какъ родные,— продолжала Матрена Марковна, еще разъ протянувъ мнѣ руку.—Будьте и вы въ нашемъ домѣ, какъ у себя. Полюбите моихъ малютокъ...

Въ эту минуту малютки, какъ по данному сигналу, выбѣжали изъ-за матери и бросились къ дядѣ, несмотря на то, что она приказывала имъ поздороваться со мною.

— Дядя Петя, дай сахалцу?—залепетали они. — Можно взять сухаликовъ?

Дядя молчаливо сталъ надѣлять ихъ и сахаромъ, и сухарями. Они шумѣли и возились около него, споря между собою изъ-за подачекъ.

— Капитанъ, глядя на нихъ, вспоминаетъ ваше дѣтство, дѣтство вашей матушки,—поясняла Матрена Марковна, потупляя глаза.—Малютки такъ любятъ его, такъ ласкаются къ нему. Я не могу безъ слезъ смотрѣть на эту картину... Я женщина съ сердцемъ, я молода, несчастна...

Я не говорилъ ни слова, глядя, какъ дѣти продолжали карабкаться на диванъ къ дядѣ и выгребать изъ ротъ сахаръ и сухари, осматривая жадными глазами столъ. Смущенный дядя не препятствовалъ опустошенію сахарницы и сухарницы и старался не глядѣть на меня.

— Они, мои бѣдныя сиротки, и васъ обожаютъ,—продолжала Матрена Марковна, нѣжно бросая на меня свои слишкомъ пламенные взгляды.—Они же молятся, какъ за капитана, такъ и за васъ.

— За меня, за что же?—изумился я.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула въ экстазѣ Матрена Марковна, сжимая мою руку.—Я знаю, какъ дороги вы на-

Digitized by Google

шему ангелу капитану, я знаю, что онъ все дѣлаетъ ради васъ... Это ангелъ, ангелъ!.. О, полюбите ихъ и вы, полюбите меня, бѣдную, несчастную вдову!

Матрена Марковна быстро прослезилась и прижала мою руку къ своему сердцу, то есть къ своей полной, по-мѣщански распущенной груди. Я невольно покраснѣлъ отъ этого прикосновенія. Матрена Марковна быстро потупила стыдливые взоры.

— Дѣти, дѣти, пойдемте, милыя. Мы не должны нарушать семейнаго мира,—проговорила она. — Извините, я не стану васъ безпокоить. Уйду, уйду, говорите, наслаждайтесь свиданіемъ. Ахъ, я знаю, что значитъ родственная любовь. Это... это... чувство!

Матрена Марковна исчезла, сопровождаемая ухватившимися за ея подолъ и уже перебранившимися дѣтьми. Я молча смотрѣлъ на дядю, онъ продолжалъ чертить узоры на подносѣ и, повидимому, глубоко размышлялъ о чемъ-то. Я не прерывалъ его думъ. Я инстинктивно понималъ, что дядю что-то мучаетъ, что въ его жизни случилось нѣчто необыкновенное.

— Такъ-то, птица,—вздохнулъ онъ тяжелымъ вздохомъ, точно заканчивая какой-то тяжелый разговоръ со мною.— Ничего не бойся въ жизни, бойся только перваго шага. Первый шагъ во всякомъ дѣлѣ—это гибель или удача. Помни это и будь остороженъ. Перваго шага никогда не дѣлай. Я часто платился за первые шаги, твоя мать платилась за нихъ, всѣ за нихъ расплачиваются.

Онъ всталъ, не обращая вниманія на мой недоумѣвающій взглядъ.

— Эхъ, если бы десятка два лѣтъ съ костей,—постучалъ онъ кулакомъ по столу.—Все бы передѣлалъ. Тогда боекъ я былъ. Ошибусь—и сейчасъ же все поверну по-своему. А теперь обабился, ослабѣлъ...

Онъ потеръ рукою свой лобъ и замолчалъ. Я уже давно замѣтилъ, что дядя дѣйствительно страшно постарѣлъ, несмотря на подчерненные волосы. Онъ даже, какъ будто, путался иногда въ разговорахъ, онъ не оживлялся попрежнему, не произносилъ хватающихъ за сердце рѣчей. Теперь его рѣчь текла вяло, точно онъ говорилъ не то, что хотѣлъ бы сказать, точно въ его душѣ было какое-то тяжелое и невысказанное чувство, подавляющее въ немъ всѣ другіе заботы и интересы. Контрастъ между нами былъ теперь тѣмъ поразительнѣе, что я въ эту пору кипѣлъ, болѣе чѣмъ

Digitized by Google

когда-либо, жизнью и надеждами. Мнѣ хотѣлось идти впередъ и впередъ съ объятіями, открытыми для всѣхъ, мнѣ хотѣлось работать, совершить нѣчто великое, завербовать и счастіе, и славу; его не манило ничто въ будущемъ и мучила только какая-то, можетъ-быть, ничтожная, ошибка, совершенная имъ. Я, казалось, руками готовъ былъ порвать желѣзныя цѣпи, сдвинуть съ своей дороги цѣлыя зданія; онъ не чувствовалъ въ себѣ силы оборвать какую-нибудь ничтожную нитку, опутавшую его, устранить со своего пути какую-нибудь гнилую щепку. Я радъ бы былъ сдѣлать тысячи новыхъ смѣлыхъ шаговъ въ различныхъ направленіяхъ, чтобы достигнуть своей цѣли; онъ скорбѣлъ, что сдѣлалъ какой-то одинъ невѣрный шагъ, можетъ-быть, вполнѣ нестоящій никакого серьезнаго вниманія. До сихъ поръ дядя заботился обо мнѣ, указывалъ мнѣ дорогу, защищалъ меня отъ невзгодъ; теперь роли, повидимому, должны были скоро перемѣниться, и, можетъ-быть, мнѣ нужно было сдѣлаться нянькою, защитникомъ, опекуномъ дряхлѣющаго старика.

«Ну, что же, — думалъ я, не ложась спать и ходя по гостиной, когда дядя уже давно спалъ въ своемъ кабинетѣ.—Буду няньчится съ нимъ, буду заботиться о его спокойствіи, какъ онъ нянчился прежде со мной и заботился обо мнѣ. Когда-то онъ говорилъ мнѣ: не тужи, Володя, я буду жить съ тобою,—и я успокаивался. Теперь приходитъ пора мнѣ сказать ему: не тужи, дядя, я стою около тебя! Онъ разсказывалъ мнѣ, что во время кораблекрушеній не разъ выбрасывали за бортъ лишнихъ людей. Но онъ не былъ лишнимъ для меня, онъ недаромъ берегъ мое дѣтство, развилъ во мнѣ честныя мысли, вселилъ въ мое сердце теплую любовь. Если всѣ бросятъ его, если всѣ будутъ считать его лишнимъ, то я громко крикну, что это честный и добрый старикъ, достойный уваженія со всѣми своими ошибками и заблужденіями. Я заставлю уважать его, заставлю Мишу, всѣхъ своихъ друзей съ благоговѣніемъ смотрѣть на его сѣдую голову. Но не только ихъ заставлю я уважать его, я добьюсь того, что даже Бубновъ придетъ къ нему и станетъ, какъ нищій—нищій честностью—ждать ласковаго слова, снисходительнаго прощенія отъ капитана Хлопко. А проститъ ли его капитанъ? Боже мой, развѣ въ состояніи не простить кого-нибудь капитанъ Хлопко!»

Я осмотрѣлся въ комнатѣ. Кругомъ лежалъ на предметахъ кроткій бѣловатый свѣтъ начинающагося дня. Небо

Digitized by Google

было безоблачно и ясно. О, если бы такъ ясна и безоблачна была моя послѣдующая жизнь! Но если и не будетъ она такъ свѣтла, что за дѣло? Развѣ грозы и бури не приносятъ своей доли пользы, развѣ не дѣлается воздухъ чище послѣ нихъ, развѣ не становится человѣкъ бодрѣе, переживъ ихъ, развѣ не старается онъ искать средствъ для борьбы съ ними, увидавъ ихъ разрушительное вліяніе? И что за жизнь безъ борьбы и безъ торжества побѣды? Праздная и всѣмъ довольная, ни къ чему не стремящаяся и ничѣмъ не возмущаемая, навѣвающая скуку, истому и сонъ, ненавистна она молодой силѣ. Эта сила кипитъ и бушуетъ въ каждой жилкѣ молодого существа; она хочетъ помѣряться съ другими силами, она хочетъ сама завоевать свое счастье, она съ презрѣніемъ смотритъ на брошенные ей, какъ нищей, дары случая. Я былъ полонъ такихъ юныхъ силъ, надеждъ и стремленій, и такъ же страстно привѣтствовалъ предстоящую жизнь, полную борьбы и тревогъ, какъ привѣтствовалъ этотъ наступавшій свѣтлый день.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Капитанъ Хлопко принимаетъ на своемъ опустѣвшемъ кораблѣ завербованныхъ мною рекрутовъ.

Въ нашей бѣдной событіями, убійственно однообразной жизни нерѣдко выдаются не только дни, но и цѣлые годы, какъ двѣ капли воды, похожіе другъ на друга. Такіе годы всегда представлялись мнѣ чѣмъ-то въ родѣ переходовъ изъ комнаты въ комнату, изъ канцеляріи въ канцелярію въ одномъ и томъ же департаментѣ. Можетъ-быть, въ новой комнатѣ вы найдете столы иначе разставленными, чѣмъ въ старой; можетъ-быть, здѣсь вы встрѣтите у чиновниковъ менѣе потертые мундиры, менѣе тупыя лица, чѣмъ лица и мундиры у чиновниковъ въ другой комнатѣ, но типъ самыхъ комнатъ и чиновниковъ остается все тотъ же; на немъ лежитъ та же, все слизывающая, все сглаживающая, все стирающая, печать казенщины. Жалокъ тотъ, кто втянется, мало-по-малу, въ эту жизнь, на кого она наложитъ свою роковую печать, уничтожающую всѣ оттѣнки личностей и дающую огульныя клички цѣлымъ массамъ людей, которые уже становятся не какими-нибудь Ванями или Иванами Ивановичами, а кадетами, гимназистами, купцами, чиновниками, офицерами, чѣмъ-то въ родѣ статуэтокъ, вылитыхъ

Digitized by Google

въ одну общую для ихъ званій форму. Но не весела у насъ участь и того, кому не подъ ростъ пришлась назначенная ему судьбою форма, кто не можетъ втиснуть себя въ нее и рвется на волю, хочетъ самостоятельно создать для себя подходящія характеру условія жизни, не похожія на условія, признанныя нормальными и освященныя съ незапамятныхъ временъ. Такой человѣкъ не жалокъ,—да онъ и не требуетъ сожалѣній,—но жалка его участь, полная порывовъ, страданій и обыкновенно оканчивающаяся его паденіемъ и торжествомъ старыхъ формъ жизни. Нерѣдко и на мою долю выпадали эти однообразные годы, нерѣдко и мнѣ приходилось выбирать между борьбой, полной страданій, и между втискиваніемъ себя въ опредѣленную форму. Я выбиралъ первое. Но подобные годы, подобную глухую борьбу трудно и скучно описывать. Еще труднѣе рѣшиться на описаніе ихъ, когда, по общепринятымъ понятіямъ, человѣкъ даже не имѣетъ и права на борьбу съ существующимъ. Тутъ одинъ шагъ до смѣшного. Вообразите себѣ, напримѣръ, шестнадцати или семнадцатилѣтняго мальчика, задыхающагося и стремящагося къ борьбѣ среди той обстановки, которая признана необходимою для него и для его сверстниковъ. Развѣ это не смѣшно? Мальчикъ задыхается отъ того, что придумали взрослые! Мальчикъ хочетъ иначе устроить свою жизнь! Мальчикъ думаетъ бороться! «Ахъ, Боже мой, зачѣмъ же его не высѣкли!» слышу я восклицаніе нервныхъ барынь.

Но все-таки мнѣ необходимо сказать хоть нѣсколько словъ объ этихъ однообразныхъ, скучныхъ годахъ моей гимназической жизни среди одинаково одѣтыхъ пансіонеровъ въ одноцвѣтныхъ комнатахъ, съ одинаковою мебелью...

Большая рекреаціонная и гимнастическая зала, несмотря на свою голубовато-сѣрую однообразную окраску, имѣла менѣе казенный видъ, чѣмъ всѣ остальныя комнаты гимназіи. Я любилъ эту залу. Лѣстницы, веревки, козлы, мягкія подстилки, сваленныя въ уголъ, безпорядочно разставленные стулья придавали ей нѣсколько оживленный видъ. Сверхъ того, въ рекреаціонные часы зала наполнялась гимназистами-пансіонерами, спѣшившими вполнѣ воспользоваться минутами свободы. Здѣсь собирались дѣти всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій, различные по характерамъ, по способностямъ. Одни изъ нихъ лазали по лѣстницамъ и развивали свои физическія силы и ловкость; другіе одиноко сидѣли въ различныхъ углахъ, съ книгами въ рукахъ, и старались

Digitized by Google

развить свои умственныя способности; третьи прохаживались по-парно и тихо бесѣдовали между собою, отдаваясь первымъ стремленіямъ къ дружбѣ. Шумъ и смѣхъ заглушали голосъ гувернера, и руководитель юношества, изъ опасенія охрипнуть, наконецъ, умолкалъ и оставлялъ это юношество ходить хоть на головахъ, конечно, удерживая за собою право раздѣлаться за все съ непокорными послѣ рекреаціи. Предоставленная самой себѣ, здѣсь формировалась часть новаго поколѣнія людей, дѣятелей общественной жизни. Можетъ-быть, нѣкоторымъ изъ этихъ дѣтей суждено было впослѣдствіи занять видныя мѣста въ обществѣ, приносить ему пользу или вредъ. Можетъ-быть, другимъ изъ нихъ было предназначено затеряться въ массѣ погибшихъ отщепенцевъ общества, задохнуться гдѣ-нибудь въ глуши, въ нищетѣ, въ полу-невѣжествѣ. Большей части предстояла именно эта скорбная участь. Это можно было сказать впередъ, такъ какъ въ первый классъ вступило этихъ дѣтей, готовящихся къ плодотворной дѣятельности, до сорока человѣкъ, а уже въ третьемъ ихъ было только двадцать-пять. Пятнадцать встрѣтили препятствія на первыхъ шагахъ по далекому и трудному пути къ развитію. Однихъ изъ рано погибшихъ дѣтей взяли изъ гимназіи родители вслѣдствіе своей глупости или вслѣдствіе своей нищеты; другія засидѣлись на три года въ классѣ, вслѣдствіе своей лѣности или тоже вслѣдствіе своей нищеты, не дающей ни средствъ, ни возможности учиться; третьи, впрочемъ, немногія, захирѣли и погибли, какъ цвѣты, захваченные морозомъ. И чѣмъ дольше приходилось дѣтямъ идти по приготовительному пути къ дѣятельности, тѣмъ болѣе рѣдѣли ихъ ряды; еще такъ недавно тѣсные, оживленные и весело бросившіеся къ источнику знанія. Но, глядя и на этихъ, уцѣлѣвшихъ рекрутовъ общественной дѣятельности, становилось не особенно весело. Среди нихъ уже многіе отупѣли и превратились въ машины. Они зубрятъ безсознательно уроки, получаютъ хорошія отмѣтки, аккуратно являются въ классы, но дѣлаютъ свое дѣло съ бездушіемъ зачерствѣлыхъ чиновниковъ. Отвѣчаютъ они съ безразличнымъ рвеніемъ, отъ точки до точки, и чудеса Моисея, и великія евангельскія истины, и перечисленіе произведеній французскаго города Бордо, и разсказъ о царствованіи Іоанна Грознаго, и оду «Богъ» Державина. Прервetъ ихъ учитель лаконическимъ «довольно» на полусловѣ, и они, не договоривъ послѣднихъ слоговъ начатаго слова, поспѣшно садятся на мѣста, стушевываются,

Digitized by Google

исчезаютъ, какъ тѣни въ китайскомъ фонарѣ, и украдкой отираютъ выступившія на лбу крупныя капли пота, нисколько не жалѣя, но даже радуясь, что ихъ «спросили не до конца». Книга, откуда отвѣчался урокъ, откладывается въ сторону, на ея мѣсто является другая книга, откуда нужно вызубрить другой урокъ къ слѣдующему часу. И самъ вызубренный урокъ тщательно прячется въ головѣ въ какой-то потаенный, дальній уголъ, чтобы онъ не мѣшалъ, не сбивалъ съ толку во время отвѣчанія другихъ уроковъ. Голова дѣлается ящикомъ, куда засунуты въ разные уголки тѣ или другіе предметы знанія, вынимающіеся оттуда только по востребованію другихъ, но никогда не подвергающіеся пересмотру или провѣркѣ по иниціативѣ самого владѣльца этого ящика. Владѣлецъ знаетъ, что эти предметы онъ долженъ хранить въ своемъ ящикѣ до поступленія въ университетъ или на службу, и радуется, что скоро настанетъ пора, когда можно будетъ свалить эти предметы въ самую дальнюю кладовую, предоставивъ ихъ на истребленіе времени, какъ негодный хламъ, не имѣющій ничего общаго съ дальнѣйшею дѣятельностью. И въ самомъ дѣлѣ, что общаго можетъ видѣть владѣлецъ ящика, съ одной стороны, между чудесами Моисея и между произведеніями города Бордо и, съ другой стороны, между такимъ ученіемъ, «которое должно освободить человѣка отъ всѣхъ конечныхъ стремленій и цѣлей и сдѣлать его настолько равнодушнымъ къ нимъ, что для него должно быть все равно, существуютъ эти вещи или нѣтъ», и между докладами N-скому губернатору за нумеромъ такимъ-то «объ изслѣдованіи крестьянской дѣвки Авдотьи Безпятовой, якобы засѣченной помѣщикомъ Николаемъ Добротворскимъ?» Конечно, тутъ нѣтъ ничего общаго, и потому ученикъ рѣшается задалбивать все и не думать ни о чемъ. Какъ только онъ рѣшится думать, такъ тотчасъ же ему придется получить худой баллъ или за чудеса Моисея, или за произведенія города Бордо и тѣмъ испортитъ свою карьеру. Рядомъ съ этими скопцами знанія выработался и другой типъ,—типъ дипломныхъ барышниковъ. Какъ лошадиный барышникъ спекулируетъ на лошадяхъ, такъ эти барышники спекулируютъ на баллахъ, медаляхъ, дипломахъ. Они покупаютъ на чистыя деньги эти предметы, чтобы обмѣнять ихъ потомъ на теплыя и видныя мѣста. Они ничего не знаютъ изъ того, за что получили хорошія отмѣтки, золотыя медали и блестящіе дипломы. Они и не заботятся объ этомъ знаніи,

Digitized by Google

они только стремятся сдѣлать выгодную сдѣлку при помощи этихъ удостовѣреній въ знаніи. Они богаты, они уже втянулись въ веселую жизнь, поняли цѣну чистыхъ перчатокъ, модной одежды, дорогихъ рысаковъ, пьяныхъ баловъ, балетнаго разврата, и знаютъ, что все это доступно при капиталѣ и что капиталъ даетъ двойные проценты при помощи дипломовъ.

И дѣти, только-что ступившія на путь знанія, еще весело и шумно забавляющіяся новой игрушкой, и кончающіе этотъ путь скопцы знанія, тщательно перетаскивающіе изъ книги и втискивающіе въ одинъ изъ своихъ умственныхъ ящиковъ новую порцію науки, и хлыщеватые дипломные барышники, развязно прогуливающіеся взадъ и впередъ по залѣ и кичливо рисующіеся передъ гимназической «мелюзгой», какъ они будутъ рисоваться послѣ передъ общественной мелюзгой, передъ бездипломнымъ народомъ,—всѣ эти лица, волнуясь и шумя, бранясь и нѣжничая, проходили передо мной по рекреаціонной залѣ. Помѣстившись на широкій подоконникъ, я по цѣлымъ часамъ изо дня въ день глядѣлъ на эту пеструю массу, и здѣсь впервые пробудилось во мнѣ скорбное сознаніе, что у меня нѣтъ ничего общаго съ нею, что едва ли и она найдетъ что-нибудь общее со мною. Меня не занимали извѣстія, что откупщикъ, отецъ Сивкова, купилъ себѣ новый домъ, а отецъ барона Розена получилъ звѣзду. Ихъ тоже не могло занимать, что я желалъ бы сдѣлать счастливымъ своего дядю или что мнѣ тяжело стоять въ дурныхъ отношеніяхъ къ отчиму. Но это, можетъ-быть, происходило оттого, что дѣло шло о нашихъ частныхъ, личныхъ интересахъ? Нѣтъ, были у насъ и общія дѣла, но и здѣсь не было общихъ интересовъ. И скопцы знанія, и дипломные барышники, и вся остальная масса моихъ товарищей по училищу преслѣдовали не тѣ интересы, которые преслѣдовалъ я. Наши цѣли были такъ же различны, какъ званія и состоянія, а значитъ и цѣли нашихъ отцовъ. Мнѣ очень часто приходилось бороться, именно, противъ тѣхъ порядковъ и лицъ, которые были дороги и милы моимъ товарищамъ. Такъ, напримѣръ, Сивковъ очень любилъ и уважалъ шпіонящаго гувернера Прохорова, служившаго когда-то въ сенатѣ и имѣвшаго дѣла съ откупщиками. Уволенный изъ сената, Прохоровъ поступилъ гувернеромъ въ гимназію и взялъ подъ свое крыло сына своего прежняго благопріятеля Сивкова. Я же чувствовалъ приливы злости, когда Прохоровъ кошкой прокрадывался

Digitized by Google

босикомъ въ ночную пору въ наши спальни и ловилъ тѣхъ, кому вздумалось почитать при тускломъ свѣтѣ лампы, висѣвшей въ спальнѣ. Я возмущался, когда Прохоровъ тайкомъ пробирался во время уроковъ къ шкапикамъ, стоявшимъ около нашихъ кроватей, и съ жаднымъ любопытствомъ шарилъ въ нашихъ ящикахъ, перечитывая письма, унося неучебныя книги, похищая попавшіяся подъ руки картины, а потомъ ябедничалъ инспектору на насъ. И какъ ожесточенно преслѣдовалъ онъ меня!

— Рано, батюшка, рано романчики стали почитывать!— шипѣлъ онъ однажды, обревизовавъ мой шкапъ.

— У меня нѣтъ романовъ,—отвѣтилъ я.—У меня вотъ только «Отечественныя Записки» были, и да ихъ кто-то укралъ.

Прохоровъ поблѣднѣлъ отъ злости, услышавъ мою грубость, и перемѣнилъ тонъ.

— А въ «Отечественныхъ-то Запискахъ» ты что читаешь? Ужъ не ученыя ли статьи? Да твоему ли уму понять ученыя статьи! Тутъ-то у тебя, кромѣ сквознаго вѣтра, ничего нѣтъ!—постучалъ онъ по моему лбу костлявымъ суставомъ согнутаго указательнаго пальца.—Да если бы и было тутъ что-нибудь, если бы ты и точно не вралъ, что ты ученость-то эту происходишь, такъ тебя нужно бы березовой кашей ужъ за то попотчивать, что ты такія книги въ руки берешь. Это бунтовщики, шушера голоштанная, проходимцы безпардонные пишутъ! Да ты у меня такъ не отдѣлаешься, голубчикъ! Я Дмитрію Карповичу пожалуюсь на тебя, грубіянъ мальчишка!..

Услышавъ брань и угрозу инспекторскаго наушника, я рѣшился на защиту.

— Что-жъ, говорите! Эти книги мнѣ графъ Сиверскій прислалъ. Онъ вѣрно не зналъ, что ихъ нельзя читать,— отвѣтилъ я твердымъ и спокойнымъ тономъ.

Прохоровъ пристально, ястребинымъ взглядомъ всматривался въ мои глаза. Я сдѣлалъ усиліе, чтобы скрыть свое душевное волненіе, чтобы не выдать своей отважной лжи.

— У меня есть еще одинъ томъ «Отечественныхъ Записокъ»,—продолжалъ я наглую ложь.—Вы возьмите и его; а то я, все равно, не могу отдать графу Сиверскому разрозненный экземпляръ журнала.

Я повернулся, чтобы пройти въ спальню и достать изъ-подъ подушки нумеръ опальнаго журнала, но Прохоровъ остановилъ меня.

Digitized by Google

— У васъ не отнимать хотятъ книги,—проговорилъ онъ мнѣ тѣмъ вѣжливымъ тономъ, которымъ начальники называютъ подчиненныхъ мерзавцами:—но вамъ даютъ выговоръ за то, что вы таскаете постороннія вещи въ гимназію. Этимъ и воровство распложается, и отнимается время у вашего ученья.

«Нѣтъ,—мелькнула въ моей головѣ мысль:—ты этимъ отъ меня не отдѣлаешься».

— Но вѣдь Сивковъ же приноситъ съ собой и читаетъ здѣсь книги,—замѣтилъ я вслухъ.

— Онъ-съ Юрія Милославскаго, онъ-съ произведенія господина Булгарина читаетъ, — горячо и выразительно произнесъ Прохоровъ.

— А вы думаете, что Милославскаго и Булгарина и сторожа воровать не станутъ?—засмѣялся я.

Прохоровъ сжалъ въ безсильной злобѣ кулаки и прошипѣлъ:

— Я-съ добьюсь, что васъ исключатъ, я-съ до высшаго начальства дойду!

— Вы бы тогда и пожаловались попечителю, когда онъ въ послѣдній разъ призывалъ меня къ себѣ во время своего посѣщенія гимназіи!—замѣтилъ я, зная, что Прохоровъ очень хорошо помнитъ, какъ заботливо справлялся попечитель обо мнѣ.

Прохоровъ плюнулъ передъ моимъ носомъ и пошелъ прочь.

Но я не угомонился и рѣшился сдѣлать еще одинъ, самый смѣлый шагъ.

Я попрошу васъ, Иванъ Иванычъ, подтвердить своимъ письмомъ къ графу Сиверскому, что у меня дѣйствительно украли здѣсь книги,—обратился я къ гувернеру, и мое сердце забило тревогу: ну, какъ вдругъ Прохоровъ, въ самомъ дѣлѣ, напишетъ къ графу письмо?

— Никто-съ вашихъ книгъ не воровалъ; я ихъ взялъ, чтобы вы не читали ихъ въ классахъ,—отвѣтилъ онъ находу.—Въ субботу получите ихъ отъ меня.

Онъ удалился, ворча себѣ подъ носъ:

— Въ Сибири, въ каторгѣ сгніешь послѣ! Такимъ разбойникамъ другой дороги нѣтъ!

Я молча проводилъ его глазами. Меня волновало не то, что я кончу свой вѣкъ въ Сибири, но то, что я уже теперь долженъ бороться при помощи лжи и наглости, что такая борьба возможна только съ подобными глупыми и

Digitized by Google

грязными личностями, какъ Прохоровы, Соловьевы и ихъ друзья. Не будь за ними грязныхъ дѣлишекъ, смотри каждый изъ нихъ прямо въ глаза высшему начальству, и мнѣ было бы невозможно пугать ихъ моею ложью, моею ролью мнимаго шпіона. Я чувствовалъ всю выгоду этой роли и всю низость моихъ враговъ, но не радовался ни тому, ни другому. Мой характеръ былъ еще слишкомъ пылокъ для подобной радости. Мнѣ еще хотѣлось и открытыхъ битвъ, и честныхъ враговъ; подобно дядѣ, я чувствовалъ отвращеніе къ интригамъ, къ подкопамъ противъ подкоповъ и, къ несчастью, именно, такимъ образомъ, приходилось мнѣ отстаивать свои права на чтеніе книгъ, на свѣжую пищу, на справедливыя отмѣтки, однимъ словомъ, на все, что должно бы доставаться на долю каждаго безъ всякой борьбы, безъ всякихъ интригъ, безъ всякихъ преступленій.

Эта борьба, унижавшая меня въ моихъ собственныхъ глазахъ, прямо показала мнѣ, что не только между мною и какими-нибудь Сивковыми и Розенами не было ничего общаго, но что также не было ничего общаго между мною, этими личностями и начальствомъ гимназіи. Мы были пришиты другъ къ другу на живую нитку. Наша связь тяготила насъ, и мы всѣ мечтали только о томъ, какъ бы отдѣлаться другъ отъ друга. Учителя и ученики радовались только праздникамъ, учителя заботились о посѣщеніи уроковъ, но не о развитіи науки, преподавая по устарѣлымъ учебникамъ. У насъ тогда смотрѣли очень снисходительно на это обученіе по отжившимъ учебникамъ, гдѣ все сдѣлалось ложью. Говорилось, что учителя покоряются необходимости, что откажись кто-нибудь изъ нихъ учить по этимъ негоднымъ книгамъ, и на его мѣсто явился бы другой, который сталъ бы учить по тѣмъ же книгамъ. Это отговорка взяточниковъ: не я возьму, другой возьметъ. Но вѣдь и іезуиты могли подобнымъ образомъ оправдываться, когда они разсказывали своимъ ученикамъ, что Людовикъ XVI, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, уѣхавъ изъ Франціи, передалъ начальство надъ войскомъ генералу Бонапарте, которому потомъ отдалъ на время свою корону. Однако, кто же станетъ называть подобныя лекціи наукой? Кто признаетъ честными учителей, согласившихся преподавать эту сознательную ложь? Кто оправдаетъ наказанія, выпадавшія на долю учениковъ, не выучившихъ этой лжи? Кто обвинитъ этихъ учениковъ за ихъ нежеланіе учить эту наглую ложь? И мои товарищи считали преподаваемую имъ науку

Digitized by Google

ненужною ерундою и, незаинтересованные ею, заботились только сдать кое-какъ урокъ, чтобы позабыть его черезъ часъ. Учителя, сознавая ненужность сообщаемаго ими, только ставили тѣ или другія отмѣтки ученикамъ, не заботясь о результатахъ дурныхъ отмѣтокъ. Ученики, дорожа не наукой, а отмѣтками, старались получить хорошіе баллы не прилежаніемъ, но болѣе легкими способами: обманами, подсказываніями, считываніями и списываніями уроковъ, дошенническимъ исправленіемъ балловъ въ журналахъ, помарками. Все это было ясно и учителямъ, и ученикамъ, и обществу, и никто не заботился объ этомъ, какъ-будто такое положеніе учебной канцеляріи было нормально, какъ-будто стремиться къ лучшему было бы и нелѣпо, и невозможно. Апатія и бездѣйствіе общества были убійственны. Можетъ-быть, и я втянулся бы въ этотъ канцелярскій міръ, даже навѣрное втянулся бы и успокоился бы на этомъ, но моя предыдущая жизнь развила во мнѣ сильнѣе всего одно стремленіе—стремленіе къ единодушію, къ братству, къ дружбѣ. Я слишкомъ сильно пострадалъ отъ разъединенія членовъ своей семьи, и потому не могъ не цѣнить союза людей. По цѣлымъ часамъ сиживалъ я въ рекреаціонной залѣ, томясь своимъ одиночествомъ, и все ждалъ, когда же явятся у меня друзья. И вотъ, мало-по-малу, изъ девяти учениковъ седьмого класса начали выдѣляться три личности и все ближе и ближе подходить ко мнѣ. Это были гимназисты Шепелевъ, Палицынъ и Леевъ.

Трудно опредѣлить минуту, съ которой юноши изъ знакомыхъ превращаются въ друзей, трудно опредѣлить, какъ и чѣмъ начинается дружба, трудно это сдѣлать, особенно тогда, когда пройдетъ съ этой минуты, завязавшей дружбу, много и тяжелыхъ, и веселыхъ лѣтъ, когда къ друзьямъ успѣешь привыкнуть уже настолько, что, кажется, будто при первой своей встрѣчѣ съ ними ты любилъ ихъ такъ же сильно, какъ любишь ихъ въ настоящее время. Не могу и я сказать теперь, при какихъ обстоятельствахъ, въ какое время и почему сошелся я съ этими людьми. Мнѣ кажется только, что сначала я обратилъ на себя ихъ вниманіе своей борьбой съ начальствомъ гимназіи, и они поощряли меня на эту борьбу; потомъ они заинтересовались тѣми книгами, которыя читалъ я, и сообщили мнѣ, что они тоже много читаютъ; далѣе, насъ начали связывать воспоминанія о горькихъ дняхъ дѣтства, вызвавшія откровенность. Когда откровенность сдѣлалась полною, безграничною, мы уже

Digitized by Google

были друзьями, и намъ казались уже странными, смутными тѣ дни, когда мы сидѣли рядомъ на школьныхъ скамьяхъ, какъ чужіе, не обращая вниманія другъ на друга.

Все въ той же рекреаціонной залѣ, гдѣ такъ тяжело, такъ медленно переживалъ я свое одиночество, начала крѣпнуть наша дружеская связь. Теперь я уже никогда не сидѣлъ одиноко на своемъ завѣтномъ мѣстѣ: меня окружали они. Наши разговоры и споры чаще всего вертѣлись на толкахъ о гимназическомъ начальствѣ, какъ разговоры слугъ и работниковъ вертятся на толкахъ о хозяевахъ; мы то негодовали за скверную пищу, то жаловались на невозможность свободно читать книги, то смѣялись надъ нелѣпыми распоряженіями и уроками исторіи и словесности; въ концѣ-концовъ, мы постоянно переходили къ одному вопросу: долго ли намъ еще сидѣть въ гимназіи, скоро ли мы выйдемъ изъ этихъ стѣнъ? Какъ узники считаютъ дни, остающіеся до свободы, такъ мы считали дни, остающіеся до выпуска; какъ узники представляютъ свою свободу, если можно такъ выразиться, болѣе свободною, чѣмъ она будетъ на самомъ дѣлѣ, такъ и мы представляли себѣ университетъ въ болѣе яркихъ краскахъ, чѣмъ его настоящія краски. Съ каждымъ днемъ все тяжелѣе и тяжелѣе становилось наше положеніе; намъ хотѣлось куда-нибудь вырваться, гдѣ-нибудь отдохнуть отъ надзора, отъ гнета. Извѣстно, куда приводятъ по большей части подобныя стремленія безсемейныхъ восемнадцатилѣтнихъ юношей—въ публичные дома! Отъ этого выхода спасла насъ случайная исключительность моего положенія: у меня былъ болѣе мирный пріютъ, гдѣ я могъ принять своихъ друзей. Я предложилъ имъ ходить по праздникамъ на отдыхъ къ моему дядѣ. Они безвыходно сидѣли въ гимназіи и съ радостью готовы были принять это предложеніе. Ихъ смущало только одно: будутъ ли пріятны ихъ визиты старику? Они знали его только по моимъ разсказамъ, да по виду, встрѣчая его разъ въ недѣлю въ коридорѣ, когда онъ пробирался на свиданіе со мною. Они, какъ мнѣ показалось, просто боялись его, такъ какъ всѣ встрѣченные ими до сихъ поръ старики или третировали ихъ, какъ мальчишекъ, или дѣлали имъ зло, или досаждали имъ своею ворчливостью. Я только разсмѣялся, услышавъ ихъ опасенія, и обѣщалъ познакомить ихъ съ дядей. Въ первую наступившую за этимъ разговоромъ среду, когда дядя явился ко мнѣ, съ своею обычною аккуратностью, я сообщилъ ему о желаніи моихъ товарищей познакомиться съ нимъ.

Digitized by Google

— Ну, что-жъ, птица, познакомь насъ!—отвѣтилъ онъ.— Я люблю молодежь. И имъ будетъ удобнѣе придти къ намъ въ гости, когда познакомятся со мною. Тебѣ давно бы пора обзавестись знакомыми. Нелюдимъ ты сталъ, все хмуришься...

Старикъ пригладилъ свои виски и обтянулъ сюртукъ, словно приготовляясь къ свиданію съ важными особами. Я позвалъ своихъ друзей. Они явились въ пріемную комнату. Началась рекомендація.

— Очень пріятно, очень пріятно познакомиться, молодые люди!—важно произнесъ дядя, пожимая имъ руки.—Прошу заглядывать въ нашу хату. Мы съ Володькой живемъ по-холостому. Можно во всякое время являться безъ церемоній. Парадной формы и застегнутыхъ мундировъ не требуется. У насъ, знаете, все нараспашку, и сюртуки, и душа.

Молодежь поблагодарила капитана за приглашеніе. Она все еще стояла въ смущеніи, не зная, что начать говорить со старикомъ. Что общаго могло быть между этимъ обломкомъ старой жизни и этими молодыми побѣгами новаго времени?

— Ну, что ваши дѣлишки? Я слышалъ отъ Володьки, что вы все воюете съ инспекторомъ,—началъ дядя, усаживаясь среди насъ.—И чего этотъ колпакъ-директоръ смотритъ? Я, знаете, одно время просто былъ увѣренъ, что онъ хорошій человѣкъ, а не такая тряпица, какою онъ оказался на дѣлѣ. У меня вѣдь съ нимъ была пресмѣшная исторія. Вы, можетъ-быть, слышали, что Володьку исключить хотѣли, ну, вотъ-съ, я и пошелъ объясниться съ директоромъ...

Дядя началъ разсказывать свое комическое объясненіе съ Германомъ и развеселилъ слушателей. Громче всѣхъ хохоталъ своимъ заразительнымъ, неудержимымъ смѣхомъ Леевъ.

— И каково же было мое удивленіе,—закончилъ старикъ:— когда всѣ эти правила и законы оказались несостоятельными передъ однимъ какимъ-нибудь письмомъ графа Сиверскаго! Вѣдь послѣ этого всѣ ихъ правила только для формы существуютъ; ими только трусовъ, да беззащитныхъ пугать можно.

— Да вѣдь они чиновники-взяточники, это всѣмъ извѣстно!— замѣтилъ Палицынъ рѣзко.

— Конечно!—положительнымъ тономъ подтвердилъ Шепелевъ съ свойственнымъ ему лаконизмомъ.

Палицынъ началъ съ иронією разсказывать о продѣлкахъ

Digitized by Google

инспектора, довольно хорошо извѣстныхъ намъ и очень заинтересовавшихъ дядю.

Но, несмотря на вниманіе, съ которымъ старикъ слушалъ анекдоты о нашемъ начальствѣ, онъ время отъ времени поглядывалъ на Леева и задумчиво потиралъ лобъ, какъ-будто въ его головѣ тревожно носились какія-то неясныя мысли, какіе-то смутные образы. Наконецъ, онъ обратился къ Леву:

— Скажите, пожалуйста, не родня ли вы Ольгѣ Дмитріевнѣ Хмѣльницкой? Въ Николаевѣ жила она въ двадцатыхъ годахъ...

— Это моя мать,—отвѣчалъ Лесвъ.

— Боже мой, Боже мой, такъ вѣдь мы старые знакомые съ вами!—воскликнулъ дядя съ просіявшимъ лицомъ.—Вѣдь я вашу матушку точно такою же молодою зналъ, какъ вотъ вы теперь молоды. То-то я говорю съ вами, а самъ все думаю, какъ эти глаза могли попасть въ нашъ подслѣповатый Петербургъ? Вѣдь такіе глаза, батюшка, какъ ваши, только у вашей матушки и были. Ихъ весь флотъ, заѣзжавшій въ Николаевъ, зналъ! За нихъ, батюшка, каждый молодой морякъ душу отдалъ бы въ то время!.. Такъ, такъ! И я любовался ими, много любовался! Въ нихъ вѣдь не наше полинялое небо, какъ у петербургскихъ чухонокъ, отражалось, въ нихъ яркая южная лазурь сверкала!

Дядя крѣпко пожалъ руку Леева.

— Ну, а теперь здорова ли она, все такъ же ли весела, все такъ же ли поетъ и звонко смѣется?—разспрашивалъ дядя, оживленный воспоминаніями.—Вѣдь у васъ и смѣхъ-то вашей матушки: мертвыхъ разбудитъ!

— Она умерла,—грустно отвѣчалъ Леевъ, обожавшій свою мать.

— И она!—взволнованнымъ голосомъ воскликнулъ дядя, вспомнивъ о другой дорогой ему покойницѣ.—Господи, Господи, всѣ-то эти полныя силъ и красоты женщины гибнутъ такъ рано!..

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— И вѣдь какое живое, какое веселое было это существо, — шепталъ онъ, отдаваясь воспоминаніямъ. — Стоило увидать ее, чтобы позабыть и горе, и скуку. Одинъ ея смѣхъ, одна ея улыбка,—да что я говорю!—одни ея глаза теплые могли ободрить человѣка! Грѣли они, батюшка, грѣли, какъ то небо, подъ которымъ они впервые взглянули на Божій міръ!.. Умерла!.. Да, да, рано умираютъ хорошіе люди. Живите хоть вы, пользуйтесь жизнью, дайте хоть намъ, ста-

Digitized by Google

рикамъ, закрыть глаза подъ вашъ веселый говоръ, и не дай Богъ, чтобы намъ пришлось пережить васъ.

Дядя снова подсѣлъ къ намъ.

— Вы на меня не глядите, что я разстроился,—промолвилъ онъ, похлопывая по плечу Леева.—Живите настоящимъ, мечтайте о будущемъ, а я только, глядя на васъ, на всѣхъ, буду вспоминать о прошломъ. Узнаете и вы когда-нибудь, какъ отрадно подъ старость, переживъ и горе, и невзгоды, сидѣть у своего очага и смотрѣть на свѣжую вступающую въ жизнь юность. Недаромъ нашъ великій Пушкинъ сказалъ, что «пусть у гробового входа младая будетъ жизнь играть». Это высокая человѣческая мысль! Старость между стариками хороша только тогда, когда тутъ же кипитъ и бушуетъ всѣми своими силами молодость. Мраченъ и не веселъ вѣковой лѣсъ, если нагота его старыхъ дуплистыхъ стволовъ не покрыта молодыми побѣгами!

Дядя пожалъ всѣмъ намъ руки и сталъ прощаться.

— Такъ и знайте, молодые люди, что старикъ, капитанъ Хлопко, готовъ быть для васъ такимъ же дядею, какимъ онъ былъ для вашего друга, Володьки... Познакомитесь короче со мною, полюбите меня. Меня вѣдь всѣ любили... Правда, есть одинъ человѣкъ, который не любитъ меня, ну, да не дай Богъ никому изъ васъ сдѣлаться похожимъ на него!

Молодежь проводила дядю до швейцарской.

— Вотъ милѣйшій-то человѣкъ!—съ увлеченіемъ воскликнулъ Леевъ, когда мы остались одни.—И, чортъ возьми, сколько у него въ рѣчахъ поэзіи и теплоты. Не даромъ онъ много жилъ и видѣлъ.

Палицынъ и Шепелевъ раздѣляли мнѣніе о моемъ дядѣ и уже смотрѣли на старика, какъ на своего короткаго знакомаго. Я нисколько не удивлялся хорошему впечатлѣнію, произведенному дядей на молодежь, такъ какъ мнѣ трудно было представить себѣ человѣка, который не сошелся бы съ дядей. Я уговорился со своими друзьями, что они придутъ къ дядѣ въ воскресенье. Въ субботу я пошелъ домой. Дяди не было дома. Меня встрѣтила Матрена Марковна съ довольно постной физіономіей.

— А я вамъ, Владиміръ Михайловичъ, маленькій репримандъ хочу сдѣлать,—жеманно проговорила Елкина.

Она стояла въ странныхъ отношеніяхъ къ дядѣ и ко мнѣ: онъ, какъ-будто, боялся ея и называлъ воркуньей даже тогда, когда она совсѣмъ не ворчала; со мной она сначала

Digitized by Google

заигрывала до неприличія, то являясь будить меня въ самомъ непривлекательномъ полупочномъ костюмѣ, то врываясь въ мою комнату съ какимъ-нибудь ненужнымъ вопросомъ, когда я уже бывалъ раздѣтъ и приготовлялся ко сну, потомъ она начала на меня коситься и ехидно-вкрадчивымъ тономъ дѣлала мнѣ замѣчанія при дядѣ. Въ настоящую минуту, ожидая «реприманда», я совершенно не подозрѣвалъ, о чемъ пойдетъ рѣчь, и молчалъ, воздерживаясь отъ улыбки.

— Вы нашего ангела-капитана совсѣмъ не бережете,— продолжала она сентиментальнымъ тономъ.—Вы его убиваете...

— Я? чѣмъ это?—изумился я этому обвиненію въ новомъ покушеніи на убійство.

— Какъ же, помилуйте, онъ эти дни покою не знаетъ, бѣгаетъ и хлопочетъ, бѣгаетъ и хлопочетъ; и все для какихъ-то вашихъ знакомыхъ! Говоритъ, ночевать они будутъ здѣсь по субботамъ. Онъ вѣдь старенькій, ему не подъ лѣта возиться со всѣми. За нимъ за самимъ уходъ, да уходъ нуженъ. И что ему за веселье съ молодежью? Ужъ извѣстно, гимназисты не пара морскому капитану. Это все ваши прихоти.

— Мои или нѣтъ, это не ваше дѣло,—улыбнулся я.

— Нѣтъ-съ мое!—воскликнула Елкина.—Можетъ-быть, *другимъ* дѣла нѣтъ до него, а не мнѣ. Я, какъ благодѣтеля, какъ отца, почитаю капитана. Ангелъ, ангелъ! Конечно, его можно всякому заставить все дѣлать, пользуясь его ангельскою добротою. Но тоже и разорять человѣка не слѣдъ. Это и вчуже обидно видѣть.

Мнѣ надоѣло ея нытье.

— Да вы что же это мнѣ говорите, вы бы дядѣ все это сказали,—замѣтилъ я.

— Поссорить, поссорить вы меня хотите съ капитаномъ!— воскликнула вспыхнувшая Елкина.—Что-жъ? я беззащитная вдова! Меня можно обидѣть. Изъ-за вашихъ мальчишекъ мнѣ и безъ того досталось. А тоже я не могу не говорить, потому что я хозяйка. Мнѣ работы прибавится, если всякаго съ улицы заводить на ночлегъ сюда станутъ. У меня тоже не трахтиръ!

— Такъ я посовѣтую дядѣ переѣхать, чтобы вамъ не было такъ трудно,—сказалъ я.

— Такъ вотъ вы какой!—захныкала Матрена Марковна.— Я хлопочу, я забочусь, я ночей не сплю изъ любви къ благодѣтелю, а вы подбивать его противъ меня хотите! Видно

Digitized by Google

въ свои руки забрать его думаете. Подсалаживаете ему теперь, а, небось, пришлось бы жить съ нимъ, такъ увидали бы, что онъ уже, какъ дите, ухода требуетъ. Ему подай, ему принеси, его приголубь!

— Вамъ за это деньги платятъ,—отвѣтилъ я, перебивая ее.

Матрена Марковна зарыдала.

— Деньгами, деньгами попрекаютъ!—истерически рыдая, заговорила она.—Деньгами! Да развѣ можно заплатить за мараль, которую я терплю за моего благодѣтеля? Онъ мужчина, я женщина! Я вдова!.. Онъ самъ это знаетъ... Онъ,— ангелъ, ангелъ!—давно бы безъ васъ...

— Ужъ не думаете ли вы, что онъ женился бы на васъ?— засмѣялся я.—Полноте! Живите, какъ жили, и не ссорьтесь со мною! Ссора доведетъ только до того, что онъ переѣдетъ отъ васъ.

Елкина испугалась и заговорила жалостнымъ тономъ:

— Я, Владиміръ Михайловичъ, не ссорюсь съ вами. Это грѣхъ вамъ говорить! Я моего благодѣтеля жалѣю... А васъ я любила и люблю завсегда. Вы-то только понять этого не хотите...

Она сдѣлала нѣжные и застѣнчивые глазки. Мнѣ надоѣло это объясненіе.

— У меня дѣло есть, извините,—сказалъ я и выпроводилъ ее изъ комнаты.

Мнѣ была отвратительна эта женщина, глупая и безалаберная, прибиравшая понемногу въ свои руки дряхлѣвшаго и одинокаго старика. Но я чувствовалъ, что, принудивъ его переѣхать отъ нея, буду не въ состояніи заботиться о немъ, покуда я нахожусь въ гимназіи. Мнѣ оставалось молчать и ждать той поры, когда мы снова будемъ жить вмѣстѣ. Сверхъ того, я очень смутно понималъ отношенія дяди съ Елкиной. Дядя какъ-то совѣстился говорить объ этихъ отношеніяхъ и дѣлалъ видъ, что онъ смотритъ на Елкину, какъ и на всякую другую квартирную хозяйку. Я, съ своей стороны, хотя и понималъ уже различныя интимныя отношенія людей, но въ разговорахъ съ дядей старался обходить эти вопросы, несмотря на мою полную откровенность съ нимъ. Это, впрочемъ, всегда такъ бываетъ въ жизни. Старики стыдятся говорить съ юношами о своихъ послѣднихъ любовныхъ интрижкахъ, сознавая, что время для этихъ интрижекъ давно прошло, и онѣ могутъ быть только смѣшны. Юноши тоже стыдятся говорить старикамъ о своихъ первыхъ сердечныхъ

Digitized by Google

дѣлахъ, понимал, что еще не наступила пора для этихъ дѣлъ. И тѣ, и другіе инстинктивно чувствуютъ, что смѣшно и, можетъ-быть, даже грустно ходить по-малину, какъ спустя лѣто, такъ и до начала лѣта... Черезъ часъ послѣ моего прихода возвратился и дядя, навьюченный покупками. Дворникъ несъ за нимъ цѣлый узелъ съ подушками и одѣялами.

— А твои друзья гдѣ?—весело спросилъ онъ, выгружая покупки.

— Они завтра придутъ,—отвѣтилъ я.

— Эхъ, для чего же завтра!—воскликнулъ дядя съ сожалѣніемъ.—Сегодня могли бы придти. Кое-какъ помѣстились бы, переночевали бы. А я, братъ, и подушки, и всякую штуку купилъ... Вотъ ужъ не люблю этихъ церемоній... Точно между чужими,—ворчалъ старикъ.—Оно вѣдь, знаешь лучше, если по субботамъ забираться будутъ,—добродушно объяснялъ онъ.—Въ воскресенье торопиться придется въ гимназію, а въ субботу хоть до утра сиди, рано подыматься никто не заставитъ.

Я, несмотря на всю мою привычку къ добродушію дяди, былъ растроганъ его заботливостью обо мнѣ и обо всемъ, что было близко мнѣ.

— Спасибо тебѣ, дядя, что ты такъ заботишься,—проговорилъ я, обнимая его.

— Дурень, дурень ты, птица!—покачалъ головой старикъ въ отвѣтъ на мою благодарность.

Я понялъ, что дѣйствительно мнѣ нечего благодарить его, что всѣ мои благодарности, все-таки, не сравняются съ тою любовью, съ тѣми попеченіями, которыми онъ окружалъ меня. Отплачивать за любовь дяди можно было не словами, а такою же любовью, такими же попеченіями о немъ.

— Только нужно, дядя, дать что-нибудь лишнее Матренѣ Марковнѣ за посѣщеніе моихъ друзей,—замѣтилъ я.

— Я ужъ уговорился съ нею,—замѣтилъ дядя, нахмуривъ брови.—Странные, право, есть люди на свѣтѣ. За все ворчатъ. Все бы имъ однимъ жить. Всѣмъ-то они завидуютъ. Общежитія никакого не знаютъ,—пробормоталъ онъ въ раздумьи.—Смѣшная она, все въ моемъ карманѣ считаетъ...

— Какое же она имѣетъ право?—промолвилъ я.

— Ну, птица, она женщина простая, добрая, любитъ меня, вотъ и боится, что я разорюсь.

— Воли ты ей даешь много, дядя,—покачалъ я головой.

— Что ты, что ты, птица! Ты посмотрѣлъ бы, какъ я съ

Digitized by Google

нее вчера накинулся! Такъ накричалъ, такъ набурлилъ, что послѣ самому стыдно стало... Ты вѣдь знаешь меня!..

— И вслѣдствіе того пошелъ къ ней, извинился и сунулъ лишній рубль ея ребятишкамъ?—улыбнулся я.

— Ну, что-жъ, Володька? Ну, извинился, ну, сунулъ лишній рубль!—загорячился онъ.—А ты думаешь: надо обидѣть человѣка и не сознаваться въ своей ошибкѣ? Вѣдь я знаю, что она и ворчитъ на меня не изъ дурного чувства, а изъ заботливости обо мнѣ. Она не виновата, что не понимаетъ меня, что она не умѣетъ выразить своей привязанности ко мнѣ иначе. Простые люди вообще не всегда умѣютъ понять насъ. Вотъ и Лаврентій; бывало цѣлыми днями ворчалъ на меня, а развѣ я былъ бы въ правѣ прогнать его или разсердиться на него? Онъ мнѣ добра желалъ.

— Полно, такія ли отношенія Матрены Марковны къ тебѣ, какъ отношенія Лаврентія?—снова покачалъ я головой.—Лаврентій не требовалъ платы за свою привязанность.

— Птица, птица! за привязанность можно платить или не платить, а все-таки не купишь ея, если ея нѣтъ,—съ упрекомъ сказалъ старикъ.

Я промолчалъ. Мнѣ не хотѣлось увѣрять его, что Матрена Марковна совсѣмъ не привязана къ нему. Намъ подали кофе. Дядя сталъ разливать. Онъ былъ, видимо, чѣмъ-то встревоженъ, наконецъ, не выдержалъ и поднялся съ мѣста.

— Нѣтъ, не могу я пить,—проговорилъ онъ, взбивая свой хохолъ.—Какъ же это: все приготовилъ, а они не придутъ. Я, птица, схожу за ними, отпрошу ихъ къ намъ. Это, чортъ знаетъ, что такое, первый блинъ и комомъ!

Онъ поспѣшно сталъ одѣваться. Я не возражалъ, я понялъ, что старикъ хочетъ доставить мнѣ какъ можно болѣе полное удовольствіе, и не мѣшалъ ему хлопотать. Черезъ два часа онъ появился снова въ своей квартирѣ съ сіяющимъ дѣтски-радостнымъ лицомъ.

— Ура! наша взяла, всю команду веду съ собою!—крикнулъ онъ мнѣ, появляясь въ комнатѣ.—Навралъ, сказалъ, что мое рожденье сегодня,—ну, и отпустили!

За дядею показались смѣющіяся лица освобожденныхъ узниковъ, моихъ друзей.

— Разстегивайтесь, будьте, какъ дома, — скомандовалъ дядя.—А какой мы лагерь устроимъ. Вотъ сюда на турецкій диванъ подушекъ навалимъ, въ повалку всѣхъ уложимъ...

— Да ты, дядя, не хочешь ли насъ уложить спозаранку?—захохоталъ я

Digitized by Google

— Ну, вотъ выдумалъ! Сидите хоть до утра,—отвѣтилъ онъ.—Мы еще прежде поужинаемъ, я завалюсь на боковую и предоставлю въ ваше распоряженіе гостиную. А вѣдь хорошо бы, господа, жить всѣмъ вмѣстѣ. Я бы держалъ бразды правленія, управлялъ бы кораблемъ. Матрена Марковна кухонною частью завѣдывала бы, получая за это вознагражденіе. Размѣстились бы всѣ по комнатамъ, какъ кому удобнѣе по карману и по характеру, и поплыли бы въ открытое море! Обѣдъ вмѣстѣ, чай и кофе вмѣстѣ, въ театръ вмѣстѣ, послѣ театра чаекъ и маленькая закусочка...

Послѣднюю фразу дядя произнесъ какъ-то таинственно и сладко подмигивая, точно эта «закусочка» была отчасти недосягаемымъ и отчасти запрещеннымъ блаженствомъ.

— Ну, а весна-то настанетъ. Вы зубрите тамъ науки разныя, а я хлопочу, хлопочу, чтобъ устроить какое-нибудь этакое partie de plaisir... Чудо!

Эти планы, высказанные съ тѣмъ увлеченіемъ, котораго я уже давно не замѣчалъ въ дядѣ, сразу увлекли насъ и завязали оживленные разговоры. Черезъ часъ долговязый красавецъ Леевъ, снявъ съ себя сюртукъ, уже ходилъ, по мѣткому замѣчанію дяди, «журавлемъ» и очень пространно толковалъ объ удобствахъ проектируемой капитаномъ жизни.

— И не только веселѣе будетъ жить, но и тратиться меньше придется. А то вѣдь просто разоришься, живя отдѣльно,—важно разсуждалъ онъ.

— А ты боишься разориться?—спросилъ я, взглянулъ на товарища.

Въ комнатѣ раздался взрывъ хохота. Всѣ знали, что у Леева, кромѣ надѣтой на немъ *казенной* одежды, нѣтъ ничего. Леевъ посмотрѣлъ на насъ съ удивленіемъ большими голубыми глазами, на минуту задумался, и вдругъ такъ же, какъ мы, разразился смѣхомъ.

— Молодецъ за то, что не тужитъ! — похлопалъ его по плечу мой дядя.

— Да ужъ вѣдь сколько не тужи, а рубашки изъ этого не сошьешь, — развелъ руками Леевъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ, точно какъ тому и слѣдовало быть, чтобы онъ ходилъ безъ рубашки по выходѣ изъ гимназіи.

Передъ чаемъ, оставивъ своихъ друзей въ гостиной, я на минуту вышелъ къ дядѣ въ кабинетъ, гдѣ онъ хлопоталъ надъ приготовленіемъ закуски.

— Ну, братъ, вотъ народъ, такъ народъ! — проговорилъ восторженнымъ шопотомъ старикъ.—У! далеко пойдутъ. Глу-

Digitized by Google

бокомысліе-то, глубокомысліе-то какое у этого толстаго-то, вотъ что шарикомъ-то выглядитъ.

— А! Это ты про Шепелева говоришь,—догадался я.

— Да, да, про него! Ну, тоже и добродѣтельный помѣщикъ этотъ Палицынъ ему не уступитъ,—продолжалъ дядя.— А ужъ Тишка-то твой, Тишка—просто прелесть! Такъ вотъ взялъ бы и расцѣловалъ бы его. И что за глазищи у него, точно въ небѣ въ нихъ все свѣтло, такъ вотъ душа и отражается въ этихъ ясныхъ глазахъ. Далеко, далеко они пойдутъ!

Я задумчиво слушалъ дядю. Мнѣ Прохоровъ тоже пророчилъ, что я далеко пойду—въ Сибирь...

II.

Дружескій кружокъ.

Мечты дяди о нашемъ житьѣ въ одной квартирѣ такъ и остались мечтами. Матрена Марковна не согласилась взять къ себѣ въ нахлѣбники моихъ друзей, при ихъ выходѣ изъ гимназіи, представивъ дядѣ различные «резонты», почему это невозможно. Въ числѣ ея доводовъ было и то, что она женщина молодая, въ соку, и потому можетъ заслужить «мараль», впустивъ къ себѣ въ квартиру молодежь. Но сильнѣе этого довода подѣйствовали на дядю собственныя его тайны, быть-можетъ, пробужденныя Елкиной же, размышленія о томъ, что молодежь, помѣстившись у насъ, слишкомъ близко увидитъ его отношенія къ этой женщинѣ и, можетъ-быть, осмѣетъ его. Онъ самъ съ горечью сознавалъ смѣшную сторону этихъ отношеній и съ неменьшей горечью чувствовалъ, что оборвать ихъ у него нѣтъ силы. Матрена Марковна всегда умѣла во-время расплакаться передъ нимъ о томъ, что онъ хочетъ ее покинуть, умѣла во-время сказать ему:

— Что-жъ, благодѣтель, это все въ вашей волѣ! Я бѣдная женщина, меня можно бросить. Только кто васъ этакъ-то любить станетъ, какъ я, это Богъ знаетъ! Вѣдь Владиміръ-то Михайловичъ, да его друзья тоже гулять начнутъ. Вы ихъ и не увидите съ утра до поздней ночи, а за вами уходъ нуженъ, вамъ ласка нужна. Конечно, можетъ-быть, и есть такіе люди, которые вамъ служить будутъ, только любви-то вы нигдѣ не найдете!.. Я вѣдь не о себѣ плачу, мнѣ не впервые горе горевать! Васъ, васъ, ангела моего, отца нашего, мнѣ жаль!

Дядя таялъ, слыша эти рѣчи, видя слезы на этихъ огнен-

Digitized by Google

ныхъ и плутовскихъ глазахъ, и измѣнялъ свои намѣренія насчетъ переѣзда. Ненормально сложившееся прошлое давало теперь свои плоды. Проводя постоянно холостую жизнь, живя постоянно для другихъ, видя, какъ эти другіе бросали его, при первой возможности обзавестись своимъ домишкомъ, онъ впервые попалъ въ руки женщины, которая стремилась не бросить, а пригрѣть его и быть его рабой до тѣхъ поръ, пока этого захочетъ онъ самъ. Дядя никого и никогда не бросалъ въ жизни; напротивъ того, онъ негодовалъ на другихъ, что они такъ скоро оставляютъ своихъ старыхъ друзей, а потому ему было тяжело теперь рѣшиться на одинъ изъ тѣхъ поступковъ, которыми другіе люди такъ часто заставляли страдать его самого. Сверхъ того, отношенія его къ Матренѣ Марковнѣ доставляли ему возможность имѣть постоянно около себя и дѣтей, хотя капризныхъ и избалованныхъ, но все-таки ласкавшихся и весело шумѣвшихъ около него, и еще нестарую, полную жизни женщину, встрѣчавшую его съ нѣжными улыбками, съ льстивыми словами, и въ то же время эти отношенія не лишали его ни одной изъ его старыхъ, холостыхъ привычекъ, не измѣняли ни на волосъ его холостой обстановки: онъ могъ во всякую минуту или остаться одинъ въ своихъ комнатахъ, заняться клееньемъ коробочекъ, чтеніемъ, мечтами, или, по своему желанію, окружить себя призракомъ семейной жизни—дѣтьми и ихъ матерью. Не имѣя силы прямо объявить мнѣ о невозможности переѣзда моихъ друзей къ Матренѣ Марковнѣ, онъ старался молчать объ этомъ предметѣ и тревожно спѣшилъ замять разговоры о нашемъ будущемъ житьѣ-бытьѣ. Но, несмотря на это, мнѣ удалось уловить двѣ-три фразы, объяснившія мнѣ все. Я давно привыкъ угадывать и тайные помыслы, и недосказанныя желанія дяди по выраженію его физіономіи, по его темнымъ намекамъ. Теперь мнѣ представлялись вопросы: нужно ли настоять на своемъ и вытянуть дядю изъ власти Матрены Марковны, или должно покориться обстоятельствамъ и оставить все по-старому? Прежде, чѣмъ я успѣлъ отвѣтить на эти вопросы, у меня въ головѣ возникли новыя мысли. Я понялъ, что я хлопочу собственно о себѣ, о своихъ личныхъ интересахъ, о своихъ личныхъ удобствахъ, а что дядѣ нѣтъ никакой нужды въ переѣздѣ отъ Матрены Марковны, что онъ, живя у нея, подвергается развѣ одной опасности—опасности разориться. Мнѣ невольно пришло въ голову, что мы, я и мои друзья, едва ли окружимъ его лучшимъ уходомъ, чѣмъ тотъ уходъ

Digitized by Google

и тѣ заботы, которыми, такъ или иначе, ради грязныхъ или ради чистыхъ побужденій, окружаетъ его эта женщина. Мнѣ показалось, что я долженъ заботиться только о томъ, чтобы старикъ не подпалъ вполнѣ подъ вліяніе этой женщины, чтобы она не измѣнила его привычекъ, чтобы она не притѣсняла его, какъ притѣсняютъ ловкіе люди дряхлѣющихъ стариковъ. Живя съ дядей, я могъ выполнить роль сидѣлки, могъ слѣдить за ихъ отношеніями и видѣть, чего лишаютъ старика или чѣмъ отравляютъ его спокойствіе.

Не имѣя возможности жить со мною, мои друзья постарались, по крайней мѣрѣ, найти себѣ квартиру поближе къ той улицѣ, гдѣ жилъ я съ дядей. Палицынъ занялъ отдѣльную комнату отъ жильцовъ. Шепелевъ и Леевъ помѣстились рядомъ съ нимъ въ одной комнатѣ. Шепелевъ получалъ отъ семьи очень небольшія деньги на содержаніе, а Леевъ покуда жилъ однѣми надеждами, получивъ отъ своего опекуна только сто рублей на платье и на плату въ университетъ. Комната Шепелева и Леева была не изъ очень удобныхъ, но почему-то именно въ ней чаще всего собирались мы. Это происходило, можетъ-быть, оттого, что здѣсь мы менѣе всего стѣснялись. Въ комнатѣ Палицына было слишкомъ прибрано, слишкомъ чисто! У меня мои друзья все-таки боялись безпокоить дядю; въ жилищѣ Макарова царствовала излишняя роскошь, заставлявшая Леева говорить, что онъ вѣчно труситъ разбить какую-нибудь статуэтку, и только въ комнатѣ Шепелева не стѣснялся никто и ничѣмъ.

Возникаетъ она снова передо мною изъ мрака прошедшаго, какъ живая, въ табачномъ дыму, съ одной желѣзной кроватью, съ однимъ горбатымъ диваномъ, ложемъ Леева, получившимъ названіе «верблюда», съ пузатымъ комодомъ, котораго ящики неплотно задвинуты, словно для удовлетворенія любопытства гостей, съ разбитымъ, занесеннымъ пылью и засиженнымъ мухами зеркаломъ, неизвѣстно для чего украшавшимъ одну изъ стѣнъ, такъ какъ, отражаясь въ немъ, самыя красивыя физіономіи принимали уродливую форму какихъ-то широкихъ и приплюснутыхъ сверху рожъ. На письменномъ столѣ синяя помадная банка играетъ роль чернильницы, въ столѣ недостаетъ одного ящика, но и другой ящикъ могъ бы не существовать, такъ какъ здѣсь царствуетъ полнѣйшая откровенность, и все студенческое добро, письма, лекціи, книги и деньги, когда онѣ были, что случалось только въ экстренныхъ случаяхъ, все лежало наружѣ

Digitized by Google

и не пряталось никогда. Да какъ и прятать что-нибудь, когда все платье приходилось носить на себѣ, когда лекціи нужно было постоянно имѣть подъ руками, когда книги брались только на короткій срокъ для прочтенія, когда денегъ не имѣлось ни у кого? Всѣ эти предметы и другія менѣе замѣчательныя вещи, какъ, напримѣръ, нѣсколько стульевъ, ломберный столъ и вѣшалка у дверей, должны были озаряться свѣтомъ при помощи единственнаго окна, выходившаго на дворъ. Но окно какъ-разъ приходилось около стѣны, неизвѣстно для чего выпятившейся впередъ, и потому свѣтъ доставлялся комнатѣ въ очень небольшихъ дозахъ и облекалъ предметы въ какой-то туманный колоритъ, сглаживая рѣзкость контуровъ, уничтожая контрастъ свѣтлыхъ и темныхъ красокъ. Такъ, черный комодъ едва отдѣлялся отъ бурой стѣны и почти сливался съ нею, при помощи широкой, темно-сѣрой и мутной тѣни, почти постоянно отбрасываемой имъ. Прибавьте къ этому клубы дыма и вѣчную пыль, сметаемую съ мебели не хозяйкой, но сюртуками гостей, и вы поймете, почему я называлъ эту студенческую комнату—комнатою туманныхъ картинъ. Теперь, вспоминая ее, я никакъ не могу представить ее иначе, какъ съ ея неизмѣннымъ обитателемъ Тишкой, или, иначе сказать, Тихономъ Николаевичемъ Леевымъ. Онъ, по неимѣнію теплой одежды, а отчасти по свойственной ему малороссійской лѣни, рѣдко выходилъ изъ нея, и большею частью узнавалъ о событіяхъ міра и перемѣнахъ погоды изъ нашихъ разсказовъ и изъ неразлучныхъ съ нимъ газетъ и журналовъ.

Представляется мнѣ зима въ полномъ разгарѣ; на дворѣ морозно, бѣлый иглистый снѣгъ скрипитъ подъ полозьями саней и ярко блеститъ, озаряемый лучами полуденнаго солнца. Я, продрогшій и запорошенный снѣгомъ, возвращаясь съ утреннихъ лекцій съ толпой моихъ друзей, забѣгаю отогрѣться въ знакомую мнѣ студентскую квартиру. Въ ней царствуетъ туманный полумракъ; только край «верблюда», да письменный столъ озарены яркимъ солнечнымъ свѣтомъ; но и этотъ яркій уголъ задернутъ облаками дыма. Въ другомъ, самомъ сумрачномъ, углу тоже мерцаетъ что-то—это огонь въ топящейся печкѣ. Передъ печкой отодвинута смятая, еще неприбранная, кровать Шепелева. На кровати, спустивъ ноги къ стѣнѣ и обративъ къ огню семнадцатилѣтнее, нѣжное лицо съ очаровательными голубыми глазами, сидитъ долговязый, гибкій, какъ тростникъ, Тишка, въ одних брюкахъ и рубашкѣ, съ всклокоченными вьющи-

Digitized by Google

мися волосами пепельнаго цвѣта, съ трубчонкой въ зубахъ. Я быстро подбѣгаю къ нему и холодными руками шаловливо дотрагиваюсь до его плеча.

— Ну, чортъ, кто тамъ! Оставь! Холодно! — по-дѣтски сердится онъ и передергиваетъ плечами.

Онъ только-что открылъ глаза и не вполнѣ сознаетъ, кто, откуда и зачѣмъ пришелъ къ нему. Если бы никто не пришелъ въ это утро къ нему, онъ докурилъ бы трубку и снова завалился бы спать; по крайней мѣрѣ, по его глазамъ замѣтно, что яркое пламя успѣло и пригрѣть его, и навѣять на него сладкія грёзы, и погрузить его въ тихую полудремоту. Я сбрасываю съ себя шинель, разматываю съ шеи вязаный шарфъ, закуриваю коротенькую трубку, сажусь на постель около Тишки, а онъ все продолжаетъ молча смотрѣть на огонь.

— А ты, Тишка, это только еще глаза продрать успѣлъ?— смѣюсь я.

— Чортъ возьми, проспалъ сегодня! — хмуро, по-дѣтски баситъ Тишка.

Его моложавое, худенькое личико принимаетъ суровое, но, тѣмъ не менѣе, крайне смѣшное выраженіе, какъ выраженіе надувшагося ребенка.

— Да когда же ты раньше-то встаешь! — замѣчаю я съ невольнымъ смѣхомъ.

Съ Тишкой вообще всѣ говорили смѣясь; серьезно говорить съ нимъ какъ-то никто не считалъ возможнымъ, къ нему относились, какъ къ ребенку. Да онъ и былъ еще ребенкомъ.

— Не встаю рано! — повторяетъ Тишка въ раздумьи. — Ну, да, теперь сплю до часу... Да развѣ можно вставать раньше, когда денегъ нѣтъ?.. Тутъ забыться радъ... Ничего на умъ нейдетъ... Когда были деньги, ну, тогда и не спалъ столько...

— Да когда же у тебя были деньги?—хохочу я.

Тишка широко открываетъ свои и безъ того большіе голубые глаза и, кажется, изумляется. Черезъ минуту онъ тоже начинаетъ хохотать, потому что дѣйствительно денегъ у него еще никогда не бывало, если не считать знаменитыхъ ста рублей, явившихся первымъ «событіемъ» его самостоятельной жизни.

Леевъ былъ сирота. Онъ родился на югѣ, въ Николаевѣ, и былъ малороссъ по матери. Югъ и мать были предметами его обожанія; судьба отняла у него и то, и другое,

Digitized by Google

уложивъ въ могилу его молодую мать и забросивъ его самого, Богъ знаетъ зачѣмъ, въ Петербургъ. По выходѣ изъ гимназіи, онъ жилъ, какъ птица небесная, питаясь скудно на тѣ крохи, которыя перепадали ему отъ случайныхъ уроковъ. Трудно было сказать что-нибудь про его доброту или щедрость. Я почти увѣренъ, что онъ былъ добръ и щедръ, что онъ отдалъ бы товарищу одинъ изъ своихъ двухъ сюртуковъ, если бы у него были два сюртука; я увѣренъ, что онъ раздѣлилъ бы пополамъ съ другомъ рубль, если бы у него былъ когда-нибудь въ карманѣ рубль. Но, къ несчастію, у него не было ничего лишняго, и что у него было, то было необходимо для того, чтобы не ходить въ костюмѣ Адама перваго. Не имѣя возможности дѣлиться чѣмъ-нибудь съ другими, онъ казался иногда постороннимъ людямъ жаднымъ и даже пронырливымъ. Помню я случай, когда Тишку попотчивалъ кто-то дорогой сигарой; онъ взялъ ее, но не выкурилъ, а отдалъ одному изъ своихъ товарищей, взявъ въ промѣнъ три дешевыя сигары. Былъ еще случай: Шепелевъ и Палицынъ зубрили весною лекціи къ экзамену. Тишка лежалъ, задравъ ноги на своемъ «верблюдѣ», и мечталъ объ ѣдѣ. Онъ не ѣлъ въ этотъ день ничего. Съ свойственной ему дѣтской восторженностью онъ вдругъ началъ сообщать своимъ друзьямъ, что въ ближайшей колбасной есть «преотличнѣйшіе пирожки». Разсказъ Тишки о качествахъ пирожковъ былъ до того сладокъ и обольстителенъ, что Палицынъ соблазнился и далъ Тишкѣ денегъ на покупку пирожковъ для всей компаніи. Тишка пошелъ за пирожками, вошелъ въ колбасную, велѣлъ дать пирожковъ, но не могъ удержаться отъ соблазна попробовать одинъ изъ нихъ на мѣстѣ. Пирожокъ былъ съѣденъ, но не только не утолилъ голода, а даже возбудилъ сильнѣйшій аппетитъ. Тишка съѣлъ еще пирожокъ, наконецъ, истребилъ и третій... Между тѣмъ Палицынъ и Шепелевъ, обѣдавшіе въ этотъ день довольно исправно, но возбужденные къ ѣдѣ разсказами Тишки о пирожкахъ, нетерпѣливо ждали возвращенія своего посланнаго. Часы шли за часами, а онъ не приходилъ. Около двѣнадцати часовъ ночи онъ вернулся домой хмурый и молчаливый, и сталъ раздѣваться. Палицынъ и Шепелевъ бросились къ нему съ вопросами о пирожкахъ.

— Колбасная заперта,—угрюмо отвѣтилъ онъ и легъ на своего верблюда.

[illegible]ъ, а я, было, разлакомился!—вздохнулъ Палицынъ.—[illegible]е деньги.

Digitized by Google

— Ну чего пристал, видишь спать хочу! — проворчал Тишка, поворачиваясь къ стѣнѣ.—Завтра возьмешь.

На слѣдующій день онъ съ хохотомъ разсказывалъ эту исторію, описывая яркими красками, какъ онъ поглощалъ пирожокъ за пирожкомъ и какъ онъ хохоталъ въ душѣ надъ разлакомившимися товарищами.

Тяжелое положеніе Тишки, повидимому, нисколько не вліяло на него. Онъ былъ вѣчно веселъ, остеръ, смѣшливъ. Глядя на него, можно было назвать его поверхностною и мелкою натурою. Но въ сущности онъ глубоко ненавидѣлъ свое положеніе и не говорилъ о немъ только потому, что легче отъ разговоровъ не станетъ, что горе и само по себѣ скверно и не для чего его усиливать разсказами.

— Мало, что ли, его въ натурѣ, что нужно съ него еще копіи списывать?—говорилъ онъ.

Но это же горькое положеніе сдѣлало то, что Тишка стремился побольше спать въ свободное время, желая забыться отъ думъ. Чтобы эти думы не приходили ему въ голову и не лишали его сна, онъ постоянно или читалъ, или предавался «геніальнымъ», какъ онъ говорилъ со смѣхомъ, размышленіямъ, напримѣръ, о томъ, почему конусообразный кусокъ сахару называютъ «головой». Конечно, такія размышленія могли усыпить его живой умъ точно такъ же, какъ скоро разогнали бы первую дремоту этого ума мысли о горькой дѣйствительности. Иногда Тишка мечталъ и о другихъ предметахъ, о своей завѣтной цѣли: о Малороссіи, гдѣ онъ, подъ старость, съ трубкою въ зубахъ, подъ яснымъ и теплымъ небомъ, будетъ сидѣть на порогѣ своей хаты, плюнувъ на все свое прошлое горе, смѣясь надъ всѣми людьми, ломающими себѣ ноги и головы въ стремленіяхъ за почестями, славой и богатствомъ. Лѣнивый по натурѣ, онъ работалъ только потому, что нужно жить, жить же на чужой счетъ или при помощи разныхъ плутенъ онъ не могъ. Кромѣ того, въ трудѣ онъ видѣлъ средство для достиженія завѣтной цѣли. Трудъ ему доставался легко: Тишка выучивалъ въ нѣсколько минутъ то, на что другіе посвящали цѣлые часы. Таковы были главныя черты этого еще не окрѣпнувшаго, только-что вступившаго въ жизнь ребенка. Были въ его характерѣ еще двѣ черты, которыя подмѣтилъ въ немъ только я, — это стремленіе къ полной независимости и крайнее самолюбіе. Никакія выгодныя условія, никакіе недостатки не могли бы его принудить взять мѣсто гувернера. Малѣйшій несправедливый упрекъ доводилъ его

Digitized by Google

чуть не до слезъ. Его любили всѣ за его радушіе, за его веселость, за его откровенность, даже за его дѣтскую капризность. Онъ, какъ избалованный ребенокъ, пользовался этимъ и нерѣдко заставлялъ насъ всѣхъ оказывать ему мелкія услуги, не требуя отъ него того же. Замѣчая это, мы смѣялись и называли его эгоистомъ; онъ съ наивнымъ, видимымъ лукавствомъ старался оправдаться и тутъ же прорывался, заставляя насъ и налить ему воды, и подать спичку, и зажечь свѣчу. Болѣе всѣхъ насъ услуживалъ ему Шепелевъ. Тишка жилъ съ нимъ въ одной комнатѣ, постоянно ругалъ Шепелева за всякую малость и постоянно защищалъ его, если кто-нибудь изъ насъ рѣшался за что-нибудь обвинять Шепелева. Мы называли этихъ двухъ друзей Филемономъ и Бавкидой, Аѳанасіемъ Ивановичемъ и Пульхеріей Ивановной. Сходство съ послѣдними личностями усиливалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Тишка постоянно пугалъ Шепелева своимъ переѣздомъ съ квартиры.

Увидавъ Шепелева, Тишка и теперь тотчасъ же обратился къ нему.

— Что же кофе не несутъ?—опять нахмуривается онъ.—Ты велѣлъ, Шепелевъ?—обращается онъ къ своему сожителю, только-что пришедшему со мной изъ университета.

— Нѣтъ, я думалъ, что ты уже распорядился,—положительнымъ и густымъ басомъ отвѣчаетъ толстый, какъ сдобная булка, Шепелевъ.

— Распорядился!—съ негодованіемъ въ голосѣ восклицаетъ Тишка.—Я всталъ, трубку вотъ закурилъ,—объясняетъ онъ, какъ бы выражая своими словами, что и этихъ трудовъ вполнѣ и даже черезчуръ достаточно для него.

Шепелевъ идетъ своимъ мѣрнымъ, положительнымъ шагомъ въ кухню хлопотать о кофе.

— Ступа, право ступа чугунная!—ворчитъ Тишка на Шепелева.—Ты посмотри, какъ онъ ходитъ, шагу не прибавитъ! Кажется, отецъ родной у него умирай, а онъ походки не измѣнитъ! Увалень!.. Тутъ въ горлѣ совсѣмъ пересохло, а онъ не можетъ похлопотать о кофе.

Въ комнатѣ раздается смѣхъ надъ негодованіемъ Тишки. Тишка опять широко раскрываетъ глаза, соображаетъ что-то и снова начинаетъ смѣяться. Черезъ пять минутъ приносятъ кофе, всѣ усаживаются къ ломберному столу, на «верблюда» и на стулья.

— Шепелевъ, дай мнѣ, пожалуйста, стаканъ,—ласково говоритъ Тишка.

Digitized by Google

— Самъ не можешь взять!—отвѣчаетъ Шепелевъ, стараясь говорить равнодушно.

— Трудно тебѣ, что ли?—замѣчаетъ Тишка.—Видишь, я у печки сижу, нельзя отойти, когда она топится. Кровать еще, пожалуй, загорится!—голосъ Тишки принимаетъ такой убѣдительный, вкрадчивый тонъ, что возражать нѣтъ возможности.

Шепелевъ убѣждается этими доводами и не только подноситъ Тишкѣ стаканъ, но и поправляетъ простыни на постели, чтобы ихъ не втянуло въ печку. Кофе окончательно пробуждаетъ Тишку и разгоняетъ его дремоту.

— Чортъ знаетъ, какую кислятину хозяйка варитъ,— ворчитъ онъ, прихлебывая кофе и отплевываясь.—Ты, Шепелевъ, потакаешь ей; распечь ее не можешь. Баба ты, право, баба! Ужъ только лѣнь мнѣ, а то бы я показалъ тебѣ, какъ нужно держать себя съ этимъ народомъ. Двѣнадцать рублей лупитъ съ насъ за этакую каморку! Да это такимъ дуракомъ нужно быть, какъ Шепелевъ, чтобы дать такую цѣну за эту конуру! Съ него шкуру деруть, а онъ, какъ овца, стоитъ и молчитъ. Дай только мнѣ разбогатѣть, такъ вотъ переѣду и покажу тебѣ, какъ надо жить!

Тишка еще долго брюзжитъ на Шепелева, а Шепелевъ невозмутимо и глубокомысленно молчитъ, прислушиваясь къ начавшимся между мной и двумя студентами разговорамъ. Въ эту минуту раздается звонокъ, и въ комнату является блѣдный и желтый, несмотря на морозъ, Макаровъ, закутанный въ соболью шубу. Онъ уже познакомился и подружился съ моими друзьями.

— А! Сигарку принесъ?—спрашиваетъ Тишка, не успѣвъ поздороваться съ Макаровымъ.

— Въ магазинѣ ихъ много,—отвѣчаетъ небрежно Макаровъ, сбрасывая на пыльный стулъ свою дорогую шубу и здороваясь съ нами.

Тишка потянулся и поднялся съ мѣста. Макаровъ въ это время вынулъ сигару изъ серебрянаго портсигара и, усмѣхаясь, посмотрѣлъ на Тишку: Тишка больше всѣхъ благъ любилъ сигары. Съ опечаленной рожицей, видя, что его не угощаютъ сигарами, Тишка вынулъ свой «Жуковъ», чтобы набить трубку. Я замѣтилъ это и предложилъ ему свои сигары. Онъ торопливо оставилъ «Жуковъ», засунулъ въ карманъ коротенькую трубку и взялъ мою сигару.

— Экой ты жадный!—насмѣшливо замѣтилъ Макаровъ.— Все бы на чужой счетъ пожить.

Digitized by Google

— Ну!.. вотъ жадный!—воскликнулъ Тишка дѣтски-обидчивымъ тономъ.

Мы взглянули на него; онъ былъ красенъ, какъ ракъ.

— Совсѣмъ я не жадный!—повторилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Я на его глазахъ подмѣтилъ слезы. Что-то дѣтски-огорченное выражалось на его миломъ, юномъ лицѣ. Въ эту минуту онъ съ своими продранными рукавами рубашки, съ своими заплатанными панталонами и своимъ еще дѣтски-чистымъ лицомъ былъ и жалокъ, и дорогъ мнѣ. Мнѣ было досадно, что Макаровъ такъ безтактно дразнитъ этого ребенка. Я поспѣшилъ начать разговоръ:

— Ну, а что, прочелъ новое обозрѣніе литературы?—спросилъ я у него.

— Еще бы!—отвѣтилъ онъ.—Всю ночь до четырехъ часовъ читалъ. Чортъ возьми, что за силища у Бѣлинскаго.

— А все-таки онъ западникъ, вашъ петербуржецъ,—замѣтилъ Палицынъ.

— Ну, да, твои славянофилы лучше. Смиренномудріе народа изобрѣли,—засмѣялся Тишка.

— Да я ихъ за отысканное ими смиренномудріе народа люблю, что ли?—промолвилъ Палицынъ.—Это чепуха. Они не тѣмъ важны, а тѣмъ, что указываютъ на необходимость изучать народъ. Можетъ-быть, и навѣрное даже, все сказанное ими о народѣ окажется враньемъ; но, чтобы доказать это, нужно самому приняться за изученіе народа, нужно показать, много ли смиренномудрія въ холстинникахъ-ярославцахъ, въ халуйскихъ офеняхъ, въ пугачевскихъ сподвижникахъ, въ приволжскихъ бурлакахъ. Конечно, ваши западники не провираются такъ грубо, только такое значеніе имѣютъ ихъ толки о разныхъ Вальтеръ-Скоттахъ, Жоржъ-Зандахъ, Кукольникахъ, Бенедиктовыхъ? И теперь-то эта, такъ называемая, русская литература имѣетъ вліяніе едва ли на одного человѣка изъ тысячи...

— Ну, ну, не слишкомъ ли мало ты придаешь значенія литературѣ,—засмѣялся Тишка.

— А ты думаешь какъ? Читающихъ людей у насъ не больше пятидесяти тысячъ, да и изъ тѣхъ половина дальше священныхъ книгъ, да какихъ-нибудь полицейскихъ вѣдомостей не идетъ. А сколько милліоновъ народонаселенія въ Россіи? Но если теперь значеніе литературы такъ ничтожно, если теперь она и не можетъ и не умѣетъ вліять на народъ, то лѣтъ черезъ двадцать у теперешней литера-

Digitized by Google

туры не останется и пяти тысячъ читателей. Будутъ о ней помнить развѣ по статьямъ двухъ-трехъ изъ вашихъ же западниковъ. Ну, а то, что дѣлаетъ теперь народъ, его развитіе, его добродѣтели и пороки, весь складъ его теперешней жизни, отзовется не только на всемъ теперешнемъ обществѣ, но и на внукахъ нашихъ. Да, братъ, сколько ни толкуй ты мнѣ о литературѣ, сколько ни поклоняйся—Кукольнику или Жоржъ-Занду,—а все-таки ничего ты не подѣлаешь съ этой массой, покуда не изучишь ее, покуда не пойдешь рядомъ съ нею. Вотъ Ломоносовы и Державины и всѣ имъ подобные поэты оды на побѣды россійскаго оружія писали, а народъ пугачевщину поднялъ, секты разныя создалъ. Жуковскіе, да Карамзины проливали слезные токи нѣмецкой сентиментальности, а народъ спасалъ Россію отъ нашествія двунадесяти языковъ. При чемъ тутъ была ваша западническая литература? При чемъ она теперь съ ея байронизмомъ, оплакивающимъ измѣнчивость любви и дружбы, не находящимъ мѣста отъ пресыщенія, когда рядомъ не измѣнчивая любовь, не лживая дружба, не пресыщеніе, а крѣпостное право гнетъ въ бараній рогъ народныя спины?

Палицынъ говорилъ съ одушевленіемъ, хотя въ другое время, при другихъ разговорахъ, онъ обыкновенно выглядѣлъ невозмутимо-спокойнымъ и даже сонливымъ человѣкомъ. Единственный сынъ добродушной помѣщичьей четы, напоминавшей собою Маниловыхъ, онъ былъ нѣженъ, мягокъ и добръ; его широкая, атлетическая, развившаяся на свободѣ фигура была красива; лицо было гладко, безъ морщинки, безъ прыщика, безъ подтековъ, и дышало спокойствіемъ силы; густая грива темныхъ вьющихся волосъ придавала его головѣ видъ львиной головы; мы въ шутку называли его Самсономъ. Онъ выросъ среди народа, всею душою ненавидѣлъ чиновничество, смотрѣлъ на все совершавшееся вокругъ, на университетскія лекціи, на административную рачительность, на литературную дѣятельность, какъ на мелочную работу муравьевъ.

— Сегодня бульвары разведутъ, черезъ десять лѣтъ начнутъ заниматься уничтоженіемъ бульваровъ, — говорилъ онъ.—Сегодня Жоржъ-Занда ругаютъ, черезъ десять лѣтъ ему поклоняться станутъ. Теперь Пушкина хвалятъ, черезъ десять лѣтъ ругать его будутъ. Сегодня съ каѳедры проповѣдуютъ Гегеля, черезъ десять лѣтъ будутъ говорить, что Гегель—ерунда. Сегодня признаютъ необходимыми форменные

Digitized by Google

мундиры или бритые подбородки, какъ при Петрѣ, черезъ десять лѣтъ признаютъ ненужными и мундиры, и бритье бородъ, какъ до Петра. Только объ этихъ перемѣнахъ и идетъ тревога, а уничтожить чиновничье взяточничество или литературные доносы не только не могутъ, но и не думаютъ уничтожать. Вѣрно думаютъ, что для народа важнѣе всего, кто займетъ мѣсто: бородатый воевода или безбородый городничій.

Видя вездѣ мелочность дѣла, онъ искалъ какого-то широкаго, общаго движенія и, не находя этого движенія, иногда впадалъ въ такое тоскливое настроеніе, которое заставляло его выкидывать сотни оригинальныхъ и эксцентрическихъ выходокъ. Иногда онъ утромъ выпивалъ, вмѣсто чаю, двѣ-три рюмки водки и торжественно увѣрялъ всѣхъ, что это самый полезный напитокъ: «и ѣсть послѣ этой выпивки не хочется, и веселъ на цѣлый день становишься», объяснялъ онъ. Подчасъ онъ исчезалъ вдругъ куда-то на два, на три дня, и потомъ оказывалось, что онъ шлялся по окрестнымъ деревнямъ Петербурга: «посмотрѣть захотѣлось, такъ ли здѣсь крестьяне живутъ, какъ у насъ въ Орловской губерніи», — говорилъ онъ. Бывали и такіе дни, когда онъ неподвижно по цѣлымъ днямъ лежалъ на своей постели, подложивъ подъ голову руку: «Все вотъ лежу, пусть университетскіе годы проходятъ», — отвѣчалъ онъ на вопросъ, зачѣмъ онъ лежитъ безъ дѣла.

Горячая рѣчь Палицына, вызванная вопросомъ о статьѣ Бѣлинскаго, завязала споры. Горячѣе всѣхъ спорилъ Тишка, доказывая, что малое значеніе литературы зависитъ не отъ ея внутренней ничтожности, а отъ недостатка образованія въ обществѣ, недостатка, зависящаго не отъ литературы. Не вмѣшивался въ споры только Шепелевъ. Этотъ лимфатическій и золотушный простякъ обыкновенно дремалъ во время нашихъ споровъ и оживлялся только тогда, когда рѣчь заводилась о математикѣ. Математика была его конькомъ, его любимицей, за которую онъ претерпѣлъ даже гоненіе отъ своихъ родителей, скупыхъ, грубыхъ и сухихъ людей, мечтавшихъ только о томъ, чтобы ихъ сынъ получилъ выгодное мѣсто. Глубоко несчастный въ семьѣ, забитый съ дѣтства, толстый на видъ, но больной по натурѣ, Шевелевъ старался казаться положительнымъ, сильнымъ и рѣзкимъ, но въ сущности онъ былъ и мечтателемъ, и слабымъ, и крайне несамостоятельнымъ человѣкомъ. Онъ говорилъ басомъ, ходилъ твердыми шагами, возражалъ лако-

Digitized by Google

ническими рѣшающими фразами, что не мѣшало ему подпадать подъ вліяніе каждаго человѣка, если этотъ человѣкъ рѣшался приласкать его. Ласка и доброта, невѣдомыя ему въ семьѣ, подкупали его вполнѣ, дѣлали его рабомъ. Я и Леевъ имѣли на него огромное вліяніе, и я надѣялся, что изъ него выйдетъ добрѣйшій и милѣйшій учитель математики.

Вотъ весь нашъ кружокъ, если не считать тѣхъ товарищей, которые хотя и появлялись иногда въ нашемъ кружкѣ, но не имѣли съ нимъ той крѣпкой связи, которая соединяла насъ, какъ старыхъ товарищей по гимназіи. Я не сказалъ ничего о Макаровѣ, но онъ еще выступитъ на сцену...

Кромѣ этого кружка, было у меня еще множество другихъ знакомствъ, начиная со старыхъ пріятелей дяди, Фридлиховъ, Тюпиныхъ и кончая моими новыми знакомыми, изъ которыхъ особенно дорогъ мнѣ былъ одинъ офицеръ Левинъ. Этотъ человѣкъ былъ преподавателемъ въ одномъ изъ корпусовъ и собиралъ около себя кружокъ молодежи и передовыхъ людей, выступавшихъ на литературное поприще. Я съ нимъ познакомился у генерала Гейга. Онъ давалъ мнѣ для прочтенія иностранныя книги, сочиненія Фурье, Сенъ-Симона и тому подобныхъ соціалистическихъ писателей. Въ его домѣ я слышалъ рѣзкіе споры насчетъ недостатковъ тогдашняго строя нашей жизни и не менѣе рѣзкіе планы преобразованія этого строя. Здѣсь встрѣчалось множество недовольныхъ обществомъ людей. Впрочемъ, недовольныхъ въ то время было много вездѣ; одни отъ недовольства, дошедшаго до отчаянія, бросались въ пьянство и кутежи или впадали въ апатію; другіе отъ недовольства, еще заставлявшаго искать лучшаго исхода, тѣшились мечтами и надеждами, создавали планы лучшаго будущаго. Соціализмъ, освобожденіе крестьянъ, толки о сепаратизмѣ, все это находило своихъ приверженцевъ въ кругу этой надѣющейся на лучшее молодежи. Жизнь, послѣ долгаго сна, начинала закипать съ новою силою, подталкивала къ крайней идеализаціи будущаго, къ излишней вѣрѣ въ свои силы и въ свои планы, къ торопливому осуществленію юношескихъ надеждъ. Большая часть изъ этихъ надеждъ были крайне несостоятельны и не разсѣевались только благодаря необходимости таить ихъ, обмѣниваться ими шопотомъ, въ тѣсномъ кругу. Отсутствіе гласности и невозможность выражать какія-нибудь, хотя отчасти рѣзкія, мнѣнія поддер-

Digitized by Google

живали тогда самыя нелѣпыя и неосуществимыя мечты, придавали этимъ мечтамъ прелесть запрещеннаго плода. Не опьянѣть отъ этихъ тревожныхъ порывовъ къ лучшему, испытавъ всю одуряющую пустоту, скуку, гадость и безцѣльность прошлаго, было невозможно, особенно, если человѣку было двадцать или двадцать пять лѣтъ. Не могъ не увлечься и я этими порывами, не могъ уже потому, что я пережилъ бубновскій гнетъ, клялся въ дѣтствѣ быть защитникомъ угнетенныхъ, слышалъ пламенныя рѣчи дяди и видѣлъ пустоту окружающей меня жизни среди Фридлиховъ, Тюпиныхъ, Гейговъ и тому подобныхъ, Богъ знаетъ для чего жившихъ людей. Въ моей головѣ въ это время созрѣвалъ планъ освобожденія моихъ крестьянъ, еще вполнѣ неосуществимый, вполнѣ неопредѣленный, но я давалъ себѣ слово, такъ или иначе, исполнить эту задачу. Во мнѣ даже пробудилась нѣкоторая гордость, когда я понялъ, какъ трудно будетъ мнѣ добиться исполненія своего завѣтнаго желанія.

III.

Макаровъ.

Посѣщая лекціи, бѣгая на уроки, поглощая всѣ литературныя новости, мы жили бодрою, молодою жизнью, какъ живетъ большая часть небогатыхъ студентовъ. Изъ всего нашего студенческаго кружка, только я могъ прожить безъ нужды, не зарабатывая денегъ. Но я рѣшился не брать своихъ денегъ у Бубнова и, по возможности, не зависѣть отъ дяди, по крайней мѣрѣ, относительно одежды и удовольствій. Мнѣ хотѣлось научиться работать, чтобы имѣть средства и силы исполнить въ будущемъ тѣ планы, которые начали уже смутно возникать въ моей головѣ. Проработавъ день, мы сходились вмѣстѣ по вечерамъ, отправлялись иногда въ театръ, порой проводили долгіе часы за чтеніемъ вслухъ или за оживленными спорами. Многое въ этихъ спорахъ было незрѣло, рѣшалось вкривь и вкось, но желаніе добиться истины звучало въ каждомъ рѣзкомъ словѣ, въ каждой горячей фразѣ. Не такою жизнью жилъ только Макаровъ. Его положеніе въ нашемъ кружкѣ было довольно странное: его всѣ любили, къ нему всѣ ходили, но каждый какъ-будто ожидалъ, что изъ него выйдетъ, что онъ предприметъ; всѣ какъ-будто сознавали, что не можетъ же онъ прожить всю жизнь такъ, какъ онъ жилъ покуда, гимназистомъ въ отставкѣ.

Болѣзненный отъ природы и раздражительный вслѣдствіе

Digitized by Google

болѣзненности; готовый растрогаться и сознаться въ своихъ ошибкахъ при первомъ тепломъ и искреннемъ упрекѣ или обличеніи; дѣлающій еще болѣе ошибокъ «на зло», упорно отстаивая свой ошибочный образъ дѣйствія, даже во вредъ себѣ, если только на него нападали грубо и сухо; вѣчно ищущій любви и доходящій въ этихъ исканіяхъ до женственной безнадежности, до мучительной тоски; разочаровывающійся вслѣдствіе подозрительности, которая воспиталась въ немъ чуть не съ пеленокъ—таковъ былъ Макаровъ. Болѣзненность ему передалась по наслѣдству родителями; ихъ же наслѣдственное имѣніе довело Макарова до недовѣрчивости, такъ какъ онъ видѣлъ, что всѣ, кто вертѣлся около него въ жизни, любили его за «на водку», или за даваньe въ долгъ денегъ, или за угощенье всѣмъ, чѣмъ можетъ угостить богатый человѣкъ. Съ дѣтства онъ не видалъ ни одной привязанности, которая не была бы слѣдствіемъ его щедрости. Вотъ почему онъ особенно сильно привязался ко мнѣ; я былъ совершенно независимъ и никогда не заискивалъ ни въ комъ, а тѣмъ болѣе въ немъ, такъ какъ онъ скорѣе могъ считать себя обязаннымъ мнѣ за свои прошлыя пребыванія у меня по праздникамъ, а не наоборотъ. Но счетовъ между нами не было, и наша дружба имѣла чистый характеръ двухъ равно-обезпеченныхъ и равно-свободныхъ людей. Только въ послѣднее время, послѣ выхода Макарова изъ гимназіи, онъ нѣсколько отдалился отъ меня, и я хотя видѣлся съ нимъ, но не зналъ въ сущности ни его плановъ насчетъ будущаго, ни подробностей его настоящаго образа жизни. Я видѣлъ его двѣ богато-убранныя комнаты, его роскошное платье, его красиво-переплетенныя книги, его наружное довольство, но того, что скрывалось подъ всѣмъ этимъ, я не могъ разсмотрѣть. Несообщительность была однимъ изъ непобѣдимыхъ качествъ его характера; она развилась еще въ дѣтскіе годы, когда ему приходилось скрывать отъ чинной, сухой и холодной семьи каждую свою шалость, каждую свою ребяческую продѣлку. Но, смотря на лицо Макарова, я догадывался, что онъ переживаетъ что-то тяжелое: его лицо было худо, желто и смято. Поступивъ въ университетъ, я надѣялся оживить этого человѣка при помощи своихъ друзей, надѣялся подтолкнуть его къ дѣятельности при помощи книгъ и нашихъ толковъ о будущемъ. Это было въ тѣ годы, когда печатались такія вещи, какъ «Буддизмъ и дилетантизмъ въ наукѣ», «По поводу одной драмы», произведенія Гоголя, стихотво-

Digitized by Google

ренія Кольцова, Лермонтова и т. п. Дѣйствительно, Макаровъ съ жадностью взялся за книги и прислушивался къ нашимъ спорамъ. Передовые люди того времени только-что начали свою проповѣдь, и эта проповѣдь главнымъ образомъ указывала человѣку на то, что онъ долженъ, и для блага общества, и для своего личнаго счастья, быть прежде всего гражданиномъ. «Лица нашей драмы,—писалось въ одной статьѣ,—отравили другъ другу жизнь, потому что они слишкомъ близко подошли другъ къ другу, и, занятыя единственно и исключительно своими личностями, они собственными руками разрыли пропасть, въ которую низверглись: страстность ихъ, не имѣя другого выхода, сожгла ихъ самихъ. Человѣкъ, строящій домъ свой на одномъ сердцѣ, строитъ его на огнедышащей горѣ. Люди, основывающіе все благо своей жизни на семейной жизни, ставятъ домъ на пескѣ. Быть-можетъ, онъ простоитъ до ихъ смерти, но обезпеченія нѣтъ, и домъ этотъ, какъ домы на дачахъ, прекраснъ только во время хорошей погоды». «Въ заглавіи романа Фредерики Бремеръ,—писалось въ другой статьѣ,—стоятъ не однѣ «радости» семейныя, но и «огорченія». А! такъ эта утопія имѣетъ и свои огорченія, даже въ романахъ! Прочтите романъ г-жи Бремеръ, и то ли еще увидите! Вы увидите, что для полнаго семейнаго счастія мало одной любви, но еще болѣе нужно эгоистическаго сосредоточенія въ маленькой и тѣсненькой сферѣ домашняго быта,—нужна значительная доля умственной ограниченности, которая только одна даетъ человѣку силу заткнуть уши отъ всѣхъ другихъ обаятельныхъ словъ бытія и закрыть глаза на всѣ другія обаятельныя картины широко раскинувшейся безконечно-разнообразной жизни... И какая разница въ этомъ отношеніи, напримѣръ, между семейственною Германіею нашего времени и общественнымъ древнимъ міромъ! Въ первой жизнь такъ узко, такъ душно опредѣляется для людей съ ихъ младенчества, семейный эгоизмъ полагается въ основу воспитанія; во второмъ человѣкъ родился для общества, воспитывался обществомъ, и потому дѣлался человѣкомъ, а не филистеромъ». Прибавьте къ этому воспоминаніе о Чичиковыхъ, Плюшкиныхъ, Собакевичахъ, Маниловыхъ и всѣхъ этихъ людяхъ, желавшихъ какъ можно болѣе украсть у общества средствъ для постройки своего гнѣзда, и вы поймете, что въ молодомъ умѣ тогда должна была невольно сложиться мысль о необходимости приносить пользу тому обществу, среди котораго приходится жить. Но за что же

Digitized by Google

приняться? Этотъ вопросъ уже давно смутно поднимался въ головѣ Макарова, навѣвался скукою, бездѣйствіемъ, тоскою; теперь же онъ неотразимо и ясно сталъ передъ юношею, какъ какой-то роковой призракъ, какъ idée fixe. Недоучившійся юноша бросался на все и вездѣ встрѣчалъ предметы, ясно говорившіе о недостаточности его образованія. Читалась ли историческая статья, слышались ли выходки Палицына противъ юриспруденціи, говорилъ ли Шепелевъ о высшей математикѣ, шумѣлъ ли Леевъ въ философскихъ спорахъ, вездѣ и всегда Макарову или приходилось умолкать, или, что было еще хуже, претерпѣвать пораженіе на всѣхъ пунктахъ. Иногда онъ былъ, видимо, правъ, но его забрасывали беззастѣнчиво авторитетными именами, можетъ-быть, перевранными цитатами изъ книгъ—и онъ не могъ указать, что и эти имена, и эти цитаты приводились невѣрно. Помню я, какъ однажды Макаровъ просіялъ и въ то же время принялъ какой-то таинственный видъ. Въ теченіе цѣлой недѣли не могъ я добиться, что у него за тайна. Наконецъ, онъ не выдержалъ и открылъ мнѣ, что онъ написалъ повѣсть.

— Форма-то ея плоха,—говорилъ онъ.—Только это ничего. Мнѣ важно, что я въ ней новую теорію выдумалъ.

Онъ торопливо началъ мнѣ передавать эту «новую теорію».

— А, это идея Фурье,—замѣтилъ я.

— Какого Фурье?—спросилъ онъ, никогда не встрѣчавши этого имени ни въ гимназическихъ учебникахъ исторіи, ни въ другихъ книгахъ.

Я началъ ему разсказывать все, что зналъ объ идеяхъ Фурье.

— Да не можетъ быть!—топнулъ онъ ногою.—Вѣдь не могъ же я украсть у него эти мысли, когда я и имени-то его не слыхалъ.

— Да кто же тебѣ говоритъ, что ты укралъ что-нибудь у него,—замѣтилъ я съ сожалѣніемъ, видя его печаль.—Это часто такъ бываетъ, что на различныхъ концахъ міра создаются однѣ и тѣ же теоріи.

Я передалъ Макарову свои свѣдѣнія о Бабёфѣ, о Томасѣ Морусѣ и Сенъ-Симонѣ. Онъ ходилъ въ волненіи и былъ какъ-то особенно жалокъ и желтъ.

— Чортъ возьми,—крикнулъ онъ, наконецъ: — тутъ сидишь, порохъ въ девятнадцатомъ столѣтіи выдумываешь, а его уже давно выдумали! Что же это за образованіе, что это за языкъ такой, на которомъ не найдешь даже элемен-

Digitized by Google

тарныхъ свѣдѣній по тѣмъ или другимъ вопросамъ! Нѣтъ, надо иностраннымъ языкамъ учиться, тогда все перечитаю, все...

— И то, братъ, всего не перечитаешь, потому что и книгъ-то по многимъ вопросамъ сюда не привозятъ,—замѣтилъ я.—Вотъ за границу поѣзжай...

— Да, да, только бы иностранными языками запастись, а то съ русскимъ далеко не уѣдешь...

Макаровъ задумчиво и грустно ходилъ по комнатѣ.

— Знаешь ли ты, иногда я голову себѣ расколотилъ бы объ стѣну,—заговорилъ онъ глухо.—Ну, на что я живу? Кому я нуженъ? Почему ко мнѣ всѣ ходятъ? Потому, что у меня деньги есть, въ долгъ я даю, кормить могу всѣхъ... Сдѣлайся я завтра нищимъ, и всѣ плюнутъ на меня. Совѣта у меня спросить, объясненія потребовать по какому-нибудь предмету нельзя—я неучъ. Въ практической жизни наставить другого на путь истины или самому взяться за практическую дѣятельность—тоже нѣтъ силъ, нѣтъ подготовки...

— Учись, работай,—проговорилъ я задумчиво.

— Палки надо мной нѣтъ, вотъ что горе!—злобно проговорилъ онъ.—То боленъ, то лѣнь, то забудешь во-время заняться, а тамъ гости, самъ идешь куда-нибудь, а время уходитъ, да уходитъ. Вы вѣдь почему работаете, работаете даже надъ нелюбимой наукой, которую называетъ Палицынъ надувательствомъ по закону? Не потому ли, что у васъ назначено и время для занятій, и время для экзаменовъ? Вѣдь не прилежнѣе же меня Палицынъ, Шепелевъ и Леевъ! Вѣдь они такіе же лежни по натурѣ...

— Ну, я съ тобою не совсѣмъ согласенъ,—замѣтилъ я.—Есть люди, которые и безъ палки учатся, и такіе-то люди и хороши... Впрочемъ, дѣло не въ томъ. Тебѣ нужно, чтобы кто-нибудь контролировалъ твои занятія,—возьми учителей, подготовься въ университетъ.

Макаровъ сконфуженно закусилъ губу и молча продолжалъ ходить по комнатѣ. Ему было трудно что-то высказать.

— Знаешь ли что,—началъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.—У меня нѣтъ тайнъ отъ тебя... Я вотъ все тебѣ разскажу... Я, видишь ли ты, долгое время не могъ рѣшиться взять учителя... Стыдно было... Выросъ, на лѣсъ глядя, а ума нѣтъ... Дѣти, можетъ-быть, гдѣ-нибудь на сторонѣ есть, а отцу азбуку учить нужно... Ну, однако, скрѣпя сердце, нанялъ я учителя, не такъ, чтобы очень молодого,

Digitized by Google

а лѣтъ сорока... Что же ты думаешь?.. Приходитъ онъ ко мнѣ.—Вы, говоритъ, это одни живете?—Одинъ, говорю.—Развѣ родныхъ нѣтъ?—продолжаетъ разспрашивать.—Не имѣется, отвѣчаю.—И не служите?—Не служу, изъ процентовъ съ капитала живу.—А! Мило обзавелись. А вотъ я, батенька, радъ бы хоть подъ старость этакъ обставиться... Начали урокъ. Объясняетъ онъ тонкости французской грамматики, а самъ нѣтъ-нѣтъ, да и заговоритъ о театрѣ, о томъ, какъ онъ въ раекъ ходитъ, какъ тамъ француженки-магазинщицы бываютъ... Смѣшно разсказывалъ онъ, бывало, забудемся и хохочемъ. Потомъ опять о глаголахъ начинаетъ толковать... Глядишь урокъ и прошелъ.—Что же вы не задали мнѣ урока къ будущему разу?—спросилъ я.—Э, выучите, сколько можете. Какъ же мнѣ вамъ задавать?—отвѣтилъ онъ.—Да вы на меня, какъ на школьника, смотрите,—говорю я.—Хе-хе-хе! я думаю, у самого ребятишки есть?—подмигнулъ онъ съ чисто французскою сальностью.—Ну, это къ дѣлу нейдетъ.—Вы не обижайтесь за шутки. Я вамъ задамъ урокъ, если хотите... Хорошо, задалъ. А у меня, какъ на зло, въ тѣ дни гости за гостями, ну, и не могъ я приготовиться къ уроку. Приходитъ учитель, спрашиваетъ, я ни въ зубъ толкнуть.—Ну, что-жъ? къ будущему разу приготовитесь,—замѣтилъ онъ. Проболтали мы съ нимъ, заплатилъ я ему деньги за болтовню, и самъ чувствую, что вѣдь не наказывать же ему меня за лѣнь. Такъ пошли наши уроки, черезъ пень въ колоду валимъ, толку на грошъ нѣтъ... Плюнулъ я, наконецъ, и отказалъ учителю. Пробовалъ и другихъ брать, еще хуже выходило... Палка, братецъ, палка по мнѣ плачетъ! Сперва, видишь ли, меня дубасили ею: повернулся—бѣда, не довернулся—бѣда, ногти начинаешь съ досады грызть, кричатъ: ne rongez pas vos ongles! А потомъ, трахъ! оборвались поводья: тѣмъ, кто билъ, рты землею заткнули, а тому, кого били, все ихъ достояніе передали. Ну, ужъ тутъ не только что ногти грызть было можно, а и ноги на столъ при всемъ обществѣ задирать позволялось... Крѣпостничество меня заѣло, крѣпостничество во всѣхъ его проявленіяхъ, и въ семейномъ быту, и въ сношеніяхъ съ меньшею братьею.

Макаровъ въ волненіи провелъ рукою по волосамъ, точно желая освободить свою голову отъ какого-то лежащаго на ней гнета.

— Подлецъ и общество-то наше!—проговорилъ онъ съ ненавистью.—Дядя у меня есть генералъ, такой-сякой. До

Digitized by Google

шестнадцати лѣтъ обязанъ я былъ у него ручки цѣловать, а на-дняхъ пріѣзжаетъ онъ ко мнѣ, доложили, я кричу: скажите ему, что я еще сплю! Слышитъ онъ это, бестія, говоритъ дѣвушкѣ: «Я подожду!» Ждетъ. «Ахъ, песъ ты этакій старый, я же тебя проморю», думаю я. Прошло съ часъ, надоѣло мнѣ лежать, бока даже ломить начало. Звоню. Пришла служанка. Просите, говорю изъ-за драпри, его превосходительство. Входитъ онъ.—Бонъ-журъ, монъ неве, кричитъ мнѣ.—Бонъ-журъ, монъ окль, отвѣчаю я изъ-за драпри. Извините, я еще встаю. Боялся васъ задержать долго.—Ничего, ничего!—Вы позвольте мнѣ одѣться.—Э, братецъ, вѣдь я не барыня!.. Сбрасываю одѣяло, снимаю рубашку и остальныя принадлежности. — Эхъ, чортъ возьми! ворчу вполголоса. Не вынулъ бѣлья.—Что ты? Надо что-нибудь? Позвонить прислугу? спрашиваетъ дядя.—Нѣтъ, у меня вѣдь дѣвушка прислуживаетъ, а я раздѣтъ, откликаюсь я.—Такъ я тебѣ подамъ, что надо.—Будьте такъ добры... Гляжу, его превосходительство лѣзетъ ко мнѣ за драпри.—Э, братъ, да ты въ костюмѣ прародителя! хихикаетъ онъ и собственною своею дланью хлопаетъ меня по спинѣ.—Достаньте, монъ онкль, вотъ тутъ, въ нижнемъ ящикѣ комода бѣлье... Досталъ, подалъ.—Мерси, говорю.—А онъ на кровать присѣлъ, глядитъ, какъ я облачаюсь, тогда какъ какіе-нибудь четыре года назадъ безъ галстука я не смѣлъ къ нему показаться, не подвергаясь опасности быть наказаннымъ... Чортъ, чортъ старый! векселямъ подошелъ срокъ. Нужно было, чтобы я ихъ отсрочилъ... А что ты думаешь, если бы я его заставилъ на колѣни встать передъ собою, да за это посулилъ бы векселя-то въ печь бросить,—всталъ бы онъ или нѣтъ? Вѣдь всталъ бы, ей-Богу, всталъ бы! Холопы! Крѣпостничествомъ вспоенные холопы!

Макаровъ въ раздражительности смялъ между пальцами сигару и швырнулъ ее въ сторону.

— Они еще толкуютъ о законахъ, о нравственности, о приличіяхъ общества! Деньги,—вотъ законы, вотъ нравственность, вотъ приличія общества! Да ты знаешь ли, что я между развратными женщинами находилъ болѣе человѣчныхъ, чѣмъ они?

По его лицу пробѣжало какое-то мягкое и въ то же время грустное выраженіе.

— Я тебѣ никогда не разсказывалъ о своихъ похожденіяхъ въ этомъ мірѣ. Тамъ у меня есть подруги и знакомыя. Ты вѣдь въ этомъ дѣлѣ школьникъ передо мною, такъ послушай.

Digitized by Google

Макаровъ началъ свой разсказъ.

Разсказъ Макарова.

— Ты помнишь, изъ гимназіи я вышелъ, поссорившись съ учителемъ, и тотчасъ же захворалъ горячкой. Она, должно-быть, уже начиналась наканунѣ. А можетъ-быть, потрясеніе подѣйствовало. Какъ бы то ни было, но первое время полной свободы провелъ я въ постели, и когда я поднялся, то силы мои были порядочно надорваны, нервы разстроены. Съѣздить на воды и возвратившись сюда, я былъ одинокъ. Ни друзей, ни знакомыхъ, ни родныхъ близкихъ у меня не было. Братъ стоялъ съ полкомъ въ провинціи. Дядя и ихъ кружокъ были мнѣ противны. Ты былъ въ гимназіи, куда я не хотѣлъ и носу показывать. Тоска стала меня одолѣвать страшная. Шлялся я по театрамъ, по трактирамъ и тутъ свелъ два-три шапочныя знакомства. Однажды мнѣ предложили ѣхать въ танцъ-классъ. Поѣхалъ я. Пляшутъ тамъ наружныя женщины, юнкеришки сальныя штуки выкидываютъ, по уголкамъ въ отдаленныхъ комнатахъ парочки сидятъ, все грязно, пошло и скверно, а главное—душно. Я не выдерживаю грязи, въ этомъ я остался аристократомъ,—у насъ вѣдь Палашекъ разныхъ во время обѣда драли, если гдѣ находили грязь,—потому я сказалъ одному изъ своихъ знакомыхъ, что мнѣ гадокъ этотъ облагороженный названіемъ кабакъ, и что я уѣду. Онъ въ эту минуту стоялъ съ какой-то дѣвушкой у буфета.—Ахъ, какъ вы обижаете наше общество!—неумѣло кокетничая, замѣтила она. Она совсѣмъ еще молодая дѣвчурка была.—Да онъ еще не посвященный!—засмѣялся юнкеръ.—Такъ съ васъ литки надо!—захихикала она.—Чего съ меня надо?—спросилъ я.—Шампанскаго,—отвѣтилъ юнкеръ. Я велѣлъ дать шампанскаго. Подали. Они налили три бокала и принудили меня выпить. Я слабъ и хмелѣю скоро; за однимъ бокаломъ послѣдовалъ другой, третій. Я былъ уже пьянъ и все жаловался моей новой знакомой, какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ больно, что вотъ я въ этотъ омутъ втянулся,—всплакнулъ даже и о матери вспомнилъ. Глаза-то у пьяныхъ на мокромъ мѣстѣ. Потомъ, должно-быть, съ горя, я пустился въ плясъ. Жара и духота въ залахъ, вино, гнилая атмосфера, насыщенная нечистыми испареніями, запахомъ грязныхъ одеждъ, вонь отъ масла, все это подѣйствовало на меня страшно; я упалъ посреди залы безъ чувствъ. Надо мной стали смѣяться танцоры, и, конечно, мой знакомый юнкеръ былъ одинъ изъ

Digitized by Google

первыхъ, такъ какъ ему должно было быть смѣшнѣе прочихъ видѣть, какъ это мальчикъ не можетъ развратиться сразу, не упавъ въ обморокъ въ ихъ трущобѣ. Но женщина, бывшая съ нимъ, вырвалась отъ него и подбѣжала ко мнѣ.—Онъ вѣдь первый разъ здѣсь!—жалобно проговорила она нѣсколькимъ изъ своихъ знакомыхъ и попросила ихъ принести воды. Кто-то изъ этихъ падшихъ женщинъ убѣжалъ за водою, другія подняли меня и унесли въ другую комнату.—Бѣдненькій, онъ еще совсѣмъ мальчикъ! — проговорила моя покровительница, разстегивая мой жилетъ и вспрыскивая меня водою. Ей помогала вспрыскивать меня еще другая молоденькая дѣвушка, намочившая мнѣ волосы и въ забытьи гладившая ихъ, какъ можетъ гладить волосы падшаго брата только чистая душою молодая сестра.—Гдѣ онъ живетъ?—спрашивали онѣ другъ у друга и не могли узнать моего адреса. Мой знакомый юнкеръ давно уже исчезъ. Я пришелъ немного въ себя, но отвѣчать связно не могъ.—Дома, поди-ка, достанется,—замѣтила со смѣхомъ одна изъ женщинъ.—Я его къ себѣ свезу,—проговорила моя молоденькая покровительница и, при помощи подругъ, вывела меня изъ комнаты и увезла съ собой. Она жила одна со служанкой. Не зная, кто я, не зная, буду ли я живъ, не захвораю ли я къ утру, она смѣло ввела меня въ свой домъ и просидѣла надо мной всю ночь. Когда я очнулся совершенно и открылъ по утру глаза, я увидалъ себя въ незнакомой, небогатой комнатѣ; около моего изголовья дремала, облокотясь на ручку кресла и опустивъ на ладонь головку, блѣдная, худенькая дѣвушка. Съ ея полудѣтскаго лица сошли румяна; оно было грустно и утомлено; казалось, она уснула среди тяжелыхъ думъ. Я не шевелился и боялся разбудить ее. Я впервые видѣлъ спящую дѣвушку и, признаюсь, если бы меня привели къ ней въ эту минуту и спросили, кто она, то я сказалъ бы, что это чистое, доброе и безгрѣшное дитя. А она жила по желтому билету, каждый день была полу-пьяна и мѣняла любовниковъ тридцать разъ въ мѣсяцъ, а можетъ-быть и болѣе. Наконецъ, она проснулась и, улыбнувшись, сказала:

— Ну, слава Богу, и вы очнулись!

Я сталъ благодарить ее. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать.

— Я васъ напою чаемъ,—сказала она и пошла къ своей служанкѣ. Тамъ начались какіе-то переговоры. Дѣвушка воротилась ко мнѣ, немного раскраснѣвшаяся и разстроенная. Послѣ я узналъ, что кухарка просила у нея на чай денегъ,

Digitized by Google

по у нея пхъ не было. Въ лавкѣ жс имъ давно не вѣрили. Она упросила кухарку, чтобы та сдѣлала покупку на свои деньги.

— А какъ мнѣ васъ жалко было, такъ жалко, точно брата родного,—сказала она.—Я сама, какъ первый разъ тамъ была, упала. А теперь вотъ ничего, привыкла. Тамъ только воздухъ такой, что сразу ошибетъ тебя, а потомъ весело станетъ. Вотъ юнкера любятъ ѣздить туда.

— Неужели и вамъ тамъ весело?—спросилъ я.

— Ничего, весело. Тамъ это, видѣли, какія комнаты, бархатная мебель. Ну, и тоже благородные люди тамъ бываютъ. Шампанское подаютъ, диссертъ...

Я обвелъ глазами комнату моей новой знакомой и удивился той бѣдности, которая сквозила изъ-за внѣшняго лоска. Вся было старо—занавѣски, обивка стульевъ, но все это подкрахмалено, подштопано.

— Много вы добываете?—спросилъ я.

— Гдѣ ужъ много! День на день не придется, иногда и ничего не достанешь. Вотъ теперь долговъ заплатить не могу...

— Вы бы работали.

Она засмѣялась.

— А вы бы сыскали работу?

— Что-жъ? можетъ-быть, и сыщу. Вотъ мнѣ бѣлье нужно шить...

— Э, что вы говорите! Ну, сошью вамъ бѣлью, а послѣ что? Жди опять, когда кто дастъ. Знаю я эту работу. Давальцевъ на сторонѣ не много найдешь, а въ магазинъ не стоитъ шить. Вы вотъ знаете ли, какъ намъ за бѣлье-то платятъ въ магазинахъ? Они намъ половинную цѣну даютъ, да еще и то не всегда есть работа, не всегда за нее деньги отдаютъ. Ну, а станешь въ магазинѣ шить, такъ чуть не поддашься хозяину или тамъ кому-нибудь изъ ихнихъ, ну, и начнутъ пилить. Такъ это вотъ и горбъ гни, и голодомъ сиди, и никакого удовольствія не имѣй, а тутъ, по крайности, я и свободное время имѣю, и веселюсь; все-таки, если у меня эта теперь бѣдность здѣсь, такъ я вечеромъ тамъ вонъ, какъ барыня, на бархатѣ сижу...

— Да вѣдь васъ за долги могутъ посадить въ тюрьму.

— Такъ я и далась!.. Меня въ публичный домъ примутъ. Меня и теперь зовутъ туда, да я еще и сама туда не иду.

— Да тамъ еще скверпѣе!—ужаснулся я.

— Отчего это? Тамъ общество... Правда, нашу сестру

Digitized by Google

прижимаютъ эти самыя содержательницы, особливо, если, вотъ какъ я, придешь туда съ долгомъ... Ну, да вѣдь ужъ все равно, сколько бы тамъ на тебя не насчитали—мало ли, много ли,—а выйти оттуда не выйдешь.

— Да вѣдь тамъ и женщины скверныя живутъ...

— Чѣмъ скверныя? Вы нѣшто жили съ ними? Нѣтъ, вотъ отъ насъ ушла одна изъ магазина туда, изъ благородныхъ. Только бѣдная она была, а обучена всему была,—такъ ее тамъ это долго ни до чего не допускали: ты, говорятъ, только играй намъ на музыкѣ, а не гуляй, можетъ-быть, тебѣ судьба какая выпадетъ... И даже это содержательницу упросили, чтобъ она ее, за эту за самую игру на фортепіанахъ, держала.

— Ну, и что же?

— Ничего, жила такъ-то съ мѣсяцъ. Потомъ это сталъ туда часто одинъ офицеръ ходить, все подлѣ нея сиживалъ, уговаривалъ ее. Ну, она слушала, слушала, и говоритъ разъ: «нѣтъ ужъ, Богъ съ нею, съ моею судьбою, можетъ мнѣ никогда ее и не видать, а по-крайности поживу я хоть разъ, какъ мнѣ хочется, потѣшу свою молодость...» Такъ она съ этимъ офицеромъ и гуляла...

— Ну, а послѣ?..

— Въ больницѣ умерла...

Мы оба замолчали, хозяйка хлопотала около чаю.

— А вы, я думаю, боялись, что я умру здѣсь?..

— Ахъ, ужъ какъ мнѣ жалко васъ было!

— Да и полиціи, я думаю, боялись, что придерется...

— Вотъ-то вы мнѣ что сказали!—всплеснула отъ ужаса руками хозяйка и даже поблѣднѣла.—А я-то, дура, и не подумала сгоряча-то. Вотъ бы угодила себѣ, нечего сказать. Экое дѣло заварила бы!

Она совсѣмъ растерялась и подозрительно взглянула на меня, хотя уже бояться было нечего.

Я просидѣлъ у нея почти три часа и ушелъ, обѣщаясь зайти завтра утромъ.

— Не ѣздите сегодня никуда,—сказалъ я.

— Хорошо вамъ говорить, а я этакъ и съ голоду помру.

— Я дамъ вамъ денегъ.

— За что это? Нѣшто я васъ для денегъ везла сюда? Вы еще мальчикъ, такъ мнѣ жаль васъ было.

Я настоялъ на томъ, чтобы она взяла деньги. Она объявила, что она беретъ это въ долгъ...

Съ этого дня я все чаще и чаще бывалъ у нея. Я упро-

Digitized by Google

силъ ее не ѣздить на балы, не принимать никого изъ мужчинъ. Она не хотѣла брать у меня денегъ даромъ, и потому я нашилъ себѣ въ это время столько бѣлья, что мнѣ его еще долго не износить. Я смотрѣлъ на нее, какъ на сестру. Смотрѣть на нее иначе я не могъ. Я еще былъ слишкомъ чистый шестнадцатилѣтній мальчикъ, и въ сущности еще боялся женщинъ и стыдился интимныхъ отношеній съ ними. Въ пансіонской жизни я отвыкъ отъ женскаго общества, и потому Маша мнѣ казалась скорѣе товарищемъ, чемъ любовницей. Такъ прошли три мѣсяца. Мы не скучали, повидимому; иногда я разсказывалъ ей свою исторію; она передавала мнѣ свое прошлое; нерѣдко мы ѣздили въ театръ. Я не замѣчалъ, что она худѣла; я не хотѣлъ понять, почему она иногда говорила мнѣ:

— А вѣдь вы меня не любите!

Неопытный вчерашній пансіонеръ, я былъ еще увѣренъ, что можетъ существовать платоническая любовь. Тьфу ты, гадость какая! Какой чепухи не вобьетъ въ голову пансіонская жизнь! Черезъ полгода съ ней познакомился мой братъ. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ отпускъ.

Макаровъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Его лицо покоробилось. Онъ кусалъ губы. Черезъ минуту онъ продолжалъ рѣзкимъ тономъ и скороговоркой, какъ бы желая досказать все поскорѣй:

— Ну, вотъ познакомился. Сталъ тоже ходить къ ней, иногда безъ меня. Я сталъ въ ней замѣчать перемѣну. Она дѣлалась раздражительною, волновалась. Иногда плакала о чемъ-то. Одинъ разъ я ее спросилъ, о чемъ она плачетъ?

— Не ходите вы ко мнѣ больше,—сказала она.—Такъ съ вами жить, какъ сестра съ братомъ, я не могу, а иначе не хочу. Вы такой молоденькій. Губить васъ я не могу. Я васъ очень, очень люблю, Григорій Ивановичъ, а потому ужъ вы не ходите ко мнѣ. Я вотъ намедни и вашу мамашу покойную видѣла. Сердитая она такая пришла ко мнѣ и грозитъ мнѣ пальцемъ. Я это лежу и чувствую, что не сплю, а ее вижу... Это она за васъ мнѣ грозила. Мнѣ и на томъ свѣтѣ худо будетъ. Я тоже хоть и развратная была, а Бога помню.

Я былъ ошеломленъ этою рѣчью. Я началъ уговаривать Машу, чтобы она успокоилась, что это все пройдетъ, что мы станемъ жить попрежнему.

— Нѣтъ, ужъ даромъ я отъ васъ денегъ не стану больше брать и любить васъ не буду, я ужъ теперь опять въ танцъ-классъ ѣздила...

Digitized by Google

Я былъ совсѣмъ дитя, я расплакался...

Съ тѣхъ поръ я долго не встрѣчался съ нею. Она кутила съ моимъ братомъ, потомъ опять со всѣми, потому что ему она надоѣла. Послѣ я встрѣчалъ ее, но уже и я, и она встрѣчались хладнокровно; она всегда благодарила меня, но я не благодарилъ ее, потому что, со дня нашей разлуки, я сталъ не выше ея въ отношеніи разврата, хотя, правда, мужчины вѣдь не развратничаютъ, публичнымъ мужчиной не называютъ того, кто мѣняетъ любовницъ. Только женщинъ называютъ публичными, если онѣ продаютъ любовь. Это тоже одинъ изъ законовъ общества: платишь—тебя уважаютъ, получаешь плату—тебя презираютъ, точно не все равно, покупаетъ или продаетъ человѣкъ тѣло и душу своего собрата или свою собственную. Да что я говорю! развѣ не гнуснѣе тотъ, кто покупаетъ изъ прихоти, чѣмъ тотъ, кто продаетъ ради нужды?

Въ эту минуту въ комнату появились наши друзья.

— Ну, господа, опять философствуете: бытіе есть небытіе, что дѣйствительно, то разумно, и что разумно, то дѣйствительно!—съ хохотомъ проговорилъ Тишка, входя въ комнату въ нахлобученной на уши шапчонкѣ, въ холодной шинелишкѣ и въ теплыхъ огромныхъ рукавицахъ.—Вотъ я выспался, а теперь Макаровъ вѣрно кофе велитъ подать и напоитъ жаждущаго, во спасеніе своей души.

— Ты вѣдь вѣчно или алчешь, или жаждешь,—усмѣхнулся Макаровъ не совсѣмъ пріятной улыбкой, приказавъ подавать кофе.

Онъ былъ недоволенъ, что гости пришли не во-время.

— Вотъ ужъ это, братъ, дѣйствительно, хотя и неразумно,—отвѣчалъ, смѣясь, Тишка.—Чортъ возьми, ну, что можетъ быть дѣйствительнѣе голода и что, между тѣмъ, въ немъ разумнаго?—Эта мысль клиномъ засѣла въ мою голову, спать не дастъ. И не голодалъ, что ли, Гегель, что ему она не пришла въ голову... Э, да у тебя сигарки новыя. Фью!

Тишка подошелъ къ сигарамъ и съ дѣтскимъ наслажденіемъ разсматривалъ ихъ.

— Ну, не для тебя,—лаконически и сухо отвѣтилъ Макаровъ.

Тишка съ невыразимымъ комизмомъ почесалъ въ головѣ. Я засмѣялся.

— А онъ еще коммунизмъ проповѣдывать хочетъ,—замѣтилъ я Тишкѣ:—а сигары для себя одного держитъ.

Digitized by Google

— Ну, ужъ, братецъ, это намъ прилично коммунизмомъ заниматься, а ему нечего, — отвѣтилъ Леевъ. — Извѣстно, всѣ эти господчики не только чѣмъ другимъ не облагодѣтельствуютъ человѣчества, а и сигарки ему не предложатъ.

— Ты въ этомъ увѣренъ?—съ замѣтнымъ раздраженіемъ произнесъ Макаровъ.

— Еще бы!—засмѣялся Тишка, не замѣчая этого раздраженія.

— Ну, такъ я и не стану опровергать твоего убѣжденія фактами,—насмѣшливо произнесъ Макаровъ.

Мы усѣлись пить кофе. Хозяинъ предложилъ каждому изъ насъ по сигарѣ, но обошелъ Тишку. Тишка сидѣлъ, какъ провинившійся школьникъ. Макаровъ насмѣшливо подмигивая обществу, указывая глазами на Леева.

— А славныя сигары!—началъ Макаровъ потягивать душистый дымъ сигары. — Ты не хочешь ли тоже покурить, Тишка?—Обратился онъ къ Лееву.

— Ну, ну, давай, полно ломаться!—оживился Тишка.

— А, такъ ты думаешь, что я ломаюсь? Ну, такъ и сиди безъ сигары!—снова капризно произнесъ хозяинъ.

Тишка сидѣлъ, какъ въ воду опущенный. Мнѣ начинала дѣлаться противна эта сцена. Я понималъ, что передо мной находятся два взрослые ребенка, раскапризничавшіеся изъ-за пустяковъ, но въ то же время я сознавалъ, что имъ пора и выйти изъ дѣтскаго возраста и перестать такъ нелѣпо капризничать. Послѣ кофе разговоръ какъ-то не клеился. Макаровъ уже не просто капризничалъ, а, видимо, злился; ему было досадно отчасти на себя, за свою глупую выходку барченка, отчасти на Тишку, не пожелавшаго разыграть какую-нибудь шутовскую роль для полученія подачки отъ раздраженнаго барченка. Просидѣвъ съ часъ, я поднялся съ мѣста—мнѣ просто было гадко глядѣть на эти два надутыя лица. За мною поднялись и другіе гости. Это немного удивило Макарова, такъ какъ мы обыкновенно собирались къ нему на весь вечеръ. Выходя отъ него, мы ни слова не сказали о глупой исторіи, но не говорили и ни о чемъ другомъ. Было очевидно, что эта глупая исторія, такъ или иначе, задѣла каждаго за живое. Возвратившись домой, я невольно задумался объ этомъ, повидимому, пустомъ случаѣ. Я сознавалъ, что онъ далеко не такъ ничтоженъ, какъ кажется. Уже въ теченіе довольно долгаго времени я замѣчалъ подобныя мелочныя выходки Макарова. Онъ дѣлался съ каждымъ днемъ все раздражительнѣе и начиналъ все грубѣе

Digitized by Google

и грубѣе обходиться съ моими друзьями. Въ каждомъ его мелочномъ спорѣ, въ каждомъ его поступкѣ проглядываю какое-то пренебреженіе къ товарищамъ, какое-то желаніе подчинить ихъ безусловно себѣ, какое-то стремленіе пустить имъ пыль въ глаза. Трудно было сказать, гдѣ будетъ конецъ его дерзостямъ. Не лучше было и отношеніе товарищей къ нему. Они знали, что онъ человѣкъ больной, что онъ проводитъ половину года въ постели, что онъ раздражается отъ каждой мелочи, что онъ, несмотря на всѣ свои усилія, не можетъ освободиться отъ барскихъ замашекъ, и спускали ему многое. Но сегодня спускалась шутка, завтра двусмысленный намекъ, послѣзавтра грубость, а тамъ приходилось спускать и такія вещи, за которыя съ людьми прерываютъ знакомство. Эти отношенія были гибельны для характеровъ обѣихъ сторонъ: они не только не отучали Макарова отъ его замашекъ, но, напротивъ того, способствовали развитію въ немъ его капризовъ; остальныхъ товарищей, и въ особенности ребенка Тишку, они незамѣтно пріучали къ холопству, къ потаканью чужимъ слабостямъ. Я рѣшился прекратить эти дикія отношенія близкихъ мнѣ людей другъ къ другу, и напомнить, что имъ пора начать посерьезнѣе смотрѣть на жизнь. Чтобы поспокойнѣе объясниться съ Макаровымъ, я заходилъ къ нему нѣсколько дней. Но прежде чѣмъ я успѣлъ обдумать свое объясненіе съ нимъ, случай натолкнулъ меня на него. Я встрѣтился съ Макаровымъ у воротъ того дома, гдѣ онъ жилъ.

— Что ты нынче мимо воротъ проходишь?—остановилъ онъ меня взволнованнымъ голосомъ.

— Да вѣдь я и часто мимо тебя прохожу. Не всегда же есть свободное время для посѣщеній!—отвѣтилъ я.

— Это что-то странно!—замѣтилъ онъ.—Прежде было время, а теперь нѣтъ. Никто изъ васъ глазъ не показывалъ пять дней.

— Вѣрно заняты были,—отвѣтилъ я.—А развѣ ты не заходилъ къ нашимъ?

— Что же я стану пороги обивать, коли ко мнѣ нейдутъ!—раздражительно промолвилъ Макаровъ.

— Ты, кажется, визитами начинаешь считаться?

— Зайдемъ ко мнѣ, на улицѣ, не приходится объясняться,—сказалъ онъ, вмѣсто отвѣта.

Я неохотно согласился на это, чувствуя, что подобное начало объясненія не предвѣщало хорошаго конца. Макаровъ былъ, кажется, не совсѣмъ здоровъ, и потому

Digitized by Google

раздражался болѣе обыкновеннаго. Мы вошли въ его квартиру.

— Вы, кажется, всѣ обозлились за что-то на меня въ послѣднее свиданіе,—началъ онъ, закуривая сигару.

— Не обозлились, но удивились твоему обращенію съ Леевымъ,—отвѣтилъ я.—Ты отнесся къ нему, какъ къ какому-то холопу.

— Ну, да,—вспылилъ Макаровъ.—Онъ самъ лизоблюдничаетъ, ходитъ ко мнѣ ради кофе и сигаръ, такъ я и обращаюсь съ нимъ, какъ съ холопомъ.

— Во-первыхъ, онъ не ради кофе и сигаръ ходитъ къ тебѣ,—замѣтилъ я:—а во-вторыхъ, ты самъ же говорилъ, что гадки не тѣ, которые продаютъ себя, а тѣ, которые покупаютъ другихъ.

Макаровъ вспыхнулъ.

— И тѣ, и другіе гадки,—проговорилъ онъ.—Я ненавижу и тѣхъ, и другихъ, и если я не могу отдѣлаться отъ покупателя людской привязанности, то-есть отъ себя, то я желалъ бы, по крайней мѣрѣ, отдѣлаться отъ тѣхъ, которые продаютъ мнѣ эту привязанность.

— А, если ты такъ смотришь на нашъ кружокъ, то, конечно, очень жаль, что мои друзья не знаютъ этого,—проговорилъ я холоднымъ тономъ.—Ты долженъ бы былъ сказать это прямо. Это было бы честнѣе.

Макаровъ поблѣднѣлъ, услышавъ въ моемъ голосѣ холодныя ноты. Я взялся за фуражку

— Куда ты?

— Домой.

— Ты, кажется, разсердился?

— Развѣ можно сердиться на различіе во вкусахъ?—отвѣтилъ я.—Тебѣ не нравятся мои друзья, а мнѣ они нравятся. Тебѣ они не нужны, а мнѣ нужны. Я тебѣ очень благодаренъ, что ты разъяснилъ мнѣ дѣло. Я не люблю ложныхъ положеній.

— Ты понимаешь, что на тебя я никогда не смотрѣлъ такъ, какъ на нихъ...

— Ты и не могъ смотрѣть на меня такъ, какъ смотришь на нихъ. Я самъ имѣю столько же средствъ, сколько и ты, я даже имѣю больше, чѣмъ ты, такъ какъ у меня есть рабочія руки. Но я никогда не отдѣляю дѣла моихъ друзей отъ своего дѣла, и если кто отдѣляется отъ нихъ, тотъ отдѣляется и отъ меня.

— Что же это—ссора?—почти плача спросилъ Макаровъ.

Digitized by Google

— Какая же тутъ ссора? Просто разошлись во взглядахъ и стремленіяхъ, ну, такъ не для чего и мѣшать другъ другу!..

Я пожалъ ему руку и ушелъ, не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія.

IV.

Юношескіе планы.

Впервые, въ теченіе двухъ лѣтъ студенческой жизни, мнѣ приходилось взглянуть серьезно на нашу дружескую связь. До сихъ поръ мы жили мирно, работали, обмѣнивались взглядами, спорили, вырабатывали свои убѣжденія, веселились, занимали другъ у друга деньги, помогали одинъ другому и, повидимому, были убѣждены, что наше счастливое положеніе основано на прочныхъ началахъ. Но теперь я увидѣлъ, что въ нашихъ отношеніяхъ есть одна существенная ошибка: я и Макаровъ были богаты, остальная братія почти не имѣла ничего и перебивалась трудомъ. Кто знаетъ студенческій бытъ, тотъ пойметъ, что возможность постоянно имѣть работу, что расчетливое распоряженіе своими малыми средствами, умѣнье прожить безъ временныхъ займовъ, средства для экстренныхъ расходовъ на покупку какого-нибудь сюртука или брюкъ, все это недоступно бѣднякамъ изъ студентовъ. Не были эти блага доступны и моимъ друзьямъ; во время безработицы, во время шитья одежды, во время случайныхъ кризисовъ имъ приходилось дѣлать займы въ размѣрахъ 10 или 25 рублей. Эти займы дѣлались или у ростовщиковъ, если у занимающаго еще были часы, или у меня и у Макарова, если и часы были заложены. Я никогда не задумывался объ этихъ займахъ и открывалъ кошелекъ по востребованію друзей. Но теперь я невольно обратилъ на нихъ свое вниманіе. Я понялъ, что занимающимъ было не легко брать у насъ деньги, что они не всегда могли разсчитывать на нашъ карманъ, что, можетъ-быть, имъ невольно приходилось краснѣть, когда я и Макаровъ неумышленно жаловались на безденежье при нихъ, еще не отдавшихъ намъ долга, что, наконецъ, они, противъ своей воли, стояли въ зависимости отъ насъ, и мы могли бы, если бы захотѣли, злоупотреблять своимъ выгоднымъ положеніемъ. Одолженія не ведутъ къ ложнымъ отношеніямъ только тогда, когда они взаимны. Самый независимый по характеру человѣкъ, занимая постоянно у друга деньги, можетъ, пожалуй, и не сдѣлаться холопомъ этого

Digitized by Google

друга, но, во всякомъ случаѣ, будетъ чувствовать, что онъ фактически зависитъ отъ прихоти этого друга. Нужно было найти средство для уничтоженія, хотя отчасти, этой зависимости бѣдныхъ членовъ нашего кружка отъ болѣе богатыхъ. Я, хотя и смутно, начиналъ видѣть это средство; но, кромѣ этого вопроса, въ моей головѣ зашевелилась мысль о томъ, что, связанные университетомъ, связанные чисто-внѣшнимъ образомъ, мы можемъ разойтись, какъ только выйдемъ изъ университета, что даже и раньше между нами могутъ возникнуть такія же недоразумѣнія, какія возникли между нами и Макаровымъ, и мы разойдемся. Я понялъ, что нужно начать какое-нибудь прочное, долговѣчное дѣло, которое связало бы насъ въ нашихъ интересахъ, которое заставило бы насъ держаться другъ за друга, для успѣшнаго развитія этого дѣла, полезнаго вообще, и для насъ въ частности. Со всею юношескою пылкостью, я составилъ планы нашей дѣятельности, и какъ бы ни были они ошибочны и незрѣлы, но и теперь, вспоминая о нихъ, я не краснѣю за свое увлеченіе, хотя, конечно, и не горжусь ими, какъ открытіемъ какой-то новой Америки. Нѣтъ. Мои планы были плодомъ того времени, когда каждый, маломальски развитый юноша, толкавшійся, подобно мнѣ, въ различныхъ слояхъ общества, читавшій вызывающія къ общественной дѣятельности статьи, видѣвшій, что главное несчастіе общества заключается въ разъединеніи общихъ интересовъ и въ стремленіи свести ихъ на частные интересы семьи, старался найти какое-нибудь такое дѣло, которое связало бы его съ обществомъ и общество съ нимъ самимъ.

Дня черезъ два, обдумавъ свои планы, я собрался провести вечеръ у Тишки, гдѣ надѣялся застать и Шепелева, и Палицына. Я не ошибся. Они были дома, но куда-то собирались.

— Куда вы?—спросилъ я.

— Къ Макарову собираемся, давно онъ что-то не былъ у насъ,—отвѣтилъ Палицынъ.

— Ну, не стоитъ тащиться, просидимъ и безъ него,—замѣтилъ я.

— Что ты поссорился съ нимъ, что ли?—спросилъ Палицынъ.

— Нѣтъ. Но, право, господа, мы ходимъ къ нему слишкомъ часто и, можетъ-быть, надоѣдаемъ ему. Иногда мнѣ кажется, что мы лизоблюдничаемъ...

Digitized by Google

— Ну, вотъ выдумалъ!—замѣтилъ добродушный Палицынъ.—Неужели онъ можетъ думать, что мы къ нему ради угощенія ходимъ?

— А я, ей-Богу, и ради угощенія, и ради его самого хожу къ нему,—захохоталъ Тишка.

— Полно балаганить!—невольно разсердился я, хотя и понималъ, что Тишка шутитъ.—Пора перестать ребячиться! Вѣдь ты не пошелъ бы за угощеніемъ къ своимъ чиновнымъ роднымъ?

— Ну, что я у нихъ забылъ?.. стану я ко всякимъ подлецамъ шляться!—отвѣтилъ Тишка.

— Ну, а у Макарова ты считаешь возможнымъ угощаться и выпрашивать сигары, думаешь, что между друзьями нѣтъ счетовъ. А ты присмотрись, какъ онъ обращается съ тобою!

— Э, онъ раздражителенъ и привыкъ къ барскимъ замашкамъ!

— А ты имъ потакаешь? Добрый, молъ, человѣкъ, пусть его поломается. Скоро сапоги заставитъ тебя снимать!

— А этого не хочетъ ли?—со смѣхомъ показалъ Тишка палецъ.

Я пожалъ плечами. Я ясно видѣлъ, что Тишка и не подозрѣваетъ, какъ въ самомъ дѣлѣ смотритъ на него Макаровъ.

— Да полно дурачиться!—нетерпѣливо замѣтилъ я. — Я тебѣ серьезно говорю, что ты позволяешь ему слишкомъ много. И разсмотри, что онъ можетъ искать въ тебѣ? Вѣдь ты идешь къ нему, а не онъ къ тебѣ.

— Э, братъ! Угощеній у меня нѣтъ, такъ ко мнѣ и не идутъ...

— А ты сдѣлай такъ, чтобы къ тебѣ и безъ угощеній шли. Вообще, господа, я недавно говорилъ съ Макаровымъ, и онъ невольно навелъ меня на ту мысль, что всѣ мы связаны чисто внѣшнимъ образомъ и стоимъ въ ложныхъ отношеніяхъ. Мало того, что мы не оказываемъ благотворнаго вліянія на него, но и сами только портимъ свои характеры, потакая его дурнымъ привычкамъ.

Я началъ развивать свои юношескіе планы. Мнѣ казалось, что было бы не худо всѣмъ намъ откладывать въ общую кассу извѣстный процентъ съ нашихъ заработковъ. Деньги, которыя должны образоваться изъ этихъ взносовъ, могли бы служить намъ пособіемъ въ минуты временнаго безденежья, или тогда, когда намъ нужно будетъ дѣлать

Digitized by Google

экстренныя затраты на покупку одежды. Брать изъ кассы деньги можно за проценты, изъ которыхъ составлялся бы запасный капиталъ. Я зналъ, что откладывать часть своихъ заработковъ можетъ каждый, такъ какъ въ нашемъ житьѣ-бытьѣ чаще всего, при случайныхъ получкахъ денегъ, часть ихъ уходила безъ толку; копить деньги мы не умѣли и, послѣ долгаго безденежья, тратили ихъ на пустяки, «прорывались», какъ говорили мои друзья. Мы въ этомъ походили на тѣхъ людей, которые, послѣ долгаго великопостнаго воздержанія, объѣдаются на Пасхѣ. Старая жизнь не только не указала намъ пути къ плодотворной общественной дѣятельности, но даже не сумѣла сдѣлать изъ насъ мелкихъ практиковъ. Да и какъ было требовать отъ нея этого, когда она сама шла такимъ непрактичнымъ путемъ! Гдѣ было научиться практичности: не между ли чиновниками, думавшими нажиться казнокрадствомъ и взяточничествомъ, не между ли купцами, думавшими пріобрѣсти богатства злостными банкротствами, не между ли помѣщиками, думавшими прожить безбѣдно, разоряя крестьянъ непосильными оброками? Нѣтъ, это были плохіе практики!.. Ихъ дѣтямъ приходилось начинать съ азбуки, чтобы научиться сводить концы съ концами... Вѣрная отдача занятыхъ безъ залога денегъ могла быть полезна для развитія извѣстной стойкости въ нашемъ характерѣ. Я считалъ необходимымъ устроить нашу ссудную кассу независимо отъ нашего пребыванія въ университетѣ и потому предлагалъ допустить въ члены проектируемой кассы и дядю, и такія личности, какъ, напримѣръ, Дормидона Дормидоновича, терпѣвшаго по временамъ съ женою нужду отъ неумѣнья сводить концы съ концами и протягивать по одежкѣ ножки. Эта наука вообще не далась еще русскимъ, и каждый, точно нарочно, старается жить, не соображаясь съ своимъ карманомъ.

Мой проектъ былъ принятъ единодушно. Мои друзья понимали, что дѣло осуществимо, и что оно можетъ принести пользу даже въ томъ случаѣ, если они сами не въ состояніи будутъ откладывать много. Касса могла пополняться моими и дядиными взносами; менѣе внесшіе члены могли занимать наши деньги и все-таки не стоять въ зависимости отъ насъ, такъ какъ за занятыя деньги будутъ вноситься проценты. Но этотъ планъ былъ только началомъ моихъ дальнѣйшихъ плановъ. Я развилъ передъ моими друзьями еще одинъ планъ: мы всѣ приготовлялись въ учителя и не надѣялись служить чиновниками, такъ какъ въ то время

Digitized by Google

всѣ мы, да и не мы одни, смотрѣли съ отвращеніемъ на чиновниковъ. Мнѣ казалось, что было бы недурно, прослуживъ годъ гдѣ-нибудь въ министерствѣ, открыть сообща школу.

— Вѣдь каждый изъ насъ долженъ гдѣ-нибудь нанимать квартиру,—говорилъ я.—Ну, такъ и наймемте квартиру вмѣстѣ съ отдѣльными комнатами подъ школьное помѣщеніе. Жить вмѣстѣ довольно дешево, обзаведеніе школы станетъ не слишкомъ дорого, тѣмъ болѣе, что все можно заводить по мѣрѣ прибавленія учениковъ. Теперь въ маленькихъ школахъ учатъ скверно, учителей не держатъ и берутъ довольно дорого. Мы станемъ брать половину, у насъ будетъ четыре учителя, а можетъ-быть, и больше, и потому учениковъ въ первый же годъ наберется много. Если насъ будетъ, положимъ, считая и священника, только пятеро учителей, то каждому изъ насъ будетъ достаточно посвятить на дѣло пятьдесятъ два часа въ мѣсяцъ, то-есть два часа въ день, и уже школа будетъ существовать; въ ней будетъ по четыре урока въ каждомъ изъ двухъ классовъ въ день, не считая уроковъ священника, которые будутъ оплачиваться особенно и будутъ только два раза въ недѣлю. Если бы даже подобная школа оплачивала на первыхъ порахъ квартиру и отопленіе, такъ и то хорошо. За два часа дневного труда очень выгодно имѣть помѣщеніе и отопленіе. Въ остальное свободное время мы могли бы давать уроки на сторонѣ.

Увлеченный этими планами, я заходилъ, конечно, слишкомъ далеко и воображалъ, что наша школа дастъ гигантскіе плоды, что чуть ли не вся Россія осчастливится этою школою.

— Сначала одна подобная школа возникнетъ, потомъ люди, видя ея успѣхи, станутъ подражать намъ,—говорилъ я съ юношескимъ жаромъ.—Это дастъ возможность подорвать существованіе разныхъ пошлыхъ школъ, содержимыхъ ничего незнающими промышленницами. Мнѣ кажется, что только распространеніе образованія и можетъ что-нибудь сдѣлать, и потому самое лучшее начать съ этого...

Мои мечтанія прервалъ Палицынъ.

— Эхъ, ты, петербуржецъ!—воскликнулъ онъ. — Вы все думаете, что каждая буря начинается въ стаканѣ воды, а я вамъ скажу, что буря начинается въ океанѣ, и уже оттуда проходитъ въ ваши протухлыя Фонтанки. Вы, что ли, своими идейками оторвали Малороссію отъ Польши?

Digitized by Google

Америку отъ Англіи? Вслѣдствіе того онѣ оторвались, что ли, что какія-нибудь школы завелись, въ родѣ твоей? Нѣтъ, братъ, и школы-то подобныя могутъ быть слѣдствіемъ начинающагося движенія, а не его причиной.

— Я вполнѣ согласенъ съ тобою,—замѣтилъ я:—но для чего ты это говоришь?

— А для того, чтобъ ты не думалъ, что твоя новая школа повернетъ міръ!—проговорилъ Палицынъ.

— Я и не думаю переворачивать міръ. Я просто полагаю, что намъ надо же будетъ что-нибудь дѣлать въ жизни, и такъ какъ отраднѣе всего дѣлать честное дѣло и дѣлать его сообща, то я и предложилъ свой планъ. Встрѣтится болѣе плодотворное дѣло, возьмемся за него, а покуда ограничимся хоть этимъ...

— Да и я согласенъ работать на этомъ пути,—отвѣтилъ Палицынъ. — Не буду же я лежать на боку. Но зло меня разбираетъ, что приходится муравьемъ быть. Такого бы мнѣ дѣла хотѣлось, чтобы у меня духъ отъ него занялся, чтобы со мной тысячи людей впередъ двинулись, чтобы каждая жилка забилась, чтобы безъ вина голова опьянѣла. Вотъ такое дѣло покажи мнѣ—ну, тогда я и не стану спорить, что изъ него выйдетъ общая польза!

— А покуда такого дѣла нѣтъ, будемъ приносить пользу хоть своему муравейнику,—замѣтилъ я.

— Будемъ, будемъ, отчего не приносить? все равно, жизнь какъ-нибудь прожить надо,—вздохнулъ Палицынъ.

— А что, сигары для учителей будутъ въ школѣ?—засмѣялся Тишка.

— Будутъ, если учителя серьезно будутъ заниматься дѣломъ и поменьше ребячиться!—улыбнулся я.

— Ну, братъ, я совсѣмъ старичкомъ сдѣлаюсь,—сшутилъ Леевъ.

Разговоръ пошелъ довольно живо, касаясь то ссудной кассы, то школы.

— Да, кстати,—замѣтилъ Палицынъ:—что у тебя вышло съ Макаровымъ?

— Ничего. Просто сказалъ онъ, что не нуждается въ насъ.

— Ну, и чортъ его возьми, коли не нуждается,—замѣтилъ Леевъ.—Пусть себѣ киснетъ дома.

— Придетъ!—въ полудремотѣ произнесъ басомъ Шепелевъ.

Его басъ и лаконизмъ замѣчанія разсмѣшили насъ, такъ какъ во весь вечеръ Шепелевъ только безмолвно слушалъ наши разговоры и, наконецъ, незамѣтно вздремнулъ.

Digitized by Google

— Ну, ты спалъ бы,—шутливо похлопалъ его по головѣ Палицынъ.

— Конечно, придетъ. Что онъ будетъ одинъ-то дѣлать?— проговорилъ, позѣвывая, Шепелевъ.

— Спать будетъ, какъ ты въ благородномъ обществѣ спишь.

— Я встаю рано,—лаконически и положительно произнесъ Шепелевъ.

Мы снова засмѣялись.

— А что, насчетъ кассы и школы ты согласенъ? спросилъ я.

— Конечно! Вѣдь математику преподавать будутъ,—отвѣтилъ рѣшающимъ тономъ Шепелевъ, точно онъ давнымъ-давно считалъ это дѣло рѣшеннымъ и не находилъ нужнымъ говорить о немъ попусту.

Часа въ два ночи я ушелъ домой. Мнѣ было какъ-то особенно весело и отрадно, что мои планы принялись моими товарищами, что разработка этихъ плановъ, можетъ-быть, откроетъ въ нихъ новыя стороны, новыя выгоды и, во всякомъ случаѣ, еще тѣснѣе сблизитъ насъ. Тяготила меня только ссора съ Макаровымъ. Я въ это время впервые понялъ, какъ горячо, какъ нѣжно я любилъ этого больного человѣка, полнаго и честныхъ стремленій, и безсилія. Онъ былъ вполнѣ тѣмъ, что Мюссе назвалъ l'enfant du siècle. Новые порывы къ чему-то лучшему уживались въ немъ рядомъ со всѣми ошибками прошлаго. Онъ ненавидѣлъ барство—и былъ бариномъ до мозга костей. Онъ стремился къ великимъ дѣламъ — и не могъ совершить даже самаго ничтожнаго дѣла. Эти противорѣчія стремленій и характера разъѣдали его, изводили, какъ ржа желѣзо. Сотни разъ хотѣлось мнѣ снова зайти къ нему, подать руку помощи, но каждый разъ во мнѣ являлась мысль: не лучше ли оставить его и подождать, что возьметъ въ немъ перевѣсъ — честныя ли стремленія или дурныя стороны характера? Если побѣда останется за первыми—онъ придетъ къ намъ, оторвется отъ той безпутной молодежи, которая, не видя другого исхода для своихъ кипучихъ силъ, бросилась въ развратъ, въ оргіи, въ танцъ-классы. Въ этотъ омутъ ей не запрещалось отцами уносить ея силы, и онъ отвлекалъ эти силы отъ серьезной работы. Если же побѣда останется за дурными сторонами характера Макарова, тогда — ну, тогда отпоемъ заживо и похоронимъ его въ своей памяти! Дни, между тѣмъ, неслись впередъ, я все болѣе и болѣе рас-

Digitized by Google

ширялъ кругъ своего знакомства, толкался въ различныхъ кружкахъ общества и замѣчалъ, что вездѣ растетъ недовольство настоящимъ, вездѣ сказываются стремленія къ чему-то лучшему, къ какому-то исходу. Ярче всего высказывались это недовольство и эти стремленія въ кружкѣ Ленина. Здѣсь, какъ я уже замѣтилъ, собирался кружокъ молодыхъ людей, выходившихъ на литературное поприще или посвятившихъ себя учительской дѣятельности. Иногда разговоры этого кружка были слишкомъ смѣлы, иногда слышалось въ нихъ, какъ въ рѣчахъ Палицына, негодованіе на мелкость дѣла и выражалось стремленіе къ болѣе широкому дѣлу, къ болѣе радикальнымъ мѣрамъ. Каждый вечеръ, проведенный здѣсь, возбуждалъ меня еще сильнѣе къ дѣятельности и давалъ мнѣ темы для долгихъ бесѣдъ и споровъ съ моими друзьями. Планъ нашей ссудной кассы, между тѣмъ, уже совершенно сложился, и она была основана съ капиталомъ въ сто рублей, внесенныхъ десятью членами изъ нашихъ близкихъ знакомыхъ. Дядя, вполнѣ сочувствовавшій всему, чему сочувствовалъ я, былъ избранъ на первый случай кассиромъ. Рѣшено было, что мы будемъ брать по одному проценту въ мѣсяцъ, что отдавать занятыя деньги можно съ разсрочкою, что вклады будутъ дѣлиться на обязательные—въ видѣ десяти процентовъ съ заработка—и на необязательные, вносимые по желанію каждаго. Проценты должны будутъ откладываться въ запасный капиталъ и, только въ случаѣ выхода кого-нибудь изъ кассы, будутъ выдаваться ему вмѣстѣ съ внесеннымъ имъ капиталомъ. Дядя посмѣивался, что мы скоро дома выстроимъ изъ процентовъ; мы въ такомъ же шутливомъ тонѣ увѣряли его, что не только дома, но и деревни купимъ; но, несмотря на эти шутки, мои друзья поняли, что только при помощи кассы Лееву удалось сшить себѣ сюртукъ, а Палицыну уѣхать въ деревню прежде, чѣмъ ему выслали оттуда деньги его родители, походившіе на Манилловыхъ даже и своимъ неумѣніемъ жить. Не будь кассы, и ни тотъ, ни другой не могли бы скопить кое-какихъ деньжонокъ или обойтись безъ обращеній къ милостивцамъ въ родѣ меня или Макарова. Покуда мы еще шутливо смотрѣли на нашу небольшую кассу, хотя и чувствовали ея пользу. Гораздо серьезнѣе принялись мы всѣ за разработку плана школы; вычисляли, что будетъ стоить квартира, отопленіе и прислуга; составляли программу самой школы. Въ эту программу мы внесли, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ перво-

Digitized by Google

начальнаго обученія, параграфъ о чтеніяхъ въ классахъ по субботамъ тѣхъ книгъ, которыя мы найдемъ полезными для дѣтей, и параграфъ о посѣщеніи съ дѣтьми ботаническаго сада и музеевъ зоологическаго и горнаго. Споры, какъ преподавать и на что налечь въ особенности, были безконечны и повторялись часто. Иногда Леевъ прерывалъ ихъ шутливыми замѣчаніями о томъ, какъ мы всѣ переженимся и займемъ своими помѣщеніями цѣлый каменный домъ. Но эти шутки не только не мѣшали дѣлу, а доставляли намъ минуты отдыха послѣ серьезныхъ вопросовъ. Мало выдавалось въ моей жизни такихъ оживленныхъ, бодро переживаемыхъ лѣтъ. И сколько бы ни было ошибокъ въ моихъ тогдашнихъ стремленіяхъ, но я до сихъ поръ увѣренъ, что они дали бы здоровые и сочные плоды, если бы не захватило ихъ морозомъ въ то время, когда только-что начали завязываться ихъ почки. Теперь мнѣ приходится, вспоминая объ этихъ стремленіяхъ, какъ бы извиняться за ихъ незрѣлость, за ихъ несовершенство, за ихъ ребяческія стороны. Но, Боже мой, развѣ мы виноваты, что дѣтству не удалось дожить до мужества? Развѣ мы виноваты, что намъ приходилось добираться ощупью, впотьмахъ до того, до чего давно добрались люди на другомъ краю свѣта? Развѣ виноваты русскіе самоучки-механики, изобрѣтающіе въ XIX столѣтіи часы и дѣлающіе эти часы изъ дерева? Развѣ мы, наконецъ, виноваты, что на двадцать первомъ или на двадцать третьемъ году мы не были мудры, какъ пятидесятилѣтніе старики? И гдѣ же были тѣ мудрецы Бубновы, которые потомъ упрекали насъ за ребяческія надежды? Они наживали взяточничествомъ и казнокрадствомъ дома, они проводили вечера въ игорныхъ домахъ и въ пьянствѣ, они заботились не о развитіи нашихъ знаній, не о направленіи нашихъ силъ, но объ искаженіи этихъ знаній, объ истребленіи этихъ силъ. Они нажили дома, они завербовали себѣ уваженіе; мы прожили все, мы сдѣлались отщепенцами общества; но мы и теперь смѣло можемъ сказать имъ, что побѣда осталась за нами: ихъ дома разрушаются, наши идеи живутъ. Живутъ наши идеи въ ихъ собственныхъ бубновскихъ дѣтяхъ; покидаютъ эти дѣти съ омерзеніемъ полуразрушенные, безлюдные дома отцовъ, купленные на украденныя у ближнихъ деньги, эгоистически замкнутые отъ всего, что не составляетъ ихъ бубновской семьи, и идутъ эти дѣти на честный трудъ, къ иной тысячеголовой семьѣ,—обществу, съ которымъ и горе выносится легче, и

Digitized by Google

веселье дѣлается шумнѣе, и, наконецъ, по пословицѣ, становится красна и самая смерть. Да, мы были дѣти, наши стремленія были незрѣлы, но все-таки задатки будущаго лежали въ дѣтяхъ, въ незрѣлыхъ стремленіяхъ, а не въ подходящихъ къ могилѣ Бубновыхъ, не въ ихъ отжившихъ цѣляхъ.

Среди разнообразныхъ событій этой жизни вѣспою я случайно узналъ отъ Шепелева, что Макаровъ боленъ. Добрякъ Шепелевъ тайкомъ отъ насъ посѣщалъ иногда нашего попавшаго въ опалу друга.

— Ты зайдешь къ нему?—спросилъ онъ меня.

— Зачѣмъ? Онъ не шелъ къ намъ, что же и мнѣ навязываться,—отвѣтилъ я.

— Конечно, — согласился Шепелевъ и угрюмо ушелъ отъ меня.

Прошло дня два. Я сидѣлъ у себя дома и читалъ новыя книги, доставленныя мнѣ Левинымъ. Ко мнѣ вошла Матрена Марковна.

— Письмо къ вамъ,—сказала она и положила на столъ толстый пакетъ.

Я взялъ его и распечаталъ. Я сразу узналъ нервный и неровный почеркъ Макарова, хотя письмо и было написано, повидимому, слабой, дрожавшей рукой. Письмо было длинно, но я приведу его цѣликомъ. Передавать содержаніе подобныхъ писемъ, уловить въ сжатомъ разсказѣ всѣ едва замѣтныя тонкости настроенія, отражающагося въ подобныхъ письмахъ, почти невозможно. По крайней мѣрѣ, я не берусь за это, зная, что это мнѣ не по силамъ.

Письмо Макарова.

«Ну, вотъ я и слегъ, слава Богу, Володя! Теперь хоть одна болѣе или менѣе основательная надежда явилась — надежда на смерть. Но прежде, чѣмъ я умру, я хочу поговорить съ тобою. Ты былъ довольно долго моимъ другомъ, и я никогда не считалъ тебя не чѣмъ инымъ, никогда не подозрѣвалъ въ лицемѣріи,—вотъ почему я пишу именно къ тебѣ. Есть еще другая причина, заставляющая меня писать именно къ тебѣ, — это то обстоятельство, что ты старше всѣхъ въ томъ кружкѣ, который я еще такъ недавно называлъ *своимъ* кружкомъ, или, лучше сказать, который называлъ меня своимъ членомъ. Ты не только старше по лѣтамъ, но и имѣешь вліяніе на кружокъ, по своему развитію, по своимъ связямъ съ *передовыми*. Ты

Digitized by Google

вѣдь не просто студентъ, а человѣкъ, бывающій въ одномъ обществѣ и не роняющій себя въ разговорахъ съ литературными знаменитостями, не просто будущій писака или учителишка, а проповѣдникъ идей извѣстнаго направленія, значитъ, съ тобой нужно объясниться о томъ, о чемъ я, можетъ-быть, не считалъ бы нужнымъ объясниться отдѣльно съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ твоего кружка. Я пишу это письмо къ тебѣ, какъ къ представителю кружка. Ты знаешь, что я въ теченіе трехъ лѣтъ сжился съ вами—съ тобой я былъ дружень гораздо раньше. Я привыкъ глядѣть на все вашими глазами. Не думай, что мнѣ легко доставалось это согласіе во взглядахъ. Я долженъ былъ ломать въ себѣ все, что привили ко мнѣ съ дѣтства, что я всосалъ съ молокомъ; я долженъ былъ отказаться отъ такихъ истинъ, которыя завѣщала мнѣ моя мать въ день своей смерти. Это было не легко дѣлать. Но я дѣлалъ. Почему же? По мелочности, по вѣтренности своей натуры? Но ты, кажется, можешь обвинить меня во всемъ, даже въ томъ, что я въ минуту раздраженія убью человѣка, но не въ поверхностности, не въ вѣтренности, не въ мелочности натуры. Ты знаешь, что я чувствую глубоко и боль, и радость, и каждое впечатлѣніе не скользитъ по мнѣ, какъ по гладкой поверхности воды, а, такъ сказать, врѣзывается въ меня неизгладимыми чертами. Изъ-за чего же такой впечатлительный человѣкъ, такое болѣзненно-отдающееся всему существо отреклось отъ взглядовъ, всосанныхъ съ молокомъ, привитыхъ во время чистыхъ дѣтскихъ молитвъ, воспринятыхъ на первой исповѣди, гдѣ я дрожалъ, цѣлуя крестъ Спасителя, и думалъ, что я, тогда еще чистое дитя, снова распинаю своими грѣхами Христа, какъ разбойникъ? Неужели ни у кого изъ всего кружка, и у тебя у перваго, не возникло мысли, что подобныя жертвы не приносятся даромъ? Я краснѣю за васъ, потому что вы дѣйствительно не подумали этого. Я краснѣю еще болѣе за тебя, потому что ты не только не подумалъ этого, но обвинилъ меня въ нелюбви къ вамъ всѣмъ и къ вашимъ идеямъ. На основаніи чего ты заключилъ объ этомъ? На основаніи того, что я остаюсь при своихъ барскихъ привычкахъ и часто невыносимо-дурно обращаюсь съ нѣкоторыми изъ васъ; на основаніи того, что я самъ сказалъ тебѣ, что они, твои друзья, мнѣ не нужны? Но разберн дѣло. Давали ли мнѣ отпоръ члены твоего кружка? Отучали ли они меня, мало-по-малу, ъ барства? Не были ли они также виноваты, не посту-

Digitized by Google

нали ли они также противъ своихъ принциповъ, холопствуя, хотя и неумышленно, передо мною? Гадко барство, но гадко и холопство, если и баринъ, и холопъ въ принципѣ сознаютъ нелѣпость рабства и холопства. Такъ же гадки легкія отношенія людей другъ къ другу, и въ легкости отношеній былъ виноватъ не я одинъ. Но меня осудили, а ихъ оправдали, потому что ихъ трое, а я одинъ. Теперь разбери еще вотъ что: я говорилъ, что не нуждаюсь въ твоихъ друзьяхъ. Да, не нуждаюсь, повторяю это и теперь. Не нуждаюсь въ нихъ, какъ въ холопахъ, не нуждаюсь въ нихъ, какъ въ приживалкахъ, не нуждаюсь въ нихъ, какъ въ людяхъ, не говорящихъ мнѣ ничего въ глаза, когда я не правъ. Не знаю, какъ ты смотрѣлъ на это, но я смотрѣлъ на эти отношенія съ глубочайшимъ негодованіемъ. Ты скажешь мнѣ, зачѣмъ я прямо не высказалъ имъ этого? Но дѣло въ томъ, что они сами должны были понять, что мы сошлись не для того, чтобы разыгрывать роль Маниловыхъ, или дамъ, пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Они не поняли этого и относились ко мнѣ, какъ къ блажному ребенку, которому позволяютъ все, лишь бы онъ не плакалъ. Несмотря на это, я не разставался съ ними, потому что многое въ нихъ было и осталось дорого мнѣ. Но, должно-быть, для нихъ не осталось ничего дорогого во мнѣ, потому что они такъ быстро отшатнулись отъ меня. Я ихъ не упрекаю, даже отчасти радуюсь за нихъ въ этомъ случаѣ: они стали въ моихъ глазахъ выше прежняго, отрекаясь отъ меня, вслѣдствіе выясненія моего взгляда на нихъ, и не оставшись въ прежней роли ради моей щедрости. Нравственные интересы оказались выше матеріальныхъ. Конечно, я радъ въ этомъ случаѣ за *нихъ*, но не за *себя*; понявъ, что они лучше на дѣлѣ, чѣмъ казались по виду, я еще тяжелѣе чувствую утрату. Но, чѣмъ тяжелѣе мнѣ эта утрата, тѣмъ болѣе долженъ я упрекать тебя, такъ какъ ты одинъ виноватъ во всемъ. Ты первый показалъ, что ты нетерпимъ, не снисходителенъ къ людскимъ ошибкамъ извѣстнаго разряда: ты прощаешь унижающагося, но никогда не простишь зазнающагося. Теперь вѣдь мода на меньшихъ братій! Но позволь мнѣ не модничать — я имѣю на это неоспоримое право, такъ какъ передъ смертью поневолѣ приходится смывать и румяна, и мушки, и снимать модные парики и французскіе кафтаны. Кто такіе — эти меньшіе братья? Тѣ, которые голодаютъ? Тѣ, которые ходятъ съ протянутой рукой? Тѣ, которые должны взятками

Digitized by Google

кормить семью? Да? Только? Ну, а испорченный воспитаніемъ юноша, имѣющій и хлѣбъ, и деньги, но ненавидящій свое положеніе, ищущій опоры — не меньшій братъ тебѣ, развившему свой умъ, закалившему свой характеръ? А сытая, окруженная блескомъ женщина, не имѣющая законнаго исхода изъ своего положенія куклы стараго мужа, — не принадлежитъ она къ числу меньшей братіи? А несчастная кающаяся развратница, хотя и имѣющая средства, но презираемая обществомъ, не находящая опоры — не одна изъ вашей меньшей братіи? Нѣтъ! это сытые люди! Они, можетъ-быть, и плачутъ, но что вамъ за дѣло до этихъ слезъ! Вы видите ихъ богатую одежду и топчете ихъ въ грязь! Вы не хотите знать, что каждый человѣкъ, который хоть разъ заплакалъ о своихъ ошибкахъ, хоть разъ выразилъ недовольство своимъ положеніемъ — есть уже вашъ меньшій братъ, несмотря на свою сытость и на свою одежду. Вы должны пользоваться случаемъ, чтобы подать ему руку помощи и разжечь въ немъ ту слабую искру честности, которая погаснетъ, если вы, защитники меньшей братіи, отшатнетесь отъ него, какъ отшатнулись отъ него всѣ гонители меньшей братіи, всѣ довольные настоящимъ положеніемъ тупицы и наживающіеся негодяи. Легко отыскивать бѣдность, когда видишь на людяхъ рубище. Легко помогать человѣку, когда онъ прямо проситъ на хлѣбъ. Но есть болѣе трудное дѣло—поддержаніе шатающихся людей, еще не нашедшихъ честнаго пути, но уже начинающихъ ненавидѣть свой прежній подлый путь. Покуда вы будете смотрѣть на внѣшность, покуда вы будете примѣнять различныя мѣрки къ сытымъ и голоднымъ, до тѣхъ поръ вы ничего не сдѣлаете. Сытые, но недовольные своей судьбой люди будутъ видѣть въ васъ просто завистниковъ и будутъ, въ концѣ концовъ, вести войну противъ васъ же и задушатъ, задушатъ васъ! И кто у насъ сытые люди? Мы всѣ нищіе духомъ, мы всѣ алчущіе и жаждущіе правды. Чему насъ учили? Къ чему насъ готовили наши отцы? Къ тому, чтобы мы были учителями, преподавали по Кайданову исторію, зная ея нелѣпость; чтобы мы были юмѣщиками, сознавая позорность крѣпостного права; чтобы мы были чиновниками, не имѣя силъ прекратить взяточничество и грабежъ; чтобы мы были писателями, едва научившись грамотѣ? Мы всѣ нищіе духомъ, повторяю тебѣ еще разъ. Намъ всѣмъ нужна помощь, нуженъ исходъ, или мы задохнемся подъ разваливающимся зданіемъ старой жизни... Мнѣ

Digitized by Google

тяжело писать къ тебѣ, но я допишу до конца, не кончу сегодня письма, кончу его завтра, послѣзавтра, черезъ недѣлю, но все же кончу. Я даже не боюсь, что тебя слишкомъ опечалитъ эта скорбная исповѣдь. Въ ней, вѣроятно, столько грамматическихъ ошибокъ, что онѣ однѣ въ состояніи разсмѣшить тебя, какъ извѣстная надпись на воротахъ: «одаеца фатера съ небелью». Дѣйствительно, я думаю, смѣшно видѣть рядомъ высокія стремленія и безграмотность... Но къ дѣлу. Увидавъ въ моихъ убѣжденіяхъ и поступкахъ разладъ, ты счелъ меня за фразера и отшатнулся отъ меня. Но неужели ты думаешь, что произносить фразы, противорѣчащія нашимъ убѣжденіямъ, такъ легко, неужели ты думаешь, что мнѣ это было почему нибудь выгодно? Неужели мнѣ не было бы веселѣе въ другихъ кружкахъ, гдѣ всѣ говорятъ, что мои поступки прекрасны, что мои пороки — добродѣтели, гдѣ, наконецъ, уже просто потому веселѣе, что тамъ и пляшутъ, и пьянствуютъ, и развратничаютъ? Или ты думаешь, что пріятно опасаться каждую минуту замѣчаній насчетъ того, что я противорѣчу самому себѣ? Или ты думаешь, что мнѣ выгодно говорить честныя фразы? Нѣтъ, не дождаться ни намъ, ни дѣтямъ нашимъ той блаженной поры, когда честныя рѣчи и честныя стремленія будутъ приносить доходъ! Ты скажешь, что о честности толкуютъ и подлецы. Да, это правда, но подлецы не негодуютъ за то, что ихъ не обличаютъ въ подлости. Ты знаешь, за что я негодовалъ на твой кружокъ, и потому можешь опредѣлить, что я такое.

«Я кончилъ объясненія. Теперь позволь тебѣ сказать, что я, не надѣясь долго прожить, взялся за перо, какъ для оправданія себя въ вашихъ глазахъ, такъ и для того, чтобы обратиться къ вамъ съ просьбой: вамъ часто придется сталкиваться съ подобными мнѣ, слабыми по характеру и честными въ душѣ, людьми, не отталкивайте ихъ такъ, какъ вы оттолкнули меня! Если эти люди будутъ только вашими знакомыми, то, отринутые вами, они, можетъ-быть, еще болѣе опустятся и свернутъ съ прежняго пути, видя, что честные люди не хотятъ даже и знаться съ ними. Если они будутъ вашими друзьями, будутъ любить васъ, какъ я любилъ, то, отвергнутые вами, они изстрадаются, измучаются, какъ изстрадался я. Вы не знаете, сколько ночей провелъ я безъ сна, анализируя себя, доискиваясь, дѣйствительно ли я такъ гадокъ, что честные люди должны бѣжать отъ меня, какъ отъ чумы. Я сравнивалъ себя съ

Digitized by Google

людьми, которые хуже во сто разъ, чѣмъ я, и когда я попробовалъ увеличить во сто разъ то наказаніе, которому вы подвергли меня, то оказалось, что, оставаясь послѣдовательными, вы должны, по крайней мѣрѣ, колесовать ихъ. Дай Богъ, чтобы вы были непослѣдовательными! Дай Богъ, чтобы вы въ своей безупречности не сошлись на одной доскѣ съ древними инквизиторами, которые казнили ближнихъ по кровожадности своей натуры! Если бы я менѣе любилъ тебя, я никогда не рѣшился бы писать къ тебѣ. Но мнѣ хочется еще разъ сказать тебѣ, что я до послѣдней минуты буду считать тебя своимъ другомъ, буду любить тебя.

Твой Макаровъ».

Трудно передать чувства, волновавшія меня во время чтенія этого письма. Мнѣ было не только больно за свой поступокъ, но и страшно за его послѣдствія. Я чувствовалъ, что я оборвалъ главныя и послѣднія нити жизни этого человѣка, котораго я любилъ и продолжалъ любить. Я хотѣлъ въ сущности дать ему урокъ, хотѣлъ или переломить его характеръ, или убѣдиться окончательно, что онъ неисправимъ. Но я никакъ не разсчитывалъ, что болѣзненная и впечатлительная натура не вынесетъ такой крутой мѣры, что съ нею надо было поступать осторожнѣе. Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые долго не забываются и заставляютъ человѣка осторожнѣе дѣйствовать относительно ближнихъ. Много было въ моей жизни подобныхъ уроковъ, начиная съ той минуты, когда я, своею дѣтскою выходкой, можетъ-быть, послужилъ невольною причиною смерти брата и подлилъ яду въ отравленную и безъ того жизнь матери. Не прошли даромъ эти и подобные имъ уроки, часто повторявшіеся въ былыя времена, и сдѣлали они меня, можетъ-быть, гуманнѣе, терпимѣе, но нерѣдко они же дѣлали меня въ критическія минуты жизни нерѣшительнымъ и слабымъ. Я сталъ доискиваться тѣхъ или другихъ причинъ, человѣческихъ дѣйствій, и иногда относился не такъ строго къ посторонимъ людямъ, какъ, можетъ-быть, отнесся бы къ себѣ, стоя на ихъ мѣстѣ. Но это была болѣзнь нашего времени: излишняя терпимость, двойственность, нерѣшительность, самогрызеніе. Все это вытекало изъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слагалась наша жизнь: домашнее самодурство, ежовыя рукавицы, отсутствіе общественной жизни и рядомъ съ этимъ далеко ушедшія впередъ теоріи, иногда утопичныя до крайности. Мы хотѣли подвести другихъ подъ мѣрку этихъ теорій,

Digitized by Google

казнили людей въ пылу негодованія за то, что они оказывались ниже этихъ теорій нравственнымъ ростомъ, потомъ обрывались и сами на каждомъ шагу и бичевали себя.

Какъ сейчасъ помню я ту минуту, когда я вступилъ послѣ долгой разлуки въ комнату Макарова. Онъ лежалъ на постели, худой, желтый, съ впалыми и тусклыми глазами. Около его постели сидѣла молодая, стройная и красивая женщина,— его квартирная хозяйка, ухаживавшая за нимъ во время болѣзни. Увидѣвъ меня, она встала и вышла.

— А, это ты!—промолвилъ онъ тѣмъ безстрастнымъ тономъ, которымъ говорятъ близкіе къ могилѣ люди.—Спасибо, что зашелъ. За мной вотъ все добрѣйшая Марья Васильевна ходитъ, спасибо ей.

Я сжалъ его руку. Я не могъ говорить. Мнѣ стало страшно, какъ будто передо мною умиралъ человѣкъ, не вполнѣ добитый мною. Я, конечно, не считалъ возможнымъ объясняться насчетъ нашей размолвки, боясь разбередить его болящія раны и встревожить его, а между тѣмъ другихъ предметовъ для разговора не являлось въ головѣ.

— Тебѣ надо бы куда-нибудь уѣхать отъ нашего проклятаго климата,—произнесъ я, сознавая всю нелѣпость своего совѣта, но желая хоть какъ-нибудь нарушить могильное молчаніе, прерываемое только тяжелымъ дыханіемъ больного.

— Куда-нибудь около Смоленской,—отвѣтилъ онъ.

— На Кавказъ бы,—замѣтилъ я, не вполнѣ понимая его.

— А-а! ты говоришь о путешествіи, а я о похоронахъ,— сказалъ онъ.—Странно думать о поѣздкѣ человѣку, который пошевелиться не можетъ...

Я молчалъ. Онъ, повидимому, началъ дремать. Я тихо всталъ и взялся за шляпу.

— Ты уже идешь?—открылъ онъ глаза.

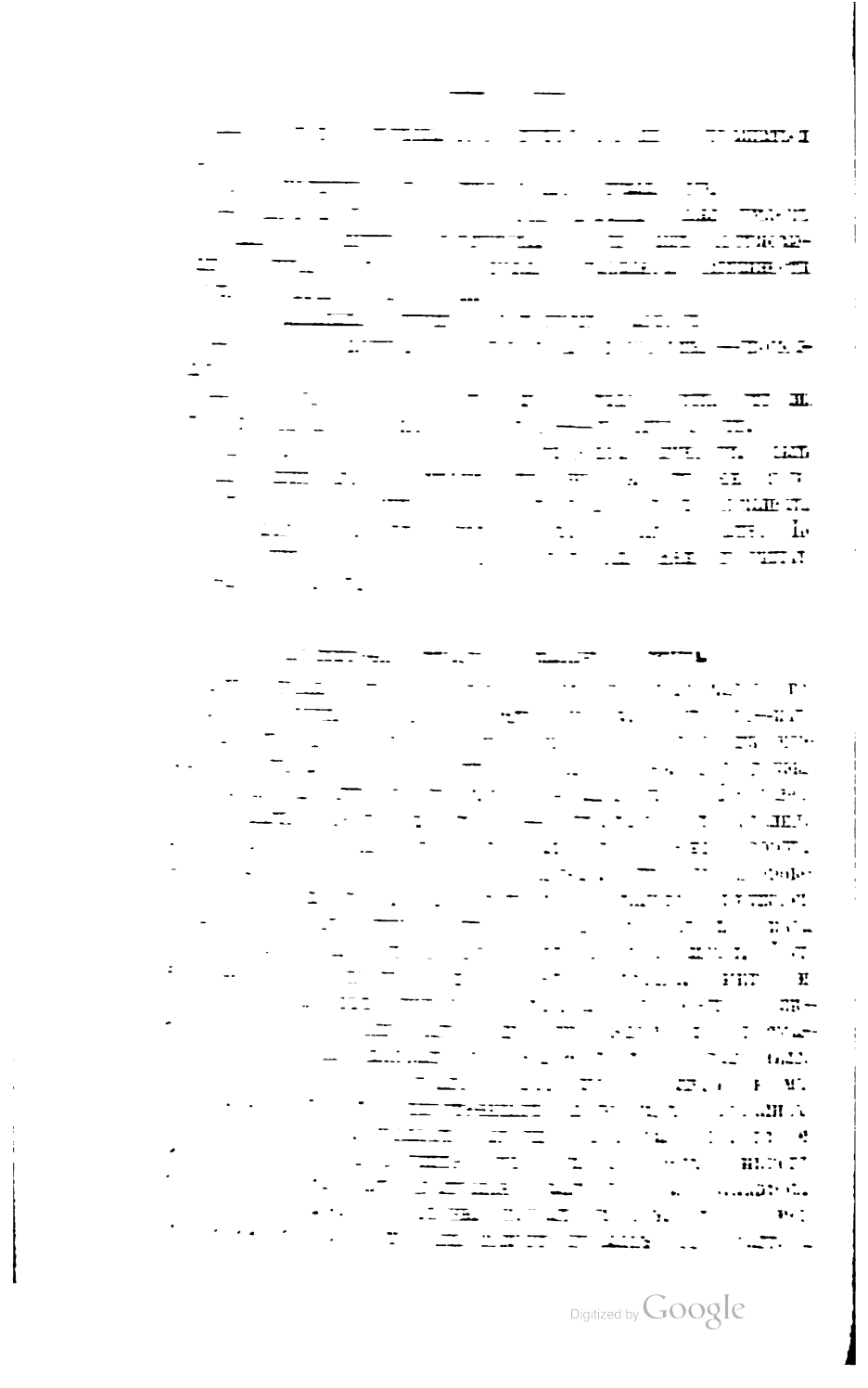
— Я зайду вечеркомъ...

— Ну, спасибо... Я долго не могу уснуть по вечерамъ... Днемъ все дремлю...

Вечеромъ я снова былъ у него. Разговоръ опять не шелъ. Онъ попросилъ меня прочитать что-нибудь вслухъ. Я обрадовался предложенію и взялъ книгу. Я прочелъ только двѣ-три страницы, когда увидалъ, что онъ уже уснулъ. Подумавъ немного, я рѣшился остаться у него, улегшись въ другой комнатѣ на кресло. Утромъ онъ позвонилъ. Я вошелъ къ нему за драпировку.

— Ты уже здѣсь?—удивился онъ.

Digitized by Google



Digitized by Google

рѣшился взяться за дѣло. Смѣясь и шутя, онъ уговорился съ членами нашего кружка, чтобы они давали ему уроки и подготовили его къ университетскому экзамену.

— Не однимъ же вамъ учить въ вашей будущей школѣ,— смѣялся онъ.—Я тоже не отстану отъ васъ. Пора и за работу приниматься, а то вы меня все дармоѣдомъ считаете...

Онъ горячо принялся за ученье. Съ такимъ же жаромъ онъ вступилъ въ члены нашей ссудной кассы и старался придумать, нельзя ли какъ-нибудь расширить ее. Не менѣе оживленія было и во мнѣ. Я почувствовалъ, что мои планы, до сихъ поръ казавшіеся мнѣ чѣмъ-то въ родѣ сладкихъ грёзъ, все болѣе и болѣе начинаютъ принимать видъ вполнѣ осуществимыхъ проектовъ. Я понялъ, что школа можетъ пойти отлично, при тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми располагали Макаровъ и я, что силъ для обученія дѣтей у насъ пятерыхъ достаточно, что дружеское согласіе, царствовавшее теперь въ кружкѣ, должно было укрѣпиться еще болѣе, при помощи сближенія Макарова съ друзьями-учителями, что, наконецъ, при развитіи этого согласія, можно надѣяться на возможность общей жизни въ одной квартирѣ. Часто въ эту пору, въ страстномъ нетерпѣніи, я восклицалъ:

— Когда же настанетъ время, когда можно будетъ сказать: теперь пора начинать дѣло?

Громадныхъ усилій надъ собою стоило мнѣ терпѣливое выжиданіе этой поры. Только трезвая мысль о томъ, что поспѣшишь—людей насмѣшишь, сдерживала меня и заставляла ждать. Мое духовное оживленіе выразилось, между прочимъ, и тѣмъ, что я написалъ въ эти дни множество стихотвореній и повѣсть. Ахъ, это были очень скверные стихи и очень плохая, очень молодая повѣсть съ дѣйствующими лицами, не походившими на тѣхъ, кого я хотѣлъ описать. Но и стихами, и повѣстью я отдалъ дань своему времени, когда всѣ образованные люди подозрѣвали въ себѣ литературныя способности, и время, то-есть тогдашняя публика, поощрила мою первую литературную попытку: мнѣ говорили, что у меня есть талантъ. Одна барыня изъ институтокъ даже воскликнула, закатывая глазки:

— Ахъ, monsieur Теплицынъ, у васъ удивительный талантъ: вы и прозу, и стихи пишете!

Да, я писалъ много стиховъ, но, къ несчастію, а можетъ-быть и къ счастію, право не знаю, они не появлялись въ печати, по нецензурности своего содержанія. Это были какія-то

Digitized by Google

проповѣди въ стихотворной формѣ, повторявшія, съ однообразіемъ попугая: «Впередъ, впередъ, работай, работай!»

— Батюшка, да дай хоть духъ-то перевести, отакъ отъ работы-то и руки отвалятся!—говорилъ мнѣ со смѣхомъ Леевъ, читая мои проповѣди.

Но, конечно, я не поддавался и громилъ его за стремленіе быть лежебокомъ.

— Ужъ это что и говорить,—хохоталъ Леевъ.—Я вонъ и теперь питаюсь падающими съ неба галушками.

Вообще, я началъ слыть за молодого человѣка, «подающаго надежды». Много насъ было тогда, подающихъ надежды, да такъ мы всѣ и остались, доживъ до сѣдыхъ волосъ, дѣятелями и знаменитостями in spe... я всѣми средствами старался въ эту пору завести знакомства даже въ томъ обществѣ, гдѣ вращались графы Сиверскіе. Мнѣ казалось необходимымъ заручиться ихъ покровительствомъ, такъ какъ прошлый опытъ показалъ мнѣ, что у насъ во многихъ случаяхъ было легче всего добиться желаемаго при помощи какого-нибудь рекомендательнаго письма отъ вліятельныхъ лицъ. Мнѣ лично эти письма были не нужны, я имѣлъ состояніе, я умѣлъ работать и могъ бы прожить, не кланяясь никому, но эти письма были необходимы для дозволенія открыть школу, для благосклоннаго взгляда на нее. Срокъ моего выхода изъ университета приближался быстро. Бубновъ жилъ въ это время въ Петербургѣ, вступивъ въ статскую службу и отдавъ Мишу въ корпусъ. Мы видѣлись съ нимъ не очень часто, но стояли въ отличныхъ отношеніяхъ. Онъ обставился въ столицѣ на широкую ногу, не потому, конечно, что прошла его скупость, но потому, что жить широко, принимать у себя обоихъ Гейговъ, графовъ Сиверскихъ было выгодно. Пернавская нѣмка попрежнему жила у него въ экономкахъ и, кажется, умѣла оберегать его интересы, по крайней мѣрѣ, Бубновъ былъ доволенъ ею, и хотя держалъ ее въ черномъ тѣлѣ, но стоялъ съ ней, повидимому, въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Со мною онъ теперь обходился съ тактомъ, какъ онъ обходился со всѣми «нужными» людьми. Иногда онъ даже интимничалъ со мною, высказывая свои опасенія за будущность Миши. Мишѣ шелъ еще только пятнадцатый годъ, но онъ уже подавалъ надежды на будущаго кутилу. Избалованный, добрый и ласковый, онъ тратилъ очень много въ корпусѣ, прикармливая товарищей, любилъ прокатиться по Невскому на лихачѣ, щеголялъ одеждою. Бубновъ обожалъ и какъ-то старался

Digitized by Google

оправдать его въ моихъ глазахъ, хотя я ни словомъ не намекалъ, что его сынъ растетъ и пользуется благами жизни не такъ, какъ росъ и пользовался ими я въ его года. Представляя мнѣ опекунскіе расчеты, не встрѣтивъ съ моей стороны никакихъ претензій, Бубновъ понималъ, что я вижу, какъ преувеличена имъ цифра расходовъ на меня и, кажется, оцѣнилъ мое молчаніе объ этомъ преувеличеніи. Онъ видѣлъ, что я человѣкъ довольно практичный и не похожу на дядю, а значитъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что я все вижу и все понимаю изъ того, что дѣлалось и дѣлается имъ. Но, я думаю, онъ не вполнѣ понималъ, почему я не обличаю его, и, несмотря на видимую, наружную любезность, смотрѣлъ на меня съ тѣмъ подозрительнымъ безпокойствомъ, съ какимъ обыкновенно смотритъ одинъ ловкій плутъ на другого, еще болѣе ловкаго, замаскированнаго плута. Еще ни разу, въ теченіе всѣхъ тѣхъ лѣтъ, которыя прошли со дня нашего примиренія, онъ не вспоминалъ о сдѣланныхъ имъ намекахъ на мое будущее богатство. Только теперь, видя мое развитіе и зная о близости моего выхода изъ университета, онъ считалъ нужнымъ и своевременнымъ напомнить мнѣ нашъ, полузабытый мною, разговоръ. Однажды я сидѣлъ у него. Мы были одни. Бубновъ долго распространялся передо мною о добродѣтеляхъ Миши, горячо просилъ меня не оставлять брата, въ случаѣ смерти его, Бубнова, пожималъ мои руки, когда я увѣрилъ его, что я съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ считаю своею обязанностью быть заступникомъ и покровителемъ брата.

— Ну, а вы сами надѣетесь служить?—спросилъ меня отецъ.

Онъ говорилъ мнѣ «вы» съ тѣхъ поръ, какъ я былъ въ университетѣ. Сперва «вы» говорилось въ шутку, потомъ по привычкѣ.

— Нѣтъ, постоянно служить не буду,—отвѣтилъ я:—хотя годъ и думаю пробыть на службѣ для полученія чина. Мнѣ хочется въ имѣніе съѣздить, потомъ открыть школу...

— Мужики ваши въ хорошемъ положеніи,—проговорилъ Бубновъ.—Я всегда держался той системы, что если мужикъ богатъ, то богатъ и баринъ...

— Это совершенно вѣрно,—согласился я съ нимъ, не желая объяснять ему своихъ взглядовъ на дальнѣйшій ходъ дѣла.

— Можетъ-быть, вамъ придется управлять имѣніемъ до совершеннолѣтія Миши.

Digitized by Google

— Какъ это можетъ случиться?

— Я не молодъ. Умереть могу...

— Ну, авось, еще доживете до тѣхъ поръ...

— Во всякомъ случаѣ, если бы это случилось, то я спокойно передамъ вамъ опеку надъ нимъ... Мнѣ рѣдко случалось говорить съ вами подробно о вашихъ взглядахъ на различныя вещи, потому я не могу сказать, во многомъ ли мы сходимся. Но, во всякомъ случаѣ, я привыкъ настолько уважать васъ, что, не задумываясь, отдалъ бы навсегда въ ваши руки и имѣніе моего сына, и его самого, если бы это было въ моей власти...

Онъ протянулъ мнѣ руку. Мы обмѣнялись любезными фразами.

— Благодарю васъ,—сказалъ я.—Но я думаю, Мишель и не будетъ нуждаться въ вѣчномъ попечительствѣ...

— Кто знаетъ, кто знаетъ! Онъ молодъ, онъ воспитывается въ закрытомъ заведеніи, онъ мало знакомъ съ жизнью...

— Да вѣдь и я не болѣе его былъ знакомъ съ жизнью четыре года тому назадъ. Познакомится и онъ...

— Дай Богъ, дай Богъ!—вздохнулъ Бубновъ.—Вы вѣдь не изъ дюжинныхъ, быстрыми шагами къ славѣ идете,—съ тонкою насмѣшливостью добавилъ мой отчимъ.

Онъ замолчалъ; его, видимо, безпокоила какая-то мысль, но онъ не зналъ, какъ бы ловчѣе приступить къ дѣлу.

— Вы, вѣроятно, знаете, что у васъ есть дѣдъ?—началъ онъ черезъ минуту, пошаривъ въ портъ-сигарѣ и закуривая сигару.

— Я думаю, что знаю, живя съ нимъ,—разсмѣялся я.

— Я не о капитанѣ говорю,—нахмурился Бубновъ, становившійся всегда пасмурнымъ при воспоминаніи о капитанѣ Хлопко.—У васъ есть другой дѣдъ.

— Другой?—удивился я.—Какой это?

— Отецъ вашей матери.

— Неужели онъ еще живъ?

— Живъ.

Мы замолчали. Дѣдъ нисколько не интересовалъ меня, я никогда не видалъ его, почти никогда не слыхалъ о немъ, за исключеніемъ тѣхъ давно прошедшихъ младенческихъ дней, когда дядя еще посылалъ его ко всѣмъ чертямъ. Бубнова хотя и очень интересовалъ предметъ разговора, но ему было трудно выяснить мнѣ свои мысли, не уронивъ себя въ моихъ глазахъ.

— Я былъ у него во время своей поѣздки въ деревню,—

Digitized by Google

началъ небрежнымъ тономъ Бубновъ.—Странный старикъ! Онъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ никакого Бубнова не знаетъ, хотя я велѣлъ доложить о себѣ, какъ о мужѣ его дочери...

— Но вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ не знаетъ васъ,—замѣтилъ я.

— Но, во всякомъ случаѣ, мы родня... Вамъ, вѣроятно, придется видѣться съ нимъ, если вы поживете въ деревнѣ...

— Можетъ быть...

— Если вы сойдетесь, то я увѣренъ, что вы не забудете Мишеля...

Бубновъ остановился. Мы зорко слѣдили другъ за другомъ, какъ будто напряженно стараясь прочесть, что дѣлалось въ душѣ каждаго изъ насъ. Я первый прервалъ молчаніе.

— Григорій Даниловичъ, — началъ я, желая выяснить дѣло:—будемте говорить откровенно. Мы, кажется, хорошо знаемъ и отлично понимаемъ другъ друга. Вы нѣсколько минутъ тому назадъ сказали, что вы не знаете моихъ взглядовъ. Но вы, я думаю, не станете спорить, что я знаю всѣ ваши взгляды. Раздѣляю я ихъ, или нѣтъ,—объ этомъ мнѣ нечего говорить, но вы видите, что я отношусь къ вамъ такъ, какъ относятся честные люди другъ къ другу. Вы считаете меня честнымъ человѣкомъ, значитъ, лучше говорить откровенно, и если я вамъ скажу *да* или *нѣтъ*, то навѣрное сдержу свое слово. Говоря же намеками, мы не придемъ ни къ какому результату, и я не дамъ никакого положительнаго отвѣта.

Бубновъ протянулъ мнѣ свою руку и пожалъ мою. Онъ былъ, видимо, смущенъ.

— Я, можетъ-быть, иногда былъ несправедливъ къ вамъ,— началъ онъ.

— Прошлое — прошло, — перебилъ я его: — а мы, кажется, не изъ тѣхъ людей, которые любятъ вызывать тѣни схороненныхъ людей и событій... Поговоримте о будущемъ...

Бубнова слегка передернуло, хотя онъ тотчасъ же овладѣлъ собою.

— Да-съ, я не люблю вспоминать прошлаго, а передѣлать многое хотѣлось бы,—замѣтилъ онъ.

— Вы были у дѣда, — снова перебилъ я его, не желая слышать отъ него сентиментальныхъ фразъ.—Онъ васъ не принялъ. Отчего же вы не написали ему, если у васъ было до него дѣло.

Digitized by Google

— Я писалъ, — отвѣтилъ Бубновъ.—Ну, да если пошло на откровенность, такъ нечего дѣлать... Имѣя въ виду ваши интересы и интересы моего сына, я счелъ долгомъ написать къ вашему дѣду письмо. Оно было оставлено безъ отвѣта.

— Можетъ-быть, оно не дошло...

— Нѣтъ, не можетъ быть, потому что я его получилъ обратно въ новомъ конвертѣ, съ надписью на моемъ письмѣ: «для вашего домашняго употребленія»...

— Оригинально!—разсмѣялся я.

— Глупо и грубо!—сказалъ Бубновъ и сдвинулъ брови.— Потомъ я поѣхалъ самъ въ деревню и заѣхалъ къ вашему дѣду. Онъ велѣлъ сказать, что никакого Бубнова не знаетъ и знать не хочетъ. Я долженъ былъ уѣхать. Поговоривъ объ этомъ непріятномъ визитѣ съ однимъ изъ дальнихъ родственниковъ вашего дѣда, я попросилъ этого господина, нельзя ли устроить какъ-нибудь наше свиданіе... Онъ взялся переговорить съ вашимъ дѣдомъ, хотя и не надѣялся на успѣхъ. Но, противъ всякаго ожиданія, вашъ дѣдъ не только согласился встрѣтиться со мною на нейтральной почвѣ, но даже сказалъ, что пригласитъ меня къ себѣ. Черезъ день я получилъ отъ него письмо, гдѣ въ краткихъ словахъ назначались мнѣ день и часъ для моего пріѣзда къ нему. Онъ извинялся, что не принялъ меня, и сваливалъ всю вину на людей, перевравшихъ мое имя. Я поѣхалъ. Подъѣзжаю къ его барскому дому, вижу, кто-то толстый, сѣдой стоитъ въ надворномъ флигелѣ у закрытаго окна и кланяется мнѣ... Я выскочилъ изъ тарантаса. Ворота были заперты, я подошелъ къ калиткѣ. На дворѣ раздавался лай. Я пріотворилъ калитку, и цѣлая свора собакъ бросилась на меня съ неистовымъ визгомъ и лаемъ. Я отскочилъ. Собаки рванулись изъ калитки на меня. Онѣ были привязаны къ воротамъ веревками и продолжали бѣшено лаять и рваться. Я отошелъ и взглянулъ на окно. Сѣдой толстый господинъ продолжалъ раскланиваться и звалъ меня рукою къ себѣ. Я указалъ ему на собакъ. Онъ развелъ руками и покачалъ головой, какъ будто говоря: «ахъ, какъ жаль!» Я заглянулъ въ щелку воротъ: на дворѣ не было ни души. Я звалъ прислугу, никто не являлся. Собаки продолжали заливаться лаемъ. Я понялъ, что вашъ дѣдъ сыгралъ со мной новую штуку, и сѣлъ въ тарантасъ, провожаемый собачьимъ лаемъ, какъ вдругъ окно отворилось, и толстый, сѣдой господинъ съ желчнымъ хохотомъ крикнулъ мнѣ: «не заѣдете ли когда-нибудь еще?»

Digitized by Google

Я не могъ удержаться отъ неприличнаго смѣха.

— Да, вамъ смѣшно, но я могу васъ увѣрить, что мнѣ было не до смѣху, особенно, когда я видѣлъ, что мой кучеръ такъ же, какъ вы, не могъ удержаться отъ хохота,— проговорилъ Бубновъ. — Я вѣдь сдѣлался сказкой всего уѣзда. Наши дикари находили очень остроумной эту выходку.

— Но согласитесь, что она если и не остроумна, то все-таки смѣшна,—замѣтилъ я сухо.

— Конечно, конечно,—поспѣшилъ согласиться Бубновъ, насильно улыбаясь. — Я самъ послѣ смѣялся надъ своей, неудачей, тѣмъ болѣе, что я терпѣлъ въ чужомъ пиру похмелье; я вѣдь не терялъ тутъ ничего, теряли только вы да Мишель.

Я промолчалъ, понимая, что если кто и терялъ отъ этой неудачи, такъ ужъ никакъ не я.

— На что же вы теперь надѣетесь? — спросилъ я черезъ минуту. — На мой визитъ къ дѣду? На травлю меня собаками?

Бубновъ пристально взглянулъ на меня и довольно протяжно проговорилъ, сбрасывая пепелъ съ сигары:

— Я надѣюсь, что вы не поѣдете къ своему дѣду.

— О, въ этомъ вы можете быть увѣрены!

— Я надѣюсь, что вы не заговорите съ дѣдомъ, встрѣтивъ его въ обществѣ,—еще протяжнѣе произнесъ Бубновъ, затягиваясь сигарой.

— И въ этомъ вы, можетъ-быть, не ошибаетесь,—отвѣтилъ я, не понимая, къ чему клонится нашъ разговоръ.

— Я надѣюсь, что онъ заговоритъ съ вами, — продолжалъ Бубновъ.

— Вы думаете?—улыбнулся я.

— Я надѣюсь, что онъ полюбитъ васъ.

— Вотъ ужъ этой смѣлой надежды я не ожидалъ услышать,—засмѣялся я.

Бубновъ сталъ гасить сигару, придавливая ее о пепельницу.

— Кромѣ того,—продолжалъ онъ небрежно:—я надѣюсь, что вы будете его наслѣдникомъ...

— Вы шутите?

— Я не люблю шутокъ въ серьезныхъ дѣлахъ.

Я пожалъ плечами.

— Мои надежды имѣютъ твердое основаніе, — началъ Бубновъ, положивъ ногу на ногу и самодовольно развали-

Digitized by Google

ваясь въ креслѣ. — Во-первыхъ, вашъ дѣдъ самодуръ, и оригинальный внукъ, не желающій знать своего дѣда, не говорящій съ нимъ въ обществѣ, долженъ заинтересовать его. Во-вторыхъ, у вашего дѣда есть дальніе родственники, любившіе вашего отца, и они будутъ работать въ вашу пользу и уже, вѣроятно, работаютъ въ этомъ смыслѣ.

— Вы не даромъ жили на свѣтѣ и смотрѣли на людей,— усмѣхнулся я.

— Ну, особенно многаго не вынесъ изъ наблюденій, — замѣтилъ мой отчимъ, со вздохомъ: — понимаю, впрочемъ, что дураковъ и подлецовъ больше, чѣмъ умныхъ и честныхъ. Да, впрочемъ, не въ томъ дѣло. Я увѣренъ въ хорошихъ результатахъ вашей поѣздки въ деревню и потому прошу васъ вспомнить, что у васъ есть братъ.

Бубновъ говорилъ искреннимъ и серьезнымъ тономъ, но я увѣренъ, что въ его головѣ вертѣлась мысль: «чортъ тебя знаетъ, къ какому разряду людей принадлежишь ты, къ дуракамъ или къ подлецамъ, во всякомъ случаѣ, тебя надо примаслить и держать съ тобой ухо востро».

— Было бы непріятно оставлять въ чужихъ рукахъ имѣніе вашего дѣда, — продолжалъ Бубновъ. — Дуракъ-самодуръ, пожалуй, еще откажетъ все на монастыри, и потому вы должны, во имя своей пользы и даже во имя своихъ убѣжденій, приложить все стараніе, чтобы пріобрѣсти это имѣніе.

— То-есть не прилагать никакихъ стараній, — усмѣхнулся я.

— Ну, да, пожалуй, что и такъ, — усмѣхнулся въ свою очередь мой отчимъ.

— Вы можете быть увѣрены, что я буду бездѣйствовать въ самомъ обширномъ значеніи этого слова,—отвѣтилъ я.

Въ это время начали собираться гости. Бубновъ, пожавъ мнѣ руку, кончилъ совѣщаніе. Онъ рекомендовалъ меня тѣмъ изъ своихъ посѣтителей, которые еще не знали меня, называя меня сыномъ своей покойной жены и своимъ лучшимъ другомъ, своею правою рукою.

— Да, это такой человѣкъ, на котораго я покойно оставлю своего сына,—говорилъ онъ.—Отчимы и пасынки рѣдко бываютъ дружны, но мы, слава Богу, если и ссорились, то не перестали вѣрить другъ въ друга, и если мои убѣжденія не всегда сойдутся съ его убѣжденіями, то вѣдь это не бѣда. У всякаго поколѣнія свои идеи, и отцы часто не сходятся во взглядахъ со своими родными дѣтьми!

Digitized by Google

Все это говорилось тайкомъ отъ меня, такъ, чтобы я слышалъ каждое слово. Признаюсь откровенно, я часто любовался Бубновымъ въ тѣ минуты, когда онъ являлся передо мною во всеоружіи ловкаго хитреца. Эхъ, если бы мы умѣли такъ дѣйствовать, добиваясь своихъ цѣлей! Такъ нѣтъ! Бубновы ужами проползали, куда имъ нужно, а мы все больше собственными лбами хотѣли пробить каменныя стѣны...

VI.

Новая знакомая.

Въ это время я и мои друзья коротко познакомились съ одною новою личностью — съ хозяйкой Макарова, вдовой небогатаго чиновника, Марьей Васильевной Меньшовой, ухаживавшей за Макаровымъ во время его болѣзни съ нѣжностью доброй матери. Она жила со своею двѣнадцатилѣтнею племянницей и занималась шитьемъ платьевъ и бѣлья. У Марьи Васильевны никогда не было правильно организованной мастерской или магазина; у нея просто гостили дѣвочки ея бѣдныхъ знакомыхъ, учившіяся у нея и помогавшія ей шить. Сама она была отличная швея и принадлежала къ числу тѣхъ неиспорченныхъ женскихъ натуръ, которыя какъ-то умѣютъ вносить съ собою всюду и бодрость, и веселье. Иногда она, можетъ-быть, и плакала, но плакала въ одиночествѣ; иногда она, можетъ-быть, и роптала на судьбу, и отчаивалась, но только развѣ въ минуты тихой молитвы. Она всегда была нарядно одѣта, хотя эта нарядность была большею частью слѣдствіемъ опрятности и той милой кокетливости, которая не допускаетъ иную женщину явиться даже передъ женщиной съ нечесаными волосами, въ распущенномъ капотѣ, съ заспаннымъ и смятымъ лицомъ. Живя въ домѣ такихъ женщинъ, вы смѣло можете быть увѣрены, что васъ не стошнитъ отъ попавшагося въ вашу ѣду ихъ волоса; вы можете всегда надѣяться, что при встрѣчѣ съ ними вы увидите не заспанныя, не ошалѣвшія послѣ сна существа, а людей, вполнѣ освѣжившихся и отрезвившихся послѣ тяжелыхъ ночныхъ грёзъ или не менѣе тяжелой ночной безсонницы; вы можете въ ихъ жилищѣ не бояться за свое здоровье, могущее пострадать отъ грязи и пыли; ѣшьте и спите мирно въ ихъ домѣ, тутъ нѣтъ ни таракановъ во щахъ, ни другихъ насѣкомыхъ въ вашей спальнѣ. Подобнымъ женщинамъ какъ будто врождено знаніе всѣхъ гигіеническихъ

Digitized by Google

условій и условій общественной жизни, хотя въ сущности это знаніе пріобрѣтено ими тяжелымъ опытомъ, страданіями отъ грязи и неряшливости, перенесенными въ дѣтствѣ, омерзѣніемъ, испытаннымъ въ юности, отъ циническихъ отношеній членовъ семьи, нецеремонившихся между собою, являвшихся другъ передъ другомъ не только въ халатахъ, но и безъ халатовъ, не только съ заспанными, но и съ пьяными лицами. Эти женщины не бѣгаютъ въ кухню, не возятся около печки и горшковъ, не ругаются съ прислугой, но выбираютъ ее осторожно, по большей части, изъ молодыхъ дѣвушекъ, не утруждаютъ ихъ лишнею бѣготнею, посылаютъ на рынокъ и въ лавки разъ или два въ день; стараются приготовить два хорошихъ блюда, а не три плохихъ; у нихъ вы не встрѣтите вѣчнаго кофейника на плитѣ или на столѣ; онѣ пьютъ кофе въ опредѣленное время, не сбивая съ толку прислугу приготовленіемъ экстренныхъ угощеній. Мало-по-малу, ихъ знакомые пріучаются къ этому опредѣленному времени ѣды и питья, и если хотятъ напиться у нихъ кофе или чаю и не помѣшать ихъ работѣ, то идутъ къ нимъ именно въ эти часы. Этимъ женщинамъ иногда случается много перемѣнить прислуги, покуда онѣ нападутъ на подходящую къ нимъ; но ужъ зато разъ привыкшая къ нимъ дѣвушка живетъ у нихъ долго. Обыкновенно это какая-нибудь краснощекая, вѣчно открывающая свои бѣлые зубы при постоянномъ смѣхѣ дѣвушка, краснѣющая и закрывающаяся рукой, немного по-деревенски, при каждой шуткѣ. Она въ лавочкѣ и на рынкѣ слыветъ за «горничную» ради своей чистой одежды и, ловко огрызаясь за любезности, стяжаетъ десятки самыхъ почтительныхъ вздыхателей, не смѣющихъ любезничать съ ней. Эти вздыхатели — сидѣльцы мелочныхъ и овощныхъ лавокъ; они ждутъ только того времени, когда имъ можно будетъ начать самостоятельную торговлю и взять въ жены одну изъ этихъ дѣвушекъ. Въ качествѣ кандидатовъ въ женихи они строго смотрятъ за каждымъ разухабистымъ лакеемъ, чтобы онъ не приставалъ къ ихъ невѣстѣ и не заигрывалъ съ ней при помощи нѣжныхъ толчковъ локоткомъ въ пышную грудь. Обыкновенно дѣло кончается въ этихъ случаяхъ свадьбою. Тяжело покидать дѣвушкѣ радушную семью, гдѣ она сиживала иногда въ комнатѣ барыни, когда у барыни не бывало чужихъ людей, помогала барынѣ шить заказную работу, за что барыня дарила ей лучшій ситецъ на платье, сама раскра-

Digitized by Google

вала и подшивала лифъ этого платья. Дѣвушка со слезами разстается со своей матушкой-барыней, проситъ ея благословенія, и барыня, весело смѣясь, по-дѣтски радуясь, снаряжаетъ къ вѣнцу свою любимицу и дѣлается ея посаженной матерью. Обыкновенно эти женщины—домосѣдки. Онѣ рѣдко ходятъ по гостямъ, не потому, чтобы онѣ не любили людей; нѣтъ, онѣ готовы радушно принять у себя всякаго. Но имъ тяжело подняться изъ своего уютно-устроеннаго, мирнаго уголка, гдѣ какой-нибудь прирученный чижикъ или дешевая канарейка чиликаютъ, гдѣ постоянно дѣтскій или дѣвическій смѣхъ слышится; тяжело имъ изъ этого маленькаго райка войти въ чужой домъ, гдѣ хозяйка или на прислугу, или на мужа и дѣтей жалуется, гдѣ зависть шипитъ сотнями своихъ клеветъ и брызжетъ грязью на всѣхъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ; тяжело этимъ женщинамъ выслушивать это шипѣнье и видѣть это бросанье грязью, тѣмъ болѣе, что тѣ же шипящіе и брызгающіе грязью люди преображаются, вступая въ ихъ маленькій раскъ, подъ вліяніемъ хозяйки, управляющей разговорами и настроеніемъ гостей, умѣющей поболтать о канарейкѣ, о сшитомъ по заказу платьѣ, о своихъ милыхъ дѣтяхъ, о своихъ цвѣтахъ. Всѣ эти ничтожные сами по себѣ, но не дающіе никакой пищи злобѣ предметы занимаютъ время визита, и гостья уходитъ, не успѣвъ никого выругать заглаза, не успѣвъ посплетничать и даже потерявъ на время изъ памяти все то, что ей хотѣлось насплетничать. Эти женщины смотрятъ очень снисходительно на своихъ падшихъ сестеръ, какъ вообще смотрятъ онѣ на всѣ заблужденія: онѣ знаютъ, какъ тяжело бороться съ жизнью. Сами онѣ держатъ себя такъ, что съ ними трудно начать заигрывать, что имъ трудно сдѣлать какой-нибудь сальный намекъ или предложеніе, хотя, повидимому, каждый находящійся съ ними человѣкъ дѣлается развязнымъ и веселымъ до послѣдней степени. Но онѣ умѣютъ какъ-то пропустить мимо ушей сальные намеки, не улыбаться при слишкомъ вольныхъ шуткахъ своихъ новыхъ знакомыхъ, и эти шутки, два-три раза повторенныя и не произведшія желаннаго эффекта, прекращаются, какъ нѣчто непригодное къ дѣлу въ этомъ домѣ. Эти женщины любятъ театръ и любятъ ѣздить въ него въ складчину, съ компаніей, любятъ пріѣзжать оттуда всѣмъ обществомъ домой и долго говорить о видѣнныхъ пьесахъ, объ игрѣ актеровъ и т. п. Такія празднества напоминаютъ имъ нѣчто въ родѣ пик-

Digitized by Google

ника. Иногда онѣ, оставшіяся на двадцатомъ году вдовами, выходятъ лѣтъ черезъ десять замужъ. Какъ онѣ выходятъ—это почти незамѣтно: обыкновенно какой-нибудь старый знакомый, или росшій когда-то съ ними, или дружный съ ихъ покойнымъ мужемъ, ходитъ къ нимъ десятки лѣтъ, исполняетъ мелкія ихъ порученія, беретъ для нихъ билеты въ театръ, вбиваетъ гвозди въ стѣны, при переѣздѣ ихъ на новыя квартиры нанимаетъ ломовыхъ, носитъ проценты въ ссудную кассу за заложенныя ими полдюжины чайныхъ ложекъ и т. п. Съ каждымъ годомъ онъ ходитъ все чаще и чаще къ своей доброй знакомой, все больше и больше жалуется на неуютность своей квартиры, на нечистоплотность своихъ хозяевъ; потомъ тяжело вздыхаетъ, покачивая головой; далѣе съ различными извиненіями, съ различными уговорами «не сердиться», «оставаться попрежнему друзьями», въ случаѣ несогласія, объясняетъ тихонько, сидя у швейнаго стола и не глядя на хозяйку, что онъ хотѣлъ бы жениться.

— Ну, что-жъ, и доброе дѣло,— громко отвѣчаетъ женщина, ничего не подозрѣвая.—Нечего холостякомъ-то небо коптить. На комъ же?

Холостякъ затрудняется отвѣтомъ—онъ, бѣдный, въ первый разъ въ теченіе сорока лѣтъ находится въ такомъ положеніи.

— Я васъ хотѣлъ просить... руки вашей... Вы не сердитесь, пожалуйста...—шепчетъ холостякъ.

Тутъ оставляется работа, задумчиво опускается голова на грудь молодой женщины. Холостякъ ни живъ, ни мертвъ, онъ уже готовъ пробормотать: «извините меня, забудьте все это, это я такъ...» Но вотъ онъ слышитъ ласковый, уже тихій, какъ бы стыдливый голосъ:

— Что-жъ, я согласна... Я васъ и прежде за родного считала... Только... только не отжили ли мы съ вами?

— Что вы, что вы!— вскрикиваетъ холостякъ, забывая учениць и дѣтей.—Да вы взгляните на себя въ зеркало.

Женщина смѣется и ищетъ глазами зеркало, надѣясь встрѣтить въ немъ отраженіе своего лица: о, какое оно еще свѣжее, молодое, смѣющееся!

— Да мы молодыхъ за поясъ заткнемъ!—храбрился холостякъ — онъ теперь счастливѣйшій изъ смертныхъ. Ни одинъ юноша не могъ бы сдѣлать такихъ восторженныхъ глупостей, какія готовъ сдѣлать этотъ сорокалѣтній человѣкъ, весь сіяющій блаженствомъ. И если онъ и его жена,

Digitized by Google

вѣчно юные, вѣчно свѣжіе, доживутъ до семидесяти лѣтъ, то они, няньча своихъ внучатъ, выдавая замужъ и женя своихъ младшихъ дѣтей, будутъ говорить: «Ну, дай вамъ Богъ такъ любить другъ друга, какъ мы любили другъ друга!..» Да, дай Богъ!

Такою женщиной была хозяйка Макарова. Она вполнѣ принадлежала, если можно такъ выразиться, къ этому типу нравственной аристократіи. Она какъ-то незамѣтно сошлась съ Макаровымъ и съ нами.

— Люблю я молодежь,—говорила она. — Глупости часто говоритъ молодежь, зато никогда не говоритъ подлостей, а если и скажетъ, то сама же и покраснѣетъ.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ знакомства, мы уже ѣздили вмѣстѣ въ театры въ дешевыя мѣста. Еще черезъ нѣсколько времени мы упросили ее кормить насъ обѣдомъ. Потомъ мы стали уговаривать ее взять изъ школы ея племянницу.

— Я и сама знаю, что тамъ дурно учатъ и обращаются скверно, да вѣдь всѣ школы таковы. Вѣдь я уже обходила ихъ съ десятокъ,—говорила она.

— Дома учите,—совѣтовали мы.

— Легко сказать! Я и такъ едва концы съ концами свожу.

— Да вамъ это дешевле будетъ, мы всѣ станемъ даромъ учить ее.

Она, не отнѣкиваясь, не выражала никакихъ церемонныхъ отказовъ, и мы начали учить ея племянницу. Это было бойкое и живое дитя, съ вѣчными спорами и вопросами на языкѣ. У нея все кипѣло въ рукахъ; она обыкновенно не ходила, а носилась по комнатѣ; ее занимало все; увидитъ она новаго фасона бурнусъ, тотчасъ летитъ къ теткѣ и разсказываетъ быстро, точно боясь, что кто-нибудь перехватитъ ея открытіе, какой бурнусъ, гдѣ швовъ, гдѣ сборки, гдѣ бахрома, какіе рукава, какой воротникъ.

— Ничего, дитя мое, не понимаю, — обыкновенно замѣчала, улыбаясь, тетка.

— Эхъ, какая ты глупая! — восклицала племянница, топая ногой.

— Ну, можно быть и повѣжливѣе!—замѣчала тетка.

— Ну, вотъ смотри!—не отвѣчая на замѣчаніе, говорила племянница, и подъ ея рукой уже шуршала бумага и звенѣли ножницы.

Топая ногами, кусая губенки, стукая по столу рукой, дѣвочка, наконецъ, добивалась своего и выкраивала ма-

Digitized by Google

ленькій бурнусъ, по которому, при небольшихъ соображеніяхъ и поправкахъ, можно было смѣло кроить большой бурнусъ, не боясь сдѣлать какую-нибудь австралійскую одежду. Ея способность подмѣчать все смѣшное рѣзко бросалась въ глаза.

Однажды дѣвочка, молча, сидѣла и что-то чертила на бумагѣ; послѣ долгихъ усилій и попытокъ она начала хохотать.

— Что съ тобой?—спросила тетка.

— Тетя, тетя, посмотри. Тихонько посмотри! — шептала дѣвочка, показывая теткѣ тайкомъ отъ насъ бумагу, испещренную ея карандашомъ.

Тетка, улыбаясь, таинственно спросила:

— Чей же это?

— Леева!—прыснула отъ смѣха дѣвочка.

Заинтересованные тайною, мы добивались ея открытія, и тетка показала намъ бумагу, при хохотѣ убѣжавшей племянницы. На бумагѣ, среди десятка перемаранныхъ рисунковъ носовъ, красовался одинъ носъ, довольно толстый и нѣсколько похожій на утиный, въ которомъ можно было, при помощи извѣстной доли воображенія, узнать карикатуру на носъ Леева. Дѣйствительно, у этого красавца некрасивъ былъ только носъ. Ничто не ускользало отъ наблюдательности этого ребенка, ни носъ Леева, ни задумчивость Макарова, ни сонливость Шепелева.

— Макаровъ вѣрно нездоровъ, что онъ всегда такой скучный,—прервала она однажды урокъ, обращаясь ко мнѣ.

— Нѣтъ, онъ теперь здоровъ.

— Зачѣмъ же онъ рѣдко смѣется? Развѣ ему не весело съ нами.

— Хорошо, Наташа, но не весело. Инымъ людямъ тяжело жить на свѣтѣ.

— Бѣднымъ?

— И богатымъ, если они видятъ много бѣдныхъ.

— Такъ пусть они помогаютъ.

— Всѣмъ одинъ не поможешь...

— Пусть всѣ всѣмъ помогаютъ.

— Вотъ потому-то и тяжело инымъ жить, что они видятъ, какъ другіе богатые не думаютъ о бѣдныхъ. Вотъ вѣдь не всѣмъ дѣтямъ такъ хорошо жить, какъ вамъ...

— О, тетя добрая!..

— Да, добрая, потому и она иногда горюетъ о тѣхъ дѣтяхъ, которымъ худо жить.

Digitized by Google

— Она не всегда горюетъ,—поплачетъ, а потомъ опять веселится... Отчего же Макаровъ такъ не дѣлаетъ?

Я затруднялся отвѣтомъ, и вмѣсто настоящихъ причинъ грусти Макарова, которыя мнѣ трудно было объяснить ребенку, сказалъ, что у него характеръ такой, что у каждаго свой характеръ, одинъ все скоро забываетъ, другой все помнитъ долго.

— Вотъ вы, какъ тетя, будете все скоро забывать,— прибавилъ я:—у васъ живой и подвижной характеръ.

— Ну, нѣтъ, я ничего не забываю. Я вотъ еще маленькая, маленькая была, а помню, какъ дядя—мужъ тети, не отдалъ вора въ полицію, а далъ ему рубль на чай.

— Какъ такъ?—засмѣялся я.

— Да вотъ какъ,—серьезно сказала Наташа. — У дяди пропали охотничьи сапоги. Кто-то укралъ ихъ. А мы жили въ одномъ домѣ съ чиновникомъ. Въ подвалѣ онъ жилъ, бѣдный-бѣдный такой, и дѣтей у него много, и жена больная тогда у него была. Дѣти его играли со мною на дворѣ, я имъ булочекъ прятала, какъ вотъ бѣднымъ голубкамъ или собачкамъ прячутъ. Это и тетя, и дядя знали. Только я вотъ вышла къ нимъ вечеромъ играть, а они мнѣ и говорятъ: «а мы сегодня супъ тушали...» Они такія смѣшныя были, и не могли выговаривать. «И говядина была у насъ».—Развѣ,—говорю я,—папа вашъ деньги получилъ?— «А папа,—говорятъ,—сегодня сапоги большіе продалъ и тушилъ намъ говядины и маму супомъ тормилъ...» И такія они веселыя, въ ладоши бьютъ. Я пошла и разсказала это дядѣ; онъ вышелъ къ дѣтямъ и далъ имъ рубль. «Это, говоритъ, отнесите мамѣ на лѣкарство!» А самъ пришелъ въ комнату, перекрестился и поцѣловалъ тетю. А тетя заплакала и сказала: «Господи, помилуй насъ и Наташу отъ этого».

Наташа уткнулась лицомъ въ книгу и замолчала; на книгу лились одна за другой крупныя слезы.

Я тихо провелъ рукою по ея головкѣ и не могъ долго продолжать прерванный урокъ. Если я боялся за будущность какого-нибудь ребенка, то это было именно въ эту минуту; я чувствовалъ, что передо мною развивается одна изъ тѣхъ кипучихъ, сильныхъ и глубокихъ натуръ, которыя такъ быстро сгораютъ среди людскихъ несправедливостей и людскихъ страданій. Я понималъ, что Наташа говоритъ правду о томъ, что она ничего не забываетъ, и предчувствовалъ, что она едва ли будетъ забывать что-нибудь

Digitized by Google

и въ будущемъ. Скоро она сдѣлалась нашей общей любимицей, и мы не баловали ее только потому, что такихъ дѣтей нельзя баловать: для приторныхъ нѣжностей она была слишкомъ рѣзва, вмѣсто объяденья сластями она любила книжку, замѣчаній за лѣнь она не могла заслужить по своей чрезвычайной любознательности. Только порывы строптивости и иногда рѣзкія выраженія могли вызвать замѣчанія, и въ этихъ случаяхъ ея тетка постоянно являлась настороже.

Въ Марьѣ Васильевнѣ и въ ея племянницѣ мы нашли именно то, чего намъ недоставало—хорошее женское вліяніе. Марья Васильевна иногда журила насъ за опрометчивость въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ, невольно пріучила насъ къ общежитію, отучила отъ холостыхъ, халатныхъ манеръ и разгильдяйства. Вліяла она на насъ по большей части при помощи добродушной насмѣшливости, это оружіе она употребляла и для поправленія рѣзкостей въ характерѣ племянницы. Посѣщая ее, мы приходили все въ большій и большій восторгъ, постоянно открывая въ ней новыя добродѣтели и новыя стороны простого и яснаго ума. Я зналъ многіе круги общества, начиная съ кружка старыхъ холостяковъ и кончая кружкомъ графа Сиверскаго, но нигдѣ не встрѣчалъ я болѣе человѣчной личности. Восторженно говорилъ я о ней дядѣ. Бѣдный старикъ совсѣмъ поддался въ это время Матренѣ Марковнѣ, и она уже начинала покрикивать на него, когда полагала, что я не могу этого слышать.

— Ну, куда вы за молодежью-то, благодѣтель, тяпетесь?—говорила она.—Пора и остепениться.

— Да что-жъ, Матрена Марковна, я только чайку попить, поболтать съ ними люблю, мнѣ общество нужно,— отговаривался дядя.

— Опять угощать ихъ будете? Безъ гроша придется сидѣть.

— Да вы развѣ считали мои деньги? Ахъ вы, ворчунья.

— Не считала, благодѣтель, да вѣдь если сегодня угощать, завтра угощать — въ карманѣ-то ничего и не останется. Я на своемъ вѣку видѣла тѣхъ-то, которые проугощали этакъ свое состояніе. Вотъ и мой племянничекъ-то тоже угощалъ, угощалъ пріятелевъ, да вотъ теперь у меня на шеѣ и сидитъ.

— Ахъ, ворчунья, ворчунья!—шепталъ дядя.

— Да и засиживаетесь вы у этихъ разныхъ своихъ ста-

Digitized by Google

рыхъ знакомыхъ. Ночью еще что случится на дорогѣ, оборони Богъ!

— Здѣсь тихо въ нашемъ краю...

— Толкуйте, тихо! Да я и заснуть никогда не могу до вашего прихода, душеньку изъ меня всю вытянетъ, какъ подумаю: не случилось ли чего съ нашимъ ангеломъ, не упалъ ли гдѣ, не обобрали ли его гдѣ? Вотъ и мой племянничекъ-то тоже хорохорится, а и на мостовой иногда паваляется, и нагишомъ-то домой придетъ.

Дядю, наконецъ, задѣло за живое это постоянное сравненіе съ ея племянникомъ.

— Вашъ племянникъ пьянчуга, а я трезвый человѣкъ,— сердился онъ.

— И, батюшка, и онъ былъ трезвымъ человѣкомъ, да вѣдь съ панталыку недолго сбиться...

— Однако, вы забываете, что я не дитя...

— Да вы, мужчины, хуже дѣтей. Вы насъ, женщинъ, мучаете, и горя вамъ мало; мы за васъ убиваемся, а вы и ухомъ не ведете; дѣти — тѣхъ по крайности высѣчешь, и уймутся, а вамъ говорить станешь, такъ еще обижаетесь. Вотъ и мой племянничекъ обижался, я, говоритъ, не маленькій, а потомъ какъ пошелъ пить, такъ и завертѣлся. Ну, да ужъ онъ погибшій человѣкъ, а вы-то, вы-то съ чего себя губить хотите! Впрочемъ, вѣдь я вамъ не сестра, не жена, что вамъ до меня за дѣло... Конечно, мараль изъ-за васъ нажила...

— Эхъ, Матрена Марковна!

— Что? эхъ, Матрена Марковна! Правду я говорю, была бы женой вашей, такъ не бѣжали бы въ обчество...

— Ну, ну, не ворчите, воркотунья!

И дядя «бодалъ» Матрену Марковну, дѣлавшую сквозь слезы кокетливое лицо.

— Вамъ все шутки, капитанъ, а вы побыли бы на моемъ мѣстѣ!—вздыхала она и нѣжно прижималась къ старику.

Старикъ умилялся.

Онъ, видимо, подпадалъ подъ ея вліяніе и часто говорилъ:

— Ворчунья Матрена Марковна, ворчунья, а вѣдь она добра мнѣ желаетъ, тоже я человѣкъ слабый — ну, боится, что все промотаю, что случится со мной что-нибудь.

— Да что ей за дѣло до твоего кармана?—говорилъ я.— А насчетъ позднихъ возвращеній домой можно не бояться, ты можешь ѣздить или нанять лакея. Вообще, дядя, не-

Digitized by Google

дурно бы намъ нанять особую квартиру и взять лакея. Тебѣ иногда нуженъ вѣрный слуга.

— Какъ же, птица ты, птица моя, а Матрена Марковна-то какъ останется?

— Да что она тебѣ? Родня, что ли?

— Ну, все же... благодѣтелемъ меня считаетъ...

— Ну, ты благодѣтелемъ и останешься...

— Да такъ-то оно такъ, только какъ же это я одинъ-то буду?.. Тутъ, знаешь, ребятишки забѣгутъ, она зайдетъ поговорить... а тамъ...

Я понималъ, что дядѣ трудно вырваться изъ когтей Матрены Марковны. Она же на другой день говорила мнѣ:

— Что это вы дядюшку-то подбиваете переѣхать? Стыдно вамъ, отъ васъ-то я этого не ожидала. Вы думаете, съ нимъ мнѣ легко возиться? Вы-то явитесь пообѣдать, чаю дома напьетесь и пропадете, а вѣдь я цѣлый день съ нимъ вожусь. Безъ меня-то онъ бы съ тоски пропалъ. Я ему больше родная, чѣмъ вы. Онъ вѣдь тоже мужчина...

— Ну, объ этомъ я не стану спорить,—улыбнулся я.

— Да, вамъ все смѣшки!

Я понималъ, что дѣйствительно мнѣ невозможно перевезти дядю на отдѣльную квартиру, не пожертвовавъ его или своимъ спокойствіемъ, но не хотѣлось мнѣ оставлять его и въ рукахъ Матрены Марковны. Она все больше и больше забирала его въ руки, и еще больше забиралъ его въ руки кавказецъ, появлявшійся къ дядѣ и вытягивавшій отъ старика деньги. Я ясно видѣлъ, что тетушка и ея достойный племянникъ находятся въ слишкомъ интимныхъ отношеніяхъ между собою и эксплуатируютъ довѣрчиваго старика. Онъ до того сталъ бояться ихъ, что не рѣшался въ праздники дѣлать обычныя закупки для раздачи знакомымъ бѣднякамъ и только тайкомъ развозилъ деньги этимъ несчастнымъ. Я невольно началъ подумывать о необходимости найти какой-нибудь исходъ для дяди. Бросить его въ этомъ случаѣ я не могъ, перевезти съ собою на отдѣльную квартиру тоже не имѣлъ ни возможности, ни права.

Однажды, раздраженный новой продѣлкой кавказца и его тетушки, я пришелъ къ Марьѣ Васильевнѣ въ тяжеломъ настроеніи. Наша братія вся была въ сборѣ, и я былъ радъ, что могъ не наводить тоски на присутствующихъ, не вмѣшиваясь въ разговоры и не подавая имъ вида, что мнѣ не по себѣ. Вдругъ среди оживленныхъ разговоровъ раздался вопросъ Наташи, обращенный ко мнѣ:

Digitized by Google

— А вы сегодня скучный?

Всѣ обратили вниманіе на меня.

— Въ самомъ дѣлѣ, что съ вами?—спросила Марья Васильевна, взглянувъ на мое хмурое лицо.

— Такъ, не весело что-то,—вздумалъ я отдѣлаться фразой.

— Ну, вотъ еще выдумали, барыня вы нервная, что ли, что безъ причины будете скучать!

— Домашнія дѣла разныя не веселы...

— А! Тайна!

— Нѣтъ, не тайна, но вамъ не доставятъ никакого удовольствія мои сѣтованія.

— А, можетъ-быть, что-нибудь сообща и выдумаемъ.

— Не думаю. Впрочемъ, попробую разсказать, если хотите.

Я сообщилъ все дѣло.

— Ахъ, бѣдный старикъ! Надо его вырвать оттуда?— покачала головой Марья Васильевна.

— Да, но какъ?—вздохнулъ я.

— Приводите его къ намъ, я люблю съ дѣтями возиться.

— Хорошо. Но ему будетъ неловко идти въ незнакомый домъ.

— Ну, къ Макарову пусть придетъ, а тамъ перетащимъ и сюда.

Я немного началъ надѣяться. Черезъ два дня я привелъ дядю къ Макарову. Онъ немного удивился, когда туда пришла и Марья Васильевна. Она тотчасъ заговорила съ нимъ, объяснила, что она давно слышала о немъ, что ей очень хотѣлось познакомиться съ нимъ. Дядя растаялъ и началъ взбивать хохолъ.

— Да, могу сказать, что Владиміръ меня любитъ и уважаетъ,—сказалъ онъ.—До сихъ поръ уважаетъ. Это рѣдкость въ нынѣшнихъ молодыхъ людяхъ.

— Ну, отчего же въ нынѣшнихъ?—улыбнулась Марья Васильевна:—бывали и прежде и непокорныя, и покорныя дѣти, такъ же, какъ теперь. А теперь покорныхъ еще больше. Вонъ здѣсь сколько молодежи, а всѣ они любятъ дядюшку-капитана.

Капитанъ усмѣхнулся самодовольной улыбкой.

— Дѣло въ томъ, капитанъ, каковы старики, — продолжала Марья Васильевна.—Вонъ, я думаю, не нужно быть и молодымъ, чтобы не любить и не уважать какого-нибудь Бубнова.

Дядя вскипятился и заерзалъ рукою по волосамъ.

Digitized by Google

— Да-съ, это, я вамъ скажу, такой человѣкъ, котораго молодежи слѣдуетъ не любить такъ же, какъ и старикамъ,—заговорилъ онъ. — Вы можете ли себѣ представить, что онъ отравилъ лучшую пору моей жизни, погубилъ мою племянницу. И какой цвѣтокъ чистый она была, кажется, каждый лучъ солнца могъ притянуть ее къ себѣ!

— Вы долго съ ней жили?

— Я-то? Долго ли? Да я лучшіе годы прожилъ ею!—съ чувствомъ воскликнулъ дядя, оживленный воспоминаніями.— Сестра моя, покойница, когда вышла замужъ—несчастливо вышла замужъ—я сказалъ, что первый ея ребенокъ будетъ моимъ наслѣдникомъ. Родилась у нея дочь. Ахъ, какая это красавица была, только я въ жизни и видѣлъ двухъ такихъ хорошенькихъ дѣтей—ее и Володю, и видѣлъ я ихъ въ день ихъ рожденія... Это вѣдь мои дѣти были, мои, потому что вѣдь я что же? старый морякъ, старый авантюристъ,—и тѣ мои дѣти, которыя рождены отъ любимыхъ мною родныхъ. Росла она такая рѣзвая, бойкая, бѣгаетъ, поетъ...

Въ эту минуту въ комнату вбѣжала Наташа и быстро что-то заговорила теткѣ о чаѣ. Дядя остолбенѣлъ, онъ началъ щипать свои усы, всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Капитанъ, а это моя племянница,—сказала хозяйка.— Ты слышала про капитана?—обратилась она къ Наташѣ.

— А, это добрый такой старичокъ, Владиміра Михайловича дядя!—произнесла дѣвочка.

— Онъ, онъ самый, милая моя барышня,—проговорилъ дядя, наклоняясь къ ребенку и цѣлуя его въ лобъ.

Наташа съ изумленіемъ подняла на него свои свѣтлые глаза и тихо спросила:

— Вы плачете?

Въ комнатѣ вдругъ стало тихо; капитанъ еще разъ поцѣловалъ дѣвочку и прошелся по комнатѣ. Мы переглянулись между собою и не нарушали молчанія. Наташа задумчиво прилегла къ плечу тетки и безмолвно слѣдила за капитаномъ умными и немного потемнѣвшими глазами.

— Вы, капитанъ, не кончили разсказа,—прервала Марья Васильевна эту священную тишину тихимъ и задушевно произнесеннымъ вопросомъ.

— Извините, сударыня, извините... Все это такъ странно... не ожидалъ... воспоминанія...

Дядя сѣлъ въ волненіи и опустилъ на грудь голову.

— Давно, давно, смѣю васъ увѣрить, не переживалъ я

Digitized by Google

такого счастливаго дня... Нашей семейной жизнью на меня пахнуло...

Онъ провелъ рукою по глазамъ и снова принялся за разсказъ. То онъ волновался до слезъ, то онъ восторгался съ юношеской пылкостью, то гордо передавалъ объ успѣхахъ своей покойной Маруси. Семейная жизнь, скитанье по морю, встрѣча съ дикими и цивилизованными народами,—все это ожило въ его памяти и помолодило его. Хозяйка слушала его съ любопытствомъ и была тронута; Наташа же буквально впилась въ него глазами и потомъ перешла къ нему поближе. Продолжая разговоръ, онъ незамѣтно положилъ свою руку на плечо дѣвочки, потомъ подвинулся на диванѣ и усадилъ ее рядомъ съ собою, обнявъ ея талію. Ни онъ, ни дѣвочка, кажется, не замѣчали, какъ они постепенно все ближе и ближе сходились другъ съ другомъ, какъ они дошли до той простоты въ обращеніи, до которыхъ доходятъ внучата и ихъ дѣды.

Во время чая дядя не отпустилъ отъ себя Наташу, да и она не дѣлала попытокъ отодвинуться отъ него. Онъ намазывалъ ей хлѣбъ масломъ, подавалъ сухари. Разсказы то прерывались, то уклонялись отъ главнаго предмета и заняли весь вечеръ.

— Надѣюсь, что мы будемъ знакомы?—сказала хозяйка, прощаясь съ дядей.

— Я вамъ сказалъ, сударыня, что я давно, давно не былъ такъ счастливъ, какъ сегодня,—отвѣтилъ дядя и поцѣловалъ руку хозяйки по своей старой привычкѣ.—А васъ, милая барышня, позвольте поцѣловать.

Наташа подставила ему губы и звонко поцѣловала его.

— Какой онъ добрый, тетя!—задумчиво, покачивая головкой, говорила Наташа.—И какой онъ умный! Онъ умнѣе всѣхъ насъ.

— Онъ долго жилъ и много видѣлъ на свѣтѣ,—отвѣтила тетка.—«Бѣдняжка, немало онъ вынесъ, и гдѣ награда за все это? Одинокая старость, своекорыстныя козни ближнихъ, никакого утѣшенія»,—печально размышляла тетка.

— Ну, Владиміръ, вотъ люди, такъ люди,—говорилъ дядя, возвращаясь домой.—Мать, мать твою она мнѣ напоминаетъ!..

— Кто?—спросилъ я.—Наташа?

— Да, и Наташа, и ея тетка, обѣ онѣ похожи на твою мать,—рѣшилъ дядя.

Я не возражалъ, хотя и зналъ, что ни Марья Васильевна, ни ея племянница не походили на мою мать.

Digitized by Google

— А что я, Володя, ничего такого неприличнаго не сказалъ?—тревожно спрашивалъ меня дядя.

— Нѣтъ.

— Ну, то-то же! Я, знаешь, отсталъ, сильно отсталъ отъ женскаго общества... Ты вѣдь знаешь, я въ свое время съ высшимъ кругомъ знакомъ былъ. Въ институтѣ, бывало, встрѣчался съ аристократами... генеральшу Зайчковскую и все ея семейство отлично зналъ. Да что говорить! Даже въ Англіи, въ бытность мою въ Портсмутѣ, начальникъ порта представилъ меня своему семейству и первымъ аристократкамъ въ городѣ. Ну, а теперь опустился я, отсталъ отъ женскаго общества. Конечно, Матрена Марковна тоже женщина... Ну, да вѣдь, самъ ты знаешь, нѣтъ у нея этого, этого... Какъ бы это тебѣ сказать? Нѣтъ у ея, знаешь, ничего женскаго... именно такъ... ничего женскаго... Ну, тоже и образованія нѣтъ... А это много значитъ, у-у какъ много значитъ, Володя!

Дядя давно не былъ такъ говорливъ и оживленъ. Мы рѣшили, что черезъ два дня онъ снова зайдетъ къ Марьѣ Васильевнѣ.

Она же на слѣдующій день замѣтила мнѣ, когда я пришелъ давать урокъ Наташѣ:

— Какъ вамъ не стыдно, что вы давно не познакомили меня съ дядей!

— Я боюсь, чтобы онъ не былъ вамъ въ тягость; онъ любитъ поговорить...

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь я не ушами и не языкомъ шью. Да если бы я даже и не всегда могла говорить съ нимъ, то здѣсь у него найдется слушательница еще болѣе прилежная, чѣмъ я. Онъ одержалъ побѣду надъ Наташей, и она находитъ, что онъ умнѣе всѣхъ васъ...

Я вспомнилъ свои дѣтскіе годы и понялъ, какъ интересенъ былъ мой «бывалый» дядя для малютки. Я пересталъ стѣсняться, и со слѣдующаго дня дядя сдѣлался своимъ человѣкомъ у Марьи Васильевны. Наташа крѣпко ухватилась за дядю и, кажется, не намѣрена была уступить его кому-нибудь. Она разспрашивала его обо всемъ: объ англичанахъ и китайцахъ, о французахъ и американцахъ, объ океанѣ и о далекихъ городахъ, о матросахъ и офицерахъ.

— Вы мнѣ не забудьте будущій разъ о карнавалѣ разсказать,—задавала она дядѣ тему для будущаго визита, какъ будто предупреждая всѣ постороннія поползновенія завладѣть дядей.

Digitized by Google

Марья Васильевна никогда не говорила Наташѣ, что та можетъ надоѣсть дядѣ. Она замѣчала, что именно эти разспросы и манятъ главнымъ образомъ старика въ ихъ семью.

— Вы ей даете уроки географіи и исторіи, какихъ не дастъ ни одинъ профессоръ,—говорила Марья Васильевна дядѣ, бесѣдуя съ нимъ. — Я иногда просто готова завидовать вамъ. Вы сохранили въ себѣ память обо всемъ и живете въ самомъ разнообразномъ мірѣ воспоминаній, былыхъ лицъ, былыхъ картинъ. Я думаю, вамъ иногда пріятно сидѣть теперь въ затишьѣ и вспоминать перенесенныя бури?

— Да, особенно, если затишье такое, какъ здѣсь, въ вашемъ маленькомъ раю,—говорилъ дядя.—У меня дома неуютно, сумрачно, безлюдно, какъ-то холодомъ и могилой вѣетъ... А тутъ, у васъ, цвѣты, птицы, веселый, молодой народъ, вы сами такая спокойная и радушная...

Капитанъ задумывался и глядѣлъ на огонь, сверкавшій въ сумеркахъ въ печи и бросавшій яркіе пятна и узоры на окружавшіе предметы; неслись передъ глазами капитана былые годы, былыя бури, крушенія, и въ этой тишинѣ онъ думалъ: не здѣсь ли берегъ, не здѣсь ли брошу я свой якорь?

VII.

Общественныя событія и частные интересы.

— Куда это вы зачастили ходить?—спрашивала Матрена Марковна, видя, что дядя очень часто началъ выходить со мною изъ дому по вечерамъ, и подозрѣвая что-то недоброе для себя.

— У старыхъ пріятелей бываю;—отвѣчалъ дядя, не желая и боясь говорить о сдѣланномъ имъ новомъ знакомствѣ.

— Ну, что вы мнѣ разсказываете, будто я не вижу, что вы не къ пріятелямъ ходите. Владиміръ Михайловичъ вашихъ пріятелевъ не посѣщаетъ, а вы все съ нимъ ѣздите. Видно, опять съ какой-нибудь молодежью связались. Это ужъ не передъ хорошей погодой.

Дядю опять задѣли за живое эти пошлые упреки.

— Вы, Матрена Марковна, очень много воли себѣ дали, сто разъ я вамъ говорилъ это,—замѣтилъ онъ.—Я, кажется, имѣю право распоряжаться и своимъ временемъ, и своими знакомствами. Куда бы я ни ѣздилъ—это мое дѣло.

— Да кто же и говоритъ, благодѣтель, что не ваше!—заныла Елкина. — Только ужъ если вы захвораете, такъ посмотрю я, кто ходить-то за вами будетъ. Вѣдь, хроматизмъ-то у васъ не дальше, какъ прошлаго года былъ, тогда кто

Digitized by Google

вамъ спину-то растиралъ, ужъ не Владиміръ ли Михайловичъ? А? Ужъ не его ли пріятели? Нѣтъ-съ? тогда, поди-ка, Матрена Марковна понадобилась... Гулять — ваше дѣло, а лѣчить Матрены Марковны дѣло...

— Да что же вы думаете, Матрена Марковна, что я не въ состояніи сидѣлку или фельдшера взять? Я вамъ очень благодаренъ, что вы ходили за мной, но вѣдь я же не пользовался вашими услугами даромъ.

— Ахъ, попрекать, попрекать вздумали! Не за деньги я ходила за вами, не за деньги я вамъ собой жертвовала, можетъ-быть, свое имя теряла.

Матрена Марковна расплакалась.

— Ну, полноте! Я васъ не хотѣлъ обижать,—замѣтилъ дядя, поправляя въ волненіи волосы.—Но вы меня попрекнули своими услугами, такъ я это и привелъ къ тому...

— Богъ съ вами, Богъ съ вами! Что я вамъ? Вы и другихъ за деньги найдете! Только любить-то васъ будутъ ли они... Я васъ не удерживаю, можете бросить меня съ дѣтьми... А они-то отцомъ васъ считали.

Дядя взволновался, особенно ради послѣдняго пункта. Ему дѣйствительно казалось, что дѣти Елкиной видятъ въ немъ отца. Матрена Марковна даже иногда увѣряла, что одинъ изъ нихъ «такой разбойникъ, весь въ капитана растетъ». Дядя видѣлъ въ этомъ сходствѣ слѣдствіе сильной привязанности ребенка къ нему. Плачущая Матрена Марковна, выходя отъ дяди, послѣ приведеннаго мною здѣсь объясненія, сообразила, что дѣло плохо, что надо принять экстренныя мѣры. Дядя, съ своей стороны, оставшись одинъ, началъ серьезно подумывать надъ разрѣшеніемъ вопроса: жить ли здѣсь или переѣхать? Его мысли еще не приняли никакого рѣшительнаго направленія, когда къ нему явился кавказецъ.

— Капитанъ, поговорить нужно!—началъ онъ, покручивая свои длинные усы.

— Прошу покорно, садитесь!—пригласилъ его дядя.

— Сяду. Объясненіе будетъ сложно,—угрожающимъ тономъ произнесъ кавказецъ.—Въ сущности оно могло бы быть очень просто, вы знаете меня: пришелъ, выбралъ оружіе, на позицію, разъ, два, три — бацъ! пуля въ високъ — въ арестантскія роты за дуэль — ничего! Не въ первый разъ! Но есть обстоятельства, усложненіе дѣла, обстоятельства, не позволяющія, какъ благородному человѣку, поступить рѣшительно. Дуэль—согласенъ. Убійство—никогда.

Digitized by Google

Дядя только хлопалъ глазами.

— Капитанъ, вы оскорбили мою тетку!—продолжалъ Ярышкинъ послѣ минутнаго молчанія, тѣмъ самымъ потрясающимъ и гробовымъ до удушливости тономъ, которымъ говорилъ въ тѣ времена Каратыгинъ въ «Гамлетѣ»: мать, ты оскорбила моего отца.—Она скрываетъ это отъ меня. Честная, любящая душа! Она знаетъ, я никому не позволю оскорблять ее, и боится выдать васъ! Но у меня глаза!

Кавказецъ такъ сверкнулъ налившимися кровью, воспаленными бѣлками своихъ глазъ, что дядя уже никакъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что у кавказца дѣйствительно есть глаза.

— Да, у меня глаза!—повторилъ Ярышкинъ.—Вижу слезы, вижу, какъ она таетъ. Вы, конечно, не замѣтили, какъ она таетъ? Вы на это ужъ не обращаете вниманія!

— Позвольте,—началъ дядя.

— Нѣтъ-съ! Ни за что!—воскликнулъ кавказецъ. — Пришелъ объясниться; должны выслушать. Знаю все, что вы скажете въ оправданіе! Ба! я не позволю оправдываться! Тетушка плачетъ и таетъ! Какія тутъ оправданія? Сегодня я слышалъ, какъ она тихо шептала своему младенцу: твой папа бросаетъ насъ! Не станемъ разбирать, кто отецъ этого невиннаго ангела; но дѣти считаютъ васъ за отца-благодѣтеля,—значитъ, папа—это вы! Логика! Итакъ, узналъ, что вы бросаете женщину... Первое движеніе—вызвать на дуэль, раскроить голову, смыть кровью пятно съ чести семьи. Къ несчастью, я и тетка, мы вамъ должны, бездѣлицу правда, но должны. Стрѣляться съ кредиторомъ — убійство. Недостойно меня! Благородство души не позволяетъ. Но я вамъ долженъ сказать: я не допущу васъ переѣхать отсюда. Вы будете жить здѣсь, или я найду средство для отплаты виновнымъ! Вы человѣкъ сухой, бездушный, тряпица, поддаетесь вліяніямъ, — я найду того, подъ чьимъ вліяніемъ вы бросаете женщину! Говорите, васъ Владиміръ Михайловичъ подбиваетъ переѣхать отсюда, бросить честную, любящую женщину, бросить дѣтей?

Дядя молчалъ. Онъ пробовалъ уже нѣсколько разъ открывать ротъ для возраженій, но каждый разъ кавказецъ останавливалъ его повелительнымъ жестомъ, предписывавшимъ молчаніе. Дядя впалъ въ безнадежность.

— А, вы молчите! Угадалъ!—воскликнулъ Ярышкинъ.— Такъ знайте же: первый вашъ шагъ къ разрыву сдѣлается вами черезъ трупъ этого наглаго...

Digitized by Google

— Послушайте, однако!—не выдержалъ дядя и въ сильномъ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Ничего не хочу слушать! Говорю: вы перешагнете порогъ этого дома черезъ трупъ этого негодяя.

— Да вѣдь есть же законы!—воскликнулъ дядя.—Я попрошу полицію...

— А, такъ такъ-то вы хотите бороться съ благородными людьми!—заскрежеталъ зубами кавказецъ.—Вы хотите при помощи полиціи погубить ихъ? Но вѣдь и мы находимся подъ защитою законовъ. Мы представимъ свидѣтелей. Вы пользуетесь своими средствами. Но я, милостивый государь, найду дорогу. Старый служака, проливалъ кровь за отечество, заслуги обратятъ вниманіе на мою просьбу. Подумайте объ этомъ. Мы еще увидимся!

Кавказецъ пошелъ большими шагами къ дверямъ, взялся за ихъ ручку и вдругъ снова вернулся къ дядѣ угрожающей походкой.

— Мы еще увидимся!—проговорилъ онъ, сверкая глазами и чуть не касаясь своимъ носомъ лица дяди, и торжественно удалился изъ комнаты.

Дядя былъ встревоженъ не на шутку и боялся сказать мнѣ о случившемся, полагая, что у меня горячая кровь, что я не оставлю безъ наказанія нанесеннаго мнѣ оскорбленія. Бѣдный старикъ значительно слабѣлъ и терялъ способность ясно понимать совершающееся кругомъ него. Онъ не рѣшился въ этотъ день ѣхать со мною къ Меньшовой, уныло проходилъ весь вечеръ по своему кабинету и глубокомысленно раздумывалъ о томъ, что кавказецъ хотя и черезчуръ горячъ, но все-таки правъ, вполнѣ правъ, что онъ, капитанъ, самъ во всемъ виноватъ, завлекши честную женщину и желая теперь ее бросить, что, наконецъ, надо было раньше предвидѣть всѣ послѣдствія близкихъ отношеній къ ней. Съ грустью рѣшился онъ покориться своей участи и нести возмездіе за свои грѣхи.

Но какъ бы ни были грустны его мысли, онѣ все-таки не могли сравняться съ тѣми черными думами, которыя въ эту пору охватили меня и моихъ друзей.

Мы уже вышли изъ университета и поступили на службу, надѣясь послужить годъ, а потомъ отдаться вполнѣ той дѣятельности, планы которой окончательно созрѣли въ нашихъ головахъ... На первый разъ мы хотѣли устроить одну школу на Садовой или на Гороховой, вблизи отъ рынковъ, гдѣ очень густо бѣдное народонаселеніе мелкихъ торговцевъ и

Digitized by Google

мастеровыхъ. Если бы эта школа пошла удачно, то мы предполагали, что одинъ кто-нибудь изъ насъ отдѣлится, откроетъ такую же школу въ другой части города, гдѣ мы будемъ учить на тѣхъ же основаніяхъ дѣлежа всей прибыли, какъ и въ первой школѣ. Все шире и яснѣе становились наши планы, и, повидимому, мы могли надѣяться только на успѣхъ. Но именно эта-то надежда и начинала теперь слабѣть. Посѣщая различные кружки и преимущественно кружокъ Левина, я, какъ уже говорилось выше, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что въ обществѣ вѣетъ недобрымъ воздухомъ. Недовольство существующимъ носилось всюду, какъ зараза. Оно выражалось протестомъ и въ циническихъ неслыханныхъ оргіяхъ одной части общества, и въ казнокрадствѣ чиновниковъ, не имѣвшихъ средства существовать на свои оклады, и въ тогдашнихъ статьяхъ, и въ тогдашнихъ толкахъ о необходимости перемѣны въ общественномъ строѣ. Слухамъ и толкамъ, передававшимся тайкомъ, не было конца, и, какъ бы они ни были нелѣпы, слушатели и вѣрующіе находились всегда. Нервы были разстроены у всѣхъ, какъ передъ грозой, и страшнѣе, мучительнѣе всего было то, что трудно было угадать, откуда грянетъ и на кого обрушится гроза. Среди этого тяжелаго, давящаго состоянія начались толки о такихъ разнообразныхъ, но волнующихъ образованную часть общества, явленіяхъ, какъ паденіе Гоголя, французская революція, смерть Бѣлинскаго. По рукамъ ходили письма послѣдняго къ Гоголю и читались, комментировались съ жадностью. Среди этой петербургской паники вдругъ разнесся слухъ о какомъ-то «дѣлѣ». Слухи были самые тревожные и разнорѣчивые, большею частью преувеличенные, какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда какое-нибудь дѣло является подъ покровомъ тайны. Говорилось о множествѣ арестованныхъ лицъ. Въ числѣ ихъ называли многія извѣстныя мнѣ имена и, между прочимъ, имя Левина. Я былъ взволнованъ до крайности и съ горечью бесѣдовалъ у Меньшовой о несчастномъ дѣлѣ и его послѣдствіяхъ.

— Ну,—утѣшала она:—теперь все кажется въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ оно существуетъ въ дѣйствительности. Надо выждать время и не падать духомъ, можетъ-быть, все пойдетъ по-старому.

— Каково выжидать, и дождемся ли чего лучшаго!—замѣтилъ я.—И безъ того въ послѣднее время въ обществѣ словно сперся воздухъ, какъ-то тяжело дышалось, а что теперь будетъ?

Digitized by Google

Меньшова попробовала еще что-то сказать въ утѣшеніе, но какъ-то у нея ничего не вышло. Она нахмурилась и взволновалась.

— Эхъ, право, еще молодежь, а духомъ упали!—сказала она.—Даже на меня какой-то страхъ нагнали, точно вотъ передъ ночью о домовыхъ наговорили!

Мы всѣ молчали. Макаровъ, блѣдный и больной, полулежалъ на кушеткѣ. На немъ сильнѣе, чѣмъ на насъ, отзывалось всякое новое тревожное извѣстіе. Онъ только-что поступилъ въ университетъ, только-что началъ надѣяться стать лучшимъ человѣкомъ, только-что началъ принимать живое участіе въ нашей проектируемой школѣ, какъ вдругъ судьба снова готовилась подставить ему ногу. Опустивъ голову на грудь, онъ тяжело вздыхалъ отъ времени до времени и вздрагивалъ при малѣйшемъ шумѣ. Его нервы были раздражены окончательно. Мнѣ стало невыносимо это натянутое положеніе, я чувствовалъ необходимость выйти на свѣжій воздухъ, остаться одному, и поднялся съ мѣста.

— Куда же вы?—спросила хозяйка.

— Не сидится что-то! Домой!—отвѣчалъ я.

— Еще рано.

— Знаю, что рано, но что прикажете дѣлать, если нѣтъ силы оставаться гдѣ-нибудь долго? Знаете ли, господа, не лучше ли намъ теперь не такъ часто собираться вмѣстѣ?.. Подождемте...

— Ну, полно,—замѣтилъ Палицынъ.—Да что съ тобой? На тебѣ лица нѣтъ.

— Ага, братъ, струсилъ!—произнесъ Тишка со смѣхомъ, но его смѣхъ вышелъ какимъ-то искусственнымъ. — А еще воеводой хотѣлъ быть!

— Тутъ шутки не у мѣста, когда дѣло идетъ, можетъ-быть, о вашей нравственной жизни или смерти, — глухо и необычайно сурово промолвилъ Макаровъ.

Его глухой голосъ какъ-то странно отозвался въ моихъ ушахъ.

Мы взглянули на него: онъ уже стоялъ, опершись одною рукою о столъ, и былъ желтъ. Его худое лицо съ рѣзкими чертами осунулось болѣе обыкновеннаго, подъ глазами были какія-то темныя впадины.

— Лермонтова не стало, Гоголь свернулъ на подлую дорогу, Кольцовъ задохся подъ гнетомъ окружающей среды, [illegible]инскій умеръ,—теперь это нелѣпое дѣло,—пересчитывалъ [illegible]овымъ, удушливымъ голосомъ Макаровъ погибшихъ, и

Digitized by Google

его слова звучали, какъ поминовеніе усопшихъ на панихидѣ.

— Что съ тобой? — спросилъ я, испугавшись конвульсивныхъ движеній лица Макарова.

Но прежде чѣмъ я успѣлъ опомниться, онъ рванулъ какъ-то судорожно воротъ рубашки и, рыдая, упалъ на кушетку. Съ нимъ сдѣлался истерическій припадокъ. Мы стали хлопотать около него.

— Господа, ступайте по домамъ,—промолвила Меньшова, обращаясь къ намъ.—Я похлопочу, уложу его въ постель... Ему будетъ лучше безъ васъ...

Мы безмолвно повиновались и такъ же безмолвно вышли изъ дому.

— Пойдемте, братцы, выпьемъ съ горя, — обратился къ намъ Палицынъ, выходя изъ воротъ.—Можетъ-быть, долго не придется проводить вмѣстѣ время...

— Я не пойду,—рѣшительно отказался я отъ предложенія.—Лучше выпьемъ тогда, когда все устроимъ.

Я простился съ друзьями и пошелъ домой. У меня не выходили изъ головы рыданія Макарова. Въ этомъ случаѣ было что-то такое предзнаменовательное, пугавшее и безъ того невесело настроенную мысль. Я подходилъ къ дому и, переходя улицу, увидалъ въ нашихъ окнахъ свѣтъ.

— Неужели у дяди гости?—почти вслухъ проговорилъ я и удивился, такъ какъ у дяди никогда не бывало гостей въ эту пору. У воротъ стояла карета.

Взбираясь по темной лѣстницѣ, я наткнулся на кого-то впотьмахъ и, вздрогнувъ, спросилъ:

— Кто тутъ?

— Проходите, проходите, не ваше дѣло!—отвѣчалъ мнѣ грубый голосъ.

Я позвонилъ, но дверь передо мною отворилась какъ бы сама собою: передъ моими глазами мелькнули мундиры... У меня шелъ обыскъ...

Черезъ полчаса дядя дрожащею рукою крестилъ меня. Мы молча обнялись и разстались. Я сходилъ съ лѣстницы въ сопровожденіи полиціи. Дядя стоялъ на верхней площадкѣ и свѣтилъ намъ. Все было какъ-то могильно тихо. Вдругъ среди этой тишины звонко надтреснутымъ звукомъ прозвенѣлъ упавшій изъ рукъ дяди легкій подсвѣчникъ, свѣча вспыхнула еще разъ, какъ молнія, блеснула во мракѣ и погасла,—мы очутились въ непроглядной тьмѣ, среди которой слышались наверху старческія, сдерживаемыя рыданія.

Digitized by Google

Меньшов
но какъ-то
взволновал
— Эхъ
она.—Да
передъ н
Мы в
лежалъ
валось
поступ
стать
живое
судьба
голов
мени
разд
нуто
свѣ
—
—
—
—
си
лу
II
II
н
в

Digitized by Google

ни нужны ему! Дѣловые люди были завалены дѣломъ, отличался неумѣньемъ ясно поставить вопросъ. ва не забыла о старикѣ и два раза заходила къ о не застала его дома. Матрена Марковна встрѣтила бо, объявила ей, что къ ея жильцу «мамзели» не хочто она съ тѣмъ и впускаетъ жильца, чтобы онъ мамне принималъ.

рья Васильевна пропустила все это мимо ушей, но ла, что дядѣ не скажутъ о ея визитахъ. Писать къ она боялась, зная, что Матрена Марковна можетъ перепить письмо. Марья Васильевна съ настойчивостью ины рѣшилась продежурить у дома дяди и подстеречь Попытка удалась.

Что это вы, капитанъ, запропали? — упрекнула она останавливая его на улицѣ.—Я искала, искала васъ ва нашла.

дя махнулъ рукой.

Я радъ бы теперь, сударыня, въ могилѣ лежать, чтобы искали меня!—проговорилъ онъ съ горечью.—Вотъ-съ -то я по цѣлымъ днямъ бѣгаю, бѣгаю, и вездѣ отказъ, Ь не могутъ принять. Все завтра, да завтра велятъ ти. Я старъ, я служилъ вѣрой и правдой — и ни къ мъ, ни къ службѣ нѣтъ уваженія. Гдѣ же законы? гдѣ жо аведливость?

— Ну, полноте, капитанъ! —пожала руку дяди Меньшова, давъ на его старческихъ глазахъ слезы.—У всѣхъ хлоть и безъ насъ довольно. Пойдемте ко мнѣ. Что-нибудь идумаемъ вмѣстѣ.

Онъ согласился. Долго толковали они обо мнѣ, выдумали планы дѣйствія, и, наконецъ, Меньшову осѣнила отличная мысль.

— Вы были у Бубнова?—спросила она.

— Какого я чорта тамъ забылъ?—вспылилъ дядя и даже выразился неприличнымъ образомъ о Григорьѣ Даниловичѣ.

— Не чорта забыли, а идти надо, — улыбнулась Меньшова. — Онъ и практиченъ, и значеніе имѣетъ въ свѣтѣ. Переломите себя, или, если хотите, я пойду къ нему...

— Гм! зачѣмъ же?.. Я, пожалуй, съѣзжу самъ, но, право, изъ этого ничего не выйдетъ...

— Ну, да ужъ попробуйте!

Дядя поѣхалъ.

— Какъ о васъ доложить прикажете? — спросилъ дядю развязный петербургскій лакей Бубнова.

Digitized by Google

— Вотъ какъ нынче, безъ доклада не принимаютъ!—съ ироніей пробормоталъ дядя и сказалъ свою фамилію.

Черезъ минуту передъ нимъ распахнулись двери.

— Капитанъ, мое почтеніе! Давно мы не видались!—произнесъ Бубновъ и, пригласивъ дядю сѣсть, тотчасъ же спросилъ:—Скажите, что съ Владиміромъ?

— Не знаю, его взяли,—отвѣчалъ дядя.

— А-а! — протянулъ Бубновъ. — Такъ вотъ почему онъ давно не былъ у меня!.. Скажите, онъ серьезно замѣшанъ?

— Помилуйте, онъ ни въ чемъ не виноватъ!

— Ну, не то, что ни въ чемъ не виноватъ, а, вѣроятно, немного. Даромъ никого не возьмутъ. Мы, капитанъ, всѣ виноваты, виноваты даже тѣмъ, что такъ легко относимся ко всему этому дѣлу и думаемъ, что у насъ можно взять и посадить невиннаго. Впрочемъ, не въ томъ дѣло. Вы, вѣроятно, пріѣхали сообщить мнѣ объ этомъ?...

— Да... я... я... хотѣлъ хлопотать, но...

Дядя замялся.

— Ну да, ну да, васъ, конечно, не приняли,—перебилъ его Бубновъ.—Гдѣ же дѣловымъ людямъ возиться съ просителями!.. Я сегодня буду въ клубѣ, такъ поговорю. Надо, надо немного образумить эту молодежь. Шутка ли, что задумали! Въ Парижѣ революція, а они взволятъ здѣсь чортъ знаетъ что толковать. Да, да, духъ этотъ надо истребить, тонъ понизить. Въ провинцію ихъ, въ деревню, въ глушь ихъ надо. Пусть посмотрятъ на наше общество, поймутъ, можетъ ли оно требовать чего-нибудь... Ахъ, Владиміръ, Владиміръ, какъ это онъ скверно прорвался! А еще недавно толковалъ о поѣздкѣ въ деревню. Ну, вотъ теперь и поѣдетъ... Такъ я устрою все, поговорю.

— Похлопочите, пожалуйста,—промолвилъ дядя.

— Чего тутъ хлопотать? Увижусь и поговорю,—отвѣтилъ небрежно Бубновъ и всталъ.

Дядя тоже всталъ, но медлилъ уходомъ.

— Я попрошу васъ,—началъ онъ черезъ силу.—Я попрошу... Успокойте меня... Дайте знать, если будутъ какія извѣстія.

Дядя былъ жалокъ, обращаясь съ просьбой къ своему врагу.

— А, да! Вашъ адресъ?—надменно спросилъ Бубновъ.

Дядя далъ свой адресъ. Онъ не узналъ Бубнова. Это былъ развязный и важный баринъ, говорившій небрежно и внушительно, смотрѣвшій легко на страшныя для дяди вещи

Digitized by Google

и лица, не считавшій нужнымъ «хлопотать» и считавшій вполнѣ достаточнымъ «поговорить», чтобы дѣло сдѣлалось по его желанію. Дядя никогда не умѣлъ отличить напускной важности отъ настоящей.

Дядя возвратился къ Марьѣ Васильевнѣ и разсказалъ ей сущность переговоровъ.

— Ну, слава Богу, теперь все пойдетъ отлично,—успокоила она старика.

— Я далъ вашъ адресъ, и потому вы мнѣ ужъ позвольте бывать у васъ ежедневно,—сказалъ дядя.

— Сдѣлайте одолженіе! Я буду рада и за васъ, и за себя. Мнѣ тяжело теперь одной, безъ молодежи. Макаровъ все сидитъ у себя, не говоритъ почти ни съ кѣмъ. Вы и его развлечете извѣстіями о Владимірѣ Михайловичѣ.

Дядя сталъ ходить къ Меньшовой и проводить у нея цѣлые дни. Дня черезъ четыре получилось отъ Бубнова письмо. «Я говорилъ о Владимірѣ,—писалъ мой отчимъ.—Какъ я предполагалъ, такъ оно и есть. Онъ велъ себя неосторожно, видѣлся два раза съ однимъ изъ главныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣло, и даже говорилъ съ нимъ. Съ другимъ изъ подсудимыхъ онъ стоялъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ, хотя и не зналъ, повидимому, о дѣлѣ. Есть надежда, что мнѣ удастся помочь ему, насколько я имѣю право помогать человѣку, во всякомъ случаѣ виновному и достойному порицанія. Что будетъ—сообщу».

Это письмо читалось и перечитывалось, разбиралось и комментировалось въ квартирѣ Марьи Васильевны до тѣхъ поръ, пока бумажка не пришла въ ветхость. Тогда дядя спряталъ письмо и перечитывалъ его только въ одиночествѣ. Часто теперь, глядя на это письмо, я думаю: сколько тревогъ, сколько вздоховъ, сколько надеждъ и сомнѣній пережилъ каждый изъ этихъ любящихъ людей, покуда они могли еще разбирать строки этого лоскутка бумаги, этой первой масличной вѣтки, занесенной къ обитателямъ погибающаго корабля. Вслѣдъ за этимъ письмомъ пришло второе, потомъ третье, все въ томъ же духѣ, и, наконецъ, Бубновъ написалъ дядѣ: «Владиміръ будетъ освобожденъ, но его переведутъ на службу въ провинцію». Черезъ три или четыре дня послѣ полученія дядею этого письма, я обнималъ дядю, Леева, Марью Васильевну, Наташу, Макарова, горничную Меньшовой, Аннушку... Я готовъ былъ обнять каждаго дворника, каждаго лавочника. Всѣ были рады за меня, и только Макаровъ, пожавъ мнѣ руку и по-

Digitized by Google

цѣловавъ меня, оставался попрежнему унылъ и мраченъ. Онъ былъ похожъ на мертвеца. О Шепелевѣ и Палицынѣ не было ни слуху, ни духу. Я былъ у Бубнова, чтобы поблагодарить его. Онъ принялъ меня радушно и даже сшутилъ:

— Не благодарите меня, я сдѣлалъ дѣло въ надеждѣ взять потомъ взятку въ пользу Мишеля.

Я разсмѣялся, но шутка показалась мнѣ слишкомъ похожею на правду. Я даже подозрѣвалъ, что Бубновъ въ сущности ничего не сдѣлалъ, и не могъ сдѣлать, и что все совершилось своимъ законнымъ порядкомъ.

Я торопился уѣхать изъ Петербурга или, лучше сказать, торопился не я, но меня торопили. До моего отъѣзда освободили Палицына и Шепелева. Они были совершенно оправданы, и я удивился, узнавъ, что и они уѣзжаютъ изъ Петербурга. Оказалось, что къ Палицыну прискакалъ его добрякъ-отецъ и со слезами уговорилъ сына ѣхать въ деревню, объясняя, что его мать умретъ, если онъ останется еще хоть на мѣсяцъ въ этомъ омутѣ. Родитель Шепелева не пріѣхалъ, но написалъ ему лаконическое письмо такого содержанія: «Анатолій, если ты тотчасъ же не пріѣдешь сюда, гдѣ для тебя приготовлено мѣсто у губернатора, то я велю тебя привести по этапу. Твой отецъ Василій Шепелевъ». Результатъ совершенно различныхъ дѣйствій двухъ отцовъ былъ одинъ и тотъ же: Палицынъ испугался возможности убить свою чувствительную и нѣжную мать неповиновеніемъ, Шепелевъ побоялся путешествія по этапу, и оба согласились ѣхать въ провинцію. Дядя непремѣнно хотѣлъ ѣхать со мною, но я зналъ, каково будетъ ему жить въ глуши, гдѣ, пожалуй, не найдешь ни хорошаго доктора, ни хорошей сидѣлки, въ случаѣ его болѣзни. Онъ былъ старъ, ему нуженъ былъ покой. Я просилъ его повременить, подождать, покуда я устроюсь на мѣстѣ.

— Что же я буду дѣлать? — говорилъ онъ покорнымъ, почти дѣтскимъ тономъ.—Матренѣ Марковнѣ я никогда не прощу того, что она отказала Марьѣ Васильевнѣ... Я ее теперь просто боюсь... Она удушитъ меня. Ей-Богу, удушитъ... И знаешь ли, Володя, что я подозрѣваю?

Я недоумѣвалъ.

— Я думаю, что во всемъ этомъ дѣлѣ козни кавказца!

— Гдѣ, дядя?

— А вотъ, что тебя и всѣхъ нашихъ взяли,—таинственно

Digitized by Google

говорилъ дядя. — Я тебѣ не хотѣлъ говорить, но у насъ было крупное объясненіе съ нимъ, и я имѣлъ неосторожность пугнуть его полиціей. Конечно, я тутъ былъ кругомъ виноватъ. Онъ благородно объяснялся со мною, а я полиціей его пугнулъ. Услыхавъ это, онъ сказалъ: «А если такъ, то я найду защиту». А черезъ нѣсколько дней тебя и взяли...

Я улыбнулся и промолчалъ. Болѣе, чѣмъ когда-нибудь, я чувствовалъ необходимость хорошаго ухода за дядей. Старикъ, опускавшійся все ниже и ниже, теперь попатнулся окончательно и быстро шелъ къ тому полудѣтскому состоянію, къ которому такъ часто возвращаются люди подъ старость. Мнѣ было и грустно, и тяжело.

Вечеромъ передъ моимъ отъѣздомъ мы собрались къ Марьѣ Васильевнѣ. Я сообщилъ ей мои тревоги. Она задумалась.

— Не согласится ли онъ переѣхать ко мнѣ? — сказала она.—Лишняя комната у меня есть, теперь гостей принимать не буду... Уходъ за нимъ тоже будетъ.

— Я не знаю, какъ васъ благодарить!

— Э, Боже мой, не въ благодарности дѣло, а въ согласіи вашего дяди.

— Конечно, онъ согласится!.. Дядя, — обратился я къ старику.

Меньшова встала и вышла, чтобы не мѣшать дядѣ свободно выразить свое мнѣніе.

— Тебѣ Марья Васильевна предлагаетъ переѣхать къ ней,—сказалъ я.

— Какъ, голубчикъ, что ты?! Ахъ, она добрая, добрая,— взволновался дядя.—Въ маленькій раекъ... Мнѣ, старику... Господи, въ царство небесное прежде смерти попаду!

— Такъ ты согласенъ?

— Еще бы, еще бы,—заговорилъ дядя, и вдругъ снова его лицо приняло тоскливое и робкое выраженіе.—А какъ же Матрена Марковна? Она... кавказецъ, главное... не пустятъ они меня... Преслѣдовать начнутъ... Вѣдь онъ на все рѣшится... Ей-Богу, на все... Онъ снова въ полицію пойдетъ... Онъ тебя убьетъ... черезъ твой трупъ пройду...— бормоталъ дядя.

Опять у меня сжалось сердце. Я не зналъ, что дѣлать. Въ это время воротилась въ комнату Марья Васильевна. Она, кажется, удивилась, увидавъ наши печальныя лица, и вопросительно взглянула на меня. Я понялъ ее.

Digitized by Google

— Дядя очень радъ переѣхать къ вамъ, — сказалъ я: — и считаетъ это просто благодѣяніемъ съ вашей стороны. Но нѣкоторыя обстоятельства пугаютъ его. У него, знаете, въ теченіе долгихъ лѣтъ явились кое-какія обязательства, чисто призрачныя, впрочемъ, привязывающія его къ той семьѣ, гдѣ онъ живетъ. Она считаетъ въ правѣ преслѣдовать его, и онъ боится, что эти люди надѣлаютъ вамъ непріятныхъ сценъ...

— О, это ничего!—отвѣчала Меньшова.

— Сударыня, вы ангелъ, чистый ангелъ! — воскликнулъ дядя, цѣлуя руку Марьи Васильевны. — Но вы не знаете этихъ людей... Они и меня, и васъ погубятъ...

Я тихо, со вздохомъ покачалъ головой. Марья Васильевна потерла свой лобъ, какъ бы придумывая что-то.

— Послушайте,—сказала она черезъ минуту.—Это можно устроить.

Дядя насторожилъ уши.

— Вы выпишитесь за городъ и поѣзжайте завтра вмѣстѣ съ Владиміромъ Михайловичемъ,—начала она.—У заставы мы васъ пересадимъ въ карету и привеземъ сюда. Конечно, надо будетъ пожертвовать имъ мебелью, чтобы они вполнѣ повѣрили вашему отъѣзду въ провинцію...

Дядя ожилъ, какъ ребенокъ.

— Отлично, отлично!—заговорилъ онъ. — За городъ выпишусь и потомъ къ вамъ переѣду. Тогда не отыщутъ меня. Вѣдь я выхожу рѣдко, не встрѣчусь съ ними.

Я поблагодарилъ Меньшову. Дядя началъ болтать и снова былъ и разсудителенъ, и интересенъ въ своихъ рѣчахъ. Наташа бѣгала около него и называла его «дѣдушкой». Старикъ былъ радъ, ему казалось, что это была дѣйствительно его внучка. У меня отлегло отъ сердца, теперь я могъ уѣхать спокойно, не волнуясь, по крайней мѣрѣ, за дядю.

— Ну, братъ, вотъ я и у берега. Вынесъ послѣднее крушеніе и спасся,—говорилъ онъ.

— Да, дядя, ты закаленный морякъ, а мы неопытные юнги, — улыбнулся я, обнимая его. — Куда прибьетъ насъ волнами, Богъ знаетъ! Теперь опять все вверхъ дномъ перевернулось. Опять новую жизнь приходится начинать. Точно муравей натаскиваешь, натаскиваешь прутиковъ, соломинокъ со своими собратьями, и вдругъ судьба, какъ [illegible]й прохожій, дотронется своей палкой до строящейся [illegible]азворотитъ муравейникъ — и все разрушено. Кто

Digitized by Google

придавленъ, кто оторванъ отъ семьи, у кого домъ разоренъ. А сколько усилій стоило собраться въ кучу, начать дружно работать, отыскать дорожки къ цѣли; сколько надеждъ соединялось съ каждой ничтожной соломинкой, съ каждымъ шагомъ на вершину едва замѣтнаго для постороннихъ пригорка! И опять всѣ идемъ въ разбродъ, и опять выносимъ сознаніе, что здѣсь нельзя намъ строиться такъ, какъ мы хотѣли.

Я былъ тяжело, тоскливо настроенъ. Не веселы были и другіе. Не смѣялся даже Леевъ, а если и смѣялся, то въ его смѣхѣ впервые начала звучать какая-то злая, ироническая нотка. Шепелевъ былъ мрачнѣе всѣхъ, онъ, по обыкновенію, молчалъ, но на его лицѣ было написано глубокое страданіе. Несчастный математикъ никакъ не могъ переварить мысли, что ему будетъ нужно тереться въ губернской канцеляріи и переписывать бумаги. Одинъ Макаровъ былъ не грустенъ, но какъ-то нервно раздражителенъ, озлобленъ.

— Обживетесь въ деревняхъ! — говорилъ онъ. — Женитесь,—вотъ вамъ и муравейникъ, прочный муравейникъ; пока не умрете отъ несваренія въ желудкѣ вы или ваши супружницы, никакія силы не разорятъ этого муравейника. Если сами хотите его разорить, такъ и тогда не удастся его уничтожить.

Я ѣхалъ отдыхать. Отдыхать? отъ чего, что было сдѣлано? Ничего. Были только надежды, подготовленія къ работѣ, не было даже вполнѣ найденнаго пути, а между тѣмъ уже приходилось отдыхать послѣ этой передряги, приходилось строить новые планы.

VIII.

Въ захолустьѣ.

...Большіе села, города, цивилизованный міръ остались гдѣ-то въ сторонѣ, сзади, сбоку. Меня окружалъ со всѣхъ сторонъ высокій, невозмутимо-спокойный лѣсъ, съ наваленными внизу сучьями, прутьями, листьями, съ засохшими деревьями, спутавшимися вѣтвями съ здоровыми деревьями. Здѣсь ель, должно-быть подрубленная по ошибкѣ или сломанная бурею, пошатнулась на бокъ и придавила нѣсколько деревъ, охвативъ одно изъ нихъ своими повисшими вѣтвями; она походила на мертвеца съ опущенными руками, упавшаго на живого человѣка, подавшагося туловищемъ назадъ, подъ тяжестью мертваго тѣла, а сквозь ея опущен-

Digitized by Google

ныя вѣтви пробивались зеленые побѣги, какъ живыя руки, поднимавшіяся съ мольбой къ небу. Тамъ виднѣлась цѣлая семья необычайно тонкихъ березъ, съ длинными, кудрявыми вѣтвями; двѣ изъ березъ вытянулись до того, что согнулись дугою подъ тяжестью вѣтвей и словно кланялись одна другой, образуя импровизованную арку. Внизу мохъ, съ пробившеюся сквозь него лакированною грубою зеленью брусники и жиденькими, блѣдными вытянувшимися стеблями черники и голубицы. Дальше топорщились кусты папоротника. Кое-гдѣ мелькали большіе красные цвѣты, но, подъѣзжая ближе, я увидалъ, что это не цвѣты, а испещренныя бѣлыми крапинками неуклюжія головы мухоморовъ. Въ воздухѣ вѣяло сыростью и свѣжестью, несмотря на жаръ, допекавшій насъ еще такъ недавно, когда мы ѣхали полемъ. Мы ѣхали-ѣхали этимъ безконечнымъ лѣсомъ, и вдругъ неожиданно передъ нами открылся небольшой лугъ, за нимъ садъ и барскій домъ съ деревней въ сторонѣ... Я въѣзжалъ въ свою деревню. Надолго ли?—я этого еще не зналъ, такъ же не зналъ, какъ не зналъ прежде и того, что мнѣ удастся попасть хоть, по крайней мѣрѣ, въ свою деревню черезъ четыре года послѣ выѣзда изъ Петербурга. Да, уже четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ въ провинцію. Я могъ бы, повидимому, написать множество главъ объ этихъ четырехъ годахъ,—но всѣ эти главы мнѣ пришлось бы озаглавить тремя словами: «одиночество, бездѣйствіе и скука». Именно это впечатлѣніе производитъ мой толстый дневникъ, веденный мною въ провинціи. Перечитывая его, я удивляюсь, какъ я могъ пережить эту пору. Эти четыре года были такъ же похожи другъ на друга, какъ былъ похожъ каждый ихъ день на всѣ предъидущіе и на всѣ послѣдующіе дни моего пребыванія въ губернскомъ городѣ. Всѣ жители этого небольшого города, заброшеннаго на сѣверъ, смотрѣли на меня косо, да и я самъ смотрѣлъ не болѣе привѣтливо на нихъ, не имѣя съ ними ничего общаго и зная, что они—одни по обязанности, другіе изъ любознательности — слѣдятъ за каждымъ моимъ шагомъ, за каждымъ моимъ словомъ, ищутъ только пятенъ въ моей жизни. Мнѣ нужно было быть тише воды, ниже травы, мнѣ нужно было бездѣйствовать и не выражать своихъ мнѣній, мнѣ нужно было молчаливо переписывать офиціальныя бумаги и вѣжливо пожимать руки тѣмъ, кого я не пустилъ бы на порогъ къ себѣ, при другихъ обстоятельствахъ. Только этою цѣною я могъ купить свое возвра-

Digitized by Google

щеніе туда, куда такъ сильно манили меня мои мечты и планы. Но жить одному, бесѣдовать только съ книгой, писать неоткровенныя письма, получать недоговоренныя, неполныя извѣстія отъ друзей—это невыносимо. Мнѣ нужно было найти хоть одну живую душу, чтобы спастись отъ ужаса одиночества. Сначала я намѣревался учить дѣтей, но это оказалось невозможнымъ, несмотря на всѣ мои старанія. Только случай помогъ мнѣ найти одного ученика. Съ первыхъ же дней своего пріѣзда въ городъ я поселился у одной бѣдной вдовы мелкаго чиновника, Никифоровой. Она перебивалась кое-какъ, получая небольшую пенсію и отдавая въ наймы свой домикъ, состоявшій изъ трехъ комнатъ. Эти доходы были такъ не велики, что ей было трудно прокормить себя, свою старую мать и своего тринадцатилѣтняго племянника Гришу. Этотъ мальчикъ держался теткою въ черномъ тѣлѣ, терпѣлъ не мало упрековъ и непріятностей отъ сварливыхъ родственницъ, и тотчасъ же послѣ моего переселенія въ домъ Никифоровой явился къ моимъ услугамъ для уборки въ комнатахъ, для исполненія мелкихъ порученій. Это былъ смышленый, худенькій и высокій мальчуганъ. Несмотря на провинціальную дикость и неловкость, несмотря на забитость, въ немъ хранились слѣды какой-то мягкости и нѣжности, слѣды, такъ часто встрѣчающіеся въ бѣдныхъ дѣтяхъ, жившихъ когда-то въ холѣ и довольствѣ и потомъ попавшихъ въ нищенскій уголъ, подъ гнетъ озлобленныхъ нуждою ближнихъ. Мнѣ стало жаль его, и я поспѣшилъ объявить его теткѣ, что я найму себѣ слугу, чтобы избавить Гришу отъ роли моего лакейчика. Никифорова замѣтила мнѣ, что съ ея племянникомъ нечего церемониться, что онъ «не великъ баринъ», но, тѣмъ не менѣе, не отказалась отъ моего предложенія, когда я сказалъ, что я буду содержать мальчугана на свой счетъ. Возможность избавиться отъ лишняго рта соблазнитъ хоть кого. Поговоривъ съ Гришей, я увидалъ, что онъ хотѣлъ бы учиться, и предложилъ ему свои услуги въ качествѣ учителя. Такъ какъ ему приходилось жаться со своею теткою и бабкою въ маленькой каморкѣ и въ кухнѣ, то я предложилъ ему переселиться въ мой кабинетъ. Я не зналъ, что̀ можетъ выйти и выйдетъ ли вообще что-нибудь доброе изъ мальчугана, но мнѣ хотѣлось, какъ я сказалъ, имѣть около себя хотя одно живое существо. Мальчику казалось, что я дѣлаю ему неслыханное благодѣяніе, и онъ скоро привязался ко мнѣ, сначала

Digitized by Google

какъ къ доброму барину, потомъ—какъ къ другу. Онъ не понималъ, что, уча его, няньчась съ нимъ, я въ сущности спасалъ себя отъ того убійственнаго одиночества, которое окончательно могло свести меня съ ума, довести до апатіи, до примиренія съ той средой, куда я попалъ, или до пьянства. Почти годъ продолжались между мною и Гришей натянутыя, неровныя отношенія, почти годъ онъ церемонился со мною, и эти церемоніи доходили иногда до смѣшного: такъ, напримѣръ, онъ никогда не рѣшался лечь спать раньше меня и, несмотря на одолѣвавшую его дремоту, выжидалъ, когда лягу я,—но, наконецъ, мнѣ удалось поставить его къ себѣ въ тѣ дружескія и искреннія отношенія, которымъ не суждено было прерываться никогда. Мальчикъ съ жадностью схватился за науку, и чѣмъ шире развертывалась передъ нимъ область знанія, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ему научиться всему. Въ концѣ второго года моего пребыванія въ домѣ Никифоровой мнѣ пришлось пригласить двухъ учителей для занятія съ Гришею. Эти господа познакомились со мною въ городской библіотекѣ и нерѣдко проводили вечера въ моей квартирѣ. Губернская аристократія относилась къ нимъ съ пренебреженіемъ, какъ къ пролетаріямъ; они, бывшіе когда-то студентами, довольно развитые, платили губернской аристократіи тою же монетою, сознавая всю ея умственную ничтожность, всю ея нравственную несостоятельность. Они были рады моему знакомству. Мы сошлись довольно близко, и нашъ маленькій кружокъ наслаждался тою немного грустною, немного однообразною, но все-таки, не лишенною прелести, мирною и безмятежною жизнью, какую можно устроить только въ провинціи, замкнувшись въ своемъ домѣ съ нѣсколькими близкими людьми и отшатнувшись отъ всего остального, враждующаго между собою люда. Иногда мы проводили вечера за чтеніемъ, подчасъ дѣлились газетными и литературными новостями и своими личными радостями и печалями, порой насъ радовала возможность выместить свои неудачи хотя злословіемъ и передачей грязныхъ слуховъ про ненавистныхъ намъ людей, нерѣдко мы просто наслаждались затишьемъ, лѣниво перекидываясь незначительными фразами; часто, въ лѣтнее время, мы устраивали parties de plaisir, занимались уженьемъ рыбы, катаньемъ по рѣкѣ, посѣщеніемъ ближайшихъ деревень. Но всегда и во всемъ, смотря на насъ, можно было безошибочно угадать, что мы только хотимъ кое-какъ убить переходное

Digitized by Google

время, что мы нетерпѣливо ждемъ какой-то другой поры, другой жизни, что если бы у насъ не было надеждъ на эту жизнь, то мы или покончили бы съ собою, или запили бы съ горя. Съ тоской вспоминаю я теперь объ этихъ бѣднякахъ. Я зналъ, что имъ не удастся дождаться иной жизни. И какая же иная жизнь можетъ начаться для бѣднаго учителя, заброшеннаго въ провинціи? Притѣсненія и нужда, одиночество и скука—вотъ все, чѣмъ богато его существованіе! Эта жизнь оставила неизгладимыя черты въ моемъ характерѣ. Въ немъ и прежде было много того, что называлось въ наше время «елейностью». Теперь эта сторона моего характера развилась еще болѣе. Я все яснѣе и яснѣе сознавалъ, что передо мною стоятъ не злые и не порочные, но глупые и невѣжественные, и, прежде всего, больные люди, требующіе не наказаній, не злобы, но исцѣленія и любви. Я пересталъ раздражаться на свою долю, но старался приноровиться и къ ней, извлечь какъ можно болѣе счастья и изъ нея. Я началъ хладнокровнѣе смотрѣть на всѣ невзгоды и на вражду людей. Мнѣ казалось, что невзгоды должны пройти и смѣниться счастьемъ, а потому надо терпѣливо переносить ихъ, чтобы счастье не застало меня ослабѣвшимъ отъ невзгодъ или убитымъ ими. Если же невзгоды и не пройдутъ, думалось мнѣ, а смѣнятся еще большими несчастіями, то и въ этомъ случаѣ нужно переносить хладнокровнѣе настоящее горе, чтобы не погубить своихъ силъ, необходимыхъ для борьбы съ болѣе грозными ужасами будущаго. Всѣ враждебныя выходки людей, всѣ грязныя сплетни перестали задѣвать меня за живое, и я твердо вѣрилъ, что сегодняшніе враги придутъ завтра ко мнѣ же за помощью, за совѣтомъ или просто будутъ краснѣть передо мной, видя, что я не отвѣчаю на ихъ мелкія злобныя клеветы и иду твердо и спокойно своимъ прямымъ путемъ. И какъ счастливъ былъ я въ эти четыре года, зная, что послѣ мелкихъ дрязгъ на службѣ, послѣ скверныхъ встрѣчъ съ моими сослуживцами, я могу отдохнуть дома и забыть все подъ дружескія рѣчи развивавшагося подъ моимъ вліяніемъ мальчика. Какъ заботливо, съ любовью отца, слѣдилъ я за его успѣхами въ лучшую пору его развитія! Никогда въ моей жизни еще не встрѣчалось болѣе чистыхъ и болѣе теплыхъ отношеній, чѣмъ мои отношенія къ Гришѣ. Онъ принадлежалъ къ тому сорту неиспорченныхъ, мягкихъ, человѣчныхъ натуръ, которыя у насъ называются «прямыми душами». Чужое горе—было

Digitized by Google

его горе, чужая радость—была его радость. Онъ со слезами разсказывалъ о чужихъ несчастіяхъ, онъ спѣшилъ первый передать вѣсть о чужой радости; иногда онъ даже досадовалъ и печалился, если ему не удавалось сдѣлаться первымъ вѣстникомъ чужого счастія, точно это обстоятельство должно было доказать недостатокъ его симпатіи къ ближнимъ. Въ четыре года мы привыкли радоваться однѣми радостями, тосковать одною тоскою. Помню я, какъ радостно бѣжалъ онъ ко мнѣ, когда я возвращался изъ канцеляріи губернатора, и кричалъ мнѣ:

— Письма пришли изъ Петербурга, Владиміръ Михайловичъ! И дядюшка, и Марья Васильевна, и Макаровъ, и Лесвъ пишутъ.

Онъ зналъ ихъ всѣхъ, зналъ ихъ почерки. Мы садились вмѣстѣ послѣ обѣда и читали эти письма вслухъ, точно ихъ писали не мнѣ одному, а и ему. Да и точно: ихъ писали и къ нему: его уже любили мои друзья. Ярко возстаетъ въ моей памяти одинъ день,—это было черезъ четыре года послѣ моего пріѣзда въ провинцію,—когда я получилъ письмо отъ дяди, гдѣ старикъ писалъ мнѣ: «Да благословитъ Богъ твоего добраго друга Гришу за то, что онъ хранитъ твою жизнь. Это, Володюшка, ангелъ-хранитель, посланный тебѣ Богомъ. Всегда я говорилъ тебѣ, что никакая людская злоба не погубитъ насъ, если мы правы передъ Всевышнимъ. Люди могутъ запереть насъ въ темницу, могутъ приставить къ намъ стражу, могутъ отнять у насъ все дорогое нашему сердцу, а Онъ пошлетъ намъ Своего ангела, и тотъ раздѣлитъ наше одиночество. Только мы сами своими дурными дѣлами и своею злобою можемъ лишить себя этого счастія. Береги же своего друга и не лишай себя счастія. Будь для него тѣмъ, чѣмъ я былъ для тебя». Когда я читалъ это мѣсто, я услыхалъ, что Гриша плачетъ; я обернулся къ нему, онъ горячо меня обнялъ и поднесъ мою руку къ своимъ губамъ. Я не отнималъ руки, я не говорилъ ему, что не слѣдуетъ цѣловать моихъ рукъ; въ этомъ поцѣлуѣ не было слѣдовъ холопскихъ отношеній слуги къ барину, это было простое выраженіе той горячей, безпредѣльной любви, которая связывала насъ. Я зналъ, что, можетъ-быть, будетъ минута, когда и я невольно поцѣлую его руку, какъ цѣловалъ я иногда руку моего дяди. Оставивъ письма, не дочитывая ихъ, мы сидѣли, обнявъ другъ друга, и бесѣдовали о будущемъ. Какой широкій міръ открывался передъ Гришей, какъ онъ надѣялся поступить въ академію, сдѣлаться по-

Digitized by Google

лезнымъ дѣятелемъ, идти рука объ руку со мной! Какъ увлекали меня его юныя мечты, и снова мнѣ казалось, что я и силенъ, и твердъ, и что по мнѣ не проѣхало тяжелое колесо всесокрушающихъ обстоятельствъ.

— Владиміръ Михайловичъ,—очнулся Гриша отъ своихъ мечтаній:—тутъ вѣдь есть еще письмо отъ Бубнова.

— Ну, прочтемъ,—сказалъ я.—Что-то онъ пишетъ?

«Вамъ позволено переѣхать въ свою деревню»,—писалось въ первой строчкѣ письма...

— Не читайте, не читайте дальше!—крикнулъ Гриша, вырывая у меня изъ рукъ письмо.—Дальше пойдутъ наставленія. Чортъ съ ними!

Онъ бѣгалъ по комнатѣ, онъ прыгалъ, какъ ребенокъ, онъ обнималъ меня.

— Въ Петербургъ, въ Петербургъ мы ѣдемъ!—кричалъ онъ.—Деревня только станція! Сегодня у насъ праздникъ,—говорилъ онъ и начиналъ зажигать свѣчи.—Иллюминацію! иллюминацію! Пусть всѣ черти знаютъ, что у насъ праздникъ!

Я смѣялся его юношеской выходкѣ и послалъ пригласить къ себѣ нашихъ знакомыхъ учителей гимназіи. Мы достали нѣсколько бутылокъ краснаго вина и устроили импровизированный пиръ. Мои пріятели радовались объявленной мною новости, хотя и говорили, что они привыкли ко мнѣ и не радуются за себя.

— Ну, Гриша, чокнемся за исполненіе твоихъ мечтаній объ академіи и о моей свободѣ,—промолвилъ я, наливая стаканы.—Да выпьемъ кстати на *ты*.

Гриша чокнулся со мною.

— Ура! за свободу!—крикнулъ онъ и, съ комическою таинственностью, подмигнувъ мнѣ, прошепталъ гостямъ:—пусть будочники слушаютъ!

Я засмѣялся самымъ искреннимъ смѣхомъ надъ этой выходкой. Я былъ взволнованъ и счастливъ; мнѣ казалось, что дѣйствительно деревня будетъ для меня только одною изъ станцій. Вечеръ пролетѣлъ быстро, и когда пришлось расходиться гостямъ, то мы увидали, что одинъ изъ гостей долженъ былъ непремѣнно остаться у насъ ночевать, такъ какъ онъ уже спалъ самымъ крѣпчайшимъ сномъ праведника, свернувшись на диванѣ въ клубокъ.

Черезъ нѣсколько дней я уѣзжалъ изъ губернскаго города въ свою деревню. Гриша оставался на время въ городѣ и долженъ былъ пріѣхалъ ко мнѣ на лѣто въ деревню, когда я дамъ ему знать, что я устроился въ своемъ новомъ гнѣздѣ.

Digitized by Google

И вотъ я подъѣзжалъ къ этому гнѣзду. Я сталъ всматриваться въ нашъ деревенскій домъ: это было мѣсто, гдѣ мнѣ приходилось прожить, можетъ-быть, долгіе годы. Домъ походилъ на какую-то груду всевозможныхъ архитектуръ, на какой-то памятникъ капризовъ и прихотей нѣсколькихъ поколѣній, нѣсколькихъ владѣльцевъ. Проѣхавъ по заросшему травой двору къ подъѣзду и выскочивъ изъ повозки, я услыхалъ такіе звуки, какъ будто кто-то чихалъ въ платокъ, и въ то же время у моихъ ногъ завертѣлось что-то живое.

— Ишь, старая, туда же «ахаетъ» и кусаться лѣзетъ,— засмѣялся ямщикъ и указалъ кнутовищемъ на старую вахластую собаку, вознившуюся у моихъ ногъ.

Она, повидимому, хотѣла полаять и укусить меня, но у нея, вслѣдствіе ея преклонныхъ и почтенныхъ лѣтъ, не выходило ни того, ни другого.

Навстрѣчу намъ вышелъ безъ шапки старикъ съ кривымъ глазомъ и заспанная женщина. Они, узнавъ, кто я, всполошились, хотѣли дать знать старостѣ о моемъ пріѣздѣ; потомъ, услышавъ отъ меня, что покуда это не нужно, коекакъ, съ помощью ямщика, выгащили мои чемоданы и повели меня въ комнаты,—отгуда вѣяло сыростью и гнилью.

— Въ кабинетѣ будете, батюшка, спать, али въ прадѣдушкиной опочивальнѣ?—спросилъ меня старикъ, останавливаясь съ чемоданомъ въ пустыхъ сѣняхъ.

— Покажи кабинетъ,—отвѣтилъ я.

— А то еще есть и спальня вашей бабушки. Покойница— царство ей небесное—жила тамъ, когда еще въ дѣвицахъ была,—неторопливо шамкалъ старикъ, не трогаясь съ мѣста.

— Нѣтъ, лучше въ кабинетъ.

— Слушаю-съ.

Старикъ сдѣлалъ шагъ и снова остановился.

— Есть еще у насъ для гостей комнаты, такъ въ нихъ неугодно ли заглянуть,—произнесъ онъ попрежнему неторопливо.—Только тамъ течь теперь, потому что потолки худы стали.

Я начиналъ терять терпѣніе.

— Да лучше проведи вонъ барина въ комнату, гдѣ останавливался старый баринъ,—вмѣшалась въ разговоръ женщина.—Тамъ все и прибрано.

— Ну, вотъ, и веди меня въ нее,—сказалъ я старику.

Положивъ въ этой комнатѣ свои вещи, я пошелъ осматривать домъ, чтобы сообразить, что можно сдѣлать изъ этихъ развалинъ. Все здѣсь было запущено, вездѣ дуло, вездѣ про-

Digitized by Google

текала вода. Не придавая никакой цѣны нашему деревенскому дому, Бубновъ, проживъ здѣсь недѣлю или двѣ, не тронулъ ничего и оставилъ домъ догнивать попрежнему. Болѣе всего поразилъ меня кабинетъ прадѣда. Эта была большая, мрачная комната съ большимъ, похожимъ на гробницу, письменнымъ столомъ. Около стола стоялъ кованный сундукъ съ отбитой крышкой. У одной изъ стѣнъ стояла кровать, тоже въ сосѣдствѣ съ другимъ сундукомъ. Надъ кроватью висѣли бычачьи и оленьи рога и пучокъ прутьевъ, покрытыхъ пылью. Большая часть стульевъ и столовъ были загромождены камнями и кирпичами. На окнахъ тоже лежали камни и сухіе пучки прутьевъ. Пыль лежала на всемъ.

— Зачѣмъ здѣсь камни?—спросилъ я старика.

— Прадѣдушка это вашъ, Акимъ Акимычъ, любилъ ихъ, покойникъ,—отвѣтилъ старикъ.—Пойдутъ, бывало, гулять, захватятъ по дорогѣ камень и тащатъ его подъ полой. Иногда устанутъ они, сядутъ, либо подзовутъ встрѣчнаго мужика,—на, говорятъ, неси ко мнѣ! Травы тоже любили. Много про нихъ наши старики разсказывали...

Я осмотрѣлся. На одной изъ стѣнъ мнѣ бросилась въ глаза крупная, старинным почеркомъ сдѣланная, надпись. Я подошелъ къ ней и сталъ читать:

Вотъ ѣдетъ тарантасъ—
Четыре желтыхъ колеса,
Въ немъ сидитъ Сашка дурандасъ,
Всей губерніи краса.

— Кто это писалъ?—спросилъ я у старика.

— Акимъ Акимычъ, батюшка. Это они такой стихъ сложили про своего сынка Александра Акимовича. Былъ онъ у насъ, старики говорили, гулящій такой. Прадѣдушка его и наслѣдства лишить хотѣли, своимъ сыномъ не признавали, только онъ прежде ихъ душеньку свою Богу отдалъ... Изъ-за него они и съ покойницей вашей прабабушкой, Марьей Антоновной, ссору имѣли и до самой до ея смерти не говорили съ ней. Бывало, въ комнатѣ встрѣтятся, такъ сейчасъ же спинками другъ къ другу повернутся и пойдутъ въ разныя стороны... Какъ умерла наша матушка-барыня, такъ Акимъ Акимычъ и на панафиды не выходили, и въ церковь не пошли. Только какъ въ могилку гробъ это опускать стали, увидалъ народъ, что бѣжатъ Акимъ Акимычъ безъ шапки, волоса треплются, брови наморщены, словно туча—и подбѣжали они къ могилѣ, схватили комокъ земли и шваркнули его въ крышку,—потомъ снова тѣмъ же путемъ и

Digitized by Google

домой убѣжали... Недолго жили послѣ того... А ужъ и тиранили же они Александра Акимовича... Это, сказываш люди, утащатъ его за волосы въ кабинетъ, запрутся и тѣшатъ тамъ свою душеньку. Бывало, барыня-матушка ползаетъ-ползаетъ у дверей, а они только пуще свирѣпѣютъ... Вотъ и арапникъ, чѣмъ Александра Акимовича стегали...

Я взглянулъ на стѣну, куда указалъ старикъ,—тамъ висѣлъ арапникъ съ оббитымъ концомъ, задернутый паутиной.

— Отчего же не убрали этого хлама?—спросилъ я.

— Да сюда, батюшка-баринъ, никто и не заглядываетъ, какъ померъ вашъ прадѣдушка,—отвѣчалъ старикъ:—всѣ словно отъ чумы убѣжали... Мы вотъ со старухой здѣсь только и живемъ. Пріѣзжалъ вотъ сюда баринъ Григорій Даниловичъ, такъ онъ взялъ себѣ одну комнату, да и не заглянулъ, подъ въ другіе-то покои. Оно и то сказать, домъ-то только на мусоръ годится.

Я осмотрѣлся и увидалъ, что стѣны кабинета были исписаны гдѣ углемъ, гдѣ мѣломъ, гдѣ карандашомъ или чернилами. Нѣкоторыя надписи было затянуты, какъ траурнымъ крепомъ, паутиною, нѣкоторыя были почти стерты благодѣтельнымъ, всепримиряющимъ временемъ. Среди этихъ надписей встрѣчались очень энергичныя строки; такъ одинъ изъ нихъ гласили:

Если-бъ чортъ тебя къ себѣ взялъ,
Я бы и «охъ!» никогда не сказалъ,—
Только видно ни Богу, ни чорту
Не нужно срамцевъ этого сорту.

Но тяжелѣе всего подѣйствовала на меня слѣдующая эпитафія:

Теперь я напастей не трушу,
Воровъ и разбойниковъ не боюсь,
Пью, ѣмъ и веселюсь,—
Сашка, наконецъ, чорту отдалъ душу.

Эта ненависть полупомѣшаннаго старика къ сыну, не смолкнувшая даже передъ гробомъ послѣдняго, какъ-то скверно подѣйствовала на меня. Я вышелъ изъ кабинета и велѣлъ убрать въ немъ весь хламъ. Проходя по залѣ, я невольно остановился передъ нашими фамильными портретами; особенно поразили меня два портрета: одинъ изображалъ старика съ всклоченными сѣдыми волосами, съ проницательными, почти безумными глазами, устремленными куда-то вдаль, съ морщинистымъ лбомъ и тонкими губами; другой—представлялъ младенца, похожаго на херувима съ вьющимися

Digitized by Google

свѣтлыми волосами, съ полными алыми губками, полуоткрытыми какъ бы для поцѣлуя. Оба портрета наводили ужасъ: старикъ пугалъ своими безумными, вперившимися въ зрителя глазами, младенецъ пугалъ отсутствіемъ глазъ—глаза на портретѣ были выколоты, и все лицо было исполосовано черными чертами.

— Это Александра Акимовича портретъ,—объяснилъ старый дворовый.—Акимъ Акимычъ и глазки ему выкололи, и замазали его...

Я поспѣшно вышелъ изъ залы и велѣлъ вынести эти портреты. Я хотѣлъ уничтожить послѣдніе слѣды давно прекращеннаго смертью семейнаго раздора, слѣды одной изъ страшныхъ повѣстей о сошедшемъ съ ума отцѣ и его загубленномъ сынѣ. Осмотрѣвъ всѣ комнаты, я думалъ поселиться въ столовой, залѣ и гостиной, изъ которой шла лѣстница въ садъ. Мнѣ нужно было перенести мебель изъ другихъ комнатъ и пересмотрѣть всѣ вещи. Я рѣшился очистить домъ отъ всего, что напоминало прошлую жизнь, съ которой я не имѣлъ ничего общаго, но которая, тѣмъ не менѣе, давила меня. Такъ выброшенные на берегъ люди вступаютъ въ борьбу съ туземными обычаями, спѣшатъ устроить по-своему свой уголъ и уничтожить старыхъ кумировъ.

Усталый, я легъ спать. Всю ночь, подъ вліяніемъ разсказовъ стараго слуги, мнѣ снилась жизнь, когда-то шедшая въ этомъ домѣ, раздоры, передававшіеся изъ поколѣнія въ поколѣніе вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ богатствомъ, нажитымъ правдою и неправдою, своимъ упорнымъ трудомъ и кровью ближняго. Передо мной сумрачно проходила фигура прадѣда, сѣдого старика съ всклоченными волосами, съ остановившимся дикимъ взглядомъ. Мнѣ грезился его сынъ, этотъ погибшій Саша, заплатившій жизнью за какую-то ошибку своей матери, и черныя полосы, видѣнныя мною на его портретѣ, казались мнѣ рубцами запекшейся на его юныхъ щекахъ крови. Мнѣ слышалось, какъ плакалъ, какъ стоналъ этотъ младенецъ, когда его билъ отецъ, запершись съ нимъ въ своемъ кабинетѣ. Но вотъ отъ дверей этого кабинета до меня донеслись еще какія-то слабыя мольбы. Это моя прабабушка умоляетъ своего мужа пощадить ея сына. Ее никто не слушаетъ, она тщетно ползаетъ за кабинетными дверями, тщетно ломаетъ свои руки. Наконецъ, эти вопли утихаютъ, и я вижу эту женщину, безмолвно идущею по комнатамъ съ гордо поднятой головой, она встрѣ-

Digitized by Google

чаетъ старика съ всклокоченными волосами и, отворачиваясь отъ него, безмолвно идетъ въ другую сторону; онъ топаетъ ногой и тоже поворачивается къ ней спиною. Она похожа на мученицу, сознавшую всю подлость своего палача, всю безплодность своихъ слезъ и холодно рѣшившуюся переносить все молча, съ достоинствомъ правоты, или, лучше сказать, съ достоинствомъ грѣшницы, давно искупившей страданіями свой минутный грѣхъ. Эти люди, живущіе подъ одной кровлей, соединенные неразрывными узами брака, далеки другъ отъ друга, какъ жители двухъ противоположныхъ полюсовъ. Ихъ жизнь бросаетъ въ дрожь, еще страшнѣе дѣйствуетъ ихъ смерть. Я съ ужасомъ видѣлъ во снѣ, какъ угасала эта женщина, брошенная, забытая; я слышалъ, какъ злобно смѣялся старикъ, когда она умерла, какъ онъ бѣжалъ по снѣгу безъ шапки, съ развѣвавшимися по вѣтру сѣдыми волосами, какъ онъ враждебно бросилъ въ крышку ея гроба мерзлый комокъ земли; этотъ глухой звукъ, этотъ послѣдній ударъ, нанесенный если не ей самой, то ея гробу, пробудилъ меня. На моемъ лицѣ былъ холодный потъ, а въ окно уже свѣтило ясное утро, разгонявшее страшныя грёзы о прошломъ.

Я принялся за устройство своего гнѣзда. Трудно было сдѣлать что-нибудь порядочное изъ этихъ развалинъ. Собравъ на подмогу нѣсколько человѣкъ изъ деревни, я распоряжался насчетъ очистки дома. Мытье половъ, перемѣщеніе портретовъ и мебели по разнымъ комнатамъ, переборка разнаго хлама, шумъ и гамъ заняли почти цѣлый день. Казалось, какіе-то новые люди завладѣли жилищемъ отжившаго народа и спѣшили выносить покойниковъ, смывать за ними слѣды крови и праха. Шумъ передвигавшейся мебели, вбиваніе гвоздей, крики мужиковъ и бабъ, неловко бравшихся за дѣло, все это вдругъ оживило мертвое жилище. Я чувствовалъ себя болѣе спокойнымъ и, позавтракавъ, принялся за осмотръ ящиковъ и сундуковъ: я искалъ книгъ, рукописей, разныхъ памятниковъ прошлаго. Всего нашлось понемногу, нашелся даже чей-то чепецъ, украшенный корабликомъ изъ красныхъ и синихъ лентъ. Но лучше всѣхъ другихъ находокъ были найденные мною три портрета, писанные на слоновой кости: это были портреты моей бабки, погибшаго ея брата и капитана. Боже мой, какое прелестное дитя это было, какъ онъ былъ милъ въ неуклюжемъ мундирчикѣ съ бойкими глазенками, съ вихрастыми волосами! Я рѣшилъ, что эти портреты я по-

Digitized by Google

шлю въ подарокъ капитану и оставлю себѣ только портретъ погибшаго бѣдняка: его задумчивая, не по лѣтамъ серьезная физіономія и взглядъ исподлобья напоминали мнѣ отчасти меня самого въ дѣтскіе годы. Мнѣ казалось, что я именно такъ глядѣлъ на Бубнова, когда онъ говорилъ мнѣ: «ну, что ты волчонкомъ смотришь?» Странно, я почти любилъ незнакомаго мнѣ родственника, или, лучше сказать, я любилъ созданный мною изъ разсказовъ о немъ образъ. Мое гнѣздо устроилось. Если оно не было особенно блестяще, особенно весело, то, во всякомъ случаѣ, мнѣ было здѣсь уютно въ полномъ затишьѣ, на свободѣ. Наша деревня выглядѣла недурно, она находилась на бойкомъ мѣстѣ, и мужики не очень бѣдствовали. Я не могъ покуда принести имъ какую-нибудь существенную пользу и чувствовалъ необходимость учиться сельскому хозяйству, приглядываться къ быту народа. Воспитанный, подобно большинству современной мнѣ образованной молодежи, въ городѣ, воспитанный на чтеніи иностранныхъ книгъ, я былъ гораздо ближе знакомъ съ какими-нибудь англійскими фабричными, чѣмъ съ нашимъ русскимъ мужикомъ. Какъ школьнику, мнѣ приходилось иногда краснѣть за свое незнаніе такихъ вещей, которыя были извѣстны послѣднему деревенскому мальчугану. Я сблизился со старостой, смышленымъ мужикомъ, управлявшимъ нашимъ имѣніемъ; иногда ко мнѣ приходили мужики съ просьбами подождать уплаты оброковъ; порою я заходилъ къ нашему священнику и толковалъ съ нимъ объ ученіи крестьянскихъ дѣтей... Къ концу перваго же мѣсяца для меня опредѣлился характеръ моей будущей дѣятельности въ деревнѣ, я видѣлъ, кромѣ необходимости изученія сельскаго хозяйства, необходимость уменьшить оброки и завести школу. И то, и другое я могъ сдѣлать, не спрашивая разрѣшенія Бубнова. Доходы съ имѣнія дѣлились поровну между мной и Мишелемъ, и потому я могъ уменьшать оброки, насколько мнѣ было угодно, только бы Мишелю доставлялась его часть доходовъ; открыть школу я могъ, безъ большихъ затратъ, въ своемъ домѣ или въ домѣ священника. Этотъ планъ заставилъ меня подготовиться къ зимнимъ занятіямъ съ дѣтьми и далъ мнѣ возможность смотрѣть безъ особенной боязни на скучное зимнее одиночество въ деревнѣ. Я не спѣшилъ заводить знакомства съ сосѣдними помѣщиками, зная ихъ съ невыгодной стороны изъ разсказовъ Григорія Даниловича, — это были или надутые господа, пріѣзжавшіе въ деревню изъ

Digitized by Google

Москвы только на лѣто, или заскорузлые помѣщики, похожіе на Собакевичей и Ноздревыхъ. Первые, лѣтніе жители деревни, не особенно манили меня къ себѣ уже и потому, что знакомые мнѣ нужны были собственно для зимы, а не для лѣта, когда не скучно въ деревнѣ и безъ знакомыхъ. Вторые не только не могли манить къ себѣ, но даже заставляли бояться, что они когда-нибудь силою ворвутся въ мой домъ. Только одна семья возбуждала мое любопытство— это семья князей Мышкиныхъ, дальнихъ родственниковъ моей матери, стоявшихъ въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ моему дѣду, помогавшему имъ и крестившему у нихъ дѣтей. Изъ разсказовъ объ этихъ обѣднѣвшихъ князьяхъ я заключилъ, что они принадлежатъ къ числу довольно типичныхъ личностей. Довольно сильно хотѣлось мнѣ увидать и дѣда. Слухи о немъ ходили самые странные и противорѣчивые. Бубновъ и дядя представляли мнѣ его какимъ-то звѣремъ и самодуромъ. Староста и мужики не могли найти достаточно сильныхъ похвалъ для него. По ихъ словамъ, это былъ «простой баринъ», «сердечный человѣкъ», «отецъ крестьянъ» и «умная голова». Я слышалъ, что отъ дѣда и исправникъ отступился, и самъ губернаторъ его уважаетъ, что за нимъ крестьяне живутъ, какъ за каменной стѣной. Мнѣ было интересно увидать этого страннаго человѣка, и я сильно досадовалъ, что я не могу просто и откровенно сойтись со старикомъ, не подвергаясь опасности быть затравленнымъ собаками. Проживъ недѣль шесть въ деревнѣ, я, наконецъ, собрался къ своимъ родственникамъ, чувствуя, что неловко откладывать еще дальше этотъ визитъ.

IX.

Домъ князей Мышкиныхъ.

Я вошелъ въ полуразрушенные барскіе покои обѣднѣвшихъ, затерявшихся въ провинціальной глуши, князей Мышкиныхъ, моихъ дальнихъ родственниковъ. На потемнѣвшихъ, мѣстами ободранныхъ, стѣнахъ залы красовались портреты княжескихъ предковъ, полопавшіеся и потускнѣвшіе отъ времени, какъ разлагающіеся покойники. Мебель была старинная, ветхая. Меня ввелъ въ залу сѣдой, похожій по цвѣту лица на пергаментъ, тощій лакей. На его костлявой, длинной фигурѣ болтался, какъ на вѣшалкѣ, нѣкогда коричневый, теперь песочнаго цвѣта фракъ съ облѣзлыми галунами и покраснѣвшими мѣдными пуговицами, хранившими только мѣстами слѣды позолоты. Покашливая и хрипя, онъ

Digitized by Google

сказалъ, что доложитъ обо мнѣ «его сіятельству», и пошелъ изъ залы, шаркая одеревенѣлыми, несгибающимися ногами. Я остался ждать. Минутъ черезъ пять послышались чьи-то легкіе и торопливые шаги, и въ комнату появился, мелко перебирая на ходу коротенькими ножками, маленькій, сѣденькій и розовенькій старичокъ съ привѣтливой, немного запуганной улыбочкой.

— Марьи Александровны сынка имѣю честь видѣть? Очень радъ, очень радъ! — заговорилъ онъ торопливымъ, сладенькимъ голоскомъ и протянулъ мнѣ руку.

Это была аристократическая маленькая рука; должно-быть, нѣкогда она была мягка, теперь же кожа на ней сморщилась и загрубѣла.

— Слышали, слышали давно, что вы нашу глушь посѣтили, но не имѣли чести васъ видѣть,—частилъ старичокъ, не давая мнѣ времени заговорить. — Княгиня говорила: «вѣрно, и не вспомнитъ, что здѣсь родные есть». Конечно, въ столицѣ родственныя связи и все такое скоро забывается...

— Я еще ни у кого не былъ, хотѣлъ...

— А вѣдь мы покойную вашу матушку, какъ дочь, любили, — перебилъ меня старичокъ, торопливо моргая глазами. — Выходила и замужъ почти изъ нашего дома. Княгиня даже прослезилась, когда узнала, что она умерла. «Боже мой, Боже мой, — говорила княгиня: — какъ нынче рано умираютъ въ свѣтѣ! Я, право, рада,—это княгиня-то говорила,—что живу въ деревнѣ, вдали отъ этого шумнаго убивающаго свѣта»...

Я оставилъ всякую надежду сказать что-нибудь. Старичокъ, кажется, и не думалъ замолчать. Онъ говорилъ безъ умолку, какъ всѣ словоохотливые люди, которымъ почему-нибудь рѣдко удается найти слушателей. Наконецъ, въ залу снова вошелъ пергаментный лакей и торжественно объявилъ, что ея сіятельство просятъ меня пожаловать на ихъ половину. Половина княгини отдѣлялась отъ «парадной» половины, состоявшей изъ зала и столовой, однимъ коридорчикомъ въ пять шаговъ и состояла изъ кабинета и спальной. Я вошелъ, въ сопровожденіи князя, въ кабинетъ.

— Закрой, пожалуйста, окно. Здѣсь дуетъ, когда отворяютъ дверь,—обратилась къ князю княгиня и потомъ томно перевела на меня свои оловянные глаза. — Мы васъ давно ждали! — едва слышнымъ, утомленнымъ голосомъ проговорила она.

Я объяснилъ причины, почему не могъ быть у нихъ до

Digitized by Google

сихъ поръ. Княгиня, почти закрывъ глаза, полулежала на неловкомъ диванѣ. Это была высокая женщина, худая, сухая, съ мелкими локонами на вискахъ, со стклянкою eau-de-Cologne на столѣ, съ вѣчнымъ tic douloureux.

— А я все больна,—слабо произнесла она и замолчала.

Я опять не могъ ничего говорить. Мнѣ было хотѣлось посовѣтовать ей ѣхать за границу для излѣченія, но я вовремя сдержался отъ совѣта, видя ихъ обстановку и считая такой совѣтъ обиднымъ. Мы помолчали; княгиня, кажется, дремала, князь, не шевелясь, съежился на стулѣ и смотрѣлъ съ боязливымъ выраженіемъ въ лицѣ на жену.

— Вы съ княземъ Аполлономъ не видѣлись въ Петербургѣ?—спросила княгиня послѣ продолжительнаго молчанія.

Я недоумѣвалъ, кто такой этотъ князь Аполлонъ, но такъ какъ я не зналъ никакихъ князей Аполлоновъ, то и отвѣтилъ отрицательно.

— Онъ въ уланахъ теперь тамъ... Писемъ давно нѣтъ отъ его... Князь, когда онъ писалъ въ послѣдній разъ?— обратилась княгиня къ мужу.

Князь вытянулся на стулѣ и отрапортовалъ:

— Въ январѣ. Послѣднее письмо въ январѣ получили.

— Ахъ, кажется, въ декабрѣ! Ты посмотри. Неужели тебѣ трудно посмотрѣть? Оно тамъ у меня въ портфелѣ между семейными письмами лежитъ.

Князь соскочилъ со стула, иноходью подбѣжалъ къ столу, порылся въ портфелѣ княгини, въ отдѣленіи семейной переписки и, черезъ минуту, отыскавъ письмо князя Аполлона, началъ съ какимъ-то смущеннымъ видомъ переворачивать во всѣ стороны этотъ листокъ исписанной почтовой бумаги.

— Ахъ, что же ты ничего не говоришь? — простонала княгиня.—Вѣроятно, я права. Ты вѣчно споришь и только раздражаешь мои нервы.

— Пи... письмо,—пробормоталъ князь:—не помѣчено никакимъ мѣсяцемъ.

— Странно,—удивилась княгиня.—Посмотри въ моей записной книжкѣ, когда оно получено, и помѣть его... Какъ это я забыла его помѣтить!

Князь снова началъ рыться въ записной книжкѣ жены и, наконецъ, торжественно объявилъ, что письмо было получено въ январѣ.

— Да? А мнѣ казалось — въ декабрѣ, — понюхала княгиня eau-de-Cologne. — Чему же ты радуешься? Кажется,

Digitized by Google

ошибиться всякій можетъ! Вѣдь у меня ихъ только двое: онъ и Зинаида, — обратилась она ко мнѣ.—Я такъ всегда безпокоюсь о немъ и утрирую опасности.

Я понялъ, что князь Аполлонъ ея сынъ.

— Я иногда лежу, и все думаю о немъ. Думаю, думаю: гдѣ онъ, что дѣлаетъ, воображаю, какъ онъ, увлеченный свѣтомъ, является на раутахъ, въ театрахъ, въ маскарадахъ. Мнѣ представляется онъ окруженнымъ поклонницами, танцующимъ, смѣющимся... Потомъ разъѣзжаются послѣ бала. Эта страшная русская зима! Мнѣ кажется, что онъ простудился... Я вижу его больнымъ, вокругъ него доктора... Онъ едва говоритъ... Ахъ, это ужасно!

Княгиня закрыла на минуту оловянные глаза, кажется, уже присутствуя мысленно на похоронахъ сына, и потомъ снова начала нюхать eau-de-Cologne. Я понялъ, что мнѣ не придется говорить въ теченіе этого визита, и всталъ.

— Вы уже идете?—спросила она.

— Я боюсь васъ безпокоить. Вы, кажется, сегодня чувствуете себя дурно.

— Ахъ, я всегда такая!—отвѣтила княгиня.

— Да, да, княгиня всегда такая!—пролепеталъ князь и мгновенно стушевался, встрѣтивъ оловянный взглядъ жены.

Старичокъ даже покраснѣлъ, несмотря на свои преклонные годы.

Услыхавъ эти слова, я пересталъ надѣяться встрѣтить что-нибудь отрадное въ домѣ моихъ родственниковъ.

— Останьтесь у насъ, посидите у князя... Вы, вѣроятно, курите?—заговорила гробовымъ тономъ княгиня.

— О, да!

— Ну, вотъ... Нынче всѣ курятъ!.. У него на половинѣ вы можете... На моей половинѣ я не выношу табачнаго запаху при моихъ головныхъ болѣхъ.

Я отправился за княземъ на его половину, состоявшую изъ одной комнаты съ драпировкой, за которой стояла его односпальная жалкая кровать.

— Пожалуйста, безъ церемоній, садитесь поудобнѣе, разстегнитесь, — зачастилъ князь, усаживая меня на жесткій диванъ. — Или вотъ сюда, на кресло сядьте. Это удобное кресло.

Я взглянулъ на кресло, оно дѣйствительно было удобнѣе всей остальной мебели.

— А знаете ли, чье это кресло?—таинственно спросилъ князь, говоря въ полголоса и лукаво подмигивая мнѣ.

Digitized by Google

Я никакъ не могъ угадать.

— Вашего дѣдушки кресло. Да! — объяснилъ шопотомъ князь. — Онъ его прислалъ къ намъ. Чудакъ! Чудакъ! Не могу я, говорить, на вашихъ прокрустовыхъ ложахъ сидѣть. Это, говорить, въ старину дворянство такую мебель выдумало, чтобы и гости во фронтъ сидѣли и развалиться не могли... А вы уже были у дѣдушки?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какъ же это, какъ же это!—зачастилъ князь въ испугѣ и оглянулся на дверь. — Надо же было заѣхать. Какъ же это вы къ намъ къ первымъ? Надо было къ нему. Ну, вдругъ...

— Я къ нему и къ послѣднему не поѣду,—замѣтилъ я.

— Тс! Тс! Что вы, что вы!—замахалъ князь руками съ такимъ видомъ, какъ-будто за мои слова и мнѣ, и ему могло быть худо.

— Я ѣзжу только къ тѣмъ, гдѣ надѣюсь встрѣтить радушныхъ и добрыхъ знакомыхъ, а не сумасбродовъ, травящихъ людей собаками. Впрочемъ...

Князь уже не слушалъ меня, не говорилъ, а только махалъ руками и озирался на дверь. Въ эту минуту въ другой комнатѣ послышалась тяжелая поступь. Слышно было, какъ подъ чьими-то мощными ногами жалобно скрипѣлъ старый полъ княжескихъ палатъ. Тяжелые шаги и постукиванье палкой приближались къ кабинету. Князь, махая мнѣ руками, выворачивая самымъ неестественнымъ образомъ глаза, рванулся бѣжать къ дверямъ и наткнулся въ нихъ на высокаго, плотнаго старика съ густыми сѣдыми волосами. Эти волосы обрамляли умное и серьезное, немного холодное, не то равнодушное, не то насмѣшливое, обрюзгшее лицо. Черные глаза смотрѣли изъ-подъ сѣдыхъ бровей не то недовѣрчиво, не то сердито. Губы немного отвисли въ углахъ рта. На старикѣ былъ долгополый просторный сюртукъ. Широкій воротникъ рубашки былъ откинутъ и измятъ. Несмотря на эту немодную, небрежную одежду, старикъ выглядѣлъ важнымъ бариномъ. Князь доставалъ головой только до подбородка своего гостя.

— Куда это бѣжали, князь? — спросилъ звучнымъ и густымъ голосомъ гость.—Бѣда случилась, что ли?

— Васъ встрѣтить хотѣлъ,—засовался князь.

Старикъ сердито пожалъ плечами и только въ эту минуту замѣтилъ меня.

Digitized by Google

— Владиміръ Михайловичъ, — началъ князь, боязливо указывая на меня.

— А!—произнесъ старикъ, не дослушавъ моей фамиліи, и съ любопытствомъ взглянулъ на меня.

— Александръ Николаевичъ Серпуховскій, — пробормоталъ князь, обращаясь ко мнѣ.—Вашъ д... д... д...

Князь запнулся и издалъ какой-то нечеловѣческій звукъ, нѣчто похожее на лихорадочный стукъ зубами. Я сухо поклонился гостю, чувствуя, что мое лицо горитъ, какъ въ огнѣ. Я не ожидалъ этой встрѣчи и не подготовился къ ней. Старикъ сѣлъ на свое кресло и оперся подбородкомъ на палку, поставивъ ее между колѣнъ. Онъ не спускалъ съ меня своего взгляда, и я подмѣтилъ въ этомъ взглядѣ насмѣшливое выраженіе. Онъ чувствовалъ всю неловкость моего положенія, такъ какъ онъ зналъ князя, съ которымъ было трудно говорить, и, кажется, сразу понялъ, что я не намѣренъ заговорить съ нимъ самимъ. Я счелъ за лучшее взять фуражку. Но князь бросился ко мнѣ.

— Какъ? Что вы? Я васъ не могу отпустить, княгиня будетъ сердиться,—заговорилъ онъ, ясно показывая, что въ эту минуту онъ радъ бы отпустить меня, если бы не боялся княгини. — Она васъ представитъ Зинѣ...

Я колебался.

— Или вы, можетъ-быть, дали кому-нибудь слово быть сегодня?—началъ князь.

— Кому же? Я ни съ кѣмъ не знакомъ...

— Развѣ вы еще не ѣздили къ Теплицинымъ?

— Нѣтъ.

— Вѣдь они вамъ тоже родней доводятся.

— Отцу доводились родней, а не мнѣ...

— Помилуйте, это все равно.

— Ну, нѣтъ, я ихъ даже и не знаю, если же что и слышалъ о нихъ отъ Бубнова, то эти слухи отбили всякую охоту знакомиться.

Старикъ Серпуховскій усмѣхнулся.

— Съ сыновней покорностью держитесь мнѣній отчима и опекуна? — замѣтилъ онъ, видимо желая вмѣшаться въ разговоръ.

— Ну,, не совсѣмъ. Мой отчимъ ими очарованъ — отвѣтилъ я.

— А-а! Значитъ, во всемъ идете наперекоръ старому поколѣнію?—замѣтилъ старикъ.

Digitized by Google

— И то не угадали: въ отношеніи иныхъ людей я придерживаюсь взгляда моего отчима на нихъ.

— Странно что-то,—промолвилъ онъ, пристально всматриваясь въ меня, какъ въ подозрительнаго человѣка.

— Кажется, страннаго ничего нѣтъ,—отвѣтилъ я.—Все зависитъ отъ того, кто какъ и почему однихъ хвалитъ, а другихъ бранитъ.

— Меня, должно-быть, вашъ отчимъ хвалилъ,—засмѣялся старикъ сердитымъ смѣхомъ.

— Онъ васъ лично не знаетъ, но знаетъ два ваши поступка, за которые, конечно, не сталъ бы васъ хвалить никто, а не только-что онъ.

— Значитъ и вы не одобряете меня?—насмѣшливо спросилъ старикъ.

— Я вообще не люблю трусовъ,—отвѣтилъ я, раздраженный насмѣшливостью старика.

— Что?

— Трусовъ я не люблю, которые отъ людей за собакъ прячутся.

Старикъ сощурилъ глаза и осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы. Минутъ съ десять длилось молчаніе. Потомъ старикъ всталъ и, постукивая палкой, вышелъ изъ кабинета. Князь побѣжалъ за нимъ, но старикъ пробормоталъ ему:

— Я къ Зинѣ пройду!—и захлопнулъ дверь передъ самымъ носомъ хозяина.

Князь совался изъ угла въ уголъ и былъ, видимо, разстроенъ.

— Извините, я, кажется, сдѣлалъ вамъ непріятность,—сказалъ я князю.—Я не думалъ встрѣтить здѣсь дѣда.

— Да вѣдь онъ къ намъ почти каждый день заходитъ,—чуть не плача пробормоталъ князь.—Какъ это вы такъ неосторожно, обошлись съ нимъ! А мы-то думали... Княгиня говорила: «мы ихъ примиримъ, и тогда намъ...»

Князь вдругъ закусилъ губы и засовался еще болѣе. Онъ, казалось, испугался, что проговорился о чемъ-то такомъ, чего не велѣла ему высказывать княгиня.

— Да, княгиня непремѣнно хотѣла васъ примирить,—началъ онъ снова.

— Мы не ссорились съ нимъ,—замѣтилъ я.—Мы даже незнакомы другъ съ другомъ. И мнѣ очень досадно, что я встрѣтился съ нимъ.

— Что вы, что вы! Какъ это можно!—зачастилъ князь, махая руками.—Онъ такой добрый!

Digitized by Google

— Добрый?—удивился я.

Но князь мнѣ не отвѣтилъ, такъ какъ пергаментный лакей доложилъ объ обѣдѣ. Мы пошли на парадную половину, гдѣ былъ накрытъ столъ на пять персонъ. Я замѣтилъ, что на одномъ приборѣ лежала особенно чистая и, повидимому, довольно новая салфетка, рѣзко отличавшаяся отъ другихъ салфетокъ. Этотъ приборъ, какъ оказалось, былъ предназначенъ для меня. Въ столовую появилась княгиня, за нею шла сморщенная маленькая старушка, съ выбившимися изъ-подъ чепца сѣдыми клочками волнистыхъ волосъ, съ какимъ-то растерявшимся выраженіемъ на лицѣ. Казалось, она напряженно старалась что-то вспомнить, но никакъ не могла сдѣлать этого, и точно боялась, что ее распекутъ за эту позабытую мысль. Сморщенныя руки старушки тревожно шарили что-то въ вышитомъ бисеромъ, ветхомъ ридикюлѣ.

— Это наша добрая Полина Францовна, жена покойнаго моего брата,—произнесла княгиня Антонида Аркадьевна, обращаясь ко мнѣ.

Я поклонился. Старушка растерялась еще болѣе и, какъ-то смѣшно дѣлая реверансъ, присѣла, точно застигнутая врасплохъ курица. Черезъ минуту въ столовую вошелъ дѣдъ, и за нимъ появилась молодая дѣвушка съ свѣжимъ, строго-правильнымъ лицомъ. Я уже видѣлъ однажды мелькомъ эту красавицу, когда она вихремъ пронеслась передо мною на лошади по большой дорогѣ. Теперь я могъ спокойнѣе разсмотрѣть ее. Высокая, стройная, она поражала, при первомъ взглядѣ на нее, своею фигурою и своею красотой. Свѣжесть лица, небольшія страстныя губы чуть-чуть открытаго рта, изъ-за которыхъ выглядывали ровные, бѣлые зубы, большіе, съ какимъ-то бархатнымъ отливомъ, черные глаза, гладко зачесанные черные волосы, обвившіеся двумя пышными косами вокругъ головы, строгость и въ то же время страстность выраженія лица, все было безукоризненно-прекрасно въ этой дѣвушкѣ. Княгиня отрекомендовала меня ей. Это была княжна Зинаида Анатоліевна. Она поклонилась мнѣ какимъ-то величаво-снисходительнымъ поклономъ и тутъ же обратилась съ поцѣлуемъ къ своей теткѣ. Старушка опять растерялась и поцѣловала племянницу по ошибкѣ не въ губы, а въ подбородокъ, и, какъ бы отъ испуга за свою неловкость, начала усиленно шарить въ ридикюлѣ. Мы всѣ усѣлись за столъ. Дѣдъ не обѣдалъ. Послѣ я узналъ, что онъ обѣдаетъ только у себя дома и постоянно въ двѣнадцать часовъ.

Digitized by Google

— Надолго вы сюда пріѣхали?—спросила меня княгиня своимъ умирающимъ голосомъ.

— Не знаю, право. Это будетъ зависѣть не отъ меня,— отвѣтилъ я.

Дѣдъ исподлобья посмотрѣлъ на меня. Онъ сидѣлъ у стола, попрежнему опустивъ подбородокъ на набалдашникъ толстой трости, зажатой обѣими руками.

— Не отъ васъ?—удивилась княгиня.

— Да, я не по своей волѣ пріѣхалъ сюда.

Я разсказалъ причину своего пріѣзда.

— Мерзость!—не выдержавъ, пробормоталъ дѣдъ.

— Ah, c'est tout-à-fait votre histoire!—обратилась къ нему княгиня со вздохомъ.

— Ну, не совсѣмъ tout-à-fait,—пробормоталъ дѣдъ.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно, меня интересовалъ вопросъ, что можетъ быть общаго между нашими исторіями. Но онъ молчалъ. Разговоръ какъ-то не клеился. Но я видѣлъ, что княжна Зинаида начала смотрѣть на меня съ особеннымъ любопытствомъ.

— Ахъ, вамъ будетъ здѣсь очень скучно!—простонала со вздохомъ княгиня.

— Обживусь! Вѣдь вы же привыкли къ этому затишью и не скучаете,—замѣтилъ я.

— Не скучаемъ!—вырвалось изъ устъ княжны невольное восклицаніе, и въ немъ прозвучала какая-то странная, хватающая за сердце нота—не то злой иронiи, не то отчаянія.

Я обратилъ на нее глаза. Она вся поблѣднѣла, и ея глаза сдѣлались совсѣмъ темными и матовыми. Я сконфузился, что невольно задѣлъ ея больное мѣсто.

— Да, здѣсь скучно,—заныла княгиня.—Но что же дѣлать? Я все больна, князь тоже слабъ, мы не можемъ выѣзжать...

Дѣдъ насмѣшливо обратился къ Полинѣ Францовнѣ съ вопросомъ:

— Ну, а вы, Полина Францовна, тоже скучаете?

Старушка испугалась и задрожала, прозвенѣвъ оброненною ею на тарелку вилкою. Она, кажется, уже начинала отдыхать, питая сладкія надежды, что всѣ забыли о ея присутствіи, и теперь не могла не волноваться, увидавъ обманчивость своихъ надеждъ.

— Я... я...—забормотала она прерывающимся голосомъ.— Мнѣ тихо здѣсь...

Digitized by Google

Она говорила нечистымъ русскимъ языкомъ.

— Такъ, такъ,— ласково проговорилъ дѣдъ. Тихо, ну, и прекрасно! Чего гнаться за бурями, когда мачты сломаны и руль потерянъ? Тихо—ну, и отлично!

Въ звучномъ и мелодическомъ голосѣ дѣда звучали грустныя и задушевныя ноты. Полина Францовна, повидимому, была очень рада, что угодила дѣду и съ благодарностью взглянула на него.

— Ахъ, Полина слишкомъ боится шуму! Она ищетъ только одиночества, тишины. Но вѣдь это значитъ заживо похоронить себя,—произнесла сентиментально княгиня.

— А между людьми толкаться что толку?—спросилъ дѣдъ, хмуря брови.—Одинъ подлецъ, другой дуракъ,—вотъ вамъ и все общество.

— А куда же вы честныхъ и умныхъ отчислили?—спросилъ я.

— За штатъ,—односложно оборвалъ дѣдъ.

Наступило молчаніе. Дѣдъ, видимо, не желалъ говорить со мною и обратился снова къ княгинѣ. Но хотя онъ говорилъ и не со мною, я все-таки ясно понялъ, что его слова служили отвѣтомъ мнѣ.

— Дураковъ и подлецовъ видѣть—это еще не особенное счастіе,—заговорилъ онъ рѣзко.—Честныхъ же, да умныхъ въ нынѣшнемъ обществѣ вы не увидите. Они или бьются съ этимъ обществомъ, или бѣгутъ отъ него. Ну, значитъ, нужны силы, чтобы попасть въ ихъ ряды, чтобы бороться рядомъ съ ними—или нужно бѣжать отъ общества, какъ бѣгутъ они.

Я въ это время началъ кое-какъ завязывать разговоръ съ княжной Зинаидой. Оказалось, что она много читаетъ и любитъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина, нѣкоторыя стихотворенія Лермонтова, особенно «Мцыри» послѣдняго. Я спросилъ ее, читала ли она «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго. Она сказала, что читала и что это произведеніе очень тяжело на нее подѣйствовало, что она не могла спать въ теченіе двухъ ночей и что, наконецъ, «она ненавидитъ это произведеніе». Меня удивило такое заключеніе, и я сказалъ ей объ этомъ, прося объясненія.

— Я не люблю, когда и деревенскія женщины воютъ и причитаютъ надъ покойниками,—отвѣтила она и перемѣнила разговоръ.

Она говорила сдержанно и холодно, какъ будто ей не

Digitized by Google

хотѣлось быть откровенною. Наконецъ, обѣдъ кончился, и княгиня томно обратилась къ мужу:

— Князь, покажи Владиміру Михайловичу нашъ садъ.

Князь засуетился, мелкими шажками побѣжалъ со мною въ садъ, взглянувъ молящимъ взглядомъ на дочь. Княжна молча пошла за нами. Въ первой же аллеѣ сада князь началъ уморительно переминаться съ ноги на ногу и поглядывать на дочь.

— Папа, ты вѣдь спать хочешь?—проговорила она.

— Ничего, ничего,—залепеталъ онъ въ смущеніи и скороговоркой.

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь,—замѣтилъ я.

Князь словно ожилъ.

— Да, я, знаете, люблю послѣ обѣда... Привычка... Княгиня садъ нашъ любитъ, всегда проситъ показать его гостямъ послѣ обѣда... Ну, а я... знаете, привычка скверная... уснуть люблю... Княгиня этого не знаетъ... Она женщина нервная, подумаетъ, что я отъ нездоровья приваливаюсь... А у меня, ей-Богу, это только привычка...

Князь частилъ, словно желая наговориться за все время предстоящаго молчанія во время сна. Княжна какъ-то сострадательно глядѣла на него.

— Такъ ты останешься съ Владиміромъ Михайловичемъ здѣсь?—нѣжно обратился онъ къ дочери.—Послѣ велишь меня разбудить, когда пойдете на половину княгини!..

— Ступай, ступай!—нетерпѣливо проговорила княжна.

Князь нѣжно поцѣловалъ руку дочери и ушелъ. Мы пошли молча по аллеѣ запущеннаго сада. Княжна ощипывала листы съ сорванной ею вѣтки.

— Отчего это люди такіе забитые, робкіе?—проговорила она чрезъ нѣсколько минутъ, какъ бы про себя и вдругъ, словно что-то вспомнивъ, прибавила:—я это говорю о герояхъ Достоевскаго, о немъ самомъ. Отчего его герои забиты и робки, и онъ самъ только причитаетъ надъ ними, какъ безпомощныя крестьянки причитаютъ надъ покойниками?

— Бѣдняки таковы и въ жизни, какъ въ его повѣсти,—отвѣтилъ я.

— Да?.. Я не знаю общества, потому и не могу судить. Мнѣ не приходилось встрѣчать бѣдняковъ, кромѣ крестьянъ,—какъ-то холодно и почти гордо произнесла она.—Но мнѣ кажется, что не стоитъ описывать бѣдныхъ, если надъ ними можно только причитать, если не находишь средства указать на путь къ ихъ спасенію. Это только нервы раздра-

Digitized by Google

жаетъ и дѣлаетъ людей слабыми, а на слабость и на нервы и безъ того всѣ жалуются... Что, вы со многими здѣсь познакомились?—холодно перемѣнила она разговоръ.

— Нѣтъ, я ни у кого не былъ и не думаю быть,—отвѣтилъ я.

— Мы тоже ни съ кѣмъ не знакомы...

— Но вѣдь вамъ же приходится встрѣчаться съ сосѣдями хоть въ церкви?

— Мы почти не ѣздимъ въ церковь.

— А я думалъ, что ваша матушка очень набожна...

— Я, право, не знаю, какъ вамъ сказать, можетъ-быть, она и набожна,—въ раздумьи сказала княжна Зинаида.— Но она не ѣздитъ въ церковь потому, что ей тяжело встрѣчаться съ сосѣдями. Она такъ слаба, что ей трудно поддерживать знакомства.

— Но вамъ скучно безъ общества?..

— Съ обществомъ было бы не веселѣе... Я не люблю здѣшняго общества, хотя знаю его только по слухамъ. Я покойнѣе, когда не вижу людей, сижу за книгой, за вышивкой, хожу по саду, катаюсь верхомъ... Правда, про меня говорятъ, что я оригинальничаю, что я изъ гордости не схожусь ни съ кѣмъ, но вѣдь для меня все равно, что говорятъ обо мнѣ. Я могу только одно отвѣтить въ свое оправданіе: никто изъ нихъ не знаетъ меня, значитъ и говоритъ, что услышитъ или самъ выдумаетъ.

Мнѣ начало казаться, что передо мною стоитъ не совсѣмъ дюжинная уѣздная барышня.

— А я съ вами уже видѣлся разъ,—замѣтилъ я:—вы катались верхомъ.

— Да, я ѣзжу почти каждый день,—замѣтила княжна Зинаида.

— И постоянно безъ провожатыхъ?

— Иногда съ отцомъ, но больше одна.

— О, да вы изъ храбрыхъ.

— Чего же бояться? Когда ѣздитъ отецъ со мною, то съ нимъ скучно. Онъ всегда труситъ.

— Ну, онъ ужъ слабъ.

— Да онъ не за себя труситъ, а за меня. Онъ самъ очень смѣлый наѣздникъ. Онъ вѣдь изъ кавалеристовъ.

— Вотъ трудно повѣрить!—невольно проговорилъ я.

Она нахмурила брови. Ей было, видимо, непріятно, что я замѣтилъ слабость и трусость ея отца. Я поспѣшилъ поправиться.

Digitized by Google

— Въ немъ нѣтъ ни капли того непріятнаго ухарства, которымъ отличаются отставные кавалеристы,—сказалъ я.

Княжна Зинаида пристально взглянула на меня.

— А вамъ лучше нравятся смиренно улыбающіяся личности?—спросила она съ насмѣшливостью въ голосѣ.

— Ну, это тоже крайность!

— Крайность и гораздо худшая, чѣмъ ухарство,—серьезно замѣтила она.—Не люблю я забитыхъ трусовъ. Я очень рада, что отецъ остается попрежнему смѣлымъ,—добавила она.—Я, кажется, презирала бы его, если бы онъ былъ трусомъ. Знаете ли, прошлой зимой мы катались съ нимъ ночью, и за нами погнались два волка. Отецъ только вожжами передернулъ и продолжалъ разговаривать и смѣяться, только мелькомъ замѣтивъ мнѣ: «ну, вотъ хорошо, хоть съ фонарями доѣдемъ, не такъ темно будетъ». Это онъ волчьи глаза фонарями назвалъ...

Княжна Зинаида смотрѣла такъ же гордо и спокойно, какъ, вѣроятно, смотрѣла она въ ту минуту, когда за ней и ея отцомъ гнались волки. Я невольно залюбовался ея прекраснымъ, немного холоднымъ, немного насмѣшливымъ лицомъ.

— А вотъ и я, вотъ и я,—зачастилъ князь, проснувшійся ранѣе срока и отыскавшій насъ.—Ну, что нашъ садъ—хорошъ?

— Удивительно хорошъ, но еще больше понравился мнѣ разсказъ о вашей храбрости при нападеніи волковъ,—улыбнулся я.

— Ну, что это за храбрость! Вѣдь мнѣ же на моемъ вѣку и медвѣдей, и волковъ не впервые приходилось встрѣчать,—скороговоркой промолвилъ князь.

Я улыбнулся и подумалъ: «ну, а такую женщину, какъ княгиня, ты вѣрно впервые встрѣтилъ, что такъ боишься ея».

Мы прошли въ комнаты. Дѣдъ уже давно ушелъ домой. Княгиня появилась къ намъ и начала убиваться о князѣ Аполлонѣ, рисуя новыя опасности, которымъ, можетъ-быть, подвергался теперь князь Аполлонъ. Княжна Зинаида холодно молчала. Князь съежился на стулѣ и, кажется, прислушивался, не дастъ ли ему какого-нибудь порученія княгиня. Полина Францовна притаилась въ уголку и, повидимому, опять радовалась, что ее не замѣчаютъ, что о ней забыли. Вечеръ тянулся убійственно скучно; наконецъ, у княгини, ко благу человѣчества, начался тикъ, и я могъ уѣхать, взявъ слово съ князя, что онъ пріѣдетъ ко мнѣ на

Digitized by Google

охоту. Я ѣхалъ домой и долго размышлялъ обо всемъ этомъ семействѣ. Меня интересовала княжна Зинаида. Думая о ней, я даже позабылъ на время дѣда.

Пріѣхавъ домой, я былъ обрадованъ неожиданнымъ пріѣздомъ Гриши. Онъ привезъ мнѣ письма отъ моихъ старыхъ провинціальныхъ знакомыхъ и надѣялся провести у меня конецъ лѣта. Мы встрѣтились, какъ родные братья, и проболтали до поздней ночи; наконецъ, я напомнилъ своему юному другу, что ему не худо и отдохнуть съ дороги. Онъ признался, что онъ-таки порядкомъ утомился, и легъ спать въ моемъ кабинетѣ, но черезъ минуту мы уже снова болтали, и намъ удалось заснуть только по утру, когда я упорно отказался отвѣчать неугомонному юношѣ и объявилъ, что я перейду въ другую комнату, если онъ не замолчитъ. Съ пріѣздомъ Гриши, мой домъ оживился. Гриша по цѣлымъ днямъ разгуливалъ со мною, осматривая окрестности, отправляясь на рыбную ловлю или на охоту и постоянно находя въ своей памяти новые анекдоты объ оставленномъ мною и имъ городишкѣ.

Дней черезъ пять къ моему дому подъѣхала ветхая, неуклюжая коляска, докладывавшая о себѣ еще издали жалобнымъ дребезжаньемъ; я взглянулъ въ окно и увидалъ привѣтливо и весело кивающую мнѣ головку розовенькаго старичка. Это былъ князь Анатолій Леонидовичъ Мышкинъ. Я поспѣшилъ на крыльцо. Оказалось, что князь былъ не одинъ: съ нимъ сидѣлъ какой-то господинъ лѣтъ сорока, довольно худощавый, загорѣлый, черноволосый, съ неглупымъ и язвительнымъ выраженіемъ лица.

— А я къ вамъ не одинъ,—заговорилъ князь, торопливо пожимая мнѣ руки и улыбаясь.—Я привезъ къ вамъ...

— Вашего бывшаго родственника, Андрея Дмитріевича Хомутова,—договорилъ съ гримасой незнакомый мнѣ господинъ.

— Отчего же бывшаго, а не настоящаго родственника?—спросилъ я съ улыбкой, пожимая его загорѣлую, грубую, но маленькую и красивую руку.

— Да ужъ такъ судьбѣ угодно: въ моей жизни все бывшее — и богатство, и дворянское званіе, и родственныя связи.

Я пригласилъ гостей въ свой кабинетъ.

— Надѣюсь, что вы будете, какъ дома,—сказалъ я имъ.

Я былъ душевно радъ ихъ пріѣзду и надѣялся развлечься болтовней съ посторонними людьми.

Digitized by Google

— Ну, нѣтъ, князь будетъ здѣсь вѣрно не какъ дома,— усмѣхнулся Хомутовъ ироническою улыбкой.

— Шутникъ, шутникъ! Все шутитъ,—пробормоталъ веселымъ тономъ князь и началъ торопливо осматриваться и хвалить мой кабинетъ.

— И какъ это вы устроились; точно здѣсь никогда и не жилъ вашъ прадѣдъ, все такъ уютно, хорошо! — говорилъ онъ, ходя по комнатѣ.

Я распорядился насчетъ обѣда и пошелъ показывать своимъ гостямъ свое помѣщеніе. Оно очень понравилось князю. Увидавъ висѣвшій въ залѣ портретъ капитана, моего дяди, князь сталъ разспрашивать о старикѣ и передалъ мнѣ нѣсколько новыхъ свѣдѣній о моемъ прадѣдѣ, о которомъ помнилъ весь уѣздъ. Хомутовъ или не вмѣшивался въ разговоръ, или вставлялъ свои язвительныя замѣчанія. Наконецъ, Гриша пришелъ сказать, что обѣдъ поданъ. Мы всѣ пошли въ столовую. Князь болталъ безъ умолку, какъ только-что начавшій говорить ребенокъ. Онъ удивился, увидавъ за моимъ столомъ Гришу, и спросилъ меня по-французски, кто это. Я сказалъ, что это одинъ изъ моихъ юныхъ друзей, недавно пріѣхавшій изъ того города, гдѣ я жилъ еще такъ недавно; князь ласково потрепалъ его по плечу и весело принялся за вино. Онъ дѣйствительно былъ не такимъ, какъ дома, поминутно громко смѣялся и острилъ.

— Эй, князь, не пейте, не здорово,—замѣтилъ ему Хомутовъ.

— Ну, да, толкуйте! Точно я въ первый разъ въ жизни съ виномъ знакомство свожу! — засмѣялся князь, осушая рюмку.—Я, знаете, дома не пью,—обратился онъ ко мнѣ:— хорошее вино пить дорого, дрянь же и держать не стоитъ.

— Ну, а княгиня говоритъ, что вы ради сохраненія здоровья не пьете,—продолжалъ подшучивать Хомутовъ.

— Нападаетъ все на княгиню!—махнулъ рукой князь.— Это вѣдь два врага,—объявилъ онъ мнѣ. — Видѣть другъ друга не могутъ. И какъ только вашъ дѣдушка разсердится на княгиню, такъ тотчасъ же и подошлетъ его къ намъ,— ну, у княгини сейчасъ тикъ; глядишь, она два дня на своей половинѣ и обѣдаетъ, и чай пьетъ.

— А вамъ всѣ половины показывали у князя? — засмѣялся ѣдкимъ смѣхомъ Хомутовъ.

Я сдѣлалъ усиліе, чтобы удержаться отъ улыбки, и отвѣтилъ сквозь зубы:

— Я, кажется, видѣлъ весь домъ.

Digitized by Google

— Да, это вѣдь интересно: двѣ комнаты—половина княгини, одна комната—половина князя, каморка — половина Полины Францовны, свѣтелка — половина княжны, чуланчикъ и кухонка—службы и людскія половины. Что шагъ ступишь, то въ чужія владѣнія попадешь и можешь подвергнуться преслѣдованію.

— Слабости княгини!—пожалъ плечами князь, какъ бы оправдываясь.—А знаете ли вы, кто Андрея Дмитріевича къ вамъ прислалъ?

— Никто меня не присылалъ,—недовольнымъ тономъ перебилъ князя Хомутовъ.

— Ну да, ну да, теперь и сердиться начинаетъ, какъ про самого правду хотятъ сказать,—засмѣялся князь.

— Какъ же это правда? Ну, развѣ меня могутъ куданибудь посылать? Развѣ у меня есть княгиня? — Хомутовъ обратился ко мнѣ.—Вы вѣдь не посвящены во всѣ тайны нашей жизни,—сказалъ онъ:—и для васъ, вѣроятно, кажутся странными наши отношенія. Дѣло въ томъ, что я и князь, мы живемъ душа въ душу, и оба одинаково легко и весело смотримъ на міръ; но у насъ есть одинъ пунктъ, на которомъ расходятся наши убѣжденія, и мы дѣлаемся врагами. Дѣло въ томъ, что князю кажется, будто у всякаго человѣка есть своя княгиня, а я, напротивъ того, утверждаю, что человѣкъ можетъ прожить и безъ княгини. Такъ какъ я въ настоящее время живу у вашего дѣда, то князь и вообразилъ, что это моя княгиня. Но смѣю васъ увѣрить, что вашъ дѣдъ играетъ для меня роль княгини не болѣе, чѣмъ и для васъ.

— Я васъ не совсѣмъ понимаю, что вы подразумѣваете подъ именемъ княгини,—замѣтилъ я.

— Воронье пугало!

Гриша прыснулъ со смѣху. Я не могъ удержаться отъ улыбки. Князь, качая головою, тоже улыбнулся.

— Вы видите, онъ своей княгини и теперь боится,—указалъ мнѣ Хомутовъ на князя.

— Ну, вотъ глупости, совсѣмъ я ея не боюсь. Но, знаете,—объяснялъ князь:—княгиня женщина болѣзненная, у нея тикъ; конечно, я стараюсь не раздражать ее. А бояться ея мнѣ нечего.

Князь, кажется, и теперь струсилъ, что княгиня можетъ узнать его легкомысленныя рѣчи.

— Нѣтъ ужъ, князь, вы не оправдывайтесь,—продолжалъ Хомутовъ.—Княгиня только у васъ у одного и можетъ быть,

Digitized by Google

потому что вы преступникъ и должны быть подъ опекой. Онъ вѣдь, знаете, въ одинъ день все свое состояніе въ карточки спустилъ,—обратился ко мнѣ Хомутовъ. — Ну, конечно, княгинѣ это было обидно, она увидала его легкомысліе и взяла его подъ опеку. Съ тѣхъ поръ она и въ деревню переселилась, и тикомъ начала страдать.

Князь улыбался черезъ силу и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ.

— Ну, а развѣ не правда, что старикъ-то послалъ васъ сюда?—началъ онъ дразнить Хомутова.

— Не послалъ, но, кажется, былъ радъ, что я поѣхалъ сюда,—отвѣтилъ Хомутовъ.—А вы когда къ нему собираетесь?—обратился онъ ко мнѣ.

— Я совсѣмъ не поѣду къ нему,—отвѣтилъ я.

— Это почему? Онъ отличный старикъ.

— Ну, отличные люди не станутъ гостей травить собаками,—засмѣялся я.

— Подлецовъ-то!—воскликнулъ Хомутовъ.—Да я на его мѣстѣ не собаками бы сталъ травить ихъ, а приглашалъ бы ихъ къ себѣ, да поролъ бы. Такъ-таки и поролъ бы безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. У насъ иногда рѣшительно нельзя поступать иначе съ подлецами. Навязывается къ вамъ любознательный господинъ, вы ему говорите, что не хотите знаться съ любознательными господами, а онъ все-таки лѣзетъ къ вамъ. А, братецъ, коли такъ—изволь, приходи ко мнѣ, я тебѣ покажу, какъ я принимаю вашего брата: штанишки долой и пори! Или женщинамъ вотъ тамъ у васъ въ столицѣ проходу нѣтъ на улицѣ — почему? Потому, что должны женщины, имѣющія братьевъ, мужей, или даже просто короткихъ знакомыхъ, приводить непрошенныхъ провожатыхъ на свою квартиру—и тутъ тихимъ манеромъ пусть близкіе женщинамъ люди взлупятъ этихъ господчиковъ. Разъ вспорютъ, два вспорютъ—покорнѣйше благодарю, больше провожать не полѣзутъ—себѣ, молъ, дороже стоитъ.

Хомутовъ говорилъ съ неподражаемо серьезнымъ видомъ. Гриша опять прыснулъ со смѣху.

— Довольно оригинальныя мѣры!—засмѣялся я.

— Да вѣдь и общество-то у насъ довольно оригинальное,—замѣтилъ Хомутовъ.—На одномъ концѣ идолопоклонники, не знающіе, что значитъ мыться, что значитъ имѣть постоянный домъ, пожирающіе сырую рыбу и сырое мясо; на другомъ концѣ люди, пользовавшіеся въ прошломъ сто-

Digitized by Google

лѣтіи до злоупотребленія избирательнымъ правомъ, выработавшіе утонченную, чисто французскую цивилизацію, со всѣми ея скверными и хорошими сторонами. Въ одной сторонѣ хлѣбъ гніетъ отъ излишка; на другой сторонѣ ѣдятъ кору отъ голода. У помѣщиковъ въ рукахъ право сѣчь, отдавать въ солдаты, женить насильно, брать въ любовницы бабъ; у крестьянъ даже нѣтъ права жаловаться, если бы изъ нихъ даже жилы тянули...

— Ну, это немного утрировано...

— Помилуйте! Статья закона запрещаетъ жаловаться. Да это что! Есть вещи и похуже,—усмѣхнулся Хомутовъ своею нервной улыбкой, болѣе походившей на гримасу, чѣмъ на улыбку.—Я знаю даже и то, что до 1836 г. изъ законнорожденныхъ можно было незаконнорожденнымъ сдѣлаться, вотъ какъ, напримѣръ, я сдѣлался.

— Меня крайне интересуетъ ваша исторія,—замѣтилъ я.

— А вотъ я вамъ ее разскажу на досугѣ, послѣ обѣда. Князь, вѣроятно, вздремнетъ.

— Что вы, что вы!—возразилъ князь.

— Не церемоньтесь! Мы потолкуемъ, а вы усните. Возьмите съ собою сигару и отдохните.

Подгулявшій князь остался весьма доволенъ моимъ предложеніемъ, чокнулся со мною рюмкой и пошелъ за Гришей въ мой кабинетъ. Я и Хомутовъ прошли въ садъ, въ бесѣдку, разлеглись тамъ на диванъ и, прихлебывая кофе, стали толковать. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ присоединился Гриша и сказалъ, что князь уже уснулъ.

Разсказъ моего бывшаго родственника.

Я вашъ бывшій родственникъ,—началъ говорить Андрей Дмитріевичъ.—Кромѣ того, я бывшій богачъ, бывшій владѣлецъ большого имѣнія, бывшій законный сынъ и наслѣдникъ моихъ родителей, однимъ словомъ, бывшій счастливчикъ, котораго прочили, по крайней мѣрѣ, въ директоры какого-нибудь департамента, а при счастливомъ случаѣ надѣялись видѣть, можетъ-быть, и губернаторомъ. Теперь я незаконнорожденный, жалкій учитель въ сельской школѣ вашего дѣда, бывшій и актеромъ на провинціальномъ театрѣ, и половымъ въ трактирѣ, и, какъ видите, я не богатъ. Не думайте, что я пропилъ свое имущество. Нѣтъ-съ, я пилъ и пью иногда и теперь, но началъ я пить только тогда, когда мнѣ въ сущности и пропивать было нечего. Если у васъ будутъ дѣти, желаю, чтобы они не испытали

Digitized by Google

ничего подобнаго тому, что испыталъ я... Мой отецъ доводился родственникомъ вашей матери, онъ былъ богатъ, причудливъ, не умѣлъ ужиться съ родными, не умѣлъ поладить съ начальствомъ, жилъ безъ дѣла, хандрилъ, былъ недоволенъ жизнью и удивлялъ общество своимъ чудачествомъ. Однимъ изъ самыхъ крупныхъ его чудачествъ была его женитьба на дочери одного мелкопомѣстнаго дворянина, его сосѣда по имѣнію. Хотя этотъ неравный бракъ и возбудилъ сначала различные толки, но такъ какъ мой отецъ былъ очень богатъ, то его знакомые скоро поняли необходимость оказывать уваженіе моей матери и принять ее въ свой кругъ. Очень ужъ хорошо кормили гостей въ нашемъ домѣ. Ей жилось не худо, хотя она иногда и страдала, когда мой отецъ впадалъ въ меланхолію, когда онъ затворится въ своемъ кабинетѣ отъ всѣхъ людей, называя ихъ холопами и рабами. Гораздо лучше жилось мнѣ. За мной ухаживали всѣ со дня моего рожденія, губернаторъ-съ меня на рукахъ носилъ. И не только на рукахъ носилъ, но одинъ разъ до того расчувствовался, что въ лошадки со мной игралъ. Очень ужъ они къ богатству-то снисходительны. Когда я сталъ подрастать, то я, знаете, себя чуть не царемъ воображалъ. Гувернеръ, гувернантка, прислуга, знакомые, всѣ только и кричали: «Ахъ, какой красавчикъ Андрюша! ахъ, какъ Андрюша уменъ!» Вѣтеръ, кажется, не смѣлъ на меня пахнуть. Ну, ужъ и капризенъ же я былъ! Захотѣлось мнѣ разъ, чтобы одинъ чиновникъ на четвереньках по комнатѣ прошелъ, изображая собаку.— настоялъ-съ на своемъ, заставилъ чиновника въ собаку превратиться. Этакого-то шалыгана отдали въ Петербургѣ въ одинъ изъ аристократическихъ пансіоновъ,—хотѣли, чтобы я между дѣтьми исправился. Только тутъ мнѣ еще больше было раздолья ломаться надъ людьми. Учителя, гувернеры, директоръ видятъ, что я въ экипажѣ пріѣзжаю на уроки, знаютъ, что мой отецъ богачъ, и все мнѣ спускаютъ. Мальчишки поживляются отъ меня конфетами и деньгами и ходятъ передо мной на заднихъ лапкахъ. Кто мнѣ изъ дѣтей не нравится, тому житья нѣтъ въ классахъ, всѣ его бьютъ, всѣ къ нему придираются. И ужъ какъ же мало я учился, такъ вы и представить себѣ не можете. Шло этакъ время, приближался тринадцатый годъ моей жизни. Отецъ мой въ это время чудилъ напропалую, пересталъ принимать къ себѣ знакомыхъ, ругалъ общество, ругалъ новое направленіе общественнаго порядка—это было въ 1824 году—и возбу-

Digitized by Google

дилъ противъ себя многихъ вліятельныхъ лицъ. Можетъ-быть, все окончилось бы благополучно: отецъ страдалъ желчью, былъ слабъ и, вѣроятно, скоро бы умеръ. Но судьба удрала съ нимъ другую штуку. Около этого же времени возвратился изъ-за границы братъ моего отца, служившій въ военной службѣ во время отечественной войны, раненый въ одномъ изъ сраженій и долго лѣчившійся или, лучше сказать, долго проматывавшій свои деньги за границею. Молодецъ явился въ Россію въ вожделѣнномъ здравіи, но голъ, какъ соколъ. Нужно было поправить дѣлишки. Началъ онъ обнюхивать, нѣтъ ли гдѣ падали, и разнюхалъ хорошую добычу. Съ моимъ отцомъ онъ былъ въ ссорѣ и постоянно говорилъ, что мой отецъ сумасшедшій. Прежде всѣ только смѣялись, когда дядюшка такъ отзывался о своемъ братѣ, теперь же оскорбленные отцомъ люди поддакивали дядюшкѣ и, можетъ-быть, тайно подумывали: «Какъ жаль, что имѣніе-то неуживчиваго Дмитрія Петровича Хомутова находится не въ рукахъ милѣйшаго Петра Петровича Хомутова». Отъ толковъ о сумасшествіи моего отца было недалеко до толковъ о его неравномъ бракѣ, какъ самомъ ясномъ доказательствѣ сумасшествія. Покуда въ обществѣ шли толки, нельзя ли моего отца отдать подъ опеку, дядюшка началъ что-то припоминать, началъ наводить какія-то справки, и въ одинъ прекрасный день, совершенно неожиданно даже для враговъ моего отца, началось дѣло о расторженіи незаконнаго брака отставного ротмистра Дмитрія Петрова Хомутова съ его кумою Анною Ивановой Мытищевой... Теперь мнѣ самому кажется, что мой отецъ былъ сумасшедшимъ. Ну, возможно ли было человѣку съ здравымъ смысломъ надѣяться, что никто и никогда не вспомнитъ, что онъ еще юношею крестилъ кого-то вмѣстѣ съ дѣвочкою, на которой потомъ женился? Будь онъ нищій— а! это другое дѣло, тогда никто и не вспомнилъ бы, что онъ приходился кумомъ своей женѣ, а тутъ дѣло другое! Завязалось дѣло, тянулось оно недолго, отца признали сумасшедшимъ, мать упрятали въ монастырь, а я превратился въ незаконнорожденнаго ребенка... Нашлась только одна добрая душа, которая подобрала меня съ улицы,— это была сестра моей матери, женщина бѣдная, обремененная большимъ семействомъ. Я былъ не такого характера, чтобы ужиться и въ довольствѣ и съ однимъ человѣкомъ, а тутъ и бѣдность, и семеро ребятишекъ, которыхъ я былъ на каждомъ шагу. Плохо мнѣ жилось. Тетка наказывала

Digitized by Google

меня за своихъ дѣтей, дѣти вооружались противъ меня всѣ разомъ. Мое нѣжное тѣло было вѣчно покрыто синяками; я былъ вѣчно голоденъ; мнѣ говорили, что меня въ подпаски отдадутъ, въ сѣрый армякъ одѣнутъ. Не подъ силу стало мнѣ выносить эту каторгу, озлобился я окончательно и задумалъ сдѣлать одно дѣльцо. Выбралъ я ночь потемнѣе и поджегъ сарай при домѣ тетки. Притаился я въ постели, готовясь выскочить въ окно, какъ только огонь дойдетъ до моей комнаты. Мое сердце замирало отъ страха. Каждую минуту я готовился вскочить и убѣжать, боясь, что послѣ я не успѣю выскочить въ окно. Но въ то же время меня удерживала отъ побѣга мысль, что тогда меня заподозрятъ въ поджогѣ. У меня зубъ на зубъ не попадалъ, хотя ночь была душная, жаркая. Мнѣ казалось, что ей конца не будетъ, что я вѣчно буду ждать этого проклятаго зарева. Порою мнѣ хотѣлось взглянуть, не погасъ ли огонь, но я боялся встать. Наконецъ, когда я уже начиналъ успокаиваться и думалъ, что пожара не будетъ, что огонь загасъ, на дворѣ раздались пронзительное мычанье нашей коровы и крики нашей работницы: «Горимъ, горимъ!» Какъ страшны эти звуки въ ночную пору, какъ гулко стонутъ они въ затишьѣ! И какъ страшно, когда знаешь, что самъ былъ причиною этого ужаса! Въ минуту всѣ въ домѣ были на ногахъ. Всѣ хватали, что могли: кто тащилъ кочергу, кто несъ старое ведро, а огненные языки поднимались все выше и выше. Небо казалось еще чернѣе, еще глубже надъ этимъ пламенемъ. Надъ домомъ среди дыма показался одинъ изъ нашихъ бѣлыхъ голубей, онъ былъ ярко озаренъ и кружился на одномъ мѣстѣ, словно не могъ вырваться на свѣжій воздухъ, — вдругъ онъ перекувырнулся и мгновенно исчезъ въ огнѣ. Я чуть не зарыдалъ. Тетка, работница и дѣти безпомощно стонали, глядя на пожаръ. Меня била лихорадка. Народъ возился около хлѣва.

— Не-йдетъ! не-йдетъ!—кричалъ какой-то мужикъ.

И въ отвѣтъ на эти крики изъ хлѣва раздавалось жалобное, протяжное мычанье коровы. Господи! никогда не слыхалъ я болѣе страшныхъ стоновъ, а, кажется, насмотрѣлся я и наслушался людского горя! Я былъ внѣ себя: наконецъ, мычанье стало тише, еще жалобнѣе, еще протяжнѣе; скотина стонала, какъ больной человѣкъ, — и въ воздухѣ вдругъ запахло горѣлыми костями и шерстью. Въ этотъ мигъ тетка крикнула:

— Господи, да вѣдь Саньки здѣсь нѣтъ!

Digitized by Google

Я обернулся и увидалъ, что дѣйствительно между нами не было моего двухлѣтняго двоюроднаго брата. Я стремглавъ бросился въ горящій домъ. Мнѣ хотѣлось, кажется, не брата спасти, а самому сгорѣть. Я бѣжалъ сквозь дымъ и пламя, была минута, когда я не надѣялся болѣе жить: я упалъ, задѣвъ за что-то. Но я быстро вскочилъ, вспомнивъ, что я не одинъ сгорю, что сгоритъ и Санька. Добѣжавъ до комнаты, гдѣ обыкновенно спали дѣти, я выхватилъ изъ люльки ребенка, завернулъ его въ одѣяло и побѣжалъ съ нимъ... Что было послѣ, я не помню... Только черезъ двѣ недѣли я очнулся въ крестьянской избѣ, въ ближайшей деревнѣ, гдѣ насъ пріютили. Тетка радовалась моему пробужденію отъ забытья и называла меня нѣжными именами за спасеніе Саньки. Я не могъ вынести ея благодарности.

— Тетя, это я виноватъ во всемъ!—воскликнулъ я.

— Полно, голубчикъ, на все воля Божья,—проговорила тетка.—Онъ и милуетъ, Онъ и наказуетъ!

Медленно выздоравливалъ я. Все мнѣ казалось, что передо мной вьется нашъ бѣлый сгорѣвшій голубь, что подъ ухомъ жалобно-протяжно мычитъ горящая корова. Не могъ я смотрѣть на нищету и горе тетки, и ушелъ отъ нея скитаться по бѣлу свѣту... Это было на пятнадцатомъ году моей жизни. Съ этой поры я былъ и половымъ, и провинціальнымъ актеромъ, и писцомъ въ губернскомъ правленіи, и просьбы писалъ мужикамъ, покуда не встрѣтился съ Александромъ Николаевичемъ. Онъ произвелъ меня въ чинъ сельскаго учителя...

Я еще удивлялся страннымъ событіямъ изъ жизни моего родственника, когда явился князь. Онъ былъ розовъ со сна и какъ-то сладко жмурился, глядя на заходившее за деревья сада солнце.

— Хорошо ли уснули, князь?—спросилъ я.

— Отлично.

— Княгиню во снѣ не видали?—спросилъ Хомутовъ.

— Богъ помиловалъ!

Князь былъ веселъ и шутилъ. По предложенію Гриши, мы рѣшили идти на берегъ озера ловить рыбу, захвативъ съ собою все нужное для ловли. Насъ сопровождала гурьба ребятишекъ, позванныхъ Гришей и накопавшихъ червей. Трудно сказать, кого болѣе радовало это маленькое partie de plaisir, Гришу ли, любителя рыбной ловли, или князя!

— Эхъ, дамъ бы сюда! — подмигнулъ мнѣ князь, уса-

Digitized by Google

живался на берегу озера и надвинул себѣ на глаза картузъ для защиты отъ солнца. — Плохо, батенька, безъ хозяйки.

— Что же дѣлать, если не удалось еще жениться?

— Надо ошибку поправить, надо! — говорилъ князь.

— Ну, и женитьба тоже не Богъ знаетъ какая благодать! — замѣтилъ Хомутовъ. — Вотъ вы, князь, безъ княгини, ей-Богу, лучше.

— Э, что вы все меня въ примѣръ ставите! Я исключеніе. Я теперь точно стѣсняюсь при княгинѣ, но вѣдь у нея тикъ. Это дѣло особаго рода.

— Ну, а Полина Францовна счастлива была въ замужествѣ?

— Да, скажите, пожалуйста, что это за странная старушка? — спросилъ я, съ невольнымъ любопытствомъ обращаясь къ князю.

— О, она предобрая! — воскликнулъ князь. — Она полька, вышла за брата княгини на шестнадцатомъ году замужъ, уѣхала съ мужемъ въ деревню, а у него тамъ цѣлый крѣпостной сераль былъ. Онъ ее и сталъ заставлять угощать и прислуживать его любовницамъ. Всякій день у него людей пороли, всякій день оргіи были. Онъ на весь уѣздъ безобразничалъ. Пробовала Полина Францовна убѣжать — воротилъ ее по этапу и, за наказанье, велѣлъ ей стоять каждый день во время обѣда въ теченіе трехъ недѣлъ на колѣняхъ предъ гостями...

Мнѣ стало скверно.

— И ничего ему не сдѣлали? — спросилъ я.

— Нѣтъ, разъ накуралесилъ черезчуръ, такъ его перевели на житье въ Сибирь. Полина Францовна думала-было не ѣхать — переслать ее приказалъ... Потому-то она и выглядитъ такою запуганною. Про нее, знаете, разсказываютъ, что въ былыя времена, ожидая мужа изъ гостей, она заболѣвала лихорадкой, какъ помѣшанная дѣлалась, и только твердила: «охъ, Олексѣй пріѣдетъ, охъ, Олексѣй пріѣдетъ!..» Разсказывали тоже, что разъ она ходила по деревнѣ передъ пріѣздомъ мужа и у всѣхъ крестьянъ со слезами спрашивала: «гдѣ наша курица яйцо снесла?» — боялась, что мужъ за одно пропавшее яйцо ее или безъ обѣда оставитъ, или велитъ ей при гостяхъ нѣсколько земныхъ поклоновъ положить. А онъ тысячи въ карты проигрывалъ и на любовницъ тратилъ. И вѣдь, говорятъ, какая гордая, какая красивая была она сначала...

Digitized by Google

— Да ужъ мужъ-то у насъ не воронье пугало!—вздохнулъ Хомутовъ.—Тутъ, дѣйствительно, есть чего бояться. А что князь, если бы васъ сослали въ Сибирь, вытребовали ли бы вы княгиню?

Князь только головой покачалъ.

— Все шутитъ!

Я не вмѣшивался въ разговоръ и молчалъ подъ невеселымъ впечатлѣніемъ разсказа. Гриша былъ тоже задумчивъ. Начинало дѣлаться сыро, и я былъ радъ случаю возвратиться домой.

День кончился ужиномъ, на слѣдующее утро мы собирались на охоту. Князь былъ хорошій стрѣлокъ. Послѣ охоты мы хорошо пообѣдали, отдохнули и провели вечеръ въ полумракѣ на террасѣ, бесѣдуя о разныхъ разностяхъ. Князь былъ вполнѣ счастливъ, но тужилъ, что на слѣдующій день нужно ѣхать домой.

— Ну, а когда же вы ко мнѣ?—спросилъ меня Хомутовъ.

— Я, право, затрудняюсь. Вы живете съ моимъ дѣдомъ.

— Я живу только на его землѣ, но не въ одномъ домѣ съ нимъ.

— Все равно, я не желалъ бы встрѣчаться съ нимъ,—сказалъ я.—Дѣло въ томъ, что старикъ, кажется, не такъ дуренъ, какъ его описывали мнѣ, и я радъ бы сойтись съ нимъ. Но я поставленъ въ странное положеніе.

Я откровенно разсказалъ Хомутову планы Бубнова

— Я не желалъ бы, чтобы изъ этихъ плановъ осуществилось хоть что-нибудь,—окончилъ я.—Я желалъ бы сойтись съ дѣдомъ только въ томъ случаѣ, если я буду увѣренъ, что между нами никогда не возникнетъ разговоровъ о наслѣдствѣ.

— Да вы чего же это такъ боитесь его наслѣдства?—засмѣялся Хомутовъ.

— Не наслѣдства я боюсь, а боюсь происковъ изъ-за полученія денегъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы старикъ видѣлъ во мнѣ хорошаго знакомаго, но никакъ не жаднаго родственника, который вертится около него, какъ воронъ около трупа. Наслѣдство мнѣ не нужно уже и потому, что я и своихъ-то крестьянъ хочу освободить, какъ только улажу дѣла съ братомъ.

— Э, такъ вы и на этомъ сойдетесь съ Александромъ Николаевичемъ, онъ тоже все подготовилъ къ освобожденію своихъ крестьянъ,— замѣтилъ Хомутовъ.

Digitized by Google

Онъ добавилъ, что я могу быть покоенъ, что дѣдъ не заподозритъ меня въ дурныхъ намѣреніяхъ, и еще разъ просилъ меня побывать у него. Я обѣщалъ. Мнѣ стало легче послѣ откровеннаго объясненія съ Хомутовымъ. Мои отношенія къ дѣду были мнѣ непріятны. Я слышалъ отъ всѣхъ и отчасти видѣлъ самъ, что это былъ человѣкъ не дурной, хотя и оригиналъ. Мнѣ было пріятно сойтись съ нимъ, но я боялся, что это стремленіе будетъ принято за желаніе сдѣлаться его наслѣдникомъ. Съ другой стороны, мнѣ было также неловко слишкомъ рѣзко отстраняться отъ дѣда, такъ какъ этимъ образомъ дѣйствія я какъ будто исполнялъ ловко придуманную программу Бубнова. Теперь я началъ надѣяться, что дѣдъ узнаетъ всю суть дѣла и отстранится отъ меня, заподозривъ тонкое плутовство и въ самой моей откровенности, или сойдется со мною просто и искренно, понявъ, что я не принадлежу къ числу тонкихъ и своекорыстныхъ плутовъ.

X.

Мой дѣдъ.

Черезъ нѣсколько дней я снова былъ у князя Мышкина. Онъ собирался къ Хомутову и потащилъ меня съ собою. Андрей Дмитріевичъ былъ очень радъ нашему пріѣзду. Онъ жилъ въ небольшомъ чистенькомъ домѣ, гдѣ помѣщалась сельская школа, основанная дѣдомъ. Самъ Хомутовъ исполнялъ здѣсь роль главнаго наставника и училъ дѣтей съ помощью священника и какого-то отставного семинариста. Мы не успѣли сказать нѣсколькихъ словъ, какъ въ комнату вошелъ дѣдъ. Онъ поздоровался съ княземъ и подошелъ ко мнѣ.

— Одинъ навязывался съ ножомъ къ горлу, другой бѣжитъ отъ меня, какъ отъ огня, — промолвилъ онъ съ насмѣшливой, но въ то же время радушной улыбкой, протягивая мнѣ руку.

— Андрей Дмитріевичъ, вѣроятно, передалъ вамъ, почему я поступалъ такъ, а не иначе, и потому надѣюсь, что вы не станете обвинять меня за мой образъ дѣйствій,—отвѣтилъ я, искренно пожимая протянутую мнѣ руку.

— А порядочный негодяй твой отчимъ,—проговорилъ дѣдъ, обращаясь ко мнѣ, какъ къ родственнику, на «ты».

Хомутовъ завязалъ общій разговоръ, но дѣдъ почти не вмѣшивался въ наши толки и пристально разглядывалъ

Digitized by Google

меня. Черезъ нѣсколько минутъ онъ взялъ меня подъ руку и пошелъ со мною въ садъ.

— Пусть ихъ толкуютъ, намъ познакомиться надо,—промолвилъ онъ мнѣ, оставляя князя и Хомутова.

Онъ началъ разспрашивать меня о матери, о моемъ прошломъ, о моей послѣдней исторіи въ столицѣ и внимательно слушалъ меня, то хмурясь, то ругая моего отчима и другихъ лицъ, къ которымъ и я относился скверно. Я узналъ отъ него, между прочимъ, что и онъ въ былыя времена совершилъ не по своей волѣ прогулку на Кавказъ, что онъ довольно близко стоялъ къ передовымъ людямъ своего времени и былъ оставленъ въ покоѣ только случайно. Менѣе чѣмъ черезъ часъ мы перестали стѣсняться между собою и говорили, какъ короткіе знакомые. Хомутовъ, вышедшій къ намъ въ садъ съ княземъ, былъ, видимо, доволенъ что мы сошлись. Вечеромъ я сталъ собираться домой, но Андрей Дмитріевичъ просилъ меня переночевать у него.

— У меня хата не велика, а для двоихъ мѣсто найдется,—говорилъ онъ.

— Уложи только князя у себя, а Владиміръ переночуетъ у меня,—сказалъ дѣдъ.—Я кстати покажу ему портретъ его матери.

Я поблагодарилъ дѣда за приглашеніе и пошелъ за нимъ въ его домъ. Это было отличное, удобное и просторное зданіе. Все здѣсь было приспособлено къ спокойной и уютной жизни на барскую ногу. Прислуги у дѣда было много, и вся она была отлично одѣта, крайне вѣжлива и расторопна. Дѣдъ обращался съ нею хорошо и хотя не говорилъ ей *вы*, но и не называлъ ее полуименами, Петьками, Мишками и Васьками. Въ кабинетѣ, гдѣ помѣщалась и библіотека, дѣдъ показалъ мнѣ портретъ моей матери. Я съ грустью смотрѣлъ на эти любимыя мною черты лица. Дѣдъ былъ тоже угрюмъ и не веселъ.

— Ни за грошъ погибла!—проговорилъ онъ.

Я промолчалъ. Мнѣ было тяжело. Все прошлое ярко воскресло въ моей памяти и снова тяготило меня.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, она вышла замужъ безъ вашего согласія за моего отца?—спросилъ я.

— Не то, чтобы безъ согласія, но безъ моего совѣта,—отвѣтилъ старикъ.—Я не считалъ никогда себя въ правѣ давать ей согласіе. Но она не посовѣтовалась со мной и вышла замужъ почти тайкомъ, хотя это было совсѣмъ не нужно. Романическій бракъ хотѣлось устроить! Правда, я

Digitized by Google

не любилъ ея мужа; онъ казался мнѣ тѣмъ безхарактернымъ идеалистомъ, которые умираютъ отъ чахотки или попадаютъ подъ башмакъ жены или спиваются съ кругу. Онъ считалъ меня деспотомъ, потому что я рѣшался сажать за одинъ столъ свою дочь и женщину, которая тогда жила со мной. Меня въ ту пору всѣ называли развратникомъ, но не все ли равно, съ кѣмъ я жилъ: съ ключницею или съ барыней, женатъ я былъ или нѣтъ? Тяжело мнѣ было, что воспитаніе Маши шло не такъ, какъ хотѣлъ я.

— Вы никогда ее не простили?

— Я на нее не сердился, — отвѣтилъ дѣдъ.— Она сама перестала писать ко мнѣ. Не потому перестала, что сердилась на меня, а потому, что намъ не о чемъ было переписываться. Пропасть цѣлая лежала между нами. Мы были чужими другъ для друга.

Дѣдъ хмуро наклонилъ голову на грудь и замолчалъ. Я невольно залюбовался лицомъ, дышавшимъ силой и энергіей.

— У меня съ тобой больше общаго, хотя мы только второй разъ видимся, — промолвилъ дѣдъ черезъ минуту и протянулъ мнѣ руку.

Онъ началъ говорить о необходимости освобожденія крестьянъ, о необходимости образованія для народа. Онъ былъ твердо увѣренъ, что такъ или иначе общество должно будетъ разрѣшить эти насущные вопросы, или ему солоно придется, если оно снова отстранитъ ихъ и отложитъ въ дальній ящикъ. Рѣчи дѣда были слишкомъ смѣлы и рѣзки, но въ то же время совершенно спокойны. Онъ говорилъ, какъ вполнѣ независимый человѣкъ, сознающій свое достоинство и свое значеніе, безъ мелочного раздраженія, безъ затаенной злобы. Мы проговорили до полночи. Какъ мы сошлись—этого я не замѣтилъ. Но, кажется, мы уже оба любили другъ друга. По крайней мѣрѣ, я, съ своей стороны, съ наслажденіемъ слушалъ рѣчи этого оригинальнаго, полнаго жизни и силы, старика, принадлежащаго къ отживавшему типу старыхъ баръ, независимыхъ по состоянію, воспитанныхъ на сочиненіяхъ свободныхъ французскихъ писателей XVIII вѣка. Онъ былъ изъ числа тѣхъ энергическихъ и сильныхъ натуръ, которыя отдаются каждому дѣлу, каждому вопросу всецѣло, и потому иногда впадаютъ въ крайности. Держаться золотой середины, лавировать онъ не умѣлъ, да и не имѣлъ надобности. Отсюда происходило то, что онъ слишкомъ рѣзко, слишкомъ безапелляціонно изрекалъ свои приговоры, часто невѣрные, но

Digitized by Google

всегда оригинальные. Такъ, онъ не видѣлъ никакой возможности найти оправданіе для нѣкоторыхъ личностей, вредившихъ и мѣшавшихъ намъ въ жизни. Такъ, онъ заходилъ слишкомъ далеко въ своихъ отрицаніяхъ и даже утверждалъ, что не онъ одинъ, а всѣ мы инстинктивно отрицаемъ все существующее у насъ и не сознаемся въ этомъ только по трусости или по глупости. Несмотря на свою крайнюю парадоксальность, его мнѣнія меня заинтересовали, такъ какъ они сложились въ его головѣ самостоятельно и были вызваны долгими наблюденіями.

— Начни у насъ отрицать пользу театровъ, музыки, поэзіи, скульптуры, — говорилъ онъ: — всѣ закричатъ, что ты искусство уничтожить хочешь, что ты хочешь отнять у человѣчества одно изъ благороднѣйшихъ наслажденій, что ты вандалъ; а посчитай, много ли театровъ приходится на всю Русь, много ли Русь раскупаетъ книгъ, картинъ, статуй? Наконецъ, тѣ-то, кто покупаетъ книги и картины, любуются ли ими, проводятъ ли надъ ними время или просто играютъ въ карты въ библіотекахъ и картинныхъ галлереяхъ? Начни отрицать сословныя различія, и на тебя накинутся всѣ,—а взгляни на половину помѣщиковъ: одна изъ нихъ ведетъ себя хуже мужиковъ, другая половина роднится съ купечествомъ, кланяется золотому мѣшку. У насъ менѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, замкнуто дворянское сословіе. Кромѣ того, дворянство основательно толкуетъ о необходимости нравственности и религіозности для народа, а само не подастъ примѣра нравственной жизни, не заводитъ сельскихъ школъ, гдѣ мужикъ могъ бы научиться хотя молитвамъ, которыхъ многіе совсѣмъ не знаютъ. Не заботится дворянство и о самомъ духовенствѣ, оставляетъ его въ пренебреженіи, принимаетъ чуть не въ людскихъ. Говорятъ, что духовенство не развито,—а кто же виноватъ? Бракъ у насъ уважаютъ тоже только на словахъ. На дѣлѣ же у каждаго мужчины любовница, у каждой женщины любовникъ. Развода нѣтъ, а за деньги отъ живыхъ мужей женъ покупаютъ. У насъ словно нѣтъ ничего завѣтнаго: разбили мы вдругъ своихъ идоловъ, переименовали Волоса въ Власа и стали христіанами. Разбили сначала французовъ, а потомъ ихъ же въ гувернеры брать стали. У насъ нѣтъ такихъ глубоко коренящихся ненавистей, какъ у какихъ-нибудь итальянцевъ, ненавидящихъ нѣмцевъ. Нѣтъ, мы стоимъ за государство и грабимъ казну, ругаемъ нѣмцевъ и отдаемъ въ ихъ управленіе свои имущества и своихъ дѣтей. Это подлый индефферентизмъ.

Digitized by Google

Дѣдъ между прочимъ спросилъ меня, чѣмъ я занимаюсь. Я сказалъ, что пишу и печатаю мелкія статьи въ журналахъ.

— Давно я ничего не читаю новаго,—замѣтилъ онъ.

— Старое кажется вамъ лучше новаго?

— Я мало русскихъ книгъ читаю,—уклончиво отвѣтилъ онъ.—Есть у меня нѣсколько книжонокъ Руссо, Вольтера, Свифта,—ну, а новые французы и англичане жиже ихъ. Русскіе же никуда не годятся.

— Да вѣдь вы же ихъ не знаете?—улыбнулся я.

— Русскихъ-то?—усмѣхнулся дѣдъ.—Ихъ не нужно читать, чтобы знать. Ну что, могутъ они провести Вольтера или похвалить его идеи?

— Ну, не одни же идеи Вольтера нужно проводить въ общество, хорошо, если можно указать и на пороки самого общества...

— А кто это указалъ на его пороки?—сощурилъ глаза дѣдъ, и по его губамъ скользнула насмѣшливая улыбка.

— Да мало ли кто, вы, я думаю, и Грибоѣдова, и Гоголя читали...

— Какъ же, какъ же, Грибоѣдова лично зналъ, и знаю, что онъ вывелъ въ комедіи шалопая, который подлецамъ и идіотамъ проповѣди читаетъ, да еще какія!—совѣтуетъ костюмъ европейскій сбросить, облечься въ старое русское платье, и въ то же время нападаетъ на низкопоклонство, перешедшее къ намъ прямо отъ нашей старой Руси. А Гоголь вашъ взятки каралъ, то-есть то, за что и законъ наказываетъ; помѣщиковъ осмѣивалъ за ихъ скупость, невѣжество или идеальничанье, а, въ концѣ-концовъ, договорился до того, что нужно помѣщику быть отцомъ крестьянъ и наказывать ихъ, какъ дѣтей! «Ревизора» же кончилъ тѣмъ, что благодѣтельное правосудіе накрываетъ взяточниковъ. О чемъ же и тужить, противъ чего же и возставать, если порокъ не ускользаетъ отъ глазъ правосудія?

— Въ послѣднее время Гоголь пошелъ на ложную дорогу,—замѣтилъ я.

— Всегда онъ на ней былъ,— сурово и съ пренебреженіемъ проговорилъ старикъ. — Не взятки надо карать, а нужно указывать, почему явилось взяточничество и что его поддерживаетъ...

— Ну, это трудно...

— Не трудно, а невозможно для вашихъ писакъ. Вотъ почему я и не ставлю въ грошъ вашу литературу,—посту-

Digitized by Google

чалъ палкою дѣдъ.—Говоритъ она только о томъ, что уже преслѣдуется закономъ, ну, а въ этихъ случаяхъ лучше просто писать доносы, — увидалъ взяточника и пиши, что, молъ, такой-то взялъ взятку, и пусть его судятъ. Тѣмъ же, что ты опишешь, какъ у насъ развито взяточничество—ты ничего не передѣлаешь. Безъ свободы слова литература можетъ быть только слабой и ничтожной, вотъ истина, которую высказалъ въ своихъ замѣткахъ... ну, какъ ты думаешь, кто?—спросилъ дѣдъ, насмѣшливо сощуривъ глаза.

— Не знаю,—отвѣчалъ я.

— Людовикъ XVI, который погибъ именно потому, что при немъ не было свободы слова, и онъ не зналъ, что думаютъ его подданные,—усмѣхнулся дѣдъ саркастической улыбкой.

— Да, братъ, наша литература не можетъ быть сильной,—добавилъ онъ черезъ минуту.—Но если она была бы ничтожна во всякомъ другомъ обществѣ, то у насъ она еще ничтожнѣе, такъ какъ каждая статья пишется только для самой малой части общества, для извѣстнаго класса, для извѣстной національности, для извѣстной партіи. Разбросаны мы по трущобамъ, не имѣемъ никакихъ сношеній другъ съ другомъ, состоимъ изъ людей разныхъ убѣжденій, разныхъ званій, разнаго развитія, разныхъ національностей, и потому вырабатываемъ и свои понятія, и свой характеръ независимо отъ всѣхъ остальныхъ нашихъ соотчичей, не хотимъ понять, что мы должны составлять единъ духъ и едино тѣло. Мы вѣдь не признаемъ въ сущности никакой власти, никакихъ законовъ; до Бога высоко, до царя далеко, говоримъ мы, а подьячихъ, обирающихъ насъ, мы и за правительство не считаемъ и боимся ихъ только тогда, когда откупиться нечѣмъ; духовенства не уважаемъ, и только платимъ ему извѣстную контрибуцію. У насъ и родины какъ-будто нѣтъ. Что наша родина? Россія? Какая? Та, гдѣ говорятъ по-чухонски? та, гдѣ говорятъ по-калмыцки, по-татарски, по-малороссійски? Посмотри во Франціи: выражаетъ ли одинъ французъ ненависть къ другому? Ну, а у насъ говорятъ: это татаринъ, проклятый, свиное ухо съѣлъ! москаля можно надуть! у ляховъ не ищи правды! Не хотятъ понять, что нужно стоять другъ за друга. Многіе ли же будутъ сочувствовать литературѣ, если послѣдняя станетъ отстаивать эту татарву, этихъ ляховъ или москалей, этихъ подьячихъ, дворянъ, духовенство или мужиковъ?.. Нѣтъ, плохо искать сочувствія тамъ, гдѣ люди стѣна на стѣну идутъ.

Digitized by Google

Я замѣтилъ, что Андрей Дмитріевичъ Хомутовъ высказывалъ мнѣнія, очень схожія съ мнѣніями дѣда, хотя и въ менѣе рѣзкой, парадоксальной формѣ. По утру я всталъ довольно рано и вышелъ на балконъ. Въ воздухѣ вѣяло свѣжестью. Утро было великолѣпное. Садъ дѣда съ просѣкою передъ балкономъ, доходившею до рѣки, былъ тихъ и прекрасенъ. Что-то спокойное и грандіозное было въ этихъ густыхъ и высокихъ выхоленныхъ деревьяхъ, въ этомъ отсутствіи мелкихъ садовыхъ растеній и цвѣтовъ. Лужайка передъ домомъ, далѣе просѣка, заканчивавшаяся рѣкой, все было просто и прекрасно. Вообще дѣдъ не любилъ мелочныхъ украшеній, дешевенькаго блеска и выше всего ставилъ комфортъ и прочность. Каждая вещь, принадлежавшая ему, поражала своею строгою простотой и была приспособлена къ полезному употребленію. Дѣдъ сердито пожималъ плечами, если встрѣчалъ у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ какую-нибудь гипсовую статуэтку или вычурную вазу съ искусственными цвѣтами. Ему казалось верхомъ глупости бросанье денегъ на ненужныя украшенія. Въ нарядахъ женщинъ его злили разныя кружева и бантики, и онъ серьезно увѣрялъ, что этими внѣшними прикрасами всегда прикрывается тупоумное неряшество... Я сидѣлъ еще на балконѣ, когда вышелъ дѣдъ.

— А? ты уже всталъ,—сказалъ онъ.

— А вы, кажется, уже давно не спите?

— Я рано встаю,—отвѣчалъ онъ.—Лѣтомъ жаль просыпать утро. Мнѣ уже недолго на свѣтъ смотрѣть. Былъ на работѣ, теперь пойду купаться.

— Я тоже охотно бы выкупался.

— Что-жъ, пойдемъ.

Мы отправились вмѣстѣ къ рѣкѣ. На берегу мы застали Хомутова и князя. Князь уже стоялъ по горло въ водѣ и плескался руками. Онъ былъ похожъ на сѣдовласаго, кудряваго ребенка. Хомутовъ обдавалъ его брызгами воды, и князь только какъ-то уморительно всхлипывалъ.

— Чортъ съ младенцемъ разыгрался! — пробормоталъ дѣдъ вслухъ.

Я не сомнѣваюсь, что младенцемъ дѣдъ считалъ не Хомутова, а князя. Дѣдъ быстро раздѣлся и прямо бросился въ воду. Онъ отлично плавалъ. Онъ отплылъ довольно далеко, потомъ вернулся, проплылъ еще разъ и потомъ вышелъ изъ воды.

— Ну, вы оставайтесь здѣсь полоскаться, — промолвилъ онъ:—я пойду распорядиться насчетъ чаю.

Digitized by Google

Онъ, кажется, и купанье считалъ дѣломъ серьезнымъ и глядѣлъ на насъ, какъ на дѣтей. Съ этого дня, я, князь, дѣдъ и Хомутовъ видѣлись очень часто. Чѣмъ больше узнавалъ я дѣда, тѣмъ сильнѣе привязывался я къ нему. Но на меня тяжело дѣйствовали его рѣчи. Эта необычайная суровость, это полное отрицаніе возможности преобразовать людей, вѣчное проповѣдыванье, что надо измѣнять обстоятельства, а люди измѣнятся сами, и въ то же время сознаніе, что намъ не удастся передѣлать обстоятельства, раздражали меня.

— Вотъ княгиня мучитъ князя,—говорилъ онъ.—А пошлю я къ нимъ Хомутова, натравлю ихъ—ну, и утихнетъ... тикъ сейчасъ сдѣлается. Вы же все на взяточниковъ нападаете, а не на тѣ обстоятельства, которыя вызываютъ взяточничество. Толкуйте хоть весь вѣкъ, что то или другое скверно—толку не выйдетъ, а измѣни отношенія людей—и въ годъ будутъ благіе результаты. Мелко вы плаваете, въ глубину забраться боитесь, да и не смѣете въ нее забираться, все Макара съ телятами помните. А теперь и совсѣмъ на мели сидите...

День ото дня мнѣ становилось все болѣе и болѣе жутко.

XI.

Послѣдствія грозы.

Я началъ заниматься въ устроенной мною деревенской школѣ, читалъ книги по политической экономіи и сельскому хозяйству, въ праздники сходился съ своими родными. Иногда выдавались и веселые дни, когда весь нашъ «веселый клубъ», какъ называлъ Хомутовъ наше общество, сходился вмѣстѣ. Въ «веселомъ клубѣ» немалое участіе принимала и княжна Зинаида. Она была весела, остроумна и не отставала отъ насъ ни на охотѣ, ни на рыбной ловлѣ, ни на катаньяхъ. Иногда у дѣда давались офиціальные обѣды, на которые пріѣзжали аристократы губернскаго города, относившіеся къ дѣду съ уваженіемъ и какъ-будто съ боязнью. Онъ держалъ себя съ ними такъ же ровно и спокойно, какъ и въ сношеніяхъ съ нами. Я подмѣтилъ въ немъ одну характерную черту: онъ смотрѣлъ на всѣхъ, какъ на дѣтей, какъ на юношей; даже къ сорокалѣтнему губернатору онъ относился, какъ къ неопытному молодому человѣку. Но всѣ эти пиры были рѣдки, и зимніе вечера будней, когда я кончалъ занятія въ школѣ, когда мнѣ не хотѣлось читать, были для меня тяжелы и невыносимы. Я

Digitized by Google

былъ одинъ. Гриша давно уже уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ академію. Мучительное ожиданіе того дня, когда я буду въ состояніи переѣхать въ Петербургъ, росло во мнѣ съ каждымъ днемъ. Иногда мнѣ казалось, что я не дождусь этой поры, и меня начинало пугать мое будущее — будущее одинокаго холостяка въ деревенской глуши. Все чаще и чаще приходила мнѣ въ голову мысль о необходимости имѣть около себя близкое любящее существо... Не знаю, долго ли оставались бы эти мечты простыми мечтами, если бы въ моей жизни не случилось одного тяжелаго событія.

Уже давно привыкъ я переписываться съ своими друзьями, разсѣянными по свѣту. Я зналъ почти день за день все, что случалось съ ними. Я зналъ, что Шепелевъ, скверно принятый отцомъ и матерью, выслушавшій наставленія своего дяди вице-губернатора, поступилъ на службу въ провинціи, съ механической аккуратностью исполнялъ свои обязанности, проводилъ вечера за картами, дѣлалъ офиціальные визиты въ торжественные дни, слылъ за степеннаго и ревностнаго молодого человѣка, за выгоднаго жениха и, повидимому, совершенно примирился съ своею жизнью. Но онъ коротко и сухо писалъ мнѣ о своей жизни и оживлялся въ письмахъ только тогда, когда сообщалъ о своихъ музыкальныхъ успѣхахъ: онъ началъ учиться играть на скрипкѣ. По странному капризу моей фантазіи, эта скрипка казалась мнѣ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ погремушекъ, которыми прекращаютъ плачъ дѣтей. Боль отъ ушиба не прошла, синякъ не уничтоженъ, можетъ-быть, ушибленное мѣсто черезъ часъ распухнетъ и потребуетъ медицинскихъ пособій; но ребенокъ на минуту забылъ про боль, онъ смѣется сквозь слезы, и его ближніе думаютъ, что они достигли своей цѣли. Это одинъ изъ тѣхъ обмановъ, которыми люди усыпляютъ и свое, и чужое горе, забывая, что обманъ не можетъ уничтожить самое горе. Это что-то похожее на тихое безуміе. Я зналъ, что не лучше утѣшился и Палицынъ. Онъ писалъ мнѣ: «Я только теперь имѣю возможность трезво глядѣть на все пережитое нами. Мы, какъ мальчишки, толковали вкривь и вкось о государственныхъ дѣлахъ, о реформахъ, объ общественныхъ теоріяхъ. Но только теперь мнѣ стало вполнѣ ясно, что все это ерунда, что прежде всего надо узнать нашъ народъ, котораго мы не знаемъ и которому не по плечу всѣ эти прелести, выработанныя гнилой европейской цивилизаціей или сервил-

Digitized by Google

зацiей,—чортъ ее знаетъ, какъ она тамъ называется. Меня здѣсь охватило русскимъ духомъ. Въ нашихъ палестинахъ живутъ пять, шесть помѣщиковъ, понимающихъ, лучше всѣхъ вашихъ сервилизованныхъ профессоровъ, русскаго мужика и его потребности. Я сошелся съ ними и думаю при первой возможности идти куда-нибудь въ путь съ обозомъ, для изученія русскаго народа. Покуда мнѣ удалось быть только на нѣсколькихъ сходкахъ, да потолкаться по кабакамъ. Мое сивильное платье, конечно, брошено къ дьяволу, и я попросту хожу въ родномъ зипунѣ».

Потомъ я узналъ, что Палицынъ дѣйствительно ушелъ съ обозомъ, что онъ гордился своимъ полнымъ «обмужиченьемъ». «Теперь, братъ, меня ни по одеждѣ, ни по говору, ни по фигурѣ не отличишь отъ мужика», писалъ онъ. Черезъ нѣсколько времени до меня дошли слухи, что онъ собираетъ пѣсни и ходитъ съ коробомъ по Россіи, записывая сцены изъ народной жизни. Ему суждено было скоро выступить на литературное поприще съ этими очерками изъ народной жизни. Очерки были фотографически вѣрны дѣйствительности, но Палицынъ воздерживался отъ всякихъ «западническихъ теорій», и въ сущности вносилъ въ литературу только сырой матеріалъ. Впрочемъ, слава Богу, что онъ ограничился только этою ролью, такъ какъ мнѣнія его стали дѣлаться все болѣе и болѣе странными, онъ сталъ примыкать по убѣжденіямъ къ тѣмъ людямъ, которые считали Россію шестой частью свѣта, и ждали, когда можно будетъ отслужить панихиду за упокой души догнившаго Запада. Но, несмотря на внѣшнее разнообразіе своей жизни, несмотря на живое отношеніе къ своему дѣлу, Палицынъ томился какимъ-то невысказаннымъ, несознаннымъ недовольствомъ и пилъ. Гораздо искреннѣе, гораздо ярче высказывалось гнетущее состояніе духа Макарова. Этотъ человѣкъ не обманывалъ себя ни погремушками, ни односторонними взглядами. Онъ просто понялъ весь ужасъ своего безысходнаго положенія и не вошелъ въ сдѣлку съ дѣйствительностью. Марья Васильевна писала мнѣ, что онъ переѣхалъ отъ нея и заходитъ къ ней только изрѣдка. Это меня удивляло, но письмо самого Макарова объяснило мнѣ все: «Ты вѣрно ждешь писемъ отъ потерпѣвшихъ кораблекрушеніе,—писалъ онъ.—Я хотя и спасся отъ бури, но все же подаю тебѣ вѣсть о себѣ. Я живу одинъ: тяжело мнѣ стало у Марьи Васильевны. У нея все такъ розово, все такъ уютно, мирно, что мнѣ стало гадко. Она, ея учс-

Digitized by Google

ницы, твой дядя, всѣ они пристроились, всѣ, какъ-будто въ раю, довольны своимъ угломъ и, кажется, не чуютъ, не хотятъ понять, что все ихъ счастье создано на пескѣ, что не сегодня, такъ завтра кто-нибудь возьметъ и опрокинетъ ихъ уголъ вверхъ дномъ. Впрочемъ, нѣтъ, ихъ счастье существуетъ какъ-то въ сторонѣ отъ бурь и вѣтровъ. Они завоевали спокойствіе тѣмъ, что не вмѣшиваются въ жизнь, что не говорятъ о ея мерзостяхъ. Они какъ-будто отошли въ сторону и купили свой миръ обязательствомъ не говорить объ остальномъ живущемъ на землѣ. Я почувствовалъ, что не могу жить въ этомъ раю. У меня являются вопросы: отчего не всѣ пользуются этимъ счастьемъ, что мѣшаетъ этому, гдѣ исходъ? Тамъ являются такіе отвѣты, о которыхъ нѣтъ возможности говорить, или, если станешь говорить, то не надѣйся на спокойствіе, на безопасность. Не говорить о нихъ я не могу, а потому и считаю себя лишнимъ въ обществѣ Марьи Васильевны. Мое присутствіе здѣсь могло нарушить и ея миръ. Но если мнѣ тяжелы были спокойствіе и миръ этой семьи, то еще тяжелѣе дѣйствуетъ на меня то отупѣлое состояніе общества, которое видитѣется теперь во всемъ, начиная съ литературы и кончая салонами. Паника вездѣ. Всѣ точно боятся, что отъ нихъ сейчасъ потребуютъ отчета за всю ихъ дѣятельность, за взятки, за казнокрадство, за своеволіе, за развратъ, за заѣданье чужого хлѣба. У всѣхъ явилось стремленіе свалить все на мальчишекъ, всѣ напираютъ на юные годы негодующихъ, на ихъ незначительные чины. Что-жъ это? Желаніе ли сказать, что у насъ только въ юности могутъ люди заниматься вопросомъ объ общественномъ благѣ, а не о набиваньи своего кармана, или стремленіе серьезно доказать, что только безумная юность можетъ негодовать на скверный порядокъ дѣлъ, что она только потому и негодуетъ на него, что не узнала изъ практики, какъ ловко ловить рыбу въ мутной водѣ? Но среди этого отупѣнія, среди этого повальнаго страха и эпидемическаго безмолвія, еще рѣзче, еще невыносимѣе слышатся дикіе звуки канкана, безшабашнаго кутежа, беззаботнаго и безпечнаго отдаванья себя наслажденіямъ минуты. Это пиръ во время чумы. Я не могу безъ злобы встрѣчать вѣчно смѣющееся, вѣчно юное лицо Леева. Каждое его слово рѣжетъ меня по сердцу, какъ плоская шутка на похоронномъ обѣдѣ, обращенная къ безмолвной вдовѣ только-что похороненнаго покойника. Досадно мнѣ даже то, что Леева нельзя упрекнуть

Digitized by Google

за этотъ смѣхъ въ подлости. Нѣтъ, это не подлость. Леевъ говоритъ: «ну, что-жъ, этого надо было ожидать! а вы думали, что вамъ такъ и позволятъ либеральничать!» Или: «э, пройдетъ десятокъ лѣтъ, опять то же будетъ, еще сильнѣе начнутъ либеральничать, доживемъ до тѣхъ поръ, ну, и мы будемъ подтягивать!» Или: «ну, скверно теперь наше положеніе, разогнали насъ, да вѣдь плетью обуха не перешибешь, стѣну лбомъ не пробьешь, значитъ нечего и толковать, не себя же удавить съ горя; было бы просто глупо и нелѣпо казнить себя на радость врагамъ». Или: «тебѣ скверно, невыносимо, да вѣдь ты исхода-то не найдешь, ну, значитъ, и ныть нечего, и живи, покуда Богъ по душу не пошлетъ». И всѣ эти горькія истины—я вѣдь и самъ понимаю, что это истины,—онъ изрекаетъ съ своимъ громкимъ, задушевнымъ смѣхомъ. Недавно я какъ-то особенно обозлился на него и сказалъ ему, что это, наконецъ, просто гадко и подло веселиться на похоронахъ.—«Да отчего же ты только Гераклита признаешь мудрецомъ, а Демокрита подлецомъ?—спросилъ онъ совсѣмъ серьезно.—Найди мнѣ какое-нибудь такое общественное дѣло, которое измѣнило бы строй нашей жизни, и я пойду за тобой. Покуда же ты мнѣ ничего не можешь указать, что перевернуло бы старое вверхъ ногами, ну, я и смѣюсь надъ тѣмъ, что вы плачете о дѣлахъ міра сего, и позволяю вамъ плакать даже надъ тѣмъ, что я смѣюсь надъ дѣлами міра сего».—«Да ты-то что намѣренъ дѣлать?»—спросилъ я его.—«Я? то же, что и теперь дѣлаю: смотрѣть на міръ».—«Только-то?»—«Только».—«Ну, братъ, для этого не особенно честнымъ надо быть».—«И не подлымъ. Я смотрю на міръ и знаю, что онъ меня не смѣетъ упрекнуть за тунеядство, за заѣданье чужого хлѣба. Я живу трудомъ, вырабатываю столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голоду и не ходить нагишомъ, и получаю за трудъ именно столько, сколько можно получать при скверномъ положеніи дѣлъ. Пользы я мало приношу; да вѣдь и ты ея не приносишь. Разница между нами только та, что ты являешься актеромъ, для котораго еще нѣтъ роли, а я занялъ мѣсто между зрителями и любуюсь разыгрываемой міромъ комедіей». Онъ правъ, тысячу разъ правъ: онъ ѣстъ, пьетъ, одѣвается на свои трудовыя деньги, онъ ведетъ себя независимо, не кланяется никому, онъ является рѣдкимъ образцомъ честности. Онъ не ведетъ борьбы потому, что не видитъ возможности успѣха и не считаетъ нужнымъ пасть на радость врагамъ.

Digitized by Google

Все это очень разумно, но все это очень холодно, черство, эгоистично. Онъ смѣется надъ всѣми, и его смѣхъ отзывается больѣ и въ моемъ сердцѣ, и въ сердцѣ какого-нибудь негодяя. Иногда, смотря на него, я думаю: ужъ не новое ли это какое-нибудь племя людей нарождается, которое осмѣетъ и насъ, непрактичныхъ плакальщиковъ, и тѣхъ практическихъ подлецовъ, которые отравляютъ нашу жизнь. Съ каждымъ разомъ письма Макарова дѣлались короче и мрачнѣе. Наконецъ, онъ написалъ мнѣ: «Это мое послѣднее письмо къ тебѣ. У меня нѣтъ болѣе силъ для жизни». Я встревожился, получивъ эту записку, и тотчасъ же написалъ письмо своему несчастному другу, полное тѣхъ пустыхъ утѣшеній, которыхъ ложь я сознавалъ самъ. Отвѣта не получилось. Для меня прошелъ мучительный мѣсяцъ, въ ожиданіи этого отвѣта. Наконецъ, почта принесла мнѣ груду писемъ. Я дрожащею рукою распечатывалъ ихъ. Меня поразилъ ихъ тонъ, вездѣ меня въ чемъ-то утѣшали, вездѣ совѣтовали мнѣ быть бодрѣе. Гриша даже спрашивалъ, не нужно ли мнѣ, чтобъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ. Я нетерпѣливо распечаталъ еще одно изъ писемъ—оно было отъ Марьи Васильевны... «Не знаю, хорошо ли я дѣлаю, что пишу вамъ обо всемъ откровенно? — писала она: — Но лучше горькая правда, чѣмъ сладкій обманъ»... Я пробѣжалъ глазами еще нѣсколько строкъ осторожнаго вступленія, и мой взоръ приковался къ одной большой буквѣ М. Я видѣлъ, что этою буквою начиналась знакомая мнѣ фамилія, и не могъ оторваться отъ нея, я предчувствовалъ, я зналъ впередъ все, что прочту далѣе. «Макаровъ застрѣлился». Я читалъ и перечитывалъ эти два слова и не понималъ, что я читаю. Мои глаза были сухи, мое сердце почти не билось, я словно замеръ. Я ходилъ по комнатѣ, ни о чемъ не думая, я брался нѣсколько разъ за голову, словно стараясь вспомнить о чемъ-то, потомъ я снова читалъ письмо, читалъ подробности смерти Макарова, читалъ, что онъ и застрѣлился-то неудачно, что онъ жилъ и мучался еще три часа послѣ выстрѣла,—и снова я ходилъ по комнатѣ, снова не понималъ ничего.

«Что же это я, съ ума схожу, что ли?»—мелькнула въ моей головѣ мысль.

Я быстро одѣлся, схватилъ фуражку и вышелъ изъ дому. Куда и зачѣмъ я шелъ—я не зналъ, не помнилъ. Съ часъ бродилъ я по большой дорогѣ, погруженный въ какія-то безотчетныя думы, наконецъ, усталый, продрогшій я вер-

Digitized by Google

пулся домой. Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, было письмо Марьи Васильевны, валявшееся на полу. Взглянувъ на него, я какъ бы очнулся и расплакался, какъ ребенокъ... Мы часто негодуемъ на друзей и на близкихъ людей, когда они стараются насъ утѣшить въ горѣ. Но если бы вы знали, какъ страшно испытывать горе и знать, что кругомъ васъ нѣтъ даже человѣка, который могъ бы не только-что успокоить васъ своею заботливостью, но даже просто разсердить, раздражить васъ непрошеннымъ и неловкимъ участіемъ. Въ такія минуты начинаешь понимать, что люди со всѣми ихъ ошибками, со всѣми ихъ пороками, нужнѣе для насъ, чѣмъ небо, чѣмъ солнце, чѣмъ воздухъ. Безъ воздуха, безъ солнца вы умрете, безъ людей вы сдѣлаетесь самоубійцей или сойдете съ ума.

— Куда-нибудь, хоть къ исправнику, хоть къ становому, но только въ общество людей, только вонъ изъ этого одиночнаго заключенія!—говорилъ я на другой день, сжимая свою горячую голову.

XII.

Непоправимая ошибка.

Это письмо было для меня громовымъ ударомъ, при которомъ обыкновенно крестится русскій человѣкъ. До сихъ поръ я просто скучалъ, сердился на одиночество, сѣтовалъ на то, что мои связи и надежды оборвались, но все-таки мнѣ казалось, что гроза прошла и что понемногу намъ удастся отдохнуть. Теперь внезапно дошла до меня вѣсть, что гроза пришибла одного изъ нашихъ, явилась боязнь, что я самъ могу дойти до подобнаго отчаянія. Чѣмъ больше я думалъ о своемъ положеніи, тѣмъ страшнѣе становилось мнѣ за свое будущее; я чувствовалъ, что я пріѣду въ Петербургъ, какъ чужой, что мнѣ, порядочно упавшему духомъ, будетъ трудно сплотить новый кружокъ друзей и составить новые планы практической дѣятельности. И кого я встрѣчу въ Петербургѣ? Дядя старъ, Марья Васильевна прекрасная женщина, но у нея свои интересы. Леевъ едва ли пойдетъ со мною по одной дорогѣ, Макарова не стало. Шепелевъ и Палицынъ не вернутся въ столицу. Да если бы они всѣ и были въ Петербургѣ, то что стали бы мы дѣлать среди всеобщаго застоя и духоты? Мнѣ начинали вспоминаться слова дяди: «плохо жить бобылемъ до старости». Да, дѣйствительно плохо, если нѣтъ общественной широкой дѣятельности, если нѣтъ надеждъ на эту дѣятель-

Digitized by Google

ность. Никогда не чувствовалъ я такъ сильно своего одиночества, какъ теперь, никогда не тосковалъ я такъ о счастіи, какъ въ это время, никогда не рисовалась предо мною въ такихъ яркихъ краскахъ прелесть семейной жизни, какъ въ эти дни. Повидимому, я еще не былъ ни въ кого влюбленъ, но если бы заглянуть поглубже въ мою душу, то можно было бы увидать, что образъ княжны постоянно мелькалъ передо мною, что въ картинахъ моего семейнаго счастья эта дѣвушка играла не послѣднюю роль. Мы въ тѣ времена были крайними идеалистами и искали всюду недюжинныхъ и дѣвственныхъ натуръ: княжна, какъ мнѣ казалось, принадлежала къ числу ихъ: смѣлая, презирающая свою среду, гордая, ненавидящая униженіе, сдержанная и незараженная пустотою свѣтскихъ барышенъ, она поражала меня своею нравственною силою, своимъ умомъ. Я не могъ насмотрѣться на ея энергичное лицо, не могъ наслушаться ея рѣчай. Иногда ея сдержанность и холодность въ сношеніяхъ съ капризною княгинею заставляли меня глубоко страдать за эту дѣвушку: я понималъ, какъ больно, какъ тяжело княжнѣ сдерживать себя и сохранять внѣшнее спокойствіе, когда въ душѣ кипитъ буря. Съ каждымъ днемъ мы сходились все ближе и ближе, иногда меня ободряли рѣчи княжны, когда я разсказывалъ ей о своихъ печаляхъ, о своихъ невзгодахъ, а она отвѣчала мнѣ:

— О чемъ тужить? Или вы слезами хотите доставить удовольствіе своимъ врагамъ? Или вы хотите уложить себя, какъ вашъ Макаровъ, въ могилу, чтобы враги имѣли возможность со смѣхомъ засыпать вашъ ротъ землею? Бейтесь съ ними, старайтесь завербовать счастье, на зло имъ; если не можете завербовать счастья, то хоть смѣйтесь, чтобы обмануть ихъ своимъ смѣхомъ, чтобы обозлить ихъ, смутить ихъ своимъ весельемъ...

Потомъ она начинала смѣяться надо мною вызывающимъ смѣхомъ, какъ иногда смѣялся Леевъ; она входила со мной въ комнаты, гдѣ сидѣли мой дѣдъ, князь, Андрей Дмитріевичъ, и говорила имъ съ ироніей:

— Поняньчитесь, пожалуйста, съ этимъ малюткой, онъ опять плачетъ.

Затѣмъ открывался рояль, и въ комнатѣ неслись звуки буйной, бравурной пѣсни.

«О, съ такою женщиной можно идти на борьбу, на смерть!»—думалъ я въ эти минуты.

Все ярче и ярче блестѣлъ передо мной этотъ образъ.

Digitized by Google

Обманывала ли она меня, обманулъ ли я себя, увлеченный внѣшностью,—Богъ знаетъ,—но я уже шелъ покорно за этою женщиной и, какъ провинившійся школьникъ, ждалъ ея снисходительной улыбки. А тутъ настала опять весна съ ея оживленіемъ, съ ея поэтическими ночами. Молодая жизнь опять закипѣла въ груди, опять захотѣлось надѣяться на счастье, захотѣлось идти на борьбу, и казалось, что для предстоящей борьбы у меня есть одинъ товарищъ, смѣлый и непокорный, готовый на все. Я сообщилъ дѣду свои планы насчетъ женитьбы.

— Я, братъ, плохой совѣтникъ въ этихъ дѣлахъ,—нахмурился онъ.—Если бы ты бралъ ее въ любовницы,—а! это другое дѣло. Я, пожалуй, и благословилъ бы тебя. Ну, а жена—это статья особаго рода. Разлюбитъ она тебя или ты ее разлюбишь,—оба будете несчастливы. И дѣвушка-то она съ характеромъ...

— Это-то и прекрасно!—воскликнулъ я.

— Это-то и дурно!—холодно замѣтилъ онъ.—При настоящемъ положеніи дѣлъ, жена должна быть безхарактерна, если у мужа есть характеръ, или наоборотъ.

— То есть или нужны мужья въ родѣ князя, или жены въ родѣ Полины Францовны?—засмѣялся я.

— Да. Ты думаешь, это несчастные браки?—пристально посмотрѣлъ на меня дѣдъ.—А я тебѣ скажу, что это самые счастливые браки. Тутъ, по крайней мѣрѣ, одинъ человѣкъ правитъ домомъ, дѣтьми, дѣлами. Ну, будь-ка князь съ моимъ характеромъ—да чтобы тогда было: княгиня тарелкой въ меня, а я въ нее блюдомъ, она въ меня чашкой, а я въ нее миской. Ей подавай француза-гувернера, мнѣ русскаго студента; она бредитъ сыномъ гвардейцомъ, я хочу въ сынѣ видѣть хоть мужика, но человѣка. Она взяла бы любовника, я выгналъ бы ихъ вонъ; мнѣ понравилась бы другая женщина, я оставилъ бы жену. А тутъ все мирно, все тихо, княгиня жила съ гувернеромъ, а князь и второстепенною ролью былъ доволенъ; полюбилъ онъ горничную, побаловалъ потихоньку и промолчалъ, когда княгиня отдала ее замужъ за послѣдняго деревенскаго пьяницу.

— Да развѣ это счастье!—воскликнулъ я.

— Ну, не особенное счастье, но вѣдь счастья въ бракѣ и быть не можетъ,—высказалъ дѣдъ одинъ изъ своихъ парадоксовъ:—а тутъ все-таки хоть одна половина вполнѣ счастлива, если же оба съ характеромъ, то обѣ половины несчастны.

Digitized by Google

— Это слишкомъ!

— Да тебѣ непремѣнно хочется найти счастливые браки, ну, изволь: вонъ вашъ Гоголь описывалъ счастливые браки старосвѣтскихъ помѣщиковъ и Маниловыхъ, прибавь, что такъ же была бы счастлива и Полина Францовна съ княземъ, если бы они были супругами. Это безхарактерные люди—они могутъ быть счастливы. Есть и счастливые браки—ну, да тѣ и браками трудно назвать, это просто союзъ двухъ рабочихъ силъ,—это браки честныхъ бѣдняковъ. Завязываются они обыкновенно для того, чтобы помогать другъ другу.

— Но могутъ же люди быть счастливы, если ихъ убѣжденія схожи...

— Гмъ, убѣжденія!—опять нахмурился дѣдъ.—Это ты о честныхъ убѣжденіяхъ толкуешь, что ли? Ну, такъ вотъ что я тебѣ скажу: честныя убѣжденія выгоды мало приносятъ, а до гибели часто доводятъ, они во всякомъ случаѣ дѣло рискованное. Женщины же наши не особенно храбры и становятся еще пугливѣе, когда на карту ставится не одно ихъ счастіе, а и счастіе ихъ дѣтей, потому въ убѣжденіяхъ-то тутъ и придется разойтись, если сначала и сойдешься въ нихъ.

— Тѣмъ-то и нравится мнѣ княжна, что она не изъ трусихъ.

Дѣдъ пристально взглянулъ на меня.

— А ты знаешь ея убѣжденія?—спросилъ онъ.

— Кажется.

— Не вѣрю! Я тебѣ не хочу ни совѣтовать, ни отсовѣтовать, парень, но скажу одно: ни ты, ни я и никто другой не знаетъ княжны. Она гдѣ-то глубоко, глубоко похоронила свой характеръ и свои мысли и оставила на виду только то, что считаетъ удобнымъ показывать людямъ. Но, кромѣ того, она и сама не знаетъ себя вполнѣ, потому что она не видѣла свѣта и общества!.. Вѣрно одно, что у нея есть характеръ.

Я смотрѣлъ на дѣда, какъ на крайняго скептика, и понималъ, что онъ преувеличиваетъ во всемъ дурныя стороны. Мнѣ было трудно согласиться съ его взглядами на княжну и на мою женитьбу на ней. Я, впрочемъ, еще не рѣшился ни на что окончательно, когда случай разрубилъ тотъ гордіевъ узелъ, который я хотѣлъ развязать. Дня черезъ два я былъ у князя. Послѣ обѣда мы долго ходили съ княжной по саду. Она была раздражена на отца.

Digitized by Google

— Я не понимаю, зачѣмъ онъ такъ пригнулся передъ матерью,—говорила она.—Гадко, когда человѣкъ такъ принижается, особенно, если это мужчина.

— Да и для женщины это гадко,—замѣтилъ я.

— Ну, женщина хоть своею безправностью можетъ оправдаться, а тутъ и оправданія нѣтъ. Вы не повѣрите, какъ это тяжело дѣйствуетъ на меня, тѣмъ болѣе, что всѣмъ это ясно. Вы помните, вы съ перваго раза разгадали отношенія отца къ матери, и я стараюсь оправдать его. Мнѣ больно, что его считаютъ трусомъ.

— Какъ у васъ достаетъ силъ бороться съ матерью?

— Зато она и не любитъ меня.

— Вамъ тяжело жить здѣсь?

— Что это вы жалѣть меня собираетесь?—усмѣхнулась княжна насмѣшливой улыбкой.

Она была удивительно хороша въ такія минуты.

— Вы, я думаю, въ этомъ не нуждаетесь. Я просто говорю фактъ, и, признаюсь, мнѣ досадно, что вамъ приходится тратить свои силы на эту мелкую борьбу.

— Что же дѣлать?

— Вырваться отсюда.

— Какимъ образомъ? На мѣсто идти?

— Вамъ никогда не приходила мысль о замужествѣ?

— Какъ же, мнѣ исправникъ предлагалъ свою руку,— засмѣялась княжна своимъ тихимъ, ироническимъ смѣхомъ, и я снова залюбовался ею.

— Вы, вѣроятно, такъ же бы разсмѣялись, если бы я вамъ предложилъ свою руку?—замѣтилъ я шутливо.

Княжна мелькомъ взглянула на меня.

— Я объ этомъ никогда не думала,—серьезно отвѣтила она.

— Очень грустный для меня отвѣтъ.

— Отчего же?

— Значитъ, вы даже никогда и не думали обо мнѣ безъ меня,—сказалъ я.—Вообще, когда сходятся молодые люди, имъ обыкновенно начинаетъ представляться въ мечтахъ ихъ будущее и въ его картинахъ близкія лица играютъ главныя роли. Это въ порядкѣ вещей.

— Я никогда не мечтаю,—вскользь и холодно отвѣтила княжна.—Чѣмъ роскошнѣе воздушные замки, тѣмъ печальнѣе окружающія насъ лачуги. И, наконецъ, стоитъ ли вся роскошь воздушныхъ замковъ одной какой-нибудь курной избы?

Digitized by Google

Въ ея голосѣ звучала какая-то тоскливая нота.

— Да, это грустная правда, но она доказываетъ только то, что всѣ наши широкіе планы не удаются, и мы перестаемъ вѣрить планамъ и грёзамъ... Я тоже не очень вѣрю планамъ, но у меня есть одна завѣтная мечта, которой я вѣрю,—это мечта о мирной и честной жизни. Вотъ почему я задалъ вамъ вопросъ о томъ, что бы вы отвѣтили на мое предложеніе...

Она шла молча подлѣ меня, съ опущенной головой. Потомъ она подняла голову.

— Вы изъ сожалѣнія къ моей участи предлагаете мнѣ свою руку?—спросила она съ усмѣшкой.

— О, ради Бога, не думайте этого!—въ увлеченіи воскликнулъ я.—Я не имѣю никакого права благодѣтельствовать вамъ, когда вы не просите моей помощи и даже жалуетесь на свое положеніе. Я люблю васъ, вы одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя могутъ твердо идти рядомъ съ мужчиной, не дѣлаясь его игрушкою, его куклой, его ученицей. Я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которымъ нужна жена-подруга, а не слуга, не игрушка. Я одинъ, мнѣ тяжело живется, я привыкъ въ послѣднее время дѣлиться съ вами и горемъ, и радостями, вотъ почему я прошу вашей руки.

Она опять молча шла рядомъ со мною. Мнѣ было тяжело это молчаніе. Тогда я не отдавалъ себѣ отчета, почему мнѣ было тяжело, я не замѣчалъ въ тѣ минуты всей фальши нашего объясненія въ любви, я не сознавалъ тогда, что не такъ объясняются въ любви страстно-влюбленные люди.

— Вы меня не любите, говорите прямо,—сказалъ я черезъ минуту, несмотря на нее.

— Нѣтъ, это не то,—встряхнула она головой.—Я не могу сказать, что я не люблю васъ. Съ вами я сошлась ближе, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь... Такъ близко я не сходилась еще ни съ кѣмъ... Я никогда не представляла себѣ идеаловъ; изъ книгъ ихъ было трудно почерпнуть среди дрянныхъ героевъ, а въ жизни я никого не видала... Потому вы не выше, не ниже моихъ требованій, я чувствую, что вы хорошій и добрый человѣкъ, что я буду счастлива съ вами...

Она замолчала. Меня начинала бить лихорадка. Но все-таки я не замѣчалъ, что мы толкуемъ о любви, какъ о коммерческой сдѣлкѣ.

— Но отчего же вы не рѣшаетесь сказать: да?—спросилъ я.

Digitized by Google

— Мнѣ какъ-то досадно, какъ-то странно, что я слишкомъ... слишкомъ...—княжна подыскивала слово:—слишкомъ спокойна,—окончила она.—Можетъ-быть, это не любовь, или я не умѣю любить, какъ любятъ другія... Я вѣдь знаю, что я буду счастлива съ вами, но сумѣю ли я сдѣлать счастливымъ васъ?

— Добрая, такъ это вы за меня боитесь!—сказалъ я, сжавъ ея руку.—Я не мальчикъ, мѣряющій любовь по числу нѣжныхъ поцѣлуевъ, мнѣ нужна женщина-другъ, которая могла бы идти рядомъ со мною и въ тяжелыя минуты поддерживать меня... Будьте моимъ другомъ—и я буду счастливъ.

Она протянула мнѣ руки и тихо, робко, беззвучно поцѣловала меня въ лобъ. Я видѣлъ въ этомъ тихомъ, робкомъ поцѣлуѣ новый признакъ нравственной чистоты, той высокой дѣвственной чистоты, которую я такъ любилъ въ княжнѣ. Мы сѣли на скамью. Зина наклонила свою голову на мое плечо и молчаливо слушала мои горячія рѣчи о нашемъ будущемъ, о нашемъ переѣздѣ въ Петербургъ, о моихъ планахъ освободить крестьянъ, о моихъ надеждахъ на литературные труды. Я говорилъ съ нею, какъ съ другомъ, какъ съ товарищемъ, и мнѣ не казалось страннымъ, что я говорю такъ много обо всемъ, но только не о любви.

— Какой чудный вечеръ!—прошептала она.—Я вполнѣ счастлива, милый.

— Такихъ вечеровъ много, много будетъ въ нашей жизни!—отвѣтилъ я восторженнымъ тономъ и наклонился поцѣловать ее.

Она подняла голову и обвила меня руками.

— Милый, милый, ты первый научилъ меня любить,—шептала она.—До сихъ поръ я презирала или жалѣла людей, теперь я люблю ихъ.

Въ ея глазахъ заблестѣлъ страстный, яркій огонь.

Когда я вернулся домой, я былъ въ восторгѣ, и ни одна черная мысль не промелькнула въ моей головѣ. Какъ это всегда бываетъ, самый важный шагъ былъ сдѣланъ чисто случайно. Одинъ изъ нашихъ талантливѣйшихъ писателей замѣтилъ, «что почти всѣ порядочные люди становятся женихами, сами не зная, какъ это случилось: кровь разгорячена, сорвалось съ языка слово,—и кончено». Такъ было и со мною. Но такъ ли случайно отдала мнѣ свою руку княжна? Это осталось ея тайною.

Съ этого дня между нами должны были начаться новыя

Digitized by Google

отношенія, но они какъ будто не начинались: правда, мы тѣснѣе сошлись. Зина откровенно говорила, что ее давятъ семейныя отношенія, она чаще разспрашивала меня о моихъ дѣлахъ, но у насъ не было ни тѣхъ шаловливыхъ выходокъ, которыми такъ богаты простенькіе женихи и невѣсты, ни тѣхъ тайныхъ, страстныхъ поцѣлуевъ, которыми полно предбрачное время влюбленныхъ. Нѣтъ, мы были слишкомъ умны для всего этого, слишкомъ ясно видѣли другъ въ другѣ не жениха и невѣсту, а двухъ товарищей. Иногда мнѣ становилось даже досадно, что я недостаточно нѣженъ. Но потомъ я вспоминалъ свое дѣтство, вспоминалъ, что я давно отвыкъ отъ ласкъ, и былъ увѣренъ, что моя сдержанность нормальна. Что касается до сдержанности княжны, то я передъ нею благоговѣлъ: это чистое, стыдливое и непорочное существо, думалось мнѣ. Я часто выражалъ эти же мысли дѣду.

— Кто васъ знаетъ, умны вы слишкомъ и слишкомъ непорочны, а мудрецы и непорочные никогда не умѣли любить,—сердито отвѣчалъ онъ.

— Что-жъ, значитъ, глупость и порочность лучше,— смѣялся я.

— Да ужъ человѣку должно быть свойственно все человѣческое, а значитъ, и глупость, и порочность. Лучше сглупить, лучше согрѣшить въ минуту увлеченія, чѣмъ непорочно и мудро надѣть своей ближней петлю на шею, да и затянуть ее.

Я зналъ идеи дѣда относительно брака и потому не считалъ нужнымъ распространяться объ этомъ. Одинокая жизнь, между тѣмъ, стала мнѣ невыносима. Кто жилъ безвыѣздно въ деревнѣ, кто не могъ переѣхать изъ деревни въ большой городъ, тотъ пойметъ, какъ и почему такъ легко завязываются тамъ связи съ дѣвушками, на которыхъ мы, можетъ-быть, и не взглянули бы въ городѣ, которыя стоятъ ниже насъ по развитію, которыя никакъ не могутъ быть нашими подругами. Выбирать подругу жизни здѣсь приходится изъ провинціальныхъ барышенъ или изъ крестьянокъ; но сойтись съ женщиной, какъ съ любовницей, я не могъ; мнѣ всегда были гадки эти связи на время безлюдья съ неразвитыми, довѣрчивыми горничными, которыхъ увлекала разная образованная молодежь, зная впередъ, что черезъ годъ или черезъ два придется бросить этихъ несчастныхъ, полубезграмотныхъ, не умѣющихъ разогнать нашу тоску, созданій. Искать жену между безхарактерными, пошлень-

Digitized by Google

кими провинціальными барышнями, поющими романсы и дѣлающими глазки, я тоже не могъ, и видѣлъ, что княжна неизмѣримо выше ихъ. Мнѣ казалось, что лучшей женщины нельзя встрѣтить въ мірѣ.

Мои дѣла между тѣмъ шли недурно. Я началъ питать нѣкоторую надежду на переѣздъ въ Петербургъ. Насталъ день свадьбы. Она совершилась довольно торжественно. Князь былъ въ восторгѣ и даже не боялся княгини. Княгиня страдала тикомъ и дѣлала умирающее лицо передъ гостями. Хомутовъ былъ моимъ шаферомъ и оригинально поздравилъ меня: «ну, оболванился!» Дѣдъ хмуро смотрѣлъ на все и, поздравляя насъ, передалъ моей женѣ пачку билетовъ.

— Вамъ будутъ нужны деньги на шпильки и на булавки,—сказалъ онъ ей.

— Ну, будетъ теперь у княжны, чѣмъ пришпиливать ближнихъ,—замѣтилъ Хомутовъ князю.

Князь обидѣлся.

— Ты ужъ можешь надо мной трунить, а ея не тронь,—отвѣтилъ онъ.

— Да чѣмъ же я ее трогаю? Булавки имѣть въ запасѣ недурно.

Оказалось, что дѣдъ далъ своей крестницѣ двадцать пять тысячъ. Эти деньги были давно отложены имъ для нея.

— Чудакъ,—замѣтила мнѣ Зинаида, показывая подарокъ.—Когда у меня платья порядочнаго не было, онъ не давалъ почти ничего. Когда у меня все въ избыткѣ,—онъ даритъ тысячи.

— Онъ, вѣроятно, хотѣлъ, чтобы на тебѣ женился кто-нибудь не ради денегъ, а по любви,—отвѣтилъ я.

— Да, но зато онъ могъ сдѣлать этимъ то, что я вышла бы замужъ изъ-за денегъ жениха.

— Ну, онъ былъ увѣренъ въ тебѣ и зналъ, что ты не сдѣлаешь этого.

— Ахъ, мой милый, какъ же онъ могъ знать это, когда я и сама этого не знала!—воскликнула Зинаида.

— Какъ! ты думаешь, что ты могла бы выйти замужъ ради денегъ?—изумился я.

— Я ничего не думаю,—отвѣтила она сдержаннымъ тономъ.—Есть случаи, которыхъ нельзя предвидѣть. Развѣ ты можешь сказать, какъ бы ты поступилъ, если бы ты вдругъ остался безъ хлѣба на улицѣ, безъ работы? Можетъ-быть, ты сдѣлался бы воромъ, убійцей. Ты скажешь, что ты этого

Digitized by Google

никогда бы не сдѣлалъ, но ты скажешь это потому, что ты не стоялъ еще въ такомъ положеніи.

Я понялъ, что она права...

Наша жизнь пошла мирно и ровно. Казалось, въ моемъ существованіи не произошло никакой перемѣны, только мой домъ сдѣлался оживленнѣе, только дни проходили какъ-то спокойнѣе, безтревожнѣе. Дѣдъ, князь и Андрей Дмитріевичъ почти ежедневно заѣзжали къ намъ и были веселы и милы безъ княгини, которая все еще страдала тикомъ. Замужество дочери казалось ей неровнымъ бракомъ, такъ какъ я не былъ ни княземъ, ни графомъ. Деньги, данныя дѣдомъ Зинаидѣ, повергли княгиню въ еще большее уныніе: она теперь сердилась на дѣда и мечтала, какъ отлично она могла бы прожить со своей семьей въ столицѣ, если бы дѣдъ отдалъ эти деньги до свадьбы княжны.

— Ахъ, я рада, что ты, по крайней мѣрѣ, независима отъ мужа,—ныла княгиня передъ Зиной:—Богъ знаетъ, вернутъ ли его въ столицу? Если не вернутъ, ты можешь одна ѣхать туда на зиму. Князь Аполлонъ будетъ радъ видѣть тебя!

Но странно было то, что постоянно, когда я оставался одинъ съ Зиной, мы толковали только о будущемъ, какъ будто наше настоящее было только ночлегомъ на станціи, какъ будто оно не вполнѣ удовлетворяло наши стремленія. Тогда я не разсуждалъ объ этомъ, но если бы я вздумалъ разсуждать, то, вѣроятно, призналъ бы такое положеніе нормальнымъ, рѣшилъ бы, что мы и дѣйствительно не можемъ удовлетвориться однимъ семейнымъ узкимъ счастіемъ, что наши планы и цѣли шире, что мы и сошлись только для того, чтобы легче достигнуть своихъ цѣлей, работая не порознь, а вмѣстѣ. Да, я такъ могъ думать тогда, не замѣчая, что Зина, со своей стороны, покуда не высказывала никакихъ плановъ, и только соглашалась съ моими проектами, что, можетъ-быть, въ ея головѣ бродили совсѣмъ другія мысли, чѣмъ тѣ, которыя высказывалъ я. Такъ прошло около года. Я попрежнему занимался наукой, попрежнему училъ въ школѣ ребятишекъ, взявъ себѣ въ помощники по школѣ учителя. Всѣ эти работы не могли раздѣляться Зиной, и она по большей части проводила время за чтеніемъ книгъ или въ обществѣ своей матери, дѣда, Полины Францовны и другихъ членовъ нашего кружка. Наконецъ, я получилъ письмо отъ Бубнова, гдѣ писалось о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ столицу. Я былъ внѣ себя отъ радости.

Digitized by Google

Не меньше меня радовалась и Зина, начинавшая скучать въ деревнѣ. Мы торопились ѣхать. Я распорядился, чтобы Гриша нанялъ мнѣ квартиру въ Петербургѣ. Первые дни послѣ пріѣзда въ столицу намъ пришлось хлопотать о покупкѣ мебели и всего нужнаго для устройства своего гнѣзда. Среди этихъ хлопотъ, на второй же день послѣ пріѣзда въ столицу, я съѣздилъ къ дядѣ, Бубнову и Лееву. Кажется, давно ли съ ними разстался, а между тѣмъ, какая была перемѣна въ нихъ! Дядя, совсѣмъ посѣдѣвшій, сдѣлался совсѣмъ похожимъ на младенца, забывался очень часто, глядѣлъ на всѣхъ, какъ на дѣтей, иногда путалъ имена людей, и только прошлое ярко блестѣло въ его воспоминаніяхъ. Онъ читалъ всѣмъ безконечныя наставленія и подкрѣплялъ свои доводы ссылками на свою опытность, на свое умѣнье вывернуться изъ всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ. Онъ ходилъ, опираясь на толстую палку, помощницу его ослабѣвшихъ ногъ. Марья Васильевна тоже замѣтно постарѣла, немного посѣдѣла, но была все такъ же жива и весела. Бубновъ сгорбился и выглядѣлъ сурово и невесело. На его лбу были глубокія морщины. Онъ встрѣтилъ меня такъ задушевно, что я и не ожидалъ такого пріема. Я спросилъ его о братѣ, вышедшемъ въ гвардію.

— Онъ живетъ отдѣльно,—угрюмо проговорилъ Григорій Даниловичъ.—Отцы нынче стѣсняютъ дѣтей.

Я промолчалъ, понимая, что тутъ, должно-быть, кроется семейный разладъ, отзывающійся болью въ сердцѣ старика.

— Вы не думаете продавать ваше имѣніе?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. А что?

— Такъ... Отлично дѣлаете!.. Мишка же спитъ и видитъ продать все... Попробуйте отговорить его.

— Я поговорю съ нимъ. Ему, вѣроятно, недостаетъ доходовъ съ имѣнія. Мы это дѣло уладимъ.

Бубновъ пожалъ мнѣ руку. Онъ произвелъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Я не замѣчалъ въ его лицѣ, въ его голосѣ, прежней твердости, прежней надменности; морщинистое лицо выглядѣло такимъ печальнымъ, что невольно выдавало тѣ внутреннія страданія, которыя угрюмый старикъ тщательно старался скрыть отъ непрошеннаго любопытства и обидныхъ для него людскихъ сожалѣній. Изъ его кабинета, сквозь полуотворенную дверь, я увидалъ огромную кіоту въ углу спальной; передъ образами теплилась массивная лампада; на полу лежалъ коврикъ, сильно потертый колѣнями того, кто ежедневно молился передъ этими обра-

Digitized by Google

зами. Бубновъ, кажется, замаливалъ грѣхи или молился о спасеніи сына. Прежде онъ не былъ религіозенъ, теперь онъ былъ даже суевѣренъ, и боялся трехъ свѣчей, зажженныхъ на одномъ столѣ, хмурился, слыша собачій вой передъ окномъ. Чѣмъ больше чувствовалъ онъ близость смерти, тѣмъ сильнѣе закрадывался въ его душу страхъ. Разсѣять этотъ страхъ было некому: онъ былъ одинокъ вполнѣ, болѣе одинокъ, чѣмъ я во время своей жизни въ провинціи. Я зналъ, по крайней мѣрѣ, что хотя гдѣ-то далеко есть люди, думающіе обо мнѣ, — у него не было и этого утѣшенія. Никогда не дорожилъ онъ дружбою людей, независимо отъ выгодъ этой дружбы, никогда не сходился онъ искренно съ людьми и теперь холодно встрѣчался съ ними, зная, что имъ нѣтъ дѣла до его внутренней жизни, до его страданій и печалей. Онъ еще поддерживалъ всѣ выгодныя связи, но для чего? Для пріобрѣтенія денегъ, для пріобрѣтенія значенія въ свѣтѣ. Это наполняло его жизнь въ былые годы, но теперь онъ ясно видѣлъ, что ему самому, приближающемуся къ могилѣ, не нужно уже ничего, и если онъ что-либо пріобрѣтаетъ, то пріобрѣтаетъ для сына. Но именно сынъ-то, это единственное существо, для котораго дѣлалось все, которое могло бы вознаградить отца за все, — жилъ въ сторонѣ отъ отца, тратилъ чрезъ мѣру все то, что утягивалъ отецъ у ближнихъ, что покупалось цѣною совѣсти, за что переносились и униженія, и обиды. Бубновъ, можетъ-быть, отрекся бы отъ сына, но это онъ могъ бы сдѣлать въ былые дни, а не теперь. Тогда сына можно было еще замѣнить женой, новыми призраками счастья, новыми надеждами, теперь же нельзя было сдѣлать и этого. Отречься отъ сына—значило сломать ту соломинку, которая еще связывала старика съ міромъ; отрекаясь отъ сына, можно было только отказать все нажитое всѣми неправдами на монастыри, на церкви для поминовенія души и лечь въ могилу. Бубновъ хотѣлъ вѣрить, что сынъ исправится, что сынъ придетъ къ нему съ ласкою, и каждый разладъ съ сыномъ, каждая новая проказа послѣдняго потрясали старика, обманывая его надежды.

Одинъ Леевъ остался неизмѣнно все тѣмъ же зрителемъ жизненной комедіи: онъ былъ по-старому веселъ, оживленъ, смотрѣлъ на все сквозь пальцы, и только едва замѣтная ѣдкость говорила, что и надъ нимъ недаромъ прошли тяжелые годы. Онъ служилъ удачно, былъ чиновникомъ особыхъ порученій, за нимъ ухаживали разныя барыни. Отно-

Digitized by Google

шенія его къ этимъ барынямъ были очень странныя. Онъ былъ любезенъ и милъ со всѣми и не сближался ни съ одной, говоря со смѣхомъ, что для него Богъ еще не создалъ женщины. Эта холодность дразнила тогдашнихъ свѣтскихъ барынь, понявшихъ только пошлую сторону романовъ Жоржъ-Занда; онѣ называли Леева неприступнымъ и осаждали эту крѣпость. Леевъ шутливо называлъ ихъ женами Пентефрія и попрежнему оставался холоднымъ зрителемъ людской пошлости. Но всѣ впечатлѣнія, произведенныя на меня этими лицами, померкли при встрѣчѣ съ Наташею. Во время моего визита къ Марьѣ Васильевнѣ, Наташи не было дома. Я болталъ съ дядей и Марьей Васильевной, когда въ комнату вошла высокая, стройная дѣвушка съ темнорусыми, гладко причесанными волосами, съ нѣжнымъ лицомъ, съ легкимъ, но здоровымъ румянцемъ на щекахъ; я, можетъ-быть, не узналъ бы ея, если бы передо мною не блеснули ея прежніе добрые и умные, большіе и глубокіе синіе глаза. Она вопросительно взглянула на меня, на тетку, и черезъ мгновенье Наташа уже пожимала мою руку. Я былъ пораженъ этой простой, спокойной, если можно такъ выразиться, русской красотой.

— Ну, слава Богу, вы снова здѣсь,—радушно проговорила она.—А я все боялась, что вы замрете тамъ... Нашъ бѣдный другъ, Макаровъ, не вынесъ,—вздохнула она.

— Да и кто же вынесъ!—невольно произнесъ я.

Она вопросительно взглянула на меня.

— Васъ удивляютъ мои слова? Но я говорю собственно не о смерти, а о перемѣнахъ: никто не вынесъ этого времени безъ перемѣнъ, всѣ или выбрали новую дорожку, или притихли.

— Вы женились?—перебила она меня.

— Женился.

— Вы меня познакомите съ вашей женой?

— О, конечно! Я такъ много говорилъ ей о вашей семьѣ, о васъ...

— Она, я думаю, смѣялась, такъ какъ вы могли сообщить ей только о моихъ дѣтскихъ шалостяхъ...

— Вы были не смѣшной ребенокъ...

Мы начали вспоминать старину и, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, вечеръ шелъ тихо и мирно, всѣмъ было какъ-то тепло и уютно, и даже легкій слѣдъ грусти былъ милъ и дорогъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился Леевъ.

Digitized by Google

— А я у тебя былъ,—сказалъ онъ мнѣ, пожимая намъ руки.

— Видѣлъ Зину?—спросилъ я.

— Нѣтъ, видѣлъ я кого-то, но это, должно-быть, не Зина, а, по крайней мѣрѣ, Діана...

Я засмѣялся.

— Вообразите себѣ, — началъ разсказывать Леевъ.— Вхожу я въ переднюю, встрѣчаетъ лакейчикъ... или кто онъ тамъ такой, право, не знаю,—говорю: дома баринъ?— Нѣтъ-съ. — Ну, говорю, пустите въ кабинетъ, я напишу ему пару словъ... Иду-съ черезъ залу, вдругъ гляжу, въ амбразурѣ окна стоитъ женщина, вся въ бѣломъ, прислонивъ голову къ боковой стѣнкѣ окна, и задумчиво смотритъ на улицу, опустивъ мраморныя руки на подоконникъ. Пальцы, какъ изваянные, не шевелясь, едва касались подоконника, лицо—черта къ чертѣ подобрана—и все это неподвижно, строго, божественно. Я, какъ опеломленный грѣшникъ, при видѣ божества, чуть не присѣлъ со страха на корточки и неловко поклонился, когда богиня медленно обратила ко мнѣ свое лицо, не перемѣняя своей позы. Немного удивленные глаза богини взглянули на лицо смертнаго и, мнѣ казалось, одобрили мой поклонъ.

Я не могъ удержаться отъ улыбки.

— Какъ же это одобрили?—засмѣялась Наташа.

— Да, ей-Богу, это былъ не поклонъ, но только одобреніе, нѣчто въ родѣ того, что ты, смертный, можешь поклоняться мнѣ.

Въ комнатѣ раздался всеобщій смѣхъ.

— Это ваша жена?—спросила Наташа.

— Да.

— Ну, я бы не осмѣлился на ней жениться,—воскликнулъ Леевъ.—А я еще хотѣлъ пріударить за твоей женой по-пріятельски. Радовался, что ты женился, думалъ: ну, вотъ буду ami de la maison. А теперь у тебя и говорить-то будетъ страшно.

— Онъ такъ описываетъ вашу жену, что я тоже начинаю бояться ея неприступности,—замѣтила Наташа.

— Ну, если она страшна для Тишки, то никакъ не страшна для васъ.

На меня, впрочемъ, слова Леева произвели скверное впечатлѣніе. Я почувствовалъ, что, несмотря на шутливость Леевъ вѣрно подмѣтилъ въ женѣ эту божественную холодность и безмятежную недосягаемость, скверно дѣйствовавшія

Digitized by Google

на посторонних и остановившія мою жену отъ радушной встрѣчи съ моимъ другомъ.

Дня черезъ два я поѣхалъ съ Зиной къ дядѣ. Онъ, по старой привычкѣ, наклонился и поцѣловалъ ея руку. Она прикоснулась губами къ его щекѣ. Марья Васильевна приняла ее искренно и предупредительно. Она говорила о томъ, что я и мои друзья близки ей, что мы вмѣстѣ пережили тяжелое время и породнились общими печалями. Зина холодно замѣтила, что она отъ меня много слышала о самой Марьѣ Васильевнѣ и ея племянницѣ. Я почувствовалъ, что Зина совершенно безучастно относится къ тому, что было пережито нами, какъ мы обыкновенно относимся къ разсказамъ о горѣ, неиспытанномъ нами, непонятномъ для насъ. Я сознавалъ, что это не ея вина, и мнѣ было досадно, что посторонніе люди, въ родѣ Марьи Васильевны, гораздо тѣснѣе связаны со мною прошлымъ, чѣмъ моя жена. Черезъ нѣсколько минутъ явилась съ уроковъ и Наташа. Тетка замѣтила ей, что мы уже собираемся ѣхать.

— Мнѣ было бы очень досадно, если бы я пропустила случай увидаться съ вами, но я надѣюсь, что мы будемъ знакомы,—проговорила Наташа, сжимая руку Зины.

— О, конечно,—отвѣтила Зина.—Мы, впрочемъ, еще не совсѣмъ обставились здѣсь...

Послѣдняя фраза сказалась такимъ тономъ, какъ будто Зина просила Наташу покуда не посѣщать насъ.

Все какъ-то не клеилось. Зина была слишкомъ нарядно одѣта, она слишкомъ офиціально держала себя; ея сдержанность и холодность тѣмъ ярче бросались въ глаза, чѣмъ искреннѣе относились къ намъ хозяева. Даже дядя не нашелъ, о чемъ говорить съ Зиной, и только съ важностью взбивалъ свой хохолъ.

— Ну, какъ они понравились тебѣ? — спросилъ я Зину, когда мы возвращались домой.

— Я ихъ такими представляла себѣ и прежде, — разсѣянно отвѣтила она. — Ты вѣдь умѣешь очерчивать людскія физіономіи. Это дѣйствительно бѣдные и простые люди.

— Честные и добрые, прибавь къ этому. Ну, а дядя? неправда ли, милѣйшій старикъ?

— Да, онъ, должно-быть, былъ очень оригинальнымъ старикомъ, но теперь это уже одна развалина прошлаго... Къ Бубнову мы, вѣроятно, не поѣдемъ? Намъ надо еще побывать у моихъ родныхъ.

Digitized by Google

— Можно бы съѣздить и къ Бубнову, впрочемъ, я былъ у него, а ты познакомишься съ нимъ у насъ.

Мнѣ было тяжело: я понималъ, что все близкое мнѣ не близко Зинѣ. Упрекать ее я все-таки не могъ, потому что не могла же она полюбить въ нѣсколько минутъ незнакомыхъ ей людей, вѣдь смотрѣлъ же холодно и я самъ на ея родныхъ, съ которыми у меня не было ничего общаго. Общаго съ ними не было и у нея, однако, въ ихъ аристократическихъ домахъ она была развязнѣе, разговорчивѣе, чѣмъ въ домѣ Меньшовой. Здѣсь не давили ее тѣсныя комнаты, здѣсь ея нарядъ не рѣзалъ глазъ сильнымъ контрастомъ съ обстановкой комнатъ, здѣсь шли толки не о быломъ, за которое ничего не даютъ, не о личныхъ чувствахъ, не интересныхъ для постороннихъ, а о балахъ, театрахъ, модахъ, обо всемъ, что сулитъ удовольствія въ будущемъ. Я удивлялся ловкости и остроумію Зины. Казалось, она никогда не выходила изъ этого круга и знала всѣ условія его жизни. Въ этотъ же день вечеромъ ко мнѣ пріѣхалъ Бубновъ съ Мишелемъ. Мишель—я его видѣлъ въ первый разъ послѣ пріѣзда — бросился ко мнѣ на шею и началъ буквально душить меня въ своихъ объятіяхъ.

— Голубчикъ, какъ я тебѣ радъ, ты и представить себѣ не можешь!—говорилъ онъ, цѣлуя меня.

Первая встрѣча сразу подкупила меня въ пользу моего брата. Это былъ совсѣмъ молоденькій, съ простенькимъ и добренькимъ лицомъ, маленькій офицерикъ. Что-то беззаботно-шаловливое и дѣтское было во всемъ его существѣ. Онъ не только цѣловалъ меня, но и любовался мною, вскакивалъ поминутно съ мѣста и снова обнималъ меня.

— Ты меня, пожалуйста, возьми въ руки,—наивно говорилъ онъ.—Я ужаснѣйшій негодяй, какъ говоритъ monsieur mon père. Но тебя, душечка, я очень люблю, потому что ты со мной карточныя крѣпости когда-то строилъ.

Я повелъ своихъ родственниковъ въ гостиную, къ женѣ. Зина благосклонно встрѣтила украшеннаго орденами старика и облеченнаго въ блестящій мундиръ юношу. Бубновъ пристально окинулъ ее глазами и, кажется, разсчиталъ по копейкамъ, чего она стоитъ; должно-быть, цифра вышла довольно крупная, потому что онъ очень любезно сказалъ Зинѣ нѣсколько комплиментовъ и спросилъ, намѣрена ли она выѣзжать въ собранія и въ театры.

— этотъ счетъ вашъ мужъ профанъ, а я совѣтую
иться къ Мишкѣ; онъ все знаетъ, что касается

Digitized by Google

до удовольствій, только не говорите съ нимъ о дѣлѣ,—промолвилъ съ ироніей старикъ Бубновъ.

— Да вѣдь и дѣло только средство къ наслажденію,—улыбнулась Зина.

Бубновъ пристально взглянулъ на нее.

— Позвольте, я васъ не совсѣмъ понялъ,—сказалъ онъ.

— Люди работаютъ, чтобы имѣть средства для удовольствій,—промолвила она.

— И больше ни для чего?

— Для чего же еще?—удивилась Зина.

— А вотъ вашъ мужъ все думалъ, что можно трудиться для блага ближнихъ,—усмѣхнулся Григорій Даниловичъ.

— Ну, да, если человѣкъ видитъ наслажденіе въ благѣ ближнихъ, а не въ театрахъ, — холодно замѣтила Зина.— Есть вѣдь люди, которые трудятся, чтобы накопить денегъ, другіе трудятся, чтобы только трудиться,—но вѣдь это значитъ, что у людей разные вкусы въ дѣлѣ наслажденій.

— О, въ этомъ случаѣ я съ вами согласенъ, — сказалъ Григорій Даниловичъ. — Я думалъ сначала, что наслажденіями вы считаете только балы и театры.

— Да вы и теперь не знаете, что я считаю наслажденіемъ,—тихимъ смѣхомъ засмѣялась Зина.—Я только сказала, что у каждаго свои взгляды на это, но какіе мои взгляды—этого я не объясняла.

— Только вы, пожалуйста, не говорите моему рара, если вы любите балы и театры, а то онъ начнетъ брюзжать,—засмѣялся звонкимъ смѣхомъ Мишель.

— А вы еще трусите, когда брюзжатъ? — насмѣшливо улыбаясь, спросила его моя жена.

— Къ сожалѣнію, онъ никогда не трусилъ, и я былъ бы радъ, если бы онъ хоть немного боялся моего брюзжанья,—тяжело вздохнулъ Бубновъ.

— Видите, онъ или брюзжитъ, или жалуется на меня,—продолжалъ смѣяться Мишель. — Рѣшительно несноснымъ старикашкой сталъ.

Бубновъ нахмурилъ брови. Ему было, видимо, непріятенъ этотъ довольно нахальный тонъ вѣтренаго сына. Въ эту минуту вошелъ Леевъ.

— Вы, кажется, видѣли другъ друга? — обратился я къ нему и къ моей женѣ, рекомендуя ихъ.

— И твоя жена, вѣроятно, сочла меня за школьника, тайкомъ пробиравшагося въ кабинетъ учителя,—улыбнулся

Digitized by Google

Леевъ.—По крайней мѣрѣ, я такъ растерялся, встрѣтивъ Зинаиду Анатолiевну, что едва поклонился и исчезъ...

— Ей тѣмъ легче было принять тебя за школьника, что ты все еще выглядишь ребенкомъ, — замѣтилъ я. — Ты отчасти знаешь Леева изъ моихъ разсказовъ: это непостояннѣйшiй изъ смертныхъ, лѣнтяй, какихъ мало, вѣчно веселый и беззаботный,—сказалъ я Зинѣ.

Она пристально глядѣла на него, какъ будто провѣряя мои разсказы о его красотѣ.

— Ну, это вы ему не вѣрьте, мнѣ вѣчно скучно, и потому я вѣчно хохочу, — перебилъ меня Леевъ. — Вѣдь вы и представить себѣ не можете, что за скука здѣсь,—обратился онъ къ Зинѣ.—Утромъ дамы и мужчины въ должностяхъ и на визитахъ...

— Какъ, и женщины въ должностяхъ?—съ удивленiемъ спросила моя жена.

— Ну, да, по магазинамъ ѣздятъ...

— А!—улыбнулась Зина.

— Потомъ обѣды, потомъ театръ, потомъ ужинъ, потомъ сонъ и опять должность и визиты. Въ мужскихъ должностяхъ всѣ бумаги по одной формѣ пишутся: отношенiе за № такимъ-то, въ такой-то столъ и т. д. Въ женскихъ должностяхъ все тѣ же шляпки, платьица, бурнусики, мантильки изъ шелку, кружевъ и воздуху. На визитахъ все тѣ же толки о погодѣ, о новыхъ, въ сущности старыхъ, модахъ, о крестѣ Ивана Ивановича, о балѣ Марьи Ивановны et partout les petits commerages; обѣды всѣ похожи одинъ на другой, точно у всѣхъ готовитъ одинъ поваръ, балы—Боже мой, что это за балы! — все вертится, кружится. Княжна Зизи показываетъ всѣмъ свои перламутровые зубы, скрывая всѣ остальныя кости подъ газомъ, графиня Мими показываетъ все остальное и только прячетъ свои черные зубы; статскiе играютъ роль разочарованныхъ, военные представляютъ побѣдителей; статскiе язвятъ языкомъ, военные побрякиваютъ саблями,—потомъ,—о, Боже мой!—потомъ вся молодежь, наговоривъ комплиментовъ брилiантамъ юныхъ дѣвъ, летитъ на пикники, а юныя дѣвы мечтаютъ, лежа въ постеляхъ, и сѣтуютъ, что у насъ полицiя и холодъ не дозволяютъ пѣть серенады подъ окнами. Какъ разочаровались бы эти дѣвы, если бы серенады было дозволено пѣть свыше: онѣ увидали бы, что ихъ поклонники не явились бы къ нимъ, блаженствуя въ объятiяхъ другихъ дѣвъ, не приманивающихъ брилiантами, но приманивающихъ брилiанты.

Digitized by Google

— Да, это вѣрная картина нашей безпутной свѣтской жизни. И этой-то жизнью дорожитъ наша юность!.. — сказалъ со вздохомъ старикъ Бубновъ и еще разъ повторилъ:— Да, это вѣрная картина.

— Въ черномъ свѣтѣ все можно представить,—замѣтилъ Мишель, по-дѣтски надувъ губы. — А между тѣмъ и вы являетесь на балы.

— У меня одинъ товарищъ уже застрѣлился,—съ комическою серьезностью замѣтилъ Леевъ. — И я боюсь погибнуть во цвѣтѣ лѣтъ. Знаете ли, есть люди другого сорта,— продолжалъ онъ попрежнему весело, съ едва уловимымъ оттѣнкомъ иронiи.—Это мрачные люди, они не ѣздятъ на балы и въ театры, они работаютъ, то-есть пишутъ по установленной формѣ докладныя бумаги, или учатъ юношество по одобреннымъ учебникамъ, или печатаютъ статьи, одобренныя цензурой, и потомъ собираются вечеромъ въ кружки потолковать о важныхъ вопросахъ. «Ужасное происшествiе!— мрачно сочиняетъ одинъ.—Помѣщикъ К. засѣкъ двухъ изъ своихъ людей, задарилъ доктора, исправника, станового и теперь раздѣлывается съ тѣми, кто донесъ на него». Всѣ присутствующiе единодушно ахаютъ хоромъ. «Нѣтъ, это что! а вы посмотрите, что въ комиссарiатѣ дѣлается,—мрачно вретъ другой:—что полицiя дѣлаетъ! Будочники просто грабятъ. Близъ Фонарнаго переулка будочникъ ограбилъ женщину и хотѣлъ ее убить. Хороши блюстители общественной безопасности!» Присутствующiе снова ахаютъ хоромъ. «А вы слышали, что во Францiи-то Наполеонъ III дѣлаетъ?— мрачно поражаетъ третiй извѣстiемъ. — Людей въ домахъ, какъ поросятъ, перерѣзалъ и, провозгласивъ себя императоромъ, уничтожилъ сходки, свободу печати, сослалъ всѣхъ въ Сибирь!» Присутствующiе еще разъ ахаютъ. «Господа, не угодно ли чаю?» — мрачно приглашаетъ хозяйка; — всѣ мрачно идутъ къ столу, мрачно пьютъ чай и мрачно расходятся. Завтра опять занимаются писанiемъ по формѣ докладныхъ бумагъ, обученiемъ по одобреннымъ учебникамъ, составленiемъ цензурныхъ статей и мрачно проводятъ вечеръ въ серьезныхъ разговорахъ.

Мишель и Зина засмѣялись и взглянули на меня.

— Не много же серьезнаго видишь ты въ дѣятельности своихъ соотечественниковъ,—замѣтилъ я Лееву, зная, что камешекъ былъ брошенъ отчасти въ нашъ огородъ.

— Ну, и это отчасти правда,—хмуро промолвилъ Григорiй Даниловичъ.

Digitized by Google

— Виноватъ, виноватъ,—произнесъ Леевъ.—Я позабылъ еще цѣлую массу людей, которые не занимаются ни балами, ни театрами, ни серьезными разговорами въ дружескихъ кружкахъ. Утромъ они идутъ въ свою должность, въ свою лавку, въ свой магазинъ, берутъ взятки съ просителей, барыши съ покупателей, надуваютъ своего собрата по службѣ и сотоварища по торговлѣ, обворовываютъ казну или объявляютъ себя злостными банкротами, пьютъ и ѣдятъ до отвала, копятъ деньги, рыбу ловятъ въ мутной водѣ, и вечеромъ, мирно и долго помолившись передъ иконой, поправивъ пальцами лампаду и обтеревъ пальцы о свою голову, со вздохомъ праведниковъ, скорбя о гибели міра, идутъ спать... Если они сходятся по вечерамъ съ ближними, то для того, чтобы переговорить о новой плутнѣ или обыграть этихъ ближнихъ въ карты. Это вообще плотный, чистоплотный и набожный народъ...

Бубновъ кусалъ губы и хмуро спросилъ Леева:

— Вы тоже, какъ Владиміръ, уѣзжали изъ Петербурга?

— Нѣтъ-съ,—съ комизмомъ отвѣтилъ Леевъ. — Зачѣмъ же? Въ провинціи все то же, но баловъ и театровъ нѣтъ, а я люблю и то, и другое.

— Ну, и Владиміръ былъ не прочь отъ театровъ, только о его вкусахъ не спрашивалось...

— Владиміръ вредный человѣкъ, а я нѣтъ.

— Ну, и вамъ легко попасться, при такомъ взглядѣ на общество.

— О, нѣтъ, я вѣдь говорю только тамъ, гдѣ не надѣюсь встрѣтить нескромныхъ и легкомысленныхъ соотечественниковъ, на балахъ же или въ должности я или танцую, или расписываюсь.

Я поспѣшилъ начать разговоръ съ Григоріемъ Даниловичемъ и пошелъ съ нимъ въ свой кабинетъ.

— Эхъ, скверное время мы переживаемъ,—проговорилъ старикъ.—Этотъ щелкоперъ отчасти правъ; въ обществѣ пустота; образованія всѣмъ этимъ болтунамъ и танцорамъ не дали никакого: къ дѣлу они негодны, только проживать умѣютъ. Вонъ и Мишка былъ въ корпусѣ, а что онъ въ военномъ дѣлѣ смыслитъ? Ничего. Случись война, — онъ стрѣлять порядочно не умѣетъ, а не только-что полководцемъ быть. А этотъ болтунъ, вѣдь если бы зналъ дѣло, такъ не болталъ бы, а боролся бы противъ злоупотребленій, а то поди-ка: его первый взяточникъ опутаетъ. И на что мы надѣемся? Куда идемъ? Серьезности, строгости въ

Digitized by Google

воспитанія нѣтъ. Я самъ тоже думалъ сперва, что это не важно, что съ лѣтами все придетъ,—нѣтъ, съ лѣтами уйдетъ все, а придти—ничего не придетъ. И вѣдь сколько денегъ уходитъ на эту мишуру мундирчиковъ, на эти балы, на эти театры. И это только развращаетъ молодежь. Да что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, куда мы идемъ? Зараженное поколѣніе хотимъ воспитать, что ли! Или уморить его прежде времени хотимъ?

— Я никакъ не думалъ, что вы недовольны существующимъ порядкомъ дѣлъ,—замѣтилъ я отчиму.

— Да, я консерваторъ, я стою противъ разныхъ теорій, но именно потому-то я и недоволенъ взяточничествомъ, развращеніемъ общества, его мишурнымъ блескомъ, мотовствомъ. Вѣдь все это и вызоветъ, рано ли, поздно ли, крайнія теоріи и утопіи недовольныхъ. Я знаю, что они слѣдятъ за каждымъ служащимъ-мошенникомъ, за каждой новой продѣлкой администраторовъ, считаютъ каждую тысячу, брошенную иностранной актрисѣ, ловятъ каждый случай, чтобы указать на ничтожество нашего воспитанія и на открытіе танцъ-классовъ, этихъ оргій, развращающихъ нашихъ дѣтей. Государства—это машины, гдѣ не должно быть лишнихъ ржавыхъ или кривыхъ винтовъ. Все должно быть такъ пригнано, чтобы нигдѣ не было ни сучка, ни задоринки, чтобы все поддерживало общій ходъ и не останавливало бы ни одного колеса. Одинъ испорченный винтъ можетъ послужить гибелью для всей машины.

Я внимательно слушалъ Григорія Даниловича, и передо мною пронеслись тѣни дяди, Марьи Васильевны, Леева, Палицына и Шепелева. Всѣ они были недовольны, и всѣ шли все-таки въ разбродъ. Если бы ихъ свести вмѣстѣ, они не нашли бы никакой точки, общей для нихъ всѣхъ, и только могли бы сказать одно: «старое отжило!»

XIII.

Трудъ и праздность.

Я долженъ былъ хлопотать объ устройствѣ своихъ матеріальныхъ дѣлъ. При помощи Григорія Даниловича я нашелъ мѣсто въ одномъ изъ страховыхъ обществъ; кромѣ того, я рѣшился давать уроки и продолжать литературныя работы, составляя отчеты о новыхъ иностранныхъ книгахъ. У меня было приготовлено нѣсколько статей по политической экономіи, и мнѣ удалось снова завязать прерванныя литературныя связи. Всѣ эти труды должны были дать мнѣ

Digitized by Google

средства къ безбѣдной жизни и къ осуществленію моего плана насчетъ моихъ крестьянъ. Владѣя имѣніемъ нераздѣльно съ Мишелемъ, я не могъ отпустить крестьянъ на волю, но я не бралъ своей части оброковъ, и, такимъ образомъ, Мишель могъ пользоваться прежними доходами, крестьяне же могли вносить только половину прежнихъ оброковъ. Въ моихъ литературныхъ работахъ явился мнѣ помощникомъ Гриша. Онъ поселился со мною, писалъ подъ мою диктовку или переводилъ тѣ или другія отмѣченныя мною мѣста изъ иностранныхъ книгъ. Наши общіе труды, наши постоянныя пребыванія вмѣстѣ сблизили насъ еще болѣе, и Гриша сталъ для меня необходимъ, какъ лучшій другъ, какъ любимый братъ, отъ котораго не было у меня никакихъ тайнъ. Простая и прямая натура этого человѣка привлекала къ себѣ невольно. Онъ любилъ меня и даже преувеличивалъ мои достоинства, извиняя въ то же время всѣ мои недостатки. Его отношенія къ Зинѣ были какія-то натянутыя: она какъ будто не замѣчала его, онъ старался быть вѣжливымъ съ нею, но въ то же время старался какъ можно рѣже встрѣчаться съ нею, постоянно конфузясь въ ея присутствіи. Со мной онъ избѣгалъ разговоровъ о ней, но я замѣчалъ, что онъ ея не любитъ, что онъ смотритъ на нее съ недовѣріемъ.

Но если на одной половинѣ дома шелъ усиленный трудъ, зато на другой продолжалось полнѣйшее бездѣйствіе. Зина не дѣлала ничего. Она читала иногда книги, но чаще всего или принимала гостей, или сама дѣлала визиты и ѣздила по магазинамъ. Ея братъ, князь Аполлонъ, надутая и безцвѣтная личность; ея дядя, графъ Сухотинъ, угрюмый и важный старикъ; ея три кузины, княжны Сухотины, очень бойкія, очень болтливыя, очень хорошенькія собой и очень вѣтреныя дѣвушки; нѣкто Самаринъ, вѣчный спутникъ Сухотиныхъ, вѣстовщикъ скандаловъ, ухаживавшій за всѣми женщинами и въ томъ числѣ за моей женой; Мишель, Леевъ и еще нѣсколько личностей, принадлежавшихъ къ такъ-называемому «свѣту», окружали Зину съ утра до поздней ночи. Сначала я выѣзжалъ съ женою на два, на три бала, на два, на три спектакля, но потомъ мнѣ пришлось отказаться или отъ выѣздовъ, или отъ части работы, дававшей мнѣ средства жить и не брать денегъ съ имѣнія. Я рѣшился серьезно объяснить Зинѣ, что я не могу жить такъ открыто, какъ ея родные, что я не придаю никакой цѣны этой праздной жизни, что я считаю нужнымъ трудиться, что,

Digitized by Google

наконецъ, я совѣтую и ей не увлекаться этимъ наружнымъ блескомъ пустого и ничтожнаго свѣта.

— Да вѣдь лучшаго нѣтъ, надо пользоваться хоть этимъ свѣтомъ,—отвѣтила Зина, пожимая плечами.

— Можно собирать кружокъ честныхъ и добрыхъ друзей,—замѣтилъ я.

— Скучно, мой милый!—зѣвнула Зина. — Это вѣдь придется тѣми мрачными разговорами заниматься, о которыхъ говорилъ Леевъ.

— Все же эти разговоры, если ужъ честные люди, по твоему мнѣнію, ничего другого не выдумаютъ, лучше пустой болтовни и пляски.

— Не знаю. Я охотнѣе говорю о пустякахъ, чѣмъ о серьезныхъ вещахъ, если изъ разговоровъ ничего не можетъ выйти. Я дома гораздо охотнѣе говорила о разныхъ ненужностяхъ, въ родѣ лошадей и книгъ, чѣмъ о такихъ горькихъ вопросахъ, какъ наша бѣдность или мои отношенія къ отцу и матери.

— Такъ-то такъ, но эта среда затягиваетъ, пустая жизнь опошляетъ человѣка...

— Ахъ, ты считаешь меня настолько глупенькою, что мнѣ, какъ школьницѣ, нужно постоянно повторять зады, чтобы не сбиться, въ случаѣ внезапнаго экзамена,—засмѣялась насмѣшливымъ смѣхомъ Зина.

Я почти сконфузился. Мнѣ вновь показалось, что эта глубокая натура не можетъ затянуться въ пошлую среду. Я попробовалъ заговорить о трудѣ.

— Ужъ не шить ли мнѣ самой себѣ платья, — улыбнулась Зина. — Тогда моя бѣдная модистка останется безъ хлѣба.

— Ну, ты и не умѣешь шить,—улыбнулся я.—Но можно найти болѣе полезное дѣло. Попробуй учить дѣтей даромъ...

— Филантропіей заниматься? Но вѣдь ты же противъ филантропіи пишешь?

— Я не признаю за филантропіей значенія радикальной мѣры для пересозданія общества. Но покуда существуетъ настоящій порядокъ дѣлъ, она можетъ приносить нѣкоторую пользу...

— То-есть, дать грошъ нищему, чтобы онъ умеръ съ голода не сегодня, а завтра?—пожала плечами Зина.

— Не совсѣмъ такъ. Сегодня ты поможешь ему, а завтра онъ, быть-можетъ, найдетъ работу.

— О, милый, какое ты дитя! Если онъ въ десятки лѣтъ

Digitized by Google

не нашелъ работы, то ужъ, конечно, не найдетъ се въ одинъ день.

Нашъ разговоръ не привелъ ни къ чему. Зина прямо объявила, что она не имѣетъ никакой охоты работать.

— Значитъ, мнѣ одному придется быть батракомъ,— вздохнулъ я.

— Что это: упрекъ?—гордо и сурово нахмурила она брови.—Если тебѣ трудно и непріятно работать для меня, то я могу жить изъ своихъ денегъ.

— Мнѣ не на тебя трудно работать, но мнѣ больно, что ты говоришь далеко не то, что говорила прежде, тѣшась мечтами о нашемъ будущемъ трудѣ, о нашей мирной жизни въ своемъ уголкѣ...

— Другъ мой, въ деревнѣ деревенскія мечты, въ городѣ городская жизнь,—отвѣтила она насмѣшливымъ тономъ.

Я молча ушелъ въ свой кабинетъ. Мнѣ было тяжело и досадно, я не могъ обвинять Зину. Если кто-нибудь былъ виноватъ въ моемъ несчастіи, то, конечно, это я самъ. Я не понялъ, что между мною и Зиной не было ничего общаго, я былъ влюбленъ въ созданный мною идеалъ, а не въ нее. Но страшнѣе всего для меня была мысль, что, можетъ-быть, моя ошибка сдѣлаетъ несчастною и Зину. Покуда она веселилась и только иногда упрекала меня за то, что я все сижу въ своемъ кабинетѣ.

— Вѣдь это скучно, милый, ты, точно волъ, вѣчно запряженъ въ плугъ,—говорила она.

— Ты хочешь широко жить, Зина; для этого нужны деньги, вотъ я и работаю,—отвѣчалъ я.

— Но у тебя есть имѣнье...

— Я не хочу жить на деньги бѣдняковъ...

— Но вѣдь ты платишь же за квартиру, отчего же они должны даромъ пользоваться твоею землею?

Я пробовалъ объяснить Зинѣ различіе между этими двумя явленіями, но она только пожимала плечами. Съ каждымъ днемъ пропасть между нами все расширялась, и трудно было сказать, насколько мы разойдемся въ концѣ концовъ. Все дурное, что скрывалось въ Зинѣ до замужества, теперь ярко выглянуло на свѣтъ. Она была, въ сущности, все та же, но я не узнавалъ ея, не имѣя теперь возможности идеализировать тѣ или другіе ея взгляды или фразы. Она назначила четверги для пріема гостей. Собирались у нея по большей части ея чиновные родные, мой братъ; у меня сходились старикъ Бубновъ, нѣсколько студентовъ и два-

Digitized by Google

три изъ знакомыхъ мнѣ литераторовъ; посредникомъ между двумя кружками былъ Леевъ, онъ острилъ и въ гостиной моей жены, и пускался въ серьезные споры въ моемъ кабинетѣ. Зина была въ восторгѣ отъ его красоты, отъ его остроумія, отъ его веселости. Мнѣ было невыносимо слушать въ гостиной жены трескотню пустыхъ фразъ о театрахъ, балахъ, модахъ, французскихъ романахъ и мелкихъ свѣтскихъ интригахъ. Сотни остроумныхъ фразъ и анекдотовъ не выкупали той скуки, которая царила въ этомъ обществѣ. Я все рѣже и рѣже вмѣшивался въ разговоры и все чаще и чаще оставался съ своимъ кружкомъ въ кабинетѣ. Но въ одинъ изъ четвероговъ мнѣ пришлось неожиданно принять участіе въ бесѣдѣ кружка моей жены. Я уже расположился у себя въ кабинетѣ, когда Гриша объявилъ мнѣ, что къ намъ пріѣхали дядя, Марья Васильевна и Наташа. Меньшовы до сихъ поръ еще не были у насъ, если не считать одного сдѣланнаго намъ визита, въ который онѣ не застали ни меня, ни Зины. Я вошелъ въ залу. Зина сухо разговаривала съ неожиданными гостями?

— Ну, вотъ мило сдѣлали, что, наконецъ-то, собрались къ намъ, — сказалъ я, пожимая руки своимъ старымъ друзьямъ.

Зина взглянула на меня страннымъ взглядомъ и тихо пожала плечами, словно говоря мнѣ, что я сказалъ глупость.

— Да что, батюшка, я три раза былъ у васъ, да тебя и съ собаками не сыщешь,—громко заговорилъ дядя.—Какъ ни пріѣдешь, говорятъ: «баринъ на службѣ, барыня съ визитами уѣхали, либо баринъ и барыня на балу или въ театрѣ». Да прахъ васъ побери! говорю я, когда же ихъ застанешь дома? Мнѣ тоже старыя кости даромъ трясти на нашихъ гитарахъ неудобно. «По четвергамъ, говорятъ, господа бываютъ у себя». Ну, по четвергамъ, такъ по четвергамъ и то ладно! Пріѣхалъ я домой и говорю Марьѣ Васильевнѣ: «ужъ вы какъ хотите, а мы въ четвергъ возьмемъ рыдванъ и всѣ нагрянемъ, какъ снѣгъ на голову, къ нашей молодежи!» Марья Васильевна и руками, и ногами: «какъ, да что, да зачѣмъ, молъ, мы поѣдемъ. Нарядовъ у насъ парадныхъ нѣтъ!» — «Ну, говорю, нѣтъ ужъ, если не поѣдете—разссорюсь и переѣду, и не загляну къ вамъ никогда. Насъ вѣдь не за наряды любятъ». Испугалась она и согласилась. Ну, вотъ мы и пріѣхали,—говорилъ дядя на всю залу, постукивая палкой и разводя руками.

Digitized by Google

Старикъ былъ невыразимо милъ въ своей искренней, добродушной откровенности.

— И умно сдѣлали,—промолвилъ я.—Мы дѣйствительно закружились и рѣдко бываемъ дома, но, авось, все скоро пріѣстся,—и тогда засядемъ на мѣстѣ.

— Пора, пора, Володюшка, остепениться!—наставительно замѣтилъ дядя.—А куда же твоя жена пропала?

Я обернулся, мы были одни въ залѣ. Зина ушла въ гостиную.

— Въ другую комнату вышла. Тамъ гости, нельзя оставить однихъ,—оправдалъ я жену.

— Ну, конечно, конечно! Вотъ и мы туда поплетемся. Ты насъ познакомь со всѣми. Я, знаешь, люблю общество.

Я не зналъ, что дѣлать. Во мнѣ кипѣла и злоба на жену, и тоскливое чувство за дядю, за Марью Васильевну, за Наташу. Я чувствовалъ, что имъ придется играть незавидную роль среди этой свѣтской черни.

— Я тебя, дядя, лучше къ своимъ знакомымъ попрошу,—сказалъ я, и поручилъ Гришѣ проводить старика въ кабинетъ. Черезъ минуту я ввелъ Наташу и ея тетку въ гостиную. Всѣ глаза были обращены на нихъ. Зина уже успѣла шепнуть своимъ знакомымъ, что къ намъ явились непрошенные гости изъ «прежнихъ мужниныхъ знакомыхъ». Наташа и Марья Васильевна сконфузились, увидавъ блестящее общество въ гостиной, и, можетъ-быть, растерялись бы окончательно, если бы ихъ не выручило совершенно неожиданное обстоятельство: отъ группы гостей отдѣлился Леевъ и быстро направился къ своимъ старымъ знакомымъ. Совершенно безсознательно я взглянулъ на Зину: она поблѣднѣла и сдѣлала нетерпѣливое движеніе. Въ ту минуту я не обратилъ никакого вниманія на это, и этотъ фактъ вспомнился мнѣ только послѣ.

— Вотъ неожиданная и счастливая встрѣча! — проговорилъ Леевъ съ своей дѣтски-веселой улыбкой. — Какъ это вы рѣшились оставить свой маленькій рай?

— Капитанъ вытащилъ,—отвѣтила Марья Васильевна.

— А! и милѣйшій капитанъ здѣсь!

— Пріѣхалъ.

— Значитъ, здоровъ и бодръ, какъ всегда.

Леевъ усѣлся рядомъ съ Наташей и ея теткой. Я воспользовался удобной минутой и подошелъ къ женѣ.

— Займи, пожалуйста, Марью Васильевну и ея племянницу, отрекомендуй ихъ кому-нибудь, — сказалъ я шопо-

Digitized by Google

томъ.—Вѣдь ихъ положеніе среди незнакомыхъ людей очень неловко.

— Мой другъ, я нисколько не виновата въ неловкости ихъ положенія въ незнакомомъ домѣ,—отвѣтила сухимъ тономъ Зина.

— Въ незнакомомъ домѣ? У насъ, почти у родныхъ? Что ты говоришь...

— Я ихъ почти не знаю.

— Но ты сама была у нихъ.

— Онѣ могли понять, что ты привезъ меня тогда къ нимъ, но сама я къ нимъ не ѣздила.

— Я попрошу тебя занять ихъ или...

— Что?—прервала меня Зина, смѣрявъ меня презрительнымъ и вызывающимъ взглядомъ.

— Или твои гости испытаютъ такой же пріемъ съ моей стороны,—отвѣтилъ я холоднымъ тономъ.

Зина отвернулась отъ меня, избѣгая моего взгляда.

— Да скажи, пожалуйста, за какимъ чортомъ ты меня въ кабинетъ послалъ, когда тамъ сидитъ эта подлая тварь!—громко раздался позади меня голосъ дяди, стучавшаго въ негодованіи костылемъ.

Я обернулся и хотѣлъ остановить его, но онъ, съ свойственною ему живостью, уже успѣлъ обратиться къ моей женѣ.

— Вы вообразите себѣ,—заговорилъ онъ: — этотъ негодяй, мой старый врагъ, Гришка Бубновъ, осмѣливается мнѣ протягивать руку и о моемъ здоровьѣ спрашивать! Мучитель, спрашиваетъ о здоровьѣ своей жертвы! Это насмѣшка! злая насмѣшка! Онъ жену свою, мою племянницу, уморилъ, онъ-съ...

— Позвольте, здѣсь его сынъ,— сухо замѣтила Зина:— и мнѣ было бы непріятно, если бы онъ услыхалъ васъ...

— А пусть его слушаетъ!—воскликнулъ дядя.—Если онъ такой же негодяй, какъ его отецъ, то и по-дѣломъ ему; если же онъ порядочный человѣкъ, то онъ пойметъ, что я правъ.

— Полно, дядя,— промолвилъ я и отвелъ его къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли Леевъ, Наташа и ея тетка.

Великосвѣтскіе друзья моей жены шептались и лорнировали насъ. Гостиная превратилась въ театральную залу, гдѣ нашъ кружокъ неожиданно превратился въ группу актеровъ, разыгрывающихъ увеселительную пьесу. Зина не считала нужнымъ отвлечь отъ насъ вниманіе своихъ знакомыхъ и своимъ отношеніемъ къ дядѣ и двумъ бѣднымъ

Digitized by Google

женщинамъ давала полное право каждому смотрѣть на неожиданныхъ посѣтителей съ презрительными усмѣшками. Болѣе всего, какъ узналъ я послѣ, раздражало ее то, что среди нашего кружка находился Леевъ, уже весело и громко смѣявшійся и вызывавшій смѣхъ своихъ собесѣдницъ.

— Нѣтъ, братъ, Володя, какъ посмотрю я у васъ на все, такъ это не то, что въ наше время было,—заговорилъ дядя.—Бывало, всѣ это мы въ кружокъ усядемся, и идутъ у насъ разсказы, кто про домовыхъ, кто про походы, кто про шулеровъ разсказывастъ, а то фанты затѣемъ или танцы. Фью, какъ отплясываемъ, бывало. Тоже зимой, знаешь, горы на дворахъ у себя устраивали многіе. На рогожѣ это, знаешь, и не опасно, и хорошо. Хохотъ, крики, барышни визжатъ: ай, ай!

Капитанъ воодушевился и шумѣлъ на всю гостиную. Я видѣлъ, что всѣ обратили на него вниманіе.

— Вотъ вѣдь такъ же иныя трудомъ хлѣбъ добываютъ, какъ нашъ ангелъ, Марья Васильевна; ну, шьютъ, шьютъ недѣлю-то всю, гнутъ горбъ, а ужъ въ праздничекъ и гуляютъ. И дружно все было, тепло! А теперь что у васъ? Одни вонъ въ одномъ углу, другіе — въ другомъ. Поди-ка, Бубновъ теперь меня ругаетъ, а вотъ я его. Да что мы! Мы чужіе, мы враги! А, я думаю, сынокъ-то его—гдѣ онъ, Володюшка, ты мнѣ покажи эту птичку — вотъ онъ-то, я думаю, тоже батюшкѣ бока моетъ. Ждетъ, я думаю, когда старикъ умретъ. Да, Володюшка, нѣтъ нынче общества, нѣтъ друзей.

— Полноте, дядя, вѣдь мы же дружны, — проговорила Наташа, вся пунцовая отъ смущенія.

— Мы, мы! Мы, маточка, старыя кочерги!

Наташа улыбнулась почти сквозь слезы; она ясно видѣла, что надъ ея старымъ другомъ смѣются въ другомъ концѣ комнаты.

— Да смѣйся, смѣйся, а и ты стараго закала человѣкъ,— задушевно произнесъ дядя:—ты въ святой семьѣ росла, не во французскомъ пансіонѣ, не въ заднихъ комнатахъ у гувернантки воспитывалась. Ты на трудовыя деньги выращена, о, это великое дѣло!

— А вы меня не узнали? — послышался около насъ голосъ Мишеля.

Мишель стоялъ противъ дѣда; я замѣтилъ, что недалеко отъ насъ три молоденькія кузины моей жены смотрѣли на него съ особеннымъ любопытствомъ. Лицо Мишеля приняло

Digitized by Google

нахальное, насмѣшливое выраженіе, котораго не выносилъ Григорій Даниловичъ при разговорахъ съ сыномъ.

— Не имѣю чести знать!—отвѣтилъ дядя и уже хотѣлъ, по своему обыкновенію, принять важную осанку, обдернувъ сюртукъ.

— Я вашъ внукъ,—промолвилъ Мишель съ улыбкой

— То-есть сынъ господина Бубнова?—нахмурился дядя.

— Сынъ моей матери и вашей племянницы, — отвѣтилъ Мишель, улыбаясь еще развязнѣе, еще наглѣе.

Онъ, видимо, замышлялъ разыграть комедію.

— Не имѣю чести знать, не имѣю чести знать,—пробормоталъ дядя.—Мой внукъ—Володя, моя внучка—Наташа, мои родные тѣ, которые любятъ меня.

— Дѣдушка, неужели вы оттолкнете своего внука, — комически-жалобнымъ голосомъ промолвилъ Мишель.—О, жестокосердый...

— Молокососъ, молокососъ!—поднялся во весь ростъ дядя, понявъ наглую выходку внука и стуча костылемъ.

— За что вы сердитесь, милый дѣдушка?

Я поблѣднѣлъ отъ этой мальчишески-глупой выходки Мишеля. Я зналъ, что онъ не лучше обращался иногда съ отцомъ, что въ настоящемъ случаѣ надо поскорѣе кончить эту исторію.

— Я тебя попрошу извиниться передъ дядей и выйти вонъ,—проговорилъ я брату, не владѣя собой.

Мишель весь вспыхнулъ.

— Это... это... очень...—забормоталъ онъ въ смущеніи.

— Извините, — обратился я къ кузинамъ жены, незамѣтно приблизившимся къ намъ.—Эти мальчики очень нахальны, и ихъ нужно учить.

Я холодно взялъ за руку Мишеля и подвелъ его къ опустившемуся снова на кресло дядѣ. Мишель, вѣроятно, чувствовалъ сильную боль въ сжатой мною рукѣ и стиснулъ зубы.

— Нашъ дѣдъ,—заговорилъ я почти шопотомъ, спокойнымъ, сдержаннымъ тономъ:—принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, на чести которыхъ нѣтъ ни одного пятна. Онъ былъ благодѣтелемъ нашей матери, и если на тебѣ теперь красуется эта мишура...

Я потрясъ мундиръ Мишеля.

— То даже ею ты обязанъ самоотверженной любви дѣда. Твой отецъ и твоя мать были бы очень не богаты, если бы дѣдъ не бросилъ имъ щедрою рукою въ подаяніе деревню.

Digitized by Google

Оскорбляя дѣда, ты становишься хуже послѣдняго негодяя, хуже послѣдняго нищаго.

Я сильнѣе стиснулъ руку брата и толкнулъ его къ дѣду.

— Извините меня, — пробормоталъ онъ тоже шопотомъ, почти плача.—Мнѣ никогда и ничего не говорили о томъ, что я узналъ теперь...

Капитанъ махнулъ рукой и поднялся съ мѣста.

— Поѣдемте, — проговорилъ онъ Марьѣ Васильевнѣ и Наташѣ.

— Голубчикъ, ты скажи, что я по глупости сошкольничалъ, пусть старикашка не сердится,—со слезами прошепталъ мнѣ Мишель, какъ добрый провинившійся ребенокъ.

— Послѣ, теперь не время, — отвѣтилъ я, но мнѣ было отъ души жаль этого добраго, мягкаго, но крайне испорченнаго и вѣтренаго ребенка.

Я пошелъ, чтобы проводить дядю, Меньшовыхъ и Леева, который ѣхалъ съ ними. Гости моей жены группами стояли поодаль и смотрѣли на насъ съ насмѣшливыми улыбками. Въ дверяхъ гостиной, сложивъ на груди руки, стоялъ Григорій Даниловичъ; онъ, какъ я узналъ послѣ, былъ свидѣтелемъ всей сцены дяди съ его сыномъ. Его лицо было угрюмо. Онъ неторопливо отдѣлился отъ дверей, увидавъ, что дядя уходитъ, и подошелъ къ старику.

— Извините, капитанъ, моего сына. Мнѣ больно и за него, и за себя! — произнесъ искреннимъ тономъ Григорій Даниловичъ.

— Богъ его проститъ. Это вѣдь все итоги старыхъ счетовъ подводятся,—промолвилъ дядя и на ходу кивнулъ головою Бубнову, не обративъ вниманія, что тотъ протянулъ руку, какъ нищій, напрасно ждущій подаянія.

Проводивъ дядю, я прошелъ въ свой кабинетъ. Мнѣ было невыносимо скверно. Я сѣлъ за столъ и опустилъ на руки голову. Это были минуты какого-то полнѣйшаго безсилія, когда человѣкъ не знаетъ, что сдѣлать, и готовъ убѣжать куда-нибудь, только бы скрыться отъ своей настоящей жизни. Я чувствовалъ, что мой разладъ съ женою увеличился въ этотъ вечеръ болѣе, чѣмъ онъ увеличивался во всѣ предыдущіе дни. Прошло съ полчаса или болѣе. Наконецъ, я очнулся и всталъ, чтобы взять стаканъ воды. Къ моему удивленію, передо мной былъ Григорій Даниловичъ. Онъ сидѣлъ на диванѣ, подложивъ себѣ подъ локоть подушку, и смотрѣлъ на меня грустными глазами.

— Васъ разстроила вся эта исторія съ моимъ негодяемъ,—

Digitized by Google

произнесъ онъ.—Но не сердитесь на него и не судите его очень строго. Онъ не злой малый, но я избаловалъ его, испортилъ его. Вотъ такъ-то онъ обращается и со мною...

Бубновъ опустилъ на грудь голову, онъ былъ жалокъ въ эту минуту.

На слѣдующій день, утромъ, я холодно встрѣтился съ женою, точно что-то вдругъ легло между нами. Я, она и Гриша сидѣли за завтракомъ и молчали.

— Я не желала бы, чтобы въ моихъ комнатахъ появлялись Марья Васильевна и ея племянница, — замѣтила мнѣ Зина, храбро прерывая молчаніе.

— Я думаю, твои комнаты въ то же время мои, — сказалъ я:—а во-вторыхъ, Меньшовы бываютъ у насъ такъ рѣдко, что это стѣснить тебя не можетъ.

— Ни часто, ни рѣдко не хотѣлось бы мнѣ ихъ видѣть,— отвѣчала Зинаида.—Моимъ гостямъ вовсе не интересно слушать разсказы о катаньи на рогожахъ, о шитьѣ бѣлья и швеяхъ, и, наконецъ, многихъ просто стѣсняютъ эти мѣщанки...

— Дураковъ?—сказалъ я. — Эти мѣщанки стоятъ цѣлой головой выше какихъ-нибудь праздношатающихся шалопаевъ, въ родѣ Самарина, переносящаго сплетни изъ гостиной въ гостиную, или обратившихся къ ханжеству публичныхъ женщинъ, въ родѣ княгини Сухотиной...

— Я тебѣ не позволю...

— Ну, позволенья я у тебя не стану спрашивать и, наконецъ, прекращу посѣщенія всей этой мошеннической шайки.

Гриша незамѣтно удалился изъ комнаты, видя, что нашъ разговоръ становится рѣзкимъ.

— Что съ тобой? Ужъ не ревнуешь ли ты меня къ Самарину?—усмѣхнулась Зина и вдругъ нахмурила брови. — Или этотъ гнѣвъ — слѣдствіе того, что я не желаю принимать двухъ женщинъ, съ которыми ты и Леевъ стоите Богъ знаетъ въ какихъ отношеніяхъ.

Я стиснулъ зубы. Я начиналъ смутно понимать, что она ревнуетъ Леева къ Наташѣ.

— Ты сама не знаешь, что говоришь, — произнесъ я.— Но я тебѣ повторяю, что принимать эту свѣтскую чернь я больше не буду.

— Тѣ, кого ты ругаешь, ходятъ ко мнѣ...

— Ну, этихъ разграниченій нельзя дѣлать въ одной квартирѣ. Вѣдь не завести же двѣ половины, какъ было у твоей матери, по двѣ комнаты каждая половина.

Digitized by Google

— Оттого и нельзя завести двѣ половины, что мы живемъ не по состоянію.

— Да, ты тратишь слишкомъ много.

— Я трачу свое. Да я не о томъ говорю. Мы живемъ хуже, чѣмъ мы могли бы жить. Богъ знаетъ, для чего ты не берешь деньги съ имѣнія.

Я промолчалъ, я не хотѣлъ снова объяснять ей свои взгляды на это дѣло.

— Кажется, странно лишать себя необходимаго и копить деньги, — продолжала она. — Эта жадность не позволяетъ намъ жить, какъ слѣдуетъ, и заводить связи въ свѣтѣ.

— Чортъ его возьми, этотъ свѣтъ. Для него я не стану тратить чужихъ денегъ. Крестьянскія деньги не мои.

— Не хочешь ли ты отдать и заработанныя тобою деньги мужикамъ?

— Можетъ-быть,—сухо отвѣтилъ я.—Во всякомъ случаѣ, и тутъ могу не спрашивать тебя, какъ ты не спрашиваешь моихъ совѣтовъ, распоряжаясь своими деньгами.

— Мы, кажется, никогда ни до чего не договоримся.

— Мы уже договорились до того, что или и ты, и я не будемъ принимать непріятныхъ кому-нибудь изъ насъ знакомыхъ, или разъѣдемся,—холодно промолвилъ я.

Зина поблѣднѣла. Она молча встала и вышла изъ комнаты.

Съ этого дня наша жизнь пошла какъ-то врозь. Теперь Зинаида принимала все большее и большее число своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, желая показать мнѣ, что она не намѣрена покориться «моихъ прихотямъ»; я съ Гришей все чаще и чаще посѣщалъ Меньшовыхъ и дядю, желая отдохнуть въ ихъ маленькомъ раю. Моя жена, между прочимъ, находилась въ такомъ положеніи, что ей нельзя было слишкомъ часто выѣзжать на балы. Это ее раздражало. Иногда у нея раздраженіе доходило до жалобъ, до слезъ.

— Когда же это, наконецъ, кончится! Мы женщины — несчастныя созданія, — говорила она мнѣ.—Лучшіе годы должны возиться съ дѣтьми.

— Это такія святыя обязанности, которыми можно гордиться,—замѣтилъ я.

— Ахъ, это говорятъ обо всѣхъ обязанностяхъ тѣ, у кого этихъ обязанностей нѣтъ!—раздражительно отвѣтила она.

Въ ней не было и тѣни святого материнскаго чувства любви къ будущему младенцу. Это меня и огорчало, и еще болѣе отталкивало отъ нея. Наконецъ, я сдѣлался отцомъ

Digitized by Google

Мой милый, дорогой сынъ, мой Володя лежалъ у меня на рукахъ, и я давалъ мысленно обѣтъ сдѣлать все, чтобы онъ вышелъ честнымъ человѣкомъ. Зинаида отказалась кормить его, и черезъ шесть недѣль она уже стремилась на дачу въ Петергофъ, въ тогдашнее модное лѣтнее мѣстопребываніе петербургскаго высшаго круга, чтобы принять участіе въ проектированныхъ ея кружкомъ катаньяхъ и кавалькадахъ. Ребенокъ не интересовалъ ея, онъ находился на рукахъ кормилицы, и только иногда его выносили въ комнаты Зины, чтобы показать кружева и шелкъ его нарядовъ. Я иногда не бывалъ на дачѣ по два и по три дня, занимаясь дѣлами въ Петербургѣ. Но каждый разъ, когда я возвращался на дачу, я или не заставалъ Зину дома, узнавалъ, что она уѣхала кататься съ Леевымъ и Самаринымъ, или слышалъ, что Зина дома и у нея сидятъ Самаринъ и Леевъ. Леевъ и Самаринъ сдѣлались ея неразлучными спутниками. Мнѣ становились странными ихъ отношенія. Самаринъ ухаживалъ за Зиной, но она смѣялась надъ нимъ. Леевъ обращался съ нею небрежно, менѣе всѣхъ другихъ соглашался съ нею, восхищался при ней Наташей, говорилъ, что онъ могъ бы любить женщину не болѣе года, объяснялъ, что, впрочемъ, до сихъ поръ не встрѣчалъ даже и такой женщины, которую могъ бы полюбить хоть на годъ, ручался, что онъ и не встрѣтитъ никогда такой женщины, а, между тѣмъ, Зина заискивала въ немъ, и только въ немъ одномъ. Она, кажется, хотѣла доказать всѣмъ, называвшимъ красавца Леева безсердечнымъ человѣкомъ, что этотъ холодный красавецъ, этотъ эгоистъ, этотъ лѣнтяй, будетъ у ея ногъ, откажется отъ своей лѣни, забудетъ свой сонъ, чтобы только быть около нея. Она иногда любезничала при Леевѣ съ Самаринымъ, старалась возбудить ревность въ Леевѣ, но это не удавалось, и Зинаида снова начинала ухаживать за Леевымъ. Я начиналъ ясно видѣть всю завязку этой странной капризной игры въ кошки и мышки. Но покуда я еще не зналъ, насколько серьезно любитъ моя жена Леева, я думалъ, что она просто играетъ съ нимъ отъ бездѣлья, заводитъ одну изъ тѣхъ пустыхъ и глупыхъ интригъ, которыя такъ часто развлекаютъ свѣтскихъ барынь отъ скуки и праздности ихъ жизни. Однажды, я засталъ Леева у себя въ комнатѣ.

— А! здравствуй, дамскій угодникъ,—весело поздоровался я съ нимъ.

— Ну, братъ, плохой я угодникъ, лѣнивъ слишкомъ и

Digitized by Google

знать люблю, такъ что непремѣнно проспалъ бы часъ своей свадьбы,—замѣтилъ онъ.

— Однако, за тобой, кажется, всѣ барыни ухаживаютъ...

— Да вѣдь это всегда такъ бываетъ,—промолвилъ Леевъ.— Человѣкъ ищетъ всю жизнь фортуну, не спитъ ночей, бѣгаетъ за ней всюду,

...et la trouve, assise à la porte
De son ami plongé dans un profond sommeil.

— Ну, въ такомъ случаѣ, конечно, и сонливый лѣнтяй отворитъ ей двери.

— Конечно; но я съ условіемъ отворяю, чтобы меня не очень безпокоили счастьемъ, а главное, чтобы оно не очень долго длилось.

— Милое правило!

Леевъ засмѣялся.

— Впрочемъ, я и при этихъ условіяхъ очень рѣдко отворяю двери фортунѣ: лѣнь и сонъ прежде всего,—прибавилъ онъ.—Но шутки въ сторону, мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобою...

Нашъ разговоръ прервался приходомъ Зины. Я надѣялся объясниться съ Леевымъ при первой возможности, но дня черезъ два или три, гуляя по саду, я увидалъ въ травѣ бумажку. Это было письмо. Я машинально прочелъ и не сразу понялъ его.

«Писать—для меня наказаніе, а вы требуете отвѣта,—говорилось въ письмѣ.—Вы, право, странная женщина. Что вамъ за охота выбирать для своей первой, какъ вы говорите, любви такое лѣнивое существо, какъ я! Я вамъ двадцать разъ повторялъ, что я, можетъ-быть, и полюбилъ бы васъ, но что лѣнь для меня еще дороже, а вы заставляете меня вставать въ извѣстные часы для катаній и скакать по садамъ и паркамъ. Вотъ и теперь скачка предстоитъ. Конечно, я пріѣду, но, ей-Богу, въ одинъ прекрасный день, я залягу въ постель—и никакія прелести любви не вызовутъ меня оттуда. Повѣрьте, что, въ концѣ-концовъ, вамъ будетъ не веселѣе со мною, чѣмъ съ вашимъ мужемъ. Вашъ лѣнивый другъ Леевъ».

«Это къ ней»,—подумалъ я и смялъ письмо въ рукахъ. Мнѣ не было больно, во мнѣ не было ревности, я уже не любилъ Зину,—но мнѣ было тяжело, страшно сознавать, что я не могу разойтись съ нею и порвать наши тяжелыя для обѣихъ сторонъ связи. Меня изумилъ и тонъ письма

Digitized by Google

Леева:—этотъ тонъ ясно показывалъ, что Леевъ не любитъ Зинаиду. Я рѣшился объясниться съ женою.

— Зина, намъ надо поговорить,—сказалъ я ей, появляясь въ ея комнатѣ.

Жена моя вздрогнула и, кажется, испугалась. Мы уже такъ давно не бесѣдовали съ ней ни о чемъ. Она не отвѣтила ни слова. Мнѣ приходилось говорить прямо.

— Въ какихъ отношеніяхъ ты находишься къ Лееву?—спросилъ я.

Она продолжала молчать.

— Ты его любишь?

Она посмотрѣла въ сторону, избѣгая встрѣчи съ моимъ взглядомъ, и проговорила сквозь зубы.

— Да.

Ея голосъ былъ какъ-то сухъ и отрывистъ.

— Это надо было сказать раньше и не ставить меня въ ложныя отношенія къ тебѣ,—проговорилъ я.

— Я тутъ ни въ чемъ не виновата,—произнесла она, хмуря брови.

— Я и не думаю обвинять тебя за любовь къ нему, но мнѣ больно, что ты во-время не предупредила меня...

— Я боролась съ собою,—заговорила она:—я думала, что все кончится само собою, потому и не говорила. Ты долженъ былъ это предвидѣть. Ты женился на мнѣ, когда я не видала людей и свѣта. Я шла за тебя потому, что ты первый предложилъ мнѣ выйти изъ семейнаго омута. Ты могъ понять, что это была не любовь.

Она говорила безсвязно, все болѣе и болѣе сдвигая брови. Я видѣлъ, что она искала оправданій себѣ, и поспѣшилъ убѣдить ее, что я ее и не думаю обвинять.

— Значитъ, ты находишь, что я ошибся?—сказалъ я.

— Ну, да.

— А ты понимала, что ты не любишь меня?

— Да... но я думала, что я со временемъ полюблю тебя.

— И тоже ошиблась?

Она посмотрѣла на меня: я былъ холоденъ и спокоенъ.

— Да,—глухо прошептала она.

— Значитъ, мы оба ошиблись, оба равно виноваты, и теперь не время толковать о томъ, кто изъ насъ былъ болѣе виноватъ—ты или я. Я не за тѣмъ и началъ объясненіе. Дѣло въ томъ, что я не стану жить съ женщиной, которая любитъ другого и совершенно не любитъ меня. Если между нами не будетъ никакой внутренней связи, то будетъ

Digitized by Google

просто подло сохранять внѣшнюю связь. Если ты будешь тѣсно связана съ Леевымъ и будешь жить съ нимъ, прикрываясь мною, то это будетъ недостойно и тебя, и Леева.

— Что же, ты хочешь развода?—спросила она.

— Во всякомъ случаѣ, я хотѣлъ бы, чтобы ты жила врозь со мною, если ты сознаешься, что между нами нѣтъ ничего общаго, если ты чувствуешь, что привязанность къ Лееву—дѣло серьезное...

— Ты непремѣнно хочешь скандала?—съ горькой усмѣшкой произнесла она.

— Я хочу, напротивъ того, прекратить скандалъ.

— Хорошо прекращеніе скандала: ты сдѣлаешь и меня, и себя предметомъ пересудовъ, толковъ свѣта.

Я понялъ, что для нея все святое заключалось въ толкахъ свѣта, что она готова была сдѣлать все, но такъ сдѣлать, чтобы объ этомъ не говорилъ свѣтъ. Теперь мнѣ стало ясно, что въ былыя времена она сторонилась отъ сосѣдей не потому, что они были гадки и пусты, а потому, что она была бѣдна и не могла играть въ ихъ кружкахъ первой роли.

— Мы съ тобой и тутъ расходимся во мнѣніяхъ: я боюсь дурныхъ поступковъ и не обращаю вниманія на то, что говорятъ обо мнѣ,—промолвилъ я.—Ты же еще не дошла до того убѣжденія, что свѣтъ иногда бросаетъ грязью въ самыя святыя личности, что нужно только заботиться о честности своихъ поступковъ, а не о томъ, какіе толки они вызовутъ.

— А, это все медвѣжьи теоріи!

— Что?—удивился я.

— Я говорю, что это все медвѣжьи теоріи,—повторила Зинаида.—Ты, вообще, смотришь на все, какъ могъ бы смотрѣть медвѣдь, засѣвшій въ свою берлогу, не выходящій изъ нея и потому плюющій на все, что говорится вокругъ него. Но вѣдь мы живемъ въ обществѣ, мы должны подчиняться его приличіямъ и обычаямъ.

— То-есть развратничать тайкомъ и не смѣть смѣло сказать, что наша любовь не развратъ?

— Я не развратничаю, я люблю Леева, и ты давно могъ понять, что я не люблю тебя,—строптиво проговорила Зинаида.

— Неужели ты не можешь понять, что жить съ человѣкомъ, котораго не любишь, скверно, не честно?

— Развѣ я виновата, что бракъ нельзя расторгнуть?

— Можно разойтись безъ формальнаго развода, можно жить отдѣльно въ одномъ и томъ же домѣ или уѣхать за

Digitized by Google

границу съ Леевымъ—толковъ не будетъ. Барыни наши такъ часто ѣздятъ на свободу за границу. Мы будемъ оба свободны.

Она пристально посмотрѣла на меня.

— Тебѣ, вѣроятно, тоже нужна свобода?

Мнѣ стало гадко, я понялъ, что Зинаида намекаетъ на мою дружбу съ Наташей.

— Теперь ты не имѣешь права спрашивать меня объ этомъ, и я имѣю право не отвѣчать на подобные вопросы,— проговорилъ я.

— На что ты рѣшаешься?—спросилъ я черезъ минуту. Во мнѣ оборвалась послѣдняя связь съ этой женщиной.

Она испугалась.

— Я не знаю... Какъ онъ...

— Ты переговори съ нимъ...

— Но, можетъ-быть, ему нельзя...

— Мнѣ все равно. Во всякомъ случаѣ, между нами все кончено. Переговори съ Леевымъ. Это единственный исходъ для насъ, если ты не намѣрена прекратить связи съ этимъ человѣкомъ...

Зина поблѣднѣла. Она хотѣла что-то сказать, но закусила губы и вдругъ закрыла лицо руками.

— Зина, о чемъ же ты плачешь?—проговорилъ я съ невольнымъ участіемъ.—Ты еще можешь быть счастлива съ нимъ...

— Ступай, ступай, мнѣ не нужно сожалѣній!—быстро проговорила она, глухо рыдая.

Я поднялся съ мѣста и пошелъ.

Мнѣ было тяжело. Я сознавалъ, что между нами все кончено, и не о томъ тужилъ, что разошелся съ этой женщиной. Теперь она стала мнѣ противна по своимъ убѣжденіямъ. Меня мучило только раскаяніе за мою недальновидность и грызла мысль, что я загубилъ и себя, и ее, и Леева, такъ какъ бракъ нерасторжимъ, и намъ всѣмъ придется стоять въ ложныхъ отношеніяхъ. Но я не вполнѣ понималъ, о чемъ плачетъ она. Эти слезы не могли быть слѣдствіемъ раскаянія. И въ чемъ ей было раскаиваться, если она дѣйствительно не любила меня и любила Леева? Или дѣйствительно мои подозрѣнія были вѣрны, и Леевъ не любилъ ея? Я отправился къ нему и объявилъ ему, что я говорилъ съ женою.

— Я невольно какъ будто сталъ на твоей дорогѣ,—промолвилъ онъ.

Digitized by Google

— Ни ты, ни кто-нибудь другой не становились на моей дорогѣ,—перебилъ я его:—я самъ сошелъ съ нея гораздо раньше. Къ сожалѣнію, я понимаю теперь, что мнѣ совсѣмъ было не нужно идти на этотъ путь. Я никогда не любилъ ея, а любилъ созданный мною призракъ. Она же и того не любила. У нея былъ только расчетъ.

— Ты слишкомъ строгъ къ ней,—сказалъ Леевъ.

— Что это у тебя—серьезная любовь?

— Я ея совсѣмъ не люблю,—отвѣтилъ Леевъ.

Эти слова обдали меня, какъ холодная вода. Я не могъ говорить отъ душевнаго волненія.

— Ты знаешь меня,—продолжалъ Леевъ:—больше всѣхъ женщинъ люблю я свободу...

— То-есть, въ одинъ прекрасный день, поигравъ съ нею, ты бросишь ее?—съ невольнымъ отвращеніемъ замѣтилъ я.

Леевъ посмотрѣлъ на меня удивленными глазами.

— Да я и не игралъ съ нею,—отвѣтилъ онъ.—Если съ кѣмъ-нибудь играли, такъ это со мною. Я говорилъ ей двадцать разъ, что не могу любить ея и не могу играть въ любовь съ нею, какъ съ женою близкаго мнѣ человѣка.

— Ну, ну, и что же?—торопливо допрашивалъ я; я былъ какъ бы въ какомъ-то чаду.

— Что?.. Она смѣялась... Меня лѣнь одолѣваетъ, а она зоветъ меня на катанье, пріѣду—она торжествуетъ.

— Зачѣмъ же ѣздилъ?.,

— Пробовалъ не ѣздить...

— Ну?

— Нѣтъ, братъ, ты не знаешь, что можетъ сдѣлать женщина, если ей хочется, чтобы ей повиновались!—съ отчаяньемъ воскликнулъ Леевъ.—Я думалъ, что, мало-по-малу, я ей докажу невозможность нашей связи, но покуда мнѣ не удалось это сдѣлать... Когда я начиналъ говорить о тебѣ, мнѣ указывали на Самарина, и говорили, что если не я, то онъ, или кто-нибудь другой станетъ на твоей дорогѣ, что жить съ тобою она не можетъ... Ты понимаешь, что объявить тебѣ это, чернить передъ тобою твою жену, обрывать семейное счастье я не могъ...

Я схватился за голову.

Опять я видѣлъ въ поступкахъ Зины то же желаніе покорить себѣ человѣка, поставить на своемъ, не думая о послѣдствіяхъ. Я понималъ вполнѣ, что и теперь Зина въ сущности, можетъ-быть, и безсознательно, дорожила не Леевымъ, а своею побѣдою. Ей хотѣлось покорить этого

Digitized by Google

человѣка, сдѣлать его своею игрушкою и, можетъ-быть, потомъ насмѣяться надъ нимъ же. Я видѣлъ во всемъ этомъ слѣды того глубокаго свѣтскаго разврата, который подталкиваетъ людей отъ бездѣлья играть самыми святыми чувствами и отношеніями. И что же святого могло выработаться въ душѣ этой женщины, видѣвшей въ дѣтствѣ связь своей матери съ гувернеромъ и связь своего отца съ крѣпостной горничной?

— Что же будетъ теперь, что мы станемъ дѣлать?—говорилъ я въ отчаяньи, ходя по комнатѣ Леева.—Ты не поѣдешь съ нею за границу?

— Я?—изумился онъ.—Я тебѣ говорю, что я не любилъ и не люблю ея. Я пріѣзжалъ къ тебѣ на-дняхъ объясниться, мнѣ помѣшали.

Я опять взялся за голову. Я былъ похожъ на сумасшедшаго. Я не могъ придумать, что дѣлать. Мнѣ показалось, что лучше всего молчать и не вспоминать объ этой исторіи. Леевъ рѣшился не ѣздить къ намъ.

Это было въ концѣ лѣта. Мы переѣхали съ дачи. Зина выглядѣла мрачною и угрюмою. Я не говорилъ ни слова объ ея отъѣздѣ за границу и жилъ на своей половинѣ съ Гришей, являясь только къ обѣду въ общія комнаты. Въ это время единственною отрядою для меня были Меньшовы и Гриша. Эти люди, почти не зная моихъ семейныхъ обстоятельствъ, видѣли, что я худѣю, что я грустенъ, и принимали во мнѣ участіе. Наташа въ это время хлопотала о помощи разнымъ бѣднякамъ, учила даромъ дѣтей, волновалась сотнями различныхъ вопросовъ. Жизнь въ ней била ключомъ. Глядя на это живое, подвижное созданіе, я вспоминилъ о давнопрошедшихъ годахъ моей юности и благословлялъ мысленно эту дѣвушку на лучшую долю, чѣмъ моя доля. Иногда она заходила къ намъ съ просьбами помочь тому или другому нуждавшемуся семейству. Зина почти никогда не выходила къ ней и оставляла насъ однихъ. Однажды я собирался выйти изъ дома, когда ко мнѣ вошелъ Гриша и сказалъ о приходѣ Наташи. Она рѣдко появлялась въ нашемъ домѣ, и потому я былъ изумленъ ея утреннимъ посѣщеніемъ. Я вошелъ въ залу. Лицо Наташи было озабочено и разстроено.

— Что съ вами, Наташа?—спросилъ я, здороваясь съ ней.

— Я по дѣлу къ вамъ,—сказала она и не могла подавить волненія.—Вѣдь это просто возмутительно, имъ опять отказали. Гдѣ же правда? Вѣдь онѣ умираютъ съ голоду,

Digitized by Google

вѣдь не на самоубійство же имъ рѣшиться. Это возмутительно!

Я начиналъ понимать, въ чемъ дѣло.

— Фоминой вѣрно отказали въ мѣстѣ, въ богадѣльнѣ?— спросилъ я, вспомнивъ наши недавнія хлопоты объ одной бѣдной семьѣ.

— Ну да,—торопливо отвѣтила Наташа.—Да нѣтъ, вы вообразите: написала я ей просьбу въ комиссію, тамъ не приняли и послали въ человѣколюбивое; здѣсь получается отказъ, такъ какъ она получаетъ двухрублевую пенсію. Я пишу прошеніе о принятіи ея въ богадѣльню съ дочерью. Тамъ тоже отказъ, опять потому, что она получаетъ два рубля пенсіи. Но развѣ на эти проклятые два рубля можно жить? Если бы вы взглянули, что у нихъ теперь. Онѣ обѣ живутъ въ углу, безъ окна, безъ печки, обѣ больны, не могутъ работать, и работы-то нѣтъ. Я сейчасъ отъ нихъ. Вѣдь это варварство такъ мучить людей и не давать исхода. Ну, постановили бы, что подобныхъ бѣдняковъ убивать нужно, въ рѣку бросать, что ли!

Я услышалъ рыданія.

— Полноте, Наташа,—подошелъ я къ ней.—Полноте. Ну, вотъ мы общими силами имъ поможемъ...

— Имъ! имъ! да вѣдь это двѣ изъ тысячъ,—воскликнула она, сжимая руки.—Двумъ Христа ради дадимъ хлѣба, но тысячамъ этимъ не поможемъ, вотъ что меня ужасаетъ. Мы вотъ тутъ по театрамъ ѣздимъ, рядимся, вертимся на балахъ, а около насъ умираютъ съ голоду!

— Вы-то ѣздите на балы!—невольно воскликнулъ я.— Ну, Наташа, не васъ попрекнутъ онѣ! Видитъ Богъ, не васъ!

— Да, на насъ кровь ихъ, на насъ,—говорила она, судорожно сжимая руки.—Мнѣ совѣстно, что я сыта, что я порядочно одѣта! Эти нищія, эти голодныя, кажется, говорятъ, что и я ѣмъ часть ихъ хлѣба.

— Что съ вами?—спросила моя жена, шумно появляясь въ залу съ прогулки и осматривая нашу группу удивленными глазами.

Наташа быстро отерла слезы.

— Опять вѣрно бѣдняки какіе-нибудь, на сценѣ?

— О, нѣтъ, они всегда за кулисами, на сценѣ только мы!—проговорила Наташа.—Только мы играемъ комедіи передъ эшафотомъ ближнихъ...

— Вы, кажется, сегодня нездоровы!—сухо проговорила Зинаида.

Digitized by Google

— Вы правы, я разстроена и нездорова,—отвѣтила Наташа и обратилась ко мнѣ:—ради Бога, помогите хоть этимъ, хлопочите, кланяйтесь, но устройте ихъ въ богадѣльню.

— Не безпокойтесь, если и не устрою, то помогу имъ самъ. Но берегите себя...

— Что вы обо мнѣ толкуете!—раздражительно проговорила Наташа.

— Потому и толкую, что вы нужны хотя для трехъ-четырехъ подобныхъ несчастныхъ, о которыхъ вы заносите вѣсть въ наши золоченыя тюрьмы.

Я пошелъ съ Наташей. Жена нахмурила брови.

Мы нашли Фоминыхъ въ страшномъ положеніи. Я помѣстилъ ихъ въ лучшую квартиру и далъ имъ немного денегъ. Послѣ страшной картины нищеты, видѣнной мною, мнѣ не хотѣлось ѣхать домой,—я поѣхалъ къ Меньшовой. Ея маленькій раекъ былъ попрежнему уютенъ и свѣтелъ. Она удивилась, увидавъ меня у себя въ обѣденную пору. Я сказалъ, что мнѣ нужно отдохнуть здѣсь душою, что дома мнѣ тяжело. Наташа сурово молчала, она никогда не говорила о моей женѣ, о моей семейной жизни. Марья Васильевна тоже не сказала ни слова объ этомъ предметѣ, но была какъ-то матерински предупредительна и заботлива со мною. Такъ бываютъ нѣжны добрые друзья съ несчастными и больными друзьями.

— А что жена твоя къ намъ не заѣдетъ?—спросилъ дядя, садясь съ нами за столъ.—Ты ее все одну оставляешь, это не хорошо. Молодой женщинѣ скучно!

Я молчалъ.

Марья Васильевна поторопилась перемѣнить разговоръ.

— Я вотъ на-дняхъ къ тебѣ собираюсь, такъ и скажу ей, чтобы она тебя пожурила за то, что мало о ней думаешь,—продолжалъ дядя.—Мы, Марья Васильевна, соберитесь-ка сегодня вечеромъ къ ней. Нечего въ дальній ящикъ этого откладывать. А то женщина молодая сидитъ дома, а онъ одинъ по гостямъ рыщетъ...

— Она сегодня нездорова. Ты, дядя, лучше въ другой разъ соберись,—сказалъ я.

— Ахъ, ахъ, какъ это дурно!—воскликнулъ дядя.—Ну, Володюшка, не ожидалъ я этого отъ тебя. Жена больна, а онъ въ гостяхъ. Да, что бы сказали люди, если бы я поѣхалъ куда-нибудь, зная, что Марья Васильевна больна? А? Не хорошо, не хорошо! И какъ это испортилось твое сердце,

Digitized by Google

Володюшка! Былъ ты прежде добрый мальчикъ и меня даже не оставлялъ, а теперь—на!—жену бросаешь.

— Она, дядя, легла спать, и мнѣ надо было освѣжиться...

— Не хорошо! все-таки не хорошо!

— Ну, полно, дядя—ворчунъ,— насильно улыбнулась Наташа, вставая изъ-за стола.—Спать намъ пора, такъ ли передъ сномъ и ворчимъ.

— Ну да, передъ сномъ!—по-дѣтски произнесъ дядя и, ворча что-то, пошелъ изъ комнаты, опираясь на руку Наташи. Она довела его до комнаты, сдала съ рукъ на руки его лакею, и сама прошла въ свою комнату.

Я сидѣлъ молча, мнѣ нужно было объясниться съ Марьей Васильевной. Она уже сидѣла за работой.

— Марья Васильевна,—началъ я, не поднимая глазъ:— отговорите дядю отъ визитовъ ко мнѣ.

Она промолчала.

— Мнѣ вообще хотѣлось бы видѣться со всѣми вами только у васъ,—продолжалъ я.

Она пристально взглянула на меня, опустивъ работу.

— Такъ правду говорилъ Леевъ, что вы очень несчастливы?

— Не будемте говорить объ этомъ,—махнулъ я рукой.— Сдѣлано—не передѣлаешь!

Марья Васильевна начала быстро разспрашивать меня о Фоминыхъ, о разныхъ другихъ бѣднякахъ и какъ будто забыла о моемъ собственномъ горѣ. Разговоры о чужихъ страданіяхъ, о голодныхъ людяхъ заставили меня позабыть о моемъ горѣ, или, лучше сказать, оно даже начало мнѣ казаться какимъ-то мелочнымъ, происходящимъ просто отого, что мы подчиняемся извѣстнымъ приличіямъ и условіямъ свѣтской жизни. Я начиналъ понимать, что разладъ съ женою можно еще устранить, но добыть кусокъ хлѣба, не имѣя ни силъ, ни работы, нельзя. Я понялъ, что отъ подобнаго моему горя люди старѣютъ, мужаютъ, но не умираютъ, если они настолько разумны, что могутъ идти своей дорогой, не означенной въ кодексѣ принятыхъ обществомъ условій и приличій. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла Наташа. Мы начали толковать о томъ, какъ бы возможно было устроить трудъ такъ, чтобы бѣдняки могли лучше жить. Проснувшійся дядя забылъ, что уже видѣлся со мною, и благодарилъ меня за посѣщеніе. Вечеръ прошелъ быстро, и я только къ ночи возвратился домой. У жены были гости. Я прошелъ въ свой кабинетъ и велѣлъ

Digitized by Google

слугѣ не говорить, что я дома. До моихъ ушей доносился смѣхъ и говоръ гостей.

Дня черезъ три я неожиданно узналъ, что Зина собирается за границу. Я встрѣтился съ нею за обѣдомъ и спросилъ ее, правда ли, что она уѣзжаетъ, и къ какому времени нужно достать ей паспортъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—сказала она, не глядя на меня.

Я посмотрѣлъ на нее,—она была блѣдна и слегка вздрагивала.

— Леевъ ѣдетъ?—мелькомъ спросилъ я.

Она взглянула на меня насмѣшливымъ взглядомъ.

— Мы теперь не имѣемъ права задавать другъ другу подобныхъ вопросовъ,—проговорила она, повторяя сказанныя ей мною слова.

— Зина,—дружески замѣтилъ я, съ сожалѣніемъ смотря на ея блѣдное, похудѣвшее лицо:—будешь ли ты съ нимъ счастлива? Любитъ ли онъ тебя? Теперь еще есть время поправить все. Ты, кажется, ошиблась въ своемъ выборѣ... Оставайся здѣсь, поѣдемъ въ деревню, забудемъ все... Вспомни, что у тебя есть ребенокъ...

— Зачѣмъ же мнѣ мѣшать твоему счастію съ такими идеалами честности, какъ Наталья Львовна! — засмѣялась судорожнымъ смѣхомъ Зина.

— Что это ты ревнуешь меня, не чувствуя ко мнѣ любви?— спросилъ я.

— Не ревную, но не желаю видѣть этой примѣрной ученицы, на которую указываютъ мнѣ, какъ на образецъ,— отвѣтила Зина.

— Во-первыхъ, я не указывалъ тебѣ на нее, какъ на образецъ, во-вторыхъ, если ты хочешь, то ни сами Меньшовы, ни ихъ имена не появятся здѣсь въ домѣ. Я люблю ихъ, какъ знакомыхъ; ты дорога мнѣ, какъ мать моего ребенка... Зина, Зина, я принесу тебѣ въ жертву все, только бы ты была счастлива, и попрошу тебя только пожертвовать тѣми пустыми, скверными личностями, которыя окружаютъ тебя. Ты говорила, что ты не любишь меня, что ты любишь Леева...

Зина вздрогнула при этомъ имени.

— Теперь, вращаясь въ своемъ пошломъ кругу, ты должна бѣжать съ Леевымъ, чтобы быть счастливою,—продолжалъ я.—Но если ты согласишься оставить свой кругъ, то я готовъ согласиться на переѣздъ Леева къ намъ. Мои знако-

Digitized by Google

мые не осудятъ тебя, они поймутъ, что иначе сдѣлать нельзя...

— Мнѣ такъ же не нуженъ Леевъ, какъ и ты,—произнесла Зина, гордо поднимаясь съ мѣста. — Я ненавижу васъ обоихъ...

Я въ изумленіи открылъ глаза. Я не понималъ ничего.

Она пошла изъ комнаты.

— Зина!—окликнулъ я ее.

— Ты болѣе не услышишь отъ меня ни слова. Между нами все кончено.

— Вспомни, что ты обрываешь послѣднюю нить, связывавшую насъ... Вспомни, что у насъ есть дитя...

— Это *твой* сынъ,—отвѣтила она, скрываясь за дверью.

XIV.

Одиночество.

Она уѣхала, уѣхала съ Самариным! Для нея было невыносимо и то, что я зналъ ея любовь къ Лееву, и то, что въ свѣтѣ знали объ этой неудачной любви. Для меня нѣтъ человѣка болѣе жалкаго, чѣмъ мать, бросившая грудного ребенка. Для меня нѣтъ человѣка болѣе несчастнаго, какъ ребенокъ, брошенный матерью. Передъ колыбелью моего сына въ моей душѣ не было злобы на его мать за то, что она обманывала меня; въ моей душѣ не было ропота на судьбу за то, что я несчастливъ; въ моей душѣ не было отчаянія, что вся моя будущность безповоротно искалѣчена. Нѣтъ, эта женщина казалась мнѣ жалка, о себѣ и о своей будущности я не думалъ, потому что передо мною лежалъ едва родившійся на свѣтъ человѣкъ, уже несчастный въ колыбели. Передо мной лежала дорога подъ гору, и мнѣ было все равно, какъ доплетусь я до станціоннаго порога, до могилы, а этому младенцу еще нужно было набраться силъ, чтобы встать на ноги и начать путь. Далеко ли дойдетъ онъ безъ нѣжнаго надзора матери, далеко ли дойдетъ онъ безъ семейнаго кружка, безъ тѣхъ друзей-сверстниковъ, съ которыми онъ могъ бы играть передъ своими отцомъ и матерью, передъ отцами и матерями этихъ дѣтей? Тутъ онъ понялъ бы съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ отрадно жить человѣку въ тѣсномъ дружескомъ кружкѣ, вѣчно расширяющемся вновь рождающимися и прибывающими членами. А теперь: я уйду на службу и долженъ буду оставить его на рукахъ прислуги, или, что еще хуже, на рукахъ полуобразованной гувернантки. Въ праздничный день ко мнѣ, можетъ-быть, заглянутъ дя-

Digitized by Google

три человѣка изъ моихъ знакомыхъ,—но это не друзья мнѣ, они просто мои знакомые, они не посѣщаютъ меня съ семействами, какъ вдовца, какъ бобыля, и ребенокъ будетъ одинъ среди большихъ. Ни женщинъ, ни дѣтей не встрѣтитъ онъ у себя въ домѣ. Чтобы онъ видѣлъ ихъ, я долженъ его везти въ чужіе семейные дома. Тамъ жизнь кипитъ радостью, тамъ люди живутъ уютнѣе, не на холостую ногу, тамъ родные, друзья—и онъ, сравнивъ пустыню своего дома съ оживленнымъ кружкомъ чужихъ домовъ, станетъ ненавидѣть свой домъ и завидовать ближнимъ,—завидовать, какъ завидовала когда-то чужому счастью его мать. Не имѣя друзей, онъ не узнаетъ человѣка, не имѣя семьи, онъ не узнаетъ ни хорошихъ, ни дурныхъ ея сторонъ и будетъ ошибаться и въ своихъ привязанностяхъ, и въ своихъ антипатіяхъ. А этотъ проклятый примѣръ бездѣйствія? Дитя не будетъ видѣть, какъ тружусь я въ должности, дитя не будетъ видѣть, какъ тружусь я ночью, въ тѣ минуты, когда оно будетъ спать, и когда я стану писать въ ночной тишинѣ. Ребенокъ будетъ видѣть гувернантку или гувернера, которые будутъ выказывать рвеніе только при мнѣ и будутъ бросать ребенка безъ меня. И тунеядство, и ложь идутъ рука объ руку. И онъ привыкнетъ плохо учиться, видя только необходимость исполнять формальную сторону дѣла. И что докажетъ ему необходимость науки? Какъ растолковать ребенку, что ему нужна географія? что ему нужна геометрія? исторія? языки? Какъ вообще растолковать ему, что ему нуженъ трудъ, когда онъ не видитъ трудящейся семьи? Нѣжной семьи и трудящейся среды нѣтъ около него, и вотъ онъ вырастаетъ однимъ изъ тѣхъ грубыхъ и черствыхъ людей, которыхъ такъ много между брошенною безлутными отцами и матерями молодежью, вырастетъ тѣмъ тунеядцемъ, которыхъ такъ много выходитъ изъ растлѣвающей среды людей, загребающихъ жаръ чужими руками...

Какъ памятны мнѣ эти безсонныя ночи, эти одинокіе дни, когда я сиживалъ передъ дѣтской колыбелью, одинъ среди десяти пустыхъ парадныхъ комнатъ, прислушиваясь къ тихому, едва слышному дыханію ребенка. Все пережитое, видѣнное, передуманное, вспоминалось мнѣ тутъ. Тутъ я исповѣдался въ своихъ грѣхахъ и судилъ тѣхъ, кто дѣлаетъ мнѣ зло. Не перечетъ грѣховъ, не самый судъ надъ ближними занимали меня, но тѣ причины, по которымъ грѣшили мы. И гдѣ же можно найти лучшую святыню, передъ лицомъ которой не стало бы силы солгать, какъ это еще не-

Digitized by Google

винное дитя, которое когда-нибудь можетъ упрекнуть насъ, что мы загрязнили его грѣхами, довели до гибели, до позора, и все оттого, что мы когда-то неискренно покаялись передъ его еще чистымъ существомъ и не рѣшились отстранить всю сознанную нами грязь, всѣ открытыя нами въ себѣ ошибки?..

Кругомъ меня шумѣлъ безобразно-пьяный и растлѣвающій городъ со своею праздною, блестящею чернью, нагло глядящею на изможженныхъ въ трудѣ бѣдняковъ, со своею честностью, карающею голодныхъ воровъ и оправдывающею богачей, грабящихъ милліоны, съ своими торгашами потомъ и кровью ближнихъ и съ своими нищими, просящими Христа-ради, со всѣмъ этимъ гамомъ и шумомъ, сквозь который слышатся то звуки «Травіаты» въ надтреснутой шарманкѣ, то доведенная до кабачнаго цинизма русская пѣсня.

Гриша не утѣшалъ меня, не старался обмануть мое горе пустыми фразами, но онъ былъ еще ласковѣе, еще нѣжнѣе со мною.

Прошло недѣли три. Я отправился къ Марьѣ Васильевнѣ.

— Что съ вами? Вы больны?—всплеснула руками Марья Васильевна, увидѣвъ меня.

— Нѣтъ, я здоровъ,—отвѣтилъ я.

Наташа взглянула на мою голову удивленными глазами и отвернулась въ сторону: я замѣтилъ въ ея глазахъ слезы.

— Марья Васильевна,—началъ я:—скрывать отъ васъ что-нибудь я не хочу, да и не имѣю права, какъ другъ вашей семьи. Потому не удивляйтесь, что я разскажу вамъ всѣ мои семейныя дѣла.

Я сѣлъ и разсказалъ все. Марья Васильевна и Наташа слушали меня молча.

— Вы сами виноваты,—хмуро проговорила Наташа.— Вы ея никогда не любили...

— Можетъ-быть, я не любилъ ея той страстной любовью, которою любятъ влюбленные, но я видѣлъ въ ней друга.

— И друзей не такъ любятъ,—проговорила Наташа.— Помните ли, какъ любилъ васъ Макаровъ? Помните ли, какъ вы его любили? Развѣ ваши отношенія не были такъ же нѣжны, развѣ вамъ не нужно было видѣть другъ друга, чувствовать ласки?

Я сидѣлъ молча, я чувствовалъ, что это правда, что я сошелся съ Зинаидой ради одиночества, скуки, смерти Макарова и отсутствія женскаго общества, что я былъ влюбленъ не въ нее, а въ созданный мною идеалъ.

Digitized by Google

— Да, но вы посѣдѣли, — промолвила Наташа черезъ минуту.

— Я еще и не зналъ этого,—горько улыбнулся я и подошелъ къ зеркалу; я не узналъ себя, я былъ худъ, желтъ, и въ волосахъ блестѣли серебристыми нитями сѣдые волосы.

— Но что же вашъ ребенокъ будетъ дѣлать?—спросила Наташа, задумчиво опуская на грудь голову.

— Этотъ вопросъ и только онъ одинъ мучаетъ меня. У меня есть планы... но... но я не знаю, возможно ли ихъ исполнить,—печально прошепталъ я.

— Что такое?

— Я хочу сдать свою большую квартиру, переѣхать на маленькую... нанять двѣ маленькія, въ одной могъ бы помѣститься я съ дядей.

— Вы его хотите взять отъ насъ?—испугалась Марья Васильевна.

— Я хочу просить васъ пріютить другого младенца...

Я опустилъ голову и ждалъ отвѣта.

— Такъ вотъ для кого вторая квартира, — проговорила Марья Васильевна.—Вы знаете, я для васъ готова все сдѣлать... для васъ и вашего ребенка... Но... но...

Она тревожно взглянула на Наташу.

— Тетя тутъ не можетъ быть никакихъ колебаній,— просто и спокойно проговорила Наташа.

У меня отлегло отъ сердца.

— Наташа, ты вспомни, что мы живемъ среди грязныхъ и злыхъ людей,—сказала Марья Васильевна.

— Тетя, они поговорятъ и придутъ къ намъ же на отдыхъ...

Я подошелъ къ Марьѣ Васильевнѣ и поцѣловалъ ея руку. Я горячо благодарилъ этихъ честныхъ женщинъ. Черезъ часъ всталъ дядя.

— А, ты здѣсь, Володюшка,—промолвилъ онъ.—Давно не бывалъ! Стыдно, стыдно старика забывать.

— Я, дядя, уѣзжалъ; жену провожать ѣздилъ. Она больна, лѣчиться за границу уѣхала,—сказалъ я.

— А! видишь ты, говорилъ я, что всѣ эти балы не доведутъ до добра. По-моему и сдѣлалось. Шутка ли, когда ни придешь,—все на балу, въ театрѣ... Не берегъ ты ее, вотъ теперь на себя и пеняй... Одинъ и живи бобылемъ...

— Нѣтъ, дядя, я одинъ жить не буду. Я хочу тебя пригласить жить со мною,—сказалъ я.

— Гм, гм,—замялся капитанъ.—Я... готовъ... отчего же...

Digitized by Google

Только какъ же это Марья Васильевна безъ мужчины въ домѣ останется?

Я печально улыбнулся.

— Марья Васильевна и Наташа тоже переѣзжаютъ, дядя,—промолвилъ я.—Онѣ берутъ къ себѣ Володю.

— Володю... Володю...—проговорилъ старикъ, забывшись.— Твоего Володю берутъ... А моего Володю никто не бралъ... Мой Володя всѣми брошенъ былъ.

Я подошелъ къ дядѣ.

— Что, дядя, нашу старину вспомнилъ.

Старикъ поднялъ на меня свои ослабѣвшіе глаза.

— Да, Володюшка, никто-то тогда не позаботился о насъ,—проговорилъ онъ, приходя въ память, и ласково провелъ по моей головѣ рукою.—Э, да какой же ты старый сталъ...

— Посѣдѣлъ я, дядя...

— Старый, совсѣмъ старый! А на сколько лѣтъ я тебя старше? А?

— На сорокъ, дядя.

— Слышите: на сорокъ лѣтъ я его старше! А еще говорятъ, что я слабъ. Да я богатырь передъ нимъ, передъ мальчишкой! Нѣтъ, въ старину люди бодрѣе были, сильнѣе, теперь что!

— Дай, дядя, намъ до вашихъ лѣтъ дожить, и мы то же запоемъ.

— Гдѣ вамъ!

Черезъ недѣлю я нашелъ квартиру въ Итальянской улицѣ. Это былъ небольшой домъ-особнякъ, здѣсь помѣстились я, дядя, Марья Васильевна, Наташа, Гриша, мой сынъ и наши слуги: лакей дяди, кухарка и кормилица. Уладивъ все въ квартирѣ, я тотчасъ же уѣхалъ изъ Петербурга въ деревню, подъ предлогомъ, что мнѣ надо было устроить тамъ нѣкоторыя дѣла. Въ сущности я хотѣлъ отдохнуть. Мнѣ хотѣлось провести первое время внѣ Петербурга. Въ деревнѣ все шло по-старому, только княгиня была опасно больна и въ одинъ прекрасный день отдала Богу свою ненужную людямъ душу. О моемъ семейномъ горѣ знали только дѣдъ и Андрей Дмитріевичъ, князь же былъ вполнѣ увѣренъ, что Зинаида поѣхала лѣчиться за границу только на время. Черезъ три мѣсяца я возвратился домой. Меня не ждали. Я прошелъ въ свои комнаты и, входя въ кабинетъ, остановился въ дверяхъ: въ кабинетѣ сидѣла Наташа, на ея рукахъ спалъ мой сынъ. Она была задумчива и не замѣтила моего прихода.

Digitized by Google

— Наташа,—робко окликнулъ я ее.

Она слабо вскрикнула и сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобы я не шумѣлъ.

Я на цыпочкахъ подошелъ къ ней и опустился на колѣни, чтобы поцѣловать ребенка.

— Мы къ вамъ перенесли его, онъ былъ боленъ, бѣдняжка,—прошептала она.—Недавно сталъ поправляться...

— Добрая моя, вы ходили за нимъ...

Я взялъ руку Наташи и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Если бы вы знали, Наташа, какъ тяжело мнѣ жить,— проговорилъ я.

Въ эту минуту проснулся Володя и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на меня.

— Это папа, Володя,—сказала Наташа ребенку.

— Па!—повторилъ Володя.

Я взялъ его на руки.

Онъ не дичился меня и подставилъ мнѣ свои губки.

— Па!—снова повторилъ онъ и засмѣялся.

— И вы еще толкуете, что вамъ тяжело жить,—проговорила Наташа.—Отдайтесь ему—и вамъ будетъ и легко, и отрадно, мы слишкомъ избалованы судьбой и слишкомъ многаго требуемъ отъ жизни...

— Что это, Наташа, покорность, примиреніе, сдѣлка съ существующимъ?

Она взглянула на меня глубокимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, это не сдѣлка съ существующимъ. Но мы должны предъявлять въ жизни меньше требованій для себя и больше для другихъ, тогда мы будемъ счастливы. У насъ и миръ, и дружный кругъ, и кусокъ хлѣба есть, а кругомъ насъ голодные, холодные, одинокіе, гонимые люди идутъ въ грязи, мрутъ въ подвалахъ, какъ же мы смѣемъ говорить, что намъ тяжело жить? Думайте больше о нихъ, заглядывайте чаще въ ихъ норы, работайте безустанно въ ихъ пользу,— и вы не скажете, что вамъ тяжело жить...

— Наташа, вы говорите такъ, потому что васъ спасла судьба отъ тѣхъ неисправимыхъ ударовъ, которые перенесъ я; на вашей дорогѣ не стоялъ человѣкъ, черезъ трупъ котораго вы могли бы переступить къ полному счастью.

— Кто вамъ сказалъ?—быстро произнесла она и вдругъ поблѣднѣла и смолкла.

Я пристально взглянулъ на нее. Она собралась съ силами и протянула мнѣ руку.

— Обѣщайте мнѣ работать въ пользу ближнихъ, думать

Digitized by Google

больше о другихъ, чѣмъ о себѣ, и не говорить болѣе о людяхъ, ставшихъ на нашемъ пути... Иначе наша жизнь будетъ и тяжела, и ничтожна...

Наташа взяла изъ моихъ рукъ сына и неторопливо вышла изъ комнаты; я видѣлъ, какъ она поцѣловала его, выходя въ третью комнату...

Я стоялъ, опустивъ голову на грудь. «Люди, ставшіе на *нашемъ* пути». Она сказала, что и на ея пути стоятъ люди. Неужели и она любитъ меня? Неужели и ея жизнь такъ же сгубится этой любовью, какъ отравляется моя жизнь? Не думать объ этомъ, заботиться о другихъ,—легко сказать, но какъ это сдѣлать?

Я твердо рѣшился со временемъ купить часть имѣнія Мишеля и потомъ освободить крестьянъ. Эта мысль была пробуждена во мнѣ Наташею. Но, откладывая деньги, я долженъ былъ усиленно работать, чтобы вносить въ нашу общую семью свою долю денегъ. Мы всѣ были независимы другъ отъ друга въ матеріальномъ отношеніи. Гриша нашелъ уроки и жилъ почти независимо отъ меня, приплачивая Марьѣ Васильевнѣ за столъ. Наташа попрежнему давала уроки на сторонѣ и у себя въ домѣ ученицамъ тетки. Первые уроки приносили ей доходъ, вторые были даровыми. Когда ее благодарили за эти уроки матери бѣдныхъ дѣвочекъ, она обыкновенно отвѣчала: «Мнѣ самой давали уроки даромъ, это я только старый долгъ плачу». Домъ нашъ, мало-по-малу, превратился въ очень дѣятельную и оживленную общину. Каждый изъ насъ вносилъ въ нее свою долю денегъ, каждый ѣлъ свой заработанный кусокъ хлѣба. Мои литературныя связи дали мнѣ возможность достать переводы для Наташи и для Гриши; сначала мнѣ приходилось перечитывать ихъ работы, но скоро стало не нужно и это, молодые люди быстро освоились съ литературнымъ языкомъ. Мы уже черезъ три или четыре мѣсяца могли опредѣлить почти вѣрно среднюю цифру нашихъ ежемѣсячныхъ заработковъ и, сообразно съ нею, составить бюджетъ расходовъ. Заработки были настолько велики, что можно было жить безъ особенныхъ стѣсненій. Конечно, зарабатывалъ больше всѣхъ я, такъ какъ я продолжалъ служить въ страховомъ обществѣ и получалъ довольно много за мелкія газетныя статьи. Но мнѣ приходилось и тратить больше, чѣмъ всѣмъ остальнымъ, такъ какъ я платилъ за себя, за Володю и за его кормилицу, оставшуюся жить у насъ въ качествѣ няньки. Вся недѣля проходила у насъ въ трудѣ, свободными оставались

Digitized by Google

только три часа по вечерамъ, да праздники. Но трудъ не особенно утомлялъ насъ при хорошемъ помѣщеніи, при сытной и здоровой пищѣ, при томъ душевномъ спокойствіи, которое позволяетъ работать, не волнуясь за будущіе голодные дни. Мы вѣрили, что этихъ голодныхъ дней не будетъ, покуда мы будемъ жить и работать вмѣстѣ. У насъ не только не было недостатка въ работѣ, но былъ избытокъ въ ней, и часть переводовъ приходилось удѣлять постороннимъ людямъ. Не работали только капитанъ нашего ковчега и мой Володька. Капитанъ или отдыхалъ отъ трудовъ прошлой жизни, или раскладывалъ пасьянсы у себя въ комнатѣ, вѣроятно, гадая о нашемъ будущемъ, и, нагадавшись до-сыта, спускался въ наши рабочія комнаты, гдѣ ученицы Марьи Васильевны шаловливо пугали другъ друга: «Вотъ дѣдушка-капитанъ идетъ, ужо онъ вамъ задастъ!» Обыкновенно капитанъ начиналъ очень серьезно разсматривать работу ученицъ Марьи Васильевны и глубокомысленно одобрялъ всѣхъ, замѣчая, «что онѣ отлично шьютъ, и что это шитье удивительно мелко, такъ что онъ и разсмотрѣть ничего не можетъ». Потомъ онъ подсаживался къ Марьѣ Васильевнѣ и торжественно заявлялъ:

— А я, Марья Васильевна, сегодня послѣ обѣда удивительный сонъ видѣлъ...

Затѣмъ начинался разсказъ сна со всѣми мельчайшими подробностями и съ оговорками, что вѣрить снамъ, конечно, не слѣдуетъ, но что этотъ сонъ выходитъ изъ ряду вонъ и что-нибудь да значитъ. Иногда ко мнѣ заѣзжали Леевъ и Бубновъ. Первый немного смущался, что онъ невольно послужилъ причиной моихъ семейныхъ несчастій, но я старался не вспоминать объ этой исторіи, сознавая, что я самъ болѣе всѣхъ другихъ виноватъ въ ней. Послѣдній очень полюбилъ Володю, уважалъ Марью Васильевну и Наташу, и былъ бы, можетъ-быть, совершенно какъ дома въ нашемъ жилищѣ, если бы не чувствовалъ, что капитанъ умышленно избѣгаетъ встрѣчъ съ нимъ.

— Да, да, онъ пережилъ тотъ возрастъ, когда прощаютъ и забываютъ старое,—говорилъ мнѣ Григорій Даниловичъ про дядю.—Онъ проститъ и забудетъ вчерашнюю обиду, но уже не проститъ и не забудетъ того, что было нанесено ему лѣтъ двадцать тому назадъ.

Я началъ замѣчать, что Григорій Даниловичъ становится все пасмурнѣе и пасмурнѣе. Нѣсколько разъ я пробовалъ заговорить съ нимъ о томъ, что его волнуетъ, но онъ уклон-

Digitized by Google

чиво отвѣчалъ, что просто не весело ему жить бобылемъ, безъ любящихъ людей. Онъ умышленно не произносилъ при мнѣ имени Мишеля, я, съ своей стороны, боялся спрашивать о братѣ. Мой братъ велъ себя странно, его почти никогда нельзя было застать дома; пикники, балы, камелій заполонили его окончательно; онъ забиралъ отъ меня всѣ свои доходы съ деревни и иногда присылалъ мнѣ записки съ просьбою дать ему заимообразно денегъ, которыя нужны ему «до зарѣзу». Я попробовалъ поговорить съ нимъ серьезно, назначилъ ему день свиданія, но онъ явился ко мнѣ и на первыхъ же словахъ замѣтилъ, что онъ пробудетъ у меня только минутку.

— Тороплюсь, голубчикъ, у насъ сегодня кутежъ,—проговорилъ онъ, цѣлуя меня.

— Миша, не время ли остановиться, ты зашелъ и безъ того слишкомъ далеко по пути кутежей,—замѣтилъ я ему.

— Ну, полно ворчать, старикашка! Мнѣ перебѣситься надо,—отвѣтилъ онъ, обнимая меня за талію.—Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ!

— Да развѣ это молодость!—воскликнулъ я. — На развратъ и старики способны. Молодость нужна для дѣла, для работы...

— Большое счастіе въ работѣ! Ты-то вотъ и работалъ, и честенъ былъ, а чѣмъ ты помянешь свою молодость?..

— Я не раскаиваюсь,—замѣтилъ я.—Если бы мнѣ пришлось снова начинать жизнь, я началъ бы ее именно такъ, какъ началъ ее и прежде, только былъ бы смѣлѣе, вѣрнѣе билъ бы въ цѣль...

— Ну, голубчикъ, это значитъ, что у всякаго своя дорога. Я пойду по своей и черезъ годъ вступлю на твою дорогу...

— Смотри, не погибни раньше этого времени.

Миша только зажалъ мнѣ ротъ со смѣхомъ и объявилъ, что ему хочется потѣшить теперь свою волюшку. Серьезно разсуждать съ нимъ не было никакой возможности. Отецъ же его все грустнѣе и мрачнѣе смотрѣлъ на жизнь, его начинали волновать какія-то горькія событія, которыхъ онъ не объяснялъ мнѣ. Онъ началъ мучиться какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ.

— Знаете ли,—говорилъ мнѣ однажды Григорій Даниловичъ, сидя у меня:—мнѣ было бы легче, если бы на свѣтѣ не было капитана. Съ вами я помирился; мнѣ казалось, что жена давно простила меня за гробомъ. Если бы не было

Digitized by Google

капитана, то я думалъ бы, что я успѣлъ примириться со всѣми тѣнями прошлаго; но онъ, потерявъ способность прощать, какъ-будто говоритъ мнѣ, что и тѣ, которые умерли, не простивъ меня, точно такъ же лишены возможности примириться со мною. Онъ подрываетъ мою вѣру въ ихъ прощеніе. Вы прожили не такъ, какъ я. Ваша жизнь шла чище. Вамъ не приходилось имѣть власть надъ людьми. Вамъ не приходилось слишкомъ сурово относиться къ ближнему, потому вы не знаете, что значитъ въ старости замаливанье грѣховъ. Вы, можетъ-быть, и не вѣрите въ возможность отмолить старые грѣхи,—не вѣрите, и васъ не безпокоитъ это невѣріе. Но если бы вы знали, какъ тяжело нашему брату, поддававшемуся страстямъ, порочно прожившему молодость, стоять на молитвѣ, просить о спасеніи своей души и въ эти минуты слышать тайный голосъ, говорящій, что мертвые и отжившіе не простятъ нашихъ грѣховъ, что нельзя замолить того, чѣмъ загублена чужая жизнь... Я знаю, что Богъ милосердъ, что онъ прощаетъ и разбойника, знаю и вѣрю въ это теперь, днемъ, при хладнокровномъ взглядѣ на дѣло, а тогда, когда душа взволнована молитвой, когда нѣкоторыя имена, простыя имена въ памятной книжкѣ, бросаютъ въ дрожь и въ жаръ,—тогда снова является сомнѣніе, и кажется, что никакая благость не можетъ простить намъ того, что мы загубили чью-нибудь жизнь, потому что никакая благостная сила не можетъ воротить погубленныхъ ихъ прежней жизни. Награда на небесахъ,—но это уже нѣчто другое, можетъ-быть, ожидавшее бѣдняковъ и тогда, когда не была бы отнята ихъ здѣшняя жизнь. Награда на небесахъ—но вѣдь она ждетъ и разбойника, если онъ будетъ прощенъ. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ было бы свято жить, если и разбойника, и жертву ждетъ одно и то же блаженство? Это страшныя мысли, страшныя мысли...

Я посмотрѣлъ на старика—онъ былъ страшенъ и жалокъ. Черты его лица были искажены ужасомъ и душевнымъ страданіемъ. Въ его сердцѣ таилось что-то невысказанное, что-то страшно давящее, тяжелое.

— И капитанъ, капитанъ вѣчно грезится мнѣ и словно шепчетъ: чего ты молишься? Если всѣ простятъ тебя, если всѣ отпустятъ твои грѣхи, то я не прощу тебя никогда.

Я постарался успокоить Бубнова и сказалъ ему, что капитанъ давно простилъ ему, но что онъ ни къ кому не выходилъ, что ему тяжелы воспоминанія.

— Да, да, я страшно наказанъ. Если бы все было про-

Digitized by Google

щено, то и тогда я помнилъ бы старое: у меня есть сынъ, и онъ мститъ мнѣ за все—и за жену, и за васъ, и за...

Бубновъ пугливо оглянулся кругомъ.

— Вы справлялись о ней?—спросилъ онъ, не называя ничьего имени.

— Да, она умерла,—отвѣтилъ я, понимая, что онъ говоритъ о Настѣ.

— Я все бы отдалъ, все бы отдалъ, чтобы она была жива.

Григорій Даниловичъ всталъ.

— Да, Володя, дай тебѣ Богъ быть счастливѣе меня,— проговорилъ онъ, называя меня снова послѣ долгихъ лѣтъ этимъ именемъ и говоря мнѣ *ты*.—Что бы теперь ни случилось со мной, не удивляйся, не разспрашивай... Помоги Михайлѣ... я ему болѣе не отецъ... но ты помоги ему... я... я все-таки люблю его...

Бубновъ опустился на кресло и горько, глухо заплакалъ.

— Полноте, другъ мой, что съ вами! — воскликнулъ я, наклоняясь къ нему.

Онъ поднялъ голову, протянулъ ко мнѣ руки и вдругъ покатился съ кресла...

Ему сдѣлалось дурно. Я послалъ за докторомъ, призвалъ прислугу, принесъ холодной воды. Онъ не приходилъ въ себя. Черезъ четверть часа явился докторъ и объявилъ, что съ нимъ сдѣлался ударъ. Пустили кровь. Уложили старика въ постель.

— У него, должно-быть, было какое-нибудь потрясеніе,— сказалъ докторъ.

Я отвѣтилъ, что ничего не знаю, и послалъ за Мишелемъ. Его, по обыкновенію, не застали дома. Я поѣхалъ самъ къ нему. Мнѣ сказали, что онъ, должно-быть, не ночуетъ дома, такъ какъ онъ уѣхалъ къ знакомымъ, чтобы отправиться на пикникъ. Мнѣ дали адресъ: въ Большой Морской, домъ Смурова, квартира Матильды Леблапъ. Я зналъ, кто была эта Матильда Леблапъ, и поѣхалъ. Изъ растворенныхъ дверей залы я увидѣлъ, что Мишель лежалъ въ роскошной гостиной Леблапъ, въ кругу молодежи. Все было пьяно, полураздѣто, цинично. Тутъ были и юнкера, и правовѣды, и офицеры, и статскіе, и женщины. Я остался ждать въ залѣ.

— А! Какими судьбами, cher frère?—воскликнулъ Мишель, выходя ко мнѣ нетвердою походкой.—Не хочешь ли, съ горя по измѣнившей, найти здѣсь подругу жизни?

— Если у кого-нибудь есть теперь горе, такъ это у тебя. отецъ...

Digitized by Google

— Mein lieber grausamer Vater?.. что съ нимъ?

— Онъ умираетъ.

— Ну?! Такъ скоро? — не сознавая, что онъ говоритъ, глупо-удивленно усмѣхнулся Мишель.

— Поѣдемъ,—сказалъ я и взялъ его подъ руку.

— Нельзя, братецъ, я пригласилъ,—пробормоталъ онъ.

— На сколько ты предполагалъ напоить ихъ,—спросилъ я, указывая глазами на господъ, сидѣвшихъ въ гостиной.

— Фи!.. На сколько?.. Развѣ это можно... сколько выпьютъ...

Я позвалъ слугу и попросилъ его вызвать ко мнѣ хозяйку. Прекрасная собой, стройная француженка, съ плутовскими черными глазами, появилась въ комнатѣ.

— Извините,—проговорилъ я по-французски:—я увожу моего брата, у него умираетъ отецъ...

— Ah, pauvre petit jeune homme! — жалобно произнесла она.

— Я слышалъ, что мой братъ пригласилъ гостей, и потому, вѣроятно, придется заплатить, то я попрошу васъ распорядиться и быть хозяйкой за него...

Я вынулъ изъ кармана Мишеля бумажникъ и подалъ Матильдѣ сто рублей.

— Я думаю, этого довольно?—спросилъ я.

— Oh, monsieur!—произнесла она, взявъ деньги.—Je suis si affligée.

— Она у меня добрая,—пробормоталъ Мишель.

Я откланялся и увезъ его съ собою. Онъ, какъ школьникъ, повиновался мнѣ. Я привезъ его не къ себѣ, а на квартиру Бубнова и уложилъ въ постель, чтобы онъ выспался. Но онъ долго не могъ уснуть. Я между тѣмъ вышелъ въ залу, чтобы сказать старику, лакею Бубнова, о случившемся.

— Вы, батюшка, Владиміръ Михайловичъ, замкнули бы все въ бариновомъ-то кабинетѣ и ключи-то взяли бы съ собою. Не ровенъ часъ, не случилось бы чего...

— Кто же здѣсь воровать станетъ?—замѣтилъ я.—Люди все свои.

— Да вѣдь случился же грѣхъ! Михаилъ Григорьевичъ-то...

— Что такое?

— Нѣшто вы не знаете? Къ бюру папашину ключъ подобрали, ну и вытащили оттуда всѣ деньги...

— Когда же это?

— Третьяго дня... Баринъ сперва на насъ клепалъ. Давно у него деньги пронадать стали. А третьяго дня купъ-то

Digitized by Google

слишкомъ большой пропалъ. Съѣздили они къ Михаилу Григорьевичу, вернулись домой-то, да и говорятъ: «Нашлись деньги... Чужіе воровать не станутъ...» Мы такъ и поняли, что это, значитъ, Михаилъ Григорьевичъ взялъ эти самыя деньги, потому что баринъ только къ нимъ и съѣздилъ... И потомъ вотъ, вплоть до того, какъ къ вамъ они поѣхали, все ходили у себя по комнатѣ... Присядутъ или приляжутъ минутъ на пять, а тамъ опять ходить начнутъ. Пробовали они молиться, да видно молитва на умъ не шла. Станутъ это на колѣнки, да черезъ минуту, глядишь, опять заходятъ по комнатѣ. Какъ это у нихъ силъ хватило, ужъ я не знаю,— не пили, не ѣли, и все ходили съ своими мыслями, словно туча черная передъ бурей...

Я невесело слушалъ старика. Мнѣ было какъ-то жутко. Что это, отплата? Да кто же можетъ отплатить? Гдѣ эта невѣдомая судьба? Нѣтъ, это было новое доказательство, что какъ бы человѣкъ ни былъ уменъ, но, поступая дурно, онъ гдѣ-нибудь оборвется и найдетъ гибель въ вырытой имъ самимъ ямѣ. Я сознавалъ, что Бубновъ расплачивается за неравенство отношеній ко мнѣ и къ Мишелю, но если бы въ моихъ рукахъ была возможность устранить это наказаніе—я, не задумываясь, избавилъ бы отъ него отчима: его дурное обращеніе, его притѣсненія не довели меня до гибели, я успѣлъ спастись, и мнѣ казалась еще страшнѣе казнь, такъ какъ она карала за неудавшееся преступленіе, карала не его одного, а и его сына, невиннаго въ дѣлахъ отца. Теперь я понялъ весь смыслъ тѣхъ рѣчей Бубнова, которыя я слышалъ отъ него за минуту до его болѣзни. Теперь я вполнѣ понималъ ту набожность, которая пробудилась въ немъ въ послѣдніе годы. Не имѣя возможности измѣнить прошлое, онъ хотѣлъ замолить его. И—странное дѣло—въ эту минуту мнѣ вспомнился одинъ разсказъ изъ моего далекаго-далекаго прошлаго. Я вспомнилъ разсказъ о шулерѣ, сдѣлавшемся набожнымъ вслѣдствіе проигранныхъ казенныхъ денегъ... Я вспомнилъ, какъ дядя промолвилъ при этомъ: «Крушеніе! это крушеніе на морѣ житейскомъ!»

Черезъ нѣсколько дней Бубнову стало легче, хотя онъ и оставался безъ языка и не владѣлъ одной стороной тѣла. Я сказалъ ему, что къ нему въ комнату собирается зайти капитанъ. Онъ кивнулъ головою и слабо пожалъ мнѣ руку. На слѣдующій день капитанъ зашелъ къ нему въ комнату и держалъ себя отлично.

— Эхъ вы, молодежь,—говорилъ онъ, забывая, что Буб-

Digitized by Google

пову за шестьдесятъ лѣтъ. — Говорю я, что вы намъ, старикамъ, въ подметки не годитесь!

Бубновъ слабо улыбнулся. Его улыбка походила на гримасу.

— Вотъ и Володька у меня все валяется: то къ зубамъ, то къ росту — а у меня вонъ и всѣ зубы повыпали, и къ землѣ сталъ расти, а ничего—хожу молодцомъ. Не хорошо, не хорошо! Ну, выздоравливайте, выздоравливайте! — простился онъ съ больнымъ, дружески пожимая его руку.

— Что, Володюшка, ну, чего ты трусилъ?—говоритъ онъ, выходя въ свою комнату.—Не умѣю я себя держать? Проговорился въ чемъ-нибудь? А?

— Ужъ что и говорить про тебя, ты у меня молодецъ!— улыбнулся я.

— То-то же! Я, братъ, старый матросъ, я лежачаго не бью. Выздоровѣетъ онъ, а! тогда другое дѣло. Я ужъ ему отпою правду-матку, чортъ возьми! Чертямъ станетъ тошно!.. Ахъ, Володя, вѣдь ты не знаешь, что было прежде!—и дядя сталъ мнѣ сообщать новыя свѣдѣнія о своей жизни со своей племянницей Марусей и ея сыномъ Володей.

Но дядѣ не удалось высказать Бубнову всю горькую правду. Бубновъ умеръ. Мишеля страшно поразила смерть отца, тѣмъ болѣе, что бѣдняга не смѣлъ увидѣться съ отцомъ и испросить у него прощенія, когда старикъ лежалъ въ моемъ кабинетѣ. Докторъ говорилъ, что больного можетъ убить малѣйшее волненіе. Миша прокрадывался къ отцу только въ тѣ минуты, когда старикъ засыпалъ, и тотчасъ же спѣшилъ удалиться, какъ только отецъ открывалъ глаза. Рыдая надъ трупомъ отца, Миша, съ свойственной ему дѣтской откровенностью, разсказалъ мнѣ всю правду, признался, какъ онъ сначала понемногу бралъ у отца деньги, а потомъ захватилъ сразу все, что нашлось въ бюро. Онъ съ горечью называлъ себя убійцею старика.

— Прошлаго не воротишь,—говорилъ я:—но ты долженъ воспользоваться роковымъ урокомъ.

Братъ, какъ дитя, припалъ ко мнѣ на грудь и, цѣлуя мои руки, давалъ клятвы исправиться.

Я приглашалъ его переѣхать ко мнѣ. Я боялся, что Миша, по вѣтренности своего гибкаго и мягкаго характера, скоро забудетъ тяжелый урокъ или съ горя бросится въ прежній омутъ, чтобы позабыться. Я сообщилъ эти тревожныя мысли и въ своемъ кружкѣ, какъ вдругъ къ намъ явился Миша въ новой армейской формѣ. Мы изумились.

Digitized by Google

— Я, голубчикъ, уѣзжаю, — проговорилъ онъ, обнимая меня.

— Куда?

— На войну, на Кавказъ,—отвѣтилъ онъ:—позаботься о моихъ крестьянахъ, не высылай мнѣ денегъ... Мнѣ теперь ничего не нужно...

Я пожалъ его руку. Я не отговаривалъ его. Мнѣ казалось, что этому взрослому ребенку можетъ принести пользу тяжелый опытъ. Онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ, какъ дитя.

— Если бы ты зналъ, какъ мнѣ жить хочется,—наивно воскликнулъ онъ, рыдая.—А все-таки я подъ первую пулю брошусь...

Мнѣ было и смѣшно, и жалко...

Наша жизнь снова пошла по-старому. Только дядя тихо угасалъ безъ особенныхъ болѣзней, безъ особенныхъ перемѣнъ; онъ ходилъ почти до послѣдняго дня, и еще наканунѣ своей смерти, шутя, говорилъ мнѣ, что ему пора въ отставку, такъ какъ корабль принялъ хорошее направленіе. Кораблемъ онъ по-старому называлъ нашъ домъ и былъ увѣренъ, что на кораблѣ все обстоитъ благополучно. Помня малѣйшія подробности изъ нашей старинной жизни, онъ, кажется, совершенно забылъ, что я женатъ, что у меня есть сынъ, и иногда въ моемъ отсутствіи выражалъ удивленіе, что Володя, эта «птица», долго не растетъ, видимо, смѣшивая моего сына со мною. Въ моемъ присутствіи онъ нерѣдко говорилъ, что это странно, очень странно, что сперва былъ одинъ Володя, а теперь два, одинъ «вонъ какой верзила, перестарокъ, а другой—совсѣмъ маленькая птица». Я не пробовалъ объяснять эту загадку, не желая произносить имени жены. О ней у насъ никто не вспоминалъ, всѣ старались обходить ея имя. Мнѣ какъ-то попался нумеръ французской газеты, гдѣ описывался одинъ парижскій балъ и упоминалось о моей женѣ, бывшей въ числѣ гостей. Ея имя упоминалось рядомъ съ именемъ Самарина. Я скомкалъ нумеръ и бросилъ его въ огонь, не желая, чтобы кто-нибудь другой прочелъ это извѣстіе. Черезъ годъ уснулъ навѣки и дядя. Онъ уснулъ незамѣтно, тихо, спокойно, какъ прожилъ. О немъ, повидимому, только требовавшемъ заботъ и ухода, не приносившемъ никому пользы, плакали всѣ, начиная съ Володи и кончая Марьей Васильевной. Володя очень сердился на могильщиковъ и кричалъ, чтобы въ дядю не смѣли бросать каменьями, когда начали заваливать землею гробъ. Я отчасти сожалѣлъ

Digitized by Google

и досадовалъ, что мы доставили это первое горе ребенку, взявъ его на похороны. Какъ-то пусто было у насъ въ первые дни послѣ похоронъ, дѣти раза два проговорились: «а вотъ ужо капитанъ придетъ!» и боязливо смолкли, вспомнивъ, что капитанъ никогда не придетъ и не станетъ добродушно ворчать или вспоминать былые годы.

Долго, долго чудилось намъ, что вотъ-вотъ отворится дверь, и среди нашего кружка появится знакомая фигура добродушнаго старика и снова напомнитъ намъ про старину. Но добрый разсказчикъ умолкъ, и слушателямъ оставалось только порой вспоминать его любимыя фразы, его любимыя исторіи, его любимые анекдоты.

Пошли дни за днями. Усиленная работа, вознаграждавшая то деньгами, то благодарностью, тихіе семейные вечера, радости по поводу развитія и подрастанія Володи, по случаю окончанія курса Гришей въ академіи, все это полно и, повидимому, всецѣло наполняло нашу жизнь. Но кромѣ этихъ семейныхъ радостей приводилъ насъ въ восторгъ поворотъ къ лучшему въ жизни общества. Настала новая, свѣтлая, благословенная пора, полная реформъ и надеждъ на прекрасное будущее. Кто пережилъ эту пору, тотъ долго будетъ помнить эти воскресные дни Россіи, когда смолкли голоса недовольныхъ, и общество сплотилось вмѣстѣ для общаго дѣла. Вмѣстѣ съ обществомъ оживилась и литература, новые таланты невольно останавливали на себѣ вниманіе и обѣщали многое. Но среди этого оживленія, среди общихъ надеждъ, бывали лично для меня дни, когда я невольно уходилъ изъ дому на охоту, бродилъ по цѣлымъ днямъ въ окрестностяхъ Петербурга и, усталый, изнурившійся, возвращался домой, чтобы снова предаться труду и покорно выносить свою участь. Я чувствовалъ, что мои отношенія къ Наташѣ день ото дня становились неестественнѣе и тяжелѣе. Мы горячо любили другъ друга, но между нами лежала пропасть. Сама Наталья никогда не обращала вниманія на то, что скажутъ люди. Она была своимъ верховнымъ судьею, строгимъ и безпощаднымъ судьею. Но, въ настоящемъ случаѣ, она боялась набросить на себя тѣнь: у меня была тетка, которой строгая нравственность была доказана всею жизнію; вѣдь и тетка, вѣроятно, любила кого-нибудь въ теченіе долгаго вдовства; вѣдь и она, вѣроятно, страдала, не имѣя возможности по тѣмъ или другимъ причинамъ выйти замужъ: но она молчала, и ей было бы очень тяжело видѣть, если бы ея милая Наташа, по ея понятіямъ, пала. Да, въ гла-

Digitized by Google

захъ старушки связь племянницы съ женатымъ человѣкомъ должна была казаться паденіемъ. Кромѣ того, вся дѣятельность Наташи была посвящена дѣтямъ—дѣвочкамъ, возможно ли было бы скрыть отъ ихъ родителей нашу связь? Какъ бы посмотрѣли эти родители на дѣвушку-учительницу, живущую съ женатымъ человѣкомъ? Отказаться отъ этой дѣятельности, отказаться для того, чтобы дать «потачку» своей страсти, своему эгоистическому чувству — это было сверхъ силъ Наташи. Она упорно хотѣла доказать себѣ, что человѣкъ можетъ и долженъ побѣждать свои чувства, если отъ этого зависитъ спокойствіе и отчасти благо его ближнихъ. Я былъ менѣе твердъ, я не понималъ этого самоотреченія, я не соглашался съ нею, когда она говорила:

— Какія могутъ быть страданія у насъ, у сытыхъ людей! Неисполненную прихоть считаемъ мы страданіемъ. Посадить бы насъ на мѣсто фабричныхъ, на мѣсто мужиковъ, тогда и узнали бы мы, что значитъ дѣйствительное страданіе. Такъ не отъ недостатка любви и дружбы убиваются люди, какъ говорилъ Палицынъ, а отъ недостатка хлѣба, не отъ недостатка ласки идутъ въ могилу, а отъ голода и холода...

Я удивлялся ей, я благоговѣлъ передъ нею, но я зналъ, что она страдаетъ, что она понимаетъ всю неестественность нашихъ отношеній. И сколько мелочей, сколько случайностей вызывали въ насъ чувство боли! Какъ раненые постоянно зашибаютъ больное мѣсто, такъ мы наталкивались постоянно на мучительные для насъ вопросы.

— Папа, ты женись на Натали,—говорилъ мнѣ однажды мой четырехлѣтній Володя, вѣроятно, слышавшій эту фразу отъ прислуги.

— Папа, ты прежде Наташу поцѣлуй, а потомъ меня.— говорилъ онъ, встрѣчая меня при моемъ возвращеніи съ охоты.

— Папа, а ты любишь Наташу больше, чѣмъ я?—допрашивалъ онъ меня въ другой разъ.

Я чувствовалъ, что этому надо положить конецъ. Я рѣшился уѣхать въ деревню и объявилъ объ этомъ Маріѣ Васильевнѣ. Старушка покачала головой.

— И что же это такъ вдругъ вамъ захотѣлось разстаться съ нами и запропаститься въ деревнѣ?

— Дѣла тамъ... Я уже давно собирался...

Она посмотрѣла на меня грустнымъ и пристальнымъ взглядомъ.

— Плохо вамъ живется, — проговорила она.—И вамъ, и Наташѣ плохо живется.

Digitized by Google

Я чуть не заплакалъ и опустилъ голову.

— Не ѣздите! — проговорила она мягко и ласково. — Въ деревнѣ легче не будетъ. Живите здѣсь... Богъ съ вами!

Въ эту минуту вошла Наташа.

— Ѣхать хочетъ нашъ Владиміръ... — проговорила ей тетка, вставъ съ мѣста и выходя изъ комнаты.—Поговори съ нимъ...

Наташа поблѣднѣла.

— Куда?—спросила она меня.

— Въ деревню собираюсь...

Мы смолкли. Наташа стояла спиной ко мнѣ и смотрѣла въ окно.

— Наташа!—тихо проговорилъ я.

— Милый мой! — зарыдала она, обернувшись ко мнѣ и припадая къ моему плечу головой.—Неужели этому и конца не будетъ! Ты знаешь, я не толковъ боюсь, но мнѣ тяжело, что намъ придется бояться каждаго ребенка, какъ шпіона, который, разболтавъ о нашихъ отношеніяхъ, повредитъ себѣ же... Мнѣ тяжело огорчить тетку...

— И потому нужно губить себя?—тихо проговорилъ я.

Она взялась за голову.

— Четыре года, четыре года я боролась съ своими чувствами,—прошептала она.—Что-жъ, наше счастье все-равно пропадетъ... Не уѣзжай!

Я наклонился къ ея рукѣ и покрылъ ее горячими поцѣлуями.

Богъ знаетъ, замѣтила ли тетка, замѣтила ли прислуга наши новыя отношенія, но, повидимому, въ домѣ ничего не измѣнилось. Всѣ мы были такъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, всѣ такъ хорошо знали насъ, что, вѣроятно, никто изъ всей нашей «семьи» не бросилъ бы въ насъ камнемъ осужденія. Мы становились все спокойнѣе и спокойнѣе и почти безъ всякаго страха смотрѣли на наше будущее. Оно было свѣтло, какъ наступившіе дни весны, какъ наступившая эпоха для нашей общественной жизни. Мы стали строить планы переселенія въ деревню. Я твердо рѣшился снова взять на себя дѣла моей деревенской школы. Наташа, я и Гриша могли быть не безполезными дѣятелями въ деревнѣ. Гриша могъ приносить пользу крестьянамъ, какъ докторъ, я и Наташа могли быть полезны, какъ учителя. Мы видѣли, какъ счастливо и мирно устроится нашъ маленькій кружокъ въ глуши, вдали отъ столицы, среди такихъ личностей, какъ мой дѣдъ и Хомутовъ. Сверхъ того,

Digitized by Google

въ обществѣ разрѣшился крестьянскій вопросъ, и я понялъ, что мнѣ нужно переселиться въ провинцію, чтобы, наконецъ, дѣятельно приняться за то дѣло, которое было главною мечтою въ теченіе всей моей жизни. Я сознавалъ, что и моему Володѣ будетъ лучше учиться и развиваться въ провинціи подъ руководствомъ Наташи и Гриши.

— Молодецъ ты у насъ вырастешь, — говорилъ Гриша моему сыну, объясняя ему разные вопросы, которые уже начинали занимать мальчугана.

Я видѣлъ, что дѣйствительно Володя можетъ вырасти молодцомъ и не неучемъ, имѣя подъ рукою развитыхъ и добрыхъ наставниковъ.

Наташа сильно заботилась о мальчикѣ и при случаѣ давала ему иногда очень оригинальные уроки. Такъ, однажды, нашъ старый дворникъ, которому Володя выносилъ по утрамъ въ кухню чай, поцѣловалъ при Наташѣ руку Володи. Наташа не сказала ни слова, но попросила дворника принести Володѣ въ подарокъ гостинца изъ лавочки. Старикъ исполнилъ порученіе.

— Поцѣлуй же у него руку, — сказала Наташа Володѣ по-французски.

Володя захлопалъ отъ удивленія глазами.

— Я не хочу,—отвѣтилъ онъ и чуть не заплакалъ.

— Но вѣдь ты ему даешь же свои руки для поцѣлуевъ,— замѣтила Наташа.—Ты еще дитя, а онъ старикъ, ты скорѣе долженъ цѣловать его руку.

— Натали, я лучше его въ губы поцѣлую,—прошепталъ Володя и, весь раскраснѣвшійся, обнялъ дворника.

Мы долго смѣялись по поводу этого урока, замѣчая, что Володя уже никому не подставляетъ своихъ рукъ для поцѣлуевъ.

Это было на шестой годъ послѣ моего разрыва съ женою. Въ послѣднее время я не получалъ о ней никакихъ вѣстей. Я начиналъ думать, что она умерла.

XV.

Послѣднія тревоги.

...Наставала весна. У насъ въ залѣ выставлялись зимнія рамы. Володѣ, рѣзвившемуся около меня въ моемъ кабинетѣ, непремѣнно хотѣлось убѣжать туда, чтобы поскорѣе проскользнуть на балконъ, выглянуть сквозь перила любопытными глазенками на снующій по улицѣ народъ и прислушаться къ давно неслышанному стуку колесъ и уличному

Digitized by Google

шуму. Я боялся, что онъ легко можетъ простудиться, и попросилъ Наѣали принести ему фуражку и что-нибудь изъ теплой одежды. Она ушла за его вещами. Мы остались одни. Володя шаловливо старался вырваться изъ моихъ рукъ, и я едва могъ справиться съ нимъ. Наконецъ Натали появилась въ дверяхъ, онъ бросился къ ней, торопливо сталъ натягивать на себя пальто, надѣлъ на затылокъ фуражку и убѣжалъ.

— Къ намъ какая-то дама пріѣхала, — сказала Натали страннымъ, смущеннымъ тономъ.

Я только теперь взглянулъ на ея лицо: оно было блѣдно. Неизвѣстно почему, но я тоже смутился. Въ моей головѣ не было никакой опредѣленной, пугающей мысли, но между тѣмъ мнѣ вдругъ стало не по себѣ. Я отвыкъ отъ появленія въ нашемъ домѣ мало знакомыхъ людей, и казалось, что съ ихъ появленіемъ здѣсь должно было непремѣнно связываться что-то непріятное, нарушающее нашъ обычный покой. Мы еще стояли молча другъ передъ другомъ, когда въ комнату тревожной и быстрой походкой вошла высокая, стройная женщина. Она дрожащими руками откинула вуаль и бросилась ко мнѣ.

— Прости меня, прости, Вольдемаръ!—зарыдала она.

Это была моя жена. Она была худа, на ея лицѣ выражалось страданіе, на щекахъ выступили зловѣщія пятна болѣзненнаго румянца. Я тихо отодвинулся отъ нея, чтобы избѣжать объятій, и невольно, инстинктивно взглянулъ на Натали: она, неподвижная и блѣдная, какъ статуя, стояла, прислонившись къ дверямъ.

— Другъ мой, гдѣ мой сынъ? Гдѣ нашъ Володя?—говорила Зина.

Я указалъ рукою на залу. Говорить я не могъ. Въ моей головѣ не было ни одной ясной и опредѣленной мысли. Я чувствовалъ, что въ моей жизни происходитъ какое-то страшное несчастіе, готовое разбить въ дребезги весь мирный строй этой жизни, но придумать средства для спасенія себя и ближнихъ отъ этой катастрофы я былъ не въ силахъ; я даже не вполнѣ понималъ, какого рода событія должны начаться съ этой минуты. Моя жена бросилась въ залу на балконъ. Черезъ минуту я услышалъ голосъ Володи.

— Не хочу, я не хочу! Пустите меня! — кричалъ онъ испуганнымъ голосомъ и, весь раскраснѣвшій, вбѣжалъ въ кабинетъ и бросился подъ защиту своей милой Натали.

- La dame m'embrasse, et je ne le veux pas! Je ne la

Digitized by Google

connais pas! — жаловался онъ дѣтски-обиженнымъ тономъ, обращаясь къ Натали.

Володя, когда что-нибудь въ людяхъ особенно возмущало его, обыкновенно начиналъ объясняться съ нами по-французски, вѣроятно, полагая, что, за исключеніемъ меня, Натали, Гриши и его, всѣ остальные люди, подобно нашей прислугѣ, не знаютъ этого языка.

— Боже мой, онъ меня не узнаетъ! Онъ не хочетъ обнять меня! Ты вооружилъ его противъ меня и пріучилъ къ чужой женщинѣ! — воскликнула, со слезами ломая руки, моя жена.—Пустите его ко мнѣ!—обратилась она къ Натали.—Какое право имѣете вы удерживать моего ребенка? Вы опять становитесь на моей дорогѣ.

Натали безсознательно прижала къ себѣ Володю и молящимъ, испуганнымъ взглядомъ смотрѣла на меня. Я понялъ, что только я могъ кончить эту сцену и избавить ребенка отъ горькаго впечатлѣнія, какое могли произвести на него мои объясненія съ его матерью.

— Уведите Владимира,—обратился я къ Натали.

Она быстро схватила за руку мальчика и почти бѣгомъ скрылась съ нимъ изъ кабинета.

— Ты отнимаешь у меня сына! Ты отнимаешь моего сына!—воскликнула Зина и хотѣла идти за Натали и Володей.

Я остановилъ ее. Я чувствовалъ необходимость объясненія.

— Вы сами бросили его,—тихо проговорилъ я, стараясь быть по возможности спокойнымъ и сдержаннымъ.

Я говорилъ ей *вы* не потому, что я сердился на нее, но потому, что въ эту минуту она была для меня совсѣмъ чужою женщиною, къ которой я не питалъ никакихъ чувствъ, кромѣ полнѣйшаго равнодушія, полнѣйшей холодности. Всего прошлаго, съ его радостями и горемъ, съ его любовью и ненавистью, въ эту минуту какъ будто не существовало.

— Да, да, я это заслужила! Я сама бросила его, отказалась отъ вашей любви! Но пойми меня, другъ мой, что я несчастна, что я страдаю! Я пришла у твоихъ ногъ вымолить себѣ прощеніе. Я не встану до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь, что ты прощаешь меня,—рыдала она и упала къ моимъ ногамъ съ глухимъ кашлемъ.

Она была такъ жалка въ эту минуту, что у меня сжалось сердце. Я понималъ, что она и теперь поступаетъ такъ же искренно, какъ поступала тогда, когда бросила меня и своего

Digitized by Google

грудного младенца. Мнѣ нужно было сдѣлать надъ собой страшное усиліе, чтобы въ одно мгновенье рѣшиться на все, выбрать путь дѣйствія: поддаться пробужденному этими стонами сожалѣнію и погубить не плачущую передо мной, отсутствующую въ этотъ мигъ женщину, погубить будущность ребенка, отдавши его въ руки нравственно искалѣченной матери, погубить, наконецъ, свое собственное счастье,— или хладнокровно и твердо убѣдить свою жену въ томъ, что между нами все кончено, что мы стоимъ на разныхъ берегахъ непроходимой пропасти.

— Я на васъ не сержусь,—проговорилъ я и поднялъ ее.

— Не говори со мной этимъ холоднымъ тономъ. Не говори мнѣ: вы. Ты страшенъ въ такія минуты... Я и прежде боялась этого убійственнаго холода, на какой способенъ только ты...

Она припала къ моему плечу, тяжело дыша и слегка покашливая.

— Веди меня къ моему сыну. Я хочу примириться и съ нимъ. Да, примириться!—говорила она шопотомъ.

— Сядьте и поговоримъ хладнокровно, — сказалъ я, подвинувъ ей кресло.

Она сѣла. Я былъ радъ возможности присѣсть, потому что мои ноги дрожали. По счастью, въ комнатѣ стоялъ графинъ съ водою. Я налилъ воды и выпилъ одинъ за другимъ два стакана. Зина сбросила съ себя шляпку. Я не рѣшался заговорить и сидѣлъ, опустивъ голову на руку. Наконецъ, мнѣ нужно было заговорить. Молчаніе тяготило.

— Вы, вѣроятно, разошлись съ нимъ? — спросилъ я, не называя имени Самарина.

— Онъ меня бросилъ!

— Что же вы думаете теперь дѣлать?

— Другъ мой, я пришла къ тебѣ просить прощенія, просить пріюта...

— Я вамъ сказалъ, что я не сержусь на васъ и не имѣю на это права. Вы это знали и прежде. Но вы должны были понять и то, что между нами порваны всѣ прежнія отношенія, и они не могутъ возникнуть вновь. Въ матеріальной помощи вы, вѣроятно, не нуждаетесь. Нравственной помощи, совѣтовъ мнѣ нечего давать вамъ. Если я скажу вамъ: живите честно, работайте на пользу ближнихъ,—то это будетъ не ново и не будетъ имѣть серьезнаго значенія для васъ. Быть вашимъ другомъ, вашимъ защитникомъ я могу

Digitized by Google

только тогда, когда вамъ будетъ нужна моя услуга или защита. Но видѣться съ вами, жить съ вами я не могу.

— Какъ! Ты выгоняешь меня изъ своего дома? — воскликнула Зина.

— Я васъ не выгоняю. Вы сами ушли изъ него и отрѣзали себѣ путь къ возвращенію.

— Да вѣдь это безбожно! Я увлеклась, я ошиблась, теперь я вижу свою ошибку, я прошу за нее прощенія — и ты отталкиваешь меня! Не ты ли самъ говорилъ, что мы не виноваты въ своихъ увлеченіяхъ?

— Поймите, что я васъ отталкиваю не за ошибку, что я не сержусь на васъ. Но въ эти годы тяжелаго испытанія я самъ понялъ, что мы не можемъ жить вмѣстѣ, что наши характеры несходны, что наши убѣжденія враждебны, что мы рано или поздно должны были разойтись.

— О, ты не знаешь, какъ я перемѣнилась, какъ я выстрадала покорность! — воскликнула она съ болѣзненнымъ чувствомъ. — И неужели ты, всегда понимавшій людей, не замѣтилъ сразу, что передъ тобой стоитъ не прежняя надменная Зина? Да, я буду рабой твоей воли, рабой твоихъ желаній!

Я покачалъ головой. Я видѣлъ, что эта женщина не понимаетъ меня и теперь, какъ не понимала прежде. Она не сознавала, что мнѣ равно нестерпимы и властолюбіе прежней Зины, и рабская покорность теперешней падшей женщины.

— Не станемте говорить объ этомъ! — сказалъ я. — Можетъ-быть, вы измѣнились, я вамъ вѣрю. Но... но...

Мнѣ было тяжело высказать правду, но я рѣшился.

— Я васъ больше не люблю,—проговорилъ я.

— А! Такъ, значитъ, это правда? Значитъ, ты любишь ее! Ты любилъ ее и прежде,—поднялась она гнѣвная и гордая, во весь ростъ передо мною, напомнивъ мнѣ былые годы.

Эта женщина не могла представить себѣ, что можно разлюбить одного человѣка и не полюбить въ то же время другого.

— Я не обязанъ давать вамъ отчета въ своихъ чувствахъ,—проговорилъ я.—Было время, когда и вы, и я были обязаны сообщать тайные помыслы и желанія другъ другу,— теперь эта пора миновала.

— Такъ ты изгоняешь меня ради развратницы!

— Удержитесь! — воскликнулъ я, тоже поднимаясь съ мѣста.

Digitized by Google

— Боже мой, до чего я дожила! меня гонятъ изъ-за публичной женщины!

— Удержитесь! — повторилъ я, едва владѣя собою. — Вспомните, что этимъ именемъ клеймили люди и васъ... Ни вы, ни я не имѣемъ права называть развратомъ искреннюю, хотя и незаконную любовь...

— Нѣтъ, нѣтъ, я имѣю право! Да, да, это развратъ, это наглый развратъ!—заговорила она, дрожа отъ гнѣва, и закашляла удушливымъ кашлемъ.—Я краснѣю за свое прошлое, я своимъ позоромъ, своимъ паденіемъ купила право называть настоящимъ именемъ эти связи. Вы, мужчины, несмотря на свое поведеніе, считаете себя чистыми и святыми, и потому такъ мягко, такъ безразлично относитесь къ пороку. Съ высоты своего величія вы милостиво снимаете съ насъ это клеймо разврата. Но мы-то имѣемъ право называть вещи ихъ именами. Знаете ли вы, что вы дѣлаете своими всепрощеніями? Вы насъ же губите. Если бы ты не такъ снисходительно относился къ женскимъ увлеченіямъ, если бы ты заставилъ меня насильно жить съ тобою, если бы ты употребилъ свое законное право, тогда ты избавилъ бы меня отъ страданій обманутой любви, отъ общественнаго позора, отъ тѣхъ мукъ, которыя я переношу теперь...

Мнѣ была жалка эта женщина, требовавшая насилія мужчины. Я чувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ нею, такъ какъ я и прежде долженъ былъ знать, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ нуженъ въ мужѣ повелитель, деспотъ или рабъ. Мнѣ надо было въ пору и во время выгнать изъ своего воображенія свѣтлыя картины будущаго счастья и посмотрѣть холодно и трезво, можетъ ли быть не только счастливо, но, просто, сносно это будущее. Раскаиваться, однако, было поздно: передо мной стояла женщина, сдѣлавшая ошибку вслѣдствіе моей опрометчивости, и я долженъ былъ ее наказать, чтобы спасти себя и другихъ. Я терялся окончательно.

— Но, что бы ни было, какъ бы ты ни смотрѣлъ на меня,— продолжала она:—а я не оставлю въ рукахъ этой развратницы своего сына.

Я поблѣднѣлъ, я чувствовалъ это. Мое дыханіе прерывалось.

— Но я оставлю въ ея рукахъ своего ребенка, — задыхаясь, произнесъ я.—Если бы эта женщина была даже развратна, то я все-таки скорѣй бы оставилъ свое дитя ей, чѣмъ вамъ, уже просто потому, что вы высказываете та-

Digitized by Google

кія мнѣнія, которыя я не хотѣлъ бы прививать къ своему сыну.

— А, такъ ты рѣшился на это! Но вѣдь я мать, я имѣю право взять своего ребенка! И я возьму его!—угрожала она.

— Несчастная женщина, вы сами не знаете, что вы говорите,—съ невольнымъ состраданіемъ замѣтилъ я.

— Возьму, возьму! Я нынче же начну хлопотать. Ты увидишь, что у меня нельзя отнять этого послѣдняго утѣшенія въ жизни.

Она хотѣла идти. Я удержалъ ее.

— Не вызывайте меня на борьбу,—сказалъ я ей.—Вы ошибаетесь насчетъ своихъ правъ. Какъ мать, вы можете взять сына. Но... о, если бы вы знали, если бы могли понять, какъ тяжело мнѣ это объясненіе!—невольно воскликнулъ я.—Помните, что если вы рѣшитесь требовать къ себѣ сына, то я рѣшусь заявить, что вы развратная женщина.

Она опять выпрямилась во весь ростъ, ея глаза блеснули гнѣвомъ.

— Да, я была развратной женщиной, но вы и теперь развратный отецъ,— отвѣтила она. — Я это тоже заявлю, заявлю публично,—съ угрозой говорила она.—Мнѣ нечего бояться стыда и позора. Я уже перенесла ихъ довольно, купивъ этимъ только несчастіе. Но теперь я перенесу и стыдъ, и позоръ ради счастія всей моей остальной жизни, ради спасенія своего сына. Я не умѣла быть женою и матерью. Теперь я хотѣла сдѣлаться и тѣмъ, и другимъ, ты отталкиваешь меня, какъ жену, но ты не заставишь меня отказаться отъ роли матери. Да, чѣмъ большимъ позоромъ куплю я свои права, тѣмъ дороже будутъ они для меня.

Она опять удушливо закашляла и выпила изъ кабинета. Я стоялъ у стола, склонивъ на грудь голову. Я не оправдывалъ себя и не винилъ ея, но я чувствовалъ необходимость отстоять во что бы то ни стало и сына, и себя. Я еще не успѣлъ ничего сообразить, когда меня позвали къ чаю. За столомъ сидѣли Марья Васильевна, Натали и Володя. Натали, блѣдная и молчаливая, смотрѣла въ чашку, не поднимая глазъ. Марья Васильевна, изъ-за самовара искоса поглядывала на нее и мелькомъ взглянула на меня, когда я вошелъ; она, видимо, старалась понять, что случилось. Володя болталъ чисто по-дѣтски о странной посѣтительницѣ.

— Папа, какая эта дама странная!—заговорилъ онъ, завидѣвъ меня. — Она взяла меня вдругъ на руки, какъ ма-

Digitized by Google

ленькаго, и стала цѣловать меня, мои руки. Это совсѣмъ не хорошо. Я не люблю, когда у меня цѣлуютъ руки. И какъ странно...

— Эта дама очень несчастна,—проговорилъ я, перебивая его.

— Она вѣрно бѣдная?—сообразилъ онъ.

Я не отвѣчалъ.

— Ты ей далъ денегъ?—допрашивалъ онъ.

Дитя, онъ не зналъ, какой пыткѣ подвергаетъ онъ меня и Натали.

— Я ей не могъ помочь,—отвѣтилъ я.—Ей нужны не деньги. Бываютъ и богатые люди, которые несчастны.

Володя задумался.

— А ты, папа, помоги ей!—сказалъ онъ черезъ минуту.

Я наклонилъ голову и молча пилъ чай.

— Я думаю, папа, всѣмъ помочь можно,—разсуждалъ онъ.—Я, когда буду большой, всѣмъ помогу.

Я не разувѣрялъ его. Я не смотрѣлъ ни на него, ни на остальныхъ собесѣдниковъ. Я чувствовалъ, что и Натали не смотритъ ни на кого, и что только Марья Васильевна глядитъ на насъ все болѣе и болѣе тревожными, почти испуганными глазами. Бѣдная старушка, она, можетъ-быть, начинала угадывать истину и страдала за насъ.

Наконецъ, Володю увели спать. Обыкновенно его укладывала Натали, но на этотъ разъ Марья Васильевна торопливо встала изъ-за стола и обратилась къ племянницѣ:

— Наташа, ты налей Владиміру Михайловичу второй стаканъ, а Володюшку я уложу,—сказала она.—Мнѣ тамъ надо прибрать въ его комнаткѣ.

Она вышла. Я сразу понялъ, что Марья Васильевна угадала все и нарочно оставляетъ насъ однихъ. Я наскоро передалъ Натали весь мой разговоръ съ женою.

— Что же ты думаешь дѣлать?—спросила она.

— Бороться. Я не могу отдать ей Володю. Она окончательно испортитъ и погубитъ его.

— Но она по закону можетъ его взять.

— Я прибѣгну къ послѣднему средству. Объявлю, что это за женщина. Подобной матери не отдадутъ ребенка.

— Но развѣ ты лучше ея въ глазахъ общества?

Натали, не дожидаясь моего отвѣта, встала и вышла изъ комнаты. Она была какъ-то холодно сосредоточена, какъ-то убійственно спокойна, точно она во что-то вдумывалась и забыла обо всемъ окружающемъ. Я прошелъ въ комнату

Digitized by Google

Володи, мнѣ хотѣлось въ этотъ вечеръ еще разъ поцѣловать его. Входя въ его комнатку, я невольно остановился на порогѣ: въ переднемъ углу, передъ образомъ, лежала, не шевелясь, прильнувъ лбомъ къ полу, Марья Васильевна; въ комнатѣ были спущены шторы и царила тьма, и только надъ старушкой разливался кроткій свѣтъ лампады. Сначала мнѣ показалось, что съ нею сдѣлалось дурно; но черезъ минуту я увидѣлъ, что ея голова тихо поднимается съ пола. — Я поспѣшилъ выйти, я боялся показаться ей на глаза и смутить то спокойствіе, которое, вѣроятно, она купила молитвой хотя на эту ночь.

Но чѣмъ я могъ купить спокойствіе и отдыхъ?.. Какъ дорого далъ бы я за часъ сна въ эту ночь! Какъ медленно шла она! Какъ сердилъ меня этотъ обманчивый весенній свѣтъ! Мнѣ казалось, что уже наступилъ день, а часовая стрѣлка показывала еще только четвертый часъ утра. И какія черныя думы тревожили меня въ эти часы безсонницы и одиночества. То я проклиналъ свое молодое увлеченіе, создавшее когда-то изъ Зины идеалъ. То я проклиналъ Зину за то, что она надѣла маску и скрыла свою настоящую физіономію при первой встрѣчѣ со мною. Теперь мнѣ становилось ясно, что это была мелочно самолюбивая, стремящаяся къ господству и внѣшнему блеску натура, а тогда она мнѣ казалась чѣмъ-то въ родѣ Прометея, прикованнаго къ дикой скалѣ. Всѣми силами старался я придумать, какъ бы разъяснить Зинѣ необходимость полнаго прекращенія всѣхъ ея отношеній ко мнѣ и къ сыну. Въ то же время въ моей головѣ мелькала мысль, что эта несчастная мать, подъ вліяніемъ раскаянія, можетъ-быть, вдвое больше, чѣмъ я, полюбила своего сына, что на немъ сосредоточилась вся ея жизнь, и что я, отнимая у нея его, отнимаю у нея жизнь. Но неужели отдать ей Володю, отдать для того, чтобы она привила къ нему свои понятія, свои ошибки, свои пороки? Не согласится ли она только видѣться съ нимъ при мнѣ, не согласится ли она не вмѣшиваться въ его воспитаніе, въ его развитіе? Нѣтъ, это невозможно: она хочетъ взять его вполнѣ, она хочетъ, чтобы отъ него отстранили Натали. И какое право имѣетъ эта женщина на моего сына, какое право имѣетъ она вмѣшиваться въ мои отношенія къ Натали? Она бросила моего сына, бросила меня, она пировала, веселилась, наслаждалась жизнью, была любима, когда мы страдали, когда мы не находили любви, — наконецъ, мы нашли сердце, которое откликнулось на нашъ

Digitized by Google

зовъ, которое принесло намъ себя на жертву, и вотъ эта женщина, принесшая намъ только горе, врывается въ нашъ домъ, требуетъ себѣ мѣста, требуетъ, чтобы мы ее любили, требуетъ, чтобы мы вытолкали то существо, которое было нашимъ ангеломъ-утѣшителемъ въ тяжелые годы испытанія. Нѣтъ, никогда, никогда не принесу я въ жертву ей Натали.

Не спавъ всю ночь, я, усталый и нравственно измученный, вышелъ по утру къ чаю. Натали не было въ столовой. Мнѣ хотѣлось ее увидать, и я пошелъ въ ея комнату. Я постучалъ къ ней въ двери.

— Войди,—отвѣтила она, и я услыхалъ быстрое шурша нье бумаги.

Когда я отворилъ дверь, Натали стояла у комода, прислонившись къ нему спиной. Въ ея рукѣ была пачка писемъ, которыя она тщетно старалась засунуть въ карманъ. Это были мои письма, писанныя къ ней.

— Что ты дѣлала?—спросилъ я, замѣчая безпорядокъ въ комнатѣ.

— Я уѣзжаю,—отвѣтила она, стараясь говорить твердо.

— Куда?

— Куда-нибудь... Я еще не знаю... Но я не могу, по хочу стоять на вашей дорогѣ.

Я окончательно растерялся.

— Неужели ты думаешь, что я пожертвую ей тобою и Володей,—пробормоталъ я.

— Ничего я не думаю,—отвѣтила она.—Но ты долженъ сойтись съ ней, чтобы удержать при себѣ Володю. Она имѣетъ право или требовать къ себѣ его, или просить тебя жить съ нею. Она имѣетъ право указать на меня, какъ на развратную женщину, съ которой ты живешь, и которой она не можетъ довѣрить ребенка. Я должна была помнить, что у тебя есть жена, что она можетъ вернуться. Я расплачиваюсь теперь за свою ошибку.

— Ты раскаиваешься за свой поступокъ?—спросилъ я, не сознавая, что говорю.

— О, для чего говоришь ты то, во что самъ не вѣришь,— упрекнула меня Натали.—Я не раскаиваюсь. Я просто покоряюсь необходимости. Передо мной двѣ дороги: или погубить Володю, или вынести испытаніе на себѣ. Выборъ простъ. Я беру все на себя.

— Подожди, ради Бога, подожди!—воскликнулъ я.—Я еще увижусь съ ней, я уговорю ее...

— Если въ ней пробудились чувства матери, то ты пи-

Digitized by Google

чего не сдѣлаешь,—съ полнымъ убѣжденіемъ произнесла Натали. — И зачѣмъ добивать ее, несчастную и безъ того? Я молода, я здорова, я перенесу тяжелое время. А тамъ, когда-нибудь увидимъ, какъ сложатся обстоятельства...

Я снова сталъ просить ее подождать результатовъ моего новаго свиданія съ женой. Натали согласилась, но замѣтила мнѣ, что я слишкомъ жестко смотрю на Зинаиду, что я и теперь не вѣрю ея раскаянію, что я не хочу понять чувства кающейся матери.

— Я не говорю, что ты долженъ ее полюбить снова, что ты долженъ сдѣлаться ея мужемъ,—окончила она.—Но ты обязанъ дать ей возможность стать честной матерью.

— Какъ? отдать ей Володю?—горячо возразилъ я.

— Нѣтъ, этого-то и не нужно дѣлать. Если бы нужно было отдать ей Володю, то я могла бы остаться здѣсь. Но ты долженъ открыть ей двери своего дома, позволить ей быть подлѣ ея сына и слѣдить, чтобы она не испортила его, не привила къ нему своихъ убѣжденій.

— Ужъ не считаешь ли ты меня виновнымъ?

— Да, ты виноватъ такъ же, какъ она, какъ я, какъ мы всѣ, отдающіеся своимъ чувствамъ и забывающіе, что выше насъ есть законы, не признающіе этихъ чувствъ...

Потрясенный пріѣздомъ жены, еще болѣе потрясенный объясненіемъ съ Натали, я теперь былъ, какъ безумный. Мнѣ опять хотѣлось куда-нибудь бѣжать, бросить все, захватить съ собою только свою семью. Я готовъ былъ отречься отъ всей своей дѣятельности, отъ всѣхъ своихъ плановъ, только бы избѣжать предстоящей катастрофы. Но куда бѣжать, куда скрыться? Надо было дѣйствовать, надо было собрать всѣ силы и уладить дѣло. Я горѣлъ нетерпѣніемъ, мнѣ хотѣлось скорѣе, скорѣе пережить эти дни и дождаться развязки. Я почти выбѣжалъ изъ дому и направился къ гостиницѣ, гдѣ остановилась моя жена. Съ лихорадочнымъ чувствомъ нетерпѣнія подходилъ я къ этому дому и спросилъ у швейцара, гдѣ остановилась Зинаида Анатоліевна Теплицына. Швейцаръ подумалъ и указалъ мнѣ на номеръ какъ-то небрежно. Я пошелъ по его указанію. Номеръ былъ въ четвертомъ этажѣ, окнами на дворъ. Подойдя къ номеру, я нашелъ его замкнутымъ. Лакей, бывшій въ коридорѣ, сказалъ мнѣ, что барыня ушла рано утромъ.

— Не знаешь ли, куда она поѣхала?—спросилъ я.

— Она пѣшкомъ пошла,—отвѣтилъ лакей.

Я вышелъ, не зная, куда идти. Домой мнѣ не хотѣлось

Digitized by Google

возвращаться. Горе давило мою грудь. Мнѣ нужно было провѣтриться. Я пошелъ бродить по городу. Я шелъ около часу; куда, зачѣмъ?—я не понималъ и самъ. Когда я опомнился, я увидалъ, что я зашелъ въ Екатерингофъ. Въ саду бѣгали дѣти, весело наслаждаясь весной. Мнѣ вдругъ вспомнился Володя, вспомнилось, что я обязанъ подумать о его счастіи. Я бросился вонъ изъ сада, нанялъ извозчика и снова пріѣхалъ въ гостиницу. Моей жены еще не было дома.

— Впустите меня въ какой-нибудь свободный номеръ и скажите, когда пріѣдетъ барыня,—сказалъ я.

Мнѣ открыли дверь въ комнату, смежную съ комнатой моей жены. Я вошелъ туда и сталъ ходить изъ угла въ уголъ. Прошло съ часъ времени. Я выбѣгалъ изъ комнаты при каждомъ звукѣ шаговъ въ коридорѣ. Жена все не возвращалась. Ея все не было. Я позвалъ лакея.

— Барыня вѣрно не будетъ къ обѣду?—спросилъ я.

— Она велѣла подать обѣдъ въ четыре часа.

Я походилъ по комнатѣ и рѣшился идти домой, чтобы успокоить своихъ. Заплативъ за номеръ, я вышелъ на улицу и поѣхалъ домой. Каждая встрѣчная женщина обращала на себя мое вниманіе. Нѣкоторыя женщины казались мнѣ очень похожими на мою жену, и я готовъ былъ остановиться, соскочить съ дрожекъ и подойти къ нимъ. Пріѣхавъ домой, я лаконически объявилъ, что не засталъ жену въ гостиницѣ, и прошелъ въ кабинетъ. Какъ мучительно шло время! Я ходилъ, ходилъ по комнатѣ, прислушиваясь, не подъѣдетъ ли кто-нибудь, не зазвенитъ ли колокольчикъ, но все было тихо. Часовъ въ десять я снова одѣлся и пошелъ въ гостиницу. Чѣмъ ближе подходилъ я къ гостиницѣ, тѣмъ сильнѣе возрасталъ во мнѣ какой-то страхъ.

— Ну, что?—спросилъ я у лакея.

— Не приходила-съ.

— Ты это навѣрное знаешь?

— Какъ же не знать—ключи у меня.

Я постоялъ молча въ коридорѣ и вышелъ. Черезъ минуту я вернулся снова.

— Вотъ мой адресъ. Если барыня пріѣдетъ, то дай мнѣ знать тотчасъ же.—Я далъ лакею рубль.

— Если даже ночью пріѣдетъ, дайте знать.

Лакей обѣщалъ. Я снова пошелъ домой. Я не могъ идти прямо, я сдѣлалъ крюкъ. Дома я ходилъ изъ угла въ уголъ. Было одиннадцать, двѣнадцать часовъ, а я все ходилъ, под-

Digitized by Google

жидая звонка. Но никто не шелъ ко мнѣ. На дворѣ успѣло разсвѣсти, когда я, утомленный, бросился въ кресло и уснулъ. Рано утромъ я пошелъ, или, лучше сказать, побѣжалъ въ гостиницу. Моя жена не возвращалась, и въ гостиницѣ уже стали безпокоиться объ ея отсутствіи. Я успокоилъ ихъ, сказавъ, что я ее привезу. Когда я вышелъ изъ гостиницы, я не зналъ въ сущности, гдѣ я отыщу свою жену, и что мнѣ дѣлать. Походивъ по улицѣ, я рѣшился идти къ ея роднымъ. Первый, кто пришелъ мнѣ на память, былъ ея дядя, графъ Сухотинъ. Я отправился къ нему. Тамъ еще всѣ спали въ своихъ богатыхъ палатахъ. Я вызвалъ швейцара. Онъ не сразу узналъ меня и удивился моему приходу. Я такъ давно не появлялся въ этомъ домѣ.

— Не была ли здѣсь Зинаида Анатоліевна?—спросилъ я.

— Были-съ вчера.

— Долго ли она пробыла здѣсь?

— Нѣтъ, недолго,—нагло усмѣхнулся онъ.

— Не знаешь ли, не обѣщалась ли она быть еще?

— Не знаю-съ. Баринъ, когда онѣ ушли, велѣлъ не принимать ихъ больше.

Я нахмурился.

— Ты не знаешь, куда онѣ отсюда поѣхали?

— Онѣ пѣшкомъ пошли.

Я вышелъ вонъ и пошелъ къ ея брату. Онъ только-что всталъ.

— А! здравствуйте! Сколько лѣтъ не видались!—промолвилъ онъ, смотря на меня удивленными глазами.

— Видѣли ли вы вашу сестру?

— Видѣлъ! Скажите, пожалуйста, я никакъ не думалъ, что у этой женщины хватитъ смѣлости пріѣхать сюда въ столицу? Вы, кажется, не приняли ее...

— Да, но не въ томъ дѣло, что вы-то сказали ей?

— Кажется, понятно, что я могъ сказать ей? Я сказалъ, что она замарала наше имя, что я не намѣренъ принимать ее, если ее даже мужъ оттолкнулъ. Мнѣ тѣмъ болѣе нельзя ее принимать, что у меня у самого молодая жена.

— Итакъ, вы выгнали свою сестру?

— Какъ вы выгнали свою жену; эти развратницы просто срамятъ честныя имена. Вообразите, она еще хотѣла, чтобы я вступился за нее и хлопоталъ о разводѣ. Мало показалось скандала!

Я поникъ головой, я понималъ, что братъ имѣлъ право бранить ее, если я считалъ невозможнымъ принять ее.

Digitized by Google

— Куда она хотѣла идти отъ васъ?

— Право, не знаю,—небрежно отвѣтилъ онъ.—Она разыграла роль отчаянія и сказала, что ей, видно, одинъ путь — въ воду... Къ несчастью, эти люди и въ водѣ не тонутъ!

Я поблѣднѣлъ.

— Боже мой, какъ вы черствы! Ее надо спасти, ее надо отыскать. Вспомните, что эта женщина была намъ когда-то близка,—воскликнулъ я, забывая, съ какой ничтожной и надутой своимъ мнимымъ достоинствомъ личностью я говорю.

— Когда-то, но не теперь! Впрочемъ, вы мужъ, и это ваше дѣло,—сухо замѣтилъ князь Аполлонъ, поднимаясь съ мѣста.

Я ушелъ, какъ сумасшедшій. Я бѣжалъ по улицѣ, не зная, куда я бѣгу. «Одинъ путь — въ воду!»—звенѣло въ моихъ ушахъ. Я любилъ когда-то эту женщину; эта женщина мать моего ребенка. Я оттолкнулъ ее, и слѣдомъ за мною оттолкнули ее всѣ. Этого нужно было ожидать. Это въ порядкѣ вещей. Это не случайность. Я былъ правъ, но правы были только они, развратившіе ее. Но вѣдь тутъ дѣло не въ правотѣ, а въ гибели женщины, въ гибели матери моего ребенка. Что ей оставалось дѣлать? Ее оттолкнули всѣ, она ходила пѣшкомъ, значитъ, у нея не было даже денегъ. «Одинъ путь—въ воду»—снова звучало у меня въ ушахъ. Я зачѣмъ-то зашелъ опять въ гостиницу, просидѣлъ почти до вечера, поджидая жену, и потомъ снова выбѣжалъ на улицу. Я бѣжалъ мимо полицейскаго управленія. «Отыскать, отыскать ее хоть на днѣ моря!»—мелькало въ моей головѣ. Я вошелъ въ полицію.

— Не привозили ли вчера сюда какой-нибудь женщины?

— А что съ ней сдѣлалось? Пьяная?—спросилъ меня помощникъ надзирателя.

Я вспыхнулъ. Мнѣ казалось, что оскорбляютъ мать моего сына.

— Не пьяную, а можетъ-быть, разбитую лошадьми, упавшую въ обморокъ. Это не простая женщина, а богатая дама...

— Не знаю, въ пріемномъ покоѣ какая-то лежитъ съ вечера. Пройдите туда.

Я пошелъ. Темная, съ изломанными ступенями лѣстница вела въ такіе же темные и смрадные коридоры, за ними начинался пріемный покой—нѣсколько комнатъ съ протухлой атмосферой. Я вошелъ. Прихожая была грязна и про-

Digitized by Google

питана запахомъ кислой капусты, ржаного хлѣба и махорки, съ примѣсью запаха солдатскихъ шинелей и сапогъ. Сквозь незапертую боковую дверь я увидалъ комнату сторожа, гдѣ было грязно. Тамъ стояла кровать, прикрытая разодраннымъ овчиннымъ полушубкомъ. Комната едва освѣщалась лампадой. Въ углу передъ образами стоялъ босикомъ солдатъ лѣтъ сорока, въ ситцевой розовой рубашкѣ и въ синихъ нижнихъ панталонахъ на ватѣ. На его груди былъ ваточный, сшитый изъ трехугольныхъ, какъ у арлекина, ситцевыхъ лоскутьевъ нагрудникъ. Я позвалъ его. Онъ продолжалъ молиться вслухъ и, кажется, не слыхалъ моихъ словъ. Я подождалъ. Окончивъ молитву, онъ обернулся.

— Какого чорта тамъ принесло?—спросилъ онъ и взглянулъ на меня.

Увидавъ въ полутьмѣ, что передъ нимъ стоитъ баринъ, онъ менѣе грубо спросилъ меня:

— Что вамъ надо?

Я объяснилъ. Изъ-подъ полушубка послышался голосъ женщины.

— Ну, проведи ихъ, пусть разсмотрятъ.

— Ишь, улеглась дрыхнуть, такъ и дрыхни,—пробормоталъ онъ женщинѣ, и засвѣтилъ сальный огарокъ. — Пойдемте!

Мы пошли. Двѣ комнаты пріемнаго покоя, гдѣ лежали привезенные больные, были не чище солдатской каморки. На жесткихъ кроватяхъ, освѣщенныхъ тусклымъ свѣтомъ ночниковъ, лежало трое больныхъ — это были женщины. Одна, беременная, была поднята въ безчувственномъ состояніи, другая была придавлена лошадьми. Третья,—когда я подходилъ къ ней, солдатъ сказалъ мнѣ:

— Это дѣвка, ее и смотрѣть нечего. Пьяна была.

Но я не удержался отъ скорбнаго невольнаго любопытства и взглянулъ на нее, какъ мы иногда безсознательно заглядываемъ въ лицо покойника. Это было юное существо, лѣтъ шестнадцати, рѣдкой красоты. Ея пепельнаго цвѣта волосы, завитые въ локоны еще наканунѣ, разсыпались по жесткой, грязной подушкѣ. На ея щекахъ игралъ молодой, лихорадочный румянецъ, темныя брови дугою придавали лицу еще болѣе бѣлизны. Она лежала въ роскошномъ, но разорванномъ нарядѣ, на этомъ грубомъ ложѣ. Грудь была почти обнажена, это была еще пышная и дѣвственная грудь.

Digitized by Google

— Отчего она положена въ платьѣ? — невольно спросилъ я.

— Недавно подобрали ее и стащить не могли одежи.

— Ее видѣлъ докторъ?

— Чего ему ее смотрѣть! Пьяная—проспится. Она ужъ годъ, какъ съ желтымъ билетомъ ходитъ.

— Да ей не больше шестнадцати лѣтъ!

Солдатъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, какъ на неопытнаго мальчика.

— Нѣшто желтые билеты за выслугу даются! — усмѣхнулся онъ.

Я молча стоялъ, не сводя глазъ съ прекраснаго созданья, которое было бы способно затмить красотой, а, можетъ-быть, и умомъ, десятки нашихъ барынь.

— Ну, что же вы стали! Больше нѣтъ больныхъ.

Я очнулся и, сунувъ солдату денегъ, вышелъ вонъ, пробираясь ощупью по лѣстницѣ. Я шелъ дальше, шелъ быстро, отыскивая слѣдующую часть. Новый осмотръ и новая неудача вывели меня опять на улицу, опять заставили идти въ третью часть, ближайшую отъ гостиницы. Здѣсь я снова осмотрѣлъ больныхъ и уже хотѣлъ выйти, когда меня остановилъ кто-то.

— Да какъ эта дама была одѣта?

Я разсказалъ.

— Гмъ,—промычалъ спросившій меня писецъ.—Высокая она ростомъ?

— Да.

— Тэкъ-съ! А волосы какіе?

— Черные.

Онъ подумалъ.

— Вчера одну такую привезли, лошадьми зашибли ее, свезли въ больницу.

— Куда?

Онъ назвалъ больницу.

Я сунулъ ему въ руку рубль и опрометью бросился вонъ. Я летѣлъ въ больницу. Я кинулся къ дежурному доктору съ разспросами.

— Что это вы ночью людей безпокоите? — хмуро замѣтилъ онъ съ просонья.

— Мнѣ надо ее видѣть!

— Ну, и увидите завтра...

— Теперь, теперь...

— Такъ васъ и пустятъ ночью!..

Digitized by Google

— Поймите вы, что это моя жена.

— Мало ли у кого жены здѣсь лежатъ, нельзя же всѣхъ ночью пускать...

— Но ее лошади разбили.

— Мало ли кого разбиваютъ!

— Она можетъ умереть.

— Не умретъ-съ до утра. Вы, я думаю, тоже желаете отдохнуть ночью и потому должны понять, что докторъ тоже желаетъ спать, потому я васъ попрошу оставить меня въ покоѣ.

— Кто у васъ главный докторъ?

— Извольте выйти вонъ. Главный докторъ ничего не сдѣлаетъ.

У насъ завязался крупный разговоръ, кончившійся тѣмъ, что я долженъ былъ покориться участи и ждать до утра. Всю ночь проходилъ я въ своемъ кабинетѣ. Рано утромъ ко мнѣ постучалась Натали.

— Что?—спросила она.

На ней лица не было.

— Она въ больницѣ, разбита лошадьми...

— Что же ты не тамъ? Чего же ты медлишь? Надо ѣхать, привезти ее,—заговорила она быстро.—Боже мой, какое несчастье! Торопись же!

Я пожалъ ей руку.

— Если будетъ можно...—началъ я.

— Ее надо будетъ привезти сюда. За ней нуженъ нѣжный уходъ. Располагай мной и теткой,—говорила Натали.

Я вышелъ изъ дому и пошелъ въ больницу. Моя жена лежала безъ памяти. Она еще болѣе осунулась. Я спросилъ, гдѣ живетъ главный докторъ. Мнѣ указали на его квартиру. Я попросилъ его, нельзя ли у нихъ найти свободный покой для больной. Онъ посмотрѣлъ на меня вопросительно.

— Вы ей родня?

— Я ея мужъ.

— Какъ же можно отпускать безъ провожатыхъ такую слабую женщину? У нея чахотка, она, должно-быть, едва ходила, а вы ее безъ прислуги отпустили!

Я закусилъ губы.

— Она ушла безъ меня, — пробормоталъ я. — Люди не досмотрѣли... Но, ради Бога, комнату дайте отдѣльную, даже двѣ, если возможно...

— Хорошо, вы знаете, что это будетъ стоить?

Digitized by Google

— Докторъ, я не стану торговаться... Я попрошу васъ лѣчить ее, какъ бы вы лѣчили ее въ моемъ домѣ...

— Кто ее лѣчилъ до сихъ поръ?

— Она третьяго дня пріѣхала изъ-за границы.

— Уходили же тамъ ее!

Мы отправились осмотрѣть комнату, начались хлопоты о перенесеніи моей жены въ отдѣльное помѣщеніе. Я суетился, съѣздилъ въ гостиницу, снова въ больницу, наконецъ, домой.

— Папа, что съ этой дамой?—спросилъ меня Володя.

Я взглянулъ на Натали вопросительно.

— Я ему сказала, что дама, бывшая у насъ, захворала,—промолвила Натали.

— Ты свези меня къ ней; Натали сказала, что она намъ родственница,—проговорилъ Володя.

— Да, Володя, свезу!

На слѣдующій день я поѣхалъ къ женѣ. Съ этого дня я, Натали, Марья Васильевна, Володя почти не покидали нашу больную. Она лежала въ безпамятствѣ. Докторъ не ручался ни за что.

Была одна минута, когда Зинаида какъ будто пришла въ память и прошептала:

— Сынъ мой!

Володя поцѣловалъ ее. Она какъ будто почувствовала эту ласку и улыбнулась. Я не говорилъ Володѣ, что это его мать. Я не могъ объяснить ребенку, что развело меня съ его матерью, но я просилъ мальчика быть ласковымъ съ больною, если она очнется... Но ей не суждено было очнуться и обнять своего сына...

— Умерла!—промолвилъ я, входя въ свою квартиру черезъ нѣсколько дней.

Умерла! Черезъ трупъ человѣка приходилось идти къ полному счастью! Приходилось идти совершенно неожиданно, не вслѣдствіе разумнаго умѣнья устроить свои дѣла и дѣла своихъ ближнихъ, а вслѣдствіе безсмысленной случайности. Меня давила и принижала та мысль, что мы совершенно безсильны въ борьбѣ съ подобными случайностями... Ночью я перечитывалъ дневникъ и письма этой женщины. Какъ она была несчастна! Она ненавидѣла меня за то, что я жилъ лучшею жизнью, чѣмъ она; за то, что я смотрѣлъ на ея поступки съ снисхожденіемъ, какъ на проступки испорченнаго и больного существа; за то, что я готовъ былъ простить ея ошибки, когда она сознавала свою вину, но

Digitized by Google

не просила прощенья. Она проклинала Леева за то, что онъ понравился ей и отказался раздѣлить предложенную ему любовь; за то, что онъ зналъ о ея любви и ея неудачѣ. Она презирала Самарина за то, что онъ обманулъ и бросилъ ее. Она клялась, что она не возвратится къ тому кружку, гдѣ прежде она играла роль царицы и гдѣ теперь могутъ указывать на нее, какъ на падшую женщину. Она бросилась въ объятія Самарина безъ любви, только для того, чтобы забыть все прошлое, опьянѣть въ вихрѣ жизни, и разорилась окончательно. Какія страшныя минуты нужды пережила она, прежде чѣмъ рѣшилась придти ко мнѣ. Какое горькое раскаяніе, какая гнетущая тоска, какія тяжелыя воспоминанія о брошенномъ сынѣ разрывали ея сердце въ эти минуты, когда она рѣшилась просить у меня угла! Въ безпомощной скорби я плакалъ надъ этимъ дневникомъ загубленной всѣми родными и близкими, а въ томъ числѣ и мною, несчастной женщины. Когда я вышелъ изъ своего кабинета по утру, меня было трудно узнать. Казалось, я пережилъ въ эту ночь десятки тяжелыхъ, тяжелыхъ лѣтъ. Такіе удары переносятся не легко и не забываются никогда...

На время я оставилъ всѣхъ своихъ близкихъ въ Петербургѣ и уѣхалъ въ деревню; мнѣ хотѣлось пробыть первое время послѣ смерти жены одному. Въ виду этой свѣжей могилы, мнѣ было какъ будто совѣстно быть счастливымъ.

Здѣсь кончаются отрывки изъ исторіи моей жизни и жизни окружающихъ меня людей, далѣе начиналась жизнь иныхъ людей, иной эпохи. Если бы я вздумалъ описывать послѣдующія событія, то моя личность явилась бы въ этомъ описаніи на второмъ планѣ. Крестьянская реформа и воспитаніе моего сына поглощали всѣ мои силы, и я превратился изъ человѣка, безплодно ищущаго исхода и въ сущности ничего не дѣлающаго, въ простого, дюжиннаго работника, приносящаго и свою долю пользы среди общей дѣятельности и общаго оживленія. Кто дожилъ, подобно мнѣ, послѣ тяжелыхъ, мучительныхъ лѣтъ бездѣйствія до той оживленной и кипучей поры, которая настала тогда для русскаго общества, тотъ знаетъ, какъ радостно, съ какими надеждами мы смотрѣли впередъ. Мы видѣли не недостатокъ въ дѣлѣ, но недостатокъ въ рукахъ, намъ хотѣлось, чтобы въ суткахъ было не двадцать четыре, а сорокъ восемь часовъ, чтобы у насъ были силы не на одно дѣло, а

Digitized by Google

на сотни дѣлъ. Я былъ вполнѣ счастливъ и спокойно смотрѣлъ въ будущее. Я зналъ, что впереди могутъ быть и несчастія, и невзгоды, и неудачи, но также зналъ я и то, что мнѣ не придется идти «въ разбродъ» съ близкими мнѣ людьми, что мы теперь пойдемъ «вмѣстѣ». Я чувствовалъ, что мнѣ не удастся совершить ничего великаго, выходящаго изъ ряду вонъ, но я не гнался никогда, а тѣмъ болѣе теперь, за великими подвигами. Я заботился болѣе всего о томъ, чтобы честно и добросовѣстно исполнить и то небольшое дѣло, которое мнѣ подъ силу. Сознаніе, что прежде намъ нужны честные работники, что именно такихъ-то работниковъ не было у насъ,—утвердилось во мнѣ вполнѣ. Да, честные, добросовѣстные работники нужнѣе всего, и дай Богъ, чтобы ты, мой Володя, былъ такимъ работникомъ. Наше измученное поколѣніе не умѣло работать. Наши стремленія были или слишкомъ неясны, или слишкомъ широки, а поле для дѣятельности было слишкомъ узко, а по временамъ его не было и совсѣмъ. Не стыдись, если у тебя не будетъ силъ для широкой дѣятельности и для геніальныхъ трудовъ, не гонись за ними, не имѣя на это силъ, и лучше будь второстепеннымъ, третьестепеннымъ хорошимъ труженникомъ, чѣмъ тою лягушкою, которая хотѣла надуться до толщины вола. Ты знаешь ея судьбу. Правда, найдутся люди, которые станутъ глумиться надъ тобою, станутъ съ пренебреженіемъ относиться къ тебѣ, видя въ тебѣ не генія, но только мелкаго работника и воображая, что они сами геніи. Но ты не смущайся насмѣшками такихъ людей и знай, что они сами не что иное, какъ вороны въ павлиньихъ перьяхъ: хвастаютъ своимъ превосходствомъ только мѣщане въ дворянствѣ, выставляютъ на видъ свои заслуги только выскочки и пройдохи, заставляютъ себя уважать только тѣ, кого по доброй волѣ безъ принужденія не уважаетъ никто. Да, не краснѣй, если эти люди станутъ бросать въ тебя грязью за то, что ты не геній, что не ты выдумалъ порохъ. Геніальностью нельзя гордиться, нельзя и краснѣть, если ея нѣтъ въ насъ. Краснѣть нужно только тогда, когда мы не приносимъ той пользы обществу, для которой у насъ есть силы, — велики или малы наши силы,—за это насъ могутъ упрекать только глупцы и невѣжды. Я говорю: глупцы и невѣжды, а не злые люди, потому что только глупость и невѣжество лишаютъ человѣка возможности понять, что порохъ въ теченіе тысячи лѣтъ удалось изобрѣсти только одному чело-

Digitized by Google

вѣку изъ всѣхъ милліоновъ жившихъ на землѣ людей, и что никто изъ насъ не заслуживаетъ упрека за то, что не онъ былъ этимъ изобрѣтателемъ. Упрекать можно только того, кто не умѣетъ воспользоваться изобрѣтеніемъ геніевъ, кто тратитъ свой порохъ на потѣшные огни, на фейерверки передъ строемъ наступающихъ враговъ и въ минуту битвы, истративъ всѣ свои заряды на праздную потѣху, лишается возможности не только побѣдить враговъ, не только постоять за друзей, но даже не можетъ спасти себя и видитъ для себя одно спасеніе въ бѣгствѣ съ поля битвы. Но ты молодъ, ты горячъ, ты самолюбивъ, и я считаю необходимымъ предостеречь тебя еще противъ одной важной ошибки. Не считай врагами тѣхъ людей, которые будутъ бросать въ тебя грязью за то, что ты только второстепенный работникъ, что ты не великій архитекторъ, а простой каменщикъ. Эти люди не враги тебѣ; они просто люди, не имѣющіе дѣла или не умѣющіе дѣлать дѣло. Они отъ глупости, отъ невѣжества и отъ праздности, всегда тѣсно связанной съ невѣжествомъ и глупостью, бросаютъ грязью во всѣхъ прохожихъ, какъ бѣдныя дѣти, брошенныя родителями на произволъ судьбы, на уличную гибель. Отбиваться отъ нихъ придется только грязью, то-есть марая свои руки; но это было бы еще не важно, если бы тебѣ пришлось, пачкая свои руки, отстоять свое дѣло. Тутъ же борьба можетъ быть не за отстаиваніе своего дѣла, а только за отстаиваніе своей личности. Именно это-то и должно удержать тебя отъ борьбы съ ними. Человѣкъ долженъ отстаивать только свое дѣло, но не свою личность: если онъ отстоитъ свое дѣло, его личность очистится отъ всѣхъ упрековъ сама собою. Знай, мой сынъ, что врагами можно считать только тѣхъ людей, которые нападаютъ на твое дѣло. Они не станутъ представлять тебя какимъ-нибудь пигмеемъ, напротивъ того, истинные враги скорѣе преувеличатъ твои силы, чтобы имѣть больше права гордиться своею побѣдою при разрушеніи твоего дѣла. Ты скоро узнаешь изъ исторіи, что я говорю правду, ты увидишь, что всѣ бойцы, начиная съ Наполеона, всегда преувеличивали численность, способности и силы своихъ враговъ, чтобы показать, какъ трудно было имъ бороться съ этими врагами. Итакъ, помни всегда, что врагами нужно считать не тѣхъ, кто нападаетъ на твою личность, кто хочетъ унизить тебя лично, но только тѣхъ, кто будетъ разрушать твое дѣло. Если ты пойдешь на борьбу съ первыми, ты, можетъ-быть, успѣешь оправдать

Digitized by Google

себя, успѣешь смыть съ себя незаслуженные упреки, успѣешь показать, какъ чистъ и честенъ ты самъ, но на эту борьбу потратится много времени, она подниметъ твою желчь, она утомитъ тебя, а между тѣмъ, что будетъ выиграно? Увеличится ли счастье твоихъ ближнихъ, когда ты имъ докажешь, что ты честенъ, что ты свято исполнялъ свой долгъ? Вѣдь честность не увеличится, если на нее возьмется дипломъ; святое исполненіе долга не нуждается въ одобрительныхъ свидѣтельствахъ. И пойдетъ ли успѣшнѣе твое дѣло, если ты потратишь свои силы на отстаиваніе своей личности, будетъ ли доказана его полезность, если будетъ доказана твоя честность? Нѣтъ, другъ мой, такая борьба за свою личность не ведетъ ни къ чему. Разумный эгоизмъ заставляетъ насъ бороться за свое дѣло, и если мы отстоимъ его, то, волею или неволею, намъ покорятся враги, а вслѣдъ за ними смолкнутъ и тѣ праздные люди, которые во время битвы изъ-за угла бросаютъ грязью и въ тебя, и въ твоихъ враговъ, и которые всегда становятся на сторону побѣдителей въ минуту побѣды...

Я дописывалъ эти строки въ своемъ деревенскомъ затишьѣ, когда ко мнѣ вошли дѣдъ, князь Мышкинъ и Андрей Дмитріевичъ.

— Ну? Что ты усѣлся-то здѣсь, чай, надо гостей поджидать,—промолвилъ дѣдъ, хлопая меня по плечу.

Я оставилъ перо.

— Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, наши скоро пріѣдутъ,— сказалъ я, пожимая руки моихъ друзей. — Пойдемте на террасу.

Мы усѣлись на террасѣ, день былъ великолѣпный, нашъ садъ былъ весь залитъ солнечнымъ блескомъ. Мы всѣ молча сидѣли подъ тѣнью спущенной маркизы и пристально смотрѣли на дорогу. Насъ волновали различныя чувства. Я нетерпѣливо хотѣлъ увидать Наташу, Володю, Гришу и Марью Васильевну. Дѣдъ и князь Мышкинъ болѣе всего желали поскорѣе взглянуть на моего сына. Хомутовъ увѣрялъ меня, что онъ болѣе всего поджидаетъ Марью Васильевну, чтобы посвятить ее во всѣ тайны деревенскаго хозяйства. Наконецъ, мое сердце забилось тревожнѣе, — вдали на большой дорогѣ поднялась пыль и за нею виднѣлись несущіеся по направленію къ намъ два экипажа. Я всталъ и началъ ходить въ волненіи по террасѣ. Дѣдъ тоже поднялся съ мѣста, за нимъ вскочилъ и князь.

— Ну, пойдемъ,—промолвилъ онъ въ волненіи.

Digitized by Google

— Эге, прадѣдъ и дѣдъ хотятъ идти навстрѣчу къ молодому поколѣнію,—засмѣялся Хомутовъ.

Мы пошли. Мы еще не успѣли пройти пяти шаговъ отъ нашего сада, какъ съ нами поровнялся первый экипажъ.

— Стой, стой! — раздались въ воздухѣ наши крики и крики пріѣзжихъ.

Черезъ минуту Володя уже былъ на рукахъ моего дѣда, князь держалъ и цѣловалъ руки своего внука. Я обнималъ Наташу и Гришу. Хомутовъ предложилъ Марьѣ Васильевнѣ, свою руку и шутливо промолвилъ ей, указывая на меня, на дѣда и на князя:

— Эта молодежь даже и приличій не знаетъ, не отрекомендовала насъ другъ другу, но вы, вѣроятно, слышали обо мнѣ.

Марья Васильевна сказала, что я много говорилъ ей хорошаго о Хомутовѣ. Мы еще стояли на большой дорогѣ, позабывъ, что намъ нужно войти въ домъ и разгрузить поклажу, когда кто-то подошелъ ко мнѣ сзади и промолвилъ:

— Володя, теперь обними и меня.

Я обернулся и бросился на шею къ этому незамѣченному никѣмъ человѣку. Это былъ высокій, значительно исхудавшій, но все еще прекрасный молодой человѣкъ, въ военной формѣ съ подвязанною рукою.

— Миша, дорогой мой,—шепталъ я, покрывая поцѣлуями его милое, доброе лицо, напоминавшее мнѣ мою мать, мое горькое прошлое, дорогое мнѣ теперь, какъ бываетъ дорого все пережитое, все напоминающее о нашей побѣдѣ, о нашемъ спасеніи.

Миша еще не освободился отъ моихъ объятій, когда къ нему подошелъ дѣдъ. Онъ просто и радушно обнялъ внука и пристально всматривался въ его лицо; казалось и въ его душѣ пробудились воспоминанія о дочери, о минувшихъ горькихъ дняхъ. Мы пошли къ дому. Князь шелъ съ Володей, дѣдъ опирался на руку Миши, Марья Васильевна шла съ Хомутовымъ, я велъ съ собою Наташу и Гришу. Черезъ часъ мы всѣ сидѣли на террасѣ за большимъ чайнымъ столомъ и весело болтали. У всѣхъ было такое множество новыхъ впечатлѣній, новыхъ событій, новыхъ плановъ, что, казалось, долго, долго будемъ мы послѣ дневныхъ занятій отдыхать въ оживленныхъ бесѣдахъ по вечерамъ. Я чувствовалъ, что тутъ открывается великая, полная смысла, жизненная школа для Володи, среди моихъ воспоминаній о тяжеломъ прошломъ, среди разсказовъ Миши о войнѣ и о

Digitized by Google

злоупотребленіяхъ, открытыхъ этою войной, среди воспоминаній дѣда о великой эпохѣ и о великихъ людяхъ, видѣнныхъ имъ, среди толковъ и работъ, вызванныхъ совершившейся крестьянской реформой, среди учебныхъ занятій подъ руководствомъ Наташи и Гриши, наконецъ, среди животворной природы и здороваго народа. Я понималъ, что здѣсь не было лишнихъ людей, что остроумный весельчакъ Хомутовъ и добродушная хозяйка Марья Васильевна, розовенькій старичокъ князь, готовый играть съ внукомъ въ лошадки, и серьезный, величавый старикъ, прадѣдъ, изумляющій своею нравственною и физическою силой, однимъ словомъ, всѣ мы были необходимы для полноты нашего счастья и для полноты развитія Володи. Я спокойно смотрѣлъ на будущее и невольно вспомнилъ слова дяди, сказанныя имъ мнѣ, когда мы отдѣлились съ нимъ отъ семьи:

— Теперь, Володя, поплывемъ дальше!

Я сказалъ объ этомъ дѣду.

— Да, только теперь поплывемъ не въ разбродъ, а всѣ вмѣстѣ,—отвѣтилъ онъ.

Digitized by Google

Оглавленіе

IV ТОМА.

стр.

Засоренныя дороги 3

Въ разбродъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ.

Часть первая.

I. Радости и огорченія капитана Хлопко 143
II. Капитанъ Хлопко стоитъ у руля своего семейнаго корабля 160
III. Капитанъ Хлопко лишается своего экипажа и переходитъ на другой корабль въ качествѣ простого пассажира . 182
IV. Капитанъ Хлопко и я—пассажиры на чужомъ кораблѣ . 199
V. Наказаніе преступниковъ. , ... 225
VI. Капитанъ Хлопко высаживается на берегъ, я слѣдую за нимъ 243
VII. Въ мирномъ жилищѣ стараго холостяка 256
VIII. Старое время и старые люди 272
IX. Сплошной рядъ неожиданныхъ и разнообразныхъ событій. 298
X. Продолженіе предыдущей главы 312
XI. Планы дяди разрушаются снова на основаніи законовъ . 322
XII. Работа мысли и переломъ въ моемъ характерѣ 333
XIII. Старчество и юность 352

Часть вторая.

I. Капитанъ Хлопко принимаетъ на своемъ опустѣвшемъ кораблѣ завербованныхъ мною рекрутъ 365
II. Дружескій кружокъ. 383
III. Макаровъ 396
IV. Юношескіе планы 412
V. Примѣрныя отношенія пасынка и отчима. 428
VI. Новая знакомая 437
VII. Общественныя событія и частныя интересы. 451
VIII. Въ захолустьѣ. 466
IX. Домъ князей Мышкиныхъ 476
X. Мой дѣдъ 488
XI. Послѣдствія грозы 500
XII. Непоправимая ошибка 514
XIII. Трудъ и праздность. 526
XIV. Одиночество 537
XV. Послѣднія тревоги 548

Digitized by Google

Книга 10

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ IV.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., улица Гоголя, 22.

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ

„ВИШНЕВЫЙ САДЪ"

Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Цѣна съ пересылкою 40 коп.

НОВАЯ КАРТА

ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ

МАНЬЧЖУРІЯ и КОРЕЯ

ВЪ МАСШТАБѢ 50 ВЕРСТЪ ВЪ ДЮЙМѢ.

Съ **алфавитнымъ указателемъ** и съ дополнительными картами 1) **КВАНТУНСКОЙ ОБЛАСТИ**, 2) **ПОРТЪ-АРТУРА** и 3) **ВЛАДИВОСТОКА.**

Въ виду обилія географическихъ названій, находящихся на картѣ, для облегченія ихъ отысканія, мы снабдили карту спеціальнымъ **алфавитнымъ указателемъ**, по которому можно будетъ, благодаря обозначенію въ немъ при каждомъ названіи буквой и цифрой соотвѣтствующаго квадрата карты, легко и быстро отыскать требуемое названіе.

Карта отпечатана въ 7 **красокъ** и заключена въ обложку въ сложенномъ видѣ.

Цѣна карты съ алфавити. указателемъ 80 к., съ пересылкою 95 к.

Роскошно-иллюстрир. изданіе

„КАШТАНКА"

Разсказъ А. П. Чехова, съ 55-ю рис. Д. И. Кардовскаго.

Книга отпечатана крупнымъ шрифтомъ, въ большую 4-ю д. листа на великолѣпной бумагѣ. Цѣна 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.; въ переплетѣ, тиснен. золотомъ и красками,— 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Большое роскошное изданіе in quarto

„Ѳ. П. ГААЗЪ"

Біографическій очеркъ А. Ѳ. Кони. Съ портретомъ, 4 факсимиле Ѳ. П. Гааза, видомъ его могилы и 72 рисунками Е. Л. Сапожниковой-Судковской. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.; въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ тиснен. красками и серебромъ, — 4 р., съ перес.—4 р. 50 к.

„НОВЫЙ СКИТЪ"

Пьеса П. П. Гнѣдича въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Безусловно дозволена къ представленію. („Правительств. Вѣстникъ", 25-го ноября 1903 г., № 259). Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

„БЕЗУМНАЯ"

Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ А. Лугового. Къ представленію дозволена безусловно. („Правительственный Вѣстникъ" № 259, 25-го ноября 1903 г.). Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Анри Купенъ.

ПРИЧУДЛИВЫЯ ЖИВОТНЫЯ.

Съ 211 рисунками въ текстѣ.

Переводъ съ французскаго женщины-врача Е. Д. Вургафтъ.

Роскошно изданная книга in 8o, 447 стр., отпечатанная на хорошей бумагѣ. СПБ. 1904 г.

ЦѢНА 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 к.; въ коленкор. переплетѣ 3 руб. 50 коп., съ перес. 4 руб.

РУКОВОДСТВО КЪ ХОЗЯЙСТВУ И ДОМОВОДСТВУ

ВЪ ВОПРОСАХЪ И ОТВѢТАХЪ.

ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Составила **Марія Ределинъ.**

Хорошо изданная книга 350 страницъ въ 8-ю долю листа.

ЦѢНА книги 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.; въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ 2 руб., съ перес. 2 р. 40 к.

Digitized by Google

Книга 11.

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ IV.

Изданіе
А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., ул. Гоголя, № 22.

ЖЕНЩИНА-ДОМАШНІЙ ВРАЧЪ.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ.

Составила докторъ медицины **АННА ФИШЕРЪ-ДЮКЕЛЬМАНЪ.**

Значительно дополненный переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей доктора медицины **І. А. Литинскаго.**

1085 стран. in 8°, съ **463** рисунками въ текстѣ, **96** рисунками на отдѣльныхъ таблицахъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ, и съ портретомъ автора.

Женщинѣ сама судьба предназначила находиться постоянно на стражѣ здоровья семьи и часто являться въ силу вещей домашнимъ врачомъ.

До сихъ поръ русской женщинѣ было это очень трудно сдѣлать за отсутствіемъ такой всеобъемлющей книги, которая была бы и учебникомъ, и лѣчебникомъ. Настоящее изданіе блестяще восполняетъ этотъ пробѣлъ. Это настольная книга для каждой женщины, это—спутникъ каждой семьи.

Книга представляетъ собою очень солидный томъ въ 67 печатныхъ листовъ или болѣе 1000 страницъ большого формата, заключаетъ въ себѣ три части, изъ которыхъ каждая по своимъ размѣрамъ представляетъ цѣлую книгу.

Первая часть даетъ подробныя свѣдѣнія объ уходѣ за здоровьемъ. Въ ней указывается *строеніе* и *жизнь человѣческаго организма*, дается полный обзоръ *нашего питанія*, указывается значеніе *солнечнаго свѣта и тепла*, разсматриваются наша *одежда, постель* и *жилище*. Спеціальная глава въ ней посвящена *покою и движенію: сну, физическому труду, гимнастикѣ, массажу, спорту*. Богато иллюстрирована и детально разработана глава объ *уходѣ за красотой*. Серьезно-научно разсмотрѣна и выяснена *половая жизнь* человѣка.

Вторая, энциклопедическая, часть книги имѣетъ цѣлью ознакомить читательницъ съ особенностями главнѣйшихъ болѣзней и съ мѣрами наиболѣе дѣйствительной борьбы съ ними. Огромная масса свѣдѣній въ этой части расположена въ алфавитномъ порядкѣ болѣзней и, такимъ образомъ, представляетъ неоцѣнимый въ каждой семьѣ справочникъ-лѣчебникъ, особенно важный для жителей такихъ мѣстъ, гдѣ нельзя немедленно получить врачебную помощь.

Третья часть, озаглавленная: „Мать и дитя", заключаетъ въ себѣ все, что должна знать женщина о главнѣйшемъ періодѣ своей жизни — беременности, рожденіи ребенка и уходѣ за новорожденнымъ. Авторъ не только даетъ полный сводъ гигіеническихъ указаній, но и сообщаетъ цѣлый рядъ цѣнныхъ данныхъ, какъ намъ достичь того, чтобы дѣти рождались здоровыми и красивыми, *даетъ указанія молодымъ дѣвушкамъ и новобрачнымъ относительно замужества и связанныхъ съ нимъ послѣдствій, о нервности современныхъ дѣтей, о дѣтской одеждѣ, дѣтскихъ играхъ* и т. д.

Великолѣпныя иллюстраціи въ краскахъ на отдѣльныхъ таблицахъ и въ текстѣ еще болѣе уясняютъ живо, ярко написанный текстъ книги, понятной и доступной по изложенію каждой русской женщинѣ.

Редакторъ нашего изданія нашелъ необходимымъ сдѣлать массу измѣненій и дополненій, важныхъ для русской женщины, чтобы поставить книгу въ уровень съ требованіями русскаго быта и русской жизни.

Къ книгѣ добавлены статьи о русскихъ курортахъ, климатическихъ станціяхъ, купальняхъ, водахъ и санаторіяхъ, присоединены свѣдѣнія по фальсификаціи главнѣйшихъ пищевыхъ продуктовъ, по бактеріологіи, по заразнымъ дѣтскимъ болѣзнямъ, внесены въ книгу данныя о кумысѣ, русской банѣ, русской одеждѣ, о хлѣбѣ, квасѣ, чаѣ и т. д.

Много добавлено въ нашемъ изданіи и рисунковъ, поясняющихъ текстъ, изъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ изданій.

Однимъ словомъ, издателемъ и редакторомъ сдѣлано все, чтобы она удовлетворяла своему назначенію — служить въ важныхъ жизненныхъ вопросахъ здоровья и болѣзни семьи внимательнымъ, участливымъ и разумнымъ совѣтникомъ русской женщины.

Огромная прекрасно изданная книга, отпечатанная на превосходной бумагѣ, красивымъ крупнымъ шрифтомъ.

Цѣна **5 р.**, съ перес. **5 р. 50 к.**; въ перепл. **5 р. 75 к.**, съ перес. **6 р. 25 к.**

Digitized by Google

...еніе о крышкахъ для переплета журнала „Нива" ...
его приложеній см. на слѣдующ. стран. обложки.

Книга 12.

Сборникъ „Нивы“ за 1904 г.

Шеллеръ-Михайловъ

Полное собраніе сочиненій

Томъ IV.

Изданіе А. Ф. Маркса
С.-Петербургъ

Digitized by Google

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., ул. Гоголя, № 22.

Вышли изъ печати и имѣются въ продажѣ первые шесть томовъ

НОВАГО ТРЕТЬЯГО ИЗДАНІЯ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

И. Н. ПОТАПЕНКО,

ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ
„СЧАСТЬЕ ПОНЕВОЛѢ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Счастье поневолѣ. Романъ.—Повѣсти разсказы: Пѣшкомъ за славой.—До и послѣ.—Остр умно.—Небывалое дѣло. — 543 страницы.

ТОМЪ ВТОРОЙ
„НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ СЛУЖБѢ“.

СОДЕРЖАНІЕ: На дѣйствительной службѣ. Повѣсть.- Повѣсти и разсказы изъ духовнаго быта: Деревенскій з манъ.—Шестеро.—Исполнительный органъ.—Октава.- Жены. — Блудный сынъ. — Крылатое слово. — Из словъ.—Надежда и упованіе. — Искушеніе. — Овца.- 550 страницъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ
„ЖИВАЯ ЖИЗНЬ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Живая жизнь. Романъ. — Разсказы Рѣчные люди. — Примиреніе. — На вдовицѣ. — Псих логъ.—Европеецъ.—Поздняя вечеря.—Дорогая куты- Свадьба.—493 страницы.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ
„ЗДРАВЫЯ ПОНЯТІЯ“.

СОДЕРЖАНІЕ: Здравыя понятія. Записки благорас наго человѣка.—Разсказы: Святое искусство.—Сек тарь его превосходительства.— Проклятая слава.—О чество въ опасности.—Общій взглядъ.— Ахметка сак товскій.—Ицекъ Шмуль, брилліантщикъ.—Семейка.—Домашній судъ.—Ради хозяйства.—Тя жизнь.—Письмо.—Онъ и она.—560 страницъ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ
„ПОБѢДА“.

СОДЕРЖАНІЕ: Побѣда. Повѣсть.— Генеральская дм Повѣсть. — Не герой. Романъ въ двухъ частяхъ.- Задача. Разсказъ.— Смыслъ жизни. Очеркъ. — Кусо хлѣба. Очеркъ. — Семейная исторія. Повѣсть.— Влад Михайловна. Очеркъ.—674 страницы.

ТОМЪ ШЕСТОЙ
„ПЬЕСЫ“.

Второе дополнительное изданіе. Содержаніе: Жив Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Чужіе. Пьеса въ 4-хъ дѣ ствіяхъ.—Волшебная сказка. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.- Лишенный правъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. — Бра Комедія въ 1-мъ дѣйствіи. — На лонѣ природы. Шутка въ 1-мъ дѣйствіи.—Каменный гость Шуточное представленіе въ 4-хъ дѣйствіяхъ.—Высшая школа. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ.- Искупленіе. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Всѣ вышеозначенныя пьесы (кромѣ „Лишенный правъ“ безусловно дозволены цензурою къ представленію.—536 страницъ.

Изящно изданныя книги, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ.

ЦѢНА каждаго тома—**1** р. **50** к., съ перес. **1** р. **75** к.; въ красив. коленк. перепл.—**2** съ перес. **2** р. **30** к. Остальные томы находятся въ печати и о выходѣ ихъ будетъ своевр менно объявлено.

Роскошное иллюстрированное изданіе in quarto:

„НАТАНЪ МУДРЫЙ“.

ДРАМАТИЧЕСКОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ **Г. Э. ЛЕССИНГА.**

Съ 35-ю рисунками и 11 эстампами. Переводъ съ нѣм. ВИКТОРА КРЫЛОВА. Съ историко-лит турнымъ очеркомъ, примѣчаніями къ переводу и библіографич. указателемъ.

Это роскошное изданіе „Натана Мудраго“ отпечатано на превосходной велен. бум крупнымъ, красивымъ шрифтомъ и украшено 11-ю эстампами и 35-ю рисунками, исполненны спеціально для него или выбранными изъ наиболѣе выдающихся нѣмецкихъ изданій.

Большой томъ въ 4-ю долю листа, 404 стр. Учен. Ком. М. Н. П. допущено въ учен старш. возраста библіотеки средн. учебныхъ заведеній.

ЦѢНА — 6 р., съ перес. 6 р. 75 к.; въ изящномъ переплетѣ 7 р. 50 к., съ пер 8 р. 50 к., а съ эстампами, отпечатанными на китайской бумагѣ, — 15 р. съ пересылкою въ переплетѣ 16 р. 50 к., съ пересылкою 17 р. 50 к.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google